

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

V6
192
18-9

Library of

Princeton University.

ЗАПИСКИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Томъ VIII

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Подъ редакціей управляющаго Отдѣленіемъ

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА

Съ таблицами и рисунками въ текстѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)

1906

Изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Записки Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XI (ост. въ продажѣ нѣтъ).	3 р. — к.
Издвѣстія Имп. Русск. Арх. Общ. Тт. III, IV, VII, VIII—по 3 р.:	
IX и X по 15 р. (Тт. I, II и VI въ продажѣ нѣтъ).	42 » — »
Записки Имп. Русск. Арх. Общ. Новая серія. Т. I—2 р. 50 к.,	
т. II—3 р., т. III—4 р., т. IV—4 р., т. V—5 р., тт. VI, VII,	
VIII, IX, X, XI—по 4 р., т. XII—5 р.	47 » 50 »
Труды Восточнаго Отдѣленія. Т. IX—3 р., т. XIV—3 р.,	
т. XVII—2 р., тт. XX, XXI, XXII—по 3 р. (остальныхъ нѣтъ въ	
продажѣ).	17 » — »
Записки Восточнаго Отдѣленія. Тт. I—XV—по 4 р.	60 » — »
Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологін. Т. III—	
2 р. 50 к., т. IV—4 р., т. V—4 р., т. VI—4 р. (Тт. I и II	
въ продажѣ нѣтъ).	14 » 50 »
Записки Классическаго Отдѣленія. Т. I.—5 р., т. II, вып. I—	
1 р. 50 к.; т. III—4 р.	10 » 50 »
Древности Россійскаго Государства. Кіево-Софійскій соборъ.	
Вып. I—III—18 р. и IV—12 р.	30 » — »
Сказаніе о св. Борнѣ и Глѣбѣ. Facsimile съ Сильвестровскаго	
списка XVI вѣка, съ предисл. И. И. Срезневскаго.	6 » — »
Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губ.,	
архим. Макарія	3 » — »
Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, сост. прот. П. И.	
Соловьевымъ. Съ указателемъ П. И. Саввантова	1 » 50 »
Жизнь и труды П. С. Савельева. В. В. Григорьева.	2 » — »
Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ	
музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ. Д. И. Прозоровскаго. изд. 2-е	1 » — »
Исслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и даревичахъ. В. В.	
Вельяминова-Зернова. Т. I—3 р.; тт. II, III по 2 р. 50 к.; т. IV,	
вып. 1—1 р. 25 к.	9 » 25 »
Словарь джагатайскаго-турецкаго В. В. Вельяминова-Зернова	2 » — »
Записка для обозрѣнія русскихъ древностей	— » 20 »
О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ. Архим.	
Антипина.	1 » 50 »
Труды 2-го Археологическаго съѣзда, съ атласомъ	5 » — »

ЗАПИСКИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Томъ VIII
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Подъ редакціей управляющаго Отдѣленіемъ
С. Ѳ. ПЛАТОНОВА

Съ таблицами и рисунками въ текстѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Скороходова (Наеждинская, 43)
1906

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *Б. Фармаковскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
А. Спицынъ. Майданы	1
А. Спицынъ. Шаманскія изображенія	29
А. Спицынъ. Въ вопросу о Мономаховой Шапкѣ	146
А. С. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1905 г. И. С. Абрамовымъ въ Смоленской губ.	185
А. Спицынъ. Зауральскія древнія городища	212
А. Спицынъ. Сибирская коллекція Бунстемеры	227
А. Спицынъ. Изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа:	
I. Чимкентскій кладъ	249
II. Два золотыя гау	258
III. Вещи изъ Гашунъ-Уста	261
IV. Вещи изъ кургана Юнъ-Баба	263
V. Кладъ, найденный въ 1869 г. близъ г. Спасска	264
VI. Нейзацкій кладъ	266
VII. Отдѣльные предметы татарскаго времени	268
VIII. Двѣ серебряныя чаши.	270

(RECAP)

Майданы.

Одною загадкою въ русскихъ древностяхъ стало меньше: выяснилось съ полною очевидностью, что майданы есть не что иное, какъ курганы, подвергнутые раскопкѣ въ позднѣйшее время, въ точномъ смыслѣ «раскопанныя» или «робленыя могилы», какъ называетъ ихъ народъ. В. А. Городцовъ установилъ, что въ валахъ майданнаго кольца встрѣчаются прослойки, поднимающіяся вверхъ сообразно наружному профилю и круто обрывающіяся съ внутренней стороны, очевидно, вслѣдствіе выемки тамъ части насыпи; въ стѣнкахъ воронки имъ найдены погребенія, перерѣзанныя пополамъ земляными работами; выяснено, что боковые валы майдановъ насыпаны не одновременно съ кольцеобразными; въ нихъ найдены остатки разоренныхъ погребеній. Основываясь на томъ, что внутри майдановъ найдены черепки чугунный посуды и битое позднее стекло, г. Городцевъ выставилъ предположеніе, что майданы относятся ко времени не раньше XVI в. ¹⁾.

Наблюденія г. Городцова столь рѣшительны, что теперь изслѣдователей могутъ занимать лишь вопросы: когда, кому и для какой цѣли понадобилась передѣлка огромныхъ кургановъ подъ майданы?

Нельзя думать, что это были простыя грабительскія раскопки, такъ какъ боковые валы майдановъ имѣютъ правильную форму и слишкомъ удалены отъ основной насыпи. Ни укрѣпленіями, ни жилищами, ни загонами для скота майданы не могли служить уже потому, что внѣшніе валы, при всей ихъ правильности, лишены опредѣленнаго архитектурнаго типа; если они и образуютъ нерѣдко что-то подобное дворамъ, то въ крайне неустойчивомъ видѣ; весьма часто при майданахъ вовсе нѣтъ ничего подобнаго площадкѣ, огражденной валами. Прилагаемые чертежи вполне это доказываютъ. По той же причинѣ неустойчивости

---

¹⁾ Городцовъ В., Майданы. Древности т. XX в. 2, 29—39.
Зал. Отд. Русск. Арх. Общ. Имп. Р. А. О. Т. VIII. в..

расположеніи валовъ майданы не могли служить и ни для какихъ обрядовыхъ дѣйствій.

Остается искать объясненія майданамъ въ какихъ либо промышленныхъ предпріятіяхъ; именно здѣсь мы и получаемъ ключъ къ нимъ. Вотъ что находимъ въ текстахъ XVI и XVII в.

«А на селиторное варенье пригодится въ степи за Ворскломъ курганъ Вольной къ рѣкѣ ко Мжу, и инья курганья, отъ Курска въ 200 верстахъ, что въ прошлыхъ годахъ варилъ Степанъ селитрянникъ, да въ Курскѣ на посадѣ противъ казачьей слободы курганцы малые на государевой на десятинной землѣ» (Акты Московск. Госуд. II, 106, документъ 1639 г.).

По свидѣтельству Мазепы 1701 г., запорожцы притѣсняють селитренниковъ на р. Самарѣ всячески: берутъ по 100 золотыхъ съ котла, и напитки, и харчи берутъ съ селитренныхъ майдановъ безпрестанно. Называютъ рч. Самару, и растущіе на ней лѣса, и могилы, изъ которыхъ селитра дѣлается, своими. А если при Самарѣ селитры не дѣлать, то нигдѣ болѣе способныхъ мѣстъ нѣтъ (Соловьевъ т. IV, стр. 1259, съ ссылкой на Кабинетъ Петра Великаго).

Приказчики селитренного мастера Р. Гаврилова въ селитренныхъ варницахъ нашли два золотые прута и инья вещи (Оглобинъ, Сыскныя дѣла о кладахъ въ XVII в.—Чтенія въ Общ. Нест. Лѣт. VIII, 118. Документъ 1626 г.). Конечно, эти золотыя прутья—шейныя гривны изъ кургановъ, скорѣе всего, скифо-сарматскихъ.

Въ 1700 г. кн. Гагаринъ заявилъ въ Сибирскомъ приказѣ, что около Нерчинска имѣются черноземные курганы, удобные для выработки селитры, вслѣдствіе чего Приказъ распорядился разослать въ остроги и во всѣ уѣзды Нерчинскаго города «кого пригоже, селитры обыскивать и описать курганы, изъ которыхъ мочно варить селитру». Одинъ изъ приказчиковъ по памяти нерчинскаго воеводы долженъ былъ поѣхать кругомъ Яровинска и къ иноземцамъ отыскивать готовой, уже добытой селитры, «а буде гдѣ и въ какомъ мѣстѣ черноземные курганы, описать на росписъ имянно, сколь далеко отъ города, или отъ которые рѣки» (Памятники Сибирской исторіи XVIII в., кн. I, 116—118).

Изъ польскихъ источниковъ XVI и XVII в. явствуетъ, что на Украинѣ въ это время селитра добывалась изъ кургановъ, городищъ и валовъ (см. Яблоновскаго, Polska XVI w. въ Źródła dziejowe т. XXII, 349—350 и др.). Промыселъ этотъ здѣсь былъ очень развить и доходенъ, особенно по лѣвому берегу Днѣпра. На Орели въ

1622 г. «robią mogiłę Kosmychę na saletrę», для чего пользуются Козловскимъ лѣсомъ (Žr. dz. XXI, 466, 182, 625); въ 1613 г. «rozkorużą mogiłę Skorobor i robią w nej saletrzę» на Ворсклѣ. Подъ 1618 г. упоминается «wypalenie (выкуриваніе) mogily na salitrę (Žr. dz. XXI, 223).

Интересныя свѣдѣнія о пользованіи курганами для приготовления селитры помѣщены въ Воронежскихъ актахъ (т. I, п. XLI). Въ 1623 и 1624 г. на Воронежѣ по указу великаго государя варилъ селитру изъ кургановъ мастеръ Матусъ Лазовской, на что ему было дано 200 р. «А какъ онъ Матусъ опытъ сварилъ, и онъ сказалъ, что будетъ де изъ тѣхъ кургановъ 3 лѣта варенья, а селитры чаеть выварить пудъ съ 500». Въ слѣдующемъ году Пушкарскій приказъ навондиль справки, «сколько на той селитреной варницѣ хоромъ избъ и амбаровъ, и судовъ желѣзныхъ, котловъ и деревяныхъ всякихъ судовъ: тцановъ, и ушатовъ, и ковшовъ, и корытъ, и всякихъ судовъ осталось». Тутъ имѣемъ почти полное перечисленіе инвентаря къ селитренному варенью. Изъ одного документа 1579 г. узнаемъ, что на этотъ годъ въ ямчужный амбаръ для выварки селитры въ Новой Русѣ свезено было 2227 четей земли, дровъ 743 воза. Въ началѣ XVII в. данное количество четей составляло болѣе 11,000 пудовъ.

Очень цѣнны «Росписи селитренному варенью» 1699 г., напечатанная г. Оглоблинымъ (Русск. Стар. 1892, VI стр. 693). Это подробная инструкція къ «устройству селитренныхъ заводовъ и майдановъ» иркутскому и нерчинскому воеводамъ. «Изобрѣсть мѣсто, гдѣ-бъ старыя кладбища курганы были, и къ тому-жъ конской и коровой и всякій скотскій и иной старой навозъ, которой бы былъ лѣтъ сорока и пятьдесятъ и больше. Учинить кадъ, въ вышину 2 арш. съ четью, широтою вверху полъ-три арш., а дно чтобъ было уже, яко бы 2 арш. и меньше, а посреди того дна оконце какъ у пивного спусника. На днѣ въ той кади помостить перекладники, то есть деревянные полѣнцы, сколько будетъ потребно имѣти, и на нихъ наслатъ тростникомъ или камышомъ, чтобы матерія, кромѣ воды, сквозь то посланіе не проходила. Класть на то посланіе вышечявленную матерію, то есть престарѣлой гной и землю могильную, патуго, съ топтаніемъ ногъ, и до верху не докладывать чети или пяти вершковъ аршина. Лити на ту матерію воду, мѣрно, чтобъ матерія тою водою напаялась и чрезъ себѣ оную пропускала повольно, а не скоростію. А подъ оконце той кади высподи ставити мѣрники и ушаты, во что той воды сливатися. Котель мѣдной круглой чтобъ устроень былъ въ земляномъ горну глу-

*

боко, и сверхъ того котла въ устьѣ котельномъ въ срединѣ доски на подобіе кади... (слить) селитреную воду въ деревянные кади и дать ей устояцца, доколѣ селитра около стѣнъ и на днѣ въ тѣхъ сосудахъ сядетъ. Егда селитра вышерѣченнымъ твореніемъ сядетъ и потомъ съ той селитры сливая воду, паки возливати на матерію, и тогда лутшее къ прибыли подасть дѣйство» ¹⁾).

По словамъ Левшина, киргизы «селитру для пороха находятъ на древнихъ могилахъ» (Опис. кирг.-кайс. ордь III, 50).

Итакъ, никакихъ сомнѣній нѣтъ, что въ XVI и XVII в. для добычи селитры пользовались естественнымъ образованіемъ ея въ пластахъ чернозема, еще не прибѣгая къ искусственнымъ буртамъ изъ навоза. Поляки, казаки и русскіе стрѣляли порохомъ изъ селитры, добытой исключительно изъ разнообразныхъ памятниковъ древности, преимущественно же изъ кургановъ ²⁾).

Но, быть можетъ, курганы при добываніи изъ нихъ селитры уничтожались совершенно, а майданы есть явленіе совершенно иного порядка?

Весьма возможно, что со временемъ удастся найти конкретные примѣры обращенія того или другого кургана въ майданъ, но пока мы на нихъ не попали. По собраннымъ даннымъ можно было прослѣдить судьбу лишь одного кургана, обреченнаго на вывариваніе селитры, именно огромнѣйшей могилы Сороки, лежащей близъ Кальника Липовецкаго у. Имѣется определенное извѣстіе о добываніи изъ нея селитры отъ 1602 г. (*Źródła dziejowe* XXII, 349) и рисунокъ вида этой могилы въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка (рис. 2 и 3). На рисункѣ видѣется отрѣзокъ кургана, сноснаго цѣликомъ до основанія, и довольно беспорядочные ряды

---

¹⁾ Въ Арзамасѣ селитренныя варницы называются будными майданами; въ Темниковѣ селитренная земля носитъ названіе бурдовой. „Въ пынѣшемъ 155 г. въ Темниковѣ на государевой селитреной варницѣ бурдовой доброй земли не ставаесть... а есть которая въ Темниковѣ небольшая земля въ пустыряхъ и въ улицахъ, и та земля худа... и какъ почать будетъ варить одной тое цустаревою и изъ улицъ землю безъ добрыя земли, ино станеть выходить съ наварки пуда по три и по четыре, и большая статья что по пяти пудъ“. Въ варницахъ имѣлись казенные мѣдные котлы, желѣзныя снасти и деревянные суда; для нихъ покупались дрова и зола, нанмались работники, конные и пѣшіе, или же высылались тюремные свидѣльцы въ кандалахъ. Работы продолжались съ 1 марта по 15 ноября. Кромѣ мастеровъ, на варницахъ безотлучно находились цѣловальники, дячки и пушкарі. (Майковъ В. В. Памятники скорописи, № 27—31, 38—36, 49, 50, и соответственные подлинныя акты въ Императ. Публичной Библиотекѣ).

²⁾ Полтавскія городища съ многочисленными короткими валами на площадкѣ не представляютъ ли собою майданы? См. Лясковскаго въ Труд. XI Киевск. Археол. Съѣзда т. I, 424—427, 431, 438, 447, 455. Специалисты технологи отвергають возможность добыванія селитры изъ чернозема, но свидѣтельства историческихъ документовъ въ пользу такой возможности совершенно ясны и рѣшительны.

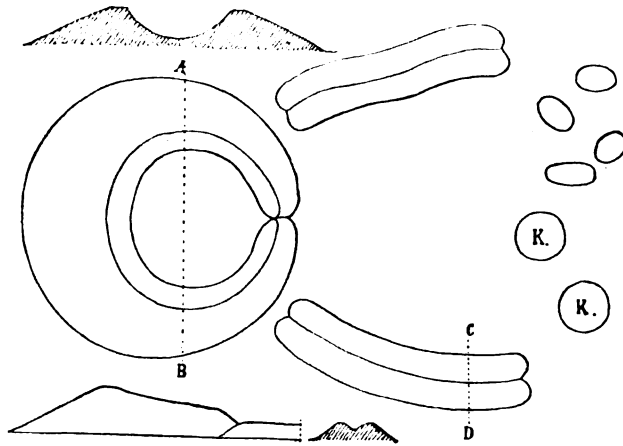

Рис. 1. Сл. Герасимовка Валуйского у.

Рис. 2. Курганъ Сорока.

Рис. 3.

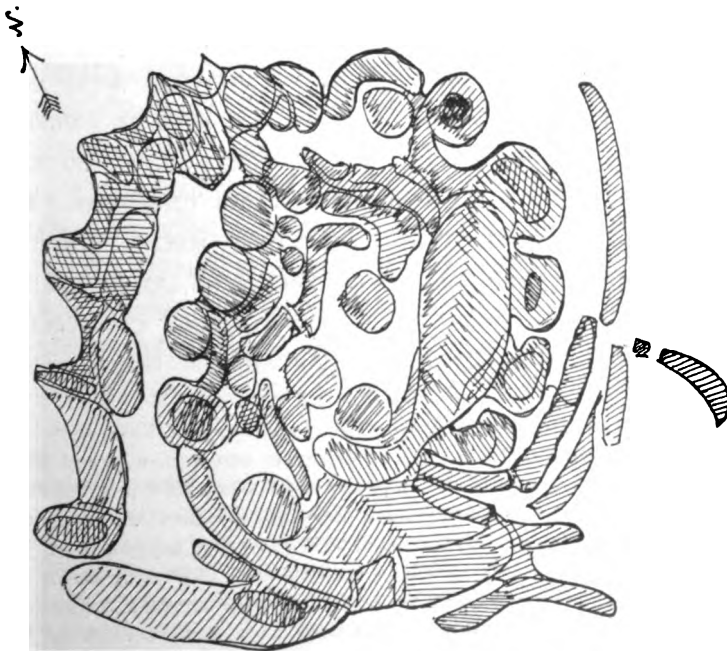

Рис. 4. Каменка Чигиринского у.

коротких валовъ, насыпанныхъ изъ вываренной земли. Майданнаго кольца нѣтъ, валы заграждаютъ доступъ къ могилѣ и тѣнятся въ случайномъ порядкѣ. Такова же, можетъ быть, большая могила въ Косарѣ Чигиринскаго у., упоминаемая Фундуклеемъ (стр. 83). Рисунокъ 4 представляетъ собою, повидимому, курганъ, раздѣленный подъ селитру безъ остатка. По польскимъ источникамъ, селитра добывалась у могилы Перепята; по свѣдѣніямъ проф. Антоновича, въ этой мѣстности имѣется группа кургановъ, надо думать, небольшихъ, называемая «Бурты» (Карта Кіевск. губ. стр. 43), а майдана здѣсь не отмѣчается ¹⁾). Весьма вѣроятно, что подобныхъ случаевъ беспорядочной выварки селитры изъ кургановъ будетъ отмѣчено не мало. Но именно при этой манерѣ беспорядочной работы «на селитряномъ майдагѣ» негдѣ повернуться. Гдѣ на майдагѣ нѣтъ опредѣленнаго мѣста для вывоза отработанной земли, для дровъ, для чановъ, для котла, для помѣщенія рабочихъ, тамъ движеніе работы должно неизбежно запутаться и затрудниться. Земляныя работы должны всегда идти въ строгомъ порядкѣ, иначе съ землей не справишься; археологамъ это извѣстно по горькому опыту. Допустите необходимость порядка въ вывозѣ земли изъ кургана для добыванія селитры и посмотрите, что вы получите. Предъ вами площадка у кургана. По срединѣ ея вы назпачаете мѣсто для котла, а кругомъ помѣщеніе для дровъ, хаты и очищающихъ чановъ. По бокамъ, непременно въ значительномъ разстояніи отъ котла, вы намѣчаете мѣста для изготовленія селитряной «луги», причемъ главною вашею заботою становится устроить удобный вывозъ отработанной земли. Такъ какъ несравненно легче передвинуть чанъ, хотя бы и громоздкій, чѣмъ отвезти отъ него въ сторону выброшенную землю, то вы опредѣляете на площадкѣ линію, по которой будете перекатывать на каткахъ чаны для вывала отбросовъ. Вдоль этой линіи вы насыпаете валъ свѣжей курганной земли, постепенно или сразу. Валъ этотъ не долженъ быть массивенъ, чтобы рабочій могъ перебросать его въ чанъ лопатой не передвигаясь съ мѣста и чтобы выкидъ изъ чана не былъ слишкомъ громоздкимъ. Привозится изъ кур-

---

¹⁾ Яблоновскій упоминаетъ о добычѣ селитры еще изъ кургана Скороборъ въ Глицницѣ (верховья Ворсклы), изъ кургана Козьмиха на Орелѣ (есть хут. Козьмино, по Сп. Нас. М. № 2145), изъ кургана Missokuna близъ Фастова и у могилы Ковраецъ на Нижнемъ Супоѣ (Золотоношскій у.). О Скороборѣ въ Труд. Полт. архивн. ком. вып. I, стр. 195, 205 сообщается, что онъ занимаетъ до 15 десятъ пространства и представляетъ множество хаотически расположенныхъ валовъ; кругомъ значительное количество майдановъ, числомъ до 20, а можетъ быть и болѣе. Тутъ же еще много кургановъ нетронутыхъ, отчасти распаханыхъ или снятыхъ. Г. Падалка близокъ къ излагаемой нами мысли о происхожденіи майдановъ.

гана земля, отлагается близъ чана, поступаетъ въ него, отдѣляется тамъ селитру, выбрасывается на другую сторону; пустой чанъ передвигается далѣе и, принимая повые и новые запасы земли, оставляетъ за собою сбоку валъ правильной формы. По мѣрѣ работы уменьшается курганъ, увеличивается количество валовъ. Закончивъ работу и переходя на другое мѣсто, вы на мѣстѣ кургана оставляете майданъ.

Въ какой мѣрѣ изложенная схема соотвѣтствуетъ дѣйствительности?

1) Здѣсь мы тотчасъ встрѣчаемся съ однимъ изъ важнѣйшихъ затрудненій для изложенной теоріи. Для чего селитренные мастера оставляли на мѣстѣ кургана кольцо земли, почему не сносили его цѣликомъ, боковыми срѣзами? Полагаемъ, что тутъ въ работахъ примѣненъ остроумнѣйшій расчетъ. Выемка земли изъ значительнаго кургана частями или стѣною сбоку представляетъ большія неудобства и даже не малую опасность: откалываемая земля падаетъ вѣеромъ на значительное разстояніе, образуя столь неудобные и невыгодные «хвосты», а появляющаяся послѣ отколовъ стѣнка можетъ отсѣдаться огромными кусками. Если же вы поведете раскопъ насыпи конической ямой, сбоку внутрь, то получаете на днѣ образовавшейся воронки яму, въ которую осыпаемая земля скатывается какъ въ мѣшокъ; кромѣ того круглая стѣнка несравненно устойчивѣе прямой. Слѣды движенія такой воронки очень ясны въ курганахъ съ недоведенною до конца выемкой (рис. 1, 14, 15). Въ майданахъ часть кольца противъ входа бываетъ вообще толще и выше. Изысканность приѣма идетъ далѣе: встрѣчены обращенные въ майданъ курганы, самая середина которыхъ, вмѣстѣ съ верхомъ, оставлена не тронутой, а раскопъ веденъ конической траншеей ниже по краю насыпи, такъ что майданъ принимаетъ видъ низкаго кольца съ высокою насыпью по срединѣ (Фундуклей, стр. 82; херсонскій майданъ рис. 13 № 52). Рабочимъ оставалось спускаться равномерно стѣнки траншеи внизъ и вывозить землю съ ея дна, какъ изъ безопаснаго карьера. Подобіе рововъ кругомъ внутренней воронки и возвышенія по срединѣ замѣчены въ очень многихъ майданахъ; понятенъ ихъ смыслъ. Кажется, что гребень майданнаго кольца снимался по мѣрѣ работы, какъ видно на рис. 1, гдѣ верхъ кольца отиѣчается совершенно плоскимъ на всемъ протяженіи ¹⁾).

¹⁾ Приводимъ любопытное свидѣтельство ген. Воронца (письмо 1900 г.): „Между Елизаветградомъ и Ольвѣополемъ, въ окрестностяхъ ст. Плетеный Ташлыкъ на Ю. отъ дороги стоитъ очень большой курганъ, на половину обращенный въ майданъ, но почему-то не оконченный. Верхушка срѣзана, изъ середины вся земля выбрана и вывадена по сторонамъ входной выемки въ продолговатые кучи, но кучи эти не оформлены въ корридоры“. Г. Воронецъ раньше всѣхъ насъ пришелъ къ мысли о возможности образованія майдановъ изъ курганныхъ насыпей, но я не имѣлъ случая огласить въ свое время это мнѣніе въ печати.

Почему майданные кольца не вываривались на селитру, а оставались въ формѣ какъ бы самостоятельныхъ сооружений, этого мы не могли себѣ уяснить. Казалось бы, что хотя часть вала могла пойти въ дѣло, а даже частичныхъ выемокъ не наблюдается. Съ нѣкоторою степенью вѣроятія можно выставить предположеніе, что майданное кольцо оставлялось на случай искусственнаго изготовленія селитры изъ навоза. Очень извѣстна огромная яма, обнаруженная въ воронкѣ одного кievскаго майдана (Смѣла I, 60) и заключающая въ себѣ жирную черную землю, въ которой оказались отдѣльныя находки поздней культуры (обломки кирпичей, часть чугунаго горшка, куски стекла, колотыя кости домашнихъ животныхъ). Яму меньшихъ размѣровъ, наполненную такою же землею, нашелъ Н. Е. Макаренко въ воронкѣ одного воронежскаго майдана; въ землѣ, кромѣ костей животныхъ, имъ найдены были черепки поздняго русскаго поливнаго сосуда и осколки подѣлокъ изъ стекла. Массивъ черной земли толщиною въ 10 и 1¹/₂ арш. никакъ не могъ образоваться на мѣстѣ, въ майданныхъ ямахъ, естественнымъ путемъ. Эти ямы, несомнѣнно, были выкопаны преднамѣренно и съ большими трудами заполнены навозомъ, который и оставленъ былъ зрѣть на селитру, но почему то остался не использованнымъ. Есть майданы съ ямами внутри кольца еще пустыми, или уже пустыми (рис. 39 и 49). По замѣчанію Подберезскаго, майданы малые вообще имѣютъ внутри кольца углубленіе, размѣрами въ вышину вала. Вѣроятно, возможны и другія объясненія того, почему майданныя кольца оставались нетронутыми, болѣе надежныя, но мы пока не имѣемъ ихъ въ виду и представляемъ эту тему на сужденіе другихъ археологовъ и технологовъ.

2) Не удивительно, что внутренній скатъ майданныхъ колець круче, чѣмъ внѣшній (рис. 49), что вслѣдствіе несимметричной выемки земли образуются кольца неправильной формы (рис. 25, 27), что есть кольца удлиненной формы (рис. 11 № 6, 7, 13, изъ кургановъ продолговатыхъ). По словамъ Подберезскаго, изрѣдка попадаются майданы безъ входа; въ такихъ случаяхъ они имѣютъ небольшіе размѣры.

3) Въ валу майдановъ, конечно, должны оказаться погребенія, именно или старыя впускныя въ курганъ, или позднія, уже майданныя.

Въ валу трехъ майданныхъ колець, раскопанныхъ бар. Шеппингомъ въ Воронежской губ., найдены скелеты въ одномъ и томъ же мѣстѣ, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ входа влѣво. Два лучше сохранившіеся костяка лежали на глубинѣ 8 фут., головами на Ю. и были плохой сохранности. Въ головахъ и ногахъ у нихъ оказались черепки (рис. 5 и 6), и цѣлые сосуды, темной глины, съ очень тол-

стыми днищами; въ ногахъ одного лежалъ черепъ коня. Видимо, это погребенія какихъ-то кочевниковъ, но время ихъ пока не опредѣлимо. Въ насыпи одного майдана, раскопаннаго гр. Бобринскимъ (Смѣла I, 26), найдены 3 погребенія. Всѣ три скелета расположены были въ одну сторону головами, другъ надъ другомъ, вдоль насыпи. Первый лежалъ на глубинѣ двухъ аршинъ, въ остаткахъ гробовища, второй на глубинѣ 5 арш., также въ гробовищѣ, третій на поверхности материка. Этотъ помѣщался въ колодѣ и былъ прикрытъ колодою сверху. Если это впускныя погребенія, то, безъ сомнѣнія, они позднія, русскія. Подъ насыпью другого Смѣлянскаго майдана (Смѣла I, 60) найденъ былъ скелеть подростка лѣтъ 15, сильно истлѣвшій.

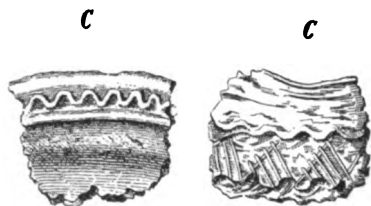

Рис. 5.

Рис. 6.

4) Валы майдановъ достаточно правильны для того, чтобы заграждать движенія и не мѣшать производившимся близъ нихъ работамъ, и въ то же время имѣютъ весьма прихотливую форму, показывающую, что устроители майдановъ не усваивали имъ самостоятельнаго значенія. Это не болѣе, какъ правильно распланированные отбросы. Общій мотивъ расположенія валовъ отмѣченъ выше, но онъ весьма разнообразится удобствами мѣстности и даже простою прихотью рабочихъ. Валы бываютъ обыкновенно ровные дугообразные, но нерѣдки валы прямые, съ отводами (рис. 15 № 7, 13), вѣтвистые (рис. 26), въ видѣ петель и скобокъ (рис. 27, 32), овальной формы (рис. 32), разорванные (рис. 33). Въ расположеніи валовъ нѣтъ однообразія. Чаще они идутъ двумя дугами съ широкими входами, но иногда смыкаются концами (рис. 12 № 35, 13 № 44 и 52), иногда тянутся весьма прихотливо, лишь съ нѣкоторымъ стремленіемъ къ параллельности (рис. 34), или даже идутъ по касательной (рис. 28, 37, 45, 46); иногда они разбиты на отдѣльные короткіе валики, небрежно разбросанные (рис. 15 № 7 и 10), есть даже валы въ видѣ дугъ и круговъ, расположенныхъ концентрически кругомъ майданнаго кольца (рис. 11 № 3, рис. 12 № 36). Двойные и тройные валы (рис. 1 и 17) очень естественны при селитренной теоріи майдановъ и не имѣютъ никакого смысла, если смотрѣть на нихъ, какъ на самостоятельныя сооруженія.

5) Въ качествѣ отбросовъ, боковые валы должны имѣть однородный составъ, заключать отдѣльныя находки вещей и обломки костей изъ погребеній и представлять массу болѣе или менѣе твердую; костяки въ нихъ могутъ быть, но лишь позднѣйшіе. Свѣдѣній о раскопкахъ боко-

выхъ майданныхъ валовъ имѣется еще мало, но что есть, то не противорѣчитъ изложеннымъ требованіямъ. Въ боковомъ валу Смѣлянскаго майдана № XXVII (Смѣла I, 60) найдены остатки досокъ, нѣсколько мелкихъ кремней, нѣсколько костей животныхъ и 4 астрагала дикой козы съ отверстіями. Подъ небольшимъ поперечнымъ валомъ воронежскаго Ясиновскаго майдана на поверхности материка найдены кости животныхъ (черепъ собаки и нѣсколько зубовъ лошади), а вмѣстѣ съ ними въ небольшомъ количествѣ уголь и пепель, сгорѣвшія зерна, можетъ быть, проса, и много рыбьей чешуи; въ разрѣзѣ другого бокового вала найдено большое количество пепла, немного угля и челюсть какого-то жи-

Рис. 7.

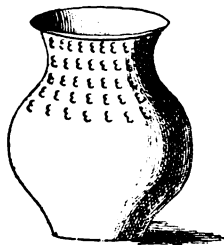

Рис. 8.

вотнаго. Тамъ же въ боковомъ валу, имѣющемъ видъ петли, земля оказалась необыкновенной крѣпости. На половинѣ вышины открыты двѣ большія балки, лежавшія въ наклонномъ положеніи; за ними находился песокъ, а въ немъ сильно истлѣвшій костякъ, головою на Ю. Въ головвахъ у него оказался орнаментированный сосудъ, немного пеплу и остатки какого-то растенія, въ ногахъ стоялъ подобный же сосудъ (рис. 7 и 8); земля подъ скелетомъ казалась утрамбованною. Вопросъ о времени описаннаго погребенія весьма важенъ, но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія о немъ страдаютъ неопредѣленностью; о времени сосудовъ по рисункамъ невозможно судить.

6) Многократно отмѣчаемая во дворѣ майдановъ ямы съ обожженною землею вполнѣ могли служить тѣми «горнами», въ которыхъ вываривалась селитрепная луга. Пока извѣстна лишь одна точная раскопка такихъ горновъ, произведенная г. Макаревичемъ въ майданѣ у с. Столбовахъ Кременчугскаго у. (Отчетъ Имп. Арх. Ком. 1895 г. стр. 24). Здѣсь посреди двора оказались два рядомъ расположенные горна. Они представляли собою печи цилиндрической формы, до сажени высотой и 2 арш. 10 верш. въ діаметрѣ, выложенныя кирпичемъ, съ поддувалами, идущими на поверхность земли въ видѣ широкихъ трубъ, также облицованныхъ кирпичемъ. Дно гладкое, съ выемками противъ поддуваловъ, наполненными золою; самое дно покрыто было небольшимъ выпуклымъ слоемъ какой-то известковой массы (рис. 9). Стѣнки печей, помимо кирпича, состояли изъ плотной красной, сильно обожженной глины. Сверху предъ поддувалами обнаруженъ слой угля до 4 верш.

толщиною. Въ лѣвомъ выходѣ между углями найдены куски пемзы, въ правомъ горнѣ выше лунки—кусокъ чугуна. Горны заплыли черноземомъ, въ которомъ попадались куски угля. Не можемъ дать техническое объясненіе описаннымъ печамъ, но, повидимому, ничто не мѣшаетъ считать ихъ горнами для выпариванія селитряной жидкости въ мѣдныхъ широкихъ котлахъ или на противняхъ. Находка пемзы и чугуна очень характерны; пемза не употреблялась ли для очистки сторонней плотной накипи?— По увѣренію Фундуклея, во дворѣ майдашовъ всегда имѣется яма, въ которыхъ бываетъ находима пережженная глина, угли и

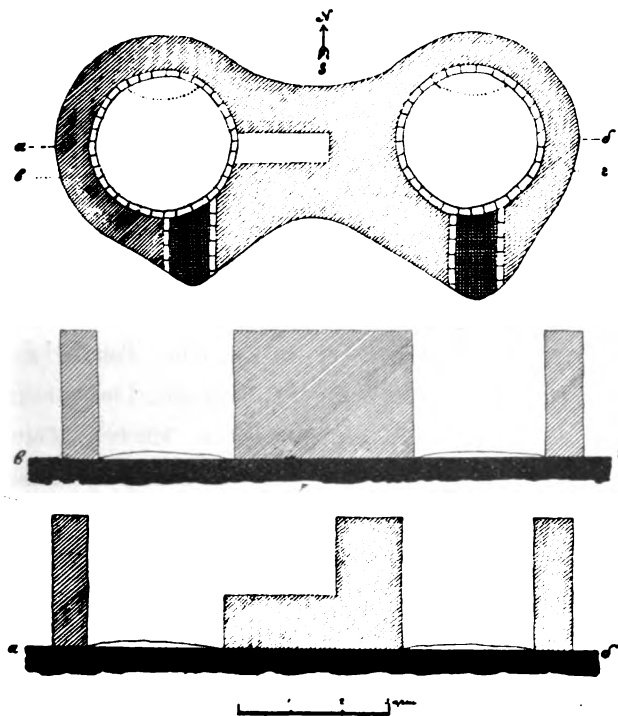

Рис. 9.

разсыпанный вокругъ пепель. Въ майдагѣ у м. Осоты открыта была круглая печь съ покатымъ дномъ, въ которой оказалась земля, выжженная до значительной глубины и даже остеклившаяся (Фундуклей, 95). При входѣ во дворъ одного полтавскаго майдана (с. Николаевка Роменскаго у.) найдено небольшое углубленіе, въ которомъ при раскопкахъ оказался слой извести (какъ извѣстно, имѣющей примѣненіе въ селитренномъ дѣлѣ).

7) Если майдапы есть курганы, использованные въ позднѣйшее время, то въ нихъ при раскопкахъ должны быть встрѣчаемы погребенія, очень разнообразныхъ періодовъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Мы уже

видѣли, что одинъ селитренный мастеръ выслать въ Москву золотую гривну и инныя вещи скифо-сарматской культуры, найденныя въ варницѣ. По слухамъ, того же времени погребеніе, найдено г. Мазараки въ одномъ полтавскомъ майданѣ, и той же культуры, но болѣе позднія вещи найдены были въ майданѣ с. Цвѣтного. Г. Городцовъ и Макаренко нашли въ майданахъ костяки мѣднаго вѣка, скорченные. Встрѣчены въ майданахъ, повидимому, и кочевническія погребенія (Городцовъ).

Кромѣ майдановъ описаннаго вида, имѣются майданообразнаго вида сооруженія и иныхъ типовъ, напр. рис. 10 и 38. Ничего опредѣленнаго объ этихъ сооруженіяхъ мы не можемъ сказать.

Въ общемъ нельзя не видѣть, что теорія происхожденія майдановъ отъ выварки селитры не только удовлетворительно, но и съ значительною легкостью объясняетъ все важнѣйшее, что до сихъ поръ извѣстно объ этихъ памятникахъ старины. Не можемъ понять и объяснить лишь вотъ какого рода обстоятельства. Два небольшіе боковые вала, «курганчики», раскопанные бар. Шеппингомъ у перваго Гвоздовскаго майдана, состояли, по словамъ отчета, изъ твердой глинистой, смѣшанной съ известью, какъ бы утрамбованной земли; подъ насыпями лежали истлѣвшія дубовыя бревна, положенныя вдоль. Такого же устройства оказались боковые валы, раскопанные у втораго Гвоздовскаго майдана.

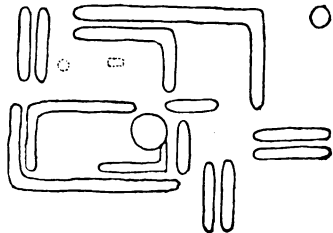

Рис. 10.

Неужели селитра могла добываться и изъ глины? Сами майданныя кольца состояли, будто бы, изъ песку, что еще болѣе запутываетъ дѣло. Не мѣшало бы при случаѣ кому-нибудь побывать въ Гвоздовкѣ и уяснить на мѣстѣ положеніе дѣла. Мы уже знаемъ, что боковые валы майдановъ могутъ состоять изъ глины или леса, именно въ такомъ случаѣ, если они сложены изъ земли, вынутой изъ-подъ кургановъ для образованія бродильной ямы, какъ въ указанныхъ выше примѣрахъ. Не то же ли и въ курганахъ Шеппинга?

Самое распространеніе майдановъ говоритъ въ пользу происхожденія ихъ отъ выварки селитры. Они идутъ широкою полосою надъ южною степью, почти не заходя въ нее, именно въ Подольской, Кіевской, сѣверной части Херсонской, въ Полтавской, Черниговской, Харьковской, Воронежской губ. и въ сѣверной части Донской обл., вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ обиліи имѣлись крупные курганы, гдѣ держались еще значительныя лѣса и гдѣ промыслы менѣе страдали отъ нападенія татаръ. Какъ разъ мы имѣемъ историческія свѣдѣнія о вываркѣ именно

только въ этихъ мѣстахъ кургановъ подь селитру въ XVI и XVII в. Позднѣе въ Россіи добыча селитры сосредоточилась на ордынскихъ городищахъ приволжскаго края.

Упрочившееся въ научномъ обиходѣ названіе данныхъ памятниковъ майданами идетъ отъ народа, который, видимо, весьма устойчиво придавалъ имъ значеніе селитренныхъ заводовъ, какъ очень опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ Фундуклей. Въ его время такое мнѣніе было общепринятымъ, и именно онъ (собственно Грабовскій) первый внесъ путаницу въ вопросъ о майданахъ, измысливъ для нихъ фантастическую теорію жертвеннаго ихъ происхожденія. Можно даже попытаться объяснить, откуда взялось названіе для селитренныхъ степныхъ заводовъ майданами. По словамъ Грабовскаго, этимъ именемъ въ польскомъ языкѣ назывался обозъ или войсковое становище, а у казаковъ середина войска (таборъ?). Майданъ съ его валами издали именно напоминаетъ какое-то становище съ возами кругомъ и площадкой посрединѣ.

Текстъ къ рисункамъ.

Рис. 1. «Попова могила», близъ сл. Герасимовки Валуйскаго у. По верху майданнаго кольца идетъ ровная гладкая дорожка, достаточная для пары валовъ. Буквою *K* отмѣчены курганы.

Рис. 2 и 3. Курганъ Сорока Липовецкаго у., по рисункамъ Грабовскаго. Будто бы даже въ раскопанномъ видѣ курганъ этотъ имѣлъ въ вышину до 10 саж.

Рис. 4. С. Каменка Чигиринскаго у. Набросокъ гр. А. А. Бобринскаго. Безпорядочно нагроможденные валы, можетъ быть, остатки уничтоженнаго кургана.

Рис. 5 и 6. Черепки отъ сосудовъ изъ погребеній въ одномъ воропезскомъ майданѣ.

Рис. 7 и 8. Сосуды изъ погребеній въ томъ же майданѣ.

Рис. 9. Чертежи горна въ майданахъ близъ с. Столбовахи Кременчугскаго у.

Рис. 10. Майданное сооруженіе въ 8 в. отъ Днѣпра близъ Сулимилской почт. станціи Переяславскаго у. По срединѣ курганъ «Столбъ», въ углу тоже курганъ.

Рис. 11. Чертежи г. Браунера майдановъ Елизаветградскаго у. Херсонской губ., расположенныхъ въ большомъ числѣ по р. Выси, Сипухѣ и Виськѣ. Всѣ чертежи ориентированы на С.; масштабъ 20 саж. въ дюймѣ.

Рис. 11 № 1. Въ 3 в. на Ю.-З. отъ д. Шматовой.

Рис. 11 № 2. Въ 2 в. отъ д. Ржевой (Ивановка). Майданъ минимальныхъ размѣровъ.

Рис. 11 № 3. Въ 1¹/₂ в. къ С.-З. отъ д. Шпаково. На картѣ «Могилы раскопана». Повидимому, два концентрическіе вала. Второй валъ могъ образоваться отъ выварки земли, выброшенной на бока съ верху и изнутри.

Рис. 11 № 4. Въ 2 в. отъ с. Сипюхинъ Бродъ па В. Вмѣстѣ съ майданомъ № 31.

Рис. 11 № 5. Въ 3 в. на В. отъ ст. Журовка.

Рис. 11 № 6. Въ группѣ кургановъ на В. отъ д. Петровки (на р. Больш. Выськѣ). Рѣдкой удлиненной формы.

Рис. 11 № 7. Въ 3 в. отъ с. Мартоноши.

Рис. 11 № 8. Въ 2 в. отъ д. Чуровки и въ такомъ же разстояніи отъ д. Константиновки. Вмѣстѣ съ рис. 14 и 34.

Рис. 11 № 9 и 10. Въ 5 в. отъ с. Тарновки.

Рис. 11 № 11. У с. Скалевого. На другой сторонѣ Выси начинается линія майдановъ, идущая въ Кіевскую губ.

Рис. 11 № 12. Къ В. отъ с. Панчева.

Рис. 11 № 13. Огромный майданъ въ 3 в. отъ д. Варваровки. Любопытный изгибъ валовъ и длинное рыльце.

Рис. 11 № 14. Въ 2 в. отъ д. Чуровки. См. № 8 и 34.

Рис. 11 № 15. Въ 2 в. отъ д. Аниловки.

Рис. 11 № 16. Въ 2 в. отъ д. Вукотичевой.

Рис. 11 № 17 и 18. Въ 2 в. отъ д. Быдриковой.

Рис. 11 № 19. Въ 4 в. отъ хут. Змуцчиловыхъ.

Рис. 11 № 20. Въ 2 в. отъ д. Вороновки. Часть насыпи не использована. Вмѣстѣ съ № 38.

Рис. 11 № 21. Въ 2 в. отъ с. Петроострова.

Рис. 11 № 22 и 33. Два майдана въ 2 в. отъ м. Златополя.

Рис. 11 № 23. Въ 3 в. отъ д. Пурпуровой Балки, близъ большой дороги.

Рис. 11 № 24. У с. Кальниболото.

Рис. 11 № 25 и 26. Въ 3¹/₂ в. отъ с. Панчева.

Рис. 11 № 27. Въ 2 в. отъ с. Кальниболото. Шесть длинныхъ валовъ изъ небольшого кургана. Или насыпи низки, или была бродильная яма.

Рис. 12 № 28. Въ 4 в. отъ с. Панчева и въ 2 в. отъ с. Мартоноши.

Рис. 12 № 29. Къ Ю. отъ Каниха.

Рис. 12 № 30. Въ 2 в. отъ Каниха. Рядомъ еще 3 подобные майдана. Интересны волнистые изгибы кольца у входа и длинное рыльце.

Рис. 12 № 31. С. Сянюхинъ Бродъ, вмѣстѣ съ № 4.

Рис. 12 № 32. Въ 6 в. на С. отъ д. Эрделовки, на перекресткѣ двухъ дорогъ. Интересны боковые валы, отходящiе непосредственно отъ входа.

Рис. 12 № 33 и 22. Въ 2 в. отъ м. Златополя.

Рис. 12 № 34. Д. Чуровка, вмѣстѣ съ № 8 и 14.

Рис. 12 № 35. Въ 3 в. отъ д. Краснаго Кута, вмѣстѣ съ № 49.

Рис. 12 № 36. У хут. Защиты, на границѣ Кiевской и Херсонской губ. Майданъ изъ двухъ прерывающихся концентрическихъ валовъ.

Рис. 12 № 37. Въ 5 в. къ Ю. отъ пос. Новоархангельскаго. Боковыхъ валовъ не видно.

Рис. 12 № 38. Въ 2 в. отъ д. Вороновки, вмѣстѣ съ № 20. Неправильно-удлиненное кольцо съ двумя входами; происхождение его не ясно.

Рис. 12 № 39. Въ $5\frac{1}{2}$ в. отъ пос. Новоархангельска.

Рис. 12 № 40. Въ 4 в. отъ д. Владимировки.

Рис. 12 № 41. Огромный майданъ близъ Елизаветграда у балки Водяной. Окружность 190 арш., боковые валы 40—80 арш. На валу въ Ю.-З. сторонѣ площадка. На одномъ изъ дворовъ яма.

Рис. 12 № 42. Въ 5 в. отъ с. Петроострова. Искаженная форма кургана; боковые валы частью концентрическiе, частью лучевые.

Рис. 12 № 43. Въ 2 в. отъ д. Черняковки, въ сторонѣ Елизаветграда. Огромный майданъ.

Рис. 13 № 44. Въ 5 в. отъ д. Ивановки (Дембровка), въ 8 в. отъ с. Плетеный Ташлыкъ. Любопытны безпорядочныя складки вторыхъ валовъ и короткiя насыпи вдоль ихъ.

Рис. 13 № 45. У д. Высянки. Интересны изгибы кольца близъ входа.

Рис. 13 № 46. У д. Андреевки. Майданъ съ многочисленными боковыми валами.

Рис. 13 № 47. Въ $4\frac{1}{2}$ в. на В. отъ д. Осичень. Два майдана, соединенные валомъ.

Рис. 13 № 48. Въ 4 в. отъ д. Ивановки (Дембровка). Майданъ правильнаго устройства изъ большого кургана.

Рис. 13 № 49. У Краснаго Кута, рядомъ съ № 35. Одинаково безпорядочная система валовъ, работа одного и того же мастера; середина использована не вся.

Рис. 13 № 50 Въ 5 в. отъ пос. Новоархангельска, вмѣстѣ съ № 37.

Рис. 13 № 51. Въ 4 в. отъ д. Карбовки на С.-В.

Рис. 13 № 52. Въ 2¹/₂ в. отъ с. Больш. Выськи. Самый большой майданъ Херсонской губ. Окружность до 100 саж. По срединѣ возвышеніе, поднимающееся надъ кольцами, очевидно, нетронутая часть кургана. У большого двора короткіе валы и слѣды ямъ.

Рис. 14 и 15. Майданы между Верхнедѣпровскомъ и Екатеринославомъ, по хорошимъ рисункамъ, изготовленнымъ для Фабра.

Рис. 16. По дорогѣ изъ Хорола въ Полтаву.

Рис. 17. Образецъ типичнаго кievскаго майдана, по Фундуклею.

Рис. 18. По дорогѣ изъ Войновки въ Дудниковку, Полтавскаго у.

Рис. 19. Къ 3. отъ с. Гремячаго Воронежскаго у., у Червленаго Яра. Майданъ странной формы.

Рис. 20. По дорогѣ изъ Хорола въ Полтаву.

Рис. 21. На р. Сулѣ въ Миргородскомъ у. Изъ атласа Бороздина (ч. IV № 8); по рис. атласа Погодина.

Рис. 22. Въ имѣніи г. Алисова, противъ Червленаго Яра, въ Воронежскомъ у. Майданъ необычайной формы.

Рис. 23. Д. Ясиновка Острогожскаго у. Воронежской губ. Рис. бар. Шеппинга.

Рис. 24. С. Пруссы Черкаскаго у.

Рис. 25. Хут. Гвоздовка Острогожскаго у. (рис. бар. Шеппинга).

Рис. 26. Между с. Яровымъ и Пруссами, въ разстояніи другъ отъ друга на 40 саж. Черкасскій у.

Рис. 27. С. Штурмовое Старобѣльскаго у. Харьковск. губ.

Рис. 28. По дорогѣ изъ Хорола въ Полтаву.

Рис. 29. С. Смоляниново Старобѣльскаго у.

Рис. 30. По дорогѣ изъ Хорола въ Полтаву.

Рис. 31, 32. С. Штурмовое Старобѣльск. у. Харьковской губ.

Рис. 33. По дорогѣ изъ с. Войновки въ Коломакъ Полтавск. у.

Рис. 34 и 35. По дорогѣ изъ Дудниково въ Войновку. Затѣяны вые изящныя валы.

Рис. 36. Хут. Гвоздовка Острогожскаго у. (рис. бар. Шеппинга).

Рис. 37. Р. Сула въ Миргородскомъ у. Атласы Бороздина и Погодина. Едва ли точный чертежъ.

Рис. 38. С. Яблоновка Каневскаго у. Кольцеобразныя насыпи имѣютъ явно майданную форму.

Рис. 39. Разрѣзы майданныхъ колець.

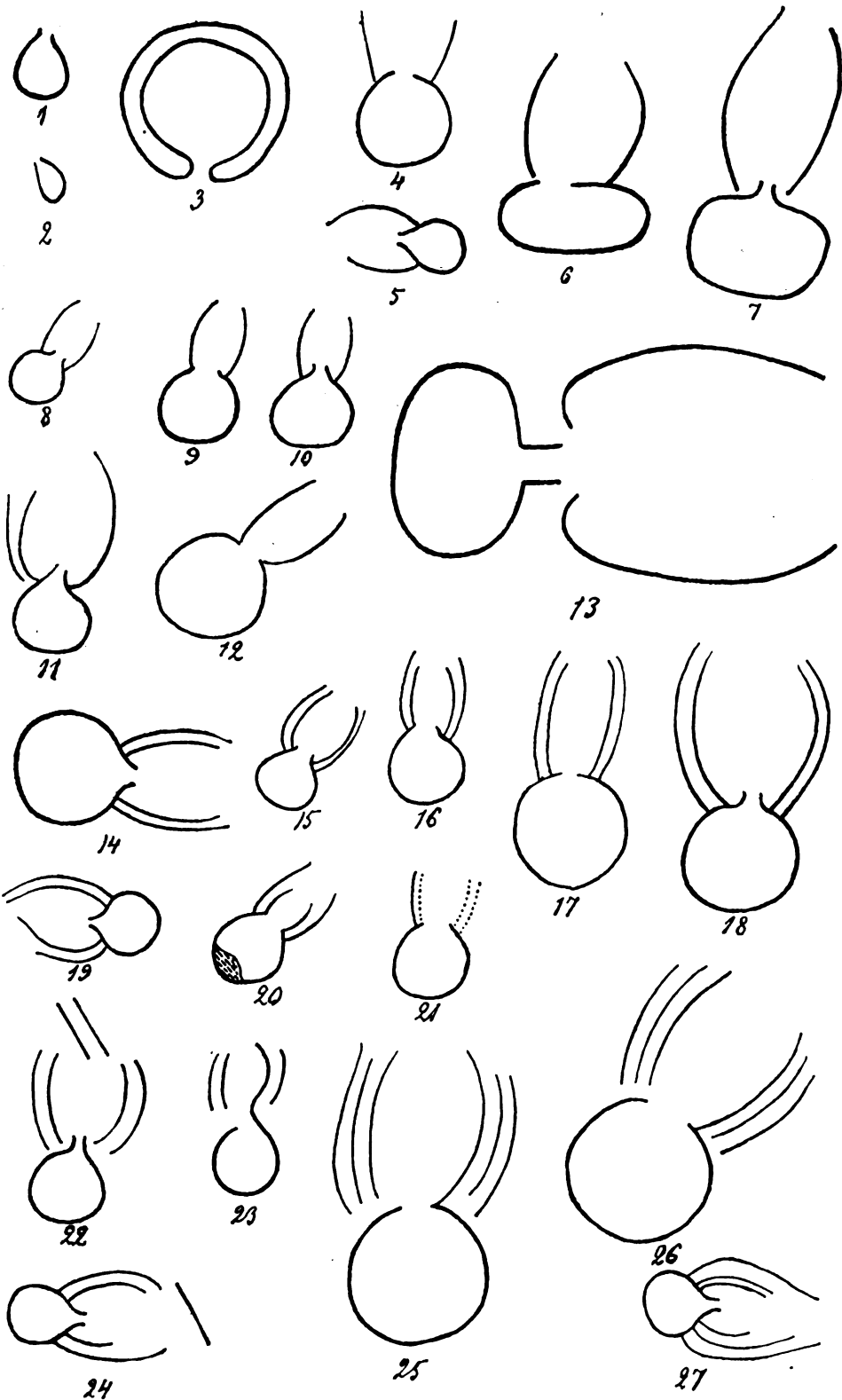

Рис 11. Херсонские майданы.
Записки Отд. русск. и сл. арх. И. Р. А. О. Т. VIII, в. 1.

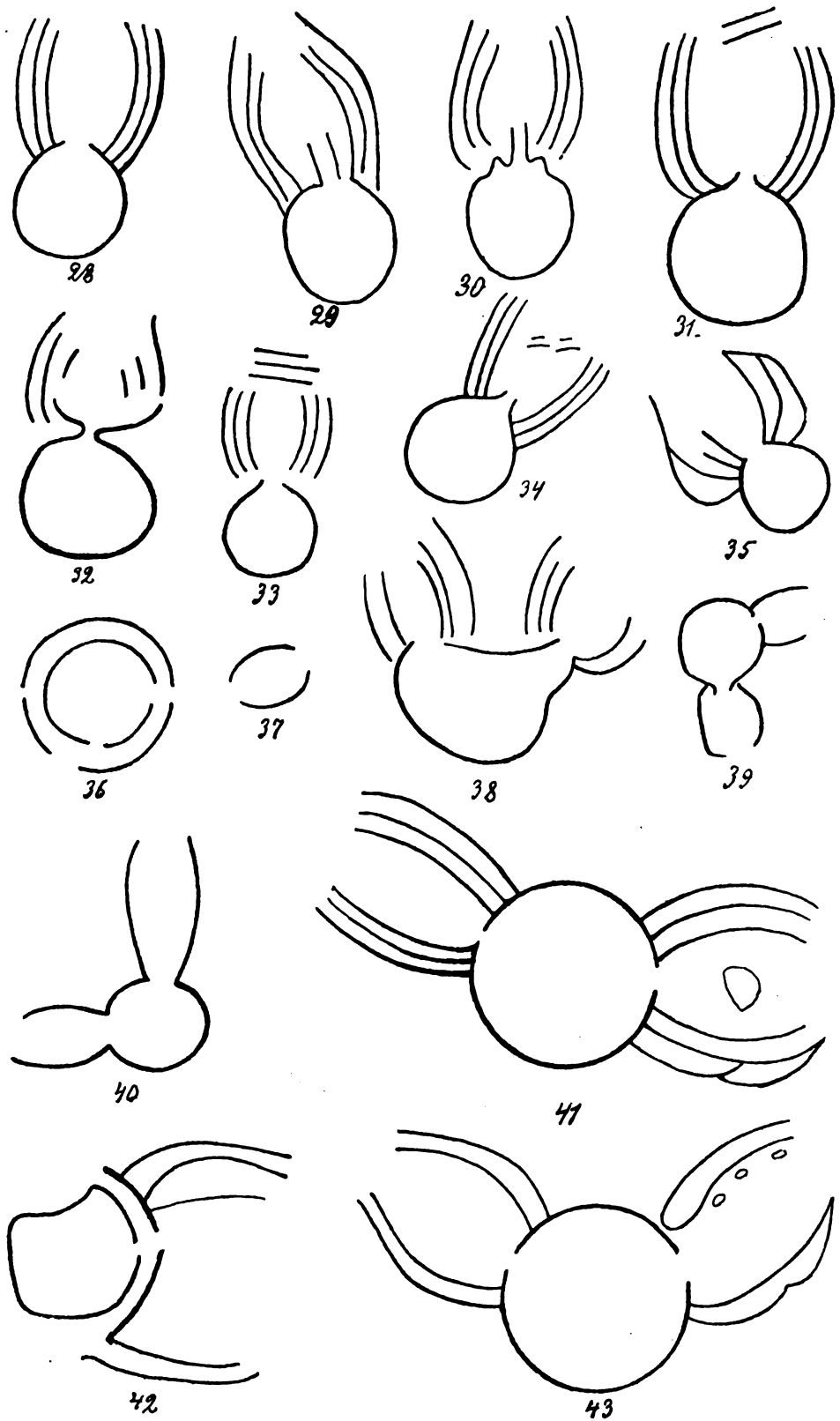

Рис. 12. Херсонські майданы.

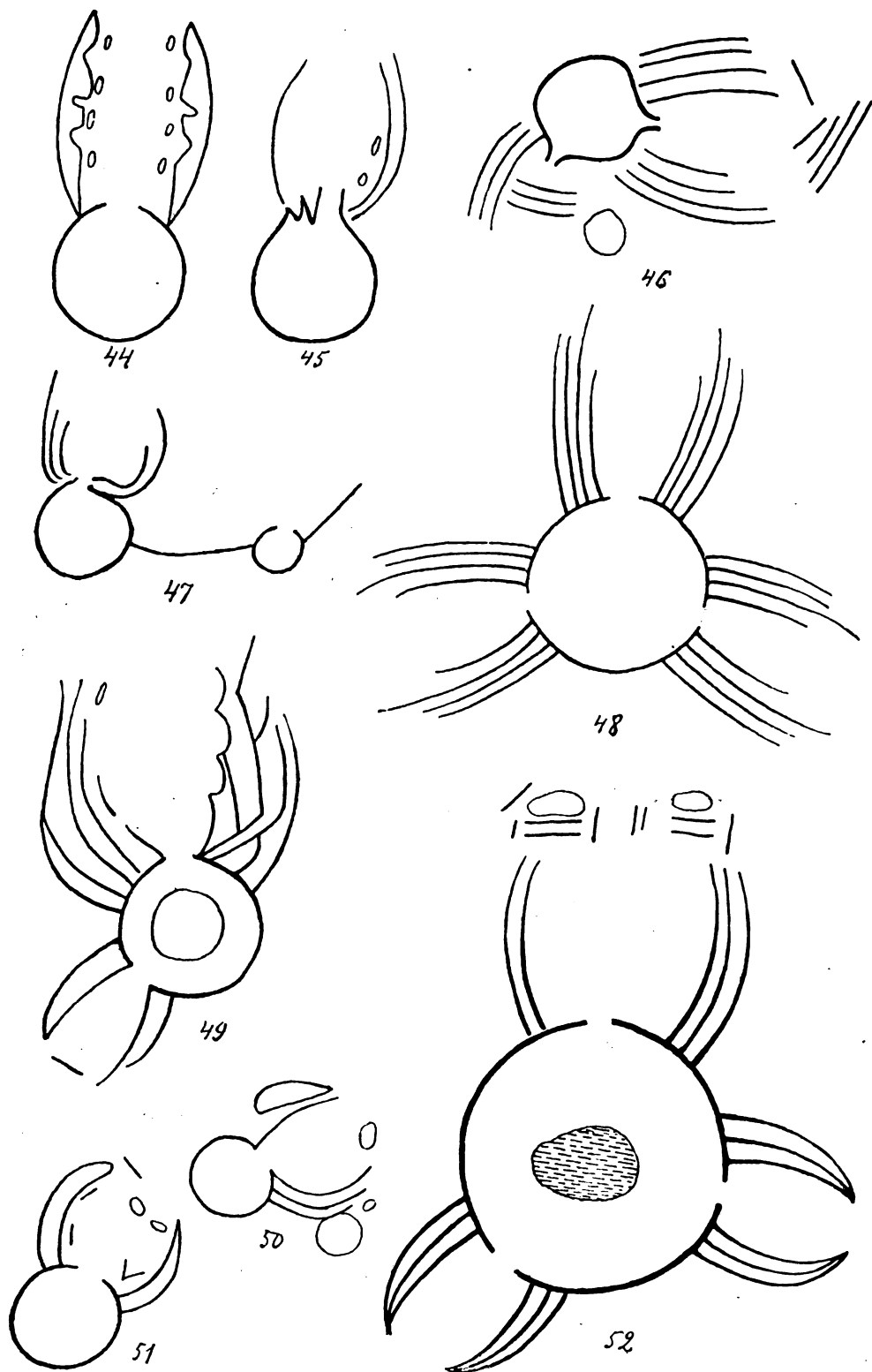

Рис. 13. Херсонские майданы.

*

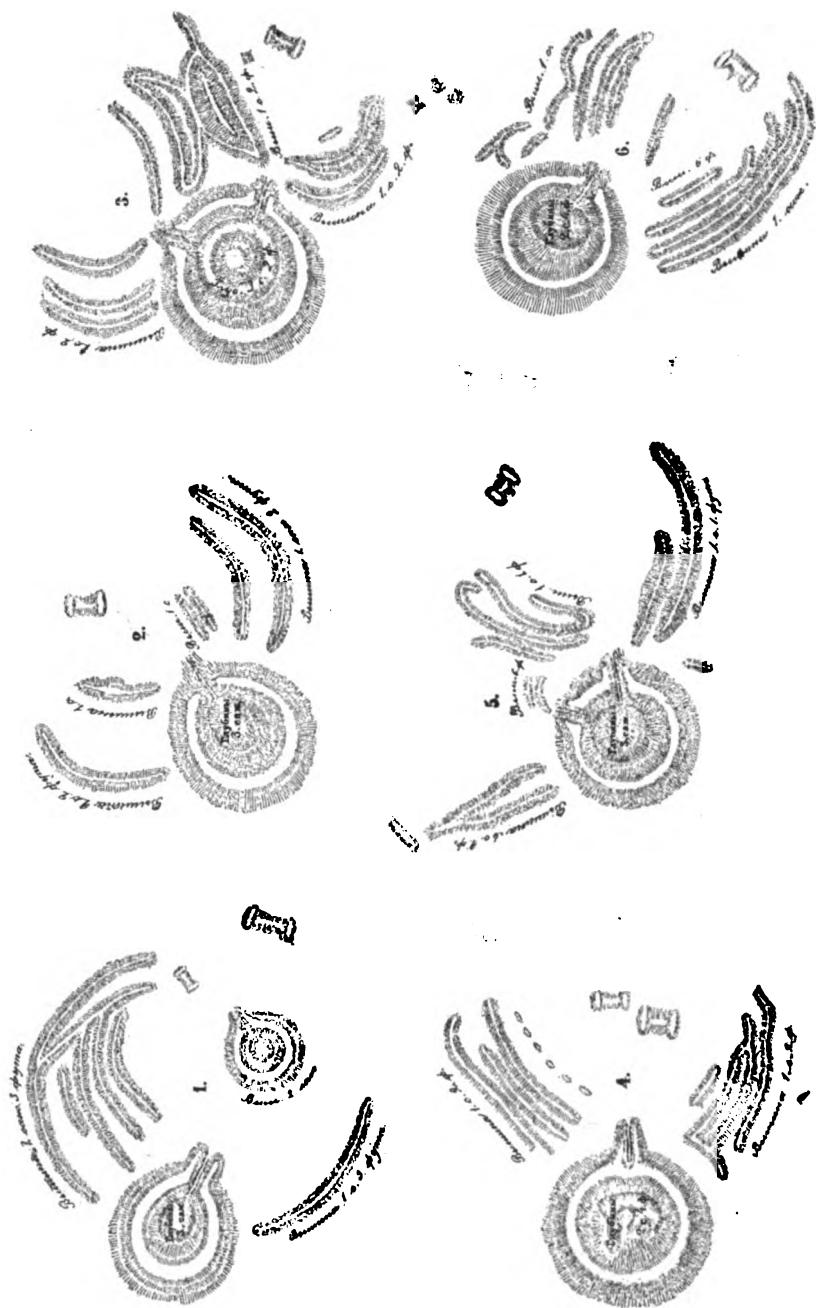

Рис. 14. Майданы Екатеринославскіе.

Рис. 15. Майданы Екатеринославскіе.

Рис. 16.
Полт. губ.

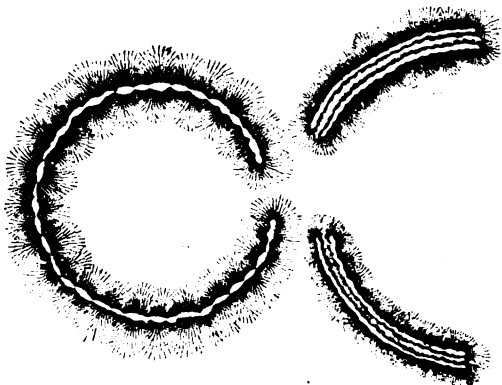

Рис. 17.

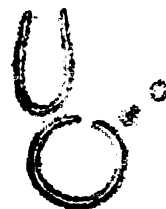

Рис. 18.
Полт. губ.

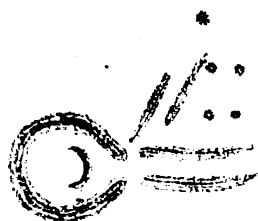

Рис. 20. Полт. губ.

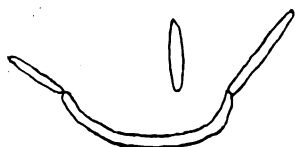

Рис. 19. Хут. Гремячий.

Рис. 21. Р. Сула.

Рис. 22. Червленый яръ.

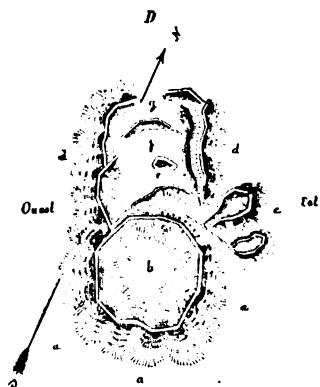

Рис. 23. Д. Ясиновка.

Рис. 24. С. Пруссы.

Рис. 25. Хут. Гвоздовка.

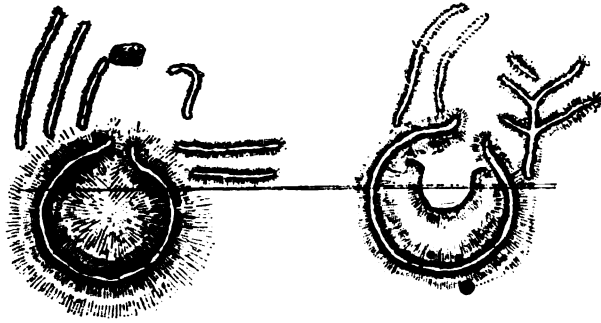

Рис. 26. С. Пруссы.

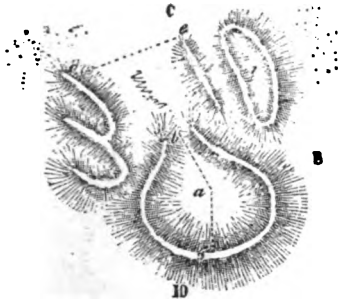

Рис. 27. С. Штурмовое.

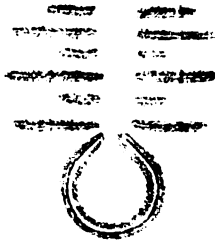

Рис. 28. Полт. губ.

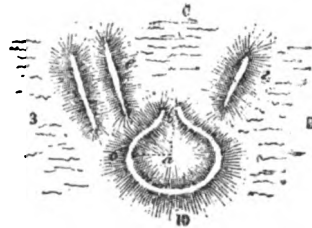

Рис. 29. С. Смоляниново.

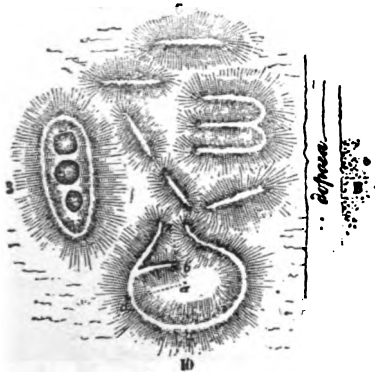

Рис. 31. С. Штурмовое.

Рис. 30.
Полт. губ.

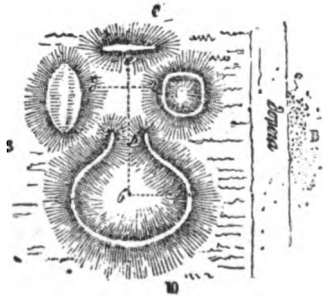

Рис. 32. С. Штурмовое.

Рис. 33. Полт. губ.

Рис. 34. Полт. губ.

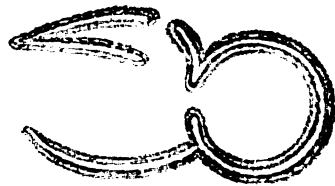

Рис. 35. Полт. губ.

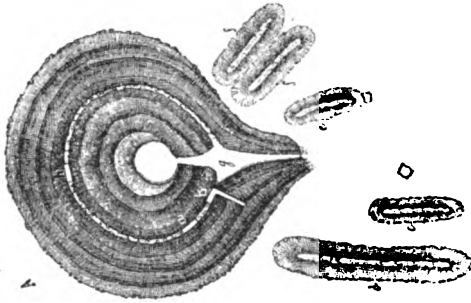

Рис. 36. Хут. Гвоздовка.

Рис. 37. Р. Сула.

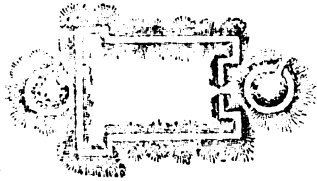

Рис. 38. С. Яблонька.

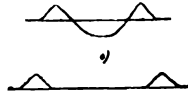

Рис. 39.

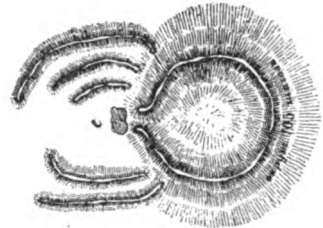

Рис. 40. С. Пруссы.

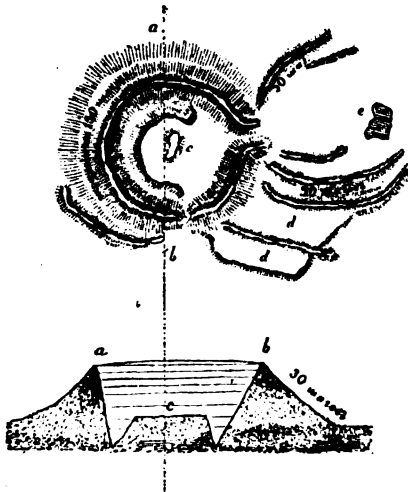

Рис. 41. С. Пруссы.

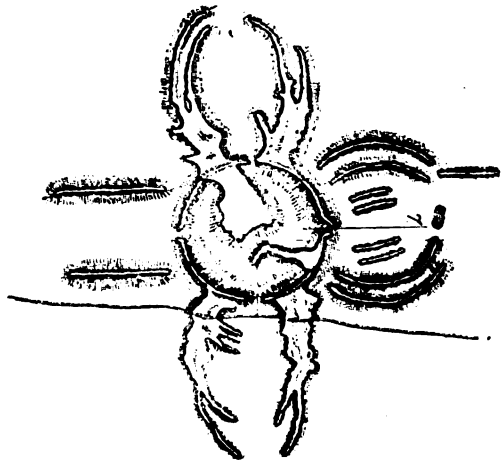

Рис. 42. С. Цвѣтное.

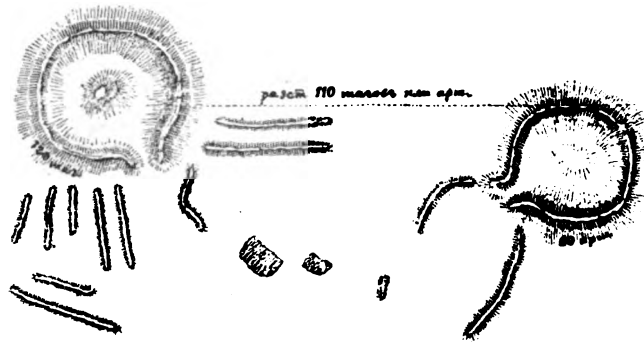

Рис. 43. С. Матвѣвка.

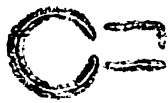

Рис. 44. Полт.

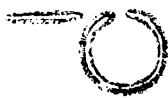

Рис. 45. Полт.

Рис. 46. Полт.

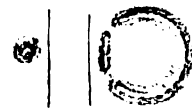

Рис. 47. Екатер. губ.

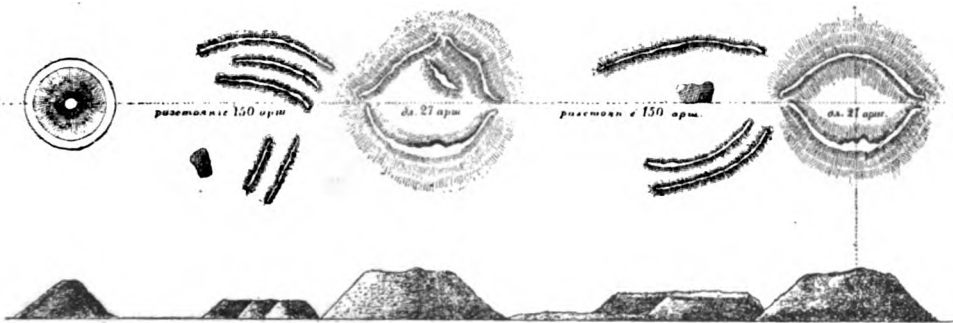

Рис. 48. М. Жаботинъ.

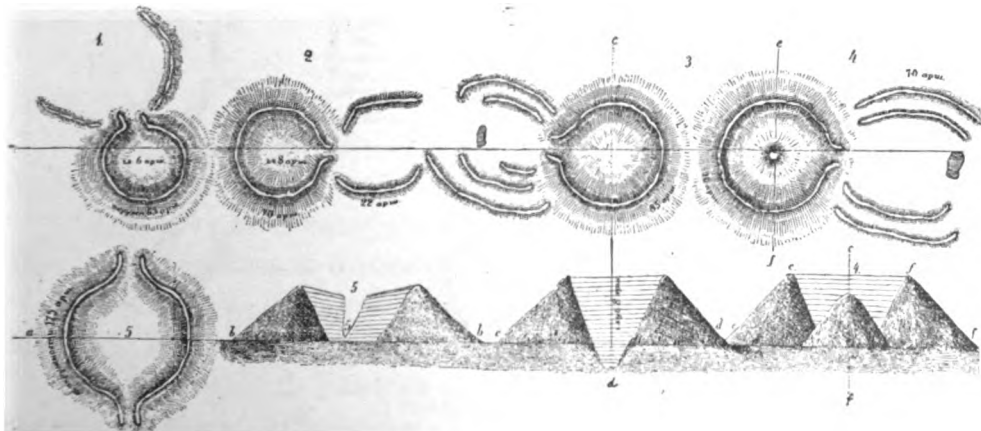

Рис. 49. С. Прусы.

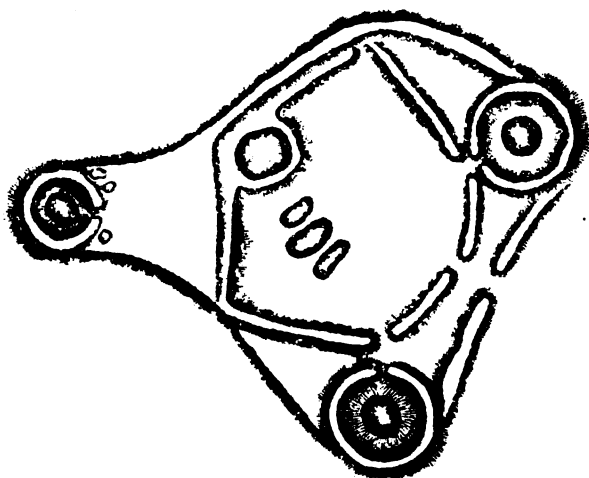

Рис. 50. Миргородскій у.

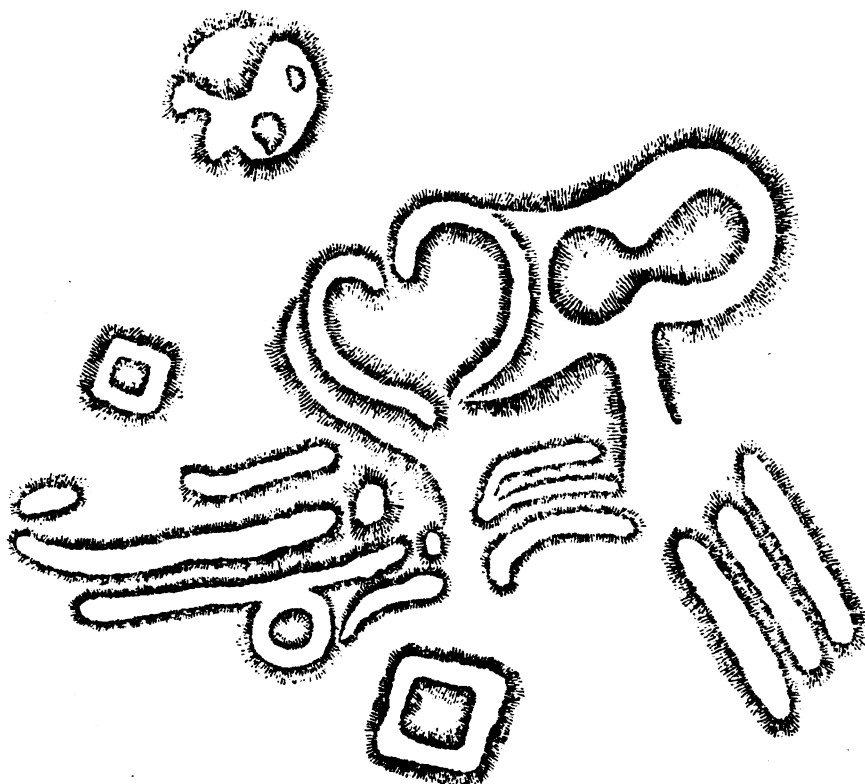

Рис. 51. Миргородскій у.

Рис. 40. С. Пруссы Черкаскаго у.

Рис. 41. Тамъ же. Очень интересный майданъ, къ сожалѣнiю, безъ описанiя. Повидимому, черноземная насыпь вынута и начата яма въ материкъ.

Рис. 42. Огромный майданъ близъ с. Цвѣтнаго у д. Рексипъ, Чигиринскаго у. Графъ Бобринской, производившій раскопку этого майдана въ 1896 г., даетъ нѣсколько иной, болѣе точный чертежъ (Отчетъ Имп. Археол. Ком. 1896, 213—218).

Рис. 43. С. Матвѣвка Чигиринскаго у. Средины кургановъ не вполне вынуты.

Рис. 44—46. Между Войновкой и Коломакомъ, Полтавскаго у., на р. Коломакѣ.

Рис. 47. Между с. Знаменкой и Песчанкой Новомосковскаго у. Екатеринославской губ.

Рис. 48. Мѣст. Жаботинъ Черкаскаго у. Основные валы неправильной формы.

Рис. 49. С. Пруссы Черкаскаго у. Майданы расположены въ двѣ лнiи. Очень цѣнные чертежи, хотя и не вполне точные.

Рис. 50. Между д. Обуховкой и Черевкою Миргородскаго у. Атласъ Бороздина и Погодина. Сложный и не вполне понятный чертежъ.

Рис. 51. Между д. Савинцами и Бакуновкою Миргородскаго у. Атласъ Бороздина. Чертежъ не ясный.

Важнѣйшія статьи о майданахъ.

Антоновичъ, В. Б. Рефератъ о майданахъ. Чтенiя въ Общ. Нест. Лѣт. т. III, 20—25.

Бобринской, А. А. гр. Курганы близъ Смѣлы т. I, 26, 60—64; т. II, 73.

— Отчеты о раскопкахъ у с. Цвѣтнаго. Отчетъ Имп. Арх. Ком. 1896, 213—218.

Браунеръ. Записка о майданахъ Елизаветградскаго у. Въ архивѣ Имп. Археологической Коммиссiи.

Бублiевъ, Н. Укрѣпленiя Запорожскихъ казаковъ. Зап. О. О. И. Д. т. II в. 2, 827 (рис.).

Воронецъ, Д. Замѣтка о городищахъ-майданахъ. — По морю и по сушѣ 1895 г., Приложение № 2, стр. 73—86.

Городцовъ, В. А. Майданы. Древности т. XX в. 2, 29—39.

Grabowski, Ukraina dawna i terazniejsza, т. I, 122. Кіевъ 1850.

Макаревичъ, I. Отчетъ о раскопкахъ у с. Столбовахи Кременчугскаго у. Въ архивѣ Имп. Археолог. Комм. дѣло 1894 г. № 61.

Падалка. Къ вопросу о древнихъ земляныхъ сооруженіяхъ въ южно-русскихъ степяхъ. Археологич. лѣтопись южной Россіи. 1904 г., стр. 128—135.

Подберезскій. О курганахъ обрядовыхъ въ южной Россіи. Зап. О. О. И. Д. т. VII, 256—274 (рис.).

Срезневскій, И. И. О городищахъ въ земляхъ славянскихъ. Зап. О. О. И. Д. т. II в. 2, 532—549 (рис.).

Сухановъ, Г. Г. Городища Старобѣльскаго у. Изв. И. Р. А. О. т. I, 157—159 (рис.).

Фундуклей. Обзорѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губ. Кіевъ. 1848 г., стр. 5, 83—96, 114.

Шеппингъ бар. Извѣстіе о раскопкахъ двухъ майдановъ. Археологич. Вѣстн. I, 62—66 (рис.). Извлеченіе изъ французской брошюры, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1847 г.

А. Спидынъ

Рис. 1. 2/3.

Шаманскія изображенія.

Между археологическими находками на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири имѣется весьма значительное количество подѣлокъ явно религіознаго характера, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такъ какъ религія инородцевъ урало-алтайскаго міра есть шаманизмъ, то вполне удобно и законно такія подѣлки называть шаманскими. Предлагая атласъ шаманскихъ изображеній, считаемъ необходимымъ оговориться, что онъ не претендуетъ ни на строгій разборъ матеріала, ни на полноту. Шаманизмъ до настоящаго времени представляетъ совершенную загадку какъ въ догмахъ, такъ и въ отношеніи ритула и религіознаго обихода, не уяснены и его мѣстныя особенности, несомнѣнно весьма существенныя. Кто бы не взялся за изученіе его реальныхъ и вещественныхъ проявленій, всякій пойдетъ здѣсь ощупью, руководимый не столько яснымъ сознаниемъ, сколько тактомъ или даже прямымъ произволомъ. Изъ опасенія сразу загроздить нашу тему, мы привлекаемъ къ ней значительно менѣе матеріала, чѣмъ обязаны были сдѣлать. Давъ въ руки лицъ, интересующихся шаманизмомъ, неожиданный для нихъ вещественный матеріалъ, нужно подождать ихъ объясненій, и уже тогда можно будетъ отважиться на привлеченіе новаго матеріала.

Районъ распространенія шаманскихъ изображеній — огромнѣйшій бассейнъ р. Оби съ Иртышомъ и бассейнъ Камы съ прилегающими частями бассейновъ Вычегды и Печоры. Это районъ урало-алтайскихъ народностей. Шаманскихъ подѣлокъ нѣтъ уже на Енисей; сюда онѣ заходятъ лишь со стороны Чулыма, притока Оби (Ачинскій окр.).

Наибольшее количество находокъ падаетъ на Камскій районъ, но, конечно, лишь потому, что здѣсь гуще населеніе и издавна имѣлись коллекціонеры. Томскій и Тобольскій музеи составили хорошія коллекціи шаманскихъ изображеній въ короткое время; превосходный истяцкій кладъ, безъ сомнѣнія, открываетъ собою цѣлый рядъ подобныхъ важныхъ находокъ въ будущемъ.

Въ настоящее время лучшія коллекціи шаманскихъ изображеній находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ (клады изъ с. Кишерти, Кунгурскаго у., изъ д. Пѣшковой на р. Кондасѣ и др.), въ собраніи Теплоуховыхъ (обширная и разнообразная серія подѣлокъ), въ собраніи гр. Строгановыхъ (разнообразныя находки старыхъ годовъ), въ музеяхъ Томскомъ и Тобольскомъ, у г. Зеликмана (вещи изъ Чердынскаго у.) и въ музеѣ П. И. Щукина (клады съ р. Ухты). Менѣе значительны, но заслуживаютъ упоминанія наборы шаманскихъ изображеній въ музеяхъ Пермскомъ, Екатеринбургскомъ, Румянцевскомъ, Россійскомъ Историческомъ, Этнографическомъ и Антропологическомъ.

1. Древнѣйшія шаманскія изображенія.

Старѣйшія жертвенныя мѣста урало-алтайскаго района найдены и изслѣдованы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: на Лысой горѣ по р. Яѣ, Томскаго окр. (раскопки 1871 г. С. К. Кузнецова), на уральскихъ городищахъ (раскопки В. Г. Дружинина), на камскихъ и вятскихъ костеносныхъ городищахъ и на близкихъ къ нимъ городищахъ ветлужскихъ. Всѣ эти жертвенныя мѣста, относящіяся, надо думать, приблизительно ко времени Р. Х., лишены подѣлокъ явно религіознаго значенія; отмѣчаемъ лишь своеобразное изображеніе коня на шарѣ (рис. 381), найденное на Лысой горѣ. На Богородскомъ ветлужскомъ городищѣ найдена любопытная фигура человѣка съ головами птицъ (рис. 218). Хотя подѣлка эта лежала въ верхнемъ слоѣ, но тутъ же была поднята костяная застежка въ видѣ птицы, древняго типа. Это изображеніе и приходится пока считать древнѣйшимъ шаманскимъ; время его не можетъ быть точно опредѣлено. Нѣсколько фигуръ религіознаго значенія открыто было въ Томскомъ могильникѣ (рис. 259, 362 и 395), приблизительно одновременномъ съ Лысою Горой (О. И. А. К. 1889, 99—111), но считать ихъ древними, принадлежащими могильнику, нѣтъ основаній, такъ какъ онѣ найдены не при погребеніяхъ. Изображеніе хищной птицы, съ ушкомъ, найдено въ Котловскомъ могильникѣ, относящемся ко времени Ананьинскаго могильника (рис. 313).

II. Время камскихъ костницъ.

Въ этомъ культурномъ періодѣ, весьма не точно и ненадежно относимомъ нами къ III—VI в., шаманскія изображенія представлены уже въ очень многочисленныхъ и разнообразныхъ видахъ. Здѣсь устапавли-

ваются почти всѣ ихъ типы, здѣсь же нѣкоторыя изображенія, едва выразившись, прекращаютъ свое существованіе.

Въ данномъ періодѣ мы прежде всего обязаны обратить вниманіе на изображенія, напарапанныя на блюдахъ, именно въ виду того, что онѣ перѣдко представляютъ цѣлыя сцены.

На извѣстныхъ уже блюдахъ встрѣчены слѣдующія нарѣзныя фигуры:

1) Сулде (рис. 27). Человѣческія фигуры съ головами лося; по бокамъ символы ихъ—солнце и мѣсяцъ. Только на одномъ блюдѣ.

2) Воинственныя фигуры. Наиболѣе частыя изображенія. Фигуры эти обнажены, исключительно мужскія, снабжены поясами и саблями въ видѣ ножей, всегда въ позѣ воинственнаго танца, живо напоминающаго шаманскія движенія. Главная ихъ особенность—голова о три высокія темени, вѣроятно, для обозначенія особеннаго дарованія или силы; только разъ встрѣчена голова съ однимъ теменемъ (фиг. 7). У нѣкоторыхъ усы.

3) Мирныя фигуры. Тѣ же изображенія, но фигуры не вооруженныя, руки опущены или на бедрахъ, ноги носками внутрь, острия головы объ одномъ темени. Встрѣчены изображенія мирной фигуры съ головой о пяти верхахъ (рис. 10) и съ гладкимъ теменемъ (рис. 14).

4) Птицы съ головами человѣка (рис. 7 и 15), также островерхими.

5) Ящеръ. Лишь на одномъ блюдѣ, рис. 17 и 19.

6) Женскія фигуры (рис. 10).

7) Отдѣльныя человѣческія головы, островерхія, съ космами позади (рис. 16, 19 и 29).

8) Медвѣди (рис. 17, 19, 22, 25, 28, 29).

9) Сѣверные олени (рис. 11, 23).

10) Кони (рис. 9, 14).

11) Птицы (рис. 15, 31, 54).

12) Рыбы (рис. 5, 7, 11, 15, 19).

13) Головастики (рис. 17, 19).

14) Лучистыя солнце и луна (рис. 7).

15) Неопредѣленныя (рис. 5, 9, 11, 15, 17, 33).

Важнѣйшая изъ сценъ представлена на блюдѣ рис. 7. Здѣсь мы видимъ символъ неба—птицу съ головою человѣка, крылатое солнце, лучистую луну, ниже, какъ бы на земной поверхности—группу изъ четырехъ воинственныхъ фигуръ и двухъ мирныхъ и еще отдѣльно—воинственную фигуру и маленькую восьмую мирную, относящуюся къ стар-

шей изъ фигуръ (какъ на рис. 9). Смысль сцены пока неясенъ; его нельзя устанавливать произвольными предположеніями, а слѣдуетъ выяснять разсказами въ преданіяхъ и эпосѣ маньси и самоѣдовъ. Подобная сцена изъ 7 воинственныхъ фигуръ имѣется на рис. 9; на рис. 11 вмѣсто боевыхъ фигуръ все мирныя.

Серебряныя блюда съ одинаковыми нарѣзными изображеніями встрѣчены безразлично и на Камѣ, и на Оби. Кажется, что, сверхъ обыкновенія, они не подвѣшивались на деревья, а скорѣе имѣли какое-то примѣненіе при религиозныхъ обрядахъ. По крайней мѣрѣ, отверстіе для привѣшиванія оказалось лишь на одномъ блюдѣ съ такими фигурами (рис. 19).

Огромное большинство нарѣзныхъ фигуръ, видимо, относится къ одному времени, когда имъ и придавалось религиозное значеніе. Но имѣются блюда и съ болѣе поздними нарѣзными фигурами, совершенно иного характера (рис. 13 и 32).

Несомнѣнно, что нарѣзныя изображенія наносились на мѣстѣ, какъ о томъ ясно свидѣлствуютъ реальныя фигуры сѣвернаго оленя (изображенія коней крайне плохи). Но иконографическіе типы важнѣйшихъ изъ нихъ, надо думать, созданы не въ низовьяхъ Оби и Печоры или на Камѣ, а принесены со стороны. Весьма наглядно доказывается это привозною бляхою рис. 4 съ изображеніями боевыхъ фигуръ, найденною въ окрестностяхъ г. Березова, искусной работы. Подобныхъ по формѣ и назначенію бляхъ въ данныхъ районахъ извѣстно уже не мало, и всѣ безъ исключенія онѣ должны быть признаны не мѣстными. Таковы, кромѣ указанной бляхи: рис. 6 съ изображеніями чуждыхъ птицъ (подобныя бляхи, съ характерными отверстіями извѣстны на Кавказѣ и изъ Харьковской губ., вообще изъ аланскихъ могильниковъ, а также въ Венгріи), рис. 8 съ византійскимъ изображеніемъ грифона, рис. 12 съ мирными фигурами, рис. 53 съ простымъ орнаментомъ, зеркала рис. 31, 33 и 54; того же происхожденія и назначенія зеркала рис. 18, найденное съ вещами болѣе поздняго времени. Бляхи Истяцкаго клада (рис. 38—47) также привозныя. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что всѣ вообще древнія серебряныя блюда и бляхи съ изображеніями доставлены были югрѣ персидскими или тюркскими купцами, въ обмѣнъ на мѣха. Тѣмъ же путемъ долговременныхъ сношеній могъ привиться къ югрѣ и парсизмъ, который долженъ былъ оставить неизгладимый слѣдъ въ ея вѣрованіяхъ и разнообразно отразиться въ реальныхъ принадлежностяхъ ея религиознаго быта; изъ того же источника должны были выйти разнообразныя металлическія подѣлки религиознаго значенія, вызвавшія

обильныя мѣстныя подражанія, приче́мъ въ культъ могли войти и изображенія прямо художественнаго замысла, но почему либо совпавшія съ религіозными представленіями мѣстнаго населенія. Что тутъ свое, будемъ знать, когда выяснится, что было привозное.

На бляхахъ замѣчательнаго Истяцкаго клада (рис. 29, 31, 33, 38—47) на́рѣзаны изображенія: одноголовыхъ и трехголовыхъ птицъ съ головами человѣка на груди и безъ нихъ, всадниковъ, отдѣльныхъ головъ человѣка, медвѣдей, бобровъ, зайца, птицъ и какія-то еще неопредѣленныя. Изображенія эти совершенно такія же, какъ и въ наборѣ найденныхъ вмѣстѣ съ ними литыхъ фигуръ (рис. 20, 24, 30, 34—37). Общаго съ фигурами, на́рѣзанными на блюдахъ съ Камы и низовьевъ Оби, мало (отдѣльныя головы человѣка рис. 29, птицы рис. 31, плохіе кони рис. 39), но техника въ нихъ та же (ребра и вырѣзы на груди). Это, повидимому, мѣстная серія изображеній, средне-обская. Не исключается возможность, что современемъ и здѣсь будутъ найдены на́рѣзныя фигуры ниже-обскихъ типовъ, въ томъ или другомъ видѣ, такъ какъ онѣ не могли миновать среднюю Обь, не оставивъ здѣсь слѣда. Полагать же, что ниже-обскія на́рѣзныя фигуры идутъ съ запада, съ Камы, нельзя уже потому, что на Камскихъ блюдахъ съ изображеніями имѣются фигуры сѣверныхъ оленей и большихъ рыбъ; тѣ и другія естественнѣе вести не съ Печоры и Двины, а именно съ Оби. Присутствіе въ Истяцкомъ кладѣ китайскихъ зеркалъ и прорѣзной бляхи съ изображеніемъ оленя (рис. 48) тѣсно связываетъ его съ древностями специально-сибирскими.

Истяцкій кладъ по нѣкоторымъ своимъ изображеніямъ (напр. мчащейся собаки) и по техникѣ находится въ тѣсной связи съ богатымъ Гляденовскимъ костыщемъ, на которомъ также встрѣчены на́рѣзныя фигуры, хотя и въ ничтожномъ количествѣ. На рис. 55—58, 60, 61, 63—69, 71—73, 75, 76, 78—83 представляемъ нѣкоторыя изображенія изъ костыща, мѣстной работы и привозныя. Это нестрое собраніе фигуръ, среди которыхъ трудно различить темы религіозныя, votивныя и простыя украшенія; въ качествѣ несомнѣнно религіозныхъ фигуръ можно указать на изображенія птицъ съ человѣческими головами на груди и, пожалуй, сулде (рис. 66). Другія костыща края дали мало металлическихъ подѣлокъ; между послѣдними наиболѣе интересны изображенія всадниковъ (рис. 84, 89—93). Соответственныя костыща на Оби еще не открыты, хотя, безъ сомнѣнія, существуютъ *).

---

*) Находки съ костыщъ Пермскаго края имѣютъ таинственное отношеніе къ по-
Записки Отд. русск. и сл. арх. И. Р. А. О. Т. VIII, в. 1. 3

III. *Время расцвѣта шаманскихъ изображеній (VIII—IX в.).*

Лучшія шаманскія изображенія относятся къ VIII—IX в.. Фигуры очень разработанныя въ смыслѣ иконографіи, композиціи весьма разнообразныя, подѣлокъ множество. Это золотой вѣкъ для чудскихъ «образковъ». Мастера, можетъ быть, исключительно свои, достигшіе въ своемъ дѣлѣ отличной техники. Судя по нѣкоторымъ находкамъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время образки однихъ и тѣхъ же мастерскихъ свободно распространялись по всему урало-алтайскому міру, но въ бассейнѣ р. Оби соотвѣтственныхъ подѣлокъ найдено пока ограниченное количество. Главная масса ихъ падаетъ на бассейнъ Камы и отчасти Печоры, гдѣ обнаружены цѣлые клады такихъ издѣлій (р. Ухта, д. Пѣшкова, с. Кишерть, д. Плесь). Гдѣ былъ центръ мастерскихъ, — по З. или В. сторону Урала — пока совершенно невозможно опредѣлить.

Элементы изображеній:

1) Сулде. Лучшее изображеніе на рис. 118: тонкое изогнутое туловище, крылья, птичій хвостъ, трехпалыя руки, ноги носкомъ, знакъ пола, острый длинный носъ, на темени голова лося; не представлено лишь широкихъ ушей и космъ, совершенно ясныхъ на другихъ подѣлкахъ (напр. рис. 122 и 160). Итакъ сулде есть челоуѣкообразное существо съ крыльями и хвостомъ птицы и съ головою и ступнями верблюда или лося. Полныя изображенія сулде очень рѣдки. Обыкновенно они трактуются въ сокращенномъ видѣ: или одна рука крыломъ, другая рукой, или руки представлены крылатыми (какъ рис. 122), или крылья соединены съ руками (какъ рис. 109), или представлены два крыла безъ рукъ (какъ рис. 116), или обѣ руки безъ крыльевъ (какъ рис. 141), или крыло и крылатая рука (рис. 119). Изрѣдка въ изображеніи сулде отсутствуетъ голова челоуѣка, какъ на рис. 157. Крылья обыкновенно короткіе, но есть и длинныя (рис. 116). Подбородокъ сулде иногда выдающійся (какъ рис. 129). Бороды и усомъ у боковыхъ сулде, повидимому, никогда не изображается (на рис. 128 едва-ли борода). Ноги или носкомъ, или чаще трехпалыя и двупалыя лосиныя: иногда ноги непарныя (рис. 139). Изрѣдка ноги изображаются со ступнями челоуѣка (рис. 139, 140, 189, 194 и др.). Голова лося на одномъ изъ сулде рис. 131 замѣнена головою орла. На рис. 154 пред-

---

дѣлкамъ изъ мѣди въ видѣ людей и животныхъ Сѣвернаго Кавказа, но непосредственной связи между ними не усматривается. Идея, вѣроятно та же, а выраженіе ея иное.

ставлены быть можетъ, женскія сулде. Любопытнѣйшее изображеніе рис. 196 помѣщаетъ на плечахъ сулде ихъ символы—солнце и мѣсяць, въ соотвѣтствіи съ нарѣзнымъ изображеніемъ рис. 27.

Таковы боковыя сулде. Средніе, когда они ясны, имѣютъ совершенно тотъ же иконографическій типъ (рис. 179); иногда же на нихъ замѣнъ лосиной головы помѣщается орлиная (рис. 160). Вообще средніе сулде представляются въ большомъ сокращеніи; крыльевъ у нихъ въ извѣстныхъ экземплярахъ не встрѣчено ни разу. Любопытно отмѣтить, что на нѣкоторыхъ изображеніяхъ у среднихъ сулде отмѣнены борода или усы (рис. 155, 177, 204 и др.).

2) Лось или верблюдъ (рис. 98—100). Тонкое длинное туловище, длинныя тонкія ноги (переднія короче), длинная шея, длинная изогнутая голова съ отвислой мордой и съ длинными ушами, ступни лосиная или носкомъ, хвостъ короткій пушистый (а можетъ быть и длинный, какъ на рис. 98). Нерѣдки, но необязательны баки. Уши перистыя; они по необходимости удлинены въ соотвѣтствіи съ длинною мордою. Морда въ нѣкоторыхъ экземплярахъ покрыта складками или морщинами (какъ рис. 150), нижняя челюсть иногда снабжена волосами (какъ рис. 108). Весьма важно изображеніе рис. 99, представляющее лося съ головою сулде на шеѣ; это какъ бы воплощеніе сулде въ лося.

3) Ящеръ (рис. 94, 108 и др.). Длинное, плотное, гибкое туловище съ массивною головою, короткія лапы, короткій хвостъ. Часто изображаются уши и неопредѣленный хохоль или рогъ на головѣ, иногда чрезмѣрно удлиненный (рис. 111). Пасть почти всегда открыта, причемъ нижняя челюсть заворачивается вверхъ. Есть изображенія головы явно въ видѣ головы рыбы (рис. 108); на подбородкѣ иногда космы (рис. 106). У одного ящера обозначены плечи (рис. 160).

Встрѣчаются ящеры парами (рис. 104, 156, 158). Въ такой парѣ иногда одинъ изъ ящеровъ замѣняется хищнымъ животнымъ (рис. 105 и 111).

Ящеры, видимо, водныя существа. За это говоритъ нѣкоторое сходство ихъ съ рыбами, особенно въ формовкѣ головы, а особенно нанесенные на нихъ символы въ видѣ рыбъ, бобра, птицы и какого-то длиннаго животнаго съ тонкимъ туловищемъ, вѣроятно, также воднаго (рис. 1, 96, 97 и 108).

4) Кричащія птицы. Лучшее изображеніе на рис. 108: легкая для быстрого полета фигура, длинныя крылья, длинный изогнутый хвостъ, страшно разинутая, прямо развороченная пасть, длинныя перистыя уши,

*

баки, короткія подобранныя ноги. Часты отдѣльныя изображенія въ видѣ пронизки (какъ рис. 342). Птицы чаще представлены на быстромъ лету и рѣже въ сидячемъ положеніи. Очень отчетливо и характерно изображеніе рис. 102; апопееозъ кричащимъ птицамъ представленъ на композиціи рис. 112.

5) Филинъ и орелъ, необходимыя фигуры для изображенія птицы съ головою человѣка на груди. Орелъ представляется сравнительно рѣдко, а изображеніе филина имѣетъ огромное примѣненіе. На бляхѣхъ рис. 252, сравнительно поздней, представлены обѣ эти птицы, одна съ опущенными крыльями, другая съ раскрытыми.

6) Различныя животныя: медвѣдь (рис. 95, 127, 211, 316, 334, 347, 349—351, 361, 363 и др.), бобръ (рис. 149, 176), заяць (рис. 316, 353, 355, 358), соболь? (рис. 149, 176, 316), гусь (рис. 127, 316, 354, 359), утка (рис. 337, 338, 340), змѣя? (рис. 211), лягушка (396, 397). Ихъ изображенія, въ видѣ цѣлыхъ фигуръ, а чаще головъ, помѣщаются обыкновенно въ качествѣ дополнительныхъ, но медвѣдь, заяць, гусь, лягушки встрѣчаются и въ формѣ самостоятельныхъ подѣлокъ.

7) Цѣлыя фигурки и отдѣльныя головы человѣка. Большинство неопредѣленныя круглолицыя, но въ болѣе реальныхъ экземплярахъ опредѣленно выражены финскія черты: впалыя щеки и острый подбородокъ. Темя острое, какъ и у современныхъ вогульскихъ идоловъ. Случайное косоглазіе говоритъ лишь о неискренности мастера (рис. 255). Дополнительные человѣческія фигуры обнажены (рис. 133).

Композиціи:

1) Рѣдкія изображенія: всадницы на ящерѣ (рис. 94 и 97), беспорядочная группа животныхъ на ящерѣ (рис. 95), всадники на лосѣ или верблюдѣ (рис. 98—100), двѣ человѣческія фигуры въ кругу (рис. 101), медвѣдь въ кругу животныхъ (рис. 103), сулде на ящерѣ въ кругу (рис. 104—106), сулде на ящерѣ, въ сопровожденіи кричащихъ птицъ (рис. 108), три всадника (рис. 110 и 111), группа кричащихъ птицъ (рис. 112).

2) Сулде вправо и влево, на ящерѣ, нерѣдко въ сопровожденіи животныхъ. Весьма распространенное изображеніе (рис. 96, 107, 109, 113—124, 126—129, 132—135, 137, 139—141, 149). Композиція очень опредѣленная и прочно установившаяся. Сулде представлены стремительно несущимися впередъ на ящерѣ, въ позѣ человѣка, спускающагося съ ледяной горы на санкахъ. Свита изъ птицъ и животныхъ увеличиваетъ шумъ, гамъ, стремительность движенія; въ

фигурѣ рис. 108 такъ и чувствуется свистъ вѣтра. Есть сулде, бѣгущіе самостоятельно (рис. 109). Въ фигурахъ нѣтъ ничего воинственнаго. Это или развѣдчики (чуткій носъ), или носители жизненнаго начала; впрочемъ, смыслъ композиціи остается совершенно темнымъ.

У сулде рис. 117 три головы, у сулде рис. 140 ноги фасомъ. Очень рѣдки изображенія съ двумя сулде вбокъ (рис. 130) и сравнительно часты «образки» съ семьею сулде (рис. 144—148, 150, 152, 154). Изъ послѣднихъ особенно замѣчательно изображеніе рис. 144 съ фигурою впрямь старшаго изъ сулде, котораго шаманисты мѣстами называютъ Ормуздомъ.

Очень рѣдки изображенія двухъ сулде безъ ящеровъ, идущихъ и стоящихъ (рис. 125 и 131). Рѣдки также изображенія сулде влѣво (почему-то безъ ящеровъ, рис. 151 и 153).

3) Сулде впрямь, средніе. Судя по рис. 144, средній сулде, изображаемый впрямь, есть старшій изъ сулде, ихъ глава, князь. Кажется, что только ему усваиваются борода и усы; въ остальномъ его фигура ничѣмъ не отличается отъ изображеній боковыхъ сулде (рис. 179). Лишь на рис. 160 средній сулде имѣетъ на темени голову орла вмѣсто головы лося. Вообще же, какъ отмѣчено выше, средній сулде, въ силу своей позиціи фасомъ, на «образкахъ» представляется въ сокращенномъ видѣ, безъ крыльевъ и головы лося, нерѣдко даже въ видѣ одной головы. Боковые сулде уже на подѣлкахъ даннаго времени начинаютъ изображаться въ видѣ столбиковъ съ головами лося, или даже одними столбиками (рис. 175—177 и др.).

Смыслъ композиціи, состоящей изъ одного средняго сулде и двухъ боковыхъ, столь распространенный, также совершенно неуловимъ. Боковые сулде служатъ среднему, какъ высшему (рис. 155, 157—160, 163, 168, 169, 170, 179). Вмѣсто одного средняго, на изображеніяхъ нерѣдко помѣщаются два или три, въ послѣднемъ случаѣ чаще въ видѣ семьи (рис. 175—178, 185). Очень обыкновенны изображенія средняго сулде въ видѣ одной головы (рис. 189—194, 196, 197, 198, 201—205). Пока не имѣется никакихъ основаній утверждать, что въ данной композиціи полныя фигуры сулде старше изображеній ихъ въ видѣ одной головы.

Дополнительныя изображенія животныхъ на этихъ подѣлкахъ встрѣчаются рѣдко (рис. 175, 176, 179).

4) Человѣческія изображенія съ дополнительными фигурами (рис. 207, 209—213, 215, 216, 218—226). Въ этотъ отдѣлъ мы механически соединяемъ весьма разнородныя подѣлки, не

умѣя ихъ растолковать. Особое вниманіе къ себѣ привлекаютъ: древнее изображеніе человѣка съ головами птицъ (рис. 218), изображеніе лица съ змѣями или рыбами по сторонамъ (рис. 207) и изображеніе головы съ пятью головками на темени (рис. 221).

5) Изображеніе всадника или всадницы (рис. 230 и 231).

6) Простыя человѣческія изображенія, безъ дополнительныхъ фигуръ (рис. 238, 242, 243, 247, 249—251). По всей вѣроятности, это не что иное, какъ сокращеніе подобныхъ фигуръ съ головами лося и ящера.

7) Изображенія птицъ съ человѣческою головою на груди и безъ нея. Это едва ли не важнѣйшія шаманскія изображенія, идущія отъ ранней поры и до очень поздней. Древнѣйшія изображенія, повидимому, рис. 7 и 259. Къ VIII—IX в. могутъ быть относимы рис. 253, 254, 260—273, 275, 279, 281, 283, 285, 288). Среди этихъ изображеній особую группу составляютъ фигуры птицъ съ изображеніями дѣлаго человѣка, композиція весьма трудная (рис. 254, 285 и 288). Совершенно особую группу составляютъ изображенія рис. 264 и 266, представляющія птицу съ тремя головами типа кричащихъ птицъ. Ящеры имѣются лишь на фигурахъ рис. 267, 268 и 279. Не касаемся подробностей, отмѣчаемыхъ въ дальнѣйшемъ изложеніи при описаніи каждой находки въ отдѣльности.

8) Круглыя бляхи съ изображеніемъ группъ животныхъ (рис. 316—321, 323—326). Въ композиціи обращаетъ на себя вниманіе какой-то круглый щитокъ, усвоенный почти всеми этими изображеніями. Смысл подѣлокъ, конечно, не ясенъ. Видимо, это не борьба звѣрей. Изображеніе рис. 323 присоединяется къ данному отдѣлу лишь механически.

9) Плоскія бляшки съ изображеніемъ борьбы животныхъ (рис. 314). Тема не ясна и, повидимому, не изъ старыхъ.

10) Поляя фигуры съ изображеніями борющихся животныхъ, кричащихъ птицъ, медвѣдей, зайцевъ, гусей, утокъ (рис. 322, 327—334, 337, 339, 341, 342, 344—359 и далѣе). Техника и композиція нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ изображеній совершенны; это замѣчаніе особенно относится къ подѣлкамъ рис. 331, 334 и 342. Въ сценахъ борьбы животныхъ полагаемъ возможнымъ видѣть отзвуки, можетъ быть, не прямыя, подобныхъ темъ сибирской коллекціи Петра Великаго.

11) Изображенія медвѣдей и другихъ животныхъ.

Фигуры медвѣдей многочисленны и довольно разнообразны (кромѣ отмѣченныхъ выше, рис. 360—364, 366—370, 372, 374—376, 378, 380). Между ними особое вниманіе привлекаютъ фигуры рис. 362, 374 и 375, ставящія медвѣдей явно въ рядъ изображеній религіознаго характера. Другія животныя: конекъ (рис. 377, 382, 383, 388, 389), хищный звѣрь въ видѣ барса (или же собака, рис. 390), баранъ? (рис. 391), гусь (рис. 394), лягушка (рис. 396 и 397), ящеръ (рис. 403—406).

Къ нарѣзнымъ фигурамъ описанныя изображенія имѣютъ очень слабое отношеніе.

IV. Тѣ же изображенія болѣе поздняго времени (X—XIV в.).

Въ X и XI в. сохраняются лишь основныя темы шаманскихъ изображеній. Композиціи сокращаются, техника падаетъ, подѣлки насчитываются чуть не единицами, Мѣсто нахожденія ихъ—почти исключительно Камя. Съ постепенной демократизаціей шаманизма, видимо, совпадаетъ его упрощеніе и обезличеніе. Творческая сила шаманизма уходитъ, быть можетъ, на созданіе общественныхъ молитвенныхъ мѣстъ съ деревянными идолами и учрежденіе религіозныхъ празднованій. Соотвѣтственно мѣняется и домашній религіозный бытъ, въ томъ направленіи, какой наблюдается у язычниковъ-шаманистовъ нашихъ дней.

Въ нашемъ атласѣ къ шаманскимъ подѣлкамъ этого времени относятся слѣдующія изображенія:

- 1) Сулде вбокъ (рис. 136, 138, 142, 143, можетъ быть, 147).
- 2) Сулде впрямь (рис. 161, 165, 171, 172, 173, 174, 180—184, 186, 187, 195, 196, 199, 200).
- 3) Человѣческія изображенія съ дополнительными фигурами (рис. 206, 208).
- 4) Всадникъ (рис. 228, 229).
- 5) Человѣческія фигуры простыя (рис. 239, 244).
- 6) Птицы съ изображеніями на груди (рис. 262, 267, 274, 277, 278, 282, 284, 286, 289, 290—292, 294—297, 300, 301, 303). Характерная особенность—изображенія цѣлыхъ фигуръ человѣка и животныхъ.
- 7) Борьба животныхъ (рис. 315).
- 8) Поляя фигуры: въ видѣ борьбы звѣрей (рис. 335), птицъ (336, 338).
- 9) Медвѣдь (рис. 365). Конекъ (рис. 379, 386). Уточка (рис. 393). Змѣя (рис. 398). Ящеръ (рис. 399, 401, 407, 408).

Предлагаемый список не может выдержать строгой критики. Въ немъ есть, безъ сомнѣнiя, вещи IX в., есть, быть можетъ, и позднѣйшiя, относящiяся напр. къ XII в. Большинство же ихъ, по всей вѣроятности, относится къ переходному времени между IX и X в.

Съ значительнымъ рискомъ, въ нашемъ атласѣ могутъ быть отмѣчены вещи тѣхъ же типовъ болѣе поздней поры, XII—XIV в. Таковы: трио рис. 246, птицы съ головою человѣка рис. 277 и 280, птица съ изображенiемъ всадника рис. 287, птицы рис. 293, 298, 304 и 311 и особенно полые медвѣди и птицы рис. 343, 348, 371, 373, а также изображенiя рыбъ рис. 400, 419—421. Сюда же должна быть отнесена фантастическая группа рис. 214 и человѣческiя фигуры рис. 234—236. Последнiя не могутъ быть отнесены къ числу чудскихъ изображенiй.

Г. Коллекция г. Сидорова.

Своеобразная коллекция шаманскихъ подѣлокъ, вывезенная г. Сидоровымъ съ рч. Соплесь (среднее теченiе р. Печоры), требуетъ отдѣльнаго анализа.

Несмотря на разнообразiе входящихъ въ нее изображенiй, весьма возможно, что они принадлежатъ къ одному времени и составляли кладъ вещей, еще не пущенныхъ мастеромъ въ обращенiе. Всѣ грубыя подѣлки въ видѣ головъ о три теменя или отростка чрезъ фигуру рис. 425 по техникѣ соединяются съ птицей рис. 423 (характерныя каннелюры и одинаковая съ рис. 422 трактовка лица). Птица рис. 435 имѣетъ тѣ же каннелюры. Птица рис. 436 по характерному канту соединяется съ птицей рис. 428 и отличнымъ медвѣдемъ рис. 428. Медвѣдь рис. 431 тождествомъ позы соединяется съ фигурой рис. 424. Отдѣльно стоятъ вещи рис. 426 и 430. Судя по литничку на головѣ фигуры рис. 426, последняя еще не была въ употребленiи, какъ и многiя другiя подѣлки клада, такъ что есть нѣкоторое, хотя и очень второстепенное основанiе относить ее также къ общему составу коллекци. Остается изображенiе семи сулде на ящерѣ рис. 430, весьма отличающееся отъ другихъ подобныхъ тѣмъ, что на теменя перваго, а можетъ быть и остальныхъ, представлена голова кричащей птицы, а не лося, а это идетъ къ странностямъ остальныхъ фигуръ коллекци. Двѣ особенности подѣлокъ коллекци напоминаютъ нарѣзные фигуры: головы о три теменя и орнаментъ въ видѣ канта, представляющаго пять изъ полукруговъ, какъ на рис. 19. Вмѣстѣ съ головою рис. 221, въ кол-

лекціи Сидорова мы находимъ единственное отраженіе темъ нарѣзныхъ изображеній.

Время не беремъ опредѣлять. Кантъ рис. 435 ближе всего напоминаетъ подѣлки VIII—IX в., но онъ встрѣчается и раньше, и нѣсколько позднѣе.

VI. Подѣлки Чердынскаго лѣтня.

На берегу р. Уньи, впадающей въ Печору въ самомъ углу Чердынскаго у., въ 1884 г. найденъ былъ большой кладъ шаманскихъ и иныхъ подѣлокъ, разошедшійся по рукамъ. Лишь немногія вещи этого клада попали въ музей (главнымъ образомъ Екатеринбургскій).

Всего, по слухамъ, найдено было до пуда вещей.

Уньинскія подѣлки должны быть выдѣлены въ отдѣльную группу какъ по технику, такъ и по композиціи. Въ технику характерная неясность, вялость изображеній; въ композиціи: своеобразный типъ сулде на ящерѣ (рис. 470, 471, 474), у птицъ добавочныя головы на крыльяхъ и на груди (рис. 454, 455, 461, 467, 473), иногда головы вправо (рис. 461, 473), изображеніе птицы, поднимающейся вверхъ (рис. 460), пары головъ (рис. 449). Есть и обыкновенныя изображенія (рис. 458).

По технику и композиціи птицъ уньинскія подѣлки ближайшую аналогію имѣютъ въ печорской же коллекціи Сидорова. Такъ, голова птицы рис. 454 и перья птицы рис. 461 тѣ же, что на птицѣ рис. 427; одинакова трактовка крыльевъ у рис. 460 и 423; близки головы человѣка на рис. 461 и 425.

Березовская головка рис. 417 принадлежитъ, быть можетъ, также къ уньинскому типу подѣлокъ.

VII. Подѣлки грубаго лѣтня.

1) Въ этомъ отдѣлѣ прежде всего отмѣтимъ большія уфимскія подѣлки рис. 410—414. Композиція рис. 412 очень занимательна, но неясна. Быть можетъ, это изображеніе обоготворяемыхъ деревьевъ или иначе—лѣсныхъ духовъ; руки простерты, какъ вѣтви. Съ такою темою мы еще не встрѣчались. Подѣлки рис. 410 и 411, скорѣе всего, представляютъ головы такихъ же духовъ. Рис. 414 совершенно непонятенъ.

2) Въ положительную связь съ этими подѣлками ставимъ человѣческія изображенія въ видѣ тумбъ съ руками въ стороны, находимыя

въ Екатеринбургскомъ у. и по Оби. Лучшая фигура рис. 440: туловище и голова въ видѣ древеснаго столба, сбоку лѣсной звѣрекъ, руки въ стороны, съ раздвинутыми пальцами, волоса на головѣ и рубчики по туловищу какъ на рис. 412. Къ этой разновидности относятся рисунки 440, 441, 445, 446, 451. Другая разновидность: такое же изображеніе съ раздѣльно вылитыми ногами (рис. 444, 450, 453).

3) Екатеринбургскія птички, украшенныя рубчиками (рис. 434, 456, 457, 459, 462, 468, 472). Длинныя узкія крылья, широкій хвостъ, голова обыкновенно въ сторону, иногда схематична. Къ этому же типу относятся птички рис. 464 (съ орнаментомъ выемчатымъ), рис. 466 (гладкая, крылья разрѣзныя, голова какъ рис. 468), рис. 469 (по формѣ, общей съ рис. 456 и 462) и, можетъ быть, рис. 463 (отростки какъ у рис. 472, голова вбокъ, рубчики, хотя и рѣдкіе); рис. 447 представляетъ также птичку, хотя и напоминаетъ фигуру человѣка. По техникѣ эти подѣлки близки къ предыдущимъ.

4) Тобольскія человѣческія фигурки съ разставленными руками и ногами. Длинные пальцы снабжены перепонками (рис. 448 и 452). Судя по сплющенной головѣ рис. 452, это подѣлки тѣхъ же мастеровъ, какъ и екатеринбургскія птички (рис. 462). Другая разновидность той же композиціи—человѣческія фигурки рис. 437, 438, 442 и 443. Фигуры эти явно мужскія, старообразныя, съ дополнительными изображеніями на головѣ. Изображенія обыкновенно лишь изъ темной бронзы, напоминающей чугуны. Относитъ ихъ къ одному времени съ подѣлками первой разновидности нѣтъ основаній. Подѣлка рис. 439 единственная въ своемъ родѣ; такъ какъ она найдена въ д. Малой Аниковой, то можетъ быть относима къ X—XI в. Изображенія описываемаго отдѣла не имѣютъ никакого видимаго отношенія къ остальнымъ, ни по темамъ, ни по техникѣ. Это скорѣе всего амулеты, на лѣсную и рыбную ловлю. Время ихъ пока совершенно неопредѣлимо, равно какъ и происхождение.

Рис. 477 представляетъ собою современнаго вогульскаго идола (Сорокинъ, Путешествіе къ вогуламъ. Каз. 1873).

VIII. Подѣлки къ шаманскимъ оргоямъ и шапкамъ.

На рис. 475, 476, 478, 480, 482—484, 487 помѣщены изображенія желѣзныхъ подвѣсокъ къ извѣстному шаманскому оргою Казанскаго Университета. Нѣкоторыя изъ нихъ ясны, другія же непонятны. Къ такого же рода подвѣскамъ принадлежатъ: мѣдная прорѣзная бляха съ изображеніемъ птицы рис. 485 (подобныхъ подвѣсокъ

извѣстно много, онѣ позднія), мѣдная птичка рис. 479 и двѣ желѣзные подѣлки изъ Кунгурскаго клада VIII—IX в. рис. 481 и 486.

IX. Подѣлки изъ восточной Сибири.

Лучшее доказательство отсутствія шаманскихъ подѣлокъ въ восточной Сибири—отсутствіе ихъ въ Минусинскомъ музеѣ.

На рис. 488—494 помѣщаемъ изображенія немногихъ фигуръ предположительно религіознаго значенія, найденныхъ не въ бассейнѣ Оби. Изъ нихъ сравнительно часто попадаются фигуры типа рис. 492 и 494 (на Енисеѣ), можетъ быть, тунгускія. Имѣютъ ли онѣ близкое отношеніе къ подобнымъ изображеніямъ урало-алтайскимъ (рис. 490, 432 и 415), невозможно сказать.

Библиографія.

Спеціальныя работы:

1) Анучинъ Д. Н. Къ исторіи искусства и вѣрованій у приуральской чуди.—Матерьялы по археологіи восточныхъ губ. т. III. (1899), стр. 87—160.

2) Теплоуховъ Ѳ. А. Древности Пермской чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ.—Пермскій Край т. II.

3) Спицынъ А. Шаманизмъ въ отношеніи къ русской археологіи.—Зап. И. Р. А. О. т. XI. в. 1, 167—176.

4) Флоринскій В. М. Первобытные славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни, ч. II в. 1 (1896), стр. 273—339.

Изданія матеріаловъ:

5) Aspelin, Antiquités du nord finno-ougrien. Вып. II. (1877).

6) Ешевскій С. Записка о Пермскихъ древностяхъ.—Пермскій Сборникъ т. I, 132—142.

7) Heikel A., Antiquités de la Sibérie occidentale. Helsingfors. 1894.

8) Спицынъ А. Гляденовское костыще.—З. И. Р. А. О., т. XII в. 1, 228—269.

9) — Древности Камской чуди по коллекціи Теплоуховыхъ. Спб. 1902.

10) Теплоуховъ Ѳ. А. Рисунки древностей Пермской чуди, принадлежащихъ Пермскому музею.—Труды Пермск. арх. ком. вып. III.

11) — Чудское жертвенное мѣсто на Колвѣ.—Тамъ же.

Текстъ къ рисункамъ.

I. Изображенія нарѣзныя. Вещи съ костищъ.

Рис. 4. Литая бляха съ изображеніемъ трехъ воинственныхъ фигуръ. Вывернутыя плечи, короткія дѣтскія или медвѣжьи ноги, со складками въ колѣнахъ и у ступней, пояса, ожерелья, глазныя орбиты въ видѣ полукруговъ, на темени по три уха; сабли въ видѣ широкихъ ножей, съ короткими эфесами. Для прикрѣпленія два отверстія, какъ у рис. 6. Бѣлая бронза или серебро. Изъ окрестностей г. Березова въ низовьяхъ Оби. Тобольскій музей. Изображенія очень отчетливы и типичны. Вѣроятно, что это не мѣстная работа.

Рис. 8. Серебряное блюдо съ изображеніемъ кормленія змѣи. Очень хорошее изображеніе воинственной фигуры; усы, знакъ пола, поясъ; сабли безъ эфеса. На блюдѣ еще нацарапаны 2—3 маленькія рыбки и весьма неопредѣленная, неудавшаяся фигура. Коллекція гр. Г. С. Строганова.

Рис. 6. Серебряная бляха не мѣстной работы съ изображеніемъ двухъ птицъ по сторонамъ растенія. Выпуклый ободокъ, два широкія отверстія съ характерными колечками вокругъ. Подобныя бляхи (безъ изображеній) встрѣчены въ Харьковскихъ и Кавказскихъ могильникахъ VIII—IX в. Эрмитажная коллекція Флорова (№ 162), изъ Змѣиногорска Бійскаго окр.

Рис. 7. Огромное серебряное блюдо собранія гр. Строгановыхъ. Среди чудскихъ изображеній, на него нанесенныхъ, чрезвычайно важны три религіозные символа: солнца съ распростертыми крыльями, луны (?) въ видѣ круглаго человѣческаго лица съ нимбомъ вокругъ и птицы съ изображеніемъ лица. Послѣднее изображеніе имѣетъ въ общемъ видѣ треугольника. Острая голова, опущенныя крылья, хвостъ въ 3 пера, лапы на вывернутыхъ ногахъ. Во всѣхъ трехъ изображеніяхъ чувствуется простота и опредѣленность, признакъ вполне установившихся типовъ. Человѣческія изображенія могутъ быть разбиты на двѣ серіи. Въ первой заключаются изображенія пяти воинственныхъ фигуръ общаго типа; у нихъ танцевальная поза, ступни въ стороны, знакъ пола, усы прусскаго образца, пояса, у всѣхъ вырѣзы на груди, у трехъ на головѣ уши. Изображеній второй серіи два. У этихъ ступни внутрь носками, сабель въ рукахъ и ушей на головахъ нѣтъ; есть поясъ, знакъ пола, руки сложены на животъ или же разставлены, темя у всѣхъ замѣнено острыми лепестками орнамента блюда. Восьмое такое же маленькое изображеніе помѣщено между фигурами солнца и птицы. Подъ

конемъ нацарапанныя изображенія двухъ рыбъ. Всѣ изображенія, видимо, одновременны и въ общемъ представляютъ одну сцену. Лошадь, судя по аналогіи съ рис. 9, можетъ быть, также входитъ въ сцену. С. Слудка Пермскаго уѣзда.

Рис. 8. Большая литая серебряная бляха съ изображеніемъ грифона. Въ технику обращаетъ на себя вниманіе кантъ изъ круглыхъ горошинокъ на клювѣ и крыльяхъ. Такъ какъ бляха эта привозная, то и техника кантовъ, очевидно, не мѣстнаго происхожденія. Широкое отверстие для подвѣшиванія. Изъ рисунковъ Медвѣдева, хранящихся въ Императ. Археологической Коммиссіи.

Рис. 9. Большое глубокое блюдо съ обломанною рукоятью. Семь воинственныхъ фигуръ въ позѣ исполняющихъ танецъ. Изображенія ихъ обычны; у всехъ означены ребра, почти у всѣхъ вырѣзы на груди въ видѣ галстуховъ; плечи крутыя, массивныя. У большой фигуры на животѣ изображеніе сидящей хищной птицы. По аналогіи съ рис. 7, восьмая маленькая фигура, не вооруженная, рядомъ съ большой. Убогій конь, съ вырѣзомъ на плечѣ въ видѣ плети, какъ на рис. 7. По всему полю начерчены камни, облака или что-нибудь иное. Всѣ изображенія нанесены смѣлою, твердою и опытною рукою. Коцкій городокъ Березовскаго окр. Тобольской губ. (Атласъ Я. И. Смирнова № 92). Блюдо едва ли старше VIII в.

Рис. 10. Византійское блюдо, съ черневымъ изображеніемъ креста, изъ собранія гр. Строгановыхъ. Мужская фигура какъ на рис. 7, ступнями внутрь, съ пятью ушами на головѣ. Женская фигура съ двумя косами, въ короткомъ платьѣ, въ сложенныхъ рукахъ платье, на подобіе короткаго фартука. По технику исполненія видно, что обѣ фигуры одновременны. На блюдѣ еще 2 головы, начерченныя очень неискусно, иною рукою. Аналогія для женскаго изображенія на рис. 52.

Рис. 11. Серебряное блюдо изъ собранія гр. Строгановыхъ. Семь мирныхъ фигуръ, въ танцевальной позѣ (ноги въ одну сторону), почти одного роста. Головы острия, какъ бы въ шапкахъ. Изображеніе рыбы и двѣ фигуры сѣвернаго оленя, показывающія, что этотъ рисунокъ исполненъ на сѣверѣ. Еще неопредѣленное изображеніе, вѣроятно, иного времени. С. Слудка Пермскаго у.

Рис. 12. Серебряная литая бляха съ отверстиемъ для подвѣшиванія. Фигуры мужскія, пояса въ видѣ капта, какъ на рис. 8, плечи крутыя, какъ на рис. 9, головной уборъ съ полями, какъ на рис. 64 (гдѣ также имѣется кантъ). Привозная подѣлка? Изъ старыхъ рисунковъ Медвѣдева, въ Императ. Археологической Коммиссіи. Сибирь?

Рис. 13. Позднее серебряное блюдо (XIII—XIV в.?) Плохія изображенія змѣи и двухъ человѣческихъ фигуръ. По фотографическому списку, не вполне ясному. Самаровская вол. Тобольскаго окр. (Архивъ Импер. Археол. Комм. 1888, 67).

Рис. 14. Обратная сторона блюда рис. 15. Двѣ большія фигуры, вооруженная и мирная, и копъ. Рисунки переданы, повидимому, не вполне точно. Ноги вооруженной фигуры напоминаютъ самостоятельныя фигуры людей; руки мирной фигуры подняты горизонтально и опущены въ локтяхъ. Это рисунки иного мастера.

Рис. 15. Сассанидское блюдо изъ собранія Национальной Библиотеки въ Парижѣ (атласъ Я. И. Смирнова № 40). Двѣ птицы съ человѣческими головами, близкія къ рис. 7; у одной на головѣ придатокъ. Три воинственныя фигуры общаго типа и семь мирныхъ, также общаго типа, съ очень острыми головами. Хищная птица съ отдѣльными перьями въ хвостѣ, рыба, 4 цвѣтка въ видѣ почекъ и нѣсколько иныхъ отдѣльныхъ неясныхъ изображеній; перья, быть можетъ, должны означать крылья, какъ на рис. 31, а можетъ быть, это что-нибудь вроде вѣтви. Фигуры, повидимому, нанесены небрежно. Примѣтно стараніе мастера держать блюдо вверхъ, примѣняясь къ среднему изображенію, но такъ какъ фигуры можно было наносить лишь на свободныхъ промежуткахъ между выпуклыми древними изображеніями, то ему пришлось повернуть блюдо вбокъ. Фигуры не представляютъ одной сцены, вѣроятно, по неимѣнію для того удобныхъ мѣстъ; въ общемъ онѣ напоминаютъ композицію блюда рис. 7.

Рис. 16. Дно византійскаго блюда собранія гр. Строгановыхъ, съ внѣшней стороны. Семь носатыхъ остроносыхъ головъ, подобныхъ рис. 29 (Истяцкія юрты). С. Слудка?

Рис. 17. Внѣшняя сторона блюда рис. 19. Два медвѣдя, ящеръ съ разинутою пастью (баки), два головастика. Нѣсколько изображеній очень неопредѣленныхъ начертаній.

Рис. 18. Большой дискъ-зеркало изъ клада близъ д. Егозовой (рис. 305—310). Орнаментъ, не имѣющій никакого символическаго значенія, но самое зеркало, вѣроятно, имѣло значеніе символа, напр. солнца.

Рис. 19. Большое блюдо, найденное въ д. Керчевой Чердынскаго у. На днѣ отличное изображеніе медвѣдя, можетъ быть, сѣвернаго (съ кантомъ на головѣ, какъ рис. 30, но безъ вырѣза на плечѣ) и нѣсколько другихъ не очень ясныхъ (4 рыбы, медвѣдь и др.). По чистому борту болѣе изображеній: 11 человѣческихъ головъ, близкихъ къ рис. 16,

на двѣ стороны, рыбы, много головастикавъ, ящеръ съ разинутою пастью и—что удивительно—повидимому, дельфинъ; голова послѣдняго очень ясна. Всѣ начертанія, особенно малыя, нанесены весьма слабыми штрихами. Императ. Эрмитажъ. (Атласъ Я. И. Смирнова № 53).

Рис. 20, 24, 29—31, 33. Кладъ въ Истяцкихъ юртахъ (на р. Вагаѣ, притокѣ Иртыша, въ Тобольскомъ окр.). Собаки на неистовомъ бѣгу (рис. 24 не лисица ли?) Медвѣдь съ двумя человѣческими головами (какъ рис. 16), вѣроятно, не имѣющими къ нему отношенія (ср. рис. 41). Животныя съ вырѣзами на плечахъ. На зеркалѣ рис. 31 летящія утки. Всадникъ (или всадница) сидитъ бокомъ, одна рука на бедрахъ, какъ у позднихъ всадницъ рис. 228 и 231. Рис. 33—неясныя изображенія на китайскомъ зеркалѣ.

Рис. 21—23, 25, 26. Блюдо собранія Г. С. Строганова съ изображеніемъ пира (Атласъ Я. И. Смирнова № 64). Рис. 21—фигура типа воинственныхъ, но съ опущенными и не вооруженными руками. Рис. 22—животное съ конечностями человѣка, на дыбахъ (медвѣдь?); вырѣзь, ребра. Рис. 23—сѣверный олень. Рис. 25—плохое изображеніе медвѣдя, подобное рис. 29; ноги напоминаютъ рис. 22. Рис. 26—мирная фигура со сложенными на животѣ руками. У обѣихъ человѣческихъ фигуръ не намѣчено глазъ, или же они нанесены очень слабо. Всѣ начертанія вообще небрежны. Изображенія разбросаны по блюду и не представляютъ сцены.

Рис. 27. Серебряное византійское блюдо съ изображеніемъ Поклопенія кресту, изъ собранія гр. Г. С. Строганова. Древнѣйшія и очень важныя изображенія сулде, показывающія, что это олицетвореніе солнца и луны. Имъ болѣе поздняя аналогія—рис. 196. На груди вырѣзы. Поч. Березовскій Пермскаго уѣзда (по Э. А. Теплоухову).

Рис. 28. Тонкая мѣдная выпуклая бляха. Медвѣдь въ боевой позиціи, нанесенный рѣзкими чертами. Между ногъ случайное отверстіе. Д. Подбобыка. Пермскій музей.

Рис. 32. Серебряное блюдо съ изображеніемъ хищника и оленя (Атласъ Я. И. Смирнова № 96). Плохое и болѣе позднее изображеніе мирной фигуры, но голова не острая и ноги носками въ стороны; на туловищѣ нацарапано что-то вродѣ изображенія лица. Блюдо тоже изъ позднихъ.

Рис. 34—47. Кладъ Истяцкихъ юртъ. Фигуры наръзаны на мѣдныхъ выпуклыхъ бляхахъ съ блестящею поверхностью (Heikel, табл. XVII—XIX).

Въ общемъ бляхи, видимо, не представляютъ какихъ-либо опре-

дѣленныхъ сценъ, но такъ какъ онѣ найдены сложенными въ шлемѣ. составляющемъ, вѣроятно головной уборъ шамана, то ихъ наборъ чрезвычайно любопытенъ и, надо полагать, полонъ. Въ кладѣ былъ еще серебряный дискъ съ изображеніемъ Діаны; былъ ли онъ приуроченъ къ какому-нибудь шаманскому представленію, это, вѣроятно, навсегда останется неяснымъ. Весь кладъ находится въ Тобольскомъ музеѣ, за исключеніемъ серебряной бляхи, сохраняющейся въ Императ. Эрмитажѣ.

Рис. 34. На груди не слѣды ли изображенія лица?

Рис. 35. Птица съ 3 человѣческими головами какъ рис. 46. Можетъ быть, это 3 головы филина, или же одна голова птицы и 2 боковые головы человѣка, какъ рис. 276.

Рис. 36. На груди глаза и ротъ человѣческаго лица.

Рис. 37. Всадникъ на скаку. На головѣ шапка или случайный кусокъ металла.

Рис. 39. Всадникъ въ островерхомъ шлемѣ съ лукомъ и колчаномъ справа и съ поводомъ въ лѣвой рукѣ. Точка посрединѣ техническая. Что значать копыя и крестики, не знаемъ. Не есть ли это изображеніе растительности?

Рис. 40. Всадникъ на скаку.

Рис. 41. Медвѣдь?

Рис. 42. Всадникъ на тяжеломъ, взнузданномъ конѣ, въ островерхомъ шлемѣ, какъ рис. 39.

Рис. 43. На груди изображеніе человѣческаго лица, ниже лапъ знакъ мужского пола. Последняго нѣтъ на рисункѣ г. Гейкеля, но онъ очень ясенъ на нашемъ наброскѣ съ подлиннаго изображенія; это очень интересная подробность, нигдѣ болѣе не встрѣченная. Голова птицы, по неумѣнію рисовать, въ сторону.

Рис. 44. По положенію ногъ на скакѣ, это серна, но вѣроятно, что это связанная жертва. какъ въ Гляденовскомъ костницѣ табл. II, 23.

Рис. 46. Трехголовая птица, бобръ, заяцъ и еще какое-то животное вродѣ собаки.

Рис. 47. Семья бобровъ? На спинѣ близъ головы вырѣзы.

Рис. 48. Прорѣзная бляха изъ того же клада, сибирскаго типа. Животное напоминаетъ хищника, но снабжено рогами.

Рис. 42. Прорѣзная бляха съ изображеніемъ оленя, для аналогіи къ предыдущему рисунку. Айдашинская пещера Ачинскаго окр. (О. И. А. К. 1897, 53).

Рис. 50. Коллекція гр. Строгановыхъ. Аналогія въ Гляденовской фигурѣ рис. 57 (постановка рукъ и ногъ). Гарамиха. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 51. Серебряное блюдо Императ. Эрмитажа № 1084 (въ атласѣ Я. И. Смирнова № 63), неизвѣстнаго происхожденія. Типичное изображеніе воинственной фигуры, на обратной сторонѣ. Трехдольное темя отчеркнуто чертой, какъ головной уборъ; плечи круглыя крутыя. Ближайшая аналогія по длинной узкой головѣ на рис. 14.

Рис. 52. Мѣдная статуэтка или бляха изъ атласа Страленберга (Матеріалы по археол. Россіи, вып. 5, стр. 30 и 31). Аналогія въ изображеніи на рис. 10: тѣ же косы, круглая голова, круглыя плечи, можетъ быть, былъ и плащъ.

Рис. 53. Серебряная выпуклая бляха съ изображеніемъ мужской и двухъ женскихъ или дѣтскихъ фигуръ. У всѣхъ большіе пальцы рукъ отогнуты, пояса; у средней фигуры на головѣ три уха и очертанія какъ бы глазъ. Разновидность бляхъ рис. 4 и 12. Городище близъ Облорска.

Рис. 54. Зеркало съ нацарапанными изображеніями человѣка (въ родѣ рис. 53), звѣрей и птицъ (какъ рис. 15). Діаметръ 23 сант. Найдено вмѣстѣ съ рис. 53.

Рис. 55—58, 60—61, 63—69, 71—73, 75, 76, 78—83. Нѣкоторыя вещи изъ огромной коллекціи Гляденовскаго жертвеннаго костыща (Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., т. XII, в. 1 и 2, 228—269), которая почти въ цѣломъ составѣ относится къ нашей темѣ.

Рис. 57. Соколы.

Рис. 59. Небольшая фигура птицы въ типѣ костыщъ. Д. Малая Аникова, Чердынскаго у. Императ. Эрмитажъ.

Рис. 62. Чувашскій мысъ близъ Тобольска (Heikel табл. III, 2). На темени двѣ головы животныхъ, съ завитками какъ на рис. 81. Аналогія для рис. 64.

Рис. 65. Аналогія на рис. 216.

Рис. 68. Тема близка къ рис. 245 (Чувашскій мысъ).

Рис. 70. Костыще (?) близъ с. Ильинскаго Пермскаго у. Грубое литое изъ темной бронзы съ патиной чугунаго цвѣта. Глаза на подлинникѣ менѣе отчетливы. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 72. Изъ Гляденовскаго костыща, въ коллекціи Теплоуховыхъ.

Рис. 74. Хищный звѣрь въ видѣ медвѣдя или собаки. На спинѣ не всадникъ, а литничокъ. Тобольскій Музей, изъ неизвѣстной мѣстности.

Рис. 77. Фигурка въ духѣ костыщенскихъ. Собраніе гр. Строгановыхъ. Найдена на р. Обвѣ.

Рис. 84. Ильинское костыще. Коллекція Теплоуговыхъ.

Рис. 85. Конь съ благородною ассирійскою поступью. Слѣды всадника. Время неизвѣстно. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 86. Бляха съ изображеніемъ коня, человѣка, ящера съ рогомъ, переходящимъ въ кружокъ, ласточки и двухъ кружковъ. Видимо, стараго типа, но все же едва ли костыщенскаго. Бѣлошейка (Филатово) Пермск. у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 87. Всадникъ на конѣ тяжелыхъ формъ. Время неизвѣстно. Минусинскъ?

Рис. 88. Ящеръ (?) изъ Гляденовскаго костыща.

Рис. 89 и 90. Непонятныя изображенія. Всадникъ и конюхъ? Гарамиха. Коллекція гр. Строгановыхъ. На рис. 90 два кружка, какъ на рис. 91.

Рис. 91 и 93. Непонятное изображеніе. Уголь на рис. 93 прибавленъ рисовальщикомъ. По аналогіи съ рис. 84, также костыщенскаго времени. Д. Чернѣвая Оханскаго у. Коллекція Теплоуговыхъ.

Рис. 92. Изображеніе, близкое рис. 89. Гарамиха. Коллекція Теплоуговыхъ.

II. Рѣдкія сложныя изображенія.

Рис. 94 и 97. Полая фигура всадницы съ ребенкомъ, на ящерѣ. Фигура женщины короткая; широкія рукава, выдающійся подбородокъ, какъ и у ребенка. У ящера обломана нижняя челюсть. У него на головѣ хохоль, спина рубчатая, на бокахъ рисунки: на правомъ птица, рыба и тонкій звѣрь (рис. въ статьѣ Д. Н. Анучина, стр. 110), на лѣвомъ тонкій звѣрь, рыба и бобръ (?); всѣ рисунки головами направлены впередъ. Матеріалъ желтая бронза съ сѣрою поверхностью. Р. Ухта, притокъ Печоры въ Архангельской губ. Коллекція П. И. Щукина.

Рис. 95. Композиція безъ видимой связи и темы. Внизу безхвостый ящеръ, вверху три острые головы, изъ которыхъ средняя человѣчья, а боковыя, неясныя, повидимому, звѣриныя. Остальное пространство занято цѣлымъ изображеніемъ животнаго въ родѣ медвѣдя и многими отдѣльными головами животныхъ (орла, лося, медвѣдя), всего не менѣе 11 головъ. С. Кишертъ Кунгурскаго у. Императорскій Эрмитажъ.

Рис. 96. Повидимому, изображеніе сулде съ широко разставленными ногами, какъ рис. 109, сильно поломанное. Руки съ пальцами въ видѣ прядей, крылья изъ отдѣльныхъ длинныхъ перьевъ, оканчи-

вающихся головами лося, медвѣдя и кричащей птицы. На рукахъ орнаментныя полукруглыя выемки. Коллекція П. И. Щукина, изъ Ухты.

Рис. 98. Всадникъ на животномъ съ туловищемъ барса, головою лося и однопальными ногами. Три добавочныя головы лося и медвѣдя. Въ общемъ животное ближе всего напоминаетъ верблюда съ опавшимъ горбомъ; ямочки на ногахъ соотвѣтствуютъ ногтямъ ногъ верблюда. Кунгурскій кладъ. Императорскій Эрмитажъ.

Рис. 99. Всадникъ на двухпаломъ лосѣ или верблюдѣ. Всадникъ очень напоминаетъ сулде, но безъ шлема; у него руки и крылья, острый носъ, широкія отвислыя уши. У животнаго непомѣрно растянута морда съ длиннымъ перистымъ ухомъ, изъ которой выходитъ голова кричащей птицы съ длинными ушами; по тонкому туловищу кантъ, на ногахъ бахромы волосъ. Подъ ногами орнаментированное поле, сбоку кайма изъ 5 головъ животныхъ; изъ нихъ нижняя съ ушами. Надъ головой сулде голова и крыло хищной птицы, у руки голова неопредѣленнаго животнаго. Кунгурскій кладъ.

Рис. 100. Изображеніе всадника на трехголовомъ и трехпаломъ лосѣ. Всадникъ представленъ лишь одною головою сулде съ головою кричащей птицы. Кромѣ того, на лосѣ выступаютъ отдѣльно три лоси-ныя же головы и 7 головъ кричащихъ птицъ (съ хохлами и длинными ушами). У лося широкая шея, въ три складки, короткій пушистый хвостъ, ямочки на колѣнахъ, представляющія, бы можетъ, мозолистыя колѣна верблюда. Въ ногахъ четыре головы животныхъ. Д. Пѣшкова, на р. Кондасъ Соликамскаго у. Императорскій Эрмитажъ.

Рис. 101. Мужская и женская фигура, въ движеніи. Лосиныя головы выступаютъ изъ плеча одной (какъ рис. 169) и изъ руки другой, и еще двѣ такія же головы въ ногахъ (изъ нихъ одна со жгутомъ, какъ рис. 103). Пять отдѣльныхъ головъ животныхъ. Въ композиціи нѣкоторое сходство только съ рис. 183. Кунгурская коллекція.

Рис. 102. Отдѣльное изображеніе кричащей птицы, очень характерное. Длинные уши, пернатая крылья и хвостъ, баки, въ разныхъ мѣстахъ 4 глазка. На чемъ-то въ родѣ змѣи съ одной или двумя головами. Коллекція П. И. Щукина, съ Ухты.

Рис. 103. Непонятная композиція изъ фигуры какого-то хищника и головъ животныхъ. Звѣрь въ движеніи, у него большія уши, баки, плотный хвостъ. Туловище орнаментировано полосами, какъ у многихъ другихъ фигуръ, на ногахъ глазки. Изъ спины выходитъ изогнувшаяся шея, безъ яснаго изображенія наверху, а позади любопытное сплетеніе жгутовъ, оканчивающихся головами лося и кричащей птицы. Нижняя

*

полоса изъ шести лосиныхъ головъ, лбами наружу, изъ которыхъ одна примыкаетъ къ основному боковому жгуту. По технике изображение близко къ рис. 100. Енисейскій каналъ, близъ устья р. Язевой. Томскій Университетъ.

Рис. 104. Три (дополнительныя, какъ на рис. 106?) головы сулде въ кругу, образованномъ толстою змѣею или рыбой, на двойномъ ящерѣ. Сулде съ шеями для головъ лося, которыхъ, однако, нѣтъ. Четыре головы животныхъ, изъ которыхъ голова медвѣдя виѣ круга. Коллекція П. И. Щукина.

Рис. 105. Всадникъ-сулде въ кругу. Ноги его сильно перегнуты въ сторону движенія, изъ туловища выходятъ 5 почти безухихъ лосиныхъ головъ съ изогнутыми мордами, покрытыми характерными складками, что имъ придаетъ видъ перистыхъ, какъ на рис. 150 и 168. Ящеръ оканчивается головою какого-то хищника, такъ что представляется двухголовымъ. Орнаментальныя полосы. Д. Пѣшкова.

Рис. 106. Изображеніе, подобное рис. 105, въ полукругѣ. Сулде въ весьма стремительномъ движеніи впередъ; у него вмѣсто головы лося рыба, которая, впрочемъ, едва ли имѣетъ значеніе шлема, а скорѣе аналогична съ рыбою рис. 104. У ящера по спинѣ витой ремень, а на подбородкѣ пряди волосъ. Въ кругу еще двѣ головы человѣка (изъ нихъ одна сулде) и три головы животныхъ. Коллекція П. И. Щукина.

Рис. 107. Сулде на ящерѣ, подобный рис. 109, на ящерѣ съ сильно вывороченною нижнею челюстью. У сулде правая рука въ видѣ крыла, лѣвая въ видѣ руки, знакъ пола. Двѣ дополнительныя лосиныя головы. Р. Ухта. Этнографическій Музей. Совершенно такой же, но не цѣлый, въ коллекціи г. Щукина (рис. 2).

Рис. 2. 2/3.

Рис. 108. Великолѣпная подѣлка, найденная на Камѣ близъ д. Нырғында Сарапульскаго у. Вятской губ. Огромный, весьма тиничный ящеръ, длинный, изогнутый, съ короткимъ пушистымъ хвостомъ и короткими лапами; но сильно вывернутой нижней челюсти и на шеѣ волоса, верхняя челюсть иззубрена. По туловищу 7 рыбъ, для означенія воднаго существа. Сулде, со сложенными впередъ ногами, также очень типиченъ; крылья длинныя трехперыя съ глазками. Изъ головы сулде, головы и крестца ящера выступаютъ длинныя головы лося съ выступающими изъ нихъ фигурами кричащихъ птицъ; у головъ лося перистые уши и подбородки, у птицъ перистые бока и уши. Отдѣльныя головы: двѣ человѣческія (какъ рис. 106) и 11 звѣриныхъ, группами и въ одиночку.

Рис. 109. Типичный сулде, безъ ящера. Руки короткія, съ пальцами въ хватающемъ положеніи (глазки, вѣроятно, лишь орнаментъ, какъ на рис. 261) и съ крыльями въ три пера. Непомѣрно разставленные для бѣгу ноги оканчиваются острыми носками, какъ у лося рис. 98. Двѣ маленькія звѣриныя головы. Кругомъ кайма. Коллекція П. И. Щукина, съ Ухты.

Рис. 110. Изображеніе, единственное по композиціи. Три всадника, напоминающіе сулде рис. 111, на непонятныхъ животныхъ, въ рамкѣ, снабженной сверху выступами. Интересна поза животныхъ. Д. Екатериновка Осинскаго у. Пермской губ. (О. И. А. К. 1900, 118).

Рис. 111. Четыре всадника-сулде на ящерѣ съ двойною головою, какъ рис. 105. Относится ли огромный рогъ къ головѣ ящера, трудно сказать. Одинъ изъ сулде замѣненъ изображеніемъ головы; пальцы рукъ сулде разставлены, какъ на рис. 109. Посрединѣ непонятный кружокъ съ точкою, можетъ быть, какъ на рис. 316. Кунгурская коллекція. Совершенно такое же изображеніе имѣется въ коллекціи Теплоуховыхъ изъ д. Пѣшковой.

Рис. 112. Диковинное изображеніе кричащихъ птицъ съ семью длиннѣйшими головами лосей и головами птицъ и животныхъ, въ количествѣ не менѣе 15. Коллекція г. Щукина, съ Ухты.

III. Сулде вправо и влѣво.

Рис. 113. Сгибы крыльевъ прямые, ноги двухпалыя, лосиная голова безъ шеи. Р. Ухта. Этнографическій Музей.

Рис. 114. Сильно изогнутая морда лося, у сулде ухо; вмѣсто цѣлаго ящера лишь голова его. Р. Ухта. Коллекція П. И. Щукина.

Рис. 115. Безъ ящера. У сулде ухо и мелкія космы, ноги носкомъ. Р. Ухта. Та же коллекція.

Рис. 116. У сулде сверхъ обыкновенія длинныя и широкія перистыя крылья. Двѣ головы животныхъ. Кажется, безъ ящера. Не всѣ подробности ясны. Р. Ухта. Коллекція П. И. Щукина.

Рис. 117. Необычный трехголовый сулде. Р. Ухта. Этнографическій Музей.

Рис. 118. Чудесное изображеніе сулде—сочетаніе человѣка, птицы и лося; не только крылья, но даже хвостъ птицы. Крыло съ головкой звѣря на спинѣ, знакъ пола, ноги носкомъ. Три звѣриныя головы. Д. Пѣшкова. Императорскій Эрмитажъ.

Рис. 119. У сулде крыло и крылатая рука, ухо, очень острый носъ. У ящера ясно выражено ухо.

Рис. 120. Крылья сулде широкія, особенно правое. Ящерь влѣво. Отдѣльно голова орла. Кунгурская коллекція.

Рис. 121. Четыре головы животныхъ. Р. Ухта. Коллекція П. И. Щукина.

Рис. 122. Сулде съ крылатыми руками, согнутыми на бока; мелкія космы волосъ. Длинная перистая полоса, прилегающая къ ящеру, представляет, вѣроятно, не хвостъ его. Три звѣринныя головы. Р. Ухта. Коллекція г. Щукина. Два подобныя изображенія имѣются въ Кунгурской коллекціи.

Рис. 123. Сильно изогнувшійся ящерь; у него тонкое ухо впередъ. Рыба, соболь (?), голова медвѣдя и лося. Д. Пѣшкова. Императорскій Эрмитажъ и коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 124. Сулде съ высокоподнятой головой и очень длиннымъ острымъ носомъ. Въмѣсто цѣлаго ящера лишь голова его. Р. Ухта. Коллекція г. Щукина и Этнографическаго Музея.

Рис. 125. Два сулде лицомъ къ лицу, крылатые и съ руками. Орнаментальная (?) колонка. Есть ли ящеры, не ясно. Д. Пѣшкова.

Рис. 126. Изображеніе, близкое къ рис. 124. Р. Ухта. Этнографическій Музей.

Рис. 127. У сулде торчація космы, знакъ пола. Ящерь изогнувшійся. Гусь, рыба, 5 головъ медвѣдя и 2 лосиные. Р. Ухта. Коллекція г. Щукина.

Рис. 128. У сулде хвостъ, двухпалыя ноги носкомъ. Ящера нѣтъ. Три головы лося и одна человѣка (?) Р. Ухта. Коллекція П. И. Щукина.

Рис. 129. Сулде съ разставленными ногами, какъ рис. 107. Крыло и рука. Р. Ухта. Та же коллекція.

Рис. 130. Два сулде на ящерѣ. Д. Пѣшкова. Очень выдающіеся подбородки. Императорскій Эрмитажъ.

Рис. 131. Два сулде съ руками и необычными шлемами—въ видѣ головы орла и ящера (последнее опредѣляется аналогіей съ рис. 175). У одного руки опущены, у другого подняты; одна нога трехпалая, другая носкомъ; на затылкѣ космы. Двѣ медвѣжьи головы. Р. Ухта. Коллекція г. Щукина.

Рис. 132. Совершенно какъ рис. 135, но худшей работы. Кунгурская коллекція.

Рис. 133. У сулде одна рука вверху, другая внизу. Три цѣлыя человѣческія фигуры. Д. Пѣшкова.

Рис. 134. У сулде отчетливое ухо, руки вниз. Голова человекѣ и медвѣдя.

Рис. 135. Д. Пѣшкова, гдѣ найдено 4 экз. такихъ. Такое же имѣется въ Кунгурской коллекціи.

Рис. 136. Позднее изображеніе, можетъ быть, XI в. Пещера на р. Чаньвѣ. Пермскій Музей.

Рис. 137. Плохо вылившееся схематическое изображеніе, можетъ быть, сродни рис. 165. Кунгурская коллекція.

Рис. 138. Очень схематическое изображеніе: голова лося, столбикъ, ящеръ. Д. Малая Аникова Чердынскаго у.

Рис. 139. Рѣдкое изображеніе сулде по позѣ ногъ и крылатыхъ рукъ. Очень схематичная голова, не полный ящеръ. Кунгурская коллекція.

Рис. 140. Такое же изображеніе сулде, но безъ крыльевъ. Голова обозначена носомъ и глазомъ. Та же коллекція.

Рис. 141. Сулде съ двумя лосиными головами, одна на другой. Ящеръ головой вверхъ. Р. Ухта. Коллекція г. Щукина.

Рис. 142. Грубо отлитое изображеніе, съ углубленными контурами рисунка. Сулде какъ на рис. 139 и 140, руки внизъ. Техника рис. 365 (и рис. 153?). Д. Подбобыка. Собрание Казанскаго Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Рис. 143. Схематическое изображеніе сулде. XI в.? Д. Подбобыка, на р. Колвѣ, Чердынскаго у. (жертвенная пещера). Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 144. Семь сулде на ящерахъ, представленныхъ почти одними головами. Главный изъ нихъ посрединѣ, лицомъ къ зрителю, руки вверхъ, знакъ пола, трехпалый. У остальныхъ по одной рукѣ и, можетъ быть, по крылу, если полоска справа означаетъ крыло. Не менѣе 22 малыхъ звѣриныхъ головокъ. Отличный экземпляръ. Д. Пѣшкова. Императ. Эрмитажъ.

Рис. 145. Семь сулде, представленныхъ головами со странными раздвоенными носами; головы ящеровъ. Кунгурская коллекція.

Рис. 146. Семь сулде на одномъ огромномъ ящерѣ съ рогомъ или ухомъ впереди. У сулде двухпалыя, согнутыя въ кулакъ руки и двухпалыя ноги, длинные подбородки и, повидимому, космы на затылкѣ. Д. Пѣшкова.

Рис. 147. Семь сулде, представленныхъ головами лося и ящеровъ. У первыхъ чрезвычайно изогнутыя морды, баки, раздвоенныя уши или космы (какъ на рис. 146?); на шеѣ средняго человекѣской глазъ. Ящеры всѣ влѣво, сверхъ обыкновенія. VIII—IX в.? Д. Михалева, Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 148. Семь сулде, представленныхъ также головами лося (на рисункѣ справа) и ящеровъ (слѣва): подь первыми глаза сулде. Кунгурская коллекція.

Рис. 149. Сулде, съ руками на вѣсу; ухо, длинная шея лосиной головы. На поляхъ три фигуры животныхъ (бобръ и соболи?) и двѣ головы. Кунгурская коллекція.

Рис. 150. Семь сулде въ любопытной композиціи: внизу изогнувшійся ящеръ, параллельно ему двурукій сулде съ большою остроносою головою, и такія же головы остальныхъ сулде, большія головы лося въ томъ же порядкѣ выступаютъ другъ надъ другомъ съ лѣвой стороны борта. Морды у нихъ перистыя и сильно изогнутыя. У ящера уши, а не рогъ. Надъ ящеромъ голова животнаго. Кунгурская коллекція.

Рис. 151. Сулде влѣво, безъ ящера. Р. Ухта. Коллекція г. Щукина.

Рис. 152. Семь сулде, безъ ящеровъ. У нихъ правыя руки замѣнены крыльями, знакъ пола и хвостъ, руки и ноги одинаковыя трехпалыя съ перемычкой вверху въ видѣ браслета, большія уши. Д. Пѣшкова.

Рис. 153. Сулде влѣво, безъ ящера, какъ рис. 151. Поза та же, ухо, поясъ. Д. Пѣшкова. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 154. Три сулде, видимо, женскія, въ платьяхъ. Правыя руки въ видѣ крыльевъ, по одной ногѣ. Не есть ли это часть отъ бляхи съ 7 сулде? Гарамиха, Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

IV. Сулде впрямь.

Рис. 155. У сулде руки крылатыя, усы, знакъ пола. По аналогіи съ рис. 171 и 174 это средній сулде. Кунгурская коллекція.

Рис. 156. Сулде съ сильно разставленными погами на двухъ отдѣльныхъ ящерахъ. Протянутыя вверхъ руки снабжены крыльями; поверхъ три головы филина съ парюю ногъ и съ крыльями, какъ бы исходящими изъ головы сулде. Двѣ меньшія звѣринныя головы. Д. Пѣшкова.

Рис. 157. Средній сулде въ видѣ фигуры челоуѣка съ опущенными внизъ руками и высокими плечами. У крайнихъ сулде одна рука въ видѣ крыла, только лосиная голова съ сильно оттянутою мордой. IX—X в. Д. Тренина, на нижнемъ теченіи р. Косьвы. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 158. Сулде на парномъ ящерѣ, аналогичный рис. 156. У него руки въ стороны, съ пальцами, крылатыя, ноги сильно разставлены. Боковыя сулде представлены лишь головами, курносими. Поверхъ три головы хищныхъ птицъ и схематическое изображеніе ихъ перьевъ. Розетка, вѣроятно, произошла отъ ногъ птицъ. Кунгурская коллекція.

Рис. 159. Изображеніе, аналогичное рис. 160, по схематичнѣ. Городище Гарамиха, у д. Коневой на р. Гаревой. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 160. Великолѣпное изображеніе трехъ сулде на ящерѣ, лучшее изъ извѣстныхъ. Средній сулде съ головою орла на темени, большія уши, трехпалыя руки и ноги съ перехватомъ, знакъ пола, на ногахъ какія-то космы. У боковыхъ сулде хвостъ и знакъ пола, руки и ноги трехпалыя. Ящеръ отличный, съ острымъ ухомъ, обращеннымъ назадъ. На фигурахъ орнаментальныя дупки. Д. Пѣшкова. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 161. Женскій сулде на ящерѣ. Боковые сулде представлены лишь лосиными головами. X—XI в. Д. Семина близъ с. Ильинскаго Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 162. Средній сулде съ крыльями, въ композиціи рис. 169, по схематичнѣ. Крылья вверхъ и внизъ, поясъ, на плечахъ кружки. Ящера и лосиныхъ головъ нѣтъ. Это сулде не женское ли? Д. Могильникова Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 163. Средній сулде въ безсильной позѣ ребенка, подымаемаго вверхъ, со сложенными руками и ногами. Боковые сулде въ очень выразительной позиціи; крылатые, длинные космы на затылкѣ. Ящеръ хорошъ; уши впередъ. Д. Пѣшкова.

Рис. 164. Средній сулде съ головою хищной птицы, какъ рис. 158, боковые въ видѣ лосиныхъ головъ на столбикахъ. Характерныя прямыя плечи. Слѣды ящера. Съ р. Андюга Чердынск. у. Императ. Эрмитажъ.

Рис. 165. Схематическое изображеніе трехъ сулде на ящерѣ. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 166. XI в. ? Интересенъ рогъ ящера. Д. Поддобыка. Пермскій Музей.

Рис. 167. Средній сулде съ кистями рукъ на тазу. Аналогія съ рис. 163. IX—X в. Д. Вакина на р. Исылѣ, притокѣ Иньвѣ, Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 168. Средній сулде съ длинными руками, опущенными до земли, боковые въ видѣ головы съ крыльями внизъ; морды лосиныхъ головъ со складками, какъ у рис. 105 и др. Ящеръ съ большимъ тонкимъ рогомъ вверхъ. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 169. Крылатый сулде. Руки трехпалыя съ высоко поднятыми плечами, крылья отчасти струйчатые, отчасти въ видѣ пера съ головами лося, какъ рис. 285, изъ плечъ выступаютъ лосиныя головы, большія уши, выдающийся подбородокъ, знакъ пола. Ящеръ или влѣво головою, или же двойной. Кочевская вол. Чердынскій музей.

Рис. 170. Три сулде, въ композиціи рис. 163. Широкія прямья крылья въ видѣ лопастей, соединенныя съ руками. Глаза боковыхъ сулде помѣщены на бакахъ лосиныхъ головъ, какъ рис. 148. Небольшая отдѣльная голова орла. Д. Пѣшкова.

Рис. 171. Два сулде (?) на ящерѣ. Боковой сулде лишь справа, въ видѣ лосиной головы на столбикѣ. Сулде ногами вправо (одна нога лишняя), плечи прямые, какъ на рис. 184. Ящеръ вправо, какъ рис. 174? X—XI в. Онское городище, на р. Чермозѣ, Соликамск. у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 172. Три средніе сулде (?) въ видѣ одной мужской и двухъ женскихъ фигуръ; руки сложены на животѣ, ноги носками вправо. IX—X в. Д. Федотова, Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 173. Двѣ совершенно одинаковыя фигуры въ стремленіи другъ къ другу, сомкнутыя плечами. Ящеръ, лосиныя головы. X—XI в. С. Коча Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 174. Изображеніе, подобное рис. 171. Одинъ сулде мужской. Д. Подбобыка. Пермскій Музей.

Рис. 175. Два сулде съ поднятыми руками и разставленными ногами. Хорошій ящеръ съ длиннымъ ухомъ или рогомъ. Лосиныя головы съ глазами сулде на бакахъ. Отдѣльно голова человѣка (?). Кунгурская коллекція.

Рис. 176. Мужской и женскій сулде, на ящерѣ, съ боковыми сулде. Плечи круглыя, мужской стѣсненъ (свернутъ въ столбикъ, какъ рис. 224), чтобъ дать мѣсто женскому. На платьѣ послѣдняго изображенія соболя и человѣческой фигуры (?). На бляхѣ еще фигуры бобра, соболя и собаки (?). Д. Пѣшкова.

Рис. 177. Три сулде, повидимому, мужскіе. Головы острия, у одного усы. Лосиная голова съ баками. Ящеры ясно не обозначены. Кунгурская коллекція.

Рис. 178. Такое же изображеніе. Есть ящеръ. Д. Подбобыка. Принадлежало И. В. Брагину.

Рис. 179. Три сулде совершенно одинаковыя (ср. рис. 117 и 160), на ящерѣ. Отдѣльно двѣ лосиныя головы. Д. Пѣшкова.

Рис. 180. Женскій и дѣтскій сулде изогнуты. Ящеръ, повидимому, двойной. Д. Подбобыка. Коллекція А. В. Толстого.

Рис. 181. Женскій сулде справа, безъ одежды. Д. Шипицына Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 182. Женскій сулде слѣва (груди). Д. Подбобыка. Императ. Эрмитажъ.

Рис. 183. Женскій сулде слѣва въ одеждѣ; дитя беретъ грудь. Мужской сулде въ позѣ рис. 173. Лосиныя головы съ боковъ, а не сверху. Отдѣльно голова лося. Д. Москалева, Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 184. Изображеніе, вылитое, повидимому, въ одну форму съ рис. 180. Д. Подбобыка. Казанск. Общ. Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Рис. 185. Рѣдкое изображеніе. Младенецъ, въ видѣ большой головы, на рукахъ женскаго сулде. С. Кишерть, Кунгурскаго у. Изъ вещей г. Гавриленка. Помѣщаемъ рисункъ подобнаго изображенія, найденнаго подъ извѣстнымъ Рождественскимъ Городищемъ Соликамскаго у. и принадлежащаго г. Бѣлозерскому (рис. 2 а). Особая оригинальность подѣлки — фигура коня.

Рис. 186. Мужской сулде слѣва. Ящеръ горбатый и съ большимъ ухомъ. С. Редикоръ, Чердынскаго у. Императорскій Эрмитажъ.

Рис. 187. Ящеръ влѣво. С. Коса, Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 188. Оба большіе сулде, повидимому, мужскіе. Лосиныхъ головъ нѣтъ. IX в. (?) Д. Чазева Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 189. Изображеніе, совершенно подобное рис. 194. Д. Пѣшкова. Такое же есть въ Кунгурской коллекціи.

Рис. 190. Изображеніе такое же, какъ рис. 194, по сбоку широкія крылья, принадлежащія, можетъ быть, боковымъ сулде. Д. Пѣшкова.

Рис. 191. Такое же изображеніе, съ нѣкоторыми подробностями. С. Кишерть, Кунгурскаго у.

Рис. 192. Такое же изображеніе. Крылья совершенно отчетливы. Кунгурская коллекція.

Рис. 193. Голова съ крылатыми сулде по бокамъ. Боковые сулде тонкіе, изогнутые. Ящеры безъ уха. IX в.? Д. Грудята Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 194. У боковыхъ сулде на груди вырѣзаны; пара рукъ у нихъ, можетъ быть, въ видѣ крыльевъ, какъ на рис. 192. Ящеръ съ какою-то придаточною головою, можетъ быть, съ нимъ связанною. С. Кишерть. Изъ вещей г. Гавриленка.

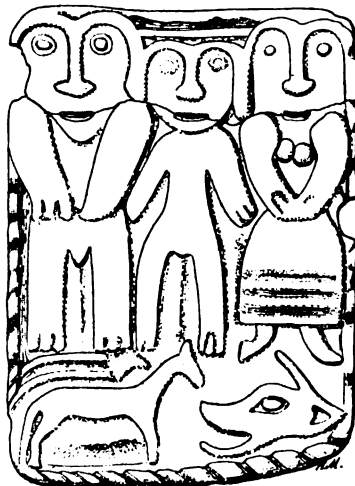

Рис. 2 а. 1/1.

Рис. 195. Неясное изображение. Посрединѣ, скорѣе всего, изображение цѣлой человѣческой фигуры, мужской. Ящеръ тоже очень плохъ. Д. Подбобыка. Императорскій Эрмитажъ.

Рис. 196. Очень интересное изображение. Боковые сулде крылатые, въ позѣ несущихъ тяжелое людей, сцѣпившіеся руками; на плечахъ важныя изображенія въ видѣ кружка и звѣздочки (солнце и луна?). Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 197. Лосиныя головы, повидимому, внизъ, хотя возможно, что это лишь впечатлѣніе отъ плохой отливки (ср. рис. 198). Ящеръ, кажется, съ одною головой. Гарамиха, Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 198. Баки. Въмѣсто ящера двѣ головы. IX в. Д. Грудята Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 199. Изображеніе близкое къ рис. 194. Ящеръ съ длиннымъ тонкимъ рогомъ, ухо. На полѣ двѣ отдѣльныя головы животныхъ. Д. Левина, мошевской вол., Чердынскаго у.

Рис. 200. Изображеніе съ изящными сулде. У нихъ руки и крылья (о два пера). Средняя фигура въ видѣ бюста. Д. Плесо Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 201. Маленькое изображение общаго типа. У ящера характерное ухо. Д. Пѣшкова.

Рис. 202. Непонятное, какъ бы искаженное изображение. Два почти сидящіе сулде, а вмѣсто человѣческаго лица небольшая голова быка. Кунгурская коллекція.

Рис. 203. У сулде баки, на головѣ отростокъ, какъ на рис. 204. Большой ящеръ, безъ ушей и хвоста. Д. Опутята, Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 204. У сулде широкое лицо, слѣды бакъ и бороды (какъ рис. 263). Изъ головы выходятъ три отростка (одинъ какъ на рис. 242) и головы лося. Внизу какъ бы лапы съ глазками, по бокамъ головы животныхъ. Р. Ухта. Коллекціи П. И. Щукина и Этнографическаго Музея. Такое же изображеніе имѣется въ коллекціи Теплоуховыхъ (?), изъ с. Петропавловскаго, Уфимской губ.

Рис. 205. Очень удлиненная голова. Ящеръ. VIII—IX в. Д. Маркова, Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

V. Человѣческія изображенія съ дополнительными фигурами.

Рис. 206. Голова на столбикѣ, по сторонамъ фигуры змѣй или рыбъ. По указанію проф. Анучина (стр. 117), изъ Тобольской губ.

Рис. 207. Очень хорошее изображеніе того же типа. Ушко для подвѣшиванія. VIII—IX в. Д. Модоробъ, Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 208. Изображеніе того же типа. Тарскій окр. Тобольской губ. (О. И. А. К. 1900, 121).

Рис. 209. Руки соединены длинными пальцами, плечи круглыя, высокія. Фигура женская? IX в.? По атласу Антропологическаго Музея. Mus. Petropol. p. 105 № 26. Вологодская губ.?

Рис. 210. Женская фигура (?), по бокамъ рыбы. Круглыя плечи сомкнуты, вырѣзь. Изъ той же коллекціи.

Рис. 211. Мужская или женская фигура съ головою человѣка на груди. По бокамъ фигуры медвѣдя и рыбы (?). Д. Савина противъ Тобольска. Коллекція Знаменскаго. VIII—IX в.

Рис. 212. Очень хорошее изображеніе человѣческой фигуры. Руки на бедрахъ, съ круглыми плечами и трехперыми крыльями; на головѣ дѣтская шапка о шести углахъ, ноги поскомъ, на колѣняхъ ямочки. Изъ плечъ выступаютъ какъ бы птицы, по возможно, что рисунокъ здѣсь не точенъ (атласъ г. Аспеллина рис. 536). Гдѣ хранится эта подѣлка, намъ неизвѣстно.

Рис. 213. Человѣческая фигура (посками внутрь), окруженная животными и отдѣльными головами животныхъ. Кунгурская коллекція.

Рис. 214. Большая изогнутая мѣдная пластинка съ изображеніемъ фигуры человѣка, соединенной съ различными птицами: на головѣ филинъ, по сторонамъ какъ бы голуби; внизу голова зайца (?). Билярскъ. Коллекція А. Ѳ. Лихачева (Труды Одесск. Съѣзда т. I, стр. 152). Совершенно подобный предметъ имѣется въ тобольскомъ кладѣ Дзержинскаго; къ чудскимъ древностямъ изображеніе едва ли имѣетъ отношеніе. XII—XIII в.?

Рис. 215. Оригинальное изображеніе, неясное въ подробностяхъ. Изъ головы выступаютъ три лосиные головы, руки трехпалыя съ глазками, знакъ пола, ноги неопредѣленны. Отдѣльныя головы животныхъ, можетъ быть, четыре. Кунгурская коллекція.

Рис. 216. Отличная человѣческая фигура со шкурою медвѣдя на головѣ. Вдоль шеи и на груди вырѣзки. Судя по аналогіи съ рис. 65 изъ Гляденовской коллекціи, древнее изображеніе. Найдена на огородѣ въ д. Усть-Гаревой Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 217. Непонятное изображеніе въ видѣ головы, окаймленной какъ бы змѣею (ср. рис. 104). По атласу Антрополог. Музея. Mus. Petropolit. p. 104 (scrin. XIV № 16). Изъ Вологодской губ.?

Рис. 218. Одно из древнѣйшихъ чудскихъ изображеній, найденное въ верхнемъ слоѣ стариннаго Богородскаго городища на р. Ветлугѣ. Найденныя въ томъ же слоѣ вещи могутъ относиться ко времени даже раньше Р. X. Пока единственное въ своемъ родѣ изображение. На оборотѣ ушко. По технике и постановкѣ изъ ногъ нѣкоторую аналогію можно усматривать на рис. 256. Музей Костромской архивной комисси.

Рис. 219. Толстое мѣдное выпуклое изображение, не имѣющее аналогій. На волосатой головѣ какъ бы рога; вмѣсто правой руки крыло. Остальное не ясно. Д. Мелехина Чердынскаго у. Историческій Музей.

Рис. 220. Голова съ признаками туловища (напоминающаго рис. 213). Молодое женское лицо. Головной уборъ, украшенный полулупіями, вѣточками, каштами на лбу и заканчивающійся головами животныхъ. VIII—IX в. Выселокъ Агаооновъ гаицкой вол. Чердынскаго у.

Рис. 221. Круглая голова съ пятью человѣческими головами на темени. Близкихъ аналогій не знаемъ, отдаленная—въ головѣ рис. 10. Судя по формѣ глазъ, VIII—IX в. С. Лимежъ Чердынскаго у. Пермскій Музей.

Рис. 222. Изображеніе, напоминающее рис. 216. Коллекція г. Зеликмана или Пермскаго Музея.

Рис. 223. Изображеніе, близкое къ рис. 225, но схематичнѣе его. Чувашскій мысъ. Heikel табл. X, 4.

Рис. 224. Фигура человѣка со свернутыми въ столбикъ руками и ногами, какъ рис. 176. Руки сложены пальцами у знака пола, ноги колѣнями и носками внутрь. На головѣ маленькое изображеніе хищной птицы, въ ногахъ небольшой ящеръ, головой вправо. Кунгурская коллекція, въ которой имѣется и другой экземпляръ подобной подѣлки (рис. 3).

Рис. 225. Отличный экземпляръ весьма характерной и простой композиціи. На рукахъ перемычка, ноги носками внутрь. Сзади петля. Пермь? Историческій Музей, изъ Московскаго Университета.

Рис. 226. Обломокъ подобной фигуры, болѣе поздней. Пятигоры, Чердынск. у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 227. Совершенно отдѣльное отъ чудскихъ изображеніе двухъ фигуръ въ китайскомъ одѣяніи. На верху голова хищной птицы и два ушка. Фигуры отличаются только прошивками одеждъ. С. Ново-Ильинское Нарымскаго окр. Томской губ.

Рис. 3. ²/₃.

VI. Всадники.

Рис. 228. Серебряное изображение всадницы (?). Конь на змѣѣ, обратившей пасть къ его головѣ. X в. Дер. Загарье Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ. Подобныя извѣстны изъ Вятской и даже Олонецкой губ.

Рис. 229. Схематическое изображение той же композиціи. XI в.? Изъ Глазовскаго у? (Анучинъ, стр. 124). -

Рис. 230. Скорѣе осель, чѣмъ конь. Всадника лишь слѣды. Томскіе курганы. VIII в. (З. И. Р. А. О. т. XI в. 1 табл. I).

Рис. 231. Лучшее изображение всадницы. Лошадь имѣетъ реальныя формы и даже взнуздана, но ушей у нея четыре; спинной ремень чрезъ всадницу, какъ на рис. 230. У всадницы ожерелье, груди, ноги одѣты помужски. Крыло у ногъ странное; оно не относится къ коню, такъ какъ было бы помѣщено на плечѣ, но не имѣетъ отношенія и къ всадницѣ, такъ какъ на ногахъ вполнѣ неумѣстно. Змѣя въ профиль имѣетъ видъ лодки. Голова ея дружелюбно примкнута къ головѣ коня. VIII—IX в.

VII. Человѣческія изображенія безъ дополнительныхъ фигуръ.

Рис. 232. Серебряная статуэтка. Д. Малая Аникова Чердынскаго у. Императорскій Эрмитажъ.

Рис. 233. Подробности неясны. Плечи круглыя, на груди вырѣзъ, руки внизу живота. По туловищу нѣкоторая аналогія на рис. 210. Билярскъ. Коллекція А. Ѳ. Лихачева (Труды Одесск. Арх. Съѣзда т. I, стр. 152).

Рис. 234. Мѣдный идолъ изъ Билярска, въ коллекціи А. Ѳ. Лихачева. Обратная сторона вогнутая. Къ чудскимъ подѣлкамъ, вѣроятно, не имѣетъ прямого отношенія.

Рис. 235 и 236. Мѣдныя листовыя, вырѣзанныя. Увекъ близъ Саратова. Можетъ быть XIII—XIV в. Находки Духовникова.

Рис. 237. Фигура почти Гляденовскаго типа. VIII—IX в. Д. Грудята, Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 238. VIII—IX в. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 239. XIII—XIV в. Д. Вакина Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 240. Непонятное изображеніе вродѣ человѣческой головы.

Изъ старыхъ академическихъ собраній, по атласу Антропологическаго Музея. *Museum Petropolit.* р. 104, *scrin.* XV № 17.

Рис. 241. Внизу отломъ, вверхъ срѣзь. Литое гладкое. Очень впалыя подглазицы, расположенныя по прямой линіи. Оба боковыя отверстія вылиты. Аналогій не знаемъ. Антропологическій Музей И. А. Н. Отъ Абрамова изъ Тобольской губ?

Рис. 242. Очень хорошее изображеніе женщины съ младенцемъ, какъ рис. 247, 251 и др. Ноги носкомъ, на головѣ перо, какъ рис. 204. VIII—IX в. С. Филатово (?) Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 243. Мужская и женская фигуры. Дмитріевская вол. Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 244. Мужская и женская фигуры, между ними дѣтская голова. Р. Кемоль Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 245. Сломанная бляшка съ тремя фигурами, вѣроятно, простое украшеніе. Ноги вправо, острия головы, космы или косы. Техника, повидимому, одинакова съ рис. 211, но въ общемъ изображеніе, кажется, постарше. Чувашскій мысъ у Тобольска. Коллекція Знаменскаго (Heikel X, 1).

Рис. 246. Грубое литое. Ступни выдаются. Д. Савина губдорской вол. Чердынскаго у. Пермскій Музей.

Рис. 247. Мужское и женское изображеніе, младенецъ. VIII—IX в. Д. Мочелята Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 248. Ажурная серебряная бляха. Чердынскій у. Историческій Музей.

Рис. 249. Двѣ схематическія фигуры съ едва различимыми головами лося съ боковъ. Кунгурская коллекція.

Рис. 250 и 251. Кунгурская коллекція.

VIII. Птицы съ изображеніями и безъ нихъ.

Рис. 252. Изображеніе филина и сокола или орла. Позади, за головами птицъ, два горизонтальныя ушка. Подлинность бляхи вѣдь сомнѣнія, такъ она покрыта хорошою патиной. Д. Данилова Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 253. Изображеніе филина съ опущенными крыльями. Р. Ухта. Этнографическій Музей.

Рис. 254. Изображеніе птицы, охватившей человѣка, какъ рис. 225 или 288. У человѣка руки и ноги сомкнуты какъ на рис. 224. Д. Лѣшкова.

Рис. 255. Неясное изображеніе. Повидимому, птица съ головою человѣка, или же крылатый человѣкъ. И глаза, и ротъ косые, по немѣлому литью (?) Д. Верхъ-Лупья гаинской вол. Чердынскаго у.

Рис. 256. Изображеніе въ видѣ крылатаго человѣка, какъ рис. 255, съ маскою на груди. Техника можетъ быть и очень старая, по аналогіи съ рис. 218, но можетъ быть поздняя, по аналогіи съ рис. 286, 287 и др.; первое вѣроятнѣе. Тарскій окр. Тобольской губ.

Рис. 257. Изображеніе, подобное рис. 259. Въ технику чувствуется аналогія съ рис. 245. Айдашинская пещера Ачинскаго окр. Енисейской губ. (О. И. А. К. 1897, 53).

Рис. 258. Необычное изображеніе изъ красной мѣди. Голова хищной птицы, обращенная вбокъ, узкія безперья крылья, широкій хвостъ о 4 пера. Изображеніе лица сокращенное, выпуклыми чертами, какъ на позднихъ фигурахъ рис. 440, 450 и др. Д. Екатериновка Осинскаго у. Пермской губ.

Рис. 259. Лицо филина полное, какъ человѣческое, между ушами изображеніе птичьей головки, на груди маска. Можетъ быть, древнее изображеніе. Томскій могильникъ (Отч. Имп. Арх. Ком. 1899, стр. 108).

Рис. 260. Оригинальная прорѣзная фигура филина, близкая по очертаніямъ рис. 261. Голова не только квадратная, но даже съ баками; на груди желѣзная скобка въ два отворота. Интересна и фигура человѣка, представленнаго головою, частью рукъ и ногами; на головѣ какія-то уши или язычки, знакъ пола. Р. Ухта. Коллекція г. Щукина.

Рис. 261. Филинъ съ головами кричащихъ птицъ на крыльяхъ, какъ на рис. 264 и 266. Крылья о три пера, оканчивающихся также головками кричащихъ птицъ, лапы о три пальца, согнутыхъ въ клубокъ какъ рис. 109. На груди слѣды скобочки какъ рис. 260, на углахъ по ушку. Кунгурская коллекція.

Рис. 262. IX—X в. Тренина гора, Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 263. Отличное изображеніе, къ сожалѣнію, попорченное. Шея филина со складкою, какъ на рис. 261, перья витыя, съ глазками на концахъ. Кромѣ человѣческаго лица (снабженнаго бородакою какъ рис. 204) голова медвѣдя и еще четыре головы какихъ-то животныхъ. VIII—IX в. Вологодская губ.? Старый атласъ Антропологическаго Музея. Mus Petropolit. p. 105 № 26.

Рис. 264. Загадочное изображеніе кричащей птицы о три головы (см. рис. 102) съ головами животныхъ въ хвостѣ и головою человѣка на спинѣ. Р. Ухта. Коллекція г. Щукина.

Рис. 265. Хорошее, но поломанное изображение. Перьевъ на крылахъ, повидимому, по пяти (едва ли по четыре, какъ на рис. 283); къ нимъ выходятъ изъ середины по 4 головы лося, а изъ самыхъ нижнихъ выступаютъ головы кричащихъ птицъ (вылита лишь одна такая, слѣва). На головѣ человѣка усы; ниже ея слѣды груди. IX в.? Гаинская вол. Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 266. Изображеніе подобное рис. 266. У хвоста головы съ ушами и рогами. Желтая мѣдь. Р. Ухта. Коллекція г. Щукина.

Рис. 267. Внизу ящеръ. Д. Выставка (Березняки), Чердынскаго у. Историческій музей.

Рис. 268. Двѣ большія лосипныя головы, обращенныя къ головѣ человѣка. Ящеръ. С. Кишерть. Изъ вещей г. Гавриленка.

Рис. 269. Томскіе курганы VIII в. (Зап. И. Р. А. О. т. XI в. 1, табл. I).

Рис. 270. Крылья о пяти перьяхъ. На концахъ сгиба по большой лосиной головѣ. Д. Сыропатово Кунгурскаго у. (Отч. Имп. Арх. Комм. 1903 г.).

Рис. 271. Кунгурская коллекція.

Рис. 272. VIII—IX в. Гаинская вол. Чердынскаго у. Приобрѣтена въ 1902 г. В. Л. Борисовымъ.

Рис. 273. Филинъ. На плечахъ нарѣзки, какъ на рис. 257. VIII—IX в. Коллекція Фролова въ Императ. Эрмитажѣ. Рудникъ Петровскій, Бійскаго у. Томской губ.

Рис. 274. Кыштымъ Екатеринбургскаго у. Казанск. Общ. Естествоиспытат. (Анучинъ табл. III, 20).

Рис. 275. Серебряная полая голова филина, съ кантомъ. VIII — IX в. Д. Чазева, Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 276. Изображеніе ласточки (?) съ головой человѣка на груди и фигурами людей на крыльяхъ, какъ рис. 35. Очень рѣдкое изображеніе. Кромѣ аналогіи съ подѣлкой изъ Истяцкихъ юртъ (рис. 46) укажемъ на кантъ, аналогичной по техникѣ орнаменту медвѣдя на рис. 19. Не относится ли подѣлка къ типу вещей Сидоровской коллекціи (рис. 422—436)? Тобольскій музей, изъ неизвѣстной мѣстности.

Рис. 277. Д. Грибяты, Глазовскаго у. Коллекція Первухина. (Статья Д. Н. Анучина, табл. III, 21).

Рис. 278. Глазовскій у. Коллекція Первухина. (Статья Д. Н. Анучина, табл. II, 16).

Рис. 279. Интересное изображеніе. Перья оканчиваются головами

лося и кричащихъ птицъ. На перемычкахъ два ящера, обращенныя головами въ разныя стороны. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 280. Рѣдкое по грубости изображеніе. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 281. Д. Грудята, Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ. Лапы какъ руки на рис. 167.

Рис. 282. Хвостъ двуперый, лапы совершенно какъ человѣческія руки. Д. Красильникова (?), Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 283. Аналогія на рис. 265. Внизу, вѣроятно, былъ ящеръ. Д. Данилова, Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 284. Перья прорѣзныя. «Свѣтлое озеро» близъ с. Нижне-Мошево, Чердынскаго у.

Рис. 285. Отличная большая прорѣзная бляха. Изображеніе чело-вѣка близко къ свернутой фигурѣ рис. 224: вывороченныя колѣна, сомкнутые носки; руки съ длинными пальцами вверхъ. Лицо финское, голова острая, кажется, съ космами. Въ верхней части четыре плохо различимыя головы какихъ-то животныхъ. По низу полукруглая перемычка. Спасскій у., Казанской губ. Казанск. Общ. Археол., Истор. и Этногр.

Рис. 286. XIII—XIV в.? Д. Данина, Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 287. Позднее изображеніе. Д. Селище, Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана. Подобное въ коллекціи Теплоухова табл. XXII, 7.

Рис. 288. Прекрасная подѣлка. Птица съ чело-вѣкообразными руками, держащая и несущая чело-вѣка. Аналогій не знаемъ. С. Спасское, Каинскаго у. Томскій Университетъ.

Рис. 289. Напоминаетъ рис. 271. Глазовскій у. Коллекція Первухина. (Статья Д. Н. Анучина табл. II, 17)

Рис. 290. Соболь или какое-то другое животное и голова чело-вѣка, лапы птицы. XI—XII в. С. Усть-Вочь на р. Вочь, притокъ Сѣверной Кельтмы, Вологодской губ. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 291. Гусь на лету. XI в. Д. Базуева, Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 292. Глазовскій у. Изъ статьи Д. Н. Анучина (табл. II, 14).

Рис. 293. Городище Мартыново, Соликамскаго у., съ вещами XIII—XIV в. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 294. Мужская фигура, XI—XII в. Д. Данилова, Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 295. Изображеніе единственное по композиціи и техникѣ.

Ласточка, орнаментъ сканью. На груди фигура коня (?). XI в. Д. Галукова, Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 296. Перья представлены наложенными вкось поясами. XI в.? Д. Михалева, Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 297. Птица, подобная рис. 296; припайныя ноги, какъ рис. 167. Слева изображеніе летящей птицы. Свободное поле орнаментировано сѣтью изъ припайныхъ проволокъ. XI в.? Д. Москалева, Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 298. Грубая поздняя. Слѣды лапъ. Д. Долды, Чердынскаго у. Пермскій Музей.

Рис. 299. Кладъ близъ д. Егозовой, Кузнецкаго окр. Штриховка. Томскій Университетъ.

Рис. 300. Изъ Глазовскаго у. (Статья Д. Н. Анучина, табл. II, 18).

Рис. 301. Бигеръ-шай близъ д. Донды, Глазовскаго у. Коллекція Первухина. (Статья Д. Н. Анучина, табл. II, 12).

Рис. 302. Голова филина съ ушами и хохломъ. Ожерелье. Окрестности Тобольска. Тобольскій Музей.

Рис. 303. Выпуклая грудь, лапы. X в. Д. Загарье, Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 304. Изображеніе, подобное предыдущему, грубое, но болѣе раннее (судя по патинѣ, VIII—IX в.). Выпуклый клювъ.

Рис. 305—310. Кладъ близъ д. Егозовой, Кузнецкаго окр. Томской губ. Сюда же относится зеркало рис. 18 и птица рис. 299. Своеобразной техники мѣстныя издѣлія. Время пока не опредѣлимо, можетъ быть, X—XI в. Матеріаль—сѣрая бронза.

IX. Изображенія животныхъ

Рис. 311. Быть можетъ, XIII—XIV в. Д. Харина, Чердынскаго у. Коллекція г. Теплоуховыхъ.

Рис. 312. Изъ красной мѣди. Позади ушко. Подѣлка, можетъ быть, времени Гляденовскаго костища. Ревдинскій зав. на верховьяхъ Чусовой. Коллекція Ешевскаго.

Рис. 313. Котловскій могильникъ времени Анапьянскаго могильника, Елабужскаго у. Вятской губ. Позади ушко. (Матеріалы по археолог. восточныхъ губ. т. III, 99).

Рис. 314. Два неясныя животныя въ борьбѣ. VIII—IX в. Д. Грудята Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 315. Борьба животных? Подѣлка грубой работы. Подбобыка. Императорскій Эрмитажъ.

Рис. 316. Дискъ съ изображеніемъ 6 животныхъ, птицы и головы медвѣдя. Посрединѣ 2 концентрическія кружка, можетъ быть, какъ на рис. 111. Кунгурская коллекція.

Рис. 317. Изображеніе, подобное рис. 108. Двѣ головы лося, двѣ медвѣдя и дискъ. Д. Пѣшкова.

Рис. 318. Два медвѣдя головами къ диску. Д. Шипицына Чердынск. у. Коллекція г. Зеликмана. Два отверстия.

Рис. 319. Дискъ съ изображеніемъ 4 животныхъ, обращенныхъ головами къ диску. Дополнительная головка животного; палочка, какъ на рис. 324. Выемки въ видѣ полулуній. Д. Пѣшкова.

Рис. 320. То же, что рис. 318, въ натуральную величину.

Рис. 321. Медвѣдь и еще другое животное. Диска нѣтъ. Д. Пѣшкова.

Рис. 322. Полый гусь. По старому рисунку атласа Антропологическаго Музея. Scrin. XVII № 392. Вологодская губ. ?

Рис. 323. Оригинальный дискъ съ изображеніемъ змѣи и ящерицы и съ 5 головами животныхъ по ободку. Такія изображенія встрѣчены отдѣльно въ Гляденовскомъ костницѣ. Коллекція г. Зеликмана или Пермскаго Музея.

Рис. 324. Семья медвѣдей. Въмѣсто диска щитокъ съ палочкой по срединѣ. Д. Пѣшкова.

Рис. 325. Отличное изображеніе медвѣдя съ орнаментальнымъ ошейникомъ, 4 головы животныхъ (одна лося) и что-то вроде боброваго хвоста. Д. Пѣшкова.

Рис. 326. Изображеніе, подобное рис. 321, но съ дискомъ и головами двухъ животныхъ. Коллекція Первухина изъ Глазовскаго у. Вятской губ. (Матеріалы по археологii восточн. губ. т. II, табл. XI, 17).

Рис. 327. Пронизка въ видѣ кричащей птицы съ головою такой же на хвостѣ. Внизу лапы, а не голова животного. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 328. Подобное изображеніе. Гарамиха Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 329. Такое же изображеніе. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 330. Медвѣдь на схематически представленномъ животномъ. Гарамиха Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 331. Орелъ на какой-то головѣ (лося, какъ рис. 334?). Кантъ въ косую веревочку. VIII—IX в. Д. Плесъ Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 332. Та же композиція. IX в. ? Д. Антоновцы Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 333. Пронизка въ видѣ медвѣдя съ добычей. Д. Ромашево Пермскаго у. Румянцевскій Музей.

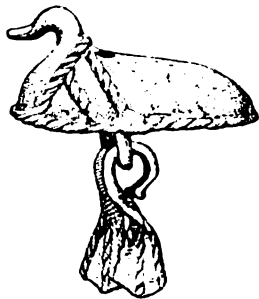
Рис. 334. Орель, медвѣдь и голова лося. Пронизка продольная. На ногахъ медвѣдя кружокъ, какъ на рис. 327 и 342. Голова медвѣдя на рисункѣ неправильно отведена отъ туловища. Д. Плесъ Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 335. Схематически представленный грифонъ въ борьбѣ съ соболемъ или подобнымъ животнымъ. X—XI в. ? Д. Малая Аникова Чердынскаго у.

Рис. 336. Гусь съ ободкомъ, какъ рис. 322 и 359. На лапахъ отверстія. Д. Скрипунова Самаровской вол. Тобольскаго окр.

Рис. 337. Утка? VIII—IX в. Д. Маркова Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 338. IX в. ? Д. Корчя Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ. Предлагаемъ рисунокъ подобной повѣски XI в. (д. Иванчина, изъ коллекціи Теплоуховыхъ).

Къ рис. 338. Д. Иванчина.

Рис. 339. Заяць? VIII—IX в. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 340. VIII—IX в. Д. Грудята Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 341. Полая фигура. Голубь? Изъ неизвѣстной мѣстности Пермской губ. — Пермскій Сборникъ т. I, табл. II, 9.

Рис. 342. Изображеніе, подобное рис. 327. Трубка гранчатая. VIII—IX в. Д. Пуксибъ Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 343. Полая птица. XIII—XIV в. Д. Скрипунова Самаровской вол. Тобольскаго у. (Архивъ Импер. Археол. Комм. 1888, 67).

Рис. 344. Композиція рис. 331. Д. Ромашева Пермскаго у. Румянцевскій Музей.

Рис. 345. Медвѣдь, поставленный иначе, чѣмъ рис. 330, кажется, на животномъ. Трубочка обломана. VIII—IX в. Д. Морочата Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 346. Орель и соболь, какъ рис. 335? VIII—IX в. Важъ-Пальникъ на р. Вельвѣ. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 347. VIII—IX в. Д. Опутята Соликамскаго у. на р. Обвѣ. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 348. Медвѣдь? XIII—XIV в. Д. Чажегова Чердынского у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 349. VIII—IX в. Д. Златина Чердынского у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 350. VIII—IX в. Д. Михалева Чердынского у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 351. VIII—IX. Д. Илесь Чердынского у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 352. Можетъ быть, конекъ на змѣѣ, какъ рис. 231, а можетъ быть и медвѣдь. С. Филинское близъ ст. Денщиковской на Иртышѣ, Тобольскаго окр. Тобольскій Музей.

Рис. 353. Полый зайчикъ, съ отверстіемъ сверху. Близъ Кыштымскаго зав. Екатеринбургскаго у.

Рис. 354. VIII—IX в. Д. Елева Чердынского у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 355. Томскіе курганы VIII в. (Зап. Имп. Р. А. О. т. XI в. 1 табл. I). Говорятъ, что у китайцевъ есть замочки такой же формы.

Рис. 356. Непонятный звѣрь. Едва ли конь. Аналогія скорѣе всего на рис. 372. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 357. Неопредѣленное животное на другомъ. Можетъ быть, оной техники и времени съ рис. 358. Д. Скрипунова Тобольскаго окр. XIII—XIV в. ?

Рис. 358. Заяцъ на скаку. VIII—IX в. ? Д. Скрипунова Тобольскаго окр.

Рис. 359. Гусь, какъ на рис. 322. VIII—IX в. С. Филинское на Иртышѣ, ниже Тобольска. Тобольскій Музей.

Рис. 360. Какъ бы шкура медвѣдя. Д. Подбобыка Чердынского у. Пермскій Музей.

Рис. 361. Полый медвѣдь. VIII—IX в. Д. Федорова Чердынского у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 362. Медвѣдь со змѣями по бокамъ, какъ человѣческая фигура на рис. 211. Томскій могильникъ (Отч. Имп. Арх. Комм. 1899 стр. 108). Древнее изображеніе.

Рис. 363. VIII—IX в. Изъ коллекціи проф. Эйхвальда, съ Печоры (?). Атласъ г. Аспелина рис. 552.

Рис. 364. Голова медвѣдя. Д. Гусева юксеевской вол. Чердынск. у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 365. Медвѣдь. Техника литья, кажется, поздняя, какъ рис. 142 оттуда же. Д. Подбобыка Чердынского у. Казанск. Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Рис. 366. Одной техники съ рис. 357 и 358. Д. Скрипунова Самаровской вол. Тобольскаго окр. VIII-- IX в. ?

Рис. 367. Изъ Добрянскаго Завода Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 368. Орнаментъ старый. Тобольскъ. Академія Наукъ. Атласъ г. Аспелина рис. 558.

Рис. 369. Тобольскъ. Атласъ г. Аспелина рис. 553. Импер. Географич. Общ.

Рис. 370. Бляшка съ изображеніемъ медвѣдей? Строгановская коллекція, изъ д. Зародяты Пермскаго у.

Рис. 371. Медвѣдь. XII—XIV в. Д. Скрипунова Самаровской вол. Тобольскаго окр.

Рис. 372. Бляшка съ изображеніемъ медвѣдей или ипыхъ животныхъ. По каймѣ аналогія съ рис. 376 и 380. VIII в., если не раньше, какъ и рис. 370. Коллекція гр. Строгановыхъ, изъ с. Филатова Пермскаго у.

Рис. 373. Медвѣдь. XII—XIV в. Д. Скрипунова Самаровской вол. Тобольскаго окр.

Рис. 374. Медвѣдь на заднихъ ногахъ, носками внутрь, какъ многія раннія подѣлки; знакъ пола, перехваты на рукахъ и ногахъ. По туловищу три схематическія маски человѣческаго лица, щеки которыхъ исполнены морщинами. Аналогія съ рис. 428. Найденъ не далеко отъ с. Ильинска на Обвѣ, на полѣ крестьянина гг. Лазаревыхъ. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 375. Медвѣдь съ тремя человѣческими цѣлыми фигурами на туловищѣ (семья?). У медвѣдя ошейникъ и перехваты на ногахъ. Атласъ Антропологич. Музея. *Museum Petropol scin.* XVIII № 113.

Рис. 376. Томскіе курганы VIII в. (Зап. И. Р. А. О. т. XI в. I табл. I, 12).

Рис. 377. Конекъ изъ коллекціи г. Зеликмана.

Рис. 378 и 380. Бляхи, близкія по композиціи и технике къ рис. 376. Повидному, одной коллекціи съ такой же бляхой собранія Теплоуховыхъ (табл. XVII, 12), происходящей съ р. Кынь Кунгурскаго у. VIII в.

Рис. 379. Конекъ отчасти обработанъ напилкомъ. Д. Зуева юксовской вол. Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 381. Конь на выпуклой бляхѣ; сзади ушко. Одна изъ вещей древняго жертвеннаго мѣста на р. Яѣ, въ районѣ Томска (Отч. И. А. К. 1892, стр. 72).

Рис. 382. Конь или хищный звѣрь. Если подъ ногами видѣть ящера, то это конь. Гарамиха, Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 383. Подобное изображеніе, съ орнаментомъ какъ на конькѣ рис. 377. Можетъ быть, подѣлка изъ раннихъ. Д. Фекленки Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 384. IX—XI в? Р. Иньва. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 385. Неопредѣленный звѣрь съ головою, обращенною назадъ, изъ красной мѣди. Завитки, морда, лапы изъ проволоки, контуръ изъ насѣченной проволоки. Время опредѣлить не рѣшаемся. Д. Екатериновка Осинскаго у. Пермской губ. (О. И. А. К. 1900, 118).

Рис. 386. Конекъ владимірскаго типа (Владим. кург. рис. 416 и др.). XI—XII. в. Д. Чазева Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 387. Ноги и перемычка витыя. Судя по аналогіи въ Айшипскомъ могильникѣ (коллекція В. И. Заусайлова), подѣлка приблизительно VI в. Д. Ильнешъ Сарапульскаго у. (Коллекція Нефедова).

Рис. 388. Двойной конекъ VIII—IX в? Д. Елева Чердынскаго у.

Рис. 389. Одного времени съ рис. 377. VIII—IX в. Д. Грудята Пермскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 390. VIII—IX в.? Д. Вакина Соликамскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 391. Козель? Тяжелыя формы, какъ у медвѣдя, рис. 369. VIII—IX в.? Изъ Пермской губ. въ коллекціи Ешевскаго (Пермск. Сборн. в. I табл. II, 12).

Рис. 392. Какая-то ящерица. Интересны глаза, какъ у иллюминаторовъ. Д. Подбобыка. Казанск. Общ. Археол., Ист. и Этн.

Рис. 393. Мѣдная уточка, подражающая костяной X в. Д. Харина Чердынскаго у. Коллекція Теплоуховыхъ.

Рис. 394. Гусь. Чердынский у. (Архивъ Импер. Археолог. Комм. 1894 г. № 95).

Рис. 395. Козель. Томскій могильникъ (Отч. И. А. К. 1889, стр. 108).

Рис. 396. Жаба или лягушка. Судя по аналогіи въ техникѣ съ рис. 88 изъ Гляденовскихъ вещей, подѣлка ранняя. Д. Подбобыка. Пермскій Музей.

Рис. 397. Жаба, интересной композиціи. VIII—IX в. Висимъ, Верхъ-Ошибской вол., Пермскаго у. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 398. Д. Шипицына Чердынскаго у. Коллекція г. Зеликмана.

Рис. 399. Хорошее изображеніе ящера. Д. Подбобыка Чердынскаго у. (Статья Ѳ. А. Теплоухова).

Рис. 400. Чешуя, разрезной хвостъ. XIII—XIV в. Д. Скрипунова Самаровской вол. Тобольскаго окр.

Рис. 401. Всадникъ верхомъ на ящерѣ. Единственная композиція. Время пока неопредѣлимо. Д. Подбобыка. Казанск. Общ. Археолог., Ист. и Этногр.

Рис. 402. Свинка? Грубое литье. Д. Подбобыка. Историческій Музей.

Рис. 403—405. Ящеры изъ д. Подбобыки. Время, повидимому, раннее, Гляденовскаго костыща. Императ. Эрмитажъ и Казанск. Общ. Археол., Ист. и Этногр.

Рис. 406. Ящеръ изъ Кунгурской коллекціи. По краю зачѣмъ-то 6 проверченныя отверстій.

Рис. 407. Ящеръ изъ д. Подбобыки, съ двумя вырѣзами. Императ. Эрмитажъ.

Рис. 408. Ящеръ, оттуда же. Пермскій Музей.

Рис. 409. VIII—IX в. Д. Зобачева Пермскаго у. Коллекція Теплоуговыхъ.

Х. Вогульскія и инья подобныя изображенія.

Рис. 410—414. Вещи, найденныя въ неизвѣстной мѣстности Уфимской губ. Издаются въ большемъ уменьшеніи. Среднее изображеніе представляетъ какъ бы духовъ, обитающихъ въ деревьяхъ. Узкія подѣлки имѣютъ видъ головъ, какъ рис. 445 и 451. Щитокъ совершенно непонятенъ. Уфимскій Музей. Изданы у *Н. И. Бульчева*, Древности изъ Восточной Россіи, вып. II. С.-Пб. 1904 г.

Рис. 415. Лицо какъ рис. 439. Д. Скрипунова Самаровской вол. Тобольскаго окр.

Рис. 416. Фигура челоуѣка, неопредѣленнаго времени, можетъ быть, по аналогіи съ изображеніемъ Кунгурскаго клада рис. 213, изъ довольно раннихъ. Д. Кривоуцкая близъ Ялотуровска на р. Тоболѣ. Томскій Университетъ.

Рис. 417. Голова грубаго литья. Носъ треугольникомъ, какъ рис. 425. Окрестности г. Березова Тобольской губ. Тобольскій музей.

Рис. 418. Къ отдѣлу IX. Орнаментъ въ видѣ фестоновъ. Коллекція гр. Строгановыхъ.

Рис. 419—421. Рыбы, судя по технику, позднія (XIII—XIV в.). Д. Скрипунова Тобольскаго окр.

Рис. 422—432, 435, 436. Коллекція Сидорова съ р. Соплоса,

притока р. Печоры въ Усть-Сысольскомъ у.; д. Усть-Соплеса находится близъ д. Щугорской. Техника особая, время неопредѣлимо.

Рис. 422. Птица съ головою человѣка. На крыльяхъ глазки.

Рис. 423. Кольцо вверху, повидимому, простой литничекъ, такъ какъ ниже его видна голова птицы. Выше лапъ какой-то глазокъ, не ротъ.

Рис. 424. Человѣкъ въ позѣ медвѣдя рис. 431?

Рис. 425. Кантъ стараго типа, какъ у медвѣдя рис. 19.

Рис. 426. На головѣ литничекъ. Не полая-ли фигура?

Рис. 227. Характерныя оборки на шеѣ и на плечахъ.

Рис. 428. Человѣческая фигура съ головою медвѣдя, или медвѣдь съ конечностями человѣка, какъ пляшущій медвѣдь рис. 374, съ которымъ у него замѣчается рѣшительное сходство въ композиціи и въ орнаментѣ (перехваты у рукъ и ногъ).

Рис. 429. Носъ и усы, какъ у кота. Носъ какъ на рис. 432.

Рис. 430. Семь сулде на ящерѣ. У крайняго на головѣ, повидимому, голова кричащей птицы. Имѣется еще какое-то восьмое дополнительное изображеніе.

Рис. 431. Единственное изображеніе сидящаго фасомъ медвѣдя.

Рис. 432. Совершенно круглая голова съ бровями какъ рис. 428 и двупалымъ носомъ. Снизу отростокъ, какъ на рис. 489. Не есть ли это сокращеніе изображенія рис. 276, которое имѣетъ орнаментъ аналогичный вещамъ описываемаго клада.

Рис. 435. Маска на груди съ усами и бородой?

Рис. 436. Перья хвоста какъ на рис. 257. Характерны дополнительные придатки на крыльяхъ, орнаментъ на три отчерка и кантъ какъ у рис. 425, 427, 428. Въ фигурѣ по длинному хвосту, мохнатымъ изогнутымъ лапамъ чувствуется какое-то сходство съ вещами Егзовскаго клада (рис. 305—310). Отростки крыльевъ напоминаютъ рис. 454 и 455.

Рис. 433. Изъ клада при д. Егзовой (рис. 305—310). Напоминаетъ птицу съ распущенными крыльями, длиннымъ хвостомъ и головою филина, какъ рис. 309. Подѣлка гладкая, изъ желтой мѣди. На крыльяхъ два звѣрька. Томскій Университетъ, № 1231.

Рис. 434. Аналогіи рис. 457 и 478. Д. Палкина на земляхъ Верхъ-Исетскихъ заводовъ, Екатеринбургскаго у. Коллекція Ешевскаго.

Рис. 437. Р. Лозва, притокъ Тавды. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 438. Оттуда же и въ томъ же Музеѣ.

Рис. 439. Лицо какъ рис. 415. Д. Мал. Аникова Черд. у. Историческій Музей. XI в. ?

Рис. 440. Хорошая подѣлка, весьма большихъ размѣровъ. Фигура деревянной тумбы, сбоку животное. Волоса какъ у рис. 446. С. Шайтанка Невьянской дачи, Екатеринбургскаго у. Мѣстный Музей.

Рис. 441. Аналогія съ рис. 440. Въ 10 в. отъ Екатеринбурга на берегу р. Исети, вмѣстѣ съ формочкой и другими вещами. Музей И. Р. А. О. (Извѣстія А. О. II, 385).

Рис. 442 и 443. Вещи изъ Тобольской губ. Принадлежали Малахову, а въ послѣднее время Н. Н. Новокрещенныхъ. Импер. Эрмитажъ.

Рис. 444. На головѣ 4 отростка, изображающіе волосы; ноги внутрь носками. Тарскій окр. Тобольской губ.

Рис. 445. Волоса какъ на рис. 444, глаза съ бровями, усы и борода, ушки Неизвѣстной мѣстности. Тобольскій Музей.

Рис. 446. Изображеніе подобное рис. 441 (въ атласѣ г. Аспелина рис. 583 эта подѣлка представлена въ цѣломъ видѣ). Д. Палкина въ дачѣ Верхне-Исетскихъ Заводовъ, какъ рис. 434. Румянцевскій Музей.

Рис. 447. Очень схематичная фигура птицы. Р. Адуй. По рисунку В. Я. Толмачева. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 448. Подѣлка отъ Абрамова изъ Тары, въ Антропологическомъ Музеѣ. Одна рука отпиlena, нога и голова отломаны. Отростки у таза непонятны.

Рис. 449. Непонятное изображеніе, можетъ быть, двѣ лосиныя головы въ хвостѣ, какъ на рис. 473. Д. Усть-Унья Чердынскаго у., вмѣстѣ съ рис. 467.

Рис. 450. Человѣческая фигура типа рис. 444 и другихъ подобныхъ, на какихъ-то отросткахъ. Очертанія лица почти какъ на рис. 451, вмѣсто рукъ короткіе отростки. Въ техникѣ есть общее съ рис. 258. Изъ красной мѣди. Тарскій окр. Тобольской губ. (О. И. А. К. 1900, 121).

Рис. 451. Аналогія съ рис. 445, но еще грубѣе. Руки-отростки выше рта. Чувашскій мысъ близъ Тобольска. Коллекція Знаменскаго.

Рис. 452. Тарскій окр., Такмыскъ. Антропологическій Музей, отъ Абрамова. (1842 г.). Литье грубое. На оборотѣ въ подлежащемъ мѣстѣ массивный шипъ въ видѣ фаллоса.

Рис. 453. Изображеніе, напоминающее рис. 450 и 441. Перемычка справа, можетъ быть, изображеніе напоминаетъ животного Шигорское оз. Екатеринбургскаго у. По рисунку В. Я. Толмачева. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 454. На груди овальный вырѣзъ. Р. Печора близъ р. Уньи. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 455. Такое же. С. Лимежь Чердынского у. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 456. Кыштымъ, Екатеринбургскаго у. Казанское Общ. Археол., Ист. и Этногр.

Рис. 457. Оз. Карасье Екатеринбургскаго у. По рисунку В. Я. Толмачева. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 458. Р. Унья, Чердынскаго у. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 459. Караульная Гора близъ Сѣверскаго завода, въ дачахъ Сысертскаго завода.

Рис. 460. Оригинальное изображеніе въ видѣ птицы, поднимающейся вверхъ. Чердынскій у. Казанское Общество Естествоиспытат. Голова набокъ, какъ рис. 461, 464. Наболѣе близкая аналогія на рис. 473 (съ р. Унья).

Рис. 461. Найдено вмѣстѣ съ рис. 460. Лучшее изображеніе головъ животныхъ на крыльяхъ фигуръ даннаго типа (рис. 354 и др.). Имитация головамъ кричащихъ птицъ? Едва ли есть слѣды ящера. Чердынскій у. Казанск. Общ. Естествоиспытат.

Рис. 462. Караульная гора. Подобное въ атласѣ г. Аспелина рис. 588.

Рис. 463. Ласточка, съ разрѣзнымъ хвостомъ. Лапы въ стороны, голова влѣво (есть глазъ). На груди (или спинѣ), повидному, человѣческое лицо изъ бровей, носа и рта, кажется, есть слѣды и глазъ (аналогія на рис. 439 и др.). Впрочемъ напомнимъ, что на рис. 423 имѣется какой-то кружокъ между ногъ, совершенно независимый отъ изображенія лица. Чердынскій у. (Анучинъ, табл. III, 27).

Рис. 464. Птичка, найденная въ 1895 г. въ р. Линевкѣ въ 7 в. отъ Алопаевскаго завода при ловлѣ рыбы бродомъ, на фарватерѣ. Собственность генерала М. А. Лялина. Лучшій экземпляръ подѣлокъ этого рода.

Рис. 465 и 466. Голова и грудь выпуклая. Въ композиціи, повидному, есть сходство съ рис. 307. Р. Шурала у Невьянскаго завода. По старому рисунку Шорина.

Рис. 467. Поломанная голова и крыло. Глазки на крыльяхъ и хвостѣ, какъ на рис. 473. Д. Усть-Унья Чердынскаго у.

Рис. 468. Птица съ туловищемъ какъ-бы рыбы. Д. Огневая на р. Синарѣ Екатеринбургскаго у. Екатеринбургскій Музей. По рисунку В. Я. Толмачева.

Рис. 469. Отличная птичка красивой композиціи. Караульная гора въ дачахъ Сысертскаго завода Екатеринбургскаго у. Изъ статьи Д. Н. Анучина.

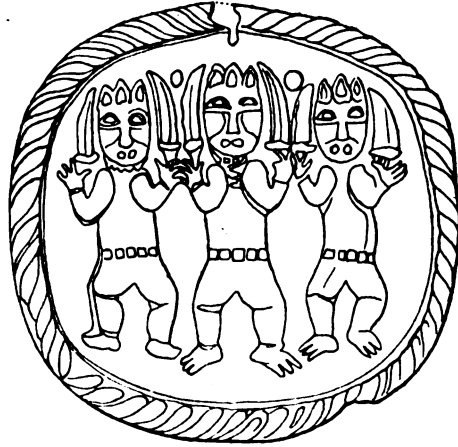

Рис. 4. Окрестности г. Березова. 1/1.

Рис. 5. Коллекція гр. Г. С. Строганова. 1/1.

Рис. 6. Змѣногорскъ. $\frac{3}{4}$.

Рис. 7. С. Слудка, Пермскаго у. $\frac{1}{2}$.

Рис. 8. Сибирь? $\frac{2}{3}$.

Рис. 9. Коцкій городокъ, Березовскаго у., Тобольской губ. Почти $\frac{1}{2}$.

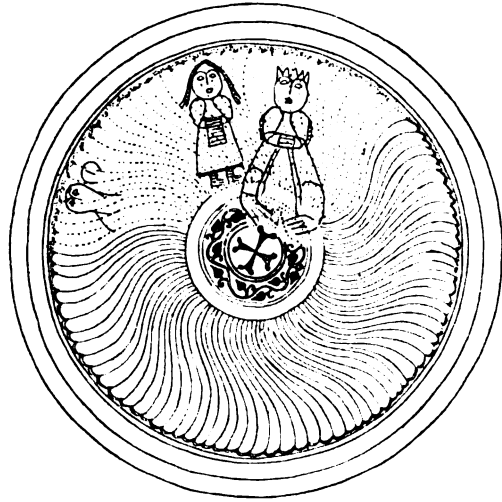

Рис. 10. Собрание гр. Строгановыхъ. 1/4.

Рис. 11. С. Слудка, Пермскаго у. 3/4.

Записки Отд. русск. и сл. арх. И. Р. А. О. Т. VIII. в. 1.

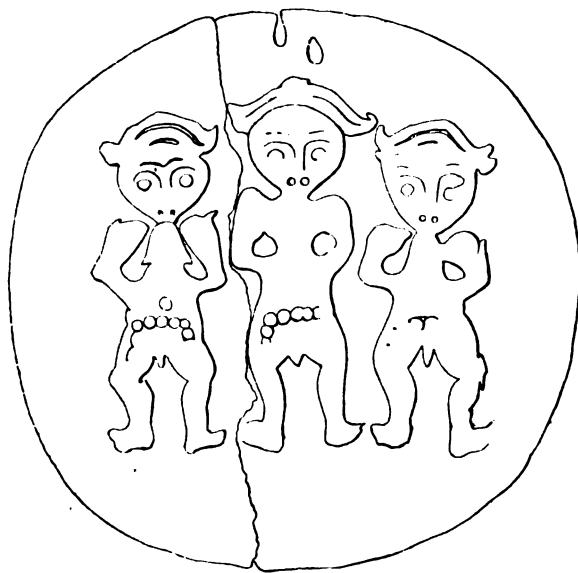

Рис. 12. Сибирь ? 2/3.

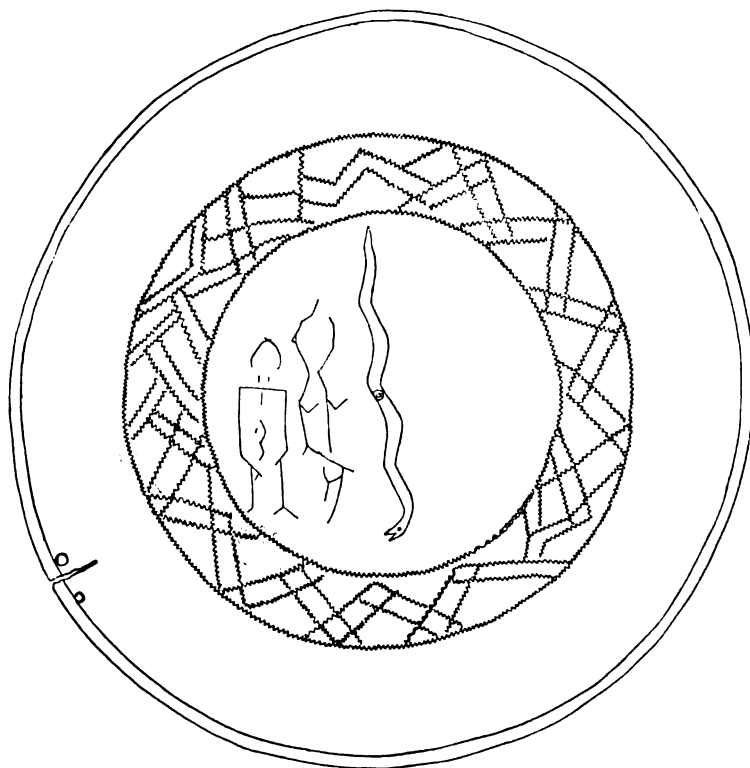

Рис. 13. Самаровская вол., Тобольск. окр. 1/2.

Рис 14. Обратная сторона блюда рис. 15. 1/4.

Рис. 15. Национальная Библиотека в Париже. 1/3.

*

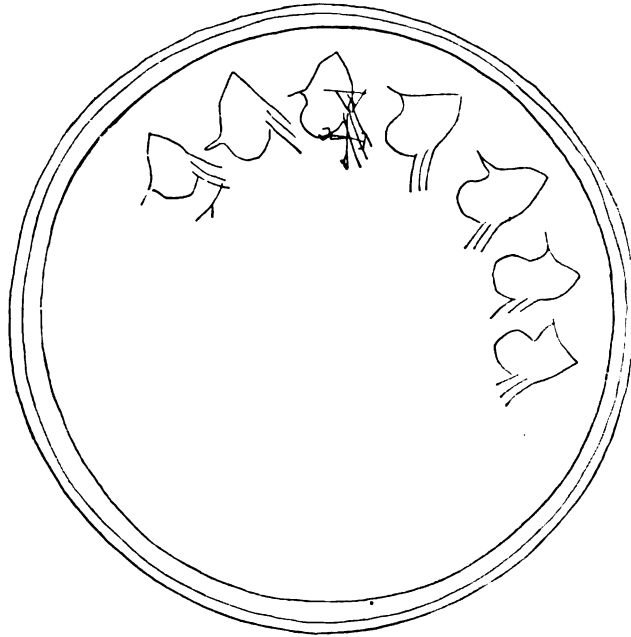

Рис. 16. С. Слудка ? 1/2.

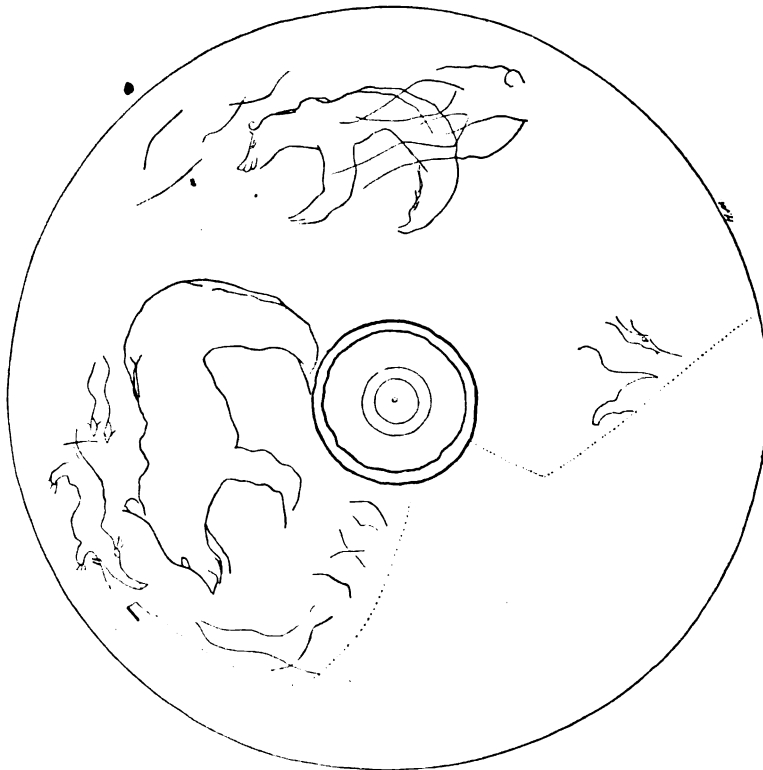

Рис. 17. Обратная сторона блюда рис. 19.

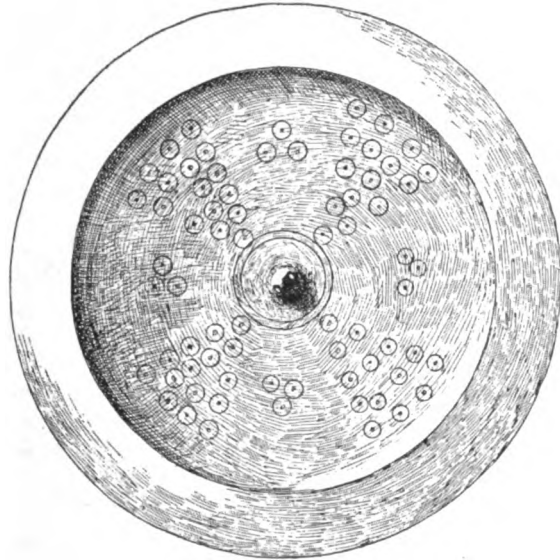

Рис. 18. Д. Егозова, Томской губ. $\frac{3}{4}$.

Рис. 19. Д. Керчева, Чердынского у. $\frac{1}{3}$.

Рис. 20.

Рис. 21. 1/1.

Рис. 22. 1/1.

Рис. 23. 1/1.

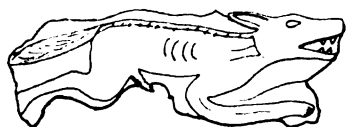

Рис. 24.

Рис. 25. 1/1.

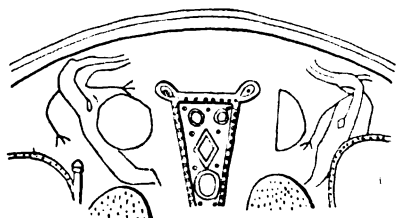

Рис. 27. Поч. Березовский, Пермск. у.?

Рис. 26. 1/1.

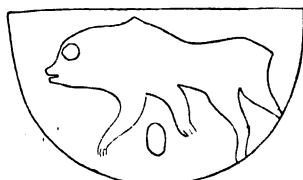

Рис. 28. Д. Подбобыка. 1/2.

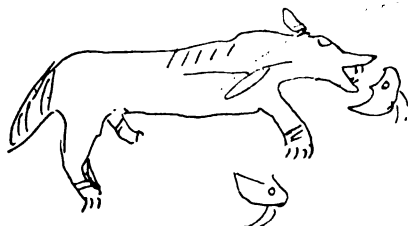

Рис. 29. По наброску.

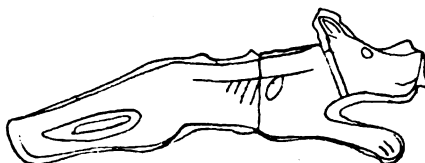

Рис. 30.

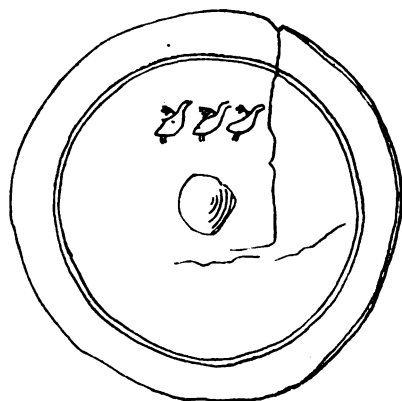

Рис. 31.

Рис. 32. 1/1.

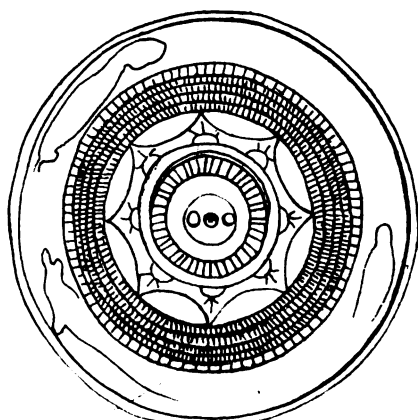

Рис. 33.

Рис. 20, 24, 29—31, 33. Пегаякия юрты.

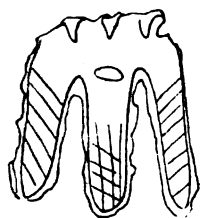

Рис. 34.

Рис. 35.

Рис. 36.

Рис. 37.

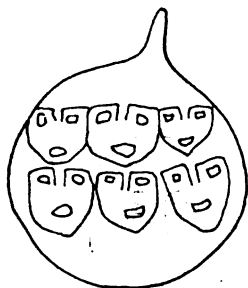

Рис. 38.

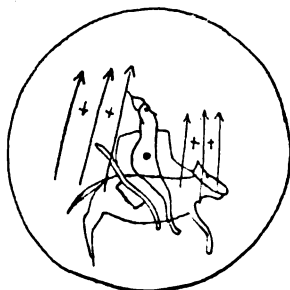

Рис. 39.

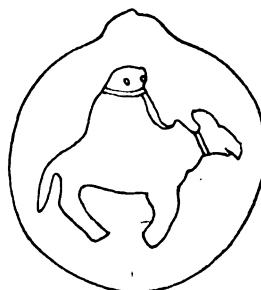

Рис. 40.

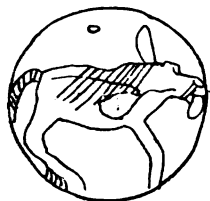

Рис. 41.

Рис. 42.

Рис. 43.

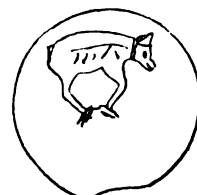

Рис. 44.

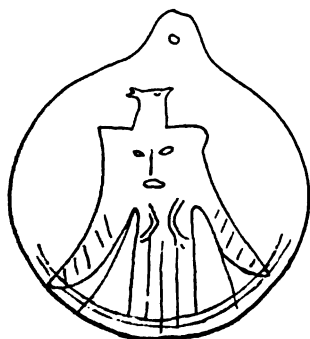

Рис. 45.

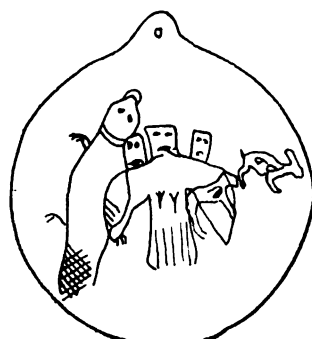

Рис. 46.

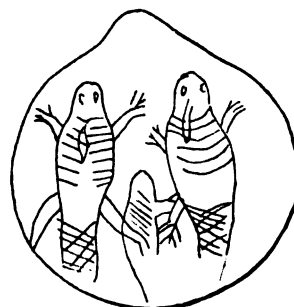

Рис. 47.

Рис. 34—47. Истяцкія юрты. $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$.

Рис. 48. Истяцкія юрты. $\frac{1}{4}$.

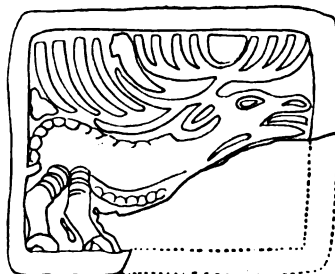

Рис. 49. Айдаши. $\frac{2}{3}$.

Рис. 50. Гарамиха. $\frac{2}{3}$.

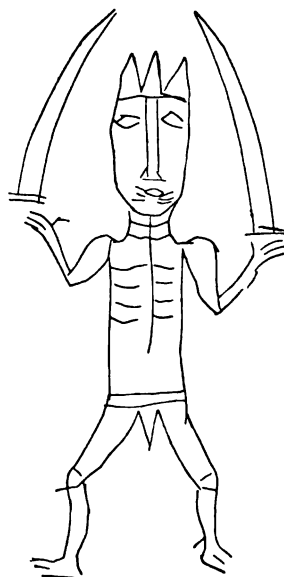

Рис. 51. $\frac{1}{2}$.

Рис. 52. Сибирь. $\frac{2}{3}$.

Рис. 53. Городище близь Обдорска. $\frac{3}{4}$.

Рис. 54. Тоже. Почти $\frac{1}{2}$.

Рис. 55.

Рис. 56.

Рис. 57.

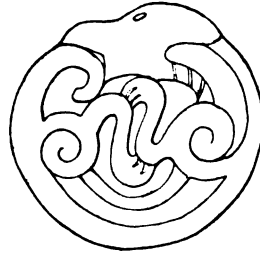

Рис. 58.

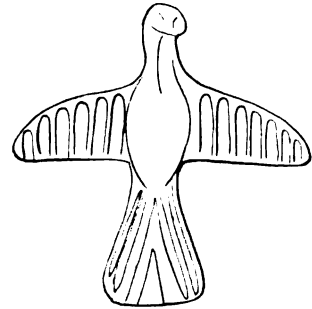

Рис. 59. Аникова. 4/3.

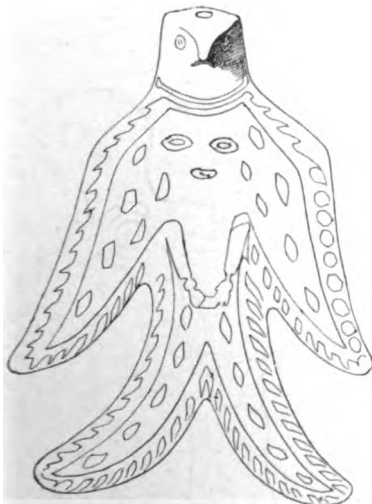

Рис. 60.

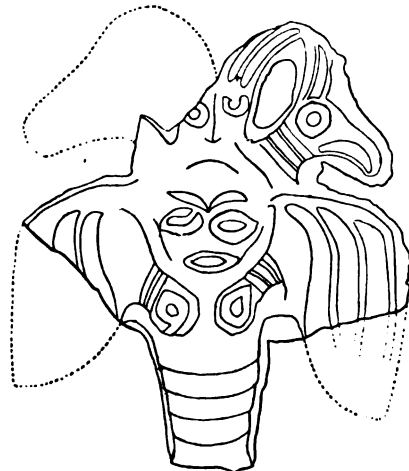

Рис. 61.

Гляденовское костыще. 1/1.

Рис. 62. Тобольскъ. 1/1.

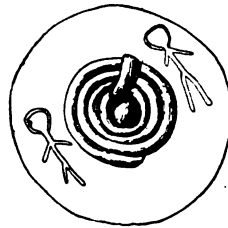

Рис. 63.

Рис. 64.

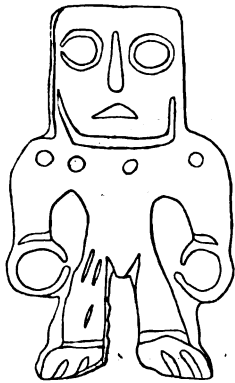

Рис. 65.

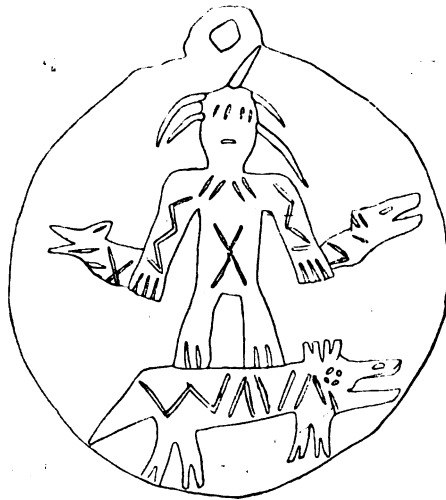

Рис. 66.

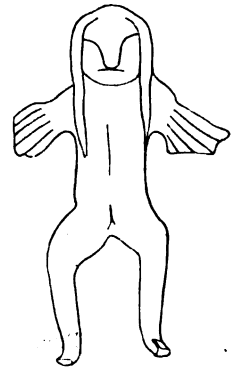

Рис. 67.

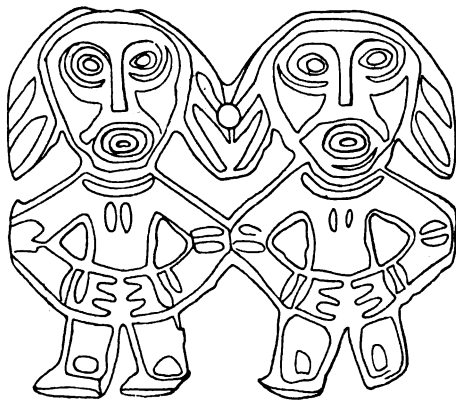

Рис. 68.

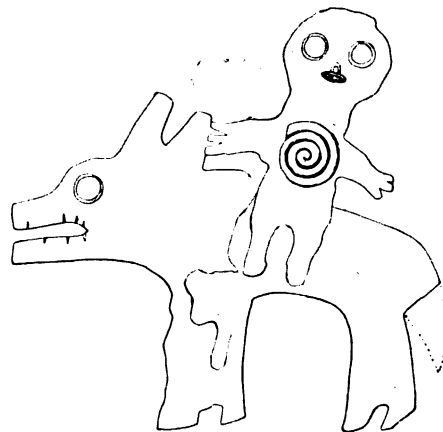

Рис. 69.

Гляденовское костище. 1/1.

Рис. 70. С. Ильинское. 1/1.

Рис. 71.

Рис. 72. 3/2.

Рис. 74. Тоб. губ.?

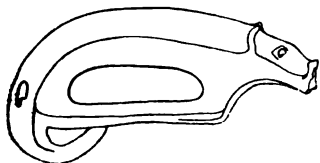

Рис. 73.

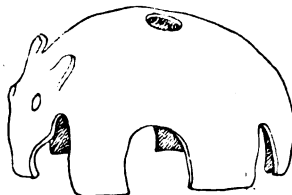

Рис. 75.

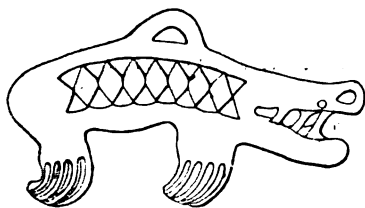

Рис. 76.

Рис. 77.
Р. Обва. 2/3.

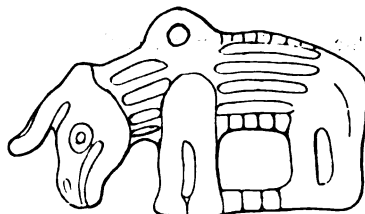

Рис. 78.

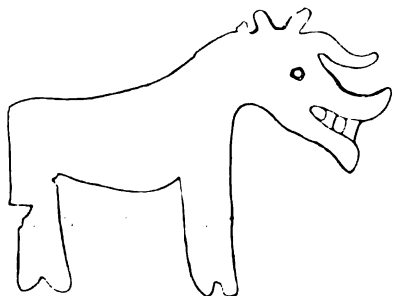

Рис. 79.

Рис. 80.

Рис. 81.

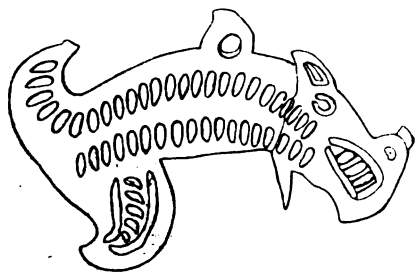

Рис. 82.

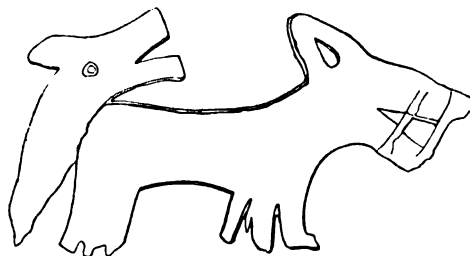

Рис. 83.

Гляденовское костыще. 1/1.

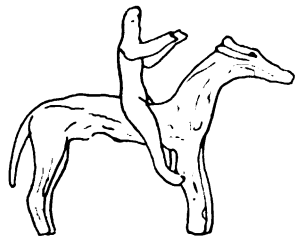

Рис. 84. Ильинское. 1/4.

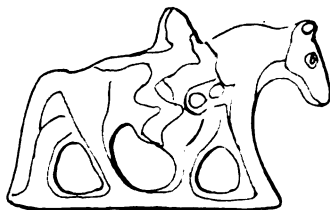

Рис. 85. Чердынск. у.

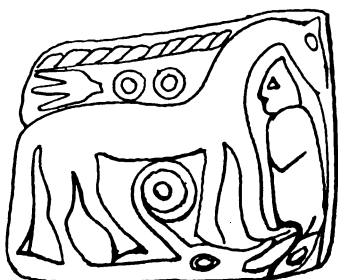

Рис. 86. Пермск. у., с. Филатово. 1/4.

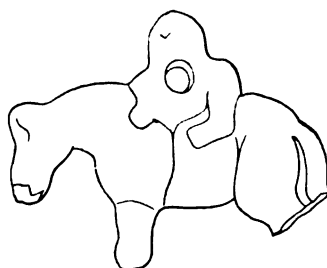

Рис. 87. Минусинск? 2 з.

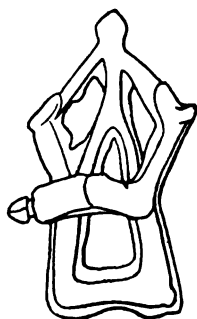

Рис. 87. Пермск. губ. 3/4.

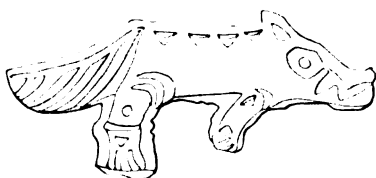

Рис. 88. Д. Гляденова.

Рис. 90. Пермск. губ. 3/4.

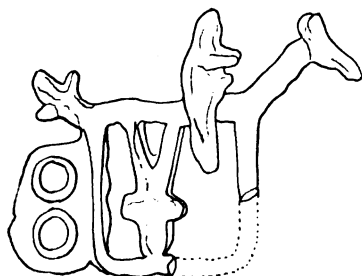

Рис. 91. Д. Черновая. 1/4.

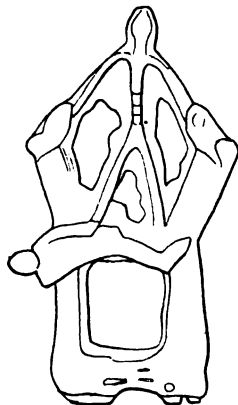

Рис. 92. Пермск. губ.

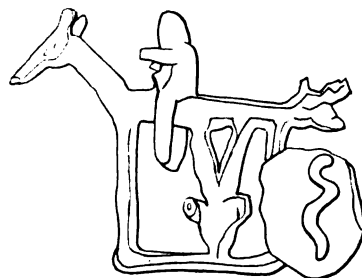

Рис. 93. Д. Черновая. 1/4.

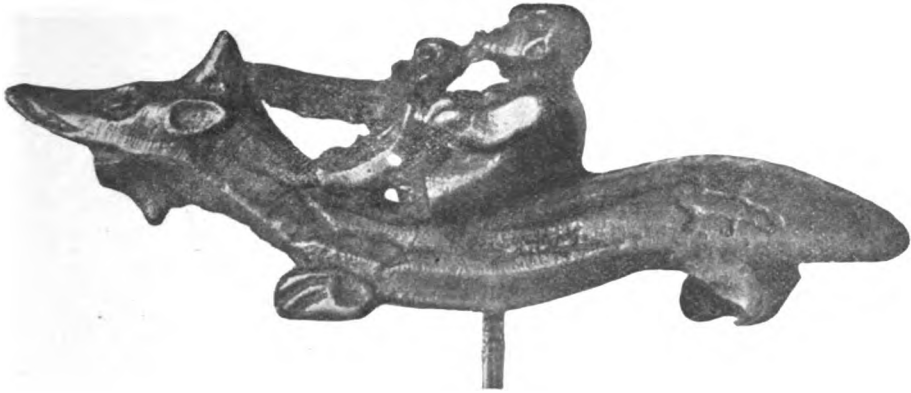

Рис. 94. Рч. Ухта. 1/1.

Рис. 95. С. Кишерть. 2/3.

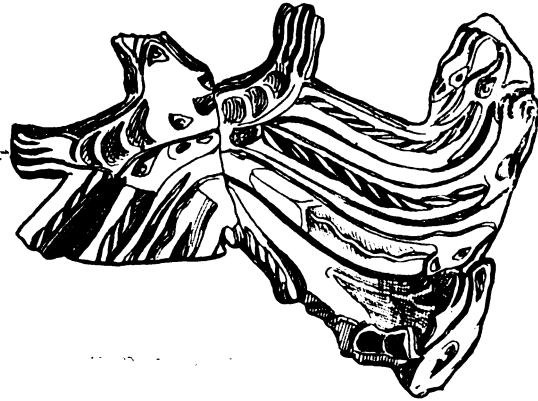

Рис. 96. Рч. Ухта. 2/3.

Рис. 97. Рч. Ухта. 1/1.

Рис. 98. С. Кпшерть. 2/3.

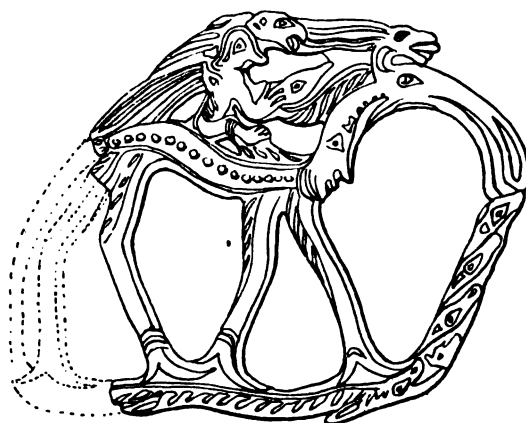

Рис. 99. С. Кпшерть. 2/3.

Рис. 100. Д. Пъшкова. 2/3.

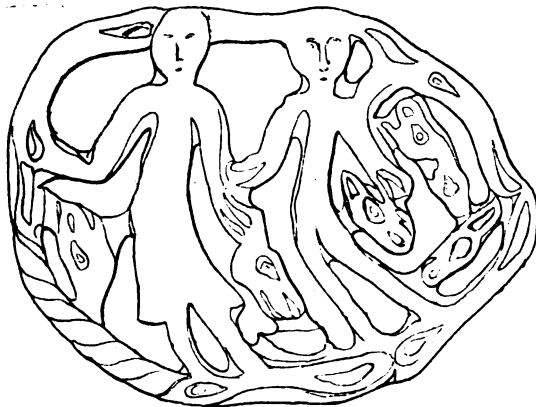

Рис. 101. С. Кишертъ. $\frac{2}{3}$.

Рис. 102. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

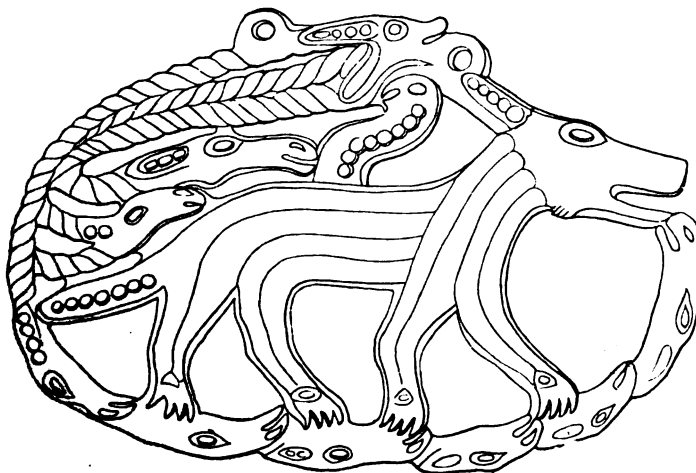

Рис. 103. Р. Язева.

Рис. 104. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

Рис. 105. Д. Пъшкова. $\frac{2}{3}$.

Рис. 106. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

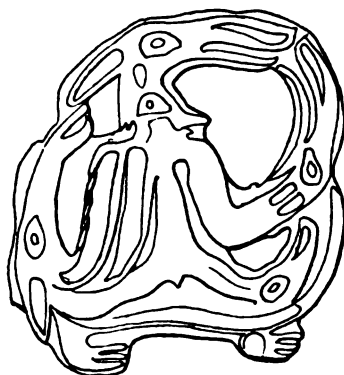

Рис. 107. Р. Ухта. $\frac{3}{4}$.

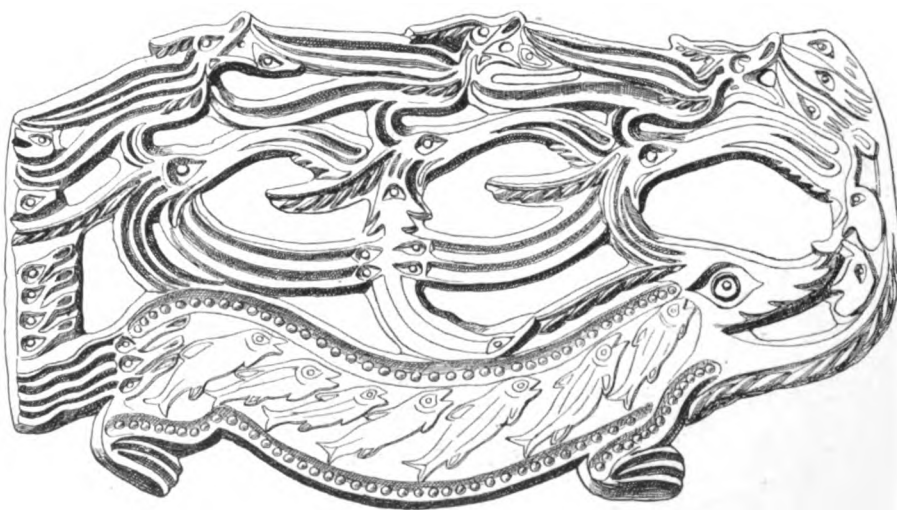

Рис. 103 Д. Ныргында Сарап. у. Вятск. губ. $\frac{2}{3}$.

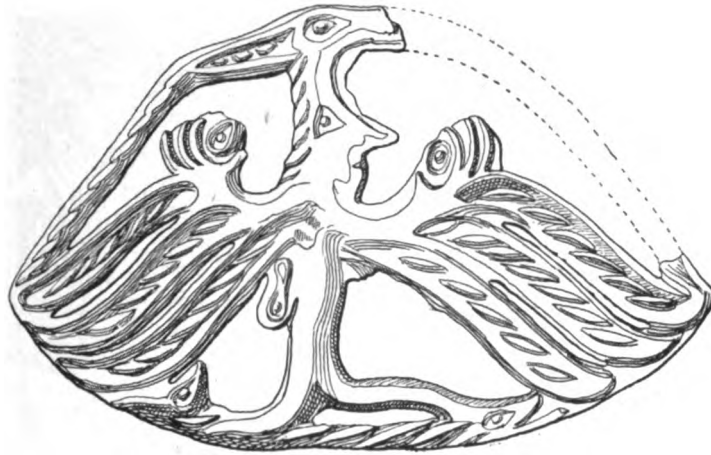

Рис. 109. Р. Ухта. 2/3.

Рис. 110. Д. Екатериновка. 2/3.

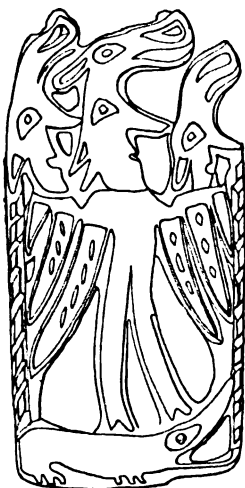
Рис. 111. С. Кишерть. 2/3.

Рис. 112. Р. Ухта. 2/3.

Рис. 113. Р. Ухта. $\frac{3}{4}$. Рис. 114. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$. Рис. 115. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$. Рис. 116. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

Р. 117. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

Рис. 118. Д. Пъшкова. $\frac{2}{3}$.

Р. 119. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

Рис. 120. С. Кишерть. $\frac{2}{3}$.

Рис. 121. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

Рис. 122. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

Рис. 123. Д. Пѣшкова. 2/3.

Рис. 124. Р. Ухта. 2/3.

Рис. 125. Д. Пѣшкова. 2/3.

Рис. 126. Р. Ухта. 1/1.

Рис. 127. Р. Ухта. 2/3.

Рис. 128. Р. Ухта. 2/3.

Рис. 129. Р. Ухта. 2/3.

Рис. 130. Д. Пѣшкова. 2/3.

Рис. 131. Р. Ухта. 2/3.

*

Рис. 132.
С. Кишерть. 2/з.

Рис. 133.
Д. Пѣшкова. 2/з.

Рис. 134.
Тоже. 2/з.

Рис. 135.
Тоже. 2/з.

Рис. 136.
Р. Чаньва. 1/з.

Рис. 137.
С. Кишерть. 2/з.

Рис. 138.
М. Аникова. 1/з.

Рис. 139.
С. Кишерть. 2/з.

Рис. 140.
С. Кишерть. 2/з.

Рис. 141.
Р. Ухта. 2/з.

Рис. 142.
Подбобыка. 2/з.

Рис. 143.
Подбобыка. 1/з.

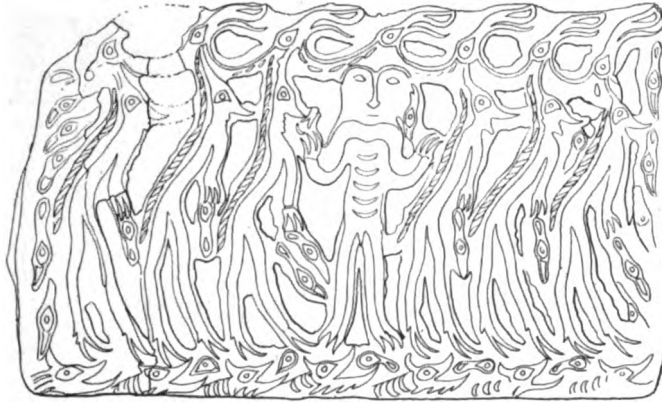

Рис. 144. Д. Пъшкова. 2/3.

Рис. 145.
С. Кишертъ. 2/3.

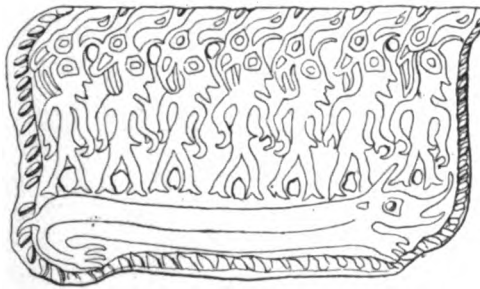

Рис. 146. Д. Пъшкова. 2/3.

Рис. 147.
Михалева. 2/3.

Рис. 148. С. Кишертъ. 2/3.

Рис. 149. С. Кишертъ. 2/3.

Рис. 150. Д. Пъшкова. 2/3.

Рис. 151.
Р. Ухта. 2/з.

Рис. 152. Д. Пъшкова. 2/з.

Рис. 153.
Д. Пъшкова. 2/з.

Рис. 155.
С. Кишерть. 2/з.

Рис. 154. Гарамиха. 2/з.

Рис. 156. Д. Пъшкова. 2/з.

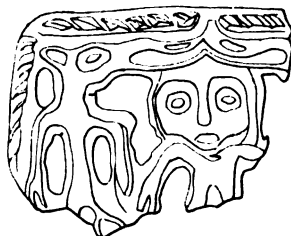

Рис. 157. Д. Треняна. 3/з.

Рис. 158. С. Кишерть. 2/з.

Рис. 159. Гарамиха. 3/з.

Рис. 160. Д. Пъшкова. 2/з.

Рис. 161.
Д. Семина. $\frac{2}{3}$.

Рис. 164.
Андюга. $\frac{2}{3}$.

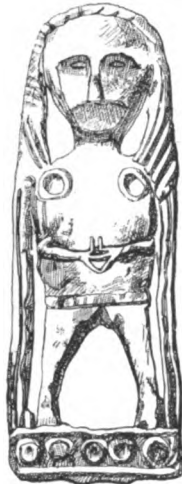

Рис. 162.
Могильникова.

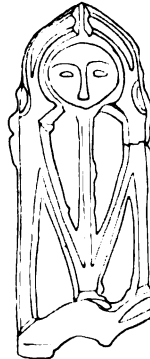

Рис. 165.
Черд. у. $\frac{2}{3}$.

Рис. 163.
Д. Пѣшкова. $\frac{2}{3}$.

Рис. 166.
Подбобыка. $\frac{2}{3}$.

Рис. 167.
Вакина. $\frac{2}{3}$.

Рис. 168. Черд. у. $\frac{2}{3}$.

Рис. 169. Кочевская вол. $\frac{3}{4}$.

Рис. 170. Д. Пѣшкова. $\frac{2}{3}$.

Рис. 171. Онское город. $\frac{1}{1}$.

Рис. 172. Д. Федорова.

Рис. 173. Кача. $\frac{2}{3}$.

Рис. 175. С. Кишерть. $\frac{2}{3}$.

Рис. 174. Подбобыка. $\frac{2}{3}$.

Рис. 176. Д. Пъшкова. $\frac{2}{3}$.

Рис. 177. С. Кишерть. $\frac{2}{3}$.

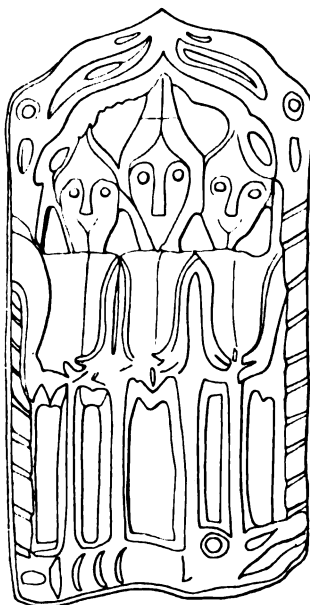

Рис. 178. Подбобыка. $\frac{1}{1}$.

Рис. 179. Д. Пъшкова. $\frac{2}{3}$.

Рис. 180. Подбобыка. $\frac{2}{3}$.

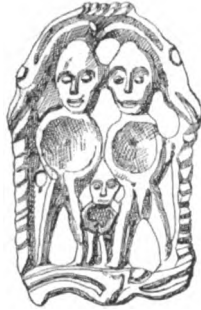

Рис. 181. Шипицына. $\frac{2}{3}$.

Рис. 182. Подбобыка. $\frac{2}{3}$.

Рис. 183. Москалева. $\frac{2}{3}$.

Рис. 184. Подбобыка. $\frac{1}{4}$.

Рис. 185. С. Кишерть. $\frac{2}{3}$.

Рис. 186. С. Редикорь. $\frac{1}{1}$.

Рис. 187. С. Коса. $\frac{2}{3}$.

Рис. 188. Д. Чазева. $\frac{1}{1}$.

Рис. 189. Д. Пѣшкова. ²/₃.

Рис. 190. Д. Пѣшкова. ²/₃.

Рис. 191. С. Кишерть. ²/₃.

Рис. 192. С. Кишерть. ²/₃.

Рис. 193. Грудята. ¹/₁.

Рис. 194. С. Кишерть. ¹/₁.

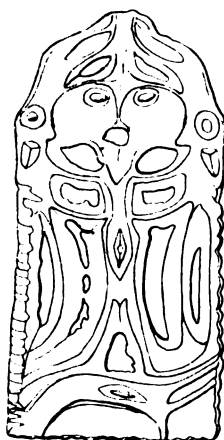

Рис. 195. Подбобыка. ²/₃.

Рис. 196. Черд. у. ²/₃.

Рис. 197. Гарамиха. ¹/₁.

Рис. 199. Д. Левина. ¹/₁.

Рис. 198. Д. Грудята. ³/₄.

Рис. 200. Д. Плесо.

Рис. 201. Д. Пъшкова. ²/₃.

Рис. 202. С. Кишерть. ²/₃.

Рис. 203. Д. Опутята. ¹/₁.

Рис. 204. Р. Ухта. ²/₃.

Рис. 205. Д. Маркова. ¹/₁.

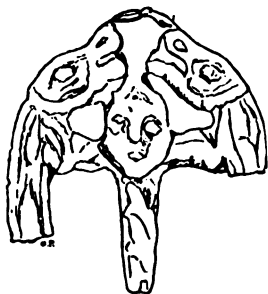

Рис. 206. Тобольск. губ. $\frac{2}{3}$.

Рис. 207. Модоробъ. $\frac{2}{3}$.

Рис. 208. Тарскій окр. $\frac{2}{3}$.

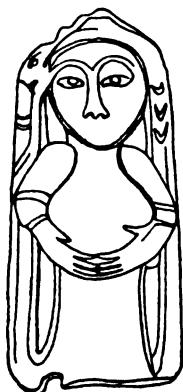

Рис. 209. Волог. губ.? $\frac{3}{4}$.

Рис. 210. Волог. губ.? $\frac{2}{3}$.

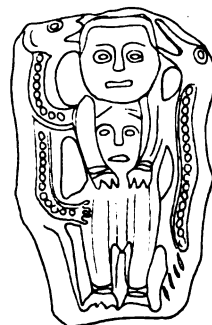

Рис. 211. Савина.

Рис. 212. Пермь? $\frac{3}{4}$.

Рис. 213. С. Кишерть. $\frac{2}{3}$.

Рис. 214. Билярскъ.

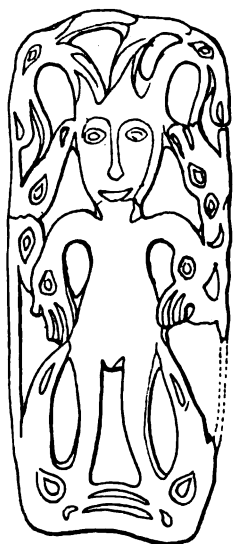

Рис. 215. С. Кишерть. 2/3.

Рис. 216.
Усть-Гаревая. 2/3.

Рис. 217. Волог. губ.? 1/3.

Рис. 218. С. Богородское. 2/3.

Рис. 219. Мелехина 2/3.

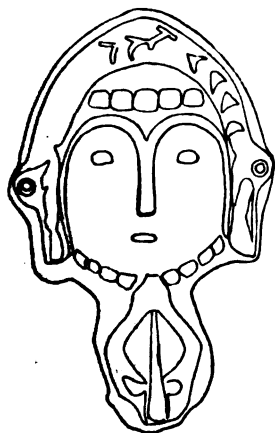

Рис. 220. Агафоново. 3/4.

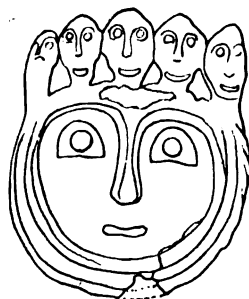

Рис. 221. Лимежь. 2/3.

Рис. 222.

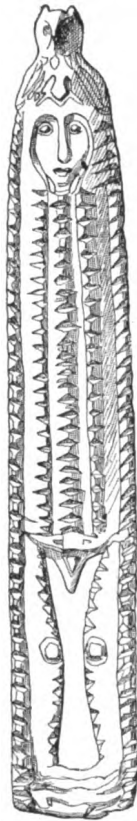

Рис. 224.
С. Кишерть. $\frac{1}{3}$.

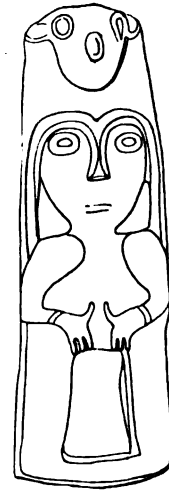

Рис. 223.
Тобольскъ. $\frac{3}{4}$.

Рис. 225. Пермь? $\frac{2}{3}$.

Рис. 226.
Пятигоры. $\frac{2}{3}$.

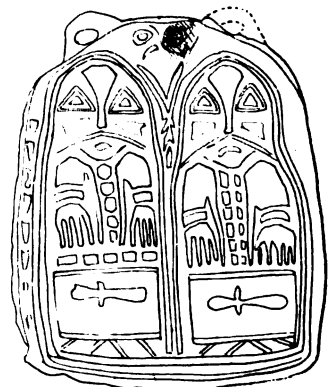

Рис. 227. Нарымскій окр. $\frac{1}{3}$.

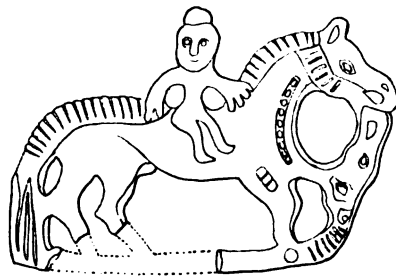

Рис. 228. Д. Загорье. $\frac{2}{3}$.

Рис. 229. Глаз. 'у.? $\frac{1}{1}$.

Рис. 230. Томскъ. $\frac{1}{1}$.

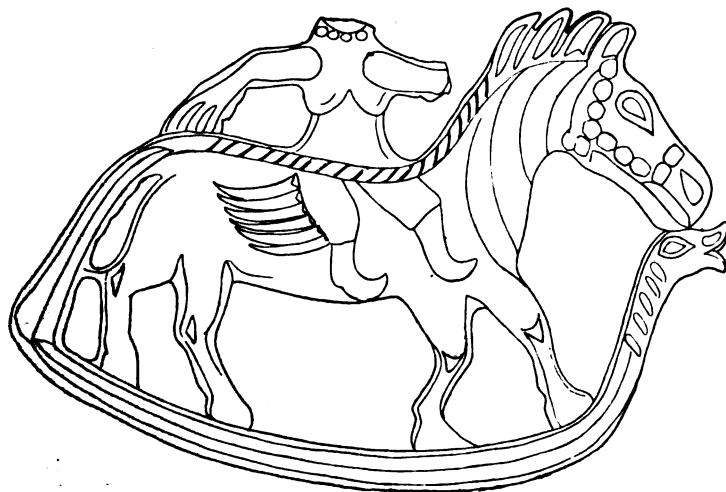

Рис. 231. Глазовскій у. $\frac{2}{3}$.

1.

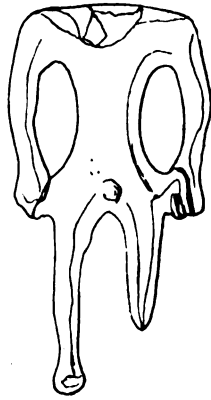

Рис. 232. Аникова. 1/1.

4.
Рис. 233.
Билярскъ.

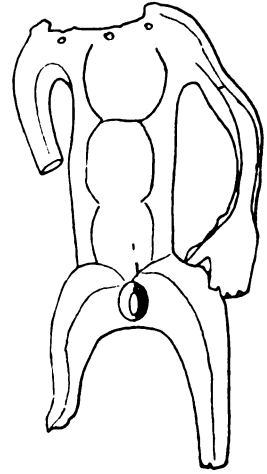

Рис. 234. Билярскъ. 2/3.

Рис. 235.
Увекъ. 2/3.

Рис. 236.
Увекъ. 2/3.

Рис. 237.
Грудята. 1/1.

Рис. 238.
Пермск. губ. 2/3.

Рис. 239.
Вакина. 1/1.

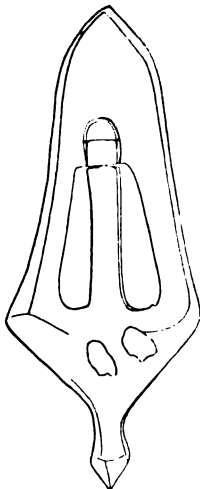

Рис. 240. 1/3.

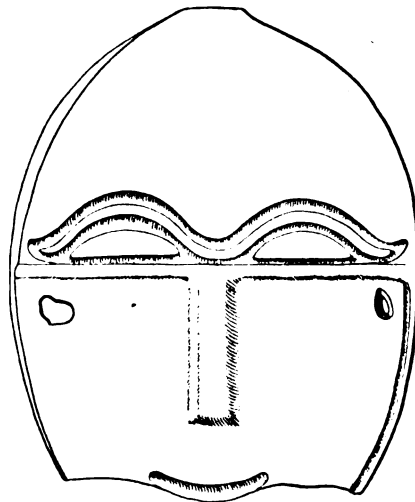

Рис. 241. Антропол. Музей.

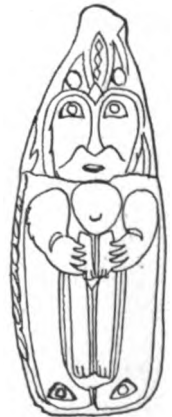

Рис. 242.
Филатово? 3/4.

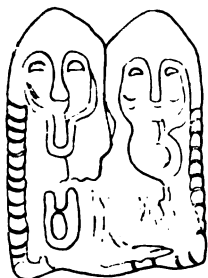

Рис. 243. Пермь. $\frac{3}{4}$.

Рис. 245. Тобольскъ. $\frac{2}{3}$.

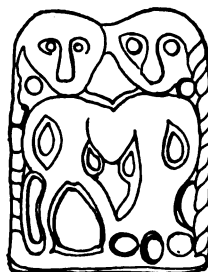

Рис. 244. Р. Кемоль. $\frac{3}{4}$.

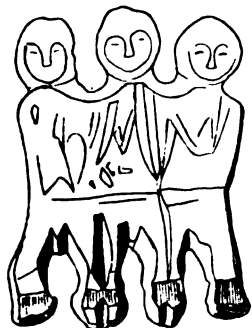

Рис. 246. Д. Савина. $\frac{2}{3}$.

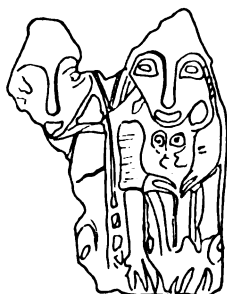

Рис. 247. Мочелята. $\frac{2}{3}$.

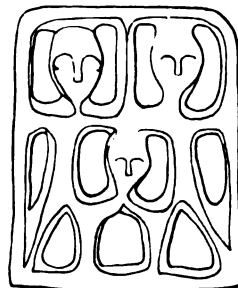

Рис. 248. Черд. у.? $\frac{2}{3}$.

Рис. 249. Кишерть. $\frac{2}{3}$.

Рис. 250. Кишерть. $\frac{2}{3}$.

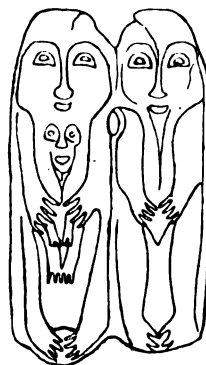

Рис. 251. Кишерть. $\frac{2}{3}$.

Рис. 252. Данилова. 2/3.

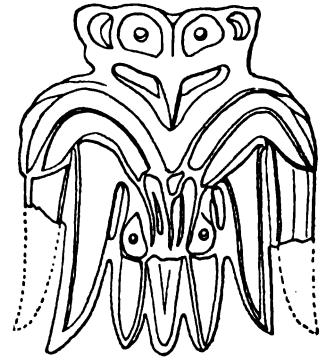

Рис. 253. Р. Ухта. 3/4.

Рис. 254.
П'яшкова. 2/3.

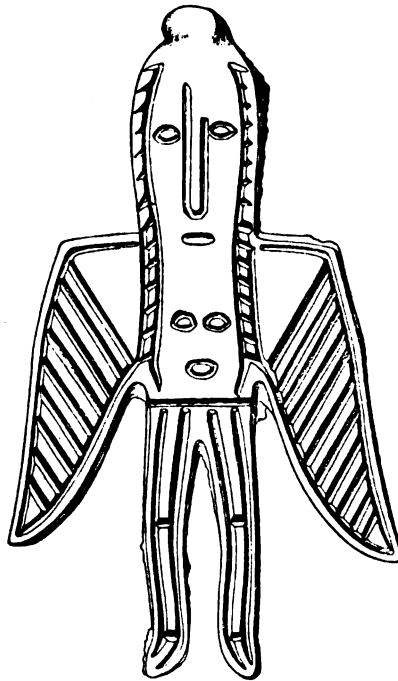

Рис. 256. Тарскій окр. 2/3.

Рис. 255.
В.-Лупья. 2/3.

Рис. 257. Айдаши. 2/3.

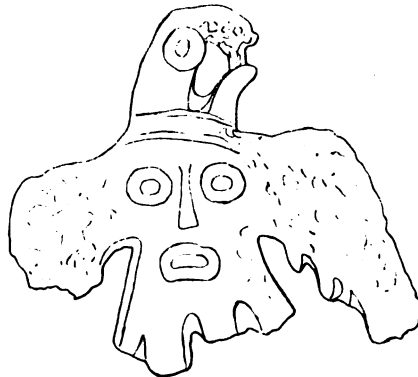

Рис. 258. Д. Екатеринбург. 2/3.

Рис. 259. Томскъ. 2/3.

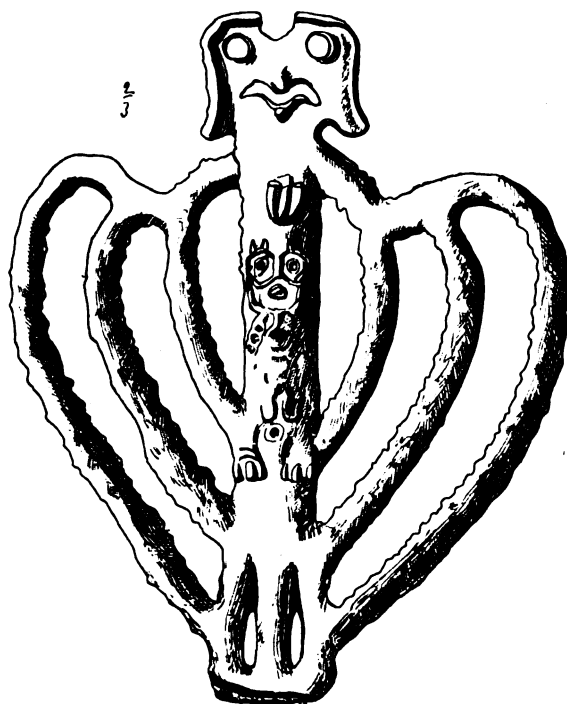

Рис. 260. Р. Ухта. 2/3.

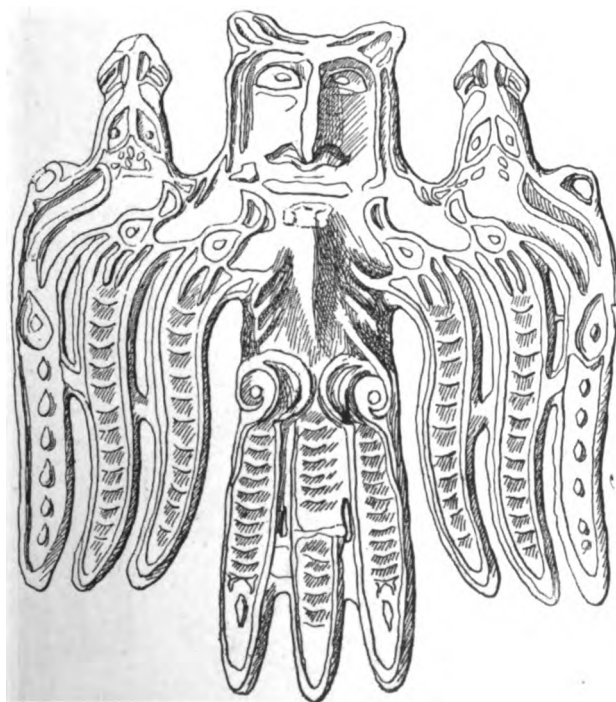

Рис. 261. С. Кишерть. 2/3.

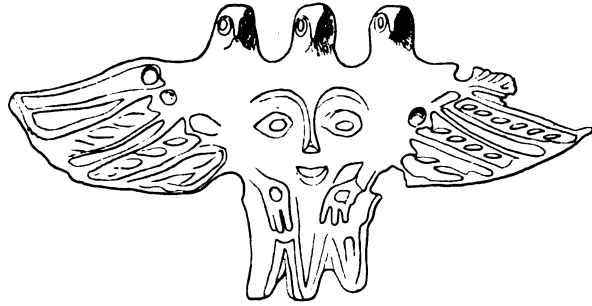

Рис. 262. Тренина гора. $\frac{3}{4}$.

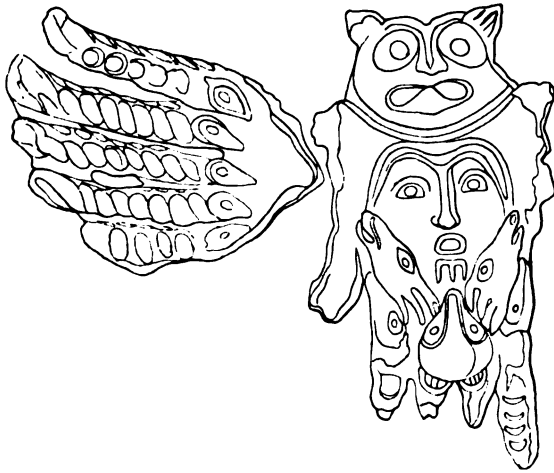

Рис. 263. Волог. губ.? $\frac{2}{3}$.

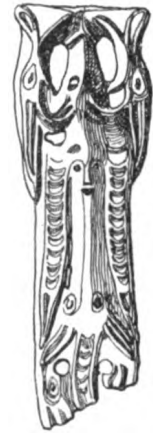

Рис. 264. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

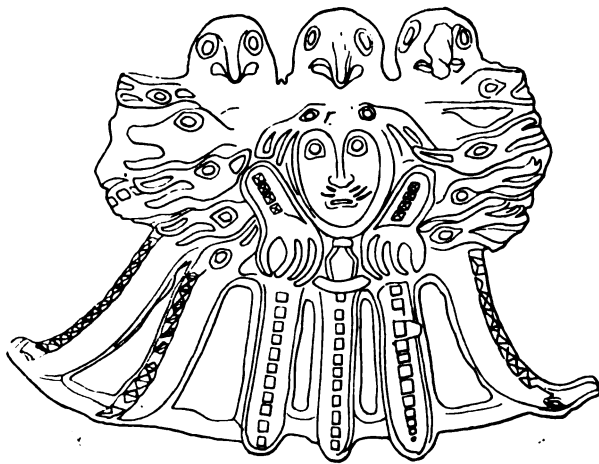

Рис. 265. Ганнская. вол. $\frac{2}{3}$.

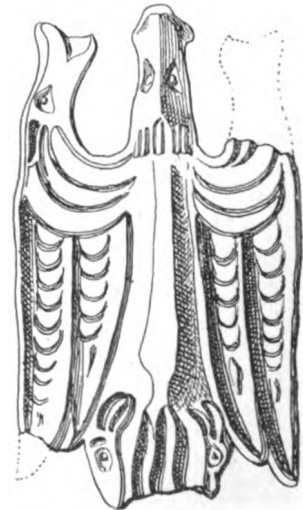

Рис. 266. Р. Ухта. $\frac{2}{3}$.

Рис. 267. Д. Выставка. 2/3.

Рис. 268. С. Кишерть. 1/1.

Рис. 269. Томскъ. 1/1.

Рис. 270. Д. Сыропятова.

Рис. 271. С. Кишерть. 1/1.

Рис. 272. Гаинская вол. 1/1.

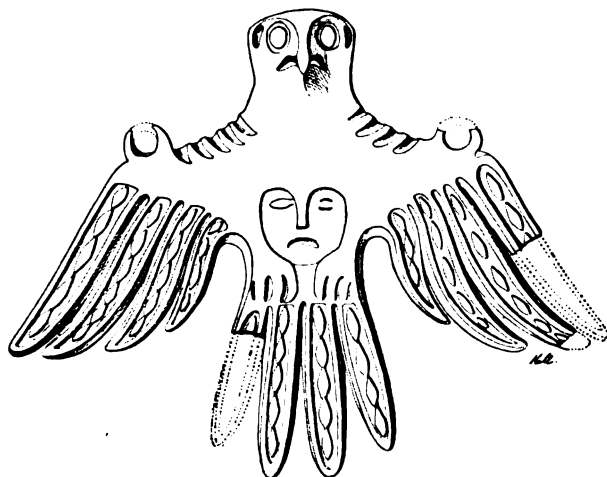

Рис. 273. Рудн. Петровскій. $\frac{2}{3}$.

Рис. 274. Кыштымъ. $\frac{2}{3}$.

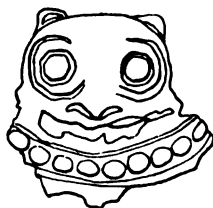

Рис. 275. Чазева. $\frac{1}{1}$.

Рис. 276. Тобольск. губ. $\frac{2}{3}$.

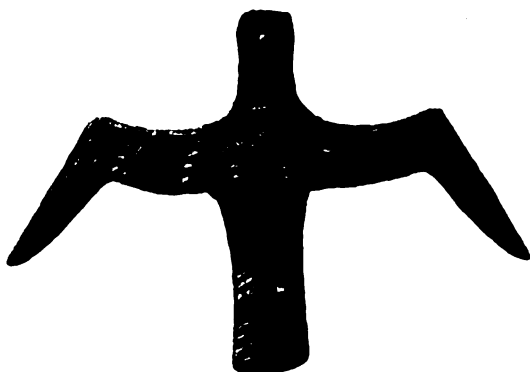

Рис. 277. Д. Грибятъ. Глаз. у. $\frac{2}{3}$.

Рис. 278. Глазовскій у. $\frac{1}{1}$.

Рис. 279. Чердынский у. $\frac{2}{3}$.

Рис. 280. Верх-Юсьва. $\frac{1}{3}$.

Рис. 281. Грудята. $\frac{1}{1}$.

Рис. 282. Красильникова. $\frac{2}{3}$.

Рис. 283. Д. Данилова. $\frac{2}{3}$.

Рис. 284. С. Нижне-Мошево. $\frac{2}{3}$.

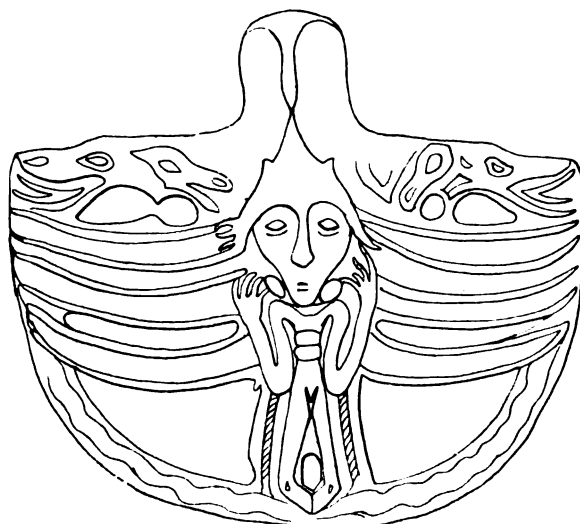

Рис. 285. Спасский у. Каз. губ. 2/3.

Рис. 286. Давина. 2/3.

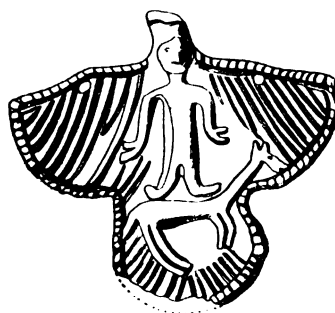

Рис. 287. Д. Селище. 2/3.

Рис. 288. С. Спасское. 2/3.

Рис. 289. Глазовский у. 2/3.

Рис. 290. С. Усть-Вочь. 2/3.

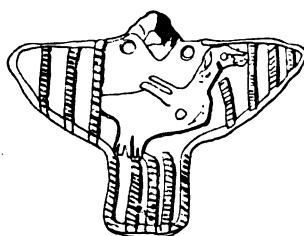

Рис. 291. Д. Базуева. 2/3.

Рис. 292. Глазовский у. 2/3.

Рис. 293. Гор. Мартыново. 2/3.

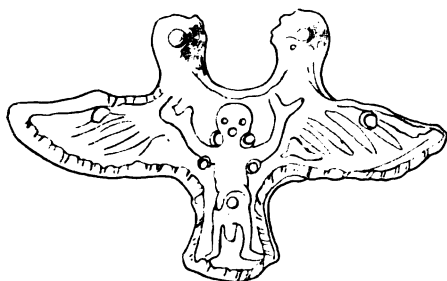

Рис. 294. Д. Данилова.

Рис. 295. Д. Галюкова. 2/3.

Рис. 296. Д. Михалева. 1/1.

Рис. 297. Д. Москалева. 2/3.

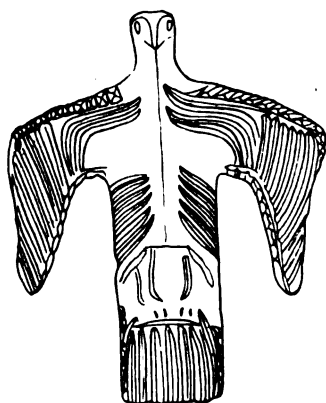

Рис. 298. Д. Долды. 1/2.

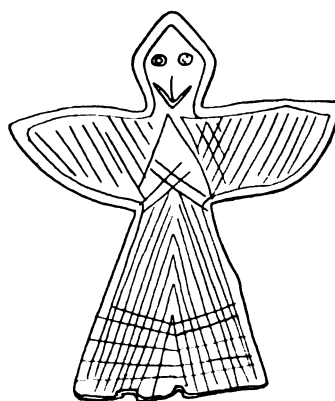

Рис. 299. Д. Егозова. 2/3.

Рис. 300. Глазовский у. 1/1

Рис. 301. Д. Донды. 2/3.

Рис. 302. Тобольскъ. 1/1.

Рис. 303. Д. Загарье. 2/3.

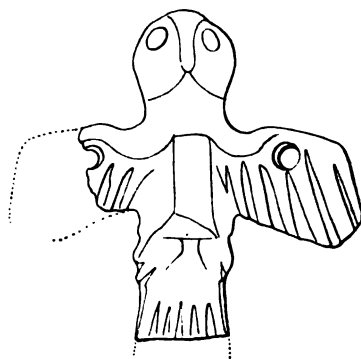

Рис. 304. Д. Чажегова. 1/1.

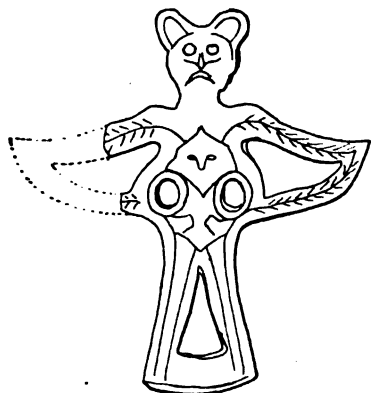

Рис. 305.

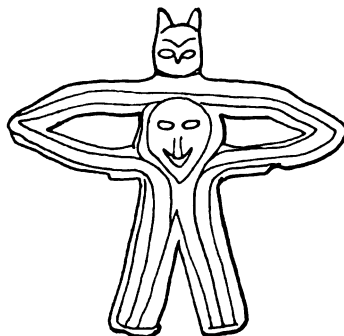

Рис. 306.

Рис. 307.

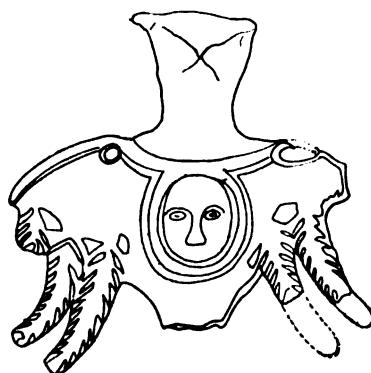

Рис. 308.

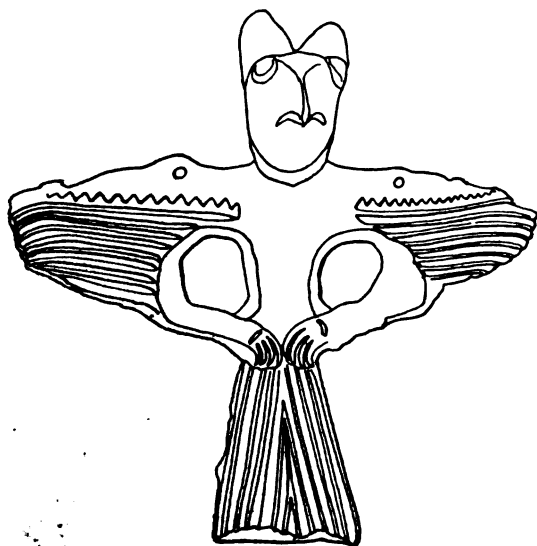

Рис. 309.

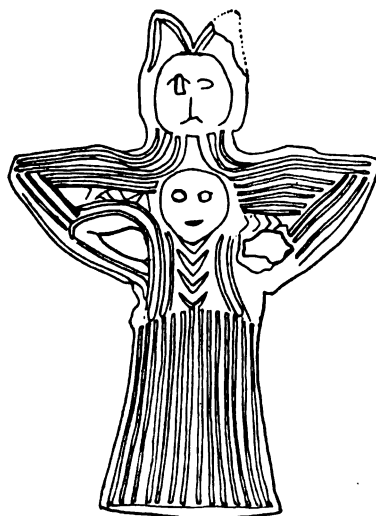

Рис. 310.

Д. Егозова, Кузнецкого окр. 2/1.

Рис. 311. Д. Харина. $\frac{3}{4}$.

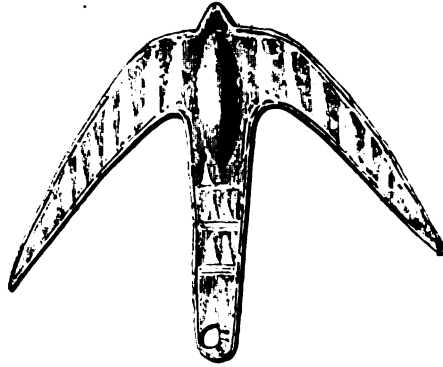

Рис. 312. Ревдинскій заводъ. $\frac{2}{3}$.

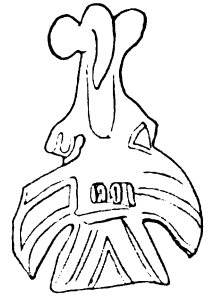

Рис. 313. С. Котловка. $\frac{1}{1}$.

Рис. 314. Грудята. $\frac{1}{1}$.

Рис. 316. Кишерть. $\frac{1}{1}$.

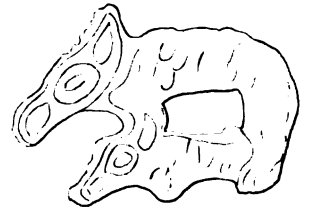

Рис. 315. Подбобыка. $\frac{1}{1}$.

Рис. 317. Пѣшкова. $\frac{2}{3}$.

Рис. 318. Шипицына. $\frac{1}{1}$.

Рис. 320. Шипицына. $\frac{1}{1}$.

Рис. 319. Пѣшкова. $\frac{2}{3}$.

Рис. 321. Пѣшкова. $\frac{2}{3}$.

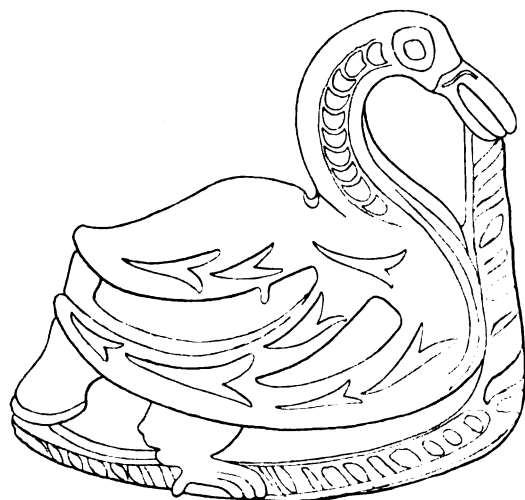

Рис. 322. Вологодская губ.?

Рис. 323.

Рис. 324. Пъшкова. ²/₃.

Рис. 325. Пъшкова. ²/₃.

Рис. 326. Глазовский у. ¹/₁.

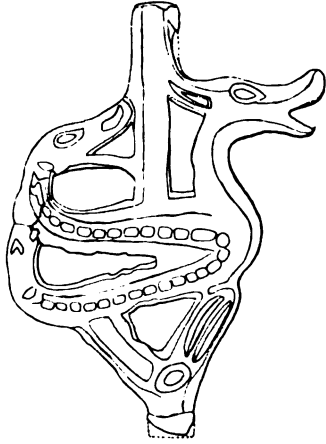

Рис. 327. Чердынск. у. $\frac{2}{3}$.

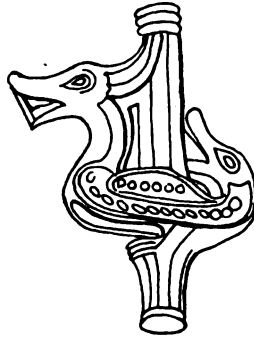

Рис. 328. Гарамиха. $\frac{2}{3}$.

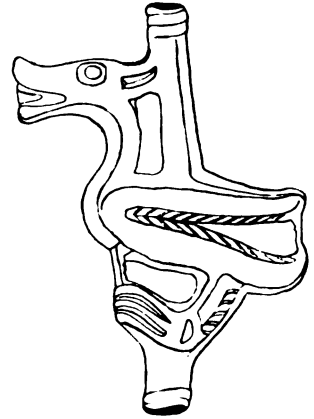

Рис. 329. Чердынск. у. $\frac{2}{3}$.

Рис. 330. Гарамиха. $\frac{1}{1}$.

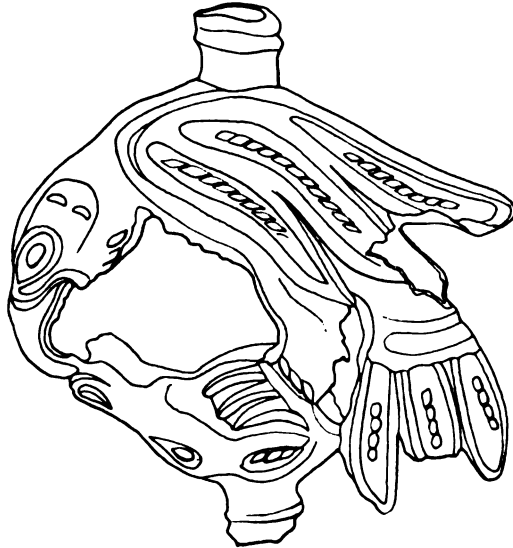

Рис. 331. Д. Плесъ. $\frac{1}{1}$.

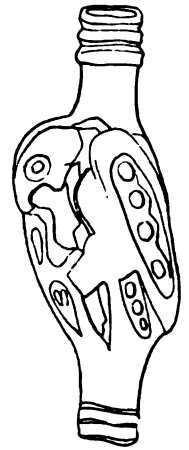

Рис. 332. Антоновка. $\frac{1}{1}$.

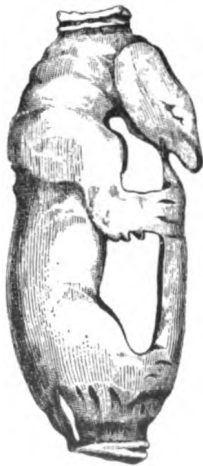

Рис. 333. Ромашево. $\frac{3}{4}$.

Рис. 334. Д. Плесъ. $\frac{1}{1}$.

Рис. 335. Аникова. $\frac{2}{3}$.

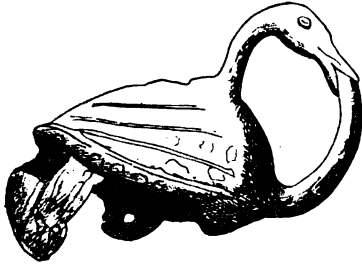

Рис. 336. Д. Скрипунова. 2/3.

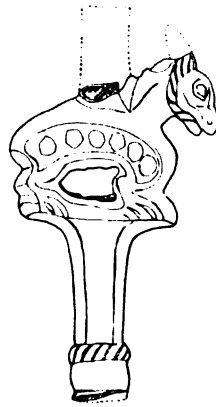

Рис. 339. Черд. у. 1/1

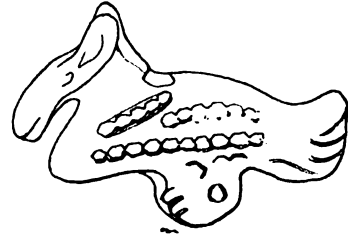

Рис. 337. Д. Маркова.

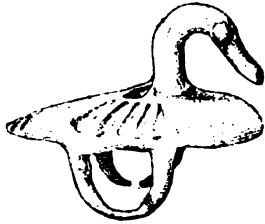

Рис. 338. Д. Корчя. 1/1.

Рис. 340. Грудяга. 1/1.

Рис. 341. Пермск. губ. 1/1.

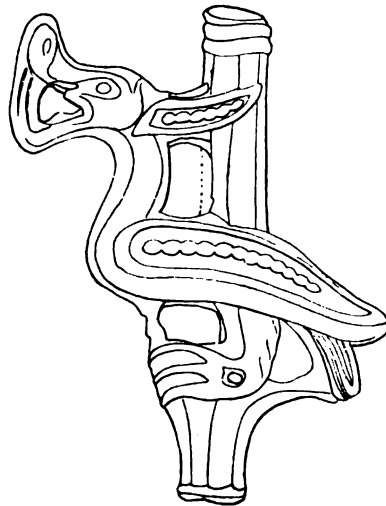

Рис. 342. Д. Пуксибъ.

Рис. 343. Д. Скрипунова. 1/1.

Рис. 343. Ромашева. 3/4.

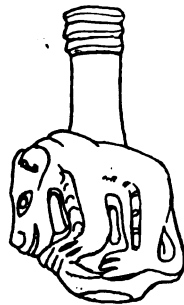

Рис. 345. Морочата. 1/1.

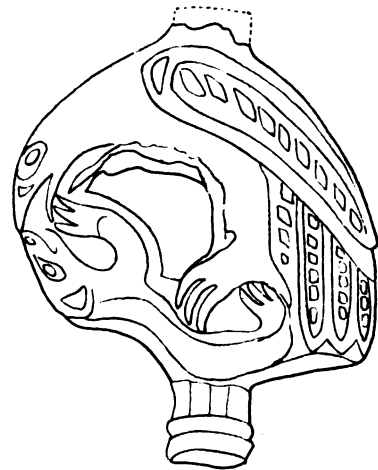

Рис. 346. Важъ-Пальникъ. 1/1.

Рис. 347. Д. Опутята. $\frac{1}{1}$.

Рис. 348. Д. Чажегова. $\frac{3}{4}$.

Рис. 349. Д. Златина. $\frac{1}{1}$.

Рис. 350. Д. Михалева. $\frac{3}{4}$.

Рис. 351. Д. Плесъ. $\frac{1}{1}$.

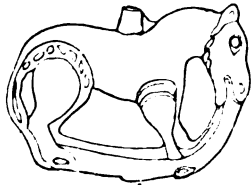

Рис. 352. Филинскъ. $\frac{2}{3}$.

Рис. 355. Томскъ. $\frac{1}{1}$.

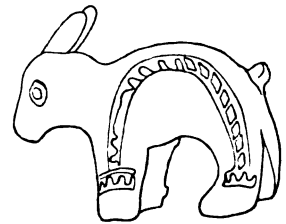

Рис. 353. Кыштымъ. $\frac{2}{3}$.

Рис. 354. Д. Елева. $\frac{2}{3}$.

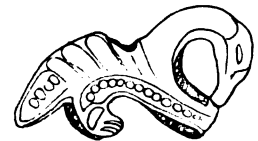

Рис. 356. Черд. у. $\frac{1}{1}$.

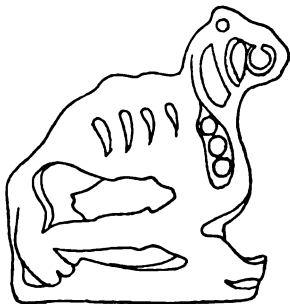

Рис. 357. Скрипунова. $\frac{1}{1}$.

Рис. 358. Скрипунова $\frac{2}{3}$.

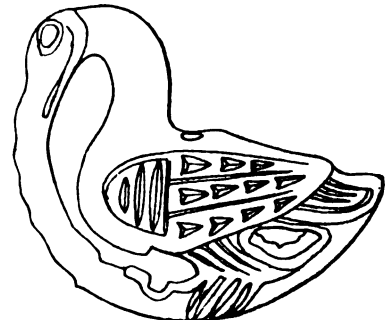

Рис. 359. Филинскъ. $\frac{1}{1}$.

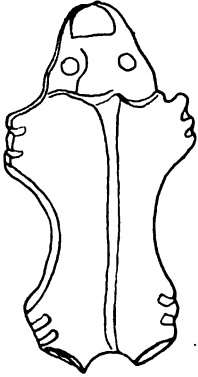

Рис. 360. Подбобыка. 1/1.

Рис. 361. Д. Федорова. 2/3.

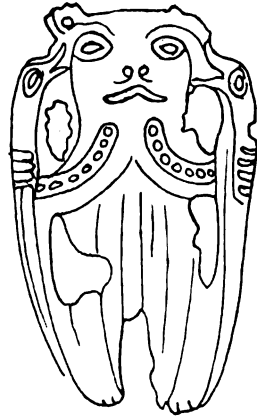

Рис. 362. Томскъ. 1/1.

Рис. 363. Печора? 3/4.

Рис. 364. Гусева. 1/1.

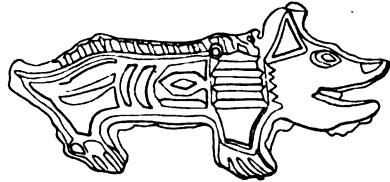

Рис. 365. Подбобыка. 2/3.

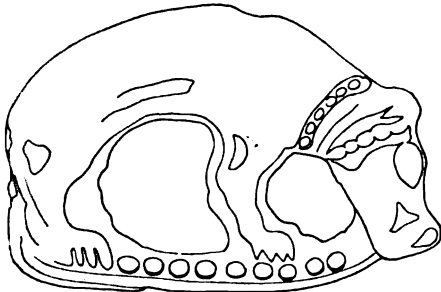

Рис. 366. Д. Скрипунова. 2/3.

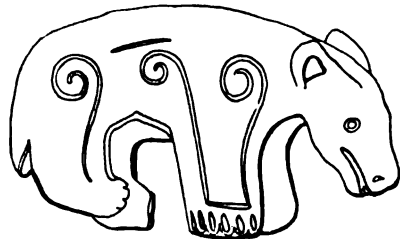

Рис. 367. Добрянскій зав. 2/3.

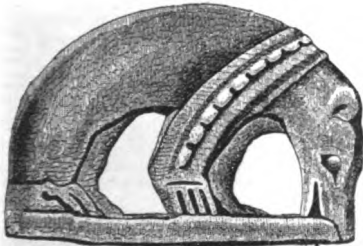

Рис. 368. Тобольская губ.

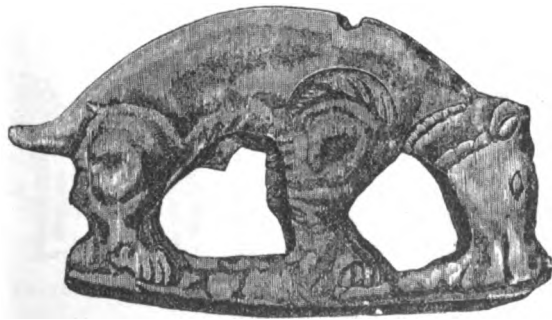

Рис. 369. Тобольская губ.

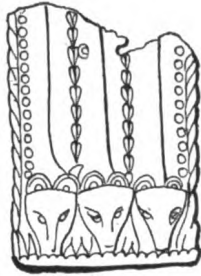

Рис. 370. Д. Зародята. $\frac{3}{4}$.

Рис. 371. Скрипупова. $\frac{2}{3}$.

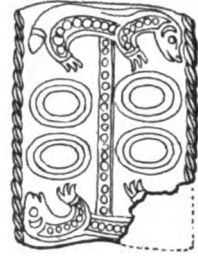

Рис. 372. Филатово. $\frac{3}{4}$.

Рис. 374. Р. Обва. $\frac{3}{4}$.

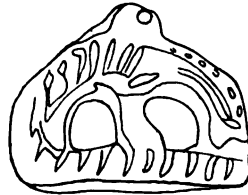

Рис. 373. Скрипупова. $\frac{1}{4}$.

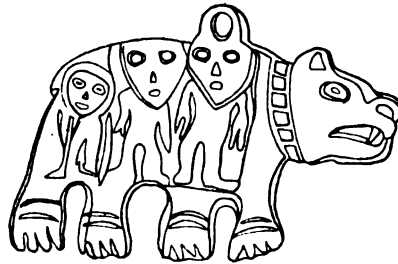

Рис. 375. Вологодск. губ.? $\frac{3}{4}$.

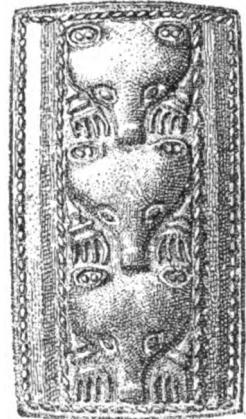

Рис. 376. Томскъ. $\frac{2}{3}$.

Рис. 378. Р. Кынъ. $\frac{2}{3}$.

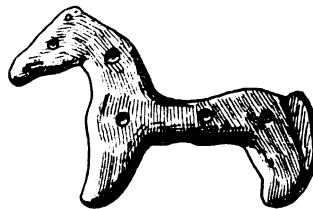

Рис. 377. Черд. у. $\frac{1}{4}$.

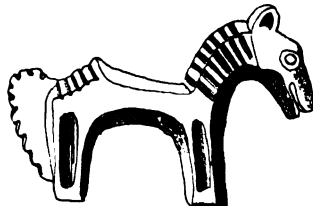

Рис. 379. Д. Зуева. $\frac{1}{4}$.

Рис. 380. Р. Кынъ. $\frac{2}{3}$.

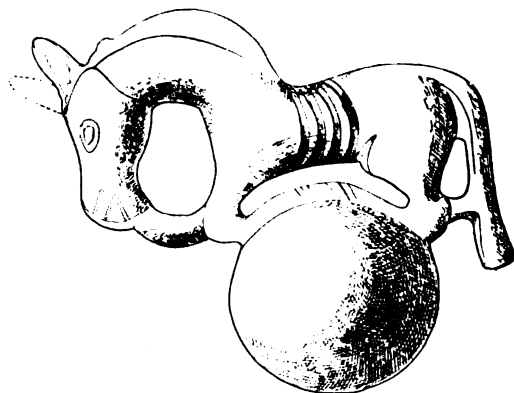

Рис. 381. Лысая Гора. $\frac{1}{1}$.

Рис. 382. Гарамиха. $\frac{1}{1}$.

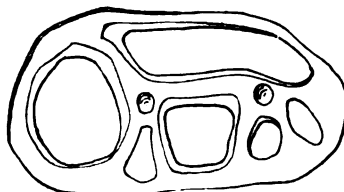

Рис. 383. Д. Фекленки.

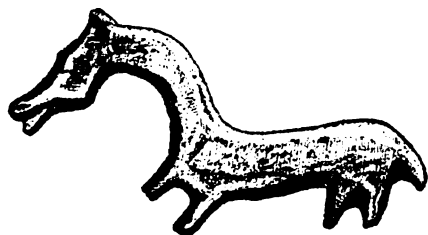

Рис. 384. Р. Иньва. $\frac{1}{1}$.

Рис. 385. Екатеринбург. $\frac{2}{3}$.

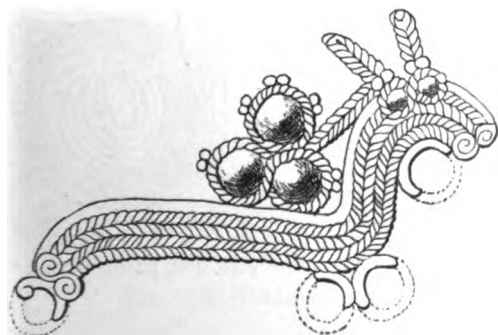

Рис. 386. Д. Чазева. $\frac{2}{3}$.

Рис. 387. Д. Ильнешь. $\frac{2}{3}$.

*

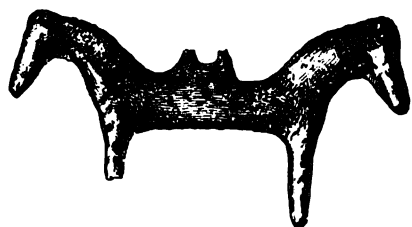

Рис. 388. Д. Елева. $\frac{1}{1}$.

Рис. 389. Д. Грудята. $\frac{1}{1}$.

Рис. 390. Д. Вакина. $\frac{1}{1}$.

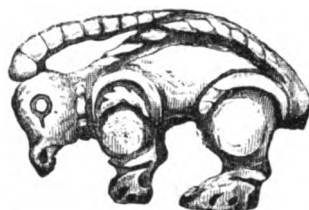

Рис. 391. Пермск. губ. $\frac{3}{4}$.

Рис. 392. Подбобыка.

Рис. 393. Д. Харина. $\frac{1}{1}$.

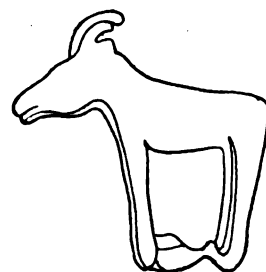

Рис. 395. Томскъ. $\frac{1}{1}$.

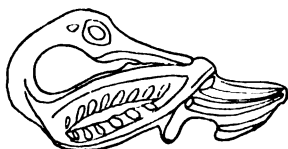

Рис. 394. Чердынск. у. $\frac{2}{3}$.

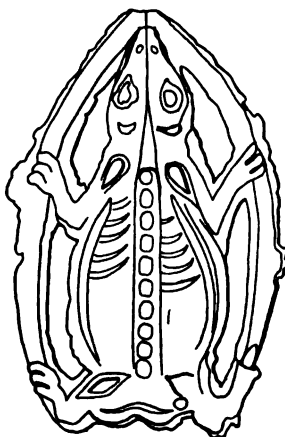

Рис. 397. Весимъ. $\frac{2}{3}$.

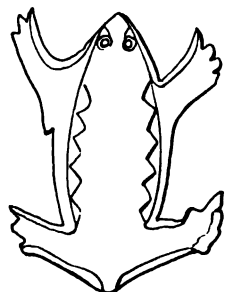

Рис. 396. Подбобыка. $\frac{1}{1}$.

Рис. 398. Шипицына. $\frac{3}{4}$.

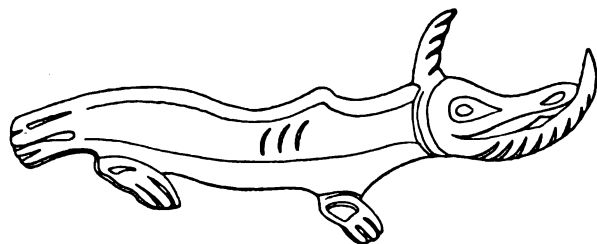

Рис. 399. Подбобыка. 1/1.

Рис. 400. Скрипунова. 2/3.

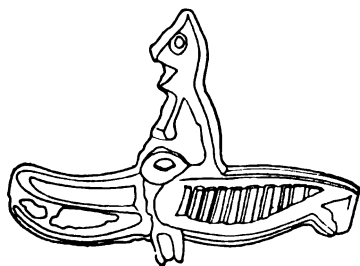

Рис. 401. Подбобыка. 1/2.

Рис. 402. Подбобыка. 2/3.

Рис. 403. Подбобыка. 2/3.

Рис. 404. Подбобыка. 1/1.

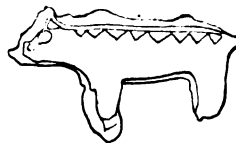

Рис. 405. Подбобыка. 2/3.

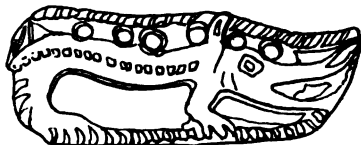

Рис. 406. С. Кишерть. 2/3.

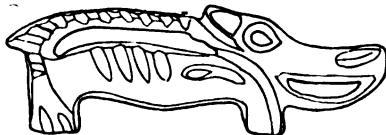

Рис. 407. Подбобыка. 2/3.

Рис. 408. Подбобыка. 2/3.

Рис. 409. Д. Зобачева. 1/1.

Рис. 410. 1/4.

Рис. 411. 1/4.

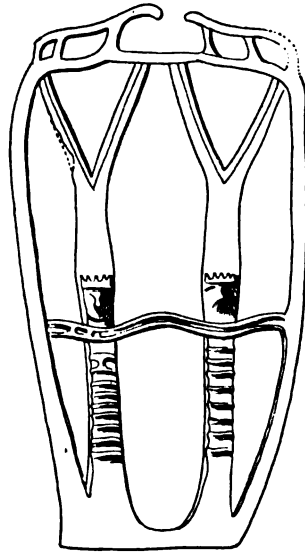

Рис. 412. Уфимск. губ. 1/4.

Рис. 413. 1/4.

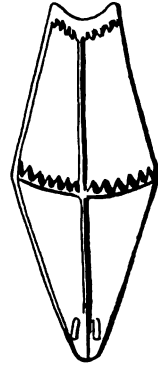

Рис. 414. 1/4.

Рис. 415. Скрипунова. 1/4.

Рис. 416. Криволицкая.

Рис. 417. Березовъ. 1/2.

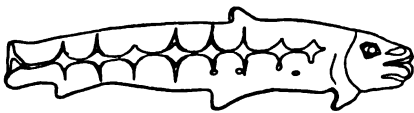

Рис. 418. Пермск. губ. 2/3.

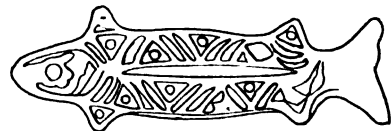

Рис. 419. Скрипунова. 2/3.

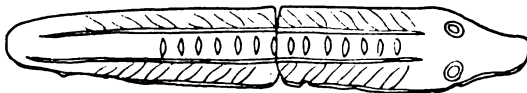

Рис. 420. Д. Скрипунова. 2/3.

Рис. 421. Д. Скрипунова. 2/3.

Рис. 422.

Рис. 423.

Рис. 424.

Рис. 425.

Рис. 428.

Рис. 426.

Рис. 427.

Рис. 429.

Рч. Соплесъ, притокъ Печоры. ^{3/4}.

Рис. 430.

Рис. 431.

Рис. 432.

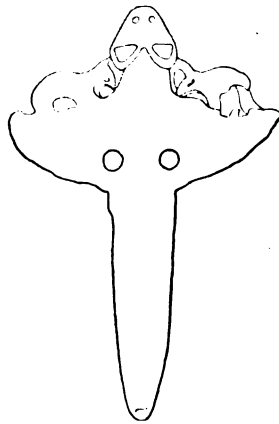

Рис. 433. Егозова. $\frac{1}{2}$

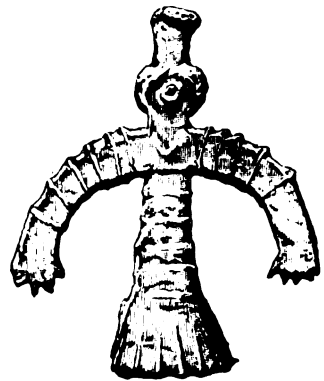

Рис. 434. Д. Палкина. $\frac{3}{4}$.

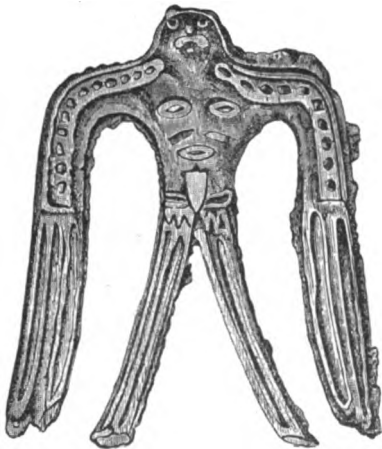

Рис. 435.

Рис. 436.

Рч. Соплесъ. $\frac{3}{4}$.

Рис. 437.
Р. Лозва. 1/1.

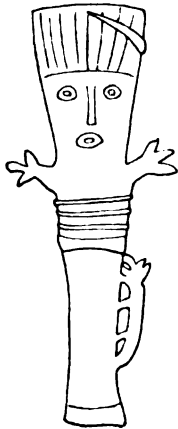

Рис. 440.
С. Шайтанка. 1/3?

Рис. 438.
Р. Лозва. 2/3.

Рис. 441.
Исеть. 1/1.

Рис. 439. 2/3.

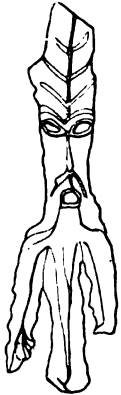

Рис. 442.
Тобольск. губ. 2/3.

Рис. 443.
Тобольская губ. 2/3.

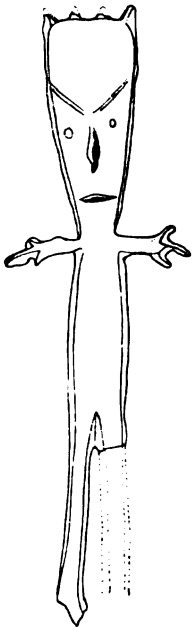

Рис. 444.
Тоб. губ. 2/3.

Рис. 445.
Тоб. губ.

Рис. 446.
Палкина. 3/4.

Рис. 447.
Р. Адуй. 2/3.

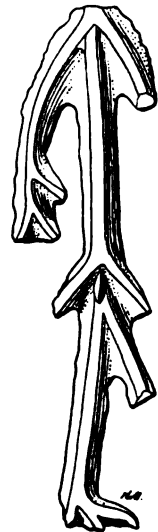

Рис. 448.
Тарск. окр.

Рис. 449. Р. Унья. 1/1.

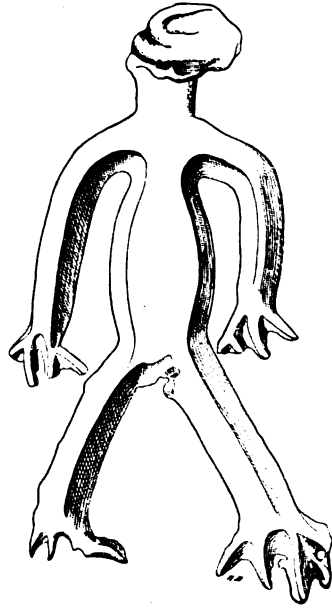

Рис. 452. Тарскій окр. 2/3.

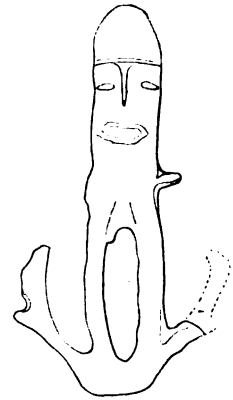

Рис. 450. Тарскій окр. 2/3.

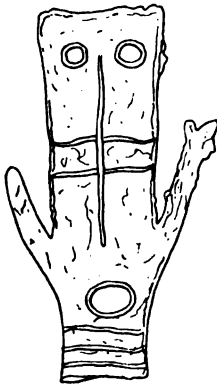

Рис. 451. Тобольскъ.

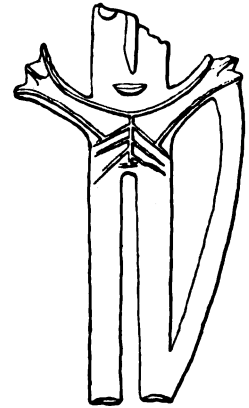

Рис. 453. Шигирск. оз. 2/3.

Рис. 454. Р. Унья.

Рис. 455. С. Лимежь. 1/1.

Рис. 456. Кыштымъ. $\frac{3}{4}$.

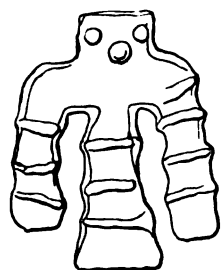

Рис. 457. Оз. Карасье. $\frac{2}{3}$.

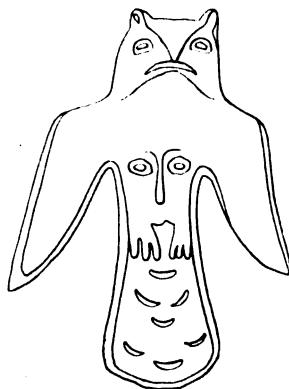

Рис. 458. Р. Увья

Рис. 459. Караульная Гора. $\frac{1}{1}$.

Рис. 460. Чердынск. у. $\frac{1}{1}$.

Рис. 461. Чердынскій у. $\frac{1}{1}$.

Рис. 462. Караульная Гора. $\frac{1}{1}$.

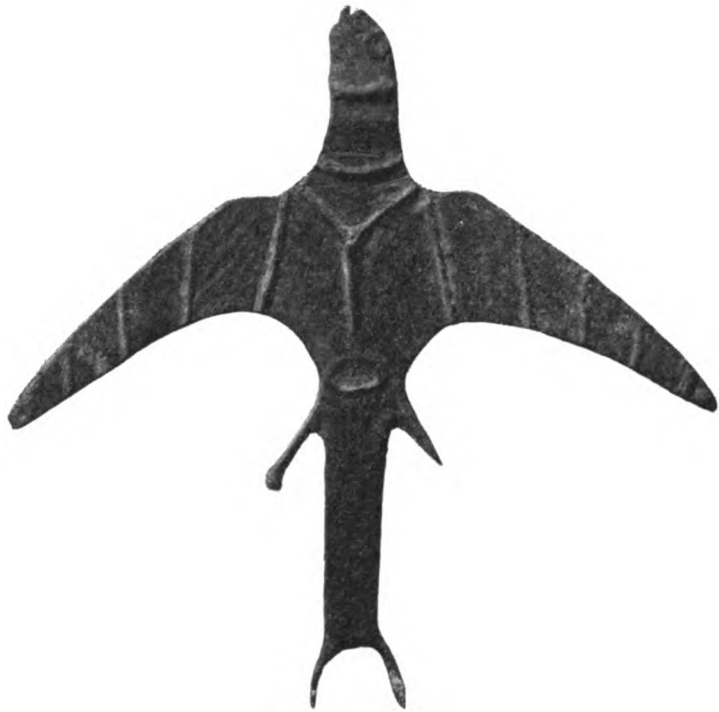

Рис. 463. Чердынский у. 2/3.

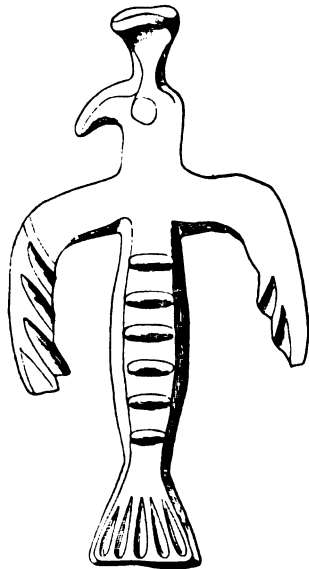

Рис. 464. Р. Ливевка. 1/1

Рис. 465.

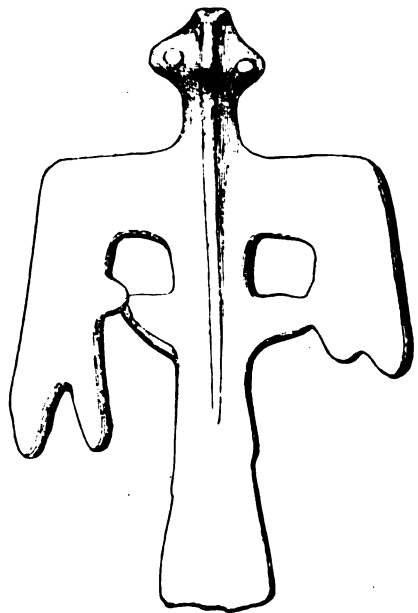

Рис. 466. Рч. Шурала.

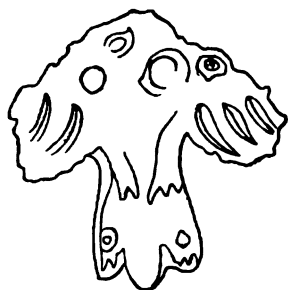

Рис. 467. Р. Унья. 1/1.

Рис. 469. Караульная Гора. 2/3.

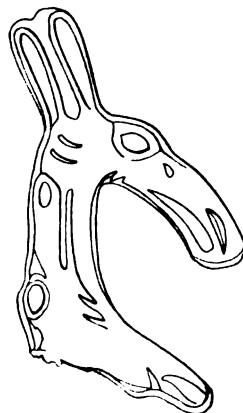

Рис. 470. Р. Унья.

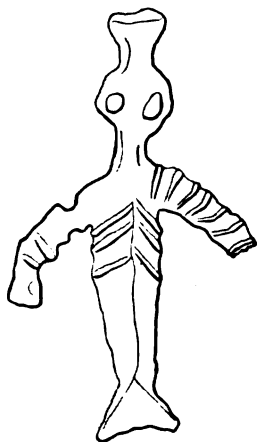

Рис. 468. Д. Огневая. 2/3.

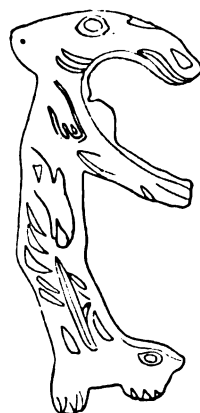

Рис. 471. Р. Унья? 2/3.

Рис. 472. Караульная Гора. 1/1.

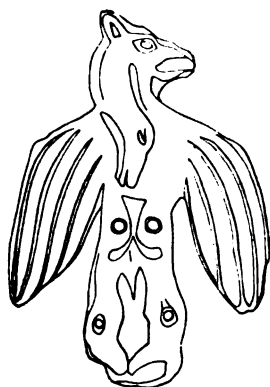

Рис. 473. Р. Унья.

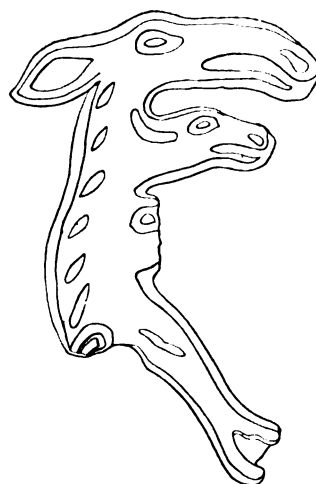

Рис. 474. Р. Унья.

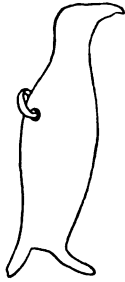

Рис. 476.
Оргой. 2/3.

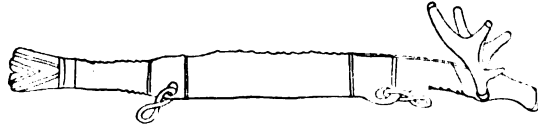

Рис. 475. Казанскій оргой. 1/2.

Рис. 477. Вогульскій идоль. 1/2.

Рис. 478.
Оргой. 1/6.

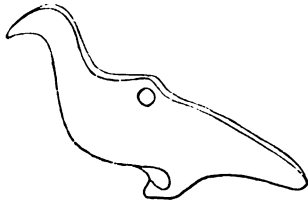

Рис. 479. Д. Скрипунова. 2/3.

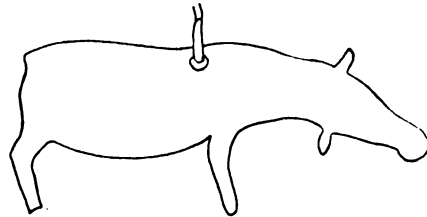

Рис. 480. Оргой. 1/2.

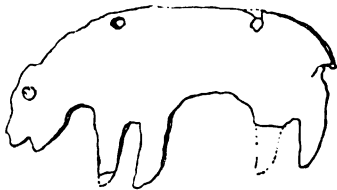

Рис. 481. С. Кишертъ. 1/2.

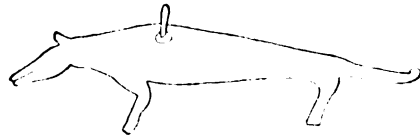
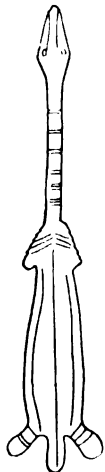

Рис. 482. Оргой. 1/2.

Рис. 483. 1/2.
Оргой.

Р. 484. 1/2.

Рис. 485. Маріинск. окр. 1/2.

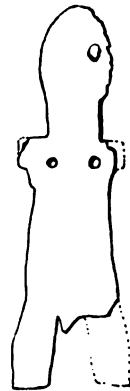

Рис. 486. 1/2.
С. Кишертъ.

Рис. 487 1/2
Оргой.

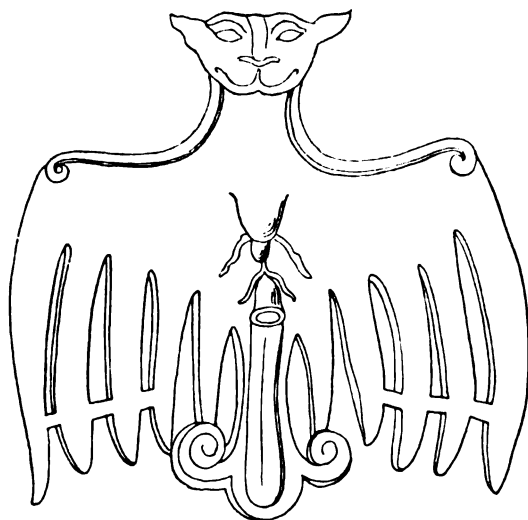

Рис. 488. Семипалатинск? 2/з.

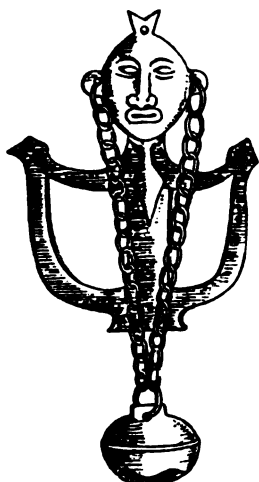

Рис. 489. Сибирь. 2/з.

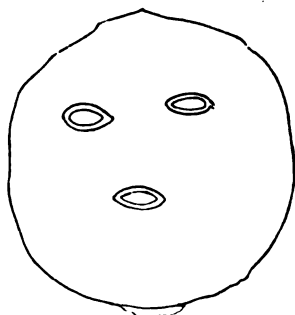

Рис. 490. Д. Скрипунова. 2/з.

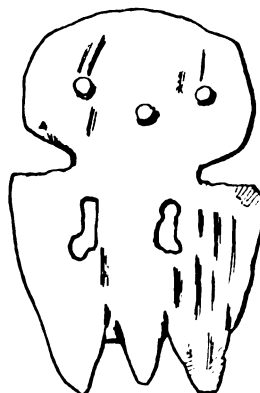

Рис. 491. Култукъ. 2/з.

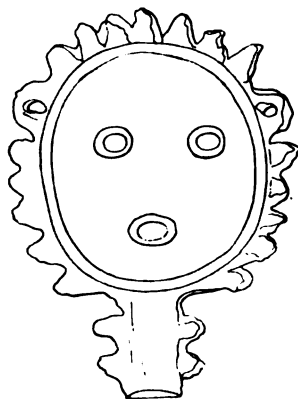

Рис. 492. Р. Малая Кеть.

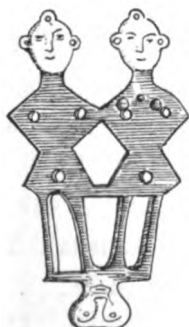

Рис. 493. Сибирь. 2/з.

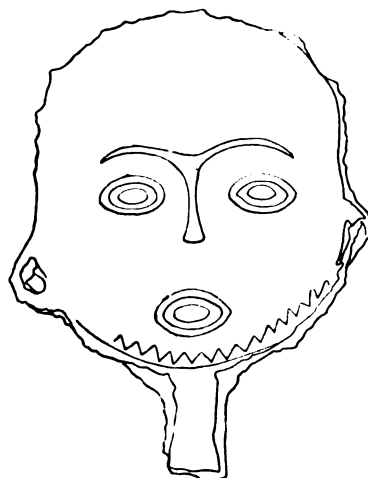

Рис. 494. С. Чадобецъ.

Рис. 470. Обломок подѣлки, близкой къ рис. 471. На шеѣ голова медвѣдя (или лося?). Р. Унья. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 471. Хорошее цѣлое изображеніе судде съ лосиною головою на ящерѣ. На плечѣ голова лося, на туловищѣ также голова какого-то животного. Коллекція Маліева въ Казанск. Общ. Естествоисп. изъ Чердынскаго у., вмѣстѣ съ рис. 460 и др.; вѣроятно, изъ Уньи.

Рис. 472. Караульная гора. Изъ статьи Д. Н. Анучина.

Рис. 473. Изображеніе, близкое къ рис. 461. На груди и въ хвостѣ головы животныхъ, на мѣстѣ лапъ, можетъ быть, изображеніе человѣческаго лица (теменемъ внизъ?). Р. Унья. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 474. Изображеніе, подобное рис. 471 и имъ объясняемое. Одной ноги и ящера нѣтъ, вмѣсто рукъ двѣ головы животныхъ. Р. Унья. Екатеринбургскій Музей.

Рис. 475, 476, 478, 480, 482 — 484 и 487. Желѣзные подвѣски съ оргоя Казанскаго Университета. По рисункамъ Ѳ. А. Теплоухова.

Рис. 477. Современная вогульская подѣлка, очень грубая. (*Сорокинъ*, Путешествіе къ вогуламъ. Каз. 1873 г.).

Рис. 479. Морская птица? XIII—XIV в.? Д. Скрипунова самаровской вол. Тобольскаго окр.

Рис. 481. Медвѣдь. Желѣзная подвѣска изъ Кунгурскаго клада.

Рис. 485. Образчикъ позднихъ подѣлокъ для шаманскаго костюма. С. Тымскъ Нарымскаго окр. Томскій Университетъ. *Флоринскій*, т. II, 284.

Рис. 486. Изображеніе человѣка, изъ желѣза. Кунгурскій кладъ.

Рис. 488. Старый, едва ли точный рисунокъ подѣлки, найденной въ 1721 г. близъ Семипалатинска (?).

Рис. 489. Изъ альбома Страленберга (Матеріалы по археологій Россіи, вып. V стр. 27).

Рис. 490. Слѣды шеи, какъ на рис. 412 и 492. XIII—XIV в.? Д. Скрипунова Самаровской вол. Тобольскаго окр.

Рис. 491. Желѣзная подѣлка. Култукъ на р. Джидѣ близъ Троицко-Савска. Музей мѣстнаго Отдѣленія И. Р. Г. О.

Рис. 492. По краю солнечные лучи? Р. Малый Кась, притокъ Кети (въ районѣ Обь-Енисейскаго канала). Томскій Университетъ.

Рис. 493. Тамъ же, гдѣ рис. 489.

Рис. 494. Изображеніе, близкое рис. 492; даже ушки, какъ у того. Зубчатая кайма не должна ли представлять бороду? С. Чадобецъ Красно-

ярскаго окр. Представляемъ (рис. 495 по наброску, въ $\frac{1}{3}$) изображеніе еще лучшаго экземпляра подобной подѣлки, принадлежащей г. А. Русанову.

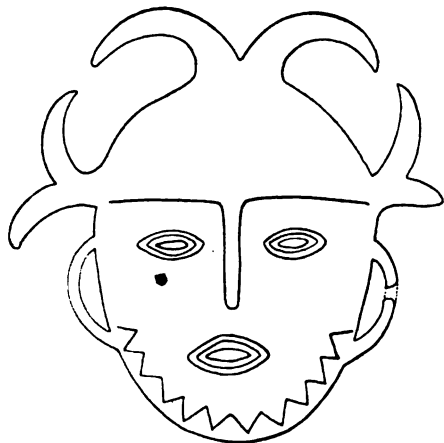

Рис. 495.

Рис. 496. $\frac{2}{3}$.

При подѣлкѣ имѣется надпись: «Найдень въ Кежемской волости лѣтъ 15 тому назадъ, въ брошенной тунгусской юртѣ на р. Ангарѣ, въ 1000 в. отъ Енисейска».

Рис. 496. Изъ собранія Н. Е. Макаренка. Тарскій окр. Тобольской губ.

А. Спицынъ.

Къ вопросу о Мономаховой Шапкѣ.

Наименованіе извѣстной Шапки Мономаховою есть явный вымыселъ какого-то очень благонамѣреннаго патріота, но весьма не строгаго историка. Никто изъ русскихъ великихъ князей не могъ быть вѣнчанъ на царство уже потому, что по старымъ представленіямъ грековъ царь долженъ быть только одинъ. Греки были проникнуты сознаниемъ, что для осуществленія на землѣ царства Божія христіане должны составить единое Христово стадо съ единымъ пастыремъ—царемъ; что должно бояться одного Бога и чтить одного царя. Даже въ столь трудный моментъ для восточнаго православія, какъ Флорентійскій соборъ, Маркъ Эфесскій смѣло и рѣшительно ставитъ въ вину папѣ, что тотъ не поминаетъ царя на эктенияхъ. Когда московская церковь при Василии Дмитріевичѣ (1389—1425 г.), по иниціативѣ митрополита Кипріана (1389—1406 г.), серба, отложила поминаніе имени царя («имѣемъ церковь, но царя не имѣемъ»), это вызвало горячій отпоръ со стороны патріарха, заявившаго, между прочимъ, что не найдется въ христіанствѣ такого архіерея, который рѣшился бы не поминать царя. Того же взгляда на значеніе царской власти держались и въ Римѣ. Поссевинъ объясняетъ въ 1586 г. въ Москвѣ, что при папѣ можетъ быть только одинъ императоръ. Если на Флорентійскомъ соборѣ царь Іоаннъ, задерживая начало засѣданій до прибытія Исидора, говорилъ, что московскій государь ему братъ и только по смиренію своему не называется царемъ, то это былъ не болѣе какъ тонкій дипломатическій приѣмъ, имѣвшій цѣлью показать, что восточное православіе находится не въ безысходномъ положеніи. Еще въ XIV в. для правителя Россіи въ Царь-градѣ считалось «почетнымъ» званіе стольника византійскаго императора¹⁾. Хотя реальныя функціи царя московскимъ князьямъ пришлось взять на себя со времени церковнаго

---

¹⁾ Русск. Истор. Библ. т. VI, прилож. стр. 274.

собора 1459 г., постановившаго принимать митрополита по назначенію великаго князя и безъ сношенія съ патріархомъ, однако офіціальнѣйшій титулъ «самодержца» великими князьями усвоенъ былъ, по словамъ избирательныхъ грамотъ 1598 и 1613 г., лишь по сверженіи татарскаго ига ¹⁾. Титула царя Иванъ III не рѣшается принять, ограничившись неопредѣленнымъ именованіемъ «господаря». Его преемникъ Василій уже называетъ себя царемъ, но лишь въ домашнихъ актахъ (а также на монетахъ). При непрерывныхъ и серьезныхъ опасностяхъ отъ Литвы, Казани, Крыма было безуміемъ изъявлять притязанія на царское достоинство. Къ тому же въ умахъ бродила мысль объ изгнаніи турокъ изъ Константинополя и восстановленіи греческаго государства, а сами греки не расстаются съ этой мечтой до сихъ поръ. Если сербы и болгары усвоили своимъ правителямъ званіе царей, то это было результатомъ политическихъ успѣховъ и считалось греками узурпаціей. Первымъ вѣнчался на царство «по закону совершеннаго царскаго поставленія» и принялъ царскій титулъ Иванъ IV, въ 1547 г. ²⁾. Рѣшимость вѣнчать великаго князя царемъ, конечно, шла главнымъ образомъ со стороны духовенства, не хотѣвшаго признавать политическихъ затрудненій и очень удачно пользовавшаго малолѣтство государя. Рѣшимость эта не соответствовала дѣйствительному положенію государства: все долгое княженіе Ивана IV прошло въ борьбѣ за новый титулъ, который не хотѣли признать ни Польша, ни императоръ, ни папа, ни греки, и въ борьбѣ тяжелой, такъ какъ нельзя было дѣлать шаговъ назадъ. Цѣною долгихъ и тяжелыхъ усилій давался русскимъ великимъ князьямъ царскій титулъ. Вѣнчать на царство Владиміра Святославича или Владиміра Всеволодовича можно, но только на бумагѣ.

Еще не обращено вниманія на то обстоятельство, что Владиміръ Всеволодовичъ, видимо, въ дѣйствительности вовсе не именовался Мономахомъ. Скорѣе всего, это прозвище позднее, книжное, едва-ли не того же времени, какъ и сказаніе о Шапкѣ. Оно основано, быть можетъ, на неправильно понятомъ текстѣ извѣстнаго поученія этого князя: «Азъ худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ (крестнымъ отцомъ?) пареченный въ крещеніи Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы»... (конца фразы нѣтъ). Слѣдуетъ переводить: «Я недостойный, пареченный при крещеніи Васи́лемъ, рус-

¹⁾ Иванъ Васильевичъ „самодержецъ именованъ бысть“ (А. Н. т. II, 18).

²⁾ По словамъ Курбскаго, на этотъ шагъ испрошено было благословеніе патріарха, который доставилъ и чинъ вѣнчанія. Конечно, патріарху было заявлено, что московскій князь будетъ именоваться не вселенскимъ царемъ, а лишь русскимъ.

скимъ же именемъ называемый Владиміромъ, отцомъ возлюбленнымъ и матерью, дочерью Мономаха»... воспитанъ въ страхъ Божиємъ ¹⁾... «Мономахы» — несклоняемое окончаніе женскаго рода, какъ «княгини» въ завѣщаніи Ивана Калиты (С. Г. и Д. I, 32), или какъ употребляемая нами въ разговорѣ звательная форма: «Николае» безъ измѣненія во всѣхъ падежахъ. Если авторомъ Сказанія былъ сербъ, то тѣмъ легче въ его глазахъ «Мономахы» могло сойти за «Мономахъ» ²⁾.

Царское вѣнчаніе въ идеѣ есть исключительно церковный обрядъ, освящающій союзъ монарха съ церковью. Пока въ Россіи не было царя, не могло быть и вѣнчанія на царство. Посаженіе на столь въ удѣльный періодъ имѣло, быть можетъ, совершенно гражданскій характеръ и даже совершалось, вѣроятно всего, не въ церкви, а напр. въ думѣ. Оно служило отголоскомъ старыхъ норманскихъ обычаевъ. При монгольскомъ игѣ на княженіе садили посланники хана, пріѣзжавшіе съ ярлыками, и надо полагать, что самое посаженіе совершалось также не въ церкви. Самъ Иванъ III былъ благословенъ на великое княженіе отцомъ задолго до его кончины (въ 1450 г.) и, вѣроятно, утвержденъ былъ въ этомъ званіи ханомъ. Слѣдуя примѣру отца, Иванъ III благословилъ при себѣ великимъ княженіемъ сына Ивана, можетъ быть, до сверженія ига ³⁾, а быть можетъ и позднѣе. Послѣ смерти князя Ивана Ивановича (въ 1490 г.), Иванъ Васильевичъ долго колеблется въ выборѣ новаго наслѣдника и наконецъ останавливается на внука Дмитрія. Благословеніе внука на княженіе великій князь почему-то рѣшается соединить съ церковнымъ вѣнчаніемъ по греческому царскому чину, едва-ли понимая его дѣйствительный смыслъ и значеніе. Церковное вѣнчаніе 1498 г. было столь необычно, что во всѣхъ подробностяхъ вошло въ лѣтопись и тщателью записано въ официальныхъ актахъ. Имѣется самый чинъ поставленія съ припискою, когда и при комъ вѣнчаніе совершено ⁴⁾. Драгоценны имѣющіяся указанія, что Иванъ III не удовольствовался церковнымъ вѣнчаніемъ: онъ внѣ церкви обратился въ торжественной рѣчи къ братаничамъ князьямъ Ѳеодору и Ивану Борисовичамъ съ объявленіемъ

¹⁾ Конецъ предложенія можетъ быть, конечно, совершенно иной.

²⁾ По цѣнному замѣчанію В. В. Латышева, въ текстѣ Поученія можно читать не „Мьномахы“, а напр. „Мьномахыни“. Наименованіе Владиміра Всеволодовича Мономахомъ въ „Словѣ о погибели земли русской“, относимомъ къ 1238 г., сохранено рукописью XV в., и въ весьма искаженной формѣ, допускающей, быть можетъ, и инныя толкованія. „Мономахомъ“ названъ Владиміръ въ Русской Правдѣ, но, повидимому, лишь въ позднѣйшихъ спискахъ (съ XV в.).

³⁾ Князь Иванъ остается охранять Москву въ походы Ивана Васильевича на Новгородъ въ 1471, 1475, 1478 и 1480 г., когда ему было 13, 17, 20, 22 г.

⁴⁾ Русск. Историч. Библіотека т. III, 7—12.

о правахъ на великое княженіе Дмитрія, а часть обряда отнесъ на пирь, на которомъ передалъ Дмитрію крестъ на золотой цѣпи, поясъ и крабійцу¹⁾). Такъ интересно церковный обрядъ вѣнчанія, примѣненный впервые, переплелся съ обрядомъ гражданскаго благословенія и посаженія на столъ.

По прямому извѣстію Герберштейна, Василій Ивановичъ не былъ вѣнчанъ на великое княженіе ни при отцѣ, ни послѣ; очевидно, онъ былъ лишь благословенъ отцомъ (въ 1502 г.), а вѣнчаніе почему-то было отложено. Изъ дипломатической переписки 1554 г. положительно извѣстно, что ни отецъ Ивана IV Василій, ни дѣдъ его Иванъ III на царство не вѣнчались²⁾). Послѣ Ивана IV вѣнчаніе на царство становится обычаемъ и совершается исключительно въ церковной формѣ по старому греческому чину. Гражданское поставленіе отпадаетъ.

Для перваго же вѣнчанія на великое княженіе по царскому чину нужно было найти регалии, по крайней мѣрѣ важнѣйшія, т.-е. вѣнецъ и саккосъ. Въ Грецію за ними не посылали (да и не получили бы ихъ оттуда), а сыскали въ княжеской казнѣ, замѣнивъ саккосъ оплечьемъ съ бармами, а вѣнецъ Шапкой. Какъ уже упомянуто выше, гражданскій обрядъ поставленія на великое княженіе сопровождался, между прочимъ, передачей креста на золотой цѣпи, пояса и крабійцы. Всѣ перечисленные вещи находились въ казнѣ московскихъ князей, начиная, по крайней мѣрѣ, съ Ивана Калиты и его сыновей, какъ это вполне определенно слѣдуетъ изъ сохранившихся духовныхъ завѣщаній³⁾). Бармы упоминаются въ завѣщаніи Ивана Калиты, въ которомъ перечислены «коць великій съ бармами» и «скорлатное портище съ бармами». Такъ какъ скорлатъ есть сукно, коць же—мохнатая матерія⁴⁾, а Герберштейнъ говоритъ, что бармы есть «родъ широкаго ожерелья изъ мохнатого шелку», то ясно, что для замѣны саккоса взять былъ именно коць, или его часть. Шапка въ завѣщаніи Ивана Калиты названа «шапкой золотой» и отнесена къ наряду, въ числѣ «портъ»⁵⁾). Крестъ впервые упоминается въ завѣщаніи 1423 г. (Василія Дмитріевича), какъ «крестъ честный животворящий патряршъ Филофѣвской». Филофеемъ сидѣлъ на патриаршемъ столѣ въ 1354—1355 и 1364—1376 г. Именно онъ посвятилъ въ

---

1) Карамзинъ т. VI прим. 447, со ссылкой на архивный Ростовскій лѣтописецъ. О томъ же говоритъ Герберштейнъ.

2) *Савва*, Московскіе цари и византійскіе василевсы. Харьк. 1901, стр. 297.

3) См. приложение.

4) *Савваитовъ*, Описаніе старинныхъ утварей. Спб. 1896, стр. 64.

5) Для церковнаго вѣнчанія шапка была, видимо, передѣлана: отнять и замѣнить крестомъ верхъ, насажены камни.

митрополиты св. Алексія (въ 1354 г.), который, конечно, и вывезъ этотъ крестъ изъ Царьграда, благословивъ имъ потомъ великаго князя Дмитрія Донскаго (св. Алексій скончался въ 1378 г.). Но у московскаго князя былъ и другой крестъ, полученный Иваномъ Калитою отъ митроп. Петра, почитаемый не меньше. Который-то изъ этихъ двухъ крестовъ и былъ переданъ Дмитрію на пиру. Въ Царственной лѣтописи, иллюстрированной, по мнѣнію специалистовъ, въ 70-хъ г. XVI в., крестъ чудотворца Петра изображается въ видѣ гладкаго равносторонняго массивнаго креста, а крестъ Владиміра Мономаха въ видѣ креста съ короткими боковыми рукавами, съ длиннымъ нижнимъ и съ врезаннымъ по срединѣ четырехконечнымъ тонкимъ крестомъ, какъ и подобаеть для креста Животворящаго, изъ Древа (л. 44 об.). По Царственной, вел. кн. Василій Ивановичъ благословилъ предъ смертью своего сына сперва крестомъ чудотв. Петра, а потомъ Мономахимъ (Животворящимъ) и затѣмъ передать ему всю царскую утварь Мономахову. Пояса золотые упоминаются во всѣхъ завѣщаніяхъ потомковъ Ивана Калиты, и въ значительномъ количествѣ, но только въ завѣщаніи самого Калиты опредѣленно и заманчиво выступаетъ «поясъ золотой царевскій». Это скорѣе татарскій поясъ, такъ какъ поясъ «царевскій» изъ Царьграда скорѣе назывался бы греческимъ. Поясъ этотъ не былъ на большомъ счету, такъ какъ переданъ третьему изъ сыновей и перечисляется третьимъ изъ трехъ, завѣщанныхъ этому сыну. Впрочемъ въ 1498 г. могли обратить особое вниманіе на этотъ поясъ по сходству его техники съ Мономаховой Шапкой или по названію. Вел. кн. Иванъ Ивановичъ пишетъ въ завѣщаніи своемъ, что ему благословилъ отецъ «поясъ великій золотъ съ камнемъ съ жемчуги»; скорѣе всего именно этотъ поясъ и переходилъ далѣе по наследству, въ качествѣ важнѣйшаго изъ поясовъ. Крабійца упоминается впервые въ завѣщаніи Ивана Ивановича 1356 г. какъ «коронка сердонична золотомъ кована» и затѣмъ отмѣчается во всѣхъ остальныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ.

Возможно, что перечисленные регалии въ полномъ составѣ употреблялись до 1498 г. при гражданскомъ поставленіи на великое княженіе, и уже потомъ часть ихъ присвоена была для царскаго вѣнчанія въ церкви. Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ эти вещи не втуне лежали въ княжеской казнѣ, а были въ ходу для всѣхъ официальныхъ и торжественныхъ случаевъ. Это были предметы большого великокняжескаго наряда. Конечно, всѣ однородные предметы у казначеевъ имѣли особаго прозванія, къ сожалѣнію, почти совершенно не отмѣчаемая въ завѣщаніяхъ. Золотая шапка, какъ вещь единственная, могла и не имѣть особаго

имени. Во всякомъ случаѣ Мономашеѣ она не именуется ни въ одномъ изъ завѣщаній, ни въ другихъ документахъ; этимъ именемъ она не названа даже въ чинѣ вѣнчанія 1498 г. Изъ датированныхъ памятниковъ впервые мы находимъ его у Герберштейна (1517 и 1526 г.). Если, по примѣру пояса, Шапка и называлась когда-нибудь напр. «царевской», то и это названіе утратилось, по крайней мѣрѣ въ завѣщаніяхъ. Ясно только одно, что такъ какъ «шапка золота» въ завѣщаніяхъ перечисляется неизмѣнно вмѣстѣ съ другими предметами, вошедшими въ чинъ вѣнчанія 1498 г., то именно она, а не какая-либо иная и есть та самая шапка, которая въ лѣтописяхъ и позднѣйшихъ чинахъ вѣнчанія именуется Мономаховой.

Кто именно и когда шапку назвалъ Мономаховой, вѣроятно, никогда не удастся установить. Вѣнчаніе внука Ивана III въ 1498 г., будучи видоизмѣненіемъ или дополненіемъ обычнаго отчаго благословенія на великое княженіе, не нуждалось въ оправданіи его вымысломъ объ утваряхъ Мономаховыхъ. Если Сказаніе о Шапкѣ въ ту пору уже существовало, то во всякомъ случаѣ оно было мало распространено и не внушало довѣрія. Его, повидимому, не знаютъ ни Вассианъ въ 1480 г., ни Иванъ III въ 1486 г., глухо заявившій послу импер. Максимилиана, что онъ поставленіе имѣетъ отъ Бога, ни старецъ Филоеѣй (конецъ XV в. или начало XVI в.), упоминающій въ своемъ замѣчательномъ посланіи лишь о Владимірѣ Святомъ и Ярославѣ. Скорѣе всего, Сказаніе сложено уже послѣ 1498 г.; по крайней мѣрѣ въ немъ определенно говорится о Шапкѣ, какъ уже примѣняемой регалии при царскомъ вѣнчаніи: «оттолѣ и донынѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ вѣнчаются великіе князи владимірскіе, егда поставляются на великое княженіе російское». Въ рукописи XVI в., изъ которой взято приведенное выраженіе, вслѣдъ за Сказаніемъ идетъ «чинъ поставленія на великое княженіе російскаго государства, сирѣчь на царство помазаніе», изъ чего слѣдуетъ, что въ этомъ выраженіи говорится именно о церковномъ вѣнчаніи на царство и, слѣдовательно, о времени послѣ 1498 г. Вѣроятно же всего, что Сказаніе входитъ въ общій циклъ повѣстей, составленныхъ въ началѣ и въ первой половинѣ XVI в. для оправданія высокихъ претензій Москвы на всемірное значеніе въ качествѣ третьяго Рима (повѣсти объ Андрѣ Первозванномъ, Бѣломъ Клобукѣ, Тихвинской иконѣ Божіей Матери, о происхожденіи русскихъ князей отъ Августа). Въ свободномъ, не знающемъ затрудненій тонѣ Сказанія Ждановъ видитъ опытную и смѣлую руку серба Пахомія. Мы не рѣшаемся поддержать это предположеніе по хронологическимъ основаніямъ, но скажемъ, что повѣсть о Мономаховыхъ

регалияхъ сложена рукою не менѣе отважнаго агіографа, чѣмъ Пахомій. Она составлена на основаніи весьма не многихъ данныхъ: воображаемаго прозвища Владиміра Всеволодовича Мономахомъ, исторіи похода Яна Вышатича при этомъ князѣ на Дунай въ 1116 — 1119 г. (извѣстной только по Татищеву, сообщающему, что царь Алексѣй Комнинъ прислалъ Владиміру вѣнецъ съ дарами), и нѣсколькихъ историческихъ именъ, извлеченныхъ изъ разнородныхъ памятниковъ, не имѣющихъ между собою никакой хронологической связи ¹). Изъ такого-то пестраго и незначительнаго матеріала вышла романтическая исторія о томъ, какъ Владиміръ Мономахъ, задумавъ взять дань съ Царьграда, послалъ войско во Оракію и навелъ такой страхъ на царя Константина, что тотъ отправилъ къ нему всѣ свои регалии (съ такими-то посланниками) и приказалъ вѣнчать его на царство, съ титуломъ Мономаха ²). Какъ доказательство правъ московскаго князя на царское званіе, «сказка» о Мономаховыхъ утваряхъ была пущена въ дипломатическій обиходъ лишь въ 1549 г., и настолько доказательство это оказалось не убѣдительнымъ, что пришлось прибѣгнуть къ другимъ ³).

Какъ попала Шапка Ивану Даниловичу Калитѣ, т. е. была она приобрѣтена имъ лично, или же досталась по наслѣдству, мы не знаемъ, такъ какъ не имѣемъ завѣщаній московскихъ князей болѣе ранняго времени. Нельзя утверждать, что Шапка скована или добыта непременно самимъ Иваномъ Даниловичемъ (хотя это всего вѣроятнѣе). Она могла быть приобрѣтена напр. знаменитымъ дѣдомъ Калиты Александромъ Невскимъ.

При отсутствіи прямыхъ и косвенныхъ историческихъ извѣстій, вопросъ о времени изготовленія Шапки можетъ быть разрѣшенъ только археологическими разысканіями.

Безъ всякаго сомнѣнія, позднѣе археологія дастъ вполне определенный отвѣтъ на этотъ вопросъ; но для нашего времени такая задача пока непосильна. Мы, пожалуй, еще рѣшимся опредѣлить, западное или восточное издѣліе Мономахова Шапка, но для опредѣленія времени и мѣста ея изготовленія не имѣемъ ни достаточнаго матеріала, ни систематизаціи его. Желая тѣмъ не менѣе подвинуть впередъ рѣшеніе дилеммы

---

¹) Августоліями назывались префекты Египта въ римскій періодъ. Сирія въ XII в. уже не принадлежала грекамъ. Въ Мелитинѣ были не епископы, а митрополиты. По Воскресен. лѣт. Августолій — братъ Августа, поставленный имъ въ Іерусалимѣ. Ефесскихъ митрополитовъ съ именемъ Неофита неизвѣстно.

²) Возможно, что въ лѣтописи, которою пользовались Татищевъ и составитель Сказанія, имени греческаго царя не было. Одинъ вставилъ въ свой рассказъ Алексѣя Комнина, другой Константина Мономаха.

³) *Савва*, Московскіе цари, глава VII.

о Мономаховой Шапкѣ, приступаемъ къ перечню аналогій для нея, подмѣченныхъ нами въ западныхъ и восточныхъ древностяхъ. Болѣе прилежное вниманіе, безъ сомнѣнія, значительно умножить ихъ количество.

Гранчатая и не столько сферическая, сколько коническая, форма Шапки необычайна и неожиданна (рис. 4). Такая шапка должна давить голову и сидѣть на ней неплотно, такъ какъ касается ея лишь въ отдѣльныхъ точкахъ и не имѣетъ вѣнчика для нажима на виски. Сравненіе съ Шапкой импер. Констанціи или новгородскаго епископа Никиты прекрасно выясняетъ эти недостатки (см. также рис. 1). Если же прибавить къ Шапкѣ впису околь, причемъ она будетъ имѣть характеръ верха (что допустимо по аналогіи напр. съ бухарской шапкой Императорскаго Эрмитажа), то околь этотъ, кажется, будетъ слишкомъ широкъ для головы. Вообще чувствуется, что это очень неудобный головной уборъ.

Несомнѣнно, что составляющія шапку пластины должны быть соединены въ цѣлое именно такъ, какъ теперь онѣ сложены, въ видѣ сферы. Это доказывается тѣмъ, что боковыя и нижняя стороны пластинъ не прямы, а слегка выпуклы. Если такая форма и есть единственно допустимая, то собранныя по ней пластины Мономаховой Шапки все же не составляютъ цѣлага. У нихъ совершенно отсутствуетъ какія бы то ни было приспособленія для прикрѣпленія другъ къ другу и къ обручу. Всѣ имѣющіяся на нихъ отверстія позднія и крайне грубыя, какихъ не допустилъ бы мастеръ. Сомкнутыя другъ съ другомъ, пластинки Шапки представляютъ собою не болѣе какъ карточный домикъ, падающій при малѣйшемъ прикосновеніи. Подвижность отдѣльныхъ частей на головномъ уборѣ представляетъ значительныя практическія неудобства. Пластины Мономаховой Шапки при ея употребленіи несомнѣнно находятся въ движеніи, чѣмъ и объясняется непомѣрная разработанность всѣхъ отверстій, служившихъ для скрѣпленія отдѣльныхъ частей ея проволокою; если бы шапка употреблялась чаще, то ее пришлось бы чинить уже много разъ.

Восьмилепестковое отверстіе на верху Шапки также весьма неудобно. Для султана оно положительно широко; лепестковая форма его совершенно непригодна для упора султана, который не можетъ опираться на язычки. Какая бы бляха не покрывала этого отверстія, она непременно закроетъ часть орнамента пластинъ, лишивъ его законченности и красоты. Современное полушаріе прикрыло языки бляхъ самымъ грубымъ образомъ; они должны быть непременно выпущены. Допустить же, что бляха султана выступала снизу, изнутри шапки, совершенно немыслимо; это неудобно, некрасиво и никогда не дѣлается: бляхи всегда прикрѣпляются сверху.

Въ коллекціи Зичи изъ Кавказа имѣется шлемъ формы Мономаховой Шапки, съ султаномъ (Zichy т. I табл. С). Но онъ круглый, вѣроятно, изъ плотно склепанныхъ пластинъ, и принадлежитъ къ тому типу позднихъ индійскихъ шлемовъ, въ которыхъ если не главное, то

Рис. 1.

Рис. 2.

равное значеніе имѣть бармица, плотная и длинная. Указаній на шапки, кованныя изъ золота, нами не встрѣчено ни на востокѣ, ни на западѣ. По своей изящной низкой формѣ Мономахова Шапка была бы чрезвычайно на мѣстѣ въ видѣ нижней части какой либо подставки, или, пожалуй, въ качествѣ оплечья на какой-нибудь подѣлкѣ изъ металла или дерева.

Помѣщаемъ изображенія тубитейки изъ Средней Азии (рис. 1 и 2) и чалмы съ султаномъ изъ Кульджи (рис. 3), чтобы показать, какъ далека Мономахова Шапка по формѣ отъ дѣйствительныхъ головныхъ уборовъ, несмотря на видимое сходство по первому впечатлѣнiю.

Рис. 3. Кульджинскій султанъ Абдуль-Оглы.

Общій характеръ *орнамента* Шапки рѣшительно восточный, а не западный, гдѣ, по традиціи отъ классическаго искусства, самую существенную часть орнамента составляютъ фигуры, сцены и вообще всякаго рода изображенія, а также выпуклыя клейма и дробницы. Поле между изображеніями или оставляется чистымъ, или же заполняется рѣдкими и крупными разводами винограда; существенное значеніе имѣютъ кайма и фризъ. Ничего подобнаго орнаменту Шапки, сплошному, мелкому, ковровому, вы здѣсь не встрѣтите, а для средневѣкового востока это самый обычный орнаментъ. Тема его: симметрично расположенныя клейма, разной величины, чаще геометрической формы, на полѣ, сплошь занятомъ завитками и усиками (рис. 5, 34, 72). Общій характеръ ор-

намента Мономаховой Шапки мы считаемъ важнѣйшимъ доказательствомъ принадлежности ея восточному искусству.

Изучая детали орнамента Шапки, наибольшее вниманіе должно обратить на арабскій цвѣтокъ (рис. 4), характерный, изящный, стильный. По красотѣ арабскій цвѣтокъ Мономаховой Шапки рѣшительно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, но аналогій для него извѣстно множество.

Въ западномъ искусствѣ арабскаго цвѣта мы не нашли. Его роль здѣсь играетъ стилизованный виноградный листъ, очень распространенный (проникшій мѣстами также и на востокъ). Чаще всего это пятилепестковая фигура, упростившаяся потомъ до лиліи и слившаяся съ нею; у виноградаго листа крутятся лишь нижніе лепестки. Настоящій арабскій цвѣтокъ состоитъ изъ 8 закручивающихся внизъ лепестковъ и плодника. Происхожденіе его для насъ не вполне ясно. Теоретически можно бы допустить, что это орнаментъ, переработанный изъ цвѣтка ассирійскаго древа жизни, обильно выступающій въ сассанидскомъ искусствѣ (рис. 6, 7) и перешедшій въ раннее арабское (рис. 8, причемъ средній плодникъ долженъ соответствовать среднему узкому лепестку цвѣтка рис. 7). Но въ послѣднемъ сассанидскій цвѣтокъ получилъ столь неизящную форму, что, быть можетъ, совершенно исчезъ; хотя съ увѣренностью утверждать этого нельзя, но во всякомъ случаѣ дальнѣйшей переработки сассанидскаго цвѣтка мы пока не нашли. Обративъ вниманіе на то обстоятельство, что арабскій цвѣтокъ обнаруживается въ обилии на персидскихъ коврахъ XVI в., носящихъ на себѣ сильнѣйшее китайское вліяніе (рис. 21); мы направили розыски въ сторону Китая и нашли здѣсь великолѣпные образцы арабскаго цвѣтка и, можетъ быть, его полную разгадку (рис. 47 и 48). Оказалось, что это не что иное, какъ лотось, надводная кувшинка. Само собою складывается предположеніе, что лотось проникъ въ Китай изъ Индіи, вмѣстѣ съ буддизмомъ, т.-е. не ранѣе IV—V в. по Р. Х., а отсюда въ Среднюю Азію, чрезъ киданей или же непосредственно при гулагидахъ (XIII—XIV в.), и что искусство, сложившееся при монгольскихъ ханахъ, разнесло цвѣтокъ по всему мусульманскому міру. Такъ-ли это дѣло обстояло въ дѣйствительности, покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія. Въ XIII в. арабскій цвѣтокъ широко эксплуатируется въ издѣліяхъ мосульской техники, памятники которой извѣстны не только въ Персіи, но и въ Сиріи (рис. 32), Египтѣ (рис. 5) и въ другихъ странахъ. Въ XIV и XV в. арабскій цвѣтокъ выступаетъ обильно въ древностяхъ Египта (рис. 17, 19, 20, 22, 34), Персіи (рис. 41, лучшія подѣлки въ атласѣ Martin, Aeltere Kupferarbeiten), Самарканда (рис. 18, 24,

26—31, 33, 69) и Золотой Орды (рис. 60, 61, 70, 71). Арабскій цвѣтокъ постоянно попадаетъ въ персидскихъ, арабскихъ, китайскихъ издѣліяхъ дальнѣйшихъ вѣковъ (конечно, уже въ сильно стилизованномъ видѣ (см. рис. 23, 25) и благополучно дожилъ до нашихъ дней (напр. на тканяхъ Средней Азіи, см. Симакова, Искусство Средней Азіи, табл. 8). На западѣ же этотъ орнаментъ попадаетъ лишь въ венеціанскихъ тканяхъ съ восточными мотивами (Dreger, *Künstlerische Entwicklung der Weberei*, Wien 1904, табл. 155).

Едва ли не наиболѣе древнее примѣненіе арабскаго цвѣтка мы видимъ на чашѣ изъ коллекціи Зеликмана (Пермь, въ атласѣ Я. И. Смирнова табл. СII). Здѣсь этотъ орнаментъ соединяется съ трилистникомъ, усвоеннымъ арабскимъ искусствомъ отъ сассанидскаго. Арабскій цвѣтокъ на упомянутой чашѣ съ 6 вырѣзными лепестками и кружкомъ посрединѣ. Старѣйшія изображенія арабскаго цвѣтка съ гладкими лепестками встречаемъ на чудесной покрывкѣ котла изъ Коніи (рис. 32), а также, быть можетъ, на китайской вазѣ рис. 47 и кувшинѣ изъ Самарканда рис. 55; боковые лепестки во всѣхъ этихъ изображеніяхъ цвѣтка узкіе, прямы и представлены на отлетѣ, какъ крылья насѣкомаго.

Арабскій цвѣтокъ имѣетъ три основныя разновидности: 1) цвѣтокъ о 8 или 6 лепесткахъ, съ плодникомъ; 2) цвѣтокъ о 6 лепесткахъ, съ двойнымъ плодникомъ, изъ которыхъ второй образовался отъ сліянія вмѣстѣ двухъ крайнихъ лепестковъ (рис. 19); 3) цвѣтокъ съ заходящими другъ на друга верхними лепестками (рис. 34). Всѣ эти разновидности встрѣчаются одновременно, хотя несомнѣнно, что основная форма цвѣтка есть первая. Арабскій цвѣтокъ Мономаховой Шапки принадлежитъ къ основному типу. Сличая его съ такими же изображеніями на иныхъ подѣлкахъ, видимъ, что онъ: 1) имѣетъ близкія аналогіи въ египетскихъ издѣліяхъ XIII—XIV в. (рис. 5, 17, 20), изготовленныхъ однако, едва ли египетскими мастерами, на мѣдныхъ издѣліяхъ мосульскаго типа того же времени ¹⁾, а наиболѣе близкую въ золотыхъ бляшкахъ Золотой Орды (рис. 61); 2) что цвѣтки Самаркандскихъ изразцовъ конца XIV в. значительно уходятъ отъ цвѣтковъ болѣе ранняго времени, сильно стилизуясь, становясь шире, грузнѣе и махровѣе; 3) что извѣстныя немногія раннія изображенія цвѣтка имѣютъ также иную форму, именно боковые лепестки узкіе и менѣе изогнутые; 4) что цвѣтокъ Шапки имѣетъ мелкую деталь, не встрѣтившуюся пока нигдѣ, именно — двудольный лепестокъ въ основаніи, происшедшій отъ сліянія двухъ

¹⁾ *Martin*, Aeltere Kupferarbeiten aus dem Orient. Stockh. Taf. II, IV.

нижнихъ лепестковъ. Есть пѣкоторое основаніе думать, что арабскіе цвѣтки съ вырѣзными лепестками принадлежатъ китайскому искусству (рис. 70).

Общіе выводы: 1) орнаментъ въ видѣ арабскаго цвѣтка встрѣчается только на востокѣ; 2) цвѣтокъ типа Мономаховой Шапки встрѣчается въ древностяхъ XIII—XIV в., скорѣе всего XIV в., но не конца его; 3) цвѣтокъ этого типа распространенъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ этого времени (и, можетъ быть, въ Китаѣ), но самую близкую аналогію онъ имѣетъ въ древностяхъ Золотой Орды. Последнее заключеніе для насъ имѣетъ исключительную важность.

Иные элементы орнамента Мономаховой Шапки:

1) Такъ называемая Соломонова печать (рис. 11) прослѣживается въ византійскомъ и сирійскомъ искусствѣ и въ орнаментѣ раннемъ арабскомъ, въ персидскомъ, и особенно въ египетскомъ, гдѣ этотъ орнаментъ очень развитъ въ инкрустаціи на деревѣ и въ узорахъ на тисненой кожѣ. Для насъ особенно интересно отмѣтить аналогію даннаго орнамента въ богатой деревянной египетской рѣзбѣ, державшейся отъ XII в. по XVII в. (Prisse d'Avennes), именно потому, что мы тамъ находимъ при трехугольникахъ тѣ же отдѣльные уголки, какъ на Шапкѣ. Но такъ какъ эта рѣзба идетъ изъ Сиріи, то та же особенность можетъ встрѣтиться и въ сирійскихъ, и въ персидскихъ памятникахъ. Совершенно такого типа Соломонова печать, съ розеткой внутри, встрѣчена на капторѣ изъ одного Бѣлорѣчинскаго кургана (Отч. Имп. Арх. Ком. 1896 г. стр. 47 рис. 236).

2) Розетки съ круглыми лепестками, въ 7 и 4 лепестка (рис. 10). Это рѣдкій орнаментъ. Онъ нами найденъ на подсвѣчникѣ изъ Мосула XIII в. (Migeon pl. 10), на персидскихъ вещахъ XIV в. и въ египетской деревянной рѣзбѣ XV в. (Migeon pl. 1), вездѣ о 8 лепесткахъ. Орнаментъ Мономаховой Шапки всего ближе къ розеткѣ мосульскаго подсвѣчника, такъ какъ въ послѣдней также имѣются внутренніе концентрическіе лепестки. Подобные лепестки намъ извѣстны еще на бусахъ клада Михайловскаго монастыря (Русскіе клады, табл. VII). Напомнимъ, что розетки съ круглыми лепестками въ огромномъ употребленіи въ китайскомъ орнаментѣ. Розетки того же типа изъ Золотой Орды извѣстны о 9 и 6 лепесткахъ (рис. 44)

3) Розетки изъ сердцевидныхъ лепестковъ также представляютъ рѣдкій орнаментъ. На Мономаховой Шапкѣ онѣ о 6 и 4 лепестка (рис. 4). Розетки или звѣздочки изъ треугольниковъ извѣстны въ египетской деревянной рѣзбѣ съ XII в. по XV в. (Prisse d'Avennes pl. II и C), но звѣздочки изъ лучей сердцевидныхъ нами найдены лишь

на персидскихъ тканяхъ XVI в. (Migeon pl. 82 и 89), да и то стрѣлкой внутрь, а не виѣ, какъ на Шапкѣ; тотъ же мотивъ примѣненъ на бляшкѣ Бухарскаго клада. Зато совершенно такъ же орнаментъ встрѣченъ на издѣліяхъ Золотой Орды (см. бляшку табл. III рис. 8 и золотой перстень изъ Болгаръ рис. 63).

4) Цѣпочки изъ лепестковъ того и другого типа, круглыхъ и сердцевидныхъ (рис. 9 и 10). Нигдѣ аналогій нами не сыскано.

5) Грушевидныя гнѣзда (рис. 4), отдѣльныя и группою изъ 4 въ видѣ звѣздочки. Прямыхъ аналогій не можемъ указать.

6) Кайма изъ глаголей (рис. 4) и отдѣльные глаголи. Орнаментъ этотъ, безъ сомнѣнія, идетъ не отъ арабскихъ надписей, а отъ византійскаго плетенья, наблюдаемаго уже въ раннихъ мозаикахъ. Къ удивленію, онъ встрѣчается не такъ часто. На востокѣ кайма изъ глаголей нами найдены на Трирскомъ ящикѣ (рис. 74) и на подѣлкахъ изъ Туркестана (кладъ 1905 г. изъ Сайрамсу близъ Чимкента), но глаголи здѣсь съ округленнымъ угломъ, безъ прямого излома. Такой изломъ составляетъ почти исключительную особенность глаголей Мономаховой Шапки; очень близкіе глаголи мы нашли лишь на Уфимской чашкѣ XI—XII в. (Атласъ Я. П. Смирнова табл. LXXIX). Замѣтимъ, что глаголи Шапки направлены во всѣхъ пластинахъ вправо, кромѣ одной, гдѣ они смотрять влѣво (рис. 4).

7) Кайма изъ оваловъ и восьмерокъ (рис. 4). Кайму изъ восьмерокъ мы знаемъ на колтахъ Балашова (рис. 12). Она же видна еще на ножкахъ шкапчика Калауна (рис. 5) и на нѣкоторыхъ подѣлкахъ изъ Бѣлорѣчинскихъ кургановъ.

Жемчугъ, для лучшаго прикрѣпленія, посаженъ на высокихъ цилиндрикахъ. Эта особенность, наблюдаемая, между прочимъ, на коронѣ импер. Констанціи, нами пока почти не встрѣчена на востокѣ, гдѣ жемчугъ или прикрѣпляется бокомъ на зерневомъ гнѣздѣ (какъ на издѣліяхъ Золотой Орды, рис. 67), или же плотно усаживается среди воздушной ткани, какъ въ подѣлкахъ китайскихъ (рис. 50, 53, 54). Но такое же гнѣздо имѣется на Бѣлорѣчинскомъ перстнѣ (рис. 13).

Орнаментальное поле на пластинахъ Мономаховой Шапки сплошь занято завитками въ нѣсколько оборотовъ, крупными и болѣе мелкими, съ усиками внутри (рис. 4) Завитки разбросаны безъ связи другъ съ другомъ и преднамѣренно безъ строгой симметріи. Они представляютъ собою вѣточку, усаженную справа или слѣва короткими усиками и закручивающуюся въ $2\frac{1}{2}$ или 3 оборота, всегда въ сторону усиковъ, такъ что завитокъ имѣетъ видъ раковины, набитой маленькими щупальцами.

Промежутки между крупными завитками заполнены мелкими завитками, усиками, расположенными въ какой-нибудь фигурѣ, особенно вѣточкой, или же усиками одиночными.

Тема о происхожденіи въ орнаментѣ завитковъ и усиковъ весьма деликатная, такъ какъ они приняты и на востокѣ, и на западѣ. На западѣ мы отмѣтимъ этотъ орнаментъ на слѣдующихъ памятникахъ: на вѣнскихъ клейнодахъ, на коронахъ импер. Констанціи и импер. Константина Мономаха, на брошахъ Гейля, на колтахъ Балашова (рис. 12), на кievскихъ и рязанскихъ вещахъ XII—XIII в. (колтъ Черниговскаго клада 1850 г., Рязанскія бармы, Каменнобродскій кладъ 1903 г., бляха изъ Старой Рязани рис. 16). Одновременно и позднѣе этотъ орнаментъ мы наблюдаемъ на Аѳонскихъ вещахъ и на московскихъ драгоценныхъ вещахъ XIV—XVI в. Относительно завитковъ съ усиками въ западномъ орнаментѣ мы можемъ сдѣлать общее замѣчаніе, что они, по общему на западѣ орнаментальному приему, располагаются въ видѣ виноградной лозы, занимая, такимъ образомъ, не все поле (см. напр. триптихъ XI в., изображенный у Schlumberger t. I стр. 305), а усики въ нихъ нерѣдко имѣютъ видъ простыхъ прутиковъ, несущихъ на концахъ капли или очень крутой и маленькій кружокъ. Только корона импер. Констанціи и вѣнскіе клейноды покрыты сплошь отдѣльными усиками, не образующими узора. Усики на колтахъ Балашова и на русскихъ издѣліяхъ XII—XIII в. разбросаны въ полномъ безпорядкѣ.

На востокѣ орнаментальный завитокъ съ усиками по внутренней или внѣшней сторонѣ имѣетъ несравненно болѣе частое, можно сказать, огромное примѣненіе. Допустимо, что родища этого орнамента Сирія, откуда онъ чрезъ Византію проникъ на Западъ, а главное примѣненіе получилъ въ направленіи востока. Уже въ мѣдныхъ инкрустированныхъ подѣлкахъ XII в. (котелокъ изъ собранія гр. А. А. Бобринскаго), завитки съ усиками, во много оборотовъ, покрываютъ фонъ за изображениями и надписями, неизмѣнно оканчиваясь стилизованнымъ винограднымъ листкомъ о 3 лепестка. Еще болѣе отчетливое изображеніе виноградной лозы за фигурами животныхъ, съ листками прямо и сбоку, извѣстно на древнемъ кувшинѣ сетійской церкви изъ Сванетіи (Атласъ восточной посуды Я. И. Смирнова, табл. LXXIII), который можетъ быть относимъ приблизительно къ тому же времени ¹⁾.

---

¹⁾ Полагаемъ, что манера помѣщать изображенія на фонѣ завитковъ произошла отъ приема накладыванія на сканный или иной фонъ съ завитками отдѣльныхъ рельефныхъ фигуръ. А такая техника развита, какъ извѣстно, всего болѣе въ Китаѣ, по настоящее время.

Тотъ же орнаментъ былъ примѣненъ сирійскими мастерами въ рѣзбѣ на деревѣ, и тамъ онъ навсегда сохранилъ видъ виноградной вѣтви. Начиная съ XII в., можно сказать, на востокѣ нѣтъ ни одной значительныхъ размѣровъ подѣлки изъ мѣди, на которой не былъ бы примѣненъ орнаментъ изъ завитковъ. Мы укажемъ лишь на нѣкоторыя подѣлки, имѣющія наиболѣе близкое отношеніе къ Мономаховой Шапкѣ: столикъ халифа Калауна (рис. 5), Трирскій ящикъ (рис. 74), Бухарскую бляху (рис. 50), вещи Золотой Орды (рис. 15, 35—38, 53, 62, 66—68 и Отч. Имп. Арх. Комм. 1896 г., стр. 34, рис. 188 и стр. 44, рис. 226), бляшки Шренка (рис. 49), позднія сирійскія подѣлки (рис. 40), великолѣпныя китайскія золотыя вещи XVIII в. Галлерей драгоцѣнностей Императорскаго Эрмитажа. Въ Бухарской бляхѣ и бляшкахъ Шренка, какъ и на Мономаховой Шапкѣ, завитки иногда заканчиваются розетками изъ зерни.

Манера заполнения орнаментальнаго поля въ свободныхъ мѣстахъ отдѣльными усиками и вѣточками изъ усиковъ (рис. 4) наблюдается, напримѣръ, въ Трирскомъ ящикѣ (рис. 74), на Бухарской бляхѣ (рис. 50) и на бляшкахъ Золотой Орды (рис. 53, 62, 67, 68). Въ настоящее время усики въ разныхъ комбинаціяхъ представляютъ собою любимый орнаментъ на всемъ русскомъ востокѣ: у казанскихъ и бакинскихъ татаръ, въ Средней Азіи, особенно же въ Бухарѣ.

Зернь Мономаховой Шапки имѣетъ особенность, наблюдаемую также на Трирскомъ ящикѣ, на бляхѣ Шренка и на бляхѣ съ Вороной: поверхъ зерновой нити насажены отдѣльныя зернышки, въ видѣ зубчиковъ (рис. 4 и др.). Та же зернь на колтахъ Балашова (рис. 12).

Въ *техникѣ* Мономаховой Шапки особеннаго вниманія заслуживаетъ техника скани. Сдѣлавъ спеціальную поѣздку въ Москву и внимательно разсмотрѣвъ скань Шапки, мы убѣдились, что это круто свернутая и затѣмъ сплюснутая скань. Совершенно ясно видны дѣленія скани, какъ по верху ленточки, такъ и на ея бокахъ; боковыя дѣленія замѣтны лишь при усиленномъ вниманіи, такъ какъ скань проволочена или откована очень тонко, а кромѣ того, Шапка покрыта (какъ бы смазана) тонкимъ слоемъ золота, заполнившимъ большинство складочекъ скани. Классическая скань не знала этой техники, имѣющей цѣлью облегчить узоръ и дать удобный матеріалъ для мелкихъ изгибовъ; чтобы сдѣлать скань гибкою, тогда умѣли дѣлать только одно—свивать ее изъ возможно тонкой проволоки. Средневѣковое западное искусство, довольствующееся въ орнаментѣ крупными виноградными разводами, совсѣмъ не знаетъ плющенной скани. Она есть достояніе востока, выработавшаго

мелкую орнаментику, для которой такая скань необходима. Гдѣ именно видѣть источникъ этой техники, на ближнемъ или дальнемъ востока, въ Сиріи или Китаѣ, мы пока не знаемъ, но видимъ, что въ Сиріи она примѣняется, повидимому, въ широкихъ размѣрахъ и въ очень выработанномъ видѣ, уже съ XI в. Великолѣпный образчикъ этой сирійской техники имѣется въ колтахъ Балашева (рис. 12). Преемственно та же техника воспринята на колтахъ, вѣнчикахъ и бармахъ русскихъ XII—XIII в. и на издѣліяхъ Аюона. Техника эта до настоящей поры распространена по всему востоку, но тончайшее ея примѣненіе наблюдается въ издѣліяхъ Китая, какъ болѣе старыхъ (у насъ рис. 49, 50), такъ и болѣе новыхъ (коллекціи Императорскаго Эрмитажа). Плющенная скань Мономаховой Шапки—ничего не стоящая ученическая работа передъ сканью Бухарской бляхи и Эрмитажной коллекціи: и самая скань грубѣе, и изгибы усяковъ крайне небрежны. Китайскія издѣлія изъ плющенной скани есть артистическія произведенія. Очень жаль, что мы не имѣемъ древнихъ китайскихъ вещей съ этою техникою и потому лишены возможности судить, настолько она здѣсь самостоятельна. Монгольская и среднеазиатская культура если не шла на помочахъ китайскаго искусства, то во всякомъ случаѣ развивалась подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ. Это удивительно наглядно выступаетъ на нашихъ золото-ордынскихъ вещахъ ранняго времени. Въ частности раннія золотыя вещи, найденныя на Волгѣ и на Кавказѣ, особенно бляшки со сканью и чашки, или прямо китайскія, или же изготовленныя по китайскимъ образцамъ (рис. 15, 52—54, 70, 71). Фарфоровая посуда, зеркала были китайскія. По свидѣтельству источниковъ, татары въ началѣ были бѣдны (Тизенгаузень, Матеріалы стр. 74), пока не вошли въ торговыя сношенія съ генуэзцами и не слились религіозно и политически со Среднею Азіей. Несомнѣнно, что современемъ въ Ордѣ появились и собственные мастера, если не изъ мѣстныхъ, то вызванныя изъ Средней Азіи, но извѣстныя намъ уже въ значительномъ количествѣ работы ихъ не позволяютъ ставить ихъ технику и искусство особенно высоко. Лучшія вещи по прежнему привозились готовыми или съ запада, или съ востока.

Итоги нашего разсужденія:

1) Сказаніе о происхожденіи Мономаховыхъ утварей не имѣетъ исторической основы и представляетъ грубый вымыселъ книжника конца XV или начала XVI в.

2) Мономахова Шапка есть произведеніе не западнаго, а восточнаго искусства. Главныя тому доказательства: 1) ни въ орнаментѣ, ни въ техникѣ Шапки нѣтъ особенностей, которыя не могли бы быть указаны

въ восточномъ искусствѣ; 2) общій характеръ орнамента Шапки и входящій въ орнаментъ арабскій цвѣтокъ составляютъ достояніе лишь восточнаго искусства. Техника скани Шапки въ чрезвычайныхъ размѣрахъ развита на востокѣ, а на западѣ распространена лишь въ предѣлахъ вліянія восточнаго сирійскаго искусства на византійское.

3) Нельзя положительно утверждать, что Мономахова Шапка изготовлена мастеромъ въ качествѣ головного убора и не могла имѣть первоначально иного назначенія.

4) Шапка принадлежит XIII или XIV в., скорѣе XIV в., но во всякомъ случаѣ не концу его, такъ какъ на мечетяхъ Самарканда форма арабскаго цвѣтка уже нѣсколько иная; въ раннихъ подѣлкахъ форма цвѣтка, также иная; завитки изъ усиковъ въ извѣстныхъ памятникахъ XII в. (котелокъ 1157 г. и египетская рѣзьба на деревѣ), имѣли, видимо, болѣе реальный характеръ и даже снабжались листиками, а на памятникахъ XIII — XIV в. и на Мономаховой Шапкѣ завитки уже стилизованные, съ замѣной листовъ группою зернышекъ.

5). По орнаменту и техникѣ Мономахова Шапка имѣетъ ближайшее отношеніе къ вещамъ изъ Золотой Орды, составляя съ ними одно культурное явленіе.

6) Такъ какъ татары, особенно въ раннее время, едва ли имѣли своихъ собственныхъ мастеровъ для цѣнныхъ подѣлокъ изъ золота, то Мономахова Шапка, скорѣе всего, была привезена въ Царевъ или изъ Сиріи гемузэцами, или изъ Средней Азіи мѣстными купцами. Какой именно страны произведеніе она представляетъ, пока невозможно сказать. Чрезвычайная близость по техникѣ скани и характеру завитковъ Шапки съ Бухарской бляхой указываетъ, быть можетъ, на особую близость этой техники къ искусству Китая, и потому естественнѣе предположить, что Шапка происходитъ изъ Средней Азіи.

7) Въ Россію Шапка попала чрезъ Александра Невскаго или же одного изъ его потомковъ, московскихъ князей XIII и XIV в., а скорѣе всего вывезена изъ Орды Иваномъ Калитою, открывшимъ такой широкій путь на Русь восточному культурному теченію. Въ 1498 г. шапка впервые примѣнена была для церковнаго вѣнчанія на великое княженіе по царскому чину.

8) Вопросъ о времени и мѣстѣ изготовленія Мономаховой Шапки рѣшить тотъ изслѣдователь, который ясно опредѣлитъ культурныя теченія на востокѣ въ XII—XIV в.

*

Выписки изъ духовныхъ грамотъ.

1328 г. (?). Изъ духовной грамоты великаго князя Ивана Калиты. «А при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 пояса золоты, 2 чаши золоты съ женчуги, блюде золото съ женчугомъ съ каменьемъ; а къ тому еще далъ есмь ему 2 чума золота болшая; а изъ судовъ изъ серебряныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебряна... А изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, поясъ болшой съ женчугомъ съ каменьемъ, поясъ золоть съ капторгами, поясъ сердоничень золотомъ окованъ, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебряно ѣзднинское, 2 блюдци меншии... А изъ золота далъ сыну своему Андрѣю: 4 чепи золоты, поясъ золоть фразьскій съ женчугомъ съ каменьемъ, поясъ золоть съ крюкомъ на червчатѣ шолку, поясъ золоть царевскій, 2 чары золоты, 2 чумка золота меншая; а изъ блюдъ: блюдо серебряно, а два малая... А что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи 14 обручи и ожерелье, матери ее монисто новое, что есмь сковаль; а чело и гривну, то есмь далъ при собѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меншими дѣтми. А исъ портъ изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женчужный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обирь съ женчугомъ, коць великій съ бармами; Андрѣю сыну моему бугай соболий съ наплечки съ великимъ женчугомъ съ каменьемъ, скорлатное портище сажено зъ бармами. А что есмь нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ аламы съ женчугомъ, а то есмь далъ меншимъ дѣтемъ своимъ Марьи же Федоси ожерельемъ. А что моихъ поясовъ серебряныхъ, а то роздаять по попямя... А что ся остало изъ моихъ судовъ изъ серебряныхъ, а тымъ подѣлятся сынове мои и княгини моя. А что ся останеть моихъ портъ, а то роздаять по всимъ попямя и на Москвѣ. А блюдо великое серебряное о 4 кольца, а то есмь далъ Богородици Володимерской» (С. Г. и Д. I, стр. 32).

1356 г. Изъ духовной грамоты великаго князя Ивана Ивановича. «А се даю сыну своему князю Дмитрию: икону святый Олександръ, чепъ золоту врану съ крестомъ золотымъ, чепъ золоту колчату, икона золотомъ кована Парамшина дѣла, шапка золота, бармы, поясъ великій золоть съ каменьемъ съ женчуги, что мя благословиль отецъ мой князь великій, поясъ золоть съ крюкомъ, сабля золота, обязъ золота, и серга съ женчугомъ, чечакъ золоть, съ каменьемъ съ женчуги; 2 овкача золота, ковшь великій золоть гладкий, коропка

сердоницня золотомъ кована, бадья серебрена съ наливкою серебреною... ца золота съ каменьемъ, опашень скорлатенъ сажень. А се даль есмь сыну своему князю Ивану: чепь великую золоту съ крестомъ, чепь золоту врану, а другая огнивчата съ кресты, икону Благовѣщенье, и сергу съ женчугомъ, поясъ золотъ съ каменьемъ съ женчуги, что ми даль братъ мой князь великий Семень, поясъ золотъ сточный, аламъ сженчужный, наплечки золоты съ круги съ каменьемъ съ женчуги, аламъ малый съ женчуги, что ми дала княгини Марья, ковшь великий золотъ гладкий, овкачикъ золотъ, чашка золота, дастоканъ Царьгородский золотомъ кованъ, чечакъ золотъ съ каменьемъ съ женчуги, сабля золота, обязь золота. А кого ми дастъ Богъ зятю, по чеи имъ по золотъ, по поясу по золоту... А изъ моихъ судовъ и серебряныхъ дадутъ блюдо серебряно великое съ колци къ святѣй Богородици Володимеръ; а иными суды серебряными дѣти мои князь Дмитрий, князь Иванъ своею матерью подѣлятся на трое» (С. Г. Г. и Д. I, 39).

1371 г. Изъ духовной грамоты великаго князя Дмитрія Ивановича. «А чимъ мене благословилъ отецъ мой князь великий которымъ золотомъ, суды или доспѣхъ, или что язъ примыслилъ, то золото и шапку золотую, и чепь, и сабли золотыѣ, и порты саженыѣ, и суды золотыѣ, и серебряные суды, кони, и жеребцы и стада своя, даль есмь своему сыну князю Василью, и своей княгинѣ, и своимъ дѣтемъ» (С. Г. Г. и Д. I, 51).

1389 г. Изъ духовной того же великаго князя. «А се благословляю дѣтий своихъ... Сыну моему старшему князю Василью икона Парамшина дѣла, чепь золота, что ми дала княгини Василиса, поясъ золотъ великий съ каменьемъ безъ ремени, поясъ золотъ съ ремнемъ Макарова дѣла, бармы, шапка золота. А сыну моему князю Юрью поясъ золотъ новый съ каменьемъ съ жомчугомъ безъ ремени, поясъ золотъ Шышкина дѣла, вотола сажена. А сыну моему князю Оньдрѣю снасть золота, поясъ старый новгородскій. А сыну моему князю Петру поясъ золотъ съ каменьемъ пѣгий, поясъ золотъ съ калитою да съ тузлуки, да наплечки, да аламъ. А сыну моему князю Ивану поясъ золотъ татауръ, да два ковша золоты по двѣ гривенки. А что ся останеть золото или серебро, или иное что есть, то все моей княгинѣ» (С. Г. Г. и Д. I, 61).

1423 г. Изъ духовной великаго князя Василія Дмитриевича. «А благословляю сына своего князя Василья страстьми болшими, да крестъ честный животворящий патряршь Филофѣвский; а сына же своего благословляю, даю ему икону Парамшина дѣла, да

чепь хрестъчатую, што мя благословилъ отецъ мой, да шапку золотую, да поясъ золотъ съ каменемъ, што ми далъ отецъ мой, да другой поясъ мой на чепехъ съ каменемъ, да третий поясъ ему же на синемъ ремени. А исъ судовъ даю сыну своему князю Василью коропку сердоличную, да ковшъ золотъ князь Семеновскій, да судно окованое золотомъ, што ми дала мати моя, да каменное судно болшее, што ми отъ великого князя отъ Витовта привезлъ князь Семень, да кубокъ хрусталной, што ми король прислалъ» (С. Г. Г. и Д. I, 81).

1462 г. Изъ духовной великаго князя Василія Васильевича. «А сына своего Ивана благословляю крестъ Петровъ чудотворцовъ, да крестъ золотъ Парамшинской, да шапка, да бармы, да сердоличная коробка, да поясъ золотъ болшой съ каменемъ. А сына своего Юрья благословляю икона Филофѣвская, да крестъ золотъ, что мя благословила моя мати великая княгини, да поясъ золотъ на червчатѣ ремени. А сына своего Андрѣя Болшого крестъ золотъ князь Дмитревской Меншого съ чепечкою. А сына своего Бориса благословляю крестъ золотъ, что мя благословила моя мати великая княгини, коли есмь шолъ къ своей отчинѣ къ великому Новгороду. А сына своего Андрѣя Меншого благословляю икона золота на изумрутѣ» (С. Г. Г. и Д. т. I, 206).

Текстъ къ рисункамъ.

Рис. 1 и 2. Рисунки съ копій тубитейки, видѣнной Н. И. Веселовскимъ въ селѣ Ашту, Наманганскаго уѣзда. Копія исполнена мѣстными мастерами и находится въ собраніи названнаго археолога. Украшена четырьмя треугольниками, орнаментированными на манеръ Мономаховой Шапки: внизу подобіе арабскаго цвѣтка, вверху розетка, поле покрыто разводами. Складывается въ три приѣма, образуя 8 граней. Весьма одобряя Наманганскую тубитейку за близость ея орнамента къ Мономаховой Шапкѣ, мы находимъ, что форма обоихъ головныхъ уборовъ разная. Весьма возможно, что въ ордынскихъ или черкесскихъ древностяхъ будутъ найдены матерчатая шапочки, вышитыя золотымъ Египетскимъ швомъ съ орнаментомъ, близкимъ къ Шапкѣ, но шапочки эти будутъ столь же глубоки, какъ изображенная тубитейка.

Рис. 3. Портретъ Кульджинскаго султана Абдуль-Огля, сдавшагося ген. Колпаковскому 21 іюня 1871 г. На головѣ шапка китайскаго образца, а рядомъ большая чалма, украшенная драгоценнымъ султаномъ. Если уборъ этотъ принадлежитъ къ числу монгольскихъ регалій, а не

придуманъ въ позднѣйшее время китайцами, то онъ имѣеть значеніе для изслѣдователей Мономаховой Шапки, и притомъ большее, чѣмъ металлическіе батоны женскихъ головныхъ уборовъ, найденные въ курганахъ татарскихъ и черкесскихъ XIV — XV в. и служившіе для поддержки фаты.

Рис. 4. Мономахова Шапка, освобожденная отъ окола и яблока.

Рис. 5. Извѣстный столикъ египетскаго султана Галауна (1279—1290 г.).

Рис. 6. Капитель колонны изъ Испагани. На другой сторонѣ изображеніе сассанидскаго царя.

Рис. 7. Орнаментъ крышки сассанидскаго серебрянаго сосуда, найденнаго въ Харьковской губ. (Атласъ восточной посуды Я. И. Смирнова, табл. XLIX).

Рис. 8. Мозаика мечети Омара въ Иерусалимѣ (Vogué M., Le Temple de Jérusalem).

Рис. 9—11. Детали Мономаховой Шапки.

Рис. 12. Золотой колтъ коллекціи И. П. Балашова (описанъ и издавъ въ Русскихъ Кладахъ, т. I, 196—197, табл. XIV).

Рис. 13. Золотой перстень изъ Бѣлорѣчинскихъ кургановъ, болѣе натуральной величины (коллекціи Императорскаго Эрмитажа). Дужка штампованная. Наставка изъ двухъ отдѣльныхъ бляшекъ. Нижняя состоитъ изъ пластинки, обведенной по краю ленточкой, поставленной на ребро; всѣ уголки (вѣроятно, лишь для красоты) пронизаны сквозными отверстіями, пробитыми изнутри, до сгиба. Верхняя бляшка представляетъ собою пластинку, украшенную по краю плющеною сканью, по угламъ неправильными изгибами плющеной проволоки, по срединѣ высокой дробничкой съ бирюзой, а по всѣмъ изгибамъ скани зернышками на проволочныхъ кружечкахъ. Скань скручена косо; мѣстами она сплющена такъ сильно, что дѣленія почти не видны.

Рис. 14. Золотая съ жемчугомъ брошь Гейля, изъ клада, найденнаго близъ Майнца (описанъ въ соч. Н. П. Кондакова, Византійскія эмали, стр. 243 и Русскіе Клады, т. I, стр. 59). На ней кромѣ зерни и зернистой филиграни «тончайшая, изумительная по тонкости и правильности скань, въ видѣ восьмерокъ, запятыхъ, усиковъ, кружочковъ», по видимому, на манеръ Балашовскихъ колтовъ. Скорѣе всего, это плющенная скань, такъ какъ лишь такая можетъ соответствовать термину «тончайшая». По Н. П. Кондакову, это X в. Почти всѣ вещи клада должны считаться происходящими изъ Византіи.

Рис. 15. Золотая бляшка коллекціи Поля, происходящая, скорѣе

всего, изъ Екатеринославскихъ кургановъ (издана въ Русскихъ Кладахъ, т. I, стр. 58). Покрѣта сканными усиками, расположенными вѣточкой и кругомъ. Въ формѣ бляшки есть что-то китайское, какъ въ вещахъ Шренка (рис. 56 и 59).

Рис. 16. Золотая бляшка, украшенная мелкими завитками изъ скани и камнями. Изъ Старой Рязани, въ Рязанскомъ музеѣ.

Рис. 17. Орнаментъ Каирской мѣдной вазы (Prisse d'Avennes, L'art arabe, 1872, табл. 165).

Рис. 18. Деревянная рѣзьба въ ставнѣ мечети Гурь-Эмиръ (Мечети Самарканда, вып. I. Спб. 1905 г. табл. IV).

Рис. 19. Коранъ египетскаго султана Шабана 1372 г. (Bouurgoin, Précis de l'art arabe. Paris, 1892, т. IV, 16).

Рис. 20. Мѣдный письменный приборъ султана Шабана (XIV в., Prisse d'Avennes, табл. 171).

Рис. 21. Съ персидскаго ковра XVI в. (Migeon, Exposition des arts musulmans. Paris, 1903, pl. 81).

Рис. 22. Изъ одного корана съ рис. 19.

Рис. 23. Бумажные обои въ Каирѣ конца XVIII в. (Prisse d'Avennes, табл. 176).

Рис. 24. Въ Шахзинде мечеть 1385 г. (у г. Дудина снимокъ № 116).

Рис. 25. Изъ Каирскаго корана XVI в. (Prisse d'Avennes, табл. 185).

Рис. 26. Въ Шахзинде мечеть 1370 г. (снимокъ г. Дудина, № 25).

Рис. 27. Въ Шахзинде третій мавзолей, болѣе поздній (снимокъ г. Дудина, № 77).

Рис. 28—30. Изъ втораго мавзолея Шахрисябса 1370 г. (снимокъ г. Дудина № 35).

Рис. 31. Изъ Шахзинде мавзолей 1350 г. (снимокъ г. Дудина № 116).

Рис. 32. Орнаментъ съ великолѣпной крышки отъ котла изъ Коніи. По фотографическому снимку.

Рис. 33. Изъ одной мечети съ рис. 27.

Рис. 34. Мѣдная инкрустированная подставка для подсвѣчника или столика, приобрѣтенная въ Египтѣ (изъ коллекцій Импер. Эрмитажа). Всѣ части подставки одновременны. Сравнительно позднее подражаніе старому образцу, со всѣми его дефектами, но не поддѣлка. Орнаментъ: арабскіе цвѣтки двухъ типовъ, анемоны и малыя розетки о 5 лепест-

кахъ. Инкрустація исполнена изъ проволокъ, для прикрѣпленія которыхъ путемъ набивки вырѣзались глубокія нарѣзки, вкось. Мѣстами пятнышки изъ золота, въ контурахъ слѣды какой-то черни. Изнутри съ верхняго края шлифовка. Надписи не поддаются чтенію; повидимому, онѣ безграмотны.

Рис. 35—37. Золотыя бляшки изъ коллекціи Б. И. Ханенка. Скань, кажется, плющенная. Происходятъ, повидимому, изъ Сѣрогоскихъ кургановъ (Мелитопольскаго у., Таврической губ.). Для рис. 36 близкая аналогія имѣется въ бляшкѣ рис. 53.

Рис. 38. Край серебряной чашки изъ клада, найденнаго на р. Иртышѣ въ Тобольской губ. (Атласъ Я. И. Смирнова табл. CIV). На нашъ взглядъ, это прямая китайская работа, или подражаніе ей. Арабскій цвѣтокъ чеканомъ переданъ натуралистически, какъ на зеркалѣ рис. 39.

Рис. 39. Китайское литое зеркало, найденное въ Болгарахъ, изъ коллекціи А. Ѳ. Лихачева. XIII—XIV в.

Рис. 40. Поясная поздняя бляха изъ церкви св. Стефана на оз. Инесѣ (Sarre, Reise in Kleinasien. Berl. 1896 стр. 157). Интересны завитки съ усиками по внутренней сторонѣ и съ розеткой на концѣ.

Рис. 41. Персидскій кафель XIII—XIV в. (Migeon, pl. 35).

Рис. 42. Золотая бляха изъ Болгаръ, въ коллекціи А. Ѳ. Лихачева. Найдена въ погребеніи, вмѣстѣ съ 2 золотыми браслетами XIV в. Въ уголкахъ отдѣльные листки для пришиванія. Техника и орнаментъ Тобольской чашки рис. 38.

Рис. 43, 44 и 46. Золотая бляшка отъ татарскаго женскаго голопого убора, хранящаяся въ Іенскомъ велико-герцогскомъ музеѣ и известная въ русской археологической литературѣ подъ названіемъ Джанибековой короны. (Савельевъ въ Ж. М. Н. П. 1851 г. ч. 72 Веселовскій Н. И., Исторія Импер. Русскаго Археологич. Общ. стр. 293). Найдена въ 1840-хъ гг. въ одномъ изъ двухъ «Царскихъ могилъ», въ 7 в. отъ Волги на границѣ между с. Пролейки и ст. Александровской. Курганы были обнесены стѣнами; въ нихъ были найдены: золотыя короны, чашки, статуэтки и пр. (Сарат. Вѣд. 1846, 4). Въ Іенскій музей бляшка была уступлена пасторомъ Цвикомъ (Zeitschr. für Ethnol. XVI, 487). Прилагаемые рисунки сдѣланы съ фотографическихъ снимковъ, любезно доставленныхъ намъ въ 1901 г. хранителемъ музея г. Воллерсомъ. Вмѣстѣ съ бляшкою хранится еще оправа для камня, совершенно такая же, какъ найденная Д. Я. Самоквасовымъ въ курганахъ при Вороной. Джанибековой короной бляшка названа по сходству ея съ орнаментомъ на нѣкоторыхъ монетахъ этого хана. По-

добная бляшка найдена недавно при раскопкѣ татарскихъ кургановъ близъ Екатеринослава, но мы не могли добыть ея рисунка (хранится въ мѣстномъ музеѣ, много ближе, чѣмъ Іена). По словамъ Ибнъ-Батуты, вѣнчики или бляшки, носимыя татарскими придворными дамами на шапочкахъ, носили названіе бугтаковъ; такіе вѣнчики снабжались павлиньими перьями, для которыхъ есть приѣмникъ и въ Іенской бляшкѣ.

Рис. 45. Клеймо съ изображеніемъ всадника, съ Конійскаго котла (см. рис. 32). Завитки имѣютъ явный характеръ виноградныхъ разводовъ съ отдѣльными листочками и съ усиками по внутренней сторонѣ.

Рис. 47. Чудесная китайская вазочка, украшенная натуральными цвѣтками лотоса (Sartel, La porcelaine de Chine pl. II).

Рис. 48. Дискъ съ изображеніемъ нѣжной сцены по срединѣ и съ фигурами божествъ по ободку. Уточки—любимое у китайцевъ олицетвореніе семейной любви; онѣ представлены въ уютномъ уголкѣ озера, поросшемъ лотосомъ. Отдѣльно взятый цвѣтокъ лотоса, по всей вѣроятности, имѣетъ тоже значеніе, какъ и вся сцена (Sartel, стр. 75).

Рис. 49. Деталь пронизки рис. 59, въ двойномъ увеличеніи. Скань плющенная, двойная.

Рис. 50. Часть золотой бляхи, найденной въ Бухарѣ (Отч. Имп. Археол. Комм. 1902 г., стр. 144). Основные мотивы сканнаго орнамента—вѣточка и завитокъ; вообще замѣтно стремленіе не разбрасывать усики, а соединять ихъ въ рисунокъ. Вѣточки отдѣляютъ усики на обѣ стороны, завитки—въ сторону загиба. Встрѣчается сочетаніе вѣточки съ завиткомъ и раздѣленіе одной вѣточки на двѣ. Усики короткіе, красиво закругленные, заканчиваются правильными кружками; заполненіе завитка усиками идетъ отъ центра. На Мономаховой Шапкѣ усики длиннѣе, такъ какъ долго держатся вѣтки, отдѣляются угловато, конецъ у нихъ имѣетъ видъ крючка, а не кружка. Скань плющенная, очень крутая, тоньше, чѣмъ на Шапкѣ. Зернь прикрѣпляется къ двойной скани, какъ и на Шапкѣ.

Рис. 51. Золотая бляшка, найденная вмѣстѣ съ предметами рис. 56—59.

Рис. 52. Часть золотого браслета, найденнаго въ Болгарахъ (коллекція А. О. Лихачева). На браслетѣ имѣются сканые разводы. Обращаютъ на себя вниманіе орнаменты въ видѣ головки китайскаго дракона (посрединѣ), пары львовъ и розетка.

Рис. 53. Золотая бляшка изъ собраній Императ. Эрмитажа (№ 1103). Скань плющенная, съ очень ясными дѣленіями. Зернь въ одинъ рядъ; по угламъ зернышки покрупнѣе. Обратная сторона очень

попорчена поздними отверстиями. Вѣроятно, это «пуговица треугольная сканная», представленная ко Двору Молоствовымъ въ 1726 г., изъ находокъ въ Селитренномъ городищѣ.

Рис. 54. Золотая бляшка изъ круглыхъ ячеекъ (коллекціи Императ. Эрмитажа, вѣроятно, также съ Селитренного городка). Ячейки образованы съ наружной стороны лентою изъ зигзаговъ (рис. 58), соответственнымъ образомъ изогнутою и дополненною въ должныхъ мѣстахъ грубыми пластинками, согнутыми въ полукругъ. Поверхъ каждой ячейки 3 колечка въ два ряда; одно колечко для скрѣпленія ячейки, а два сверху для зерни. Зерна идутъ въ 2 ряда; они посажены небрежно, съ дополнительными зернышками по краю. Колечки для зеренъ не спаяны; концы ихъ лишь сомкнуты и даже завернуты. У нѣкоторыхъ ячеекъ кромѣ основного, стараго отверстия для прикрѣпленія жемчужины, имѣются еще позднія, одно или два. Зигзаги боковой ленточки исполнены, быть можетъ, изъ плющенной проволоки.

Рис. 55. Арабскій цвѣтокъ съ бѣлоглинянаго кувшина съ рельефнымъ орнаментомъ, привезеннаго въ 1905 г. изъ Самарканда г. Дудинымъ (Этнографическій Музей Императ. Академіи Наукъ).

Рис. 56. Золотая пронизка, найденная на берегу р. Оби, у д. Малышевой Барнаульскаго окр. (Спис. нас. м. № 1000), вмѣстѣ съ вещами рис. 51, 57 и 59 (Антропологич. музей Императ. Академіи Наукъ, приобрѣтены А. Шренкомъ). Устройство боковыхъ стѣнокъ почти тоже, что у рис. 59: пластинка, проволока, лента изъ петель, 2 проволоки, линія зерни. Внутреннія стѣнки образованы изъ ленточекъ. У средней дробницы былъ еще дополнительный вѣнчикъ, изъ нити зерновой, проволочной и сканной, отъ котораго сохранился лишь обрывокъ (не нанесенный на рисунокъ); изъ подъ верхнихъ клювовъ выходятъ двѣ цапки для прикрѣпленія камня. Въ углахъ между клювами зерневья розетки и мелкіе сканные завитки (не изображенные). Вѣнчикъ головокъ состоитъ изъ проволоки и зерновой линіи. Концы пронизки не зерновые, а филигранные, сильно вытертые, проложенные проволокой съ самыхъ боковъ по отверстию, какъ бы для жемчуга. Обратная сторона выгнутая. Ушки изъ скани, слегка сплющенной. Золото свѣтлое.

Рис. 57. Золотой футляръ или рукоять, оттуда же. Вверху и внизу по 4 язычка. Всѣ дробницы изъ ленточекъ, со сканными вѣнчиками; у нѣкоторыхъ въ основаніи небрежная зернь. Скань грубая. Наверху 4 статуэтки Будды и 4 птичьи головки. У Будды правая нога положена на лѣвую, руки у двухъ сложены ладонями, у третьяго (какъ

и у отнавшего четвертаго) правая рука на колѣнѣ, лѣвая у шеи. На головѣ какъ-бы шапка съ оторочкой, изъ отдѣльныхъ прядей. Отъ нея какъ-бы вуаль, неспадающая до плечъ. На рукахъ и ногахъ браслеты. Слѣды груди. Будда сидитъ на схематическомъ цвѣткѣ. Надъ головою арочки, изъ скани. У сгиба рукъ и ногъ отверстія. По угламъ чубатая птицы: у нихъ отверстія въ клювѣ и ушахъ. Золото свѣтлое. Вѣроятно, индусская работа.

Рис. 58. Боковая сторона бляхи рис. 54.

Рис. 59. Золотая пронизка изъ д. Малышевой. Боковое устройство: 3 проволоки, лента изъ петель, какъ рис. 58 (на рис. 59 изображена не точно), 4 проволоки. У верхнихъ головокъ еще вѣнчики изъ зерновой нити, а у нижнихъ, сверхъ того, еще проволока и на ней двѣ зерновые нити. Вѣнчикъ средней дробницы (слегка суживающійся) состоитъ изъ сканной нити, проволоки и двухъ зерновыхъ нитей. По краю остатки трехъ фигурныхъ цапокъ; по стѣнкамъ слѣды какой-то массы, можетъ быть, мастики. Въ углахъ завитки и усики рис. 49; скань плющенная, съ ясными слѣдами витя. Въ уголкахъ у средней дробницы такіе же усики (на рисункѣ не представлены). Шляпки на концахъ сложены изъ трехъ зерновыхъ нитей, проложенныхъ тонкою проволокой, а сверху одной еще вѣнчикъ изъ толстой проволоки. Отверстій на шляпкахъ нѣтъ. Обратная сторона гладкая, съ трубочкой для напизыванія. Золото свѣтлое.

Рис. 60. Золотая бляшка со сканью, изъ Болгарь. Коллекція А. О. Лихачева.

Рис. 61. Золотыя бляшки со сканью изъ коллекціи А. Л. Бертье-Делагарда (Русскіе Клады т. I, 56). По словамъ продавца, изъ Херсонеса, а вѣрнѣе, изъ степной полосы Крыма, или изъ Екатеринославской губ. Совершенно подобныя бляшки имѣются въ коллекціи Поля, вѣроятно, изъ Екатеринославскихъ кургановъ (Каталогъ, табл. XIV, 99).

Рис. 62. Золотая бляшка изъ Болгарь, въ коллекціи А. О. Лихачева. Въ уголкахъ кружки, какъ на рис. 61 и 42. Въ Сарайскихъ раскопкахъ вещей со сканью найдено было, повидимому, очень мало. Золотая бляшка со сканью изъ Сарая хранится въ Оружейной Палатѣ (№ 8387).

Рис. 63. «Чрезвычайно изящный» золотой перстень со сканью изъ Болгарь, въ коллекціи А. О. Лихачева. Вставка—бирюза. Орнаментъ въ видѣ сердечекъ, какъ на Мономаховой Шапкѣ.

Рис. 64. Бляшка изъ коллекціи А. Л. Бертье-Делагарда (Русскіе Клады т. I, 56). Подобныя есть въ коллекціи Поля (Каталогъ табл. XIV, 100).

Рис. 4. Мономахова Шапка.

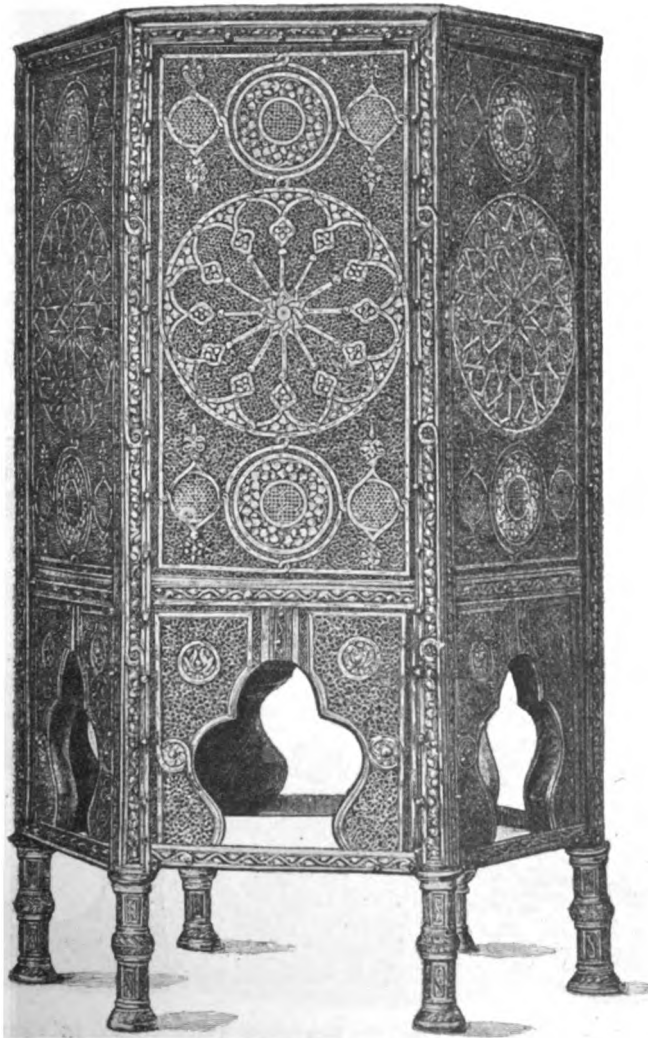

Рис. 5. Столикъ султана Калауца. XIII в.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8. Мечеть Омара.

Рис. 9. 1/1.

Рис. 12. Колл. П. П. Балашева.

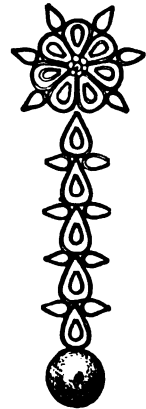

Рис. 10. 1/1.

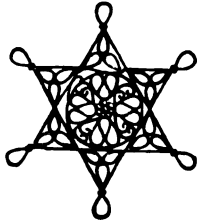

Рис. 11. 1/1.

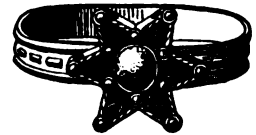

Рис. 13. Куб. обл. 3/2.

Рис. 14. Брошь Гейля.

Рис. 15. Екатерин. губ.?

Рис. 16. Старая Рязань.

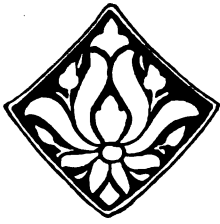

Рис. 17.

Рис. 18. Гуръ-Эмиръ.

Рис. 19. 1372 г.

Рис. 20. XIV в.

Рис. 21. Коверъ XVI в.

Рис. 22. 1372 г.

Рис. 23. XV в.

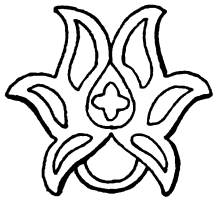

Рис. 24. 1385 г.

Рис. 25. XVI в.

Рис. 26. 1370 г.

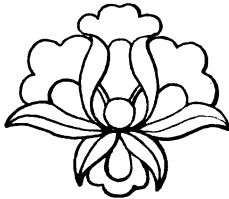

Рис. 27.

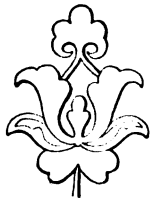

Рис. 28. 1370 г.

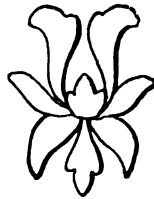

Рис. 29. 1370 г.

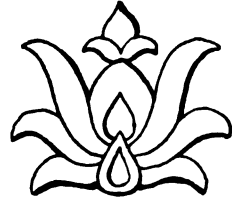

Рис. 30. 1370 г.

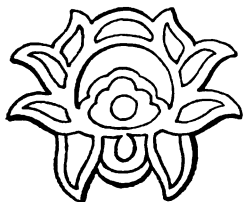

Рис. 31. 1350 г.

Рис. 32. Конія.

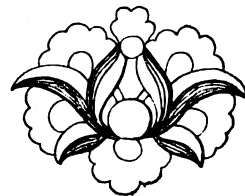

Рис. 33.

Рис. 34. Императ. Эрмитажъ, изъ Египта.

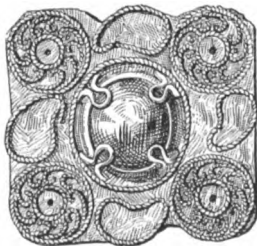

Рис. 35. Сѣрогозы. 1/4.

Рис. 36. Сѣрогозы.

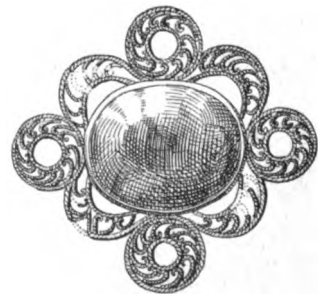

Рис. 37. Сѣрогозы.

Рис. 38. Тобольская губ.

Рис. 39. Болгары. $\frac{3}{4}$.

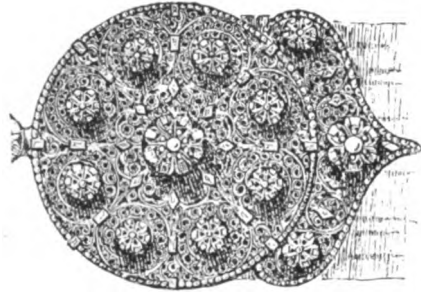

Рис. 40. Малая Азія.

Рис. 41. Персія.

Рис. 42. Болгары. $\frac{1}{2}$.

Рис. 43. $\frac{1}{1}$.

Рис. 44. $\frac{1}{1}$.

Рис. 45. Ковія.

Рис. 46. Іена. $\frac{2}{1}$.

Рис. 47. Китай.

Рис. 48. Китай.

*

Рис. 49. 3/4.

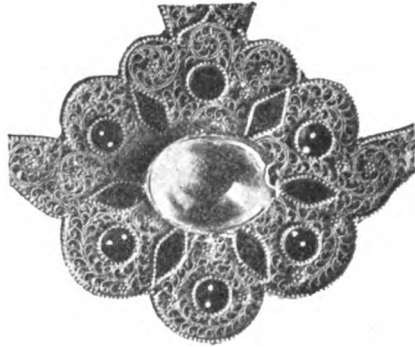

Рис. 50. Бухара.

Рис. 51.

Рис. 52. Болгары.

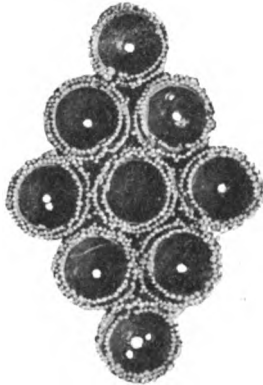

Рис. 54. 1/4.

Рис. 53. 1/4.

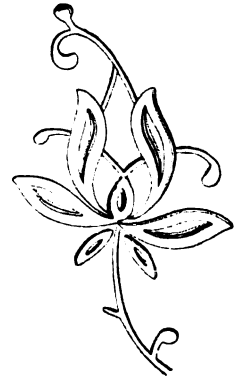

Рис. 55. 1/4.

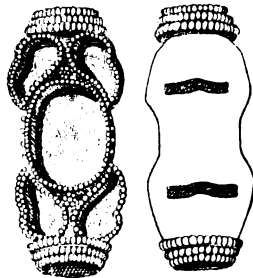

Рис. 56. 1/4.

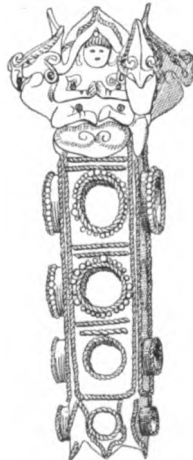

Рис. 57. 1/4.

Рис. 58. 1/4.

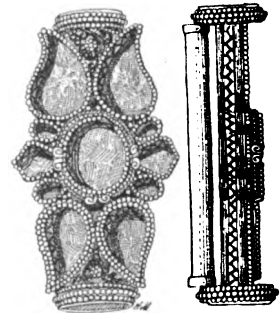

Рис. 59. 1/4.

Рис. 60.
Болгары.

Рис. 61. Крымъ? 1/1.

Рис. 62. 1/1.
Болгары.

Рис. 63. 1/1.
Болгары.

Рис. 64. Крымъ? 1/1.

Рис. 65. 1/1.
Вороняя.

Рис. 66. Вороняя. 1/1.

Рис. 67. Каневск. у.

Рис. 68. Вороняя. 1/1.

Рис. 70. Сибирь.

Рис. 69.

Рис. 71. Кубань.

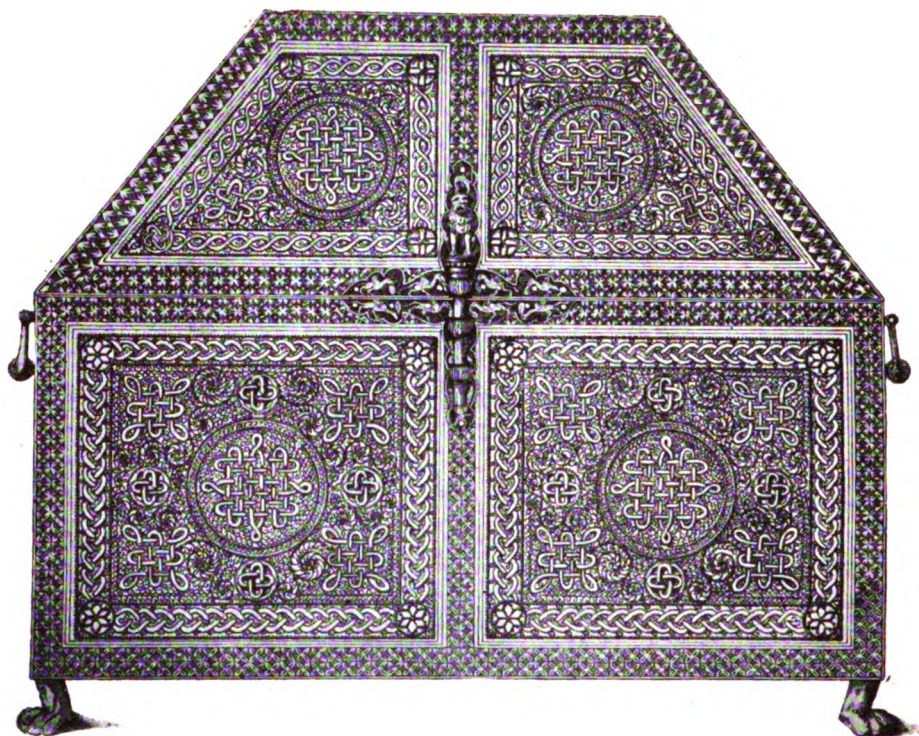

Рис. 72. Трирскій ящикъ.

Рис. 73. Трирскій ящикъ.

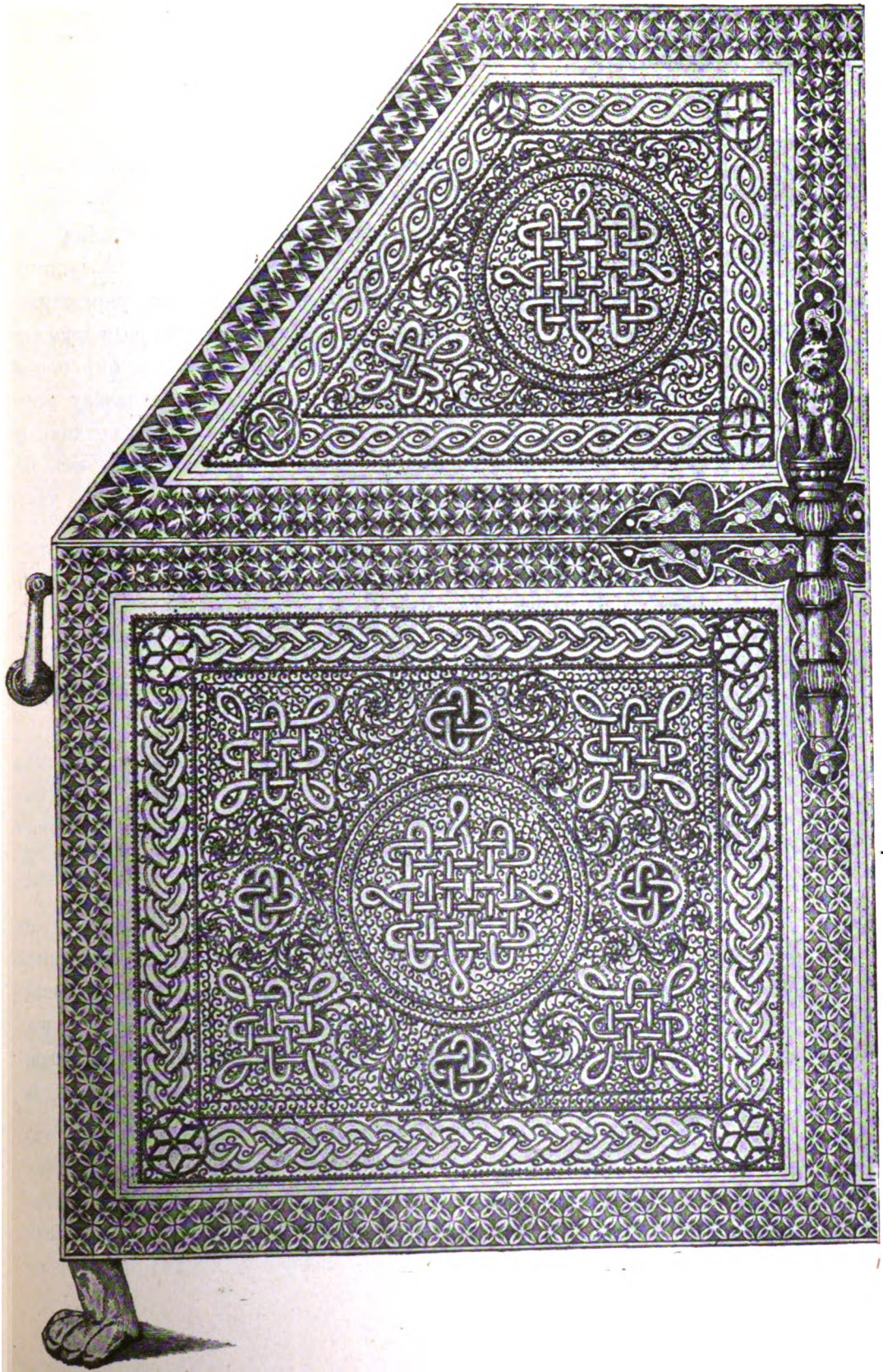

Рис. 74. Трирскій ящикъ.

Рис. 65. Бляшка изъ Вороной (раскопки Д. Я. Самоквасова, Историч. Музей). Со слѣдами зеленой, красной и, кажется, голубой или синей эмали.

Рис. 66. Бляшка изъ Вороной, съ горнымъ хрусталемъ. Скани не плющенная, эмаль не сохранилась.

Рис. 67. Золотая бляшка изъ Каневского у., въ собраніи Б. И. Ханенка. Совершенно такая же, какъ рис. 35.

Рис. 68. Очень интересная серебряная бляшка, изъ Вороной. Покрывается чрезвычайно тонкою сканью (не плющеною), воздушною. Камень съ гранью вверху; гнѣздо образовано изъ ленточки, украшенной 13 маленькими язычками или крючками, покрытыми поочереди красною и зеленою эмалью. Жемчужины прикрѣплены бокомъ; всѣ онѣ соединены шелковыми нитями. Четыре язычка, расположенные между жемчужинами, очевидно, были покрыты эмалью. Зерно очень мелкая; по краю идутъ дополнительные зернышки. Край бляшки состоитъ изъ петельчатой ленточки, какъ рис. 58. Судя по словамъ Клавиго, такіа бляшки служили украшеніемъ тканей, особенно на занавѣсахъ.

Рис. 69. Мозаика изъ Акъ-Сарая въ Шахрисябѣ (Бухара). Снимокъ г. Дудина № 110.

Рис. 70. Днище чашки, найденной въ Сибири (Атласъ Я. И. Смирнова табл. CV). У чашки ручка съ изображеніемъ головы китайскаго дракона, а орнаментъ аналогиченъ узору, находящемуся на обратной сторонѣ бляхъ табл. VII. 11.

Рис. 71. Орнаментъ днища серебряной чашки изъ Бѣлорѣчинскихъ кургановъ (Атласъ Я. И. Смирнова табл. CVII). Чашки съ такимъ орнаментомъ представляютъ очень обыкновенныя находки въ черкесскихъ и разныхъ кочевническихъ курганахъ юга Россіи (см. Атласъ Я. И. Смирнова).

Рис. 72—74. Трирскій ящичекъ (по Palustre et Barbier de Montault, Le trésor de Trèves). Чрезвычайно интересный памятникъ сирійскаго искусства XIII в.; ближайшія аналогіи для него—въ Конійскомъ медресе Кара-Тан 1251 г. Трирская шкатулочка требуетъ тщательнаго изслѣдованія и изданія; это столь же важный памятникъ восточнаго искусства, какъ Мономахова Шапка, если только еще не важнѣе.

А. Спицынъ.

Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1905 г. И. С. Абрамовымъ въ Смоленской губ.

Въ 1905 г. на члена-сотрудника Археологическаго Института И. С. Абрамова Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ возложено было порученіе изслѣдовать городище на р. Ольшѣ, въ районѣ Гнѣздовскаго могильника, и ближайшіе къ городищу курганы, а также начать изслѣдованіе кургановъ по смоленской сторонѣ верховьевъ Двины, для опредѣленія отношенія ихъ къ Владимірскимъ курганнымъ древностямъ, для чего и былъ выработанъ опредѣленный маршрутъ съ обозначеніемъ курганныхъ группъ. Кромѣ Гнѣздова намѣчены были для изысканій слѣдующіе районы: 1) отдѣльный районъ выше г. Бѣлаго по р. Лучесу, 2) восточный уголъ Порѣчскаго у. въ верховьяхъ р. Гобзы, 3) выше районъ отъ оз. Высочерта до оз. Щучья, 4) теченіе Двины отъ Велижа къ востоку до оз. Сапшо, 5) теченіе р. Каспли въ западномъ углу Порѣчскаго у., 6) въ западномъ направленіи районъ между верховьемъ р. Вопа и р. Ворью. Раскопки были произведены во всѣхъ намѣченныхъ районахъ кромѣ двухъ послѣднихъ.

І. Д. Гнѣздово, Смоленскаго у.

Ольшанское городище. Находится въ урочищѣ «Сутоки», при впаденіи рч. Ольшанки въ Днѣпръ, и занимаетъ не менѣе $1\frac{1}{2}$ десятины. Расположено на мысу, защищено валомъ и рвомъ, имѣетъ форму треугольника. Помощью раскопки въ двухъ мѣстахъ установлено, что валъ сложенъ изъ однообразнаго суглинка, безъ слоевъ. Разрѣзы на площадкѣ городища: на стрѣлкѣ свѣрху черноземъ толщиною 13 верш., дальше песокъ толщиною 11 верш. и снова черноземъ толщиною 5 верш., со стороны Днѣпра черноземъ (12 верш.), песокъ (6 верш.), черноземъ съ пескомъ (около 8 верш.), яркій черноземъ ($2\frac{1}{2}$ верш.), глинистый

грунтъ. Траишен были проложены длиною до 7 арш. и болѣе, шириной до 2 арш. На глубинѣ 2 арш. уже выступала и накоплялась вода.

Находки: черепки, нѣсколько большихъ позднихъ желѣзныхъ гвоздей, кости животныхъ (свиньи, бобра и др.), обломокъ пряслица. Типы черепковъ: 1) сѣрые съ густою примѣсью грубой дресвы, горлышко прямое широкое; 2) небольшое количество красныхъ черепковъ съ примѣсью дресвы и волнистымъ орнаментомъ, можетъ быть даже X в.; 3) 6 черепковъ черныхъ и сѣрыхъ съ гладкою блестящею поверхностью, татарскаго типа, на одномъ линейный орнаментъ; 4) болѣе всего черепковъ позднихъ русскихъ, можетъ быть, также татарскаго времени; 5) черепокъ отъ очень толстой корчаги (3 сант. толщины), изъ известковой массы. При раскопкахъ на глубинѣ до 14 верш. обнаружено было 5 видимо позднихъ костяковъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ. Очевидно, что это городище сравнительно позднее; къ городищамъ Дьякова типа оно не имѣетъ никакого отношенія.

Выше по рч. Ольшанкѣ, на землѣ г. Козлинскаго, близъ д. Нов. Батень, имѣется другое городище, небольшихъ размѣровъ. Обнесено валомъ, защищено рѣкой и болотомъ, заросло лѣсомъ.

Курганы. Всего раскопано было 24 насыпи, преимущественно (кромѣ № 1, 23 и 24) въ урочищѣ «Мѣщанскіе луга», гдѣ курганы расположены параллельными рядами, съ С. на Ю. (въ количествѣ до сотни).

№ 1. Курганъ, расположенный около кладбища, на землѣ г. Васильева, величиною $1\frac{3}{4} \times 10\frac{3}{4}$ арш. На глубинѣ 1 арш. 6 верш. отъ верху видимо позднѣйшій костякъ плохой сохранности безъ вещей, головою на В. Въ западной полѣ найдены угли.

№ 2. Курганъ размѣровъ 13 верш. $\times$ 16 арш. На глубинѣ 9 верш. кострище, а выше на 5 верш. нѣсколько черепковъ (приблизительно типа Серг. стр. 65 № 9, съ линейнымъ орнаментомъ по плечикамъ) и пережженные косточки.

№ 3. Курганъ размѣровъ 1 арш. 2 верш. $\times$ $8\frac{1}{4}$ арш. Всего на глубинѣ 2 верш., въ сѣверной сторонѣ насыпи, большой красный горшокъ типа Серг. стр. 65 № 9, въ черепкахъ (почти безъ ободка). съ костями.

№ 4. Курганъ размѣровъ 1×13 арш. На глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. въ центрѣ разбитый высокій горшокъ типа Серг. стр. 65 № 4 (изъ красной глины съ дресвою, линейный орнаментъ) съ пережженными костями, среди которыхъ найдены: большая мѣдная бляшка типа Сиз. II, 6, съ большимъ четырёхугольнымъ отверстіемъ вкось, мѣдная бляшка съ пле-

теньемъ (рис. 2, на оборотъ 2 гвоздя—шипа) и широкая желѣзная скобочка, приклепанная въ концахъ заклепкой съ широкими круглыми шайбами (рис. 7).

№ 5. Курганъ размѣровъ 1 арш. 5 верш. $\times$ 13 арш., вокругъ слѣды канавки. На материкѣ кострище.

№ 6. Курганъ размѣровъ $\frac{3}{4}$ $\times$ 9 арш., неправильной расплывчатой формы. На разной глубинѣ изрѣдка попадались угольки. Ни кострища, ни вещей.

№ 7. Курганъ размѣровъ 7 верш. $\times$ 4 арш. 6 верш. На материкѣ кострище діаметромъ до 2 арш. Среди пережженныхъ костей: точилка типа Серг. рис. 86 (той же величины и формы, изъ сѣраго сланца, безъ слѣдовъ употребленія), два желѣзные ножа типа Сиз. VII, 18, мѣдное пластинчатое кольцо отъ рукояти ножа, удлиненная желѣзная пряжка съ пластинчатымъ козырькомъ и широкими боками въ тыловой части (рис. 35), мѣдная выпуклая бляшка съ головкой ушатою хищной птицы (рис. 5, на оборотъ 3 шпенька).

№ 8. Курганъ размѣровъ 2 арш. 6 верш. $\times$ 2 саж. 2 арш. Кострище на материкѣ. Среди углей найдены: черепокъ типа Серг. стр. 65 № 4 (но меньше, красной глины, по боку линейный орнаментъ, по плечу волнистый), 2 желѣзные шпорцы типа Серг. рис. 80 и одна типа Сиз. IX, 21, обломокъ точилки типа Серг. рис. 81 (разрѣзъ почти квадратной формы).

№ 9. Удлиненный курганъ высотой 1 арш., длиною съ С. на Ю. 4 арш. 5 верш., съ З. на В. 6 арш. Кострища не оказалось.

№ 10. Курганъ размѣровъ 13 верш. $\times$ 7 арш. Тотчасъ подъ дерномъ на глубинѣ 2 верш. горшокъ типа Серг. стр. 65 № 4 (средней высоты, сѣрый, съ линейнымъ орнаментомъ, дно вогнутое), въ черепкахъ, и пережженные кости, среди которыхъ обломки костяного гребешка, повидимому, формы Влад. рис. 379, съ орнаментомъ въ косую клѣтку.

№ 11. Курганъ размѣровъ $\frac{3}{4}$ арш. $\times$ 8 арш. 4 верш. На материкѣ кострище, шириною 1 саж.

№ 12. Курганъ правильной полушарой формы (къмъ-то былъ начатъ), размѣровъ $1\frac{3}{4}$ арш. $\times$ 13 арш. 10 верш. Кострище на материкѣ, ближе къ западному краю; въ центрѣ его лошадиные зубы. Надъ кострищемъ большой сѣрый горшокъ типа Серг. стр. 65 № 4 (высотой до 14 сант., толстыя стѣнки, безъ примѣси дресвы), въ которомъ среди пережженныхъ костей лежали: жженая кость коровы, черепокъ краснаго сосуда съ линейнымъ и волнистымъ орнаментами, 6

мѣдныхъ бляшекъ въ видѣ сердечка (рис. 8; одна короткая, другія длиннѣе), гладкій мѣдный наконечникъ отъ пояса съ 4 шпеньками, къ концу расширяющійся (на другомъ концѣ вырѣзь), желѣзные обломки шпорцы, остріе желѣзнаго наконечника стрѣлы типа Сиз. IX, 13, кусокъ кремня, пережженный, для огнива. Кромѣ большого сосуда еще небольшой красный горшочекъ типа Серг. стр. 65 рис. 3, но съ болѣе глубокой шейкой, высотой 11 сант.; орнаменты его: сверху волнистый, посрединѣ линейный, перебившій половину волнистаго, ниже снова волнистый, наложенный на часть линейнаго; изнутри къ краю прикипѣло желѣзко.

№ 13. Курганъ размѣровъ 1 арш. 2 верш. $\times$ 11 $\frac{1}{2}$ арш., сильно расплывшійся. Ни кострища, ни вещей.

№ 14. Курганъ размѣровъ 9 верш. $\times$ 8 арш. На материкѣ кострище, по которому разбросаны въ безпорядкѣ черепки двухъ сосудовъ.

№ 15. Курганъ размѣровъ 2 арш. 3 верш. $\times$ 10 арш. 14 верш., копанный; кругомъ слѣды канавки. На глубинѣ 1 арш. въ значительномъ количествѣ угли.

№ 16. Курганъ размѣровъ 1 арш. 7 верш. $\times$ 10 арш. 8 верш., кругомъ слѣды канавки. На материкѣ небольшое кострище, съ углями.

№ 17. Курганъ размѣровъ 2 арш. 2 верш. $\times$ 12 саж., какъ-бы восьмиугольной формы; кругомъ слѣды канавки. На глубинѣ 1 $\frac{1}{2}$ арш. огромное кострище (толщиною до 6 верш.), имѣвшее крестообразную форму: оно представляло собою помость изъ 8 толстыхъ обуглившихся балокъ, положенныхъ въ одномъ направленіи, съ С. на Ю., длиною съ В. на З. 5 арш., съ С. на Ю. 4 $\frac{1}{2}$ арш.; ширина наибольшаго бревна 6 $\frac{1}{2}$ верш., толщина 4 $\frac{1}{2}$ верш. На СВ. сторонѣ лежали обугленные лошадиныя кости, на ЮВ. желѣзный топорикъ (рис. 30, длиною всего 13 сант., одинъ язычекъ сверху и 2 съ боковъ). Другія находки на кострищѣ: два мѣдныхъ литыя колечка, для приторачиванія (рис. 38, нижнее вращается на стержнѣ верхняго), мѣдное круглое пластинчатое колечко-обоймица, мѣдный ключъ, подвѣшенный на кольцѣ (рис. 42), обломокъ мѣдной пряжки типа приблизительно Серг. рис. 41, обломокъ желѣзнаго ключа типа Сиз. VI, 17, пронизка изъ желтаго стекла приблизительно типа Серг. рис. 8.

№ 18. Курганъ размѣровъ $\frac{1}{2}$ арш. $\times$ 2 саж., очень плоскій. На материкѣ кострище, діаметромъ до 2 арш. На немъ желѣзный ключъ типа Сиз. VI, 17, но съ болѣе простою системою отверстій на бордкѣ, черепки высокаго сѣраго горшка типа, повидимому, Серг. стр.

65 № 4, съ легкимъ линейнымъ орнаментомъ на плечахъ и небольшой горшочекъ рис. 28 (не выше 10 сант., изъ красной глины съ примѣсью, край выступаетъ прямымъ фальцемъ, орнаментъ нанесенъ тонкостѣнною костью, на вогнутомъ днищѣ клеймо въ видѣ шипа или бородавки).

№ 19. Курганъ высотой $3\frac{1}{4} \times 6$ арш.; кругомъ основанія канавка, съ 3. стороны углубленіе. На материкѣ небольшое кострище.

№ 20. Удлиненный курганъ, стоявшій одиноко посреди луга. Длина (съ 3. на В.) 5 саж., ширина 11 арш. 10 верш. Ни вещей, ни кострища.

№ 21. Курганъ размѣровъ 14 верш. $\times$ 11 арш., расплывчатой формы.

№ 22. Курганъ той же формы. размѣровъ 1 арш. 3 верш. $\times$ 8 арш., съ двумя выемками.

№ 23. Высокій курганъ, кѣмъ-то начатый; высотой 4 арш., въ диаметръ 14 саж. Съ западной стороны насыпи ясный всходъ; склоны кургана здѣсь значительно отложе. Въ основаніи кургана нетолстый слой чернозема. Яма прежней раскопки имѣла въ глубину 2 арш. и всего на четверть не дошла до вещей. На высотѣ $2\frac{1}{2}$ арш. отъ материка большое кострище. диаметромъ до 11 и 15 арш., сильно окрасившее песокъ. Въ западной части кострища два горшка и мѣдный котелокъ съ пережженными костями. Одинъ изъ горшковъ типа Серг. стр. 65 № 7, изъ красной глины, съ примѣсью дресвы, горлышко съ боровками, по всему линейный орнаментъ, а по плечикамъ сложный волнистый въ два ряда, какъ Сиз. X рис. 1; второй горшочекъ невысокій (высотой 11 сант.), плохой глины, съ обильною примѣсью дресвы, типа Серг. стр. 65 № 6, съ пояскомъ вокругъ вѣнчика, орнаментъ волнистый въ 2 пояска, какъ Серг. стр. 65 рис. 124; днище одного изъ нихъ съ клеймомъ (см. рис.). Мѣдный котелокъ (рис. 32) глубокій, высотой 17 сант., суженный кверху. Это подѣлка не лишенная изящества по формѣ и по полоскамъ, правильно нанесеннымъ ударами молотка. Стѣнки котелка изъ одного листа, связаннаго на боку; дно выпуклое и снабженное для красоты порожкомъ; оно попорчено и грубо заклепано листовою мѣдью; дужка и ушки желѣзные. Насѣчки котелка напоминаютъ линейный орнаментъ глиняныхъ горшковъ. Котелокъ на $\frac{2}{3}$ наполненъ костями и тутъ же 4 черепка отъ разныхъ сосудовъ, изъ которыхъ 3 снабжены волнистымъ орнаментомъ, а одинъ, кажется, происходитъ отъ глубокой чашки съ круглыми стѣнками. Котелокъ, повидимому, былъ обернуть въ матерію. Въ ЮВ. части кострища найдены отдѣльныя кости

барана, быка (немного) и курицы¹⁾, а въ другихъ мѣстахъ, преимущественно по срединѣ, разнообразныя вещи, со слѣдами пребыванія на огнѣ: 1) до 20 обломковъ костяной оковки съ глубокою нарѣзкой (рис. 25, мѣдный гвоздь длиною 1,8 сант.), 2) 3 обломка орнаментированныхъ тонкихъ костяныхъ пластинокъ (рис. 20 и 21), 3) обломокъ костяного стержня, орнаментированнаго зерневымъ кантомъ (рис. 23), 4) обломокъ костяного стержня въ формѣ набалдашника, орнаментированнаго точками (рис. 24), 5) обломки костяного гребня съ узкими пластинками, орнаментированными въ косою крестъ, типа Влад. рис. 371, 6) крошечный костяной кубикъ для инкрустаціи, съ глазкомъ, 7) большая литая мѣдная сердцевидная бляшка съ человѣческою головою, покрытая растительнымъ орнаментомъ (рис. 19, на оборотѣ вверху 2 шпенька, загнутые, вогнутая середина на оборотѣ прикрыта пластинкой), 8) подобная же мѣдная бляшка (рис. 16, орнаментъ попорченъ употребленіемъ и огнемъ), 9) мѣдная литая кнопка въ видѣ головки хищника, на длинномъ стержнѣ (рис. 18, съ желѣзною шайбочкой), 10) мѣдная бляшка отъ оковки рога, часть котораго сохранилась (рис. 37, тонкая, крестъ прорѣзной, подложенный листкомъ), 11) 14—15 попорченныхъ стеклянныхъ бусъ (2 желтыя, 1 желтая тройная, 1 вишневаго цвѣта, 2 коричневыя, обломки массивной подѣлки изъ стекла изумруднаго цвѣта, не отъ бусъ, обломки костяныхъ бусъ съ глазками), 12) мѣдная круглая бляшка съ выгнутою серединой (рис. 11, на оборотѣ 4 шпенька), 13) семь маленькихъ мѣдныхъ бляшекъ съ плетеньемъ и головкой (рис. 3, слѣды позолоты), 14) мѣдная бляха типа Серг. рис. 20, ажурная, но съ иными деталями орнамента и меньше, 15) четыре мѣдныя ажурныя плетенныя бляшки (рис. 9, у одной съ оборотной стороны широкая скобка), 16) 8 мѣдныхъ сердцевидныхъ бляшекъ рис. 8, 17) 7 попорченныхъ огнемъ поясныхъ мѣдныхъ круглыхъ бляшекъ, съ орнаментомъ посрединѣ въ видѣ углубленнаго кружка (какъ рис. 13) и 4 бляшки рис. 1, 18) литая массивная бляшка съ вогнутыми краями и ажурной серединой (рис. 10, на оборотѣ 4 шпенька), 19) мѣдная выпуклая со скандинавскимъ орнаментомъ (рис. 12, на оборотѣ гвозди съ шайбочками), 20) мѣдная узкая бляшка, съ 3 шпеньками (рис. 6), 21) 8 мѣдныхъ литыхъ поясныхъ бляшекъ съ орнаментомъ, исполненнымъ углубленнымъ контуромъ (рис. 13, на оборотѣ 4 загнутые гвоздика), 22) мѣдная пряжка типа Сиз. XI, 4, но много схематичнѣе, съ головкой, 23) полусплавленный мѣдный наконечникъ пояса, орнаментированный

¹⁾ Опредѣленія г. Пфиценмайера.

углубленнымъ коптуромъ (рис. 15, на оборотѣ шпенекъ), 24) обломокъ мѣднаго наконечника пояса типа Сиз. XI, 15, 25) два желѣзные костылька типа Влад. рис. 29, 26) половина мѣднаго массивнаго браслета особой формы, съ боровкомъ посрединѣ, плохой сохранности, 27) части желѣзной оковки: 4 шпорцы типа Сиз. IX, 21, двѣ шпорцы типа Серг. рис. 80, четыре гвоздя типа Серг. рис. 70 (но шляпка посрединѣ), 8 гвоздей безъ шляпокъ, перегнутыхъ, 5 тонкихъ гвоздей длиною 3,7 сант., три длиною 3 сант. и 4 еще меньшихъ размѣровъ. плоскій гвоздь безъ шляпки (типа подковныхъ ухпалей, длиною 5¹/₂ сант.), 14 обойныхъ гвоздиковъ съ большою круглою шляпкою (рис. 39), обломки ажурныхъ полосокъ типа Сиз. XII, 4 (шириною 1, 2 и 1, 8 сант.), узкая пластинка съ усиками, въ формѣ скобеля, 28) язычекъ отъ желѣзной поясной бляшки, 29) двѣ малыя гирьки типа Влад. рис. 75, мѣдная и желѣзная, 30) различныя сплавившіяся мѣдныя и стеклянныя вещицы.

№ 24. Одинъ изъ самыхъ большихъ Гнѣздовскихъ кургановъ, на берегу Днѣпра, начатый В. И. Сизовымъ. Высота 11 арш., діаметръ 15 саж. Съ западной стороны востокъ. Насыпь раскопана была колодцемъ. На глубинѣ 8 арш. обнаружено большое кострище, на которомъ главное мѣсто занималъ значительныхъ размѣровъ мѣдный помятый котелъ (рис. 31, раставрированный), обтянутый отчасти мѣхомъ. Котелъ тонкостѣнный, изъ 4 листовъ, спаянныхъ зубцами и закрѣпленныхъ полосками; дно выпуклое, связанное со стѣнками зубцами, но не по ребру, а близъ него на днищѣ; сверху мѣдный, сравнительно толстый обручъ, склепанный въ двухъ мѣстахъ, на который напущенъ изнутри короткій рубчикъ; ушки мѣдные, дужка желѣзная, широкая. Внутри котла лежали пережженные кости, часть кольчуги, а поверхъ рыба, отъ которой сохранилось много чешуи. Снаружи котелъ былъ обтянутъ, окутанъ или прикрытъ мѣхомъ. Съ Ю. стороны котла стояли 3 горшка, также съ пережженными костями: 1) большой сѣрый горшокъ съ примѣсью мелкой дресвы типа Серг. стр. 65 № 4, покрытый волнистымъ и рѣдкимъ линейнымъ орнаментомъ, съ небольшимъ клеймомъ на днѣ (рис. 26), 2) небольшой горшокъ типа Серг. стр. 65 № 5, но съ болѣе суживающимся дномъ, высотой 11¹/₂ сант., орнаментъ изъ двухъ волнистыхъ полосокъ, наведенныхъ въ одну линію, а ниже рѣдкій линейный орнаментъ, на вогнутомъ днищѣ клеймо рис. 29, 3) горшочекъ во всемъ подобный предыдущему, но стѣнки округленнѣе. Съ З. стороны котла голова барана, съ восточной большая сложенная въ узелъ кольчуга (на ней чешуя и жженыя кости), съ южной камень,

сглаженный съ обѣихъ сторонъ. На кострищѣ или близъ него найдена еще голова лисицы, вѣроятно, позднѣйшая. На самомъ кострищѣ собраны слѣдующія вещи: 1) наборъ желѣзной оковки: обычныя заклепки, большею частью слипшіяся съ костями, черепками, угольками и землей (6 экз. длиною 2 сант., 11 экз. длиною 3 сант., 36 экз. длиною 3,5 сант., 8 экз. длиною 4 сант., 3 экз. длиною 5 сант., 1 экз. длиною 6,5 сант. и до 70—80 экз. попорченныхъ), 3 гвоздя короткіе съ плоскимъ остриемъ типа Серг. рис. 73, большой гвоздь типа Серг. рис. 70 (но тоньше и круглый, съ загибомъ на разстояніи 5,5 сант.), два небольшіе гвоздя (одинъ съ загнутымъ концомъ), гвоздь съ широкой пластинчатой шляпкой въ видѣ полоски, пѣсколько гвоздей, повидимому, безъ шляпокъ, обломокъ желѣзной орнаментированной полоски, попорченная шпорца типа Серг. рис. 78, двѣ попорченныя заклепки типа Серг. рис. 72, гвоздь типа Серг. рис. 70 (высотой 7 сант., шляпка на боку), 2) язычекъ отъ желѣзной пряжки, 3) обрывки войлока, плохо сваленнаго, 4) мѣдная плетеная бляшка со скобкой типа Сиз. XI, 5 (орнаментъ ажурный и лучше), 5) двѣ попорченныя огнемъ бляшки типа Сиз. V, 2, 6) мраморная пережеванная шашка въ видѣ шарика (рис. 34), 7) 4 костяныя шашки рис. 33, 8) массивная мѣдная литая кнопка съ скандинавскимъ узоромъ, въ видѣ конуса (рис. 17), 9) мѣдная пуговка типа Влад. рис. 203 № 1, 10) желѣзная гирька, попорченная огнемъ, 11) обрывки золотыхъ нитей отъ вышивки, 12) бородка желѣзнаго ключа типа Сиз. рис. 12 стр. 59), 13) мѣдное колечко съ завязанными концами (Изв. Имп. Арх. Комм. вып. 6, табл. I, 18), 14) желѣзный хорошій ножъ общей для гнѣздовскихъ кургановъ формы, 15) поломанная точилка въ видѣ длинной гальки, съ отверстіемъ, длиною 7,5 сант., 16) мельчайшіе обломки тонкаго мѣднаго котелка, 17) обломокъ маленькаго глинянаго сосуда.

Въ коллекціи С. С. Четыркина изъ Гнѣздовскаго могильника имѣются 3 непонятныя глиняныя штампа съ рукоятками (рис. 27 и два другой формы), покрытыя наколами, и большой гладкій глиняный кружокъ съ отверстіемъ посрединѣ. Штампы напоминаютъ нѣкоторыя подѣлки изъ городищъ Дьякова типа («Топорокъ»).

II. С. Введенье, Духовицкаго у.

Група изъ 7 кургановъ въ церковномъ лѣсу. Форма насыпей слегка удлиненная.

№ 25. Курганъ размѣровъ $2\frac{1}{2} \times 9$ арп. На материкѣ кострище

діаметромъ $\frac{3}{4}$ арш.; на немъ сожженныя кости и грубыя тонкіе черепки съ густою примѣсью дресвы.

№ 26. Курганъ размѣровъ $1\frac{1}{2} \times 10$ арш., расплывчатой формы. Въ насыпи встрѣчались черныя прослойки. Не найдено ни кострища, ни вещей.

№ 27. Курганъ удлиненной формы, высотой $1\frac{1}{2}$, длиною 14, шириною $8\frac{3}{4}$ арш.; кругомъ основанія слѣды канавки. На глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. два горшка въ черепкахъ, изъ которыхъ меньшій, содержащій кости, прикрытъ былъ большимъ. Въ насыпи на разной высотѣ встрѣчались угольки.

Въ с. Введенѣ существуетъ обычай, идущій съ глубокой старины и состоящій въ томъ, что при выносѣ покойника сжигаютъ солому или сѣно, на которыхъ онъ лежалъ, и при этомъ всякій разъ разбиваютъ глиняный горшокъ.

III. С. Ефремово, Духовщинскаго у.

№ 28. Одинокій курганъ среди поля, опаханный, высотой 2 арш. На глубинѣ 1 арш. кострище съ костями и углемъ.

№ 29. Курганъ размѣровъ $2\frac{1}{2}$ арш. $\times$ 6 саж. На глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. встрѣчались угли, а ниже 4 угольные прослойка.

IV. С. Буризь, Духовщинскаго у.

№ 30. Въ урочищѣ Брызгунъ, въ лѣсу, на берегу р. Гобзы курганъ размѣровъ 1 арш. 2 верш. $\times$ $8\frac{3}{4}$ арш. На материкѣ угли. На верху слѣды ямы.

V. Д. Русанова, Духовщинскаго у.

Въ поляхъ 2 кургана, издавна распахиваемые.

№ 31. Насыпь размѣровъ 1 арш. 5 верш. $\times$ 11 арш., уже раскапываемая въ прежнее время. На глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. въ восточной полѣ почти совершенно развалившійся горшокъ съ костями. Горшокъ, повидимому, высокій узкій типа Серг. стр. 67 рис. 137, очень грубой лѣпки съ примѣсью грубой дресвы; оригинальна его шейка—широкая прямая безъ отгиба, съ слегка суживающимся краемъ. На стѣнкахъ траншеи ясно выступали черныя прослойки, весьма неправильной, извилистой формы.

VI. Д. Шиловка, Порѣчскаго у.

Группа изъ 6 кургановъ, отстоящихъ другъ отъ друга на различныхъ разстояніяхъ.

№ 32. Распаханный курганъ высотой 1 арш. 3 верш. На глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. кострище съ крупными углями, на которомъ найдена мѣдная прорѣзная литая бляшка рис. 14, орнаментированная тонкой парѣзкой. На оборотѣ ея 6 гвоздей съ шайбочками; была прикрѣплена ушками внизъ или вбокъ. Другія находки: обломокъ желѣзной обоймицы типа Влад. рис. 27, мѣдные и желѣзные обломки (между прочимъ отъ пряжки) и желѣзная игла или шильце, круглое, типа Сиз. VII, 6.

№ 33. Курганъ размѣровъ $2\frac{1}{2} \times 15$ арш. На глубинѣ 2 арш. кострище, до 4 арш. въ діаметрѣ; въ центрѣ его оказались 2 ямки съ пепломъ, шириною 1 арш. 4 верш., глубиною до 5 верш. На кострищѣ стоялъ горшокъ съ пережженными костями, а среди нихъ: обломки спиралекъ (обычныхъ и крупной ленточной, въ діаметрѣ до 0,8 сант.), обломокъ серебряной серьги или височнаго кольца, слитки отъ подѣлки изъ стекла изумруднаго цвѣта, часть мѣдной пластинчатой подвѣски (рис. 40). Горшокъ небольшой, краснаго цвѣта, грубой ручной работы съ примѣсью крупной дресвы; по краю зубчики, нанесенные штампомъ.

№ 34. Курганъ размѣровъ $2\frac{1}{2} \times 12$ арш., опаканный. На материкѣ кострище.

№ 35. Курганъ размѣровъ $2\frac{1}{2} \times 14$ арш. Кострище (уголь и пережженныя кости) на глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш.

VII. Д. Рипшево, Порѣчскаго у.

№ 36. Курганъ на лугу помѣщика Терновскаго, сильно изрытый, высотой 2 арш. Найдены слѣды трупосоженія.

Въ 7 в. отъ Рипшева имѣются 2 кургана; одинъ поросъ старыми соснами, на другомъ часовня со склепомъ. Въ д. Моханъ имѣются 4 кургана, въ д. Тарасовой 2 кургана.

VIII. Городища второго района.

1) При д. Городкѣ Духовщинскаго у., надъ очень высокимъ берегомъ р. Гобзы, городище, носящее названіе «Никола Берновичи». Размѣры площадки 16×23 саж.; вала и рва незамѣтно. Вдоль площадки была прорыта траншея длиною 20 арш., шириною 1 саж. Слои земли въ

раскопѣ: $\frac{3}{4}$ арш. супесокъ, 3 верш. черноземъ, $\frac{1}{2}$ арш. глина, 1 верш. черноземъ, песчаный материкъ. Найдено много черепковъ, угля и костей животныхъ. Съ Ю. стороны, почти въ центрѣ, на глубинѣ 1 арш. открыты остатки печки, сложенной изъ булыжника и обмазанной красною глиной; полъ ея спльно пережженъ. Большинство собранныхъ черепковъ темные, плохого обжига, съ сравнительно малою примѣсью мелкой дресвы; края чаще съ крутымъ отгибомъ, изрѣдка прямые. Въ меньшемъ количествѣ встрѣчены черепки изъ такой же сѣрой и красной глины грубой обработки съ примѣсью крупной дресвы, быть можетъ, того же времени; хотя есть орнаменты, или волнистый, или линейный, но отгибы краевъ не стары (почти прямые широкіе, какъ въ Ольшѣ и круто изогнутые); на одномъ днищѣ клеймо. Есть еще черепки гладкой посуды, видимо, болѣе поздняго времени; край почти прямой. Кромѣ того найдено довольно много мелкихъ кусковъ какой-то толстой обмазки (толщиною 2—1 сант.), подвергавшейся дѣйствию огня. Находки: желѣзный ножъ, 2 желѣзные дужки отъ ведерокъ, различные желѣзные обломки, желѣзный наконечникъ копья типа Иван. XVIII, 17 (длиною 21 сант.), мѣдная круглая подвѣска къ ожерелью, литая изъ сѣрой бронзы съ орнаментомъ въ видѣ розетки, приблизительно типа Глаз. табл. XXIV, 22 (вдвое меньше), мѣдный тонкій витой браслетъ съ петлями на концахъ, мѣдный тонкій проволочный и обломки стеклянныхъ браслетовъ (темныхъ витыхъ съ желтыми полосками и гладкихъ, лиловыхъ и тяжеловѣсныхъ зеленыхъ). Въ раскопкахъ встрѣчены были также колотые камни, преимущественно изъ кремня. Судя по находкамъ, городище можетъ быть относимо къ XII—XIII в. По словамъ одного крѣстьянина, на городищѣ найденъ былъ каменный полированный молотокъ.

2) Близъ с. Кудрявцева того же уѣзда «Старигинское» городище. Съ Ю. и В. непроѣздня болота и мхи. Площадка удлиненной формы, окружностью 254 шага; окружена валомъ и рвомъ. Культурный слой тонкій. Въ немъ при распахкѣ находятъ лишь черепки. Пробираются на городище по искусственной гати.

3) Въ 2 в. отъ д. Рексово рипшевской вол. въ лѣсу «Куровъ Боръ», одна изъ высокыхъ и длинныхъ грядъ, перекопанъ капавами и приспособленъ подъ городище, съ небольшою круглою площадкой. Высота его 50—60 саж.; о находкахъ не слышно.

4) Близъ с. Ефремово Духовщинскаго у. городище «Сутоки», огражденное съ двухъ сторонъ валомъ длиною въ 230 шаговъ. На площадкѣ двѣ ямы и нѣсколько невысокихъ валовъ (остатки отъ селитреннаго производства).

*

IX. С. Слобода, Порѣчскаго у.

Нѣсколько десятковъ кургановъ, расположенныхъ главнымъ образомъ близъ оз. Сапшо на земляхъ церковныхъ и помѣщичьихъ, на поляхъ и въ лѣсу. Въ 1880-хъ гг. здѣсь 7 кургановъ раскопано было г. Кущинскимъ и Сизовымъ¹⁾.

№ 37. Курганъ хорошей сохранности, съ крутыми боками, размѣровъ $2 \times 9\frac{1}{2}$ арш. На глубинѣ 1 арш. въ небольшомъ количествѣ угли, на глубинѣ 2 арш. 7 верш. костякъ головою на СЗ., длиною 2 арш. 5 верш. У пояса слѣва небольшой желѣзный ножъ общаго Гнѣздовскаго типа.

№ 38. Курганъ нѣсколько удлиненной формы высотой $1\frac{1}{2}$ арш., длиною 4 саж. На материкѣ костякъ, головою на В., конечности протянуты, голова на правомъ вискѣ. На поясѣ мѣдное поясное кольцо типа Иван. XV, 6, слѣва у таза желѣзный ключъ съ круглою рукоятю и круглою бородкой (въ общемъ типа Влад. рис. 240, кажется, на колечкѣ) и ножъ съ деревянною рукоятю и толстымъ обухомъ, въ ногахъ небольшой горшокъ безъ орнамента типа Серг. стр. 65, № 8 (работа грубая, но не ручная, на днѣ клеймо рис. 4). XI в.

№ 39. Курганъ самый большой въ группѣ, размѣромъ 4 арш. $\times$ $6\frac{1}{2}$ саж. Надъ озеромъ, около дороги. Въ южной полѣ насыпи найдено отличное глиняное пряслице типа Дьяковыхъ городищъ (нѣсколько вогнутыя грани, широкое отверстіе); въ насыпи встрѣчались черныя прослойки. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. кострище, на которомъ среди золы и угля найдена мѣдная пряжка типа Влад. рис. 356, гладкая, съ вогнутыми боками. Ниже на 1 арш. другое кострище, на которомъ оказался небольшой разбитый горшокъ, дномъ вверхъ (въ коллекціи нѣсколько черепковъ отъ двухъ горшковъ, толстаго, и тонкаго, съ примѣсью крупной дресвы, у тонкостѣннаго край не отогнутый, а прямой). Въ горшкѣ среди костей находились: 4 мѣдныя спиральки обыкновеннаго типа (Люцинск. мог. I, 11, какъ среднія звенья), двѣ мѣдныя попорченныя височныя подвѣски рис. 36 (подобныя извѣстны изъ Виленскихъ кургановъ. см. Труды Вил. Арх. С. т. I, 183), обломки узкихъ мѣдныхъ браслетовъ, на двѣ грани (можетъ быть, отъ спиральныхъ паручниковъ типа Люц. мог. т. IX, 9 и рис. 24 на стр. 40), обрывки мѣдной нагрудной цѣпочки съ двумя мѣдными двойными крючками на концахъ, типа Люц.

¹⁾ Каталогъ Историч. Музея, изд. 2-ое, стр. 121—123.

мог. т. IV, 5 (цѣпочка двойная, изъ колечекъ въ 3 оборота), мѣдные слиточки.

№ 40. Курганъ размѣровъ 2×10 арш., расплывчатой формы. На материкѣ костякъ, длиною 2 арш. 5 вершк. На головѣ по парѣ тонкихъ серебряныхъ височныхъ колець средней величины (въ діаметрѣ 7 сант., узелъ пластинчатый, какъ рис. 41), слѣва у пояса желѣзный ножъ со слѣдами деревянной рукоятки. XI в.

№ 41. Курганъ размѣровъ 2 арш. $\times$ 3 саж. Трупосожженіе.

№ 42. Курганъ размѣровъ $1\frac{1}{2}$ арш $\times$ 2 саж. Трупосожженіе.

№ 43. Курганъ размѣровъ 2×8 арш. Трупосожженіе.

№ 44. Курганъ размѣровъ 2×12 арш. Трупосожженіе. Во всѣхъ насыпяхъ, ближайшихъ къ озеру, открыто было сожженіе.

№ 45. Курганъ размѣровъ 2×10 арш. Въ насыпи на разной высотѣ встрѣтилось довольно много углей. На материкѣ костякъ очень плохой сохранности. На тазу костяной гребень типа Влад. рис. 375 (съ крупными и мелкими зубьями, безъ орнамента), слѣва ножъ, около пояса перстень типа Федовск. рис. 12, очень плохого серебра, справа у ноги топоръ типа Иван. т. XIX, 18 (но язычки острые и верхняя линия прямѣ), лезвіемъ къ ногѣ, топорникомъ къ рукѣ, въ ногахъ маленькій горшокъ типа Серг. стр. 65 № 8 (высотю 8 сант., съ болѣе округлыми боками, на днѣ клеймо рис. 45). Конецъ XI в.

№ 46. Курганъ размѣровъ 2×12 арш. На материкѣ костякъ отличной сохранности, длиною $2\frac{1}{2}$ арш., головой на С., конечности протянуты. На правой рукѣ серебряный перстень типа Влад. рис. 349, на тазу двѣ мѣдныя пряжки (одна рис. 44, съ рыльцемъ, представляющимъ какъ бы головку съ рогами, другая типа Влад. рис. 365, но лучшей сохранности; къ послѣдней прикипѣли обрывки холста и мѣдное витое колечко типа приблизительно Влад. рис. 324, съ остатками желѣзнаго предмета, на немъ висѣвшаго), у правой ступни желѣзный топоръ рис. 57 (длинною 18 сант.) и небольшой горшокъ сѣрой глины тина Булыч. 1903 г. табл. IV, 16 (почти безъ примѣси, орнаментъ также линейный, слабый, сверху волнистая линія, на днѣ клеймо рис. 43, почти во весь кругъ). На костякѣ найдено еще: 7 мѣдныхъ круглыхъ бубенчиковъ типа Иван. VIII, 21, но нѣсколько меньшаго размѣра, обрывки бересты и желѣзное ушко отъ неизвѣстнаго предмета. XI в.

Х. Д. Каленидово, Порѣчьскаго у.

Въ лѣсу на частной землѣ группа изъ 5 кургановъ. Кажется, насыпи въ прежнее время распахивались.

№ 47. Курганъ размѣровъ 2×10 арш., расплывчатой формы. На материкѣ кострище. Выше его черепки отъ сосуда, толстые, грубой ручной работы, сѣрые, съ примѣсью дресвы.

№ 48. Курганъ размѣровъ $2\frac{1}{4} \times 6$ арш. Въ насыпи перѣдко попадались зольныя прослойки и угольки. Кострища не обнаружено.

XI. С. Высочертъ, Порѣчьскаго у.

Четыре значительныхъ размѣровъ кургана на землѣ г. Вейдлица, изрытыя ямами для картофеля. Есть курганы на церковной усадьбѣ. Раскопаны 2 кургана изъ 8, находящихся на землѣ г. Зельскаго, въ сосновомъ бору.

№ 49. Курганъ размѣровъ 1 арш. 10 верш. $\times$ 5 саж., интереснаго устройства. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной, насыпь обведена прямыми канавками, не смыкающимися между собою; на материкѣ концентрической широкій угольный слой, ближе къ краю, чѣмъ къ центру. Находокъ никакихъ.

№ 50. Курганъ размѣровъ $1\frac{1}{2} \times 12$ арш. Совершенно такія же канавки и такое же кольцо угля на материкѣ. Въ насыпи на глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш., на 1 саж. отъ сѣвернаго края огнище въ видѣ окрашеннаго слоя песку и углей, толщиной около 2 верш. Находокъ никакихъ.

XII. Городища третьяго района.

1) Щучейское, занятое усадьбою священника с. Щучья, на берегу озера. Четырехугольной формы, огражденное двумя параллельными валами, размѣровъ 120×45 шаговъ. При раскопкахъ попадаются черепки и кости.

2) Близъ д. Городки щучейской вол., на берегу озера. Защищено длиннымъ валомъ, поросло ельникомъ.

3) Близъ д. Можяево и Горы, той же волости. Городище круглой формы, въ окружности 160 шаговъ. Черепки, много шлаку.

4) При с. Большое Каленидово. Наибольшее количество черепковъ съ примѣсью грубой дресвы, совершенно такіе же, какъ въ Ольшанскомъ городищѣ, съ широкимъ прямымъ краемъ и толстымъ днищемъ (но есть и иныхъ формъ). Встрѣчено также нѣсколько сравнительно новыхъ черепковъ и одинъ неопредѣленный гладкій.

5) Городище въ с. Высочертъ, занятое современнымъ кладбищемъ.

ХІІІ. Д. Слобода, Велижскаго у.

Около с. Сертеи на частной землѣ 2 кургана, поросшіе большими деревьями.

№ 51. Одинокій курганъ близъ д. Слободы, удлиненной формы, опахиваемый, высокою 1 саж., длины 1 саж., шириною 1 саж. На глубинѣ 1 арш. кострище въ видѣ слоя золы и угля, на материкѣ другое подобное же.

ХІV. Имѣніе Рудня, сертейской вол.

На высокомъ берегу р. Сертеи рядомъ 3 кургана, на частной землѣ.

№ 52. Курганъ размѣровъ 4 арш. × 5 саж., полушарый. Раскопанъ грабительской ямой. Слѣды трупосоженія.

По кургану имѣется близъ д. Черная Грязь, Симонята и с. Бакланова.

ХV. Д. Саки (Новоселье), Порѣчскаго у.

Группа приблизительно изъ 25 кургановъ, еще недавно покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Нѣсколько насыпей имѣется на старомъ кладбищѣ, на которомъ сохранился небольшой каменный крестъ безъ надписей. По словамъ крестьянъ, 3 такіе же креста стояли на самомъ большомъ курганѣ; одинъ изъ нихъ лишь недавно перенесенъ на новую могилу. Раскопано 19 кургановъ.

№ 53. Курганъ отличной сохранности въ видѣ сахарной головы съ слегка усѣченной вершиною, высотой 4 арш., въ окружности 5 саж. Въ основаніи лежало нѣсколько большихъ валуновъ, изъ которыхъ 2 самые значительные находились въ южной полѣ, рядомъ. По всей насыпи примѣтны были черныя прослойки неправильной формы, какъ бы остатки какой-то перестилки. Кострище на глубинѣ 3¹/₂ арш. На немъ кромѣ мѣдныхъ слиточковъ сломанный ножъ и мѣдная плоская пряжка приблизительно Влад. рис. 358, съ перехватомъ. Орнаментъ ея закрытъ прикипѣвшихъ желѣзомъ.

№ 54. Курганъ высокою до 1 саж., сильно распаханный. На материкѣ остатки скелета, лежавшаго головою на З. На головѣ серебряное височное кольцо типа И. И. А. К. в. 6 табл. II, 10 (діаметръ 9¹/₂ сант., на шеѣ свыше 100 малыхъ позолоченныхъ бусъ типа Глаз. XXII, 77 (такой же величины и меньше) и 1 малая янтарнаго цвѣта типа

Глаз. XXV, 45, три мѣдные бубенчика (2 небольшіе типа Глаз. XX, 4 и одинъ типа Глаз. XXIII, 8), на рукѣ браслетъ изъ плохого серебра типа Влад. рис. 327 (съ перевитью, замокъ), у правой берцовой топоръ рис. 59, съ остатками топорнища (на топорѣ слѣды грубаго холста), около колѣня обломки восковой свѣчи (нѣсколько тоньше стеариновой, въ разрѣзѣ до $1\frac{1}{2}$ сант., фитиль, повидимому, толстый). Съ лѣвой стороны на землѣ оттиски ткани, въ видѣ широкой полосы (можно было различить черныя полосы по красному фону и фигуры въ видѣ З), Въ ногахъ небольшой горшочекъ (высотой 12 сант.), типа Серг. стр. 65 № 4, но съ болѣе округлыми боками (какъ и слѣдуетъ для болѣе поздняго времени); орнаментъ на бокахъ линейный, по плечу волнистый въ 2 линіи, глина сѣрая, безъ примѣси; на днѣ интересной формы клеймо рис. 58). XI в.

№ 55. Распаханный курганъ, высотой всего $\frac{3}{4}$ арш. На материкѣ женскій костякъ, головою на З., длиною 2 арш. 2 верш. На правомъ вискѣ серьга изъ плохого серебра (рис. 47, съ зернью изъ 4 и 5 зернышекъ въ пирамидку), на лѣвомъ серебряное височное кольцо съ завязанными пластинчатыми концами (рис. 41), въ діаметрѣ 2 верш., на шеѣ значительное количество позолоченныхъ бусъ типовъ Глаз. XXII, 75—77 (съ широкою каймою, большія и среднія) и четыре монеты съ ушками (одна богемскаго герцога Яромира 1004 — 1015 г., 2 импер. Генриха III, 1039—56 г., чеканенная въ Эрфуртѣ, и одна византійская Константина X и Романа II, 948 — 959 г.); на костяхъ лѣвой руки при остаткахъ кожи и холста найдены 3 мѣдныя цѣпочки съ подвѣсками: а) длиною 15 сант. типа И. И. А. К. в. 6, т. III, съ подвѣсками въ видѣ креста типа той же табл. № 17, обычной собачки типа Влад. рис. 260, также съ отверстіемъ на передней лапѣ (подвѣшена за среднее ушко), двухъ ложечекъ типа почти Влад. рис. 400, звѣринаго зуба типа И. И. А. К. вып. 6 табл. III, 8 и какой-то косточки отъ плода; в) цѣпочки того же типа, длиною 19 сант., на которой привѣшены: коренной зубъ какъ И. И. А. К. в. 6 табл. IV, 8, косточка какъ И. И. А. К. в. 6, т. I, 5, какой-то плодъ или подѣлка изъ дерева, обычная собачка типа Влад. рис. 260 (на толовѣ колечко, отверстія на обѣихъ лапахъ), ножъ въ костяной рукояти какъ Влад. рис. 371; с) цѣпочка изъ 8 витыхъ звеньевъ рис. 52 (на ней обрывокъ желѣзной кольчуги изъ мелкихъ колечекъ). Еще подвѣски: а) кожаные ножны для шила и ножа (рис. 54); шило мѣдное, съ ушкомъ; ножны изъ шагреновой кожи, вырѣзные, прошитые тонкою мѣдною ленточкой, проложенные внутри берестой, на ремешкѣ; в) подвѣски въ видѣ ко-

стяного ножа типа Иван. X, 6, но меньше и иного орнамента (штриховой, парѣзки, но есть и точки). Кроме того на костякѣ найдены: остатки шерстяной ткани и бересты, мелкія колечки отъ кольчуги (диаметръ 0,6 сант.), мѣдный перстень типа Влад. рис. 326 (съ сомкнутыми концами, т. е. скорѣе типа Зап. Р. О. И. Р. А. О. т. V. табл. XXII, 7), и пластинчатый перстень изъ плохого серебра съ боровкомъ по срединѣ (рис. 55). XI в.

№ 56. Курганъ, раскопанный и распаханый, высотой $2\frac{1}{2}$ арш. На материкѣ женскій костякъ, головою на З., длиною 2 арш. 10 верш. Вещи: 2 серебряныя височныя кольца средней величины (въ діаметрѣ 6,5 сант.), съ завязкой типа рис. 41; свыше 100 экз. бусъ типа Глаз. табл. XXV, 45 (по толще, преимущественно янтарнаго цвѣта, а также сиіія и зеленыя), до 10 позолоченныхъ удлиненныхъ бусъ типа Иван. XV, 2, дюжина темныхъ бусъ съ желтыми выпуклыми зигзагами; подвѣски къ ожерелью: мѣдная лунница съ неяснымъ орнаментомъ типа Влад. рис. 157, стеклянная круглая подвѣска съ ушкомъ, позолоченая (рис. 51), мѣдная ажурная подвѣска въ видѣ колеска типа Иван. табл. XII, 21, четыре мѣдныя ажурныя подвѣски рис. 50; литой костылекъ типа Иван. VI, 5, но короче (какъ таб. XII, 22); перстни: два мѣдныя плетеные рис. 46, мѣдный пластинчатый гладкій типа Глаз. XXV, 30 (съ заходящими другъ на друга концами), мѣдный рубчатый типа Глаз. XXII, 31; браслеты: два пластинчатые мѣдныя рис. 48 (орнаментъ нанесенъ, можетъ быть, колескомъ), мѣдный гладкій типа Влад. рис. 304 (какъ и слѣдуетъ, овальной формы, съ болѣе раздвинутыми концами); мѣдное поясное кольцо типа Иван. XX, 6; костяная рукоять ножа (рис. 56, грани мягче, чѣмъ на рисункѣ, обратная сторона съ тѣмъ же орнаментомъ); кусочекъ кремня, обломки перержавѣвшей желѣзной подѣлки. Конецъ XI в.?

№ 57. Курганъ нѣсколько удлиненой формы (въ направленіи съ С. на Ю.), длиною 12, шириною 7 арш., высотой съ С. стороны 2 арш. 4 верш., съ З. стороны $1\frac{3}{4}$ арш., съ В. $2\frac{1}{2}$ арш. На глубинѣ $2\frac{1}{4}$ арш. кострище значительныхъ размѣровъ (угли и кости), безъ вещей.

№ 58. Курганъ 2 арш. высоты, распаханый. Въ южной полѣ, далеко отъ центра, мужской костякъ головою на З. У пояса мѣдная пряжка типа Влад. рис. 254 (безъ орнамента, съ иглой), въ ногахъ топоръ типа Иван XIX, 18. XI в.

№ 59. Курганъ размѣровъ $5\frac{1}{2}$ арш. $\times$ 7 саж., нѣсколько удлиненный (съ С. на Ю.). Кладовискательская яма. На глубинѣ $3\frac{1}{2}$ арш. кострище. Раскопанъ траншеей до половины.

№ 60. Курганъ высотой 3 арш., опаханный. На материкѣ женскій костякъ. Два серебряныя височныя кольца типа рис. 41 (діаметръ 6,5 сант.), остатки желѣзной шейной гривны типа Сиз. IV, 13, ожерелье изъ бусъ (20 посеребренныхъ типа Глаз. XXII, 71, но меньше, 67 позолоченныхъ типа Глаз. XXII, 71 и 77, двѣ посеребренныя типа Глаз. табл. XXII, 73, но рубчики тоньше, позолоченная съ оригинальными конической формы рубчиками, крупная круглая янтарнаго цвѣта типа Иван. XIV, 6 съ широкимъ отверстіемъ, небольшая синяя пастовая, типа Глаз. табл. XXII, 81, небольшая коричневая типа табл. Глаз. XXII, 43), мѣдный проволочный перстень, сломанный (кажется, съ завязанными концами), мѣдное поясное кольцо типа табл. Иван. XV, 6, костяной широкій гребень типа Влад. рис. 375 (но посрединѣ скрѣпленъ костяными пластинками, орнаментированными косою нарѣзкой, кружками и точками), массивная желѣзная рукоятъ отъ ключа (круглая, съ ушкамъ наверху сбоку), обломки пожа, попорченный инструментъ въ видѣ стержня съ кольцомъ типа Иван. XVII, 24 (безъ орнамента). XI в.

№ 61. Неправильной формы сильно изрытый курганъ, высотой $2\frac{1}{2}$ арш. На глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш. скелеть, головою на З. (позднѣйшій).

№ 62. Курганъ размѣровъ 3×12 арш. На глубинѣ 1 арш. позднѣйшій костякъ въ остаткахъ гроба. На материкѣ костякъ, головою на З. Ожерелье изъ бусъ (короткая сердоликовая типа Иван. табл. XV, 8, удлиненная гранчатая янтарная того же типа, золоченая типа Иван. табл. XXII, 77, нѣсколько мелкихъ цвѣтныхъ типа Глаз. табл. XXV, 4, круглая серебряная гладкая), обломки свинцовыхъ подвѣсокъ, повидимому, лапокъ типа Глаз. табл. XXV, 40, на головѣ 6 серебряныхъ височныхъ большихъ колецъ типа И. И. А. К. в. 6 табл. II, 10 (діаметръ 11 сант., у одного замѣкъ пластинчатый), часть корешковой рукояти пожа. XI в.?

№ 63. Курганъ, совершенно распаханный. На материкѣ попорченный костякъ, головою на З. Два височныя кольца плохого серебра типа Иван. табл. I, 16 (щитки овальные, концы завязаны, какъ на табл. XX, 3 а), тонкое серебряное височное кольцо средней величины (въ діаметрѣ до 5 сант., замѣкъ не сохранился); связка бусъ: 5 позолоченныхъ боченочкомъ типа Глаз. XXII, 77, двѣ бусы того же типа но безъ позолоты, двѣ блѣднолиловыя бусы типа Глаз. табл. XXII, 77 (боченочкомъ безъ грани), янтарная гранчатая продолговатая типа Иван. табл. XV, 8; два звена мѣдной цѣпочки типа рис. 52; подвѣски: на колечкѣ собачка типа Влад. рис. 260 съ отверстіемъ на передней ногѣ,

три подвѣски—зубы типа Влад. рис. 204, мѣдная ложечка типа Влад. рис. 400; обломки ножа XI в.

№ 64. Курганъ, совершенно распаханный. Скелеть попорченъ. Бусы: 8 позолоченыхъ типа Глаз. табл. XXII, 76, три поменьше, позолоченныя типа Глаз. табл. XXII, 72, нѣсколько мелкихъ типа Глаз. табл. XXV, 4. Два мѣдныя височныя колечка типа Иван. табл. I, 6 (съ крючкомъ, діаметръ 2,5 сант.). Подвѣски: сломанная свинцовая лунница приблизительно типа Иван. табл. VI, 3, но уже и длиннѣе, круглая подвѣска съ насѣчкой. Обломки нетолстаго желѣзнаго браслета. XI в.

№ 65. Курганъ, совершенно распаханный. Сейчасъ подъ пахотнымъ слоемъ угли и зола.

№ 66. Курганъ полушаровидной формы, размѣровъ 2 арш. 10 верш. $\times$ 5 саж. На глубинѣ 1 арш. 6 верш. небольшое кострище; на СЗ. отъ него второе, въ видѣ слоя угля, не содержавшаго ни костей, ни вещей.

№ 67. Курганъ, совершенно распаханный. Скелеть попорченъ. Два мѣдныя поясныя кольца типа Иван. табл. XV, 5, мѣдная поясная пряжка типа рис. 44, сломанный желѣзный ножъ. XI в.

№ 68. Хорошей сохранности курганъ изъ глинистаго грунта, размѣровъ 2×15 арш.; въ южной полѣ на материкѣ булыжникъ до 2-хъ пудовъ вѣсомъ. Слѣды трупосожженія (угли).

№ 69. Курганъ совершенно распаханный. Скелеть попорченъ. Два мѣдныя поясныя колечка типа Иван. табл. XV, 6, мѣдная поясная пряжка типа рис. 44, желѣзный инструментъ въ видѣ стержня съ кольцомъ типа Иван. табл. XVII, 24 (безъ орнамента), желѣзный изоржавѣвшій предметъ, повидимому, костьюлекъ цѣпочки, желѣзный ножъ съ толстымъ обухомъ и слѣдами прикипѣвшаго холста. XI в.

№ 70. Курганъ хорошей сохранности изъ глинистаго грунта, размѣровъ 1×12 саж. Въ насыпи черныя извилистыя прослойки. На глубинѣ 2 арш. рядомъ 3 булыжника значительныхъ размѣровъ, на глубинѣ $3\frac{3}{4}$ арш. кучка пережженныхъ костей до $\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ. Кости, видимо, находились въ грунтовой ямѣ.

№ 71. Курганъ совершенно распаханный. Найдены лишь 3 бусинки.

Близъ д. Токовное (въ 3-хъ в. отъ Сакъ) находится совершенно круглая горка, наверху которой расположенъ «Панинскій курганъ», уже раскопанный. По словамъ лица, произведшаго раскопку, въ курганѣ былъ найденъ костякъ хорошей сохранности.

Рис. 1. К. 23.

Рис. 2. К. 4.

Рис. 3. К. 23.

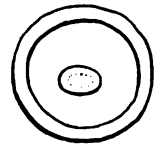

Рис. 4. К. 38.
XI в.

Рис. 5. К. 7.

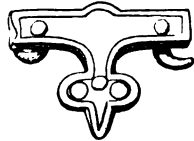

Рис. 6. К. 23.

Рис. 7. К. 4.

Рис. 8. К. 23.

Рис. 9. К. 23.

Рис. 10. К. 23.

Рис. 11. К. 23.

Рис. 12. К. 23.

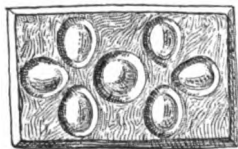

Рис. 13. К. 23.

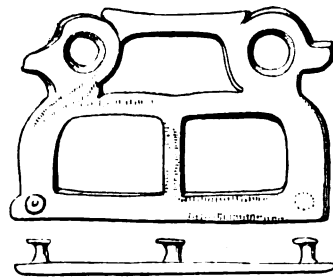

Рис. 14. К. 32.

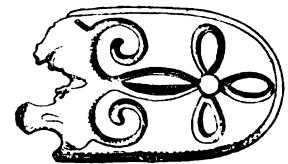

Рис. 15. К. 23.

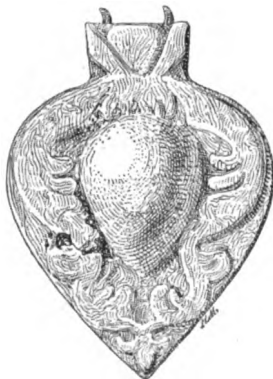

Рис. 16. К. 23.

Рис. 17. К. 24.

Рис. 18. К. 23.

Рис. 19. К. 23.

Рис. 20. К. 23.

Рис. 23.
К. 23. 2/3.

Рис. 24. К. 23. 1/3.

Рис. 25.
К. 23. 1/3.

Рис. 21. К. 23.

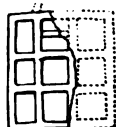

Рис. 22. К. 23.

Рис. 27. 1/4.

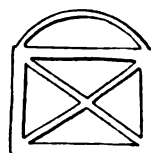

Рис. 26. К. 24.

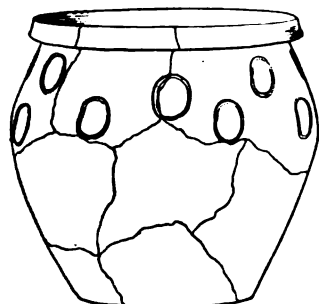

Рис. 28. К. 18. 1/2.

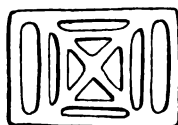

Рис. 29. К. 24.

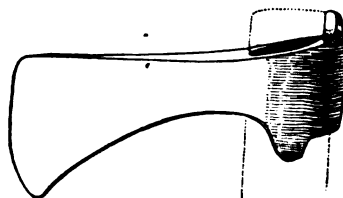

Рис. 30. К. 17. 1/2.

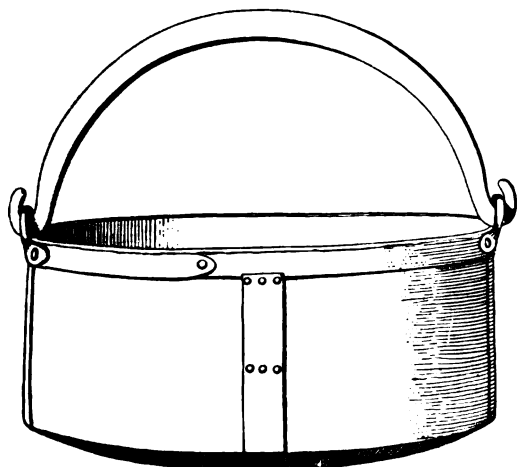

Рис. 31. К. 24. 1/2.

Рис. 32. К. 23. 1/2.

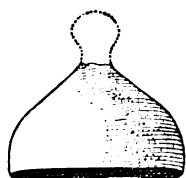

Рис. 33 К. 24. 1/1.

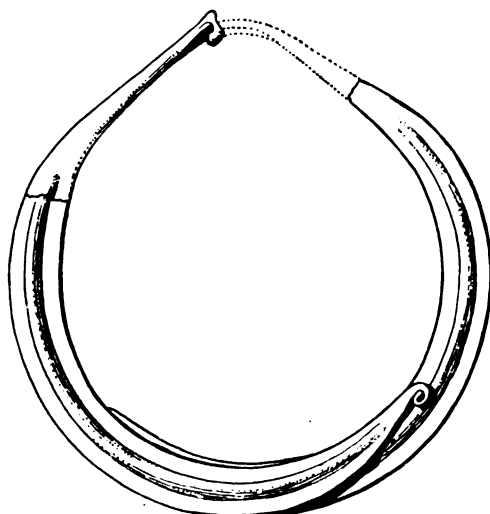

Рис. 36. К. 39. 1/1.

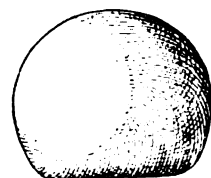

Рис. 34. К. 24. 1/1.

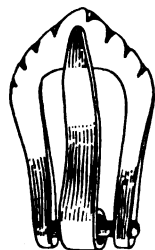

Рис. 35. К. 7. 1/1.

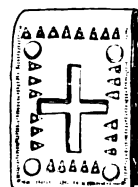

Рис. 37. К. 23.

Рис. 40. К. 33.

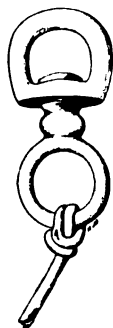

Рис. 38. К. 17. 2/3.

Рис. 39.
К. 23.

Рис. 41. К. 55.

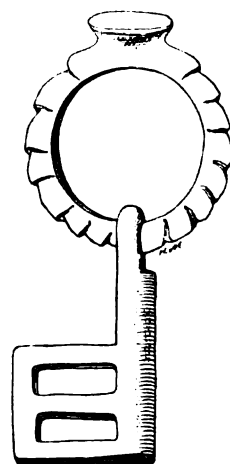

Рис. 42. К. 17.

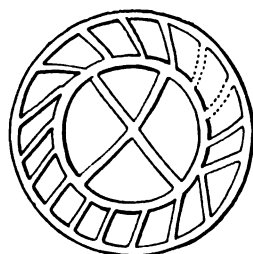

Рис. 43. К. 46.

Рис. 44. К. 46. 1/1.

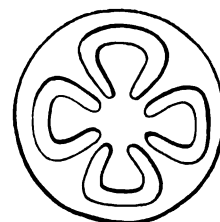

Рис. 45. К. 45.

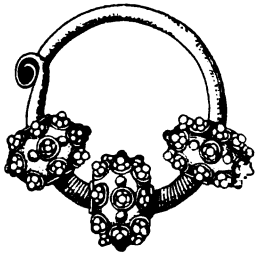

Рис. 47. К. 55.

Рис. 46. К. 56.

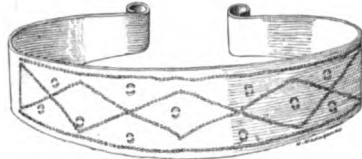

Рис. 48. К. 56. 2/3.

Рис. 49. К. 76.

Рис. 52.
К. 55.

Рис. 50. К. 56.

Рис. 53. № 76.

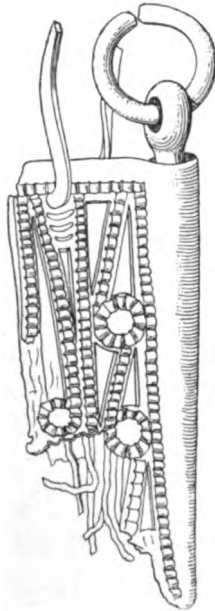

Рис. 54. К. 55.

Рис. 51. К. 56.

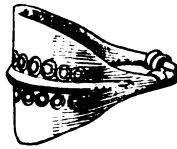

Рис. 55. К. 55.

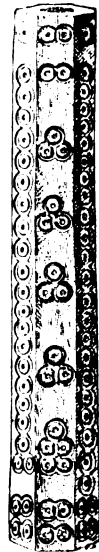

Рис. 56.
К. 56. 2/3.

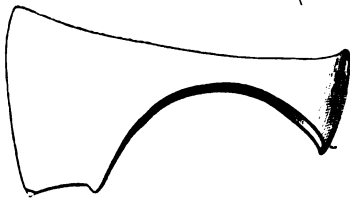

Рис. 57. К. 46. 1/4.

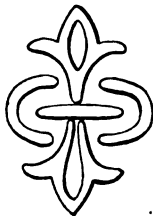

Рис. 58. К. 54.

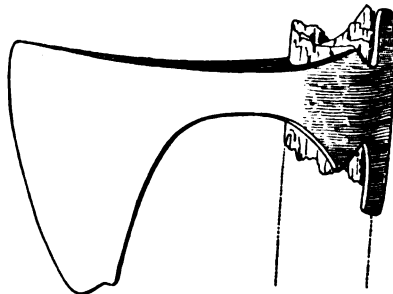

Рис. 59. К. 54. 1/4.

XVI. С. Заборье, Порѣчскаго у.

№ 72. Курганъ въ центрѣ села, противъ церкви, сильно изрытый. При выборкѣ изъ него земли былъ найденъ скелетъ. Произведенная раскопка обнаружила нѣсколько костей и остатки глинянаго горшка, весьма грубой работы.

Второй курганъ былъ раскопанъ мѣстнымъ псаломщикомъ, искавшимъ въ немъ церковныя вещи. Въ третьемъ курганѣ той же группы устроенъ погребъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, въ сторонѣ отъ Заборья имѣется длинный курганъ, посвящій названіе «Холерныя могилки».

Раскопаны были 2 кургана, находящіеся близъ Заборья на землѣ г. Рачинскаго.

№ 73. Курганъ размѣровъ 2×12 арш. Въ насыпи характерныя черныя прослойки; находимы были также угольки.

№ 74. Курганъ размѣровъ $2\frac{1}{2}$ арш. $\times$ $2\frac{1}{2}$ саж.; южная половина насыпана изъ твердаго глинистаго грунта, сѣверная изъ песку. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. кострище; костей не оказалось.

XVII. Городища четвертаго района.

1) Близъ д. Городище, Велижскаго у., огромное городище, занятое кладбищемъ.

2) Гора близъ д. Токовное, Порѣчскаго у.

3) Близъ с. Заборья, Порѣчскаго у., городище на мысу, имѣющемъ въ высоту 35—40 саж. Площадка длиною до 75, шириною до 36 шаговъ; къ городищу ведетъ длинная прямая дорога, длиною до 200 саж. Выходъ наверхъ въ видѣ винтообразной лѣстницы. Найдены грубые черепки съ густою примѣсью крупной дресвы и сравнительно новые.

XVIII. Силуяновская вол., Порѣчскаго у.

Близъ д. Силуяновой имѣется обширный курганъ, стоящій одиноко надъ р. Касплей (окружность 95 шаговъ), изъ котораго весною выпадали пережженные кости и угли. Тутъ же имѣлись еще 2 небольшіе кургана, раскопанные священникомъ с. Понизовья.

Близъ д. Боръ указывается обширный курганъ, заросшій большими соснами, и другой, оказавшійся насыпью естественнаго происхожденія.

Близъ д. Боровиной-Зайки раскопанъ курганъ, стоящій одиноко надъ р. Руковечью.

№ 75. Насыпь размѣровъ 1 × 6 саж. Раскопанъ былъ крестьянами, обнаружившими позднѣйшее погребеніе. При изслѣдованіи ниже оказалось кострище, состоявшее изъ углей и слабо обожженныхъ костей. На глубинѣ 4¹/₂ арш., ниже горизонта, щупомъ случайно обнаружены были и откопаны пережженные лошадиныя кости. Въ насыпи обычныя черныя прослойки.

По рассказамъ, близъ с. Кошевичи былъ курганъ, недавно раскопанный крестьянами, нашедшими въ немъ лишь угли. Въ сосѣдней д. Борки выпаянъ былъ кладъ польскихъ монетъ XVII в.

XIX. Д. Клименки, Порѣчскаго у.

Между д. Клименки и д. Балѣки на высококомъ берегу р. Каспли стоитъ значительный курганъ, имѣвшій въ прежнее время удлиненную форму, до 10 саж. длиною. Насыпь изрыта картофельными ямами, причѣмъ были находимы бусы, браслеты и другія вещи. Рядомъ съ курганомъ находится могильникъ, обнаруженный также при рытьѣ ямъ для картофеля. На немъ лично г. Абрамовымъ былъ обнаруженъ скелетъ, лежавшій на глубинѣ 2 арш., головою на З., съ различными вещами. На вискахъ найдено по 3 височныя тонкія серебряныя кольца типа и діаметра И. И. А. К. в. 6 табл. IV, 3, на шеѣ небольшое количество бусъ (2 цвѣтныя съ выпуклыми рубчиками на концахъ типа Иван. табл. XI, 5, бѣлыя и зеленыя полоски съ темными пятнами, 8 позолоченныхъ бусъ типа Глаз. табл. XXII, 76 сильно подержанныхъ, 4 зеленыя типа Глаз. табл. XXV, 45, но толще, 6 лунницъ (5 прорѣзныхъ рис. 53 и одна типа Иван. табл. VI, 3), мѣдный образокъ съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца (рис. 79) и обрывокъ ворота изъ грубой шерсти, тканой разными красками. Черепъ костяка оказался узколобой, широкозатылочный, со скошенной верхнею частью затылка, какъ въ Муромскихъ курганахъ (раскопки А. А. Смирнова), вѣроятно, отъ стягиванія повязкой. Съ рукъ отъ крестьянъ приобрѣтены: поломанная мѣдная литая фибула удлиненной формы типа Серг. рис. 45 (той же величины и орнамента) и 2 мѣдные браслета типа Влад. рис. 304 (по тоньше). По имени урочища, открытый г. Абрамовымъ могильникъ можно называть Скрябинскимъ. Глубина вскрытаго погребенія и выпадающія изъ берега вещи показываютъ, что это дѣйствительно могильникъ, первый въ области смоленскихъ кривичей. Время его—XII в. ¹⁾.

¹⁾ В. Н. Глазовъ, произведеній въ Скрябинѣ раскопки въ 1906 г., находить, что здѣсь не могильникъ, а распаханые курганы.

XX. Городища пятого района.

1) Хвощевское близь д. Хвощевой на р. Сутовечи. Площадка овальной формы, длиною 90, шириною 50 шаговъ, съ С. и В. сторонъ ограждена небольшими валами и рвами.

2) Близь д. Кошевичи, между р. Касплей и рч. Болаздиной; съ третьей стороны обрывъ. Городище оригинально тѣмъ, что ограждено двумя валами съ противоположныхъ сторонъ, съ тылу и со стороны рѣчки. Валы дугообразные. Длина площадки 60, ширина 30 шаговъ. Городище высоко подымается надъ окружающею мѣстностью. Собрано нѣсколько черепковъ, отчасти сѣрыхъ съ грубою примѣсью, отчасти гладкихъ.

3) Близь д. Клименки. Занято Скрябинскимъ могильникомъ. Слѣдовъ укрѣпленія нѣтъ. Собрано нѣсколько черепковъ сѣрой, а отчасти красной глины съ густою примѣсью грубой дресвы.

Инвентарный перечень вещей.

Курганы X в. Височныя подвѣски рис. 36 (№ 39, также № 33) бусы Серг. рис. 8 (№ 17, также № 23); цѣпочки Люц. IV, 5 (№ 39) и Влад. рис. 29 (№ 23); пуговка Влад. рис. 203 № 1 (№ 24); пряжки и поясныя бляшки рис. 1 (№ 23), рис. 2 (№ 4), рис. 3 (№ 23), рис. 5 (№ 7), рис. 6 (№ 23), рис. 7 (№ 4), рис. 8 (№ 12 и 23), рис. 9—13 (№ 23), рис. 14 (№ 32), рис. 15 и 16 (№ 23), рис. 17 (№ 24), рис. 18 и 19 (№ 23), рис. 35 (№ 7), Серг. рис. 20 (№ 23), Серг. рис. 41 (№ 17), Сиз. II, 6 (№ 4), Сиз. V, 2 (№ 24), Сиз. XI, 4 (№ 23), Сиз. XI, 5 (№ 24), Сиз. XI, 15 (№ 23), Сиз. XI, 25 (№ 23), Влад. рис. 356 (№ 39), Влад. рис. 358 (№ 53, также № 12, 23, 24, 32); гребни Влад. рис. 379 (№ 10) и Влад. рис. 371 (№ 23); ключи Сиз. рис. 12 (№ 24), Сиз. VI, 17 (№ 17 и 18); обоймица Влад. рис. 27 (№ 32); спиральки (№ 33 и 39); золотая канитель (№ 24); различныя подѣлки рис. 38 (№ 17), рис. 39 (№ 23), рис. 40 (№ 33), рис. 42 (№ 17); ножи Сиз. VIII, 18 (№ 7, также № 24 и 53); точилки Серг. рис. 81 (№ 8), Серг. рис. 86 (№ 7, также № 24); браслеты (№ 23 и 39); шильце Сиз. VII, 6 (№ 32); шашки рис. 33 и 34 (№ 24, также № 33); наконечники стрѣлъ Сиз. IX, 13 (№ 12), кольчуга (№ 24); рогъ рис. 37 (№ 23); гирьки Влад. рис. 75 (№ 23, также № 24); топоръ рис. 30 (№ 17); костяныя

пластинки рис. 20, 21, 23—25 (№ 23); войлокъ (№ 24); мѣдная посуда рис. 31 (№ 24) и рис. 32 (№ 23, также № 24); глиняная посуда рис. 26 и 29 (№ 24), рис. 28 (№ 18), Серг. стр. 65 № 3 (№ 12), № 4 (№ 4, 8, 10, 12, 18, 24), № 5 (№ 24), № 6 и 7 (№ 23), № 9 (№ 2 и 3), Серг. рис. 137 (№ 31, также № 23, 24, 27, 33, 39, 47); шпорцы, гвозди и иныя принадлежности оковки рис. 39 (№ 23), Серг. рис. 70 (№ 23, 24), рис. 72, 73, 78 (№ 24), рис. 80 (№ 8 и 23), Сиз. IX, 21 (№ 8 и 23), Сиз. XII, 4 (№ 23).

Курганы XI в. Височныя кольца рис. 41 (№ 40, 55, 56, 60), Иван. I, 6 (№ 64), Иван. I, 16 (№ 63), И. И. А. К. в. 6 табл. II, 10 (№ 54 и 62), табл. IV, 3 (№ 76, также № 63); серьга рис. 47 (№ 55); бусы Иван. XIV, 6 (№ 60), Иван. XV, 8 (№ 62, 63), Иван. XV, 2 (№ 56), Глаз. табл. XXII, 43, 71, 73, 81 (№ 60), 76 (№ 64), 77 (№ 54), Глаз. табл. XXV, 4 (№ 62 и 64), 45 (№ 54, 56), 76 (№ 55, 64), 77 (№ 55, 56, 62, 63, также № 56 и 60); подвѣски рис. 49 и 53 (№ 76), рис. 50 и 51 (№ 56), Влад. рис. 157 (№ 56), Влад. рис. 204 (№ 63), Влад. рис. 260 и 400 (№ 55, 63), Иван. табл. VI, 3 (№ 64), Иван. X, 6 (№ 55), Иван. табл. XII, 21 (№ 56), Глаз. табл. XXV, 40 (№ 62), И. И. А. К. в. 6 табл. I, 5, III, 8 и 17 (№ 55); цѣпочка рис. 52 (№ 55 и 63), И. И. А. К. в. 6 табл. III (№ 55); костыльки Иван. VI, 5 (№ 56, также № 69); желѣзная шейная гривна (№ 60); бубенчики Иван. VIII, 21 (№ 46); Глаз. табл. XX, 4 и XXIII, 8 (№ 54); ключи Влад. рис. 240 (№ 38, также № 60); гребни Влад. рис. 375 (№ 45 и 60); пряжки рис. 44 (№ 46 и 69), Влад. рис. 254 (№ 58) и рис. 365 (№ 46); стержень на кольцо Иван. XVII, 24 (№ 60 и 69); поясныя кольца Иван. XV, 6 (№ 38, 56, 60, 67, 69); браслеты рис. 48 (№ 56) и Влад. рис. 327 (№ 54, также № 64); перстни рис. 46 (№ 56), рис. 55 (№ 55), Влад. рис. 304 (№ 56), Влад. рис. 324 и 349 (№ 46), Влад. рис. 326 (№ 55), Глаз. табл. XXII, 31 и XXV, 30 (№ 56), Федов. рис. 12 (№ 45); свѣча (№ 54); монеты (№ 55); кольчужки (№ 55); ножи рис. 54 (№ 55) и 56 (№ 56), Влад. рис. 371 (№ 55, также 38, 40, 45, 60, 62, 63, 67, 69); кремь (№ 56); топоры рис. 57 (№ 46) и 59 (№ 54), Иван. XIX, 18 (№ 45 и 58); посуда рис. 4 (№ 38), рис. 43 (№ 46), рис. 45 (№ 45), рис. 58 (№ 54), Серг. стр. 65 № 8 (№ 38 и 45), № 4 (№ 54, также № 46).

Могильникъ XII в. См. стр. 209.

А. С.

*

Рис. 1.

Зауральскія древнія городища.

Пользуясь нѣкоторымъ притокомъ матеріала и подвергнувъ его предварительной систематизации, обращаемъ вниманіе мѣстныхъ ученыхъ учреждений и любителей на тему о древнихъ городищахъ, расположенныхъ по притокамъ р. Тобола, Исети и Пышмѣ. Городища эти вообще небольшихъ размѣровъ, имѣютъ, видимо, лишь обрядовое значеніе и принадлежатъ къ той извѣстной культурѣ поздняго мѣднаго вѣка, которая идетъ отъ времени за нѣсколько вѣковъ Р. Х. и имѣетъ обширнѣйшее распространеніе отъ Волги до Енисея и далѣе. Изслѣдованія этихъ городищъ, пока только лишь начатыя, должны выяснитъ вопросъ о дѣйствительномъ назначеніи ихъ, объ отношеніи ихъ культуры къ родственной камской и минусинской, объ отношеніи ея къ мѣстнымъ болѣе раннимъ и болѣе позднимъ древностямъ, о предѣлахъ распространенія городищъ. Ближайшія аналогіи для нихъ имѣются въ енисейскихъ и томскихъ жертвенныхъ мѣстахъ и въ костеносныхъ городищахъ и костяныхъ сѣверо-востока Европейской Россіи. Сами они, повидимому, идутъ въ глубь Сибири: городище того же времени намъ извѣстно близъ с. Большой Рѣчки Барнаульскаго окр. (коллекція г. Гуляева, см. Отчетъ Имп. Арх. Ком. 1898 г., стр. 83).

Обозрѣніе извѣстныхъ намъ городищъ даннаго типа (рис. 1) начинаемъ съ одного пермскаго.

1. Городище въ $\frac{1}{2}$ в. отъ д. Пенъки Кишертской вол., Кунгурскаго у., на р. Сылвѣ. К. М. Гавриленкомъ на скатѣ городища были найдены: 6 мѣдныхъ стрѣлокъ скифо-сарматскаго типа, костяной ножъ и черенки (Коллекція Историческаго Музея). Черенковъ я не помню, но находка стрѣлокъ говоритъ за принадлежность городища если не къ культурѣ, то ко времени описываемыхъ памятниковъ древности.

2. Городище «Островки» на оз. Иртяшѣ, на южномъ берегу, близъ Москина острова. Двѣ таблицы черепковъ съ оз. Иртяша и Вятскаго А. И. Зайцевымъ были доставлены въ Казанское Археологическое Общество; тутъ же мѣдная птичка. Въ 1887 г. на городищѣ производилъ раскопки Д. Н. Анучинъ, собравшій здѣсь коллекцію черепковъ съ примѣсю талька и безъ нея, пряслицы и ножи (Катал. Выст. Ярославск. Археол. Съѣзда, стр. 45). Въ 1891—1893 гг. на городищѣ произвелъ значительныя раскопки В. Г. Дружининъ. Это наиболѣе основательное изслѣдованіе городищъ даннаго типа, доставившее единственный по полнотѣ матеріаль. На Иртяшскомъ городищѣ найдены:

- 1) мѣдные наконечники стрѣлъ скиѳо-сарматскаго типа, трехгранныя, съ виѣшнею и внутреннею втулкою;
- 2) мѣдный простой кельтъ (рис. 12);
- 3) мѣдная большая круглая гладкая бляшка съ ушкомъ;
- 4) каменныя литейныя формочки, изъ трехъ частей, и литнички;
- 5) маленькій каменный молотокъ ромбической формы;
- 6) подвѣски изъ медвѣжьихъ клыковъ и лошадиного зуба;
- 7) Костяные наконечники стрѣлъ: трехгранные съ небольшими высокими плечиками и широкимъ срѣзаннымъ къ концу насадомъ (рис. 11), меньшей величины плоскіе безъ плечиковъ (рис. 15), круглые въ видѣ длиннаго стержня съ расширенной головкой, небольшіе круглые съ плоскимъ насадомъ;
- 8) костяной наконечникъ или острога съ зубцомъ на боку (рис. 23);
- 9) неопредѣленныя подѣлки изъ кости и рога, преимущественно заостренія, большія и малыя, весьма разнообразныя и въ значительномъ количествѣ (рис. 20--22); подѣлка рис. 19 напоминаетъ вилку;
- 10) пряслица изъ головки кости;
- 11) множество черепковъ, одинаковыхъ съ найденными на городищѣ оз. Нанюги, съ примѣсю талька;
- 12) глиняныя пряслицы, составляющія весьма характерныя и обильныя находки. Это — гладкіе кружки съ отверстіемъ посрединѣ, въ толщину черепковъ, изъ которыхъ они нерѣдко и изготовлялись. Край всегда прямой, орнаментъ очень рѣдокъ (состоитъ изъ концентрическихъ круговъ), форма не всегда правильная. На рис. 33 представлено близкое по формѣ пряслице изъ иной мѣстности. Величина разная — отъ 4,5 до 2 сант., чаще до 4 сант.;
- 13) гладкія удлиненныя гальки, съ отверстіями и безъ нихъ (рис. 13, 14, 16), очень частыя находки;

- 14) безформенные осколки кремня;
- 15) желѣзные ножи, желѣзная заготовка, желѣзная пѣшня;
- 16) позднія подѣлки (XIII—XIV в.): обломок мѣднаго зеркала, серьги со стерженькомъ внизъ, мѣдная коническая чудская подвѣска;
- 17) разбитыя кости животныхъ;
- 18) два куска небольшой глиняной трубы;
- 19) два точильные камня, плотно укрѣпленные помощью другихъ камней.

Городище расположено на берегу озера, на высотѣ не болѣе 1 саж., на мысу. Длина его 24, ширина посрединѣ 14 с. Кругомъ городища (кромѣ линіи берега) обнаружена каменная булыжная кладка, посрединѣ остатокъ горна, выложеннаго слоемъ бѣлой, уже обожженной глины. Такіе же горны обнаружены въ значительномъ количествѣ около западной стороны городища; при нихъ попадаетея много шлаку съ большимъ, до 50⁰/_о, содержаніемъ желѣза. Культурный пластъ мѣстами залегаетъ толщиною въ ростъ человѣка (Отч. Имп. Арх. Ком. 1891, 106; 1892, 70; 1893, 22).

3. Городище на островѣ озера Больш. Нанюги, въ 10 в. отъ Кыштыма, у займки Карташова. Островъ въ настоящее время уже соединился съ материкомъ такъ называемой лабузой (плавучая поросль), впрочемъ, еще не достаточно крѣпкой. Городокъ расположенъ на продолговатомъ возвышеніи, занимающемъ западную сторону острова, длиною 51, шириною 20—9 саж., съ перехватомъ посрединѣ. Одною длинною стороною онъ примыкаетъ къ озеру, крутизною до 10 саж.; съ противоположной стороны, гдѣ имѣется довольно широкая полоса земли, огражденъ ровомъ и валомъ. Площадка поката на Ю., куда сползъ и жилой слой, доходя до 1¹/₂ арш. толщины. Раскопки, произведенныя на городищѣ въ 1887 г. Д. Н. Анучинымъ (Указат. Выставки Яросл. Съѣзда, стр. 46), кромѣ черепковъ (съ талькомъ), дали: костяныя шилья, пряслицы, костяную стрѣлку, мѣднаго зайчика (приблизительно VIII в.) и позднее мѣдное зеркало (XIV в.). Болѣе основательное изслѣдованіе городища произведено было въ 1891 и 1894 гг. В. Г. Дружининимъ. Раскопки были произведены вдоль вала на скатѣ и у подошвы. Найдены въ большомъ количествѣ раздробленныя кости животныхъ, мелкія рыбы кости, черепки, но вообще находокъ было меньше, чѣмъ на Иртяшскомъ городищѣ. Отдѣльныя вещи: мѣдная скобка съ ремнемъ, желѣзные ножи и серпъ, заготовка изъ кости, пряслицы, гальки съ отверстіями, обломокъ большой мѣдной бляхи. Основной и почти единственный орнаментъ черепковъ—легкій зубчатый съ нажимомъ на одномъ концѣ (рис. 24 и 27);

располагается въ елочку, лѣсенкой, зубцами, рядами, фестонами. Рѣдкіе орнаменты: линіи треугольниковъ (какъ рис. 18) и линейный зубчатый. У подножія городища съ восточной стороны попадались куски шлака и обожженной руды. Шурфъ, пробитый до глубины 2 арш., обнаружилъ здѣсь слѣды горна (спекшіеся отъ огня куски глины, шлакъ, обгорѣлая руда, уголь, зола), формы котораго, однако, уже невозможно было возстановить. (Вещи въ Историческомъ Музеѣ.—Въ Архивѣ Импер. Археол. Ком. дѣла 1893, 63 и 1894, 80. Отч. Импер. Арх. Ком. 1891, 107; 1894, 29).

4. На остр. Суховѣ (Аятское озеро въ Кыштымскихъ дачахъ) Д. Н. Анучинымъ въ 1887 г. собраны: черепки съ мелкимъ орнаментомъ, мѣдныя стрѣлки сарматскаго типа, мѣдный кельтъ, каменный пестъ и нѣкоторыя подѣлки изъ камня (4 скребка и 4 стрѣлки изъ песчаника, клинъ). Возможно существованіе здѣсь городища (Катал. Выст. Ярослав. Археол. Съѣзда, стр. 47).

5 и 6. На Караульной горѣ близъ Сѣверскаго завода и на Думной горѣ близъ Полевскаго завода Д. Н. Анучинымъ въ 1887 г. кромѣ черепковъ (неизвѣстнаго намъ состава и орнамента) и болѣе позднихъ мѣдныхъ птичекъ найдены вещи времени описываемыхъ городищъ: мѣдныя стрѣлки сарматскаго типа, мѣдный наконечникъ копья, круглая мѣдная бляха съ ушкомъ, плоскія каменныя грузила, руда, кости животныхъ (тамъ же, стр. 44). Черепки Думной горы многочисленны и разнообразны; есть съ талькомъ и съ кварцемъ, есть съ веревочнымъ орнаментомъ.

7—8. Два городища на С. берегу оз. Иткуля, расположенныя рядомъ, одинаковаго устройства, въ видѣ полуовала (рис. 2). Первое длиною 92 м., шириною 34 м., высота вала 1,4 м., высота берега 15 м. На глубинѣ 0,3 м. попадаютъ черепки, кости, шлакъ, небольшіе кусочки мѣди. Нѣсколько восточнѣе, въ каменоломнѣ, на вершинѣ небольшой горки, неоднократно были находимы мѣдныя вещи; здѣсь г. Толмачевымъ найдены мѣдные: наконечникъ стрѣлы сарматскаго типа, наконечникъ копья, 2 гладкія круглыя бляхи съ ушкомъ и длинный мѣдный ножъ минусинскаго типа, съ отверстіемъ на тупомъ концѣ, черепки, осколки кремня и расколотыя челюсти человѣка отъ двухъ череповъ. По берегамъ озера имѣется еще нѣсколько стоянокъ съ такими

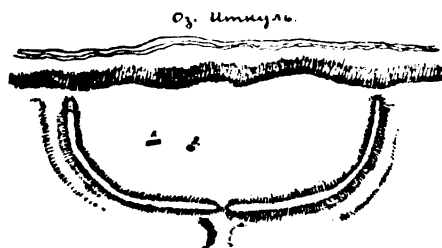

Рис. 2.

же находками, какъ на первомъ городищѣ. Второе Иткульское городище нѣсколько меньшихъ размѣровъ, безъ входа.¹⁾

9. Городище противъ д. Слободчиковой на р. Синарѣ (рис. 3). Длина 21, ширина 19 м., высота валовъ 0,9 м., высота берега 13 м. По лѣвой сторонѣ выступаютъ глыбы известняка.

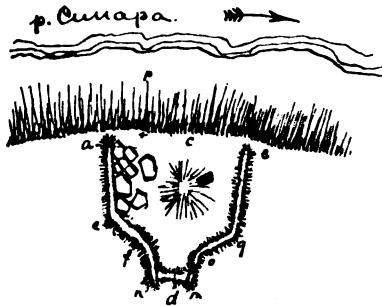

Рис. 3.

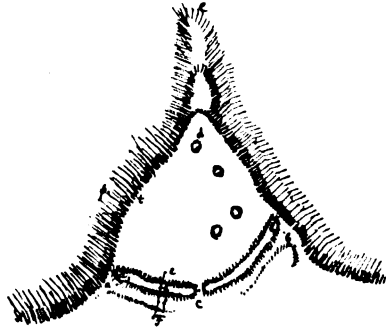

Рис. 3 а.

10. Городище противъ Чесноковской мельницы, на правомъ берегу Синары (рис. 3 а). Длина у вала 31 м., длина правой стороны 16 м., лѣвой—23 м., высота вала 1,1 м., высота берега 16 м.; четыре ямы глубиною 0,4 м., шириною 1,4 м.; входъ. Недалеко отъ городища, на низкомъ мѣстѣ, чесноковская пашня, съ богатымъ культурнымъ пластомъ размѣровъ 30×40 м. Здѣсь кромѣ массы черепковъ г. Толмачевымъ найдены мѣдный кельтъ, очень простой формы, нѣсколько каменныхъ издѣлій, костяной наконечникъ стрѣлы, пряслице изъ головки бедренной кости. Основной орнаментъ черепковъ—насѣчка полосками и въ елочку; попадаетъ насѣчка въ косой крестъ, зубчатый орнаментъ, уголки, кружечки, насѣчка въ уголь (рис. 17 и 28).

11. Городище Каменногорское, недалеко отъ предыдущаго. Обведено валомъ въ видѣ полукруга; длиною 75 м., высота вала 1,4 м. Посрединѣ возвышеніе, въ углу спускъ внизъ. Черепковъ попадаетъ не менѣе, чѣмъ на Чесноковской пашнѣ. Очень частый орнаментъ ихъ—насѣчка въ косой крестъ (рис. 25); встрѣчаются и всѣ остальные орнаменты, а кромѣ того—мелкій ямочный, рябчатый (рис. 26), щипками, выпуклый. Вообще орнаментъ разнообразенъ, и въ общемъ, кажется, нѣсколько старше, чѣмъ на другихъ городищахъ. Сосуды имѣютъ сильно суженное горло и очень выпуклыя плечики; днища не опредѣлены, но

¹⁾ Свѣдѣнія о синарскихъ и шадринскихъ городищахъ и курганахъ заимствуются (какъ и рисунки) изъ записки Влад. Яковл. Толмачева, доставленной намъ еще въ 1902 г. Позднее изданіе записки авторъ настоящей замѣтки пытается заглазить систематизаціей всего аналогичнаго матеріала.

возможно, что они были круглыя. Встрѣчены также обломки каменныхъ, шлифованныхъ молотковъ, пряслице.

12. Въ недалекомъ разстояніи ниже расположено еще третье городище, очень небольшое, типа рис. 3а. Длина вала 33, длина сторонъ 15 и 14 м., высота вала 0,7 м., высота берега 8 м. Слѣды рва. Въ пробной ямкѣ глубиною 0,8 культурнаго слоя не открыто.

13. Городище ниже устья р. Караболки, впадающей въ Синару, въ уроч. Соляной бродъ, на лѣвомъ берегу (рис. 4). Валъ фигурный, длиною 57 м., длина сторонъ по 24 м. Слѣды вала и два возвышенія на площадкѣ. Высота вала 1 м., высота берега 12 м. Культурный слой на глубинѣ 0,5 м., съ обычными находками.

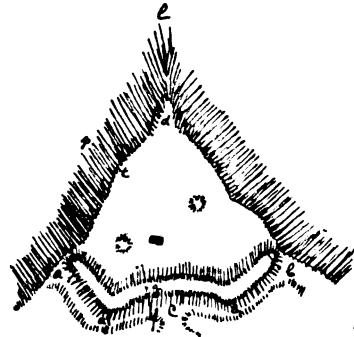

Рис. 4.

14. Городище, расположенное противъ предыдущаго, Скалистое. Стрѣлка раздвоена, валъ и ровъ мало замѣтны, въ тылу возвышеніе. Длина вала 18 м., длина площадки не больше. На стрѣлкѣ выступает известнякъ. Высота берега 15 м. На окружающихъ пашняхъ крестьянами были найдены: мѣдный ножъ съ мѣдною же ручкой, расширенной въ сторону клинка, мѣдный наконечникъ копья съ вырѣзами, разныя подѣлки изъ кости, глиняныя и каменные пряслицы, птицевидный идолъ (рис. 468 на стр. 141) и пр.

р. Караболка →

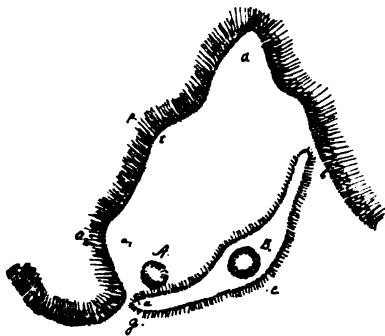

Рис. 5.

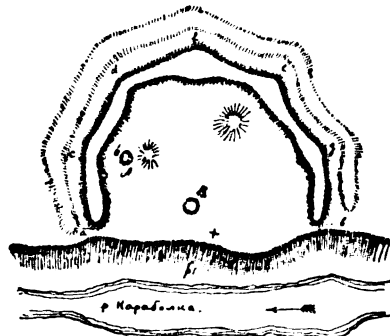

Рис. 6.

15. Городище близъ д. Чокоровой на р. Караболкѣ, выше ея устья, сравнительно большихъ размѣровъ (рис. 5). Длина вала 60 м., высота его 0,5 м., длина сторонъ 72 и 25 м. На валу и около него ямы по 0,8 м. глубиною.

16. Новое городище, значительно выше по р. Караболкѣ, пѣ-

сколько далѣе устья р. Елманчихи (рис. 6), близъ д. Новой. Длина 65 м., высота вала 0,7 м., высота берега 7 м. На площадкѣ двѣ ямы и два возвышенія.

17. Городище въ 15 в. отъ с. Катайскаго, Камышловск. у., при впаденіи Синары въ Исеть. На мысу, съ однимъ валомъ, на площадкѣ 2 большія ямы, въ которыхъ въ изобиліи желѣзная руда и шлаки. Встрѣчены черепки съ примѣсью слюды (?), много костей животныхъ, глиняное грузило. Руда находится не ближе Каменскихъ заводовъ, въ 45 в. отъ с. Катайскаго. Близъ городища по берегу рѣки попадаетъ масса черепковъ грубой работы, замѣчательной толщины, безъ примѣси слюды (свѣдѣнія П. Ө. Первушина).

18—20. Ниже по р. Исети у с. Ильинскаго расположены 3 городища, въ разстояніи до 2 в. другъ отъ друга, съ валами полукруглой формы. Въ районѣ городищъ большая площадка, занятая ямами, въ которыхъ попадаютъ угли, глина, смѣшанная съ черноземомъ, черепки, подобные городищенскимъ. Находки на этихъ городищахъ пока не опредѣляютъ ихъ времени.

21. Еще ниже у с. Черемисинскаго какой-то валъ, а за нимъ небольшія возвышенія, какъ бы памогильныя и нѣсколько кургановъ (свѣдѣнія П. Ө. Первушина).

22. Между Далматовымъ и Шадринскомъ у с. Замараевскаго Зыряновъ знаетъ какое-то круглое городище, огражденное валомъ и рвомъ. Валъ до 30 саж. въ діаметрѣ. (Изв. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. IV, стр. 411).

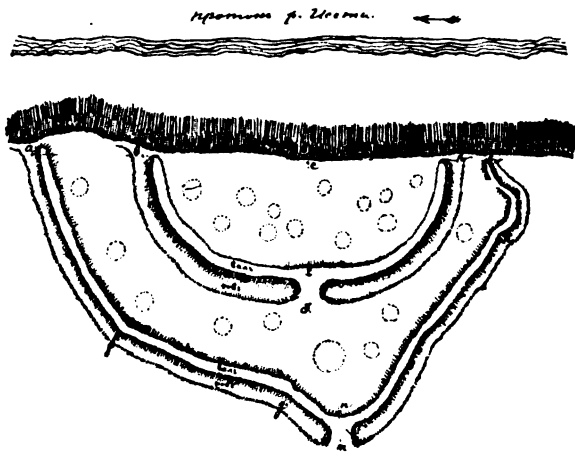

Рис. 7.

23. Городище близъ д. Мыльниковой, выше Шадринска (рис. 7), описанное еще Зыряновымъ, но съ совершенно фантастическимъ чертежомъ (Изв. Имп. Русск. Арх. Общ., т. IV, стр. 407).

Длина внутренняго вала 98 м., длина внѣшняго 172 м., длина линіи берега 100 м., высота внутренняго вала 2,5 м., высота внѣшняго 1,1 м., высота берега 16 м. Площадка сильно изрыта ямами.

24. Рядомъ съ предыдущимъ расположено другое городище, весьма

небольшихъ размѣровъ, съ валомъ полукруглой формы, также изрытое. Длина его 21 м., высота вала 0,6 м., длина вала 36 м.

25. Ближе къ г. Шадринску у д. Полевой городище, расположенное на узкомъ мысу и снабженное двумя валами (рис. 8). Длина его до 60 м., ширина 25 м., высота вала 1 м.

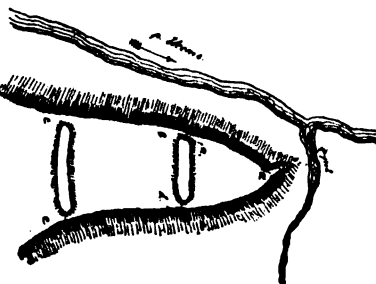

Рис. 8.

26. Въ 2 — 3 в. ниже Шадринска у д. Бакалды два городища, одно близъ другого. Первое большое, треугольной формы (рис. 9). Длина сторонъ по 100 м., длина валовъ 115 и 70 м., высота берега 17 м., высота внутренняго вала 3,5 м., внѣшняго—всего 1 м.

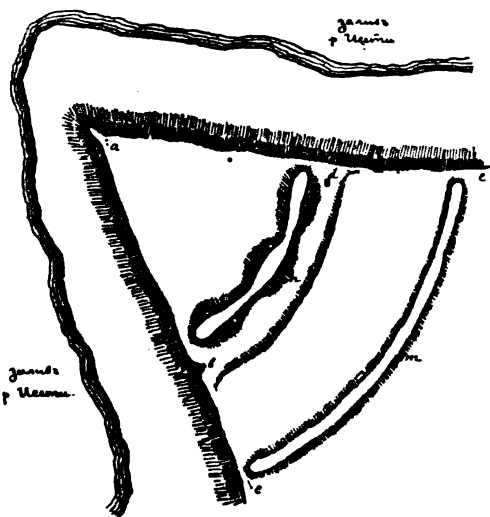

Рис. 9.

27. Второе Бакалдинское городище небольшихъ размѣровъ, также треугольной формы, ограждено валомъ и рвомъ. Длина рва 35 м., высота вала 1,7 м., высота берега 16 м.

28. Городище выше д. Боровой, которое можно назвать Носиловскимъ, по фамилии К. Д. Носилова, извѣстнаго изслѣдователя сѣвера, имѣющаго здѣсь усадьбу (рис. 10). При копаніи ямъ въ городищѣ всюду находимъ былъ толстый культурный слой съ черепками, костями животныхъ, костяныя и каменные вещи, пластинки мѣди; встрѣчены также остатки досокъ и бревень.

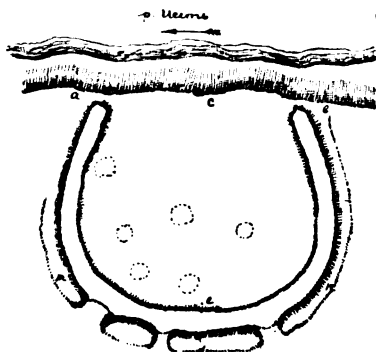

Рис. 10.

29. Городище у д. Палкиной на р. Исети, въ 10 — 12 в. отъ Екатеринбурга, въ дачѣ Верхне-Исетскихъ заводовъ, извѣстно съ 1857 г. Въ 1859 г. коллекція вещей отсюда, поднесенная купцомъ Сиговымъ вел. кн. Константину Николаевичу, поступила въ Императ. Русск. Археолог.

Общ. (Изв. Общ. II, 384); среди мѣдныхъ чудскихъ образковъ въ этомъ собраніи находятся черепки, орнаментированные въ косої крестъ (какъ рис. 25) и мѣдная бляха съ ушкомъ (Атласъ г. Аспелина, рис. 583—603). Вблизи, видимо, находится могильникъ. Въ 1876 г. здѣсь производилъ раскопки Малаховъ (Труды Казанск. Археол. Съѣзда т. I, 114—117). Изъ подробнаго описанія черепковъ Палкинскаго городища, сдѣланнаго гг. Клеромъ и Өаддѣевымъ (Матеріалы по археологіи восточныхъ губерн., т. II, 1—12), видно, что они частью принадлежатъ каменному вѣку, частью описываемой культурѣ. Къ послѣднимъ принадлежатъ черепки: съ орнаментомъ линейнымъ въ косої крестъ (какъ рис. 25), въ слочку (рис. 29), зубчатымъ и уголками (рис. 18), линейнымъ въ полоску (какъ рис. 28), характернымъ подковообразнымъ (рис. 30), большими мелкозубчатыми ромбами.

30. Городище у с. Кашинскаго Камышловскаго у. на р. Кунарѣ, описанное Гебауэромъ (Зап. Ур. Общ. Л. Е. т. XI в. 1, 1887 г.). Расположено на очень высокомъ и длинномъ мысу. Въ тылу два вала со рвомъ; на площадкѣ ближе къ нимъ загадочный валь въ формѣ подковы, выходомъ въ сторону. Г. Гебауэръ прорѣзалъ насквозь оба крыла этого вала. Оказалось, что онъ состоитъ изъ известковаго камня, прикрытаго культурнымъ слоемъ, въ которомъ найдены угли, обломки костей, домашнихъ животныхъ, черепки и незначительныя подѣлки, именно глиняное пряслице въ видѣ кружка, нѣсколько костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ (съ тупыми плечиками, приблизительно типа рис. 49), глиняная бусинка, ножъ; черепки, повидимому, съ зубчатымъ и веревочнымъ орнаментомъ и, судя по имѣющимся грубымъ рисункамъ, мало подходятъ къ общему характеру посуды городища даннаго типа. Въ раскопѣ найдены остатки двухъ столбовъ, поставленныхъ на плиты, толщиною 16 сант. Въ основаніи кладки среди костей животныхъ найденъ также небольшой обломокъ верхней челюстной кости человѣка.

31. Близъ д. Кокшаровой Нижне-Тагильскаго окр. на возвышенномъ берегу болота г. Гендриховымъ въ 1891 г. найдена культурная площадка изъ золы, угля и черепковъ посуды съ круглымъ дномъ. Орнаментъ черепковъ очень оригиналенъ: онъ зубчатый, но исполненъ не штампомъ, а передвиженіемъ узкой палочки; зубчики частые, изрѣдка же рѣдкіе. Орнаментъ располагается линіями или же струйчато. Есть линіи двойныя. Видимо, это болѣе старый орнаментъ, но онъ сохранился и на посудѣ городищъ, въ видѣ линій изъ уголковъ (Въ архивѣ И. А. К. дѣло 1891, 61).

32. По свидѣтельству г. Клера, черепки съ оз. Кисыкуль, въ

Златоустовской лѣсной дачѣ, собранные Шпаковскимъ, аналогичны Палкинскимъ (скорѣе древнѣйшимъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними найдены вещи каменнаго вѣка, см. Изв. Геогр. Общ. XX, стр. 354).

Въ несомнѣнной связи съ описываемыми городищами находятся расположенные въ районѣ ихъ распространенія курганы. В. Я. Толмачевъ отмѣчаетъ слѣдующіе курганы на Синарѣ: два на восточномъ берегу оз. Иткуль, нѣсколько на оз. Пороховомъ, два у Чесноковскаго и Каменногорскаго городищъ; на р. Караболкѣ: группа кургановъ у д. Русск. Караболка (въ верховьяхъ), группа по рч. Елманчихѣ у д. Кунакбаевой, три группы у д. Мал. Кизыловой (11, 5, 10 кургановъ), группа у д. Чокоровой (одинъ, высотой 2,8 м., былъ раскопанъ, кажется, граф. Уваровымъ), группа у д. Усть Кораболки (изъ нихъ раскопано 4), на берегу оз. Маянъ: большая группа между д. Сѣрковой и Муриной (не менѣе 50 насыпей, высотой 1—1,4 м., разложистые), группа у оз. Шаблишъ (по р. Багаряку). Близъ Шадринска то же лицо отмѣчаетъ группы кургановъ въ районѣ Мыльниковскихъ и Полевскаго городищъ и три группы въ окрестностяхъ самого города; изъ нихъ самая значительная—Мыльниковская. Извѣстны Замараевскіе курганы, раскопанные Зыряновымъ и Зографомъ (Heikel, *Antiquités de la Sibérie occidentale* табл. XV, стр. 67—70; *Béla de Pósta, Archeologische Studien*, т. I, стр. 364, 367; *Зап. Уральск. Общ. Любит. Ест.* т. VII, вып. 1, 73—85; *Антропол. Выст.* II, 195—201; III, 182—185). Курганы того же района и типа раскапывалъ г. Гейкель близъ г. Ялотуровска (Heikel, стр. 87—108). Всѣ эти курганы сравнительно большихъ размѣровъ; курганы маленькіе, разсѣянные въ обилии въ данномъ районѣ, принадлежатъ, повидимому, позднѣйшимъ кочевникамъ.

Весьма вѣроятно, что исетскіе городища и курганы составляютъ одно цѣлое съ расположенными по р. Тоболу, Ишиму и, быть можетъ, тарскими ¹⁾ и барнаульскимъ. Ближайшимъ образомъ, они, по всей вѣроятности, принадлежатъ той же культурѣ, какъ коллекція золотыхъ вещей Кунсткамеры. Конечно, курганы и городища столь широкаго района могутъ принадлежать не одному времени и не одному народу, и, кромѣ того, параллельно съ курганами здѣсь погребенія могли совершаться и въ могильникахъ. Серьезныхъ археологическихъ изысканій въ Западной Сибири, можно сказать, еще не было производимо, и мы не знаемъ, что они намъ дали бы.

---

¹⁾ Словцовъ, И. Я. Матеріалы о распредѣленіи кургановъ и городищъ въ Тобольской губ. Томскъ. 1870.

Рис. 11. 1/2.

Рис. 12. 1/2.

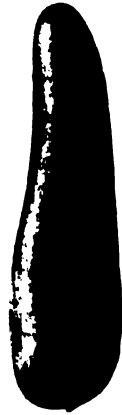

Рис. 13. 1/2.

Рис. 14. 1/2. Нанюга. Рис. 15. 1/2

Рис. 16. 1/2. Иргяшъ.

Рис. 17. Чесноковское.

Рис. 18. 3/4. Палкина.

Рис. 19. 1/2.

Рис. 20. 1/2.

Рис. 21. 1/2.

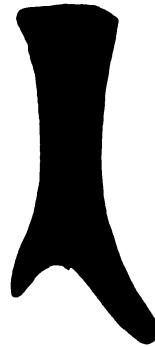

Рис. 22. 1/2.

Рис. 23. 1/2.

Рис. 24. $\frac{1}{2}$. Наного.

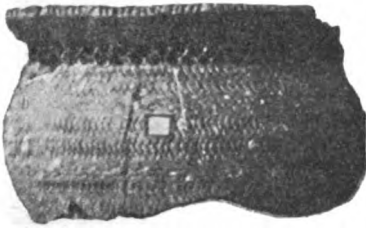

Рис. 25. Каменногорское.

Рис. 26. Каменногорское.

Рис. 27. $\frac{1}{2}$. Наного.

Рис. 28. Чесноковское.

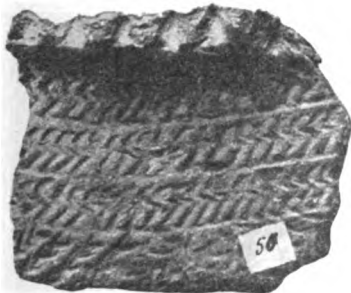

Рис. 29. $\frac{2}{3}$. Палкина.

Рис. 30. $\frac{2}{3}$. Палкина.

Рис. 31. $\frac{3}{4}$.

Рис. 32. $\frac{1}{1}$.

Рис. 33. $\frac{3}{4}$.

Рис. 34. $\frac{1}{2}$.

Рис. 35. $\frac{2}{3}$.

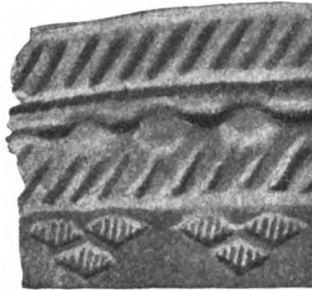

Рис. 36. $\frac{1}{1}$.

Рис. 37. $\frac{1}{1}$.

Рис. 38. $\frac{1}{2}$.

Рис. 39. $\frac{1}{2}$.

Чувашское городище.

Рис. 40. $\frac{3}{4}$.

Рис. 41. $\frac{1}{1}$.

Рис. 43.

Рис. 44. $\frac{1}{3}$.

Рис. 45. $\frac{1}{2}$.

Рис. 46. $\frac{1}{2}$.

Рис. 42. $\frac{2}{3}$.

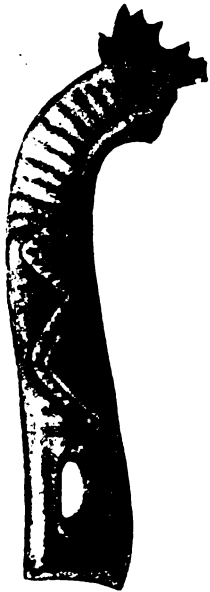

Рис. 47. $\frac{2}{3}$.

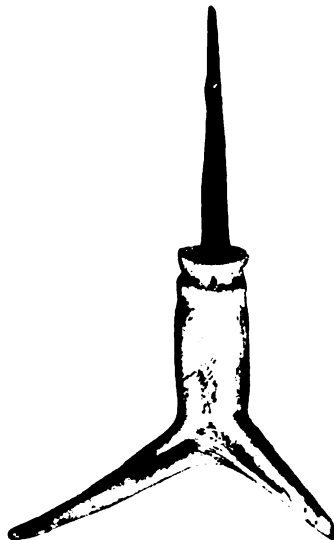

Рис. 48. $\frac{1}{2}$.

Чувашское городище.

Рис. 49. $\frac{1}{2}$.

Рис. 50. $\frac{1}{2}$.

Послѣднія открытія показываютъ, что различныя находки въ торфяникахъ золотыхъ пермскихъ рудниковъ, главнымъ образомъ костяныя подѣлки, должны быть относимы также къ культурѣ описываемыхъ городищъ и кургановъ.

Извѣстное городище на Чувашскомъ мысу близъ Тобольска ¹⁾ содержитъ вещи трехъ различныхъ культуръ, и древнѣйшая изъ нихъ примыкаетъ къ культурѣ исетскихъ городищъ. Къ нижнему слою Чувашскаго мыса мы причисляемъ: мѣдные кельты, мѣдныя и кремневныя стрѣлки (рис. 41), каменные клинья, костяные наконечники стрѣлъ (рис. 43 и 49, есть и съ плечиками), костяныя острія и заготовки, остроги (рис. 45), пряслицы, посуду съ круглымъ дномъ и орнаментомъ линейнымъ, зубцами, углами, зубчатымъ, ромбическимъ, ямочнымъ (рис. 36, 38 и 39). Представляемъ изображенія нѣкоторыхъ вещей, время которыхъ не беремся опредѣлить: глиняныя пряслицы иныхъ типовъ (рис. 31—33, 37, 40), глиняная фигурка всадника рис. 34, глиняныя рюмочки рис. 35, глиняныя чашки рис. 38 и 39, костяные ножи рис. 44 и 50, костяные наконечники стрѣлъ рис. 42 и 46, желѣзное шило съ костяною рукояткою рис. 48, фигурная костяная подѣлка въ видѣ половины псалія рис. 47.

А. Спицынъ.

---

¹⁾ Heikel A. x., Antiquités de la Sib. occid. табл. I—XI, стр. 1—49; Атласъ рисунковъ въ архивѣ Импер. Археол. Коммиссія.

Сибирская коллекція Кунсткамеры ¹⁾.

Коллекція предметовъ древности, собранная энергіею и счастьемъ Петра Великаго, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ достояній русской археологіи. Правда, она вотъ уже два вѣка лежитъ подъ спудомъ, доступная лишь поверхностному обозрѣнію, никѣмъ не описанная, никѣмъ научно не взвѣшенная, даже никѣмъ и нигдѣ не изображенная въ полномъ составѣ, но всѣ мы знаемъ, что это сокровище большой цѣны. Тотъ еще не можетъ считаться археологомъ, кто не обращать пытливаго вниманія въ сторону этого чудеснаго и загадочнаго собранія. Отсутствіе изданія вещей петровской Кунсткамеры является реальнѣйшимъ показателемъ слабости русской археологіи, очевидно, еще не создавшей для себя прочныхъ устоевъ.

Почти вся коллекція древнихъ вещей Кунсткамеры происходитъ изъ Сибири и представляетъ лишь незначительную часть богатой добычи, собранной при грандіозныхъ хищническихъ раскопкахъ мѣстныхъ кургановъ, произведенныхъ пришлымъ русскимъ населеніемъ въ концѣ XVII и первой четверти XVIII в. Нельзя безъ душевной боли слѣдить за исторіей этихъ хищеній.

Уже отъ 1669 г. имѣется свѣдѣніе, что «около Исети и въ окружности оной русскіе люди въ татарскихъ могилахъ или кладбищахъ выкапываютъ ²⁾ золотыя и серебряныя всякія вещи и посуду» (Сибирскія древности вып. V, 21). Изъ прямыхъ словъ Витсена, имѣвшаго въ Сибири агента, видно, что въ XVII в. раскопки сосредоточены были по лѣвую сторону Иртыша и не переходили на востокъ далѣе Тобольска. Въ 1705 г., онъ писалъ: «Много лѣтъ тому назадъ въ

---

¹⁾ Рефератъ, прочитанный въ Импер. Русск. Археол. Общ. въ 1901 г. Новыхъ разысканій авторомъ не было произведено.

²⁾ Весьма возможно, что первыя находки сдѣланы были при добычаніи изъ кургановъ селитры.

Сибири близъ Tobольска, Тюмени, Верхотурья и въ другихъ мѣстахъ на ровной степи были вскрыты курганы, сначала случайно, а впоследствии умышленно, и въ нихъ найдены были склепы», въ которыхъ оказались: «остатки покойниковъ со всякаго рода утварью, ушными привѣсками, браслетами, идолами, цѣпочками и металлическими кубками, серебряными и мѣдными. Сначала крестьяне сохраняли это въ тайнѣ, но затѣмъ воеводы тамошніе, изъ московитовъ, стали собирать эти вещи и, не найдя въ нихъ ничего рѣдкаго, расплавляли ихъ ради цѣнности матеріала» (Сибирск. древн. вып. XV, 128). О находкахъ золотыхъ предметовъ Витсенъ, однако, почти ничего не знаетъ (ib. III, 4); сообщаемый имъ перечень найденныхъ вещей пока весьма не разнообразенъ. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ этими данными находятся и всѣ другія имѣющіяся свѣдѣнія о находкахъ въ сибирскихъ курганахъ за этотъ періодъ. Салтыковъ изъ могильнаго серебра сдѣлалъ на память эфесь шпаги (ib. III, 4 и XV, 129), воевода Головинъ тщательно сохраняетъ серебряную чашку, найденную въ 1688 г. въ могилѣ въ Самаровѣ (ib. III, 3), капитанъ Матигоровъ, раскопавшій курганъ въ устьѣ Исети въ 1702 г., по приказанію дьяка Виніуса, находитъ здѣсь вещи незначительныя (ib. V, 23).

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе въ курганахъ начинаютъ находить золота. Витсенъ отъ 1710 г. даетъ рисунки золотой шейной гривны, серьги, перстня, единорога, найденныхъ въ одномъ изъ сибирскихъ кургановъ (ib. XV, 129). Приблизительно съ 1714 г. въ извѣстіяхъ изъ Сибири слышится болѣе тревожная нотка. Въ письмѣ отъ 1 іюня 1714 г. Витсенъ отмѣчаетъ, что изъ Tobольска ему были посланы браслеты, серьги, идолы и другіе предметы, всѣ изъ чистаго золота, вѣсомъ 1½ ф., нѣкоторые съ изображеніемъ драконовъ и божествъ. Вещи эти были, однако же, перепроданы кому-то на пути и не попали къ Витсену. Вскорѣ онъ однако былъ обрадованъ полученіемъ другой партіи подобныхъ же золотыхъ вещей, хорошія изображенія которыхъ помѣщены въ последнемъ изданіи его сочиненія (1785 г.). Сюда входили: браслеты, изрядное количество различныхъ сережекъ, двѣ массивныя литыя ажурныя бляхи, изображающія драконовъ съ изогнутымъ туловищемъ, бляха вѣсомъ въ 100 гульденовъ съ изображеніемъ борьбы кабана и змѣи, бляшки съ изображеніемъ грифона, осла, наконечники въ видѣ трубочекъ, сосудъ для питья и пр. Всѣ предметы, по словамъ Витсена, превосходной работы. Они спасены были лишь благодаря бдительности агента Витсена и обѣщанію богатыхъ наградъ, такъ какъ всѣ находимыя въ курганахъ вещи подвергались сплавкѣ (ib. XV, 133).

Гдѣ были найдены всѣ эти вещи? По свѣдѣніямъ и догадкамъ Витсена, «мѣсто находки сибирскихъ рѣдкостей приблизительно подѣ 60-мъ градусомъ сѣверной широты» (ib. XV, 133).

Шестидесятый градусъ пересѣкаетъ Иртышъ между Тобольскомъ и Самаровымъ, а далѣе идетъ вдоль теченія Оби, переходя ее ниже Нарыма. Но вся эта мѣстность покрыта рядомъ обширныхъ болотъ, и на ней совершенно неизвѣстно кургановъ; она необитаема и по настоящее время. Очевидно, Витсенъ, дѣлая отмѣтку о градусѣ, имѣлъ въ виду лишь мѣстоположеніе Тобольска и его окрестностей, какъ главное мѣсто, откуда получались предметы, въ дѣйствительности же они добывались въ степныхъ пространствахъ, лежащихъ много ниже. Тамъ наибольшее скопленіе кургановъ извѣстно по теченію р. Тобола, въ Курганскомъ и Ялтуровскомъ у. Но такъ какъ это какъ разъ мѣстность первоначальныхъ хищническихъ раскопокъ, и къ 1714 г. она могла быть въ наибольшей части истощена, то является необходимость предположить, что находки, попавшія въ руки Витсену, выкопаны восточнѣе. Здѣсь ближайшій курганный этапъ—среднее теченіе р. Ишима, а дальнѣйшій—тарское теченіе р. Иртыша, примыкающее къ обширнѣйшему курганному некрополю, расположенному по теченію р. Оми до г. Каинска. Естественнѣе всего думать, что въ одномъ изъ этихъ двухъ районовъ и собрана была Витсенова коллекція. Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно стоять скорѣе за первую мѣстность, именно на томъ основаніи, что по одному свидѣтельству, записанному у Мессершмидта, на Оби первыя раскопки начаты были ишимцами. Безъ сомнѣнія, ишимцы должны были получить вкусъ къ раскопкамъ у себя на родинѣ, послѣ особенно удачныхъ раскопокъ, которыя одинъ могли обратить ихъ досужее занятіе въ прямое ремесло. Конечно, съ другой стороны, это соображеніе не мѣшаетъ признавать вполне возможнымъ, что ишимцы, извѣстные предприимчивостью, могли первоначально проникнуть съ Ишима на Омь, получить здѣсь особенно значительную добычу и передвинуться далѣе на Обь. Во всякомъ случаѣ, или Ишимъ, или Тара, потому что на Оби массовыя раскопки кургановъ начались, какъ можно думать, позднѣе 1714 г. Кромѣ того, трудно предположить, чтобы агентъ Витсена, проживавшій въ Тобольскѣ, могъ простирать свою дѣятельность до верхняго теченія Оби. Впрочемъ, все это лишь догадки, имѣющія лишь относительное значеніе, только въ виду полного отсутствія опредѣленныхъ указаній. Раскопки Гейкеля въ Курганскомъ округѣ на Тоболѣ и Чугунова въ Каинскомъ обнаружили расхищенные курганы именно того времени, къ которому, по нашему мнѣнію, могутъ быть относимы вещи Витсена и имъ

подобныя. Конечно, хорошія находки могли быть сдѣланы и въ прежнемъ районѣ, по Исети. Въ одномъ изъ Замараевскихъ кургановъ, раскопанныхъ Зыряновымъ, была найдена мѣдная серьга, совершенно такой же формы, какъ одна изъ золотыхъ серегъ коллекціи Кунсткамеры (Pösta, *Archaeologische Studien auf Russischem Boden*, т. 2, стр. 364).

Но Витсенъ былъ не единственныи счастливецъ, къ которому попали вещи изъ ишимскихъ или тарскихъ находокъ 1714—1715 г. Часть ихъ оказалась въ рукахъ Демидова, владѣльца Тагильскаго завода, который въ 1715 г. поднесъ ихъ въ Петербургъ императрицѣ по случаю рожденія царевича Петра Петровича, вмѣстѣ съ 100.000 р. Въ извѣстїи объ этомъ, имѣющемся у Голикова, вещи названы «богатыми золотыми бугровыми сибирскими вещами». Очевидно, онѣ были значительными ¹⁾. Съ одной стороны, нельзя было поднести царицѣ подарка плохого, во-вторыхъ, бѣдныя вещи не соотвѣтствовали бы столь значительной суммѣ денегъ. Невольно является предположеніе, не попали ли Демидову вещи, предназначавшіяся для Витсена. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что поминокъ Демидова возбудилъ живое участіе царя, который тогда же далъ сибирскому губернатору кн. Гагарину устный приказъ разыскать еще такія вещи и доставить ихъ для Кунсткамеры. Это распоряженіе имѣло прекрасный результатъ, такъ какъ совпало съ счастливыми раскопками бугровщиковъ и желаніемъ князя угодить государю. Изъ коротенькаго документа, найденнаго мною въ дѣлахъ кабинета Петра Великаго, видно, что уже въ январѣ слѣдующаго 1716 г. кн. Гагаринымъ государю были представлены значительныя золотыя вещи изъ Сибири, по всей вѣроятности, изъ тѣхъ же находокъ: двѣ большія бляхи съ изображеніями львовъ, 4 какіе-то предмета съ изображеніемъ звѣрковъ и серьги.

Но несравненно важнѣе другой документъ того же года, найденный въ томъ же архивѣ. Изъ него мы узнаемъ, что кн. Гагаринъ въ декабрѣ 1716 г. отправилъ государю весьма значительную коллекцію золотыхъ могильныхъ вещей, при подробной описи, въ которую внесено 55 названій предметовъ, свыше 80 экземпляровъ, вѣсомъ до 60 фунт. Это и есть главное ядро сибирской коллекціи Кунсткамеры Петра

---

¹⁾ Демидовскими вещами въ Кунсткамерѣ можно предположительно считать большинство предметовъ, не входящихъ въ опись кн. Гагарина 1716 г. и, вообще, неизвѣстнаго происхожденія, напр., птичку съ лебедемъ (*Русск. Древн.*, стр. 46), массивныя гривны съ изображеніями звѣрей на концахъ (*Русск. Древн.*, стр. 48 и 49), великолѣпную бляху съ изображеніемъ сцены терзанія копя (*Русск. Древн.*, стр. 55), бляху съ изображеніемъ борьбы звѣрей (*Русск. Древн.*, стр. 58 и 59 рис. 68).

Великаго; ничего болѣе значительнаго изъ Сибири ни раньше, ни послѣ въ Петербургѣ не получалось. Оба упомянутые документа печатаются ниже полностью.

Больше никакихъ документовъ, касающихся сибирскихъ золотыхъ находокъ, мною въ дѣлахъ Кабинета не найдено, хотя вполне возможно, что они имѣются и будутъ открыты. Какихъ-либо указовъ Петра Великаго, касающихся специально сибирскихъ древностей, намъ неизвѣстно. Въ 1718 г. изданы были два обще-имперскіе указа о рѣдкостяхъ. По одному изъ нихъ, всѣ такія рѣдкости должны были доставляться въ Московскую и Петербургскую аптеки, по другому—назначалась огромная премія за отысканіе костей великановъ, а за вещи съ надписями—вдвое противъ металлической стоимости ихъ. Вопросъ о приобрѣтеніи древностей для казны стоялъ на столько неопредѣленно, что нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1820 г., преемникъ кн. Гагарина кн. Черкасской запрашивалъ Сенатъ, покупать ли золото, находимое въ могилахъ. Сенатъ приказалъ покупать и препровождать въ Бергъ-коллегію для представленія государю. Тогда въ нѣкоторой степени возстановилось приобрѣтеніе казною золотыхъ вещей. Такъ извѣстно, что Миллеръ въ Тарскомъ архивѣ нашелъ дѣло 1721 г. о доставленіи въ Тобольскъ кн. Черкасскому золотыхъ и иныхъ могильныхъ вещей (Сибирск. Древн. XV, 146). Судя по типамъ нѣкоторыхъ сибирскихъ золотыхъ вещей Кунсткамеры неизвѣстнаго происхожденія, можно думать, что золотыя вещи поступали въ нее, между прочимъ, и изъ Минусинскаго края, гдѣ хищническія раскопки начались именно въ годъ изданія упомянутаго указа сибирскому губернатору. Но вообще послѣ Гагаринской присылки доставлено было немного вещей. Если кн. Черкасской недоумѣвалъ, имѣетъ ли онъ право тратить казенныя деньги на покупку древностей, то еще менѣе въ томъ увѣрены были его непосредственные подчиненные. По рѣшительному заявленію лицъ, путешествовавшихъ по Сибири въ первой четверти XVIII в., мѣстные воеводы предпочитали обращать могильное золото въ свою пользу. За разрѣшеніе раскопокъ они получали извѣстный процентъ изъ находокъ натурою, и золотомъ же они принимали поминки отъ своихъ подчиненныхъ и мѣстнаго населенія. Это такъ естественно, что въ Петербургъ золотыя могильныя вещи должны были попадать лишь въ видѣ счастливаго исключенія; а послѣ доставка ихъ, безъ сомнѣнія, и вовсе прекратилась.

Дальнѣйшая исторія хищническихъ раскопокъ въ сибирскихъ курганахъ можетъ быть изложена въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Въ 1723 г. по среднему теченію Иртыша нераскопанные курганы еще были

(Сибирск. Древн. V, 24), но въ 1734 г. между Тарою и Семипалатинскомъ уже не было нетронутыхъ кургановъ (ib. XV, 60); однако въ то же время могильнымъ серебромъ еще торговали на Ирбитской ярмаркѣ (ib. XV, 89). Въ окрестностяхъ Томска, если вѣрить указанію Вебера, въ общемъ не вполне точнаго, раскопки производились уже въ 1716 г., при чемъ въ могилахъ были находимы изображенія птицъ, идоловъ, серьги, монеты, узды, сѣдла и пр. (ib. V, 22), но разгаръ хищничества въ этой мѣстности относится ко времени пребыванія здѣсь Мессершмидта (1721—22 гг.). Вотъ его характерный рассказъ:

«Въ Чауской слободѣ около 150 жителей. Занимаются они хлѣбопашествомъ и торговлей мѣхами... но главнымъ образомъ они зарабатываютъ много денегъ раскопками въ степяхъ. Съ послѣднимъ саннымъ путемъ они отправляются за 20—30 дней ѣзды въ степи. Собираются со всѣхъ окрестныхъ деревень, въ числѣ 200—300 и болѣе человекъ и разбиваются на отряды по мѣстностямъ, гдѣ расчитываютъ найти что-нибудь. Затѣмъ эти отряды расходятся въ разныя стороны, но лишь на столько, чтобы имѣть всегда между собою сообщеніе и, въ случаѣ прихода калмыковъ или казаковъ (т.-е. киргизъ-кайсаковъ), быть въ состояніи защищаться. Найдя такія насыпи надъ могилами язычниковъ, они иногда, правда, копаютъ напрасно и находятъ только разныя желѣзныя и мѣдныя вещи, которыя плохо оплачиваютъ ихъ трудъ, но иногда имъ случается находить въ этихъ могилахъ много золотыхъ и серебряныхъ вещей, фунтовъ по 5, 6 и 7, состоящихъ изъ принадлежностей конской сбруи, панцирныхъ украшеній, идоловъ и другихъ предметовъ» (ib. III, 10). Изъ находокъ ишимцевъ Мессершмидту, между прочимъ, извѣстно изображеніе льва, нападающаго на козла. Изъ нѣкоторыхъ выраженій его можно ясно видѣть, въ какомъ именно направленіи производили раскопки ишимцы. Онъ положительно увѣряетъ, что о значительныхъ находкахъ въ Кузнецкомъ окр. не слышно, хотя и были здѣсь производимы пробныя раскопки. Можно прибавить, что кургановъ въ этомъ округѣ извѣстно незначительное количество. Изъ этого слѣдуетъ, что ишимцы хозяйничали, главнымъ образомъ, въ Барнаульскомъ окр. Это какъ разъ соотвѣтствуетъ извѣстному указанію Демидова, извлеченному изъ рукописи Геннинга объ уральскихъ заводахъ, что важнѣйшія мѣста находокъ могильнаго золота расположены подъ 50⁰ сѣверной широты. Насколько основательно разграблены здѣсь курганы, явствуетъ изъ одного сильнаго выраженія, вырвавшагося у В. В. Радлова, произведшаго здѣсь значительныя раскопки: «Исслѣдователь старины долженъ считать за счастье, если между сотнями могилъ

онъ встрѣтитъ одну или двѣ, наружный видъ которыхъ не носить слѣдовъ прежняго вскрытія, и если ему удастся между десяткомъ такихъ могилъ найти хоть одну, уцѣлѣвшую отъ разграбленія». Въ Минусинскомъ округѣ на р. Абаканѣ раскопки начаты были около 1720 г. (Сибирск. Древн. в. XV, 99). Изъ могилъ въ началѣ извлекались большія сокровища, часть которыхъ, быть можетъ, попала и въ Кунсткамеру. Въ 1723 г. Мессершмидтъ отъ красноярскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ узналъ, что для мѣстнаго воеводы Зубова ими сплавлено могильныхъ находокъ на нѣсколько тысячъ рублей (ib. III, 18). По словамъ Миллера, въ первые годы раскопокъ въ Красноярскѣ и Енисейскѣ золотникъ золота продавался по 90 коп., а по Гмелину даже по 50 коп. (ib. XV, 73). Центромъ, въ который стекались могильныя древности Енисейскаго района, былъ Красноярскъ. Въ Забайкальской обл. курганы, гдѣ были побогаче, къ концу первой четверти XVIII в., повидимому, также были расхищены. Мессершмидтъ, сообщившій это предположеніе въ 1724 г., прибавляетъ, что могильное золото отчасти сдавалось хищниками въ казну, а большею частью обращалось въ поминки приказнымъ или же сбывалось скупщикамъ. Всѣ бугровщики бѣдняки (ib. III, 19). Курганы Нерчинской степи, по словамъ Мессершмидта, оказались бѣдными (ib. XV, 90).

Тобольскіе бугровщики, двигаясь за курганами вверхъ по Исети, перевалили чрезъ Уралъ и появились на Чусовой и на Уфѣ. Курганы, раскопанные близъ Кунгура Н. Н. Новокрещенныхъ, оказались начисто разореными. Бугровщики, копавшіе въ 1718 г. близъ Уфы, представили свои незначительныя золотыя и серебряныя находки въ казну (теперь въ Кунсткамерѣ).

Въ итогѣ оказывается, что въ началѣ XVIII в. хищенія произведены были во всѣхъ тѣхъ сибирскихъ областяхъ, которыя принадлежали Россіи. Спаслись отъ разграбленія лишь мѣстности, занятыя воинственнымъ инородческимъ населеніемъ. Таковъ, главнымъ образомъ, западный берегъ р. Иртыша, какъ о томъ положительно говоритъ Миллеръ и какъ то доказывается хищническими раскопками, произведенными немного лѣтъ тому назадъ въ Семипалатинской обл. Здѣсь-то мы и должны искать ключъ къ древностямъ Кунсткамеры Петра Великаго, т.-е. прежде всего данныхъ для опредѣленія ихъ хронологіи, а затѣмъ и для ихъ научной систематизаціи.

Прилагаемыя выписки изъ документовъ (преимущественно изъ дѣлъ Кабинета Петра Великаго) объясняютъ происхожденіе и нѣкоторыхъ дру-

гихъ вещей, поступившихъ въ Кунсткамеру и хранящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

1) 1699 г. Въ Сибири въ Тобольскомъ у. по Исеть и около Исѣцкого острогу¹⁾ роскопываютъ русскіе люди татарскіе тризны и находятъ всякое серебро и золото въ судахъ и слитками.

А того золота и серебра руда за каменемъ въ Уоинскомъ уѣздѣ въ Гаденицкой волости лежитъ въ горѣ по вершине Уоы и Янку рекъ. Длинною той горы верстъ на 7, поперекъ на версту, въ вышину и 200 сажени и больша. А въ томъ мѣсте изстари сибирскіе татарова тое руду ломали и золото себѣ плавилн²⁾.

Да и городъ каменной есть блиско Предяша³⁾ озера. И обросъ тотъ городъ большимъ великимъ дикимъ лесомъ. И палаты каменные въ томъ городѣ многіе. А въ тотъ городъ башкирцы съѣзжаютца по вся годы на мольбища. А у всѣхъ башкирцовъ твердость положена, что отнюдь про тое руду и про городъ никому не сказывать, и таятъ крѣпко, чтобъ про тое руду и про городъ великіе государи російскіе или казылбашскій шахъ нѣ свѣдали. А отъ Москвы до тѣхъ горъ, где та руда лежитъ, все водяной путь. А по чертежу тѣ реки написаны вершинами исподъ техъ же горъ, и пошли: Янкъ съ сибирскую сторону къ востоку, а Уоа съ россиіскую сторону. А коликое число между вершинами ихъ разстояніемъ, того въ томъ чертеже не написано. Да при техъ же горахъ въ томъ же чертеже написаны и слудные горы (Дѣла Каб. Петра Вел. т. ХСІІІ, л. 365. Написано красивымъ писарскимъ почеркомъ, на $\frac{1}{8}$ долѣ листа).

2) 1715 г. 1715 г. марта 11 «отданы въ Питербурхе ис Канцеляріи Посольской Кабинетъ-секретарю господину Макарову» 4 старинныя монеты, которыя Его Величество приказалъ отдать въ Посольскую Канцелярію на сохраненіе въ 1709 г. (золотая монета царя Евпатора и 3 серебряныя: Антонина, датская Христіана и одна съ латинскимъ шрифтомъ, старинная копейка съ нѣмецкою надписью и ассирійская монета, найденная у Кіева). Тамъ же, т. LXIV, кн. 3, л. 452 и ХС, л. 907.

3) 1716 г. Въ одинъ пріѣздъ г. Демидова въ Петербургъ родился Монарху сынъ Царевичъ Петръ Петровичъ; и когда знатныя особы при поздравленіи Монархини по древнему обычаю подносили приличные

---

¹⁾ Нынѣ Исетская слобода, близъ устья Исети. Основана въ 1650 г.

²⁾ Описывается мѣстность близъ верховьевъ р. Міаса.

³⁾ Оз. Иртяшъ, нѣсколько выше, въ Екатеринбургскомъ у.

дары: то онъ, пользуясь симъ случаемъ, поднесъ Ея же Величеству богатыя золотыя бугровыя Сибирскія вещи и сто тысячъ рублей денегъ. Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, 1789, стр. 443.

4) 1716. Въ 10 д. генваря 1716 отдано Петру Мошкову принесенныхъ отъ Государя старинныхъ золотыхъ вещей, которые принесъ Баклановской, а тѣ вещи объявилъ князь Матвѣй Петровичъ, а имянно:

Двѣ бляхи болшихъ, на нихъ вылиты львы ¹⁾).

Четыре штучки неболшихъ, на нихъ вылиты звѣрьки ²⁾).

Двѣ серги съ цепочками ³⁾).

Два зуба человѣческие, вдѣланы въ золото съ цепочками ³⁾).

(Дѣла Кабинета Петра Великаго, т. XXX, л. 492).

5) 1716 г. Всемиловѣйшии Государь. Повелѣние мнѣ Вашего Величества, дабы приискать старыхъ вещей, которые сыскиваютъ въ земле древнихъ поклажъ, и по тому Величества Вашего повелѣнню колико могъ оныхъ сыскать золотыхъ вещей, послать нынѣ до Величества Вашего при семь писмѣ. А о силѣ, Государь, ихъ и какіе вещи и которая какіе ваги, тому, Великии Государь, вѣдѣние приложено при семь писмѣ. Величества Вашего последнии рабъ Матвей Гагаринъ.

Вѣдѣние золотымъ вещамъ, которые сего 1716 году сысканы въ земле древнихъ поклажъ, какава которого нумера и какова вѣсу, и то писано ниже сего.

1. Две штуки. На нихъ подѣ деревомъ человѣкъ, держитъ двѣ лошади. Въ обоихъ вѣсу 2 ф. 24 зол. ⁴⁾).

2. Двѣ штуки. На обоихъ ловцы стреляютъ кабана. Вѣсу въ обоихъ 2 ф. 34 зол. ⁵⁾).

---

¹⁾ По Росписи 1745 г. (Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Наукъ, т. VII) „Драка у льва съ моржомъ“ (стр. 302, № 32); Mus. Petropol. (Musei Imperialis Petropolitani vol. II, p. I, 1741), „Certamen leonis cum hippopotamo“ (стр. 186, № 32); Академ. атласъ, XIV, 4 (Экземпляръ Импер. Археол. Ком., изъ 34 таблицъ. Рисунки съ вещей Кунсткамеры начали вырѣзывать на мѣди съ 1742 г.; въ 1750 г. выпущено было въ продажу 25 табл., при описаніи Кунсткамеры); Толстой гр. и Кондаковъ, Русскія Древности, вып. III, стр. 54, Вѣсъ Кунсткамеры 2 ф. 65 зол.

²⁾ „Quatuor simulacra animalium in ornatum equestrem“ вѣсомъ 62 зол. (Mus. Petrop., стр. 193, № 1); Академич. атл., XXII, 7; Русскія Древн., стр. 64; Роспись 1745 г., стр. 308, № 1 (вѣсъ тотъ же).

³⁾ Сохраняются въ общей коллекціи мелкихъ вещей Кунсткамеры.

⁴⁾ Русскія Древности, стр. 62; Роспись 1745 г., стр. 302, № 30; Mus. Petrop., стр. 185, № 30; Акад. Атласъ, XIV, 3.—Вѣсъ Росписи и Mus. Petr. 2 ф. 25½ зол.

⁵⁾ Русскія Древности, стр. 60; Роспись, стр. 302, № 29; Mus. Petrop., стр. 185, № 29. Академ. Атласъ XV, 3. Вѣсъ Кунсткамеры 2 ф. 33½ зол.

3. Двѣ штуки. На обоихъ змѣи за голову поймали бабра. Вѣсу въ обонхъ 2 ф. 54 зол. ¹⁾).
4. Двѣ штуки. На обоихъ змеи съ оинивтью. Вѣсу въ обонхъ 1 ф. 72 зол. ²⁾).
5. Братинка съ двумя ручки. Въ ней вѣсу 2 ф. 26 зол. ³⁾).
6. Чаша двойная. На ней малая; есть подпись на верхней. Вѣсу въ ней въ обонхъ 1 ф. 65 зол. ⁴⁾).
7. Двѣ штуки зеркальные, передняя да задняя. Въ нихъ въ обонхъ вѣсу 4 ф. 32 зол. ⁵⁾).
8. Ожерелье въ три прута, по концамъ змен, зъ запоркою золотю. Вѣсу 1 ф. 75 зол. ⁶⁾).
9. Ожерелье. У него на верху четыре собачки, зъ золотю запоркою. Вѣсомъ 1 ф. 5 зол. ⁷⁾).
10. Две штуки долги. На обонхъ кабанъ есть змею. Весу въ обонхъ 1 ф. 5 зол. ⁸⁾).
11. Двѣ штуки. На обонхъ зверь долгоносою зъ большою гривю. Весу въ обонхъ 86 зол. ⁹⁾).
12. Змея, согнулась. Въ ней вѣсу 55 зол. ¹⁰⁾).

---

¹⁾ Русскія Древности, стр. 57; Роспись, стр. 302, № 34 („Орель съ медвѣдемъ и другими звѣрьми дерется“); Mus. Petrop. (Certamen aquilae cum urso et aliis bestiis) стр. 186, № 34; Академ. Атл., XIV, 1. Вѣсъ Кунстк. 2 ф. 53½ зол.

²⁾ Русскія Древности, стр. 51; Роспись, стр. 303, № 41 („Двѣ бляхи, сердолицами и финифтью украшенныя, на которыхъ драконы дерутся съ другими незнаемыми звѣрьми“); Mus. Petropol., стр. 186, № 41 (Duae bracteae certamen draconum cum aliis animalibus exhibens, rubinis et saphyris insignes ex auro). Вѣсъ Кунстк. 1 ф. 72 з.

³⁾ Атласъ Я. И. Смирнова, IV, 19; Роспись, стр. 305, № 28; Mus. Petrop., стр. 189, № 28; Академ. Атл., V, 2. Вѣсъ Кунстк. 2 ф. 25 зол.

⁴⁾ Роспись, стр. 306, № 45 (Скуфейка золотая; Академ. Атл., V, 1. Вѣсъ Кунстк. отмѣченъ 1 ф. 49 з, но при взвѣшиваніи онъ оказался болѣе высокимъ, хотя и не дошелъ до 1 ф. 65 зол, именно, 1 ф. 58 зол. Атласъ Я. И. Смирнова, табл. VII.

⁵⁾ Роспись, стр. 307, № 55 и 57; Mus. Petrop., стр. 171, № 55 и 57. Академ. Атл., XI, 1 и XII, 2. Вѣсъ Кунстк. 4 ф. 30½ з.

⁶⁾ Академическій Атласъ, табл. II, 4; Роспись, стр. 301, № 22; Mus. Petrop., стр. 185, № 22. Вѣсъ Кунсткам. 1 ф. 75 зол.

⁷⁾ De-Linas, Les orig. de l'orfèvr. clois., t. II, p. 228; Роспись, стр. 301, № 28; Mus. Petrop., стр. 185, № 28; Академ. Атл., II, 2. Вѣсъ Кунстк. 1 ф. 5½ зол.

⁸⁾ Русскія Древности, стр. 50; Роспись, стр. 303, № 42 (Моржъ дерется съ змѣями); Mus. Petrop., стр. 186, № 42. Вѣсъ Кунстк. 1 ф. 5½ з.

⁹⁾ Роспись, стр. 302, № 40 (Моржъ); Mus. Petrop., стр. 186, № 40 (Bractea hippopotamum exhibens). Вѣсъ Кунстк. 86 зол; при повѣркѣ вѣса онъ оказался вѣсколко меньшимъ.

¹⁰⁾ Русскія Древности, стр. 64; Роспись, стр. 303, № 51 (Бляха съ изображеніемъ чудовища); Mus. Petrop., стр. 187, № 51 (Bractea monstri figuram referens); Академ. Атл., XV, 5. Вѣсъ Кунстк. 52 зол.

13. Две штуки. На обеихъ кабанъ деретца со змиею. Весу въ нихъ обонхъ 1 ф. 1 зол. ¹⁾
14. Орель есть барана. Весу въ немъ 49 зол. ²⁾.
15. Нарукавникъ для хранения руки отъ тетивы. Весу 79 зол. ³⁾.
16. Ожерелье отливное. Весомъ 2 ф. 30 зол. ⁴⁾.
17. Проволока, чѣмъ обвиваютъ руку для хранения отъ тетивы; по концамъ змеинные головы. Отозженная. Весу въ пей 3 ф. 66 зол. ⁵⁾.
18. Две штуки. На нихъ на обеихъ змей есть лошадь. Весу въ обонхъ 73 зол. ⁶⁾.
19. Проволока; по концамъ змеинные головы. Весу въ пей 1 ф. 69 зол. ⁷⁾.
20. Ожерелье складное. Весу 1 ф. 50 зол. ⁸⁾.
21. Проволока ручная; по концамъ змеинные головы. Весу 1 ф. 67 зол. ⁹⁾.
22. Проволока ручная; по концамъ змеинные головы. Весу 3 ф. 63 зол. ¹⁰⁾.
23. Ожерелье проволошное; по концамъ змеинные головы, согнуто въ 5 рядовъ. Весу 3 ф. 50 зол. ¹¹⁾.
24. Проволока ожерельная, въ 4 ряда; по концамъ змеинные головы. Весу 2 ф. 69 зол. ¹²⁾.

---

¹⁾ Русскія Древности, стр. 51; Роспись, стр. 303, № 43; Mus. Petrop. стр. 186, № 43. Вѣсъ Кунстк. 1 ф. 1 $\frac{3}{4}$ зол.

²⁾ Русскія Древности, стр. 44; Роспись, стр. 303, № 1 (Орель съ распушенными крыльями лошадь терзаеть); Mus. Petrop., стр. 187, № 1 (*Aquila expansis alis equum premens*); Акад. Атл., XVIII, 5. Вѣсъ Кунстк. 49 зол.

³⁾ Роспись, стр. 306, № 48; Mus. Petrop., стр. 190, № 48; Акад. Атл., IV, 1. Вѣсъ Кунстк. 79 зол. Запястье, *Armillae*.

⁴⁾ Роспись, стр. 301, № 14 (Сомкнутое ожерелье); Mus. Petrop., стр. 184, № 14 *Monile clausum*); Акад. Атл., IV, 3.

⁵⁾ Въ описяхъ Кунсткамеры не отмѣчается; въ Эрмитажѣ наручника такого вѣса не имѣется.

⁶⁾ Русскія Древности, стр. 56; Роспись, стр. 302, № 35. Mus. Petrop., стр. 186 № 35.

⁷⁾ Роспись, стр. 301, № 16; Mus. Petrop., стр. 184, № 16. Вѣсъ Кунстк. 1 ф. 68 з.

⁸⁾ Роспись, стр. 301, № 23 (Ожерелье, на концахъ изображены львы); Mus. Petrop., стр. 185, № 23. Вѣсъ Кунстк. 1 ф. 50 зол.

⁹⁾ Роспись, стр. 300, № 9 (?); Mus. Petrop., стр. 184, № 9; Акад. Атл., IV, 2. Вѣсъ Кунстк. 1 ф. 34 $\frac{3}{4}$ зол. Не была ли снята часть золота?

¹⁰⁾ Въ описяхъ Кунсткамеры не отмѣчается. Въ Эрмитажѣ имѣется ожерелье вѣсомъ 3 ф. 58 з.

¹¹⁾ Роспись, стр. 301, № 15 (Ожерелье съ змѣиными головами); Mus. Petrop., стр. 184, № 15; Акад. Атл., II, 5. Вѣсъ Кунстк. 3 ф. 49 з.

¹²⁾ Роспись, стр. 300, № 10; Mus. Petrop., стр. 184, № 10. Вѣсъ Росписи 2 ф. 68 $\frac{1}{2}$ з., вѣсъ Mus. Petrop. 2 ф. 68 з.

25. Проволока ручная; по концамъ змеи. Весу 2 ф. 10 зол. ¹⁾).
26. Проволока ручная; по концамъ змеинныя головы. Весу 1 ф. 3 зол. ²⁾).
27. Волока нарукавная; по концамъ змеинныя головы. Весу 1 ф. 69 зол. ³⁾).
28. Волока нарукавная; по концамъ змеинныя головы. Весу 1 ф. 1 зол. ⁴⁾).
29. Кольцо, бываетъ на рукѣ, зъ двумя змеинными головами. Весу 63 зол. ⁵⁾).
30. Две пряжки калмыцкія съ поясу. Весу въ обеихъ 41 зол. ⁵⁾).
31. Две оигурки; на обеихъ по 3 головы. Весу въ обеихъ 38 зол. ⁶⁾).
32. Оправа зъ боболева хвоста. Весу 11 зол. ⁷⁾).
33. Две штуки. На обеихъ лошадиныя головы. Весу въ нихъ въ обеихъ 33 зол. ⁸⁾).
34. Оправа съ посоха и камень. Весу въ оправѣ безъ камня 10 зол. ⁹⁾).
35. Две штуки. На обеихъ собаки протеня уши. Весу въ обеихъ 25 зол. ¹⁰⁾).
36. Шесть наконешниковъ, что дѣвки надѣвають на концы волосовъ. Весу въ нихъ во всехъ 38 зол. ¹¹⁾).
37. Две штуки. На обеихъ обезьяныя головы. Весу въ нихъ обеихъ 14 зол. ¹²⁾).

---

¹⁾ Роспись, стр. 301, № 19; Mus. Petrop., стр. 184, № 19. Въсь Кунстк. 2 ф. 10 з.

²⁾ Роспись, стр. 301, № 18; Mus. Petrop., стр. 184, № 18. Въсь Кунстк. 1 ф. 2³/₄ з.

³⁾ Роспись, стр. 301, № 20; Mus. Petrop., стр. 184, № 20. Въсь Кунстк. 1 ф. 69¹/₂ з.

⁴⁾ Роспись, стр. 301, № 17; Mus. Petrop., стр. 184, № 17. Въсь Кунстк. 1 ф. 1¹/₂ з.

⁵⁾ Въ описяхъ Кунсткамеры не отмѣчается; въ собраніи Эрмитажа подходящихъ предметовъ не имѣется. Среди акварельныхъ рисунковъ Кунсткамеры, хранящихся въ Имп. Эрмитажѣ, имѣется изображеніе большой золотой пряжки съ инструстаціей изъ гранатовъ.

⁶⁾ Роспись, стр. 193, № 9; Mus. Petrop., стр. 193, № 9; Академ. Атл. XXII, 14. Въсь Кунстк. 38 зол.

⁷⁾ Боболевъ хвостъ—подвѣска подъ головою лошади; боболь—буйволъ. Въ собраніяхъ Императ. Эрмитажа подходящаго предмета нами не отыскано.

⁸⁾ Роспись, стр. 308, № 3; Mus. Petrop., стр. 193, № 3; Академ. Атл., XXII, 6. Въсь Кунстк. 33 зол.

⁹⁾ Роспись, стр. 304, № 15; Mus. Petrop., стр. 188, № 15; Академ. Атл. XIX, 4. Въсь Кунстк. 10 зол. Наконечники.

¹⁰⁾ Роспись, стр. 309, № 6; Mus. Petrop., стр. 193, № 6; Акад. Атл., XXI, 6. Въсь Кунстк. 25 зол.

¹¹⁾ Роспись, стр. 308, № 5 (Шесть крючковъ); Mus. Petrop., стр. 193, № 5; Академ. Атл., XXI, 8. Въсь Кунстк. 37 зол.

¹²⁾ Роспись, стр. 309, № 21 (Два полушарика); Mus. Petrop., стр. 194, № 21; Академ. Атласъ, XXII, 11 и 12: Въсь Кунстк. 14 зол.

38. Шесть наконешниковъ, что дѣвки кладутъ на концы волосовъ своихъ. Вѣсу 34 зол. ¹⁾).

39. Два наконешника, что бабы татарьскіе надѣваютъ на концы косъ своихъ. Вѣсу въ обоихъ 13 зол. ²⁾).

40. Две штуки. На нихъ обезьяньи головы. Вѣсу въ обоихъ 17 зол. ³⁾).

41. Кружекъ, около 5 птицъ. Вѣсу 17 зол. ⁴⁾).

42. Шесть наконешниковъ, что дѣвки надѣваютъ на концы волосовъ своихъ. Вѣсу во всехъ 26 зол. ⁵⁾).

43. Змея согнувшись лежитъ. Вѣсу 7 зол. ⁶⁾).

44. Оправа отъ оселки, да 2 головы зминыи, что дѣвки на головы надѣваютъ. Вѣсу 16 зол. ⁷⁾).

45. Кушинецъ и на чемъ онъ стоитъ. Въ обоихъ вѣсу въ кушинце и въ поддоне 1 ф. 54 зол. ⁸⁾).

46. Две штуки. На нихъ на обоихъ по две змеи. Вѣсу въ обоихъ 30 зол. ⁹⁾).

47. Две штуки. На нихъ на обоихъ по две змеи. Вѣсу въ обоихъ 20 зол. ¹⁰⁾).

48. Две штуки. На нихъ на обоихъ по две змеи. Вѣсу въ обоихъ 26 зол. ¹¹⁾).

---

¹⁾ Роспись, стр. 309, № 7 (Шесть трубочекъ съ бирюзами); Mus. Petrop., стр. 193, № 7; Академ. Атласъ, XXI, 9. Вѣсъ Кунстк. 34 зол.

²⁾ Роспись, стр. 309, № 15 (Двѣ трубочки съ бирюзами); Mus. Petrop., стр. 193, № 15; Академ. Атл., XXI, 9. Вѣсъ Кунстк. 13 зол.

³⁾ Можетъ быть, Роспись, стр. 309, № 12; Академ. Атл., XXII, 10; но вѣсъ Кунстк. 18 зол.

⁴⁾ Роспись, стр. 303, № 47 (Бляха, а на ней изображены четыре гуся); Mus. Petrop., стр. 187, № 47; Академ. Атл., XIX, 2. Вѣсъ Кунстк. 17³/₄ зол.

⁵⁾ Роспись, стр. 309, № 14; Mus. Petrop., стр. 193, № 14; Академ. Атл., XXI, 10 и 11. Вѣсъ Кунстк. 26 зол.

⁶⁾ Роспись, стр. 309, № 18; Mus. Petrop., стр. 194, № 18; Академ. Атл., XXII, 8. Вѣсъ Кунстк. 7 зол.

⁷⁾ Роспись, стр. 309, № 17; Mus. Petrop., стр. 194, № 17; Академ. Атл., XXI, 2. Вѣсъ Кунстк. 17 зол. По Росписи „Ножевый черень съ двумя звѣриными головами“.

⁸⁾ Атласъ Я. И. Смирнова, табл. VI, 21 и IX. Роспись, стр. 306, № 44 (Братина золотая съ ручками, обрванной работы, вѣсу 1 ф. 12 зол.) и стр. 307, № 49 (Блюдечко золотое съ рѣзнымъ полемъ, вѣсу 49 зол.); Mus. Petrop., стр. 190, № 44 (*Urceus ansatus sculptura insignis ex auro*) и стр. 191, № 49 (*Patella aurea cum limbo inciso*, вѣсу 43 зол.); Академ. Атл., VI, 1 и 4. Вѣсъ Кунстк. 1 ф. 55 зол.

⁹⁾ Роспись, стр. 309, № 16; Mus. Petrop., стр. 193, № 16; Академ. Атл., XXI, 7. Вѣсъ Кунстк. 30 зол.

¹⁰⁾ Роспись, стр. 303, № 49; Mus. Petrop., стр. 187, № 49 (Такія же, какъ № 48, сердоликами и бирюзами выкладенныя). Вѣсъ Кунстк. 20 зол.

¹¹⁾ Русскія Древности, стр. 50; Роспись, стр. 303, № 48; Mus. Petrop., стр. 187, № 48; Академ. Атл., XXI, 1. Вѣсъ Кунстк. 26 зол.

49. Две штучки. На нихъ на обонхъ по две змеи. Весу въ обонхъ 22 зол. ¹⁾).

50. Деревцо золотое съ осмию сучками, которые прикладывають съ листками къ тому деревцу. Весу во всемъ 12 зол. ²⁾).

51. Две штучки съ каменьемъ. Весъ въ обонхъ бесъ каменя 17 зол. ³⁾).

52. Две штучки съ каменьемъ переливнымъ. Въ обонхъ весу бесъ каменя 15 зол. ⁴⁾).

53. Штучка съ сердоликомъ, чеканная. Весу съ камнемъ 6 зол. ⁵⁾).

54. Печатка золотая, другая желѣзная, да мальчикъ золотой, да зубъ некакой оправленъ золотомъ, да две монеты серебряные, которые сысканы съ вышеписанными вещми ⁶⁾).

55. Чашка переливная каменная, да два зарукавья каменные, переливтные жъ ⁷⁾).

Да мелкихъ золотыхъ вещей 20 штукъ послано великому государю царевичу Петру Петровичю, которые сысканы при тѣхъ же вышеозначенныхъ вещахъ.

(Дѣло Кабин. Петра Велик. 1716 г., № 26, л. 374 и 365—368. Въ концѣ перечня рукою кн. Гагарина помѣчено: «Всехъ пятьдесятъ шесть мѣсть». На двухъ вложенныхъ другъ въ друга листахъ, согнутыхъ ввосмеро. Почеркъ тщательный, писарской. На препроводительной бумагѣ номѣты: «Изъ Тобольска 1716 декабря дня 12» (рукою кн. Гагарина), впереди: «Записано въ 23 д марта».

6) 1715—1718 г. Вѣденье. Въ Казанской губерніи сысканы въ разныхъ мѣстехъ древнихъ лѣтъ въ землѣ поклажи и объявлены въ Губернской Канцеляріи, а имянно

Въ 1715 г. въ Казанскомъ уѣзде по арской дороге въ деревне Константиновке у крестьянина въ погребу 25 р. 3 алт. серебряныхъ.

Въ 1717 г. казанецъ гостинной сотни Ивашъ Микляевъ объявилъ:

---

¹⁾ Роспись, стр. 303, № 52 (Такія же, что подъ № 49); Mus. Petrop., стр. 187, № 52. Вѣсь Кунстк. 22 зол.

²⁾ Академическій Атласъ, табл. XVII, 4; Mus. Petrop., стр. 188, № 6; Роспись, стр. 304, № 6. Вѣсь Кунстк. 12 зол.

³⁾ Роспись, стр. 308, № 4 (Два полушарика, въ которыхъ вставлены агаты и бирюзы); Mus. Petrop., стр. 193, № 4; Академ. Атл. XXII, 13. Вѣсь Кунстк. 17 зол.

⁴⁾ Роспись, стр. 309, № 11; Mus. Petrop., стр. 193, № 11; Академ. Атл. XXII, 16.

⁵⁾ Роспись, стр. 309, № 13 (Полушарикъ съ бирюзой, отъ конскаго убору); Mus. Petrop., стр. 193, № 13; Академ. Атл. XXII, 15. Вѣсь Кунстк. 5 зол.

⁶⁾ Въ общемъ собраніи мелкихъ вещей. Академ. Атл., табл. XXV и XXVI.

⁷⁾ Рисунокъ чашки въ Академ. Атл., табл. XXXI, 4 (Mus. Petrop., стр. 199, № 18; Роспись, стр. 314, № 18).

въ двухъ мѣдныхъ сосудцахъ, сысканныхъ на випокуренномъ ево заводе въ Свияжскомъ у. въ земле денегъ 197 р. 1 алт. 4 д., въ томъ числѣ російскаго государства серебряныхъ 4 р. 2 алт. царя Ивана Даниловича за 411 лѣтъ, татарскихъ чистаго серебра 53 р. 2 а. 4 д., татарскихъ же серебряныхъ 139 р. 30 алт. 2 д., въ томъ числѣ болгарскихъ салтановъ Азегирѣя за 512 лѣтъ, Шадбѣка салтана за 330 лѣтъ, астраханскаго Махарметя салтана за 408 лѣтъ.

Въ 1718 году писалъ въ Казань съ Уом оберъ-комендантъ Бахметевъ и прислалъ сысканаго близъ Уом въ буграхъ прибывшими Сибирской губернии обыватели, которые обыскиваютъ древнихъ поклажъ:

Золота мѣстечками въ разномъ дѣле 29 зол., дано за него 20 рублевъ.

Серебра отборнаго въ дѣле ветхаго въ разныхъ вещахъ 1 фунтъ 5 зол., да лому мелкаго 86 зол. съ полюзолотником¹⁾.

(Дѣла Кабин. Петра Вел. ХCV, л. 383. Текстъ частью напечатанъ П. И. Петровымъ въ Изв. Имп. Русск. Археол. Общ., т. IX, 380).

7) 1720—1724 г. Списокъ дѣлъ Тарской воеводской канцеляріи. «Указъ, коликое число всякаго золота могилнаго и другихъ курганныхъ вещей въ покупкѣ въ казну было, и о присылкѣ того золота и вещей въ Тобольскъ. При ономъ указѣ отписка о посылкѣ въ Тобольскъ золота съ тарскимъ служилымъ человѣкомъ Федоромъ Мясниковымъ».

(Памятники Сибирской исторіи XVIII в., т. II, 1885 г., стр. 429).

8) 1721 г. Донесеніе кн. Черкаскаго государю. «Въ нынѣшнихъ дняхъ отъ приѣзжихъ оицеровъ увѣдомился я, что за Усть-Каменскою крѣпостью въ степи нашли старыя полаты, и въ техъ полатахъ найдены писма, которыхъ 6 листовъ посылаю къ Вашему Величеству. А къ маору Вельяминову, которой нынѣ въ Семипалатной крѣпости, писалъ, велелъ послать капитана инженеръа и оныя полаты описать и учинить чертежъ, и какіе найдутся куріозныя вещи или украшения изъ крѣпкихъ камней или муравленые, оныя велелъ прислать въ Тобольскъ. И ежели какіе погребы засыпаны землею, велелъ раскопать, и что найдется, прислать. О томъ въ предъ доносить буду. 25 августа 1721 году». (Дѣла Кабин. Петра Велик., т. LVII, л. 413).

9) 1724 г. «Всемилоствѣйшая Государыня. Вашему пресвѣтлomu Величеству я всенижайшии Вашъ рабъ доношу. Въ прошломъ 1724 году каманды моей казаки объявили мнѣ золотыя серьги да тарелку медную,

---

¹⁾ Весьма возможно, что это бляшки, изображенныя въ Академ. Атласѣ табл. XXIII и XXIV.

у которой есть подпись, а на какомъ языкѣ, не знаю, и доносили, что такія вещи найдены въ землѣ въ степныхъ буграхъ. Которые я Вашему пресветлому Величеству при семъ съ нарочно посланными казаками посылаю. Вашего пресветлаго Величества всенижайшии и покорнѣйшии рабъ Донскаго войска атаманъ Андрей Лопатинъ. Изъ Черкаска мая 4 дня 1725 году». (Дѣла Кабин. Петра Великаго, т. LXXII, л. 393).

10) 1726 г. «Благородному господину лейбъ-медику Блюментросту. Въ 17 мартѣ Ея Имп. Вел-у объявилъ камисаръ Михайло Молоствовъ находныя старинныя вещи, которыя найдены въ Золотоордынскомъ городище близъ Астрахани, гдѣ селитра варится. И оныя Ея Вел-о указали отослать въ Кунштъ-камеру. Того для оныя вещи при семъ къ вамъ посылаются, а что чего, тому при семъ реэстръ.

Реэстръ находнымъ вещамъ, которыѣ найдены камисаромъ Михайломъ Молостовымъ въ Золотоордынскомъ городище, гдѣ селитра варится.

1. Два манета золотыѣ съ подписью арапскою, вѣсомъ $5\frac{1}{8}$ зол.
2. Два перстня золотыхъ, изъ которыхъ одинъ зъ жемчужною вставкою.
3. Бляха золотая съ сканью.
4. Два крушка серебряныѣ вызолоченыѣ съ сканью.
5. Три пуговики золотыѣ прорѣзныѣ на золотой цѣпочкѣ.
6. Одна пуговица троеугольная скапная.
7. Решеточка золотая прорѣзная.
8. Тридцать зеренъ жемчугу крупного и мѣлкого.
9. Семнадцать камешковъ разныхъ цвѣтовъ.
10. Серебряныхъ арапскихъ копѣекъ 50, вѣсомъ $17\frac{1}{8}$ зол.
11. Мѣдныхъ басурманскихъ копѣекъ 25.
12. Пронизокъ разныхъ цвѣтовъ 35.
13. Зерцало судейское мѣдноѣ съ подписью арапскою.
14. Двѣ тарелки мѣдныѣ бронной работы.
15. Въ помянутомъ же Золотоордынскомъ городище найдена оброслая въ землѣ каменная полата, въ которой взято цѣнниноѣ небольшоѣ блюдечко, четыре инструмента костяныѣ, чашка отъ вѣсковъ мѣдная, коклюшка мѣдная да олеру небольшой лоскутъ.
16. Половина дна отъ цѣннинной посуды, изъ которой якобы изъ кремня высѣкается огонь.
17. Два обломка израсцовыѣ, наведеныѣ золотомъ.

18. Кувшинецъ глиненой небольшой, въ которомъ найдено насыпаного пороху половину того кувшинца.

19. Кувшинъ персидской глиненой о дву ручкахъ, насыпанъ пшеномъ.

20. Три ядра каменныѣ, изъ которыхъ одно противъ двухъ меньше. Комисаръ Молоствовъ, въ 17 д. марта 1726 г.»

(Дѣла Кабин. Петра Велик., т. ХСІІІ, л. 363 и 364).

11) Сибирскіе памятники неизвѣстной доселѣ древности, представленныя въ нѣсколькихъ рисункахъ.

67. Китайская надпись Лойолитскаго храма, нѣкогда пересланная изъ Педжина или Пехина и подлежащая, пожалуй, перепискѣ сюда изъ 10 письма отчетовъ медиц. факультету 20 мая 1722 г.

68. 1-й образецъ начертаній, написанныхъ на скалѣ пещеры около сибирскаго селенія Федьковскаго (Fetkowskoë), нѣкогда пересланный съ слѣдд.

69. 2-й образецъ того же рода начертаній, но отличныхъ, на той же скалѣ у сибирскаго сел. Федьковскаго.

70. 3-й образецъ того же рода начертаній, нѣсколько отличающихся.

71. 4-й и послѣдній образецъ того же рода, но отличныхъ начертаній, написанныхъ на той же скалѣ. Нѣкогда пересланный вмѣстѣ съ предыдущими и подлежащій перенесенію сюда изъ 4-го письма отчета медиц. факультету 25 іюня 1720.

72. Начертанія, вырѣзанныя на скалѣ Городіева-стѣна у сибирской рѣки Енисея, нѣкогда присланныя и подлежащія, пожалуй, перепискѣ сюда изъ 10 письма отч. мед. фак. 20 мая 1722 г.

73. 1-й образчикъ фигуръ, изваянныхъ на скалѣ Писанный-камень у сибирской рѣки Томи...

74. 2-й образчикъ того же рода фигуръ, изваянныхъ на той же скалѣ...

75. Уйбатскій памятникъ, вырѣзанный руническими письменами, изображеніе котораго...

76. Задній видъ того же памятника...

77. Киргизская надгробная мужская статуя, держащая въ рукахъ урну, между р.р. Тешъ и Ерба, съ руническими письменами, вырѣзанными на задней сторонѣ, изображеніе которой...

78. Четыре камня, можетъ быть, надгробныхъ, съ вырѣзанными руническими письменами и другими фигурами, изъ которыхъ 4-й, по видимому, имѣеть жилы, изображенныя игрою природы, и изображеніе которыхъ...

79. Изображеніе трехъ четвероногихъ: тигра, пантеры и барана изъ горнаго камня, присланныхъ въ Тобольскъ изъ киргизскихъ степей р. Уссы или Тубы, рисунокъ которыхъ...

80. Барна Куртуякъ, или статуя, открытая и срисованная у киргизской рѣчки Барна 11 іюля 1722.

81. Киргизскій Козень-Кистъ, героическая китайская статуя, зарисованная 20 іюля 1722 г. въ горныхъ долинахъ (?) рѣкъ Кара и Акуя.

82. Памятникъ, можетъ быть, пограничный или терминъ изъ необдѣланнаго, очень твердаго краснаго камня въ киргизскихъ поляхъ рѣки Бырь 4 авг. 1722.

83. Куртуякъ или женская киргизо-монгольская статуя въ долинахъ рѣкъ Эсъ-Те и Абакана, среди кладбищъ, 18 авг. 1722.

84. Бирусскій Писаный-камень, или скала противъ впаденія р. Бирусы въ Енисей, исписанная разными фигурами неизгладимой красной краской. Зарисованъ 30 окт. 1722.

85. Куртуякъ или Давурская статуя посреднигъ пути между озерами Бугутуръ и Далай-норъ, вблизи р. Аргуни, воздвигнутая на старинномъ погребальномъ курганѣ, можетъ быть, китайскомъ. Зарисована 14 сент. 1724.

Любопытныя подземныя сибирскіе памятники доселѣ неизвѣстной древности, вырытыя изъ старинныхъ погребальныхъ кургановъ, преимущественно въ Киргизіи, именно, идолы со статуетками и изображеніями разныхъ животныхъ, различествующими соотвѣтственно разнообразію обѣтовъ молящихся (объ успѣхѣ) охоты на того или другого звѣря, рыбной ловли или птицеловства; затѣмъ изображенія амулетно-врачебно-магическія, потомъ переходящія и къ обычному употребленію, въ (числѣ) копѣхъ разные жертвенные сосуды языческаго культа, мѣдные сосуды, котлы, узкогорлые кувшинчики, чаши и чашечки, капоары, кратеры, блюда и пр. съ погребальными урнами; разныя военныя орудія съ конскими украшеніями сбруи и одежды и пр. сюда присоединяются съ нѣсколькими рисунками.

86. Тянгутскій лама Римбочей; у Монголовъ Далай-лама, у индійцевъ въ Давуріи Бистну-делли; изъ литой бронзы.

87. Задняя сторона того же ламы Римбочей и пр.

88. Героическое конное изображеніе изъ литой мѣди, полое, которое вмѣстѣ могло служить курильницей. Его изображеніе настоящей величины...

89. То же изображеніе, тщательноѣ нарисованное въ уменьшенномъ размѣрѣ...

90. Бронзовая курильница, представляющая изображеніе какого-то четвероногого, со всѣхъ сторонъ продырявленное для куренія, съ весьма старинными кольцами и серьгами. Ихъ изображеніе...

91. Дубовый листъ, снабженный свернутымъ въ кольцо стебелькомъ и представляющій глазамъ видъ выпрямившейся бѣлки, изъ мѣдной пластинки; можетъ быть, посвященіе Діанѣ.

92. Изображеніе рыбы изъ горнаго камня, сломанное, съ устья р. Караульной, (впадающей) въ Енисей; ея рисунокъ...

93. Виды статуетокъ, можетъ быть, Гурбанъ-ирденэ (т.-е. св. Троицы, именно Далай-ламы съ Кутухтами сбоку) и Алдангъ-Гадассу, т.-е. Золотой ящерицы или Змѣи, и многихъ разнородныхъ амулетнаго и магическаго медицинскаго назначенія, преимущественно изъ мѣди, но также изъ яшмы.

94. Брактеатныя изображенія животныхъ изъ мѣди, частію для суетвѣрнаго культа, частію другихъ неопредѣленныхъ назначеній.

95. Мѣдныя пластины съ разными изображеніями на плоскости (рѣзными?), частію изображающія сердца, частію домашній скотъ и звѣрей.

96. Обломокъ амулетной китайской квадратной подѣлки (зеркала?) изъ мархафита съ брактеатными фигурками разныхъ птицъ, неизвѣстнаго назначенія.

97. Болѣе грубая подѣлка, можетъ быть, китайскія (?), съ круглыми мѣдными пластинами и брактеатной фигуркой оленя, неизвѣстнаго назначенія.

98. Обломокъ болѣе подѣлки изъ мархафита, можетъ быть, амулетной китайской (?), съ фигурами лошади и павлина въ красивой гирляндѣ (собств. связи) зелени.

99. Изображеніе изъ мархафита, можетъ быть, амулетное (?), съ одной стороны полированное, съ задней красиво вырѣзанное, именно представляющее въ красивой гирляндѣ зелени по парѣ охотничьихъ собакъ, нападающихъ на лисицу, льва, оленя и зайца, съ письменами по краю или рамкѣ, которыхъ не могли признать за свои ни сибирскіе татары-мегометане, ни бухарскіе муллы, т.-е. учителя, весьма свѣдущіе въ письменности турецкой, бухарской, персидской и арабской, ни Тянгуты, ни Дели-индійцы, а тѣмъ менѣе монголы съ китайцами.

100. Эллиптическій плоскій амулетъ изъ обрiza ¹⁾, можетъ быть, арабскій (хотя турецкіе ахуны, т.-е. верховные жрецы, и муллы, знаю-

---

¹⁾ Золото.

щіе по-арабски, никакъ не могли разобрать начертанныхъ на немъ письменъ), съ обратной стороны; амулетныя изображенія, исписанныя древними китайскими астрологическими письменами, и кромѣ того, древнія татарскія монеты, съ китайскимъ Обуломъ и пр., изъ кургановъ.

101. Нѣсколько сибирскихъ татарско-магометанскихъ монеть съ реверсами; нѣкоторыя изъ нихъ понынѣ выкапываются изъ погребальныхъ кургановъ Сибири и должны быть относимы къ древнѣйшимъ временамъ; другія еще въ ходу у бухарцевъ, персовъ и турковъ—татаръ; изображеніе ихъ...

102. Изображенія, можетъ быть, амулетныя, изъ мархафита и мѣди, пяти фигуры кошекъ, сидящихъ на виноградной лозѣ, и представляющія шестиугольную площадку, окруженную гирляндами зелени, съ двойными брактеатными изображеніями и пр., изъ погребальныхъ кургановъ Сибири.

103. Два зеркала, можетъ быть, амулетно-магическія древнихъ Гетовъ, изъ коихъ одно представляетъ двухъ гетовъ, стоящихъ на берегу передъ тремя другими, ѣдущими на лодкѣ, и держащихъ въ правой рукѣ обнаженный мечъ или, скорѣе, саблю (акинаку) и палицу, а лѣвою—лося за рога; они окружены пятью отрѣзанными звѣриными головами, кромѣ того, лосемъ, птичкою и рыбою; другое представляетъ четыре краба и столько же рыбокъ; оба изъ мѣди; ихъ изображеніе...

104. Статуя съ камнями изъ турконда, представляющая калмыка; изображенія коня и пѣтуха, съ брактеатомъ, представляющимъ битву ангела съ кентавромъ; два гладкихъ зеркала; мѣдная рукоять меча; рѣшетчатая ложка (ситечко?) съ ухочисткой и нѣсколькими стеклянными шариками; изъ погребальныхъ кургановъ; ихъ изображеніе...

105. Зеркало изъ мархафита, украшенное гирляндами зелени, съ другимъ изъ желѣзной пластины, обтянутой оловомъ и представляющей въ центрѣ изображеніе сфинкса. Кромѣ того, изображенія дромадера, тигра и павлина, съ закрытымъ серебрянымъ сосудцемъ, висящимъ на цѣпочкѣ, можетъ быть, слезницей?

106. Готскій бронзовый узкогорлый сосудъ символическій или іероглифическій, представляющій изображеніе колѣнопреклоненнаго героя, травую рукою держащаго льва, а на спинѣ змѣю — символы силы и хитрости; изъ погребальныхъ кургановъ.

107. Того же сосуда задняя сторона, зримая съ тылу.

108. Желѣзный узкогорлый сосудъ съ мѣдными котломъ, скифосомъ и сосудикомъ съ ручками.

109. Открытый серебряный канюаръ съ чашечками, частію снаб-

женными ушками, частью безъ нихъ, и двумя бронзовыми сосудиками съ ручками, изъ кургановъ Киргизіи.

110. Серебряный кратеръ съ ручками, срисованный въ трехъ видахъ.

111. Трубка или банка кровопускательная киргизско-монгольская изъ бронзы, представляющая на поверхности изящно вырѣзанное изображение соколиной охоты монголовъ и китайцевъ на птицъ; изъ погребальныхъ кургановъ.

112. Восьмиугольная чаша на 3-хъ ножкахъ изъ позолоченой мѣди, украшенная птичками, гнѣздящимися въ зелени; изъ киргизскихъ погребальныхъ кургановъ.

113. Глиняный трѣножникъ для храненія горячихъ угольевъ (собств. для поддержанія огня въ угольяхъ) для куренія. Его изображение...

114. Четыре абаканско-киргизскія погребальныя урны, изъ коихъ третья съ ручками, а остальныя безъ ручекъ.

115. Четыре другія абакано-киргизскія погребальныя урны, изъ коихъ вторая снабжена простой ручкой, а остальныя ручекъ не имѣютъ.

116. Разныя военныя орудія: гуинскіе боевые молоты (Hovvuck у венгерцевъ и поляковъ), мѣдныя сѣкиры и разныя желѣзные наконечники копій; изъ киргизскихъ погребальныхъ кургановъ.

117. Сѣкиры, кинжалы, ножи и стилеты (?) неизвѣстнаго назначенія, изъ мѣди, съ разными желѣзными наконечниками копій; изъ киргизскихъ погребальныхъ кургановъ.

118. Кинжалы съ ножами сомнительнаго назначенія, изъ мѣди, разныя; изъ погребальныхъ кургановъ Абаканско-Киргизской области.

119. Стремена (?) китайскія, частью употреблявшіяся малонагими женщинами, частью мужскія киргизскія, всѣ изъ желѣза; изъ киргизскихъ погребальныхъ кургановъ.

120. Разныя бракетей для украшенія конской сбруи, украшенныя частью изображениями животныхъ, частью весьма изящными гирляндами зелени, частью сѣтчатыя, съ нѣсколькими бракетейными изображениями животныхъ, по большей части—если не всѣ—изъ мѣди, какъ красной, такъ и выбѣленной; изъ киргизскихъ погребальныхъ кургановъ.

121. Разныя бляхи отъ конской сбруи, большія и меньшія, съ разными бракетейными украшениями сбруи, по большей части изъ слегка позолоченной мѣди; изъ погребальныхъ кургановъ Киргизіи.

122. Разныя украшения мужскаго всадническаго пояса бракетейныя и продырявленныя (просверленныя, прорѣзныя) изъ мѣди, преимущественно

служившіе для привѣшиванія колчана и лука, съ шариками отъ одежды, изъ золоченой мѣди и слоновой кости и нѣкоторыми другими, относящимися къ одеждѣ; изъ киргизскихъ погребальныхъ кургановъ.

123. Брактеатныя изображенія разныхъ животныхъ изъ обрiza съ разными фигурами: волнообразными, кольцообразными, ромбовидными, въ видѣ розъ, лилій, квадратными и др., со многими золотыми шариками отъ одежды большей и меньшей величины. Вырыты изъ погребальныхъ кургановъ Абаканско-Киргизскихъ.

124. Шарикъ, можетъ быть, отъ одежды, а можетъ быть и другого назначенія, съ тончайшими листовными пластинками, имѣющими разныя фигуры на простой плоскости, въ видѣ круговъ, квадратовъ, параллелограммовъ, ромбовъ, волнообразными, пламевидными, въ видѣ перьевъ, пилъ и зубчиковъ, всѣ изъ обрiza. Вырыты изъ Киргизско-Абаканскихъ погребальныхъ кургановъ.

(Мессершмидтъ, *Sibiria perlustrata*, стр. 651—787. Переводъ, любезно исполненный В. В. Латышевымъ по тексту, напечатанному въ «Сибирскихъ древностяхъ», вып. I, прил. стр. 6—9).

А. Спицынъ.

Изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа.

І. Чимкентскій кладъ.

Въ 1900 г. въ мѣстности Сайрамъ-су Чимкентскаго у. Сыръ-Дарьинской обл. двумя сартами найденъ, въ отвалившемся яру, кладъ серебряныхъ вещей, вѣсомъ $4\frac{1}{2}$ ф. Вещи лежали въ глиняномъ кувшинѣ, разбитомъ находчиками. Почти всѣ предметы оказались смятыми, поломанными и разрѣзанными на мелкія части и въ общемъ составляли какое-то крошиво: это былъ матеріалъ, приготовленный для сплавки. Наиболѣе сохранились только массивные браслеты, которые было трудно переломать. Тутъ же помѣщались и обрубки слитковъ серебра.

Если судить по содержащимся въ кладѣ монетамъ, онъ долженъ быть отнесенъ ко времени не раньше половины XI в., по такъ какъ монеты эти, повидному, также обречены были на сплавъ, какъ не ходячія (большинство ихъ сохранилось только въ обломкахъ), то кладъ необходимо отнести къ болѣе поздней порѣ, отъ точнаго опредѣленія которой мы пока обязаны воздержаться. Считаемо также болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что не всѣ вещи одного времени; такъ къ болѣе ранней порѣ могутъ быть относимы гладкія поясныя бляхи. Въ виду того, что подобныхъ вещей не встрѣчено въ древностяхъ Золотой Орды, чимкентскій кладъ удобнѣе всего причислить къ XII в. или къ первой половинѣ XIII в.

Въ кладъ входятъ:

Серьги и бусы къ нимъ: 1) малыя рис. 57, 6 экз.; 2) еще меньшаго размѣра (гладкія бусы въ діаметрѣ не болѣе 0,8 с., укрѣпленныя на кольцѣ напоемъ), всего 8 бусъ; 3) большія съ гладкими бусами рис. 50, 2 экз. цѣлыя, 5 помятыхъ бусъ, 4 помятыя бусы меньшей величины (всѣ бусы свободно передвигаются по проволоцѣ, у одной на концахъ не горлышки, а правильныя колечки); 4) такія же бусы со сканнымъ пояскомъ посрединѣ (рис. 63, концы снабжены сканными колечками и припаяны къ проволоцѣ), 7 экз. такой же величины и 15—16 меньшей (прибли-

зительно 1,8 сант. длины); 5) такія же съ гладкими проволочными поясками, 9 экз. въ діаметрѣ 2 с. и 10 экз. въ діаметрѣ 1,8 с.; 6) большія бусы съ выпуклыми глазками того же назначенія (рис. 45 и 46),

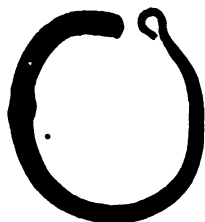

Рис. 1. 1/1.

3 экз., всѣ помяты (буса рис. 45 въ реставрированномъ видѣ имѣла бы выпуклые концы, какъ рис. 46); 7) буса съ пояскомъ изъ крутящейся проволоки (рис. 52); 8) серьга съ ушкомъ и утолщающимся концомъ (рис. 1); 9) помятая подѣлка въ видѣ серьги рис. 53; 10) бусы какого-то иного назначенія: большая съ чернью (рис. 21) и малая гранчатая со скошенными углами, изъ двухъ половинокъ (рис. 22).

Серьги, подобныя изображеннымъ, очень обыкновенны для болѣе поздняго времени, особенно же для XIII—XIV в. На рис. 56 и 58 представлены такія серьги изъ Камунты (Sch antre, Recherches anthrop. dans le Caucase, т. III стр. 93).

Рис. 2. 1/1.

Колечки. Сомкнутыя и разомкнутыя тонкія проволочныя колечки въ діаметрѣ 1—1,8 с.; первыхъ 9 экз., вторыхъ 3 экз. Два такія же колечка изогнутой формы, сомкнутыя и разомкнутыя; изъ нихъ одинъ съ серебряною гладкою бляшкою, снабженною по низу тремя ушками (рис. 2).

Коробочки для амулетовъ, гранчатая и гладкія, съ тремя ушками на верху и отмыкающеюся крышечкою сбоку. Всѣ покрыты черневыми и гравированными изображеніями, иногда арабскими надписями. Послѣднія, какъ всѣ надписи вещей клада, представляютъ одно или два слова изъ какого-нибудь благочестиваго или благожелательнаго изреченія.

Рис. 26. Въ срединѣ позолоченная штриховая рамка.

Рис. 27. Чернь совершенно сошла, какъ и позолота, если только послѣдняя была.

Рис. 28. Внизу орнаментъ штрихованъ и позолоченъ, оба конца также позолочены, на обратной сторонѣ орнаментъ тотъ же, чернь углубленная. Рисунокъ представляетъ реставрацію, какъ всѣ другіе рисунки съ помятыхъ предметовъ клада.

Рис. 29. Чернь углубленная.

Рис. 30. Вся техника совершенно такая, какъ рис. 28.

Рис. 32. На шесть граней. На обратной сторонѣ орнаментъ иной; чернь углубленная.

Рис. 34. Самая большая коробочка. Справа видна вырѣзка, на

верху коробочки, для вдвиганія крышечки; послѣднюю поддерживаетъ отъ паденія ушко. Чернь поверхностная.

Рис. 35. Кромѣ арабскаго слова, два одинаковыя изображенія хищнаго звѣря, хвостъ котораго, непомѣрно развѣтвленный, закинуть на спину до головы (по признакамъ гривы, левъ). Чернью (углубленную) покрыто поле.

Рис. 36. Слѣдовъ черни не видно. На обратной сторонѣ иной орнаментъ.

Рис. 37. Орнаментъ и буквы нанесены мелкозубчатой линіей. Поле было покрыто поверхностною чернью. Обратная сторона гладкая.

Болѣе или менѣе сохранившихся коробочекъ насчитывается 9 экз. Кромѣ того имѣются отдѣльныя части другихъ, главнымъ образомъ колпачки. Заслуживаетъ вниманія по тонкости работы пластинка рис. 25, съ тонкимъ черневымъ углубленнымъ орнаментомъ, можетъ быть также отъ коробочки.

Амулеты въ видѣ полукруглой полой бляшки на ушкахъ, съ благочестивымъ изреченіемъ (рис. 33). Безъ слѣдовъ черни и позолоты. Одинъ цѣлый экземпляръ и ушки отъ другого.

Подвѣски коническія. Всѣ покрыты черневымъ орнаментомъ.

Рис. 4. Кайма изъ нѣсколько разъ повтореннаго одного и того же арабскаго слова. По низу нѣтъ слѣдовъ припоя. Позолоты нѣтъ. Есть еще подобная подвѣска, весьма помятая.

Рис. 6. Тонкая, съ припайнымъ ободкомъ; поверхъ ободка имѣется въ одномъ мѣстѣ отверстіе. Въ глубинѣ остатокъ какой-то массы, видимо, не дерева.

Рис. 8. Обрывокъ подобной подвѣски, съ горошчатымъ тисненымъ орнаментомъ.

Кромѣ перечисленныхъ, имѣются обломки еще трехъ коническихъ подвѣсокъ.

Полушарья подвѣски. Всѣ очень помяты.

Рис. 3. Ушковъ два. На одномъ боку отверстіе. Чернь положена въ дорожки, изготовленныя штампомъ (третья техника наложенія черни).

Рис. 18. Обломки отъ двухъ подобныхъ полушарій, но не съ ушкомъ, а съ горлышкомъ.

Цѣпочки, плетенныя изъ тонкой проволоки. Типа рис. 47—1 обрывокъ, типа рис. 48—8 обрывковъ, типа рис. 49—1 обрывокъ, типа рис. 42—2 обрывка.

Цѣпь кольчатая (рис. 51), изъ плоскихъ колець, слегка изогну-

тыхъ; сомкнутыя и разомкнутыя кольца парами. Всего 12 колець. Такою должна быть «цѣпь аравитскаго золота» въ старыхъ русскихъ регаліяхъ.

Пуговицы. Всѣ круглыя, типа рис. 55, величиною 1,5—0,5 сант. Нѣкоторыя съ зернышками на концѣ, нныя съ пояскомъ изъ проволоки; послѣднія служили, вѣроятно, подвѣсками.

Поясной наборъ. Рис. 5. Гладкая бляшка съ зубцами; прикрѣпляется не гвоздиками, а загнутыми краями.

Рис. 7. Обломокъ бляшки типа рис. 9, съ позолочеными выпуклыми буквами.

Рис. 9. Круглая бляшка, толстая, съ отверстіемъ посрединѣ, гладкая, орнаментированная какъ наконечникъ рис. 19; черновой узоръ; бортъ и боковыя выемки позолочены; на оборотѣ два стержня. Имѣются еще 2 бляшки той же формы, помятыя.

Рис. 11. Позади массивные стержни.

Рис. 12. Короткій наконечникъ для ремня, вкладываемаго внутрь.

Рис. 14. Наконечникъ, техники и устройства рис. 16.

Рис. 15. Обломокъ гладкой бляхи съ выпуклою серединою. Позади слѣды гвоздей.

Рис. 16. Попорченныи толстыи наконечникъ. Верхъ выпуклый, украшенный черневымъ орнаментомъ (основныя контуры пройдены рѣзкомъ, чернь поверхностная, фигурка птички); низъ закрытъ пластинкой.

Рис. 17. Позади массивные стерженьки.

Рис. 19. Толстыи наконечникъ. Бока и рельефная середина позолочены, бордюръ черновой.

Рис. 20. Очень толстыи наконечникъ, литой. Конецъ вырѣзной, верхъ гладкій, черновой орнаментъ (поверхностный, фигурка птички), бока золочены; на оборотѣ 2 массивные стерженька.

Рис. 24. Бляшка въ видѣ подушечки, съ чернью, прикрѣпляемая загнутыми краями.

Рис. 43. Обломокъ фигурной вырѣзной бляшки, съ штифтомъ.

Имѣются еще обломки гладкихъ бляшки и наконечника типа рис. 17, но вдоль края вырѣзана черта.

Браслеты. *Рис. 38 и 39.* Массивные витые съ перевитіемъ, всего 8 экз. цѣлыхъ и много обломковъ; наконечники орнаментированы звѣриными головками, выложенными сканью. Три экземпляра очень маленькіе, на небольшую дѣтскую руку.

Рис. 40. Широкій наручень съ накладнымъ борозкомъ посрединѣ. Черновой орнаментъ въ видѣ разводовъ, чернь углубленная.

Рис. 31. Обломокъ пластинчатого браслета, съ черневымъ орнаментомъ. Чернь поверхностная.

Рис. 64. Часть замка отъ полаго браслета типа рис. 65. Глазки согнуты изъ серебряныхъ ленточекъ и снабжены внутри штампованными зрачками.

Рис. 65. Полые налокотники или поножи съ суживающимися концами, безъ замка. Кажется, отъ трехъ экземпляровъ. Кромѣ того, имѣется обломокъ подобнаго браслета съ насѣчкою.

Рис. 66. Пара очень тонкихъ наручней, гладкихъ, съ 3 обручками или боровками.

Перстни. *Рис. 54.* Неопредѣленные знаки на наставкѣ исполнены рытыми нарѣзками.

Рис. 59. Наставка раструбомъ; стекло выпало.

Рис. 60. Подобный же перстень.

Рис. 61. Два помятые перстня съ коническими наставками, украшенными чернью (углубленною).

Рис. 62. Наставка отъ перстня, подобнаго рис. 54; знаки очень вытерты.

Различныя подѣлки:

Рис. 10. Часть рукояти или подвѣски. По краю ободокъ на припоѣ. Черневой орнаментъ углубленный; бордюръ насѣченный, позолоченный. Еще подобная подѣлка болѣе узкая и длинная, съ черневымъ орнаментомъ.

Рис. 13. Ажурный литой колпачокъ, съ 2 отверстіями на боку, слѣды позолоты.

Рис. 23. Гладкая серебряная круглая бляха съ обрывками четырехъ полосокъ позади. Подѣлка самостоятельная, или же нижняя часть какой-либо иной вещи.

Рис. 41. Обломокъ пластинчатой подѣлки, можетъ быть, браслета. Пластинка двойная; горошинки очень выпуклыя, скань грубая.

Рис. 44. Бляшка въ видѣ зайчика, очень потертая. Позади 2 штифта для прикрѣпленія.

Слитки серебра. Маленькіе обрубки отъ слитковъ круглой формы (въ видѣ лепешекъ), вѣсомъ не болѣе 1—3 зол. каждый. Всѣхъ около шести десятковъ.

Обрѣзки тонкихъ и толстыхъ серебряныхъ листовъ.

Два черепка. Оба хорошей глины, довольно тонкіе, одинъ красный, другой сѣрый, почти одинаковой толщины (повидному, могутъ быть и отъ одного сосуда).

Рис. 3.

Рис. 6.

Рис. 4.

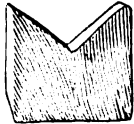

Рис. 5.

Рис. 7.

Рис. 8.

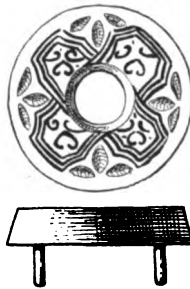

Рис. 9.

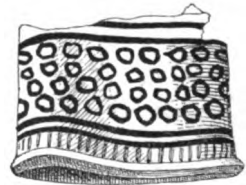

Рис. 10.

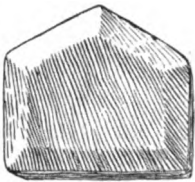

Рис. 11.

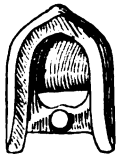

Рис. 12.

Рис. 13.

Рис. 14.

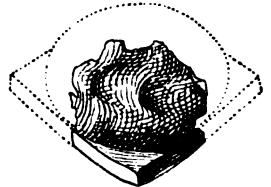

Рис. 15. 2/3.

Рис. 16.

Рис. 17.

Рис. 18.

Рис. 19.

Рис. 20.

Рис. 21.

Рис. 22.

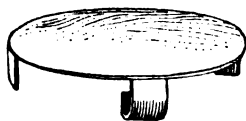

Рис. 23.

Рис. 24.

Рис. 25.

Рис. 26.

Рис. 27.

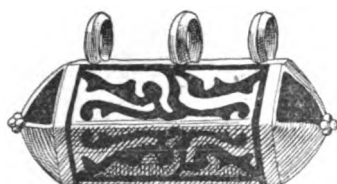

Рис. 28.

Рис. 29.

Рис. 30.

Рис. 32.

Рис. 31.

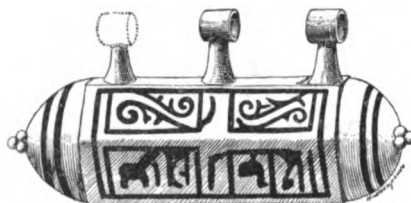

Рис. 34. 2/3.

Рис. 33.

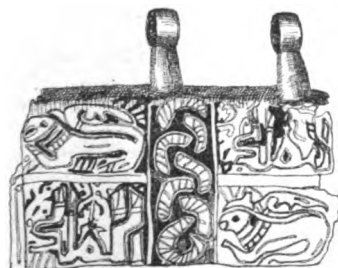

Рис. 35.

Рис. 36.

Рис. 37. 2/3.

Рис. 38. 2/3.

Рис. 39. 2/3.

Рис. 40. 2/3.

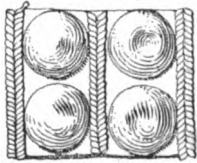

Рис. 41.

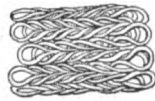

Рис. 42.

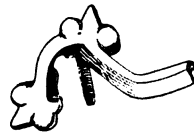

Рис. 43.

Рис. 44.

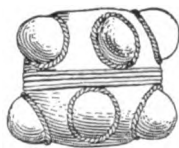

Рис. 45.

47.

48.

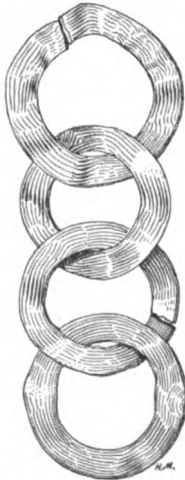

Рис. 51.

49.

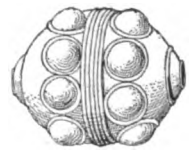

Рис. 46.

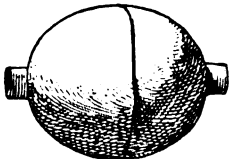

Рис. 50.

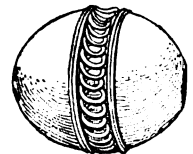

Рис. 52.

Рис. 53.

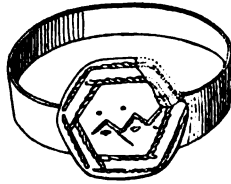

Рис. 54.

Рис. 55.

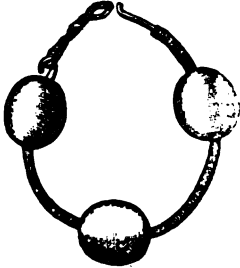

Рис. 56. Камунта. 2/3.

Рис. 57.

Рис. 58. Камунта. 2/3.

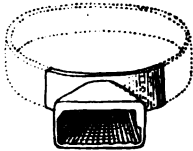

Рис. 59.

Рис. 60.

Рис. 61.

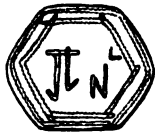

Рис. 62.

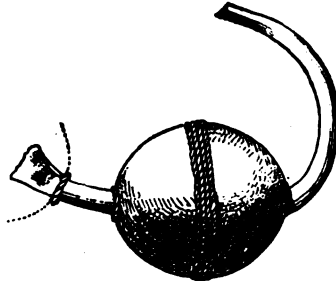

Рис. 63.

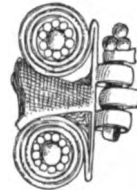

Рис. 64.

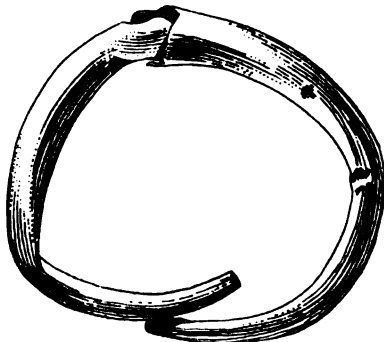

Рис. 65. 2/3.

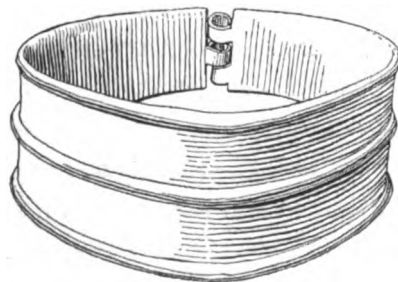

Рис. 66. 2/3.

Монеты: 1) Бувейгида Адода-ед-Дауле (949—983 г.), 2 и 3) два обломка монеть бувейгидовъ конца X в., 4) обломокъ саманидской монеты 965—973 г., 5) и 6) два обломка саманидскихъ монеть 970—985 г., 7) обломокъ диргема саманида Нуха бенъ Мансура (976—997 г.), 8) и 9) двѣ саманидскія монеты конца X в. (одна съ дырочкой), 10—13) четыре обломка брактеатовъ съ саманидскихъ монеть конца X в. (одинъ съ дырочкой), 14) диргемъ газневида Махмуда (998—1030 г.), 15) и 16) два обломка илекскихъ диргемовъ, чеканенныхъ въ Тиразѣ 1010—1020 г., 17) диргемъ газневида Масуда I (1030—1040 г.).

Чимкентскій кладъ интересенъ для характеристики средне-азиатской культуры времени илековъ (X—XII в.) и хорезмшаховъ (XI—XIII в.). Что это не есть собраніе чужихъ, награбленныхъ вещей, доказывается находками такихъ же предметовъ въ другихъ мѣстностяхъ на Сырь-Дарьѣ. Таковъ напр. кладъ, найденный въ древнемъ городѣ Аксы (Ахсикеть), въ 14 в. отъ Намангана, существовавшемъ при илекахъ (Труды Яросл. Археол. Съѣзда т. II стр. 321). Кладъ подобныхъ же вещей въ Ленкоранскомъ у. (Отчетъ Импер. Археол. Комм. 1899 стр. 132) показываетъ, что данная культура имѣла широкое распространеніе. Внимательный глазъ замѣтитъ таинственное отношеніе Чимкентскаго клада къ кievскимъ русскимъ древностямъ XII—XIII в., къ кладу кievскому Мышеловскому, ярославскому Бѣлогостицкому, воронежскимъ Гаевскимъ вещамъ и пр.

II. Два золотыя гау.

Гау—плоскіе ящички для храненія и ношенія на груди буддійскихъ талисмановъ и молитвъ (Зап. Вост. Отд. И. Р. А. О., XV, стр. 021—026). Два золотыя гау, принадлежащія Императ. Эрмитажу, перешли сюда изъ Кунсткамеры, куда поступили изъ Дворца въ 1727 г. ¹⁾ Происхсжденіе ихъ остается неизвѣстнымъ. Оба изображены въ Академическомъ атласѣ (табл. XX), въ той же степени сохранности, какая наблюдается въ настоящее время.

Большое гау (табл. I и II) представляетъ собою плоскую коробочку изъ двухъ створокъ, прилегающихъ другъ къ другу механически и сомкнутыхъ вверху и внизу шарнирами. Обѣ стороны украшены большими хрустальными выпуклыми камнями въ каймѣ изъ кружковъ и арочекъ (нѣкогда заполненныхъ какою-то массою), головками драконовъ, гнѣздами въ видѣ лепестковъ и филигранными разводами, расположенными

¹⁾ Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Наукъ т. VII стр. 307.

въ трехъ каймахъ или рамкахъ. Отъ головокъ драконовъ сохранились контуры, ячейки для глазъ, рога и уши. Клейма состоятъ изъ средняго круглаго гнѣзда и разнаго количества лепестковъ; всѣ они, какъ и головки, были заняты какою-то инкрустаціей, по всей вѣроятности, цвѣтною. Последнее обстоятельство представляетъ интересъ для пониманія орнамента Мономаховой Шапки, на которой, видимо, также примѣнялась инкрустація. Узоры филиграни—завитки и меандръ. Завитки соединяются въ форму растительныхъ разводовъ обычной формы; изъ нихъ крупные сопровождаются мелкими, примыкающими къ сторонѣ оборота. Одинокихъ и неправильно брошенныхъ завитковъ и усиковъ нѣтъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, особенно въ пазухахъ, круглые завитки сопровождаются завитками угловатой формы. Ободокъ и всѣ прямыя линіи орнамента исполнены изъ великолѣпной, отлично обработанной зерновой филиграни; зерно въ видѣ сдавленныхъ шариковъ, раздѣленныхъ широкими и глубокими перемычками. Филигрань тонкая съ слѣдами рубчиковъ на зернахъ, вслѣдствіе чего имѣетъ видъ катушечной. Всѣ разводы исполнены изъ такой же филиграни, тонкой и сплюсненной въ ленточку. Въ общемъ на подѣлкѣ примѣнена филигрань пяти величинъ; изъ нихъ самая красивая и правильная — крупная. Завитки вообще правильной формы; небрежно завернутые усики имѣются, но какъ исключеніе. Основные обороты завитковъ совершенно правильны.

Размѣры коробочки $10,2 \times 8,3 \times 2,8$ сапт., вѣсъ—90 зол. 27 дол. Внутреннее помѣщеніе ея помятое, грязное и совсѣмъ не изящное; гнѣзда для камней сильно вдаются. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ доски погнуты, какъ бы отъ нажима лежавшихъ внутри какихъ-либо твердыхъ предметовъ.

Въ общемъ по размѣрамъ и орнаменту подѣлка очень изящна. Для нея выбранъ прекрасный, жизненный тонъ золота, филигрань даетъ отличную игру свѣта изъ множества свѣтлыхъ точекъ при глубокихъ тѣняхъ. Камни подложены слюдой и потому вполне гармонируютъ съ общимъ свѣтлымъ тономъ коробочки.

Полагаемъ, что описываемое гау есть прямо китайская подѣлка. Специально китайскими можно признать: изображенія головокъ дракона, клейма-розетки, меандръ, а особенно — упомянутые выше угловатые завитки, свойственные только китайскому искусству.

Коробочка открывалась, конечно, помощью верхняго шарнира, легко раздвигаемаго въ стороны. Нижній шарниръ назначенъ для постояннаго скрѣпленія и сомкнуть помощью серебрянаго винта. Концы

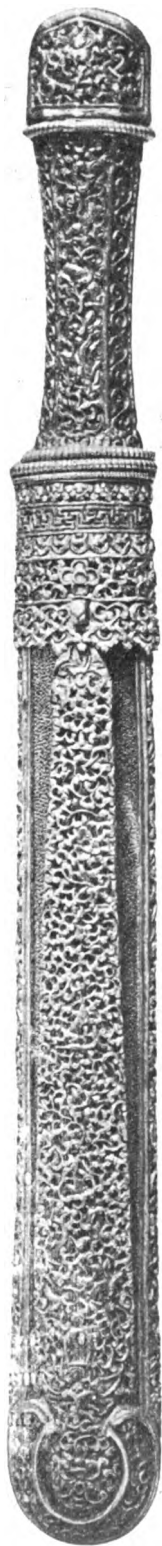

Рис. 67. 1/2.

боковых колец этого шарнира украшены сложно-ногтевиднымъ орнаментомъ, столь употребительнымъ на буддийскихъ статуэткахъ.

Малое гау (табл. II) сравнительно небрежной работы, но видимо той же техники; филигрань ея еще тоньше и не плющенная. Съ боковъ двѣ толстыя пластинки для шарнировъ. Золото болѣе свѣтлое. Вѣсъ 12 зол.

Время обоихъ гау пока неопредѣлимо.

Кстати издаемъ серебряный китайскій кинжалъ (рис. 67), также изъ коллекцій Императ. Эрмитажа, указанный намъ Э. Э. Ленцемъ (Салтыковская колл. XII № 216).

Ножны обтянуты такъ называемою змѣиною кожей и украшены ажурными серебряными пластинами. Орнаментъ пластинъ воздушный, изъ мелкихъ цвѣтковъ и позолоченныхъ фигуръ драконовъ. Средняя пластина: внизу голова дракона, выше длинный драконъ (разинутая пасть, рога, хохоль, тупой носъ, двупалыя лапы), лань на бѣгу, двѣ змѣйки (или драконы) головами въ трехлепестковый цвѣтокъ, еще головка какого-то животнаго. Вѣточки съ однимъ или нѣсколькими развѣтвленіями, несущими на концахъ по одному или по два листка; нѣкоторыя вѣточки какъ бы соединяются въ лозу, бѣгущую спирально, но спираль эта прерывается. На боковыхъ пластинкахъ по 2 длинныхъ дракона. Наконечникъ съ 3 розетками о 4 лепестка; по срединѣ двухъ красная паста или мастика въ видѣ сургуча. Поясокъ изъ китайскихъ овъ, меандра и растительныхъ завитковъ. Два дракона и розетка между ними. По краю крупная филигрань изъ сплюснутыхъ зеренъ съ насѣчкой.

Рукоять бронзовая позолоченная. Орнаментъ тотъ же растительный съ длиннымъ дракономъ; по бокамъ лоза. Яблоко серебряное грацчатое, съ позолоченнымъ орнаментомъ. На лицевой сторонѣ изогнувшійся драконъ среди растительныхъ завитковъ, на обратной орнаментъ въ видѣ сотовъ, съ розетками посрединѣ, на верху яблока также драконъ, изогнувшійся.

Общее съ описаннымъ выше гау: изображенія драконовъ, меандръ, филигрань.

III. Вещи изъ Гашунъ-Уста Ставропольской губ.

Вещи найдены въ 1890 г. въ курганѣ крестьянами-кладоискателями с. Рогули на землѣ кочевыхъ тухменъ близъ урочища Гашунъ-Уста Новогригорьевскаго у. Ставропольской губ., на глубинѣ семи аршинъ, при костякѣ.

Всѣ вещи золотыя (табл. VII):

№ 1 и 2. Два высокія полукольца. Дуга орнаментирована выпуклыми листьями.

№ 3. Подвѣска съ тамгою. Такая тамга встрѣчается на монетахъ различныхъ хановъ Золотой Орды.

№ 4. Пряжка. Бляха съ подбойкой изъ золотого листка.

Рис. 68.

Рис. 69.

Рис. 70.

№ 5 и 6. Очень рельефный штампъ. На оборотѣ 2 согнутые гвоздика. 6 экз.

№ 7. Глубокій штампъ. Лежащая лань, съ высоко поднятою головою. На оборотѣ своеобразный язычокъ для прикрѣпленія.

№ 8 и 9. Сплюснутыя колечки-пронизки. Концы спаяны. 2 экз.

№ 10. Наконечникъ ремня, изящно орнаментированный фигурками ланей и цвѣточками. Для зажима ремня позади золотая пластинка съ 3 гвоздиками, орнаментированная сложными чешуйками (рис. 69).

№ 11. Обратная сторона одной изъ бляшекъ типа рис. 13, украшенная изображеніемъ китайскаго лотоса. Рѣзецъ и пунсоцъ.

№ 12. Тонкая тисненая бляшка съ золотыми же гвоздиками и шай-

бочками на оборотѣ. Легкая штриховка. Колечко съ ушкомъ придѣлано позднѣе, и не на томъ концѣ, гдѣ слѣдовало бы по рисунку орнамента.

№ 13. Три прекрасныя поясныя бляхи, орнаментированныя фигурою оленя и листками. Штампованная пластинка снабжена подкладкой. Сбоку пролетъ для ремня. Скобочки лишь у двухъ экземпляровъ; видимо, онѣ припаяны позднѣе. Обратныя стороны бляхъ см. на табл. VII, 11 и рис. 68 и 70; изображенія арабскаго цвѣтка.

Перечисленныя вещи принадлежатъ, повидимому, къ набору одного пояса.

Рис. 71.

Рис. 72.

Рис. 73.

Въ томъ же погребеніи найденъ еще золотой ковшъ съ ручкой въ видѣ головки дракона (рис. 71). У дракона клыки, широкіе плоскіе зубы, сомкнутая пасть. На днѣ интересное клеймо съ изображеніемъ лотоса (рис. 72). Орнаментъ исполненъ рѣзцомъ и пунсономъ.

Близкій поясной наборъ найденъ въ курганѣ близъ с. Карги Днѣпровскаго у. (Альбомъ Выставки Харьковск. Археолог. Съѣзда, табл. IV).

Курганы съ вещами китайской техники заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что есть нѣкоторое основаніе признавать ихъ древнѣйшими татарскими курганами на русской почвѣ.

IV. Вещи изъ кургана Юнъ-баба.

Вещи найдены кладовщиками въ 1887 г. «въ горѣ Юнъ-баба, въ курганѣ, на глубинѣ 3½ саж., въ 15 в. отъ с. Кіевского, Медвѣженскаго у. Ставропольской губ., не подалеку отъ р. Маныча» (въ архивѣ Императ. Археолог. Комм. дѣло 1887 г. № 14).

Въ собраніе входятъ:

Рис. 73. Два массивные золотые браслета съ выпуклою поверхностью, гладкою внутреннею стороною и схематическими головами льва на концахъ. Большая стеклянная пронизка изъ бѣлыхъ и темныхъ зигзаговъ. Зеркало изъ желтой мѣди, покрытое на обратной сторонѣ орнаментомъ. Двѣ пронизки изъ плохого аметиста. Глубокая чашечка изъ свѣтлаго золота, кованая.

Табл. III, 1 и 3; IV, 2 и 4. Девять пятиугольныхъ золотыхъ бляшекъ. Вышнія стѣнки гнѣздъ изъ петельнаго плетенья, какъ рис. 58 на стр. 180, внутреннія изъ ленточекъ. По краямъ гнѣздъ зернь на двойной проволокъ; свободное поле занято грубыми усиками изъ тонкой плющенной скани. Въ гнѣздахъ отверстія для прикрѣпленія жемчужинъ. Снаружи въ углахъ маленькіе ушки. Высота 0,4 сант. Подѣлки очень красивыя. Зернь по контурамъ сверкаетъ, а скань даетъ глубокіе тона.

Табл. III, 2 и 5. Двѣ золотыя ажурныя полубусы или чашечки изъ сравнительно грубой скани; одна высокая, другая низкая. Край скрѣпленъ проволокой, а дно золотымъ листкомъ. Вѣроятно, съ перстней (см. Отч. Имп. Арх. Комм. 1894 г. стр. 152).

Табл. III, 7. Золотая крупная буса въ видѣ двѣнадцатигранника. Каждый щитокъ обработанъ изъ тонкой скани, слегка сплющенной (контуры) и сплющенной проволоки (звѣздочки и восьмерки). Отверстія бусы изъ проволоки, свитой плоскимъ жгутомъ.

Табл. III, 16. Золотая бляшка въ видѣ пирамидки изъ 6 гнѣздъ для крупнаго жемчуга. Устройство ея ясно по рисунку. Скань толстая и крутая. Съ наружной стороны четыре отверстія для прикрѣпленія; всѣ они расположены въ основаніи бляшки, такъ что, быть можетъ, она прикрѣплялась остриемъ внизъ.

Съ описанными вещами, еще найдены: 5 зол. 36 дол. жемчугу разной величины, обломки желѣзной подѣлки и куски серебряной чашечки.

V. Кладъ, найденный въ 1869 г. близъ г. Спасска Казанской губ.

«Спасскаго у. сельца Косякова крестьянинъ Трофимовъ, распахивая близъ г. Спасска землю, нашель, зарытымъ въ землю, мѣдный кувшинъ, въ которомъ оказались разныя татарскія украшенія и слитки серебра». Кромѣ этихъ свѣдѣній, идущихъ отъ Казанскаго губернатора (архивъ Императ. Археологич. Комм. 1869 г., № 17), объ обстоятельствахъ находки ничего неизвѣстно. Весьма возможно, что кладъ имѣетъ отношеніе къ Куралову городищу, расположенному между слц. Косяковымъ и с. Кураловымъ. Городище это значительныхъ размѣровъ (до 160 саж. въ длину и ширину), квадратной формы, укрѣплено двумя валами, распахивается (Шпилевскій, стр. 330—332). Самъ Спасскъ — городъ новый, обращенный изъ селенія въ 1781 г.

Въ составъ клада входятъ (табл. V и VI):

1) Пара совершенно одинаковыхъ малыхъ золотыхъ серегъ (табл. V, 1), съ тремя напущенными бусами. Каждая буса изъ двухъ половинокъ и перетянута пояскомъ изъ крупной зерни межъ двумя сканными колечками. У средней бусы три ушка, для прикрѣпленія подвѣсокъ, какъ у серьги рис. 7. Между бусами для скрѣпленія ихъ скань. Ушковъ у колець нѣтъ.

2) Пара такихъ же серегъ большей величины и попроче (табл. V, 8), изъ плохого серебра и небрежной работы. Пояски бусъ только изъ скани. Одна изъ серегъ попорчена.

3) Хорошая большая золотая серьга или сережная подвѣска съ уточкой посрединѣ (табл. V, 7). Кольцо мѣдное, обтянутое свѣтлымъ золотомъ. Бусы длинныя изъ конусовъ съ широкимъ прорѣзнымъ поясомъ, спаяннымъ изъ небольшихъ отдѣльныхъ конусовъ. Устройство уточки ясно изъ рисунка; она крѣпко сидитъ на ножкѣ и укрѣплена въ концахъ; хвостъ распущенный, широкій, покрытый зернью, все туловище выложено сканными кружками, хохолокъ отломанъ, крылья плоскія, съ сильно загнутыми концами. Уточка, вися на головѣ щеголихи, смотреть впередъ; на лицевой сторонѣ 2 бусы, на обратной одна. Подѣлка обильно украшена сканью и зернью, разной величины и въ разныхъ комбинаціяхъ. Цѣпочекъ должно быть три, по числу ушковъ. Весьма возможно, что уточка — эмблема нѣжности; въ такомъ случаѣ, что она несетъ въ клювѣ? Золото плохое, бѣлое.

4) Золотыя цѣпочки съ золотыми бусами и круглыми бляшками. Первыхъ двѣ, съ 6 и 7 бусами (табл. V, 3). Бусы изъ двухъ половинокъ, изготовленныхъ безъ шва, покрыты зернью, посрединѣ и у

ушковъ сканные пояски. Обѣ цѣпочки, быть можетъ, составляютъ одну. Кружки (табл. V, 2) тонкіе, орнаментированы колпачкомъ, зернью и сканью, небрежной работы; на оборотѣ позади колпачка отверстіе, для техническихъ цѣлей. Проба одной изъ цѣпочекъ—48⁰/₀ золота.

5) Серебряная коробочка на длинной цѣпочкѣ (табл. VI), съ одною и тою же арабскою надписью благочестиваго содержанія, вѣрнѣе, ея обрывкомъ. Сверху неподвижныя ушки, сбоку крышечка, плотно задвинутая и заклепанная серебряными гвоздиками. Орнаментъ въ видѣ крутящихся листьевъ и копытообразныхъ щитковъ; поле покрыто зернью, наложенною отчасти, кажется, на гладкое поле, отчасти на насѣченное. Боковыя грани гладкія, съ незначительными слѣдами черни, ихъ покрывавшей. Надписи расположены въ порядкѣ изображеній на западно-европейскихъ монетахъ. Цѣпочка изъ тонкихъ колечекъ, согнутыхъ восьмерками; кольцо у нея съ далеко заходящими другъ на друга концами, захлеснутыми. Ушки въ характерѣ коробочекъ Чимкентскаго клада.

6) Серебряные перстни: съ широкимъ гладкимъ щиткомъ, техники и орнамента коробочки (табл. V, 4), съ круглымъ выгнутымъ щиткомъ, покрытымъ зернью и сканью, грубой работы (табл. V, 5), съ выпуклымъ круглымъ щиткомъ, покрытымъ зернью (табл. VI, 3).

7) Три массивные серебряные проволочные витые браслета съ массивными же круглыми дробницами на концахъ, украшенными зернью (табл. VI, 4). Наставки—обычныя гранчатые сплюснутыя сердоликовья бусы.

8) Пара малыхъ серебряныхъ браслетовъ совершенно такого же устройства, но съ узкими гладкими концами, сбитыми въ пластинку изъ тѣхъ же проволокъ, ничѣмъ не украшенными.

9) 47 кусковъ довольно чистаго серебра, вѣсомъ 7 ф. 77 зол. 84 дол. (проба одного куска показала 86²/₃⁰/₀). Всѣ куски одной формы—въ видѣ согнутыхъ въ трубку лепешекъ (рис. см. въ Русскихъ Древн. гр. Толстого и Кондакова вып. V, стр. 97), большею частью до 7 сант. въ діаметрѣ, а два экземпляра вдвое большихъ размѣровъ. Нѣкоторые слитки цѣлые, но большинство уже обрѣзаны. Определеннаго вѣса они не имѣютъ.

Весь кладъ вѣсомъ до 9 ф. Кувшинъ, въ которомъ онъ былъ найденъ, не сохранился.

Очень близокъ по времени къ Спасскому другой казанскій кладъ, найденный въ слѣдующемъ 1870 г. близъ д. Собакайки, Лаишевскаго у. и также сохраняющійся въ Императ. Эрмитажѣ (Архивъ

Импер. Археолог. Комм. 1870 г., № 24). Вещи лежали въ глиняномъ горшкѣ и были открыты при распахиваніи поля.

Въ составъ клада входятъ:

1) Двѣ золотыя серьги типа совершенно табл. V, 7, но безъ уточекъ.

2) Семь серебряныхъ перстней. Изъ нихъ одинъ покрытъ зернью, совершенно типа табл. VI, 3, остальные съ гладкими широкими щитками, покрытыми различными черневыми рисунками (два съ изображеніями птичекъ, одинъ съ орнаментомъ подковообразнымъ, какъ табл. V, 4). Совершенно такіе же перстни имѣются въ коллекціи А. Θ. Лихачева (табл. V, 42, 43 и 47).

3) Пять большихъ серебряныхъ браслетовъ витыхъ изъ 8 проволокъ, какъ табл. VI, 4, но съ плоскими пластинчатыми концами, какъ въ коллекціи А. Θ. Лихачева изъ Билярска (кладъ 1882 г., см. Труды Яросл. Арх. С. т. II, стр. 178, табл. IV, 3).

4) Большая серебряная шейная гривна такого же витья съ длинными круглыми дротами на концахъ, снабженными крючками, какъ въ коллекціи А. Θ. Лихачева табл. VII, 5.

VI. Нейзацкій кладъ.

Въ маѣ 1886 г. крестьяне д. Балаповой Симферопольскаго у. при починкѣ мельничной гати въ сосѣдней деревнѣ Нейзацъ нашли въ глиняномъ сосудѣ небольшой кладъ изъ монетъ и различныхъ вещей, который былъ отобранъ у нихъ мѣстнымъ приставомъ и чрезъ начальство представленъ въ Императ. Археологическую Коммиссію (въ архивѣ ея дѣло 1886 г., № 3).

Въ кладъ входятъ:

1) Золотая «дува», мѣшочекъ для мусульманскихъ молитвъ (табл. VIII, 15). Имѣеть форму обращенной внизъ арочки и состоитъ изъ перегнутой тонкой тисненой золотой пластинки; съ боковъ забрана стѣнкою изъ золотой ленты. Орнаментъ лицевой стороны въ видѣ тонкой лозы, каждый оборотъ которой состоитъ изъ кружка, свернутого изъ тонкаго усика въ два оборота, и сложнаго листка; орнаментъ обратной стороны и боковъ — круглое клеймо и разводы изъ крупныхъ листьевъ; въ каймѣ подражаніе арабской надписи. На лицевой сторонѣ высокая овальная дробница съ зеленымъ камнемъ въ видѣ яшмы, укрѣпленнымъ боковыми цапками, и три проволочныя чашечки въ видѣ розетокъ (одна уже отпала). На обратной сторонѣ отверстія на мѣстахъ,

соответствующих чашечкам лицевой стороны. На концах дувы пятиугольные крышечки с отверстиями для шнура (табл. VIII, 10).

2) Обломки двух серег: электровой со стержнем, с которого спала жемчужина (табл. VIII, 6), и серебряная позолоченная с остатками шарика (табл. VIII, 7).

3) Набор сердоликовых бус (табл. VIII, 1 и 2), 14 экзempl. Большинство их круглые сплюснутые редкой формы и довольно небрежной работы (преимущественно 1,6 сант. в диаметре, но есть и маленькие, всего 0,8 сант.); гранчатая буса лишь одна (рис. 2), из какого-то молочного сердолика. Есть буса круглая стеклянная с цветными пятнами (табл. VIII, 3).

4) Золотая круглая подвеска к ожерелью, с арабской надписью, заключающей благопожелания (табл. VIII, 9). Подражание северо-африканским золотым монетам XIII—XIV в.

5) Две пары пластинчатых застежек из плохого серебра, украшенные незатейливым растительным орнаментом (табл. VIII, 14 и 16). Застежки производят даже впечатлительные более поздних, чем другие вещи клада, но в принадлежности их к общему составу нет оснований сомневаться, так как подобные подделки, кажется, встречены в кубанских черкесских курганах XIV в.

6) Десять круглых золотых тонких бляшек с изображением лежащего козла, с загнутыми рогами (табл. VIII, 12).

7) 20 экз. квадратной формы золотых бляшек с изображением узла (табл. VIII, 13).

8) Тонкий золотой перстень с узким овальным щитком без орнамента (табл. VIII, 8).

9) Два тонкие пластинчатые золотые браслета, на шарнирах (табл. VIII, 5). Тисненые и слегка штрихованные арабские надписи, означающие благопожелания владельцу. Поле между буквами разделено точками; по ободку скань. Шарнир замыкался двойными щипчиками. Щитки покрыты орнаментом из плющенной скани в виде веточки с усиками на обеих сторонах, и зелеными камушками посредине. Из-под щитка спускается тонкое колечко с жемчужиной.

10) 466 экз. серебряных татарских монет XIV в., именно: 8 экз. хана Тохтогу 1310 г., 191 экз. Узбека 1317—1339 г., чеканенных в Сарае, 178 экз. Джанибека 1341—1355 г., чеканенных в Сарае, Гюлистане и Новом Сарае, 27 экз. Бирдибека 1357—1359 г., чеканенных в Новом Сарае, Азаке и Гюлистане, 7 экз. Кульны 1358 г., чеканенных в тех же местах, 6 экз. Науруза

1359 г., чеканенныхъ тамъ же, 13 экз. Хызра 1358—1360 г., чеканенныхъ тамъ же, 1 экз. Ордумелека 1360 г., чеканенный въ Азакъ, 1 экз. Мюрида 1361 г., чеканенный въ Гюлистанъ, 34 экз. Абдуллаха 1364 и 1367 (?) г., чеканенные въ Азакъ.

Нейзацкій кладъ интересенъ тѣмъ, что онъ, повидимому, не среднеазиатской техники, а какой-то другой. Застежки, скорѣе всего, генуезскія. Генуезцы могли доставить въ Крымъ и остальные вещи клада.

VII. Отдѣльные предметы татарскаго времени.

1) Табл. III, 4 и 8. Девять золотыхъ бляшекъ, покрытыхъ узоромъ въ видѣ отдѣльныхъ сердечекъ изъ плющенной скани. Въ среднихъ кружкахъ по два отверстія для прикрѣпленія жемчуга или камней, въ углахъ большихъ сердечекъ отверстія для прикрѣпленія къ ткани, обведенныя кружками изъ той же скани.

2) Табл. III, 6. Тисненая ажурная золотая бляшка, очень тонкая.

3) Табл. III, 9. Золотая буса изъ небольшихъ грубыхъ колецъ, свернутыхъ изъ скани.

4) Табл. III, 10. Изящная золотая буса изъ петель, свернутыхъ изъ плющенной проволоки. Въ концахъ для подбойки золотые листки, какъ у бусъ табл. III, 2 и 5.

5) Табл. III, 11. Золотая подвѣска въ видѣ сердечка, украшенная тремя полубусами изъ плющенной проволоки, скани и зеренъ. По ободку скань въ двѣ нити и зерневья пирамидки. Внизу два колечка, вверху двойной разогнутый крючокъ съ заостренными концами. Въ замкѣ полубусъ подбойка изъ золотыхъ листковъ.

6) Табл. III, 14 и 15. Двѣ грубоватыя золотыя подвѣски въ видѣ гречишныхъ зеренъ. Ободокъ изъ простой скани, разводы изъ плющенной. На концахъ по зернышку.

7) Рис. 76 и 77. Три золотыя бляшки съ выпуклымъ китайскимъ тисненіемъ изъ розетокъ. Съ обратной стороны пластинка, украшенная также тисненымъ орнаментомъ въ видѣ плетенья. Чрезъ бляшки проходятъ по три сквозныя отверстія; это остатки ожерелья или браслета.

8) Рис. 78. Золотой гладкій наконечникъ пояса, украшенный плетеньемъ изъ черни и мелкими гравированными разводами. Ремень вкладывался внутрь наконечника.

9) Рис. 74. Небольшое золотое навершье въ видѣ бусы. На круглой бляшкѣ. Буса ажурная изъ 12 граней или рамокъ, забранныхъ мелкими растительными разводами (подобная найдена въ Бѣлорѣ-

чинскихъ курганахъ, см. Отч. Имп. Арх. Комм. 1896 г., стр. 33, № 182). Бляшка тоже ажурная, выпуклая, тисненая, въ видѣ розетки изъ точекъ и лилій (рис. 75); аналогія для Джанибековой бляшки рис. 44 на стр. 178.

Всѣ перечисленные предметы (№ 1—9), видимо, относятся къ какой-то одной коллекціи, происходящей съ Кавказа или изъ Средней Азіи; вѣроятно всего, что она съ Кубани. Точное мѣстопахожденіе ея пока остается неизвѣстнымъ. Къ коллекціи Кунсткамеры она не принадлежитъ.

10) Рис. 73. Серебряная серьга изъ курганныхъ находокъ 1887 г. близъ с. Роголей, Ставропольской губ. Одинъ конецъ нѣсколько острѣе другого. Вмѣстѣ съ ней найдено было обыкновенное китайское зеркало съ изображеніемъ фигуръ четырехъ драконовидныхъ животныхъ.

Рис. 74.

Рис. 75. 3/4.

Рис. 76.

Рис. 77.

Рис. 78.

11) Табл. III, 13. Пара золотыхъ свитыхъ спиралью въ 3 оборота колець, въ натуральную величину. Подѣлки неяснаго назначенія. Среди татарскихъ древностей такихъ колець, повидимому, не встрѣчается. Скорѣе, это вещи Зубовской культуры.

12) Серебряный витой браслетъ съ наставками изъ япись-лазури и сердоликовая подвѣска (табл. IV, 1 и 3). Происхожденіе обѣихъ вещей неизвѣстно.

13) Четыре золотыя подѣлки изъ кургана, хищнически разрытаго въ 1886 г. близъ с. Воздвиженскаго Новогригорьевскаго у. Ставропольской губ., именно: обыкновенная серьга въ видѣ кольца съ ушкомъ на вѣшной сторонѣ, пара большихъ сережныхъ подвѣсокъ съ бусами, украшенными 8 копическими высокими остріями (типа Русск. Древн. вып. V, стр. 137; кольца мѣдныя, обтянутыя золотомъ), и перстень съ широкимъ щиткомъ, украшеннымъ крестообразно зернью (довольно обыкновенный типъ перстней для XIV в., см. Отч. Имп. Арх. Комм. 1891, стр. 128).

14) Табл. IV, 5—7. Золотыя брошка и серьги, передѣланныя изъ двухъ сережныхъ подвѣсокъ, найденныхъ близъ с. Никитскаго или Никитскаго завода Верхотурскаго у. Это лучшая пара изъ извѣстныхъ серегъ этаго типа. Устройство серегъ такое же, какъ у описанныхъ экземпляровъ. Туловище птички украшено вверху и внизу зернью и кружками изъ скани. Подвѣсокъ было по три, всѣ на ободкѣ средней бусы. На крылышкахъ птички было по одной подвѣскѣ съ обѣихъ сторонъ. Звонъ подвѣсныхъ бусъ при ударѣ другъ о друга очень негармониченъ. Золото красноватое.

15) Табл. III, 12. Пара золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ съ уточками. Форма и техника одинаковы съ остальными подѣлками этого рода. У птички по 4 подвѣски (на хвостъ по одной, съ лицевой стороны); изъ нихъ нѣкоторыя подновлены въ позднѣйшее время, при общей починкѣ. На экземплярѣ лучшей сохранности подвѣсокъ три. Онѣ висятъ въ одной плоскости, двѣ выше, одна ниже; такое устройство даетъ сергѣ внушительный видъ и спереди. Уточки головами въ разныя стороны. Кольцо мѣдное ¹⁾.

Вмѣстѣ съ сергами найдены сохраняющіеся съ ними два массивные золотые кованые пластинчатые браслета съ обычнымъ изображеніемъ львиныхъ головъ на концахъ (Отчетъ Имп. Арх. Комм. 1890 г. стр. 119). Средина выпуклая, борта боровкомъ. Головы львовъ вырѣзаны энергично; глаза у нихъ косые.

VIII. *Дѣя серебряныя чаши.*

Представляемъ описаніе двухъ любопытныхъ серебряныхъ чашъ изъ собраній Императ. Эрмитажа. Обѣ онѣ одной техники, одного стиля и времени и имѣютъ, между прочимъ, отношеніе къ суздальскимъ церковнымъ рельефамъ. Одна, кромѣ того, является прототипомъ обычныхъ русскихъ древнихъ братинъ.

Братина (табл. IX) высотой 12 сант., ширина вѣнчика 18 сант. Украшена высокимъ рельефнымъ орнаментомъ и потому внутри имѣетъ подбой въ видѣ другой чашки, гладкой. Обѣ чашки спаяны лишь по вѣнчику; днища плотно примкнуты другъ къ другу, но не припаяны. Внутренняя чашка тонка и довольно ломкая.

Вѣнчикъ братины гладкій, для удобнаго охватыванія губами. Онъ

---

¹⁾ Въ коллекціяхъ П. И. Щукина имѣется нѣсколько паръ золотыхъ серегъ того-же типа.

покрытъ звѣриннымъ орнаментомъ, парнымъ. Представлена погоня: барса за лосемъ или оленемъ, собаки за зайцемъ, грифона за конемъ, и снова повтореніе тѣхъ же мотивовъ въ томъ же порядкѣ; между обѣими половинами одиночное изображеніе льва. Фигуры звѣрей взяты съ хорошихъ образцовъ, а фигуры грифона и коня положительно удачны; всѣ изображенія полны традиціонной, выработанной экспрессіи. Фигурамъ придана почти одна и та же величина; преслѣдуемая животныя обращены головою назадъ. Вообще въ сценахъ погони много добродушія; это скорѣе игра, чѣмъ дѣйствительное преслѣдованіе. Животныя представлены на скаку, а не на бѣгу; заднія ноги вмѣстѣ. Фигуры исполнены сильнымъ движеніемъ рѣзца; поле покрыто точками. Бѣгъ вправо.

Бока чаши обработаны крупными выпуклыми чешуйками (техника, извѣстная на востокѣ уже въ издѣліяхъ X в.), расположенными въ семь рядовъ, по 22 клейма въ ряду. Каждое клеймо снабжено чеканнымъ изображеніемъ фигуры человѣка или животнаго (кромѣ двухъ послѣднихъ рядовъ). Въ общемъ эти изображенія не представляютъ сценъ и являются совершенно случайнымъ наборомъ отдѣльныхъ фигуръ. Основные темы ихъ — пиръ, увеселенія и фантастическія животныя. Только три фигуры перваго ряда могутъ быть соединены въ одну сцену, именно изображеніе женщины съ двумя слугами по сторонамъ. Женщина въ трудно опредѣлимомъ головномъ уборѣ, напоминающемъ корону, изъ подъ котораго выпущены впередъ густые локоны; широкое плечье, руки опущены. Впереди столъ, на которомъ чаша на ножкѣ и фрукты. Слуги — мальчики съ короткими волосами, въ длинной одеждѣ съ узкими рукавами; одинъ съ кубкомъ, другой съ опахаломъ. У того и другого позади какъ бы сосуды съ длинными шейками, а впереди что-то вродѣ кубковъ. Далѣе (начиная слѣва вправо) расположены: игрокъ на тарелкахъ, игрокъ на лирѣ, сидящій танцовщикъ, игрокъ на лютнѣ, танцовщикъ, игрокъ на тарелкахъ, танцовщикъ въ танцѣ, фокусникъ, ходящій на рукахъ, фокусникъ съ шаромъ, флейтистъ вправо, флейтистъ впрямь, игрокъ на лирѣ, фокусникъ, ходящій на рукахъ, игрокъ на лирѣ (лѣвша, чтобъ дать поворотъ влѣво), игрокъ на барабанѣ (?), флейтистъ впрямь, игрокъ на лютнѣ, мальчикъ - танцовщикъ въ позѣ, игрокъ на лютнѣ. Всѣ игроки сидятъ, съ круглыми подушками за спиною; у большинства сбоку представлено что-то вродѣ кубка. Во второмъ ряду расположены поровну изображенія безкрылыхъ сфинксовъ (львицы съ головою человѣка) и сиреновъ (фазанъ или куропатка съ женской головою). Львицы въ геральдической позѣ съ поднятою лапой; волоса короткіе, головы всегда обращены назадъ. У птицъ короткія крылья, изъ подъ которыхъ

выступает выпущка, грузный высокоподнятый хвостъ, грудь въ широкихъ круглыхъ перьяхъ, лапы широкія, голова съ локонами. Крылья у однихъ сложены, у другихъ приподняты. Въ третьемъ ряду изображенія звѣрей: лисицы (7), зайца (6), льва (4), барса (3) и неопредѣленнаго животнаго въ видѣ собаки (2). Всѣ одной величины, что мѣшаетъ ихъ точному опредѣленію. Левъ опредѣляется по гривѣ, барсъ узнается по пятнамъ, лисица по пушистому хвосту, заяцъ по ушамъ и хвосту. Всѣ звѣри въ геральдическихъ позахъ, съ хвостами, поднятыми вверхъ. Въ четвертомъ ряду помѣщены изображенія птицъ и 2 львиныя головы. Птица собственно одна и та же, фазанъ, но въ разныхъ позахъ. Трудно признать эту птицу куропаткой, въ виду ея длиннаго хвоста; не должно

Рис. 79. 1/1.

Рис. 80. 1/1.

смущать то обстоятельство, что хвостъ фазана поднять такъ высоко и даже закрученъ впередъ: это сдѣлано по общему геральдическому приему, какъ хвосты животныхъ предыдущаго ряда. Двѣ птицы представлены сидящими на яйцахъ; у нихъ грудь гладкая, какъ еще у двухъ птицъ. У половины птицъ крылья сложены, у половины или открыты, или подняты. Голова у всѣхъ обращена назадъ. Изображенія пятого ряда: головки кудрявыхъ мальчиковъ, вправо и влѣво (Г1), головы лисицъ (2), головы льва впрямь (3), голова грифона, медвѣдя (?), собаки съ тупой мордой или льва (2), льва съ гривой (2). Въ шестомъ и седьмомъ рядахъ — листки или цвѣтки въ видѣ лилій съ круто загибающимися лепестками чашечки. На высокомъ поддонѣ пары: фазаны съ женскими головками (на груди мелкія перья), лисицы, зайцы, фазаны - самки, львы (съ тупыми мордами).

Внутри на днѣ изображеніе св. Георгія (рис. 80), на конѣ, въ

бронѣ, на сѣдлѣ, съ копьемъ и щитомъ. Поле покрыто короткими растеніями, какъ на вѣнчикѣ. Хорошая греческая надпись указываетъ на иноземнаго мастера.

Вся наружная поверхность братины и клеймо внутри позолочены.

На днѣ снаружи русская надпись (рис. 81), которую А. И. Соболевскій читаетъ: «Въ полъ четвърта десѣте гривень» и переводить на современный счетъ какъ 35 гривенъ.

Такъ какъ братина вѣситъ всего 2 ф. 38¹/₂ зол., то очевидно, что надпись не означаетъ ея дѣйствительнаго вѣса, а имѣетъ какое-то другое значеніе. Согласно авторитетному заключенію того же лица, надпись эта, по рисунку и по орѳографіи, можетъ быть относима къ XII в. Лично мы не рѣшаемся назначить время изго-

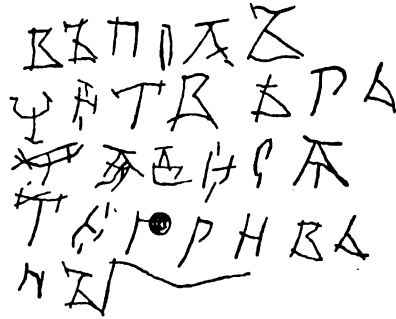

Рис. 81. 1/1.

товленія чаши, а равно и опредѣлить ея происхожденіе, но все же полагаемъ, что она принадлежитъ нѣсколько болѣе позднему времени.

Когда именно поступила чаша въ Эрмитажъ, остается неизвѣстнымъ. Внутри на стѣнкѣ нацарапанъ вѣсъ ея (2³/₈ ф.) старымъ почеркомъ.

Вторая чаша (табл. X и XI) принадлежитъ коллекціи Базилевскаго (№ 189). Она меньшихъ размѣровъ, но того же устройства, поломана.

По вѣнчику такіе же звѣри и той же техники: грифонъ бѣжитъ за оленемъ, левъ за оленемъ, собака за зайцемъ (которому приданъ длинный хвостъ), барсъ за оленемъ и собака за зайцемъ. Сцены отдѣлены растеніями съ короткими вѣтвями, поле покрыто точками. Животныя схематизированы еще болѣе, чѣмъ на братинѣ. Всѣ они бѣгутъ влѣво, а не вправо, какъ на первой чашѣ.

По стѣнкамъ идетъ фризь изъ арокъ съ колоннами, между которыми размѣщены, безъ опредѣленнаго общаго замысла, различныя изображенія. Колонны двойныя, витыя, съ капителями вверху и съ узлами посрединѣ; арочки также двойныя, полукруглой формы. Поле занято вьющимися растительными разводами съ короткими завитками. Изображенія: Александръ Македонскій, поднимающійся на птицѣ (корона, штандартъ, позади распущенное крыло птицы), танцоръ со смычковымъ инструментомъ (круглая палочка, плащъ, застегнутый брошкой), всадникъ съ копьемъ, на скаку (безъ шапки, плащъ развѣвается по вѣтру, длинное стремя, упряжь коня съ лентами), танцовщица, юноша, раздирающій

пасть льва, танцовщикъ съ палкой, единоборство двухъ юношей съ короткими мечами и со щитами, Александръ Македонскій, въ коронѣ и въ одеждѣ первосвященника съ животными въ рукахъ, юноша, раздирающій пасть льва, всего 11 изображеній. Подъ каждымъ изображеніемъ были еще фигуры, отъ которыхъ сохранилось лишь нѣсколько головокъ (женщины, мужчины и Александра Македонскаго).

Внутри на днѣ изображеніе двухъ грифоновъ, обращенныхъ другъ къ другу, въ позѣ грифоновъ, изображаемыхъ на сценѣ возношенія Александра Македонскаго на небо (рис. 79). Рисунокъ исполненъ зубчатою линіей. Въ самой срединѣ пробито круглое отверстіе, можетъ быть, позднѣйшее.

Чаша вызолочена какъ снаружи, такъ и внутри.

Рис. 82. 1/1.

Кстати помѣщаемъ здѣсь рисунокъ серебрянаго ободка извѣстнаго шлема Ярослава Всеволодовича (рис. 82), ради изображеній грифона, фазана и лиліи, совершенно одинаковыхъ съ описанными выше.

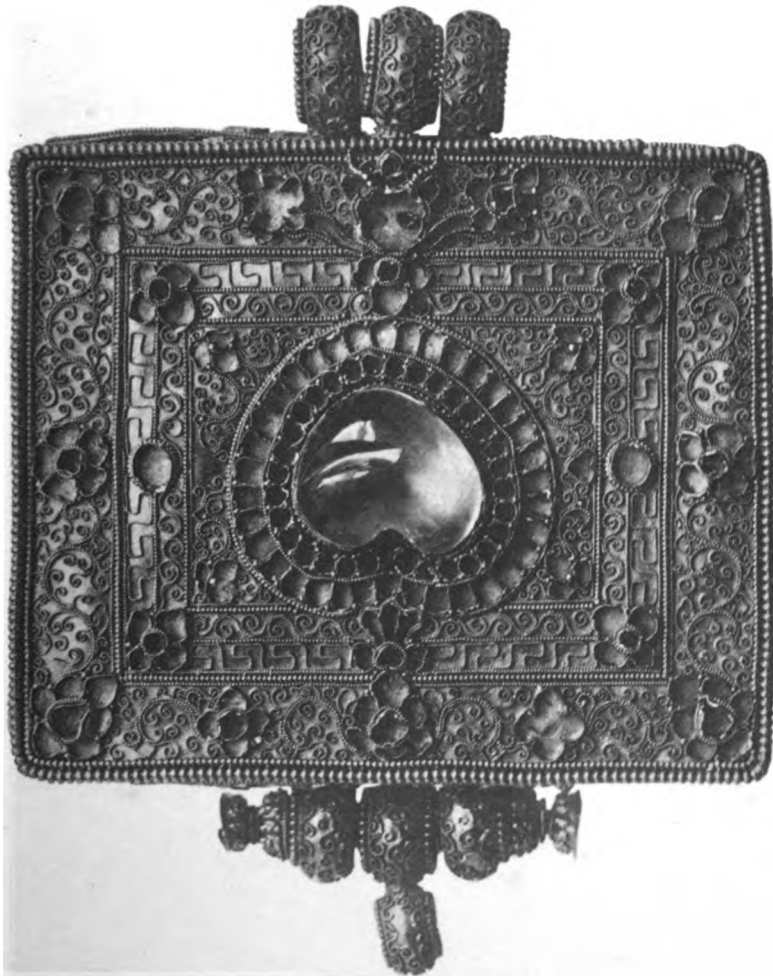
А. Спицынъ.

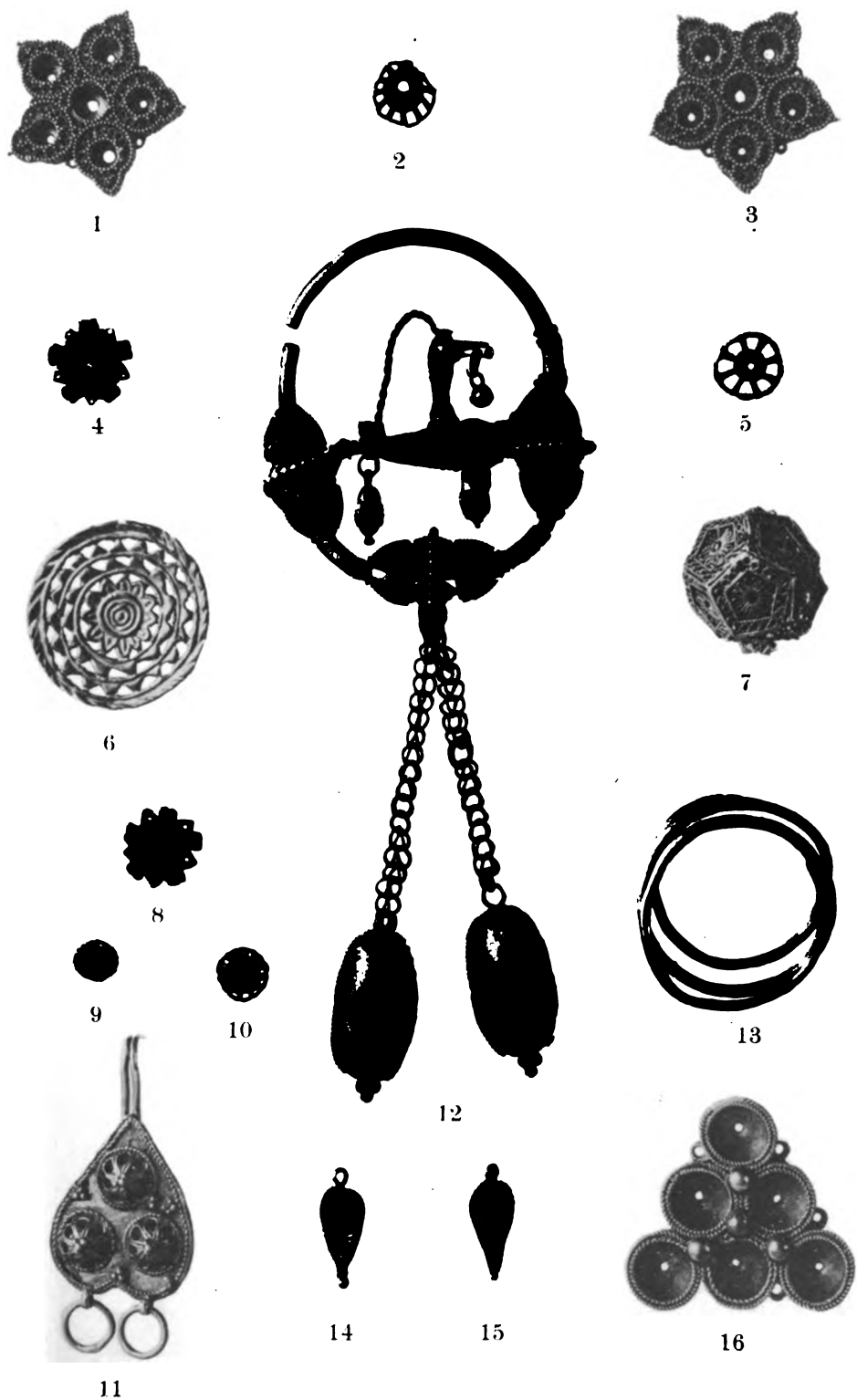
Золотая капторга Императорского Эрмитажа.

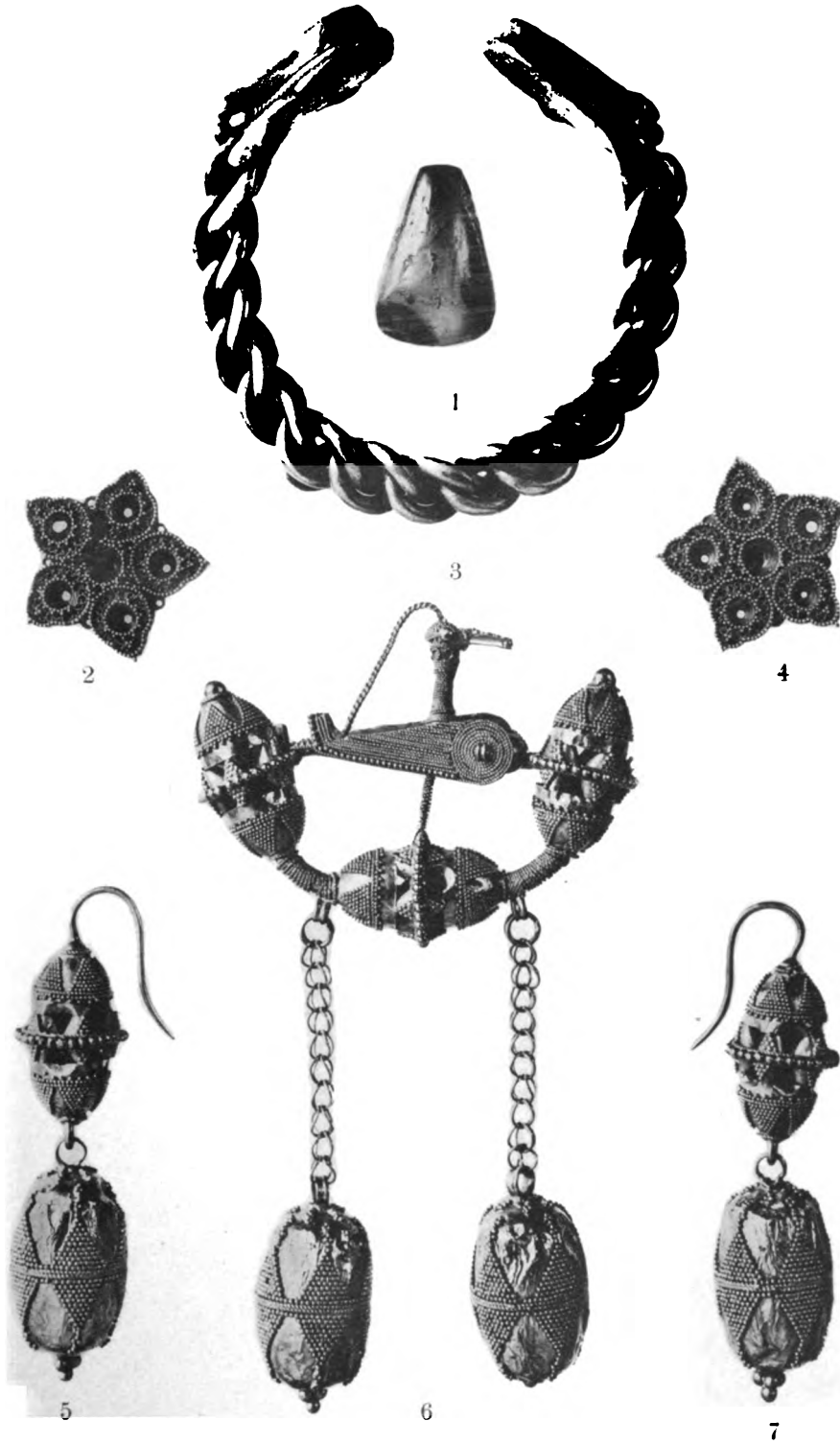
Золотая капторга Императорскаго Эрмитажа.

Коллекция Императорского Эрмитажа.

Коллекция Императорского Эрмитажа.

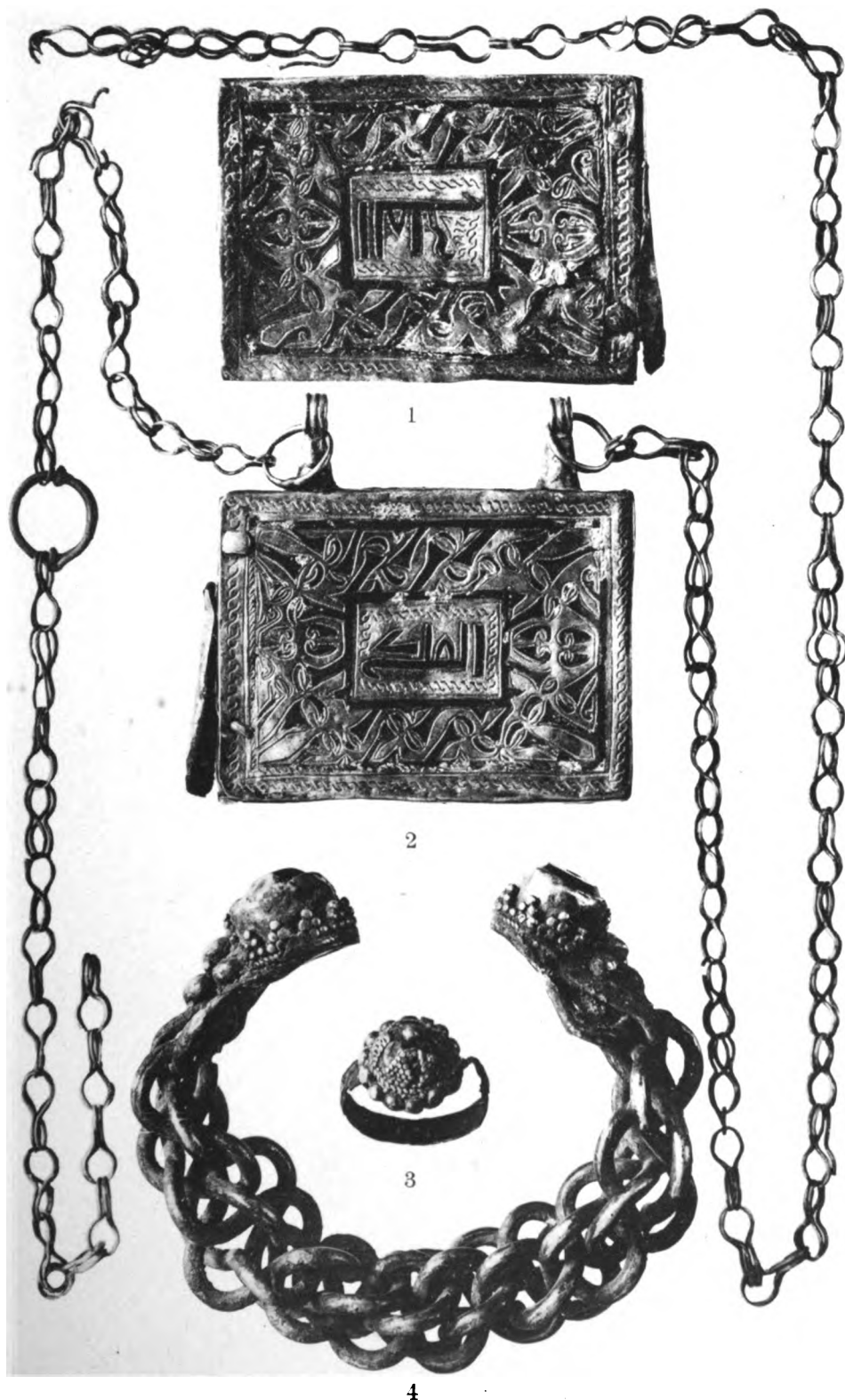

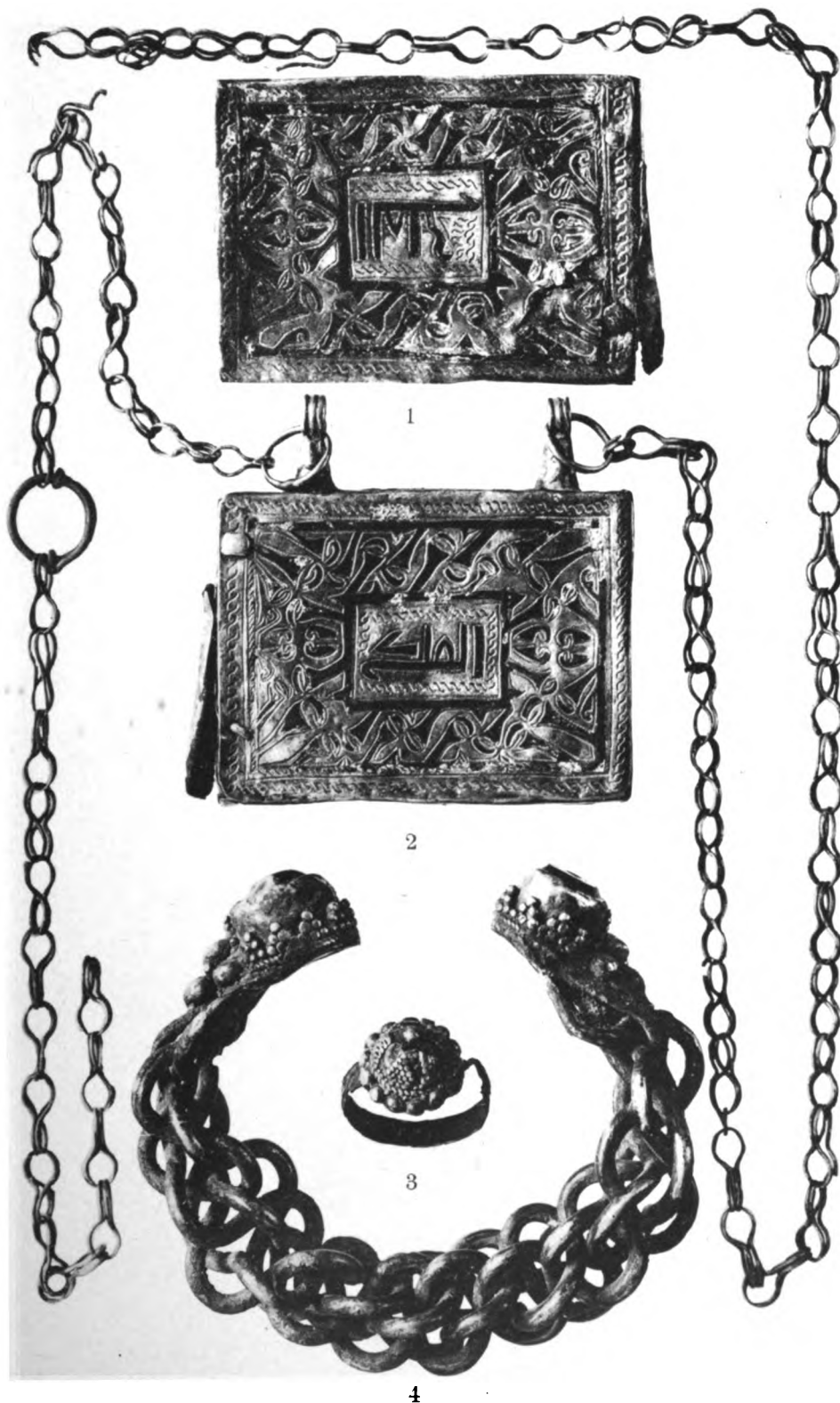
Кладъ, найденный въ 1869 г. близъ г. Спасска, Казанской губ.

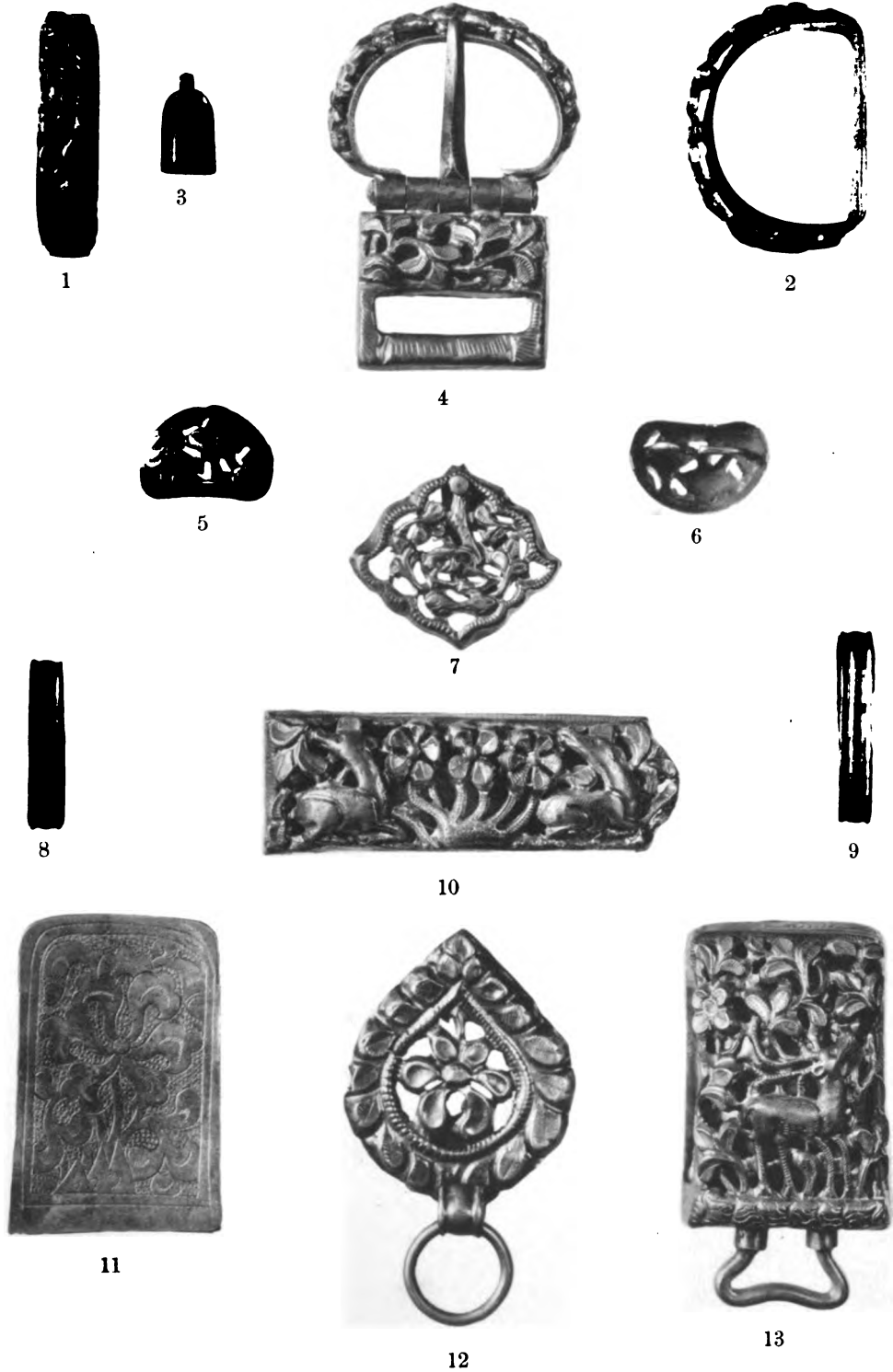
Кладъ, найденный близь г. Спасска.

Кладъ, найденный близъ г. Спасска.

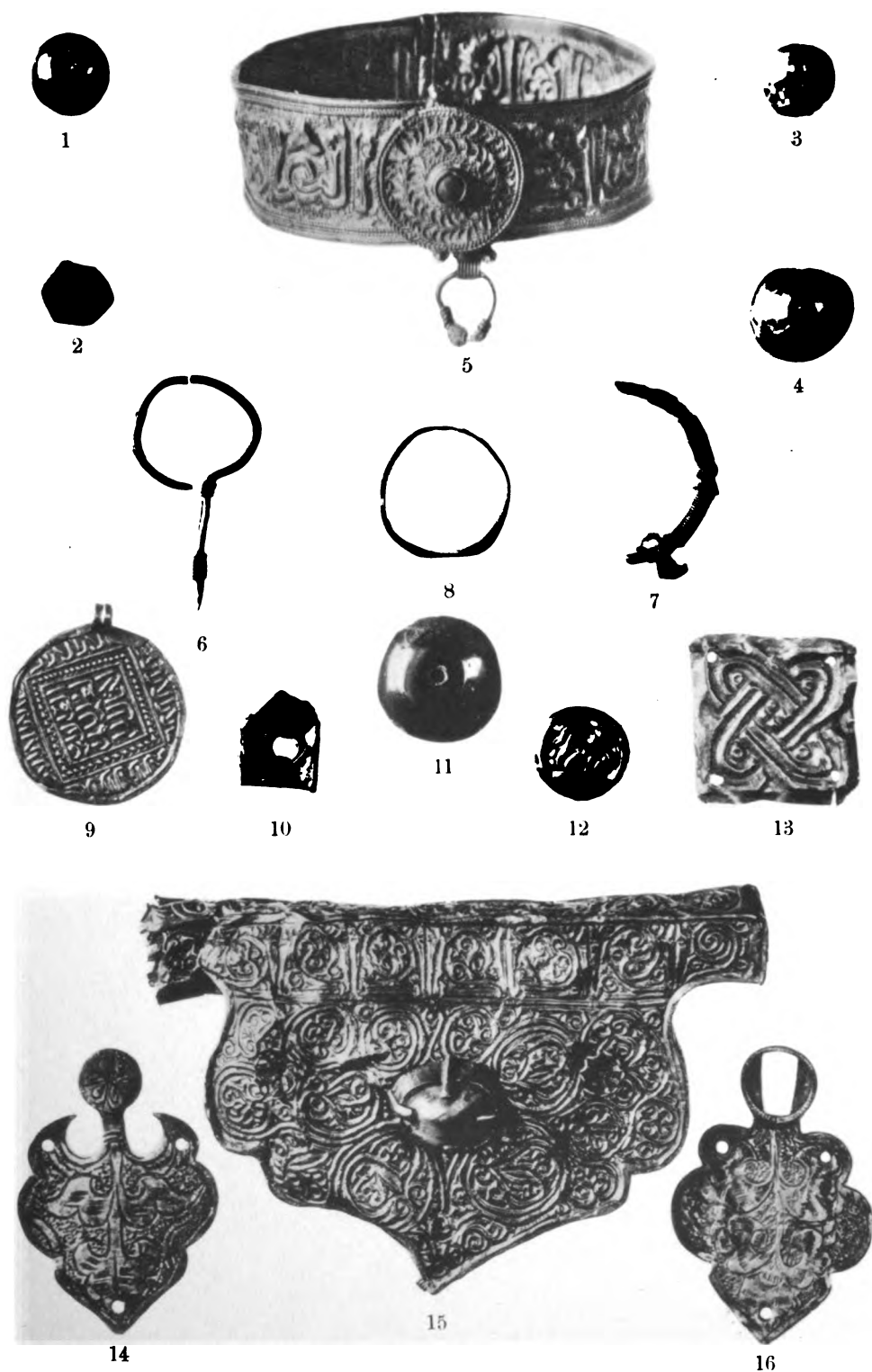
Фотографии И. А. Кордовского.

СПб., Садовая 98.

Гашунъ-Уста Ставропольской губ.

Фототипія Ш. А. Кордовскаго.

СПб., Садовая 98.

Фотогипс И. А. Кордовского.

СПб., Садовая 98.

Братина Императорскаго Эрмитажа.

Фототипы И. А. Кордовского.

СПб., Садовая 98.

Чашка Императорскаго Эрмитажа.

Фотогипс И. А. Кордовского.

СПб., Садовая 98.

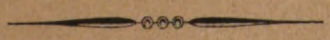
Чашка Императорского Эрмитажа.

Археологическіе труды А. Н. Оленина . Т. I—4 р. 50 к., т. II—2 р.	6 р.50к.
Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова . И. П. Хруцова .	1 » 50 »
Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Имп. Русск.	
Арх. Общ. Д. И. Прозоровскаго	1 » —»
Поѣздка въ Румелію. Архим. Антонина	3 » —»
Изъ Румеліи. Архим. Антонина	6 » —»
Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ.	
I. Зодчество древняго Египта. А. В. Прахова	3 » —»
Рязанскія древности	1 » —»
Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ.	
Л. Э. Стефани	1 » —»
Сборникъ еврейскихъ надписей. Д. А. Хвольсона (съ 8 таб- лицами)	4 » —»
Библиографическое обозрѣніе трудовъ Имп. Русскаго Археол. Общества. Д. В. Полѣнова	1 » —»
Опись предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Имп. Русскаго Археол. Общества. Д. И. Прозоровскаго	1 » —»
Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini grae- cae et latinae. Edidit Basilius Latyschev , vol. I—7 р., II—10 р., IV—10 р., (т. III печатается)	27 » —»
В. В. Латышевъ . Сборникъ греческихъ надписей христіан- скихъ временъ изъ Южной Россіи	2 » —»
Ю. Б. Иверсенъ . Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Т. III	3 » —»
Н. Е. Бранденбургъ . Старая Ладога. Рисунки и техническое описаніе акад. В. В. Сулова	25 » —»
Н. И. Веселовскій . Рѣчь, читанная въ торжественномъ со- браніи 15-го декабря 1895 г.	— » 30»
Н. И. Веселовскій . Исторія Императорскаго Русскаго Археоло- гическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существо- ванія 1846—1896 г.	4 » —»

Съ требованіями просятъ обращаться въ книжный магазинъ
К. Риккера. (С.-Петербургъ, Невскій пр., № 14).

Изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Записки Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XI (ост. въ продажѣ нѣтъ).	3 р.—к.
Извѣстія Имп. Русск. Арх. Общ. Тт. III, IV, VII, VIII—по 3 р.;	
IX и X по 15 р. (тт. I, II и VI въ продажѣ нѣтъ).	42 » — »
Записки Имп. Русск. Арх. Общ. Новая серія. Т. I—2 р. 50 к.,	
т. II—3 р., т. III—4 р., т. IV—4 р., т. V—5 р., тт. VI, VII,	
VIII, IX, X, XI—по 4 р., т. XII—5 р.	47 » 50 »
Труды Восточнаго Отдѣленія. Т. IX—3 р., т. XIV—3 р.,	
т. XVII—2 р., тт. XX, XXI, XXII—по 3 р. (остальныхъ нѣтъ въ	
продажѣ).	17 » — »
Записки Восточнаго Отдѣленія. Тт. I—XVII—по 4 р.	68 » — »
Указатель къ томамъ I—X Записокъ Восточнаго Отдѣленія.	1 » 50 »
Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологій. Т. III—	
2 р. 50 к., т. IV—4 р., т. V—4 р., т. VI—4 р., т. VII—4 р.,	
т. VIII (вып. I)—2 р. (тт. I и II въ продажѣ нѣтъ).	20 » 50 »
Записки Классическаго Отдѣленія. Т. I—4 р., т. II—3 р.,	
т. III—4 р., т. IV—4 р.	15 » — »
Записки Нумизматическаго Отдѣленія. Т. 1 (вып. I)	1 » 50 »
Древности Россійскаго Государства. Кіево-Софійскій соборъ.	
Вып. I—III—18 р. и IV—12 р.	30 » — »
Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Facsimile съ Сильвестровскаго	
списка XVI вѣка, съ предисл. И. И. Срезневскаго.	6 » — »
Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губ.,	
архим. Макарія	3 » — »
Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, сост. прот. П. И.	
Соловьевымъ. Съ указателемъ П. И. Савваитова.	1 » 50 »
Жизнь и труды П. С. Савельева. В. В. Григорьева.	2 » — »
Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ	
музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ. Д. И. Прозоровскаго, изд. 2-е.	1 » — »
Исслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. В. В.	
Вельяминова-Зернова. Т. I—3 р.; тт. II, III по 2 р. 50 к.; т. IV,	
вып. 1—1 р. 25 к.	9 » 25 »
Словарь джагатайско-турецкій В. В. Вельяминова-Зернова.	2 » — »
Записка для обзорнія русскихъ древностей.	— » 20 »
О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ. Архим.	
Антонина.	1 » 50 »
Труды 2-го Археологическаго съѣзда, съ атласомъ.	5 » — »

ЗАПИСКИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ VIII
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Подъ редакціей управляющаго Отдѣленіемъ
С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

Съ таблицами и рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1909.

Напечатано по постановленію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь общества *Б. Фармаковский.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Гамченко, С. Раскопки на побережьѣ Финскаго залива.	1
Гамченко, С. Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ кургановъ въ 1907 году.	44
Приваловъ, Н. И. Музыкальные духовые инструменты русскаго народа.	135
Протоколы засѣданій Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1907 г.	282

Раскопки на побережьѣ Финскаго залива.

Лѣтомъ 1905 г., изучая во всевозможныхъ направленіяхъ Сестро-рѣцкій дачный районъ, я обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что по гривамъ побережья Финскаго залива, среди болотъ и песчаныхъ дюнь, на открытой мѣстности и въ лѣсу, кое-гдѣ, встрѣчаются плоскія насыпи, несомнѣнно искусственнаго происхожденія, совершенно напоминающія курганы. Мѣстные жители не могли ничего мнѣ сообщить объ этихъ насыпяхъ. Они съ любопытствомъ разсматривали насыпи и признавались, что никогда и не подозрѣвали, чтобы эти насыпи могли быть дѣломъ рукъ человѣческихъ. Путемъ разспросовъ я вскорѣ убѣдился, что не только нѣтъ никакихъ преданій относительно заинтересовавшихъ меня насыпей, что не только нѣтъ имъ названія, но и самыя насыпи неизвѣстны мѣстному населенію. Последнее наблюденіе показалось мнѣ особенно знаменательнымъ, такъ какъ могло бы отгѣнить съ одной стороны то, что курганы эти насыпаны какъ бы слишкомъ давно, если въ народной памяти ничего о нихъ не сохранилось, и съ другой— какъ бы служило указаніемъ на то, что народность, создавшая курганы, ушла отсюда, а нынѣшнее населеніе, какъ сравнительно недавній и къ тому же пришлый элементъ, не ориентировано въ мѣстной стародавней старинѣ, имъ чуждой и потому непонятной. Характернымъ показалось мнѣ и то еще, что жители финскаго происхожденія или финляндскіе выходцы отнеслись болѣе чутко къ моимъ разспросамъ, и нѣкоторые изъ нихъ, приглядѣвшись къ показаннымъ мною курганамъ, стали нѣчто припоминать... Къ сожалѣнію, пока эти воспоминанія ограничились завѣреніемъ, что подобныхъ насыпей или кургановъ множество на всемъ пространствѣ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ и что они встрѣчаются здѣсь повсемѣстно: и среди лѣсовъ къ сѣверу отъ р. Невы, и по гривамъ морского побережья, и на островкахъ среди болотистыхъ низинъ, и по дюнамъ, и вдоль западнаго побережья Ладожскаго озера, и сѣвернѣе — на всхолмленной поверхности въ предѣлахъ

Финляндіи. Такимъ образомъ первое впечатлѣніе получилось довольно определенное. Это повело къ ряду экскурсій и поисковъ, которые всѣ носили чисто внѣшній характеръ, въ цѣляхъ обследовать пространство отъ Лисьяго носа (вблизи ст. Раздѣльная Приморской желѣзной дороги) до Финляндской границы (около ст. Дюны той же дороги) и отъ Сестрорѣцкаго Разлива до береговыхъ очертаній Финскаго залива. Рядъ изысканій лѣта 1905 г. далъ много цѣнныхъ, чисто топографическаго свойства, наблюдений.

Съ весны 1906 г. приступлено къ регистраціи кургановъ въ названномъ районѣ. Работы затруднялись до крайности и тѣмъ прежде всего, что лучшая карта данной мѣстности лишь въ общихъ чертахъ отвѣчаетъ дѣйствительности, и тѣмъ еще, что изысканія производились въ дачной мѣстности, подѣленной на мелкіе участки, нерѣдко сплошь застроенные, а также и особенностями мѣстнаго благоустройства, которое ревниво оберегаетъ каждый клочекъ дерновой земли. Не мало затрудненій пришлось испытать и вслѣдствіе отсутствія проводниковъ для рекогносцировокъ среди топей Сестрорѣцкаго Разлива съ цѣлью прохода на лѣсистыя гривы и островки болотистыхъ низинъ, гдѣ сохранилось достаточно курганныхъ насыпей. Попутно приходилось крѣпко считаться и съ настроеніемъ мѣстныхъ жителей, которые далеко не склонны были идти на встрѣчу и во время научныхъ изысканій. Такъ, фабричное населеніе Сестрорѣцка заинтересовано исключительно своимъ оружейнымъ заводомъ и дачниками, а бѣдный людъ, ведущій обыкновенно бродячій образъ жизни въ дачныхъ мѣстностяхъ пригородовъ Петербурга, сплошь нищенствуетъ въ Сестрорѣцкомъ районѣ и своею назойливостью на каждомъ шагу отвлекаетъ, мѣшаетъ и даже вынуждаетъ потребность постоянно мѣнять направленіе изысканій, что очень вредитъ дѣлу и зачастую ведетъ къ непроизводительной тратѣ и времени, и средствъ.

Тѣмъ не менѣе и не взирая на то, что много времени и усилій потрачено было на регистрацію кургановъ и нанесеніе ихъ на планъ, который понадобилось составлять заново, и несмотря на то, что приходилось работать урывочно, считаясь даже со съѣздомъ дачниковъ, ихъ пріѣздами и отъѣздами, удалось сдѣлать многое, что однако меня не удовлетворяетъ, и я, какъ мнѣ кажется, далеко еще отъ мысли, чтобы категорически высказаться въ археологическомъ смыслѣ обоснованно и точно по изысканіямъ лѣта 1906 г. Въ видахъ чего я признаю необходимымъ продолжить свои работы и лѣтомъ 1907 г., когда, надѣюсь, представится возможность судить о Сестрорѣцкихъ курганахъ определеннѣе и, быть можетъ, безошибочнѣе.

Географическій очеркъ.

Сестрорѣцкое побережье Финскаго залива, па протяженіи отъ ст. Раздѣльная и до ст. Дюны, Приморской желѣзной дороги, представляетъ рядъ песчаныхъ гривъ, повышающихся къ сторонѣ Разлива и отчасти Сестры-рѣки, пологихъ и даже терассовидныхъ къ заливу и болѣе крутыхъ съ восточной стороны. Впрочемъ, нерѣдко наблюдается и обратное, т.-е. пониженіе къ долинѣ Разлива. Эти гривы мѣстами выше, мѣстами ниже, мѣстами подходятъ къ самому заливу, мѣстами удаляются отъ него, уступая прибрежнымъ болотистымъ низинамъ, сильно развитымъ на участкѣ Лисій носъ—Водоспускной каналъ Сестрорѣцкаго Разлива. Гривы производятъ впечатлѣніе трехъ или четырехъ цѣпей извилистыхъ и продолговатыхъ холмовъ, въ большинствѣ концентрическихъ берегу залива. Низины отъ залива представляютъ топи и непроходимыя болота, изрѣдка прерываемыя поперечными, песчаными-же, гривами, составляющими Лисій носъ, косу Тарховскую, Гагарскую косу и мысъ Дубки. Всѣ низины, топи, болота и гривы покрыты лѣсомъ, порослями и кустарникомъ разныхъ древесныхъ породъ. По гривамъ преобладаютъ сосны, а низины покрыты елью, дубомъ, ольхою, ивнякомъ. Береза встрѣчается чаще на низинахъ и поперечныхъ гривахъ въ юго-восточномъ раіонѣ у Сестрорѣцкаго Разлива. Мѣстами, напримѣръ, на участкѣ ст. Тарховка — ст. Разливъ Приморской желѣзной дороги, западныя низины, особенно ихъ топи и болота, перерѣзаны канавами въ цѣляхъ осушенія почвы, и здѣсь можно замѣчать появленіе поемныхъ луговъ съ прекраснымъ травянымъ ковромъ. Мѣстами, гдѣ низины не укрѣплены растительностью, наблюдаются зыбучіе пески, что особенно обращаетъ на себя вниманіе вдоль самаго побережья и по гривамъ на участкахъ ст. Горская — ст. Дюны (Приморской желѣзной дороги). Кое-гдѣ, напримѣръ, подлѣ ст. Тарховки (со стороны ст. Горской и къ сторонѣ Разлива), по правому берегу Сестры (отъ Сестрорѣцка до устья), около ст. Дюны и по ту сторону Финляндской границы, за бывшимъ Отводнымъ каналомъ и Пограничнымъ ручьемъ, прибрежныя гривы заноситъ пескомъ. Мѣстами это положительно движущіеся пески, которые засыпаютъ все на своемъ пути, гонимые господствующимъ западнымъ вѣтромъ (съ моря). Они засыпаютъ не только траву, кусты, молоднякъ, но и вѣковые деревья, кроны которыхъ можно доставать рукою: такъ высоко взгромоздились пески, образуя песчаныя, часто переносныя, дюны. Все это сильнѣе выражено около ст. Дюны, подлѣ ст. Тарховки и западнѣе шоссе на Бѣлоостровъ, сейчасъ за Сестрорѣцкомъ. Мѣстами, какъ на

*

гривѣ, окаймляющей южную оконечность Сестрорѣцкаго Разлива, участками, на протяженіи десятка-другого сажень, господствующій вѣтеръ выдулъ песокъ гривы, понизивъ ее до уровня глинистой подпочвы, и занесъ пескомъ гривы побережье Разлива и прилегающія болотистыя низины. Тамъ, гдѣ лѣсъ побережья залива укрѣпился на глинистомъ слоѣ, вѣтеръ погнулъ стволы сосенъ въ восточномъ направленіи. На песчаныхъ и суглинистыхъ мѣстахъ онъ повыворачивалъ вѣковыя ели и сосны съ корнями и дѣлаетъ свою разрушительную работу неустанно съ удивительнымъ постоянствомъ, которое и огорчаетъ, и поражаетъ съ одной стороны величіемъ разрушенія, а съ другой—беззащитностью человека, еще ничего не сдѣлавшаго для остановки стихійной разрушительной силы. Казенный лѣсъ отъ Тарховки до Дюны и Общество благоустройства Сестрорѣцка, а также компанія Сестрорѣцкаго курорта и собственники дачныхъ участковъ Тарховка-Дюны много дѣлаютъ, ведя упорную борьбу съ движущимися песками посредствомъ частичныхъ древонасаженій, укрѣпленія дорогъ и прочаго, но все это очень еще далеко до удовлетворительныхъ результатовъ, которые, вѣроятно, проявятъ себя весьма не скоро. Весь районъ Приморской желѣзной дороги, отъ ст. Горская до ст. Дюны съ восточной стороны и отъ ст. Разливъ до Сестрорѣцкаго курорта съ западной стороны представляетъ сплошныя почти дачныя мѣста, въ особенности застроенныя отъ ст. Тарховка до Сестрорѣцка и отъ послѣдняго до Дюны. Центръ этого района, примыкая къ Разливу, составляетъ с. Сестрорѣцкъ. Другихъ населенныхъ пунктовъ нѣтъ.

Населеніе смѣшанное, преимущественно русское, съ небольшою примѣсью финновъ, финляндскихъ выходцевъ, евреевъ, поляковъ и другихъ, что въ совокупности представляетъ пестрый этнографическій конгломератъ, столь свойственный окрестностямъ Петербурга.

К у р г а н ы.

По гривамъ, но не на вершинахъ ихъ, а по скатамъ и террасамъ ихъ отлогостей и въ долинкахъ между гривами, повсюду, спорадически, разбросаны курганы. Ихъ насчитано нѣсколько сотъ въ районѣ, ограниченномъ ст. Горская—Зеленая горка—Тарховка—Сестрорѣцкій Разливъ—Тарховская коса—Сестрорѣцкъ-курортъ—Дюны—бывшій Отводный каналъ (рис. 1). Курганы идутъ цѣпью, мѣстами группируясь, мѣстами прерывчато, то рядами, то въ одиночку — одинъ за другимъ въ различныхъ разстояніяхъ, другъ отъ друга то независимо, то совмѣ-

щаяся и сливаясь отлогостями или ровиками. Хотя курганы и производят въ планѣ впечатлѣніе цѣпи, однако ихъ можно подѣлать на нѣсколько, довольно независимыхъ группъ. Перечислю наиболѣе обследованныя изъ группъ: Тарховская группа — 27 кургановъ, группа затона Тарховской косы — 37 кургановъ, группа Тарховка-Разливъ — 37 кургановъ, группа Тарховская перемычка - Зеленая горка — 21 курганъ, Сестрорѣцкая группа (Нижній и Средній парки) — 20 кургановъ и группа Курортъ-Ермоловка — 19 кургановъ. Въ нихъ зарегистрировано и обследовано по внѣшности 161 курганъ. Курганы этихъ группъ, по формѣ насыпи и ея плану, можно отнести къ слѣдующимъ типамъ: длинные, овальные (въ большей или меньшей степени удлинненные), прямоугольные (съ закругленными углами) и круглые. Первые оказались только въ группѣ затона Тарховской косы — всего два. Овальные находятся исключительно въ той же группѣ, хотя наблюдаются, какъ рѣдкое исключеніе, и въ Тарховской группѣ (два). Прямоугольные усмотрѣны во всѣхъ группахъ, кромѣ затона Тарховской косы и группы Курортъ-Ермоловка, но всегда въ небольшомъ числѣ, именно два на группу.

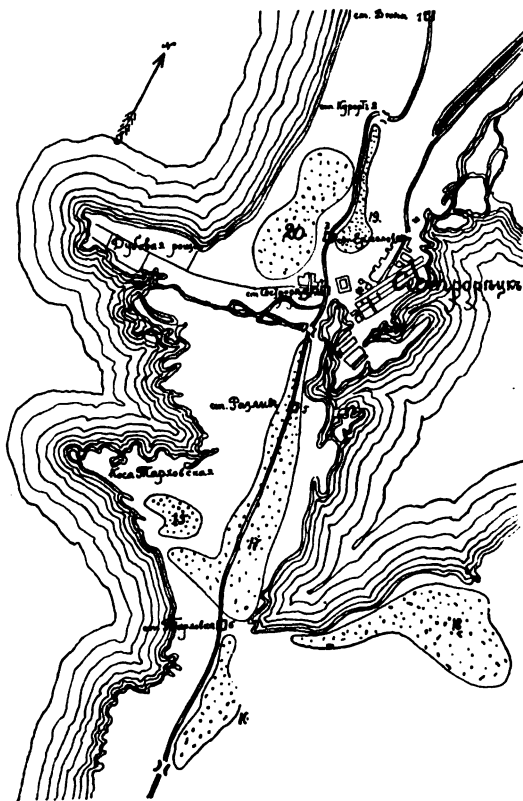

Рис. 1. 1. Ст. Дюны. 2. Ст. Курортъ. 3. Ст. Ермоловка. 4. Ст. Сестрорѣцкъ. 5. Ст. Разливъ. 6. Ст. Тарховка. 15. Курганы затона Тарховской косы. 16. Тарховская группа. 17. Группа Тарховка - Разливъ. 18. Группа Тарховская перемычка - Зеленая Горка. 19. Группа Курортъ-Ермоловка. 20. Сестрорѣцкая группа.

Круглые, составляющіе исключительный почти типъ кургановъ во всѣхъ группахъ, кромѣ группы затона Тарховской косы, гдѣ ихъ наблюдается немного, вообще преобладаютъ и какъ бы составляютъ основной типъ данной мѣстности. Всѣ курганы, за исключеніемъ кургановъ затона Тарховской косы, имѣютъ вокругъ себя ясные ровики. Число послѣднихъ различное. Такъ, прямоугольные всегда имѣютъ четыре ровика (по числу сторонъ насыпи), а прочіе отъ 2-хъ до 11-ти. Между

ровиками непременно горизонтные перешейки. Курганы затона Тарховской косы отличаются той особенностью, что ясныхъ ровиковъ не имѣютъ, но земля вокругъ нихъ спята на протяженіи около $1\frac{1}{2}$ сажень, съ болѣе опредѣленнымъ углубленіемъ къ линіи площади основанія кургана. Эти курганы лучше сохранили свои формы и достаточно высоки. Курганы же прочихъ группъ въ большинствѣ плоскіе, вѣрнѣе блинчатые, сверху какъ бы приплюснутые, а нѣкоторые изъ нихъ и слегка выемчатые. Болѣе подробное описаніе курганныхъ группъ, ихъ мѣстоположеніе, численность въ нихъ кургановъ и размѣры послѣднихъ показаны ниже.

Тарховская группа. Расположена съ восточной стороны Приморской желѣзной дороги, между ручьемъ ст. Горская и ст. Тарховка. Мѣстность разбита на дачные участки, еще мало застроена, мало заселена и составляетъ собственность графа Стенбокъ-Фермора. Почва песчавая, кое-гдѣ прикрытая легкимъ и жидкимъ растительнымъ слоемъ. Исключеніе составляетъ одинокая узкая полоска, прилегающая къ канавѣ, составляющей начало ручья Горской, изобилующая довольно мощнымъ дерновымъ покровомъ болотистаго происхожденія и, мѣстами, представляющая болотистыя низинки. Террасы и отлогости гривъ поросли большими соснами, а болотистая и дерновая низинки покрыты зарослями ельника, молодяка сосны, березы и ольхи и кустами можжевельника и лозняка. Курганы группы расположены прерывчато въ видѣ небольшихъ группъ. Подобныя группы составляютъ курганы: №№ 26—27, №№ 22—24, №№ 1—7 и 21, №№ 8—11, №№ 12—17, №№ 18—19, хотя №№ 24, 21, 7, 17, а также № 20 должно отнести скорѣе къ числу отдѣльно стоящихъ кургановъ. Нѣкоторые изъ кургановъ соприкасаются и даже имѣютъ общіе ровики, напримѣръ, курганы №№ 26 и 27, №№ 3 и 4, №№ 9 и 10, №№ 12 и 13, №№ 14 и 15 и №№ 18 и 19.

Размѣры кургановъ дали данныя, помѣщенные въ таблицѣ (см. слѣд. страницу).

№№ 19, 20, 24 и 25 испорчены дорогою. Курганы поросли лѣсомъ, который ревниво охраняется. Тѣмъ не менѣе болѣе удобными къ раскопкѣ можно считать №№ 21—25, которые и предположено было раскопать. Однако раскопки не удалось произвести, такъ какъ младшій управляющій конторы имѣнія гр. Стенбокъ-Фермора. г. Игн. Вильгельм. Воронковичъ оставилъ безъ отвѣта мою просьбу о разрѣшеніи произвести раскопки на свободныхъ дачныхъ участкахъ.

№№	Форма.	Длина— ширина. Диаметръ.	Высота.	Число рови- ковъ.	№№	Форма.	Длина— ширина. Диаметръ.	Высота.	Число рови- ковъ.
1	Круглая .	14 арш.	8—10 в.	6	15	Круглая .	10 арш.	4— 6 в.	5
2	Тоже. . . .	15 „	8—10 „	8	16	Тоже. . . .	11 „	3— 5 „	6
3	Тоже. . . .	13 „	6— 8 „	7	17	Тоже. . . .	20 „	8—10 „	8
4	Тоже. . . .	9 „	5— 6 „	5	18	Тоже. . . .	21 „	1 ар. 6 в.	7
5	Прямоуг. .	7×6 „	5— 6 „	4	19	Тоже. . . .	10 „	3— 5 „	2—3
6	Тоже. . . .	9×6 „	6— 8 „	4	20	Тоже. . . .	18 „	5— 6 „	2—3
7	Круглая. .	17 „	8—10 „	8	21	Тоже. . . .	14 „	5— 6 „	5
8	Тоже. . . .	14 „	6— 8 „	5	22	Тоже. . . .	15 „	5— 6 „	7—8
9	Тоже. . . .	15 „	5— 6 „	5	23	Тоже. . . .	15 „	8—10 „	5
10	Овальная.	12×9 „	4— 6 „	4	24	Тоже. . . .	15 „	4— 6 „	5
11	Круглая. .	16 „	испорченъ дорогою		25	Тоже. . . .	18 „	1 арш.	4—5
12	Тоже. . . .	9 „	6— 7 „	6	26	Тоже. . . .	22 „	1 ар. 8 в.	8
13	Круглая. .	16 „	8—12 „	5	27	Тоже. . . .	17 „	8—12 „	7—8
14	Тоже. . . .	11 „	3— 5 „	2					

Группа затона Тарховской косы. Мѣстоположеніе: въ лѣсу вблизи бывшаго залива, превратившагося въ затонъ, занесенный пескомъ морского побережья, въ южной части Тарховской косы, между двухъ гривъ, составляющихъ эту часть косы. Курганы какъ бы группируются по отлогостямъ этихъ гривъ, вокругъ затона. Въ разныхъ направленіяхъ группа окружена болотами. Ее перерѣзаетъ, въ О—W направленіи, грунтовая дорога, проложенная на оконечность Тарховской косы рыболовами и каменотесами. Почва крѣпкая, дерновая. Кругомъ малинникъ и густая трава. Это одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ лѣсного побережья. Кое-гдѣ буреломъ. Поросли ельника и сосняка. По курганамъ вѣковыя ели и изрѣдка сосны, а мѣстами и дубъ. Нѣкоторые изъ кургановъ расположены какъ-бы группами, при чемъ иные изъ кургановъ соприкасаются отлогостями. Таковы, на примѣръ, курганы №№ 2 и 3, №№ 15 и 19—21, №№ 24 и 31, №№ 25 и 26. Есть курганы, составленные изъ 2—3 кургановъ, совмѣщенныхъ насыпями, на примѣръ, №№ 1 и 17. Эти, такъ сказать, общіе курганы весьма значительны. Измѣренія насыпей приведены въ нижепомѣщенной таблицѣ.

№	Форма.	Длина— ширина. Диа- метръ.	Окруж- ность основа- нія.	Высота.	№	Форма.	Длина— ширина. Диа- метръ.	Окруж- ность основа- нія.	Высо- та.
1	Двояко- овальная .	10×6 ар.	11 с.	1 ар. 4 в.	19	Круглая .	9 ар.	27 ар.	14 в.
2	Круглая .	10 "	30 ар.	1 ар.	20	Тоже . . .	9 "	25 "	15 "
3	Тоже . . .	9 "	24 "	1 ар. 6 в.	21	Тоже . . .	9 "	25 "	1 ар.
4	Овальная .	10×6 "	12 с. 4 в.	1 ар. 6 в.	22	Тоже . . .	9 "	25 "	15 в.
5	Тоже . . .	10×6 "	37 ар.	1 ар. 8 в.	23	Овальная .	8×5 "	32 "	14 "
6	Тоже . . .	9×6 "	32 "	13 в.	24	Тоже . . .	10×6 "	13 с. 1,5 ар.	1 ар. 5 в.
7	Тоже . . .	10×7 "	38 "	1 ар. 10 в.	25	Тоже . . .	8×5 "	25 ар.	8 в.
8	Тоже . . .	9×6 "	33 "	15 в.	26	Тоже . . .	6×4 "	9 с. 1 ар.	1 ар. 2 в.
9	Тоже . . .	9×6 "	30 "	15 "	27	Круглая .	8 "	34 ар.	1 ар. 2 в.
10	Тоже . . .	9×6 "	34 "	13 "	28	Овальная .	6×4 "	30 "	12 в.
11	Тоже . . .	9×6 "	30 "	10 "	29	Тоже . . .	9×5 "	35 "	1 ар. 1 в.
12	Тоже . . .	9×5 "	36 "	15 "	30	Тоже . . .	8×5 "	35 "	1 ар.
13	Круглая .	9 "	25 "	9 "	31	Тоже . . .	7×4 "	25 "	10 в.
14	Овальная .	9×6 "	30 "	1 ар.	32	Тоже . . .	9×4 "	33 "	10 "
15	Круглая .	9 "	31 "	9 в.	33	Тоже . . .	9×5 "	30 "	1 ар.
16	Тоже . . .	8 "	20 "	7 "	34	Тоже . . .	9×5 "	30 "	12 в.
17	Трояко - овальная .	9×5 "	15 с. 1 ар.	1 ар. 6 в.	35	Тоже . . .	9×4 "	31 "	14 "
18	Овальная .	9×6 "	37 ар.	1 ар.	36	Длинная .	22×5 "	нѣтъ.	12 "
					37	Тоже . . .	21×3 "	нѣтъ.	10 "

Круглые курганы этой группы или смежные, напримеръ №№ 2 и 3, №№ 15 и 19—21, или особнякомъ, какъ №№ 13, 16, 22 и 27, хотя и размѣщены въ группѣ, видимо, безразлично. Здѣсь вскрыто 9-ть кургановъ—№№ 1, 2, 4, 14, 17, 24, 26, 36 и 37.

Группа Тарховка—Разливъ. Размѣщена цѣпью по обѣимъ сторонамъ полотна Приморской желѣзной дорогѣ, между станціями Тарховка—Разливъ, хотя есть нѣсколько кургановъ и въ направленіи ст. Сестрорѣцкъ. Большинство кургановъ находится западнѣе желѣзнодорожной линіи, при чемъ небольшое число ихъ тянется по южной гривѣ Тарховской косы. Группа расположена въ казенномъ лѣсу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на юго-западѣ среди болотистыхъ низинъ. Курганы ютятся преимущественно на терассѣ первой гривы (со стороны морского

побережья). Между вѣтвями террасы тянутся болота, перерѣзанныя канавами для осушенія дачныхъ участковъ, на которые разбита мѣстность и западнѣе желѣзнодорожнаго полотна. Меньшинство кургановъ находится по откосамъ 2-й и 3-й гривъ, въ долинкахъ между послѣдними и по луговинкѣ у Сестрорѣцкаго Разлива. Послѣдніе курганы всѣ почти въ дачномъ районѣ, большинство участковъ котораго густо заселено. По взаимному положенію курганы образуютъ какъ-бы маленькія группы, въ которыхъ иногда ровики смежныхъ кургановъ сливаются между собою. Промѣры кургановъ показаны въ прилагаемой таблицѣ.

№№	Форма.	Длина— ширина. Діаметръ.	Высота.	Число ро- виковъ.	№№	Форма.	Длина— ширина. Діаметръ.	Высота.	Число ро- виковъ.
1	Круглая .	17 арш.	14 в.	6	20	Круглая .	18 арш.	1 ар. 5 в.	8
2	Тоже . . .	16 „	10 „	7	21	Тоже . . .	23 „	1 „ 8 „	8
3	Тоже . . .	18 „	14 „	7	22	Тоже . . .	16 „	1 „ 2 „	3
4	Тоже . . .	16 „	15 „	6	23	Тоже . . .	20 „	1 „ 7 „	8
5	Тоже . . .	17 „	16 „	7	24	Прямоуг.	2 с. 2 ар. × × 2 с. 1,5 ар.	12 в.	4
6	Тоже . . .	17 „	1 ар. 2 в.	8	25	Круглая .	24 арш.	1 арш.	9
7	Прямоуг. .	4 с. 6 в. × × 2 с. 1 ар.	12 в.	4	26	Тоже . . .	17 „	14 в.	4
8	Круглая .	16 арш.	1 ар. 2 в.	7	27	Тоже . . .	15 „	1 ар. 2 в.	5
9	Тоже . . .	20 „	1 „ 8 „	8	28	Тоже . . .	17 „	1 арш.	7
10	Тоже . . .	21 „	1 „ 5 „	3	29	Тоже . . .	18 „	1 „	8
11	Тоже . . .	22 „	1 „ 10 „	7	30	Тоже . . .	18 „	14 в.	8
12	Тоже . . .	19 „	1 „ 4 „	8	31	Тоже . . .	17 „	14 „	6
13	Тоже . . .	18 „	1 „ 5 „	7	32	Тоже . . .	17 „	12 „	7
14	Прямоуг. .	4 с. × 2 с. 1 ар.	12 в.	4	33	Тоже . . .	14 „	14 „	7
15	Круглая .	17 арш.	14 „	6	34	Тоже . . .	15 „	15 „	7
16	Тоже . . .	20 „	1 ар. 5 в.	8	35	Тоже . . .	15 „	14 „	6
17	Тоже . . .	21 „	1 „ 7 „	8	36	Тоже . . .	16 „	12 „	3
18	Тоже . . .	20 „	1 „ 6 „	9	37	Тоже . . .	14 „	12 „	7
19	Тоже . . .	17 „	1 „ 4 „	7					

№№ 15, 22, 26, 32 и 35 испорчены дорогой. Курганы поросли вѣковыми соснами и елями, ельникомъ, соснякомъ и можжевельникомъ. Въ

этой группѣ вскрыто пять кургановъ—№№ 7, 10, 14, 24 и 27. И здѣсь, какъ и въ прочихъ группахъ, производя раскопки, приходилось руководствоваться, по необходимости, тѣмъ обстоятельствомъ, насколько курганъ свободенъ отъ большихъ деревьевъ.

Группа Тарховская перемычка—Зеленая горка. Расположена по гривѣ, отдѣляющейся отъ главныхъ гривъ морскаго побережья, идущей какъ бы въ объёмъ южной части Сестрорѣцкаго Разлива и начинающейся на берегу послѣдняго за Тарховской перемычкой, а также и по развѣтвленіямъ той-же гривы среди топей и болотъ этой части Разлива. Разливъ существуетъ около 200 лѣтъ, и такъ какъ нѣкоторые изъ кургановъ этой группы среди болотъ Разлива и частью по берегу его въ водѣ, то можно полагать, что не мало подобныхъ кургановъ затоплено при образованіи Разлива во времена Петра I. Гривы поросли деревьями хвойныхъ и лиственныхъ породъ. Грива, окаймляющая Разливъ, мѣстами прерывается, такъ какъ песокъ ея снесло въ этихъ мѣстахъ господствующимъ вѣтромъ. Такимъ же порядкомъ погибло и не мало кургановъ, отъ которыхъ остались только круговые угольно-пепельные слѣды, часто едва примѣтные. Измѣренія кургановъ приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ.

№№	Форма.	Длина— ширина. Диаметръ.	Высота.	Окружность основанія.	Число ро- виковъ.	№№	Форма.	Длина— ширина. Диаметръ.	Высота.	Окружность основанія.	Число ро- виковъ.
1	Круглая.	21 ар.	1 ар. 7 в.	63 ар.	3	12	Круглая.	Сохранился угольно-пепель-			
2	Тоже.	18 „	1 „ 5 „	—	3	13	Тоже . .	ный круглый слѣдъ по песку.			
3	Тоже.	19 „	1 „ 7 „	—	3	14	Тоже . .	Вся насыпь снесена вѣтромъ.			
4	Тоже.	22 „	1 „ 3 „	—	3	15	Прямоуг.	3 с. 1 ар. × × 2 с. 2 ар.	14 в.	—	4
5	Тоже.	18 „	1 „ 8 „	—	3	16	Круглая.	17 ар.	1 ар. 6 в.	50 ар.	9
6	Тоже.	18 „	1 „ 6 „	—	3	17	Тоже . .	18 „	1 „ 10 „	56 „	11
7	Тоже.	17 „	1 „ 6 „	—	3	18	Тоже . .	17 „	12 в.	55 „	7
8	Тоже.	15 „	1 „ 2 „	36 ар.	4	19	Тоже . .	16 „	14 „	—	—
9	Тоже.	Сохра- нилась только центр. часть.	1 „ 5 „	Остальное	20	20	Тоже . .	16 „	15 „	—	—
10	Тоже.	1 „ 6 „	—	выдуло	21	21	Тоже . .	Сохранился круглый слѣдъ.			
11	Тоже.	1 „ 4 „	—	вѣтромъ.	—	—	—	—	—	—	—

№№ 2—8, 19 и 20 испорчены дорогой. Курганы въ большинствѣ поросли вѣковыми деревьями, а въ меньшинствѣ покрыты ельникомъ,

можжевельникомъ и соснякомъ. Въ этой группѣ не усмотрѣно кургановъ соприкасающихся или совпадающихъ ровиками. Вскрыты роскопкою пять кургановъ—№№ 1, 4, 8, 15 и 18.

Сестрорѣцкая группа. Курганы этой группы сохранились въ казенномъ лѣсу дачной мѣстности Сестрорѣцка, на площади Нижняго и Средняго парковъ и отчасти въ направленіи до Б. Канонерской улицы Сестрорѣцка включительно. Поросли вѣковыми соснами и отчасти кустами ольхи и можжевельника. Мѣстоположеніе кургановъ занимаетъ западную отлогость первой гривы, слегка повышающуюся на востокъ и сѣверо-востокъ. Въ районѣ парковъ глинистая подпочва съ глинисто-песчанымъ растительнымъ слоемъ, становящимся болѣе мощнымъ по мѣрѣ приближенія къ гребнямъ холмовъ гривы, прикрыта густымъ дерновымъ покровомъ, мѣстами болотнаго происхожденія. Кургановъ соприкасающихся или совпадающихъ ровиками не замѣчено. Къ числу-же смежныхъ кургановъ, составляющихъ какъ-бы маленькія группы, можно отнести: №№ 5—7, №№ 8, 9, 11 и 12, №№ 13 и 14 и №№ 17—19. Размѣры кургановъ показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ.

№№	Форма.	Діа-метръ.	Высота.	Число ровиковъ.	№№	Форма.	Діа-метръ.	Высота.	Число ровиковъ.
1	Круглая. .	10 ар.	5 в.	6	11	Круглая. .	16 ар.	1 ар. 1 в.	7
2	Тоже. . . .	20 "	12 "	7	12	Тоже. . . .	18 "	1 ар. 2 в.	7
3	Тоже. . . .	15 "	14 "	7	13	Тоже. . . .	16 "	12 в.	7
4	Тоже. . . .	15 "	13 "	7	14	Тоже. . . .	18 "	14 "	8
5	Тоже. . . .	12 "	10 "	4	15	Тоже. . . .	18 "	1 ар. 7 в.	8
6	Тоже. . . .	18 "	15 "	7	16	Тоже. . . .	16 "	15 в.	5
7	Тоже. . . .	15 "	10 "	5	17	Тоже. . . .	18 "	1 ар. 3 в.	8
8	Тоже. . . .	16 "	14 "	8	18	Тоже. . . .	15 "	1 ар.	7
9	Тоже. . . .	17 "	1 ар. 4 в.	10	19	Тоже. . . .	16 "	1 "	9
10	Тоже. . . .	17 "	сохранился	слѣдъ	20	Тоже. . . .	20 "	1 ар. 10 в.	3

№№ 5, 16, 20 попорчены дорогой. Въ этой группѣ, какъ расположенной въ дачной мѣстности, гдѣ особенно соблюдается лѣсосохраненіе и гдѣ заботятся даже о сохраненіи дерноваго покрова, не представлялось возможности вскрыть ни одного кургана.

Группа Курортъ—Ермоловка. Находится въ Верхнемъ паркѣ Сестрорѣцкой дачной мѣстности, по лѣвому берегу р. Сестры, на

участкѣ отъ желѣзнодорожнаго моста черезъ послѣднюю до Морской улицы Сестрорѣцка, восточнѣе желѣзнодорожнаго полотна, между станціями Ермоловка—Курортъ. Часть ихъ къ востоку отъ ст. Ермоловки расположена на островкахъ, образуемыхъ излучинами стараго русла Сестры, нынѣ болотистыхъ долинахъ, и новымъ русломъ ея, по которому направляется отработанная турбинами Сестрорѣцкаго оружейнаго завода вода Разлива. Вся эта мѣстность покрыта вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ и приходится, за исключеніемъ островковъ излучинъ Сестры, на второй и третьей гривахъ. Здѣсь почва песчаная, прикрытая жидкимъ дерновымъ слоемъ. На островкахъ почва суглинистая и прекрасный покровъ луговыхъ травъ. На курганахъ растутъ большія сосны, молодякъ и можжевельникъ. Кургановъ соприкасающихся или совпадающихъ ровиками въ этой группѣ нѣтъ. Маленькія группы какъ бы образуютъ курганы: №№ 4—8, №№ 13 и 14 и №№ 17 и 18. Измѣренія кургановъ показаны въ прилагаемой таблицѣ.

№№	Форма.	Діа-метръ.	Высота.	Число ровиковъ.	№№	Форма.	Діа-метръ.	Высота.	Число ровиковъ.
1	Круглая . .	18 ар.	8 в.	8	11	Круглая . .	17 ар.	12 в.	3
2	Тоже. . . .	18 „	12 „	8	12	Тоже. . . .	18 „	10 „	2
3	Тоже. . . .	19 „	9 „	10	13	Тоже. . . .	16 „	11 „	7
4	Тоже. . . .	17 „	10 „	11	14	Тоже. . . .	17 „	8 „	2
5	Тоже. . . .	17 „	9 „	10	15	Тоже. . . .	18 „	7 „	8
6	Овальная .	21×18 ар.	1 ар. 2 в.	8	16	Тоже. . . .	17 „	10 „	9
7	Круглая . .	16 ар.	12 в.	8	17	Тоже. . . .	18 „	1 ар. 3 в.	10
8	Тоже. . . .	17 „	11 „	7	18	Тоже. . . .	18 „	12 в.	8
9	Тоже. . . .	14 „	8 „	7	19	Тоже. . . .	сохранились два края		
10	Тоже. . . .	15 „	8 „	7					

№ 11, 12, 14 и 19, испорчены дорогой. Въ этой группѣ удалось раскопать всего одинъ курганъ — № 17, находящійся на одномъ изъ островковъ излучинъ Сестры. Прочіе курганы, какъ находящіеся среди заселенныхъ дачныхъ участковъ, нельзя было намѣчать къ раскопкѣ, о чемъ меня и предупредилъ г. лѣсничій Сестрорѣцкой казенной дачи.

Способъ раскопки.

Въ каждой группѣ, въ зависимости отъ общихъ (миѣніе собственника) и частныхъ (дачные участки, Общество благоустройства дачныхъ мѣсть) условий, я стремился, если не было къ тому помѣхъ (вѣковыя деревья, проѣзжая дорога), обследовать раскопкою всѣ тѣ курганы, которые обращали на себя вниманіе своей внѣшностью, своимъ мѣстоположеніемъ и т. п. Дальше предположено было руководствоваться, по выясненіи общаго погребальнаго типа, и тѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, которое дастъ раскопка первыхъ кургановъ, т.-е. стремиться выяснять детали, на которыхъ можно обосноваться въ цѣляхъ лучшаго опредѣленія погребальнаго типа и соприкасающихся съ этимъ главнымъ вопросомъ второстепенныхъ вопросовъ.

Исходя изъ этого положенія, первоначально принята была слѣдующая программа. Такъ, въ каждой группѣ, насколько позволяли деревья, которыя запрещалось рубить, имѣлось въ виду по одному однотипному (по внѣшности) кургану вскрывать послойной съемкой земли по фигурѣ площади основанія кургана, а затѣмъ намѣчалось углубляться подъ горизонтъ, послойной же съемкой, колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана, до глубины нетронутой земли. Прочіе курганы предполагалось раскапывать, хотя и послойной съемкой, но колодцемъ размѣровъ площади вершинки и фигуры площади основанія кургана, при чемъ раскопка подъ горизонтъ до слоя нерушенной земли должна была продолжаться колодцемъ той же фигуры и тѣхъ же размѣровъ. На самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе отсутствія въ курганахъ предметовъ культуры и сравнительной слабости выраженія въ каждомъ изъ кургановъ признаковъ, характеризующихъ погребальный типъ, пришлось почти всѣ курганы раскапывать по фигурѣ и размѣрамъ площади основанія, такъ какъ только подобнымъ путемъ представилась возможность получить полную картину признаковъ, послужившихъ къ уясненію погребальнаго типа. Передъ раскопкой насыпь и ограничивающіе ее ровики тщательно описывались, дѣлались промѣры характерныхъ линій и составлялись чертежи и профили. Вблизи кургана копалась пробная яма (1 арш. X 1 арш.) до глубины 1,5—2 аршинъ и такимъ образомъ записывалось и отмѣчалось правильное залеганіе слоевъ нетронутой земли. Ровики и перешейки изучались траншеями послойной съемки. Раскопкѣ всякаго кургана предшествовала расчистка его вершинки, отлогостей, ровиковъ и перешейковъ отъ молодыхъ деревьевъ и кустарника, а затѣмъ снимался дернъ и шло обследование почвеннаго слоя, находившагося

непосредственно под дерномъ. Дальнѣйшая раскопка производилась именно такъ, какъ изложено выше. Такимъ порядкомъ вскрыто 20 кургановъ. Добытые результаты изложены въ дневникѣ.

Отчетъ о раскопкахъ.

Курганъ № 1 (рис. 2 и 3). Группы затона Тарховской косы № 14. Одинъ изъ краевыхъ южной части группы. Покрываетъ крѣпкимъ дерновымъ слоемъ. Съ краю западной отлогости вѣковая ель. Въ планѣ курганъ формы овальной. Отлогости покатыя. Вершинка овальная и плоская. Въ серединѣ ея выемка, расположенная поперечно (2 арш. $\times$ 1 арш., при глубинѣ 5 верш.). Ровиковъ нѣтъ, но вокругъ кургана земля снята, радиально, на протяженіи 1,5 саж. и въ глубину 0—4 верш. (къ кургану глубже). Одинъ изъ среднихъ (по размѣрамъ) кургановъ. Размѣры его: высота 1 арш., окружность основанія 10 саж., окружность вершинки 7 саж., кривыя—образующія NS (по AB) 4 саж. 2,5 арш. и OW 2 саж. 8 верш., длина вершинки 3 саж. 1 арш. и ширина ея 1 саж. 8 верш. Пробная яма, вырытая до воды (1 арш. 12 верш.), съ SW стороны отъ кургана, въ 2 саж. отъ него, дала нижеслѣдующее залеганіе слоевъ земли: дерновой слой (глинистое содержаніе)—2 вер., дальше желтый песокъ съ бѣлымъ до глубины 1,5 арш., ниже желтый песокъ и вода на сѣрой глини. Мѣстами въ растительномъ слое (обслѣдовано отдѣльно) и снаружи (съ поверхности) валуны и мелкая галька. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи, а подъ горизонтомъ эллиптическимъ колодезѣмъ, формы и размѣровъ площади основанія кургана. Залеганіе слоевъ насыпи: дерновой слой такой же, какъ и въ пробной ямѣ, дальше вся насыпь изъ глинистаго растительнаго слоя съ небольшою примѣсью желтовато-бѣлаго песку, аналогичныхъ растительному слою и слѣдующему слою пробной ямы; подъ горизонтомъ слои идутъ тѣ же и въ томъ же порядкѣ какъ и въ пробной ямѣ. Подъ дерномъ по окружности основанія кургана и по отлогостямъ его, а также на вершинкѣ, мѣстами оказались валуны (2 $\times$ 4 верш.), мѣстнаго типа. Равнымъ образомъ, подъ дерновымъ слоемъ, особенно въ центральной части вершинки, гдѣ была впадина, оказались еловые, сосновые и дубовые угли, пепель и пережженный костяной порошокъ, занимавшіе площадь овала (2 арш. $\times$ 1 арш.), по расположенію вершинки, глубиною до 4 вершковъ. Угли и пепель, спорадически, встрѣчались и во всей насыпи, но какъ бы небольшими комочками. На горизонтѣ, въ центральной части насыпи обнаружено,

какъ бы овальное, расположеніе небольшихъ валуновъ, мѣстнаго типа, а надъ ними и среди нихъ дубовые, сосновые и еловые угли, пепель и пережженный костяной порошокъ небольшими комочками, занимавшими площадь овала (2 арш. $\times$ 1 арш.), по расположенію основанія кургана и по высотѣ около 2 вершковъ. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ до глубины 1 арш. 12 верш. дало нетронутые слои земли. Другихъ культурныхъ признаковъ въ курганѣ не обнаружено.

Курганъ № 2 (рис. 4 и 5). Той же группы № 2. Изъ числа краевыхъ южной части группы. Покрываетъ плотнымъ дерновымъ слоемъ. На отлогостяхъ старыя ели. Форма кругообразная. Отлогости покатыя, вершинка круглая и плоская. Ровиковъ нѣтъ, а взамѣнъ ихъ, видимо, снята вокругъ основанія кургана земля, на протяженіи около 1,5 саж. и глубиною 0—4 верш. (къ кургану глубже). По размѣрамъ одинъ изъ среднихъ въ группѣ. Промѣры: высота 1 арш., окружность основанія 10 саж. окружность вершинки 5 саж. 8 верш., діаметръ ея 1 саж. 2 арш. и кривыя—образующія насыпь на NS—3 саж. 1,5 арш. и на OW—3 саж.; большее сползаніе насыпи наблюдалось какъ бы въ N направленіи. Пробная яма, вырытая въ восточномъ отъ кургана направленіи, въ разстояніи около 2 саж., дала то же залеганіе слоевъ, что и пробная яма кургана № 1. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтъ колодезъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. Залеганіе слоевъ и составъ ихъ въ насыпи этого кургана наблюдался аналогичный съ курганомъ № 1. Равнымъ образомъ тѣ же наблюденія оказались и подъ горизонтомъ, до глубины появленія воды (1 арш. 13 верш.).

Подъ дерномъ обнаружено, что въ основаніи кургана (по окружности) и, мѣстами, по отлогостямъ прерывчатые ряды валуновъ, мѣстнаго типа. Когда сняли дернъ, въ центральной части вершинки обнаружилась круглая кучка (діаметръ около 1,5 арш.), углей (еловые, дубовые и сосновые), пепла и пережженного костяного порошка, залегавшая на глубину до 3 вершковъ. Вокругъ нея какъ бы спорадическое, изрѣдка, обкладываніе валунами. Подобные угли и пепель, изрѣдка, встрѣчались маленькими комочками и небольшими кусочками во всей насыпи до горизонта земли. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ дало нетронутые слои земли, вслѣдствіе чего раскопка, доведенная до уровня подпочвенной воды, была прекращена. Новыхъ культурныхъ признаковъ не обнаружено.

Курганъ № 3 (рис. 6 и 7). Той же группы № 1. Одинъ изъ крайнихъ южной части группы. Форма въ планѣ двоякоовальная, какъ бы

отъ двухъ наискось совмѣщенныхъ овальныхъ кургановъ. Вершинка была центрально слегка выемчатой. Отлогости покатыя. Покрываетъ крѣпкимъ и плотнымъ дерновымъ слоемъ. Ровиковъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ кругомъ растительный слой и отчасти слѣдующій за нимъ сняты на протяженіи около полутора сажень и въ глубину до 3—4 вершковъ (къ кургану глубже). Наибольшее сползаніе насыпи усмотрѣно въ западномъ направленіи (наклонъ мѣстности). По размѣрамъ оказался однимъ изъ большихъ въ группѣ. На NW и N отлогостяхъ старыя ели. Промѣры дѣли: высота 1 ар. 4 в., общая окружность основанія 11 сажень, окружность общей вершинки 7 с., кривыя-образующія — по *AB*—5 с. 6 в. и по *BГ*—4 саж. 10 в.; длина вершинки по *AB* = 2 с. 2,5 арш., по *BГ*—2 с. 2,5 ар., по *DE*—2 с. 10 в. и по *ЖЗ*—1 с. 8 в. Пробная яма, вырытая въ сѣверномъ направленіи, въ разстояніи около 2 с. отъ кургана, дала: глинистый дерновой слой—4 в., смѣсь желтоватаго песка съ сѣровой глиной—2 в., затѣмъ желтый песокъ и на глубинѣ 1,5 ар. вода на сѣрой глинѣ. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи, а подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. Почва насыпи: подъ дерномъ глинистый растительный слой съ легкою примѣсью желтоватаго песка—въ смѣси однородной отъ вершинки до горизонта. Подъ дерномъ, въ двухъ мѣстахъ, на вершинкѣ, въ ея центральной части, обнаружены двѣ, совмѣщенные овальныя кучки (1,5а × 1а) углей (сосновые, еловые и дубовые), пепла и пережженного костяного порошка, простирившіяся на глубину до 5 вершковъ. Основаніе кургана и, спорадически, мѣстами отлогости его, какъ бы прикрыты валунами мѣстнаго типа. На горизонтѣ земли обнаружена двоякоовальная присыпка изъ мелкаго гравія, фигуры концентричной линіи площадки основанія кургана, размѣровъ — большая ось около 1 саж. и меньшая—около 2 арш. Въ центральныхъ частяхъ оваловъ присыпки усмотрѣны совмѣщенными два овала изъ небольшихъ валуновъ, мѣстнаго типа, при чемъ размѣры оваловъ приблизительно такія: длинная ось—2 арш. и малая ось—1 арш. Среди валунныхъ оваловъ усмотрѣны, мѣстами, комочки угля (сосновый, еловый и дубовый), пепла и пережженный костяной порошокъ. Маленькіе кусочки углей, а также и пепла встрѣчались, изрѣдка, во всей насыпи. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ дало нетронутые слои земли, залежавшіе аналогично съ слоями пробной ямы.

Курганъ № 4 (рис. 8 и 9). Той же группы № 17. Одинъ изъ центральныхъ въ группѣ. Находится подлѣ дороги, проложенной на оконечность Тарховской косы. Форма въ планѣ—троякоовальная, какъ-бы

отъ трехъ совмѣщенныхъ овальныхъ кургановъ. Составляющіе его курганы поименованы на чертежѣ буквами х, у и z. Вершинка, центрально, слегка выемчатая и по фигурѣ совершенно напоминаетъ фигуру площади основанія кургана. Отлогости покатыя. Покрываетъ крѣпкимъ дерновымъ слоемъ. Сползаніе насыпи какъ-бы отвѣчаетъ направленіямъ четырехъ закругленныхъ оконечностей кургана. Ровиковъ нѣтъ. Взамѣнъ ихъ кругомъ насыпи снятъ растительный слой и отчасти слѣдующій за нимъ на протяженіи около 2 саж. и глубиною до 5 вершк. По размѣрамъ это самый большой курганъ группы. Размѣры его такіе: высота 1 арш. 6 в., окружность основанія 15 с. 1 арш., окружность вершинки 11 с. 1 арш., кривыя-образующія: по линіи *АВ*—5 с., по линіи *ВГ*—5 с. 1 арш., по линіи *ДЕ*—5 с. 8., по линіи *ЖЗ*—3 с. 2 арш. 9 в. и по линіи *ЗК*—3 с. 4 в. Пробная яма, вырытая въ *НО* направленіи, въ разстояніи 3 с. отъ кургана, дала: глинистый дерновой слой—2 в., желтый песокъ съ сѣрватою глиной—4 в., крупный сѣрый съ желтымъ песокъ и на глубинѣ 1,5 арш. вода на постели изъ сѣрой глины. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи до горизонта и подъ нимъ—колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. Почва насыпи состояла изъ глинистаго растительнаго слоя съ примѣсью желтаго песку,—все это въ однородной смѣси вплоть до горизонта. Подъ дерномъ контуры основаній трехъ кургановъ; мѣстами отлогости и вершинки опредѣлены валунами мѣстнаго типа. На горизонтѣ и внутри общей насыпи оказались изрѣдка такіе же валуны, опредѣлявшіе контуры площади основанія каждаго изъ кургановъ. Въ центральной части каждой вершинки, на глубинѣ около 5 верш., усмотрѣна присыпка изъ крупнаго морского песку. Подобныя-же присыпки, но изъ гравія, оказались и на горизонтѣ въ центральной части каждаго изъ кургановъ. Всѣ присыпки, какъ верхнія, такъ и нижнія, овальной формы, толщиною около 1,5 вершковъ; прочіе размѣры присыпокъ таковы: верхнихъ—длина около 2 арш. и ширина около 1 арш. и нижнихъ—длина около 2,5 арш. и ширина около 1,5 арш. На нижнихъ присыпкахъ, съ краю, мѣстами, овально, лежали небольшіе валуны мѣстнаго типа. Среди оваловъ верхнихъ присыпокъ и нижнихъ находились угли (сосновые, еловые и дубовые), пепель и пережженный костяной порошокъ. Верхній угольно-пепельно-костяной слой былъ мощностью до 4 вершковъ, а нижній не болѣе 1 вершка и не столь плотный, какъ верхній. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ дало нетронутые слои земли, подобные тѣмъ, что залежали въ пробной ямѣ.

Курганъ № 5 (типа рис. 10). Той-же группы № 24. Одинъ изъ
Записки Отд. русск. и сл. арх. И. Р. А. О. т. VIII, в. 2.

краевыхъ. Расположенъ около дороги, проложенной къ оконечности Тарховской косы. Форма въ планѣ овальная. Вершинка овальная и слегка выпуклая. Отлогости покатыя. Большое сползаніе насыпи усмотрѣно въ W направленіи. Покрываетъ плотнымъ дерновымъ покровомъ. Съ О-й стороны края вершинки и отлогости той стороны четыре ели, затруднявшія раскопку. Ровиковъ нѣтъ. Въмѣсто нихъ кругомъ снятъ дерновой слой на разстояніи около 2 саж., до глубины 4 вершк. (со стороны кургана глубже). По размѣрамъ насыпи одинъ изъ среднихъ. Размѣры: высота 1 арш. 5 вершк., окружность основанія 13 саж. 1,5 арш., окружность вершинки 7 саж. 1 арш. 2 вершк. и кривыя-образующія на NS—3 саж. 10 вершк. и на WO—5 саж. 1 арш. Пробная яма вырыта въ NO направленіи, въ 2 саж. отъ кургана. Слои въ ней залежали такъ: глинисто-растительный слой—2 вершка, сѣрая глина съ желтымъ пескомъ—3 вершка, морской гравій, сѣрый песокъ и вода на сѣрой глинѣ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи кургана, кромѣ О-й части ея (на протяженіи 1 саж. со стороны О), гдѣ ели; подъ горизонтомъ раскопка продолжалась колодцемъ фигуры площади основанія кургана и ея размѣровъ (съ уменьшеніемъ на 1 саж. съ О-й стороны). Почву насыпи составляли: глинистый растительный слой въ смѣси съ желтымъ пескомъ. Подъ дерномъ, вокругъ основанія кургана, и на вершинкѣ изрѣдка усмотрѣно обкладываніе валунами, мѣстнаго типа. На вершинкѣ, на глубинѣ около 4 вершк., оказался какъ бы овалъ изъ подобныхъ-же валуновъ, размѣровъ: длиною (OW) около 2 арш. и шириною около 1 арш. На горизонтѣ, въ центральной части кургана, найденъ подобный-же овалъ изъ валуновъ, длиною около 2,5 арш. и шириною около 1,5 арш. Среди обоихъ оваловъ оказались угли (дубовые, словые и сосновые), пепель и пережженный костяной порошокъ. Оба угольно-пепельно-костяные слои были толщиною отъ 1,5 до 2 вершк. Раскопка подъ горизонтъ дала нерушенные слои земли.

Курганъ № 6 (типа рис. 10). Той-же группы № 26. Расположенъ на W-й окраинѣ группы. Форма овальная. Отлогости покатыя. Вершинка овальная, плоская, съ центральной, круглой выемкой, діаметра около 1 арш. и глубиною до 4 вершк. Большое сползаніе насыпи замѣчено въ W и О направленіяхъ. Покрываетъ плотнымъ дерномъ и поросъ ельникомъ. На S-й оконечности насыпи пень старой ели. Ровиковъ нѣтъ, но кругомъ кургана примѣтна съемка растительнаго слоя па протяженіи 1,5 саж. отъ краевыхъ очертаній кургана, глубиною до 4 вершк. (наибольшая глубина подлѣ кургана). По размѣрамъ насыпи одинъ изъ среднихъ. Размѣры: высота 1 арш. 2 вершка, окружность осно-

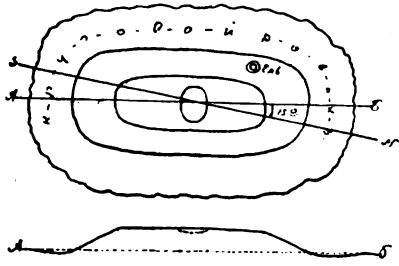

Рис. 2. Кург. 1.

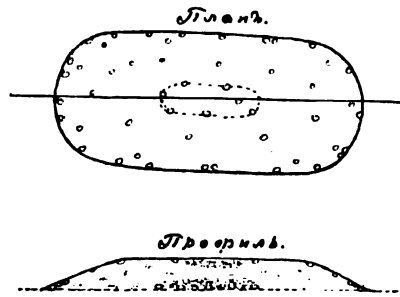

Рис. 3. Кург. 1.

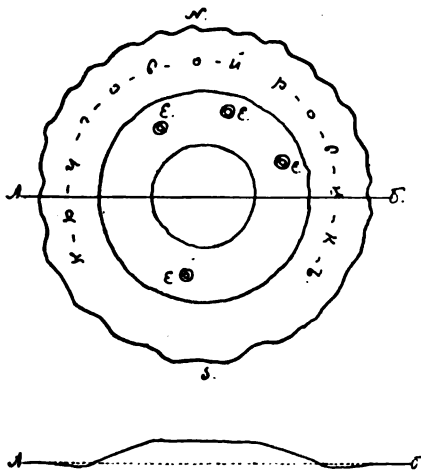

Рис. 4. Кург. 2.

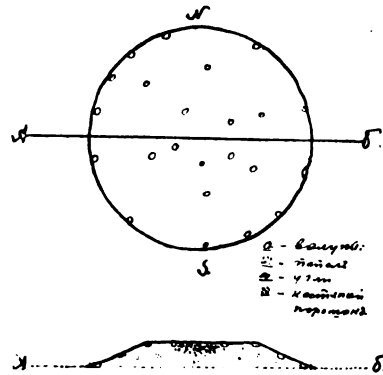

Рис. 5. Кург. 2.

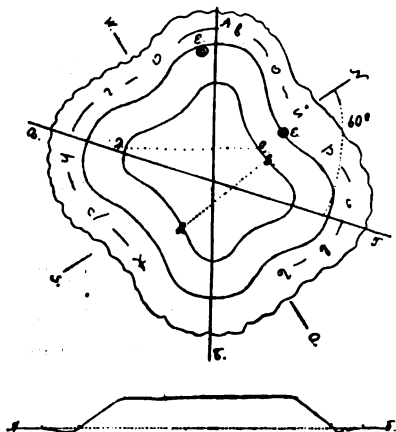

Рис. 6. Кург. 3.

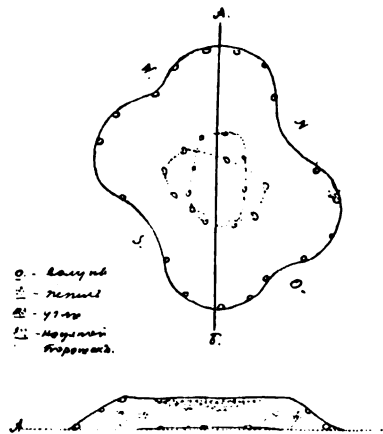

Рис. 7. Кург. 3.

*

ванія 9 саж. 1 арш., окружность вершинки 4 саж., кривья-образующія—большей оси овалъ 4 арш. 3 вершк. и меньшей—2 саж. 1 арш. Пробная яма, вырытая въ 2 саж. на NO отъ основанія кургана, дала: глинистый дерновой слой—3 вершка, желтый песокъ съ сѣрватою глиной—10 вершк., далѣ морской гравій, сѣрый песокъ и вода на сѣрой глинѣ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всего кургана, а подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія насыпи. Почву составлялъ глинистый растительный слой въ смѣси съ желтымъ пескомъ. Подъ дерномъ, въ основаніи кургана кругомъ, кое-гдѣ, по отлогостямъ и на вершинкѣ найдены небольшіе валуны мѣстнаго типа. На вершинкѣ, въ мѣстѣ выемки, до глубины 3 вершковъ залежали угли (сосновые, еловые и дубовые) и пепель. На горизонтѣ была присыпка овальной формы (длина около 1 саж. и ширина около 2 арш.), толщиной 2—3 вершка, изъ морского гравія. На присыпкѣ, овально, лежали валуны, ограничивавшіе площадь, равную почти площади овала присыпки. Среди овала валуновъ находились угли (еловые, сосновые и дубовые), пепель и пережженный костяной порошокъ, составлявшіе слой въ 2—3 вершка толщиной. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ дало нерушенные слои земли.

Курганъ № 7 (рис. 10 и 11). Той же группы № 4. Расположенъ возлѣ дороги, проложенной къ оконечности Тарховской косы. Форма овальная. Вершинка овальная и слегка выпуклая. Покрываетъ плотнымъ дерномъ и поросъ ельникомъ и можжевельникомъ. Сползаніе насыпи замѣчено въ NW, SW и NO направленіяхъ. Кругомъ кургана, на протяженіи около 1,5 саж., отчетливо видна съемка земли на глубину до 4 верш. (со стороны кургана глубже), при чемъ въ мѣстахъ съемки на NW, SW и NO есть выемки площади 1,5 арш. × 1 арш., глубиною до 8 вершковъ. По размѣрамъ насыпи одинъ изъ среднихъ. Промѣры дали: высота 1 арш. 6 верш., окружность основанія 12 саж. 4 верш., окружность вершинки 5 саж. 1,5 арш. и кривья-образующія — большей оси 4 саж. 1,5 арш. и меньшей—3 саж. 8 вершковъ. Пробная яма показала: глинистый дерновой слой — 2 верш., желтый крупный песокъ съ сѣрватою глиной—8 верш., далѣ бѣлый несокъ, вода и сѣрая глина. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи, а подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. Почва насыпи совершенно однородна, и составляетъ ее глинисто-растительный слой съ небольшою примѣсью желтаго крупнаго песку. Подъ дерномъ, какъ по овальной линіи, ограничивающей основаніе кургана, такъ и съ краю вершинки, мѣстами въ центральной части

последней, а равно изрѣдка и по отлогостямъ найдены небольшіе валуны мѣстнаго типа. Въ центральной части вершинки, овально (1,5 арш. $\times$ 12 верш.), до глубины 4 верш. усматривались угли (еловые, сосновые и дубовые), пепель и пережженный костяной порошокъ. Валуну вершинки какъ бы овально опредѣляли эти культурные остатки. На горизонтѣ оказалась овальная (1 саж. $\times$ 2,5 арш.) присыпка, толщиной 2—3 верш., изъ морского гравія, расположенная центрально относительно кривой, опредѣляющей площадь основанія кургана. Съ краю присыпки, но на ней, изрѣдка, оваломъ, лежали небольшіе валуны мѣстнаго типа. Въ овалѣ валуновъ, на присыпкѣ располагались угли (еловый, сосновый и дубовый), пепель и пережженный костяной порошокъ, составлявшіе блинчатый слой, толщиной 2—3 вершка. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 8 (типа рис. 12). Той же группы № 37. Расположенъ почти въ срединной части группы, недалеко отъ дороги, идущей на оконечность Тарховской косы. Форма длинная. Вершинка длинная, плоская. Покрываетъ плотнымъ дерномъ и по насыпи, въ разныхъ мѣстахъ восемь старыхъ елей. Кругомъ насыпи отчетливо примѣтна съемка растительнаго слоя на протяженіи около 2,5 аршинъ, глубиною до 2,5 верш. (къ кургану глубже). Размѣры: высота 10 верш., длина большей оси овала насыпи 7 сажень, длина меньшей его оси 1 саж. (съ концовъ нѣсколько меньше—около 0,75 сажени), длина вершинки 6 саж. 1 арш. 4 верш. и ширина ея 1 арш. 10 верш. Залеганіе слоевъ земли въ пробной ямѣ такое: глинистый дерновой слой—2 верш., желтый крупный песокъ съ сѣрой глиной—8 верш., ниже бѣловатый песокъ, вода и сѣрая глина.

Раскопка производилась двумя поперечными насыпи траншеями, размѣровъ: NO—длиною 1,5 саж. и SW—длиною 2,5 саж. Почва насыпи—глинистый растительный слой. Первая траншея разрѣзала курганъ съ NO конца, а вторая съ SW. Кромѣ того, кругомъ, по кривой основанія, обследовано это послѣднее. Оказалось, что курганъ по кривой основанія обложенъ небольшими валунами мѣстнаго типа. Подобные же валуны, прерывчато, попадались и на вершинкѣ. Въ каждой изъ траншей, на горизонтѣ найдена присыпка оваломъ (2 арш. 12—14 верш. $\times$ 1 арш. 10—13 верш.) изъ морского гравія, образовавшая блинчатый слой, толщиной около 2—3 верш. На присыпкѣ, недалеко отъ ея краевъ, лежали, прерывчато, валуны. Среди валуновыхъ оваловъ были: угли (сосновый, еловый и дубовый), пепель и пережженный костяной порошокъ. Угли и пепель, спорадически, встрѣчались и въ осталь-

ной насыпи. Раскопка, по очертаніямъ траншей, подъ горизонтъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 9 (рис. 12). Той же группы № 36. Расположенъ вблизи предыдущаго кургана. Форма длинная, слегка дугообразная. Вершинка длинная и бугорчато-плоская. Кругомъ примѣтна сѣмка земли (растительнаго слоя) на протяженіи 2,5 арш. и глубиною около 3 вершк. (къ кургану глубже). Покрываетъ плотнымъ дерновымъ покровомъ и на концахъ по двѣ вѣковыя ели. Размѣры кургана: высота 12 верш., общая длина насыпи 7 саж. 8 верш., ширина ея 1 саж. 1 арш. 8 верш. (къ концамъ на 0,5 арш. уже). Залеганіе слоевъ земли въ пробной ямѣ было такое: глинистый растительный слой—2 верш., желтый крупный песокъ съ сѣрой глиной—8 верш., ниже бѣловатый песокъ, вода и сѣрая глина. Раскопка производилась послышной сѣмкой земли насыпи двумя поперечными траншеями: одна — въ срединной почти части кургана и другая — въ юго-западномъ концѣ его. Кругомъ обследовано и основаніе кургана. При этомъ выяснено, что краевыя очертанія основанія кургана обложены, прерывчато, небольшими валунами мѣстнаго типа. На горизонтѣ траншей были присыпки, овальной формы (1 саж. 8 верш. $\times$ 2 арш.), изъ морского гравія, каждая составлявшая слой толщиною 1,5--3 вершка. Съ краю присыпки, овально, прерывчато, лежали валуны. Внутри валунныхъ оваловъ находились угли (еловые, сосновые и дубовые), пепель и пережженный костяной порошокъ. Въ насыпи встрѣчались вообще, мѣстами, комочки углей и пепла. Раскопка, по размѣрамъ траншеи (длина срединной — 2,5 саж. и SW — 1,75 саж.), подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 10 (типа рис. 14 и рис. 13). Группы Тарховка-Разлива № 7. Между 3 и 4-й тропинками-канавами (расчетъ отъ ст. Разлива) съ морской стороны, въ N-й части группы, въ сосновомъ лѣсу. Форма прямоугольная. Вершинка той же формы, плоская. Отлогости покатыя. Съ каждой стороны по ровику, внутренняя крутость котораго составляетъ продолженіе отлогости своей стороны. Большое сползаніе насыпи усмотрѣно въ SW направленіи (наклонъ мѣстности). Покрываетъ жидкимъ дерновымъ слоемъ. Поросъ молодымъ соснякомъ. Размѣры: высота 12 верш., длина 4 саж. 6 верш., ширина 2 саж. 1 арш., длина вершинки 2 саж. 2,5 арш., ширина ея 1 саж. 1,5 арш., ровики — длина N-го 1 саж., S-го 1 саж. 1 арш., O-го 2 саж. 2 арш. и W-го 3 саж. 2 арш. 7 верш., ширина — N-го, O-го и W-го по 1 саж., а S-го 1 саж. 8 верш. и глубина — N-го 12 верш., S-го 13 верш., O-го 15 верш. и W-го 10 верш. Мѣстами ровики глубже. Между ровиками

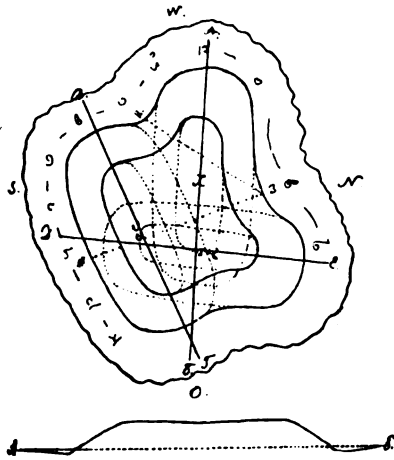

Рис. 8. Кург. 4.

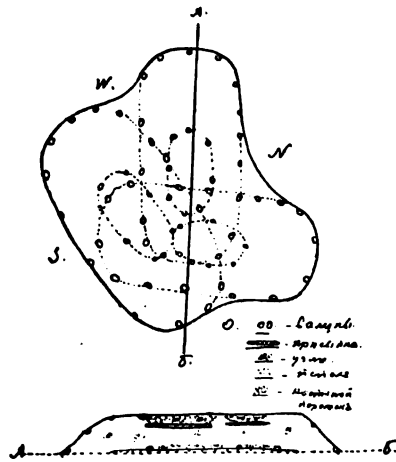

Рис. 9. Кург. 4.

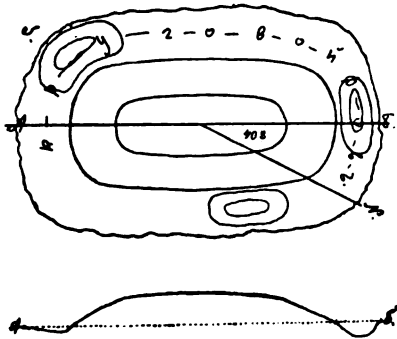

Рис. 10. Кург. 7.

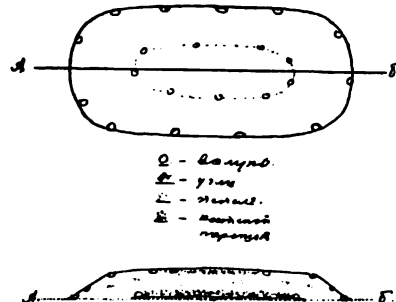

Рис. 11. Кург. 7.

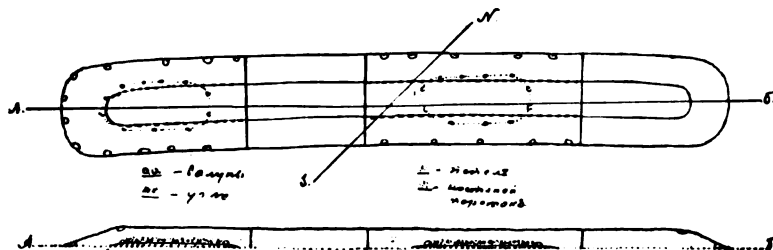

Рис. 12. Кург. 9.

четыре перешейка. Пробная яма, вырытая за N-мъ ровикомъ, на горизонтѣ земли, дала: песчаный растительный слой — 1,5 верш., сѣрый песокъ — 3 верш., желтый песокъ — 5 верш., ниже крупный желтый песокъ съ морскимъ гравіемъ. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи, а подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. Почва насыпи мѣшанная: сѣрый песокъ съ желтымъ. На глубинѣ 2 верш. подъ дерномъ усмотрѣны два квадратныхъ (1 саж. $\times$ 1 саж.) угольно-пепельныхъ пятна: одно въ N-й, и другое въ S-й части, съ промежуткомъ между ними шириною 1,5 арш. Чѣмъ ниже, тѣмъ эти пятна стали явственнѣе и легче было наблюдать не только угли, но и пепель и пережженный костяной порошокъ, оказавшійся здѣсь же; при чемъ и угли, и пепель, и порошокъ къ горизонту становились какъ бы гуще, а угли и крупнѣе. Угли преимущественно еловые и отчасти сосновые. Еще на 5 верш. глубже стали примѣтны углевые бревна, діаметромъ 6—7 дм., лежавшія горизонтально и опредѣлявшія собою прямоугольникъ, длиною (NS направленіе) 2 саж. 1,5 арш. и шириною 1 саж. 8 верш. Всѣхъ углевыхъ бревенъ оказалось, на глубинѣ 7 верш., пять, изъ нихъ два продольныя помѣщались въ NS направленіи, два поперечныя размѣщались по концамъ предыдущихъ и одно, поперечное же, находилось посрединѣ, раздѣляя прямоугольникъ на двѣ равныя части (N-ю и S-ю). Внутренность обѣихъ частей или площадей прямоугольника заполнена была еловыми и сосновыми углевыми тонкими бревнами и сучьями, а также пепломъ и пережженнымъ костянымъ порошокомъ. Угольно-пепельно-костяной слой продолжался еще вершка три глубже и закончился на присыпкѣ изъ морского гравія, обугленной и простиравшейся до горизонта, составляя слой толщиной около 3 верш., а по длинѣ и ширинѣ нѣсколько большій (на 2—4 верш.), чѣмъ прямоугольникъ углевыхъ бревенъ. Въ общемъ мощность угольно-пепельно-костяного слоя равнялась приблизительно 8 верш. Судя по объему угольно-пепельнаго слоя, можно предполагать, что на присыпкѣ сгорѣли не менѣе 40 бревенъ, длиною около 1 саж. и толщиной 6—7 дм., а также около 0,5 куб. саж. тонкихъ бревенъ, сучьевъ, валежника, мха и травы, углевые остатки которыхъ тоже усмотрѣны въ угольно-пепельномъ слоѣ. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ дало нетронутые слои земли, аналогичные съ слоями пробной ямы.

Курганъ № 11 (рис. 14 и 15). Той же группы № 14. Вблизи S-й канавы-дорожки, по покатости гривы къ морю, въ N-й половинѣ группы, въ сосновомъ лѣсу. Форма прямоугольная. Вершинка той же

формы, плоская. Отлогости покатыя. Съ каждой стороны по ровику. Лучше сохранился ровикъ S-й стороны, остальные наполовину заплыли. Сползание насыпи усмотрѣно въ N, O и W направлєніяхъ (наклонъ мѣстности). Покрываетъ дерновымъ слоемъ. На отлогостяхъ двѣ старья ели, одна вѣковая сосна и кусты можжевельника. Размѣры: высота 12 верш., длина 4 саж., ширина 2 саж. 1 арш., длина вершинки 2 саж. 2 арш., ширина ея 1 саж. 2,5 арш., длина ровиковъ почти отвѣчаетъ длинѣ сторонъ насыпи, ширина ихъ находится въ предѣлахъ около 1 саж. и глубина колеблется между 6—9 верш. (въ S-мъ ровикѣ самое глубокое мѣсто — 12 верш.). Пробная яма за S-мъ ровикомъ дала: песчаный дерновой слой—1,5 верш., сѣрый песокъ—3 верш., ниже сѣрый крупный песокъ, а затѣмъ сѣрая глина. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей насыпи, а подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. Почву насыпи составлялъ сѣрый песокъ въ смѣси съ песчанымъ растительнымъ слоемъ. Непосредственно подъ дерномъ усмотрѣны въ центральныхъ частяхъ O-й и W-й половинъ насыпи угольные пятна, квадратной формы (1 саж. × 1 саж.) каждое. Ниже эти пятна превратились въ угольно-пепельный слой, который съ каждымъ верхкомъ въ глубину становился интенсивнѣе, при чемъ появились угли (еловые) отъ бревенъ діаметромъ 3—4 дм. Да глубинѣ 6 верш. усмотрѣнъ и пережженный костяной порошокъ. Почти одновременно появились верхнія очертанія углевыхъ бревенъ (длиною около 1 саж. и діаметромъ 5—6 дм.) изъ ели. Такихъ бревенъ оказалось восемь: по четыре среди каждаго изъ двухъ угольно-пепельно-костяныхъ слоевъ. Бревна имѣли NS направлєніе. Между квадратами углевыхъ бревенъ былъ промежутокъ (песчаный), шириною около 1 саж. Каждый изъ квадратовъ имѣлъ въ сторонѣ около 1 саж. Среди квадратовъ бревенъ были угловые сучья (еловые и сосновые), углевой мохъ и углевая трава, образывавшіе довольно плотный слой, мощностью до 8 вершковъ. Въ этомъ слоѣ въ достаточномъ количествѣ наблюдался пережженный костяной порошокъ. Все это находилось на присыпкѣ (толщиною 2—3 верш.) изъ морского гравія, находившейся непосредственно на горизонтѣ. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 12 (рис. 16 и 17). Той же группы № 24. Расположенъ въ еловомъ лѣсу на западной гривѣ, составляющей южную основу Тарховской косы, недалеко отъ курганной группы затона той же косы. Форма почти квадратная. Вершинка такая же и плоская. Отлогости покатыя. Съ каждой стороны по ровику, два изъ которыхъ (N-й и S-й)

почти совсѣмъ заплыли отъ сползанія насыпи въ N и S направленіяхъ. Покрываетъ дерновымъ слоемъ. На N-й отлогости пять старыхъ елей. Размѣры: высота 12 верш., длина (по *AB*) 2 саж. 2 арш., ширина 2 саж. 1,5 арш., длина и ширина вершинки 1 саж. 6 верш., длина ровиковъ почти отвѣчаетъ длинѣ сторонъ насыпи (въ дѣйствительности нѣсколько меньше), ширина ихъ равняется 2 арш. — 2 арш. 8 верш. и глубина отвѣчаетъ 5—9 верш. (ровики по линіи *AB* въ глубокихъ мѣстахъ имѣютъ до 10 верш.). Пробная яма въ SW-мъ направленіи (за перешейкомъ), дала: глинистый растительный слой — 2 верш., сѣрый песокъ—5 верш., желтый песокъ и сѣрая глина. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи, а подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. Почву насыпи составлялъ глинисто-песочный сѣрый слой. Подъ дерномъ, на глубинѣ 2 верш., по срединѣ насыпи замѣчено прямоугольное угольно-пепельное пятно, имѣвшее OW-е направленіе, размѣровъ: длиною около 1,5 саж. и шириною около 1,5 арш. Чѣмъ ниже, тѣмъ больше стало проявляться углей (нѣкоторые принадлежали еловымъ бревнамъ, діаметра 4—6 дм.) и пепла, а на глубинѣ 6 верш. появился и пережженный костяной порошокъ. На глубинѣ 7 верш. въ NW углу найдено еловое углевое бревно, длиною 1 арш. 2 верш., діаметра 4—5 дм. Подобныхъ, т.-е. еловыхъ-углевыхъ, два бревна появились и въ O-й части насыпи. Размѣры ихъ: длина 1 арш. 5 верш. и діаметръ 4—5 дм. Оба лежали параллельно, имѣя NW—SO направленіе. Вершкомъ ниже опредѣлился прямоугольникъ, ограниченный четырьмя углевыми бревнами (еловыми), діаметра 5—6 дм., длиною: длинныя 1 саж. 2 арш. и короткія 1 арш. 9 верш. Прямоугольникъ имѣлъ OW-е направленіе и все пространство его заполнено было еловыми и сосновыми углями, пепломъ и пережженнымъ костянымъ порошокомъ. На горизонтѣ находилась прямоугольная присыпка, по размѣрамъ на 2—3 верш. превосходящая прямоугольникъ углевыхъ бревенъ, изъ морского гравія, толщиной 2 верш. Угольно-пепельное пятно постепенно съ пониженіемъ перешло въ прямоугольникъ углевыхъ бревенъ, расположенный на присыпкѣ. Такимъ образомъ угольно-пепельно-костяной слой можно считать равнымъ 8 вершкамъ. Раскопка подъ горизонтомъ, на глубину до 1,5 арш., дала правильное залеганіе слоевъ земли, аналогичное съ слоями пробной ямы.

Курганъ № 13 (рис. 18 и 19). Той же группы № 27. Вблизи 8-й канавы-дороги, на покатости къ морю 1-й гривы, въ S-й части группы, въ еловомъ лѣсу. Форма круглая. Вершинка той же формы,

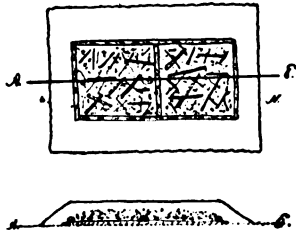

Рис. 13. Кург. 10.

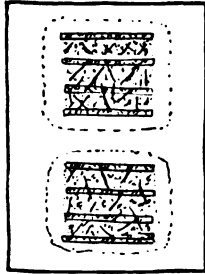

Рис. 15. Кург. 11.

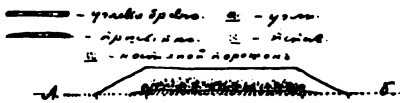
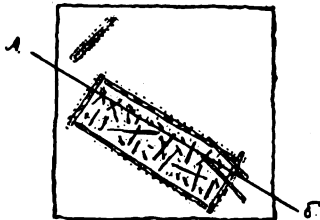

Рис. 17. Кург. 12.

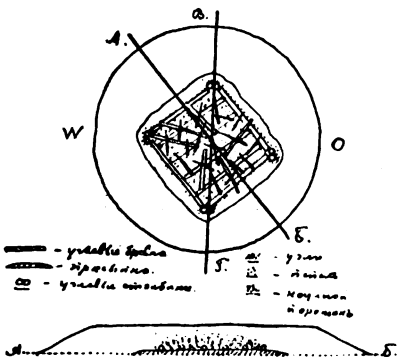

Рис. 19. Кург. 13.

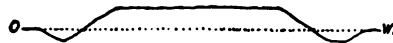
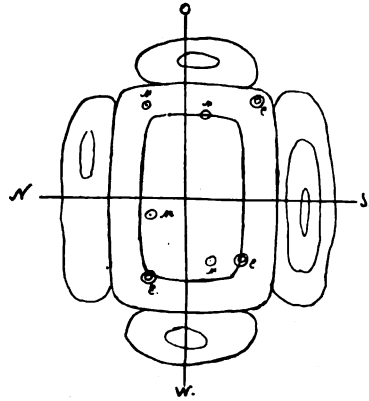

Рис. 14. Кург. 11.

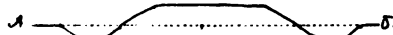
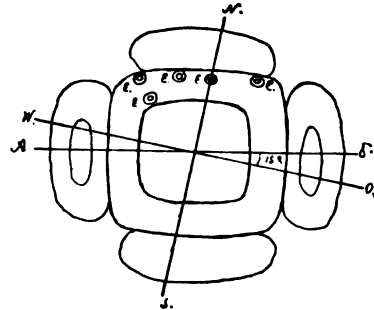

Рис. 16. Кург. 12.

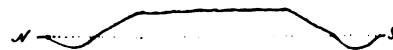
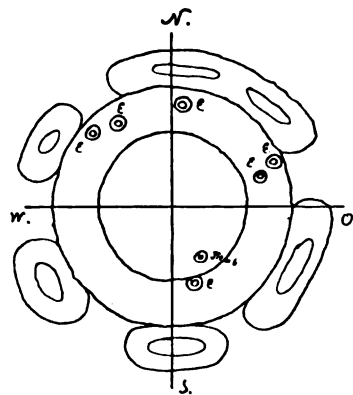

Рис. 18. Кург. 13.

плоская. Кругомъ пять ровиковъ, внутреннія крутости которыхъ составляютъ продолженіе отлогостей насыпи. Между ровиками пять горизонтныхъ перешейковъ, раздѣляющихъ ровики. Отлогости покатыя. Покрываетъ прочнымъ дерновымъ слоємъ. На отлогостяхъ и на вершинкѣ шесть старыхъ елей, много молодыхъ елокъ и кустовъ можжевельника. Размѣры: высоты 1 ар. 2 в., кривая-образующія насыпи 5 с. 2,5 ар.— 6 с., діаметръ вершинки 4 с., длина перешейковъ—О-го 2 ар. 15 в., SO-го 2 ар. 14 в., SW-го 1 с. 5 в., W-го 1 с. и NW-го 2 ар. 3 в., ширина ровиковъ отъ 2 ар. до 2 ар. 5 в. и глубина послѣднихъ отъ 7 до 10 вершковъ. Пробная яма, вырытая въ N-мъ направленіи, на горизонтѣ земли, дала слѣдующее: глинистый растительный слой—2 в., сѣрый песокъ—5 в., ниже крупный желтый песокъ, а затѣмъ сѣрая глина. Раскопка производилась послышной съемкой земли, колодецемъ, фигуры и размѣровъ вершинки, какъ до горизонта, такъ и ниже его. Подъ дерномъ усмотрѣно угольно-пепельное пятно, квадратное (1 с. $\times$ 1 с.), съ закругленными углами, занимавшее центральную часть кургана. Съ каждымъ вершкомъ ниже этотъ слой становился темнѣе и появились куски еловыхъ углей. Съ глубины 6 в. пошелъ внизъ сплошной угольно-пепельный слой, той же формы и размѣровъ, въ которомъ на глубинѣ 8 в. появился и пережженный костяной порошокъ. На глубинѣ 8 в. замѣчено, что углы квадрата опредѣлены двумя вертикальными углевыми бревнами (еловыми), діаметра 6—7 дм. Позже выяснилось, что высота этихъ бревенъ равнялась приблизительно 1,5 ар., такъ какъ удалось, при помощи отломанныхъ сверху ихъ и валявшихся подлѣ кусковъ углей ихъ, составить сужденіе, хотя и приблизительное, о размѣрахъ. На горизонтѣ земли находилась присыпка изъ морского гравія, высотой до 2—3 вер., квадратной формы, имѣвшая въ сторонѣ 1 с. 1 ар. На ней, между углевыми бревнами-столбиками лежали, образуя квадратъ (1 с. $\times$ 1 с.), углевые еловые бревна, діаметромъ 5—7 дм. и длиной около 1 с. Между ними, взаимно-параллельно, лежали еще четыре такихъ же углевыхъ бревна. Углы квадрата, гдѣ находились пары углевыхъ столбиковъ, ориентированы были по четыремъ основнымъ сторонамъ горизонта (N, S, O и W). Площадь квадрата занимали углевые бревна (еловые), сучья и вѣтки (сосновые и еловые) и углевои валежники. Среди этихъ углевыхъ остатковъ въ изобиліи находился пепель, а ближе къ присыпкѣ и пережженный костяной порошокъ. Въ общемъ угольно-пепельно-костяной слой оказался мощностью почти 14 вершковъ, при чемъ собственно присутствіе костяного порошка обнаружилось въ 6-ти нижнихъ вершкахъ этого слоя. Продолженіе рас-

копки подъ горизонтомъ позволило наблюдать только нерушенные слои земли.

Курганъ № 14 (типа рис. 18 и рис. 20). Той же группы курганъ № 10. Находился почти въ центральной части сѣвернаго участка группы, въ сосновомъ лѣсу. Форма круглая. Вершинка плоскій кругъ. Кругомъ три ровика, раздѣленные тремя же горизонтными перешейками. Съ S-й стороны ровики почти сливаются съ ровиками сосѣдняго, такой же формы кургана. Покрытъ плотнымъ дерномъ. Съ краевъ вершинки и на отлогостяхъ насыпи четыре старыя сосны. Вершинка обросла можжевельникомъ и молодымъ ельникомъ. Размѣры: высота 1 ар. 5 в., кривая-образующая насыпи 7 саж. 2 ар. 5 в., діаметръ вершинки 5 с., длина перешейковъ—NO-го 2 ар. 4 в., W-го 2 ар. 10 в. и S-го 2 ар. 12 в., ширина ровиковъ отъ 2 ар. до 2 ар. 7 в., глубина ихъ отъ 10 в. до 1 ар. 5 вершковъ.

Въ пробной ямѣ (вырыта въ 2 с. на N отъ кургана) слои залежали такъ: глинистый растительный слой—2 в., бѣлый песокъ съ примѣсью сѣрой глины—4 в., ниже желтый песокъ, послѣ сѣрая глина. Раскопка производилась колодезь, формы и размѣровъ вершинки насыпи. Почва насыпи: глинистый растительный слой въ смѣси съ бѣлымъ пескомъ и сѣровой глиной. Подъ дерномъ сразу стали замѣтны два квадратныхъ (1 с. × 1 с.) угольно-пепельныхъ пятна, располагавшіяся централью въ O-й и W-й половинахъ колодца раскопки. Ниже пошли еловые и отчасти сосновые угли и пепель. На глубинѣ 6 в. усмотрѣны по три углевыхъ столбика (діаметръ 5—6 дм.) въ каждомъ изъ квадратовъ, по сѣвернымъ и южнымъ сторонамъ послѣднихъ. Высота ихъ, благодаря нѣкоторой возможности сопричисленія къ длинѣ этихъ столбиковъ еловыхъ углей, того же діаметра, лежавшихъ подлѣ столбиковъ, опредѣляется, приблизительно въ 1,5 аршина. Еще вершковъ 5-ть ниже усмотрѣны, опредѣлявшія каждое изъ квадратовъ и лежавшія между угловыми столбиками углевые еловыя бревна, длиною около 1 с. 10 в., діаметра 5—7 дм. Въ каждомъ изъ квадратовъ между ними лежали, параллельно, съ W на O по три подобныхъ же бревна, составленные каждое какъ бы изъ двухъ (длина около 2 ар.). А поверхъ ихъ, въ каждомъ квадратѣ находилось, въ NS направленіи, между средними столбиками, по одному еловому углевому бревну описанныхъ размѣровъ. Все пространство между сторонами квадратовъ (изнутри) заполнено углевыми сучьями и вѣтвями (ель и сосна), пепломъ, а на глубинѣ 12 в. появился и пережженный костяной порошокъ. Угольно-пепельный слой имѣлъ толщину около 1 ар. 1 в. Костяной порошокъ составлялъ въ

немъ нижніе 4—5 вершковъ въ перемежку съ углями и пепломъ. Угли, помѣщавшіеся въ квадратахъ, производили впечатлѣніе какъ бы костра изъ еловыхъ бревенъ въ каждомъ квадратѣ, отъ сгорания котораго и получились угли и пепель. Срединные углевые столбики, судя по собраннымъ углямъ ихъ, были выше угловыхъ, а именно имѣли въ длину около 2 ар. 3 в. Концы всѣхъ столбиковъ были погружены въ присыпку изъ морскаго гравія, толщиною около 3—5 в., оказавшуюся на горизонтѣ подъ углевыми квадратами, при чемъ для всякаго изъ квадратовъ была своя присыпка, превосходившая размѣры его въ стороны на 4—6 вершковъ. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 15 (рис. 21 и 22). Группы Курортъ-Ермоловка № 17. На срединѣ искусственнаго островка, образованнаго излучиною стараго русла р. Сестры съ ея новымъ русломъ, представляющимъ въ этомъ мѣстѣ спрямленіе рѣки при помощи плотинъ, отдѣляющихъ новое русло отъ стараго. Кругомъ старыя сосны и прекрасный коверъ луговыхъ травъ. Форма круглая. Вершинка плоскій кругъ. Кругомъ 10-ть ровиковъ, раздѣленныхъ столькими же перешейками. Курганъ сильно расплывчатъ, и сползаніе его покатоствей сдѣлало ровики на половину заполненными землею насыпи. Сбоку курганъ имѣетъ блинчатый видъ. Покрываетъ жирнымъ глинисто-черноземнымъ растительнымъ слоемъ и дерномъ. Съ краевъ вершинки и на отлогостяхъ десять старыхъ сосенъ. Размѣры: высота 1 ар. 3 в., кривая-образующая насыпи 7 с. 4 в., діаметръ вершинки 5 с. 2 ар., длина перешейковъ 1 с. 1,5 ар., 2 с. 1 ар., 2,5 ар., 1 с. 2 в., 2 с., 1 с. 2 ар. 12 в., 1 с. 1 ар., 1 с. 7 в., 1 с. 8 в. и 1 с. 9 в., глубина ровиковъ 5—8 вер., ширина ихъ отъ 2,5 ар. до 1 с. 9 в. Въ пробной ямѣ (вырыта въ 2-хъ с. къ S отъ кургана) слои оказались въ такомъ порядкѣ: глинисто-черноземный растительный слой—2 в., сѣрый песокъ съ сѣровой глиной—4 в., бѣлый, а затѣмъ желтый песокъ—10 в., послѣ сѣрая глина. Раскопка производилась колодцемъ фигуры и размѣровъ вершинки, какъ до горизонта, такъ и подъ нимъ. Почву насыпи составляла смѣсь глинистаго растительнаго слоя съ сѣрымъ пескомъ. На глубинѣ 4 в. замѣчены два квадратныхъ (1 с. 2 в. × 1 с. 3 в.) угольно-пепельныхъ пятна,—одно въ NO-й половинѣ насыпи, а другое въ SW-й. Вершкомъ ниже усмотрѣны углевые столбики (еловые), діаметра 4—6 дм., расположенные по угламъ квадратовъ и по срединѣ ихъ NO-хъ и SW-хъ сторонъ. Длина, судя по собраннымъ сбоку углямъ, была: угловыхъ около 1,5 ар. и срединныхъ около 2 ар. 5 в. За 8 верш. до горизонта оказались,

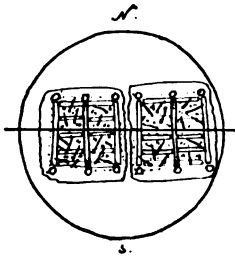

Рис. 20. Кург. 14.

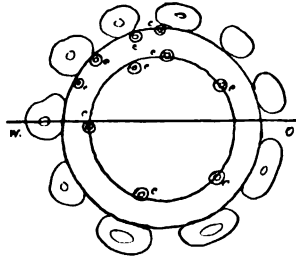

Рис. 21. Кург. 15.

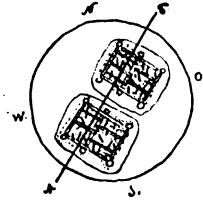

Рис. 22. Кург. 15.

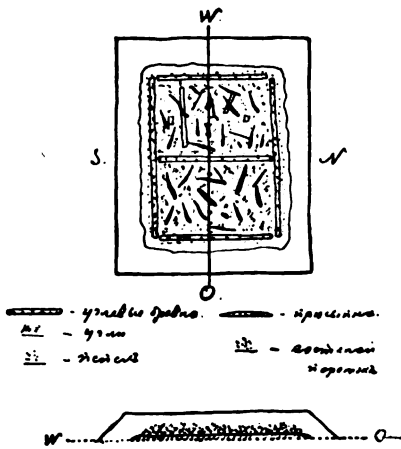

Рис. 23. Кург. 16.

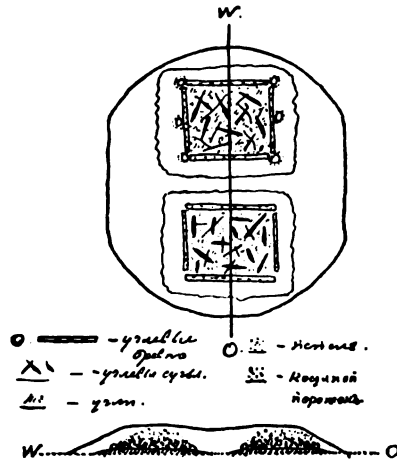

Рис. 25. Кург. 18.

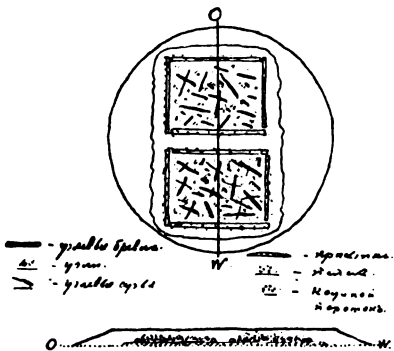

Рис. 24. Кург. 17.

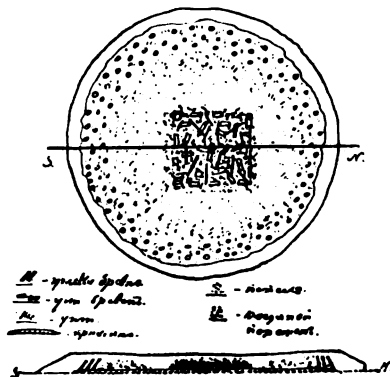

Рис. 26. Кург. 19.

ограничивающія стороны квадратовъ, углевья еловья бревна (длиною около 1 с.), діаметра 5 — 7 дм. Въ каждомъ квадратѣ, между средними столбиками, расположено по углевому бревну (ель), тѣхъ же размѣровъ, какъ и углевья бревна сторонъ квадратовъ; на этихъ срединныхъ бревнахъ и параллельныхъ имъ бревнамъ сторонъ квадратовъ лежали углевья еловья бревна, поперечно, длиною около 2 арш., діаметра 5—6 дм. Все пространство внутри каждого квадрата было заполнено углевыми остатками бревень, сучьевъ, вѣтвей и валежника той же древесной породы. Квадраты находились на присыпкѣ (отдѣльная подъ всякимъ квадратомъ) изъ морского гравія, толщиною 3—5 верш., краевья очертанія которой превосходили размѣры площади квадрата на 3—5 вершковъ. Толщина угольно-пепельнаго слоя равнялась приблизительно 10 в., при чемъ нижніе 4—5 в. составлялъ пережженный костяной порошокъ, перемѣшанный съ углемъ и пепломъ. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 16 (типа рис. 14 и рис. 23). Группы Тарховская перемычка—Зеленая горка № 15. На окопечности гривы среди болотъ съ S-й стороны Разлива. Форма прямоугольная. Вершинка той же формы, плоская. Съ каждой стороны по ровику. Отлогости покатыя. Покрываетъ дерновымъ слоемъ. Поросъ ельникомъ, березой, кустами ольхи и можжевельникомъ. Размѣры: высота—14 вер., длина (OW) 3 с. 1 ар., ширина (NS) 2 с. 2 ар., длина вершинки 1 с. 2 ар., ширина ея 1 с. 5 в., ширина ровиковъ около 1 с. (W-го—2 ар. 5 в.), глубина ихъ 8—12 вершковъ. Сползаніе насыпи усмотрѣно въ OW направленіи, гдѣ и заплыли отчасти ровики. Въ пробной ямѣ, вырытой въ O-мъ направленіи, оказалось: глинистый растительный слой—2 вер., желтоватый, съ сѣрою глиною и мелкимъ гравіемъ, песокъ—5 в., далѣе сѣрая глина. Раскопка производилась послойной съемкой земли всего кургана по формѣ и размѣрамъ площади основанія насыпи. Почву насыпи составлялъ растительный слой въ смѣси съ желтоватымъ пескомъ и сѣрой глиной. Здѣсь особенно трудно было копать, такъ какъ большой процентъ глины крѣпко сплавивалъ и песокъ. Подъ дерновымъ слоемъ усмотрѣно два угольно-пепельныхъ пятна, квадратной формы (1 с. × 1 с.), раздѣлявшіяся узкой (около 1 арш.) полоской, не окрашенной въ цвѣтъ угле-пепла. Двумя вершками ниже оба пятна слились, и выразились явственнѣе еловые угли, къ низу становившіеся чаще и крупнѣе. На глубинѣ 7 верш. замѣчены углевья еловья бревна, діаметра 4—6 дм., занимавшія центральную часть площади насыпи и ограничивавшія прямоугольникъ, длиною (O—W) 2 с. и шириною (N—S) 1 с. 2 ар., при чемъ два

бревна составляли стороны длины и два—стороны ширины. Этотъ прямоугольникъ въ серединѣ, поперечно, дѣлило на двѣ равныя площади угловое еловое бревно, діаметра 4—6 дм. и длиною 1 с. 2 ар. Въ W-й площади обнаружено, на этой же глубинѣ, угловое еловое бревно, длиною 2 ар. 9 в., діаметра 4—5 дм., имѣвшее WO-е направленіе. Въ обѣихъ площадяхъ, между бревнами, находились угли (еловые) отъ бревенъ, описаннаго сейчасъ діаметра, въ разломанномъ и раздавленномъ видѣ, углевая вѣтка (еловая и сосновая) и углевой валежникъ. Вездѣ угли сопровождались пепломъ. Пережженный костяной порошокъ найденъ на глубинѣ 6 вершковъ и продолжался до присыпки въ смѣси съ углями и пепломъ. Присыпка была на горизонтѣ, имѣла толщину 3—5 в. и размѣрами на 2—4 в. превосходила размѣры прямоугольника углевыхъ бревенъ. Она была общая для всего прямоугольника. По составу присыпка оказалась изъ гравія съ крупнымъ сѣрымъ пескомъ. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 17 (типа рис. 21 и рис. 24). Той же группы № 18 Расположенъ на плоской луговинѣ среди болотъ, недалеко отъ затона Зеленой горки около Разлива. Форма круглая. Вершинка плоскій кругъ. Весь курганъ носить блинчатый характеръ. Кругомъ семь ровиковъ, многіе изъ которыхъ въ достаточной степени заплыли. Въ серединѣ вершинки была какъ бы овальная (2 арш. 8 верш. $\times$ 1 арш. 12 верш.) выемка, глубиною до 4 верш., ориентированная большею своею осью въ NS-мъ направленіи. Большое сползаніе насыпи усмотрѣно къ N и къ S. Покрываетъ глинисто-черноземнымъ дерновымъ слоемъ. По отлогостямъ старья рябины и кусты можжевельника. Размѣры: высота 12 верш., діаметръ площади основанія 5 саж. 2 арш., діаметръ вершинки 3 саж. 2,5 арш., ширина ровиковъ отъ 2 арш. до 1 саж. 5 верш., ширина перешейковъ отъ 2,5 арш. до 1 саж. 7 верш., длина ровиковъ отъ 2 арш. 5 верш. до 1 саж. 1,5 арш. и глубина ихъ отъ 6 верш. до 12 верш. (O-е и W-е самые глубокие). Пробная яма, вырытая съ NW-й стороны, за предѣлами кургана, дала: глинисто-черноземный растительный слой 2—3 верш., сѣрый песокъ съ сѣрой глиной (пополамъ) и гравіемъ 4—5 верш., глубже сѣрая глина. Раскопка производилась круглымъ колодезёмъ размѣровъ вершинки, какъ до горизонта, такъ и подъ нимъ. Почва насыпи: глинистый растительный слой въ смѣси съ сѣрымъ пескомъ и мелкимъ гравіемъ. Подъ дерномъ обнаружены два угольно-пепельныхъ пятна квадратной формы (1 саж. $\times$ 1 саж.), располагавшіяся въ O-й и W-й половинахъ съ промежуточной полосой,

риною въ 1,5 арш. Двумя вершками глубже пошли еловые угли, которые на глубинѣ 5 верш. представляли куски углевыхъ бревенъ (еловыхъ), діаметра 4—6 дм. За 6 верш. до горизонта обозначились восемь углевыхъ еловыхъ бревна (длиною каждое около 1 саж., діаметра 5—7 дм.), составлявшія два квадрата въ О-й и W-й половинахъ колодца съ промежуточной полосой шириною въ 1 аршинъ. Внутри квадратовъ находились: угли отъ еловыхъ бревенъ (діаметра 4—7 дм.), углевая вѣтка (ели и сосны), углевой валежникъ и пепель. Среди этихъ углей и пепла, въ нижней части, по высотѣ 3—4 верш., усмотрѣнъ пережженный костяной порошокъ. Углевая бревна, да и весь угольно пепельно-костяной слой, находились на присыпкѣ изъ сѣровой глины съ гравіемъ, которая мѣстами была обожжена до состоянія кирпича. Подобные обожженные комочки сѣрой глины встрѣчались и въ угольно-пепельно-костяномъ слоѣ. Размѣры присыпки: длина (O—W) 2 саж. 2 арш. 3 верш., ширина 1 саж. 1 арш. 7 верш. и толщина 3—4 вершка. Она располагалась непосредственно на горизонтѣ. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 18 (типа рис. 21 и 25). Той же группы № 8. На N-ой песчаной отлогости гривы, окаймляющей S-ю часть Разлива. Часть кургана, обращенная къ Разливу, срубана дорогой, пролегающей по берегу Разлива отъ Тарховки къ Зеленой горкѣ. Въ планѣ кругъ, срубанный съ N-а, по радіусу, на 2 арш. На дорогѣ угольно-пепельный слой, перемѣшанный съ пескомъ и бѣловатыми точками пережженныхъ костей. Вершинка круглая, плоская и слегка центрально-выемчатая (діаметръ выемки около 1 саж. и глубина до 5 верш.). Сохранились три ровика, а ровикъ N-й стороны испорченъ, вѣрнѣе, уничтоженъ дорогой. Сползание насыпи усмотрѣно въ N направленіи, т.-е. въ сторону наклона гривы. Вершинка и отлогости поросли соснами и кустами можжевельника. Размѣры: высота 1 арш. 2 верш., кривая - образующая насыпи 5 саж. 1 арш. 4 верш., діаметръ вершинки 2 саж. 2 арш. 7 верш., длина перешейковъ—2 саж. (W-го), 1 арш. (O-го) и 1 саж. 1 арш. (OON), ширина ровиковъ 1 с.—4 а., глубина 7—15 верш. Пробная яма, вырытая въ SW направленіи около кургана, дала: песчаный жидкій дерновой слой 1 верш., сѣрый песокъ 6 верш., желтый песокъ 1 арш. 4 верш. и сѣрая, съ синеватымъ отливомъ, глина, промояны которой видны на морскомъ побережьи и по берегу Разлива. Раскопка производилась колодцемъ площади основанія кургана, кромѣ N-го сруба (2 арш.) и S-й части (2 арш.),—гдѣ мѣшали деревья. Почва насыпи: сѣрый песокъ, перемѣшанный съ желтымъ. На горизонтѣ была присыпка изъ крупнаго

бѣлаго песку, толщиною въ 2—3 вершка, составлявшая два квадрата (1 саж. 2 арш. $\times$ 1 саж. 2 арш.) въ W-й и O-й половинахъ, съ промежуточной полосой (NS-е направленіе) шириною въ 2 арш. Подъ дерновымъ слоемъ усмотрѣны квадратныя углевья и пепельныя пятна (около 1 саж. $\times$ около 1 саж.) въ W-й и O-й половинахъ. Ниже, въ предѣлахъ пятенъ, пошли угли (еловые отъ бревенъ діаметра 4—7 дм.), пепель, а на глубинѣ 8 верш. появился и пережженный костяной порошокъ. За 4—5 верш. до присыпки обнаружены восемь углевыхъ еловыхъ бревенъ, длиною 1 саж. 1 арш. 7 верш., діаметра 5—7 дм., образовывавшія два квадрата, каждый на серединѣ своей присыпки. Въ углахъ W-го квадрата, а также въ серединѣ его S-й и N-й сторонъ находились отъ присыпки до глубины 7 верш. (отъ вершинки) углевья еловыя стоячія бревна (столбики), діаметра 5—6 дм. и длиною—угловые до 1,5 арш. и срединные около 2 арш., при чемъ длина столбиковъ опредѣлена, принимая въ соображеніе угли, лежавшіе подлѣ столбиковъ и по діаметру отнесенные къ таковымъ. Пространство среди квадратовъ заполнено углевыми сучьями (еловыми и сосновыми), углевымъ валежникомъ и углями еловыхъ бревенъ, діаметра 4—7 дм. Угольно-пепельный слой былъ мощностью 14—15 верш., а часть его, гдѣ находился пережженный костяной порошокъ, не превышала 7 верш. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ, колодцемъ фигуры и размѣровъ тѣхъ же, что и при раскопкѣ насыпи, дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 19 (типа рис. 18 и рис. 26). Той же группы № 4. Обслѣдованъ и вскрытъ 13-го августа. Расположенъ на возвышеніи N-й отлогости гривы, окаймляющей Разливъ съ S-а. Съ N-й стороны курганъ разнесенъ, на протяженіи (по радіусу площади основанія) 2 арш., углубленной въ этомъ мѣстѣ дорогой, пролегающей по берегу Разлива отъ Тарховки къ Зеленой горкѣ. Въ планѣ круглый. Вершинка круглая, плоская и въ центральной части слегка выемчатая (діаметръ 1 саж. 7 верш. и глубина 5 верш.). Кругомъ сохранилось три ровика и два перешейка. Покрываетъ дерномъ и поросъ молодымъ соснякомъ и кустами можжевельника. Размѣры: высота 1 арш. 3 верш., кривая-образующая насыпи 7 саж. 1 арш., діаметръ вершинки 5 саж. 2 арш., ширина ровиковъ 1 саж. $\times$ 1 саж. 3 верш., ширина перешейковъ 2 саж. (W-го) и (SO-го) 1 саж. 1 арш. 4 верш. и глубина ровиковъ 4—15 верш. Сползаніе насыпи усмотрѣно въ SO-мъ направленіи. Пробная яма, вырытая въ SW-мъ участкѣ, за курганомъ, обнаружила: рѣдкій (песчаный) растительный слой — 1,5 верш., сѣрый песокъ — 4 верш., желтый

песокъ — 4 верш., бѣловатый песокъ — 3 верш., послѣ чего слѣдовала сѣрая, съ голубоватымъ отливомъ, глина. Раскопка производилась круглымъ колодцемъ, фигуры и размѣровъ вершинки. Почва насыпи: смѣсь сѣраго песка съ желтымъ пескомъ. На горизонтѣ земли оказалась присыпка изъ крупнаго бѣлаго песку, съ мелкимъ гравіемъ, занимавшая круглую площадь, діаметра около 5 саж., толщиною 2—3 верш. Подъ дерномъ усмотрѣны угле-пепельныя пятна: одно кольцевое — внѣшнее, шириною около 1 арш. и другое квадратное (1 саж. × 1 саж.) — внутреннее. На глубинѣ 4—5 верш. появились, наклонно (внутри) стоящія, углевяя еловые бревна, располагавшіяся въ два-три ряда по кольцевому пятну. Діаметръ этихъ бревенъ различный: отъ 4 до 7 дм. Судя по углямъ отъ еловыхъ бревенъ того же діаметра, нагроможденнымъ подлѣ стоячихъ углевыхъ бревенъ, можно полагать, что первоначально, т.-е. до сгорания, эти бревна были длиною около 5 саж. (не меньше) и число ихъ, вѣроятно было, не мѣнѣе 200. Ниже оказалось, что эти бревна стояли на присыпкѣ, а вверху прежде, видимо, держались, соприкасаясь другими концами. Въ мѣстѣ центральнаго угле-пепельнаго пятна, на той же глубинѣ (4—5 верш. отъ вершинки), открылась куча еловыхъ углей отъ бревенъ діаметра 5—7 дм., занимавшая квадратную площадь (около 1 саж. 1 арш. въ сторонѣ), простиравшуюся по глубинѣ до присыпки. Среди кольца углевыхъ бревенъ и среди углей центрального квадрата находился и пепель. Кромѣ того, на глубинѣ около 8 верш., между углями и пепломъ центрального квадрата, появился пережженный костяной порошокъ, продолжавшійся, спорадически, до самой присыпки. Въ центральномъ квадратѣ были также: углевяя вѣтви (еловыя и сосновыя) и углевоу валежникъ. Между кольцомъ углевыхъ бревенъ и квадратомъ углей залегала полоса съ большимъ содержаніемъ пепла и отчасти углей, видимо, относившихся къ верхнимъ частямъ стоячихъ бревенъ. Эта полоса имѣла въ ширину отъ 2 арш. до 1 саж. Квадратъ углей, по своимъ размѣрамъ, нужно полагать, является результатомъ сожженія около $\frac{1}{2}$ кубической сажени еловыхъ дровъ. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ, колодцемъ той же формы и тѣхъ же размѣровъ, дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 20 (типа рис. 18 и 26). Той же группы № 1. Обслѣдованъ и вскрытъ 13-го августа. Вблизи предыдущаго кургана, на возвышенной отлогости той же гривы со стороны Разлива, на сажень выше дороги, проходящей N-ѣе по откосу гривы, вдоль побережья Разлива, саженьяхъ въ десяти отъ воды его. Курганъ круглый. Вершинка круглая, плоская, центрально слегка выемчатая (діаметръ около 1 саж. и глу-

бина около 4 верш.). Кругомъ три ровика и три перешейка. Покрѣть дерномъ и порось соснякомъ и кустами можжевельника. Размѣры: высота 1 арш. 7 верш., кривая-образующая кургана 7 саж., діаметръ вершинки 5 саж. 2 арш. 4 верш., длина перешейковъ—1 саж. (W-го), 1 саж. (S-го) и 7 саж. (NNO-го), ширина ровиковъ 1 саж.—1 саж. 4 верш., глубина ихъ 6 верш.—1 арш. 2 верш. Наибольшее сползаніе насыпи усмотрѣно въ NNO-мъ направленіи. Пробная яма, вырытая на О отъ кургана дала: слабый (песчаный) растительный слой—1,5 верш., сѣрый песокъ—5 верш., желтый песокъ—8 верш., бѣлый песокъ—9 верш. и дальше сѣрую глину. Раскопка производилась круглымъ колодцемъ, фигуры и размѣровъ вершинки. Почва насыпи: сѣроватый и желтый песокъ въ смѣси. Подъ дерномъ обнаружены два углепепельныя пятна: одно кольцевое (внѣшнее) и другое квадратное (около 1 саж. въ сторонѣ)—внутреннее. На глубинѣ 6 верш., въ районѣ кольцевого пятна, оказались стоячія углевая еловая бревна, діаметра 4—7 дм. Наклонъ ихъ былъ къ центру кургана. Градусъ наклона не превосходилъ 45-ти. Съ внутренней стороны кольца углевыхъ бревенъ, стоявшихъ въ 2—3 ряда, были угли отъ тѣхъ же бревенъ, позволявшіе заключать, что эти бревна не превосходили, вѣроятно, 5 саж. (по длинѣ). Въ центрѣ съ глубины 4 верш., усмотрѣно нагроможденіе углей отъ еловыхъ бревенъ, діаметра 5—7 дм., занимавшихъ квадратъ, размѣровъ около 1 саж. 1,5 арш. въ сторонѣ. Какъ кольцо углевыхъ бревенъ, такъ и углевой квадратъ продолжались до горизонтной присыпки, представлявшей кругъ діаметра около 6 саж. 1 арш. 5 верш. и толщиною 3—5 верш. Среди углей и въ кольцѣ, и въ квадратѣ, а также и въ промежуточной полосѣ между послѣдними (шириною около 2—3 арш.) было много пепла. Въ общемъ мощность угольно-пепельнаго слоя равнялась почти 12—13 верш. Между углями и пепломъ квадрата, по высотѣ (отъ присыпки) на 7—8 верш. залегалъ, спорадически (книзу интенсивнѣе), переженный костяной порошокъ. Присыпку составлялъ крупный бѣлый песокъ съ гравіемъ. Углевая бревна стояли на присыпкѣ (съ краевъ ея). Мощность угольного слоя квадрата позволяет думать, что онъ является результатомъ сожженія не менѣе $\frac{1}{3}$ кубической сажени еловыхъ бревенъ (длиною около 1 саж. 2 арш.). Среди углей квадрата встрѣчались: углевая вѣтки (еловая и сосновая) и углевой валежникъ. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ, колодцемъ фигуры и размѣровъ вершинки, на глубину до 2 арш. дало нетронутые слои земли.

Погребальные типы.

На основаніи добытыхъ раскопками данныхъ можно прийти къ слѣдующимъ, до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, выводамъ.

Каждый изъ обследованныхъ и вскрытыхъ кургановъ представляетъ могилу одного или нѣсколькихъ покойниковъ. При чемъ одни изъ кургановъ насыпаны на мѣстѣ трупосожженія, а другіе заключаютъ въ себѣ лишь нѣкоторую долю результата трупосожженія. Къ категоріи послѣднихъ могутъ быть отнесены только курганы Затона Тарховской косы. Курганы же прочихъ группъ относятся къ первой категоріи, т.е. воздвигнуты на самомъ мѣстѣ трупосожженія.

Для лучшей оріентировки условимся называть: курганы, заключающіе въ себѣ только результатъ трупосожженія—зольными курганами, а курганы, возникшіе въ мѣстѣ трупосожженія—угольными курганами. Отличительные признаки зольныхъ кургановъ: 1) форма преимущественно овальная, отчасти длинная и, какъ рѣдкость, круглая; 2) основаніе кургана, его вершинка и покатости имѣютъ рѣдкую валунную одежду; 3) вокругъ подошвы насыпи едва примѣтный круговой ровикъ, значительной ширины и ничтожной глубины и 4) насыпь прикрываетъ слабые остатки трупосожженія, помѣщенные на присыпкѣ и окруженные оваломъ изъ рѣдко-поставленныхъ валуновъ, а въ землѣ насыпи, спорадически, комочки угля (еловаго, сосноваго и дубоваго) и пепла. Характерныя особенности угольныхъ кургановъ: 1) форма преимущественно круглая, профиль блинчатый и, какъ рѣдкость—форма прямоугольная или квадратная, но профиль непременно блинчатый; 2) кругомъ подошвы нѣсколько ровиковъ, раздѣленныхъ столькимъ же числомъ горизонтныхъ перешейковъ, при чемъ внутреннія крутости ровиковъ составляютъ продолженіе покатостей или отлогостей насыпи; 3) подъ дерномъ вершинки сразу примѣтенъ угольно-пепельный слой, часто обнаженный, если дерновой, вѣрнѣе растительный, слой недостаточно проченъ или нарушенъ и 4) насыпь прикрываетъ трупосожженіе на кострѣ опредѣленнаго вида, каковой костеръ имѣлъ того или иного типа крышу. Оба эти, такъ сказать, типа погребенія имѣютъ разновидности, которыя, составляя легкое уклоненіе отъ приведенныхъ выше основныхъ нормъ, въ общемъ совершенно укладываются въ рамки таковыхъ, представляя скорѣе дальнѣйшее развитіе, какъ бы детали, основной мысли, которая остается во всѣхъ разновидностяхъ каждаго изъ типовъ одинаково неизмѣнной. Приводимыя ниже таблицы нѣсколько иллюстрируютъ это положеніе.

Зольные курганы, какъ погребальнѣй типъ.

Разновидности.	Основные признаки:	
	типа.	разновидностей.
	Внѣшнѣе.	
1. Погребеніе слабыхъ остатковъ трупосоженія у вершинки и у площади основанія.	а) Въ планѣ овалъ, или длинная форма (узкій длинный овалъ), или кругъ.	1. Внѣшнѣе и внутреннѣе признаки тѣже, но остатки погребены въ верхней части насыпи и близъ горизонта земли,--въ небольшомъ количествѣ.
2. Погребеніе подобныхъ остатковъ у вершинки.	б) Вершинка овальная, или длинная, или круглая, а профиль ея выпуклый, или плоскій, или выемчатый.	2. Тоже, но остатки трупосоженія погребены въ верхней части насыпи.
	Внутреннѣе.	
3. Погребеніе подобныхъ остатковъ у площади основанія.	в) Рѣдкая валунная одежда вокругъ основанія, вокругъ вершинки и на отлогостяхъ.	
	б) Остатки трупосоженія на присыпкѣ.	
	в) Присыпка окружена оваломъ и рѣдка положенныхъ валуновъ.	3. Тоже, но остатки трупосоженія погребены въ насыпи у площади ея основанія.
	г) Въ насыпи, спорадически, комочки угля и щепла.	
	д) Остатки трупосоженія: пепель (преобладаетъ), въ маломъ количествѣ угли (ель, сосна, дубъ) и костяной порошокъ (мало).	

Въ зольныхъ курганахъ усматривается, главнымъ образомъ, пепель или зола, а въ угольныхъ курганахъ бросаются въ глаза преимущественно угли. Вотъ этотъ именно основной признакъ и послужилъ причиною назвать первые курганы зольными и вторые—угольными. Къ зольнымъ курганамъ относятся №№ 1—9. Изъ нихъ: съ погребеніемъ въ верхней части насыпи и у основанія ея №№ 1, 4, 5 и 7, съ погребеніемъ въ верхней части насыпи №№ 2 и 3 и съ погребеніемъ въ нижней части насыпи у площади основанія №№ 6, 8 и 9. Углевые курганы представлены №№ 10—20. Изъ нихъ: трупосоженіе на еловомъ кострѣ и остатки ограничены квадратомъ углевыхъ бревенъ—

Угольные курганы, какъ погребальный типъ.

Разновидности.	Основные признаки:	
	т и п а.	разновидностей.
	Внѣшніе.	
1. Погребеніе съ трупосоженіемъ на еловомъ кострѣ.	а) Въ планѣ кругъ, или прямоугольникъ (закруглены углы), или квадратъ (тоже). Профиль блинчатый.	1. Внѣшніе и внутренніе признаки тѣ же, но остатки трупосоженія ограничены квадратомъ угловыхъ бревенъ.
2. Тоже, но костеръ былъ прикрытъ двускатной крышей на еловыхъ столбикахъ или бревнахъ.	б) Вершина круглая, или прямоугольная, или квадратная, а въ профиль плоскій или выемчатый.	
	Внутренніе.	
	в) Нѣсколько ровиковъ, раздѣленныхъ столькими-же горизонтными перешейками.	2. Тоже, но остатки трупосоженія ограничены квадратомъ угловыхъ бревенъ, двѣ противоположныя стороны котораго имѣютъ стоячіе угловые столбики или бревна, поддерживающія двускатную крышу надъ костромъ.
3. Тоже, но костеръ былъ прикрытъ коническимъ шатромъ изъ косвенностоячихъ еловыхъ бревенъ.	а) Остатки (полные) трупосоженія на кострѣ.	
	б) Остатки расположены на присыпкѣ.	
	в) На присыпкѣ (съ краевъ) остатки трупосоженія обложены угловыми бревнами, или окружены стоячими угловыми бревнами, или обложены и окружены тѣми и другими.	3. Тоже, но остатки трупосоженія обставлены, кругообразно, 2—3 рядами, наискось стоячихъ угловыхъ бревенъ, составлявшихъ надъ костромъ коническій шатеръ.
	г) Остатки трупосоженія: угловые бревна (ель), преобладаютъ крупныя и мелкія углы бревенъ (ель), сучьевъ (ель и сосна) и валежника, пепель (достаточно) и костяной порошокъ (немного).	

№№ 10, 12, 16 и 17, трупосоженіе на еловомъ кострѣ, который прикрывала на еловыхъ столбикахъ двускатная крыша—№№ 11, 13—15, и трупосоженіе на еловомъ кострѣ, который прикрывался коническимъ шатромъ изъ еловыхъ бревенъ—№№ 19 и 20. Кроме того, 1-я и 2-я разновидности усмотрѣны въ № 18. Курганы №№ 3, 4, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17 и 18 должны быть отнесены къ числу семейныхъ кургановъ.

Описываемые курганы, какъ мнѣ представляется, возникали слѣдующимъ образомъ. Зольные курганы. Покойникъ сожигался

гдѣ-то. Мѣста подобныхъ трупосожженій еще не открыты. Костяно-пепельные остатки трупосожженія погребались особо. На облюбованномъ мѣстѣ насыпали присыпку изъ морского гравія, обкладывая ея овальныя очертанія, изрѣдка, валунами мѣстнаго типа. Мѣсто погребенія очищали небольшимъ костромъ изъ сучьевъ ели, сосны и дуба. Отсюда брали часть углей и пепла, которыми посыпали землю насыпи, созидавая курганъ. На очищенномъ огнемъ костра мѣстѣ помѣщали костяно-пепельные остатки трупосожженія, которые окутывали угольями и пепломъ костра. Затѣмъ обозначали валунами овалъ, который долженъ былъ ограничивать площадь основанія кургана. Этотъ овалъ, видимо, былъ концентриченъ съ оваломъ погребенія костяно-пепельнаго порошка. Послѣ того снимали вокругъ овала площади основанія растительный слой земли, который и бросали внутрь овала. Начинали рыть землю непосредственно за оваломъ, удаляясь отъ послѣдняго въ мѣрѣ потребности. Примѣняли для насыпи кургана исключительно глинисто-растительный слой, вѣроятно, въ цѣляхъ болѣе прочноти кургана. И дѣйствительно, эти курганы какъ бы лучше сохранились. Вершка за 3—5 до окончанія насыпки кургана, на вершинкѣ дѣлали присыпку, которую обкладывали валунами, и снова сжигали костеръ изъ сучьевъ ели, сосны и дуба, среди углей и пепла котораго помѣщали остальные остатки костяно-пепельнаго порошка отъ трупосожженія, которые окутывали угольями и пепломъ костра, послѣ чего и заканчивали насыпку кургана. Для болѣе прочноти изрѣдка, овално, одѣвали края вершинки валунами, которые примѣнялись мѣстами и для укрѣпленія отлогостей кургана. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ практиковалось погребеніе костяно-пепельнаго порошка только на присыпкѣ основанія, среди овала валуновъ, или на присыпкѣ въ верхней части насыпи, тоже среди овала валуновъ. Для образованія семейнаго кургана, въ цѣляхъ погребенія остатковъ трупосожженія въ 2—3 совмѣщаемыхъ курганныхъ насыпяхъ, разрывали отчасти насыпь прежняго погребенія, а дальше продѣлывали все тоже, что уже описано выше. Длинныя курганы создавались подчиняясь приведеннымъ правиламъ, но съ тѣмъ лишь отъ послѣднихъ отличіемъ, что, какъ семейныя курганы, они удлинялись по мѣрѣ необходимости, т.-е. потребности въ похоронахъ костяно-пепельнаго порошка отъ сожженія послѣдующаго покойника той же семьи. Такимъ порядкомъ возникли курганы №№ 8 и 9. Обстоятельство, что зольныя курганы размѣщены вблизи затона морского побережья, полагаю, указываетъ на то, что море, быть можетъ, при жизни людей, создавшихъ эти курганы, играло видную роль. Отсюда склоненъ предполагать, что создатели зольныхъ кургановъ

были рыболовы или, вѣрнѣе, главнымъ средствомъ ихъ пропитанія служила рыба, которую они ловили вблизи побережья въ Финскомъ заливѣ. Длинные курганы въ планѣ представляютъ какъ бы форму лодки. Близкое сему представляютъ и овальные курганы. Круглый курганъ, можно думать, знаменуетъ идею шатра-землянки, гдѣ жили. Какой-либо ориентировки кургановъ по сторонамъ горизонта не удалось прослѣдить и, кажется, эти курганы и не ориентировались подобнымъ образомъ.

Угольные курганы. На облюбованномъ мѣстѣ, преимущественно по отлогостямъ гривъ или въ низинкахъ между ними, а иногда и на самыхъ гривахъ, дѣлали присыпку изъ крупнаго песку или морского гравія, на которой складывали костеръ изъ еловыхъ бревенъ, квадратной формы, высотой не менѣе 1,5 аршинъ. Вблизи, на подобной-же присыпкѣ, слагали другой такой-же костеръ, если хоронили и другое лицо. На костеръ укладывали покойника. Покрывали его травой, мхомъ и зелеными вѣтвями ели и сосны. Возможно, что подъ покойникомъ созидали подобнаго-же рода постель. Сверху и вокругъ приваливали сухой валежникъ. Затѣмъ зажигали погребальный костеръ, при чемъ горѣніе поддерживали въ столь сильной степени, что все сгорало. Иногда надъ этимъ костромъ созидали невысокую, на еловыхъ столбикахъ, 2-хъ скатную крышу, покрытую сосновыми и еловыми вѣтвями, или вокругъ костра, изъ стоячихъ паисковъ въ 2—3 ряда еловыхъ бревенъ, составляли коническій шатеръ. Это могли дѣлать въ цѣляхъ оказать большій почетъ покойнику или отбѣнить его значеніе или достатокъ. Когда костеръ, а также крыша или шатеръ сгорали, тогда выполнялся послѣдній актъ,—насыпался курганъ. Для насыпи землю брали мѣстами, отступя кругообразно или прямоугольно отъ костра трупосожженія, которое иногда опредѣлялось путемъ обкладыванія остатковъ сохранившимися угловыми бревнами, составлявшими на присыпкѣ прямоугольникъ. Такимъ образомъ отъ выниманія земли, въ мѣрѣ потребности, возникали ровики, объемъ выемки которыхъ въ совокупности отвѣчаетъ объему земли насыпи кургана. Возможно, что вокругъ погребальнаго костра, еще до зажигания его, насыпали круглое земляное кольцо или валъ съ цѣлью предохранить горѣніе, а главное костеръ съ трупомъ отъ разбрасыванія вѣтромъ, который на гривахъ дуетъ постоянно. Быть можетъ подобную же роль игралъ и коническій шатеръ изъ бревенъ, а также и 2-скатная крыша на столбикахъ. Въ такихъ случаяхъ (если насыпали круговой валъ вокругъ костра) курганъ, т. е. внутренность землянаго кольца, досыпали послѣ, чѣмъ прикрывали остатки трупосожженія, его костра и закрытія надъ

нимъ, буде таковое было. Впослѣдствіи курганъ осѣдалъ (особенно должны были, подѣ дѣйствіемъ тяжести слоевъ насыпи, осѣсть угли и уплотниться пепель), а вѣтеръ сдувалъ мѣстами песокъ насыпи. По этимъ причинамъ курганы угольнаго типа получили блинчатый профиль. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, находившихся особенно въ неблагопріятныхъ условіяхъ, т.-е. подѣ постояннымъ дѣйствіемъ господствующихъ вѣтровъ (моряна), если насыпь кургана не успѣвала покрыться дерномъ и растительностью, курганъ постепенно совершенно сносило, и его мѣсто можно узнать только по угольно-пепельному кругу, сохранившемуся на пескѣ. Можно предполагать, что прикрытіе костра двускатной крышей или коническимъ шатромъ является напоминаніемъ о томъ жилищѣ, гдѣ жили.

Никакихъ вещей въ курганахъ не найдено. Не было найдено даже черепковъ.

С. Гамченко.

*

Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ кургановъ въ 1907 г.

Въ 1907 г. обслѣдована полоса шириною 6—12 верстъ сектора раствореніемъ отъ с. Сестрорѣцка, какъ центра, въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ финляндской границы близъ Куоккала, черезъ д. Мертути и д. Дыбунъ до д. Новоселки. Изслѣдованія начались въ первыхъ числахъ іюня и закончились въ сентябрѣ. Зарегистрировано семь новыхъ курганныхъ группъ, особенно интенсивно выраженныхъ на высотахъ древнихъ дюнь за финляндской желѣзной дорогой (на участкѣ Дыбунъ—Куоккала) и за Сестрорѣцкимъ разливомъ. Въ самомъ Сестрорѣцкѣ обслѣдовано мѣсто древняго поселка въ мѣстности Канонерки—Бочаги близъ ст. Ермоловки.

1. Географическій очеркъ.

Дюны побережья Финскаго залива, начинающіяся вблизи д. Лахты и тянущіяся къ сѣверу, придерживаясь берега залива, даютъ въ восточномъ или, вѣрнѣе, въ NO-мъ и SO-мъ направленіяхъ отвѣтвленія, въ видѣ ряда или цѣпи холмистыхъ возвышенностей, дюннаго же происхожденія, которыя заполняютъ собою все пространство Ю. части нынѣшняго водораздѣла Финскаго залива и Ладожскаго озера. Куоккальское отвѣтвленіе подлѣ д. Редуголя выражается новымъ отвѣтвленіемъ черезъ с. Новый Бѣлоостровъ, которое вскорѣ за послѣднимъ распространяется и на NW по берегамъ р. Сестры, и на сѣверъ къ с. Александровской, и на NO къ с. Мертути, и на SO къ д. Дыбунъ, гдѣ входитъ въ соприкосновеніе, около послѣдней, съ Тарховскимъ отвѣтвленіемъ. Центральную часть района занимаетъ Сестрорѣцкій резервуаръ или Сестрорѣцкій разливъ, образованный при Петрѣ I, путемъ насыпки нѣсколькихъ плотинъ (Тарховская перемычка, двѣ у Сестрорѣцкаго оружейнаго завода и плотина изгиба шоссе Сестрорѣцкъ—Бѣлоостровъ), пользуясь водами р. Сестры и р. Черной, для дѣйствія оружейнаго завода. Окрестности С. разлива, преимущественно N, NO, O и SO, представляютъ болота, видимо, возникшія одновременно съ образованіемъ

С. разлива, водою котораго затоплены низинки и отлогости древних дюнь. Дюны, ихъ скаты, терассы и болота покрыты краснотѣсьемъ (сосна, ель, можжевельникъ) и отчасти березою, ольхою, осиною, а изрѣдка и дубомъ. Растительный коверъ района, за исключеніемъ низинъ, жидкій, и его по преимуществу составляютъ полукустарныя растенія, какъ-то: верескъ, воронякъ, голубика, канаберникъ и брусника; въ низинахъ преобладаютъ сочныя травы болотнаго характера, благодаря чему низины кажутся изумрудными оазисами на общемъ сѣровато-зеленомъ фонѣ растительнаго ковра дюнь. Мѣстами, какъ около ст. Тарховки, подлѣ ст. Дюны, на S-мъ побережьи С. разлива и къ сѣверу отъ Выводнаго канала, уже въ предѣлахъ Финляндіи, дюны выдуваетъ вѣтромъ, часто сноситъ ихъ до основанія и неподалеку создаются новыя горы изъ песку, который засыпаетъ все на пути своего движенія. Все это результаты настойчивой работы господствующаго вѣтра—моряны. Болота, окаймляющія С. разливъ, проходимы лишь мѣстами. Движущіеся пески дюнныхъ новообразованій представляютъ немало трудностей, какъ для передвиженія (создаютъ весьма пересѣченный рельефъ), такъ и для археологическихъ изысканій (сметають и разрушаютъ существовавшіе ранѣе памятники старины).

Дюны Дыбунъ—Мертути, особенно въ районѣ послѣдней, много выше дюнь Ст. Горская—ст. Дюны. Въ общемъ мѣстность какъ-бы повышается въ N и NO направленіяхъ. Наивысшую точку представляетъ крупная возвышенность д. Мертути. Послѣ нея слѣдующее мѣсто по высотѣ занимають: Томина гора (на SO вблизи ст. Дюны), Челищева гора, Приозерная гора и дюнный массивъ д. Новоселки. Красивѣйшія понорамы, съ большимъ кругозоромъ и на большое разстояніе (иногда на 10 верстѣ) открываются съ возвышенности Мертути и съ горы Томина. Такъ, напримѣръ, видъ съ вершины послѣдней горы, хотя кругозоръ отчасти и затемняется растущими по скатамъ ея соснами (вѣрнѣе, кронами ихъ), замѣчательно красивъ: Мертути (около 10 в.), Челищева гора (6 в.), все полукружье горизонта между ними (NO стороны), Финляндская желѣзная дорога какъ на ладони (6—10 в.); за ней синѣють скаты древнихъ дюнь, внизу вправо и въ сторону Н. Бѣлоострова вьется змѣйкою шоссе Сестрорѣцкъ—Бѣлоостровъ, ярко зеленѣють болота и низины NO части С. разлива, за вершинами сосенъ на сѣверѣ мелькають строения сл. Александровской, ближе къ морскому побережью бѣлѣють дачи Куокалла и другихъ селеній, вдали на отлогости Мертути виднѣется д. Мотторово, темнѣетъ Каменный боръ и т. д. Панорама съ возвышенности Мертути еще грандіознѣе.

еще величественнѣе, еще красивѣе. Отсюда въ ясные дни видны купола нѣкоторыхъ церквей Петербурга и мелькаютъ очертанія восточной части Финскаго залива. Наиболѣе глухимъ, менѣе посѣщаемымъ мѣстомъ, по справедливости, считаются окрестности Приозерной горы. Вѣроятно, дикостью и первобытностью этого, затеряннаго среди болотъ, уголка, слѣдуетъ объяснить и то обстоятельство, что въ дѣбряхъ его лѣса водятся сокола. Въ этомъ же районѣ, а также и на дюнахъ Кузьмина ручья немало лосей и встрѣчается медвѣдь. Залеганіе слоевъ земли, по изслѣдованіямъ горнаго инженера С. Войслава для артезианскаго колодца Сестр. курорта, представляется такимъ, какъ показано въ помѣщенной таблицѣ, при расчетѣ въ футахъ отъ поверхности почвы.

1. Мелкій песокъ	0— 20	11. Крупный песокъ водоносный	60— 65
2. Мелкій сѣрый песокъ или песокъ съ валуномъ.	20— 28	12. Бурая валунная глина . . .	65—135
3. Сѣрая глина	28— 40	13. Синяя силлурійская глина .	135—198
4. Сѣрый мелкій песокъ	40— 42	14. Водоносный песокъ и мелкій гравій	198—200
5. Сѣрая глина	42— 44	15. Силлурійскій песчаникъ . . .	200—348
6. Гравій съ валуномъ	44— 45	16. Мелкій водоносный песчаникъ	348—350
7. Бурая валунная глина	45— 53	17. Силлурійскій песчаникъ . . .	350—458
8. Крупный песокъ съ водою	53— 54	18. Песчаникъ съ водою	458—468
9. Мелкій песокъ	54— 56		
10. Бурая валунная глина	56— 60		

Эта таблица представляетъ, какъ приходилось убѣждаться, довольно вѣрную картину чередованія слоевъ земли отъ поверхности послѣдней и далѣе вглубь.

Населенные пункты, если не считать дачныхъ мѣстъ, обосновавшихся и продолжающихъ созидаться, съ лихорадочною поспѣшностью, по всему протяженію Приморско-Сестрорѣцкой желѣзной дороги (отъ Лахты до Дюны) и еще ранѣе, да и теперь устраивающихся по Финляндской желѣзной дорогѣ, не многочисленны: д. Новосѣлки, д. Дыбунъ, Н. Бѣлоостровъ, д. Редуголь, д. Куоккала, Олево, сл. Александровская, д. Мотгорово, д. Мертути и с. Сестрорѣцкъ. На участкѣ ст. Горская—д. Куоккала сплошная почти линія дачныхъ мѣстъ, прерванная за С. курортомъ неприкосновенностью Батарейнаго острова. Тоже наблюдается на участкѣ сл. Александровская—Н. Бѣлоостровъ, тоже и по Финляндской желѣзной дорогѣ. Почти такъ же застроенъ дачами и правый берегъ р. Сестры отъ Редуголя до Н. Бѣлоострова.

Населеніе смѣшанное, русско-финское, при чемъ финская часть его чувствуетъ сильное тяготѣніе къ Финляндіи и далеко не всегда гостепріимно относится къ изслѣдователю, если, увлекшись изысканіями, онъ попадаетъ за границу и пробуетъ продолжать свои поиски въ предѣлахъ Финляндіи.

2. Мѣстныя преданія.

Въ истекшемъ году удалось узнать, что районъ Мертути считается «мѣстомъ мертвецовъ». Такова утвердившаяся за нимъ, по мнѣнію сестрорѣчанъ, прочная репутація. Основаніемъ служить то, что тамъ находятъ человѣческія кости.—Про озеро Выпуярви, которое находится по сосѣдству съ горой Челищева, рассказываютъ, что жители боятся ловить въ немъ рыбу, хотя оно и рыбное, такъ какъ иногда духъ озера сердится—бросаетъ изъ озера въ рыболововъ помѣтомъ.—За Приозерной горой утвердилась слава «страшнаго мѣста»: тамъ жили разбойники и ихъ укрѣпленія сохранились и понынь. Къ сожалѣнію, по недостатку времени и по неудобству сообщеній, не удалось еще какъ слѣдуетъ ознакомиться съ этой горой, которая, кажется, судя по рассказамъ сестрорѣчанъ, можетъ представить интересъ и въ археологическомъ отношеніи. По низинкамъ-луговинамъ правобережья Сестры-рѣки, у Релугольскаго изгиба, съ мостомъ черезъ первую, и у шоссе Сестрорѣцкъ-Бѣлоостровъ, сохранилось нѣсколько земляныхъ укрѣпленій, кажется, времени Петра I, служившихъ къ защитѣ переправы черезъ Сестру. Эти укрѣпленія составляютъ: трехфасный люнетъ (къ S отъ шоссе) съ водянымъ рвомъ и 6—7 пѣхотныхъ, небольшихъ окоповъ (къ N отъ шоссе), одно за другимъ въ недалекомъ разстояніи. Батареи-валы (преимущественно однофасные) на 2—4 орудія каждая, видимо, времени Петра I, имѣются также на N оконечности мыса Дубки, къ S отъ Водоспускной канавы въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ нея за пѣшеходомъ, въ NO углу берега залива, опредѣляющаго мысъ Дубки съ N, и на берегу Финскаго залива къ W отъ ст. Горская. Мѣстные жители относятъ всѣ эти сооруженія ко времени Петра Великаго и отчасти (въ отношеніи укрѣпленій Финскаго побережья) къ Севастопольской кампаніи, когда англійскій флотъ обстрѣливалъ Сестрорѣцкъ и его окрестности.—Къ послѣдней эпохѣ сестрорѣчане относятъ и названіе Челищевой горы, которая называлась раньше Сосновой горой, и названа по имени генерала, отрядъ котораго былъ расположенъ на этой горѣ въ то время, а разъѣзды охраняли мѣстность и слѣдили за дѣйствіями флота противника. Впрочемъ названіе Челищева горы усваивается только самой высокой части возвышенности Сосновой горы.—Мысъ Дубки, на всемъ протяженіи отъ Водоспускной канавы до NO залива со стороны С. курорта отдѣленъ валомъ, высотой до 1 саж., съ рвомъ, мѣстами водянымъ, обращеннымъ къ сторонѣ Сестрорѣцка. Нынѣ валъ перерѣзанъ въ сере-

динѣ своей длины такъ называемымъ Дубковскимъ шоссе, которое тянется отъ Сестрорѣцка на W оконечность мыса Дубки. По мѣстнымъ преданіямъ, этотъ валъ со рвомъ отдѣлялъ дворцовый районъ Дубовой роши отъ мѣстности Канонерки, составляющей W окраину Сестрорѣцка. Въ SW части Дубковъ, гдѣ находился царскій дворець, мѣстные старожилы показываютъ рядъ канавъ, наполненныхъ водою, получившихся отъ выемки фундамента дворца. Въ S части мыса, на берегу залива, вблизи мѣста дворца сохранились остатки небольшой кирпичной башни-бесѣдки, откуда, по преданію, Петръ Великій любилъ наблюдать гладь залива. Отъ фруктоваго сада, разведеннаго при Петрѣ I вокругъ дворца, не осталось никакихъ слѣдовъ. Дубовая роца, занимающая все пространство мыса, отгороженное валомъ, по преданію, насаждена Петромъ Великимъ. Судя по толщинѣ низкорослыхъ дубовъ, составляющихъ эту роцу, можно предполагать, что большинство этихъ дубовъ возникли еще до Петра I, такъ какъ во многихъ мѣстахъ побережья Финскаго залива, гдѣ почва благопріятствуетъ, дубы растутъ и сами.

Въ районѣ Канонерки, подлѣ дачъ Шуберта, вблизи дачи Колобова и на побережьѣ NO залива мыса Дубки, разновременно, однако не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, найдены три клада мелкихъ серебряныхъ монетъ временъ Ивана Грознаго. Клады эти открыты случайно: два (подлѣ дачъ Шуберта и на побережьѣ залива), тамъ, гдѣ мѣстные жители брали песокъ, и третій (у дачи Колобова) при устройствѣ шоссированныхъ дорогъ въ дачномъ районѣ. Судя по рассказамъ, всѣ эти клады найдены въ верхнемъ песчаномъ слоѣ. Одинъ изъ кладовъ (найденный въ песчаномъ бугрѣ при дачахъ Шуберта, наискось отъ усадьбы Калачева) заключенъ былъ въ круглую, плоскую, глиняную, глазурованную (зеленаго цвѣта) изнутри и снаружи, фляжку съ прямоугольнымъ и выпуклымъ дномъ, круглымъ и выпуклымъ горлышкомъ и двумя ушками-приливами съ боковъ (рис. 1 и 2). Ушки и дно имѣютъ круглыя отверстия для продѣванія шнурка, при посредствѣ котораго эта фляжка, видимо, носилась. Ребра округности плоскихъ боковъ фляжки украшены витымъ, веревочнаго типа, выпуклымъ орнаментомъ. Подобный же орнаментъ, 3—4 концентрическими кружками, расположенъ и въ серединѣ cadaго изъ пазванныхъ боковъ. Сферическая поверхность средней части фляжки между выпуклостью горлышка и ушками покрыта вдавленными, круглыми, концентрическими углубленіями, съ круглой выемчатой точкою въ центрѣ cadaго изъ послѣднихъ. Такихъ украшеній, расположенныхъ далеко несимметрично и не всегда отчетливо вытиснутыхъ, усмотрѣно съ каждой изъ двухъ сторонъ горлышка по пяти. Высота фляжки 13 см.,

діаметръ круглыхъ боковъ 11 см., ширина узкой боковой поверхности 4 см., длина прямоугольника дна 4,5 см., ширина его 3,5 см., высота дна около 1 см., ушки выдаются на 1,5 см., высота горлышка 1 см., діаметръ его отверстія 1,75 см., толщина стѣнокъ 0,5 см. Матеріаль— бѣловатая глина, обжигъ хорошій, глазуровка довольно аккуратная, орнаментъ мѣстами выполненъ недостаточно тщательно. Въ этой фляжкѣ было найдено, по словамъ П. Е. Калачева (изъ Сестрорѣцка), около трехъ тысячъ монетъ. Сами монеты разошлись по рукамъ сестрорѣчанъ, хотя, видимо, нѣкоторая часть ихъ сохранились у г. Калачева, прислуга котораго собственно и нашла этотъ кладъ.

Рис. 1. Фляжка XVI в.

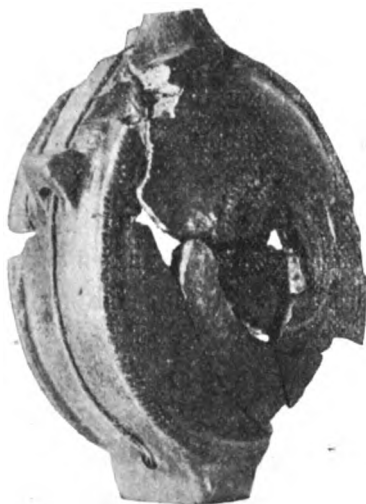

Рис. 2. Фляжка XVI в.

При археологическихъ изысканіяхъ всегда приходится интересоваться и мѣстными кладбищами, стремясь при помощи ихъ добраться и до могильныхъ насыпей данной мѣстности, представляющихъ интересъ въ археологическомъ отношеніи. Нынѣ дѣйствующія кладбища (зарѣчный участокъ около ст. Дюны) заложены приблизительно лѣтъ 25 тому назадъ. Передъ тѣмъ функционировало кладбище Никольской церкви. Современное послѣднему, а также и болѣе древнее еврейское кладбище находится на возвышенномъ берегу С. разлива, около ст. Разливъ. Кромѣ того, есть данныя предполагать, что раньше были и еще два кладбища: позднѣйшее близъ теперешней Офицерской улицы и древнѣйшее на цемянкѣ, гдѣ нынѣ, между прочимъ, казенный домъ завода. Независимо отъ того, у сестрорѣчанъ сохранилось преданіе, что когда-

то, но очень давно, сестрорѣчане хоронили своихъ покойниковъ гдѣ-то за С. разливомъ. Между тѣмъ за послѣднимъ никакихъ слѣдовъ кладбища, кромѣ немногочисленныхъ кургановъ, не открыто.

Въ минувшемъ году довелось, опрашивая сестрорѣцкихъ старожиловъ, выяснить, что древесный уголь для С. оружейнаго завода выжигали все время на одномъ и томъ же мѣстѣ, а именно на островкѣ С. разлива, называемомъ нынѣ Угольнымъ островомъ, гдѣ расположена и такъ называемая угольная набережная. О способѣ выжиганія углей въ сестрорѣцкомъ районѣ удалось узнать слѣдующее. Копали коническую яму, съ діаметромъ 3—4 саж. на поверхности земли, глубиною отъ 1 до 2 сажень. Въ нее складывали нарубленный лѣсъ. Съ поверхности земли окружали яму низкимъ круглымъ шатромъ изъ бревенъ, который засыпали землею, добытою изъ ямы, оставляя вверху проходъ для дыма. Затѣмъ поджигали костеръ внизу ямы. Сгораніе дерева происходило безъ достаточнаго доступа кислорода, чѣмъ достигалось медленное горѣніе, т.-е. процессъ обугливанія. Когда уголь былъ готовъ, открывали шатеръ съ одной стороны и выбирали уголь. Такимъ образомъ, одна и та же яма служила для многократнаго выжиганія углей. Иногда подобныя ямы назывались фамиліей угольщика. Такія ямы мнѣ приходилось встрѣчать въ лѣсу сестрорѣчанъ на участкѣ Дыбунъ—Мертути и за С. разливомъ.

3. Описаніе кургановъ.

Изысканія 1906 г. установили фактъ наличія шести курганныхъ группъ въ районѣ ст. Горская—ст. Курортъ съ одной стороны и берегъ Финскаго залива—Сестра рѣка—С. разливъ съ другой.

Ближайшее въ 1907 г. ознакомленіе съ W побережьемъ С. разлива побудило въ составъ группы ст. Тарховка—ст. Разливъ отнести еще 13 кургановъ, не зарегистрированныхъ въ 1906 г. Въ 1907 г. изысканія расширены къ N, NO и SO отъ Сестрорѣцка. Обслѣдована мѣстность за С. разливомъ, W-е побережье его, районъ собственно С. Курорта, районъ ст. Дюны—Бѣлоостровское шоссе, районъ дюнь д. Дыбунъ—гора Кузьмина, районъ этой послѣдней горы, районъ дюнь къ NW отъ Н. Бѣлоострова, районъ Зеленая горка—Сосновая гора и районъ послѣдней (рис. 3). Этими изысканіями охваченъ огромный секторъ дуги градусовъ въ 120 и радіуса 6—12 верстъ. Изысканія, хотя и выполнялись лѣтомъ, крайне затруднены были, напримѣръ, въ SO районѣ, за С. разливомъ, гдѣ, чтобы попасть на дюну зеленыхъ горокъ, приходилось сначала нѣсколько верстъ

брести по зыбучимъ пескамъ, а затѣмъ долго пробираться среди топкихъ болотъ, при чемъ самыя изысканія (промѣры и т. п.) выполнялись въ атмосферѣ болотныхъ испареній, въ царствѣ комаровъ и слѣпней, которые положительно дѣлали всякое пребываніе тамъ невыносимымъ.

Рис. 3. X—Зеленая горка, XI—Сосновая гора, XII—Дыбунь, XIII—гора Кузьмина.

Въ концѣ концовъ, преодолевъ всѣ трудности, представилась возможность зарегистрировать въ 1907 г. семь новыхъ курганныхъ группъ, которыя и обследованы. Курганы дюны къ NW отъ Н. Бѣлоострова замѣчены въ половинѣ августа, но ихъ, по недостатку времени, не пришлось обследовать какъ слѣдуетъ. По этой причинѣ помянутая группа и не значится въ числѣ зарегистрированныхъ группъ отчетнаго года. Такимъ образомъ, въ 1907 г. описано всего 273 кургана. По группамъ они распредѣляются такъ: въ курганной группѣ С. курорта оказалось 27 кургановъ, въ Дюнской группѣ 21, въ группѣ W побережья С. разлива 32, въ группѣ Зеленой горки 24, въ группѣ Сосновой горы 36, въ районѣ д. Дыбунь—Кузьмина ручей 58, въ окрестностяхъ горы Кузьмина 62 и къ группѣ ст. Тарховка—ст. Разливъ

*

отнесено 13 кургановъ. Кромѣ того, въ отчетномъ году обследованъ и культурный слой древняго поселка, усмотрѣннаго еще въ 1906 г. въ мѣстности Канонерка—Бочаги.

Курганы группъ регистраціи 1907 г., по формѣ насыпи и ея плану можно отнести къ слѣдующимъ тремъ основнымъ типамъ: круглые, квадратные (съ закругленными углами) и удлиненные (съ закругленными углами). Круглые (161) замѣчены во всѣхъ группахъ. Квадратные (17) усмотрѣны въ двухъ группахъ (Дыбунъ—ручей Кузьмина и окрестности горы Кузьмина). Удлиненныхъ (95) не оказалось въ трехъ группахъ (W побережье С. разлива, Зеленая горка и Сосновая гора). Въ послѣднихъ трехъ группахъ были только круглые курганы. Они же преобладали и еще въ двухъ группахъ (С. курорта и Дюнской). Исключительное нахожденіе удлиненныхъ кургановъ усмотрѣно въ двухъ группахъ (Дыбунъ—ручей Кузьмина и окрестности горы Кузьмина). Курганы, причисленные къ группѣ ст. Тарховка—ст. Разливъ, были всѣ круглые. Каждый изъ кургановъ имѣетъ вокругъ подошвы своего основанія ровики въ бѣльшемъ или меньшемъ числѣ. Число ровиковъ находится въ зависимости отъ фигуры плана кургана. Такъ напримѣръ, квадратный курганъ почти всегда имѣетъ четыре ровика (по числу сторонъ). Удлиненный курганъ обыкновенно располагаетъ тоже четырьмя ровиками (по числу сторонъ). Круглый курганъ всегда имѣетъ наибольшее число ровиковъ (послѣднихъ бывало отъ 4 до 12), а иногда такой курганъ бывалъ окруженъ прерывчатымъ ровикомъ. Между ровиками всегда наблюдаются горизонтные перешейки, которые между участками прерывчатого ровика круглыхъ кургановъ, мѣстами, слегка углублены. Большинство кургановъ, особенно круглыхъ, плоскіе, блинчатые, какъ-бы осѣвшіе или уменьшившіеся съ теченіемъ времени, хотя въ нѣкоторыхъ группахъ, впрочемъ, исключительно тамъ, гдѣ дерновой слой крѣпче, напримѣръ, на W побережь С. разлива, въ районѣ Зеленой горки и на Сосновой горѣ, а также на дюнахъ къ NW отъ Н. Бѣлоострова и круглые курганы сильной профили и лучшей сохранности. Удлиненные курганы тоже въ достаточной степени плоскіе и тоже производятъ впечатлѣніе уменьшившихся съ теченіемъ времени въ своемъ профилѣ. Вершинки кургановъ плоскія, выемчатая и вогнутая, причемъ квадратные курганы почти всѣ выемчатые. Ровики отработаны не чисто: покатоности неровныя, планъ волнистаго характера и различной, видимо, случайной глубины. Они производятъ впечатлѣніе небрежности и, пожалуй, поспѣшности. Планъ насыпи всѣхъ трехъ типовъ кургановъ, за рѣдкими исключеніями, вполне отчетливый, строго выдержанный и не оставляетъ

желать ничего лучшаго въ смыслѣ соблюденія геометрическихъ фигуръ самыхъ построеній насыпи. Отлогости насыпей покатыя, съ естественнымъ заложениемъ, при чемъ замѣтно нѣкоторое сползаніе ихъ въ ровики, а это, быть можетъ, затемняетъ и контуры очертаній ровиковъ. Отсутствие горизонтной бермы между подошвою насыпи и краемъ внутренней крутости ровиковъ весьма способствуетъ явленію сползанія насыпи въ ровики. Гдѣ курганы насыпаны на покатоности мѣстности, тамъ всегда замѣчается и сползаніе насыпи въ направленіи уклона мѣстности. Курганы всѣхъ группъ расположены по старымъ дюнамъ, ихъ террасовиднымъ отлогостямъ и на высокыхъ и сухихъ долинахъ между дюнами. Только на W побережьи С. разлива и въ районѣ Зеленой горки курганы помѣщены какъ-бы въ исключительной обстановкѣ. Исключительность эта заключается собственно въ томъ, что курганы первой группы находятся на О-й террасѣ старой высокой дюны, которая, будучи помѣщена относительно низко, нынѣ омывается С. разливомъ, а время отъ времени отчасти и затопляется его водами. Курганы Зеленой горки расположены на низкой дюнѣ стараго происхожденія, NW часть которой, прилегающая къ С. разливу, интенсивно послѣднимъ размывается, а съ SO окаймлена болотами, питающимися водою, просачивающеюся изъ того же водоема. Не мало кургановъ послѣдней группы нынѣ находятся въ разныхъ степеняхъ размыва и обрушиванія въ С. разливъ. Очевидно, котловина среди старыхъ дюнь, наводненная въ началѣ XVIII в., для образованія с. резервуара и покрытая въ то время лѣсомъ¹⁾, имѣла на террасовидныхъ скатахъ ограничивающихъ ее дюнь курганы, которые впоследствии или смыло водою, или занесло иломъ С. разлива. Вообще говоря, нахождение кургановъ на затопленных нынѣ террасахъ старыхъ дюнь и среди болотъ, образовавшихся относительно недавно, указываетъ на то, что курганы возникли ранѣе образованія С. разлива.

Въ заключеніе общей характеристики и общаго описанія курганныхъ группъ, открытыхъ въ 1907 году, нельзя обойти молчаніемъ и курганы по старымъ дюнамъ къ NW отъ Н. Бѣлоострова, въ предѣлахъ Финляндіи. Здѣсь, по дюнамъ правобережья Сестры-рѣчки, непосредственно у Н. Бѣлоострова начинаются и тянутся, въ видѣ цѣпей, группами, съ направленіемъ на NW, курганы, число которыхъ и предѣлы распространенія не выяснены. Въ этомъ районѣ въ общемъ

---

¹⁾ Когда нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ С. разливъ прорвалъ одну изъ своихъ плотинъ (противъ дома Начальника завода), тогда по всему пространству обнажившагося дна видны были пни срубленныхъ деревьевъ, которые жителями вылавливались и продавались.

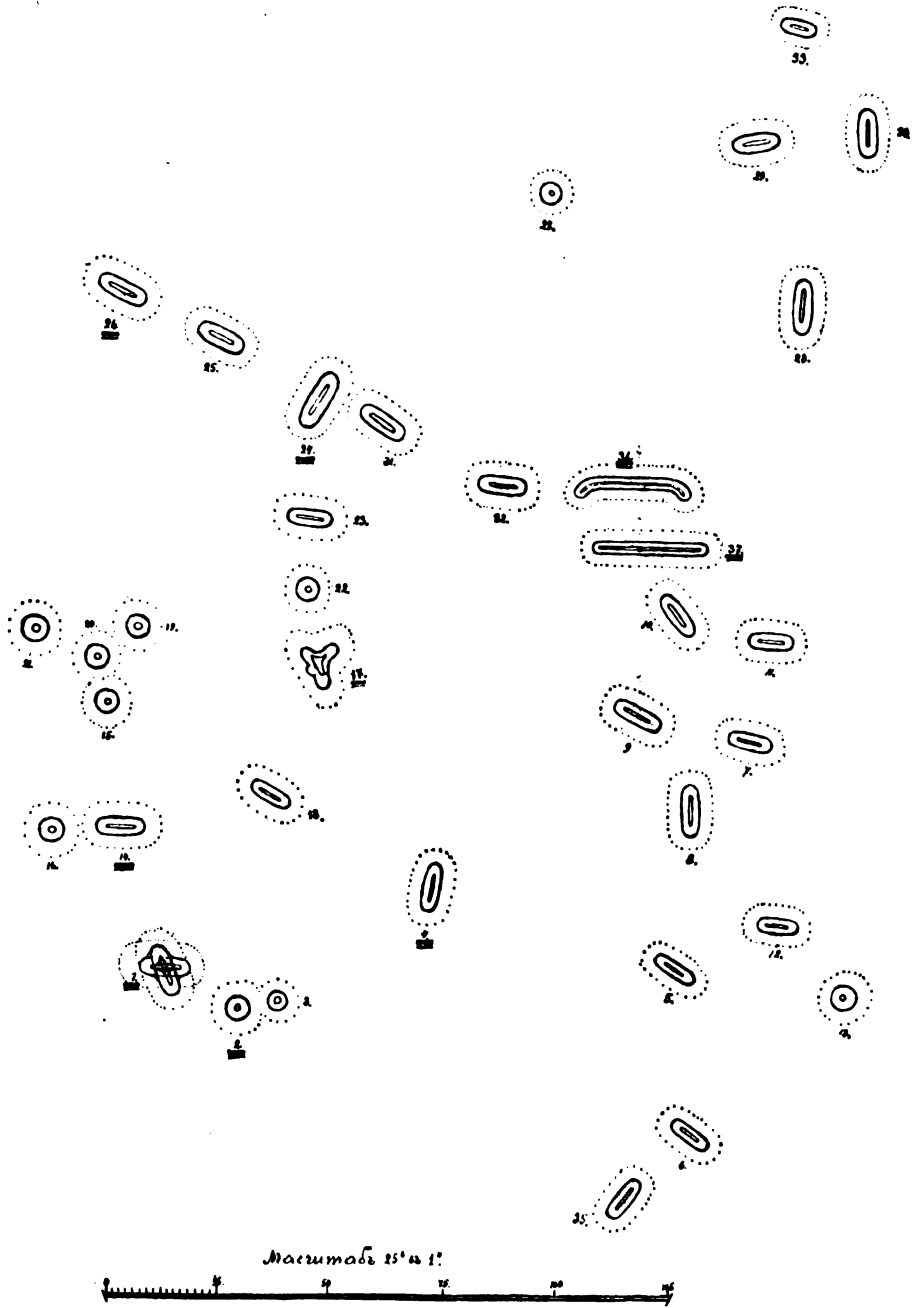

Рис. 4. Курганная группа затона Тарховской косы (стр. 7, 14—22).

преобладают круглые курганы обычного типа, но встречаются среди них и квадратные курганы, и удлиненные. Насколько удалось прослѣдить, эти курганы спускаются по W терассовиднымъ скатамъ дюнь и у самага Н. Бѣлоострова, гдѣ поле ихъ перерѣзается финляндской желѣзной дорогой, входя, кажется, въ соприкосновеніе съ курганами старыхъ дюнь Финскаго побережья около д. Куоккала. Распространеніе кургановъ на NW отъ Н. Бѣлоострова прослѣжено приблизительно версть на 6—9. Курганы дюнь правобережья Сестры рѣки расположены въ Сосновыхъ борахъ. Немало ихъ и на земляхъ г. Нанкина, гдѣ нынѣ разбиваются дачные участки и энергично строятся уже дачи. Въ этомъ именно районѣ, среди возвышенностей старыхъ дюнь, называемыхъ «горою трехъ крестовъ», впервые усмотрѣны 2-хъ ярусные или 2-хъ этажные курганы (рис. 10). Эти курганы по типу тоже круглые, блинчатые и снабжены 4—12 ровиками. Особенность-же ихъ собственно заключается въ томъ, что на вершинкѣ нижняго кургана, размѣровъ обыкновенныхъ, помѣщается второй — верхній, меньшихъ размѣровъ, круглый, блинчатый курганъ, ровики котораго (4—6) устроены съ краю вершинки нижняго кургана. Именно эти курганы, впервые встрѣченные, и не обследованы еще по внутреннему содержанию, а между тѣмъ они очень любопытны, какъ новая разновидность, до сихъ поръ еще не отмѣченная и потому въ особенности интересная. Встрѣчались, преимущественно въ Дюнскомъ районѣ, гдѣ рѣзко выраженъ процессъ дюнныхъ новообразованій, курганы и въ различныхъ степеняхъ уничтоженія господствующимъ вѣтромъ, выдувающимъ песокъ курганныхъ насыпей.

Группа кургановъ ст. Тарховка—ст. Разливъ.

Изысканія отчетнаго года всего лишь дополнили численный составъ этой группы 1906 г. Дополнительные курганы №№ 38—50 расположены на терассѣ и отлогостяхъ 2-й старой дюны, ограничивающей С. разливъ съ W стороны. Всѣ они размѣщены восточнѣе кургановъ этой группы, описанныхъ въ 1906 г., и большинство ихъ сосредоточено довольно кучно въ N-мъ ея отдѣлѣ. Своимъ размѣщеніемъ эти курганы образуютъ нѣсколько подгруппъ, при чемъ есть и одиночно расположенные курганы. Къ числу послѣднихъ относятся №№ 49 и 50. Подгруппы составляютъ: №№ 38—40 одну, №№ 41—43 и 48 другую, №№ 46 и 47 третью и №№ 44 и 45 четвертую. Промѣры насыпей показаны въ помѣщаемой таблицѣ.

№№	Форма.	Диаметръ.	Высо- та.	Число ро- виковъ.	№№	Форма.	Диаметръ.	Высо- та.	Число ро- виковъ.
38	Круглая.	16 а.	14 в.	Сохран. 3	44	Круглая.	16 а.	1 а. 4 в.	6
39	"	17 а.	1 а. 7 в.	9	45	"	17 а.	8 в.	2
40	"	17 а.	1 а. 9 в.	8	46	"	16 а.	14 в.	8
41	"	17 а.	12 в.	8	47	"	16 а.	1 а. 8 в.	8
42	"	16 а.	11 в.	7	48	"	14 а.	9 в.	7
43	"	17 а.	13 в.	8	49	"	17 а.	1 а. 1 в.	8
					50	"	15 а.	10	4

№№ 38, 40, 44 испорчены дорогою, №№ 41, 47, 49, 50 испещрены ямками, № 45 плохой сохранности.

Изъ перечисленныхъ кургановъ ни одинъ не вскрытъ раскопкою.

Курганная группа Сестрорѣцкаго курорта.

Расположена въ районѣ собственно курорта на террасовидныхъ покостяхъ второй и третьей старыхъ дюнь лѣвобережья заводской Сестры-рѣки. Мѣстность ограничена съ W Финскимъ заливомъ, съ N отводнымъ рукавомъ заводской Сестры, съ O заводской Сестрой и съ S заборомъ курорта по дебаркадеру желѣзно-дорожной станціи того же имени. Покрота сосновымъ лѣсомъ и рѣдкими кустами можжевельника. Дерновой покровъ составляютъ: канаберникъ, верескъ, голубика и рѣдкая трава. Общее направленіе группы OOS—WWN. Площадь 0,5 × 0,75 версты. Всего кургановъ 27. Изъ нихъ 3 удлиненныхъ, остальные круглые. При нѣкоторыхъ курганахъ ровикъ почти сплошной. Курганы образуютъ нѣсколько подгруппъ. Къ одиночнымъ курганамъ относятся №№ 10, 11, 14, 16, 23, 26 и 27. Образуютъ подгруппы: №№ 1—9 одну, №№ 12 и 13 другую, №№ 17 и 18 третью, №№ 21 и 22 четвертую, №№ 19 и 20 пятую и №№ 15, 24 и 25 шестую. Всѣ курганы плоскіе, расплывчатые, блинчатые. Курганы №№ 6 и 7 имѣютъ одинъ ровикъ общимъ. Промѣры выражены ниже.

№№	Форма.	Размѣры.	Высо- та.	Число ро- виковъ.	№№	Форма.	Размѣры.	Высо- та.	Число ро- виковъ.
1	Круглая.	19 а.	12 в.	11	15	Круглая.	17 а.	12 в.	6
2	Удлиненн.	7×5 а.	14 в.	4	16	„	20 а.	1 а. 12 в.	11
3	Круглая.	16 а.	1 а. 2 в.	11	17	„	16 а.	1 а. 6 в.	13
4	„	20 а.	1 а. 6 в.	11	18	„	16 а.	1 а. 4 в.	9
5	„	18 а.	12 в.	10	19	„	19 а.	1 а. 8 в.	11
6	Удлиненн.	7×4 а.	12 в.	4	20	„	17 а.	14 в.	10
7	„	7×4 а.	12 в.	4	21	„	17 а.	12 в.	6
8	Круглая.	13 а.	1 а. 4 в.	10	22	„	16 а.	9 в.	10
9	„	12 а.	12 в.	8	23	„	18 а.	1 в.	7
10	„	17 а.	1 а. 5 в.	8	24	„	20 а.	1 а. 4 в.	11
11	„	19 а.	10 в.	9	25	„	18 а.	1 а. 6 в.	7
12	„	23 а.	1 а. 2 в.	12	26	„	19 а.	1 а. 9 в.	10
13	„	21 а.	1 а. 7 в.	11	27	„	19 а.	1 а. 14 в.	9
14	„	17 а.	1 а. 6 в.	7					

У №№ 1, 3—5, 8, 12, 13, 16, 17, 19, 20, 22, 24, и 26 почти сплошные ровики; № 11, 21 и 22 испорчены дорогою.

Въ этой группѣ, какъ расположенной въ самомъ С. курортѣ, не пришлось раскапывать кургановъ.

Дюнская группа кургановъ.

Расположена на скатахъ, терассахъ и въ долинахъ старыхъ дюнъ на правомъ берегу заводской Сестры. Мѣстность возвышенная и пересѣченная. Ограничена съ N отводнымъ каналомъ, съ W заводской Сестрой, съ O западнымъ побережьемъ С. разлива (вѣрнѣе, Бѣлоостровскимъ шоссе) и съ S новымъ кладбищемъ Сестрорѣцка. Въ этомъ районѣ Томина гора. Въ NW части, подъ вліяніемъ господствующаго вѣтра, идутъ дюнные новообразования. Вся мѣстность покрыта лѣсомъ, поросла молоднякомъ березы, осины, ольхи, сосны, ели, можжевельника. Нѣсколько болотистыхъ мѣстъ: одно (наибольшее, сливающееся съ торфяникомъ къ S отъ Редугольскаго таможеннаго поста) подлѣ Томина горы и другое

къ SW отъ песчаныхъ высотъ ст. Дюны на правобережной низинкѣ заводской Сестры. Площадь 2 в. $\times$ 1,5 в. Общее направление группы NW—SO. Дачный районъ, особенно интенсивно застраивающійся благодаря сухой, возвышенной и отчасти даже своеобразно живописной мѣстности. Отмѣчены 21 курганъ; изъ нихъ: 6 удлиненныхъ и 15 круглыхъ. Всѣ имѣютъ ровики. Насыпи преимущественно плоскія, блинчатыя. Къ числу одиночныхъ кургановъ относятся №№ 1, 2, 14, 17 и 21. Прочіе образуютъ подгруппы: № 10—13 одну, № 15—16 другую, №№ 18—20 третью и №№ 3—9 четвертую.

№№	Форма.	Раз-мѣры.	Высо-та.	Число ро-виковъ.	№№	Форма.	Раз-мѣры.	Высо-та.	Число ро-виковъ.
1	Круглая.	25 а.	1 а. 5 в.	8	12	Круглая.	13 а.	10 в.	6
2	Удлиненная.	12 $\times$ 7 а.	12 в.	4	13	„	10 а.	8 в.	6
3	Круглая.	10 а.	9 в.	4	14	„	17 а.	1 а.	7
4	Удлиненная.	16 $\times$ 9 а.	1 а.	4	15	„	18 а.	8 в.	5
5	Круглая.	12 а.	8 в.	2	16	„	16 а.	1 а.	5
6	„	15 а.	14 в.	7	17	„	17 а.	8 в.	9
7	„	14 а.	12 в.	7	18	„	18 а.	9 в.	9
8	Удлиненная.	16 $\times$ 8 а.	1 а.	4	19	Удлиненная.	9 а. $\times$ 4 а.	12 в.	4
9	„	14 $\times$ 7 а.	12 в.	4	20	Круглая.	17 а.	7 в.	5
10	Круглая.	19 а.	15 в.	7	21	„	16 а.	1 а. 4 в.	Кру-гомъ.
11	Удлиненная.	8 а. $\times$ 6 а.	10 в.	4					

№№ 5, 14 и 20 испорчены дорогою; № 15 и 16 разрушены вѣтромъ; № 8 и 13 на скатѣ; № 21 съ однимъ нерешейкомъ. По случаю дачной мѣстности удалось раскопать только одинъ курганъ (№ 21).

Группа кургановъ W побережья С. разлива (параллельно группѣ Тарховка—Разливъ).

Расположена по восточному скату старой дюны, ютящемуся на узкомъ (мѣстами шире, мѣстами уже) W побережьѣ С. разлива, которое образуетъ, вдающіеся въ послѣдній, небольшие мыски и въ 2—3 мѣстахъ перерѣзано болотистыми низинками, затопляемыми водою С. раз-

лива. Мѣстность бугристая. Покрыта сосною, елью, березою, ольхою и можжевельникомъ. Дерновой покровъ довольно плотный. Мѣстами растительность болотистаго характера. Гдѣ суше, тамъ сплошной коверъ изъ вереска, канаберника, голубики, черники и вороняка. Нѣкоторые курганы (напримѣръ, №№ 17, 18, 22 и 23) заливаются водою С. разлива. Болотца побережья всѣ новѣйшаго происхожденія, т.-е. послѣ образованія С. разлива. Площадь 2 в. $\times$ $\frac{1}{4}$ в. Общее направленіе группы NS. Кургановъ 32 (рис. 5). Всѣ круглые и всѣ почти съ сплошнымъ круговымъ ровикомъ (до того мало примѣтны и узки горизонтные перешейки). Этою особенностью группа положительно выдѣляется среди другихъ. Около восьми кургановъ имѣютъ взаимно-общіе ровики. Къ одиночнымъ курганамъ относятся №№ 1, 5, 24, 25, 26 и 32. Остальные составляютъ шесть подгруппъ: № 2—4 одну, № 6—16 и 19 другую (эта подгруппа особенно кучна и въ ней много кургановъ съ общими ровиками), № 17 и 18 третью, № 20 и 21 четвертую, № 22 и 23 пятую и № 27—31 шестую. Курганы внушительныхъ профилей и, видимо, многіе лучшей сохранности (прикрыты съ

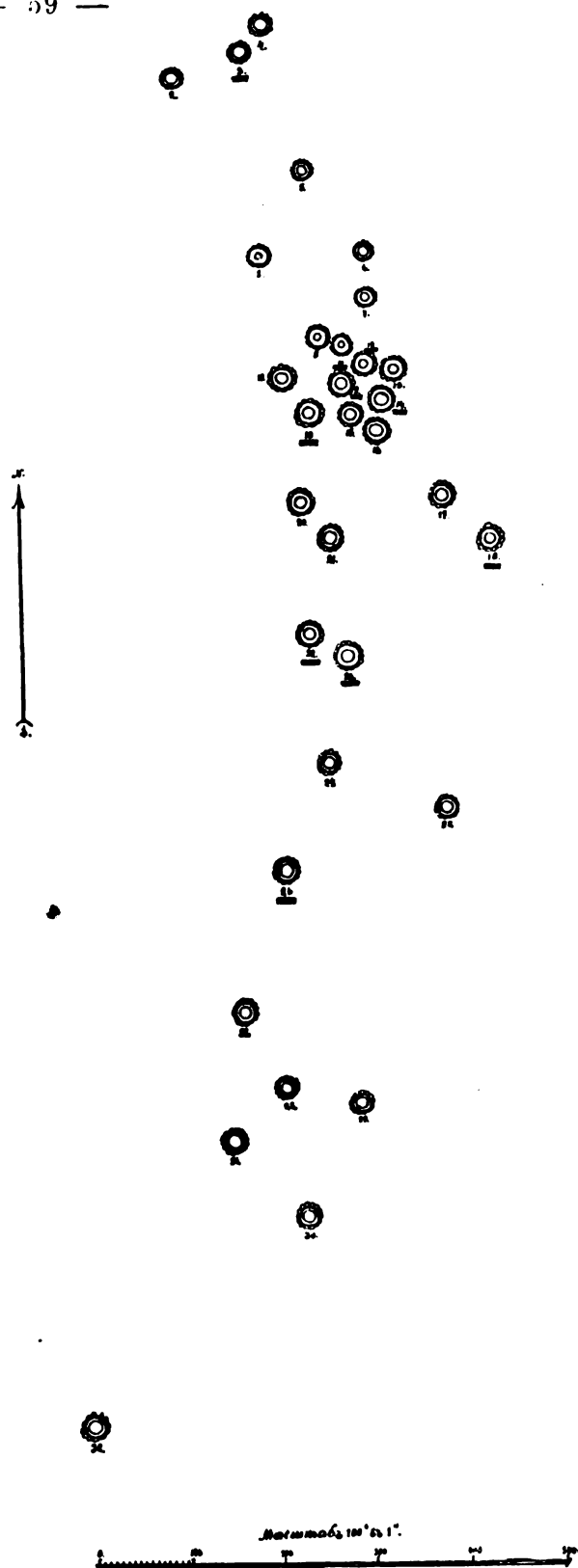

Рис. 5. Группа западнаго побережья Разлива.

W высокой дюной от господствующаго вѣтра). Этимъ качествомъ особенно отличаются курганы кучной подгруппы.

№№	Форма.	Диаметръ.	Высо- та.	Число ро- виковъ.	№№	Форма.	Диаметръ.	Высо- та.	Число ро- виковъ.
1	Круглая.	16 а.	1 а. 8 в.	11	17	Круглая.	16 а.	1 а. 12 в.	10
2	"	16 а.	1 а. 6 в.	12	18	"	18 а.	9 в.	9
3	"	17 а.	1 а. 7 в.	10	19	"	15 а.	1 а. 11 в.	12
4	"	16 а.	1 а. 8 в.	11	20	"	14 а.	1 а. 10 в.	11
5	"	17 а.	14 в.	10	21	"	19 а.	1 а. 2 в.	11
6	"	17 а.	1 а. 9 в.	11	22	"	14 а.	15 в.	10
7	"	18 а.	1 а. 7 в.	12	23	"	17 а.	14 в.	9
8	"	15 а.	1 а. 9 в.	11	24	"	20 а.	1 а. 7 в.	11
9	"	18 а.	1 а. 5 в.	10	25	"	15 а.	1 а. 9 в.	11
10	"	14 а.	1 а. 8 в.	11	26	"	16 а.	1 а. 14 в.	10
11	"	17 а.	1 а. 5 в.	12	27	"	17 а.	1 а. 5 в.	12
12	"	15 а.	1 а. 7 в.	11	28	"	15 а.	1 а. 6 в.	9
13	"	16 а.	1 а. 6 в.	9	29	"	16 а.	1 а. 15 в.	10
14	"	16 а.	1 а. 9 в.	10	30	"	18 а.	1 а. 2 в.	10
15	"	18 а.	1 а. 3 в.	11	31	"	20 а.	1 а. 1 в.	11
16	"	15 а.	1 а. 10 в.	11	32	"	16 а.	1 а. 13 в.	11

Такъ какъ курганы сильно поросли деревьями, которыя завѣду-
ющей С. казенной лѣсной дачей особенно просилъ беречь, и покрыты
густо разросшимися кустарниками, то въ этой группѣ представилась
возможность раскопать всего 10 кургановъ (№№ 3, 9, 10, 11, 12,
14, 18, 22, 23 и 26).

Курганная группа Зеленой горки (на рис. 3—X).

Расположена (по крайней мѣрѣ сохранившаяся и потому примѣтная
въ настоящее время часть ея) по гребню низкой старой дюны, отдель-
ные верхи которой перемежаются низинками, съ болотцами и ручей-

ками, отъ затопленія водами С. разлива. Собственно отъ дюны, которая въ свое время, видимо, выдута вѣтромъ, осталось глинистое основаніе, волнистаго характера, прикрытое небольшимъ слоемъ песку, который покрытъ довольно толстымъ (3—5 верш.) и плотнымъ растительнымъ слоемъ. Устойчивости сѣрой глины основанія и слѣдуетъ приписать устойчивость самой дюны, не поддавшейся до сихъ поръ окончательному разрушенію водами С. разлива. Правда, NW край дюны, подмываемый С. разливомъ, образуетъ крутые обрывы, постепенно обрушивающіеся въ разливъ, и въ этомъ районѣ гибнуть, одинъ за другимъ, курганы, оказавшіеся съ краю обрывовъ. Не мало кургановъ уже обрушилось въ разливъ, и ихъ угольно-пепельные остатки виднѣются на отмеляхъ побережья. Другіе курганы находятся, по той же причинѣ (подмываніе), въ различныхъ степеняхъ разрушенія: сохранилась то $\frac{1}{4}$ кургана, то $\frac{1}{2}$ и т. п. Дюна и находящіеся на ней курганы покрыты густыми зарослями лозы, ивняка, ольхи, среди которыхъ съ трудомъ можно пробираться: такъ переплелись корни, вѣтви, густая трава и цѣпкія кустарныя растенія. Направленіе группы

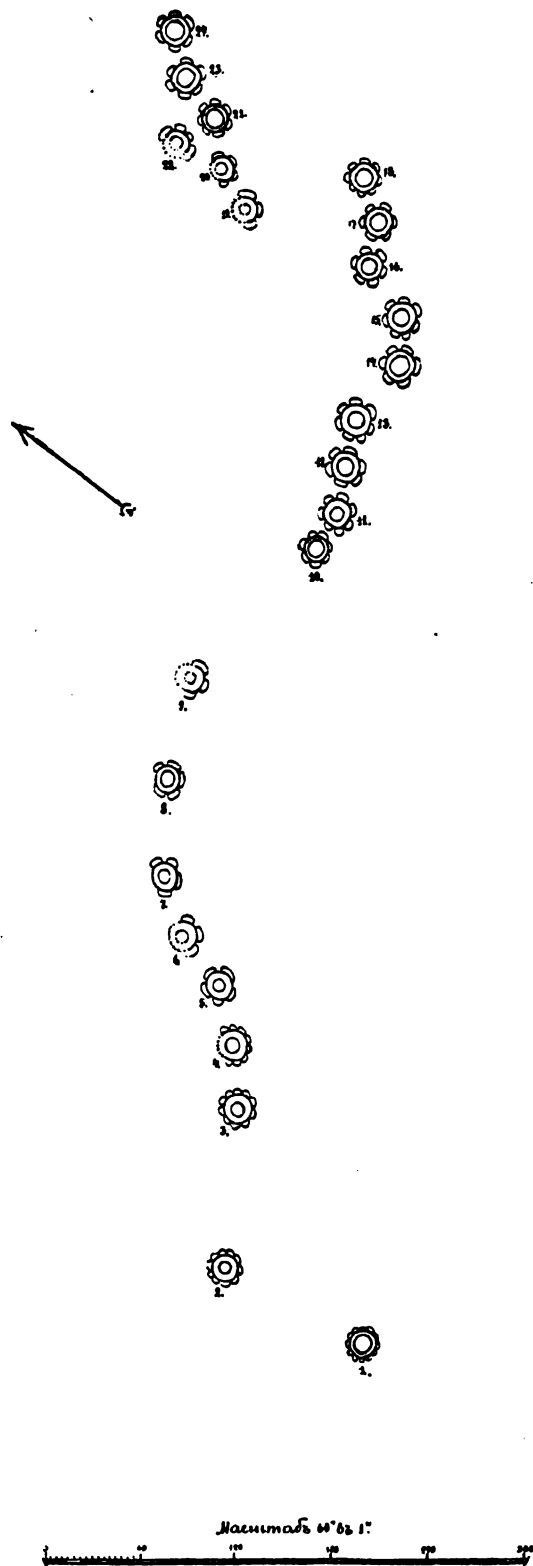

Рис. 6. Группа кургановъ Зеленой горки.

NO—SW (рис. 6). Ея площадь 3 в. $\times$ $\frac{1}{3}$ в. Кургановъ отмѣчено 24. Всѣ круглые. Большинство изъ нихъ хорошей сохранности и мощнаго профиля. Въ этой группѣ почти всѣ курганы съ непрерывающимся ровикомъ. Курганы №№ 1, 2, 8 и 9 относятся къ одиночно-стоячимъ. Остальные образуютъ шесть подгруппъ: № 3—7 одну, № 10—13 другую, № 14—15 третью, № 16—18 четвертую, №№ 19, 20 и 22 пятую и №№ 21, 23 и 24 шестую. Нѣсколько кургановъ (напримѣръ, №№ 10, 11, 14, 15, 16 и 18) имѣютъ общіе ровики.

№№	Форма.	Диаметръ.	Высота.	Число ровиковъ.	№№	Форма.	Диаметръ.	Высота.	Число ровиковъ.
1	Круглая.	19 а.	1 а. 4 в.	Прерывчатый.	13	Круглая.	15 а.	1 а. 7 в.	Прерывчатый.
2	"	17 а.	1 а. 6 в.	"	14	"	12 а.	1 а. 8 в.	"
3	"	17 а.	1 а. 5 в.	"	15	"	17 а.	1 а. 15 в.	"
4	"	17 а.	1 а. 8 в.	"	16	"	16 а.	1 а. 13 в.	"
5	"	17 а.	1 а. 9 в.	"	17	"	17 а.	1 а. 7 в.	"
6	"	17 а.	1 а. 2 в.	"	18	"	16 а.	1 а. 6 в.	"
7	"	16 а.	2 а.	"	19	"	?	1 а.	"
8	"	15 а.	1 а. 15 в.	"	21	"	14 а.	1 а. 7 в.	"
9	"	?	1 а.	"	22	"	15 а.	15 в.	"
10	"	14 а.	15 в.	"	23	"	16 а.	1 а. 9 в.	"
11	"	17 а.	1 а. 7 в.	"	24	"	17 а.	1 а. 1 в.	"
12	"	17 а.	1 а. 9 в.	"					

Въ этой группѣ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ мѣстныхъ условий, нельзя было произвести раскопокъ.

Курганная группа Сосновой горы (на рис. 3—XI).

Курганы этой группы расположены по гребню и терассовиднымъ скатамъ старой и высокой дюны, покрытой вѣковымъ краснolѣсьемъ и отдѣльными березами, осинами, ольхами, можжевельникомъ и мелкими порослями ихъ. Гора занимаетъ все пространство отъ ручья Копейкина

до Черной рѣчки. Она окружена съ О болотистыми низинами, и даже подошва ея со стороны С. разлива покрыта мелкими болотцами. Эта гора одинъ изъ красивыхъ уголковъ окрестностей Сестрорѣцка. Группа кургановъ имѣетъ NO—SW направленіе. Площадь 2 в. $\times$ $\frac{1}{2}$ в. Всѣхъ кургановъ въ группѣ 36, и всѣ они круглые. Курганныя насыпи мощной и крупной профили. Ровики почти всѣ сплошные, такъ какъ перешейки ихъ едва примѣтны и въ большинствѣ углубленные на нѣсколько вершковъ. Курганы № 1 и 36 отдѣльно-стоячіе. Прочіе образуютъ девять подгруппъ: № 2—6 одну, № 7, 8 и 11 другую, № 9, 10 и 12 третью, № 13—15 четвертую, № 16—19 пятую, № 20—22 шестую, № 23—26 седьмую, № 27—31 восьмую и № 32—35 девятую.

№№	Форма.	Диаметръ.	Высота.	Число ровиковъ.	№№	Форма.	Диаметръ.	Высота.	Число ровиковъ.
1	Круглая.	17 а.	1 а. 7 в.	й.	19	Круглая.	16 а.	1 а. 10 в.	й.
2	„	16 а.	1 а. 8 в.	ы.	20	„	17 а.	1 а. 8 в.	ы.
3	„	17 а.	14 в.	т.	21	„	17 а.	1 а. 15 в.	т.
4	„	17 а.	1 а. 6 в.	а.	22	„	17 а.	1 а. 7 в.	а.
5	„	15 а.	15 в.	ч.	23	„	15 а.	1 а. 8 в.	ч.
6	„	18 а.	1 а. 8 в.	в.	24	„	18 а.	1 а. 14 в.	в.
7	„	16 а.	1 а. 9 в.	ы.	25	„	17 а.	1 а. 15 в.	ы.
8	„	18 а.	1 а. 14 в.	р.	26	„	16 а.	2 а.	р.
9	„	17 а.	1 а. 9 в.	е.	27	„	17 а.	1 а. 15 в.	е.
10	„	16 а.	1 а. 8 в.	р.	28	„	18 а.	2 а.	р.
11	„	17 а.	1 а. 15 в.	ц.	29	„	17 а.	1 а. 15 в.	ц.
12	„	18 а.	1 а. 1 в.	п.	30	„	17 а.	2 а.	п.
13	„	17 а.	1 а. 8 в.	к.	31	„	18 а.	2 а. 1 в.	к.
14	„	16 а.	1 а. 9 в.	ь.	32	„	16 а.	14 в.	ь.
15	„	16 а.	1 а. 7 в.	и.	33	„	17 а.	13 в.	и.
16	„	17 а.	2 а.	в.	34	„	16 а.	15 в.	в.
17	„	18 а.	1 а. 6 в.	с.	35	„	16 а.	14 в.	с.
18	„	17 а.	1 а. 14 в.	р.	36	„	18 а.	1 а. 7 в.	р.

Въ этой группѣ раскопаны 10 кургановъ (№№ 3—5, 8, 11—13, 15, 33 и 34).

Курганы д. Дыбунь—Кузьмина ручей (на рис. 3—XII).

Расположены на плоскихъ гребняхъ и широкихъ терассахъ обширныхъ старыхъ дюнь, гдѣ нынѣ пролегаетъ дорога изъ д. Дыбунь, мимо горы Кузьмина, на д. Мотторово, сл. Александровскую и д. Мертуты, на протяженіи отъ д. Дыбунь до ручья Кузьмина. Плоскіе гребни и отлогости дюнь района покрыты преимущественно краснолѣсьемъ и отчасти бѣлолѣсьемъ. Мѣстами поляны отъ порубовъ и погорѣлый молоднякъ. Въ этомъ районѣ (лѣсъ сестрорѣчанъ), благодаря недостаточному надзору лѣсной стражи, частые пожары, приносящіе много вреда молодымъ лѣснымъ порослямъ и уничтожающіе растительный коверъ, залегающій подъ которымъ мелкій песокъ легко выдувается господствующимъ вѣтромъ. Растительный коверъ составляютъ: верескъ, канаберникъ, черника, воронякъ и другіе. Направленіе группы NW—SO (рис. 7). Площадь $1\frac{1}{2}$ в. $\times$ $\frac{1}{3}$ в. Кургановъ зарегистрировано 58. Изъ нихъ: круглыхъ 8, квадратныхъ 5 и удлиненныхъ 45. Не мало кургановъ одиночныхъ, напимѣръ, №№ 1—3, 7—9, 39, 47—49, 51 и 52. Остальные образуютъ подгруппы: № 4—6 одну, № 10—12 другую, № 13—23 третью, № 24—27 четвертую, № 28—33 пятую, № 34—38 шестую, № 40, 41, 43 седьмую, № 42 и 44 восьмую и № 45, 46 и 50 девятую. Характерно, что въ данной мѣстности, въ особенности на погорѣлыхъ мѣстахъ, гдѣ поверхность земли не затемнена густыми порослями растительнаго ковра, можно наблюдать, что каждый малый квадратный курганъ видимо, сопутствуетъ удлиненному кургану, съ которымъ какъ бы находится въ парѣ. Таковыми кажутся, напимѣръ, № 21 и 18, № 53 и 54, № 55 и 56, № 57 и 58. Нѣкоторые изъ кургановъ, составляющихъ подгруппы, имѣютъ общіе ровики. На погорѣлыхъ мѣстахъ замѣчено, какъ кое-гдѣ вершинка того или другого кургана, обнаженная отъ растительнаго ковра, подвергается работѣ вѣтра: появляются песчанья плѣшинки и выемки, которыя предвѣщаютъ скорое уничтоженіе насыпей.

№№	Форма.	Размеры.	Высота.	Число ро- виковъ.	№№	Форма.	Размеры.	Высота.	Число ро- виковъ.
1	Круглая.	16 а.	14 в.	Прерыв- чатый.	30	Удлиненная.	14а.×7а.	1 а. 3 в.	4
2	Удлиненная.	17а.×7а.	12 в.	4	31	"	15а.×7а.	12 в.	4
3	"	15а.×7а.	14 в.	4	32	"	16а.×5а.	13 в.	4
4	Круглая.	14 а.	14 в.	Прерыв- чатый.	33	Круглая.	15 а.	14 в.	Прерыв- чатый.
5	"	15 а.	?	"	34	Удлиненная.	15а.×7а.	12 в.	4
6	"	16 а.	1 а.	"	35	"	10а.×6а.	14 в.	4
7	Удлиненная.	17а.×6а.	1 а. 10 в.	4	36	"	12а.×6а.	15 в.	4
8	"	11а.×8а.	13 в.	4	37	"	15а.×6а.	14 в.	4
9	"	15а.×6а.	1 а. 2 в.	5	38	"	11а.×6а.	10 в.	4
10	"	12а.×5а.	1 а. 2 в.	4	39	"	14а.×5а.	1,5 а.	4
11	"	20а.×6а.	1 а. 3 в.	5	40	"	16а.×7а.	1 а. 2 в.	4
12	Круглая.	16 а.	15 в.	Прерыв- чатый.	41	"	14а.×6а.	14 в.	4
13	Удлиненная.	13а.×6а.	12 в.	4	42	"	17а.×6а.	15 в.	4
14	"	16а.×5а.	14 в.	5	43	"	15а.×9а.	10 в.	4
15	"	14а.×6а.	15 в.	4	44	"	10а.×5а.	10 в.	4
16	"	22а.×6а.	14 в.	6	45	"	12а.×5а.	11 в.	4
17	"	15а.×6а.	15 в.	4	46	Квадратная.	7 а.×7 а.	10 в.	4
18	"	14а.×6а.	1 а.	6	47	Удлиненная.	14а.×7а.	13 в.	4
19	"	14а.×5а.	12 в.	4	48	"	18а.×6а.	14 в.	4
20	"	20а.×8а.	1 а. 4 в.	4	49	"	12а.×7а.	15 в.	4
21	Квадратная.	8 а.×8 а.	9 в.	4	50	"	16а.×7а.	1 а. 4 в.	4
22	Круглая.	18 а.	?	Прерыв- чатый.	51	"	17а.×6а.	1 а. 1 в.	4
23	Удлиненная.	12а.×7а.	15 в.	4	52	"	20а.×6а.	1 а. 7 в.	4
24	"	38а.×7а.	1,5 а.	4	53	Квадратная.	5 а.×5 а.	7 в.	3
25	Круглая.	17 а.	4 10 в.	Прерыв- чатый.	54	Удлиненная.	22а.×7а.	15 в.	4
26	Удлиненная.	20а.×8а.	1 а. 3 в.	4	55	Квадратная.	6 а.×6 а.	8 в.	5
27	"	16а.×7а.	1 а. 5 в.	4	56	Удлиненная.	21а.×7а.	13 в.	4
28	"	16а.×8а.	15 в.	4	57	Квадратная.	7 а.×7 а.	6 в.	2
29	"	22а.×8а.	1 а. 2 в.	4	58	Удлиненная.	24а.×6а.	12 в.	4

№ 5 и 22 выдуваются вѣтромъ.

За израсходованиемъ средствъ, въ этой группѣ удалось вскрыть только три кургана (№ 53, 55 и 57).

Курганы окрестностей горы Кузьмина (на рис. 3—XIII).

Размѣщены на широкихъ гребняхъ и пологихъ терассахъ старой обширной дюны, распространяющейся къ NW въ направленіи къ возвышенности Мертути отъ горы Кузьмина, мимо которой и протекаетъ ручей Кузьмина, ниже впадающій въ ручей Серебряный. Мѣстность покрыта краснолѣсьемъ и отчасти, мѣстами, бѣлолѣсьемъ. Много полянъ отъ порубокъ лѣса. Немало и погорѣлыхъ мѣстъ. Растительный слой жидкій, на песчаной основѣ. Кое-гдѣ, преимущественно на погорѣлыхъ мѣстахъ, гдѣ растительный коверъ сожженъ, началась разрушительная дѣятельность вѣтра, и на вершинкахъ нѣкоторыхъ кургановъ появились плѣшинки и песчаная выемки, которыя угрожаютъ уничтоженіемъ этихъ курганныхъ насыпей. Растительный коверъ въ остальномъ такой же, какъ и въ районѣ предшествовавшей группы. Эта группа, по сравненію съ другими, имѣетъ широкое распространеніе. Ея общее направленіе WNW—OOS (рис. 8). Площадь 1,5 в. $\times$ $\frac{3}{5}$ в. Всего кургановъ отмѣчено 62. Изъ нихъ: круглыхъ 9, квадратныхъ 12 и удлиненныхъ 41. Къ числу одиночныхъ кургановъ относятся №№ 1—4, 37, 38, 42—46 и 48. Прочіе курганы составляютъ двадцать подгруппъ. И въ этой группѣ усмотрѣно сопоставленіе парами одного квадратнаго кургана съ другимъ—удлиненнымъ. Къ данной категоріи парныхъ кургановъ принадлежатъ: № 61 и 62, № 15 и 13, № 16 и 12, № 54 и 53, № 47 и 51, № 50 и 31, № 49 и 52, № 60 и 59, № 57 и 58, № 56 и 55. Этотъ признакъ парности удалось нагляднѣе отмѣтить въ этой группѣ потому, что здѣсь въ районѣ группы больше погорѣлыхъ мѣстъ, гдѣ еще не успѣли вырости полукустарныя травы, которыя, достигая въ высоту обыкновенно $\frac{1}{2}$ арш., а иногда и болѣе, сильно затемняютъ поверхность земли, скрадывая отъ наблюдателя малые курганы.

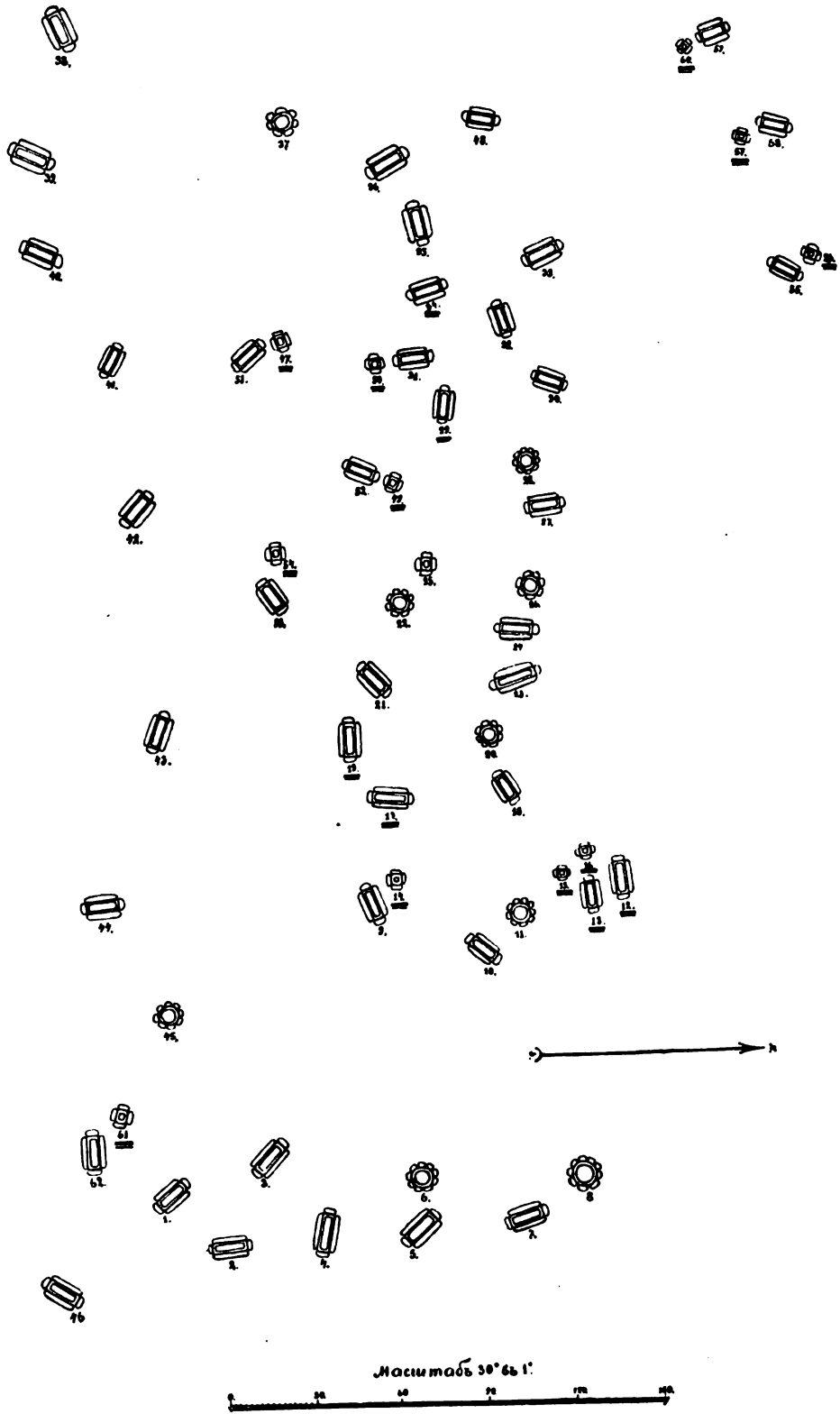

Рис. 8. Группа окрестностей Кузьминой горы

№№	Форма.	Диаметр. Длина— ширина.	Высота.	Число ро- виковъ.	№№	Форма.	Диаметр. Длина— ширина.	Высота.	Число ро- виковъ.
1	Удлиненная.	12а.×6а.	14 в.	4	32	Удлиненная.	15а.×7а.	10 в.	4
2	"	17а.×6а.	1 а. 1 в.	4	33	"	11а.×6а.	9 в.	4
3	"	18а.×6а.	1 а.	4	34	"	16а.×8а.	14 в.	4
4	"	12а.×7а.	1 а. 4 в.	4	35	"	13а.×6а.	14 в.	4
5	"	14а.×7а.	12 в.	4	36	"	16а.×8а.	1 а. 1 в.	4
6	Круглая.	18 а.	13 в.	Прерыв- чатый.	37	Круглая.	16 а.	10 в.	Прерыв- чатый.
7	Удлиненная.	15а.×7а.	10 в.	4	38	Удлиненная.	13а.×7а.	12 в.	4
8	Круглая.	20 а.	10 в.	Прерыв- чатый.	39	"	15а.×6а.	11 в.	4
9	Удлиненная.	18а.×8а.	14 в.	4	40	"	11а.×5а.	10 в.	5
10	"	18а.×7а.	12 в.	4	41	"	15а.×6а.	12 в.	4
11	Круглая.	11 а.	10 в.	Прерыв- чатый.	42	"	13а.×5а.	12 в.	4
12	Удлиненная.	12а.×7а.	1 а. 4 в.	3	43	"	11а.×5а.	14 в.	4
13	"	23а.×7а.	1 а. 2 в.	4	44	"	20а.×6а.	1 а. 3 в.	4
14	Квадратная.	5 а.×5 а.	8 в.	4	45	Круглая.	19 а.	12 в.	Прерыв- чатый.
15	"	6 а.×6 а.	8 в.	2	46	Удлиненная.	19а.×5а.	1 а. 5 в.	4
16	"	6 а.×6 а.	8 в.	4	47	Квадратная.	8 а.×8 а.	10 в.	4
17	Удлиненная.	25а.×7а.	14 в.	4	48	Удлиненная.	20а.×7а.	15 в.	4
18	"	11а.×6а.	10 в.	4	49	Квадратная.	5 а.×5 а.	9 в.	3
19	"	13а.×7а.	12 в.	4	50	"	7 а.×7 а.	8 в.	4
20	Круглая.	14 а.	1,5 а.	Прерыв- чатый.	51	Удлиненная.	18а.×7а.	13 в.	4
21	Удлиненная.	26а.×7а.	1 а. 3 в.	4	52	"	21а.×7а.	14 в.	4
22	Круглая.	16 а.	9 в.	Прерыв- чатый.	53	"	19а.×6а.	13 в.	4
23	Удлиненная.	14а.×6а.	1 а. 2 в.	4	54	Квадратная.	8 а.×8 а.	8 в.	4
24	"	18а.×6а.	13 в.	4	55	Удлиненная.	23а.×7а.	13 в.	4
25	Квадратная.	5 а.×5 а.	8 в.	4	56	Квадратная.	7 а.×7 а.	7 в.	3
26	Круглая.	20 а.	12 в.	Прерыв- чатый.	57	"	7 а.×7 а.	10 в.	4
27	Удлиненная.	9 а.×6 а.	14 в.	4	58	Удлиненная.	20а.×7а.	1 а. 2 в.	4
28	Круглая.	10 а.	8 в.	Прерыв- чатый.	59	"	18а.×6а.	15 в.	4
29	Удлиненная.	12а.×6а.	13 в.	5	60	Квадратная.	7 а.×7 а.	11 в.	3
30	"	13а.×7а.	11 в.	4	61	"	5 а.×5 а.	10 в.	3
31	"	10а.×5а.	12 в.	6	62	Удлиненная.	25а.×6а.	15 в.	4

Въ этой группѣ, благодаря относительно благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ, раскопано 17 кургановъ (№№ 12, 13, 15, 14, 16, 17, 19, 29, 34, 47, 49, 50, 54, 56, 57, 60 и 61).

Районъ древняго поселка.

На бугристой части песковъ гребня второй старой дюны, въ мѣстности, ограниченной съ W желѣзно-дорожнымъ полотномъ (перегонъ между ст. Сестрорѣцкѣ и ст. Ермоловка), съ S бочагой (остатокъ стараго русла Сестры-рѣки), съ О усадьбой казеннаго дома С. оружейнаго завода и съ N задами усадебъ Морской улицы Сестрорѣцка, близъ ст. Ермоловка, подъ ударами W моряны, происходитъ энергичное разрушеніе самого массива дюны и возникаетъ сложный процессъ новаго дюннаго образованія въ SO части того же участка. Здѣсь, именно въ W половинѣ, гдѣ всего сильнѣе выражено разрушеніе и гдѣ глубже разворочены дюнные слои, наблюдаются съ поверхности земли культурные признаки древняго поселка. SO и N участки описываемаго района покрыты старыми соснами, составляющими небольшія группы, въ перемежку съ сосновымъ молоднякомъ и одиночными сосепками. Работа вѣтра задерживается соснами. Вотъ почему мѣста, ими занимаемая, много выше, и подлѣ нихъ еще сохранился слабый растительный коверъ. Въ W половинѣ, на песчаныхъ буграхъ и въ песчаныхъ низинкахъ между ними, лишенныхъ всякой растительности, гдѣ подъ ударами моряны постоянно струится въ О направленіи песокъ и пестрѣютъ мѣста выдуванія, примѣтны кусочки черепковъ старой посуды, чернѣютъ угольки, сѣдѣть пепель культурнаго слоя, попадаются сильно ржавые старые гвозди, кусочки обожженной глины, куски обожженныхъ костей и т. п. Площадь имѣетъ размѣры 50 с. X 60 с.

4. Приемы раскопки.

Каждая наблюдаемая группа кургановъ описывалась по внѣшности, дѣлались промѣры характерныхъ линий каждаго изъ ея кургановъ, составлялся планъ ея, а затѣмъ, впоследствии, при раскопкахъ выполнялись планы и чертежи всякаго изъ подвергавшихся вскрытію кургановъ. Все, что касается курганныхъ группъ, исполнено рокогносцировочнымъ порядкомъ еще передъ раскопками и продолжалось около мѣсяца. Такимъ образомъ отмѣчены были семь курганныхъ группъ и обследовано мѣсто древняго поселка. Попутно, въ зависимости отъ внѣшнихъ формъ,

возможности раскопки (на всемъ пространствѣ многочисленныхъ въ данной мѣстности дачныхъ участковъ раскопки не разрѣшались даже на земляхъ казны) и прочихъ многообразныхъ мѣстныхъ условій, намѣчались курганы для раскопки, о чемъ и дѣлались соотвѣтственныя отмѣтки на черновыхъ планахъ курганныхъ группъ. Въ отношеніи дальнѣйшихъ изысканій пришлось держаться слѣдующаго: сначала раскопаны курганы во всѣхъ группахъ, гдѣ это было допустимо, а затѣмъ выполнены раскопки въ районѣ древняго поселка. Въ каждой курганной группѣ, насколько позволяли деревья, которыя запрещалось рубить, вскрывались, въ зависимости отъ мѣстоположенія, по возможности, разнотипные курганы. Каждый курганъ вскрывался послойной съемкой земли по фигурѣ площади основанія насыпи и далѣе подъ горизонтомъ колодцемъ размѣровъ и фигуры площади основанія кургана. Помимо того, во всякомъ курганѣ изучались ровики и перешейки послойной съемкой земли по фигурѣ ихъ очертаній. Вблизи вскрываемаго кургана копалась пробная яма, квадратныхъ размѣровъ (1 а. $\times$ 1 а.), глубиною 1,5—2 а., съ цѣлью опредѣлить правильное залеганіе слоевъ земли. Передъ раскопкою производилось детальное описаніе внѣшности кургана, составлялся его планъ и чертежи профили, отмѣчалась ориентировка по сторонамъ горизонта и выполнялись промѣры. Во время самыхъ раскопокъ подробно описывалось и зарисовывалось все болѣе или менѣе достопримѣчательное, служившее къ уясненію построенія насыпи и разъяснявшее погребальный типъ. Площадь древняго поселка обследована канавами, различныхъ размѣровъ и глубины, при чемъ обследованію подвергались не только предполагавшійся древнимъ культурный слой, но и слои, залегавшіе надъ нимъ и слои, находившіеся подъ нимъ, иногда довольно глубоко.

Раскопки 1907 г. отличались большими трудностями. Такъ напримѣръ, прежде чѣмъ раскапывать курганъ, приходилось производить рядъ подготовительныхъ работъ, занимавшихъ много времени: во-первыхъ—снять молоднякъ и всѣ кусты, обыкновенно покрывающіе курганъ, во-вторыхъ—выдергивать съ корнями полукустарныя растенія (верескъ, канаберникъ, воронякъ и т. п.), всегда цѣпкимъ ковромъ окутывающія курганныя формы, въ-третьихъ—снимать, по всему пространству насыпи, ея ровиковъ и перешейковъ, дерновой покровъ, въ четвертыхъ—срѣзывать съ большими предосторожностями, дабы не нарушить строенія насыпи, оплетающіе всегда курганную насыпь сплошной сѣткой корни молодняка, кустарниковъ и полукустарныхъ растеній, а иногда и выкорчевывать съ большою тщательностью и немалыми усиліями старые пни вѣсковыхъ деревьевъ, кѣмъ-то и когда-то срубленныхъ на курганѣ. Послѣ

перечисленныхъ подготовительныхъ работъ начиналась сама раскопка. Съ этого момента трудности, казалось, еще болѣе увеличивались: пришлось изучать каждую горсточку земли насыпи, чтобы уловить направленіе углевыхъ бревенъ, размѣры послѣднихъ, сдѣлать вѣрные промѣры, отмѣтить ориентировку по сторонамъ горизонта, постигнуть въ хаосѣ углей и пепла построеніе насыпи, сортъ дерева и т. п. Въ массѣ углепепла насыпи, зачастую, нужно было съ большими трудностями разбираться, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ добытая деталь построенія дополнялась новыми подробностями лишь въ другомъ курганѣ. Съ подобными трудностями и темнотою врядъ ли случалось встрѣчаться кому бы то ни было изъ изслѣдователей. Между тѣмъ эта именно особенность сестрорѣцкихъ угольныхъ кургановъ превосходитъ всякое описаніе. Особенно трудными оказались на дѣлѣ круглые курганы. Нѣсколько легче давалось обследованіе удлинненныхъ кургановъ, и въ особенности, квадратныхъ.

5. Отчетъ о раскопкахъ.

Курганная группа западнаго побережья С. разлива Курганъ № 21. Это № 3 рис. 5. Расположенъ на низменномъ узкомъ побережьѣ, шагахъ въ 25-ти отъ разлива. На отлогостяхъ вѣковья сосны, на площадкѣ вершинки сосновый молоднякъ и кусты ольхи. По формѣ основанія круглый, вершинка плоскій кругъ. Сползаніе насыпи на О, въ сторону наклона мѣстности. Вокругъ подошвы прерывистый ровикъ съ едва примѣтными, узкими перешейками. По внѣшности курганъ типа рис. 9 (стр. 74). Размѣры: окружность основанія 22 с. 1 ар., окружность вершинки 13 саж. 2 ар., кривая образующая 7 с., высота—1 ар. 7 в., ширина ровика 2—4 ар. и глубина его 10—14 в. Пробная яма, вырытая на NW отъ кургана, дала жидкій дерновой слой 1 в., а дальше желтоватый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли насыпи и круглымъ колодцемъ, размѣровъ ея основанія, подъ горизонтомъ на глубину до 1, бар. Подъ дерномъ усмотрѣны два прямоугольныхъ углевыхъ пятна, расположенныя одно въ N. и другое въ S. половинѣ насыпи (рис. 16). 4—5 в. ниже обнаружены: сначала—лежація короткія углевья бревна, покоившіяся попереку срединной линіи длины углеваго пятна, а затѣмъ по 8—9 стожихъ углевыхъ бревна (діам. 4—5 дм.), опредѣлявшія границы углевыхъ прямоугольниковъ (длина 4—5 ар. и ширина 3 ар.), при чемъ промежуточная между послѣдними полоса 1 арш. Дальнѣйшая раскопка

выяснила, что каждый изъ прямоугольниковъ составленъ такъ: на горизонтѣ прямоугольная, сильно обожженная, присыпка изъ бѣлаго крупнаго песку, превосходящая очертанія прямоугольника на 8 в., толщиной 2—3 в.; черезъ нее вбиты въ почву сосновыя и еловыя бревна (срублены наискось, подъ угломъ 30—50 гр.), которыя совершенно обуглены, почему и распались кое-гдѣ на составляющіе ихъ угли; между ними сложены два костра (по одному на прямоугольникъ) изъ еловыхъ и сосновыхъ бревенъ (нижній рядъ въ NS направленіи, слѣдующій—въ WO и т. д., всѣхъ рядовъ четыре), которыя совершенно обуглились и мѣстами распались на составляющіе ихъ угли; поверхъ костровъ уголь сожженныхъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей и можжевельника; на нихъ точкообразныя слабыя остатки пережженныхъ костей и пепель; каждый изъ костровъ прикрывала двускатная крыша. Бревна костровъ діаметра 2—5 дм. Срѣзь cadaго изъ нихъ косою (подобно стоячимъ бревнамъ). Бревна эти обуглены и распались на ряды углей, по которымъ все же можно, хотя и съ трудомъ, судить о построеніи кургана. За предѣлами прямоугольниковъ мелкіе угли и пепель костровъ. Насыпь земли кургана по объему отвѣчаетъ объему земли выемки ровика. Судя по жидкому дерновому слою, нужно предполагать, что вершину кургана сдувало вѣтромъ и, быть можетъ, такимъ путемъ снесены и костяные остатки трупосожженія. Два костра указываютъ на два трупосожженія. Раскопка подъ горизонтомъ убѣдила въ правильномъ залеганіи слоевъ земли, совершенно отвѣчавшемъ залеганію ихъ въ пробной ямѣ.

Курганъ № 22 (рис. 5 № 18). Расположенъ на оконечности болотистой косы, затопляемой водами С. разлива, вокругъ которой залегаетъ Бобылевское болото побережья. Порось кустами березы, ольхи, можжевельника и болотными травами. Дерновой слой болотистаго происхожденія и весь пропитанъ влагою. Курганъ круглый. Вершинка круглая и слегка вогнутая центрально. Насыпь расплывчатая. Кругомъ прерывчатый ровикъ, наполненный водою и болотными образованіями сфагнома. По внѣшности курганъ типа рис. 9 (на стр. 74). Размѣры: окружность основанія 22 с., окружность вершинки не удалось опредѣлить, такъ она изуродована кустарными зарослями, кривая—образующая 6 с. 2 ар., высота 9 в., ширина ровика 2—3 ар., глубина его не опредѣлена, потому что ровикъ зятанутъ болотными отложеніями. Пробная яма, вырытая на N, за ровикомъ, дала дерновой слой болотнаго чернозема 2—3 в., ниже желтоватый мелкій песокъ. Подъ дерномъ, въ водѣ, усмотрѣны расположенные квадратно угли короткихъ бревенъ

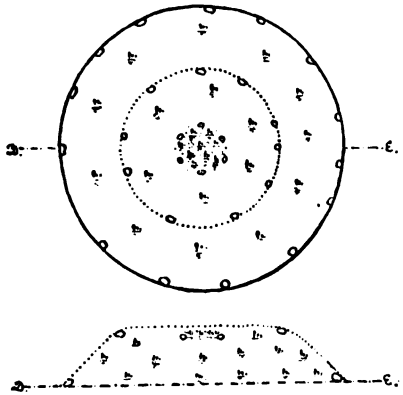
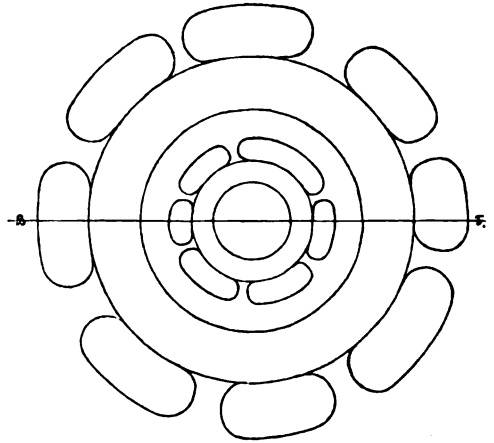

Рис. 9. Курганъ № 2 (стр. 15).

Профиль 1го яруса крѣпкого кургана.

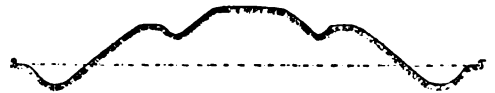

Рис. 10. Курганъ двурядный.

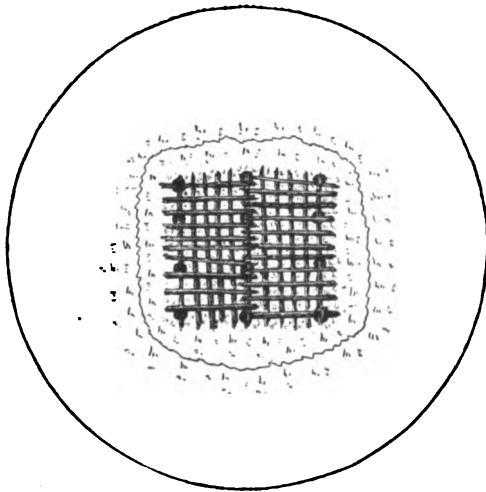

Рис. 11. Курганъ № 39.

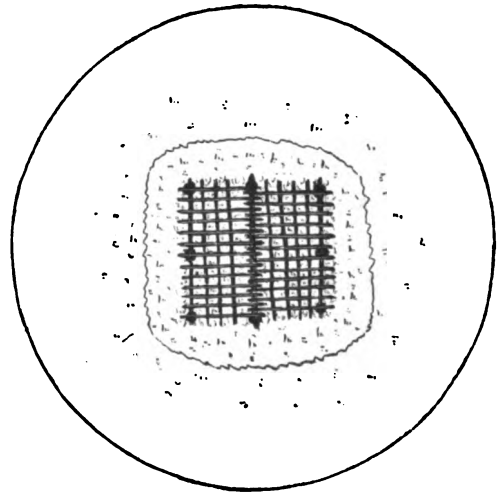

Рис. 12. Курганъ № 36.

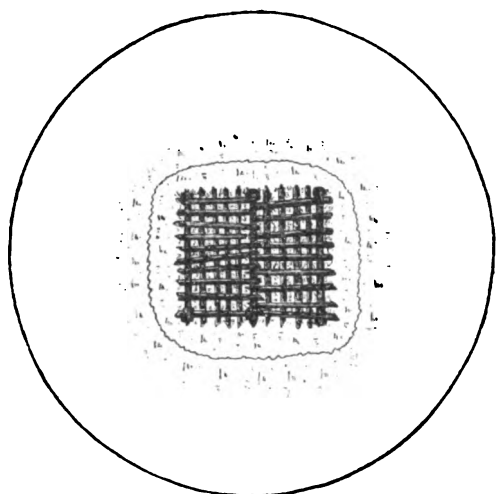

Рис. 13. Курганъ № 37.

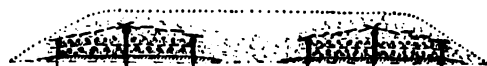
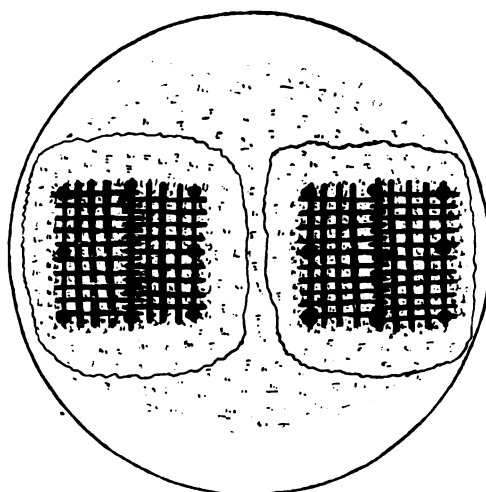

Рис. 14. Курганы № 14, 15, 18 и 30.

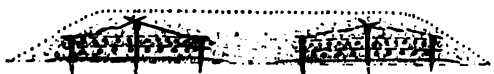
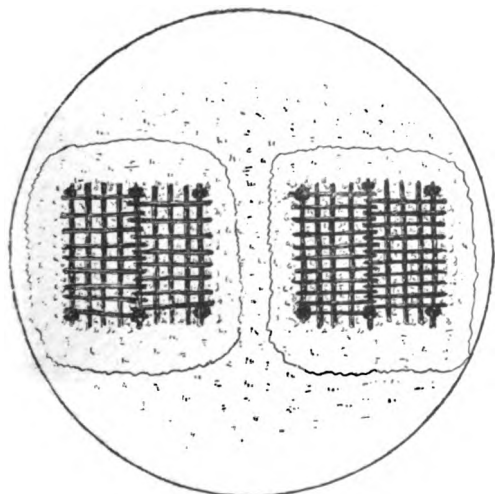

Рис. 15. Курганъ № 22.

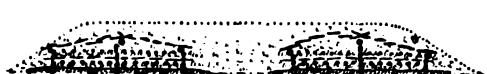
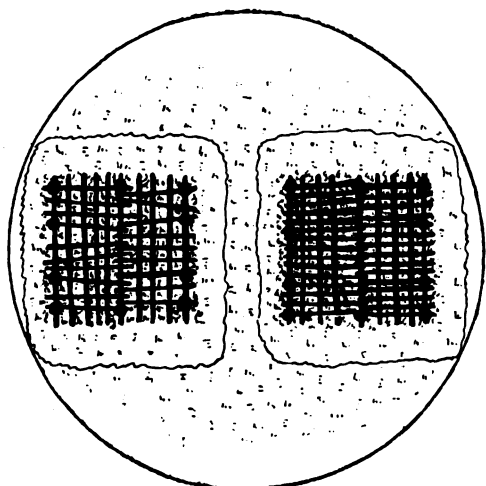

Рис. 16. Курганъ № 21.

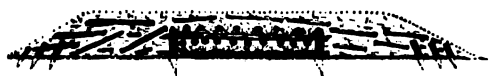
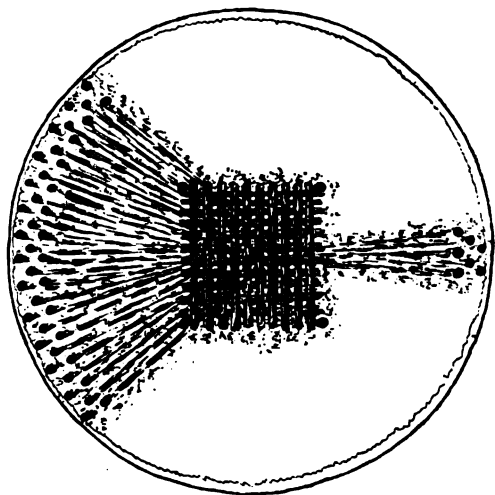

Рис. 17. Курганъ № 27.

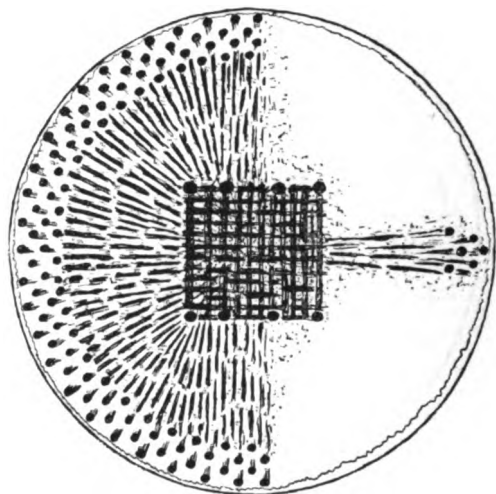

Рис. 18. Курганъ № 23.

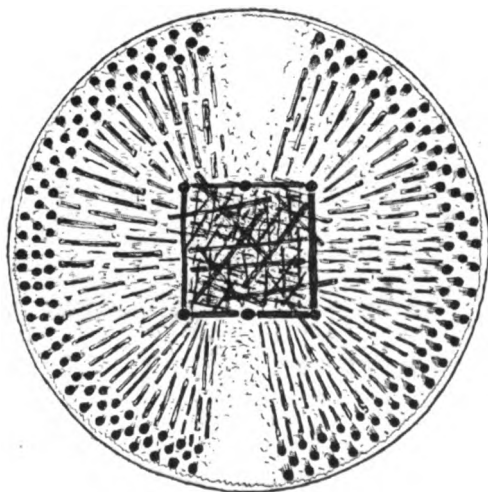

Рис. 19. Курганы № 24, 26 и 35.

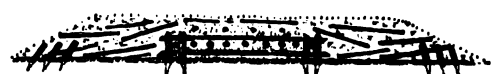
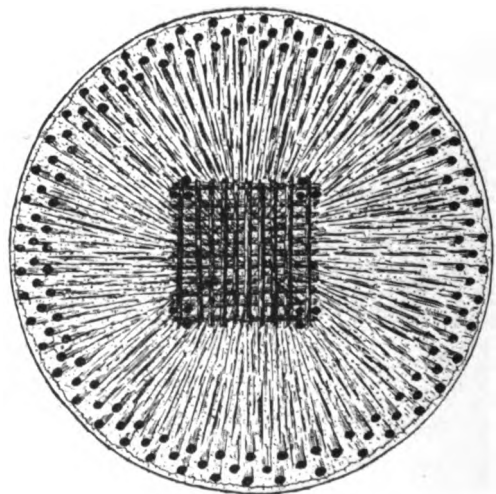

Рис. 20. Курганы № 19, 20, 32, 40.

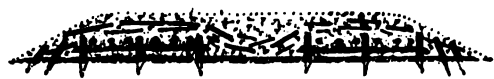
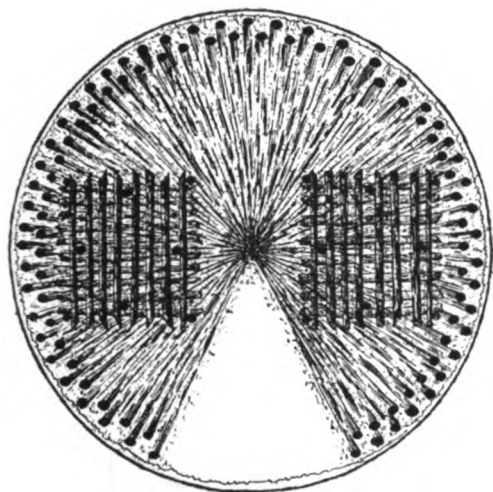

Рис. 21. Курганъ № 33.

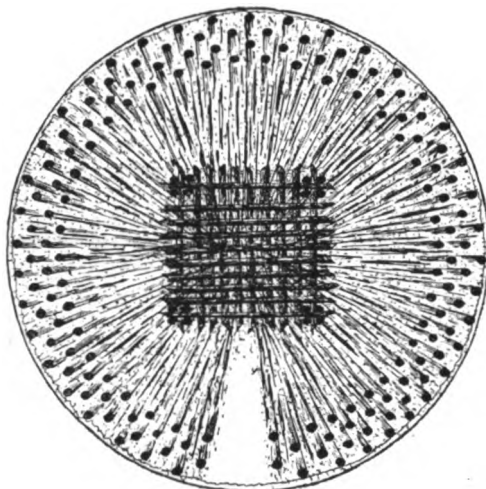

Рис. 22. Курганъ № 28 и 29.

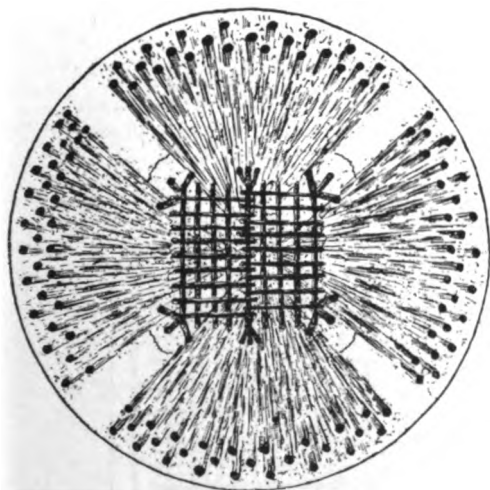

Рис. 23. Курганы № 31 и 34.

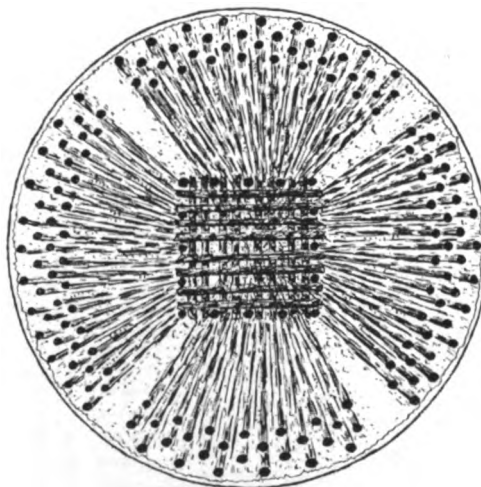

Рис. 24. Курганы № 25, 38 и 61.

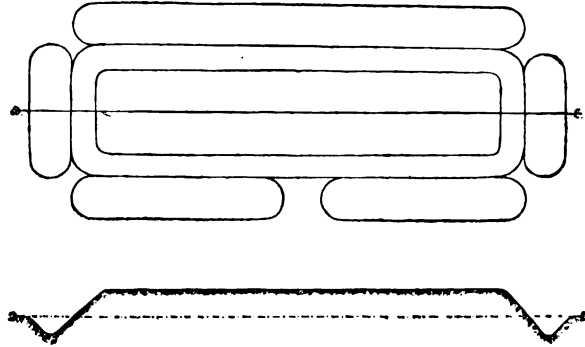

Рис. 25. Курганы № 41—45.

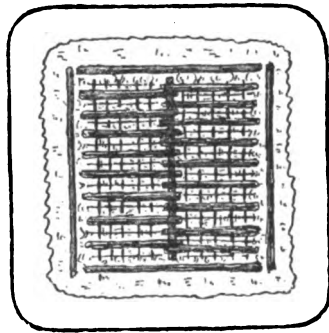

Рис. 26. Курганъ № 49.

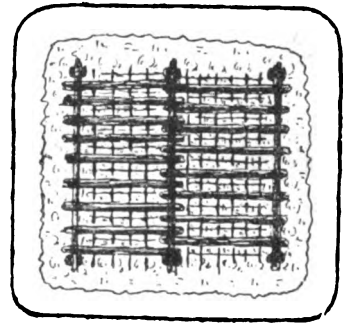

Рис. 27. Курганъ № 45.

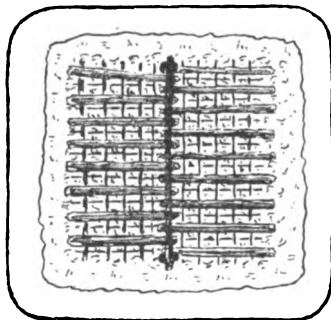

Рис. 28. Курганы № 44, 54, 58.

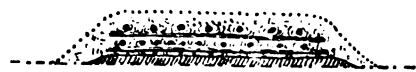
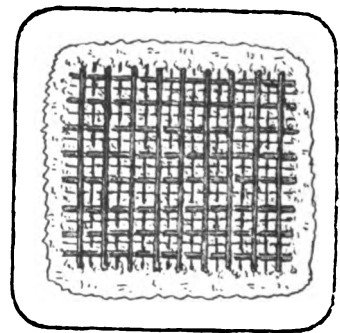

Рис. 29. Курганы № 59 и 60.

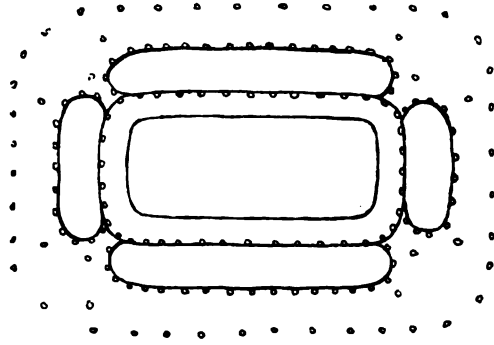

Рис. 30. Кургань № 48.

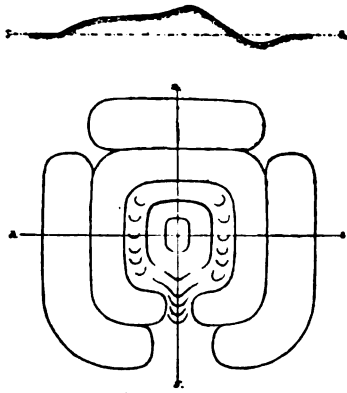

Рис. 31. Планъ кургановъ рис. 32 и 33.

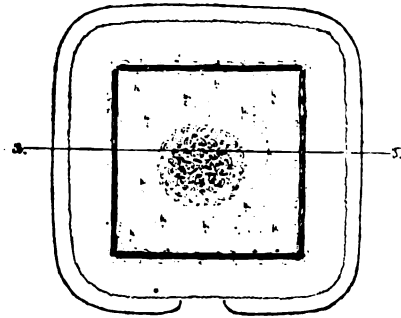

Рис. 32. Курганы № 51—53, 55—57.

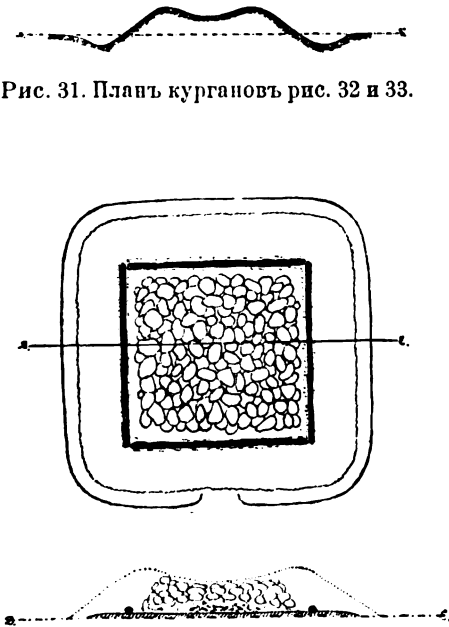

Рис. 33. Курганы № 51—53, 55—57.

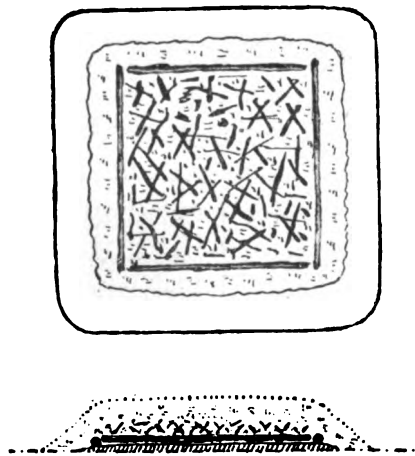

Рис. 34. Курганы № 46 и 50.

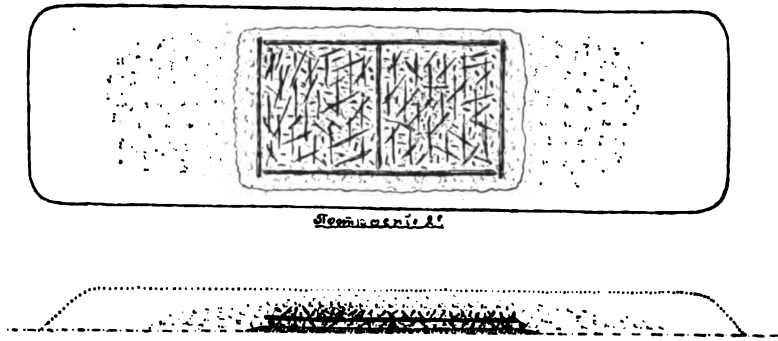

Рис. 35. Курганы № 10 и 16.

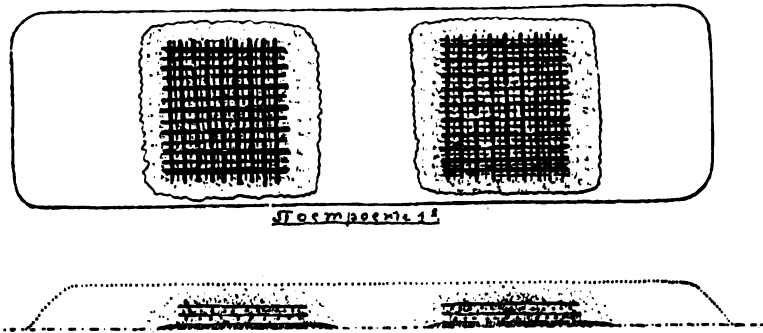

Рис. 36. Курганы № 11.

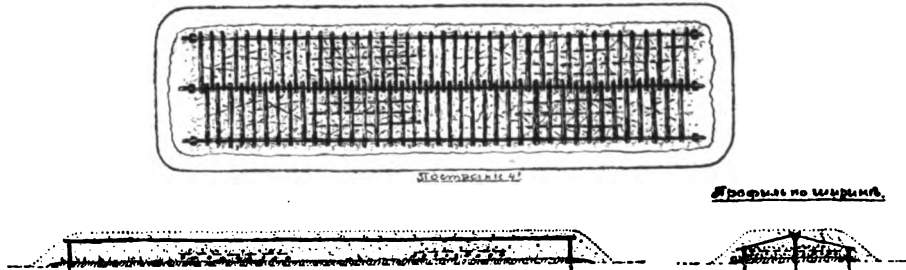

Рис. 37. Курганы № 47 и 48.

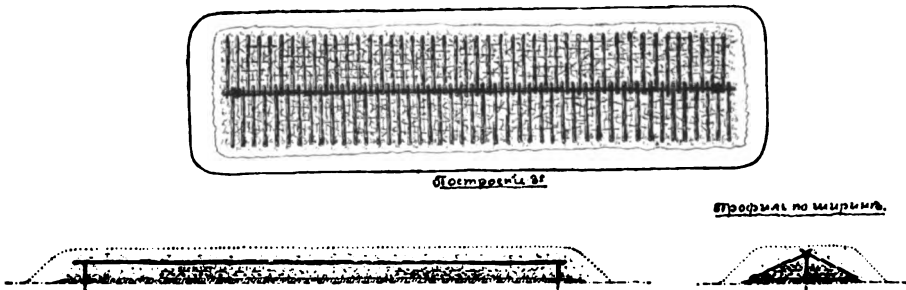

Рис. 38. Курганы № 41—43.

(елов. и сосн., діам. 2—4 дм.) двускатной крыши (рис. 15). Последнихъ наблюдено двѣ, и онѣ прикрывали—каждая одинъ костеръ. Центральная часть и края скатовъ находились на трехъ лежащихъ углевыхъ бревнахъ (сосн., діам. 4—5 дм.), имѣвшихъ NO—SW направленіе. Каждый изъ костровъ опредѣляли 7—8 стоячихъ углевыхъ бревна (сосн. и елов., діам. 4—6 дм.), опущенныхъ заостренными односторонне концами подъ горизонтъ земли. Бревна костровъ распались на составляющіе ихъ угли. Размѣры костровъ: въ сторонѣ квадрата 3—4 арш. Между квадратами костровъ промежутокъ въ 1,5 ар. Бревна лежали горизонтально въ 2—4 ряда (сосн. и елов., діам. 3—5 дм.). Ниже, на горизонтѣ обнаружена подъ каждымъ изъ костровъ присыпка (толщиною 2—3 в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку, размѣрами слегка превосходившая площадь квадрата основанія костра. Въ остальномъ курганъ аналогиченъ съ предыдущимъ. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 23 (рис. 5 № 10). Расположенъ по гребню высокой части старой дюны, въ сосновомъ лѣсу, вблизи дачъ (участки №№ 61 и 62). Отсюда прекрасный видъ, между кронъ деревьевъ, на С. разливъ. На отлогостяхъ вѣковыя сосны, на вершинкѣ сосновый молоднякъ. По формѣ основанія круглый, вершинка—плоскій кругъ съ легкой центральной выемкой; сползаніе насыпи въ W направленія (наклонъ дюны). Вокругъ основанія прерывчатый ровикъ съ яснымъ горизонтнымъ перешейкомъ съ NO. По внѣшности курганъ типа рис. 9 (стр. 74). Размѣры: окружность основанія 20 с., окружность вершинки 15 с., кривая—образующая 7 с. 1 ар., высота 1 ар. 8 в., ширина ровика 3—4 ар. и глубина 1—1,5 ар., длина перешейка 2,5 ар. Пробная яма, вырытая въ SO направленія, дала: жидкій дерновой слой (1—1,5 в.), сѣрый мелкій песокъ (2—3 в.) и дальше однородный мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи круглымъ колодезь, размѣровъ и фигуры площади основанія кургана. Подъ дерномъ усмотрѣны (рис. 18): въ центральной части квадратное угольно-пепельное пятно, съ краю, со стороны NWS такое же пятно ввидѣ полукольца (1—1,5 арш. ширины) и съ краю, со стороны О, небольшое квадратное угольно-пепельное пятно (діам. 1—1,5 арш.). Двумя—тремя вершками ниже оказались: радіально расположенные отъ NWS полукольца къ центру кургана угли углевыхъ (сосн. и елов.) бревенъ (комлевые концы направлены къ окружности основанія кургана), къ центру же протягивались угли нѣсколькихъ углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 4—6 дм.), простиравшихся отъ О—угольнаго пятна.

NO и SO секторы насыпи оказались свободными от угле-пепла. Когда были сняты угли радиальные и угли О-хъ бревень, обнаружены, квадратно (въ сторонѣ 3—4 арш.), въ центральной части насыпи восемь сосновыхъ стоячихъ углевыхъ бревна (по четыре съ N и S сторонъ, діам. 4—6 дм.), отвѣчавшихъ центральному квадратному угольно-пепельному пятну, вбитыхъ подъ горизонтъ земли (заостреніе одностороннее, подъ угломъ въ 45—50 гр.). Между ними до низу лежали два — три ряда углевыхъ бревень (сосн. и елов., діам. 3—6 дм., длиною 3—4 арш.) костра. На мѣстѣ угольно-пепельнаго полукольца оказались 2—3 ряда наискось (наклонъ къ центру кургана, въ 45—50 гр.) стоячихъ углевыхъ бревень (сосн. и елов.), отстоявшихъ одно отъ другого на 6—9 верш. Эти послѣднія бревна заостренными (односторонне) концами опущены были подъ горизонтъ земли на 6—7 верш. На мѣстѣ О-го угольно-пепельнаго пятна найдены 4—5 тѣсно стоявшихъ углевыхъ бревна (сосн., діам. 4—6 дм.), утвержденныхъ концами (заостреніе одностороннее) подъ горизонтомъ земли и наклоненныхъ къ центру кургана (наклонъ 45—50 гр.). На горизонтѣ, по размѣру площади основанія, оказалась присыпка (толщиною 2—4 в.) изъ крупнаго желтоватаго песку, сильно обожженная въ мѣстѣ костра, полукольца и О-го углеваго пятна. Пространство со стороны NWS между костромъ и полукольцомъ углевыхъ бревень заполнено мелкими углями и пепломъ. Верхній слой костра составляли угли сосновыхъ и еловыхъ сучьевъ и можжевельника. На угле-пеплѣ ихъ примѣчались слабые признаки пережженного костяного порошка. Въ этомъ курганѣ, видимо, выполнено одиночное трупосожженіе на квадратномъ кострѣ, при чемъ костеръ прикрывало $\frac{1}{2}$ —шатровое прикрытіе съ NWO, поддерживаемое съ О нѣсколькими, наискось стоявшими, бревнами. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 24 (рис. 5 № 9). Расположенъ на О покатости дюны, гдѣ таковая покатость переходитъ съ одной стороны на SO въ мысокъ, гдѣ помѣщается курганъ № 18, и съ другой стороны на S незамѣтно превращается въ болотистую низинку побережья С. разлива. На отлогостяхъ насыпи березы. Вершинка поросла густо кустами ольхи и можжевельника. Въ двухъ мѣстахъ ея дерновой покровъ испорченъ птицеловами для установки клѣтокъ-западныхъ. По формѣ основанія круглый. Вершинка плоскій кругъ, слегка выемчатый центрально. Вокругъ основанія насыпи прерывчатый ровикъ, какъ-бы составленный изъ 10 отдѣльныхъ ровиковъ, перешейки между которыми углублены на 2—4 верш. По внѣшности курганъ типа рис. 9 (на стр. 74). Размѣры:

окружность основанія 23 с. 1 ар., окружность вершинки 14 с., кривая—образующая 7 с. 1 ар., высота 1 ар. 5 в., ширина ровиковъ 3—4 ар. и глубина ихъ 8 в.—1 ар. 6 в. Пробная яма, вырытая съ S стороны, за ровикомъ, дала: дерновой слой 1,5—2 в., сѣрый мелкій песокъ 2—3 в. и дальше желтый мелкій песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи и подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. Подъ дерномъ (рис. 19) угольно-пепельный слой съ просвѣтами съ N и S. Вершкомъ—двумя ниже угли и пепель, располагавшіеся радіально отъ центра къ окружности основанія въ O и W половинахъ съ просвѣтомъ, шириною 2—3 арш., (въ районѣ окружности основанія) на N и S. Эти угли и пепель, видимо, остатокъ двухъ полушатровыхъ прикрытій (сосн. и елов. бревна, діам. 3—6 дм., обращенныя комлевыми концами къ окружности основанія). На глубинѣ 6 в. въ центральной части насыпи квадратъ (стороны ориентированы по главнымъ сторонамъ горизонта и имѣютъ 3—4 арш.) угле-пепла (толщина 1—1,5 в.) отъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ и можжевельника. Въ этомъ слоѣ замѣчались чуть примѣтные признаки пережженного костяного порошка. Далѣе этотъ районъ ограничивается 6 стоячими углевыми бревнами (сосн., діам. 4—6 дм.), опущенными заостренными (односторонне и наискось) концами подъ горизонтъ (на глубину 4—6 в.), изъ коихъ 3 приходились на N сторону и 3 на S. Ниже, въ предѣлахъ квадрата, залежали въ нѣсколько рядовъ угли углевыхъ бревенъ костра (дубовые, діам. 3—8 в., длиною 3—4 ар.). Еще 4 в. глубже обнаружены въ O и W половинахъ, съ краю насыпи, три ряда наискось (наклонъ къ центру въ 40—50 гр.) стоячихъ углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 2—6 дм.), опущенныхъ подъ горизонтъ земли въ разстояніи 4—10 в. другъ отъ друга. На горизонтѣ земли круглая, размѣровъ и формы площади основанія, присыпка (толщиною 2—4 в.) изъ крупнаго желтаго песку, сильно обожженная подъ костромъ, и углевыми полукольцами основаній полушатровъ. Пространство между квадратомъ костра и полукольцами занято углями, пепломъ и землею насыпи. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли. Въ NO части насыпи, съ краю вершинки, на глубинѣ 4—6 в., среди углей O полушатра обнаруженъ ножъ съ кольцомъ (мѣдное безъ спайки) для рукоятки (рис. 40 № 15 и 16).

Курганъ № 25 (рис. 5 № 12). Расположенъ въ 8—10 шагахъ на NO отъ предыдущаго кургана, при чемъ ровики обояхъ кургановъ до нѣкоторой степени соприкасаются. Отлогости насыпи O половины поросли березами, соснами, можжевельникомъ и кустами ольхи.

*

SW часть вершинки и отлогость той же стороны покрыты кустами ольхи и можжевельника. По формѣ основанія круглый. Вершинка—плоскій кругъ. Вокругъ основанія прерывчатый ровикъ съ явственнымъ горизонтнымъ перешейкомъ на S. По вѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 28 с. 1 ар., окружность вершинки 16 с. 2 ар., кривая—образующая 10 с., высота 1 ар. 7 в., ширина ровика 2—4 ар., глубина его до 1,5 ар. и длина перешейка 1 с. Пробная яма на NO отъ кургана дала: дерновой слой 1,5—2 в., мелкій сѣрый песокъ 1—2 в. и глубже желтый мелкій песокъ. Раскопка производилась послонной съемкой всей насыпи и продолжалась подъ горизонтомъ круглымъ колодеземъ размѣровъ площади основанія. Подъ дерномъ усмотрѣнъ угольно-пепельный слой по всему пространству насыпи. На глубинѣ 4 в. находились угли (рис. 24), располагавшіеся густо, съ радіальнымъ направленіемъ отъ центра насыпи къ ея окружности основанія, съ узкими (шириною 1—1,5 ар. по окружности основанія) просвѣтами, гдѣ и желтъль песокъ насыпи. Между углями пепель. Угли сосновые идутъ въ перемежку съ дубовыми (діам. сосн. 4—6 дм., дубов. 4—5 в.). Видимо, это остатки крестообразнаго шатра, прикрывавшаго костеръ и составленнаго изъ сосновыхъ и дубовыхъ бревенъ. 4-мя вершинами глубже, въ центральной части кургана, обнаружено 16 стоячихъ углевыхъ бревенъ (соснов., діам. 3—6 дм.), опущенныхъ концами (обычный срубъ нанское) подъ горизонтъ земли (на глубину 5—7 в.), изъ коихъ по пяти приходилось съ N и S сторонъ, а съ W и O по три. Эти бревна ограничивали собою квадратъ, имѣвшій въ сторонѣ 4 арш. Верхній слой квадрата составляли угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ, въ перемежку съ пепломъ и пережженнымъ костянымъ порошокомъ (едва примѣтень). Въ районѣ квадрата глубже шли въ пѣсколько рядовъ, горизонтально лежавшія (рядами въ переплетъ), углевые бревна (сосн. и елов., длиною около 4 арш., діам. 3—5 дм.). За 6 в. до горизонта, съ краю насыпи, въ N, S, O и W частяхъ ея, открыты четыре ряда, стоящихъ наискось (съ наклономъ къ центру въ 30—45 гр.), углевыхъ бревенъ (соснов. и дубов. въ перемежку), срубленныхъ наискось и опущенныхъ концами подъ горизонтъ земли (на 5—7 вер.). Каждый изъ четырехъ секторовъ стоячихъ углевыхъ бревенъ имѣлъ въ ширину около 2 арш. Бревна эти расположены то кучно, то съ промежутками въ 6—10 в. другъ отъ друга. Между рядами промежутки въ 4—8 верш. На горизонтѣ земли присыпка (толщиною 2—4 в.) изъ желтаго крупнаго песку, фигуры и размѣровъ площади основанія кургана, сильно обожженная подъ костромъ и въ мѣстахъ

рядовъ секторовъ крестообразнаго прикрытія. Пространство между костромъ и рядами секторовъ прикрытія заполнено обломками его углевыхъ бревенъ и пепломъ. Объемъ земли насыпи отвѣчаетъ объему земли выемки ровика. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 26 (рис. 5 № 14). Расположенъ къ SO отъ № 24 и 25 и имѣетъ съ послѣднимъ соприкасающійся ровикъ. Весь курганъ поросъ кустами можжевельника, ольхи и соснякомъ. По формѣ основанія круглый, вершинка—плоскій кругъ. Сползаніе насыпи отчетливое въ SW направленіи (наклонъ мѣстности). Вокругъ основанія прерывчатый ровикъ, какъ бы распадающійся на 10 участковъ, съ явственнымъ горизонтнымъ перешейкомъ на N. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 25 с., окружность вершинки 15 с., кривая-образующая 9 с. 1 ар., высота 1 ар. 9 в., ширина ровика 2—3 ар., глубина его до 1,5 ар. и длина перешейка 1 с. Пробная яма дала почвенныя наблюденія тѣ же, что и въ таковой кургана № 25. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи и подъ горизонтомъ круглымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія кургана. Подъ дерномъ по всей насыпи оказался угольно-пепельный слой. На глубинѣ 5 в. найдены угли (рис. 19), расположенныя радіально отъ центра къ окружности основанія, образуя два полукруглыхъ сектора въ W и O половинахъ съ просвѣтами песку и отчасти пепла, но безъ углей въ N и S частяхъ (ширина просвѣта по линіи окружности основанія около 2 арш.). Угли отъ сосновыхъ и дубовыхъ бревенъ (діам. 3—8 дм.). Еще на 4 в. глубже обнажился въ центральной части насыпи квадратъ углей, ориентированный сторонами на N, S, W и O (длина стороны около 4 ар.) и опредѣленный 6 стоячими углевыми бревнами (сосновые, 3 съ N и столько же съ S), діаметра 4—7 дм. Квадратъ по составу совершенно аналогиченъ съ таковымъ же кургана № 25. За 6 в. до горизонта въ O и W половинахъ, съ краю насыпи, обнаружены два ряда наискось (наклонъ къ центру въ 30—45 гр.) стоявшихъ углевыхъ бревенъ (сосн., діам. 3—5 дм. и дубовыхъ, діам. 4—6 в.), опущенныхъ концами (вышеуказанное заостреніе) подъ горизонтъ земли на глубину до 8 в. и составлявшихъ два полукруга съ просвѣтами на N и S. На горизонтѣ наблюдаена присыпка (толщиною 2—4 в.) изъ крупнаго бѣлаго песку, занимавшая всю площадь основанія и сильно обожженная подъ квадратомъ костра и основаніями полукружій. Раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 27 (рис. 5 № 11). Расположенъ на NW отъ № 24 и 25. Его ровикъ соприкасается съ ровиками этихъ кургановъ. Вершинка и отлогость покрыты дерновымъ слоемъ и поросли молоднякомъ березы и кустами можжевельника. По формѣ основанія круглый. Вершинка—плоскій кругъ. Вокругъ основанія прерывчатый ровикъ, какъ бы составленный изъ 12 участковъ, раздѣленныхъ углубленными въ разныхъ степеняхъ перешейками. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 11 с. 1 ар., окружность вершинки 7 с. 1 ар., кривая-образующая 4 с. 2 ар., высота 1 ар. 5 в., ширина ровика 2—3 ар. и глубина до 1 ар. 4 в. Пробная яма, вырытая на N отъ кургана, дала тѣ же почвенныя наблюденія, что и въ предшествовавшихъ двухъ курганахъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи съ углубленіемъ подъ горизонтъ круглымъ колодезъ по размѣрамъ площади основанія кургана. Подъ дерномъ на всей насыпи угле-пепель (рис. 17). На глубинѣ 4—5 в. находились, располагавшіеся радіально (комлевыми концами къ окружности основанія), угли $\frac{1}{4}$ шатра въ NW части кургана. Съ SO стороны отъ центра кургана къ окружности основанія тянулись угли бревенъ подпорки. Угли перемѣшаны съ пепломъ. Прикрытіе и его подпорка, видимо, составлены изъ еловыхъ, сосновыхъ и березовыхъ бревенъ вперемежку (діам. ихъ 3—4 в.). 3—4 вершками ниже, въ центральной части кургана усмотрѣны 4 стоячихъ углевыхъ бревна (сосн., діам. 3—5 дм.), опредѣлявшихъ квадратъ (около 1 с. въ сторонѣ), углы котораго ориентированы были на N, O, S и W. Помимо нихъ, квадратъ составляли: угле-пепель сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, а среди нихъ ничтожная примѣсь пережженного костяного порошка. Глубже въ нѣсколько рядовъ шли, горизонтально, углевые бревна (сосн., елов. и березов., длиною около 1 с. и діам. 3—4 в.) костра. За 8—10 в. до горизонта, въ районѣ $\frac{1}{4}$ шатра и подпорки, съ краю насыпи усмотрѣны наискось (наклонъ къ центру кургана) стоявшія углевые бревна, опущенныя заостренными (заостреніе обычное—наискось) концами на 3—4 в. подъ горизонтъ земли. Эти бревна изъ сосны, ели и березы, діаметра 3—4 в. Бревна прикрытія идутъ въ два ряда, то гуще, то рѣже, на разстояніи 4—8 в. Пространство между $\frac{1}{4}$ —кольцомъ стоячихъ бревенъ и квадратомъ углей костра, а также между послѣднимъ и концами подпорки заполнено углями и пепломъ, видимо, отъ свалившихся частей углевыхъ бревенъ прикрытія и подпорки. На горизонтѣ найдена присыпка (толщиною 1,5—4 в.), занимавшая площадь основанія насыпи. Въ предѣлахъ квадрата костра и основаній при-

крытія и подпорки песокъ (крупный, бѣловатый) присыпки сильно обожжены, а въ прочихъ мѣстахъ нѣтъ. Продолженіе раскопки подь горизонтомъ дало петронутые слои земли.

Курганъ № 28 (рис. 5 № 22). Расположенъ на подошвѣ SO ската старой и высокой дюны, въ 200 шагахъ отъ С. разлива. По виду курганъ блинчатый. На отлогостяхъ его вѣковыя сосны и нѣсколько молодыхъ сосенокъ. По формѣ основанія круглый. Вершинка плоскій кругъ съ наклономъ на SSO (покатость дюны). Въ этомъ-же направленіи и сползаніе насыпи. Вокругъ кургана прерывчатый ровикъ, какъ-бы составленный изъ 10 меньшихъ, раздѣленныхъ углубленными перешейками, соприкасающійся въ SSO стороны съ ровикомъ кургана № 23. По внѣшности курганъ типа рис. 9, на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 20 с., окружность вершинки 13 с. 1 ар., кривая-образующая 6 с. 2 ар., высота 15 в., ширина ровика 2—3 ар. и глубина его до 1 ар. Пробная яма, вырытая на W отъ кургана, дала: дерновой слой 1—1, 5 в., сѣрый песокъ 2—4 в. и ниже желтый песокъ. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей насыпи и подь горизонтомъ колодцемъ формы и размѣровъ площади основанія кургана. Подь дерномъ угольно-пепельный слой по всей насыпи (рис. 22.) На глубинѣ 2—3 в., по всему пространству насыпи, кромѣ небольшого просвѣта съ SO стороны (просвѣтъ въ видѣ сферическаго треугольника—вершинка у центра насыпи, а сферическая сторона, длиною около 2 ар., съ SO), пепель и угли углевыхъ бревень (сосн. и елов., діам. 3—5 дм.), имѣвшихъ радіальное направленіе отъ центра къ окружности основанія насыпи. На глубинѣ 4—6 в., въ центральной части насыпи, подь предшествовавшимъ угольно-пепельнымъ слоемъ, усмотрѣны 16 стоячихъ углевыхъ бревна (сосн. и елов., діам. 4—6 дм.), составлявшихъ по четыре (съ промежутками, гдѣ лежали концы углевыхъ бревень костра) углы квадрата (длина стороны около 4 ар.), ориентированные на N, O, S и W. Въ остальномъ построеніе квадрата (расположеніе горизонтальныхъ углевыхъ бревень) и составъ его (угли, пепель, костяной порошокъ) тѣ-же, что и въ предыдущемъ курганѣ. За 5—7 в. до горизонта, съ краю насыпи, за исключеніемъ SO просвѣта, шли въ два ряда (съ промежуткомъ въ 6—8 в.) навскось (наклонъ къ центру) стоявшія углевые бревна (соснов. и елов., діам. 3—6 дм.) шатра—прикрытія костра. Пространство между костромъ и кольцомъ углевыхъ бревень заполнено углями и пепломъ шатра, видимо, обрушившимися послѣ сторанія и уплотненными тяжестью земли насыпи кургана. На горизонтѣ присыпка (толщиною 1—4 в.) изъ крупнаго сѣраго песку по всей площади осно-

ванія кургана. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли. Объемъ выемки земли ровика отвѣчаемъ объему земли насыпи кургана.

Курганъ № 29 (рис. 5 № 23). Расположенъ на SO отъ № 28, рядомъ съ нимъ. Насыпь его приходится въ болотистой низинкѣ, заливаемой высокой водой С. разлива. Покрываетъ плотнымъ дерновымъ слоемъ. Поросъ молоднякомъ березы и сосны, а также кустами ольхи и можжевельника. По формѣ основанія круглый. Вершинка плоскій кругъ, слегка приподнятый съ NW. Вокругъ основанія прерывчатый ровикъ, составленный какъ-бы изъ 9 ровиковъ, раздѣленныхъ перешейками, въ большей или меньшей степени углубленными. По внѣшности курганъ типа рис. 9 (на стр. 74). Размѣры: окружность основанія 16 с. 2 ар., окружность вершинки 9 с. 1 ар., кривая-образующая 4 с. 2 ар., высота 14 в., ширина ровика 3—4 арш., глубина его 6—14 в. Пробная яма, вырытая въ S направленіи, дала: болотистый растительный слой 3—4 в., сѣрый песокъ (2—3 в.) и желтый песокъ (ниже), пропитанный водою. Отсюда можно предположить, что болотистая низина стала таковою вполнѣдствіи, т.-е. уже послѣ возникновенія кургана, такъ какъ ни почва насыпи кургана по составу, ни горизонтъ площади основанія не заключаютъ въ себѣ болотистаго растительнаго слоя. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ круглымъ колодезь размѣровъ площади основанія кургана. Подъ дерномъ верхній слой составлялъ желтый песокъ съ углемъ и пепломъ по всей насыпи (рис. 22). На глубинѣ 4—5 в. идутъ пепель и угли отъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 3—6 дм.) шатра съ просвѣтомъ (съ S), располагавшіеся такъ же, какъ и въ предыдущемъ курганѣ. Секторъ просвѣта имѣлъ въ ширину по линіи основанія около 2 арш. Тремя верхками ниже, подъ предыдущимъ слоемъ, въ центральной части насыпи, 16 стоячихъ углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 4—6 дм.), составлявшихъ квадратъ (въ сторонѣ 1 с.), ориентированный сторонами своими на N, O, S и W, причеъ въ углахъ квадрата по три бревна (съ промежутками, гдѣ приходились угли концовъ лежачихъ бревенъ костра) и по одному такому бревну въ серединѣ каждой изъ сторонъ его. Въ остальномъ построеніе и содержаніе квадрата аналогично съ таковыми кургана № 27. За 6—8 верш. отъ горизонта, по окружности основанія насыпи, съ просвѣтомъ на S, идутъ въ два ряда, полосою въ 2 арш. ширины, наискось (наклонъ къ центру насыпи) стоячія углевые бревна (сосн. и елов., діам. 3—6 дм.), опущенныя заостренными концами (заостреніе обычное) на 3—5 в. подъ горизонтъ земли. Бревна въ каждомъ изъ рядовъ расположены то кучно,

то рѣже (съ промежутками въ 4—8 в.). Пространство между квадратомъ костра и кольцомъ углевого шатра заполнено углями и пепломъ шатра. На горизонтѣ присыпки не усмотрѣно. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 30 (рис. 5 № 26). Расположенъ на мысу горизонтнаго участка отлогости высокой старой дюны. Съ N, O и S окруженъ болотистой низиной, заливаемой высокой водой С. разлива, въ 200 шагахъ отъ берега его. Покрываетъ густымъ ковромъ канаберника и вереска. Мѣстами поросъ кустами можжевельника. Сбоку—видъ усѣченнаго конуса. По формѣ основанія круглый, вершинка круглая и плоская (имѣла выпуклость въ O части). Сползаніе насыпи явственное въ W направленіи. Вокругъ основанія прерывчатый ровикъ, какъ-бы составленный изъ 10 ровиковъ, разьединенныхъ углубленными (на 2—4 в.) перешейками. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 20 с., окружность вершинки 10 с. 2 ар., кривая-образующая 6 с. 1 ар., высота 1 ар. 14 в., ширина ровика 3—4 ар. и глубина его 10—15 в. Пробная яма, вырытая въ W направленіи, дала: растительный слой 1—1,5 в., сѣрый песокъ 2—3 в. и ниже желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ колодцемъ, фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. Подъ дерномъ обнаружена закопченная и слегка обожженная земля въ $\frac{2}{3}$ центральной части насыпи (рис. 14). На глубинѣ 4—6 в. усмотрѣно два прямоугольника (5 ар. X 4 ар.) углей,—одинъ въ N и другой въ S части насыпи, имѣвшіе OW направленіе. Угли принадлежали короткимъ углевымъ бревнамъ (сосн. и елов., діам. 3—4 дм.), имѣвшимъ NS направленіе и концами соприкасавшимся на продольномъ (OW направленіе) углевомъ бревнѣ, лежавшемъ по серединѣ каждаго изъ прямоугольниковъ. Угли этихъ прямоугольниковъ опредѣляли углевые бревна (сосн. и елов., діам. 4—6 дм.), опущенныя подъ горизонтъ земли на глубину 4—7 в. обычно заостренными концами. По серединѣ каждой изъ O и W сторонъ прямоугольниковъ находилось по стоячему бревну. На этихъ стоячихъ бревнахъ, видимо, и покоились перекладыны двускатной крыши, прикрывавшія каждый изъ прямоугольниковъ. Подъ углями и пепломъ крыши обнаружены угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ съ ничтожными остатками пережженного костяного порошку. Ниже мощнымъ слоемъ, почти въ 1 арш. толщиною, шли углевые бревна (сосн. и елов., діам. до 5 в., длиною около 5 ар.), лежавшія въ OW направленіи, при чемъ нижнія изъ нихъ оказались расколотыми продольно и лежащими плашмя на

присыпкѣ (толщиною въ 3—5 в.) изъ бѣлаго крупнаго песку, которая усмотрѣна подѣ каждымъ костромъ, превосходя его контуры приблизительно на $\frac{1}{2}$ арш. Присыпка сильно обожжена, преимущественно подѣ кострами. Между прямоугольниками костровъ промежутокъ шириною около 4 арш. На присыпкѣ, подлѣ каждого изъ костровъ съ О и W сторонъ залегала, кругообразно (діам. около 1 арш.), обугленная земля и на ней кучка углей (соснов. и елов. сучьевъ) и пепла, слоемъ толщиною въ 4—5 в. За предѣлами присыпки земля насыпи содержала, спорадически разбросанный, мелкій уголь и комочки пепла. По составу земля насыпи есть перевернутая земля ровика. Объемы ихъ почти одинаковы. Дальнѣйшая раскопка подѣ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганная группа Сосновой горы. Курганъ № 31 (№ 5). Расположенъ на горизонтальной площадкѣ у подошвы О-ой отлогости горы (въ дѣйствительности массивной старой дюны), бокъ о бокъ съ болотистымъ лугомъ, тянущимся къ озеру Выпуярви и возникшемъ послѣ образованія С. разлива. Покрываетъ плотнымъ дерновымъ слоемъ и поросъ молоднякомъ осины и кустами можжевельника. По формѣ основанія круглый, вершинка—выпуклый центрально кругъ. Сползание насыпи на SO (наклонъ мѣстности). Вокругъ подошвы основанія четыре ровика (NW, NO, O и S), между которыми четыре горизонтныхъ перешейка. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 20 с., окружность вершинки 12 с. 2 ар., кривая—образующая 6 с. 2 ар., высота 15 в., ширина ровиковъ 4—5 ар., глубина ихъ 8 в.—1 ар. 4 в., длина перешейковъ—N-го 2 с. 2 ар., NO 2 с., SO 3 с. 1 ар. и SW 2 с. 1 ар. Пробная яма, вырытая въ SO направленіи, дала: дерновой слой 1,5—2 верш., сѣрый мелкій песокъ 2 в. и ниже желтый мелкій песокъ. Подѣ дерномъ съ краю вершинки, въ N и S ея участкахъ, оказалось по костру (сосн. и елов.), угли и пепель которыхъ занимали круглыя площадки, діаметромъ 1—1,5 арш. и толщиною 2—3 верш. (рис. 23). Въ этихъ мѣстахъ земля (песокъ) подѣ костровъ была сильно обожжена. На глубинѣ 1—2 в. усмотрѣны пепель и угли (сосн. и елов., діам. 3—5 дм.), имѣвшіе радіальное отъ центра распространеніе къ окружности основанія, съ крестообразнымъ просвѣтомъ (шириною 1—2 ар. по линіи окружности основанія), ориентированнымъ на NW—NO—SO—SW; это, видимо, верхніе остатки крестообразнаго шатра. Двумя вершками ниже обнаружены: въ центральной части угли квадрата костра (длина стороны 3—4 ар.), ориентированнаго по главнымъ сторонамъ горизонта и ограниченнаго 15—16 стоячими

углевыми столбами (соснов. и елов., діам. 4—6 дм.), опущенными подъ горизонтъ (обычное заостреніе) земли на 4—6 в., а по окружности площади основанія три ряда наискось (наклонъ къ центру въ 40—50 гр.) стоящихъ углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 6—8 дм.), образующіе четыре, крестообразно расположенныя, углевья секторальныя $\frac{1}{4}$ кольца, съ промежутками на NW—NO—SO—SW. Ширина углевой полосы секторальныхъ $\frac{1}{4}$ колець 1,5—2 арш. Углевья бревна послѣднихъ расположены то кучно (рядомъ), то съ перерывами въ 6—10 в. Костеръ образованъ горизонтальными углевыми бревнами въ нѣсколько рядовъ, при чемъ ряды имѣютъ поочередно то NS, то WO направленіе. Наверху костра легкій слой угле-пепла отъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, съ едва примѣтнымъ въ верхней части содержаніемъ пережженного костяного порошка. На горизонтѣ присыпка (толщиною 2—4 в.) изъ крупнаго сѣраго песку по всей площади основанія, сильно обожженная подъ костромъ и въ мѣстахъ углевыхъ секторальныхъ $\frac{1}{4}$ колець. Пространство между первымъ и послѣдними заполнено углями и пепломъ обваливагося шатра, въ перемежку съ просыпавшимся сѣровато-желтымъ пескомъ насыпи. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 32 (№ 4). Расположенъ на N отъ предыдущаго кургана, на гребнѣ легкаго подъема горы. Вблизи пролегаетъ тропинка, идущая вдоль всего гребня горы. Покрываетъ густымъ растительнымъ ковромъ, въ которомъ преобладаютъ полукустарные—канаберникъ, верескъ и воронякъ. Вершинка, отлогости и ровикъ поросли молоднякомъ березы, осины и сосны и кустами можжевельника. По формѣ основанія круглый. Вершинка круглая, центрально-выемчатая (до глубины 6 в.). Сползаніе насыпи къ W (уклонъ мѣстности). Кругомъ ровикъ, соединенный съ S стороны съ ровикомъ сосѣдняго кургана и прерванный на O перешейкомъ. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 24 с., окружность вершинки 14 с. 2 ар., кривая-образующая 9 с., высота 1 ар. 6 в., ширина ровика 3—5 ар., глубина его 8 в.—1,5 ар. и длина перешейка 2 с. 1 ар. Пробная яма, вырытая на W, дала: растительный слой 1,5—2 в., мелкій сѣрый песокъ 2—3 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Подъ дерномъ, съ N и S сторонъ, по краю вершинки обнаружены два костра (діам. 1—1,5 ар.) изъ сосновыхъ и еловыхъ сучьевъ, пепель и угли которыхъ залежали на глубину 2—3 в. (рис. 20). На глубинѣ 4—5 в., по всей площади кургана залежали пепель и угли (сосн., елов. и березов., діам. 3—6 дм.), имѣвшіе радіальное (отъ центра къ окружности основанія) распростра-

неніе. По всему видно, что это остатки полношатрового прикрытія. 3—4 в. ниже оказались: въ центральной части—квадратъ (около 1 с. въ сторонѣ) углей костра, ориентированнаго сторонами на N—S—O—W и ограниченнаго 8 стоячими углевыми бревнами (соснов. и елов., діам. 4—6 дм.), опущенными (обычное заостреніе) въ материкъ на глубину до 6 в., и по окружности основанія наискось (наклонъ къ центру) стоячія углевая бревна (соснов., елов. и березов., діам. 6—8 дм.), составлявшія три ряда (расположеніе концентрическое), ширина полосы которыхъ 1,5—2 арш. Костеръ устроенъ такъ же, какъ въ предыдущемъ курганѣ. Въ верхней части его, среди пепла и углей сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ, слабые остатки пережженныхъ костей. Промежутокъ между круговою полоскою углей и костромъ заполненъ обрушившимися углями бревенъ шатра и пепломъ его же, въ перемежку съ сѣро-желтымъ пескомъ насыпи. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 33 (№ 3). Расположенъ рядомъ съ предыдущимъ курганомъ (съ S стороны) и на томъ же гребнѣ горы. Въ растительномъ коврѣ преобладаютъ: верескъ, канаберникъ и воронякъ. Вершинка и отлогости поросли кустами березы и соснякомъ. По формѣ основанія—круглый, вершинка круглая, съ центральной выемкой (до глубины 6 в.). Вокругъ основанія три ровика (NNO, SSO и W), перемежающіеся съ тремя перешейками (O, SW и NW). По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 18 с. 1 ар., окружность вершинки 11 с. 2 ар., кривая-образующая 3 с. 2 ар., высота 14 в., ширина ровиковъ 3—4 ар., глубина ихъ 8 в.—1 ар. и длина перешейковъ—O-го 2 с. 1 ар., SW-го 1 с. 2 ар. и NW-го 2 с. Пробная яма, вырытая въ S направленіи, дала тѣ же наблюденія, что и въ предшествовавшемъ курганѣ. Раскопка производилась послышной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія (рис. 21). Подъ дерномъ пепель и угли (сосн., елов. и берез.), расположенные радіально (отъ центра къ окружности) съ просвѣтомъ на O (ширина по линіи окружности основанія около 1 с.). На глубинѣ 4 в. обнаружены: въ центральной части N и S половинъ—угли (сосн., елов., діам. 3—5 дм.) двухъ костровъ (промежутокъ между ними около 4 ар.), ориентированныхъ своими сторонами (длина около 1 с.) на N—S—O—W и опредѣленныхъ (каждый) 8 стоячими углевыми бревнами (соснов. и елов., діам. 5—6 дм.), опущенными (обычное заостреніе) въ материкъ на глубину до 7 в., и по окружности основанія—кольцо изъ трехъ рядовъ (ширина полосы

около 1,5 ар.) стоячих углевых бревенъ (сосн., елов. и березов., діам. 6—8 дм.), углубленныхъ въ материкъ на 3—4 в., съ просвѣтомъ на О. Устройство костровъ то же, что и описанное раньше. Пространство между кострами и углевымъ кольцомъ заполнено пепломъ и углями обрушившагося шатра въ перемежку съ пескомъ насыпи. Низъ костровъ составленъ изъ ряда углевыхъ бревенъ, расколотыхъ продольно и положенныхъ плашмя. Среди угле-пепла вѣтокъ (обычный сортъ дубовый) слабые признаки пережженного костяного порошка. По всей площади основанія присыпка (3—4 в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку, сильно обожженная подъ костромъ и кольцомъ углей шатра. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 34 (№ 8). Расположенъ по гребню горы въ NNO направленіи отъ подгруппы вышеописанныхъ кургановъ. Среди растеній ковра преобладаютъ канаберникъ и верескъ. Поросли березы, можжевельника и сосняка. По формѣ основанія круглый. Вершинка круглая, центрально-выемчатая (глуб. до 5 в.). Сползаніе насыпи къ S и SW. Кругомъ основанія три ровика (NO, O—S—SW, WWN), изъ коихъ два касаются ровика послѣдующаго кургана (№ 35), и три перешейка (N, OON и W). По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 23 с. 1 ар., окружность вершинки 16 с., кривая-образующая 8 с. 1 ар., высота 1 арш., 14 в., ширина ровиковъ 3—5 ар., глубина ихъ до 1,5 ар. и длина перешейковъ— N-го 2 с., OON-го 1 с. 2 ар. и W-го 2 с. 1 ар. Пробная яма, вырытая въ SW направленіи, дала: растительный слой 1,5—2 в., мелкій сѣрый песокъ 2—4 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ круглымъ колодцемъ діаметра площади основанія (рис. 23). На глубинѣ 4—5 в. обнаружены пепель и угли (сосн., елов. и берез.), имѣвшіе обычное радіальное распространеніе съ просвѣтами на NO, NW, SO и SW (ширина просвѣтовъ по линіи окружности основанія 1,5—2 ар.). Еще глубже (на 4—5 в.) оказались: въ центральной части—пепель и угли (сосн. и елов., діам. 3—6 дм.) костра, ориентированнаго сторонами (длина около 4 ар.) на NO, SO, SW и NW и опредѣленнаго 12—14 стоячими углевыми бревнами (соснов. и елов., діам. 4—6 дм.), утвержденными (обычное заостреніе) въ материкъ земли (на глубинѣ около 8 в.), и по окружности—четыре, крестообразно-расположенные, сектора углей и пепла, съ просвѣтами на NO, SO, SW и NW, представленные двумя рядами паискосъ (обычный наклонъ къ центру) стоячих углевыхъ бревенъ (сосн., елов. и берез., діам. 6—8 дм.), опущенныхъ (обычно

въ материкъ на 3—4 в. и образовывавшихъ полосу шириною 1,5 ар. Костеръ составленъ изъ 4—5 рядовъ горизонтальныхъ углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., длиною около 4 ар.). Верхъ костра прикрывали пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтвей и среди нихъ были слабыя признаки пережженныхъ костей. Пространство между углевыми секторами и костромъ занято пепломъ и углями проваливагося шатра въ перемежку съ просыпавшимся сѣро-желтымъ пескомъ насыпи. Площадку основанія представляла присыпка (толщиною 2—4 в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку, сильно обожженная подъ костромъ и въ мѣстахъ углевыхъ секторовъ. Объемъ выемки ровиковъ почти отвѣчаетъ объему земли насыпи. Продолженіе раскопки подъ горизонтъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 35 (№ 11). Расположенъ въ нѣсколькихъ шагахъ на NO отъ предыдущаго кургана и по гребню той же горы. Въ растительномъ коврѣ преобладающее значеніе имѣютъ верескъ и канаберникъ; мелкія поросли можжевельника и осины. По формѣ основанія круглый, вершинка круглая, центрально-выемчатая (углубленіе до 6 в.). Сползаніе насыпи на S. Кругомъ три ровика (N—W, OON и S), изъ коихъ одинъ соприкасается съ ровиками предыдущаго кургана, и три перешейка (NO, OOS и WWS). По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 25 с. 1 ар., окружность вершинки 13 с. 1 ар., кривая—образующая 8 с. 1 ар., высота 1 ар. 15 в., ширина ровиковъ 3—5 ар., глубина ихъ до 1,5 ар. и длина перешейковъ—NO-го 2 с. 2 ар., OOS-го 1 с. 2 ар. и WWS-го 2 с. 1 ар. Пробная яма, вырытая въ O направленіи, дала тѣ же наблюденія, что и въ курганѣ № 34. Раскопка производилась послойной съемкой земли насыпи и подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія (рис. 19). На глубинѣ 4—5 в. пепель и угли (сосн. и елов., діам. 3—5 дм.) въ видѣ двухъ $\frac{1}{2}$ секторовъ (NO и SW) съ просвѣтомъ чистаго песку насыпи на NW и SO (длина по дугѣ линіи основанія около 2 ар.), при чемъ угольно-пепельный слой имѣлъ обычное радіальное распространеніе. Еще 4—5 в. глубже оказались: въ центральной части насыпи—пепель и угли (сосн. и елов., діам. 4—6 дм.) квадратнаго костра (въ сторонѣ около 4 ар.), ориентированнаго сторонами на NW, NO, SO и SW и ограниченнаго 10 (по 4 на NW и SO и по 1 въ серединѣ прочихъ сторонъ) стоячими углевыми бревнами (соснов. и елов., діам. 4—5 дм.), впущенными (обычное заостреніе) въ материкъ (до глубины 7 в.), и по окружности основанія—два полукружныхъ кольца (NO и SW) изъ двухъ рядовъ наискось (обычный

наклонъ къ центру) стоячихъ углевыхъ бревенъ (сосн., елов., діам. 6—8 ум.), укрѣпленныхъ въ материкѣ (обычно) на глубинѣ около 4—6 в. Углевья бревна костра въ нѣсколько горизонтальныхъ рядовъ, при чемъ бревна нижняго ряда продольно расколоты и положены плашмя. Въ остальномъ костеръ схожъ съ таковымъ кургана № 34. Пространство между костромъ и углевыми полукольцами занято пепломъ и углями проваливагося шатра въ перемежку съ сѣро-желтымъ пескомъ насыпи. Площадь основанія занимаетъ присыпка, толщиною 2—4 в., изъ бѣловатаго крупнаго песку, сильно обожженная подъ костромъ и у основанія углевыхъ полуколець. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 36 (№ 12). Расположенъ на гребнѣ горы къ NO отъ предыдущаго кургана. Въ растительномъ коврѣ преобладаніе за верескомъ и канаберникомъ. Поросъ кустами березы и можжевельника и сосенками. По формѣ основанія круглый, вершинка—плоскій кругъ. Сползаніе насыпи къ SSO (уклонъ мѣстности). Кругомъ ровикъ, мѣстами соприкасающійся съ ровиками сосѣдняго кургана, а на NNO перешеекъ. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 21 с. 2 ар., окружность вершинки 13 с. 1 ар., кривая-образующая 6 с. 1 ар., высота 1 ар. 1 в., ширина ровика около 1 с., глубина его до 1 ар. 4 в., длина перешейка 1 с. 2 ар. Пробная яма дала тѣ-же почвенныя наблюденія, что и въ курганѣ № 35. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей насыпи, а подъ горизонтомъ круглымъ колодеземъ діаметра фігуры площади основанія (рис. 12). На глубинѣ двухъ вершковъ, въ центральной части насыпи, квадратомъ (ориентированъ сторонами на N, S, O и W), лежали угли (соснов. и елов., діам. 3—5 дм.), имѣвшіе направленіе OW и начинавшіеся отъ середины квадрата (отъ NS линіи), видимо, отъ углевыхъ бревенъ двускатной крыши. Три вершками ниже обнаружены угли трехъ, горизонтально лежавшихъ, углевыхъ бревенъ (сосн., діам. 4—6 дм.), имѣвшихъ направленіе NS-е. На этихъ бревнахъ и лежали бревна скатовъ крыши (скаты на O и W).

По снятіи горизонтальныхъ углевыхъ бревенъ (на глубинѣ 6—7 в.) найдены 8 стоячихъ углевыхъ бревенъ (соснов., діам. 6—8 дм.), изъ коихъ по одному располагались на углахъ квадрата и по серединѣ каждой изъ сторонъ его. На этой же глубинѣ находились пепель и угли сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ и можжевельника, среди которыхъ усматривались слабые остатки пережженныхъ костей. Ниже шли 3—4 ряда горизонтальныхъ углевыхъ бревенъ (соснов. и елов., длиною около 1 с.,

діам. 6—8 дм.), при чемъ одинъ рядъ имѣлъ OW направленіе, другой NS и т. д. попеременно. На горизонтѣ, въ центральной части, обнаружилась квадратная (съ закругленными углами) присыпка, размѣровъ нѣсколько большихъ, чѣмъ площадь основанія квадрата углей, при толщинѣ въ 2—4 в., изъ крупнаго бѣловатаго песку. Она подъ костромъ сильно обожжена. Вокругъ костра углей и пепла въ насыпи усматривались, спорадически, на разной глубинѣ, комочки пепла и мелкіе угли, видимо, отъ костра. Объемъ земли насыпи почти отвѣчаетъ объему выемки ровика. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои.

Курганъ № 37 (№ 13). Расположенъ на гребнѣ горы, N-ѣе предыдущаго кургана. Въ плотномъ дерновомъ покровѣ преобладаютъ канаберникъ и верескъ. Покровъ зарослями березняка, осины и молодыхъ сосенъ. По формѣ основанія круглый, вершинка слегка выпуклая и круглая. Вокругъ основанія ровикъ. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 25 с., окружность вершинки 14 с., кривая образующая 8 с. 1 ар., высота 1 ар. 8 в., ширина ровика 3—4 ар. и глубина его до 1 ар. 2 в. Пробная яма, вырытая на O, за ровикомъ, дала: дерновой слой 1,5—3 в., мелкій сѣрый песокъ 2—3 в., ниже мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія. По снятіи дерна, лишь мѣстами наблюдались, спорадически, пепель и кусочки углей (рис. 13). На глубинѣ 6 в., въ центральной части насыпи, обнаружился углевой квадратъ (оріентированъ сторонами на N, S, O и W; длина стороны 3—4 ар.), угли (сосн. и елов., діам. 3—5 дм.) котораго были расположены отъ середины его (NS-я линія) на двѣ стороны (O и W) и, видимо, принадлежали углевымъ бревнамъ двускатной крыши. По снятіи углей и пепла крыши, появились пепель и угли сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей и можжевельника. Среди нихъ были слабые признаки пережженного костяного порошка, нѣсколько кусковъ обугленной березовой бересты и черепокъ отгиба глинянаго горшка, украшеннаго гордчатымъ узоромъ, отдѣльныя вдавленныя кольца котораго соединены прямолинейными, углубленными дорожками (фиг. 11 рис. 39). Угли двускатной крыши указали, что она покоилась на трехъ горизонтальныхъ бревнахъ NS положенія (остатки углей были сосновые, діам. 4—6 дм.). Горизонтальныя углевья бревна лежали концами на стоячихъ углевыхъ бревнахъ (соснов., діам. 6—8 дм.), опущенныхъ (заостреніе обычное) подъ горизонтъ земли на глубину до 8 в. Такихъ бревенъ

найдено 6, причемъ 4 изъ нихъ были по угламъ квадрата и по одному въ серединѣ N и S сторонъ послѣдняго. Стоячія бревна (судя по остаткамъ углей) сторонъ (N и S) были нѣсколько выше бревенъ угловъ. Ниже шли, въ 3—4 ряда, горизонтальныя углевая бревна костра, располагавшіяся подобно тому, какъ въ предыдущемъ курганѣ. Костеръ находился на квадратной (съ округленными углами) присыпкѣ (толщиною 2—4 в.) изъ бѣловатаго крупнаго песку, превосходившей размѣры площади основанія костра на $\frac{1}{2}$ —1 арш. во всѣ стороны. Присыпка подь костромъ была сильно обожжена. Земля остальной насыпи представляетъ перевернутые слои земли ровика. Внѣ костра въ насыпи встрѣчались комочки пепла и кусочки угля, болѣе интенсивно выражавшіеся вокругъ самаго костра. Раскопка подь горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 38 (№ 15). Расположенъ на гребнѣ горы, черезъ курганъ къ SSO отъ № 37. На W отъ него, въ 200 ш. Озерочная пристань разлива и съ S пролегаетъ тропинка отъ названной пристани къ озеру Выпуярви, которое расположено восточнѣе въ $\frac{1}{2}$ верстѣ. По формѣ основанія круглый. Вершинка—кругъ, выпуклый центрально. Вокругъ основанія два ровика (NO—WWS и SO), прерывающіеся двумя перешейками (OON и SSW). Покрываетъ жидкимъ растительнымъ ковромъ (канаберникъ, верескъ, голубика, брусника, воронякъ). Поросль кустами березы, осины, можжевельника и молодыми соснами. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 18 с. 2 ар., окружность вершинки 18 с. 1 ар., кривая-образующая 11 с. 2 ар., высота 1 ар. 7 в., ширина ровиковъ 3—4 ар., глубина ихъ $\frac{1}{2}$ —1 арш. и длина перешейковъ—OON-го 2 с. 1 ар. и SSW-го 3 с. 1 ар. Пробная яма, вырытая въ S направленіи, дала: растительный слой 1,5—2 в., мелкій сѣрый песокъ 2—3 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Подь дерномъ обнаружены пепель и угли углевыхъ бревенъ (сосн., елов. и березов., діам. 4—6 дм.), располагавшихся радіально (отъ центра къ окружности), съ просвѣтами (секторально) на W, NNW, NO и S (рис. 24). Ширина просвѣтовъ (по линіи окружности основанія): W-го 2 с., NNW-го 2 с. 2 ар., NO-го 1 с. 2 ар. и S-го 1 с. 2 ар. По снятіи пепла и углей шатра (на глубинѣ 3—5 в.) усмотрѣны въ центральной части насыпи угли квадрата (оріентированъ сторонами на N, S, O и W) углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 3—5 дм.) двускатной крыши, имѣвшіе двустороннее распространеніе (на O и W) отъ середины квадрата (по линіи NS). Подь крышей (на глубинѣ 8—9 в.) оказались шесть троекъ наискось (наклонъ внутрь квадрата) стоячихъ (опущены подь горизонтъ земли на глубину 6—8 в.) углевыхъ бревенъ

(сосн. и елов., діам. 5—7 дм.), изъ коихъ четыре тройки приходились по угламъ квадрата, а прочія двѣ по срединѣ N-ой и S-ой сторонъ (эти тройки казались выше прочихъ на 6—10 в. —остатки собранныхъ углей). На верхахъ сходящихся концовъ троекъ покоились концы трехъ горизонтальныхъ углевыхъ бревенъ (сосн., діам. 4—6 дм.), имѣвшихъ NS положеніе. Въ районѣ углевого квадрата, ниже, лежали 4—5 рядовъ горизонтальныхъ углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., длиною около 5 арш., діам. 4—6 дм.), имѣвшихъ направленіе то NS, то OW. Между угле-пепломъ крыши и угле-пепломъ костра замѣчался слой (толщиною около 1,5 в.) пепла и углей сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ и можжевельника, среди которыхъ были слабые остатки пережженныхъ костей и обгорѣвшая березовая пленка (коры). За 8—10 в. отъ присыпки, по окружности площади основанія обнаружены 3 ряда (съ промежутками отъ 6 в. до 1 ар.) наискось (наклонѣ внутрь насыпи) стоячихъ (опущены подъ горизонтъ на 4—6 в.) углевыхъ бревенъ (сосн., елов. и березов., діам. 6—8 дм.), съ просвѣтами (секторального характера) накрестъ. Полоса ихъ имѣла въ ширину (по линіи окружности основанія) отъ 1,5 ар. до 2 ар. Площадь основанія кургана занимала присыпка (толщиною 2—4 в.) изъ бѣловатаго крупнаго песку, сильно обожженная подъ костромъ и основаніями крестообразнаго шатра. Вокругъ костра и на немъ были комки (въ поперечникѣ 2—3 в.) сильно обожженной земли въ смѣси съ обгорѣвшей корой и иглами сосны, ели и можжевельника. Пространство между стоячими углевыми бревнами шатра и костромъ наполнено было пепломъ и углями обрушившихся углевыхъ бревенъ шатра и просыпавшеюся между нихъ землею насыпи кургана. Обслѣдованіе перешейковъ и ровиковъ дало подъ дерномъ случайные (изрѣдка) кусочки угля и комочки пепла, видимо, отъ разбрасыванія ихъ при горѣніи костра и шатра. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 39 (№ 33). Расположенъ на сухой низинкѣ W отлогости горы у Озерочной пристани С. разлива и къ N отъ него. Въ нѣсколькихъ шагахъ пролегаетъ тропинка къ озеру Выпуярви. Покрываетъ плотнымъ травянымъ ковромъ; поросъ кустарниками березы и ольхи. По формѣ основанія круглый, вершинка—плоскій кругъ. Вокругъ основанія два ровика (NO—O—SO и NW—W—SW), между которыми два перешейка (N и S). По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 25 с., окружность вершинки 13 с. 2 ар., кривая—образующая 8 с., высота 13 в., ширина ровиковъ 3—4 ар., глубина ихъ до 1 ар. и длина перешейковъ—N 1 с. 2 ар. и S 1 с.

1 ар. Пробная яма дала: растительный слой 1,5—2 в., сѣрый песокъ 2 в., ниже желтый песокъ. На глубинѣ 2 в., въ центральной части насыпи (рис. 11) обнаруженъ квадратъ углей двускатной крыши (стороны ориентированы на N, S, O и W, длина стороны около 4 ар.), углевья бревна которой (сосн. и елов., діам. 3—5 дм.) имѣли OW положеніе и шли отъ середины (линія NS) на двѣ стороны (O и W). По снятіи крыши (глубина 4—5 в.), усмотрѣны пепель и угли соснов., слов. и можжевельныхъ вѣтокъ, а среди нихъ слабые признаки пережженныхъ костей. Крыша лежала на трехъ горизонтальныхъ углевыхъ бревнахъ (сосн., длиною 4 ар., діам. 4—5 дм.), имѣвшихъ NS направленіе. На глубинѣ 6 в. обнаружены стоячія углевья бревна (сосн., діам. 4—6 дм.), углубленные (обычное заостреніе концовъ) подъ горизонтъ на 3—4 в. Ихъ наблюдено 12 (по 4 для каждого изъ трехъ горизонтальныхъ бревенъ, изъ коихъ два по концамъ, а прочіе, съ промежутками, на серединѣ). Въ предѣлахъ стоячихъ бревенъ располагались 3—4 ряда горизонтальныхъ углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 4—6 дм., длиною около 4 ар.) костра, имѣвшихъ, попеременно, то NS, то OW положеніе. На горизонтѣ, подъ костромъ, усмотрѣна присыпка (толщиною 2—4 в.) изъ бѣловатаго крупнаго песку, имѣвшая закругленные углы и превосходившая размѣры костра на 1 ар. всѣсторонне. Въ насыпи (остальной), спорадически, встрѣчались комочки пепла и кусочки углей. Раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 40 (№ 34). Расположенъ къ N отъ предыдущаго кургана, въ нѣсколькихъ шагахъ за дорожкой, ведущею отъ Озерочной пристани къ озеру Выпуярви. Покрываетъ плотнымъ травянымъ дерномъ. Поросъ кустами березы. По формѣ основанія круглый. Вершинка—кругъ, слегка, центрально, вогнутый (на 6 в.). Кругомъ основанія прерывчатый ровикъ. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 25 с., окружность вершинки 15 с., кривая—образующая 8 с. 1 ар., высота 15 в., ширина ровика 3—4 ар. и глубина его 6 в.—1 ар. Пробная яма, вырытая на N, дала тѣ же почвенныя наблюденія, что и въ курганѣ № 39. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ круглымъ колодезь, діаметра площади основанія. Подъ дерномъ (и до глубины 4 в.) по всей насыпи пепель и угли, имѣвшіе въ общемъ радиальное положеніе (отъ центра къ окружности основанія). Это, видимо, остатки углевыхъ бревенъ (угли сосн. и елов., діам. 3—5 дм.) полнаго шатра (рис. 20). По снятіи пепельно-угольного слоя шатра, на глубинѣ 5—6 в. обнаруженъ въ центральной части насыпи углевой

квадратъ (стороны имѣли N, O, S и W направленіе, длина стороны около 4 ар.), опредѣленный 6 стоячими углевыми бревнами (сосн., діам. 4—6 дм.), изъ коихъ 4 приходились по угламъ и два по серединѣ O и W сторонъ. Районъ углевого квадрата заполненъ горизонтальными углевыми бревнами, составлявшими 3—4 ряда (поочередно NS и OS положеніе). На верху костра располагались пепель и угли (слоемъ толщиною 1,5 в.) соснов., елов. и можжев. вѣтокъ, а между ними и слабые остатки пережженного костяного порошка. По окружности основанія насыпи, на глубинѣ 4—5 в., открыты наискось (обычный уклонъ къ центру) стоявшія углевая бревна (сосн., елов. и берез., діам. 6—8 дм.), углубленныя (обычное заостреніе) подъ горизонтъ на 3—4 в. На горизонтѣ, по всей площади кургана, присыпка (толщиною 2—4 в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку, сильно обожженная подъ костромъ и въ районѣ основаній шатра. Около костра, на горизонтѣ комки сильно обожженной земли въ смѣси съ обугленной корой и соснов. и елов. иглами. Въ NO углу костра, въ 4—6 в. до присыпки, найденъ осколокъ кирпичи--мотыги изъ силурійскаго песчаника (рис. 39 фиг. 12). Пространство между стоячими бревнами шатра и костромъ занято пепломъ и углями обрушившихся углевыхъ бревенъ шатра и просыпавшеюся землею насыпи. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганы окрестностей горы Кузьмина. Курганъ № 41 (№ 12 рис. 8). Расположенъ на широкомъ гребнѣ старой дюны, въ погорѣломъ мѣстѣ на полянкѣ лѣса сестрорѣчанъ, по дорогѣ отъ «Старой сѣницы» къ дорогѣ д. Дыбунъ—с. Мертути. Дерновой слой выгорѣлъ отъ поземнаго пожара, случившагося 2—3 года тому назадъ. На SO отлогости сохранилась полуобгорѣлая сосенка. Вездѣ проглядываетъ сѣрый песокъ, а также угли и пепель пожара. По формѣ основанія—удлиненный съ закругленными углами (оріентировка: удлиненные стороны отъ N къ O на 30 гр.). Вершинка такая же, слегка выпуклаго профиля по длинной оси насыпи. Ровики: одинъ съ NW (вдоль основанія удлиненной стороны), другой съ NNO (короткая сторона) и третій съ O—SO—SSW (удлиненная сторона и часть короткой). Внутренняя крутость ровиковъ составляетъ продолженіе покатостей насыпи (безъ бермы). Между ровиками три перешейка (по тремъ угламъ насыпи). По внѣшности курганъ типа рис. 25. Размѣры: длина 4 с., ширина 2 с. 1 ар., кривыя—образующія—большой оси 5 с. и меньшей оси 3 с., высота 1 ар. 4 в., ширина ровиковъ 3—4 ар., глубина 8 в.—1 ар. и длина перешейковъ—N 1 с. 8 в., NO 2 а. 4 в. и

SW 2 ар. 12 в. Пробная яма, вырытая на О, дала: песчаный растительный слой 0,5—1 в., мелкий сѣрый песокъ 2 в. и ниже мелкий желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подь горизонтомъ прямоугольнымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія (рис. 37). Еще съ поверхности, вслѣдствіе выдуванія вѣтромъ песка насыпи, усмотрѣны два углевыхъ бревна (сосн., діам. 4—5 дм.), находившіяся оба на вершинкѣ (одно продольно съ краю SO ея части и другое—съ краю ея NNW части). На глубинѣ 4—5 в. обнаружены: отъ середины насыпи или вѣрнѣе ея большей оси короткія углевая бревна (сосн. и елов., длиною 2 ар. 2—4 в., діаметра 3—4 дм.), имѣвшія направленіе короткой оси насыпи и лежавшія одно отъ другого въ разстояніи отъ 8 до 12 в. (параллельно) и между ними виднѣлись пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, видимо, покрывавшихъ короткія бревна сверху. Въ общемъ описанные культурные признаки занимали прямоугольникъ длиною 2 с. 2 ар. 10 в. и шириною 1 с. 2 ар. По снятіи этого слоя (глубина 3—4 в.), выяснилось, что по срединѣ насыпи (длинная ось) лежитъ длинное сосновое углевое бревно (діам. 5—6 в.), продольно расколотое и положенное плашмя. Въ разстояніи отъ этого бревна 2 ар. 2—3 в. по сторонамъ лежало по углевому бревну, параллельно первому. На этихъ трехъ бревнахъ и покоились короткія бревна, лежавшія выше, причеиъ срединное (конекъ) бревно было нѣсколько выше боковыхъ. По снятіи этихъ бревенъ, оказалось, что они своими концами упирались на шесть стоячихъ углевыхъ бревенъ (сосн., діам. 5 в.), изъ коихъ по одному находились подь концами бревна-конька и по столько же подь концами боковыхъ бревенъ. Попутно опредѣлено, что стоячія углевая бревна конька выше прочихъ, но насколько именно, не удалось выяснитъ (невозможно было точно ориентироваться по углямъ). Все пространство прямоугольника углевыхъ остатковъ, вплоть до горизонта, найдено заполненнымъ пепломъ и углями (сосн., елов. и можев.), а на самомъ горизонтѣ обнаружилась настилка изъ обугленныхъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Слабые признаки пережеженного костяного порошка наблюдались на глубинѣ 12 в., среди пепла и углей настилки. На горизонтѣ была присыпка (толщиною 2—3 в.) изъ крупнаго сѣраго песку, сильно обожженная по всей площади прямоугольника углей. Дальнѣйшая раскопка подь горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 42 (рис. 8 № 13). Расположенъ на S отъ предидущаго кургана, въ 10—15 шагахъ. Дерновой слой весь выгорѣлъ. На вершинѣ и отлогостяхъ, а также въ ровикахъ сохранилось нѣ-

сколько полуобгорѣвшихъ березокъ и сосенокъ. По формѣ основанія удлиненный съ закругленными углами; вершинка такая же и плоская. Ориентированъ курганъ: удлиненными сторонами на NO и SW и короткими на NW и SO. При подошвѣ каждой изъ сторонъ насыпи по ровику. По внѣшности курганъ типа рис. 25. Размѣры: длина 7 с. 2 ар., ширина 2 с. 1 ар., кривая—образующія—большой оси 8 с. 1 ар. и меньшей—2 с. 2 арш. 8 в., высота 1 арш. 2 в., ширина ровиковъ 3—4 ар., глубина ихъ 8 в.—15 в. и длина перешейковъ—N 2 арш., S 2 ар. 8 в., OOS 1,5 ар. и WWN 1 с. 4 в. Пробная яма дала тѣ же почвенныя наблюденія, что и въ предыдущемъ курганѣ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи отъ вершинки до горизонта, а подъ горизонтомъ прямоугольнымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія (рис. 37). На глубинѣ 3—4 в. обнаружены короткія углевья бревна (сосн. и елов., длиною 1 ар. 12—15 в., діам. 2—3 в.) двускатной крыши, аналогичной кургану № 41, располагавшіяся гуще (промежутки 4—6 в.), при чемъ концы ихъ, направленные къ удлиненнымъ сторонамъ насыпи, углубились внизъ. Между ними и отчасти на нихъ видѣлись пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ, видимо, прикрывавшихъ скаты крыши сверху. Въ общемъ прямоугольникъ крыши, располагаясь центрально въ отношеніи площади основанія насыпи, имѣлъ размѣры: большая ось 6 с. 5 в. и меньшая—1 с. 1 ар. Подъ угле-пепломъ этого слоя (на глубинѣ 5—6 в.) лежали три углевыхъ бревна (сосн. и елов., длиною 6 с. 8 в., діам. 4—6 вер.). продольно-расколотыя и положенныя плашмя. Всѣ три имѣли направленіе большой оси насыпи и располагались: одно (конекъ) продольно по серединѣ, а прочія параллельно ему по сторонамъ, при чемъ послѣднія два были положены ниже перваго на 2—3 в. Четырмя верхками глубже пришлось убѣдиться, что горизонтальныя углевья бревна (три) лежали своими концами на шести стоячихъ углевыхъ бревнахъ (сосн., діам. 6—8 в.), опущенныхъ (обычное одностороннее заостреніе) подъ горизонтъ на 6—8 в. На горизонтѣ площади основанія оказалась присыпка (глубиною въ 2—3 в.) изъ сѣроватаго крупнаго песку, сильно обожженная по всей площади прямоугольника угольныхъ остатковъ. Низъ этого прямоугольника составляли пепель и уголь настилки (сосн., елов. и можжев. вѣтокъ). Въ центральной части, на этомъ слоѣ была безформенная куча углей и пепла, видимо, отъ костра (сосн. и елов., діам. 2—6 в.). Въ ней (въ верхней части) усматривались слабые признаки обожженныхъ костей. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 43 (рис. 8 № 17). Расположенъ на SW отъ предыдущаго кургана. Растительный его слой весь выжженъ пожаромъ. На вершинѣ, по отлогостямъ и въ ровикахъ растутъ нѣсколько обожженныхъ березокъ, осинъ и сосенокъ. По формѣ основанія удлиненный съ закругленными углами; вершинка такая-же и плоская. Сползание усмотрѣно въ NNO направленіи. Большая ось кургана отклонена отъ линіи NS въ сторону OW на 15 гр. Внѣ подошвы каждой изъ сторонъ насыпи по ровику, а съ NW стороны (удлиненная) даже ровикъ состоитъ изъ двухъ участковъ, раздѣленныхъ горизонтнымъ перешейкомъ (длиною въ 1,5 а.). По угламъ насыпи горизонтные перешейки. По внѣшности курганъ типа рис. 25. Размѣры: длина 8 саж. 1 арш., ширина 2 с. 10 в., кривья-образующія—большой оси 9 саж. 4 в. и меньшей—2 с. 2 а. 9 в., высота 14 в., ширина ровиковъ 3—4 а., глубина ихъ 10 в.—14 в. и длина угловыхъ перешейковъ—NNO 1 с., NO 1 с. 1 а., SSW 2 а. и SW 2 а. Пробная яма дала тѣ же почвенныя наблюденія, что и въ курганѣ № 41. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія (рис. 37.) На поверхности площадки вершинки, благодаря тому, что вѣтеръ сталъ выдувать песокъ насыпи, сразу усмотрѣны восемь разнообразно лежавшихъ короткихъ углевыхъ бревенъ (соснов., длиною 1,5—2 а., діам. 2—3 в.) отъ скатовъ крыши. На глубинѣ 2—3 верш. обнаруженъ прямоугольникъ (длина 7 с. и ширина 1 саж. 1 а.) короткихъ углевыхъ бревенъ (сосн., длиною 2 а., діам. 2—3 в.) двускатной крыши, располагавшихся отъ середины (отъ мѣста конька), перпендикулярно, въ обѣ стороны. Эти бревна отстояли одно отъ другого на 4—6 в. Концы ихъ, обращенные къ удлиненымъ сторонамъ, углублены на нѣсколько вершковъ. Между короткими бревнами и на нихъ видѣлись пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, очевидно, покрывавшихъ скаты крыши сверху. Подъ этимъ слоемъ залежали: углевой конекъ и два боковыхъ углевыхъ бревна (соснов., длиною около 7 с., діам. 4—6 в.). Эти бревна были продольно расколоты и лежали отколами (плашмя) внизъ. Концы ихъ покоились, подобно изложенному о курганѣ № 42, на шести стоячихъ углевыхъ бревнахъ (сосн., діам. 4—6 в.), опущенныхъ (обычное заостреніе) подъ горизонтъ на глубину 6—7 в. На горизонтѣ, по всей площади основанія, присыпка (толщиною 2—3 в.) изъ крупнаго сѣраго песку, сильно обожженная по всему своему пространству. На ней остатки (пепель и угли) настилки изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, составлявшихъ слой въ 1,5—2 в. Выше ея, все пространство, въ

предѣлахъ углевого прямоугольника, до конька и боковыхъ углевыхъ бревенъ занято было пепломъ и углями (сосн., діам. 3—4 в.) костра, который, видимо, имѣлъ прямоугольную форму, такъ какъ его остатки довольно равномерно распредѣлялись по всей площади прямоугольника угле-пепла. Среди этихъ остатковъ приблизительно за 8—10 в. до присыпки усмотрѣны слабые признаки пережженнаго костяного порошка. Продолженіе раскопокъ подъ горизонтомъ, дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 44 (рис. 8 № 19). Расположенъ SW предыдущаго кургана, шагахъ въ 100 отъ послѣдняго. Дерновой слой весь выгорѣлъ. Съ поверхности вѣтеръ уже началъ свою разрушительную работу (выдуваетъ мѣстами и сносить на сторону песокъ насыпи). По формѣ основанія удлиненный съ закругленными углами. Вершинка такая же, плоская. Сползаніе насыпи происходитъ на SSW. Ориентировка кургана: удлиненныя стороны обращены на NW и SO, а короткія на NO и SW. Въ подошвы каждой изъ сторонъ насыпи по ровнику. На углахъ ея по перешейку. По внѣшности курганъ типа рис. 25. Размѣры: длина 4 с. 1 ар., ширина 2 саж. 1 ар., кривыя-образующія—большей оси 5 с. и меньшей—3 с., высота 12 в., ширина ровиковъ 2—3 арш., глубина ихъ 6—10 в. и длина перешейковъ—N 1 с. 1 ар., O 2 ар., S 1 с. 2 ар. и W 1 с. 2 ар. Пробная яма, вырытая на NW, дала: песчаный растительный слой 0,5—1 в., мелкій сѣрый песокъ 1,5—2 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи, а подъ горизонтомъ колодцемъ, фигуры и размѣровъ площади основанія кургана (рис. 38). На глубинѣ 2 в. залегали короткія (длина 1,5—2 ар.) углевая бревна (сосн., діам. 2—3 в.) скатовъ крыши, занимавшія прямоугольникъ размѣровъ: длиною 3 с. 1 ар. 4 в. и шириною 1 с. 1 ар. и располагавшіеся какъ въ предыдущемъ курганѣ, но съ промежутками въ 4—7 в. одно отъ другого. Среди нихъ и отчасти на нихъ были пепелъ и угли сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей. Подъ ними, въ срединѣ, по длинѣ насыпи углевой конекъ (бревно его расколото продольно), діам. 3—4 в., лежавшій плашмя. Концы его покоились на двухъ стоячихъ углевыхъ бревнахъ (сосн., діам. 4—6 в.), опущенныхъ (обычное заостреніе) подъ горизонтъ на 4—6 в. Прочія два, параллельныя коньку, боковыя углевая бревна (также расколоты и положены, какъ и конекъ), діам. 2—3 в., усмотрѣны лежащими на присыпкѣ. На горизонтѣ слой (толщиною 2—3 в.) присыпки изъ крупнаго сѣроватаго песку, занимавшій всю площадь основанія кургана и сильно обожженный на всемъ своемъ протяженіи. На присыпкѣ слой

(толщиною 1—1,5 в.) пепла и углей пастилки (соснов. и елов. вѣтки). Отъ него до конька крыши угли (сосн., діам. 2—4 в.) и пепель, по всему пространству прямоугольника, въ верхней части которыхъ примѣчались слабые признаки пережженныхъ костей. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 45 (рис. 7 № 18). Расположенъ къ О отъ № 20 группы. Дерновой покровъ выгорѣлъ. По формѣ основанія удлиненный съ закругленными углами. Подобная-же вершинка, плоская. Ориентированъ курганъ: удлиненными сторонами на NW и SO, а короткими по NO и SW. Внѣ подошвы сторонъ по ровику. По внѣшности курганъ типа рис. 25. Размѣры: длина 3 саж. 2 а., ширина 2 с., кривыя-образующія большей оси 4 с. и меньшей 3 с. 2 а., высота 10 в., ширина ровиковъ 2—3 а., глубина 4—9 в. и длина перешейковъ—N 2 а., O 1,5 а., S 1 а., и W 1 саж. 2 арш. Пробная яма дала тѣ-же почвенныя наблюденія, что и въ № 42. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи, а подъ горизонтомъ прямоугольнымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія кургана (рис. 37). На глубинѣ 1—1,5 в. залежали пепель и угли короткихъ угольныхъ бревенъ (сосн. и елов., длиною 1 арш. 2—12 в., діам. 2—3 в.), занимавшіе прямоугольникъ, размѣровъ: длиною 2 с. 2 а. и шириною 1,5 саж. Короткія бревна шли одно за другимъ съ промежутками въ 3—6 в. Среди нихъ и на нихъ были угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтвей. Вершками двумя ниже оказалось угольное бревно конька (соснов., діам. 3—4 в.), занимавшее середину продольной оси прямоугольника углей. Вершкомъ ниже лежали, параллельно этому бревну, еще два (боковыхъ) углевыхъ бревна по сторонамъ (удлиненнымъ) углевого прямоугольника, въ разстояніи 1,5 а.—1 арш. 10 в. отъ середины продольной оси его. Концы всѣхъ трехъ горизонтальныхъ бревенъ лежали на стоячихъ угольныхъ бревнахъ (сосн., діам. 4—6 в.), опущенныхъ подъ горизонтъ (обычное заостреніе) на глубину 6—8 в. Все пространство углевого прямоугольника отъ крыши до горизонта присыпки (толщина 1,5—2 в., крупный сѣроватый песокъ), превосходившей очертаніе углевого прямоугольника на 8—10 в., было заполнено пепломъ и углями углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 2—4 в.), лежавшихъ горизонтально, въ нѣсколько рядовъ одни подъ другими. Среди пепла и углей (сосн., елов., и можжев.) верха костра усматривались слабые признаки пережженного костяного порошка. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 46 (рис. 8 № 15). Расположенъ въ нѣсколькихъ

шагахъ S-ѣе № 45. Растительный покровъ выгорѣлъ. По формѣ основанія квадратный съ закругленными углами. Вершинка квадратная, вогнутая (на 4—5 в.). Въ общемъ насыпь производитъ впечатлѣніе квадратной формы валика, ограниченное которымъ пространство всего на нѣсколько вершковъ превышаетъ горизонтъ, причѣмъ одна изъ сторонъ валика (NW) какъ-бы горизонтный, повышающійся къ серединѣ насыпи входъ. Оріентированъ курганъ углами на N, O, S и W (отклоненіе на 16 гр. слѣва направо). Кругомъ подошвы насыпи ровикъ, прерывающійся перешейками съ O и NW сторонъ. По внѣшности курганъ типа рис. 31 на стр. 79. Размѣры: длина и ширина 2 с., кривая-образующая 2 с. 2 а., высота 8 в., ширина ровиковъ 2 а., глубина ихъ 4—7 в., длина перешейковъ—O 2 а. и NW 2. а. 9 в. и ширина входа 1 а. Пробная яма, вырытая на SO отъ кургана, дала: растительный слой 1—1,5 в., мелкій сѣрый песокъ 1,5 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ квадратнымъ колодезь, размѣровъ площади основанія кургана. Раскопка валика (до горизонта) вершинки дала перевернутые слои земли, видимо, взятой изъ ровиковъ. Дальнѣйшая раскопка (уже всей насыпи) позволила наблюсти небольшіе (въ поперечникѣ 4—6 в.) валуны (счетомъ 6) мѣстнаго происхожденія, заполнявшіе отъ вершинки всю внутренность кургана (рис. 33). Вершка за три до горизонта усмотрѣнъ квадратъ изъ 4-хъ углевыхъ бревенъ (сосн., діам. 2—3 в.), расположенныхъ въ центральной части насыпи, причѣмъ стороны (длины 1 с. $2\frac{1}{4}$ а.) его были параллельны сторонамъ основанія кургана. Внутри этого квадрата, на присыпкѣ (толщиною 1—1,5 в.) изъ бѣловатаго крупнаго песку, размѣровъ площади основанія кургана, въ центральной части, имѣя какъ-бы NW—SO протяженіе, примѣчались частью обугленные, частью сгнившіе остатки человѣческаго скелета. среди которыхъ былъ кусочекъ головки бедреной кости и кусочекъ ребра взрослога человѣка. Костяные остатки были окутаны пепломъ и углями, видимо, принадлежавшими небольшому горизонтному костру, разведенному на присыпкѣ до погребенія остатковъ трупосожженія. Засимъ они были присыпаны желтымъ пескомъ ровиковъ и завалены валунами мѣстнаго происхожденія, изъ которыхъ сохранились лишь нижніе, а верхніе, нужно полагать, унесены кѣмъ нибудь впослѣдствіи, почему и образовалась выемка вершинки и входъ въ валикъ. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 47 (рис. 8 № 29). Расположенъ почти въ средин-

ной части W половины группы, на обширномъ плоскогоріи гребня древней дюны. Дерновой слой весь выгорѣлъ. На насыпи сохранились полуобгорѣвшія молодыя березы и сосны. Съ одной стороны (WS) насыпи замѣтенъ процессъ выдуванія песка вѣтромъ. По формѣ основанія курганъ удлиненный (съ закругленными углами); вершинка такая-же, слегка выпуклая. Оріентированъ курганъ: удлиненными сторонами на NW и SO и короткими на NO и SW, причемъ бѣльшая ось фигуры насыпи отклонена отъ N къ O на 20 гр. Внѣ подошвы насыпи пять ровиковъ (съ SO стороны два) съ пятью горизонтными перешейками, изъ которыхъ 4 по угламъ и пятый между двумя ровиками SO стороны. По внѣшности курганъ типа рис. 25. Размѣры: длина 4 саж. 1 а., ширина 2 саж. 1 а., кривыя-образующія—бѣльшей оси 5 с. и меньшей 3 с., высота 13 в., ширина ровиковъ 3—4 а., глубина ихъ 8 в.—1 а. 2 в. и длина перешейковъ (угловыхъ): NNO 1 с. 2 а., OON 2 а., SO 2 а., SSW 1 с. 1 а. и WWS 1 с. Пробная яма, вырытая въ O направленіи, дала: растительный слой 1—1,5 в., мелкій сѣрый песокъ 1,5—2 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послонной сѣмкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ колодцемъ формы и размѣровъ площади основанія кургана (рис. 38). На глубинѣ 2—3 в. открытъ прямоугольникъ (длиною 3 с.—8 в. и шириною 1 с. 1 а. 10 в.) пепла и углей, расположенный центрально въ отношеніи фигуры насыпи. Отъ продольной линіи середины его къ краямъ удлиненныхъ сторонъ шли, поперечно, угли накладокъ (сосн. и елов., діам. 2—3 в., длиною 2 а. 4—6 в. двускатной крыши, то соприкасавшихся другъ съ другомъ и составлявшихъ плотную настилку, то отстоявшихъ одна отъ другой на 1—1,5 в. Накладки скатовъ составлены были частью изъ цѣльныхъ бревенъ и частью изъ бревенъ, расколотыхъ продольно. По снятіи слоя крыши (глубина 5—6 в.), обнаружены пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, а на нихъ, продольно, по серединѣ прямоугольника лежало углевое бревно (елов., діам. 5—6 в.), продольно расколотое, обернутое отколомъ внизъ и служившее конькомъ для накладокъ крыши. На присыпкѣ, по краямъ удлиненныхъ сторонъ насыпи обозначились два боковыхъ углевыхъ бревна (сосн., діам. 4—6 в.), на которыхъ покоились внѣшніе концы накладокъ скатовъ крыши. Концы углевыхъ бревенъ конька лежали на углевыхъ стоячихъ бревнахъ (сосн., діам. 3—4 в.), опущенныхъ (обычное заостреніе) подъ горизонтъ на глубину 6—8 в. Все пространство между крышей и присыпкой заполнено пепломъ и углями лежащихъ углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 3—5 в.),

располагавшихся двумя группами (SW половина и NO) и въ нѣсколько рядовъ. Среди пепла и углей сосновыхъ, еловыхъ и можжевелевыхъ вѣтокъ замѣчался слабо-выраженный, пережженный костяной порошокъ. Присыпка (1—1,5 в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку занимала всю площадь основанія кургана. Продолженіе раскопки надъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 48 (рис. 8 № 34). Расположенъ въ сѣверной части группы. Дерновой слой выгорѣлъ. На насыпи сохранились три обгорѣлыхъ сосенки и двѣ молодыя березы. По формѣ основанія курганъ удлиненный (съ закругленными углами); вершинка такая-же, слегка бугристая (работа вѣтра—примѣтенъ явственный процессъ разрушенія насыпи вѣтромъ). Сползаніе насыпи въ WWS направленіи (легкій уклонъ мѣстности). Ориентировка кургана: удлиненная ось кургана отклонена на 25 гр. отъ N къ W и отъ S къ O. Въ подошвы каждой изъ сторонъ насыпи по одному ровику. На углахъ насыпи, по перешейкамъ, по краямъ горизонтныхъ очертаній ровиковъ и линіи площади основанія кургана замѣчалось явственное обложение валунами мѣстнаго происхожденія, небольшихъ размѣровъ (1,5—3 в.). Подобное-же прямоугольное (съ закругленіемъ угловъ) обложение валунами (такими-же) усмотрѣно и въ очертаній ровиковъ кургана, за предѣлами ихъ, въ разстояніи 1,5—2 а. Въ углахъ между ровиками и вѣшной линіей обложения, посредствомъ 2—3 валуновъ, образованы были овалы (рис. 30). Размѣры: длина 5 с. 1 а., ширина 2 с. 2 а., кривья-образующія—большей оси 6 с. и меньшей 3 с. 1 а., высота 14 в., ширина ровиковъ 2—3 а., глубина ихъ 8—14 в. и длина перешейковъ 1 саж. 1 а.—1 с. 2 а. Пробная яма, вырытая въ S направленіи, дала: растительный слой 1—1,5 в., мелкій сѣрый песокъ 1,5—3 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли насыпи и подъ горизонтомъ колодцемъ фигуры и размѣровъ площади основанія кургана. На глубинѣ 2—3 в. усмотрѣны пепель и угли углевыхъ накладокъ скатовъ крыши, занимавшіе, центрально въ отношеніи фигуры основанія, по формѣ прямоугольникъ длиною 4 саж. 1 а. и шириною 1 с. 1,5 а. (рис. 38). Накладки оказались такія-же, лежали такъ же и располагались столь-же густо, какъ и въ предыдущемъ курганѣ. Подъ ними (глубина 4—6 в.), по срединѣ, продольно фигурѣ прямоугольника, находилось углевое бревно (сосн., діам. 4 в.) конька, лежавшее концами на двухъ углевыхъ стоячихъ бревнахъ (сосн., діам. 4 в.), опущенныхъ (обычное заостреніе) подъ горизонтъ на глубину 5—7 в. Слѣдующій слой (толщиною 1 в.) занимали пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и мож-

жвеловыхъ вѣтокъ, располагавшіеся центрально двумя группами въ каждой изъ половинъ прямоугольника (длиною и шириною около 1 с. и съ промежутками между ними въ 1 с.). На глубинѣ присыпки, съ краю удлинённыхъ сторонъ насыпи, найдены два боковыхъ лежащихъ углевыхъ бревна (сосн., діам. 4—5 в.), на которыхъ лежали внѣшніе концы накладокъ скатовъ крыши. Въ каждой изъ половинъ углевого прямоугольника, соотвѣтственно размѣрамъ площади углевыхъ вѣтокъ, до присыпки залегали (въ нѣсколько ярусовъ) углевья горизонтальныя бревна (сосн., елов., діам. 2—4 в., длиною около 1 с.) двухъ костровъ. Среди пепла и углей вѣтокъ замѣчены слабыя признаки пережженныхъ костей. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 49 (рис. 8 № 47). Расположенъ на SSO отъ предыдущаго кургана, ближе къ S-й крайнѣй группы и въ сосѣдствѣ съ курганомъ № 51 этой же группы. Дерновой слой выгорѣлъ. На насыпи сохранились нѣсколько полуобгорѣвшихъ сосенокъ и березокъ. По формѣ основанія квадратный съ закругленными углами. Вершинка квадратная, плоская. Ориентированъ курганъ углами на N, O, S и W. Внѣ подошвы каждой изъ сторонъ насыпи по ровику. По угламъ насыпи перешейки. По внѣшности курганъ типа рис. 16 на стр. 27. Размѣры: длина стороны 2 саж. 2 ар., кривая-образующая 3 саж. 1 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ 2—3 арш., глубина ихъ 8—10 в. и длина перешейковъ—N-го 2 ар., O-го 1 с., S-го 1 с. 1 ар. и W 1 ар. Пробная яма, вырытая въ SW направленіи, дала: растительный слой 1 в., мелкій сѣрый песокъ 3 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ квадратнымъ колодезёмъ, размѣровъ площади основанія. На глубинѣ 1 верш. опредѣлился квадратъ углей двускатной крыши, углубившейся по сторонамъ до присыпки, которая оказалась на горизонтѣ (рис. 26). Въ общемъ углевой квадратъ, занимавшій центральное въ отношеніи фигуры основанія насыпи положеніе, имѣлъ въ сторонѣ около 1 саж. 2 ар. На глубинѣ 4 в. обнаружено посрединѣ (направленіе NW—SO) горизонтальное углевое бревно конька (сосн., діам. 4 в., круглое), лежавшее на пепельно-угольномъ слоѣ костра, продолжавшемся до присыпки и ограниченномъ, квадратно, на присыпкѣ углевыми лежащими бревнами (сосн. и елов., діам. 3—4 в.), находившимися внѣ предѣловъ концовъ короткихъ углевыхъ бревенъ (накладокъ) скатовъ крыши. Въ верхней части пепла и углей костра, подъ которымъ присыпка сильно обожжена, были пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ

и можжевеловыхъ вѣтокъ, среди которыхъ находились слабые признаки пережженного костяного порошка. Присыпка изъ крупнаго бѣлаго песку занимала всю площадь основанія кургана, слоемъ толщиной около 2 в. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 50 (рис. 8 № 49). Расположенъ къ NNO и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ № 52 этой же группы. Дерновой слой весь выгорѣлъ. По формѣ основанія квадратный (съ закругленными углами). Вершинка подобная же, плоская, съ округленною (діам. 1,5 ар.) выемкою (глуб. 4 в.) въ центральной части. Ориентированъ курганъ своими сторонами на N, O, S и W. Съ трехъ сторонъ (кромѣ N) по ровику у подошвы насыпи. На углахъ SW и SO по перешейку. Есть перешеекъ и съ N стороны. По вѣшности курганъ типа рис. 16 на стр. 27. Размѣры: длина стороны 1 саж. 2 ар., кривая-образующая 2 с. 1 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ 1—2 ар., глубина ихъ 4—8 в. и длина перешейковъ—SW 1,5 ар., SO—2 арш. и N 2 саж. 2 ар. Пробная яма, вырытая въ O-мъ направленіи, дала: 1,5 в. растительный слой, 2,5 в. мелкій сѣрый песокъ и ниже мелкій желтый песокъ. На глубинѣ 4 в. усмотрѣнъ квадратъ угле-пепла отъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, занимавшій центральное положеніе относительно фигуры основанія и имѣвшій въ сторонѣ около 1 с. (рис. 34). Въ этомъ слое находились довольно примѣтные слѣды пережженныхъ костей, занимавшіе округленную площадку (діаметра около 1 ар., глубиною до 1 в.), окутанные слоемъ угле-пепла. Ниже до присыпки шли мелкіе, разбросанные угли (сосн. и елов., діам. 1—2 в.) и пепель костра. Остатки костра были ограничены, квадратно, горизонтально лежавшими на присыпкѣ углевыми бревнами (сосн., длиною около 4 ар., діам. 1,5—2 в.). Присыпка изъ крупнаго бѣлаго песку превосходила размѣры квадрата углевыхъ бревенъ обложенія костра на 8—10 в. (всесторонне) и представляла слой толщиной въ 1—1,5 в. Подъ костромъ она была обожжена и закопчена. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 51 (рис. 8 № 14). Расположенъ при дорогѣ отъ старой сѣницы къ дорогѣ Дыбунъ—Мертути. На O отъ № 43. Въ сосѣдствѣ (всего нѣсколько шаговъ) съ удлиненнымъ курганомъ этой группы № 9. Дерновой слой весь выгорѣлъ. На отлогостяхъ насыпи три обгорѣлыхъ березки. По формѣ основанія квадратный (съ закругленными углами); вершинка квадратная, слегка центрально выемчатая (до глубины 2 в.). Ориентированъ курганъ углами на N, O, S и W.

Внѣ подошвы насыпи, непосредственно прилегая къ ней, три ровика (NW, SW и SO), а четвертый (небольшой) расположенъ на NNO у N угла. По угламъ (N, W и S) перешейки. Съ NO стороны какъ-бы входъ къ насыпи, и пониженіе ея съ этой стороны выемчатое, переходящее ниже въ горизонтный перешеекъ, ограниченный ровиками NNO и SO. По внѣшности курганъ типа рис. 31 на стр. 79. Размѣры: длина стороны 1 саж. 2 ар., кривая-образующая 2 с. 2 в., высота 8 в., ширина ровиковъ 1—2 ар., глубина ихъ 6—7 в., длина перешейковъ— N-го 1 ар., W-го 1,5 ар., S 1 ар. 4 в. и NO 1 саж. 2 ар. и ширина входа 1 ар. Пробная яма, вырытая въ S направленіи, дала: растительный слой 1,5 в., мелкій сѣрый песокъ 2 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ квадратнымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія кургана. Въ выемкѣ площадки вершинки, сквозь растительный слой, проглядывали мѣстами углы валуновъ. Въ виду этого, по снятіи растительнаго слоя насыпи, прежде всего расчищена была вершинка, засыпанная мелкимъ желтымъ пескомъ. Тогда обнаружилось, что весь квадратъ вершинки составляютъ валуны мѣстнаго происхожденія. Собственно-же земляная часть насыпи представляла квадратный валикъ со входомъ отъ NO. Поперечникъ валика колебался въ предѣлахъ 1—1,5 ар. Земля его оказалась перевороченной землею ровиковъ, причемъ сверху найденъ мелкій желтый песокъ, а ниже мелкій сѣрый песокъ. Вся внутренность фигуры квадратнаго валика была заполнена валунами (поперечникъ 3—6 в.), которыхъ насчитано 34 (рис. 33). Они всѣ мѣстнаго происхожденія. Въ землѣ насыпи ничего примѣчательнаго не усмотрѣно. На горизонтѣ оказалась присыпка изъ крупнаго желтаго песку, занимавшая всю площадь основанія, толщиною въ 1—1,5 в. На присыпкѣ лежали квадратомъ (рис. 32), центрально и параллельно сторонамъ площади основанія кургана, четыре угловыхъ бревна (сосн., длиною 4 ар., діам. 2—3 в.). Присыпка внутри этого квадрата сильно обожжена. На ней, въ центральной части, оказался слой (толщиною 1 в.) пепла и углей (сосн. и елов. вѣтокъ), занимавшихъ округленную площадь, діам. 1,5—2 ар. Среди углей и пепла этого слоя оказались въ небольшомъ количествѣ кусочки пережженныхъ человѣческихъ костей (кусочекъ позвонка, кусочекъ фаланги пальца руки), сильно разрушенные. На всей площади квадрата засыпка мелкимъ сѣроватымъ пескомъ, слой котораго не превосходилъ 1,5 в. Выше этого слоя шли валуны, заполнившіе всю центральную часть квадратнаго валика. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 52 (рис. 8 № 50). Расположенъ въ нѣсколькихъ шагахъ на S отъ удлиненаго кургана № 31 этой-же группы. Дерновой слой весь выгорѣлъ. По формѣ основанія курганъ квадратный (съ закругленными углами). Такая-же вершинка, слегка (на 2—3 в.) центрально выемчатая. Ориентированъ курганъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Видъ подошвы основанія четыре ровика: два съ NW стороны, одинъ съ NO, одинъ съ SW. Горизонтные перешейки усмотрѣны: по угламъ насыпи съ N и W, между ровиками съ NW и съ SO. Съ послѣдней стороны усматривался какъ-бы выходъ, шириною около 1 ар. (въ серединѣ ската насыпи). По видѣности курганъ типа рис. 31 на стр. 79. Размѣры: длина стороны насыпи 2 саж. 1 ар., кривая-образующая 3 с., высота 8 в., ширина ровиковъ около 2 ар., глубина ихъ 6—10 в. и длина перешейковъ—NW 1 саж., N 1 ар., W 1 саж. и SO 1 с. 1 ар. Пробная яма, вырытая въ O-мъ направленіи, дала: растительный слой—1 в., мелкій сѣрый песокъ 3 в. и ниже мелкій желтый песокъ. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей насыпи, а подъ горизонтомъ квадратнымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія кургана. По снятіи растительнаго слоя (рис. 33 на стр. 79) обнаружались валуны (мѣстнаго происхожденія), занимавшіе всю площадь вершинки, ограниченной квадратнымъ земельнымъ валомъ (поперечникъ вѣтки вала 1—1,5 ар.), прерванымъ съ SO стороны (входъ). На горизонтѣ была присыпка (толщиною 1—1,5 в.) изъ крупнаго желтаго песку, занимавшая всю площадь основанія кургана. Въ центральной части своей она оказалась сильно обожженной. На ней найдены 4 лежащихъ углевыхъ бревна (соснов., длиною около 4 ар., діам. 2—3 в.), располагавшіяся квадратомъ (рис. 32), стороны котораго были параллельны сторонамъ площади основанія. Въ центральной части квадрата была округленная площадка (діам. 1—2 ар.), занятая слоемъ (толщиною 1—1,5 в.) пепла и углей. Въ этомъ слоѣ найдены въ значительномъ количествѣ пережженные кости человѣка. Сверху квадратъ забросанъ слоемъ мелкаго сѣраго песку на толщину 1,5 в. Кругомъ земляной валикъ съ перерывомъ на SO, внутренность котораго вся заполнена валунами (поперечникъ 3—7 в.) мѣстнаго происхожденія, числомъ около 30, которые сверху, видимо, покрылись растительнымъ слоемъ. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 53 (рис. 8 № 54). Расположенъ въ нѣсколькихъ шагахъ на W отъ удлиненаго кургана № 53 этой-же группы. Дерновой покровъ весь выгорѣлъ. На насыпи сохранились двѣ обгорѣвшихъ сосенки. По формѣ основанія квадратный (съ закругленными уг-

лами). Вершинка такая-же, центрально выемчатая и съ узкимъ (шириною въ 1—1,5 ар.) спускомъ на SO. Ориентированъ курганъ углами на N, S, O и W. Внѣ подошвы съ трехъ сторонъ (NO, NW и SW) по ровику; подобный-же ровикъ небольшихъ размѣровъ находится и съ OON стороны. Между ровиками перешейки, изъ коихъ одинъ (SO) расположенъ съ той стороны, гдѣ какъ-бы входъ. По внѣшности курганъ типа рис. 16 на стр. 27. Размѣры: длина стороны 2 с. 2 ар., кривая-образующая 3 с. 1 ар., высота 8 в., ширина ровиковъ около 2 с., глубина ихъ 5—7 в. и длина перешейковъ—N 2 ар., W 2 арш., O 2 арш., и SO 2 саж. 2 арш. По снятіи растительнаго слоя, открыты валуны (поперечникъ 4—8 в.) мѣстнаго происхожденія, заполнявшіе собою всю площадь вершинки и окруженные землянымъ валикомъ (ширина вѣтки его 1—1,5 ар.) съ перерывомъ (1—1,5 ар.) въ серединѣ SO-й стороны кургана (рис. 32 и 33). По снятіи валуновъ (на-считано 27), найденъ легкій слой сѣраго песку, а подъ нимъ (1—1,5 в. глубже) открыты четыре лежащихъ углевыхъ бревна (сосн., длиною $3\frac{1}{2}$ ар., діам. 2—3 в.), располагавшіяся квадратомъ, стороны котораго параллельны сторонамъ площади основанія кургана. Въ центральной части этого квадрата найденъ округленный слой (діам. 1,5—2 ар., толщиной 1,5 в.) пепла и углей сосновыхъ и словыхъ вѣтокъ, среди которыхъ усмотрѣны остатки сильно пережженныхъ костей. Весь слой, а равно и углевья бревна квадрата покоились на присыпкѣ (толщиною 2 в.) изъ крупнаго желтаго песку, занимавшей всю площадь основанія кургана. Объемъ насыпи валика (перевернутые слои земли ровиковъ) почти отвѣчаетъ объему выемки земли ровиковъ. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 54 (рис. 8 № 56). Расположенъ на крайней оконечности W-й части группы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ удлинннаго кургана № 55 этой-же группы. Дерновой покровъ весь выгорѣлъ. По формѣ основанія курганъ квадратный (съ закругленными углами), вершинка подобная-же, слегка выемчатая, со входомъ (шириною около 1,5 ар.) на NO скатѣ. Курганъ ориентированъ углами почти точно по главнымъ сторонамъ горизонта. Внѣ подошвы три ровика (NW, SW и SO). Между ровиками три перешейка, изъ которыхъ одинъ (NO) расположенъ по длинѣ одной изъ сторонъ насыпи. По внѣшности курганъ типа рис. 16, на стр. 27. Размѣры: длина стороны 2 с. 1 ар., кривая-образующая 3 с., высота 7 в., ширина ровиковъ около 2—3 ар., глубина ихъ 6—8 в. и длина перешейковъ—N-го 2 ар., W-го 1 с. и NO-го 2 с. 2 ар. Пробная яма, вырытая въ S направленіи, дала:

растительный слой 1 в., мелкій сѣрый песокъ 2,5 в., мелкій желтый песокъ 6 в. и ниже крупный желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подь горизонтомъ квадратнымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія кургана (рис. 28). На глубинѣ 2 в. обнаружены пепель и угли углевыхъ накладокъ (сосн. и елов., діам. 1,5—2 в.) двускатной крыши (скать на NW и SO), концы которыхъ начинались, поперечно, отъ равнодѣлящей линіи середины кургана, имѣвшей NO—SW направленіе. Угли накладокъ съ NW и SO сторонъ залегали глубже, — почти на присыпкѣ. Подь ними, въ серединѣ находилось углевое бревно (сосн., длиною 4 ар., діам. 3—4 в.) конька. Ниже шли пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, простиравшіеся до присыпки. Среди нихъ, въ верхней части усмотрѣны пережженные кости, занимавшія округленную площадку (діам. 1—1,5 ар., глубиною 0,5—1 в.). Въ общемъ угле-пепель имѣлъ характеръ квадрата (въ сторонѣ около 4 ар.), бока котораго были параллельны сторонамъ основанія насыпи. На горизонтѣ присыпка (толщиною 1,5 в.) изъ крупнаго желтаго песку почти на всей площади основанія кургана. Подь углями и пепломъ присыпка обожжена. Продолженіе раскопки подь горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 55 (рис. 8 № 57). Расположенъ на SW отъ предьидущаго кургана, въ нѣсколькихъ шагахъ на S отъ удлиненнаго кургана № 58 той-же группы. Весь дерновой покровъ выгорѣлъ. На насыпи нѣсколько обгорѣвшихъ сосенокъ. По формѣ основанія курганъ квадратный (съ закругленными углами). Вершинка подобная-же, слегка вогнутая (на 3—4 в.), со входомъ на NW. Ориентированъ курганъ углами почти (легкое уклоненіе, напримѣръ, отъ N къ W) по главнымъ сторонамъ горизонта. Въ подошвы насыпи квадратный ровикъ, прерванный перешейкомъ противъ входа на NW. По вѣшности курганъ типа рис. 16 на стр. 27. Размѣры: длина стороны 2 с. 1 ар., кривая-образующая 3 саж. 1 ар., высота 10 в., ширина ровика 3—4 ар., глубина его 6—8 в., ширина перешейка 1 с. и ширина входа въ насыпи 2 ар. Пробная яма, вырытая на O отъ кургана, дала: растительный слой 1 в., мелкій сѣрый песокъ 3 в., мелкій желтый песокъ 8 верш. и ниже крупный желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи и подь горизонтомъ квадратнымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія кургана (рис. 33). По спятіи растительнаго слоя обнаружены валуны (поперечника 3—4 в.) мѣстнаго происхожденія, занимавшіе всю площадь квадрата вершинки. Валуны продолжались до слоя мелкаго песку (на глубинѣ 6 в.). Всѣхъ

валуновъ оказалось 25. После расчистки слоя мелкаго песку (толщиною 1 в.) обнаруженъ квадратъ изъ четырехъ лежащихъ углевыхъ бревенъ (сосн., длиною 4 ар. 3 в., діам. 2—4 в.), ориентированныхъ параллельно сторонамъ площади основанія кургана. Въ центральной части этого квадрата округленной формы пепельно-угольная площадка (соснов., еловья и можжевеловья вѣтки), діаметра 1—2 арш., представлявшая слой толщиною 1 в. Среди этихъ углей и пепла признаки пережженныхъ костей. Ниже присыпка (толщиною 1,5 в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку, занимавшая всю площадь основанія кургана. Она обожжена подъ площадкою угле-пепла. Дальнѣйшее продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 56 (рис. 8 № 60). Расположенъ на W окраинѣ группы, въ нѣсколькихъ шагахъ на S отъ удлинешаго кургана № 59 той же группы. Растительный покровъ весь выгорѣлъ. По формѣ основанія квадратный (съ закругленными углами). Вершинка такая-же, слегка выемчатая (поперечникъ углубленія 1,5 ар., пониженіе 3—4 в.). Курганъ ориентированъ сторонами на N, O, S и W. Вѣтъ подошвы насыпи ровикъ, прерывающійся съ W стороны перешейкомъ, откуда, видимо, былъ какъ-бы входъ. По внѣшности курганъ типа рис. 16 (стр. 27). Размѣры: длина стороны 2 с. 1 ар., кривая-образующая 3 с. 8 в., высота 11 в., ширина ровика 2—3 ар., глубина его 4—9 в. и длина перешейка 2 с. 2 ар. 6 в. Пробная яма, вырытая въ S-мъ направленіи, дала: растительный слой 1,5 в., мелкій сѣрый песокъ 3,5 в., мелкій желтый песокъ 5 в. и ниже крупный желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей насыпи, а подъ горизонтомъ квадратнымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія кургана (рис. 33). Подъ растительнымъ слоемъ (глуб. 1—1,5 в.) по всей площади вершинки усмотрѣны валуны (діам. 3—6 в.) мѣстнаго происхожденія. Они шли почти до присыпки, расположенной на горизонтѣ площади основанія кургана. Ихъ оказалось 26. Слой присыпки (крупный желтый песокъ) мощностью въ 2 в.). На присыпкѣ, по серединѣ ея, лежалъ прямоугольникъ изъ 4-хъ углевыхъ бревенъ (елов., діам. 3—5 в.), при чемъ пара болѣе длинныхъ (1 с. 1 ар.) имѣла WO направленіе, а пара короткихъ (1 ар. 12 в.) NS. Въ районѣ прямоугольника обнаруженъ тонкій (1 в.) слой угле-пепла, имѣвшій округленное очертаніе (поперечникъ 1 ар. 10 в.). Угли мелкихъ соснов., елов. и можжев. вѣтокъ. Среди нихъ явственныя признаки пережженныхъ костей, окутаны углепепломъ. Присыпка подъ слоемъ угле-пепла обожжена и закопчена. Сверху вся площадь засыпана тонкимъ (не болѣе $\frac{3}{4}$ в.) слоемъ мелкаго сѣраго

песку. Поверхъ него и лежали валуны, окруженные землянымъ валикомъ (вѣтка имѣла въ поперечникѣ около 2 ар.), который имѣлъ входъ съ W стороны, шириною около 2 ар. Земля насыпи валика представляетъ перевернутые слои земли ровика. Растительный слой на площадкѣ вершинки поверхъ ея валуновъ, позднѣйшаго происхожденія: или работа вѣтра (наносъ), или работа корней растений, или и то, и другое. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 57 (рис. 8 № 61). Въ SO части группы, вблизи дороги къ д. Мертути отъ Кузьмина горы, на участкѣ ея, гдѣ отдѣляется первая дорога къ старой сѣниці. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на SO удлиненный курганъ № 62 той-же группы. Дерновой слой весь выгорѣлъ. На W отлогости насыпи полуобгорѣвшая сосенка. По формѣ основанія кургана квадратный (съ закругленными углами). Вершинка подобная же, съ квадратной впадиной (длина 2,5 арш., глубина 2—3 в.) и пониженіемъ, какъ-бы для входа къ насыпи, съ O. Ориентированъ курганъ сторонами на N, O, S и W. Въ подошвы насыпи три ровика (одинъ изъ нихъ на NW углу захватываетъ отчасти и прилегающія стороны, другой на NO углу и третій съ S стороны). По вѣшности курганъ типа рис. 16 на стр. 27. Размѣры: длина стороны 1 с. 2 а., кривая-образующая 2 с. 2 в., высота 10 в., ширина ровиковъ 2—3 а., глубина ихъ 4—7 в., длина перешейковъ—N 1 с. 1 а., WWS 2 а. и O 1 с. 2 а. Пробная яма, вырытая на N, дала: растительный слой 1 в., мелкій сѣрый песокъ 3 в., мелкій желтый песокъ 4 в., и ниже крупный желтый песокъ. Раскопка производилась послышной съемкой земли насыпи и подъ горизонтомъ квадратнымъ колодезѣмъ, размѣровъ площади основанія кургана (рис. 33). Подъ растительнымъ слоемъ (глубина 1—1,5 в.) на площади вершинки обнаружены валуны (поперечн. 3—6 в.), мѣстнаго происхожденія, окруженные квадратнымъ валомъ, съ перерывомъ съ O (шириною 2 а.). Валы простирались до глубины легкаго слоя мелкаго сѣраго песку, прикрывавшаго угольно-пепельный слой, оказавшійся на присыпкѣ изъ крупнаго бѣловатаго песку, располагавшейся по всей площади основанія кургана. Всѣхъ валуновъ насчитано 28. По снятіи валуновъ и слоя мелкаго сѣраго песку, подъ ними обнаруженъ квадратъ лежачихъ углевыхъ бревень (сосн., діам. 2—4 в.), стороны котораго были параллельны сторонамъ площади основанія кургана. Въ серединѣ квадрата находился округленный пласть (діам. 2 а., толщиною 1 в.) угле-пепла мелкихъ вѣтокъ сосны, ели и можжевельника. Среди угле-пепла замѣчены явственные слѣды пережженныхъ костей, окутанныхъ угле-пепломъ же. Поверхъ этого слоя и находился пласть

(толщиною 1 в.) мелкаго сѣраго песку. Присыпка (толщиною 1—2 в.) подъ угольно-пепельной площадкой обожжена. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Курганы д. Дыбунъ — р. Кузьмина. Курганъ № 58 (рис. 7 № 53). Расположенъ по N-й крайнѣ группы, по широкой площади вершинки древней дюны, на мѣстахъ старыхъ порубокъ, гдѣ жидкій растительный слой кое-гдѣ испорченъ вѣтромъ и мѣстами выдувается слой мелкаго сѣраго песку. На NO отъ него, въ нѣсколькихъ шагахъ удличенный курганъ № 54. Дерновый покровъ рѣдкій съ слабымъ вересковымъ ковромъ. По формѣ основанія курганъ квадратный (съ округленными углами). Вершинка такая-же, центрально выемчатая (діам. выемки около 2 а., глубина 2—3 в.), съ пониженіемъ для входа съ SW стороны. Курганъ ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта (есть, впрочемъ, уклоненіе до 10 гр., напримѣръ, отъ N къ W). Въ подошвы насыпи три ровика (одинъ на N углу, другой въ O-й части NO стороны и третій съ SO). Перешейки усмотрѣны съ NW и SW сторонъ и между ровиками. По внѣшности курганъ типа рис. 16 на стр. 27. Размѣры: длина стороны насыпи 1 с. 2 а., кривая-образующая 2 с. 1 а., высота 7 в., ширина ровиковъ 1,5—2 а., глубина ихъ 6—7 в. и длина перешейковъ SW-го 1 с. 2 а., O-го 1 с. и NW 3 с. 1 а. Пробная яма, вырытая въ N направленіи, дала: растительный слой 1,5 в., мелкій сѣроватый песокъ 2—3 в., мелкій желтый песокъ 1,5 в. и ниже крупный желтый песокъ. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ квадратнымъ колодцемъ, размѣровъ площади основанія кургана. На глубинѣ 1 в. усмотрѣны въ центральной части кургана концы углевыхъ короткихъ накладокъ двускатной крыши, начинавшейся отъ линіи, дѣлившей курганъ на двѣ половины и имѣвшей направленіе NO—SW (рис. 28). Другіе концы накладокъ обнаружены на присыпкѣ. Длина ихъ около 2 а. Онѣ изъ сосновыхъ и еловыхъ бревенъ, діам. 2—3 в. Подъ ними и на нихъ угле-пепель сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. По равнодѣляющей линіи насыпи (NO—SW), подъ верхними концами накладокъ обнаружено горизонтальное (NO—SW положеніе) углевое бревно (елов., діам. 3—4 в.), концы котораго лежали на двухъ стоячихъ углевыхъ бревнахъ (сосн., діам. 3—4 в.), опущенныхъ (обычное заостреніе) подъ горизонтъ на 6—7 в. Ниже до присыпки шли уголь и пепель костра (сосн. и елов., діам. 2—4 в.), размѣровъ около 1 с. въ поперечникѣ. На верхней части костра довольно явственные слѣды пережженныхъ костей, окутанныхъ угле-пепломъ

вѣтокъ. Въ общемъ весь районъ крыши и прикрытаго ею костра съ остатками трупосожженія представлялъ квадратъ, стороны котораго (длина около 4,5 а.) параллельны сторонамъ площади основанія кургана. Присыпка (толщиною около 1,5 в.) изъ крупнаго желтаго песку занимала всю площадь основанія кургана и подъ райономъ костра была обожжена. Насыпь съ SW стороны какъ-бы имѣла входъ къ открытому концу двухскатной крыши. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 59 (рис. 7 № 55). Расположенъ восточнѣе предыдущаго кургана, въ нѣсколькихъ шагахъ на WWN отъ удлиненнаго кургана № 56 той же группы. Покрываетъ жидкимъ дерновымъ слоемъ. По формѣ основанія квадратный (съ закругленными углами). Вершинка подобная-же, центрально выемчатая (діам. выемки 2 а., глуб. 2—3 в.). Курганъ ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Въ подошвы насыпи пять ровиковъ, изъ коихъ два расположены съ NO стороны, одинъ съ SO стороны (вблизи S угла насыпи), одинъ съ NW стороны (подлѣ угла N), и одинъ на SW сторонѣ, охватывая и W уголь насыпи. Между ровиками перешейки (NW, N, NO, OOS и S). По вѣшности курганъ типа рис. 16 на стр. 27. Размѣры: длина стороны насыпи 2 саж., кривая-образующая 3 саж., высота 8 в., ширина ровиковъ 2—3 а., глубина ихъ 6—8 в. и длина перешейковъ—NW 2 а., N 2 а., NO 2 а., OOS 1 с. 2 а. и S 2 а. Пробная яма, вырытая въ N направленія, дала тѣ-же наблюденія, что и таковая въ предыдущемъ курганѣ. Раскопка производилась послышной съемкой земли всей насыпи и подъ горизонтомъ квадратнымъ колодезъ, размѣровъ площади основанія кургана (рис. 29). По снятіи растительнаго слоя со всей насыпи, приблизительно на глубинѣ 3 в., усмотрѣнъ углепепель отъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, среди котораго оказались довольно примѣтные слѣды пережженныхъ костей, занимавшіе небольшую площадь (6—8 в. въ поперечникѣ). Ниже до присыпки шли угли и пепель костра (сосн. и слов., діам. 2—5 в.). Костеръ имѣлъ форму квадрата (сторона около 1 с.), расположеннаго центрально въ отношеніи фигуры площади основанія кургана, причѣмъ стороны его были параллельны сторонамъ послѣдней. Костеръ сложенъ изъ бревенъ, залегавшихъ въ нѣсколько рядовъ. На горизонтѣ присыпка изъ желтаго крупнаго песку, размѣровъ площади основанія насыпи, толщиною 1—1,5 в. Верхняя ея часть подъ костромъ сильно обожжена. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетронутые слои земли.

Курганъ № 60 (рис. 7 № 57). Расположенъ нѣсколько О-ѣ предыдущаго кургана, въ нѣсколькихъ шагахъ на NW отъ удлиненнаго кургана № 58 той-же группы. Покрываетъ легкимъ дерновымъ ковромъ. По фигурѣ основанія курганъ квадратный (съ закругленными углами). Вершинка такая-же, центрально выемчатая (поперечникъ выемки около 2 а., глубина 2—3 в.), съ выемчатою покатостью на SO, гдѣ, видимо, былъ какъ-бы входъ. Курганъ ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Вокругъ подошвы основанія насыпи два ровика, изъ коихъ одинъ, начинаясь по О-му углу, огораживаетъ NO сторону насыпи, ея N уголь, NW сторону, W уголь и отчасти WWS часть SW стороны и другой—расположенъ на S углу. Перешейковъ два: одинъ съ SO стороны, гдѣ какъ-бы входъ, и другой съ SSW стороны. По внѣшности курганъ типа рис. 16 на стр. 27. Размѣры: длина стороны насыпи 2 саж. 1 а., кривая-образующая 3 с. 6 в., высота 6 в., ширина ровиковъ 2—3 а., глубина ихъ 4—7 в. и длина перешейковъ—SO 1 с. 1 а. и SSW 1 с. 2 а. Пробная яма, вырытая въ SW направленіи, дала тѣ-же наблюденія надъ залеганіемъ слоевъ земли, какъ и таковая въ курганѣ № 58. Подъ растительнымъ слоемъ обнаруженъ пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевельновыхъ вѣтокъ, среди которыхъ отчетливо выдѣлялся порошокъ пережженныхъ костей (рис. 29). Ниже, до присыпки шли уголь и пепель костра, устроеннаго изъ нѣсколькихъ рядовъ лежащихъ бревенъ (соснов. и елов., діам. 2—4 в.). Костеръ имѣлъ квадратныя очертанія (длина стороны около 3—4 а.) и стороны квадрата его были параллельны сторонамъ площади основанія насыпи. На горизонтѣ, по размѣрамъ площади основанія кургана, присыпка (толщиною 1—1,5 в.) изъ крупнаго желтаго песку, сильно обожженная подъ костромъ. Продолженіе раскопки подъ горизонтомъ дало нетропуемые слои земли.

Дюнская группа кургановъ. Курганъ № 61 (№ 21 группы). Расположенъ на SSO оконечности группы, въ небольшой низинкѣ между холмистыхъ скатовъ старой дюны, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ Бѣлоостровскаго шоссе. Покрываетъ прекраснымъ растительнымъ ковромъ, въ которомъ преобладаютъ луговые травы. Съ S-ой стороны на отлогости молодыя сосенки, а на NO скатѣ кусты ольхи. По формѣ основанія круглый. Вершинка круглая, плоская, съ небольшой частичной, округленной формы, выемкой (діам. 1,5 а., глуб. 3—4 в.) съ краю на NNO. Внѣ подошвы основанія насыпи круговой ровикъ, прерывающійся съ SO перешейкомъ. По внѣшности курганъ типа рис. 9 на стр. 74. Размѣры: окружность основанія 17 с. 2 а., окружность вершинки 12 с., кривая-

образующая 20 с. 1 а., высота 1 а. 4 в., ширина ровика 1,5—3 а., глубина его 8—12 в. и длина перешейка 1 с. 1 а. Пробная яма, вырытая въ SW направлѣніи, дала: растительный слой 1,5—2 в., мелкій сѣрый песокъ 2 в., ниже мелкій желтовато-красный песокъ. Раскопка производилась послѣдней съемкой земли всей насыпи и подѣ горизонтомъ круглымъ колодезь, размѣровъ площади основанія кургана (рис. 24). По снятіи дернового слоя, обнаруженъ угольно-пепельный слой, имѣвшій отъ центра крестообразно-секторальныя очертанія съ просвѣтами желтоватаго песку, ориентированными по четыремъ главнымъ сторонамъ горизонта. Двумя верхками ниже открылось радіальное положеніе углей крестообразнаго шатра. Угли были сосновые и еловые, діам. 2—4 в. По снятіи ихъ (глубина 7—8 в.), оказался, въ центральной части насыпи, квадратъ углей двускатной крыши (скаты были направлены на NW и SO) изъ сосновыхъ и еловыхъ бревенъ (длиною около 2,5 а., діам. 2—3 в.), расположенныхъ на трехъ горизонтальныхъ углевыхъ бревнахъ (срединное—конекъ, прочіе—боковые), концы которыхъ покоились на тройкахъ наискось стоявшихъ (кучно) углевыхъ бревенъ (сосн. и елов., діам. 4,6 в.), опущенныхъ (обычное заостреніе) подѣ горизонтъ на 6—8 в. Подѣ двухскатной крышей были пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, среди которыхъ обнаружены слабыя признаки пережженныхъ костей. Ниже, до присыпки, занимая по высотѣ почти 8—10 в., шли горизонтальныя углевая бревна (соснов., елов., діам. 3—5 в.) костра, сложенные въ нѣсколько рядовъ. За 6 в. до присыпки, съ краю насыпи, въ мѣстахъ краевыхъ очертаній углевыхъ секторовъ, по окружности основанія, шли, довольно густо расположенныя, въ 2—3 ряда, стоячія наискось (обычное заостреніе), съ обычнымъ наклономъ къ центру насыпи (около 45 гр.), углевая бревна (сосн., елов., діам. 5—7 в.) шатра, опущенныя подѣ горизонтъ земли на 3—5 в. Между рядами ихъ промежутки колебались въ предѣлахъ 6—10 в. Размѣры квадрата костра: длина стороны (ориентировка углами на N, S, O и W) около 4—4,5 а. Пространство между костромъ и наискось стоячими бревнами шатра заполнено обрушившимися углями и пепломъ послѣдняго. На горизонтѣ присыпка изъ крупнаго бѣловатаго песку, сильно обожженная подѣ костромъ и комлевыми концами бревенъ шатра. Размѣры ея: площадь отвѣчала площади основанія кургана, а толщина равнялась 1,5—2,5 в. По внутреннему устройству курганъ типа рис. 23. Дальнѣйшая раскопка подѣ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

6. Древній поселокъ.

Бугристая мѣстность района, не поросшая лѣсомъ, въ мѣстахъ наибольшей работы вѣтра (моряны) по ново-дюннымъ образованіямъ, гдѣ примѣтны слѣды культурнаго слоя, а именно — главнымъ образомъ, въ SW, центральной и NW частяхъ, обследована прямоугольными канавами въ цѣляхъ наилучшаго изученія содержанія культурнаго слоя и возможныхъ отсюда выводовъ.

Канавѣ № 1 (4 саж. $\times$ 1 с. 1 а.). Расположена на S-й оконечности площади района. Это самое низкое мѣсто. Здѣсь процессъ выдуванія наиболѣе сказался. Въ общемъ, мѣсто имѣетъ видъ горизонтной впадины, которую лижутъ волны вѣтра. Раскопка производилась послойной съемкой земли площади кургана. Залеганіе слоевъ оказалось такое: сѣровато-желтый песокъ—2 в., крупный желтый песокъ—4 в. и ниже крупный красноватый песокъ, переходящій на глубинѣ 1,5 а. въ мелкую гальку. Съ поверхности земли встрѣчались мелкіе черепки посуды новѣйшаго происхожденія. На глубинѣ 2 в. черепковъ почти нѣтъ, но мѣстами комочки пепла и мелкіе угольки (сосновые). Еще 2 в. ниже тѣ-же наблюденія. На глубинѣ 6 в. появились, спорадически, мелкіе черепки посуды тоже недревняго происхожденія. Глубже, именно въ красноватомъ песку, прекратились культурные признаки. Въ этой канавѣ древняго культурнаго слоя не оказалось.

Канавѣ № 2 (тѣхъ же размѣровъ). Мѣсто канавы: горизонтная сѣдловинка между сосѣдними песочными буграми. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей площади канавы. Слои имѣли приблизительно такое-же чередованіе, какъ и въ канавѣ № 1, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что слой сѣровато-желтаго песку былъ нѣсколько толще. Съ поверхности земли наблюдались мелкіе черепки новѣйшей глиняной посуды и кусочки кирпича. На глубинѣ 2 в. изрѣдка попадались черепки глиняныхъ горшковъ новѣйшаго происхожденія, а равно усматривались обожженные и сгнившіе осколки костей животныхъ. Двумя верхками ниже обнаружено то же, что и выше, и появились коренные зубы домашнихъ животныхъ. Еще 2 в. глубже: уголь (сосн.) и пепель, распластавшіеся комочками, и обугленные черепки горшковъ изъ неотмученной глины и плохого обжига. Съ глубины 8 в. и ниже (до 2 а.) никакихъ культурныхъ остатковъ не найдено.

Канавѣ № 3 (тѣхъ же размѣровъ). Пришлась на слабо выраженныхъ песочныхъ буграхъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей площади канавы. Залеганіе слоевъ земли почти то же, что

въ предыдущей канавѣ. Съ поверхности наблюдались изрѣдка черепки глиняной посуды новѣйшаго типа и кусочки кирпича. На глубинѣ 2 в. встрѣчались, спорадически, кусочки черепковъ подобныхъ тѣмъ, что находимы были съ поверхности; изрѣдка наблюдались комочки угля (сосн.) и пепла. Ниже (до глубины 2 а.) никакихъ культурныхъ признаковъ не оказалось.

Канавѣ № 4 (тѣхъ же размѣровъ). На сѣдловкѣ среди трехъ сходящихся песчаныхъ бугорковъ. Раскопка производилась послышной съемкой земли всей площади канавы. Съ поверхности усматривались черепки глиняной посуды новѣйшаго происхожденія. Слой земли имѣли такое-же чередованіе, какъ въ предыдущихъ канавахъ. На глубинѣ 2 в.: обугленные и полусгнившія кости коровы и домашней свиньи, изрѣдка черепки чернаго цвѣта изъ неотмученной глины, слабого обжоба. Еще на 2 в. ниже, въ SW углу обнажился угольно-пепельный слой, толщиной 2—3, 5 в. Въ немъ найдены: обугленные и сгнившія отчасти кости домашней свиньи и черные черепки (подобные найденнымъ выше). Глубже шли слои земли безъ всякихъ признаковъ культуры.

Канавѣ № 5 (тѣхъ же размѣровъ). На трехъ песчаныхъ бугоркахъ. Раскопка производилась послышной съемкой земли всей канавы. Сѣровато-желтый песокъ на глубинѣ 3—5 в. перешелъ сразу въ крупный красноватый песокъ, за которымъ съ глубины 5—8 в. появилась мелкая галька. Съ поверхности земли ничего не было. Въ слой сѣровато-желтаго песку до глубины 2 в. не оказалось никакихъ культурныхъ остатковъ; ниже стали, спорадически, попадаться мелкіе черепки горшковъ, аналогичные нижнимъ черепкамъ канавы № 2, и легкій угольно-пепельный прослойкъ. Далѣе (до глубины 2 а.) ничего встрѣчено не было.

Канавѣ № 6 (5 с. × 4 арш.). Въ сѣдловкѣ между четырьмя сосѣдними песчаными бугорками. Раскопка производилась послышной съемкой земли всей канавы. Съ поверхности находимы были мелкіе черепки посуды новѣйшаго происхожденія. На глубинѣ 4 в., подъ слоемъ сѣровато-желтаго песку залегалъ угольно-пепельный слой мощностью 2—3 в. Его угли были сосновые, словые и березовые. Въ этомъ слое найдено, въ NW части канавы, мѣсто очага изъ сѣрой, сильно обожженной глины (рис. 41). Его размѣры: поперечникъ 1,5—2 а. и толщина 3—4 в. На очагѣ находились: нѣсколько небольшихъ (2—3 в.) валуновъ, мѣстнаго происхожденія, сильно закопченныхъ и расколотыхъ дѣйствіемъ огня, обожженные косточки коровы и домашней свиньи, зубы первой, мелкіе черепки горшковъ изъ сѣрой глины, неотму-

ченной и плохо-обоженной. На послѣднихъ, въ $\frac{1}{2}$ дм. разстояніи отъ шейки отгиба, замѣтны глубокія запятовидныя углубленія, сдѣланныя концомъ заостренной палочки или пожа. Образцы черепковъ показаны на фиг. 3 и 7 рис. 39. Кромѣ того, по всей площади угольно-пепельнаго слоя находились комочки угля и пепла, мелкіе черепки (подобные сейчасъ описаннымъ) и остатки ржавчины гвоздей. Ниже шель слой желтаго песку (толщиною 2—3 в.), а дальше красноватый песокъ и мелкая галька, не заключавшіе культурныхъ остатковъ.

Канавѣ № 7 (5 с. $\times$ 5 а.). Въ сѣдловинкѣ между трехъ песчаныхъ бугорковъ и на W оконечности центральной части SO дюны этого района. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей канавы. Съ поверхности были находимы мелкіе черепки горшковъ позднѣйшаго типа и обугленные, а мѣстами ислѣвшія косточки животныхъ. Подъ слоемъ сѣровато-желтаго песку на $\frac{2}{3}$ WWS участка канавы обнаруженъ угольно-пепельный слой, мощностью 2—3 в. Въ сѣровато-желтомъ песку культурныхъ признаковъ не было. Угольно-пепельный слой (угли сосн., елов. и берез.) заключалъ въ себѣ: черепки горшковъ типа рис. 39 фиг. 8, желѣзные гвозди типа рис. 40 фиг. 17, а также обугленные и полуислѣвшіе кусочки раздробленныхъ костей животныхъ. Ниже шель желтый песокъ (до глубины 10 в.), а дальше залегалъ красноватый песокъ и затѣмъ мелкая галька, среди которыхъ культурныхъ признаковъ не было.

Канавѣ № 8 (тѣхъ же размѣровъ). На сѣдловинкѣ между трехъ—четырехъ песчаныхъ бугорковъ и на O отлогости вѣтви одного изъ участковъ разрушенной дюны. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей канавы. Съ поверхности земли культурныхъ остатковъ не было. Подъ слоемъ сѣровато-желтаго песку (глубина 2—3 в.) залегалъ угольно-пепельный слой (угли мелкіе,—сосновые, еловые и березовые). Въ послѣднемъ обнаружены черепки, аналогичные съ таковыми канавы № 6, пережженные и ислѣвшія косточки животныхъ и небольшіе (2—3 в.) законченные валуны мѣстнаго происхожденія. Этотъ слой былъ мощностью въ 2—4 в. Подъ нимъ залегалъ желтый песокъ (толщина 4—6 в.), ниже красноватый песокъ и мелкая галька—всѣ безъ культурныхъ остатковъ.

Канавѣ № 9 (тѣхъ же размѣровъ). Въ сѣдловинкѣ между трехъ песчаныхъ бугорковъ. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей канавы. Съ поверхности земли находились черепки посуды новѣйшаго происхожденія, а также кусочки кирпича. Подъ сѣровато-желтымъ пескомъ (на глубинѣ 5—7 в.) обнаруженъ угольно-пепельный слой (угли

сосновые и еловые) мощностью въ 2—3 в. Въ первомъ слоѣ встрѣчались изрѣдка черепки, подобныя тѣмъ, что находились съ поверхности. Угольно-пепельный слой заключалъ въ себѣ: черепки горшковъ типа

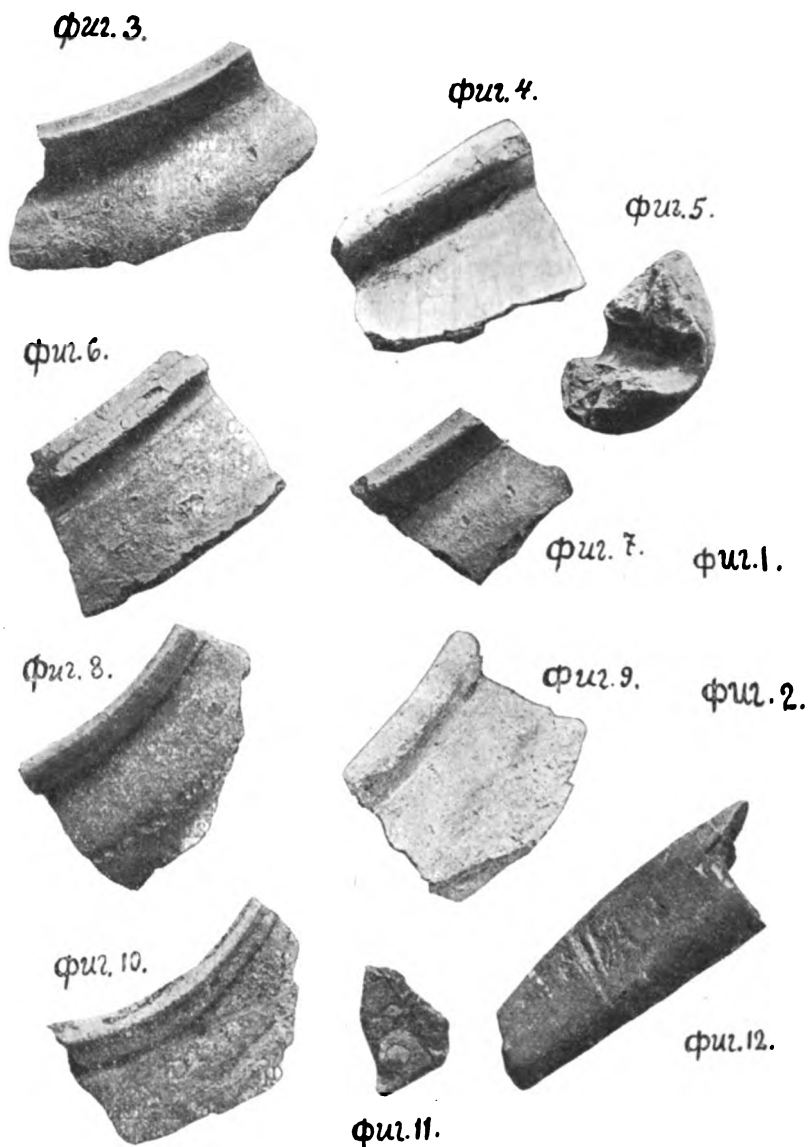

Рис. 39. № 11 изъ кургана 37, № 12 изъ кургана 40. Прочія фигуры изображаютъ предметы древняго поселка.

рис. 39 фиг. 7, обугленные и полунислѣвшія косточки животныхъ и желѣзные гвозди типа почти тождественнаго съ типомъ рис. 10 фиг. 17. На глубинѣ 10 в. начался желтый песокъ. Еще 4 в. глубже слѣдовалъ мелкій красноватый песокъ, переходившій дальше въ такой-же крупный

песокъ и гальку. Ниже угольно-пепельнаго слоя культурныхъ признаковъ не найдено.

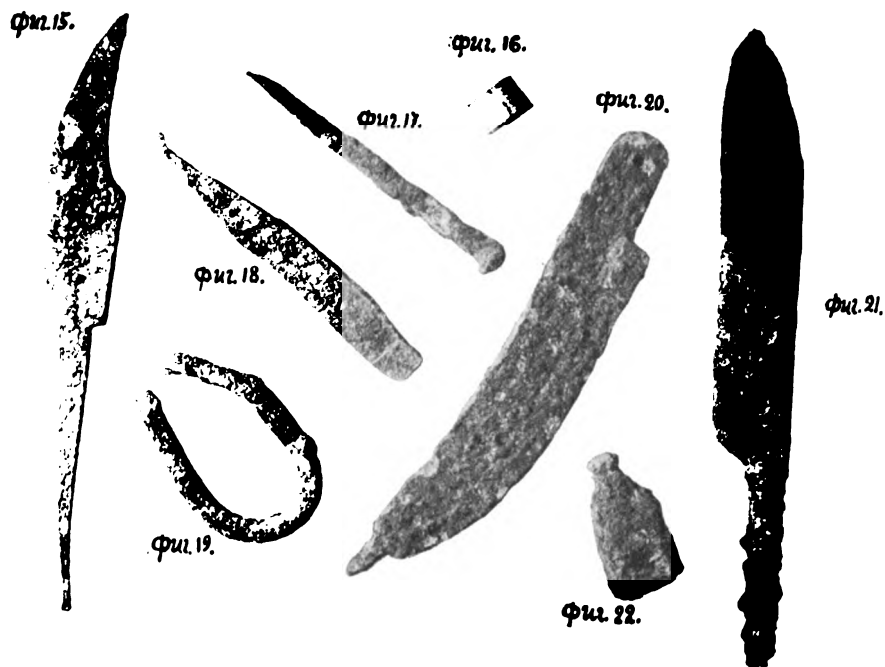
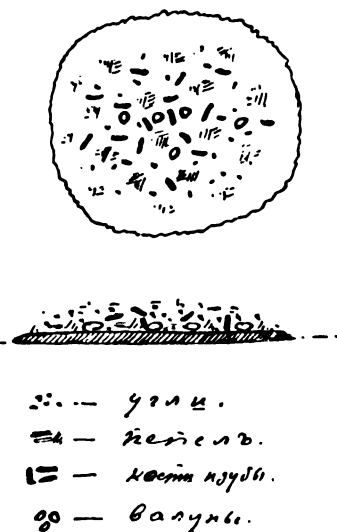

Рис. 40. № 15 и 16 изъ кургана № 24. Прочія фигуры изображаютъ предметы древняго поселка.

Канавка № 10 (размѣровъ 6 саж. X 2). Частью въ сѣдловинѣ трехъ песчаныхъ бугровъ и частью на S-й оконечности вѣтви NW участка старой, разрушающейся нынѣ дюны. Раскопка производилась послойной съемкой земли всей канавы. На поверхности земли были мелкіе черепки горшковъ позднѣйшаго типа и попадались кусочки кальцинированныхъ костей домашнихъ животныхъ. До глубины 3—4 в. залегалъ сѣровато-желтый песокъ, съ слабыми остатками керамики (подобна сейчасъ упомянутой) и кусочки обугленныхъ костей животныхъ. Ниже шель угольно-пепельный (сосп., елов., и берез.) слой, мощностью 2—6 в. Въ немъ находились: черепки горшковъ типа рис. 39 фиг. 9, пережженные косточки животныхъ и из-

- — угли.
- ⊖ — пепель.
- ⊞ — кости животныхъ.
- ⊙ — валуны.

Рис. 41. Очагъ.

рѣдка желѣзные гвозди, уже поясеннаго типа. На слоѣ желтаго песку, вдаваясь въ угольно-пепельный слой, въ NO участкѣ канавы обнаружены слѣды очага (изъ обожженной глины), типа канавы № 6. Размѣры его: поперечникъ около 2 а, толщина до 5 в. На очагѣ было все то же, что обнаружено и на очагѣ канавы № 6. Ниже залежали: сначала желтый песокъ (толщиною 4—6 в.), дальше мелкій красноватый песокъ и ниже крупный красноватый песокъ, а глубже—галька. Въ этихъ слояхъ культурныхъ остатковъ не обнаружено.

Канавы № 11 (размѣровъ 5 саж. $\times$ 5 арш.). На N-ой отлогости одного изъ участковъ разрушенной старой дюны. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей канавы. Съ поверхности земли усматривались кое-гдѣ мелкіе черепки посуды новаго происхожденія, а мѣстами кусочки кальцинированныхъ костей домашнихъ животныхъ. Подобные-же остатки встрѣчались и въ сѣровато-желтомъ песку (залегалъ до глубины 4 в.). Ниже обнажился угольно (сосн. и елов.)-пепельный слой, мощностью въ 2—3 в. Въ немъ наблюдались черепки горшковъ типа рис. 39 фиг. 3 и кусочки кальцинированныхъ костей животныхъ. Глубже шло такое-же залеганіе слоевъ земли, какъ и въ предыдущей канавѣ. Культурныхъ остатковъ въ нихъ не усмотрѣно.

Канавы № 12 (тѣхъ-же размѣровъ). Въ сѣдловинкѣ четырехъ песчаныхъ бугорковъ. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей канавы... Съ поверхности земли обнаружены черепки посуды новѣйшаго происхожденія и кусочки кальцинированныхъ костей домашнихъ животныхъ. Слой сѣровато-желтаго песку былъ толщиною 1,5—2 в., угольно-пепельный слой имѣлъ толщину 1 в., желтый песокъ—5 в. и мелкій красноватый песокъ—7 в. Въ сѣровато-желтомъ песку наблюдались: битый кирпичъ, черепки посуды позднѣйшаго типа и другіе современные предметы. Угольно-пепельный слой заключалъ: уголь (сосн. и елов.), пепель, закопченные валуны, куски обожженной глины, видимо, отъ очага типа канавы № 6, желѣзное кресало типа рис. 40 фиг. 19 и черепки посуды типа рис. 40 фиг. 9, а также куски раздробленныхъ и кальцинированныхъ костей животныхъ. Въ слояхъ ниже (желтый песокъ, красноватый песокъ и галька) культурныхъ признаковъ не найдено.

Канавы № 13 (размѣровъ 5 саж. $\times$ 2 саж.). Въ сѣдловинкѣ трехъ песчаныхъ бугровъ. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей канавы. Слои земли залежали въ такомъ порядкѣ: сѣровато-желтый песокъ 8 в., угольно-пепельный слой 3—4 в., желтый песокъ 6 в., красноватый песокъ 8 в., ниже крупный красноватый песокъ и галька. Съ поверхности земли никакихъ культурныхъ признаковъ не было.

Въ сѣровато-желтомъ песку встрѣчались изрѣдка черепки новѣйшей посуды, битый кирпичъ и вообще предметы современной культуры. Въ угольно-пепельномъ слоѣ оказались: уголь (сосн. и елов.), закопченные небольшіе валуны мѣстнаго происхожденія, куски обожженной сѣрой глины отъ очага типа канавы № 6, кальцинированныя кости и зубы животныхъ, черепки глиняныхъ горшковъ типа рис. 39 фиг. 6 и 2, точильный брусокъ изъ силурійскаго песчаника, кусокъ бритвы (рис. 40 фиг. 18) и глиняное грузило (плохой формовки и слабого обжига) (рис. 39 фиг. 5). Въ прочихъ слояхъ культурныхъ признаковъ не найдено.

Канавы № 14 (размѣровъ 5 саж. $\times$ 5 арш.). Расположена на покостяхъ вѣтвей разрушенной, низкой уже, старой дюны. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей канавы. Слои: сѣровато-желтый песокъ 7—11 в., угольно-пепельный слой 3—4 в., желтый песокъ 5—8 в., красноватый песокъ 4—7 в., ниже крупный красноватый песокъ и галька. Съ поверхности усматривались изрѣдка черепки современной глиняной посуды и мелкіе кусочки пережженныхъ костей животныхъ. Въ сѣровато-желтомъ песку находились мѣстами черепки новѣйшей посуды. Угольно-пепельный слой въ себѣ заключалъ: уголь (сосн. и елов.), пепель, углевое сосновое бревно (діам. 4—6 в.), закопченные небольшіе (2—3 в.) валуны, обожженные куски сѣрой глины отъ очага типа канавы 6, кальцинированныя кости и зубы животныхъ, черепки горшковъ типа рис. 39 фиг. 4, 6 и 10, желѣзное грузило (рис. 40 фиг. 22) и ножъ (рис. 40 фиг. 21). Въ прочихъ слояхъ земли признаковъ культуры не обнаружено.

Канавы № 15 (размѣровъ 4 саж. $\times$ 2 саж.) Въ сѣдловинкѣ трехъ песчаныхъ бугорковъ и на отлогости одного изъ нихъ. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей канавы. Слои залегали такъ же, какъ и въ канавѣ № 8. Съ поверхности земли найдены изрѣдка черепки современныхъ горшковъ. Подъ слоємъ сѣровато-желтаго песку, не заключавшемъ въ себѣ культурныхъ остатковъ, залегалъ слой угольно-пепельный, имѣвшій въ толщину 2 в. Въ послѣднемъ обнаружены: черепки горшковъ типа рис. 39 фиг. 10, кальцинированныя кости животныхъ, уголь (сосн. и елов.), пепель и ножъ (рис. 40 фиг. 20). Слои, залегавшіе глубже, не имѣли культурныхъ остатковъ.

Канавы № 16 (3 саж. $\times$ 3 саж.). Въ сѣдловинкѣ двухъ песчаныхъ бугорковъ и на N скатѣ вѣтви, разрушающейся, невысокой, старой дюны. Раскопка производилась послонной съемкой земли всей канавы. Залеганіе слоевъ подобное предыдущей канавѣ. Съ поверхности земли были черепки современной посуды. Подъ сѣровато-желтымъ слоємъ

Схема вышности угодьяхъ кургановъ.

Подтипы.	Форма.		Видъ насыпи собою.	Видъ верхинки.	Ровики и перешейки.	Примѣчаніе.
	Плосцади основанія.	Вершинки.				
1. Круглыя курганы.	Кругъ.	Кругъ.	1. Блинчатый. 2. Усѣченный конусъ.	1. Выпуклая, иногда бугристая. 2. Плоская. 3. Выемчатая.	1. Отъ 1 до 12 ровиковъ (столько же и перешейковъ) вокругъ дошвы основанія. 2. Прерывчатый круговой ровикъ въ линіи подошвы основанія (мѣстами какъ-бы углубленные стѣпка перешейки).	Выемчатые курганы съ односторонней покатою и входомъ всегда накладываются волниая удлиненыя кургановъ.
2. Квадратныя курганы.	Квадратъ (съ закругленными углами).	Квадратъ (съ закругленными углами).	1. Блинчатый. 2. Низкоусѣченная пирамида. 3. Односторонняя покатою (къ сторонѣ входа).	1. Выпуклая, иногда бугристая. 2. Плоская. 3. Выемчатая. 4. Выемчатая съ одностороннимъ входомъ.	1. Одинъ ровикъ въ линіи плосцади основанія (съ однимъ перешейкомъ, часто противъ входа) 2. 2—4 ровика (въ бѣлышность по числу сторонъ плосцади основанія) съ столькими-же перешейками.	
3. Удлиненныя курганы.	Прямоугольникъ (съ закругленными углами).	Прямоугольникъ (съ закругленными углами).	1. Блинчатый. 2. Низкоусѣченная пирамида.	1. Выпуклая, иногда бугристая. 2. Плоская. 3. Выемчатая.	1. Четыре ровика (по числу сторонъ) въ линіи основанія съ столькими же перешейками на углахъ. 2. 5—6 ровиковъ (двойные ровики по удлиненнымъ сторонамъ) со столькими же перешейками (въ томъ числѣ и по одному на удлиненной сторонѣ).	

Примѣчаніе. Двухърусовые круглыя курганы по вышности отлицаются отъ однорусовыхъ круглыхъ кургановъ лишь тѣмъ, что на нижнемъ (всегда болѣе широмъ) курганѣ расположенъ верхній (всегда меньшій) курганъ.

(толщина 2—8 в.), почти не заключавшемъ въ себѣ культурныхъ остатковъ, залегаль угольно-пепельный слой (толщиною 2—4 в.). Въ послѣднемъ находились: желѣзные гвозди типа рис. 40 фиг. 17, кальцинированные кости животныхъ и черепки горшковъ типа рис. 39 фиг. 3 и 9. Всѣ слои, залегавшіе глубже, не содержали никакихъ культурныхъ остатковъ.

7. Погребальный обрядъ.

Раскопки 1906 г. намѣтили для Сестрорѣцкаго района два типа кургановъ. Изъ нихъ: одинъ типъ названъ зольными курганами, а другой—угольными. Изысканія 1907 г. не дали ничего новаго къ типу зольныхъ кургановъ. Что же касается угольныхъ кургановъ, то явились новыя данныя, на основаніи которыхъ надлежитъ въ этомъ именно типѣ кургановъ сдѣлать нѣкоторыя поправки и нѣкоторыя дополненія, и даже существенныя. Внѣшность угольныхъ кургановъ можно считать, вполне охватываться положеніями нижепомѣщаемой схемы (см. стр. 128).

Необходимо однако оговориться, что квадратные со входомъ курганы, какъ мало примѣтныя на мѣстности, особенно въ лѣсу, среди кустарниковъ, древесныхъ порослей и ковра, часто густого, полукустарныхъ растений, быть можетъ, по своему мѣстоположенію, какъ сопровождающіе всегда удлиненные курганы, должны-бы считаться непремѣннымъ дополненіемъ cadaго изъ послѣднихъ. Возможно, что какое нибудь подобное дополненіе существуетъ и для угольныхъ круглыхъ кургановъ. Но послѣдняго еще не пришлось наблюдать. Во всякомъ случаѣ, пока слѣдуетъ полагать, что квадратный со входомъ курганъ съ удлиненнымъ сосѣднимъ курганомъ всегда составляютъ какъ-бы пару. Это, конечно, еще подлежитъ повѣркѣ путемъ большаго числа изысканій и продолженія раскопокъ. Что-же касается дополненія къ угольнымъ круглымъ курганамъ, то открытіе такового положительно ожидается.

По внутреннему устройству угольные курганы имѣютъ много разновидностей даже независимо отъ подтиповъ внѣшности своей. Внутреннее устройство угольныхъ кургановъ довольно точно выражается слѣдующей схемой (см. стр. 130—132).

Въ общемъ всѣ раскопанные, какъ въ 1906 г., такъ и въ 1907 г., угольные курганы принадлежать къ числу или разряду одноярусныхъ кургановъ. По разновидностямъ внутренняго своего устройства вскрытые курганы эти распредѣляются такъ: 1) изъ *круглыхъ* относятся: къ четвертьшатровымъ № 27, къ полушатровымъ № 23, къ дву-полушатровымъ № 24, 26 и 35, къ крестообразношatro-

Схема внутреннего устройства угловых кургановъ.

Подтипы.	Прикрытіе.	Костры.	Ограниченіе костра.	Составъ насыпи.
<p>1. Круглые курганы.</p>	<p><i>I. Шатровое.</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Четвертьшатровое. 2. Полушатровое. 3. Двухполушатровое. 4. Крестообразношатровое. 5. Шатровое съ прѣсвѣтомъ. 6. Полношатровое. 7. Комбинація одной изъ перечисленныхъ разновидностей съ двускатной крышей. <p><i>Примѣчаніе.</i> 2—3 ряда наискось (наклонъ къ центру насыпи) стоячихъ (одностороннее заостреніе) бревенъ, опущенныхъ подъ горизонтъ на 4—8 в.</p> <p><i>II. Двускатная крыша:</i></p> <p>Скаты изъ короткихъ бревенъ и лежать на конькѣ и двухъ боковыхъ бревнахъ.</p> <p><i>Примѣчаніе.</i> Конекъ и боковыя бревна лежать на стоячихъ (обычное заостреніе) бревнахъ, иногда составляющихъ тройки.</p>	<p>По одному. Ирѣдка по два. Квадратной, иногда прямоугольной формы. Сложены изъ нѣсколькихъ рядовъ горизонтальныхъ бревенъ. Высота точно не выяснена. Между двойными кострами промежутокъ, равный сторонѣ костра.</p> <p>Длина сторонъ костра отъ 3 до 5 ар. На верху костра сосновыя, еловыя и можжевельныя вѣтви. Онѣ и служили постелью при трупосоженіи. Вотъ почему среди этого слоя находимъ пережженные кости.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. По одному стоячему бревну на углахъ. 2. По 3—4 стоячихъ бревна на каждомъ углу. 3. По 2—5 бревенъ снаружи каждой стороны (иногда по бревну изнутри). <p><i>Примѣчаніе.</i> Концы бревенъ имѣють одностороннее заостреніе и опущены подъ горизонтъ на 4—8 в.</p> <p>Стоячія бревна, поддерживающія конекъ и боковыя лежни, служатъ и ограниченіемъ костра.</p> <p><i>Примѣчаніе.</i> Концы бревенъ заострены и углублены подъ горизонтъ такъ же, какъ и въ шатровыхъ курганахъ.</p>	<p>На горизонтѣ присыпка (толщиною 2—3 в.) изъ крупнаго бѣловатаго или бѣлаго песку, занимающая всю площадь основанія.</p> <p>Земля насыпи представляетъ перевернутые слои земли ровиковъ. Насыпка кургана выполнена, когда закончилось горѣніе костра.</p> <p>Подъ костромъ присыпка (толщиною 2—3 в.) изъ крупнаго бѣлаго или бѣлов. песку, размѣрами мало превосходящая площадь основанія костра.</p> <p>Характеръ земли насыпи въ остальномъ и время насыпки кургана тѣ же, что и въ шатровыхъ курганахъ.</p>
<p>2. Квадратные курганы.</p>	<p>1. Безъ прикрытія.</p>	<p>Одинъ квадратный костеръ изъ нѣсколькихъ рядовъ горизонтальныхъ бревенъ. Сверху вѣтви сосновыя, еловыя и можжевельныя. Онѣ служили постелью для трупосоженія. Среди нихъ находятся остатки пережжен. костей.</p>	<p>Нѣтъ.</p>	<p>На горизонтѣ присыпка (толщиною 2—3 в.) изъ бѣловатаго или желтаго крупнаго песку, размѣрами площади превышающая площадь основанія костра.</p> <p>Земля насыпи перевернутые.</p>

Подтипы.	Прикрытіе.	Костры.	Ограниченіе костра.	Составъ насыпи.
	<p>2. <i>Квадратное или прямоугольное обложение костра бревнами.</i></p> <p>3. <i>Двускатная крыша.</i></p> <p>а. Конекъ на стоячихъ (обычно заостреніе) бревнахъ, опущенныхъ подъ горизонтъ на 4—6 в., а бочины лежатъ на присыпкѣ.</p> <p>б. Конекъ и боковые лежни на стоячихъ бревнахъ, опущенныхъ подъ горизонтъ на 4—6 в.</p> <p>в. Нѣтъ признаковъ стоячихъ бревенъ ни для конька, ни для лежней.</p> <p>4. <i>Жальничное.</i></p> <p><i>Примѣчаніе.</i> Примѣнены мѣстные валуны оказавшіеся подъ рукою.</p>	<p>Костеръ, видимо, составлялся такъ же, какъ въ предыдущемъ. Сохранилась разбросанная куча углей и пепла, среди которыхъ замѣчаются остатки пережженныхъ костей.</p> <p>Одинъ квадратный костеръ устройства такого же, какъ въ подобныхъ курганахъ безъ прикрытія.</p> <p>Небольшихъ размѣровъ округленный костеръ (діам. 1,5—2 ар.) изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Среди углей и пепла помѣщены остатки трупосожженія (съ явственными признаками кальцинированныхъ человѣческихъ костей).</p>	<p>Ограниченіе изъ горизонтально лежащихъ бревенъ, что выполнено послѣ полного сгорания трупа и разбрасыванія костра.</p> <p>Ограниченія нѣтъ или квадратное обложение горизонтальными бревнами на присыпкѣ.</p> <p>Ограниченіемъ служить стоячія бревна конька и боковыхъ лежней крыши.</p> <p>Ограниченія нѣтъ или квадратное обложение на присыпкѣ.</p> <p>Признаковъ ограниченія костру не усмотрѣно.</p>	<p>слой земли ровиковъ.</p> <p>Насыпка кургана выполнена по окончаніи горѣнія костра.</p> <p>На горизонтѣ присыпка (толщиною 1—3 в.) изъ бѣлов. или желтаго крупнаго песку, размѣровъ площади основанія кургана. На ней угли и пепель костра и остатки трупосожженія. Сверху легкій (1 в.) слой земли изъ ровиковъ. Затѣмъ навалены, квадратно, валуны. Кругомъ валикъ вплотную къ валунамъ. Земля валика—перевернутые слой земли ровиковъ.</p>
<p>3. <i>Удлиненные курганы.</i></p>	<p>1. <i>Безъ прикрытія.</i></p> <p>2. <i>Квадратное или прямоугольное обложение костра бревнами.</i></p>	<p>То же, что въ квадратныхъ безъ прикрытія. Отличіе лишь въ томъ, что было два костра.</p> <p>То же, что въ подобныхъ квадратныхъ. Отличіе лишь въ томъ, что два костра.</p>	<p>Нѣтъ.</p> <p>Бревна обложения костровъ образуютъ два квадрата или прямоугольника.</p>	<p>То же, что и въ подобныхъ квадратныхъ курганахъ.</p>

Подтипы.	Прикрытіе.	Костры.	Ограниченіе костра.	Составъ на- сыпи.
	<p><i>3. Двускатная крыша.</i></p> <p>а. Конекъ на стоячихъ бревнахъ, а обочивы лежать на присыпкѣ. Въ остальномъ то же, что въ квадратныхъ курганахъ.</p> <p>б. Конекъ и боковыя лежни на стоячихъ бревнахъ. Въ остальномъ то же, что въ подобныхъ квадратныхъ курганахъ.</p>	<p>Одинъ или два костра, развалившіеся подъ обрушившеюся крышею. Остальное то же, что и въ квадратныхъ курганахъ.</p>	<p>То же, что и въ подобныхъ квадратныхъ курганахъ.</p>	<p>На горизонтѣ присыпка (толщиною 2—3 в.) изъ крупнаго желтаго или бѣловатаго песку. Земля насыпи—перевернутые слои земли ровиковъ. Курганы насыпаны по окончаніи трупосожженія.</p>

вымъ №№ 25, 31 и 34, къ шатровымъ съ просвѣтомъ №№ 28, 29 и 33, къ полношатровымъ №№ 19, 20, 32 и 40 и къ крестообразношатровымъ съ двускатной крышей №№ 38 и 61 и съ двускатной крышей №№ 14, 15, 18, 21, 22, 30, 36, 37 и 39; 2) изъ *квадратныхъ* относятся: безъ прикрытія №№ 59 и 60, съ квадратнымъ или прямоугольнымъ обложеніемъ бревнами №№ 46 и 50, съ двускатной крышей отъ присыпки №№ 44, 54 и 58 и съ двускатной крышей на стоячихъ бревнахъ № 45 и къ жальничнымъ №№ 57, 56, 53, 52 и 51 и 3) изъ *удлиненныхъ* относятся: безъ прикрытія № 11, съ квадратнымъ или прямоугольнымъ обложеніемъ бревнами №№ 10 и 16, съ двускатной крышей и отъ присыпки №№ 47 и 48 и съ двускатной крышей на стоячихъ бревнахъ №№ 41—43. Если наличіе двухъ костровъ полагать за признакъ двойнаго трупосожженія, тогда къ семейнымъ курганамъ слѣдуетъ отнести: 1) изъ *круглыхъ* №№ 14, 15, 18, 21, 22, 30 и 33 и 2) изъ *удлиненныхъ* №№ 10, 11, 16, 41, 42, 43, 47 и 48. Прочіе курганы, за исключеніемъ жальничныхъ, о которыхъ въ этомъ смыслѣ опредѣленное сужденіе еще преждевременно, представляютъ одиночное трупосожженіе. Въ жальничныхъ-же курганахъ приходится наблюдать погребеніе остатковъ трупосожженія. вмѣстѣ съ тѣмъ, то обстоятельство, что каждый жальничный курганъ сопровождается одинокій удлиненный курганъ, позволяетъ заключать, что удлинен-

ный такой курганъ служилъ мѣстомъ трупосожженія, а сопредѣльный съ нимъ квадратный курганъ былъ мѣстомъ отдѣльнаго погребенія его остатковъ трупосожженія. Равнымъ образомъ, то обстоятельство, что жальничные курганы едва примѣтны, а также и то соображеніе, что подобные имъ по идеѣ курганы, тоже почти или даже совсѣмъ непримѣтны, по одному, возможно, сопровождаютъ и каждый вообще удлиненный курганъ, допускаютъ предположительное заключеніе такое: всякій изъ удлиненныхъ кургановъ былъ только мѣстомъ трупосожженія, остатки котораго погребены въ сопредѣльномъ ему маленькомъ курганѣ. Подобное допущеніе мы склонны распространять и на квадратные курганы съ трупосожженіемъ. Что-же касается круглыхъ кургановъ, то если допустить, что они, какъ заключающіе въ себѣ ничтожные остатки трупосожженія, тоже могутъ быть сопричислены къ мѣстамъ трупосожженія, въ такомъ случаѣ останется еще только выяснить послѣдующими раскопками: гдѣ именно, т. е. подъ какими могильными насыпями или безъ нихъ, погребены ихъ остатки трупосожженія.

Угольные курганы сестрорѣцкаго района, повидимому, заключаютъ идею жилого помѣщенія. Г. Айлію въ своемъ трудѣ ¹⁾ о жилищахъ прихода Лоппи въ разныхъ степеняхъ ихъ развитія, между прочимъ, упоминаетъ и о разныхъ типахъ построекъ у финскаго населенія района Гельсингфорсъ—Тавасгустъ. Уединенность прихода Лоппи, по мнѣнію автора, способствовала сохраненію въ немъ, преимущественно, древнихъ формъ финскихъ построекъ. Къ послѣднимъ онъ относитъ: боковое прикрытіе отъ вѣтра и дождя (*lakka*), коническій шатеръ (*kodati*), удлиненную палатку на четыре ската (въ формѣ высокой крыши) и землянку съ деревяннымъ срубомъ и односкатной или двускатной крышей. По наблюденіямъ г. Айлію, *lakka* до сихъ поръ практикуется рыбаками и угольщиками, *kodati* употребляется рыбаками, угольщиками и для кухни въ глухихъ уголкахъ Финляндіи, палатка примѣняется преимущественно рабочими, а землянка—имѣетъ широкое распространеніе и на всемъ Юго-Европ. Россіи для бань и домашнихъ построекъ. Нельзя не усматривать большое сходство между построеніями угольныхъ кургановъ сестрорѣцкаго района и перечисленными типами финскихъ построекъ. Такъ, съ *lakka* можно сравнивать курганы четвертьшатровые, полушатровые и крестообразношатровые; съ *kodati* кажутся тождественными курганы шатровые съ просвѣтомъ и полношатровые; палатки, полагаю, аналогичны съ квадратными

---

¹⁾ Изложеніе въ *Anzeiger der finnisch-ugrischen Forschungen*, Heft 3, Band II, 1902.

и удлиненными курганами, въ которыхъ примѣнялась двускатная крыша. Подобное сходство построеній кургановъ разсматриваемаго района съ финскими постройками-жилищами даетъ основаніе къ допущенію, что сестрорѣцкіе угольные курганы насыпаны финскимъ племенемъ, вѣроятно же всего, какою-нибудь его западною вѣтвью. Бѣдность находками этихъ кургановъ не позволяетъ установить датировку ихъ возникновенія.

С. Гамченко.

ПОПРАВКИ.

- Стр. 70 сверху 2 строка вмѣсто 16 слѣдуетъ 18.
„ 78 при рис. 25 прибавить № 47 и 48.
„ 78 „ „ 27 вмѣсто № 45 слѣдуетъ № 54.
„ 78 „ „ 28 оставить лишь № 58.
„ 79 „ „ 32 и 33 прибавить № 46.
„ 79 „ „ 34 оставить лишь 50.
„ 80 „ „ 37 слѣдуетъ № 41—43 и 45.
„ 80 „ „ 38 слѣдуетъ № 44, 47 и 46.
-

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ДУХОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

РУССКАГО НАРОДА.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)*).

СВИСТЯЩІЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

Очеркъ исторіи флейтъ, въ связи съ свистящими музыкальными
орудіями на Руси.

СОСТАВИЛЪ

по имѣющимся литературнымъ даннымъ и по собственнымъ наблюденіямъ въ живомъ
народномъ обращеніи

Н. И. ПРИВАЛОВЪ.

---

*) См. Зап. Русск. отд. Имп. Русск. Археол. О-ва, т. VII, вып. 2. 1907 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Свистящіе инструменты вообще.

Въ прошломъ очеркъ «Музыкальные духовые инструменты русскаго народа» я успѣлъ разсмотрѣть только трубы, т. е. амбушурные инструменты, въ которыхъ звуковая волна производится вибраціей губъ, свободно вкладываемыхъ въ открытый конецъ инструмента (или же въ чашечку-мундштукъ, для этого приспособленную). Отраженіемъ отъ стѣнокъ музыкальнаго орудія получаются разныя формы волны, обусловливаюшія тембръ звука.

Свистящіе музыкальные инструменты относятся, въ сущности говоря, къ той же категоріи амбушурныхъ; вся разница ихъ отъ трубъ заключается въ томъ, что воздухъ вдвухается узкою струею, вслѣдствіе чего получаютъ короткія звуковыя волны, дающія болѣе частыя колебанія и, какъ результатъ этого, — высокіе тоны. Вибрація губъ игрока здѣсь не играетъ роли. Звукъ получается тремя способами:

1) Вдуваніемъ воздуха въ открытый верхній конецъ трубки (иногда скошенный), причемъ воздушная волна разбивается о край ея; при этомъ губы игрока складываются особымъ образомъ. (Примѣръ—обыкновенная дудка).

2) Вдуваніемъ воздуха при посредствѣ свистка, вставляемаго въ верхній конецъ трубки и представляющаго собою пробку съ продольною щелью, подъ которой расположено въ стволѣ боковое отверстіе: о край послѣдняго и разбивается вдвухаемая черезъ продольную щель воздушная струя. (Примѣръ: прямая флейта, флажолетъ, чаканъ, flûte à bec — флейтасъ съ носикомъ, flûte douce и т. д.

3) Вдуваніемъ воздуха *въ боковое отверстіе*, причемъ губы игрока опять таки складываются специальнымъ образомъ такъ, чтобы получи-

лась лентовидная струя воздуха, отчасти разбивающаяся обь острый край отверстія, отчасти же отражающаяся о противоположную стѣнку трубки; послѣдняя при этомъ способѣ игры держится наискось. (Примѣръ—поперечная флейта, *flûte tarversale*, *flute allemande* и т. д.).

Сообразно этимъ способамъ получения короткой звуковой волны и свистящіе инструменты распадаются по своему устройству на различныя категоріи.

Общее названіе свистящихъ—*флейты*, происходитъ отъ латинскаго глагола *flare*—дуть. Нѣтъ ни одного народа въ мірѣ, начиная съ самыхъ древнихъ и первобытныхъ, которому не были извѣстны флейты, хотя-бы въ простѣйшихъ формахъ. Даже въ раскопкахъ каменнаго вѣка найдены флейты, и притомъ въ извѣстной степени совершенства. У народовъ античной древности—Грековъ и Римлянъ, флейты были самымъ распространеннымъ инструментомъ, считавшимся національнымъ; изслѣдованіе о происхожденіи и развитіи флейтъ, перешедшихъ множество различныхъ стадій и сохранившихся до настоящаго времени въ громадномъ количествѣ разновидностей,—по необходимости должно выйти довольно объемистымъ. Слѣдуя методу, установленному первымъ изслѣдователемъ русскихъ народныхъ инструментовъ въ научно-историческомъ ихъ значеніи проф. А. С. Фаминцынымъ, я вынужденъ буду разобрать сначала возникновеніе флейтъ на зарѣ существованія человѣчества и затѣмъ прослѣдить дальнѣйшее ихъ развитіе, а также—въ какія формы, наконецъ, вылились онѣ у разныхъ народовъ. Затѣмъ, послѣ описанія типовъ этихъ инструментовъ, найденныхъ въ Россіи, останется только сравнить ихъ съ выведенными, и сдѣлать обобщенія для окончательныхъ заключеній—откуда и какъ попали къ намъ всѣ эти разновидности.

Такого изслѣдованія о русскихъ инструментахъ этой категоріи, еще не было сдѣлано, за исключеніемъ чрезвычайно краткаго и общаго очерка обо всѣхъ духовыхъ музыкальныхъ инструментахъ русскаго народа, написаннаго мною и помѣщеннаго въ 1903 г. въ «Извѣстіяхъ Спб. О-ва музыкальныхъ собраній». Въ «Русской Музыкальной Газетѣ» за 1900 г. (изд. Н. Ф. Финдейзена) находится фундаментальная статья «О флейтѣ» П. С. Алексѣева, но этотъ историческій очеркъ не снабженъ иллюстраціями и совершенно не касается *русскихъ* инструментовъ; кромѣ того, въ немъ часто смѣшиваются понятія о свистящихъ съ понятіями о язычковыхъ инструментахъ, такъ что авторъ обобщаетъ иногда флейту съ желейкой и свирѣлью, иногда даже съ волянкою, палмей, чаканомъ и т. д. За исключеніемъ этихъ мелкихъ недостатковъ, трудъ

П. С. Алексѣева чрезвычайно добросовѣстенъ и интересенъ, давая вѣрную общую картину появленія и развитія флейты, благодаря чему онъ и переведенъ на англійскій и нѣмецкій языки,—честь, которой удостоиваются весьма немногія научныя работы нашихъ соотечественниковъ. Кромѣ этой статьи, литературными пособіями служили мнѣ при составленіи настоящаго изслѣдованія, слѣдующія сочиненія:

1. *Fetis*. Histoire generale de la musique. 1869—1875 г. Paris.
2. *Фетисъ*. Музыка понятная для всѣхъ. Пер. Бѣликова. 1833 г. СПб.
3. *Ambros*. Geschichte der Musik. 2 auflage. 1880.
4. *Magillon*. Catalogue descriptif et analitique du Musée instrumental du conservatoire royal de musique de Bruxelles. Т. I, II, III. 1893 — 1896 — 1900. Gand.
5. *Sonnerat*. Voyage aux Indes orientales. 1782. Collection des planches au voyage 1806. Paris.
6. *Christianowitsche*. Esquisse Historique de la musique Arabe aux temps anciens. 1863. Cologne.
7. *Musica*. № 49. 1906. Paris.
8. *Верманъ*. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ т. I. Пер. съ нѣм. подъ ред. Сомова. 1902. СПб. (изд. т-ва „Просвѣщеніе“).
9. *Ратцель*. Народовѣдѣніе, т I и II. 1903. СПб. (Пер. съ нѣм. изд. т-ва „Просвѣщеніе“).
10. Индустанъ. Н. Тютчева и А. Стойковича. Москва 1846.
11. *Науманъ*. Всеобщая иллюстрированная исторія музыки. I. Пер. съ нѣм. подъ ред. Финдейзена. 1897. СПб. изд. Щепанскаго.
12. *Размадзе*. Очерки исторіи музыки. 1888. Москва.
13. *Сакетти*. Краткая историческая мызыкальная хрестоматія. 1896. СПб.
14. *Покровский*. Лекціи по церковной археології. 1901. СПб.
15. *Елиствевъ*. Изъ исторіи культуры. 1895. СПб.
16. *Путеводитель* по СПб. Этнографическому музею И. Ак. Наукъ. СПб.
17. *Пасыркинъ*. Музыкальные инструменты древняго Египта. (Изв. СПб. О-ва Муз. Собр. 1904 г.).
18. *Пантусовъ*. Таранчинскія пѣсни. 1890. СПб.
19. *Висковатовъ*. Историческое описаніе одежды и вооруженія росс. войскъ. 1841. СПб.
20. *Пѣтуховъ*. Народные музыкальные инструменты музея. СПб. Консерваторіи. 1884. СПб.
21. *Сиповскій*. Родная старина. 1901. СПб.
22. *Приваловъ*. а) Музыкальные духовые инструменты русскаго народа. 1906. СПб. б) Свирѣльщики на Руси. (ст. въ журн. Музыка и Пѣніе“ № 4, 1908 г.).
23. *Фаминцынъ*. Гусли—русскій народный муз. INSTR. 1890. СПб.
24. *Фаминцынъ*. Домра и сродные ей муз. INSTR. рус. нар. 1891. СПб.
25. *Фаминцынъ*. Древняя Индо-Китайская гамма въ Азіи и Европѣ. 1889. СПб.
26. *Soubies*. Histoire de la musique en Russie. Paris. 1898.
27. *J. N. Forkel*. Allgemeine Geschichte der Musik. I B. 1788. Leipzig.
28. *Финдейзенъ Н. Ф.* Русская Музыкальная Газета за 1896 и 1902 гг.; музыкальный календарь альманахъ. 1896 г.
29. *С. Г. Рыбаковъ*. Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ (зап. Имп. Ак. Наукъ по историко-филологич. отд. VIII serie, т. II, № 2, 1897 г.).
30. *В. Мизневичъ*. Очеркъ исторіи музыки въ Россіи. СПб. 1879 г.
31. *А. Афанасьевъ*. Поэтич. воззр. славянъ на природу. Москва. 1866.
32. прот. *А. Разуковский*. Статья о рус. нар. инструментахъ въ „Трудахъ 1-го археологическ. съѣзда въ Москвѣ въ 1869 г. I. Москва. 1871.
33. *А. Фаминцынъ*. Скоморохи на Руси. СПб. 1889 г.
34. *Н. М. Лисовскій*. Муз. Альманахъ на 1891 г.
35. *Г. Риманъ*. Музыкальный словарь, пер. съ нѣм. изд. П. Юренсона. Москва. 1901.
36. *Н. В. Покровский*. Памятники христіанской архитектуры. СПб. 1901.
37. *П. Савваитовъ*. Описаніе стар. рус. утварей. СПб. 1896.
38. *А. Будиловичъ*. Первобытные славяне въ ихъ языкѣ и т. д. ч. II. в. 1.
39. *Д. Ровинскій*.

Русскія народныя картинки, т. I и II. СПб. 1900. 40. *П. Н. Полевой*. Исторія русской словесности. СПб. 1903. 41. Генераль-маіоръ *Тучковъ*. Записки 1780—1809 гг. (Рукопись). 42. Розыскныя дѣла о Федорѣ Шакловитомъ. Изд. Археогр. Ком. СПб. 1884—1892. 43. *И. Сахаровъ*. Сказанія русскаго народа, т. II. СПб. 1879. 44. *И. Е. Забѣлинъ*. Домашній бытъ рус. царя. Москва. 1872. 45. *M. Guthrie*. Dissertation sur les antiquités de Russie. S. P. B. 1795 и другіе источники.

ОТДѢЛЪ I-й.

Древнѣйшія и западно-европейскія формы флейтъ.

I.

Различныя народныя легенды о происхожденіи флейтъ.

Чрезвычайная распространенность свистящихъ инструментовъ и проникновеніе ихъ въ самую глубину племенной жизни заставило многіе изъ народовъ считать флейты своимъ собственнымъ національнымъ созданіемъ.

Такъ, напримѣръ, китайское сказаніе гласитъ слѣдующее:

За 2500 лѣтъ до Р. Х., Императоръ Хоангъ-Ти поручилъ ученому мудрецу Лингъ-Луну, составить полный трактатъ о музыкѣ и ея законахъ. Тотъ удалился въ землю Се-Юнгъ и взошелъ у источниковъ рѣки Хоанго, окаймленныхъ прибрежными тростниками, на высокую гору, для того, чтобы безпрепятственно погрузиться въ мудрыя соображенія; какъ вдругъ туда прилетѣли двѣ дивныя птицы Фунгъ-Хоангъ, показывающіяся лишь по волѣ провидѣнія, когда оно хочетъ послать человѣчеству особое благодѣяніе. Обѣ эти птицы запѣли—самецъ на 6-ти мужественныхъ тонахъ, самка на 6 женственныхъ (т. е. полутонахъ). Тогда Лингъ-Лунъ срѣзалъ изъ тростника 12 дудокъ и подогналъ ихъ такъ, что самъ началъ извлекать изъ послѣднихъ такіе-же тоны. Такимъ образомъ, получена была первая флейта, состоящая изъ ряда трубокъ и имѣющая, по китайскому повѣрью, божественное происхожденіе.

Но Лингъ-Лунъ не остановился на этомъ а, идя въ изученіи законовъ музыки дальше, взялъ зеренъ растенія Хоу, имѣющихъ видъ черныхъ шариковъ, и насыпалъ ихъ въ трубки. Благодаря этому, получались повышенія тона, причемъ возможно было вычислять взаимныя ихъ отношенія по количеству положенныхъ въ трубки зеренъ.

Греческихъ мифовъ о происхожденіи флейтъ извѣстно четыре. Первый изъ нихъ гласитъ слѣдующее:

Богиня мудрости, дочь Зевса Аоина Паллада (Минерва), сдѣлала себѣ однажды флейту изъ ножной кости оленя и стала играть на ней передъ Герой и Афродитой; послѣднія смѣялись надъ гримасами, которыя дѣлала Аоина при игрѣ. Убѣдившись въ отраженіи воды, что

лицо ея при этомъ дѣйствительно обезображивалось, богиня разсердилась и бросила флейту въ ручей. Фригійскій сатиръ Марсіасъ, подглядѣвшій всю эту сцену, выловилъ флейту изъ воды и, хотя самъ не умѣлъ играть на ней раньше, но теперь заигралъ благодаря божественному происхожденію инструмента такъ хорошо, что вызвалъ даже на музыкальное состязаніе самого Аполлона, какъ извѣстно чудеснаго игрока на лирѣ. По приговору судей—музъ и нимфъ—Аполлонъ побѣдилъ, но только благодаря тому, что, играя на лирѣ, онъ совмѣстно могъ и пѣть. Разсерженный на Марсіаса, Аполлонъ содралъ съ послѣдняго кожу и повѣсилъ ее во Фригіи въ Калайнайской пещерѣ, причемъ стекающая съ кожи кровь образовала рѣчку (названную впослѣдствіи *Марсіасъ*), впадающую въ рѣчку Меандръ и унесшую съ собою злополучную флейту, которая выброшена была потомъ на берегъ у Соціона въ Пелопонезѣ. Современемъ тамъ сооруженъ былъ храмъ Аѳинѣ-Палладѣ, ставшей покровительницей всѣхъ греческихъ флейтистовъ и флейтистокъ.

Другой мифъ болѣе близокъ къ истинѣ, указывая на пастушеское происхожденіе флейты. Богъ лѣсовъ и полей, покровитель пастуховъ—*Фавнъ* или *Панъ* сынъ Гермеса полюбилъ аркадскую нимфу *Сиринксъ*; послѣдняя, однако, избѣнила ему и бѣжала къ Аодону, рѣчному богу. Этотъ самъ наказалъ избѣнницу, превративъ *Сиринксъ* въ тростникъ, который съ тѣхъ поръ издаетъ жалобные звуки, когда вѣтеръ его колышетъ. По этому-же сказанію, *Панъ* научился играть на флейтѣ у *Дафниса*.

Третій мифъ, представляющій варіантъ только что изложеннаго, заключается въ слѣдующемъ:

Панъ преслѣдовалъ нимфу, спрятавшуюся отъ него за деревья; чтобы выманить ея оттуда, онъ срѣзалъ нѣсколько тростинокъ разной длины, связалъ ихъ рядомъ одна съ другою и заигралъ божественно-нѣжную мелодію....

Наконецъ четвертый мифъ такой: однажды *Панъ* состязался въ игрѣ съ Аполлономъ и Мидасъ, бывшій при этомъ судьей, отдалъ предпочтеніе *Пану*. Тогда Аполлонъ отомстилъ Мидасу тѣмъ, что у послѣдняго уши отросли до длины ослиныхъ. Стыдясь этого, Мидасъ носилъ постоянно высокую фригійскую шапку на головѣ, скрывая подъ нею свои ослиныя уши. Зналъ объ этомъ только цирюльникъ, стригшій Мидаса; не вытерпѣвъ, однако, скрывать долѣе эту тайну, цирюльникъ вырылъ яму и шепнулъ туда объ ухахъ Мидаса. И вдругъ на этомъ мѣстѣ, на берегу рѣчки, выросъ тростникъ, который, колеблясь отъ вѣтра, началъ пѣть объ ослиныхъ ухахъ Мидаса,—такъ что всѣ объ этомъ узнали, несмотря на

старанія цирульника, вырвавшего тростникъ съ корнемъ, на мѣстѣ котораго каждый разъ выросталъ новый, провозглашавшій о томъ же, и т. д.

Всѣ эти четыре сказанія, несмотря на ихъ миѳическое происхождение, отмѣчаютъ фактъ происхожденія флейты отъ пастуховъ, а также, — что сначала она была примитивнымъ музыкальнымъ орудіемъ, но впослѣдствіи развилась настолько, что стала уже соперничать и съ такими общепризнанными инструментами, какъ лира. Дѣйствительно, во всемъ мірѣ на флейтахъ больше всего любятъ играть пастухи; несомнѣнно они же и были фактическими изобрѣтателями и первыми распространителями этого инструмента. Объ этомъ свидѣлствуютъ уже и древніе писатели: такъ напримѣръ Зеновій объясняетъ, что землякамъ его грекамъ извѣстна были виртуозная игра арабскихъ пастуховъ, которые по ночамъ чередовались въ игрѣ на флейтѣ, въ то время, какъ сторожили свои стада; мягкіе ласкающіе звуки флейты можно было по цѣлымъ часамъ слышать вокругъ послѣднихъ.

Израильтяне также считали свистящіе инструменты своимъ изобрѣтеніемъ, называя Гувала, сына Ламехова, «отцомъ всѣхъ играющихъ на гусяхъ и *свиръли*», (Бытіе, гл. IV, 21).

Древніе Египтяне называли изобрѣвателемъ флейты своего бога Озириса.

II.

Свистки—первыя флейты.

Свистъ, издаваемый губами человѣка въ качествѣ сигналовъ на охотѣ и войнѣ, повелъ къ созданію первыхъ флейтъ. Еще и теперь многія племена, находящіяся въ состояніи культуры, близкомъ къ первобытному, примѣняютъ въ качествѣ музыки насвистываніе мелодій губами. Я самъ слышалъ въ Парижѣ на выставкѣ 1900 года, какъ черные обитатели острова Мадагаскара втроемъ исполняли музыкальный ансамбль, причемъ одинъ изъ нихъ насвистывалъ мелодіи своими собственными губами, а двое другихъ аккомпанировали ему на примитивныхъ инструментахъ, называемыхъ *маруванэ*.

Просверленные раковины были первымъ приспособленіемъ человѣка, сдѣланнымъ имъ для полученія болѣе громкаго свиста. Въ статьѣ «о трубахъ» я приводилъ уже нѣсколько описаній такихъ раковинъ, представляющихъ по издаваемому ими звуку и въ зависимости отъ ихъ величинъ нѣчто среднее между флейтами и трубами ¹⁾. Помѣщаю

¹⁾ Многія изъ флейтъ съ низкимъ тономъ представляютъ уже, въ сущности говоря, трубы, тогда какъ амбушурные инструменты съ высокимъ тономъ (русскіе рожки напримѣръ) отчасти уже входятъ въ область флейтъ.

на рис. 1. таблицу изображеній духовыхъ инструментовъ, находящихся въ СИБ. Этнографическомъ музеѣ Импер. Акад. Наукъ среди которыхъ подъ № 11 можно видѣть морскую раковину, служащую въ качествѣ сигнальнаго рожка у папуасовъ; отверстіе для ддуванія воздуха (амбушуръ) боковое, сдѣланное у конца раковины (см. на рис.). Труба въ древней индусской поэмѣ Рамаяна наз. *Çankha* т. е. *раковина*; въ приморскихъ областяхъ Остѣ-Индіи, по словамъ Crawford'a, издававшего въ 1792 г. опис. инд. правовъ, находится въ употребленіи труба, сдѣланная изъ раковины, именуемая *Çankha*. Это же наименование надо подразумѣвать, очевидно, и въ описаніи муз. инструментовъ Индусовъ въ книгѣ «Индустанъ», гдѣ между прочимъ сказано: «*soniz* — большая вогнутая раковина, въ которую дуютъ брамины». Воспоминаніе объ употребленіи въ древности раковинъ въ качествѣ трубъ отразилось и въ сказаніи грековъ, по которому тритоны извлекали глухіе звуки изъ раковинъ. Вакхъ, отправляясь завоевывать

Рис. 1.

Индію, по словамъ Нонна, сзывалъ своихъ сатировъ, и вакхантовъ звукомъ раковины. (Фаминцынъ, др. Индо-Кит. гамма, стр. 41, примѣч.). Въ Южп. Франціи раковинныя трубы до сихъ поръ сохранились въ приморскихъ областяхъ и служатъ пастухамъ для сзыванія скота.

Вообще, по современному быту дикарей, находящихся въ первыхъ стадіяхъ культуры мы можемъ судить о чловѣчествѣ въ древнѣйшія

эпохи его существованія ¹⁾); оттого и музыку нынѣ живущихъ дикарей мы въ правѣ считать далекимъ отголоскомъ первобытной музыки. Такимъ образомъ, намъ не трудно въ современныхъ бы въ глиняныхъ свистулькахъ узнать музыкальный инструментъ, вполне удовлетворявшій неприхотливому уху первобытнаго человѣка въ неолитическій періодъ каменнаго вѣка; изготовляя изъ глины горшки, пещерный человѣкъ началъ дѣлать и глиняные свистки въ подобныхъ же грубыхъ и первобытныхъ формахъ скульптуры.

Рис. 2.

Въ этомъ отношеніи весьма любопытные образчики свистковъ въ качествѣ музыкальных орудій еще недавно были въ обращеніи у Мексиканскихъ Ацтековъ, нынѣ уже вымершаго племени. Это разнообразныя фигуры, преимущественно человѣческія, очень недалеко отошедшія отъ скульптурныхъ произведеній каменнаго вѣка, какія можно видѣть, хотя-бы у Вѣрмана (исторія искусствъ т. I, стр. 28). Въ Музеѣ Брюссельской Консерваторіи хранится нѣсколько такихъ свистковъ. На рис. 2 и 3

Рис. 3.

воспроизвожу два изъ нихъ, издающіе тоны

Въ Перу примѣняются свистки въ видѣ глиняныхъ вазъ, изъ которыхъ воспроизвожу хранящіяся въ томъ-же Брюссельскомъ Музеѣ му-

Рис. 4.

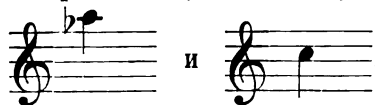

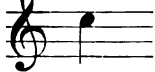
Рис. 5.

зыкальныя орудія на рис. 4. (наиб. діам. вазы 0,17 м., издасть тонъ до) и на рис. 5 (выш. 0,185 м., шир. 0,22 м.).

¹⁾ Миклуха-Маклай засталъ, напримѣръ, у полинезійцевъ еще каменный вѣкъ.

Въ *Китаѣ* въ качествѣ музыкальныхъ инструментовъ употребляются свистки изъ глины въ формѣ птицъ, съ однимъ или двумя отверстиями (наз. *ko-tze*), длиною 0,05—0,07 м., издающихъ тоны

и . Коллекція ихъ также находится въ Музеѣ Брюссельской Консерваторіи.

Жители *Кото* имѣютъ свистки изъ кости или дерева, съ 2 отверстиями, въ формѣ вазъ, цвѣтовъ и человѣческихъ фигуръ грубой отдѣлки. Изъ коллекцій упомянутаго Брюссельскаго Музея воспроизвожу два такихъ свистка; на *рис. 6*, дл. 0,1 м., даетъ тоны

Рис. 6.

и на *рис. 7.*, дл. 0,05 м. из-

даетъ только одинъ тонъ

Въ *Европѣ* на Балеарскихъ островахъ сохранился *siurello*¹⁾ или *silbato* — глиняная ваза, со скошеннымъ отверстиемъ. Этотъ инструментъ извѣстенъ преимущественно на о-вѣ Майоркѣ.

Рис. 7.

Два экземпляра, хранящіеся въ Брюссельскомъ Музеѣ, издаютъ тоны *sol* и *la* въ высокихъ октавахъ.

Въ другихъ странахъ З. Европы (въ Бельгіи напримѣръ) и у насъ въ Россіи глиняныя свистульки причудливыхъ формъ, иногда съ 1—2 отверстиями для пальцевъ рукъ, встрѣчаются въ видѣ дѣтскихъ игрушекъ.

Въ Музеѣ СПБ. Консерваторіи хранятся 2 *папуасскія свистульки*, изъ которыхъ одна (*рис. 8*) сдѣлана изъ тростниковой пластинки съ

Рис. 8.

Рис. 9.

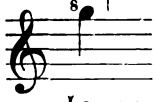
двумя прорѣзами, вдуваніемъ въ которые и извлекаютъ звуки; другая (*рис. 9*) есть ничто иное, какъ кокосовый орѣхъ съ двумя отверстиями:

въ одно вдуваютъ воздухъ, а другое то закрываютъ пальцами, то открываютъ, мѣняя этимъ высоту тона.

Въ качествѣ сигнальныхъ орудій свистки примѣнялись въ древней Греціи и Римѣ, какъ показываетъ экземпляръ бронзоваго *античнаго (римскаго) свистка*, сохраняемый въ Брюссельскомъ Музеѣ (*рис. 10*) длиною 0,135 м.;

¹⁾ *Siurello*—названіе, сохранившее древній арійскій корень, отъ котораго произошли и другія аналогичныя названія (см. ниже въ главѣ о русскихъ „свирѣляхъ“).

получаемый тонъ . Современный морской свистокъ (рис. 11) сохранилъ ту же самую форму и значеніе, какъ и античный, отъ котораго несомнѣнно, онъ и происходитъ.

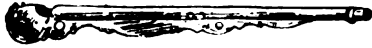

Рис. 10.

Рис. 11.

Всѣ эти глиняныя свистульки въ разныхъ формахъ — для того, чтобы сдѣлаться инструментами музыкальными, т. е. способными давать нѣсколько тоновъ, принимали постепенно вытянутую форму, съ нѣсколькими пальцевыми дырочками по длинѣ. Древнѣйшимъ изъ такихъ типовъ назову китайскій *хиуэнз*: онъ представляетъ собою яйцевидный сосудъ, сдѣланный изъ обожженной глины, внутри пустой и открытый съ одной стороны, — откуда надо было вдвухъ воздухъ. Съ другой стороны онъ имѣлъ три отверстія въ формѣ маленькихъ треугольных прорѣзовъ. Послѣдніе давали три тона, да кромѣ того на одномъ изъ боковъ имѣлись два подобныя-же отверстія; такимъ образомъ, всего получалось пять тоновъ древнѣйшей китайской гаммы *f, g, a, c, d*, судя по чему надо полагать, что этотъ инструментъ и есть первообразъ всѣхъ послѣдующихъ въ такомъ же родѣ, получившихъ въ Европѣ названіе *окарино*.

Рис. 12.

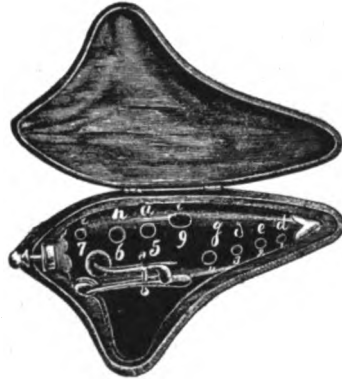

Рис. 13.

Окарино или *окарина* не представляетъ рѣдкости и въ настоящее время: это извѣстный и довольно употребительный музыкальный инструментъ диллетантовъ въ Германіи, Франціи, Австріи, Италіи и у насъ въ Россіи. Его можно приобрести въ любомъ музыкальномъ магазинѣ, точно также, какъ и руководство для игры на немъ. На рис. 12 помѣщаю простое *окарино*, съ диатоническимъ ходомъ тоновъ, а на рис. 13 усовершенствованное, съ боковымъ поршнемъ для измѣненія тональности, съ 2 клапанами и въ футлярѣ; искусственнымъ подборомъ зажиманія

однихъ и открыванія другихъ отверстій, можно получить слѣдующую хроматическую гамму:

Образцы окаринъ, хранящихся въ Брюссельскомъ музеѣ, имѣютъ

слѣдующіе строи: *Австрійская* — диат. гамму

итальянскія

и

французская

III.

Флейты Пана (Syringes polycalames).

Пастухи, пасущіе свои стада на берегахъ рѣкъ, заросшихъ тростникомъ, замѣтили, что вѣтеръ при вдунаніи въ надломленные стволы тростинокъ, издаетъ звуки, находящіеся въ зависимости отъ длины стволъ. Имѣя уже въ своемъ употребленіи свистки, (быть можетъ даже съ нѣсколькими тонами) изобрѣтеніе которыхъ, какъ мы только что видѣли, предшествовало всѣмъ другимъ родамъ свистящихъ орудій, люди начали и тростинки подбирать различныхъ тоновъ, т. е. неодинаковой длины; такимъ образомъ, естественно объясняется происхожденіе инструмента, приписываемое древнею поэзіе Пану и другимъ богамъ античнаго міра.

Обращаясь сперва къ народамъ мало культурнымъ, мы находимъ многоствольныя флейты у Папуасовъ (см. на рис. 1 № 3—*Панова флейта островитянъ Тихаго океана*). Въ музеѣ СІІБ. Консерваторіи хранится 8 ствольная флейта пастуховъ-папуасовъ, состоящая изъ 8 тростниковыхъ трубочекъ разной длины, связанныхъ между собою тростниковыми-же перевязями (рис. 14). При послѣдовательномъ вдунаніи въ трубочки, начиная съ нижней, опредѣленъ слѣ-

дующій звукорядъ:

На островахъ «Дружбы», какъ пишетъ Фетисъ (Hist. gen. de la mus. I, 16—18) найдены музыкальные инструменты, состоящие изъ нѣсколькихъ трубочекъ разной длины. На стр. 17 книги Фетиса приведенъ рисунокъ подобнаго девятиствольнаго инструмента. Строй трубочекъ не по ступенямъ гаммы, но, вѣроятно приспособленъ для воспроизведе- ния любимыхъ мелодій туземцевъ дикарей:

Проигрывая эти тона по порядку и затѣмъ опять сначала, полу- чаемъ простыя, но очень милыя мелодійки пасторальнаго характера въ определенномъ тонѣ. Флейта, привезенная въ 1774 году капитаномъ Фурно съ острова Тонга-Табу (одинъ изъ о-вовъ Дружбы) такой опре- дѣленной тональности не имѣетъ, заключаая въ своихъ трубочкахъ слѣ- дующій строй:

Флейты Пана изъ *Новой Гвинеи*, хранящіяся въ Брюссельскомъ музеѣ, имѣютъ слѣдующіе размѣры и строй:

- 1) Самая короткая трубка длиною 0,075 м., самая длинная 0,16 м.

- 2) Самая короткая трубка длиною 0,075 м., самая длинная 0,185 м.

- 3) Самая короткая трубка длиною 0,065 м., самая длинная 0,12 м.

Пановы флейты встрѣчаются также и среди первобытныхъ наро- довъ Новаго Свѣта—въ Перу, Мексикѣ, Эквадорѣ и т. п. Воспроиз- вожу на *рис. 15* группу музыкальныхъ инструментовъ индѣйцевъ Ху- рисовъ въ Бразиліи (въ $\frac{1}{8}$ натуральной величины), гдѣ можно ви-

дѣтъ какъ 8 ствольную флейту Пана, такъ и двойныя флейты¹⁾). Брюссельскій музей имѣетъ 33 ствольный инструментъ изъ республики Эквадоръ, весьма употребительный среди горныхъ индѣйцевъ: стволы

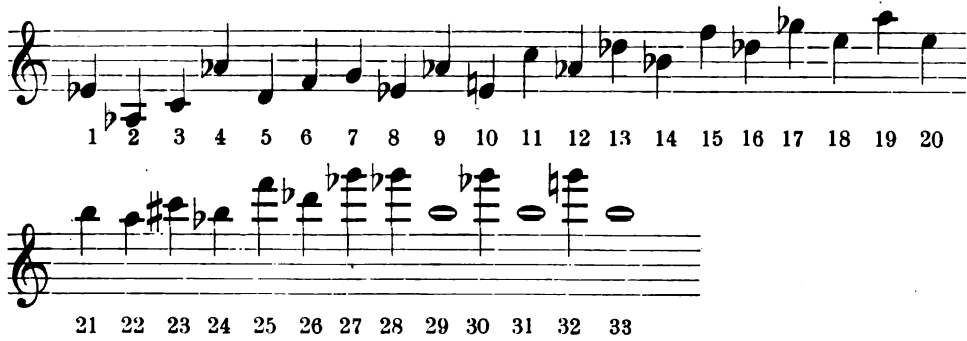

Рис. 15.

его сдѣланы изъ растенія *gynerium saccharoides*, длиною отъ 0,025 до 0,26 м. Нѣкоторые изъ нихъ звука не издають, служа простыми резонаторами для усиленія тона сосѣднихъ. Строй слѣдующій:

---

¹⁾ Хранится въ Мюнхенскомъ этнографическомъ музеѣ.

Въ Азии Панова флейта известна въ Китаѣ подь мѣстнымъ названіемъ *siao*—инструмента, состоящаго изъ 16 трубокъ бамбука, связанныхъ параллельно и сдѣланныхъ различной длины; на *рис. 16* воспроизвожу духовой китайскій оркестръ, играющій во время жертвоприношенія въ священный день праздника памяти предковъ, гдѣ можно видѣть и игрока на *siao*.

Рис. 16.

Гораздо популярнѣе въ Китаѣ приспособленіе этого инструмента, подь названіемъ *тченгъ* (*cheng* или *sheng*). Последній представляетъ собою тыкву или глиняный сосудъ съ подтрубкомъ въ видѣ гусиной шеи, черезъ который музыкантомъ вдвухается воздухъ; изъ верхней части сосуда—воздушнаго резервуара—возвышается рядъ флейтъ, параллельно расположенныхъ и имѣющихъ каждая по одному голосовому отверзтію, которые игрокъ открываетъ или закрываетъ пальцами рукъ. На *рис. 16* можно видѣть игрока на *тченгъ*,—этомъ прототипѣ органа,—стоящаго рядомъ съ исполнителемъ на *siao*. Въ иллюстрированной исторіи музыки Наумана (на стр. 18) находится прекрасное изображеніе инструмента *тченгъ*.

На *рис. 17* воспроизвожу *cheng* изъ коллекции Брюссельскаго музея,

съ строемъ трубокъ . Находящійся

тамъ-же *cheng* изъ старинной коллекции Фетиса имѣеть ти-

пичный строй китайской гаммы .

Есть тамъ-же экземпляры съ 17 трубками, а по Науману количество флейтъ можетъ доходить и до 24. Сосѣдняя съ Китаемъ Японія имѣеть этотъ-же самый инструментъ, называя его, однако, иначе, а именно *scho-no-fouye* или просто *scho*; экземпляръ Брюссельскаго музея имѣеть строй:

Рис. 17.

На *рис. 1* подъ № 8 можно видѣть китайскую составную флейту. т. е. *тченгъ*, изъ коллекции СПб. этнографическаго музея.

Всѣ эти *cheng* или *scho* въ каталогъ Брюссельскаго музея, составленномъ Магильономъ, отнесены къ категории инструментовъ одпоязычковыхъ, т. е. стволы ихъ имѣють простые язычки. Видѣнный мною экземпляръ изъ Манчжуріи заключалъ, однако, прямыя флейты изъ бамбука,—и безъ всякихъ язычковъ. Очевидно, болѣе древнія формы инструмента *тченгъ* имѣли простыя флейты, а позднѣе, съ изобрѣтеніемъ язычковъ, къ нимъ стали придѣлывать послѣдніе. Китайцы, считающіе *тченгъ* основаніемъ своего оркестра,—камертономъ, по которому настраиваются остальные инструменты,—относятъ его изобрѣтеніе къ царствованію императора Хоангъ-Ти, т. е. за 2500 л. до Р. Х. А такъ какъ многотрубная флейта *сiao*, отъ которой несомнѣнно произошелъ *тченгъ*, еще древнѣе, то проникновеніе послѣдней въ обращеніе китайскаго народа, теряется во мракѣ первыхъ вѣковъ существованія человѣчества.

Въ Сіамѣ инструментъ, совершенно аналогичный китайскому *тченгъ*, носитъ названіе *Khen* или *Phan*. Послѣднее наименованіе относится и къ *полифоническимъ* инструментамъ изъ Тонкина и съ полуострова Индо-Китай. Они являются музыкальными орудіями уже позднѣйшей формы, т. е. язычковыми, но несомнѣнно произошли отъ древнихъ многоствольныхъ флейтъ, на что указываетъ ихъ полифонія, а также и внѣшній видъ Тонкинскаго *Phan* (*рис. 18*, экземпляръ Брюссельскаго

музея) совершенно сходнаго съ древними многотрубными флейтами Пана. Инструментъ этотъ двусторонній и имѣеть слѣдующіе строи стволонъ:

Правая сторона:

Лѣвая »

Phanz Индо-Китайскій также двусторонній и строится слѣдующимъ образомъ:

Три правыхъ ствола:

Три лѣвыхъ »

(Рис. 19 изъ того-же музея).

Не указываетъ-ли это самое название *Phan* на азіатское происхожденіе греческаго *Панъ*, — имени, съ которымъ неизмѣнно связана и многотрубная флейта *Syrinx*? Но это вопросъ, уже выходящій изъ предѣловъ моего изслѣдованія.

Обращаясь къ изученію духовыхъ инструментовъ, находящихся въ настоящее время въ обращеніи мало-и средне-азіатскихъ народовъ, мы не встрѣчаемъ, однако, многотрубныхъ флейтъ, очевидно уже исчезнувшихъ тамъ изъ употребленія. На Индустанскомъ полуостровѣ нѣкоторый остатокъ полифоніи представляетъ язычковая флейта *Тумери*; быть можетъ этотъ именно инструментъ и подразумѣваетъ Науманъ, говоря въ своей «ист. муз.» о двойныхъ флейтахъ, сохранившихся въ обращеніи у Индусовъ. Размадзе въ своихъ «очерк. ист. муз.» пишетъ, что флейта *Тумери* до сихъ поръ употребительна въ Деканѣ: она состоитъ изъ двухъ трубокъ бамбуковаго тростника, высобывающихся изъ пустой тыквы, которая служитъ какъ-бы воздушнымъ резервуаромъ инструмента. По описанію каталога Магильона, инструментъ этотъ носить,

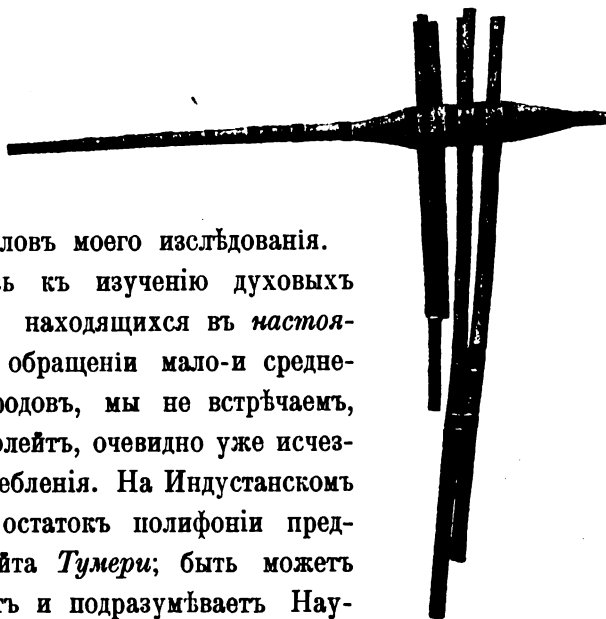

Рис. 19.

Рис. 18.

однако, нѣсколько иное названіе — а именно *Tubri* по бенгальски и *tiktiri* по санскритски — «весьма древнее музыкальное орудіе Индусовъ»; экземпляръ, хранящійся въ Брюссельскомъ музеѣ, имѣетъ двѣ бамбуковыя трубки, въ каждой изъ которыхъ прикрѣплено по одному простому язычку изъ тростниковой пластинки, причемъ правая имѣетъ 9 пальцевыхъ отверстій, а лѣвая 4, и кромѣ того по одному на противоположныхъ сторонахъ каждой изъ трубокъ. Какъ видно изъ приложеннаго *рис. 20*, обѣ послѣднія выходятъ изъ грушевиднаго резервуара, имѣющаго, въ свою очередь, стволъ, вводящій вдвухъ вдуваемый воздухъ. Ходъ по голосовымъ отверстіямъ правой трубки слѣдующій:

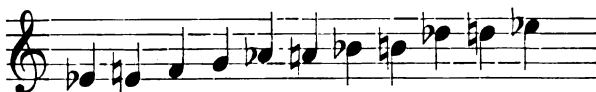

Рис. 20.

Общая длина инструмента 0,58 м.; длина трубокъ съ резервуаромъ 0,39 м. Древнее происхожденіе *Tubri* въ Индустанѣ подтверждается религіознымъ значеніемъ инструмента, примѣняемаго факирами для вызыванія змѣй. На *рис. 21* воспроизводится прекрасная картинка изъ нѣмецкаго изданія извѣстнаго сочиненія Brem's Tierleben (3 Auflage 1893. Leipzig u. Wien. Kriechtiere u. Lurche, 354—355), иллюстрирующая представленіе факировъ съ очковыми змѣями; въ числѣ музыкантовъ одинъ играетъ на *Tubri* или *Tumeri*.

Не считая уже двухтрубнаго типа инструмента, являющагося послѣдующимъ звеномъ въ происхожденіи отъ многотрубныхъ флейтъ (объ этомъ будетъ сказано подробно въ главѣ о двойныхъ флейтахъ), мы видимъ въ индусской *тубри* или *тумери* музыкальное орудіе въ извѣстной степени культуры (какъ напримѣръ — отверстія для пальцевъ по длинѣ стволу). Многотрубный предокъ его въ Индіи теряется въ дали вѣковъ.

Въ Малой Азій и Египтѣ музыкальную культуру кореннаго населенія заполонило всемогущее вліяніе Арабовъ. Какъ народъ сравнительно молодой, получившій случай проявить свою яркую индивидуальность лишь въ VII ст. по Р. Х., они уже не имѣли въ своемъ обращеніи многоствольныхъ или двойныхъ флейтъ, поэтому послѣднія теперь и исчезли совершенно изъ употребленія народностей, населяющихъ Малую Азію.

Обращаясь къ памятникамъ древности, мы въ отношеніи Малоазіатскихъ и Палестинскихъ племенъ наблюдаемъ, однако, иное. Такъ, сохранились указанія, что у древнихъ Евреевъ-Израильтянъ многотрубная флейта примѣнялась часто въ числѣ прочихъ инструментовъ въ торже-

ственныхъ публичныхъ церемоніяхъ; называлась она *уабъ*. Существовалъ и усовершенствованный типъ ея, подъ названіемъ *магрета*, употреблявшійся въ Иерусалимскомъ храмѣ; сколько можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, инструментъ этотъ состоялъ изъ 10 трубокъ; величиною былъ съ локоть и могъ переноситься однимъ Левитомъ съ мѣста на мѣсто. Тѣмъ не менѣе звуки его были весьма громки,—т. е. въ данномъ случаѣ мы можемъ считать этотъ инструментъ однимъ изъ древнѣйшихъ прототиповъ органа. (Ambros. *Česch. d. Mus.*).

Рис. 21.

Симфоней, самбука и цѣница — названія, очень часто упоминаемая въ Св. Писаніи. Имѣя слишкомъ мало опредѣленныхъ указаній объ инструментахъ столь глубокой древности, трудно, конечно, установить съ точностью ихъ типы; тѣмъ не менѣе сохранились намеки, позволяющіе съ извѣстной степенью достовѣрности отнести всѣ эти музыкальныя орудія, какъ и еврейскую *магрета* къ различнымъ стадіямъ многоствольныхъ флейтъ на пути ихъ перехода къ органу. Такъ, первое изъ этихъ наименованій происходитъ отъ греческаго античнаго слова *symphonia*—*созвучіе*, относительно котораго издревле установилось обыкновеніе примѣнять его по отношенію къ *многоголоснымъ* инструментальнымъ произведеніямъ; въ древнемъ Римѣ *симфоней* была очень популярнымъ инструментомъ и называлось *chorus*, т. е. *хоръ*, чѣмъ опять таки подтверждалось ея многогласіе; польское названіе *симфоналійка*

еще и понинѣ обозначаетъ маленькій переносный органчикъ; *chyfonie* или *cyfonie* упоминается также въ числѣ музыкальныхъ орудій трубадуровъ. По указанію пророка Даніила *симфоней* есть инструментъ глубочайшей древности и изобрѣтена задолго до существованія Вавилона пастушескимъ племенемъ халдеевъ, стертымъ потомъ съ лица земли завоевателями ¹⁾. *Самбука* происходитъ отъ латинскаго слова *sambucus*, означающее *бузину*, изъ пустыхъ стволовъ которой и теперь еще у разныхъ народовъ изготовляются дудки и флейты; Балканскіе Славяне называютъ свои флейты *zatrogna*, *satrogna*—наименованіемъ происходящимъ отъ испорченнаго корня *самбука*. Въ Средніе Вѣка названіе *самбука* стали примѣнять къ арфѣ и псалтирю, т. е. опять таки къ инструментамъ многоголоснымъ. Въ русскомъ азбуковникѣ XVII в. при объясненіи слова *музикія* между прочимъ сказано, — «*самбикія*—еже есть *цвѣница*» и т. д. Ниже, въ соотвѣтствующей главѣ о русскихъ инструментахъ, я буду доказывать происхожденіе названія *кувица*, обозначающаго русскую многоствольную флейту, отъ славянскаго *цвѣница*. Вотъ отрывокъ изъ книги пророка Даніила, гдѣ два изъ приведенныхъ выше названій упоминаются одновременно, т. е. подъ ними подразумѣваются разные типы музыкальныхъ инструментовъ: «тогда глошатыи провозгласишь во всеуслышаніе: народъ! какъ только услышишь ты гласъ трубный, звуки флейтъ, псалтырей, *симфоней* и *самбукъ*, то упади на колѣна, молись и славь бога, котораго воздвигъ царь!» (Дан. III, 4, 5).

Можно было бы еще предположить, что подъ однимъ изъ этихъ названій подразумѣвается другой прототипъ органа—волынка; но трудно допустить; чтобы во времена библейской древности уже существовали язычковые инструменты, изобрѣтеніе которыхъ вообще надо считать происшедшимъ послѣ всѣхъ другихъ типовъ музыкальныхъ духовыхъ орудій.

Судя по Софоклу (примѣчанія къ Ниобеѣ), у Лидійцевъ, въ числѣ ихъ главныхъ инструментовъ была и составная флейта, сдѣланная изъ камыша.

При переселеніи предковъ Грековъ (Пелазговъ или Эллиновъ) изъ М. Азии на о-ва Средиземнаго моря и потомъ на югъ Балканскаго полуострова, несомнѣнно была вынесена въ числѣ прочихъ инструментовъ и многоствольная флейта, получившая специальное названіе и значеніе флейты пастушьяго бога *Пана* или *Фаона* ²⁾.

Греко-римская античная многотрубная флейта, кромѣ этихъ спе-

¹⁾ Здѣсь мы видимъ библейское подтвержденіе происхожденія многоствольной флейты отъ пастуховъ.

²⁾ Быть можетъ и названіе, присущее этой флейтѣ (см. выше—китайское Phan) дало имя греческому пастушьему полубогу, игравшему на этомъ инструментѣ и считавшемуся его изобрѣтателемъ.

ціальныхъ наименованій, называлась еще *syringe polycalame*, т. е. флейта *многогортниковая*, — въ связи съ приведеннымъ выше мѣомъ о Панѣ и нимфѣ *Syrinx*.

На *рис. 22*, воспроизвожу часть барельефа виллы Альбани въ Римѣ—Панъ, обучающій игрѣ на флейтѣ *syrinx* юношу, можетъ быть Олимпа, какъ объ этомъ рассказываетъ античный мѣо¹⁾. На *рис. 23*, взятомъ съ рельефа мраморнаго саркофага музея во Флоренціи, изобра-

Рис. 22.

Рис. 23.

женъ корабль Одиссея, проѣзжающій мимо трехъ сиренъ, которыя играютъ 1) на двойной флейтѣ, 2) на лирѣ и 3) на многогортной флейтѣ. Въ исторіи музыки Наумана есть прекрасная репродукція античныхъ музыкальныхъ инструментовъ по сохранившимся памятникамъ живописи въ Геркуланумѣ, (см. стр. 139 т. I рус. пер.) гдѣ можно видѣть и *семиствольную флейту Пана*, трубки которой издавали, очевидно, семь тоновъ греческой гаммы того или другого звукоряда (дорійскій, іонійскій, лидійскій, фригійскій и т. д.).

Форкель (*Allg. Gesch d. Musik. 1788.*) называетъ инструментъ древнихъ «*сиринксъ* или *Fistula Panis*—*семиствольный свистокъ* (*sieben-Pfeife*) Пана», —приводя и соответствующій рисунокъ (см. *рис. 24*).

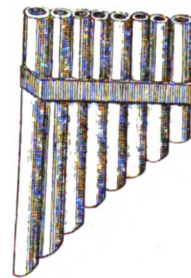

Рис. 24.

¹⁾ Олимпъ—лицо почти историческое (по однимъ даннымъ XII в., по другимъ VII в. до Р. Х.) и ему приписывается большое участие въ созданіи греческой музыки введеніемъ т. н. энгармоническаго дѣленія тона.

играющие исключительно на флейтах Пана, съ акомпаниментомъ большого барабана и тарелокъ. Въ Брюссельскомъ музеѣ хранится 8 экземпляровъ такихъ современныхъ итальянскихъ флейтъ Пана, имѣющихъ каждая отъ 25 до 39 стволонъ различной длины и съ разными строями. Для примѣра приведу два такихъ строя:

№ 1)

№ 8)

Въ современной Греціи Пановыхъ флейтъ не осталось, но инструментъ этотъ перешелъ въ народное употребленіе въ Румынію, гдѣ чрезвычайно распространенъ подъ названіемъ *Năioui, Nai, Muscal* (иногда *Caval*).

Одинъ изъ экземпляровъ Брюссельскаго музея имѣетъ 26 стволонъ (изъ бузины) дл. 0,065—0,275 м., строй которыхъ въ диатонической гаммѣ *sol majeur (do re)*. Магильонъ пишетъ, что этотъ инструментъ весьма замѣчателенъ въ оркестрѣ румынскихъ цыганъ (*lautari*). Исполнитель на немъ носитъ специальное названіе *Muscalagiû*. А. С. Фаминцынъ (гусли, стр. 125) пишетъ, что въ г. Софіи ему пришлось однажды слушать прибывшій туда изъ Румыніи оркестръ, состоявшій изъ 3 скрипокъ, контрабаса, свирѣли (*т. е. связанныхъ въ одинъ рядъ маленькихъ постепенно удлиняющихся трубочекъ*), гитары, лютеобразнаго инструмента и цимбалъ.

Магильонъ пишетъ о румынскомъ оркестрѣ, игравшемъ на выставкѣ 1889 г. въ Парижѣ, гдѣ участвовалъ и исполнитель на свирѣляхъ. Намъ не надобно, однако, ѣхать такъ далеко, для того чтобы слышать этотъ инструментъ: румынскіе оркестры слишкомъ хорошо извѣстны въ Спб.,

Москвѣ и друг. русскихъ городахъ гдѣ они постоянно играютъ въ увеселительныхъ и общественныхъ мѣстахъ. Свирѣльщикъ (т. е. игрокъ на многотрубной флейтѣ) является непремѣнною принадлежностью такого оркестра. Какъ и всѣ Пановы флейты, трубки его инструмента съ нижняго конца закрыты, а верхній нѣсколько скошенъ, для того, чтобы удобнѣе было вдвухъ туда воздухъ. Обычный строй,—хроматическая гамма,—рѣже диатоническая, причемъ измѣненіе тоновъ производится или посредствомъ заполнения трубокъ воскомъ, или же опусканіемъ въ нихъ дробинокъ (т. е. по старинному способу китайскаго мудреца, см. выше, стр. 9). Virtuозность исполнителя, участвующаго рѣшительно во всѣхъ пьесахъ репертуара (какъ легкой музыки, такъ и рапсодій, оперныхъ фантазій и проч.)—поразительна, принимая во вниманіе своеобразную технику инструмента, гдѣ каждая трубка издаетъ одинъ лишь ей свойственный тонъ,—да и то надо дунуть въ неё умѣючи.

Всего вѣроятнѣе, что инструментъ этотъ перешелъ въ Румынію, какъ наслѣдіе отъ античной Эллады, а названіе его заимствовано съ арабской флейты *Nay* (см. ниже), черезъ посредство сосѣдней къ Румыніи Турціи.

Въ этнографическомъ музеѣ въ г. Вѣнѣ Н. Ф. Финдейзенъ видѣлъ 14 ствольную флейту Пана изъ *Богеміи*; ея трубочки сдѣланы изъ стали, причемъ самая длинная находится не на краю, (какъ мы это видѣли почти у всѣхъ описанныхъ выше многоствольныхъ флейтъ), а по срединѣ; къ краямъ же инструмента въ обѣ стороны длина трубочекъ уменьшается (Рус. Муз. Газ. 1897 г. іюль и августъ).

Англія. Экземпляръ многотрубной флейты, состоящей изъ 13 ствольныхъ отъ 0,55 до 0,11 м. длины и хранящейся въ Брюссельскомъ му-

зеѣ, имѣеть строй:

Принадлежащій режиссеру Императорской русской оперы въ Спб. А. Я Морозову экземпляръ *Ирландской флейты*. полученъ имъ отсюда въ концѣ 1860-хъ годовъ. Флейта эта представляетъ 6 дудочекъ изъ тростника, открытыхъ на верхнемъ и закрытыхъ на нижнемъ концахъ, перевязанныхъ какою то волокнистою травой (*рис. 26*). При вдвухъ краями губъ въ верхніе открытые концы дудочекъ получается слѣдующая

гамма

. Здѣсь мы видимъ сохранившійся еще отъ арійской древности и перенесенный въ Англію Кельтами типичный

ходъ такъ называемой китайской гаммы (съ пропускомъ одного тона въ порядкѣ нашей діатонической скалы, т. е. съ интерваломъ терціи).

Изъ подобной простой флейты, вынесенной первоначально на Британскіе о-ва Кельтами (см. ниж. гл. X), развилась въ Англіи флейта многотрубная.

Вездѣ въ музыкальныхъ магазинахъ многотрубная флейта и теперь нерѣдко попадаетъ въ видѣ дѣтскаго инструмента, участвующаго въ такъ называемыхъ *Kinder-symphonie*. (рис. 27).

Мы уже видѣли какъ на Востоку (у Китайцевъ и затѣмъ у Израильтянъ) Панова флейта начала переходить въ инструменты, близкіе къ прототипамъ органа. Послѣдній сдѣлался извѣстенъ въ предѣлахъ Европы

еще въ античной древности, причѣмъ различались даже два типа: *organum pneumaticum* (т. е. органъ воздушный) и *organum hydraulicum* (органъ водяной или *гидравлосъ*), отличающіеся другъ отъ друга тѣмъ, что производящій звукъ воздухъ приводился въ трубкахъ въ движеніе

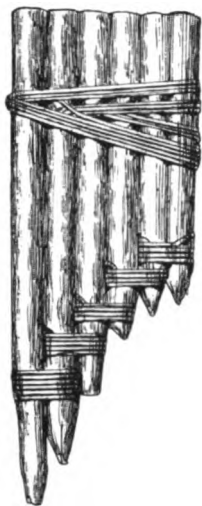

Рис. 26.

Рис. 27.

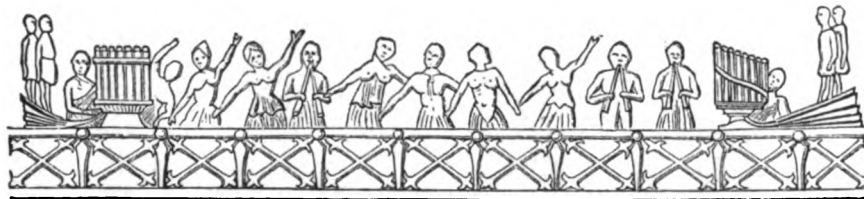

Рис. 28.

либо мѣхами, либо водою. У римлянъ излюбленнымъ былъ *водяной органъ*, примѣнявшійся въ общественныхъ и частныхъ домахъ Неронъ владѣлъ нѣсколькими такими органами. Изобрѣтателемъ *гидравлоса*, т. е., въ сущности говоря, только авторомъ примѣненія къ многотрубной флейтѣ гидравлической силы—былъ извѣстный математикъ Архимедъ (въ 280 г. до Р. X.); усовершенствовалъ водяной органъ въ 100 г. до Р. X. механикъ Ктезибій. Около 350 г. по Р. X. органъ въ 3. Европѣ окончательно превратился въ инструментъ пневматическій. Въ эту эпоху онъ имѣлъ еще значеніе свѣтскаго инструмента, какъ можно судить по картинкѣ IV в. по Р. X. (рис. 28), гдѣ видны танцующія женщины. Два изображенныхъ здѣсь воздушныхъ органчика представляютъ, въ сущности

говоря, увеличенныя Пановы флейты, въ которыя воздухъ вдувается мѣхами. Современемъ органъ получилъ значеніе исключительно церковнаго инструмента въ католическомъ богослуженіи. *На рисунокъ 29* воспроизвожу картину Рафаэля (1483—1520). *Св. Цецилія*, гдѣ можно видѣть

Рис. 29.

разные инструменты, изображенные авторомъ и, слѣдовательно, извѣстные въ его эпоху: органчикъ, весьма недалеко ушедшій отъ своего прообраза — флейты античнаго Пана, — въ рукахъ святой особенно характеренъ. Въ будущемъ изслѣдованіи о языковыхъ инструментахъ я надѣюсь болѣе подробно остано­виться на разныхъ стадіяхъ развитія

органа, здѣсь-же пока удовольствуемся этими приведенными данными, подтверждающими, что Панова флейта въ Западной Европѣ дѣйствительно выродилась въ органъ.

Не могу еще не упомянуть о полифоническомъ инструментѣ среднихъ вѣковъ, исходнымъ пунктомъ котораго была все та-же самая флейта Пана, а конечнымъ—органъ. Это весьма любопытное музыкальное орудіе, сохраняющееся въ подлинникѣ въ Liceo Musical въ г. Болоньи подъ названіемъ *cornamusa*. (рис. 30). Кирхеръ въ *Musurgia universalis* (изд. 1650 г. въ Римѣ) приводитъ изображеніе и описаніе аналогичнаго инструмента, состоящаго изъ 5 флейтъ (I, 506). Соответствующая репродукція Брюссельскаго музея издаетъ слѣдующіе тоны:

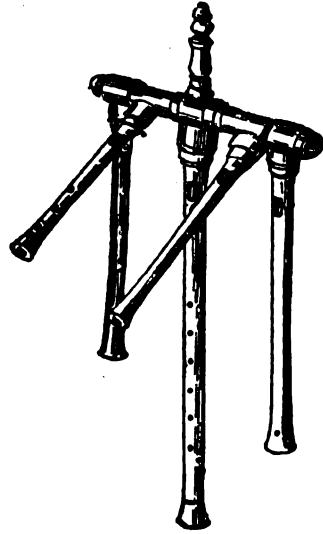
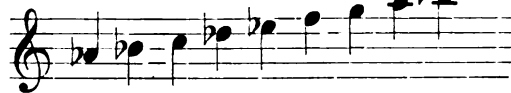

Рис. 30.

1-я флейта, съ тремя пальцевыми отверстіями имѣеть ходъ:

2-я флейта, съ девятью пальцевыми отверстіями имѣеть ходъ:

Мелодія игралась въ два голоса на этихъ двухъ флейтахъ, въ то время какъ три остальные давали каждая по одному тону, составляя постоянно

звучащій аккордъ:

Закончу эту главу слѣдующими прекрасными стихами А. С. Пушкина, характеризующими какъ нельзя лучше античный инструментъ греческой мифологіи:

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила,
И семистольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.

IV.

Двойныя флейты.

Современныя раскопки старой Ниневіи (близъ д. Куянджекъ) раскрыли намъ полную картину жизни исчезнувшаго Ассирійско-Вавилонскаго народа, сводящейся къ культу полновластнаго владыки — царя. Барельефныя изображенія дворца Сепнахериба заключаютъ нѣсколько картинъ торжественнаго шествія его изъ побѣдоноснаго похода противъ Фригійцевъ. Среди присутствующихъ въ процессіи идутъ музыканты: арфисты, цимбалисты и *ироки на двойныхъ флейтахъ*. На рис. 31 воспроизвожу часть этого барельефа, полностью хранящагося въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Рис. 31.

Финикіяне, считавшіеся авторами жалобныхъ пѣсень о смерти прекраснаго Адониса, всегда сопровождавшихся флейтовою музыкою, чрезвычайно любили и культивировали этотъ инструментъ. Исполнительницами были здѣсь финикійскія дѣвушки и женщины, служительницы богини Астарты, игравшія *на двойныхъ флейтахъ*, кимвалахъ и систрахъ въ праздничныхъ процессіяхъ въ честь этой богини. *Сирійцы* также участвовали въ составленіи флейтовой музыки культа Адониса, который раздѣляли съ ними мидійцы и лидійцы; всѣ эти народности имѣли музыку, сходную съ финикійскою и ассирійскою. Флейты вездѣ процвѣтали и имѣли множество разновидностей (какъ напримѣръ — мужская, женская, дѣтская и Панова флейта у лидійцевъ); среди этого разнообразія несомнѣнно примѣнялись и *двойныя флейты*, столь популярныя у Ассиріянъ.

Еврейскій историкъ фарисей и военачальникъ Флавій Іозефусъ (род. въ 37 г. по Р. Х.) описывая праздничныя публичныя торжества *Израильтянъ*, упоминаетъ объ участіи въ нихъ до 200000 исполнителей на разныхъ инструментахъ — струнныхъ, духовыхъ и ударныхъ. Знатокъ еврейской древности *Heinricus Porchius* среди множества различныхъ музыкальныхъ орудій Израильтянъ, называетъ *до 12 родовъ флейтъ*.

Судя по общему сходству музыки всѣхъ семитическихъ народовъ и по огромному количеству, а слѣдовательно и по разнообразію музыкальныхъ инструментовъ Израильтянъ остается только вывести заключеніе, что если у нихъ была флейта Пана (т. н. *угабъ* см. выше стр. 23) то въ числѣ указанныхъ 12 разновидностей несомнѣнно существовали и непосредственно происшедшія отъ многоствольныхъ *двойныхъ флейты* ¹⁾.

Рис. 32.

Въ періодъ новаго царства (1530—1050 л. до Р. Х.) *двойная флейта* проникла и въ Египетъ, гдѣ на ней стали играть, какъ и въ Финикіи, женщины; обыкновеннѣйшій ансамбль музыки этого періода— *большая арфа, двѣ флейты (или лютня и лира) и двойная флейта* ²⁾. Барельефы египетскихъ гробницъ даютъ намъ довольно отчетливыя изображенія такихъ оркестровъ, гдѣ можно видѣть и исполнительницъ на двойныхъ флейтахъ (рис. 32 и 33). Судя по изображеніямъ, на двойной флейтѣ играли, держа въ каждой рукѣ по одному флейтному стволу, снабженному отдѣльнымъ мундштукомъ. Дѣлались флейты въ большинствѣ случаевъ изъ дерева, причѣмъ стволамъ придавалась коническая форма. Въ музеѣ во Флоренціи въ качествѣ величайшей рѣдкости хранятся два подлинныхъ экземпляра древне-египетской двойной флейты

¹⁾ У народовъ Палестины и Месопотаміи флейты надо считать популярнѣйшими изъ всѣхъ муз. инструментовъ; сирійскихъ флейтистокъ (вѣроятно игравшихъ на двойныхъ флейтахъ), какъ вѣчто очень достопримѣчательное привезъ съ собою въ Римъ Люцій Веръ, а позже—Маркъ Антоній такъ же вывезъ съ собою финикійскихъ храмовыхъ инструменталистокъ.

²⁾ Музыка—и особенно флейтовая—вообще сопровождала древняго египтянина во всѣхъ случаяхъ его жизни; такъ, на одной изъ египетскихъ гробницъ изображено 8 флейтистовъ, играющихъ одновременно.

изъ дерева; по изслѣдованію Фетиса онѣ въ состояніи были издавать полутоны хроматической гаммы (Hist. gen. de la musique, I, p. 223—228).

Итакъ, мы видимъ двойныя флейты въ большомъ употребленіи у Ассиріянъ, Евреевъ, Египтянъ, словомъ у народовъ Семитической группы. Между тѣмъ онѣ, какъ и флейты многоствольныя, составляютъ изобрѣтеніе Арійцевъ: въ этомъ насъ убѣждаютъ многіе факты, какъ напримѣръ—существованіе обоихъ типовъ музыкальныхъ орудій у древнѣйшихъ Арійскихъ племенъ (хотя бы у Литовцевъ); кромѣ того, сравнительная филологія находитъ корни названій всѣхъ инструментовъ этого рода почти въ каждомъ изъ арійскихъ нарѣчій: обо всемъ этомъ подробно будетъ сказано далѣе, въ отдѣлѣ о русскихъ флейтахъ. Остается

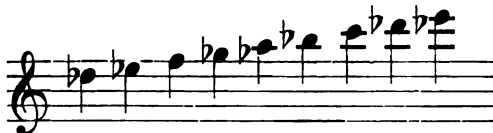
Рис. 33.

только заключить, что въ давно прошедшія и вѣроятно доисторическія времена произошло какое-то взаимодействіе арійцевъ на семитовъ (о чемъ уже писалъ и А. С. Фаминцынъ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій¹⁾), причѣмъ послѣдніе приняли отъ первыхъ многоствольныя и двойныя флейты. Нѣкоторые изъ арійскихъ племенъ, какъ напримѣръ Индусы, давно уже забыли оба эти типа музыкальныхъ инструментовъ, тѣмъ не менѣе слѣдъ когда-то бывшаго ихъ употребленія остался и по настоящее время: мы уже видѣли раньше Индусскую *тубри* или *тумери* съ двойными стволами, но со введеніемъ въ инструментъ язычковъ, составляющихъ изобрѣтеніе позднѣйшей эпохи (см. выше, стр. 22—23). Кромѣ того, въ Брюссельскомъ музеѣ находятся также индусскія двойныя *sanaï* (съ растробомъ въ видѣ кларнета и съ двойными язычками), сохраняющія при игрѣ настоящее расположеніе древнихъ античныхъ двойныхъ флейтъ благодаря обдѣлкѣ,

¹⁾ Древне-арійскіе и древне-семитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и культурахъ славянъ. Ст. А. Фаминцына въ „Этнографич. Обзорніи“ XXVI.

въ которой онѣ обѣ соединены ¹⁾. Въ предыдущемъ моемъ изслѣдованіи о трубахъ я уже приводилъ изображеніе амбушурныхъ инструментовъ *Nyâstaranga*, являющихся также отдаленнымъ воспоминаніемъ о двойныхъ флейтахъ; но и кромѣ того у Индусовъ еще есть *Sarala vançi*; по бенгальски это названіе обозначаетъ «правая флейта», т. е. и здѣсь мы слышимъ знакомый отголосокъ стариннаго прототипа, имѣвшаго когда-то правый и лѣвый стволы. Экземпляръ этой флейты, хранящійся въ Брюссельскомъ музеѣ, имѣетъ скошенное отверстіе и открытый противоположный конецъ ствола, по длинѣ котораго (0,34 м.) расположены 7 отверстій для пальцевъ сверху и одно снизу, образующихъ при игрѣ слѣ-

дующій ходъ:

Въ настоящее время мы нигдѣ на Востокѣ не встрѣчаемъ уже двойныхъ флейтъ, т. е. инструмента въ античной его формѣ, но какъ и въ Индіи самый принципъ игры кое гдѣ еще сохранился, будучи перенесенъ на позднѣйшіе язычковые инструменты, которые и стали дѣлаться двойными. Такъ, въ *Аннамѣ* употребляется двойной *сайкенъ-дой*, у *Арабовъ* — двойная *зуммара*, въ *Египтѣ* — подобный же арабскій *аргумъ* и т. д.

Въ древней *Элладѣ* флейта наравнѣ съ лирою вслѣдствіе громадной ея популярности считалась инструментомъ національнымъ. На памятникахъ греческой древности, мы постоянно встрѣчаемъ изображеніе игры на двойныхъ флейтахъ, особенно часто попадающихся въ рукахъ музъ *Эрато* и *Эвтерпы*. Выше, на *рис. 23* мы уже видѣли инструментъ этотъ у одной изъ сиренъ флорентійскаго саркофага. Воспроизвожу изображеніе игрока, участвующаго въ вакханаліи на рельефѣ извѣстной *Боргейской вазы (рис. 34)*. То же самое изображено и на вазѣ V столѣтія (праздникъ *Вакха*—аттическая живопись), часть рисунка которой воспроизвожу по *Фуртвенглеру* въ «*Sammlung Sabouloff*» (*рис. 35*).

Рис. 34.

Античныя двойныя флейты, какъ можно судить по изображеніямъ и сохранившимся описаніямъ, имѣли въ др. Греціи и Римѣ такую же коническую форму какъ и въ Египтѣ, причемъ въ въ общей сложности могли издавать отъ 7 до 9 звуковъ діатонической гаммы. Въ большин-

¹⁾ Изображеніе и описаніе этихъ и послѣдующихъ *Аннамскихъ*, *Арабскихъ* и *Египетскихъ* формъ составятъ предметъ изложенія статьи о язычковыхъ инструментахъ.

ствѣ случаевъ двойныя флейты дѣлались изъ тростника *Rhamnes Lotos*, а иногда изъ дерева, причемъ брались букъ, лавръ или вообще плотно-волоконистое дерево. Приставныя части исполнялись также иногда изъ кости и металла (на что есть указаніе въ 12-й пивѣйской одѣ Пиндара).

Рис. 35.

Верхній конецъ инструмента (куда непосредственно вводился воздухъ—мундштукъ или дульце) назывался *гольмосъ*, слѣдующая до отверстій часть ствола—*ифольмионъ*, а самый корпусъ, гдѣ помѣщались пальцевыя дырочки—*бомбикъ*. Послѣднія были иногда окружены кольцевыми выступами. Обѣ флейты изготовлялись иногда одинаковой, а иногда разной длины. Сколько можно судить по стариннымъ греческимъ изображеніямъ, порою на

Рис. 36.

лицо игрока одѣвалась повязка, родъ полумаски, соединяющей флейты между собою для болѣе удобнаго воспроизведенія звука; привожу здѣсь соотвѣтствующій рисунокъ съ живописи на древне-греческой вазѣ (изъ Вермана по «Antiken Denkmäler»), гдѣ виденъ юноша, игрокъ на двойныхъ флейтахъ, съ полумаскою на лицѣ; на рукѣ его виситъ чехоль для флейты, съ завязками (рис. 36).

По началу своего существованія, флейта въ Элладѣ была необходимымъ сопровожденіемъ эллегіи, а затѣмъ постоянно употреблялась на празднествахъ въ честь Діонисія-Вакха,—какъ это мы и видѣли въ живописи вакханалій на древнихъ вазахъ.

На Апеннинскомъ полуостровѣ, къ югу и сѣверу отъ горъ издавна поселились Этруски ¹⁾. Черезъ Тирренское море къ нимъ ввозились и отъ

¹⁾ Этрусково принято считать народомъ пелазгическаго происхожденія, но А. С. Фаминцынъ въ своей книгѣ „Вожества древнихъ славянъ“ указываетъ на близкія аналогіи религіозныхъ вѣрованій Этрусково съ Славянами—и вообще съ племенами арійскими.

нихъ распространялись по всей Средней Италиі произведенія какъ восточнаго, такъ и греческаго искусства; вспомнимъ также, что уже съ VII в. до Р. X. Сицилія и Южная Италія, благодаря эллинской колонизаціи сдѣлались въ духовномъ отношеніи неразрывными частями Греціи и съ самаго начала принимали дѣятельное участіе въ художественныхъ стремленіяхъ своей метрополиі (см. у Вермана, I, с. 512). Не будемъ поэтому удивляться, встрѣчая у Этрусковъ двойную флейту, которая могла къ нимъ попасть путемъ греческаго вліянія. Но если судить по рисункамъ извѣстныхъ этрусскихъ вазъ, то остается только вывести заключеніе, что двойная флейта была у нихъ среди всѣхъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ — преобладающимъ. Muller и Wieseler

(см. *Denkmäler der alten Kunst*), Ambros (*Gesch. d. Mus.*) и др. приводятъ намъ множество изображеній игры на двойныхъ флейтахъ въ различныхъ проявленіяхъ жизни этрускаго народа: у изголовья покойника (какъ напримѣръ, на этрусскомъ гробовомъ камнѣ, хран. въ Берлинскомъ музеѣ), въ религиозныхъ жертвоприношеніяхъ, при

Рис. 37.

пляскахъ, въ рукахъ пастуховъ,—при состязательныхъ играхъ, гдѣ видны аккомпанирующія на двойныхъ флейтахъ женщины и дѣти. На рис. 37 воспроизвожу (со стѣнныхъ фрескъ) изображеніе этрускаго Орфея, очаровывающаго своей музыкой животныхъ и птицъ и пляшущаго среди зелени.

Такое можно сказать всенародное и національное распространеніе двойныхъ флейтъ у Этрусковъ говоритъ въ пользу болѣе древняго происхожденія здѣсь этого инструмента, чѣмъ колонизаціонное заимствованіе его отъ Грековъ. Невольно мысль обращается при этомъ къ намекамъ А. С. Фаминцына на арійское происхожденіе Этрусковъ, благодаря чему у нихъ могли остаться двойныя флейты, какъ наслѣдіе арійскаго первоисточника глубокой старины, получивъ поэтому и національное значеніе.

Двойная флейта римлянъ несомнѣнно произошла отъ этрусской, тѣмъ болѣе, что этрусскіе флейтчики издавна имѣли право гражданства въ Римѣ. Такъ, въ 364 до Р. X. во времена консульства Сульпиція и Кай Лицинія, на первомъ театральномъ представленіи, состояв-

шемъ изъ пѣнія, танцевъ и пантомимы, сопровождали этрусскіе флейтисты (Титъ Ливій, VII, 2). А въ 309 году до Р. Х., когда у этрусскаго цеха *Tibicines* въ Римѣ, отнято было право отправлять жертвенныя трапезы въ храмъ Юпитера, произошла *стачка и забастовка* этихъ музыкантовъ,—

Рис. 38.

вслѣдствіе чего ихъ выселили изъ Рима; послѣ, однако, права ихъ—какъ и самое празднество—были восстановлены, причѣмъ послѣднее отправлялось въ промежутокъ времени отъ 13 до 15 іюня.

Прибавлю, напримѣръ, относительно самаго распространеннаго язычковаго римскаго инструмента *Тибіи*, иногда смѣшиваемаго съ флейтою, что еще

долго у римлянъ различались *правая и лѣвая тибіи*: этимъ прямо уже указывается на древнее происхожденіе ихъ отъ двойной флейты.

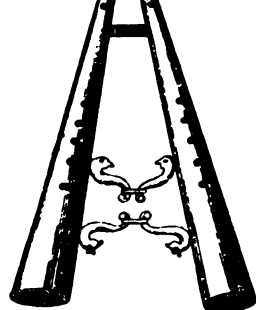

Рис. 39.

На рис. 38 воспроизвожу часть мозаичной картины изъ Помпеи, находящейся въ Неаполитанскомъ музеѣ, подъ названіемъ «музыканты», съ фот. Алинари: здѣсь можно видѣть изображеніе женщины, играющей на двойной флейтѣ. Римскіе игроки на двойныхъ флейтахъ—мужчины, женщины и дѣти,—дули въ инструменты непосредственно губами, или же надѣвали на лицо подвязку, (о которой говорилось выше при описаніи греческихъ двойныхъ флейтъ, см. рис. 36), называвшуюся здѣсь полатыни *capistrum*. Форкель (въ *allg. Gesch. d. Mus.* 1788 г.) приводитъ рисунокъ и названіе инструмента *Tibia pares*, объясняя, что (по Теренцію) на одной играетъ правою рукою, на другой лѣвою; наверху и внизу онѣ были одна съ другой связаны и могли имѣть общій мундштукъ (рис. 39).

Въ позднѣйшій періодъ Римскаго государства въ немъ произошло развитіе музыкальнаго диллетантизма, когда цѣлыя хоры пѣвцовъ, пѣвицъ, инструменталистовъ и особенно инструменталистокъ сдѣлались непремѣнною принадлежностью общественныхъ увеселеній; среди нихъ

не послѣднее мѣсто занимали и *флейтистки на двойныхъ флейтахъ*, славившіяся не столько своимъ искусствомъ, сколько невысокимъ контингентомъ своей нравственности.

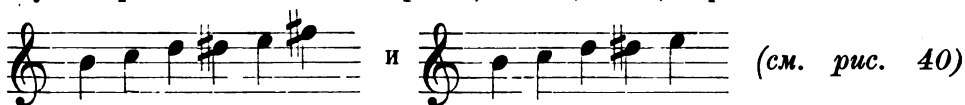
Это обстоятельство и послужило главнымъ образомъ нападка́мъ на флейтовую музыку со стороны древнихъ писателей, а со временъ христіанства—и суровыхъ проповѣдниковъ аскетизма. Съ паденіемъ Византии двойная флейта окончательно исчезла изъ семьи музыкальных инструментовъ Западной Европы; въ послѣдній разъ изображеніе игры на двойныхъ флейтахъ въ составѣ свѣтской музыки мы встрѣчаемъ въ IV в. по Р. Х. (см. выше рпс. 28).

Въ настоящее время двойныя флейты не существуютъ болѣе въ античной ихъ формѣ ни на Востокѣ ни въ Западной Европѣ. Но, какъ отголосокъ или воспоминаніе объ этомъ инструментѣ, остались несомнѣнно происшедшіе отъ него двойные свистящіе инструменты, извѣстные подъ разными мѣстными названіями.

Такъ, въ *Италіи* сохранилось даже древнее римское наименованіе, примѣняемое въ Римѣ къ свистящимъ инструментамъ вообще (*fistula*); въ данномъ случаѣ оно принадлежитъ, правда, къ язычковому инструменту—*bifistula*—по-итальянски или *double chalumeau*—по-французски.

Въ *Далмаціи* близость къ древней Греціи (а можетъ быть и коренное славянское происхожденіе инструмента) повела къ возникновенію тамъ отдаленнаго потомка двойныхъ флейтъ, имѣющаго и приблизительное расположеніе стволовъ, схожее съ таковымъ-же при игрѣ на античныхъ инструментахъ. Это *Zamrogna*¹⁾ *a due bocche*—по итальянски—флейта съ двумя дульцами (по-французски дульце—*bouche*), а по славянски *svardonista* или *свардоника*; послѣднее названіе, происходящее отъ древняго арійскаго корня *Swar* (отъ котораго произошло и *свиртъль*), заставляетъ отдать предпочтеніе гипотезѣ о прямомъ заимствованіи Славянами этого двойного инструмента отъ давнишнихъ своихъ предковъ—арійцевъ (см. ниже гл. XI).

Свардоника сдѣлана изъ цѣльнаго куска дерева. Въ Брюссельскомъ Музеѣ хранятся два экземпляра: 1) дл. 0,35 м., строй стволовъ:

¹⁾ *Zamrogna*—какъ мы видѣли выше (стр. 24) названіе, непосредственно происшедшее отъ древняго *самбука*.

Н. Ф. Финдейзенъ въ ст. «Муз. впеch. заграницей» (Рус. Муз. Газ. 1897) описываетъ хранящіяся въ Вѣнскомъ этногр. музеѣ 4 разновидности деревянныхъ *Далматинскихъ двойныхъ дудочекъ*, по конструкции схожихъ съ изображеніемъ на рис. 40: отъ общаго мундштука съ 2 щелями внизу подъ свисткомъ (для разбив. вдуваемой воздушной волны) у одной оба ствола идутъ почти параллельно и имѣютъ 4 и 3 дырочки для пальцевъ рукъ; у другой—противоположные свистку концы стволовъ соединены въ одномъ общемъ раструбѣ, по длинѣ же на обоихъ стволахъ сдѣлано по 6 отверстій; 3-я разновидность, имѣя на одномъ стволѣ 5, а на другомъ 4 отверстія для пальцевъ рукъ, мало чѣмъ отличается отъ 1-й. Четвертый инструментъ имѣетъ дудочки сильно расходящимися отъ общаго мундштука,—почти въ формѣ античныхъ двойныхъ флейтъ, придрѣланныхъ къ общему дульцу,—и на одной 4, а на другой 3 голосовыхъ отверстія (для пальцевъ рукъ).

Рис. 40.

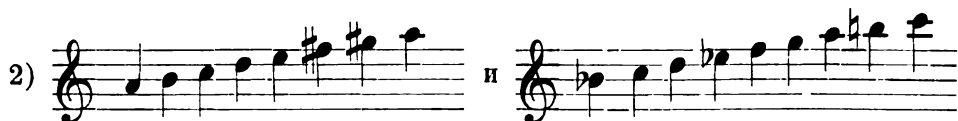
Рис. 41.

Видѣнные мною у извѣстнаго театральнаго дѣятеля и коллекціонера въ Москвѣ А. А. Бахрушина многочисленные экземпляры славянскихъ *свардоникъ*, пріобрѣтенныя имъ въ свою очередь послѣ смерти этнографа и собирателя П. Безсонова, имѣли отчасти видъ, какъ на рис. 40; другія же достигали длины 1 метра и даже болѣе и украшены были поперечными кольцами изъ тонкой мѣдной проволоки. Кромѣ того, эти инструменты плотно вкладывались въ деревянные футляры, придававшіе имъ видъ дорожныхъ палокъ.

Подобный *свардоникъ* инструментъ подъ именемъ гармонической флейты (*Flûte harmonique*) въ XVII и XVIII столѣтіяхъ былъ очень распространенъ въ Бельгіи, Германіи и Франціи. Опишу слѣдующіе экземпляры этой *Flûte harmonique* или какъ она еще называется—*Flûte d'accord* по каталогу Брюссельскаго Музея:

Бельгія. Полная аналогія съ далматинскою *свардоникой* съ тою только разницею, что стволы къ противоположному отъ дульца концу *сходятся*, а не расходятся, какъ на славянскихъ инструментахъ этой категоріи (рис. 41). Два экземпляра одинаковой длины (0,38 м.), имѣютъ, однако, разные строи:

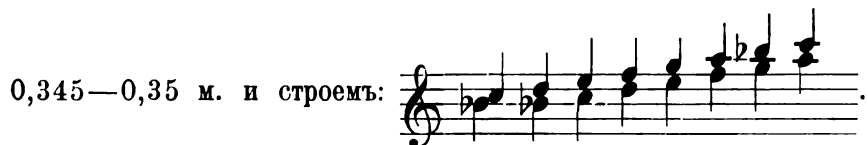

Франція. Два инструмента изъ старинной коллекціи Тольбека (рис. 42)

Германія. Три экземпляра подобнаго-же типа, длиною

На инструментахъ дата 1717 г.

Всѣ эти западно-европейскіе типы представляютъ, какъ мы Рис. 42. уже видѣли, остатки въ Западной Европѣ античныхъ двойныхъ флейтъ, существовавшіе въ такомъ видѣ до XVIII столѣтія; съ изобрѣтеніемъ клапановъ, послѣдніе стали примѣнять и къ этимъ инструментамъ, создавъ такимъ образомъ *двойные флажолеты*. Этотъ инструментъ получилъ особенное распространеніе въ Англіи.

Воспроизвожу изъ коллекцій Брюссельскаго Музея три разновидности подобныхъ англійскихъ двойныхъ флажолетовъ, съ различнымъ числомъ клапановъ для дополнительныхъ тоновъ гаммы, воспроизводимой по отверстіямъ:

Рис. 43. Длина 0,54 м.

По 7 отверстіямъ ствола № 1:

По 5 отверстіямъ ствола № 2:

По 3 его клапанамъ:

По 4 его клапанамъ:

Рис. 44. Длина 0,59 м.

По одной флейтъ:

По другой:

При помощи клапановъ:

Рис 45. Длина 0,51 м. Ходъ по обѣимъ флейтамъ, съ производными тонами при помощи клапановъ:

Рис. 43.

Рис. 44.

Рис. 45.

Двойныя флейты можно видѣть и на рис. 15 среди музыкальныхъ инструментовъ Бразильскихъ индѣйцевъ, но не имѣется никакихъ данныхъ для того, чтобы можно было вывести заключеніе о ихъ конструкціи.

V.

Прямая флейта—съ дутьемъ по длинѣ.

Мы уже видѣли примѣръ расчлененія флейты Пана на флейту двойную. Слѣдующимъ шагомъ прогресса на пути музыкальнаго развитія этого инструмента была флейта одноствольная, съ двумя открытыми концами, причѣмъ верхній (дульце) иногда скашивался; дѣлалось это для того, чтобы вдуваемая непосредственно губами игрока воздушная струя легче могла разбиваться о кромку верхняго края. Но такой способъ игры требуетъ большаго навыка, несмотря на простоту устройства инстру-

мента, а потому и явилось усовершенствованіе, въ видѣ вставки въ скошенное дульце свистка, уже знакомое намъ по двойнымъ флейтамъ. Свистокъ этотъ представляетъ, какъ сказано въ предисловіи, пробку, съ продольною у ствола щелью, подъ которою находится на послѣднемъ (т. е. на стволѣ) поперечное отверстіе: обѣ острый нижній край его разбивается вдвухъ по щели воздушная струя.

Древнѣйшій и любопытнѣйшій первобытный прототипъ прямой флейты даетъ намъ длинный инструментъ Индусовъ, хранящійся въ Брюссельскомъ Музеѣ подъ названіемъ *venu*— въ переводѣ съ бенгальскаго и санскритскаго—*бамбукъ*. Она дѣйствительно представляетъ собою немного коническій стволъ бамбука, длиною въ 1,32 м., лишенный пальцевыхъ отверстій и открытый на обоихъ концахъ,—т. е. безъ свистка,—причемъ дульце слегка скошено (рис. 46). *Venu*—классическій инструментъ, очень распространенный въ провинціи Орисса. Въ путешествіи *Sonnerat* XVIII столѣтія встрѣчается изображеніе подобнаго-же инструмента.

Общезвѣстная и простая русская дудка, которую вырѣзаютъ у насъ дѣти изъ пустотѣлаго ствола репейниковаго растенія, весьма близка къ этому первобытному музыкальному орудію индусовъ.

Въ раскопкахъ каменнаго вѣка иногда находили флейты, сдѣланныя изъ пустой кости и открытыя съ обѣихъ концовъ, причемъ дульца ихъ были немного скошены. Въ дольменѣ, близъ Пуатье, найдена такая флейта, изъ кости оленя, съ тремя пальцевыми дырочками, расположенными на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніяхъ; рисунокъ ея помѣщенъ въ *Hist. gen. de la mus.* Фетиса (I, 25—26), а самый экземпляръ, приобрѣтенный въ числѣ другихъ инструментовъ старинной коллекціи Фетиса, находится въ Брюссельскомъ музеѣ (№ 429); на этой флейтѣ послѣдовательнымъ открываніемъ голосовыхъ дырочекъ уже можно получить 4 тона, и вообще весь инструментъ этотъ сравнительно хотя бы съ индусской *venu*, представляетъ шагъ впередъ на пути развитія. Костяныя флейты находились и въ раскопкахъ свайныхъ построекъ на рѣкѣ *Vezere* въ Дордоньи (въ 1869 г.), между разными другими предметами обихода первобытнаго человѣка. Карлъ Фогтъ также упоминаетъ о флейтахъ изъ костей зайца и сѣвернаго оленя, бывшихъ въ употребленіи въ каменномъ вѣкѣ. Ларте нашелъ въ слоѣ, содержащемъ остатки животныхъ, принадлежавшихъ къ исчезнувшимъ

Рис. 46.

породамъ, флейту, сдѣланную изъ кости сѣвернаго оленя (Hist. gen. de la mus., I, 26). Сохранились извѣстія о древнѣйшихъ греческихъ флейтахъ, имѣвшихъ *только два* пальцевыхъ отверстія, т. е. менѣе культурныхъ, чѣмъ даже найденныя въ каменномъ вѣкѣ.

Въ Копенгагенскомъ этнографическомъ музеѣ имѣются двѣ флейты южно-американскихъ индѣйцевъ, сдѣланныя изъ человѣческихъ костей; онѣ, впрочемъ, не представляютъ особой рѣдкости и ихъ можно встрѣтить въ другихъ этнографическихъ музеяхъ. Г. Зиммель въ *Psychologische u. ethnologische Studien über Musik*. (Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft B. XIII. 277) относитъ эти флейты къ самымъ раннимъ временамъ зачатковъ культуры. Ф. Ратцель въ «Народовѣдѣніи» (I, с. 493) пишетъ: «разсказываютъ, что Арауканцы въ прежнее время дѣлали свирѣли изъ берцовыхъ костей убитыхъ враговъ». Въ современной Греціи и теперь еще встрѣчаются флейты, изготовленныя изъ кости крыла пеликана (*sourvalia*).

Прямая флейта, съ дутьемъ по длинѣ ствола и въ особенности при отсутствіи свистка, настолько несложное музыкальное орудіе, что искать его возникновенія, въ одномъ какомъ-либо районѣ не представляетъ смысла: очевидно,—эти первыя дудки образовались самостоятельно во многихъ мѣстностяхъ земного шара.

Однѣ изъ самыхъ первобытныхъ формъ такихъ флейтъ, можно найти на *островахъ Тихаго океана у Папуасовъ* и другихъ народовъ *Полинезій*. Выше, на *рис. 1* въ числѣ муз. инструментовъ СПБ. этнографическаго музея можно видѣть бамбуковую флейту Папуасовъ съ двумя пальцевыми отверстіями (см. № 1); амбушуръ въ видѣ дырочки на ребрѣ верхняго края, свистка нѣтъ. Тамъ-же хранятся еще двѣ длинныя камышевыя флейты того-же народа (см. путеводитель по этн. муз., с. 40).

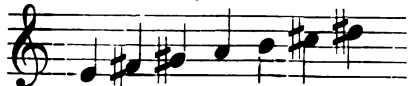
Рис. 47.

Въ *Америкѣ* среди музыкальныхъ инструментовъ, Мексиканскихъ Ацтековъ находятся весьма любопытныя прямыя флейты, сдѣланныя изъ глины и хранящіяся въ Брюссельскомъ музеѣ; воспроизвожу на *рис. 47* одну изъ нихъ, длиною 0,235 м. и имѣющую 4 пальцевыхъ отверстія, съ ходомъ:

и ходомъ:

Въ *Боливи* индѣйцами племени *Quechas* употребляется бамбуковая флейта, подъ названіемъ *Krena*, длиною 0,46 м., съ голосовыми отверстиями и ходомъ:

(Рис. 49). Дульце скошенное, безъ свистка.

Выше, на *рис. 15* мы видимъ въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ *Хурисовъ* (въ Бразиліи) прямая флейта, изъ которыхъ одна

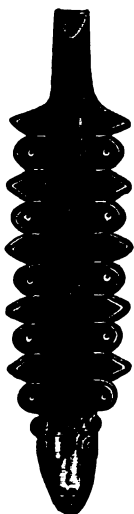

Рис. 48.

(лѣвая съ краю) имѣетъ типичное скошенное дульце и, вѣроятно, свистокъ, такъ какъ подъ дульцемъ помѣщается поперечная щель (судя по рисунку, пробка изъ дульца выпала); отверстій для пальцевъ рукъ по стволу незамѣтно. Наоборотъ, другая, помѣщенная въ той же группѣ прямая флейта имѣетъ по длинѣ ствола такія отверстія. Рогъ и *флейта* Бразильскихъ индѣйцевъ упоминаются въ числѣ экземпляровъ этнографическаго Спб. музея (витрина 11, см. путеводитель). Тростниковыя флейты-дудки Ф. Ратцель отмѣчаетъ и у другихъ племенъ Американскихъ индѣйцевъ: *мудкурсовъ* *гоахирсовъ* (барабанъ, тростн. дудка и такъ наз. *мараки*, родъ фагота съ резонаторомъ изъ тыквы), *оямписовъ* (танцующихъ «гувакану» и

Рис. 49.

«бамбуко» подъ темпъ свирѣли изъ тростника) (Народовѣдѣніе, I, 493).

Въ *Африкѣ* прямая флейта со скошеннымъ дульцемъ и открытымъ противоположнымъ концомъ, также весьма обыкновенны среди мѣстнаго негритянскаго населенія. Онѣ изготовляются изъ тростника, дерева, бамбука, а также изъ полыхъ слоновыхъ клыковъ. Последніе мы видѣли въ предыдущемъ моемъ изслѣдованіи въ качествѣ трубъ съ боковымъ амбушуромъ; изображенія ихъ можно видѣть выше, на *рис. 1* въ числѣ предметовъ Спб. этнографическаго музея (№№ 2—негритянской рогъ изъ слоноваго клыка ¹⁾ и № 4 рожокъ изъ рога антилопы). Тамъ-же и африканскія трубы изъ дерева (№№ 7 и 9).

Въ Брюссельскомъ музеѣ хранится сдѣланная изъ слоноваго клыка настоящая флейта съ дутьемъ по длинѣ черезъ дульце, находящееся на узкомъ концѣ инструмента. Экземпляръ этотъ приобрѣтенъ въ Конго и имѣетъ по стволу три пальцевыхъ отверстія, дающія ходъ:

¹⁾ По опис. Путеводителя этн. музея: длинный рогъ племени *Ніамъ-Ніамъ* изъ слоноваго клыка, съ оправою изъ львиной кожи.

(рис. 50). Объ ангольскихъ дудкахъ изъ слоновыхъ клыковъ говоритъ Лопецъ (см. «Народовѣдѣніе»).

Въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ, хранятся бамбуковыя дудки изъ Гавайи, открытыя съ обоихъ концовъ и съ пальцевыми отверстіями по длинѣ (рис. 51 и 52 въ $\frac{1}{8}$ нат. вел.); одна изъ нихъ обтянута кожей или обвита стеблями растенія. На рис. 53 воспроизвожу изображеніе негровъ-шуміевъ изъ верхнихъ и среднихъ Нильскихъ странъ, — играющихъ двое на струнныхъ инструментахъ и одинъ на прямой флейтѣ; подобную-же флейту можно видѣть на рис. 1 (№ 6) въ числѣ экземпляровъ Спб. этногр. муз. (тростниковая флейта негровъ по объясненію каталога, — амбушурное отверзтіе ея въ видѣ дырочки на ребрѣ верхняго края). Альварецъ въ числѣ муз.

Рис. 50.

инстр. Абиссинцевъ называетъ и флейты. Лопецъ, описывая военные инструменты Ангольцевъ, говоритъ и о *деревянныхъ свирляхъ, обтянутыхъ кожей*, т. е. изготовленныхъ въ родѣ инструмента, изображеннаго на рис. 51; (оркестръ Ангольцевъ состоитъ изъ этихъ свирѣлей, дудокъ изъ слоновыхъ клыковъ и треугольныхъ желѣзныхъ пластинокъ, по которымъ бьютъ

Рис. 51.

Рис. 52.

прутьями). Всѣ эти свѣдѣнія, какъ и рис. 53, взяты мною изъ «Народовѣдѣнія» Ф. Ратцеля (I, стр. 723 и дальше).

Въ Азійи прямая флейты весьма обыкновенны. У *Малайцевъ*, по «Народовѣдѣнію» (I, 391) онѣ примѣняются на о-вахъ Явѣ, Борнео и Целебесѣ у Илонготовъ, гдѣ изготовляются изъ бамбука. Въ Брюссельскомъ музеѣ хранится *Bansulèe* — яванская флейта, представляющая собою типъ флажолета (т. е. съ пробкою на скошенномъ дульцѣ), длиною 0,23 м., съ 7 отверзтіями по верху и 8-е внизу;

Магильонъ обобщаетъ

ее съ индусской *Vançali*, любимой мифологической флейтою бога Кришину (Catal., II, № 594).

Флейта *Кхасовъ* изъ *Индо-Китая* воспроизведена мною на рис. 54 по «Народовѣдѣнію», т. II, стр. 620. Судя по этому изображенію, стволъ инструмента открытъ съ обоихъ концовъ и имѣетъ скошенное

дульце, безъ свистка. Надколота́я пластинка у противоположнаго конца повидимому играетъ роль язычка, такъ что по желанію можно играть на этомъ муз. орудіи какъ на флейтѣ-дудкѣ или-же какъ на язычковомъ ипструментѣ, смотря по тому, въ какой конецъ дуть.

Рис. 53.

Сіамскій инструментъ Клюон, относящійся къ этой же категоріи флейтъ (родъ флажолета), хранится въ Брюссельскомъ музѣе; по длинѣ (0,45 м.) онъ имѣетъ 7 голосовыхъ отверстій на верху и 1 внизу.

Въ *Китатѣ* флейты, открытыя съ нижняго конца, имѣютъ дульце закрытое, но съ маленькимъ отзертіемъ на ребрѣ, какъ это видно изъ *рис. 55* и *56*, изображающихъ съ двухъ сторонъ флейту китайцевъ, доставленную изъ Манчжуріи и находящуюся въ моей коллекціи (такія-же отверстія были указаны выше на первобытныхъ папуасскихъ и

негритянскихъ флейтахъ, см. рис. 1). 5 пальцевыхъ дырокъ расположены по верху этой флейты, а 6-я внизу; кромѣ того, на той-же сторонѣ, гдѣ находится эта послѣдняя дырка, ближе къ нижнему концу инструмента, находятся еще два отверстія, рядомъ другъ съ другомъ расположенныя: это приспособленіе, неоднократно мною на первобытныхъ

инструментахъ наблюдаемое, имѣетъ значеніе измѣнять строй инструмента; когда я пробовалъ оба ихъ заклеивать воскомъ, общій строй флейты повышался на $\frac{1}{2}$ тона. На нижній конецъ ствола надѣто костяное кольцо, предохраняющее инструментъ отъ раскалыванія. Стволъ флейты— бамбуковый, длиною 0,635 метра. Дуть въ ея отверстіе надо, какъ въ амбушуръ обыкновенной поперечной флейты.

Рис. 54.

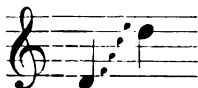

Тонъ очень мягкій и пріятный. Это типъ древнѣйшей китайской флейты, сперва имѣвшей 3 дырочки, а затѣмъ 6 и называвшійся *Ю*; болѣе поздняя флейта *Гу*— поперечная. *Ю* изъ Брюссельскаго музея, дл. 0,33 м., также съ 6 дырочками, имѣетъ

На рис. 57 воспроизвожу изображеніе китайскаго струннаго оркестра, гдѣ находится и игрокъ на *Ю*,— изъ путешествія по Тибету полковника Н. М. Пржевальскаго.

Въ Японіи прямая флейты такого же типа называются *siaku-hachi* и точно также дѣлаются изъ бамбука или тростника. Въ Брюссельскомъ музеѣ есть экземпляры того и другого типа: бамбуковый дл. 0,55 м., 4 отверстія по верху и 1 внизу. Ходъ, при искусственномъ подборѣ закрытія однихъ отверстій и оставленія открытыми другихъ, (подробно см. у Magillon, Catal., № 714)— хроматическая гамма

; тростниковый длиною 0,155 м., съ 3 отверстіями и

Рис. 55. Рис. 56.

ходомъ: . Обѣ флейты доставлены институтомъ музыки въ Токио.

П. С. Алексѣевъ (см. «о флейтѣ» въ «Рус. Муз. Газ.» 1900 г.), какъ очевидецъ, бывшій въ Китаѣ и Японіи, говоритъ, что флейта тамъ въ почести, какъ и 2000 лѣтъ тому назадъ: «и теперь на ней свистятъ при похоронахъ, свадьбахъ, во время богослуженія буддистовъ и въ

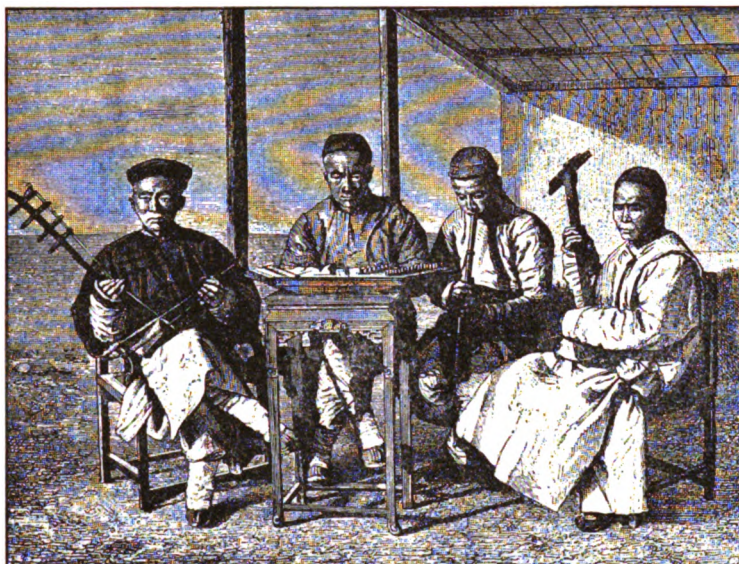

Рис. 57.

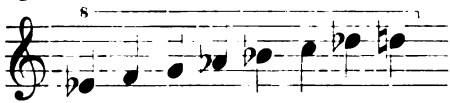
процессіяхъ шинтоистовъ. Въ Японіи существуютъ цѣлые оркестры флейтъ,—и флейта одинъ изъ любимыхъ диллетантами инструментъ». Тамъ онъ не могъ, однако, найти флейты дороже 8 рублей: «на Востока музыка беретъ не качествомъ, а количествомъ; какъ нѣтъ тамъ великихъ виртуозовъ, такъ нѣтъ и знаменитыхъ мастеровъ, дѣлающихъ хорошіе инструменты,—за то нѣтъ почти дома на сушѣ и сампана на водѣ (лодки), гдѣ не слышны, были-бы звуки самизена или флейты».

Выше, на рис. 16 въ духовомъ китайскомъ оркестрѣ одинъ изъ музыкантовъ (2-й съ лѣваго края) играетъ на прямой флейтѣ.

Въ *Индіи* флейта также въ большомъ почетѣ и тамъ встрѣчается множество ея разновидностей, особенно прямыхъ—т. е. съ дутьемъ по длинѣ. Кромѣ упомянутой выше и рѣдкой *вепи*, существуетъ цѣлая семья болѣе совершенныхъ прямыхъ флейтъ: *нагассаранъ*, *отоу*, *биланъ*, *корна*, *пани-каванэ* (примѣняемая исключительно при погребальныхъ обря-

дахъ), *sittarъ*: наиболее популярна *базаря*—прямая флейта въ разновидностяхъ различной длины и имѣвшая семь голосовыхъ отверстій; на ней, по Размадзе (оч. ист. муз.) такъ легко издавались тоны, что островитяне Индіи играли носомъ. Флейты со скошеннымъ дульцемъ и открытымъ противоположнымъ концомъ, хранящіяся въ Брюссельскомъ музеѣ: 1) *Sarala vançi* (по сказаніямъ индусской мифологіи — инструментъ бога Кришну, въ пер. съ бенг. — правая флейта),

дл. 0,34 м., ходъ и 2) *Algola*,

дл. 0,275, — ходъ: Обѣ флейты сдѣланы изъ ствола бамбука,

типа флажолетовъ, какъ видно и изъ приложеннаго изображенія *Algola* (рис. 58), гдѣ ясно обозначено поперечное отверстіе подъ пробкой.

Укротители змѣй въ Индіи и до сихъ поръ, кромѣ Тубри, (см. выше рис. 21) примѣняютъ простую прямую дудочку-флейту древнѣйшаго образца съ 7 пальцевыми отверстіями.

Рис. 58.

Арабы, покорившіе Малую Азію, Палестину, Египетъ и сѣверную Африку въ VII ст. по Р. Х., пронесли по этимъ странамъ свое сильное вліяніе и во многомъ измѣнили бытъ и привычки подчиненныхъ имъ народовъ; послѣдніе, заимствуя отъ своихъ побѣдителей различные предметы обихода, культивировали и любимый арабскій музыкальный инструментъ — флейту. Еще древніе Греки хвалили игру арабскихъ пастуховъ, — и арабская флейта въ блестящій періодъ существованія Эллады пользовалась особымъ почетомъ, такъ что существовало даже выраженіе въ греческомъ языкѣ «арабскій флейтистъ», употреблявшееся въ исключительно похвальномъ смыслѣ слова. Суровые номады пустыни по началу своего существованія — Арабы имѣли въ древности обычный пастушескій инструментъ — короткую флейту, называемую ими *djouwak* или *djouwak*, которая затѣмъ перешла въ длинную *chebab*, *chababbech*, — варианты этихъ названій: *quesbate*, *kesbate*, *gsbah*. Всѣ разновидности этой арабской флейты встрѣчаются у обитателей только что поименованныхъ, покоренныхъ арабами странъ. Большой разницы между ними, однако, не замѣчается и прямая арабская флейта извѣстна подъ общимъ и болѣе новымъ названіемъ *Nay*.

На рис. 59 и 60 воспроизвожу (по Христіановичу) *Djouwak* съ двухъ сторонъ. По описанію каталога Брюссельскаго музея находящійся

тамъ алжирскій *Djouak* представляет собою тростниковую флейту, длиною 0,34 м., со скошеннымъ дульцемъ и открытымъ противоположнымъ концомъ, украшенную рисунками, причеъ она имѣетъ 6 пальцевыхъ отверстій, воспроизводящихъ слѣдующую гамму:

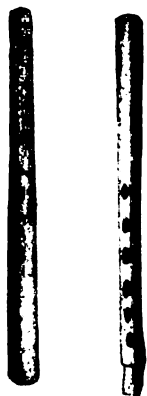

Рис. 59 и 60.

На рис. 61 и 62 воспроизвожу (также по Христіановичу и съ 2 сторонъ) *Gsbah* (*хе-бабъ*), — «большая флейта изъ тростника» по приложенному у Христіановича объясненію. Хранящійся въ Брюссельскомъ музеѣ алжирскій *kesbate* или *quesbate* (отвертіе дульца и противоположный конецъ ствола открыты) длиною 0,64 м., имѣетъ 6 отверстій по верху.

Ходъ:

Рис. 61 и 62.

По Размазде *хабабехъ* — флейта меньшей величины сравнительно съ флейтою *най* (*най* имѣетъ діапазонъ отъ d^1 до a^2 или отъ a^1 до e^2 ; *хабабехъ* отъ h до c^3). Очевидно, всѣ эти названія точно не установлены, такъ какъ, въ дѣйствительности конструкція арабскихъ флейтъ одинаковая и поэтому въ одной мѣстности большую флейту называютъ *djouak*, въ другой *chababbech* или *Nay*; гораздо проще будетъ называть всѣ ихъ однимъ общимъ именемъ *Nay*. Нѣкоторые историки музыки пишутъ о томъ, что на арабскихъ флейтахъ получаютъ легко третьи доли тона: взглянувъ на рис. 61, мы можемъ въ этомъ отчасти убѣдиться, такъ какъ при умѣломъ закрываніи одного или даже обоихъ рядомъ расположенныхъ отверстій, возможно чуть-чуть повышать или понижать общій строй инструмента и, слѣдовательно, получать третьи доли тоновъ.

Вообще, какъ мы видимъ теперь, вся конструкція арабскихъ флейтъ очень близка къ китайскимъ (см. выше рис. 55 и 56) и очевидно такимъ же образомъ устроено дульце. Впрочемъ, при игрѣ, арабская флейта держится нѣсколько вбокъ, такъ что воздухъ вдвухается въ дульце угломъ губъ музыканта, (см. рис. 63, заимствованный изъ каталога Шукке Musée de Conservatoire Nationale de Musique въ Парижѣ, 1884 г.); подтвержденіемъ вѣрности позы можетъ служить видѣнная мною въ музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ картина оріенталиста Dinet, гдѣ изображены

сидящіе ночью у костра арабы, которые слушаютъ флейтиста, играющаго совершенно въ такомъ же положеніи.

Въ Брюссельскомъ музеѣ хранятся нѣсколько экземпляровъ арабскихъ *Nay*, изъ которыхъ упомяну о слѣдующихъ:

Рис. 63.

Тунисъ. Nay (открытые дутьце и противоположный конецъ) изъ тростника, дл.

0,68 м. Ходъ:

Оттуда-же: флейта со скошеннымъ дутьцемъ (въ видѣ носика) чернаго дерева, съ инкрустаціями изъ слоновой кости, дл. 0,53 м., 6 отверстій по верху, 7-е внизу.

Ходъ:

Египетъ. Nay-châh = большой най — изъ стар. колл. Сакса, тростниковый, дл. 0,74 м. По Виллото можетъ дать хроматическую гамму

Рис. 64 (какъ видно изъ этого изображе-

нія, отверстіе въ дутьцѣ сдѣлано по типу китайской флейты, см. выше рис. 56). *Nay* изъ стар. колл. Фетиса, длиною

0,825. *Тожe*, дл. 0,53 м., ходъ

Тожe, медный, дл. 0,35 м., ходъ

Алжиръ. Nay изъ стар. колл. Сакса, тростниковый, дл. 0,6 м.

Турція. Религіозныя пантомимы и пляски дервишей въ Турціи сопровождаются звуками флейтъ, изготовленныхъ изъ розоваго дерева; Велькнеръ видѣлъ въ М. Азіи фанатиковъ, плясавшихъ подъ эту музыку до полнаго изнеможенія силъ и даже до вывиха своихъ членовъ. Блестящая и рѣзко звучащая флейта пикколо заимствована въ Э. Европѣ изъ Турціи вмѣстѣ съ музыкою турецкихъ янычаръ (флейта, барабанъ, бунчукъ, «Магометово знамя», трубы и проч.)¹⁾. Въ Парижскомъ жур-

¹⁾ См. у Наумана, с. 101.

налѣ *Musica* за 1906 г. (№ 49) помѣщена статья J. Sinan «l'orchestre turc», гдѣ въ числѣ инструментовъ «турецкихъ дервишей» поименована авторомъ: «Ney—родъ маленькой флейты изъ тростника, на которой можно произвести только небольшое количество простыхъ нотъ—всего отъ 8 до 10; звукъ ея мягкій (*doux*) и полонъ меланхоли».

На *рис. 65* воспроизвожу приложенную авторомъ иллюстрацію, съ подписью «дервиши инструментисты, составляющіе турецкій оркестръ», Тамъ изображены и два игрока на флейтахъ *ney*.

Рис. 65.

Турецкое вліяніе отразилось и на Румыніи, перенесшей названіе *Nai* и *Năioui* на многотрубныя флейты, какъ это мы видѣли выше въ соотвѣтствующей главѣ (см. стр. 27).

Персія. Въ Брюссельскомъ музеѣ хранится *chabbabech*—родъ фла-жолета дл. 0,325 м., доставленный изъ провинціи *Shah*. Ходъ по 8 отверз-

тіямъ: . Хотя и возможно въ этомъ

инструментѣ видѣть наслѣдіе пастушеской флейты Мидійцевъ, но самое названіе все-таки указываетъ на всемогущее вліяніе арабовъ.

Арабское вліяніе отразилось и въ Средней Азій; черезъ Сартовъ волна его докатилась до Кульджинскаго края, такъ какъ среди обитателей послѣдняго—племени Таранчей (имѣ въ выселившихся въ предѣлы Семи-рѣческой области) употребительна флейта *Нэй*, длиною 0,535 м. По объясненію Пантусова (таранч. пѣсни, с. VIII)—Нэй дѣлается изъ китайскаго камыша и заимствована отъ китайцевъ, подъ властью которыхъ временно находилось это племя. По моему мнѣнію, однако, если самый типъ инструмента и былъ заимствованъ отъ китайцевъ, то названіе во

всякомъ случаѣ шло отъ арабовъ; таранчи подвергались столько разъ вліяніямъ различныхъ культуръ, переходя отъ русскихъ къ китайцамъ и обратно, переселяясь съ мѣста на мѣсто, что нѣтъ ничего невозможнаго въ такомъ смѣшеніи названій и понятій. Какъ китайское, такъ и арабское вліяніе очень деспотичны и всегда оставляютъ глубокіе слѣды на культурѣ покоренныхъ народовъ. Пантусовъ приводитъ свидѣтельство китайскаго писателя Сюань-Цана (начала VII в.) вообще подтверждавшаго распространѣніе флейты въ Восточномъ Туркестанѣ, «жители котораго необыкновенно искусны въ игрѣ на этомъ инструментѣ». Воспроизвожу здѣсь схематическій рисунокъ Пантусова, по которому трудно, однако, судить — какъ надо считать Таранчинскую флейту — *прямою*, или *поперечною*, потому что боковое отверстіе у нижняго конца ея (рис. 66) можетъ быть предназначен-

Рис. 66.

нымъ (какъ и въ китайской флейтѣ на рис. 56) для измѣненія тона; а у китайцевъ въ большомъ ходу оба типа флейтъ; внѣшній видъ инструмента, повидимому, близокъ къ китайской флейтѣ на рис. 1 (№ 5) изъ коллекціи Спб. Этнографическаго музея.

Прямая флейта у народовъ древности.

Въ Малой Азіи прямая флейта чрезвычайно культивировалась у мидо-персовъ, фригійцевъ, сирійцевъ и лидійцевъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ историки музыки (Амброзъ, Фетисъ, Науманъ и проч.).

Мидійскій народъ самъ по себѣ бѣдный и не очень многочисленный былъ небогатъ проявленіями музыкальной индивидуальности: пастушеская флейта (потомкомъ которой, вѣроятно, является описанный выше персидскій хабабехъ) — вотъ главный и почти единственный продуктъ его культуры. Несомнѣнно, это была флейта прямая, какъ можно судить по ея древности (поперечныя флейты составляютъ сравнительно съ прямыми позднѣйшее изобрѣтеніе) и по упомянутому персидскому инструменту.

Высокое развитіе игры на флейтѣ, бывшей самымъ популярнымъ инструментомъ народовъ этой части М. Азіи, заставляетъ вывести заключеніе, что наряду съ флейтами многотрубными и двойными, здѣсь существовали и болѣе совершенные инструменты этого рода, съ пальцевыми отверстіями по длинѣ ствола. Замѣтимъ при этомъ, что флейты поперечныя представляютъ уже явленіе сравнительно позднѣйшее (хотя

изрѣдка упоминаются и среди муз. орудій древней Греціи). Принявъ во вниманіе еще и большое разнообразіе родовъ флейтъ, указываемое древними писателями, мы врядъ-ли ошибемся, высказавъ сужденіе о томъ, что *прямая флейта* съ дутьемъ по длинѣ существовала *преимущественно среди другихъ родовъ флейтъ* у всѣхъ поименованныхъ ниже народовъ, населявшихъ М. Азію, какъ-то:

а) У *Фригійцевъ*. Судя по указанію Софокла здѣсь, кромѣ другихъ флейтъ, была еще такъ называемая *скитанія* или *флейта Эки-маса* (прим. къ Ніобеѣ), представляющая собою довольно толстый, короткій инструментъ цилиндрической формы. Очевидно, если здѣсь идетъ рѣчь не о трубѣ, то во всякомъ случаѣ о *прямой флейтѣ*.

б) У *Лидійцевъ*, во многихъ отрасляхъ культуры стоявшихъ близко къ Фригійцамъ (но только мягче и развитѣе послѣднихъ) было до 5 видовъ флейтъ *двойная, многотрубная*, и прямая: *мужская* (крупная), *женская* (средней величины) и *дѣтская* (малаго размѣра) ¹⁾. Флейты сопровождали и специально Лидійскую разновидность «плача Адониса». Черезъ Лидійцевъ флейта, вѣроятно, переходила въ различныхъ своихъ разновидностяхъ къ Грекамъ, искусство которыхъ находится въ ближайшей послѣдовательной связи съ Лидійскимъ.

в) *Сирійцы* чрезвычайно любили флейту и примѣняли какъ въ храмовой, такъ и въ свѣтской музыкѣ; во время весеннихъ празднествъ въ честь Астарты въ Сирійскомъ Герополисѣ непременно раздавались звуки *флейтъ* и цимбалъ. Специально Сирійскою была флейтовая музыка «Абобасъ» объ Адонисѣ. Выше мы уже говорили, что Сирійскихъ флейтистокъ, какъ нѣчто замѣчательное, вывезъ въ Римъ Люцій Веръ. Сирійская флейта по звуку была гораздо рѣзче и сильнѣе, чѣмъ у другихъ сосѣднихъ народовъ. На о-вѣ Кипрѣ ²⁾ флейтная музыка объ Адонисѣ называлась *Гинграсъ*, откуда и самый инструментъ получилъ названіе *гингрійской флейты*; по сообщенію Поллукса эти гингрійскія флейты были очень схожи къ Карійской дудкой (несомнѣнное указаніе на то, что флейты эти прямая, съ дутьемъ по длинѣ). Тонъ ихъ былъ довольно рѣзкій, хотя и не лишенный меланхолическаго характера. Намѣстѣ эти гингрійскія флейты примѣнялись преимущественно въ похоронныхъ процессіяхъ, но впослѣдствіи, когда перешли въ Элладу, въ Аѳинахъ возникла даже мода употреблять ихъ въ качествѣ застольной музыки во время торжественныхъ обѣдовъ, — благодаря, очевидно, силѣ звука этихъ сирійскихъ инструментовъ.

¹⁾ По Геродоту (I, 17) и Софоклу.

²⁾ Заселенномъ сирійскими—и главнымъ образомъ финикійскими колонистами.

Переходя въ Палестину, мы встрѣчаемъ такое-же обиліе флейтъ у *Финикійцевъ* и *Израильтянъ*. Первые, т.-е. финикійцы, собственно говоря и были настоящими авторами гимновъ объ Адонисѣ и почитателями ихъ спеціальной богини Астарты; поэтому все сказанное о музыкѣ Сирийцевъ и Лидійцевъ относится и къ Финикіянамъ. Прибавимъ только, что и финикійскихъ инструменталистокъ, играющихъ при храмахъ, Маркъ Антоній увезъ въ Римъ. Надобно замѣтить, что въ Финикіи преобладающимъ элементомъ въ музыкѣ вообще и въ игрѣ на флейтѣ въ частности—были женщины, — главнымъ образомъ культа Финикійской Венеры—богини Астарты. Прямая флейта здѣсь, несомнѣнно, были въ употребленіи, какъ и у всѣхъ малоазіатскихъ народовъ, на что указываетъ и описаніе гингрійской флейты о-ва Кипра, колонизированнаго Финикіянами.

Мы уже видѣли въ гл. о *двойныхъ флейтахъ*, что у *Израильтянъ* было въ употребленіи до 12 родовъ флейтъ. Различные историки музыки называютъ здѣсь — флейту *Machal*, *хамль* (малая флейта), *небакимъ* (большая) и *угабъ* (см. выше—папфлейта). Всѣ онѣ дѣлались изъ дерева, камыша и кости, и примѣнялись при богослуженіи, торжественныхъ выходахъ, процессіяхъ погребальныхъ, военныхъ и при другихъ публичныхъ, а также частныхъ торжествахъ и пиршествахъ. Очевидно, подъ этими названіями надобно подразумѣвать здѣсь, главнымъ образомъ, различныя разновидности *прямыхъ* флейтъ.

Въ древнемъ *Египтѣ* флейта была почти единственнымъ духовымъ музыкальнымъ инструментомъ; были еще трубы, но онѣ служили исключительно для войскъ. Древнее царство (2830—2530 л. до Р. Х.) знало флейту двухъ видовъ: *длинную* и *короткую*; подтвержденіе этому видимъ мы хотя бы на изображеніяхъ гробницы Имаи, верховнаго жреца Хеопса. Длинная флейта при игрѣ упиралась однимъ концомъ въ землю; короткую держали горизонтально передъ собою. Въ новомъ царствѣ ихъ обѣихъ почти совершенно вытѣснила двойная флейта. Музыкантами древняго царства были всегда лишь мужчины, и ансамбль этой эпохи составляли обыкновенно: двѣ арфы, длинная и короткая флейты и бьющій въ ладони пѣвецъ. Въ новомъ царствѣ, какъ было сказано выше въ гл. о двойныхъ флейтахъ, въ музыкѣ Египта берутъ перевѣсъ женщины. О большомъ распространеніи среди Египтянъ флейты, какъ я уже писалъ раньше, можно судить по множеству изображеній флейтистовъ на древнихъ памятникахъ, — какъ напримѣръ на гробницѣ Гизеха, гдѣ 8 флейтистовъ играютъ на инструментахъ одного типа, составляя музыкальный ансамбль.

На *рис. 67* воспроизвожу одно изъ подобныхъ изображеній, относящееся еще ко временамъ 4-й династии (первая эпоха древняго царства): т. е. около 2800 л. до Р. Х. Здѣсь мы видимъ жреца, совершающаго одинъ изъ погребальныхъ обрядовъ, причемъ играютъ арфистъ, исполнитель на танбуровидномъ инструментѣ (называемомъ *ноферъ*) и два музыканта на *длинныхъ флейтахъ*.

Рис. 67.

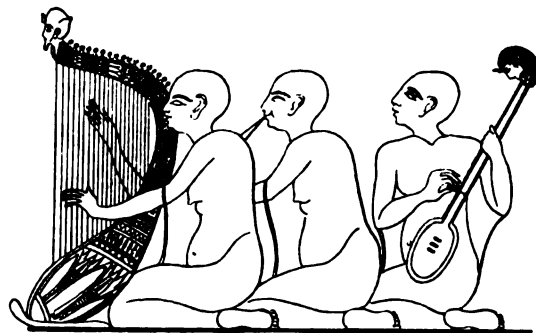

Рис. 68.

Сколько можно судить по дошедшимъ до насъ свѣдѣнiямъ, короткая флейта называлась въ Египтѣ *Монауле*, а длинная *Мемъ* или *мамъ*; судя по изображенiямъ игроковъ на послѣдней (см. *рис. 67*), амбурное отверстiе ея было расположено подобно тому, какъ это дѣлается на китайскихъ или арабскихъ флейтахъ (см. выше *рис. 56* и *63*), благодаря чему, при большой длинѣ инструмента и приходилось его во время игры держать вбокъ. На *рис. 68* среди музыкантовъ на арфѣ и танбуровидномъ инструментѣ сидитъ исполнитель, играющiй на короткой флейтѣ. (Lepsius: *Denkmäler v. Egypten u. Aethiopien. Band X. Abth. III, bl. 236*). Въ эпоху новаго царства царь Птоломей II былъ большимъ любителемъ и покровителемъ флейтовой игры, и даже самъ игралъ на этомъ инструментѣ.

Въ древней Греціи прямая флейта называлась *aulos*, флейтисты-солисты—*aulete* (аулеты); кромѣ того, акомпанировавшiе пѣнiю или декламации флейтисты носили специальное наименованiе — *aulode*. Какъ уже сказано выше, флейта въ Греціи была чрезвычайно распространена и считалась инструментомъ національнымъ. Въ VIII в. до Р. Х. она была уже во всеобщемъ здѣсь употребленiи, будучи заимствована черезъ Лидійцевъ изъ Азiи, или же, вѣрнѣе всего, непосредственно вынесена оттуда предками грековъ. Развитие игры на флейтѣ у грековъ было очень постепенное и медленное, начавшееся у пастуховъ Аркадiи; потомъ флейта сдѣлалась необходимымъ сопровожденiемъ пришедшихъ

съ востока (изъ Финикіи) элегій о смерти Адониса, затѣмъ вошла во всѣ проявленія публичной и домашней жизни грековъ, такъ что ко временамъ Персидскихъ войнъ (V стол. до Р. Х.) каждому благородно рожденному афинянину игра на флейтѣ входила въ обязательный предметъ воспитанія. Будучи сначала инструментомъ мягкимъ, элегическимъ, флейта потомъ получила значеніе сильнаго и блестящаго музыкальнаго орудія вакхическаго характера. На флейтахъ играли при богослуженіяхъ, при плачѣ объ умершихъ, на тризнахъ, при атлетическихъ играхъ и кромѣ того флейты примѣнялись еще въ греческихъ войскахъ.

Рис. 69.

Вышній типъ прямой греческой флейты сохранился коническій, какъ и на двойныхъ флейтахъ (см. рис. 69—группа музыкантовъ въ Парфенонѣ). Амброзъ приводитъ множество названій древне-греческихъ флейтъ, примѣнявшихся специально при танцахъ: *комосъ*, *буколиазмосъ*, *гинросъ*, *тетрокомосъ*, *эпифаллосъ*, *хорейосъ*, *каллиникосъ*, *полемиконъ*, *гедикомосъ*, *апноеотосъ*, *элеюй*, *коморхиосъ*, *кеніонъ*, *дейосъ* и т. д.

Какъ для каждой гаммы требовался особый строй лиры (дорійская, лидійская, фригійская, іонійская)¹⁾, такъ, очевидно, и флейты были разныхъ ладовъ, подобно тому какъ теперь мы имѣемъ духовые инструменты въ тонахъ А, В, С и т. д. Четыре названныхъ гаммы Поллуксъ считаетъ наиболѣе соответствующими древне-греческимъ флейтамъ (примѣч. IV, 10).

О томъ что игра на флейтѣ, дѣйствительно, была въ древней Греціи выработаннымъ искусствомъ свидѣлствуютъ цѣлыя школы, су-

1) Дорійскій ладъ.   Лидійскій ладъ.   Фригійскій ладъ.

Ионійскій ладъ.

ществовавшия тамъ и представлявшия каждая свой особый методъ игры на этомъ инструментѣ. Такъ, напримѣръ, во время царствованія Филиппа Македонскаго (361—336 г.г.) были двѣ флейтовыя школы, явно враждовавшия одна съ другою: *Антигомидеса* — консервативная и *Дориона* — склонявшаяся ко всему новому въ дѣлѣ обученія игрѣ на флейтѣ. (Ambros. Gesch. d. mus. I. 48).

Всеобщее распространеніе флейты повело къ рожденію въ древней Греціи музыкантовъ-профессіоналовъ на этомъ инструментѣ, нерѣдко наживавшихъ крупныя состоянія; имена нѣкоторыхъ, прославившихся въ особенности, уцѣлѣли и до нашего времени.

Древнѣйшимъ изъ такихъ виртуозовъ, сколько можно судить, былъ Промнось, жившій въ г. Оивахъ и умѣвшій играть на флейтѣ во всѣхъ ладахъ. Далѣе, около 325 до Р. Х. г., флейтистъ Никомахось прославился, какъ исполнитель пассажей невѣроятной бѣглости и сдѣлался любимцемъ своихъ соотечественниковъ (и, особенно, соотечественницъ), щедро его одарявшихъ, такъ что составилъ себѣ громадное по тому времени богатство: онъ владѣлъ самыми драгоценными и большими камнями въ Греціи. Изъ флейтистокъ прославилась искусствомъ и красотою Ламія, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ при дворѣ Птолемея Сотера (перваго изъ Птолемеевъ); послѣ сраженія при Саламинѣ въ 306 г., проиграннаго ея покровителемъ, Ламія попала въ руки побѣдителя Димитрія, — и такъ очаровала послѣдняго, что онъ забылъ воспользоваться плодами своей побѣды надъ врагомъ. Въ честь Ламіи даже воздвигнуть былъ храмъ въ Аоинахъ.

Учитель Александра Великаго — Аристотель сильно возставалъ противъ такого обоготворенія героевъ бѣглости пальцевъ, считая это направленіе «разслабляющимъ тономъ музыки», внесеніемъ въ великое искусство игривости и чувственной привлекательности; музыкальныя упражненія для развитія технической виртуозности, философъ называетъ занятіемъ, недостойнымъ свободныхъ людей, подходящимъ лишь для рабовъ. Афина-Паллада, по его мнѣнію, бросила флейту въ воду не потому, что ей показалось некрасивымъ ея отраженіе въ ручьѣ, а оттого, что флейта была инструментомъ недостойнымъ богини.

Писаль о флейтѣ и также виртуозно игралъ на ней нѣкто Аристомень, а Саколось (въ 585 г. до Р. Х.) достигъ того, что на фригійскихъ играхъ флейтисты были уравниены въ правахъ своихъ съ играющими на лирахъ.

Въ древнемъ Римѣ флейты носили мѣстное названіе *fistulae* или заимствованное отъ грековъ *Syringes* съ прибавленіемъ прилагательнаго

monocalamus ¹⁾ (однотростниковая) или *polycalamus* (многотростниковая)—смотря потому, о какомъ типѣ флейты шла рѣчь.

Рис. 70.

Какъ сказано выше въ гл. IV, въ Римѣ получила сначала преобладающее распространение двойная флейта Этрусковъ. Впослѣдствіи она была, однако, передѣлана на одноствольную прямую, несомнѣнно подъ вліяніемъ греческой *aulos*, ко времени основанія Римской Имперіи бывшую уже инструментомъ совершенно установившимся и распространеннымъ въ Элладѣ.

Одинъ изъ видовъ простѣйшей античной прямой флейты изъ тростника, подъ названіемъ *calamus pastoralis* (пастушья тростинка или пастушья флейта) изображаетъ Форкель въ своей *allg. Gesch. d. Musik.* (1788 г.) (*рис. 70*).

Во всякомъ случаѣ флейта у Римлянъ, гдѣ больше любили воинственные звуки трубъ, далеко не играла той роли, какъ на Востокѣ или въ Греціи, — и въ качествѣ общественнаго музыкальнаго орудія употреблялись только при нѣкоторыхъ торжествахъ, да иногда въ домашнемъ обиходѣ. Такъ, напримѣръ, Анулей (во II в. по Р. X.) описываетъ одну публичную процессію, устроенную римлянами въ честь богини Изиды, причемъ впереди шли юноши въ бѣломъ одѣяніи и играли на флейтахъ, издающихъ мягкій пріятный звукъ. Тотъ же писатель указываетъ на собранія Римлянъ, гдѣ можно было пріятно отдыхая за стаканомъ Фалернскаго вина, слушать игру на флейтахъ и пѣніе. Нума Помпилій былъ любителемъ флейтовой музыки и самъ игралъ на этомъ инструментѣ. Калигула, Неронъ, Геліогобаль—все любили пѣть, танцовать и декламировать подъ звуки лиръ и флейты.

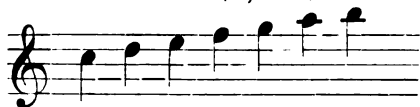
Объ увеселительныхъ хорахъ флейтистокъ въ Римѣ уже говорилось въ главѣ о двойныхъ флейтахъ. Выше мы видѣли также, что у римлянъ примѣнялись *многоствольныя*, *двойныя* и *одноствольныя* (прямая) флейты; прибавимъ еще къ этому *флейту поперечную*, которая называлась въ Римѣ *tibia obliqua*.

Съ паденіемъ Византійской (Греко-римской) Имперіи, какъ сказано раньше, флейта заглохла на нѣкоторое время; впослѣдствіи, возродившись снова въ войскахъ Западной Европы, она вылилась въ форму флейты *поперечной*. Въ Италиі римскіе пифферари и пастухи до настоящаго времени пользуются, однако, прямыми флейтами.

¹⁾ *Calamus* по латыни=тростникъ.

Въ современной Греціи до сихъ поръ существуютъ нѣсколько типовъ первобытныхъ прямыхъ флейтъ съ мѣстными названіями, описаніе которыхъ я и воспроизвожу здѣсь по каталогу Брюссельскаго музея:

1) *Флейта*, длиною 0,28 м., типа арабскаго *най*, доставленная изъ Афинъ. Сдѣлана изъ кости птицы; ходъ по 6 отверстіямъ:

2) Три экземпляра флейтъ подобаго-же типа, подъ мѣстнымъ названіемъ *sourvalia*,—2 изъ тростника и 1 изъ кости крыла пеликана, длиною 0,255 и 0,26 м.

Ходы:

3) *Sourvalia* изъ тростника, со скопленнымъ дульцемъ, дл. 0,23 м.

Ходъ по 6 отверстіямъ слѣдующій:

4) *Darvyra* изъ тростника (дульце косое, противоположный конецъ открытый. Дл. 0,43. Ходъ

5) *Floyera* тоже изъ тростника, такого-же типа; дл. 0,56.

Ходъ:

Сосѣдняя съ Греціей Румынія сохранила слѣдующіе типы прямыхъ флейтъ, хранящихся въ томъ-же Брюссельскомъ музеѣ:

1) *Флейта* съ носикомъ (родъ флажолета), деревянная, дл. 0,6.

Ходъ:

2) *Каваль*—похожъ на арабскій *Нау*, деревянный, дл. 0,695,

Ходъ:

Другой экземпляръ, длиною 0,845. Ходъ:

3) *Fluira*—флейта въ родѣ флажолета (со скошеннымъ дульцемъ и открытымъ противоположнымъ концомъ), деревянная, длиною 0,415.

4) *Flauta*—тростниковая флейта того-же типа, дл. 0,775. Ходъ:

На *Балеарскихъ островахъ*, сохранились слѣдующія флейты—прямая, типа флажолетовъ, со скошеннымъ дульцемъ, по описанію каталога того же Брюссельскаго музея:

Fabiol или *Caramillo*, деревянный народный флажолеть, дл. 0,245.

Flauta изъ тростника, дл. 0,425. Аналогиченъ съ провансальскимъ *galoubet*, о которомъ будетъ ниже.

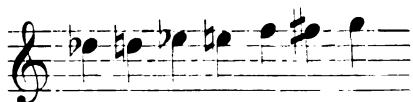
Прямая флейта въ Западной Европѣ.

Какъ было сказано раньше—послѣ паденія Византійской Имперіи флейта въ З. Европѣ не пользовалась уваженіемъ общества и осталась только въ народномъ употребленіи. Тѣмъ не менѣе, духовные писатели первыхъ вѣковъ христіанства еще упоминаютъ о флейтахъ, которыя, стало быть, не были совершенно забыты въ эту эпоху (см. въ гл. III на стр. 26 отзывы *Paedagogus* и св. *Иеронима* въ IV в. по Р. X.). Въ V и VII в. о флейтахъ упоминаютъ такъ же писатели *Cassiodor* и *Isidor (von Sevilla)*, но напримѣръ въ XII и XIII в.в. о ней нѣтъ уже и рѣчи.

Дѣйствительно, шумъ латы рыцарей, заглушавшій нѣжные звуки флейты, требовалъ примѣненія въ войскахъ болѣе звучнаго инструмента—трубъ. Флейта съ барабаномъ стала появляться въ войскахъ уже послѣ изобрѣтенія пороха; такимъ образомъ, у ландекнехтовъ и вошли въ употребленіе первыя западно-европейскія военныя флейты—сперва въ формѣ *свистковъ* или *дудокъ*, а затѣмъ въ видѣ болѣе или менѣе развитыхъ прямыхъ флейтъ (съ дульцемъ по длинѣ) различныхъ величинъ и строевъ. Онѣ и названія въ разныхъ странахъ носили различныя: *Stockpfeife*, *Plauschpfeife*, *Kernflöte*, *Whistlepipe*, *Schnabelflöte*, *Blochflöte*, *Frestel*, *Frestian*, *Flüte à bec*, *Flüte douce*, *Russpfeife*. Въ Шотландіи флейта, называвшаяся *Hispire*, *Taborpipe*, *Schwägel*, *Schwägala*—имѣла только

два пальцевых отверстія и употреблялась при игрѣ одною рукою, въ то время, какъ другою ударяли по барабану¹⁾. Въ Южной Франціи въ Провансѣ, въ провинціяхъ Басковъ и въ Бернѣ до сихъ поръ сохранился подобный же приемъ игры на флейтѣ съ акомпаниментомъ *тамбурина*, подъ именемъ котораго подразумѣвается здѣсь струнный инструментъ, — одна изъ разновидностей цимбалъ. Самая флейта называется *galoubet* или *chirula* (по нѣмцаки — *stamentien-Pfeiff*). Сохраняющійся въ Брюссельскомъ музеѣ деревянный экземпляръ *galoubet* изъ старинной коллекціи Фетиса имѣетъ три пальцевыхъ отверстія, расположенныхъ два на одной сторонѣ и третье на противоположной. Несмотря на свою простоту, инструментъ этотъ можетъ дать хроматическую гамму въ *re* искусственнымъ подборомъ закрыванія тѣхъ или другихъ отверстій²⁾:

Устройство носика *galoubet* подобно флажолету, т. е. съ пробкой (свисткомъ) Общая дл. 0,32 м. Другой экземпляръ *galoubet*, приобрѣтенный тѣмъ же музеемъ въ составѣ стар. кол. Тольбека, дл. 0,3 м. даетъ гамму, разнящуюся отъ только что воспроизведенной на полтона. При игрѣ *galoubet* берется въ правую руку, обхватывающую тамбурина (по мѣстному названію *tambourina*, *tountuna*), въ то время какъ палочкой, взятой въ лѣвую дѣлаются удары по струнамъ послѣдняго,

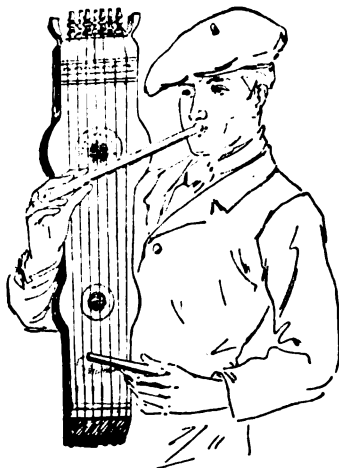

Рис. 71.

настроеннымъ въ квинту. Воспроизвожу на *рис. 71* изображеніе этого приема игры, какъ онъ практикуется въ странѣ Басковъ, а также и нотный примѣръ исполненія популярной мѣстной пѣсни, записанный въ г. Байоннѣ проф. музыкальной школы г. Л. Абади. (*Magillon, Catal. I, 375*).

¹⁾ Въ этомъ именно видѣ, несомнѣнно, и начали примѣнять флейту съ барабаномъ въ войскахъ, а потомъ раздѣлили оба инструмента по разнымъ исполнителямъ: такимъ образомъ постепенно выработался музыкальный ансамбль (флейта пикколо съ барабаномъ), и понынѣ употребляющійся въ войскахъ.

²⁾ Для всѣхъ такихъ искусственныхъ звуковъ у Магильона приведены подробныя таблицы комбинированія закрытыхъ и открытыхъ голосовыхъ отверстій; разсмотрѣніе ихъ уже выйдетъ изъ предѣловъ настоящаго изслѣдованія, а потому желающихъ ознакомиться съ этимъ подробнѣе, я и отсылаю къ первоисточнику. (*Magillon, Catal. I. p. 243*).

Флейта
(chirula).

Тамбуринъ
(tountuna).

¹⁾ А. Додэ въ „Нума Руместавъ“ дѣлаетъ прекрасное описаніе игры знаменитаго провансальскаго артиста на тамбуринѣ. Самъ уроженецъ Юга Франціи, писатель неоднократно имѣлъ, конечно, случай и возможность наблюдать игру тамбуринеровъ; поэтому привожу его описаніе очевидца, какъ нельзя лучше характеризующее инструменты и исполненіе: „онъ держалъ свой длинный и легкій тамбуринъ, привѣшенный на ремнѣ лѣвой рукой, поднося ея же къ губамъ маленькую дудочку, пока правой рукой онъ игралъ на тамбуринѣ, съ смѣлымъ видомъ, выставивъ впередъ ногу. Маленькая дудочка пронзала воздухъ, точно цѣлый концертъ кузнечиковъ, вполне подходя къ этой чистой атмосферѣ, въ которой все звенитъ, тогда какъ тамбуринъ, своимъ густымъ звукомъ, аккомпанировалъ аріи и ея фіоритурамъ... Кромѣ того, этотъ Вальмажуръ не былъ обыкновеннымъ тамбуринеромъ, однимъ изъ тѣхъ вульгарныхъ гудочниковъ, которые подхватываютъ мотивы кадрили или кафе-шантаннѣе напѣвы и опошляваютъ свой инструментъ, желая настроить его на современный ладъ. Сынъ и внукъ тамбуринеровъ, онъ игралъ лишь національныя пѣсни, тѣ пѣсни, которыя старыя бабушки мурлыкаютъ вечеркомъ; онъ звалъ ихъ массу и неумоимо перебиралъ одну за другой. Послѣ старинныхъ рождественскихъ пѣсенъ въ темпѣ менуэтовъ, онъ игралъ „Маршъ королей“, подъ который Тюреннъ завоевалъ и сжегъ Палатинатъ. На всѣхъ ступенькахъ, на которыхъ только что раздавались веселыя припѣвы, наэлектризованная толпа выбивала тактъ руками и головами, не отступая отъ этого великолѣпнаго ритма, который проносился точно порывъ мистрала посреди огромной тишины цирка, нарушаемаго лишь отчаяннымъ свистомъ ласточекъ, кружившихся во всѣ стороны тамъ, наверху, въ зеленоватой лазури, встревоженныхъ и восхищенныхъ, какъ-бы стараясь разобрать, какая такая невидимая птица бросаетъ въ пространствѣ эти пронзительныя ноты“... „Она посмотрѣла на тамбуринъ, на его палочку съ наконечникомъ изъ слововой кости, удивляясь легкости этого инструмента, составлявшаго фамилную собственность вотъ уже двѣсти лѣтъ, орѣховый корпусъ котораго, украшенный легкими скульптурными мотивами, лоснящійся, стершійся и звучный, казался гибче отъ давности существованія. Всего болѣе восхищалась она дудочкой, наивной деревенской флейтой съ тремя дырочками прежнихъ тамбуринеровъ, къ которой Вальмажуръ вернулся изъ уваженія къ стариннымъ преданіямъ и которой онъ научился управлять благодаря своей ловкости и терпѣнію“... „Затѣмъ раздался крикъ: „фаравдолу“... Въ одну минуту циркъ оказался переполненнымъ деревенской толпой... Подъ звуки тамбурина эта толпа выстроилась въ ряды, распредѣлилась вереницами, выдвинувши

Преториусъ приводитъ родъ англійскихъ galoubet, называя три типа инструментовъ, составляющихъ одно семейство: 1) *сопрано*, 20 дюймовъ дли-

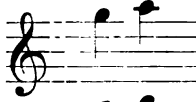

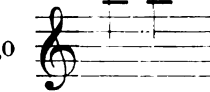
ны, строемъ отъ: до 2) *теноръ*, 26 д.
 длины
 строемъ отъ: до и 3) *басъ*,
 30 д. длины; отъ до (рис. 72—

Рис. 72.

Basse galoubet или Stamentien—Pfeiff изъ стар. колл. гр. Пьетро Корреръ (въ Венеціи), съ 3 пальцевыми отверзтіями, дл. 0,765 безъ раструба).

Какъ *galoubet*, такъ и всѣ западно-европейскія флейты, названія которыхъ приведены выше (*stockpfeife*, *kernflöte*, *flüte douce* и т. д.) представляли, въ сущности говоря, болѣе или менѣе сходныя между собою разновидности одного инструмента—*чакана* или *флажолета*, въ которомъ онѣ всѣ и объединяются; главнымъ характернымъ признакомъ этого рода флейтъ, какъ сказано, является дульце, которое *вездѣ имѣетъ свистокъ*, т. е. пробку съ оставленною въ ней узкою щелью и поперечнымъ отверзтіемъ подъ послѣдней,—для того, чтобы, какъ объяснено еще въ предисловіи, струя вдуваемаго воздуха разбивалась объ острый край этого отверзтія. Всѣ вообще западно-европейскія флейты изготовлялись изъ бука, черного дерева, клена, кости, рѣже изъ тростника, рога и проч.

Вотъ описаніе нѣсколькихъ экземпляровъ старинныхъ флейтъ, находящихся въ Брюссельскомъ музеѣ:

Бельгійская тростниковая флейта изъ старой коллекціи Фегиса,

ноги и взявшись за руки, флейта запѣла трель и весь циркъ дрогнулъ; и фарандола подъ танцорами медленно тронулась, извиваясь кольцами, приплясывая почти на мѣстѣ, наполняя смутнымъ гуломъ, шелестомъ платьевъ и громкими дыханьями огромное отверзтіе выхода, въ которое она мало-по-малу проникала. Вальмажуръ слѣдовалъ за нею ровнымъ, торжественнымъ шагомъ, причемъ на ходу подталкивалъ свой тамбуринъ колѣномъ и игралъ все громче и громче, по мѣрѣ того, какъ плотная толпа народа, наполнившая арену, наполовину тонувшую уже въ голубоватой дымкѣ сумерекъ, развертывалась точно катушка золотыхъ и шелковыхъ нитокъ“.

длиною 0,34 м.; ходъ: (Рис. 73). Большая *flûte douce* (дл. 1 м.) изъ той же колл., ходъ:

Флютетъ или *Arigot-flageol*, также изъ Бельгiи. Репродукцiя инструмента изъ рога барана 1608 г. Это флейта, акомпанировавшая барабану. Длина 0,154 м. Ходъ (по 6 отв.):

Нѣмецкая flûte douce изъ стар. колл. Фетиса, длину 0,51 м., 6 отв. по верху и 7-е на противоположной сторонѣ.

Рис. 73.

Старинный типъ XVI—XVII в.в. (Рис. 75).

Въ ниже-рейскихъ провинцiяхъ въ Германiи до сихъ поръ примѣняется «*майская флейта*», которую мѣстная молодежь ежегодно вырѣзаетъ себѣ изъ тростника или древесной коры.

Изъ *французскихъ* экземпляровъ назову *флютетъ* изъ чернаго дерева, инкрустированный костью, дл. 0,175 м., ходъ:

Рис. 74.

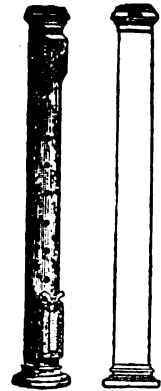
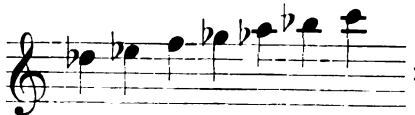

Рис. 75.

флютетъ изъ кости, съ самымъ низкимъ тономъ ; *флажолетъ* дл. 0,42 м., съ самою низкою ноткою (изъ стар. колл. Тольбека) и т. д.

Къ концу среднихъ вѣковъ флейты, имѣвшiя сначала 4 а потомъ и 6 пальцевыхъ отверстiй, получили внѣшнiй видъ, напоминающiй нынѣшнiе кларнеты, т. е. къ нимъ стали придѣлываться раструбы, — или стволы инструментовъ начали книзу расширяться. До XVI в. обыкновенно игралось только въ предѣлахъ одной октавы.

Уже съ XIII вѣка странствующіе флейтисты, называвшіеся *fistulares* (въ отличіе отъ *figellatores*—скрипачей) и причислявшіеся къ довольно презираемому сословію *Spielleuten*—забавниковъ, скомороховъ,—начали объединяться въ союзы на почвѣ ихъ общихъ профессиональныхъ интересовъ. Они селились по городамъ, гдѣ или приписывались къ существующимъ уже цехамъ, или-же образовали отдѣльныя гильдіи. Мало-по-малу, всѣ бродячіе музыканты среднихъ вѣковъ теряются въ этихъ гильдіяхъ, достигши, наконецъ, правъ гражданскаго существованія,— вмѣсто положенія парій, исключенныхъ изъ общества и толкающихся по всему свѣту. Такимъ образомъ, во Франціи, Англіи и Германіи возникаютъ братства и общества: *menestiers* или *menestriers* (играющихъ на смычковыхъ инструментахъ)¹⁾ и *Stadt-pfeifer* (городскіе дудочники, т. е. играющіе на духовыхъ инструментахъ); послѣдніе въ XV и XVI вв. во многихъ мѣстахъ называются также *городскими рожечниками* (*Stadtzinkenisten*) и *трубачами ратуши* (*Rathstrompeten*). Эти цеха, развившіеся въ самостоятельную корпорацію только при императорѣ Максимилианѣ I, имѣли свои уставы, свой особый костюмъ и свои праздничные дни (въ Германіи, на примѣръ, Троицынъ день, 15 Августа и 8 Сентября—были праздниками цеха музыкантовъ). Странствующіе и городскіе музыканты считались находящимися подъ особою защитою и покровительствомъ Мадонны, изображеніе которой они носили на груди въ видѣ серебрянаго амулета.

Къ старѣйшимъ цехамъ музыкантовъ на духовыхъ инструментахъ принадлежало основанное въ 1288 г. въ Вѣнѣ братство св. Николая; съ 1354 по 1376 г. оно находилось подъ покровительствомъ имперскаго казначея Петра фонъ-Эберсторфъ; онъ назывался поэтому *фогтомъ* (*старшиною*) *музыкантовъ*. Должность эта при немъ превратилась послѣ въ званіе *Ober-Spielgrafenamt*. Здѣсь чинились судъ и расправа надъ всѣми странствующими музыкантами австрійскихъ владѣній. Учрежденіе это въ 1777 г. пыталась—хотя и тщетно—преобразовать въ духъ времени Марія Терезія, и, наконецъ, оно совсѣмъ закрылось при императорѣ Іосифѣ II въ 1782 г.

И въ другихъ германскихъ областяхъ цехи *городскихъ рожечниковъ*, вмѣстѣ съ цехами художниковъ, стали подъ защиту власти, въ лицѣ

---

¹⁾ Французскіе скрипачи основали въ 1330 г. въ г. Парижѣ знаменитѣйшее братство: „*confrerie de St. Julien des Ménestriers*“, имѣвшее свою церковь и собственный домъ. До половины XVIII в. въ Парижѣ еще существовала Rue St. Julien du Menestriers. Въ 1789 г. дѣла этой корпораціи по распоряженію французскаго учредительнаго собранія были уничтожены, имущество распродано, а зданія частью проданы, частью разрушены.

попечителя, ими самими избираемого,—или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, назначаемаго правительствомъ. Эти попечители, въ свою очередь, выбирали изъ своей среды такъ называемаго *короля свирльщиковъ*, который на языкѣ официальныхъ учреждений (съ каковыми имъ приходилось соприкасаться), носилъ наименованіе *Vicarius* или *Locumtenente*. Онъ надзиралъ за всѣми музыкантами въ городахъ своей страны, а также не долженъ былъ допускать тамъ промысла бродячихъ скомороховъ («дудочниковъ, барабанщиковъ, скрипачей, рожечниковъ или иныхъ обладающихъ искусствомъ препровожденія времени»), не вступившихъ въ члены братства. Городскіе дудочники извѣстныхъ дистриктовъ собирались по временамъ на такъ называемый праздникъ дудочниковъ—*Pfeifertag*, куда сходились и члены суда: староста, 4 мастера, 12 присяжныхъ и 1 приказный служитель; этотъ судъ каралъ проступки цеховыхъ членовъ и прекращалъ возникавшіе споры. Последнимъ изъ членовъ подобнаго цеха былъ жившій еще въ 1838 г. въ Страсбургѣ дирижеръ оркестра скрипачъ Лоренцъ Шаппюй (*Chappuy*), а послѣднія сходки совершались въ 1700 г. въ Эльзасѣ въ городахъ Раппольвейлерѣ, Альтенахенѣ и Бишвейлерѣ¹⁾.

Изъ «*городскихъ дудочниковъ*» (*Stadtpfeifer*) впоследствии развились и донынѣ еще кой-гдѣ существующіе въ Германіи и Франціи городскіе оркестры *Stadtcapelle* и *musique municipale*; даже *флажолетъ* и *чаканъ* сохраняются иногда въ инструментальномъ составѣ этихъ капеллъ.

Городскимъ дудочникамъ вмѣнено было въ обязанность играть при общественныхъ празднествахъ и торжествахъ; но зато имъ и предоставлено было право занимать играть на свадьбахъ и въ частныхъ домахъ бюргеровъ. Нѣкоторые музыканты, однако, предпочитали вмѣсто городскихъ цеховъ поступать въ банды ландскнехтовъ, гдѣ они образовывали группы военныхъ музыкантовъ; другіе же, менѣе выносливые и, главнымъ образомъ, виртуозы, шли на службу ко дворамъ королей и богатыхъ князей для участія въ придворныхъ пиршествахъ или музыкальных ансамбляхъ, о чемъ свидѣлствуютъ намъ многочисленныя картинки XV и XVI в.в. (см., напримѣръ, изображеніе обѣда, съ участіемъ застольныхъ инструменталистовъ въ «исторіи музыки» Наумана, стр. 244. Часть этой картинки мною воспроизведена въ изслѣдованіи о трубахъ: см. Зап. Рус. Отд. Имп. Рус. Археол. О-ва, т. VII, в. 2, с. 141, рис. 63).

На *рис. 76* воспроизвожу изображеніе такой капеллы г. Нюренберга (съ картины Альбрехта Дюрера 1514 г., висящей въ Нюренберге-

---

¹⁾ Изъ французскихъ королей-скрипачей Науманъ называетъ и приводитъ въ своемъ ист. муз. портретъ Jean Pierre Gignou (1741 г.).

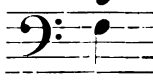
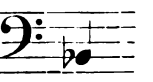
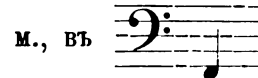
ской ратушѣ). Здѣсь, совмѣстно съ трубами и барабанами, играютъ на хорахъ церкви и двое флейтистовъ (справа, въ 1-мъ ряду; инструменты у нихъ съ раструбами, какъ у кларнетовъ).

Рис. 76.

Со 2-й половины XVI столѣтія *городскимъ трубачамъ* вмѣнено было также въ обязанность въ протестантской Германіи возвѣщать въ полночь о наступленіи великихъ празднествъ (Рождества Христова, Нового года, Пасхи и Троицы) торжественнымъ хораломъ съ высоты галлерей храмовъ. Съ XVII вѣка духовая музыка и въ частности хоры флейтъ принимаютъ постоянное участіе въ богослуженіи, паравнѣ и вмѣстѣ съ органомъ. Объ этомъ пишетъ Преторіусъ въ *Syntagma musicum* (1615 г., печ. въ Виттенбергѣ, *Theatrum Instrumentorum*) приводящій слѣдующій перечень разновидностей и строевъ прямыхъ флейтъ (*Flutes à bec, Blockflöten*):

- 1) Klein Flöten (*petit flütet*), дл. 0,14 м., въ
- 2) Flüte discant (*soprano*), дл. 0,21, въ
- 3) Flüte discant (*soprano*), дл. 0,315, въ
- 4) Flüte alto, дл. 0,42, въ

- 5) Flüte tenore, дл. 0,63, въ
- 6) Flüte basset, дл. 0,93, въ
- 7) Flüte basse, дл. 1,42, въ
- 8) Flüte contrebasse, дл. 1,96 м., въ

Или: *Quartdecima, Discantflöte, Quintdecima, Altflöte, Tenorflöte, Quartflöte, Bassettflöte, Bassflöte, Grossbassflöte*. Этотъ составъ прямыхъ флейтъ, издававшихъ отъ 13 до 18 тоновъ и примѣнявшихся для игры въ церквахъ вмѣстѣ съ органомъ, стоилъ въ Венеціи 80 талеровъ. Составъ специально флейтоваго хора былъ въ 21 инструментъ: № 1—2, № 2—2, № 3—2, № 4—4, № 5—4, № 6—4, № 7—2, № 8—1.

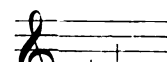
Merseme указываетъ на два флейтовыхъ ансамбля, называя вообще прямую флейту—*flüte d'Angleterre*: а) малый—*dessus de flüte douce; Taille de flüte douce; Haut-contre de flüte douce* и *Basset*. б) большой—*dessus, taille, haute-contre, basse*.

Всѣ эти флейты, какъ я уже говорилъ раньше, имѣютъ явственный раструбъ къ концу, т. е. видъ современнаго кларнета. Вотъ описаніе нѣсколькихъ соответствующихъ старинныхъ экземпляровъ Брюссельскаго музея:

- 1) *Нѣмецкая dessus de flüte douce* изъ кости, дл. 0,35 м.,

8 отверстій; самый низкій тонъ: (Рис. 77).
(Изъ стар. коллекціи Тольбека).

- 2) *Нѣмецкая Taille de flüte douce*, дл. 0,5 м. Изготовлена изъ кости. Тоже изъ коллекціи Тольбека. Самый низкій тонъ: (Рис. 78).

- 3) *Голландская Taille de flüte douce*, дл. 0,49 м.; деревянная, украшена скульптурою, самый

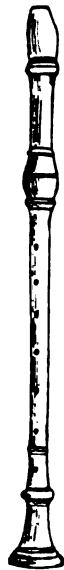

Рис. 77. низкій тонъ. (Рис. 79).

Рис. 78.

- 4) *Французская Quinte de flüte douce*, дл. 0,66 м.; изъ вишневаго дерева, инкрустирована костью, одинъ мѣдный клапанъ¹⁾. (Изъ стар. колл. Тольбека). Самый низкій тонъ: (Рис. 80).

¹⁾ Появленіе перваго клапана на флейтахъ вѣрнѣе всего будетъ отнеси ко второй половинѣ XVI вѣка.

5) *Нѣмецкая Flüte douce tenor*, дл. 0,6 м., деревянная. Нижнее отверстие двойное, какъ на флейтахъ XVII в. (для того чтобы удобно было играть тою или другою рукой; иногда одна изъ дырокъ затыкалась воскомъ). (Рис. 81).

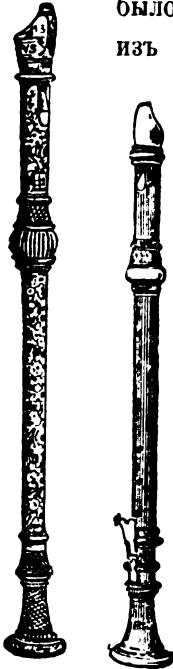

Рис. 79. Рис. 80.

Ходъ:

6) *Нѣмецкая Flüte douce tenor* изъ чернаго дерева, инкрустированная костью, съ 1 мѣднымъ клапаномъ, длиною 0,65 м., ходъ такой же, какъ и на предыдущей. (Рис. 82).

7) *Нѣмецкая Flüte douce basset*, изъ стар. колл. гр. П. Корреръ въ Венеци, съ 1 клапаномъ, дл. 0,94 м. (Рис. 83).

Ходъ:

Рис. 83.

8) *Нѣмецкая Flüte douce basse*, хранится въ городскомъ музеѣ Вероны, дл. 1,36 м., съ 1 клапаномъ. (Рис. 84).

Ходъ:

9) *Бельгійская Flüte douce basse*, дл. 1,03 м., съ 2 клапанами. (Рис. 85).

Ходъ:

10) *Нѣмецкая Flüte douce contre-basse*, хранящаяся въ Анверскомъ музеѣ; устройство аналогичное съ флейтою на рис. 84, но только прибавлены 4 мѣдныхъ клапана; кромѣ того 6 отверстій на одной сторонѣ и 7-е внизу; длина 2,62 м. (Рис. 86). Ходъ:

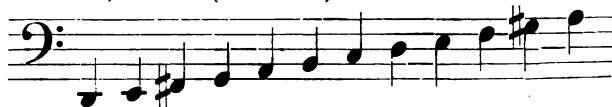

Рис. 81. Рис. 82.

На рис. 87 воспроизвожу цѣлый комплектъ прямыхъ флейтъ, въ футлярѣ, изъ Германскаго музея въ Нюрп-

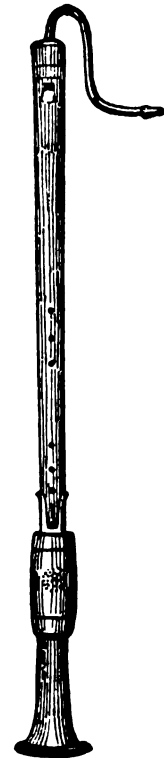
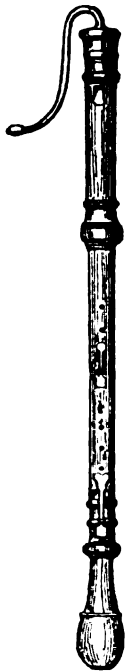
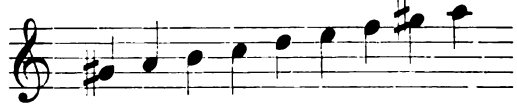

Рис. 84.

бергъ (дата XVI в.). Составъ ихъ слѣдующій: 1) *флейта сопрано*

въ *sol*, костяная; ходъ:

2) *два флейты сопрано*, въ *ре*, строемъ квинтою, ниже предыдущей; 3) *два флейты альтъ* въ *sol* октавою ниже первой; 4) *два флейты теноръ* въ *ре*, октавою ниже второй; 5) одна флейта басъ въ *sol*, съ однимъ клапаномъ, октавою ниже третьей. Длина футляра 0,96 м., наиб. шир. 0,23 м.

Такъ какъ зимою въ холодныхъ церквахъ строй флейтъ понижался, то одно время пробовали изготовлять ихъ изъ хрустала, но по хрупкости и тяжести скоро оставили. Тогда Преторіусъ сдѣлалъ головку и нижнюю часть разъемными, достигнувъ портативности складыванія въ карманъ расчлененнаго инструмента, а также и возможности подстраивать его, выдвигая немного ту или другую часть. Ch. Denner (1655—1707 г.) первый началъ сверлить флейту конически, оставляя головку цилиндрическою.

Рис. 85.

Первую школу для прямыхъ флейтъ написалъ въ 1535 году Панасси, инструменталистъ герцогской капеллы въ Венеціи. Флейта, о которой трактуется въ этой школѣ, имѣла объемъ въ 13 тоновъ.

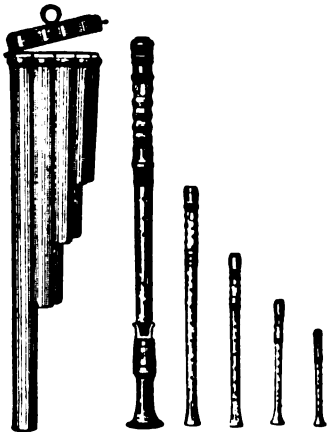

Рис. 87.

Преторіусъ называетъ слѣдующій составъ инструментовъ для оркестровъ, исполняющихъ нѣсы церковной композиціи, съ участіемъ хора флейтъ:

1) *Верхніе голоса*: рожки, віолы (дискантъ), флейты.

2) *Средняго регистра 4 голосный хоръ*: три вида флейтъ, фаготъ, тромбонъ.

3) *Нижняго регистра 4 голосный хоръ*: го- бои съ капсюлями, долціаны, поммеры, тромбоны.

4) *Струнный 4 и 5 голосный хоръ*—смычковые инструменты.

5) *Лютневый хоръ*: шпинетъ, теорба, лютня разныхъ размѣровъ, бандора.

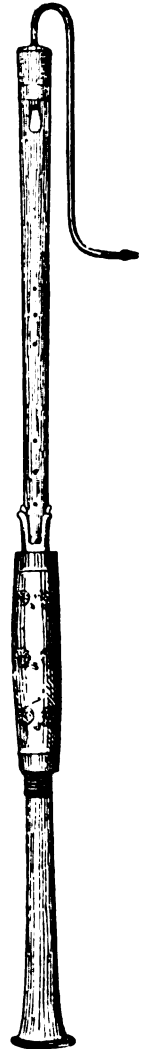

Рис. 86.

Магильонъ указываетъ на гравюры Ж. Аммана (род. въ г. Цюрихѣ въ 1593 г., умеръ въ Нюренбергѣ въ 1591 г.), изображавшаго хоры флейтистовъ въ Нюренбергѣ. Выше на рис. 76 уже была воспроизведена часть картины А. Дюрера (1514 г.), находящейся въ городской ратушѣ Нюренберга и изображающей оркестръ *городскихъ музыкантовъ*, съ участіемъ въ хорѣ прямыхъ флейтъ.

Въ XVIII столѣтіи въ Англіи признано было преимущество поперечной флейты — въ смыслѣ вѣрности интонаціи — передъ прямою, и съ этой поры послѣдняя начала выходить изъ употребленія въ серьезной музыкѣ, оставшись инструментомъ для развлечения дилетантовъ — любителей. Прямая флейта, подъ названіемъ *recordes* упоминаются еще у Шекспира въ драмѣ «Гамлетъ». Въ инструментовкѣ оперъ «Діана» (1710 г.) и «*Crösus*» (1712 г.) Рейнгардта Кейзера введена въ оркестровку *цубфало* = флейта, аналогичная съ арабскимъ *хабббехъ* или *най*. Моцартъ также писалъ партію флейты пикколо для прямой флейты въ своей оперѣ «*L'enlevement au Serail*».

Какъ любопытныя попытки усовершенствованій прямыхъ флейтъ назову:

1) Старинную нѣмецкую *Corista*: она представляетъ собою пустотѣлый стволъ (со скошеннымъ дульцемъ) длиною въ 0,28 м., въ которомъ движется втулка съ отверстіемъ; получается родъ *флейты* — *тромбона*, дающей хроматическую гамму.

2) На рис. 86 воспроизвожу приспособленіе послѣдняго времени — цилиндрическую флейту, длиною въ 0,62 м., съ 15 кольцами на стволѣ, при помощи которыхъ можно получать всѣ полутоны хроматической гаммы.

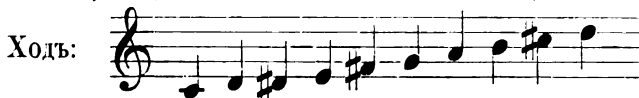

Рис. 88.

Этотъ инструментъ сдѣланъ въ Италіи М. Carlo Tommaso Giorgi въ Римѣ, а механизмъ придуманъ зубнымъ врачомъ М. Schaffner въ Веронѣ.

Въ настоящее время *чаканы* и *флажолеты* являются потомками прямой флейты и исключительно инструментами дилетантовъ. Флажолетъ наиболѣе всего привился въ Англіи. Вотъ описаніе трехъ англійскихъ флажолетовъ изъ коллекцій Брюссельскаго музея:

1) *Деревянный*, длиною 0,415 м., 8 отв. по верху и 1 внизу.

2) *Мьднѣй*, длиною 0,214 м., 6 отв. по верху и 1 внизу.

3) *Жестяной*, длиною 0,357 м., 6 отв. по верху и 1 внизу.

На рис. 89, 90 и 91 воспроиз-
вожу современныя флейты диллетан-

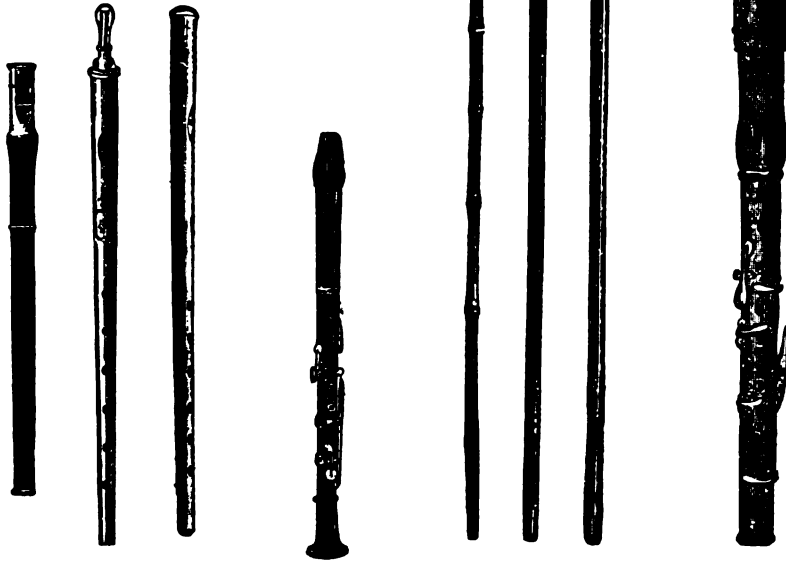

Рис. 89—90—91.

Рис. 92.

Рис. 93—94 - 95.

Рис. 96.

товъ или металлическіе флажолеты изъ никкеля, желѣза и т. п. въ тонахъ *C*, *A* и *B*; на рис. 92—чаканы изъ гренадильнаго дерева, съ головками изъ слоновой кости, съ клапанами; на рис. 93, 94 и 95—палки флейты, продающіяся въ музыкальныхъ магазинахъ отъ 1. до 12 рублей; школы для нихъ обыкновенно стоятъ около 1 рубля.

Дульца или головки большинства этихъ флейтъ очень похожи на головки арабскихъ *най* (см. выше рис. 64).

Путемъ искусственнаго открыванія однихъ и зажиманія другихъ отверстій (причемъ нѣкоторыя ноты приходится «выдуть» полегче или посильнѣе) можно на флажолетѣ безъ клапановъ производить хро-

Таблицы этих открываний и закрываний приведены в соответствующих школах самоучителях (какъ, на примѣръ, Schule für Flöten und Stock-Flöten Ch. Mathieu ¹).

Флажолетъ изъ моей коллекціи, длиною 0,38 м., имѣетъ 6 отверстій по верху и сдѣланъ изъ крашеннаго желѣза.

Такъ называемыи *Вьнскіи флажолетъ* изъ гренадилнаго дерева, съ головкой изъ слоновой кости, съ клапанами (рис. 96) представляетъ въ настоящее время самый совершенный типъ прямой флейты. Благодаря втулкѣ со щелью (въ дульцѣ), звукъ извлекается очень легко—просто вдуваніемъ, какъ и на всѣхъ флажолетахъ: гораздо легче, чѣмъ въ поперечныхъ флейтахъ, гдѣ надобно еще приучаться къ амбушуру.

VI.

Поперечныя флейты.

Изъ инструментовъ этого рода самыми первобытными надо считать хранящіяся въ музей Брюссельской консерваторіи флейты дикарей *Анлійской Гвіаны* (рис. 97). Это музыкальное орудіе представляетъ

Рис. 97.

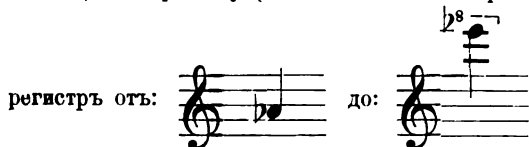
Рис. 98.

собою довольно толстый и короткій стволъ бамбука или тростника, прихотливо гравированный, съ боковымъ отверстіемъ; вырѣзъ въ $\frac{1}{4}$ окружности на одномъ изъ боковъ позволяетъ нажиманіемъ или открываніемъ пальца производить еще одинъ звукъ, кромѣ основного. Длина 0,425 м., діам. 0,035 м. Два экземпляра—одинъ изъ стар. колл. Сакса, другой изъ стар. колл. Журдана. Производитъ 2 тона:

На островахъ *Фиджи* бамбуковая флейта *Mbetoo*—oooo (рис. 98) представляетъ собою пустотѣлый стволъ, закрытый съ обѣихъ концовъ

¹ По Дробышу (нач. свѣдѣнія въ практич. муз., спб. 1836 г.) чеканъ имѣетъ

и украшенный рѣзбою. Два боковыхъ отверстія у концовъ служатъ амбушурами (т.-с. воздухъ вдувается въ то или другое). Пять отверстій по длинѣ—для пальцевъ рукъ. Дл. 0,675. Ходъ:

Простыя флейты съ 5 пальцевыми и 1 амбушурнымъ боковыми отверстіями извѣстны въ *Мексикѣ*; подъ названіемъ *Fifre* два экземпляра ихъ хранятся въ Брюссельскомъ музеѣ, одинъ длиною 0,35 м.

Ходъ—діатоническая гамма въ *до мажорь*:

другой дл. 0,37 м.; ходъ—такая-же гамма *ре мажорь*:

Въ *Китаѣ*, по свидѣтельству отца Амю (*Memoires sur la Musique des Chinois, Paris, 1779*), старинная флейта была прямая, съ 3 отверз-

Рис. 99.

тіями; затѣмъ инструментъ получилъ боковой амбушуръ посрединѣ бамбуковаго или деревяннаго ствола. Въ музеѣ Брюссельской консерваторіи хранится такой экземпляръ подъ названіемъ *Hwang-chong-tsché* (рис. 99), имѣющей амбушурное отверстіе (для вдуванія воздуха посрединѣ, а съ каждой стороны его по стволу по три пальцевыхъ дырки. Получаемая гамма:

Другой экземпляръ подъ названіемъ *Chia-chong-tché* даетъ гамму:

И. С. Алексѣевъ очевидно и говорить объ этихъ именно инструментахъ, указывая въ своей ст. «о флейтѣ», что близъ г. Благовѣщенска на Амурѣ онъ видѣлъ китайскія бамбуковыя флейты съ 10 дырочками и съ амбушуромъ почти что на половинѣ инструмента.

Нынѣче амбушуръ въ современныхъ китайскихъ флейтахъ перенесенъ на конецъ ствола, какъ и въ нашихъ европейскихъ, такъ что инструментъ принялъ типъ близкій къ поперечной нашей флейтѣ, но только безъ клапановъ. Рис. 100, заимствованный изъ путешествія 1782 г. Sonnerat представляетъ участвующихъ въ китайской процессіи

2 музыкантовъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на поперечной флейтѣ. На *рис. 101* воспроизвожу современнѣхъ бродячихъ китайцевъ—игроковъ въ Маиджуріи,—исполнителей музыки на инструментахъ, оставшихся, какъ мы видимъ, по сравненію съ предыдущимъ рис.,—безъ измѣненія съ XVIII-го столѣтія.

Рис. 100.

Рис. 101.

Выше, на *рис. 1*, среди духовыхъ музыкальныхъ инструментовъ Спб. этнографическаго музея можно видѣть подобную китайскую флейту (№ 5) «деревянная китайская флейта» (Елисѣевъ, «Изъ ист. культуры»). Точно также, на *рис. 16* первый слѣва музыкантъ духового китайскаго священнаго оркестра играетъ на поперечной флейтѣ.

Такія поперечныя флейты носятъ въ Китаѣ названіе *Ту*. Экземпляръ *Ту* изъ стар. колл. Фетиса,—одинъ изъ находящихся въ Брюссельскомъ музеѣ — тростниковая поперечная флейта, длиною 0,65 м. Ходъ:

Въ *Японіи* поперечныя флейты аналогичнаго устройства происходятъ, какъ и вся Японская народная музыка съ ея орудіями—изъ Китая. Онѣ извѣстны тамъ подъ различными названіями. Привожу описанія слѣдующихъ 3 экземпляровъ инструментовъ, изъ числа находящихся въ коллекціи Брюссельскаго музея:

1) *Riu-teki* (*Riu*—драконъ, *teki*—флейта). Классическій инструментъ съ 7 отверстіями, дл. 0,4. Ходъ (при помощи искусств. закры-

ванія однихъ и открыванія другихъ отверстій, (см. японскую таблицу у Magillon, catal, II, 86) слѣдующій:

Дано Институтомъ Музыки
въ Токио.

2) *Kota-fouye* (*kota*—корейская, *fouye*—флейта). Классическій инструментъ о 6 отверстіяхъ; дл. 0,34. Ходъ, при такихъ же условіяхъ, какъ и въ предыдущемъ экземплярѣ:

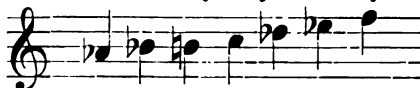
Объ эти флейты хорошей работы и богато украшены бронзовой инкрустаціей.

3) *Kagoura-fouye* (*kagoura*—игра боговъ), деревянная, съ 6 отверстіями, выкрашена въ черный цвѣтъ, дл. 0,55 м. Ходъ:

Японская таблица воспроизведенія звуковъ помѣщена у Magillon'a тамъ-же (стр. 86).

Въ *Индіи*, какъ свидѣлствуютъ историки музыки, поперечная флейты также были въ употребленіи. Дѣйствительно, въ путешествіи Sonnerat (1782 г.) приведена картинка, изображающая индусскаго бога Вишну, который играетъ на поперечной флейтѣ, съ раструбомъ на концѣ, причѣмъ его съ благоговѣніемъ слушаютъ человѣкъ и разныя животныя (рис 102). Это изображеніе изъ области индусской міоологій указываетъ на древность поперечной флейты въ *Индіи*. Подкрѣпляю этотъ рисунокъ еще описаніемъ *поперечной индусской флейты Murali* (бенг.) изъ каталога Брюссельскаго музея, гдѣ она хранится: «*Murali* фигурируетъ въ числѣ атрибутовъ бога Кришну индусскихъ легендъ... стволъ бамбука... кромѣ амбушурнаго, имѣетъ еще 6 отверстій, производящихъ слѣдующую гамму:

Длина 0,385 м.».

Рога *африканскихъ негровъ*, представляющіе, въ сущности говоря, поперечная флейты съ боковымъ амбушурнымъ отверстіемъ, расположеннымъ иногда очень близко къ срединѣ ствола, уже были мною раз-

смотрѣны въ ст. о трубахъ: изображенія подобнаго рода музыкальныхъ орудій, какъ я уже писалъ въ гл. о прямыхъ флейтахъ, можно видѣть на *рис. 1* въ числѣ экземпляровъ СПб. этнографическаго музея (*№ 2*—

Рис. 102.

рогъ негровъ изъ слоноваго клыка; № 4—рожокъ изъ рога антилопы; № 7—духовой деревянный инструментъ негровъ; № 9—большая африканская деревянная сигнальная труба въ видѣ мужской фигуры, — всѣ съ боковыми амбушурами.

Въ Египтѣ. *Monsieu* — тростниковая флейта, форму походя на арабскій *най*, но только съ боковымъ амбушурнымъ отверстіемъ; античный оригиналъ, длиною въ 0,765 м., хранится во Флоренціи въ Египетско-Этрусскомъ музеѣ. Изображенныя выше на *рис. 67* длинныя древне-египетскія флейты *мамъ* (конической формы) какъ я уже говорилъ или

поперечныя, или-же представляют собою *переходный типъ отъ прямыхъ* (которыя вообще надо считать самыми древними изъ флейтъ) *къ поперечнымъ* (т. е. амбушуръ этихъ инструментовъ расположенъ на ребрѣ ихъ дульца или близъ конца ствола).

Египтяне приписывали происхожденіе флейты своему богу Озирису. Мы видимъ, что у этого народа флейта была очень любимымъ

Рис. 103.

инструментомъ, такъ какъ здѣсь прошли почти всѣ стадіи ея развитія: 1) *древтѣйшій типъ*—прямая короткая флейта; 2) *длинная*, происшедшая отъ этой—средняя между прямою и поперечною; 3) *двойная флейта*, попавшая въ Египетъ въ періодъ новаго царства путемъ заимствованія ея отъ другихъ семитическихъ народовъ. Были, кромѣ того, и *согнутыя флейты* (*Себи* или *Photinx*). Не обнаружено до сихъ поръ въ Египтѣ только многотрубной флейты.

О существованіи поперечной флейты у другихъ народовъ древности мы не знаемъ; такъ какъ ея происхожденіе тоже древнее (хотя прямая

флейта—старше), то весьма возможно, что и она была среди многочисленных типовъ флейтъ Израильтянъ, Сирійцевъ, Лидійцевъ и проч. Но это только болѣе, или менѣе гадательное предположеніе.

Относительно *древнихъ Грековъ и Римлянъ* Фетисъ пишетъ, что долгое время считали поперечную флейту этимъ античнымъ народамъ неизвѣстною, пока не нашли, наконецъ, среди барельефовъ изображеніе гевія, играющаго на такомъ инструментѣ. Тогда поняли и древнихъ писателей, которые неоднократно дѣлали разницу между *прямою флейтою* и *флейтою косвенною* (*plagialos*) (см.: Фетисъ, муз. пон. для всѣхъ, стр. 120). У Римлянъ инструментъ этотъ также существовалъ подъ именемъ *Tibia obliqua*. Сохранились извѣстія, что античныя поперечныя флейты были однимъ изъ простѣйшихъ по внѣшнему виду инструментовъ и изготовлялись изъ тростника.

Въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. поперечныя флейты встрѣчаются въ *Византійскихъ изображеніяхъ* въ рукахъ пастуховъ. Воспроизвожу на рис. 103 и 104 двѣ такихъ фигуры изъ Кодекса и евангелія Григорія Богослова IX вѣка (см. церк. арх. Н. Покровскаго). На фрескахъ Кіево-Софійскаго собора XI ст. работы Византійскихъ художниковъ изображенъ въ числѣ прочихъ потѣшниковъ — музыкантовъ также *игрецъ на поперечной флейтѣ* (Рис. 105).

Рис. 104.

Послѣ упадка флейты, послѣдовавшаго въ Европѣ въ средніе вѣка и затѣмъ возрожденія ея въ видѣ прямой флейты,—появилась здѣсь скоро и *флейта поперечная*. Зародилась-ли она на Западѣ сама по себѣ, или же перешла въ Европу съ Востока, гдѣ и не переставала быть въ употребленіи,—рѣшить трудно за недостаткомъ положительныхъ фактовъ. Извѣстно только, что первыя поперечныя флейты появились въ Швейцаріи, оттуда перешли въ Германію и, наконецъ, во Францію. П. С. Алексѣевъ поддерживаетъ мнѣніе, что поперечная флейта была и Швейцарцами заимствована, въ свою очередь, отъ Венгровъ, такъ какъ Мадыары въ этнографическомъ отношеніи всегда стояли близко къ восточнымъ народамъ и могли сохранить у себя заимствованные ими когда-то у монголовъ музыкальные инструменты. Науманъ въ этомъ случаѣ также указываетъ на Востокъ, говоря о рѣзко звучащей флейтѣ *никколо* (т. е. по существу *флейтѣ поперечной*), перенесенной въ Европу вѣстѣ съ «музыкой янычаръ».

Судя, однако, по двумъ предыдущимъ рисункамъ (103 и 104) мы

документально можем убѣдиться, что уже въ IX вѣкѣ поперечная флейта была извѣстна въ Византіи въ народномъ употребленіи. Такимъ образомъ, у насъ окончательно устанавливается путь проникновенія поперечной флейты съ Востока въ з. Европу черезъ Византію, которая всегда была обычнымъ проводникомъ восточнаго вліянія. Оставшись въ значеніи специально народнаго музыкальнаго орудія въ продолженіи всѣхъ тѣхъ вѣковъ, пока флейта вообще была въ Европѣ въ забвеніи, этотъ именно типъ инструмента и получилъ преобладающее распространеніе при послѣдующемъ возстановленіи флейты.

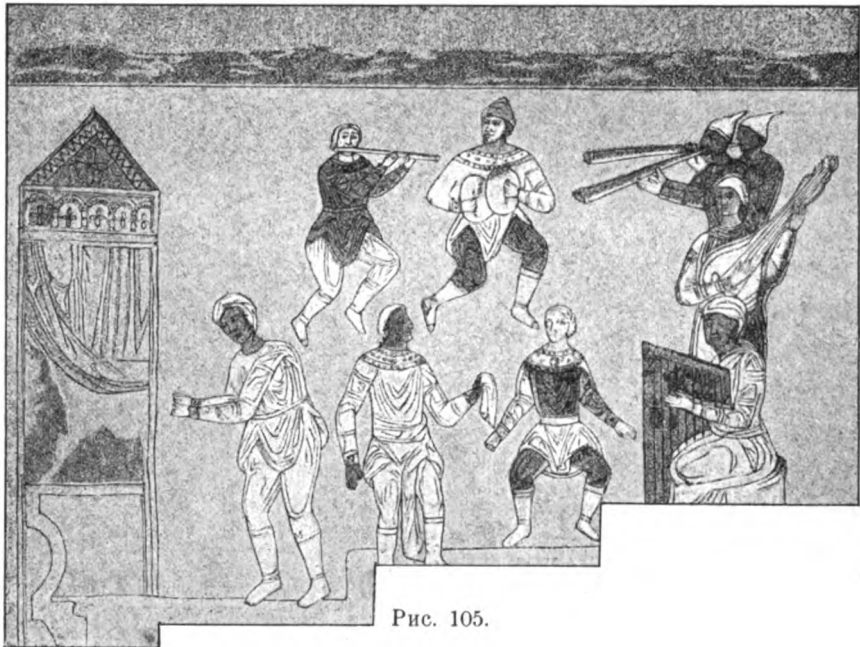

Рис. 105.

Въ V томѣ Зап. Класс. Отд. Имп. Рус. Археол. О-ва помѣщены описаніе и снимки съ собранія гравюръ Н. Д. Чечулина. На рис. 106 воспроизвожу часть лучшей гравюры знаменитаго художника Луки Лейденскаго (Lucas van Leuden, 1494—1533 г.)— «Магдалина, предающая радостямъ жизни». Здѣсь, на общественномъ празднествѣ двое скомороховъ играютъ на *поперечной флейтѣ* и *барабанѣ*. Этотъ рисунокъ современника даетъ намъ драгоцѣнное и документальное доказательство народнаго употребленія *поперечной флейты* (въ ансамблѣ съ барабаномъ) въ зап. Европѣ уже съ конца XV вѣка. Ниже, на рис. 114—117 воспроизведены музейные экземпляры З. Европейскихъ флейтъ XVI—XVII столѣтій.

Прежде всего поперечная флейта (подъ названіемъ Schweiserpiff)

распространена была по Германіи ландскнехтами графа фонъ-Целлерна и Георга Фундсберга, введшихъ первыми еѣ при своихъ отрядахъ въ качествѣ военнаго инструмента, вмѣстѣ съ барабаномъ, для чередованія съ хоромъ трубачей. За этимъ инструментомъ (т. е. поперечной флейтой), перешедшимъ затѣмъ въ Англию, такъ и осталось до сихъ поръ названіе «нѣмецкой флейты» (German flute—въ Англии). Фетисъ пишетъ, что это-же самое названіе сохранилось и во Франціи (Flûte allemande), куда поперечная флейта перешла также изъ Германіи.

Преторіусъ въ своей Synt. mus, т. е. въ началѣ XVII столѣтія, приводитъ изображеніе флейты съ барабаномъ, называя первую *Sweisser Pfeifflin*. Это наименованіе нѣмецкаго писателя—«швейцарская флейта»—указываетъ,—откуда она непосредственно заимствована въ Германію. Воспроизвожу съ XXIII таблицы Synt. mus. Преторіуса, изображеніе этого инструмента,

Рис. 106.

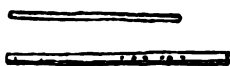

Рис. 107.

представляющаго, какъ видимъ на *рис. 107*, поперечную флейту—пикколо, безъ клапановъ, съ 6 голосовыми отверзтіями и однимъ боковымъ (амбушуръ)—у конца ствола—для вдуванія воздуха.

Въ Зальцбургѣ, въ музеѣ Carolino Augusteum хранится экземпляръ нѣмецкой флейты, под. названіемъ *Fifre* (*рис. 108*), изъ очень плотнаго дерева, длиною 0,428 м., безъ клапановъ, т. е. подобнаго-же стариннаго типа, какъ и флейта на предыдущемъ рис. Преторіуса (р. 107), съ которою эта *Fifre* имѣетъ сходство и по количеству отверзтій (6 голосовыхъ и 1 амбушурное у конца

Рис. 108.

ствола). Даетъ гамму:

На *рис. 109* помѣщаю изображеніе французской старинной военной флейты изъ соч. 1795 г. *J. B. L. Carré: Panorlie ou réunion de tout ce qui à trait à la guerre, depuis l'origine de la nation Française jusqu'à nos jours. Chalon sur Marne et Paris (Pl. XIV).*

*

Эта поперечная флейта имѣетъ то же самое простое устройство, какъ и инструменты, изображенные на двухъ предыдущихъ рисункахъ.

Рис. 109.

Флейта—пикколо съ барабаномъ дошла до нашего времени въ употребленіи арміи. Выстраивались въ опредѣленныхъ тональностяхъ, она имѣетъ лишь 4 клапана, сохраняя почти во всей чистотѣ свою первобытную простоту (рис. 110). Маршъ русскихъ войскъ

Рис. 110.

подъ высокіе звуки этихъ флейтъ—съ акомпаниментомъ глухого рокота барабановъ—переносить воображеніе къ Востоку, особенно по контрасту съ предыдущими блестящими аккордами мѣднаго хора, который во время музыки флейтъ отдыхаетъ.

Въ то время какъ въ XVI и XVII вв. прямая флейты все болѣе и болѣе распространялись и развились, наконецъ, въ цѣлыя семейства, образующія отдѣльные флейтовые хоры—самостоятельные или входящіе въ составъ другихъ оркестровъ,—поперечная флейта оставалась одна, въ формѣ барабанной пикколо.

Но вотъ въ 1746 г. въ Англіи за этимъ способомъ дутья (т. е. въ боковое отверстіе) признано было преимущество — въ смыслѣ болѣе вѣрной интонаціи поперечной флейты сравнительно съ прямою; точно также и самый тембръ звука, болѣе густой и полный, превосходившій прочіе деревянные инструменты той эпохи, окончательно установилъ въ музыкѣ общества преобладаніе поперечной флейты, которая и стала развиваться въ ущербъ прямой, утратившей скоро всякое музыкальное значеніе. Въ настоящее время, собственно говоря, подъ именемъ *флейты* и подразумѣвается исключительно *флейта поперечная*.

Въ 1726 г. у поперечной флейты были извѣстны два клапана; въ 1740 г. ихъ было 4; въ 1792 г.—6 клапановъ, а потомъ, позже, Charles Nicolson въ Англіи увеличилось количество ихъ до 8. ¹⁾

Въ 1752 г. придворный музыкантъ и учитель Фридриха II (Великаго) Кванцъ примѣнилъ къ флейтѣ цилиндрическія вытяжки (Stimmzug), какъ въ телескопѣ,—дозволяющія ее выстраивать (родъ вставной трубки, которую выдвигаютъ, если флейта нагрѣлась и начинаетъ повышать: прибавляя ей длины, восстанавливаютъ такимъ образомъ равновѣсіе). Фрид-

¹⁾ Появленіе перваго клапана на флейтахъ вообще надо отнести къ началу XVII и во всякомъ случаѣ не раньше второй половины XVI в. (см. выше въ главѣ о прямыхъ флейтахъ).

рихъ Великій былъ страстнымъ любителемъ флейты и въ домашнемъ своемъ кругу почти ежедневно давалъ концерты, почетными гостями которыхъ были всѣ заѣзжіе знаменитые артисты. Флейту свою онъ звалъ «принцессою», и оставилъ до 100 пьесъ, сочиненныхъ имъ для этого инструмента.

Послѣ Кванца надъ усовершенствованіемъ флейты работали многіе музыкальные мастера, изъ которыхъ назову слѣдующихъ, особенно выдающихся: въ Англіи—Carte, Radcliff, Rockstro, Ioseph Tacet (просверлившій 10 отверстій и придѣлавшій 4 клапана къ флейтѣ); въ Германіи: G. Tromlitz въ Дрезденѣ (1726—1805), A. Fürstenau (1792—1852) и, наконецъ, Theobald Böhm въ Мюнхенѣ (1794—1881 г.). Послѣдній сдѣлалъ флейту съ конической головкой и 15 клапанами особенно совершеннаго механизма, снабженныхъ пружинами. Бёмовскія флейты (рис. 111 и 112) имѣютъ преимущественное распространение въ С. Германіи,

Рис. 111.

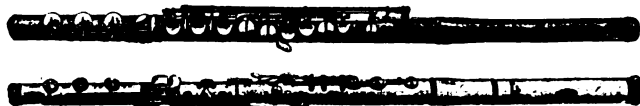

Рис. 112.

Франціи и Америкѣ; цѣна имъ въ обычной продажѣ отъ 50 до 100 руб. Многіе выдающіеся флейтисты считаютъ, однако, лучшими флейты съ коническими головками, усовершенствованными г. Шведлеромъ, по указаніямъ котораго инструменты изготовляются въ Лейпцигѣ музыкальнымъ мастеромъ Карломъ Круспъ. Вообще, первоначальное увлечение Бёмовскими флейтами начинаетъ проходить.

Во Франціи флейту разрабатывали инструментальные мастера Tulau (1780—1865 г.) и Grampon. Въ Россіи въ С.П.Б. въ муз. фирмѣ Ю. Г. Циммерманъ служитъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ свѣтѣ мастеровъ флейтъ, кларнетовъ и гобоевъ—чехъ г-нъ А. Герль.

Въ заключеніе этой главы воспроизвожу нѣсколько экземпляровъ старинныхъ 3. Европейскихъ поперечныхъ флейтъ, хранящихся въ музеѣ Брюссельской Консерваторіи:

1) *Итальянская флейта* въ тонѣ до (рис. 113), длиною 0,625 м., съ 4 серебряными клапанами, воспроизводящими ноты:

Ходъ (по шести пальцевымъ отверстіямъ) слѣдующій:

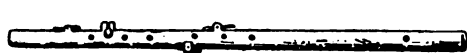

Рис. 113.

2) *Французская флейта* изъ стар. колл. графа Пьетро Корреръ (въ Венеціи). *Рис. 114.* Очень старинный типъ (XVI столѣтія), поясняящій предыдущіе рисунки 106 и 107; безъ клапановъ, съ 6 пальцевыми отверзтіями. Длина 0,716 м., діаметръ 0,018 м.

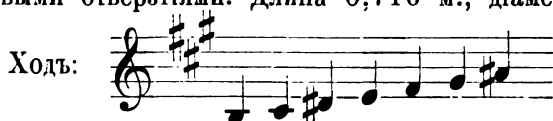

Рис. 114.

3) *Бельгійская Canne flûte*, работы мастера Duprè à Turnani (1790—1862 г.), деревянная, съ 1 клапаномъ и головкою изъ слоновой кости.

Длина 0,93 м. Ходъ

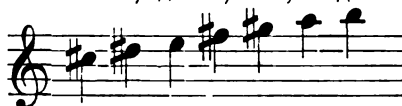

о клап. 1 2 3 4 5 6

4) *Итальянская флейта* (тоже изъ коллекціи гр. П. Корреръ), съ датую XVI в., дл. 0,4 м., ходъ:

Рис. 115.

(6 пальцевыхъ отверзтій, безъ клапановъ). *Рис. 115.*

Итальянская флейта басъ изъ городского музея въ Веронѣ, деревянная, дл. 0,86 м. (до центра амбушурнаго отверзтія), и 0,907 м. общей длины, съ 6 пальцевыми дырками, безъ клапановъ; по конструкціи совершенно аналогична изображенной на *рис. 114.*

Рис. 116.

6) *То-же и оттуда-же*, общая длина 1,003 м.; при помощи мѣднаго кольца флейта можетъ нѣсколько раздвигаться. *Рис. 116.*

Рис. 117.

7) *То-же и оттуда-же* (*рис. 117*), съ двумя двойными пальцевыми отверзтіями—для игры правой или лѣвой руками. Общая длина 1,088 м.

8) *Нѣмецкая костяная флейта*, съ 6 отверстіями для пальцевъ и 1 клапаномъ, дл. 0,62 м. Ходь:

9) *Англійская флейта* въ тонѣ до, деревянная, съ 1 серебрянымъ клапаномъ, дл. 0,615 м. Ходь, какъ у предыдущей.

Въ настоящее время флейты приготовляются обыкновенно изъ чернаго (гренадильнаго) дерева, иногда съ головками изъ слоновой кости, или же дѣлаются цѣликомъ изъ слоновой кости; число клапановъ отъ 1 до 13, обыкновенно изъ серебра. По большей части флейты изготовляются въ опредѣленныхъ тональностяхъ (*C*, *B* и др.), что дозволяетъ сокращаетъ количество клапановъ. Цѣны: *пикколо* или *барабанныя флейты* отъ 1 р. 50 к. до 10 р.; *обыкновенныя флейты* (въ футлярахъ) отъ 2 р. до 250 рублей. На рис. 118 и 119 воспроизвожу два типа современныхъ флейтъ—съ 1 и 9 клапанами.

Рис. 118.

Рис. 119.

Итакъ, поперечная флейта черезъ Византию проникла съ Востока въ З. Европу, гдѣ и привилась сначала въ Швейцаріи; отсюда ея заимствовали Германцы, отъ которыхъ она перешла потомъ во Францію и Англію. Въ народномъ употребленіи мы видѣли ея выше въ Византии уже съ IX ст. по Р. Х., а въ З. Европѣ съ XV вѣка.

VII.

Изогнутыя и носовыя флейты.

Такія формы представляютъ собою ничто иное, какъ разновидности прямой или поперечной флейты на пути образованія и развитія этого инструмента. Выставляю ихъ въ отдѣльную главу въ виду внѣшнихъ особенностей типовъ у первобытныхъ народовъ часто весьма курьезныхъ.

Рога *африканскихъ негровъ*, въ сущности говоря, представляютъ собою изогнутыя флейты по природной формѣ рога животного. (См. выше *рис. 1*, №№ 2 и 4).

У *Египтянъ* кривая загнутая флейта называлась *Photinx* (по Рейсману). По Размадзе—длинная согнутая флейта Египтянъ называлась *Себи*.

У *Израильтянъ* былъ изогнутый на концѣ *рогъ шофаръ*, и теперь еще употребляющійся при богослуженіяхъ въ день Пасхи (см. мое изслѣдованіе о трубахъ въ т. VII в. II. зап. рус. отд. Имп. рус. арх. о-ва *рис. 34*—рогъ шофаръ, *рис. 7, 11*—изогнутыя трубы Индусовъ и др.).

У римлянъ извѣстна загнутая на концѣ труба *lituus*, перешедшая къ французамъ подъ именемъ *litue* (см. тамъ-же, *рис. 46*).

Въ *Западной Европѣ* въ средніе вѣка и позже, кромѣ римскихъ трубъ *lituus*, были еще и язычковые инструменты съ загнутыми концами, носившіе названіе въ Германіи *Крумбгорнеръ* (Krumbhorn), а во Франціи и Италіи *Cromorne*. Въ Италіи былъ извѣстенъ *Tournebout* (съ двойнымъ гобойнымъ язычкомъ), изогнутый въ видѣ буквы П.

Экземпляры *замутыхъ флейтъ* 3. Европы находятся и въ Брюссельскомъ Музеѣ,—какъ на примѣръ французская поперечная *флейта—басъ* (изъ стар. колл. Тольбека), длиною 1,26 м. (*рис. 120*). Диапазонъ ея—октавою ниже обыкновенной флейты въ *si ♭* (В). Три отверстія, закрываемыя пальцами рукъ, остальныя пять съ клапанами. Амбшурное отверстие боковое, на загнутомъ концѣ инструмента. Совершенно такового типа *англійская флейта—басъ* изъ дерева, инкрустированная слоновой костью, съ клапанами, (работы 1810 г.). Общая длина 1,10 м. Ходъ:

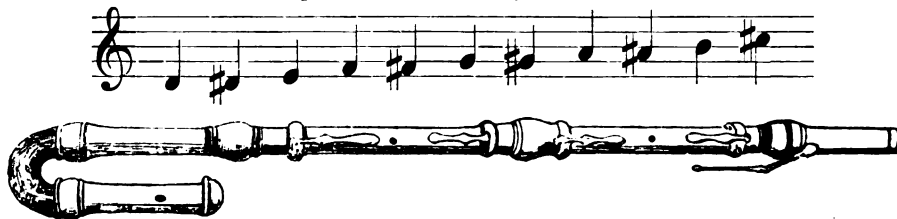

Рис. 120.

Выше, на *рис. 72* (англійскій Galoubet) и на *рис. 84, 85 и 86* (старинныя басовыя зап. европейскія флейты) мы видѣли, въ сущности говоря, тоже *флейты изогнутыя*, отличающіяся отъ инструмента только что изображеннаго на *рис. 120* лишь дутьемъ по длинѣ ствола.

Носовыя флейты существуютъ у первобытныхъ народовъ или какъ первобытный вариантъ игры, или же въ качествѣ специальныхъ орудій музыки. Размадзе пишетъ, что «одинъ изъ самыхъ древнихъ флейтъ (въ Индіи) *базаря* имѣла 7 отверстій, и настолько легко издавала тоны, что на ней играли островитяне Индіи носомъ». (См. «оч. ист. муз.» стр. 29).

На *островах Самоа* Папуасы имѣютъ носовыя флейты, двѣ изъ которыхъ хранятся въ Спб. Этнографическомъ Музеѣ: въ нихъ дуютъ поочередно одною изъ ноздрей (см. Путеводитель музея, шкапъ 34, на нижней полкѣ).

На *Сандвичевыхъ островахъ* также есть новая флейта съ 3 дырочками, воспроизводящими слѣдующій ходъ:

(См. Ambros. *Gesch. d. Mus.* 2 Auflage, 1880. 1. s. 9).

На *островахъ Новой Каледоніи* носовая изогнутая флейта готовится изъ ствола тростника, имѣетъ одно боковое амбушурное отверстіе и другое для закрыванія пальцемъ руки. Длина экземпляра этой флейты, хранящагося въ Брюссельскомъ музеѣ, — 1,06 м. (*рис. 121*).

Рис. 121.

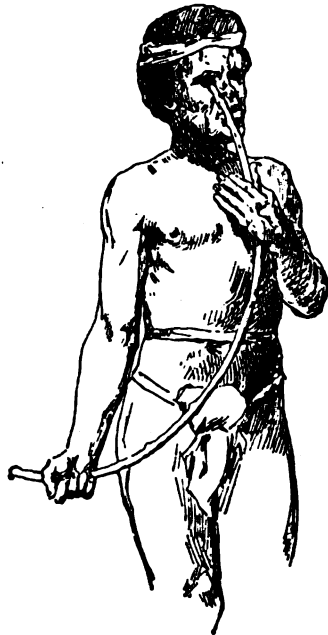

Рис. 122.

Рис. 123.

На *рис. 122* воспроизвожу изъ каталога Магильона (т. 1, стр. 410) способъ игры на этомъ инструментѣ.

На *островахъ Фиджи* носовыя флейты дѣлаются изъ бамбука. Экземпляръ изъ колл. Фетиса, хранящійся въ Брюссельскомъ музеѣ, длиною 0,425 м., украшенъ рѣзбою. Стволъ прямой. Амбушурное отверстіе боковое, а на нѣкоторомъ разстояніи—другое отверстіе, позволяющее посредствомъ пальца руки получать на инструментѣ 2 тона:

Воспроизвожу на *рис. 123* изъ каталога Магильона (т. I, стр. 177)

изображение игрока на носовой флейтѣ съ о-вовъ Фиджи, въ свою очередь заимствованное имъ изъ журнала «The Illustration London news» 8 марта 1873 г. Мѣстное названіе этой флейты *фано-фано*.

Носовыя флейты употребляются туземцами и на Маркизовыхъ островахъ (архипелагъ Нука-Гива).

Носовая флейта *Гавайскихъ острововъ* изготовляется по обыкновенію изъ бамбука, причемъ звукъ также производится черезъ боковое амбушурное отверстіе. Для пальца имѣется еще 1 отверстіе по длинѣ ствола. Экземпляръ Брюссельскаго музея имѣетъ дл. 0,385 м. и даетъ тона: . Обычное его примѣненіе — въ мѣстныхъ танцахъ, называемыхъ *hula-hula*.

Островъ Ява. Носовая флейта встрѣчается у племени *Orang-Badouis* — сохраняющаго древнюю религію и обычаи Индусовъ (нынѣ господствующая религія на Явѣ — Исламъ) и живущаго по рѣкѣ *Tjoudjoug*. Экземпляръ Брюссельскаго музея слѣланъ изъ тростника, имѣетъ

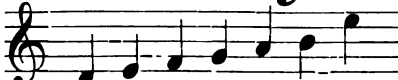

въ длину 0,41 м., и даетъ ходъ:

Другой типъ носовой флейты называется *сулингъ* (Souling) и распространенъ не только на островѣ Ява, но и въ архипелагѣ Полинезіи. (См. *рис. 124*).

Рис. 124.

Амбушурное отверстіе нѣсколько скошено. Инструментъ изготовляется изъ тростника. Въ Брюссельскомъ музеѣ хранится нѣсколько экземпляровъ *Souling*: 1) длиною 0,3 м., ходъ:

 2) дл. 0,47, ходъ:
3) дл. 0,53 м., ходъ: 4) дл. 0,652, ходъ:

Магильонъ (на стр. 308 т. III своего каталога) приводитъ слѣдующія 4 разновидности Яванскаго сулинга съ мѣстной малайскою ихъ терминологіею по изслѣдованіямъ д-ра Гронемана, причемъ приложены и таблицы комбинированія зажимаемыхъ отверстій для полученія гаммы.

Суллингъ № 1: 4 отверстія (dada, lima, nem, barang, goeloe).

Суллингъ № 2: 5 отверстій (pada, pelog, lima, nem, barang, goeloe).

Суллингъ № 3: 5 отверстій.

Суллингъ № 4: 6 отверстій (dada, pelog, lima, nem, barang, bem, goeloe).

Такимъ образомъ, образуется какъ-бы самостоятельный ансамбль носовыхъ флейтъ, участвующихъ, однако, и въ общемъ малайскомъ оркестрѣ, который имѣетъ мѣстное названіе *гамелангъ*: онъ состоитъ изъ инструментовъ различнаго рода, — преимущественно ударныхъ (гонги, ручные барабаны, металлофоны, тарелки и колокольчики); къ нимъ присоединяются—въ ограниченномъ сравнительно числѣ—танбуровидные инструменты, музыкальныя орудія въ родѣ скрипокъ и упомянутый ансамбль носовыхъ флейтъ *сулингъ*.

Обозрѣніе флейтъ разныхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ эпохъ образованія этого инструмента,—закончено. Мы прослѣдили, какъ флейта, зародившись изъ свистковъ и раковинъ, перешла въ пастушью дудку, и какъ изъ послѣдней шагъ за шагомъ развилась въ прекрасный совершенный инструментъ, давшій стройные хоры и великолѣпные сольные номера.

Теперь обращаюсь къ разсмотрѣнію соответствующихъ музыкальных орудій русскаго народа, послѣ чего останется только провести аналогіи и сдѣлать общіе выводы изъ всего суммированнаго матеріала— о происхожденіи тѣхъ или другихъ свистящихъ формъ на Руси.

VIII.

Прямая флейта русскихъ инородцевъ.

А) Курай.

Непосредственными родичами, — можетъ быть даже и предками прямыхъ русскихъ флейтъ,—надо считать чрезвычайно распространенныя на Кавказѣ и въ Средней Азіи прямая флейты мѣстныхъ племенъ.

Дудка, срѣзанная изъ особаго растенія на Руси мальчиками въ видѣ игрушки, служить у названныхъ народовъ въ качествѣ самостоятельнаго музыкальнаго орудія. У Башкиръ этотъ инструментъ имѣетъ громаднѣйшее распространеніе и поистинѣ можетъ назваться національнымъ. У него есть и свое особое наименованіе *Курай*. Прекраснѣйшее и всестороннѣйшее изслѣдованіе этого музыкальнаго орудія, съ записями исполняемыхъ мелодій, перечнемъ игроковъ и т. п. далъ извѣстный изслѣдователь музыки народовъ Средней Азіи С. Г. Рыбаковъ. Прилагаемое здѣсь краткое описаніе сдѣлано отчасти по имѣющемуся у меня экземпляру *Курая*, доставленнаго въ мою коллекцію г-жею Ж. Ю. Радцихъ

отъ игрока-башкира Самарской губерніи, главнымъ же образомъ, по нижеслѣдующимъ трудамъ г. Рыбакова:

1) *Курай*—башкирскій муз. INSTR. (Рус. муз. газета, 1896 г. № 1, стр. 37).

2) Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ (Зап. Имп. Ак. Наукъ по истор. фил. отд., VIII serie, т. II, № 2, 1897). Къ этому еще слѣдуетъ добавить краткое описаніе на итальянскомъ языкѣ: *Fra i Basckiri* (capitolo di un libre inedito) di Stèphen Sommier, Estratto all'Archivio per l'Antropologia e la Etnologia di Firenze. Vol XI. Fascicolo).

Курай—это дудка, изготовленная изъ пустого стебля Archangelica (зонтичное растеніе въ родѣ репея), обыкновенно около 0,6 метровъ длины. Находящійся въ моей коллекціи экземпляръ изъ Самарской губерніи имѣетъ 0,7 метровъ дл. (рис. 125), 18 миллиметровъ въ діаметръ у толстаго конца ствола и 13 мм. у тонкаго. Оба эти конца открыты, т. е. пробки со свисткомъ не имѣется: воздухъ вдувается

Рис. 126.

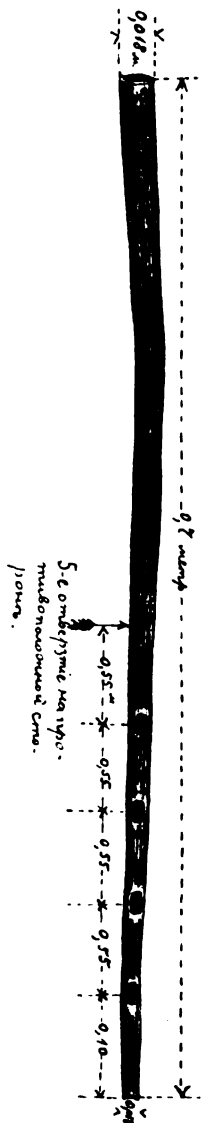

Рис. 125.

особымъ способомъ—непосредственно губами игрока, производящаго струю, которая разбивается о ребро верхняго края толстаго конца инструмента. Рыбаковъ объясняетъ способъ игры такъ: «держать его (т. е. курай) широкимъ концомъ кверху, въ одномъ углу рта между губами, закрывъ одну половину отверстія верхнею губою, а другую зажимая языкомъ». На рис. 126 воспроизвожу изъ статьи Рыбакова изображеніе играющаго на кураѣ башкира Тулунгуза Губейдуллина,—«курайсы», т. е., по башкирски — музыканта на кураѣ—

деревни Иткулова Орскаго уѣзда Оренбургской губерніи. Изображеніе это сдѣлано братомъ С. Г. Рыбакова,—П. Г. Рыбаковымъ. Почти каж-

дый башкирь, играя на кураѣ, въ то же время умѣеть горломъ воспроизводить ноту, квинтою ниже основнаго тона мелодіи, причѣмъ онъ и тянетъ эту ноту въ началѣ или во все время продолженія мелодіи на инструментѣ, давая, такимъ образомъ, органный пунктъ на доминантѣ ¹⁾).

Голосовыхъ отверстій на кураѣ 4 по верху и 1 внизу, на противоположной сторонѣ, какъ это показываетъ имѣющійся экземпляръ у меня (см. выше рис. 125), а также изображеніе курая изъ ст. Рыбакова (рис. 127). Башкиры выбираютъ для инструмента гладкій, пустой и внутри чистый, а также по возможности правильный стебель растенія,—иногда сушатъ его, а затѣмъ вырѣзаютъ на немъ отверстія, руководясь приблизительно слѣдующимъ расчетомъ: 1-е отъ конца дудки должно отстоять на 3 пальца; 2-е отъ 1-го на $2\frac{1}{2}$ пальца, 3-е отъ 2-го на 2 пальца, 4-е отъ 3-го на $1\frac{1}{2}$ пальца; 5-е вырѣзается сзади, выше 4-го.

Но это именно только приблизительно, такъ какъ мой курай (см. рис. 125) имѣетъ отверстія, расположенныя другъ отъ друга на одинаковомъ разстояніи въ 55 миллиметровъ.

У крещенаго башкира Ивана Лукманова, служившаго сторожемъ на заводѣ Кантакальскомъ Орловскаго уѣзда Оренбургской губерніи, Рыбаковъ видѣлъ мѣдный курай,—но инструментъ этотъ, по объясненію музыканта, былъ сдѣланъ ему специально въ СПБ. и высланъ въ обмѣнъ на обыкновенный курай,—изъ репейника, взятый у Лукманова инспекторомъ Лѣснаго Института, которому очень понравилась игра башкирскаго виртуоза.

С. Г. Рыбаковъ говоритъ, что у башкирь, кромѣ курая, употребительны еще: грошовыя *скрипки*, *гармошка*, *тростниковыя дудки* или такъ называемыя *жаломейки* ²⁾, наименованіе которыхъ переносится иногда на курай,—и, наконецъ, заимствованныя отъ киргизовъ *домбры*. Но, несмотря на простоту конструкции, курай является самымъ распространеннымъ и любимымъ изъ орудій національной музыки башкирь.

Въ лунныя ночи и по вечерамъ на различныхъ башкирскихъ празднествахъ, вмѣстѣ съ громкими пѣснями, раздающимися далеко по горамъ, несутся и задушевные мелодіи курая, звуки котораго очень мелан-

Рис. 127.

¹⁾ Рыбаковъ слышалъ такого виртуоза, который даже безъ помощи курая воспроизводилъ пѣніе лебедя на два звука одновременно: одинъ горломъ а другой мягкимъ язычкомъ.

²⁾ Названіе это можно встрѣтить въ старинныхъ словаряхъ ХVII в. (К. П. Бернанды): *сопль*—сопѣль, пищалка, флетня, фуяра, дуда, *жоломъйма*, фѣстула у органовъ, або у регаловъ. (Сахаровъ: Сказ. рус. нар. т. II).

холичны ¹⁾). Профессоръ Соммье въ его указанномъ выше очеркѣ, при описаніи игры курайсы Магафура Каракаева (деревни Ташбулатовой Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи), говоритъ, что заранѣе сложившееся у него предубѣжденіе при видѣ такого первобытнаго музыкальнаго орудія, смѣнилось самымъ пріятнымъ удивленіемъ къ искусству виртуоза-башкира, умѣющаго извлечь изъ этой простой дудки такіе красивые и вѣрные звуки,—мелодіи, напоминающія пастушескія пѣсни Тироля и Швейцаріи.

Рыбаковъ записалъ свыше 100 напѣвовъ, исполненныхъ передъ нимъ на кураѣ башкирами Оренбургской губерніи и сочиненныхъ мѣстными національными бардами на разные случаи народной жизни: въ честь героевъ ²⁾, въ память умершаго брата, пѣсню сложенную по заказу обѣднѣвшаго мѣстнаго богача;—мелодію, которую авторъ ея просилъ сыграть передъ казнью его за воровство (?!); напѣвы мѣстной знаменитой плясуньи Зарифы, звукоподражанія лебедю, голубю, кукушкѣ, журавлямъ и перепелкѣ. Дѣйствительно, характеръ всѣхъ этихъ мелодій заключаетъ въ себѣ мало восточнаго, т. е. того, что у насъ въ музыкѣ принято по шаблону считать восточнымъ; но съ пѣснями Тирольскихъ и Швейцарскихъ горцевъ онѣ очень схожи, напоминая горловые *jödler* (нѣчто въ родѣ интермедій между стихами текста, заключающія въ себѣ по большей части подражаніе горному эхо).

Между башкирами есть и *дудочницы*,—женщины, искусно владеющія кураемъ, какъ напримѣръ, упомянутая *Зарифа* (д. Кушеевой Тамьяно-Тангаурской волости) и *Гульдиганъ* (д. Темясовой Орскаго у.). Временами сходятся и играютъ (по большей части въ униссонъ) по нѣсколько игроковъ на кураѣ.

Вотъ списокъ *курайсы*, слышанныхъ С. Г. Рыбаковымъ въ Оренбургской губерніи:

Въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ: 1) Ислямъ Муратовъ (дер. Казаккуловой); 2) Мирсидъ Марзаголовъ (д. Кабаушевой); Магафуръ Каракаевъ (д. Ташбулатовой)—последній, игравшій передъ губернаторомъ и проф. Соммье при ихъ проѣздѣ въ 80-хъ гг. *Въ Орскомъ уѣздѣ*: 4) Мансурка (д. Телясова); 5) Хамить; 6) Тулунгужа Губейдуллинъ (см. выше на рис. 126 изображеніе его); 7) Биргалé (д. Куссева). 8) *На границѣ съ Уфимской губ.*, близъ горы *Максимъ*, въ 3-й Бурзятинской волости;—Лухманъ Имуратовъ; 9) *въ Кантакальскомъ заводѣ*—Иванъ Лукмановъ

¹⁾ На мѣдномъ кураѣ Лукманова звуки сильнѣе и рѣзче

²⁾ Какъ напримѣръ популярнѣйшаго изъ нихъ—*Салаватъ-батыря* или башкира Салавата Юлаева, служившаго бригадиромъ у Пугачева.

(играющій на мѣдномъ кураѣ); 10) Какой-то дудочникъ—башкирь, не сказавшій своего имени (д. Юлукъ) и 11) Бахтиаръ (въ кочевкѣ деревни Иткуловой 1-й).

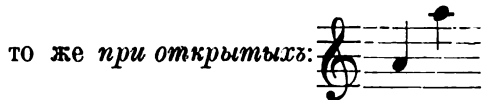
Строй курая обыкновенно въ *до мажоръ*. По отверзтіямъ получается слѣдующая гамма:

когда *всѣ отверзтія закрыты*. можно получить:

то же *при открытыхъ*; при *открытомъ одномъ 4-мъ* отверзтіи, *разною степенью дутья*, производятся слѣдующіе тоны:

; то же *при одномъ* *открытомъ 3-мъ*:

при одномъ открытомъ 2-мъ:

открытомъ 1-мъ:

Слѣдовательно, хорошій дудочникъ при исправномъ инструментѣ, можетъ получить изъ него слѣдующую гамму:

Экземпляры курая, сообразно длинѣ своей, даютъ гамму выше или ниже на полтона, на тонъ, на полтора и на два тона.

Нѣкоторыя изъ мелодій, исполняемыхъ на кураѣ (по записямъ Рыбакова):

Барина (Орскаго у., д. Иткулова II) съ русскаго «барыня»:

Скоро.

Нижняя нота берется горломъ.

Зарифа:

Довольно скоро.

Звукоподражательныя мелодіи: *Какукъ* (кукушка). Верхнеуральск. у. дер. Ташбулатова.

Не скоро. Октавой выше.

Тоже *Какукъ*. Вариантъ Орскаго у. дер. Иткулова 2-я

Умѣренно.

Въ т. XI вып. 2 Извѣстій О-ва археологій, исторіи и этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ есть статья Р. Г. Игнатъева «башкиръ Салаватъ-Юлаевъ, пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ» ¹⁾ гдѣ говорится о мѣстныхъ музыкальныхъ инструментахъ слѣдующее:

«Музыкальные инструменты *башкиръ*—дудка о пяти ладахъ или *Курай*, балалайка, бандура, гудокъ, кобызь... Башкиры всегда поютъ по одному человѣку въ одинъ голосъ, подъ звуки балалайки, бандуры, а всего больше *курая* или дудки».

Какъ кажется, курай встрѣчается и у Чувашей Казанской губ., (но только подъ другимъ мѣстнымъ названіемъ),—судя по статьѣ В. Мошкова «Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края», т. XI, в. 1 (музыка Чувашскихъ пѣсенъ). Тамъ сказано слѣдующее: «чуваша играютъ на *кюсле*, *кобе*, *тумра*, *варханъ*, *шопыръ*, на *простыхъ дудкахъ съ 5 дырочками—шехмызе* (Козьмодемьянскаго уѣзда), *шахлызи* (Белебеевскаго у.), *приготовленныхъ изъ стебля травы туніз-кюшиз* и на *тудутъ* (берестяный па-стухій рогъ).

Б) *Чебузга* или *себызга*, *дудуки*, *саламури*.

Капитанъ артиллеріи Унковскій, описывая посольство къ Контаймъ (Калмыки, близъ Урги) въ 1722—24 гг. (Зап. Импер. Русскаго Геогр. О-ва по отд. Этнографіи, т. X. вып. 2, С.-ПБ. 1887 г.), говорить о празднествѣ Новаго года (*бѣлый мѣсяцъ*) у Калмыковъ слѣдующее: «музыка была: одинъ игрецъ яко на гудкѣ, другой на долгой свирѣли или *цыбзы* (по другой редакціи—*цыбызгъ*) третій, подобно яко бы нѣкакой желобъ выпажень и три струны протянуты, по калмыцки наз. *Алту*»...

А. Soubies въ «Hist de la musique en Russie» (Paris, 1898) на стр. 25 приводитъ изображеніе *Калмыка*, «играющаго на флейтѣ» (Calmack — Coschote, jouant de la flute) (рис. 128 на слѣд. стр.). По всей вѣроятности, это и есть *цыбызга*.

Ив. Липаевъ въ своей статьѣ «Музыка на XIV Всероссійской выставкѣ въ Н. Новгородѣ» (Рус. муз. газета, 1896 г.) даетъ болѣе подробное описаніе этого инструмента, представляющаго, какъ видимъ, первобытную флейту съ прямымъ дутьемъ: «у киргизскихъ музыкантовъ Семипалатинской области въ большомъ ходу *себызга*, называемая тамъ русскими киргизами флейтой. Видомъ и формой себызга нисколько не разнится отъ обыкновенныхъ дудочекъ, или малороссійскихъ сопилокъ,

¹⁾ Тотъ самый любимый народный герой, который называется Салаватъ-батырь (см. выше стр. 94).

въ большомъ количествѣ продаваемыхъ на Украинскихъ ярмаркахъ ¹⁾. Дѣлается себызга изъ тальника или какого-нибудь иного дерева, на поверхности,—должно быть для изящества,—перевязывается тонкой бичевкой, затагнутой прозрачной кожицей. Внутренность просверлена довольно искусственно и чисто отдѣлана. Отверстій для звуковъ только три и вмѣсто клапановъ они закрываются конечностями пальцевъ руки».

Во всякомъ случаѣ, это уже инструментъ, представляющій шагъ впередъ въ сравненіи съ релейной дудкой *Курай*, такъ какъ онъ снаб-

Рис. 128.

женъ на дульцѣ втулкою со свисткомъ; — ближе всего инструментъ этотъ подходит по вѣшности къ китайской флейтѣ Таранчей, сосѣдей Семипалатинскихъ киргизовъ (см. выше рис. 66), такъ какъ украшенъ поперечными кольцами,—представляющими характерный признакъ и для флейтъ Славянъ Балканскаго полуострова (о чемъ будетъ ниже въ главѣ о русскихъ прямыхъ флейтахъ).

Такого-же типа инструментъ подъ названіемъ *киргизская флей-*

та находится въ Барнаульскомъ горномъ музеѣ въ числѣ предметовъ этнографіи (см. Изв. О-ва арх., ист. и этн. при Имп. Каз. Унив., т. XI, вып. 4. списокъ антроп. и арх., истор. и этногр. предметовъ Барн. музея, отд. IV).

Большой любитель и собиратель пѣсенъ Терскихъ Казаковъ есауль А. П. Кулебякинъ, знатокъ музыкальной этнографіи Кавказа, говорилъ мнѣ, что у *Ногайцевъ* есть дудка очень высокаго тона, называемая *чебузга*.

¹⁾ Изображенія сопилокъ см. ниже на соответствующихъ рисункахъ въ главѣ о русскихъ прямыхъ флейтахъ. Н. П.

По сообщенію того-же лица—длинная деревянная дудка съ головными отверстіями, дающая свистящій тонъ, называется у Грузинъ *дудуки*. По каталогу Брюссельскаго Музея (Magillon) подъ № 715 читаемъ: «Кавказъ. Дудуки (Duduki).—Стволъ тростника со скошеннымъ отверстіемъ, 6 дырочекъ по верху,—7-я внизу, между двумя послѣдними.

Длина 0, 25 м., ходъ:

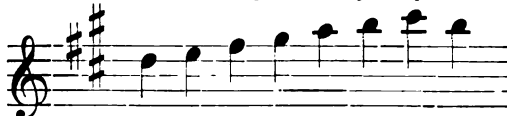

Рис. 129.

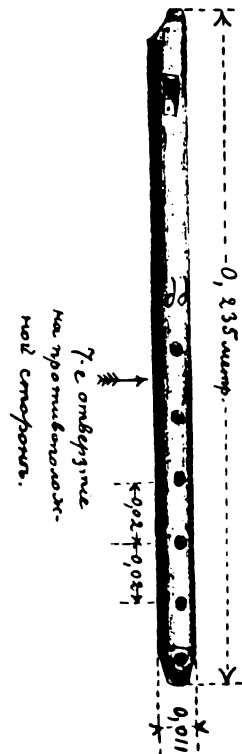

Рис. 130.

Далѣе, Magillon указываетъ, что *дудуки* входитъ въ составъ Кавказскаго духового оркестра: *зурна*, *дудуки* и барабанъ *деголь*.

Дополнимъ это замѣчаніе изображеніемъ подобнаго тріо изъ книги Субиза «Hist. de la mus. en Russie», стр. 252, подъ названіемъ *Musicien Georgiens*» (рис. 129).

Въ моей коллекціи есть маленькая флейточка, подходящая къ *дудуки* по описанію Магильона; привезшая её съ Кавказа О. Г. Макарова сообщила, однако, что мѣстное названіе этого инструмента *Саламурь*. По Magillon'у же—«*саламури* есть инструментъ съ гобойнымъ пищикомъ, отличающійся отъ *зурны* лишь цилиндрическимъ стволомъ». Очевидно, въ

данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обычнымъ перенесеніемъ названій музыкальныхъ орудій одно на другое. Не углубляясь въ дальнѣйшія подробности по этому поводу, дамъ здѣсь описаніе этой, имѣющейся въ моей коллекціи *дудуки* или *саламури* (рис. 130), которое можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ описанію Магильона на предыдущей страницѣ.

Инструментъ этотъ представляетъ собою маленькую флейточку изъ толстаго тростника или камыша, прямую, т. е. съ дутьемъ по длинѣ, причемъ дульце снабжено свисткомъ какъ у флажолетовъ, позволяющимъ легко извлекать звукъ простымъ вдуваніемъ воздуха. Противоположный конецъ инструмента для чего-то заостренъ конически. Длина флейты $23\frac{1}{2}$ сантиметра, толщина 11 миллиметровъ. Шесть голосовыхъ отверстій расположены по верху и седьмое на противоположной сторонѣ, между двумя послѣдними (на рис. 130 положеніе его указано стрѣлкою). Верхняя сторона инструмента украшена двумя рядомъ стоящими знаками въ родѣ греческой буквы δ , вѣроятно буквами мѣстнаго алфавита. Звукъ очень сильный, свистящій; гамма инструмента.

IX.

Нѣсколько необходимыхъ свѣдѣній о народахъ Арійскаго корня.

Историческая неустановленность вопроса о происхожденіи Славянскихъ племенъ лишаетъ насъ возможности прослѣдить непосредственно и происхожденіе того или другого типа музыкальныхъ инструментовъ русскаго народа.

Къ счастью, наука сравнительной филологіи даетъ намъ нѣсколько фактовъ болѣе древнѣйшей эпохи, позволяющихъ вывести заключеніе о существованіи нѣкоторыхъ формъ музыкальныхъ орудій у общаго прарада Арійской группы, т. е. найти первоисточникъ происхожденія этихъ инструментовъ.

¹⁾ „Дудукъ (дудуки)—грузинскій духовой деревянный инструментъ въ родѣ нашей свирѣли. Звукъ его мягокъ и слабъ“ (?). См. „Грузинская народная пѣсня“ М. Ипполитова-Иванова. *Дундукъ*—свирѣль, по сербски. (См. ниже, 109, въ объясненіи слова „цѣвница“).

Только путемъ сравнительнаго изученія языковъ Арійскихъ народовъ можно доискаться дѣйствительныхъ корней словъ и съ значительною точностью опредѣлить ту сумму выраженій, которая принадлежала отдаленной отъ нашей эры за 5000 или 6000 лѣтъ эпохи Аріевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлить кругъ ихъ понятій и нѣкоторыя основныя черты быта.

Въ этой области работали многіе выдающіеся лингвисты Западной Европы, какъ напримѣръ Пиктэ, Боппъ, Шлейхеръ, Фикъ, Кунъ, Шмидтъ, Пеше, Гриммъ, Мюллеръ, Курціусъ, Шпигель, Гаугъ, Бенфей и другіе, составившіе на разныхъ языкахъ, серьезныя изстѣдованія по возстановленію картины существованія столь отдаленныхъ, нашихъ предковъ.

Благодаря превосходнымъ изысканіямъ этихъ ученыхъ,—мы имѣемъ теперь возможность вывести заключеніе, что племя Аріевъ обладало языкомъ вполнѣ образовавшимся и чрезвычайно богатымъ, вело жизнь наполовину пастушескую кочевую, наполовину земледѣльческую осѣдлую, — у него были прочныя семейныя и общественныя связи и извѣстная степень культуры: т. е. оно умѣло строить села, города, пролагать дороги, дѣлать лодки, готовить хлѣбъ и опьяняющіе напитки, имѣло домашнихъ животныхъ, знало употребленіе металловъ и оружія, знакомо было съ нѣкоторыми ремеслами. Кромѣ того, Арійцы знали музыку и пѣніе и имѣли въ своемъ обращеніи нѣкоторые музыкальные инструменты, въ томъ числѣ, разумѣется, и духовые,—въ особенности флейты, какъ древнѣйшіе изъ нихъ.

И дѣйствительно, сравнивая между собою названія флейтъ у различныхъ народовъ арійскаго корня, мы находимъ удивительныя аналогіи.

Изслѣдователи послѣдняго времени все болѣе и болѣе склоняются къ убѣжденію искать родину Арійцевъ или по крайней мѣрѣ мѣсто первоначальнаго ихъ поселенія въ средней или восточной части Европы, къ югу отъ Балтійскаго моря. Отсюда они уже распались на три главныя группы: первая, произведшая Германцевъ, Славянъ и Литовцевъ; вторая—давшая Кельтовъ, Грековъ, Италійцевъ; и, наконецъ, третья—отошедшая къ юговостоку въ Азію и породившая Индусовъ и Иранцевъ.

Германо-Славяно-Литовская вѣтвь Арійскаго пра-народа, выдѣлила затѣмъ изъ себя Славяно-Литовское племя, которое и выработало особый племенной укладъ жизни,—пока, въ свою очередь, и изъ этой группы не выдѣлились въ особую народность Славяне. Слѣдовательно ближайшія и кровныя узы соединяють Славянъ съ Литовцами, а затѣмъ уже и съ Германцами.

Приведенное выше мнѣніе ученыхъ для насъ очень важно въ томъ

отношеніи, что стало быть Литовцы и Латыши, живутъ теперь неподалеку отъ мѣста происхожденія или по крайней мѣрѣ начальнаго пребыванія Арійскаго пра-народа и очевидно ихъ Арійскія нарѣчія надо считать древнѣйшими изъ языковъ этой группы.

Дѣйствительно, сравненіе, напримѣръ, корней санскритскаго съ литовско-латышскими словами обнаруживаетъ много чертъ поразительнаго сходства.

Слѣдовательно, здѣсь—у этихъ племенъ—надо искать намъ и первыя формы духовыхъ музыкальныхъ орудій,—въ частности флейтъ.

Въ этомъ отношеніи мы также имѣемъ любопытные факты, къ разсмотрѣнію которыхъ и переходимъ въ установленномъ порядкѣ происхожденія инструментальныхъ типовъ флейтъ.

Х.

Многоствольныя флейты въ предѣлахъ Руси.

А) У Литовцевъ.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ Румянцовскаго Музея въ Москвѣ есть богатѣйшее собраніе народныхъ инструментовъ, которое, при случайномъ наѣздѣ въ этотъ городъ, и удалось мнѣ бѣгло осмотрѣть—подъ руководствомъ Н. А. Янчука (завѣдующаго Этнографическимъ Музеемъ).

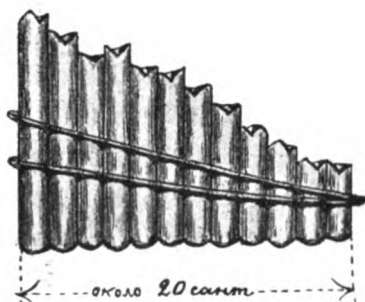

Рис. 181.

При этомъ я замѣтилъ лежавшую на полу одного изъ шкафовъ *двѣнадцатиствольную флейту Литовцевъ*, на которой былъ наклеенъ и ярлычекъ съ ея мѣстнымъ названіемъ *Скаудутасъ*. Воспроизвожу её на рис. 181. Она состоитъ, насколько я могъ примѣтить, изъ 12 тростянокъ, каждая изъ которыхъ закрыта съ одного конца и открыта съ другого. Эти тростячковые дудочки,—съ виду весьма простыя и ничѣмъ снаружи не украшенныя,—соединялись въ рядъ вертикально посредствомъ двухъ перевязокъ—не то изъ волокна какой-то травы, не то сдѣланныхъ изъ гибкой лучины.

Н. А. Янчукъ обѣщаль скорый выходъ 2-го тома трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи, состоящей при Этногр. Отдѣлѣ Импер. О-ва Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи (при Импер. Моск. Университетѣ) гдѣ будутъ описаны, съ сообщеніемъ всѣхъ имѣю-

щихся о них данныхъ, коллекціи музыкальныхъ инструментовъ Музея. Подождемъ этого тома, гдѣ, надо надѣяться, мы и найдемъ болѣе детальное обследованіе этой любопытной флейты, представляющей, по всей прототипъ бывшихъ столь распространенными въ античной Греціи многоствольныхъ флейтъ Пана.

Сравнивъ эту Литовскую флейту съ Ирландской, изображенной выше на *рис. 26*, мы видимъ поразительное сходство обоихъ типовъ,— съ тою только разницею, что Ирландская флейта состоитъ всего изъ 5 стволонъ, т. е. еще болѣе первобытна, чѣмъ литовская: и строй ея, содержащій въ интервалѣ послѣдовательныхъ ступеней гаммы малую терцію, заключаетъ въ себѣ прототипъ древней, такъ называемой Индо-Китайской гаммы.

Очевидно, въ лицѣ этой Ирландской флейты мы имѣемъ дѣло съ арійскимъ прототипомъ инструмента, принесеннаго на Британскій островъ отдѣлившееся отъ первоначальной массы пра-народа Балтійскаго побережья Кельтическою вѣтвью. На мѣстѣ-же первоначальной Арійской осѣдлости, т. е. въ Литвѣ, флейта эта могла усовершенствоваться прибавленіемъ новыхъ стволонъ: косвенное подтвержденіе этому факту мы встрѣчаемъ въ существованіи многоствольной флейты и у русскаго народа, притомъ въ нѣсколько болѣе первобытной формѣ, чѣмъ у ближайшаго родственника его—Литовскаго племени.

Б) У Русскихъ.

Докторъ М. Гютри въ своей «Dissert. sur les ant. de Russie» (1795 г.) описываетъ музыкальный инструментъ русскихъ крестьянъ подъ названіемъ *Svirelka* (свирѣлка), давая и недурное его изображеніе (*рис. 132*). Въ объясненіе сказано, что «это *сиринксъ древнихъ* (Syrinx des anciens) или *флейта Пана*, представляющая семь простыхъ стволонъ; она еще до сего времени въ употребленіи у казаковъ, но пренебрегается другими русскими, потому что они не умѣютъ владѣть ею или не любятъ способа игры на этомъ свистящемъ инструментѣ». Далѣе, авторъ сообщаетъ, что познакомился съ этою флейтою въ своемъ путешествіи по Украинѣ, а игру на ней слышалъ въ двухъ различныхъ губерніяхъ и въ С.-Петербургѣ въ хорѣ заѣзжихъ пѣвцовъ. «Этотъ красивый инструментъ», прибавляетъ онъ: «какъ и ложки, примѣняется при пѣніи съ

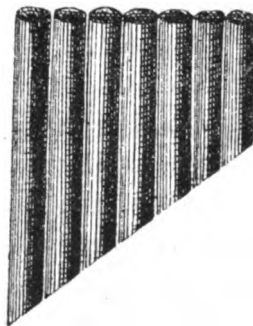

Рис. 132.

хоромъ». Наконецъ, Гютри, свидѣтельствуешь, что, пренебрегая многоствольною флейтою, русскіе предпочитаютъ рога, музыку которыхъ онъ затѣмъ и описываетъ. Ген.-маіоръ Тучковъ въ своихъ «Запискахъ» 1790—1809 г.г.—прямо утверждаетъ, что многоствольная флейта Пана въ Россіи не встрѣчается.

Русскій ученый изслѣдователь и историкъ музыки Н. Ф. Финдейзенъ въ своемъ «Краткомъ словарѣ народныхъ муз. инструментовъ въ Россіи» (Муз. Альманахъ 1896 г.) упоминаетъ о *Кувичкахъ* (въ Курской губ. с. Высоцкое на р. Реутъ), которыя оказываются ничѣмъ инымъ, какъ пятиствольною флейтою Пана.

Желая добыть *кувички*, или, по крайней мѣрѣ, собрать свѣдѣнія о примѣненіи этого инструмента, какъ чрезвычайно любопытнаго въ наше время пережитка археологической древности, я наводилъ справки (въ 1907 г.) на мѣстѣ—черезъ уроженца села Высокаго: оказалось, однако, что тамъ исчезли не только самыя *кувички*, но даже и память о нихъ.

Н. Ф. Финдейзенъ указываетъ въ своемъ словарѣ на изображеніе *кувичекъ* въ журналѣ «Родина» за 1886 г. № 22. Дѣйствительно, я нашелъ тамъ этотъ рисунокъ и даже съ приложеніемъ его описанія, но безъ имени составителя. При личномъ моемъ обращеніи къ г. Финдейзену, послѣдній, заинтересовавшись подробнѣе этимъ вопросомъ, розыскалъ и любезно предоставилъ мнѣ гораздо болѣе ранній источникъ, а именно № 120 «Всемирной Иллюстраціи» за 1871 г., гдѣ и была помѣщена статья А. Мордвинова «Весна въ Курской губерніи», съ вышеозначеннымъ рисункомъ; «Родина» черезъ 15 лѣтъ перепечатала какъ эту статью—съ пропусками въ текстѣ,—такъ и самый рисунокъ, безъ указаній на первоисточникъ. Воспроизвожу здѣсь выдержки изъ статьи Мордвинова, имѣющія непосредственное отношеніе къ предмету настоящаго изслѣдованія,—а также и превосходный рисунокъ, о которомъ только что говорилось (парень и нарядная дѣвушка въ красивомъ національномъ костюмѣ, играющіе на *дудкѣ* и *кувичкахъ*) (рис. 133).

«Въ Курской губерніи, по низменнымъ берегамъ рѣки Реута, живописно раскинуты села; избы тонуть въ зелени ольхи и ракиты, растущихъ по улицамъ и на огородахъ, расположенныхъ по берегу рѣки. Почти нигдѣ вы не услышите звуковъ «кувички», этого народнаго духового инструмента, кромѣ этой мѣстности. Вотъ настала свѣтлая недѣля Пасхи, наступила весна, все ожило, востепенулось, почувя новую жизнь. Весело щебечуть птички, ручьи шумятъ, а на улицѣ собираются хоробы. Солнце уже низко. Разрядясь въ свой праздничный нарядъ: въ золотыхъ высокихъ кокошникахъ, обвязанныхъ красными платками,

ткаными золотомъ, въ синихъ шерстяныхъ сарафанахъ, обшитыхъ галунами, идутъ молодцы, а дѣвушки, повязанныя такими же платками, съ выпущенными косами, въ которыхъ вплетены яркія ленты, въ цвѣтныхъ сарафанахъ, спѣшать на улицу, гдѣ давно уже скрипятъ круглыя качели, парни играютъ въ дудки и празднующій людъ веселится. Собрались дѣвушки и молодухи, взялись за руки и стали въ кругъ—во-

Рис. 133.

дять хороводъ. Въ серединѣ хоровода помѣстились музыканты, парни съ дудками, женщины и дѣвушки съ «кувичками». Кувички состоятъ изъ пяти тростниковыхъ дудочекъ, одна короче другой, нижняя часть которыхъ плотно задѣлана. Онѣ ничѣмъ не связаны между собой, но играющая, подбирая ихъ по тону (такъ какъ каждая изъ нихъ тономъ выше другой), держитъ въ рукѣ передъ губами и въ тактъ какой-нибудь плясовой пѣсни, наигрываемой на нѣсколькихъ дудкахъ, придуваетъ въ нихъ и прикрикиваетъ, быстро передвигая ихъ отъ одного угла рта къ другому. *Фитю-вить, фитю-вить*, громко и рѣзко выходятъ звуки, то

выше, то ниже, а на дудкахъ отчетливо наигрываютъ мотивъ пѣсни; при этой музыкѣ пѣсенъ не поютъ, лишь раздается дружный топотъ трепака. Бойко отплясываетъ дѣтина передъ своей красавицей, та-же гордо плыветъ передъ нимъ, помахивая платочкомъ. Звуки нельзя описать, а нужно ихъ слышать, чтобы цѣнить; если много дудокъ и кувичекъ, то ихъ пріятно слышать, особенно въ весенній вечеръ, когда сады цвѣтутъ, запахъ яблонь и черемухи разносится въ воздухъ и звукамъ хора вводитъ эхо на низкомъ берегу рѣки, покрытомъ густымъ лѣсомъ, въ которомъ трещать соловьи и перекликаются малиновки..... Солнце давно уже сѣло, зажглись по избамъ огни, хороводъ расходится. Шумъ, говоръ и лай собакъ слышны на улицѣ, да дѣвушки, не желая еще прекратить веселья, собравшись у воротъ, поютъ пѣсни».

Извѣстный русскій ученый и археологъ А. Н. Оленинъ (1763—1843 гг.) въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Н. Н. Гнѣдичу (Арх. труды, I. XXIV) упоминаетъ о *кувицѣ* или *кувичкѣ*, какъ о русскомъ народномъ инструментѣ, сдѣланномъ изъ нѣсколькихъ тростинокъ, связанныхъ вмѣстѣ. Родъ Олениныхъ записанъ въ дворянскихъ книгахъ Воронежской, Рязанской, Тверской и Тульской губ. Такъ какъ А. Н. ссылается на *кувицу*, какъ музыкальное орудіе, извѣстное въ *его* сторонѣ, то очевидно районъ распространенія этого инструмента относится болѣе къ югу, слегка лишь захватывая губерніи великорусскія, а можетъ быть и вовсе ихъ не касается. Эти данныя согласуются съ показаніями Гютри, относящимъ семиствольную флейту русскихъ къ Украинѣ и со статью Мордвинова, описавшаго кувички въ Курской губерніи. Полный текстъ указаннаго письма, заключающій въ себѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о духовыхъ музыкальныхъ инструментахъ русскаго народа по сравненія ихъ съ древнегреческими, воспроизвожу въ примѣчаніи ¹⁾.

¹⁾ Археологическіе труды А. Н. Оленина т. I Спб. 1881 г. XXIV. Письмо А. Н. Оленина къ Н. Н. Гнѣдичу о словѣ 'ΑΥΛΟΨ.

„Послѣ многихъ изысканій, могу, наконецъ, сказать, что музыкальный инструментъ, извѣстный у Грековъ подъ именемъ αὐλός, ничто иное, какъ тѣ флейты, которыя были извѣстны у Римлянъ подъ именемъ tibia или въ множественномъ числѣ tibiae, ибо на нихъ всегда играли по двѣ вдругъ. Этотъ инструментъ дѣлался иногда изъ кости, по крайней мѣрѣ говорятъ, что при первомъ изобрѣтеніи онъ былъ костяной и отъ того прозвался tibia; послѣ стали дѣлать оный изъ тростника, и на концахъ обѣихъ дудокъ наставляли вмѣсто раструба рога коровьи. Такъ какъ у насъ древніе греческіе обычаи въ простомъ народѣ во многихъ мѣстахъ встрѣчаются, то въ Рязанской губерніи и во многихъ другихъ, такъ называемая αὐλός или tibia еще сохранилась въ томъ-же самомъ видѣ и изъ тѣхъ же матеріаловъ сооруженная, т.-е. обѣ дудки сдѣланы изъ тростника и на концахъ поставлены два рога для умноженія или усиленія звука. Сей инструментъ у насъ въ простонародіи называется *простяжка* или *жилейка*, свирѣль же совсѣмъ другой инструментъ; онъ

Каждый родъ музыкальныхъ орудій имѣлъ на Руси свое опредѣленное названіе, извѣстное, напримѣръ, для флейтъ съ глубокой древности и шедшее по большей части еще отъ временъ арійскаго пра-народа. Эти названія встрѣчаются какъ въ живомъ русскомъ языкѣ, такъ и въ памятникахъ старинной духовой русской литературы, или же въ административныхъ документахъ XVI—XVII столѣтій (указы, памяти, грамоты) періода гоненія скомороховъ на Руси. Но въ послѣдней области происходитъ обыкновенно полная путаница музыкальныхъ терминовъ, такъ какъ упоминавшіе объ инструментахъ люди относились къ нимъ отрицательно не старались—да по большей части и вовсе не умѣли—опредѣлять точно инструментальные типы, подводя все подъ одну категорію «бѣсовскихъ гудебныхъ сосудовъ». Самъ народъ, конечно, различалъ ихъ по названіямъ,—однако и здѣсь нерѣдко происходило обычное перенесеніе наименованія стараго уже вышедшаго изъ употребленія инструмента, на новый, пришедшій поздне.

По этимъ причинамъ и нелегко приурочить къ опредѣленнымъ типомъ всѣ встрѣчающіяся въ памятникахъ древне-русской письменности и въ народномъ обращеніи названія флейтъ, какъ-то: *свиртъль*, *сопълка*, *сиповка*, *дудка*, *сурна*, *жалъйка*. Что-же касается до многоствольной флейты, то, какъ я уже упоминалъ на стр. 24 настоящаго изслѣдованія, въ славянскихъ переводахъ церковныхъ книгъ къ ней относится наименование *цъоница*. «*Самбикія—еже есть цъоница*», говорится въ объясненіи слова «*Мусикія*» въ «Азбуковникѣ XVII в.» неизвѣстнаго автора (см. у Сахарова «Сказ. рус. нар. II. СПб. 1849 г.). Мы уже видѣли (см. выше, стр. 24), что подъ *самбукою* Палестинскихъ народовъ надо подразумѣвать духовой многоствольный инструментъ изъ бузины. Въ словарь монаха Кира Памвы Берынды (1-е изд. 1627 г., см. у Сахарова тамъ-же) объяснено: «*Цъоница*—свистѣлка, флетня, шаламанъ»: послѣднее названіе происходитъ, какъ мы знаемъ, отъ латинскаго *calamus* = тростникъ. Далѣе, слово *Свѣриль* (т. е. *свиртъль*) Берында объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Свѣриль — пицалка, музыка невеличкая, накталтъ, лютнѣ, Московская и тыжъ Грецкая; обще: свѣстѣлка пастырская, зри сопль». Наконецъ, и это послѣднее названіе объяснено: «*Сопль*—

извѣстенъ подъ именемъ *fistula*. Когда вы ко мнѣ придете, я вамъ покажу древнюю живопись, на которой представлена женщина, играющая на *aulos*, точно на такомъ инструментѣ, который у насъ называется *тростянка* *ἄβριξ*, *zuglax* называется въ нашей же сторонѣ—*кувица*, *кувичка* и кажется также выразительна какъ и *αβριξ* греческая. Сей инструментъ изъ такого же вещества сдѣланъ и ту же форму имѣетъ, какъ у Грековъ: онъ составленъ изъ нѣсколькихъ тростниковъ, связанныхъ вмѣстѣ. *Vasta*°.

сопѣль, пищалка, флетня, фуяра, дуда, сурма, жаломѣйма, фѣстула у органовъ, або у регаловъ»... «*Сопль пастырскій*—фуяра пастушеская»... «*С(п)опецъ*—играчъ, пищалникъ, сурмачъ, корнетиста».

М. Гютри, при описаніи семистольной флейты русскихъ крестьянъ въ своей «*Diss. sur les ant.*», называетъ ее *Swirelka* и настаиваетъ на происхожденіи этой формы (а также двойныхъ флейтъ и кроталъ т. е. ложекъ) въ Россіи путемъ заимствованія отъ древнихъ грековъ ¹⁾.

Только что приведенное изъ словаря Беринды объясненіе названія *свиртъль* содержитъ въ себѣ какъ будто подобный-же намекъ, потому что тамъ ясно различается *свиртъль московская* отъ *свиртъли греческой*.

Благодаря Византійскому вліянію, въ древней Руси, можетъ быть и въ этой области, дѣйствительно существовали заимствованія съ греческаго; въ данномъ случаѣ я держусь, однако, того мнѣнія, что здѣсь просто-напросто оба автора поражены были сходствомъ русскихъ многостольныхъ флейтъ съ соотвѣтствующими античными. Надо смотрѣть на этотъ вопросъ шире: фактъ находенія многостольныхъ флейтъ въ Литвѣ, слѣды ихъ древняго пребыванія въ Польшѣ (о чемъ будетъ сказано ниже) и, наконецъ, документальное свидѣтельство ихъ существованія въ русской Украинѣ—подъ названіемъ *кувицы* или *кувички*—даютъ намъ право съ большою долею вѣроятности смотрѣть на этотъ типъ музыкальныхъ орудій, какъ на сохранившій въ предѣлахъ Россіи пережитокъ коренной аріійской старины.

Кромѣ того, благодаря изслѣдованіямъ проф. А. Будиловича (Перв. Слав., ч. II. в. I. § 262, с. 151), мы можемъ прослѣдить и непосредственное происхожденіе русскаго названія *кувица* отъ древне-славянскаго *цѣвоница*. Слово это г. Будиловичъ ставитъ въ связи съ словомъ *пицаль*: «*пицаль* *tibia, fistula*: слово праславянское? Въ ц.-слав.

Вотъ переводъ соотвѣтствующаго отрывка изъ упомянутаго сочиненія Гютри:

¹⁾ „Между различными предметами моего изслѣдованія прежде всего обращаю вниманіе на инструменты крестьянской музыки, хотя и старинные, но употребляющіеся и до нашего времени. Эти инструменты находятся еще въ первобытной своей простотѣ—такъ, какъ примѣнялись они на ихъ родинѣ греческими и латинскими авторами на представленіяхъ трагедій и комедій въ Сициліи и въ Греціи: прежде всего *двойныя* флейты, упоминаемая древними классическими авторами, — затѣмъ *сиринкъс* Пана, составляющій 7 стволовъ, весьма часто упоминаемый греческими поэтами. Всѣ эти инструменты старинной музыки я нашелъ въ рукахъ русскихъ крестьянъ. Они сохранились внутри Имперіи почти безъ измѣненій, между тѣмъ какъ въ другихъ европейскихъ странахъ теперь неизвѣстны. Я находилъ въ русскихъ деревняхъ почти неизмѣненными муз. орудія грековъ, воспѣтыя Горациемъ..... Здѣсь кончаю все, что я могъ сказать объ инструментахъ русскихъ крестьянъ, представляющихъ по своей первобытности весьма интересный предметъ археологическихъ изысканій: сиринкъс, двойныя флейты и кроталы грековъ несомнѣнны“.

пищаль id. (L. P.): рус. пищаль дуда, сопѣль, свирѣль (Даль); болгар. пишѣлка courcaillet (Богор.), пишѣлкѣ Pfeife (Цанк.); хорв. pisctala fistula (Стул.); хорут. pišala, pišal, pišalo Hirtenpfeife, Flöte (Янеж.), резан. pišhála пищаль, свирѣль (Бод.); словац. piščala Flöte (Берпол.), чеш. pišt'ala Pfeife (Юнгм.), в. луж. pišćalka Pfeifen (Пфуль), pišćel Orgel (ib); полаб. paistólka Kinderpfeife (Шлэйх.); пол. pizczal Pfeife (Линде). Ср. Fick W. II. 607.

Областныя названія: ц. слав. цѣвница luga (L. P.), цѣвъ tubus (ib.), рус. цѣвка трубка, дудка (Даль), цѣвница свирѣль, дудка (ib., ср. Бусл. Ист. Хр. 1114), ст. серб. цѣвница tibia (Дан.), ср. цѣвка fistula textoria § 257, 47; ц. слав. пипола tibia, tympanum (L. P.), рус. пипела id. (Бусл. Ист. Хр. 1114); рус. свистилка сопѣлка, свирѣль (Закрев.), серб. свивка tubus (Вукъ), ср. Fick. W. II, 701; рус. бирюля, дудка, свирѣль (Даль), фуяра Pfeife (Петруш.), пол. fujara Querpfeife (Б. Арк.); серб. фрула Flöte (Вукъ), отъ румун. fluier (Fremdw)? серб. дундукъ свирѣль (Лавров.); хорут. zvegla Hirtenpfeife (Янеж.); в. луж. tartrawa Pfeifchen (Пфуль).

Итакъ, мы, на основаніи этихъ аналогій имѣемъ право заключить, что музыкальный инструментъ подъ именемъ *пищаль*, *свирѣль* и т. п. по ц. славянски назывался *цѣвница*, *цѣвъ*,—слово, которому въ русскомъ нарѣчій соотвѣтствовала *цѣвка* ¹⁾. Замѣтимъ, что у поляковъ есть—или по крайней мѣрѣ существовалъ въ старину—духовой музыкальный инструментъ—*Кавка*, какъ объ этомъ пишетъ П. Д. Перепелицынъ въ своей «Ист. муз. въ Россіи» (СПБ. 1888) и Alb. Sowinski въ «Les Musiciens Polonais et Slaves» (Paris 1857). Послѣдній авторъ, при перечисленіи старинныхъ музыкальныхъ орудій Польши, упоминаетъ и многія изъ названій приведенныхъ въ указанныхъ выше словаряхъ XVII вѣка, какъ-то: *пищеле* (piszczelè) = родъ деревенскаго свистка, въ видѣ прямой флейты, сдѣланной изъ сосноваго дерева; *пищалка* (piszczalka)—деревенская флейта; *szalamaïe* (*шаламайе*), *дудка*, *дуду* (*Dudu*); *flecik*; *фуяра* (Fuiara)—пастушеская флейта изъ буковаго дерева; *штортъ* (*sztort*) и другіе. Кроме того онъ указываетъ еще на *Сурму*, представляющую собой *двойной* инструментъ: одинъ для правой, другой для лѣвой руки и на *Мультанку* (Multanka, multanki)—родъ флейты, изготовляемой пастухами въ Молдавіи, причемъ число стволловъ ея доходитъ до семи.

Быть можетъ отъ слова *Кавка* происходитъ и названіе польскаго

¹⁾ *Цѣвка* въ старину на Руси, кромѣ обозначенія *трубки*, *дудки* и т. п. употреблялась еще въ качествѣ единицы при измѣреніи пряденаго золота.

народнаго танца *Кулявкѣ*, подобно тому, какъ во Франціи *Musette*— обозначаетъ наименованіе музыкальнаго инструмента, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ-же называется и средняя часть танца *Gavotte*; точно также *Дудка*—есть сибирскій танецъ живого характера, а *Дудочка* въ Малороссіи представляетъ особую деревенскую пляску.

Далѣе: свойственному славянскимъ языкамъ этимологическому переходу буквы *к* въ *ц* мы можемъ изъ русскаго *цѣвка* или *цавка* ¹⁾ произвести польское *кавка*; а отсюда, (по аналогіи *цѣвка* = *цѣвница*) и украинское *кувица*.

Итакъ, мы имѣемъ полную цѣпь этимологическихъ преобразованій старо-славянскаго имени многоствольной флейты въ русское: *цѣвница* (старослав.), *цѣвка* или *цавка* (рус.), *кавка* (польск.), *кувица* (малорус.), *кувичка* (Курс. губ.). Въ Литвѣ, какъ мы видѣли выше, многоствольная флейта имѣетъ свое особое, мѣстное названіе *скаудутасъ*. Если возможно его произнести *цау-дутасъ*, (т. е. дудка *цау* или *цавъ*), то передъ нами появляется и арійскій первоисточникъ, — древнѣйшій корень, изъ котораго развилось впоследствии старо-славянское *цѣвница*.

XI.

Двойныя флейты или свирѣли на Руси.

Переходимъ къ разсмотрѣнію слѣдующаго типа флейтъ—двойныхъ, которыя сохранились въ народномъ обращеніи на Руси до настоящаго времени, съ специальнымъ названіемъ *свирѣли*; слово это—въ формѣ единственнаго числа, т. е. свирѣль, примѣняется также къ прямой флейтѣ или дудкѣ, а иногда и къ язычковой жалѣйкѣ.

Происхожденіе названія *свирѣль* древне арійское, такъ какъ въ санскритскомъ языкѣ ему соотвѣтствуетъ корень *svar*, *svr*, (*swara losikâ*— дудка, флейта,—сложенное изъ *swara*—звукъ и *las* (дуть) (см. у Афанасьева, «поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу». 1866. Москва, 3-й томъ, стр. 322 и далѣе). Ниже мы увидимъ, что это-же слово примѣняется и къ санскритскому обозначенію свѣтлаго блестящаго неба; значить, на-

---

²⁾ Этимологическое преобразованіе буквы *а* въ *е* или въ *ъ* (черезъ *и*) для нарѣчій арійскаго корня тоже не представляетъ ничего невозможнаго: напротивъ того, существуетъ даже мнѣніе ученыхъ, что въ древнѣйшемъ индо-европейскомъ или праарійскомъ языкѣ не было различія между звуками *а*, *е*, *о*, *и*, такъ какъ всѣ они сливались въ первоначальномъ *а*,—образовавшись только впоследствии его расчлененіемъ.

звание это характеризуетъ инструментъ относящійся къ религіозному культу солнечнаго божества—*священную флейту* Арійцевъ. На Балеарскихъ о-вахъ (см. выше стр. 14), гдѣ населеніе образовалось изъ потомковъ древнихъ Грековъ, Финикіянъ, Вандаловъ, Римлянъ, Вестготовъ и Арабовъ до сихъ поръ еще сохранилось арійское названіе свистка *Siurello*.

А. Будиловичъ въ своемъ изслѣдованіи («Первоб. Славяне т. II, вып. I стр. 150) проводитъ слѣдующія аналогіи слова *свирѣль* въ области славянской лингвистики: «*Свирѣль* tibia, fistula: слово древнеславянское(?). Въ церк. слав. свирѣль, fistula, cithara (L. P.); рус. свирѣль, сопѣлка, дудка (Даль, ср. Бусл. истор. хр. 1114); болгар. свирѣль (Pfeife (Цанк.), свирачъ musicien (Богор.); сербск. свирала, свирага fistula (Вукъ), свиралька, свирка Blase — instrument (ib.), свирачъ tibicen (ib.), Хорв. sviralla, svirala, svirka tibia, fistula. (Стул.); хорут. svirala Flöte (Янеж.).

Прибавимъ къ этому, что въ Болгаріи во время свадебнаго обряда часто упоминается фраза «свирби свирѣтъ» (Grahmann «Abergl. aus Böhmen, 24). Выше, на стр. 39, уже было помѣщено описаніе очень обыкновенной двойной флейты Балканскихъ Славянъ, называющейся *свардоника* или *swardonista*. Въ этомъ словѣ, какъ видимъ, вполне сохранился древній арійскій корень. Да и вообще все производныя отъ этого корня, начиная съ санскритскаго и кончая славянскими (и даже Балеарскимъ) названіями, обозначаютъ, какъ мы только что видѣли, духовой свистящій инструментъ. Таковымъ онъ стало быть считался и у общаго Арійскаго пра-народа. Быть можетъ и древнегреческій *syrius* происходитъ отъ того-же арійскаго корня.

Арабскій писатель начала X вѣка Ибнъ-Даста говоритъ, что у современныхъ ему Славянъ были «разнаго рода лютни, гусли и *свирѣли*. Послѣдняя длиною въ 2 локтя» лютня-же ихъ осьмиструнная. За вѣрность названія инструмента здѣсь, однако, ручаться нельзя, такъ какъ слова эти съ арабскаго подлрнника переведены по приближенію, о чемъ см. примѣчаніе на стр. 42 книги А. С. Фаминцына, «Домра».

Въ памятникахъ старинной русской письменности слово *свирѣль*, удалось мнѣ встрѣтить впервые въ лѣтописи XI столѣтія: тамъ подъ 1038 г. сказано: «Константинъ царь Греческій... о женахъ радовашея присно безстудныхъ и игреливыхъ, любящихъ ликованіе, *свирѣли* и гусли». (Полное собраніе рус. лѣт. IX, 81).

Тутъ особенно любопытно указаніе древне-русскаго лѣтописца, примѣнившего названіе «свирѣли» къ музыкальному орудію въ рукахъ инструменталистокъ увеселительнаго жанра: мы уже знаемъ что въ ан-

тичномъ греко-римскомъ мірѣ здѣсь употреблялись преимущественно это *двойныя флейты* (см. выше. стр. 39).

Въ XIII вѣкѣ, въ поученіи Григорія Черноризца, читаемъ: «гудьця и *свириця* нѣ увиди у домъ свой глума ради». (см. Срезневскій: «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». 1867. Гл. VII, стр. 56).

Въ словѣ «о русальяхъ», приписываемомъ Нифонту (по рукописи XIV вѣка), поименованы рядомъ: «игры бѣсовскія, русалія, скоморохи, плясанье и плесканье *съ свирьлями*» (см. у Пыпина и Костомарова «Пам. Стар. Рус. Лит.». 1860—61 I. 208) «и вси біяху въ бубны, друзіи въ козици и *съ свирьли*».

Въ словѣ Палладія мниха упоминаются—караемые «о второмъ пришествіи Христовѣ»—«плясцы и *свирьльцы* и гусленицы и смычницы и смѣхотворцы и глумословцы отъидуть въ плачь неутѣшный никогда-же». (см. у Веселовскаго: «Розысканіе въ обл. рус. дух. стихъ». VII, 11, 197). Афанасьевъ (см. «Поэтич. воззр. Славянъ на природу», I, 344—345) указываетъ, что въ одномъ рукописномъ сборникѣ скоморохи и *свирьльники* именуются «волхвами бѣсовыми, слугами антихристовыми». Въ стихѣ о «Страшномъ судѣ» есть обращеніе къ грѣшникамъ: «вы въ гусли—*свирьли* играли, скакали, плясали—все ради дьявола» (Чт. О-ва Ист. и Древн., годъ 3, IX, 207).

Въ поученіи митрополита Даніила (XVI в.) читаемъ: «егда запо-вѣстся постъ и бдѣніе, то вси ужахнутя и отпадутъ, и вси яко мертвы будутъ; и аще нарекутся пирове или вечера, или гусли, или *свирьли*, или пѣсни непріязненные, то вси готовы будутъ и убудятя и побѣгутъ». (Пам. Стар. Рус. Лит. IV, 201—3).

Въ Лексиконѣ Славеноросскомъ Кира Памвы Берынды (изд. 1627 г.) мы уже встрѣтили слово *свирль* (см. выше стр. 107),—также и въ Азбуковникѣ XVII вѣка, гдѣ, между прочимъ, въ опредѣленіи слова «Мусикія» сказано: «родъ же мусикиинъ: трубы, *свирьли* еже и пиголами наричутся...» и т. д. Тамъ же: «мусикія—въ ней пишется пѣсни и кощуны бѣсовскія, ихъ же Латины припѣвають ко мусикійскихъ органъ согласно, сирѣчь гудебныхъ сосудъ *свирилію*». Далѣе, въ этомъ-же «Азбуковникѣ» находятся слѣдующія поясненія: «*сопца*—*свирьльники*, *скомрахи*... «*Пищаль*—*свирль*», и «*Органъ*—въ писаніи наричется сосудъ гудебный, яже суть сія: труба, *свирль*, рогъ, тимпаны, кимвалы».

Извѣстный русскій иконописецъ Симонъ Ушаковъ, въ своемъ описаніи 1668 г. свидѣтельствуетъ, что на фрескахъ Грановитой Па-

латы, въ изображеніи веселаго пира неправеднаго судіи: «подлѣ стола на скамьяхъ сидятъ людие и играютъ въ гусли, въ скрипки и *въ свирѣли*, и въ волынки, и въ домры». (см. Забѣлинь, Дом. быт. рус. царей въ XVI и XVII ст. Ч. I. М. 1895).

Прот. Дм. Разумовскій, говоря о муз. инструментахъ русскаго народа, упоминаетъ *пиголы* или *пигелы*, принадлежащія къ роду духовыхъ инструментовъ, «потому что названіе ихъ часто замѣняется словомъ *свирѣль*». (См. труды 1-го Арх. Съѣзда въ Москвѣ въ 1869 г. 1871. М.). Здѣсь ясно простое, заимствованіе изъ только что упомянутаго «Азбуковника» XVII в., на что прот. Разумовскій отчасти, впрочемъ, и ссылается. А. В. Висковатовъ (Истор. опис. одежды и вооруженія рос. войскъ, ч. I, Спб. 1841) отождествляетъ *сопѣль* съ *свирѣлью*, объясняя, что это «дудка, и понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи народомъ употребляемая».

Генераль-маіоръ Тучковъ, который также описываетъ *свирѣль* въ числѣ муз. инструментовъ русскаго народа, подразумѣваетъ подъ этимъ именемъ тростниковую жалѣйку, т. е. инструментъ язычковый (см. его «Записки», 1780—1809 гг.); онъ упоминаетъ, однако, что бываютъ и двойныя свирѣли. Въ будущемъ изслѣдованіи о язычковыхъ я надѣюсь привести полностью это описаніе.

Въ русскихъ народныхъ картинкахъ собранія Д. А. Ровинскаго: «какъ мыши ката погребаютъ» (2-й половины XVIII столѣтія, но, судя по образцамъ письма и живописи, сдѣланныхъ съ гораздо болѣе древнѣйшихъ оригиналовъ¹⁾), можно въ надписяхъ надъ изображеніями встрѣтить слово *свирѣль*: «Чурилка сюрначъ *въ свирѣлку* играетъ. «Искусная мышка изнемецкой лавки взявши свирѣль влапки умильно играетъ ката проклинаетъ»... «Деревенская мышъ Чурилка сарначъ *всвирѣлку* играетъ ладу не знаетъ». На самыхъ изображеніяхъ всегда нарисована одиночная дудка—или флейта—съ прямымъ дутьемъ. Тамъ-же, на рис. *медведь и коза* подпись: «станемъ стобокъ весѣлитца что на насъ стануть люди дѣвитца, ты любезной медведь заиграй *всвирѣль* ія молоденка попляшу теперъ». (См. изд. 1900 г. стр. 255 и слѣд., 367)²⁾.

Гютри, какъ мы видѣли выше, обозначаетъ русскую флейту Пана названіемъ *Swirelka*.

Въ перечнѣ инструментовъ знаменитаго шествія, устроеннаго

¹⁾ Характеръ этихъ рисунковъ очень схожъ съ библіей работы Кореня 1696 г. (примѣчаніе Д. А. Ровинскаго).

²⁾ «*Свирѣль*—флейта съ 3 дырочками, инструментъ, бывшій въ большомъ употребленіи въ шутовскихъ Петровскихъ процессіяхъ» (примѣчаніе Д. А. Ровинскаго).

3 *записки* Отд. русск. и сл. арх. И. Р. А. О. т. VIII, в. 2.

Петромъ Великимъ на свадьбѣ князь-папы Н. М. Зотова въ 1714 г., упоминаются «три свиртли черныя». (См.: Голиковъ, Дѣянiя Петра В., т. VI, 280) ¹⁾.

Первымъ настоящимъ описателемъ двойныхъ флейтъ на Руси является уже неоднократно упоминаемый здѣсь докторъ М. Гютри, помѣстившій и рисунки инструмента въ своей «Diss. sur les ant. de Russie» 1795 г., называя, однако, эти флейты *Gelaika* (т. е. жалѣйка) или *ситовка* ²⁾. Выше—на стр. 108 даже было отмѣчено, что Гютри считалъ двойныя флейты русскихъ крестьянъ заимствованными въ (числѣ нѣкоторыхъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ) отъ Грековъ. Вотъ его описанiе: «*Gelaika* или *ситовка* (см. рис. 134 и 135) это родъ двойныхъ флейтъ

Рис. 134.

Рис. 135.

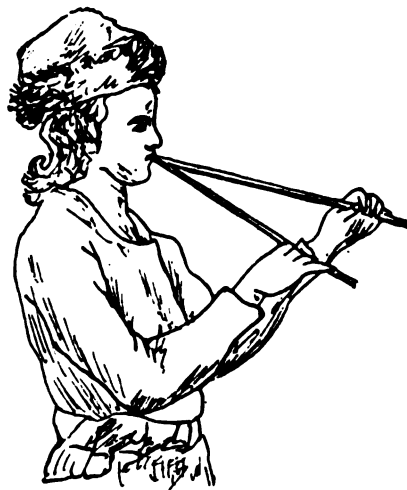

Рис. 136.

древнихъ, о которыхъ говоритъ Гораціи, и сначала имѣющихъ не болѣе 3 отверстiй, а потомъ число ихъ было доведено до 7 и даже до 10. «*Gelaika*» нашихъ русскихъ крестьянъ тоже имѣетъ только три отверстiя для пальцевъ рукъ и напоминаетъ простѣйшія формы Грековъ, о которыхъ говорятъ первобытные авторы, вродѣ Горація. Способъ игры

¹⁾ Предыдущее примѣчанiе Ровинскаго относится, очевидно, къ этой именно фразѣ. Ниже мы увидимъ, что въ Смоленской губ., гдѣ и понынѣ двойныя свиртли въ большомъ употребленiи, дѣйствительно принято было ихъ чернить.

²⁾ Любопытно, какъ сами изслѣдователи одной и той-же эпохи путаютъ названiя инструментовъ; Гютри, какъ видимъ, называетъ двойныя флейты, (т. е. то, что намъ теперь извѣстно подъ именемъ *свиртлей*,—*жалѣйкою* (*gelaika*). Выше, на стр. 113, мы видѣли, что г. м. Тучковъ въ своихъ запискахъ, наоборотъ, *жалѣйку* называетъ *свиртлюю*, упоминая, что на Руси бывають иногда и *двойныя свиртли*. *Двойныя язычныя жалѣйки*, дѣйствительно, очень распространены въ Рязанской и Орловской губ., представляя типичное заимствованiе съ Востока.

такой-же, какъ и у древнихъ, вкладывавшихъ въ ротъ одновременно обѣ флейты. Инструментъ этотъ у русскихъ въ деревняхъ очень употребителенъ и связывается обыкновенно лентою. Я слышалъ весьма пріятную игру на этомъ инструментѣ. Обѣ дудки одновременно берутся въ ротъ, или играется то на одной, то на другой. Это напоминаетъ также игру французскихъ *Figaroni*, держащихъ во рту двойную флейту древнихъ. Подобную фигуру можно видѣть въ группѣ девяти музъ, вывезенной изъ Рима по повелѣнію Имп. Екатерины II и поставленной въ Ак. Художествъ въ Спб. Рисунокъ 20 изображаетъ русскаго крестьянина, играющаго на двойной флейтѣ. Я видѣлъ (какъ сказано выше) только три отверстія для пальцевъ на каждомъ инструментѣ; при этомъ флейты называются «*правою и лѣвою*». (Этотъ рисунокъ 20 изъ книги Гютри воспроизведенъ здѣсь выше на рис. 136).

Со своей стороны, имѣя, нѣкоторое основаніе считать инструментъ и названіе его происходящими отъ временъ Арійскаго пранарода, (см. стр. 100—101) мы находимъ прототипъ двойныхъ флейтъ и вблизи первоначальнаго мѣстопробыванія послѣдняго: это опять таки въ Литвѣ, гдѣ двойныя флейты имѣются въ народномъ обращеніи, подъ названіемъ *лумдкдзе*; инструментъ этотъ я видѣлъ въ томъ же этнографическомъ музеѣ въ Москвѣ (при Румянцовскомъ музеѣ): онъ представляетъ собою двѣ толстыя неуклюжія—черезвычайно примитивной работы—дудки, устройство которыхъ понятно по прилагаемому рис. 137. Каждая имѣетъ по 3 отверстія для пальцевъ рукъ (два по верху и одно на противоположной сторонѣ). Длина одной—приблизительно 20 сантиметровъ, другая на 2 сантиметра короче; діаметръ дудокъ около $2\frac{1}{2}$ сантиметровъ: я могъ осмотрѣть ихъ только приблизительно, такъ какъ онѣ лежали за стекломъ запертаго шкафа, и успѣлъ лишь при бѣгломъ обзорѣ прочесть ярлычекъ съ обозначеннымъ выше мѣстнымъ названіемъ *лумдкдзе*.

Рис. 137.

У сосѣдей Литвы—Бѣлоруссовъ, потомковъ славянскаго племени *Кривичей*, двойныя флейты сохранились въ качествѣ глубоко археологичнаго и непосредственнаго пережитка арійской старины: онѣ сопровождаютъ пѣніе колядныхъ пѣснь, являющихся, какъ извѣстно, остатками древняго языческаго культа солнечныхъ божествъ нашихъ предковъ. Это подтверждаетъ картина г. Бера (1885 г., грав. Брендамуръ) «рожде-

*

ственскія колядки въ Бѣлоруссіи» (рис. 138). Данное изображеніе, представляющее святочное шествіе мальчиковъ со звѣздою, даетъ возможность судить объ устройствѣ музыкальнаго инструмента, имѣющаго тѣ-же три голосовыя отверстія, какъ и на предыдущихъ рисункахъ, причемъ видна даже веревочка, которою связаны между собою флейты.

Рис. 138.

Двойныя флейты, или,—по крайней мѣрѣ,—способъ игры на двухъ инструментахъ (одинъ для правой, а другой для лѣвой руки) существовалъ и въ Польшѣ въ народномъ употребленіи: А. Совинскій (см. *les mus. pol.* стр. 53) говоритъ о муз. орудіи подобнаго типа—правда язычковомъ—подъ названіемъ *сурма*, *правая флейта котораго имѣетъ 2 голосовыхъ отверстія, а лѣвая—только одно и издаетъ тонъ ниже правой, т. е. имѣетъ очевидно болѣшую сравнительно съ нею длину.* Все это настолько типичныя признаки инструмента, который мы знаемъ подъ именемъ *двойныхъ флейтъ*, что въ данномъ случаѣ,—я полагаю,—именно ихъ здѣсь и надо подразумѣвать; вѣроятно, старинные авторы, на которыхъ ссылается Совинскій, приводя описаніе этого инструмента, просто не были достаточно освѣдомлены о природѣ муз. орудій, о которыхъ онъ упоминали,—или-же язычки къ флейтамъ начали придѣлываться позже, такъ что по существу *сурма* является отголоскомъ двойныхъ флейтъ, извѣстныхъ въ старину стало быть и въ Польшѣ.

Въ 1897 году, когда я служилъ еще на Путиловскомъ заводѣ, явился ко мнѣ одинъ изъ рабочихъ, — крестьянинъ Смоленской губерніи, Юхновскаго уѣзда, Воскресенской волости, д. Ивапутина, Иванъ Михайловъ — по прозвищу «козелъ», — который и принесъ мнѣ двойныя флейты; — каждая изъ нихъ имѣла по три голосовыхъ отверстія (2 по верху и 1 внизу) — и одна была короче другой; — словомъ, устройство этихъ флейтъ было аналогично только что описаннымъ русскимъ и литовскимъ двойнымъ флейтамъ. Каждая изъ нихъ, въ сущности говоря, представляла собою простую деревянную дудку со свисткомъ на концѣ ствола; при игрѣ обѣ вкладывались въ ротъ одновременно. По длинѣ онѣ были мѣстами перевязаны тонкою мѣдною проволокою — для того, чтобы не раскололись. «Козель» назвалъ ихъ *свирѣлями*, — и игралъ исключительно на верхнихъ октавахъ; вывезъ онѣ ихъ со своей родины. — изъ окрестностей г. Смоленска, гдѣ свирѣли по его словамъ и до сихъ поръ еще въ большомъ ходу у крестьянства.

Эти свирѣли я принесъ къ В. В. Андрееву, который находился тогда въ періодѣ организациі великорусскаго оркестра, — и мы съ нимъ дѣятельно разыскивали разные музыкальные инструменты, русскаго народа — для того, чтобы культивировать ихъ. Но такъ какъ наши познанія въ этой области исторіографіи были тогда слишкомъ еще ограничены ¹⁾, то В. В. Андреевъ рѣшилъ, что *свирѣли* въ настоящемъ своемъ видѣ, кажется, не представляютъ пароднаго русскаго инструмента, — а что-то завосное, древне-греческое.

Мы начали наводить справки на мѣстѣ черезъ княгиню М. К. Тенишеву, имѣвшую близъ г. Смоленска большую усадьбу Талашкино, — гдѣ эту извѣстную меценаткою и была открыта бесплатная народная художественно-промышленная школа для дѣтей крестьянъ Смоленской губерніи. Въ курсъ преподаванія здѣсь введено было — подъ наблюдениемъ лучшихъ художественныхъ руководителей — рисованіе для развитія вкуса мѣстныхъ кустарей, производство которыхъ въ этой мѣстности достигало вообще большихъ размѣровъ.

Въ это-же самое приблизительно время удалось мнѣ встрѣтить крестьянина Григорія Лапина, также уроженца г. Смоленска, служившаго лакеемъ въ С.-Петербургѣ. Зная, что я ищу народные инструменты и игроковъ на нихъ, ко мнѣ привелъ его мой пріятель гуслирь А. М. Водозовъ.

---

¹⁾ Изъ спеціальной литературы тогда были намъ извѣстны только 2 книги А. С. Фаминцына: „гусли“ и „домра“, да тоненькая описательная книжечка М. Пѣтухова „инстр. муз. Слб. Консерваторіи“. Съ трудомъ Гютри мы, напримѣръ, и все еще не были знакомы.

Лапинъ принесъ ко мнѣ свои старья свирѣли, вывезенныя имъ въ 60-хъ годахъ изъ г. Смоленска. Онѣ были деревянныя, выкрашены въ черный цвѣтъ и имѣли извѣстное уже намъ устройство свистка; дульце было скошено и втулка вставлялась

въ отколотую по длинѣ щель, будучи потомъ перевязана (поперекъ ствола) ниткою (см. рис. 139). Такъ какъ обѣ свирѣли уже порядочно раскололись по длинѣ, то онѣ также были перевязаны ниткою въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Тѣмъ не менѣе Лапинъ, благодаря природному своему художественному вкусу, игралъ на этихъ свирѣляхъ очень красиво, — то извлекая звуки на нижней октавѣ, то на верхней; при этомъ онъ, какъ и предыдущій игрокъ («Козѣлъ»), всегда дулъ въ обѣ одновременно. Тонъ инструмента былъ мягкій и меланхолическій; помню, что особенно хорошо выходила пѣсня «какъ у нашихъ у воротъ».

Строй свирѣлей Лапина при тихомъ дутьѣ давалъ слѣдующій ходъ:

Короткая дудка:

Длинная дудка:

При усиленіи дутья строй повышался на октаву, т.-е. получались звукоряды:

и

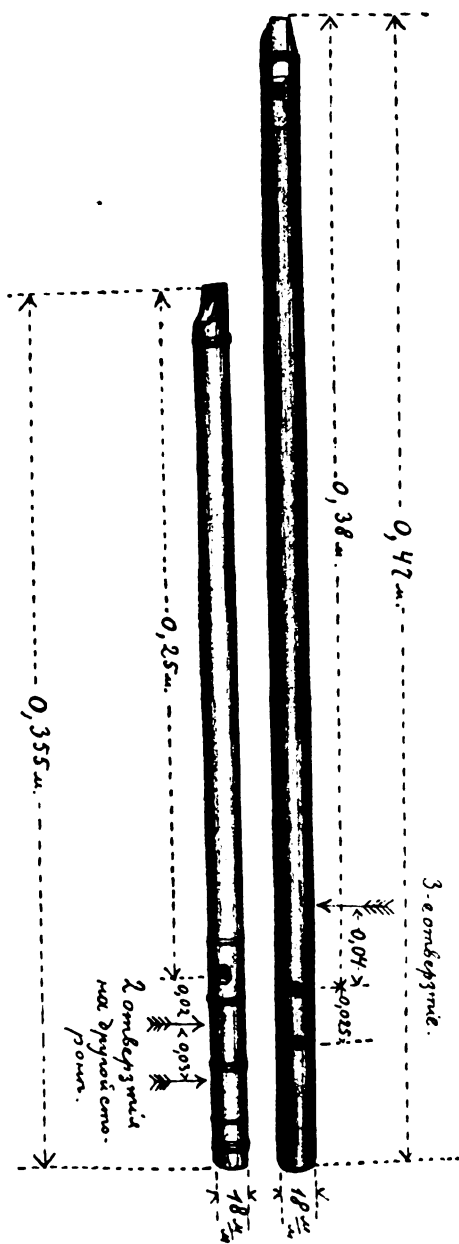

Рис. 139.

По словамъ Лапина свирѣли были чрезвычайно распространены въ г. Смоленскѣ и его окрестностяхъ изготовляясь мѣстными кустарями;

онѣ и теперь еще продаются на базарахъ и въ табачныхъ лавкахъ по 10 и 15 коп. за пару. Свирѣли очень хорошо подходятъ къ звуку маленькихъ мѣстныхъ гуслей, (бряцающихъ, или звончатыхъ) съ акомпаниментомъ которыхъ въ дни юности Лапина (т.-е. около 1870-хъ годовъ) обыкновенно играли на свирѣляхъ пляски для вечеринокъ крестьянской молодежи ¹⁾).

Лапина съ его инструментомъ и игрою я демонстрировалъ передъ В. В. Андреевымъ, которому свирѣли на этотъ разъ страшно понравились, что и послужило побудительнымъ толчкомъ къ ихъ восстановленію. Лапина сейчасъ-же повезли къ извѣстному специалисту по изготовленію духовыхъ деревянныхъ инструментовъ А. Герлю (о которомъ уже говорилось выше) мастеру музыкальной фирмы Ю. Г. Циммерманъ; познакомившись, въ свою очередь, съ инструментомъ Лапина г. Герль изготовилъ, держась его какъ прототипа, первый культурный экземпляръ свирѣлей.

Между тѣмъ, на мѣстѣ. справки черезъ княгиню Тенишеву вполне подтвердили всѣ свидѣтельства Лапина и «Козла», а также и огромную распространенность въ Смоленской губерніи свирѣлей, — этого позабытаго теперь на всемъ свѣтѣ, кромѣ Россіи, музыкальнаго орудія сѣдой древности. Мѣстные кустари изготовляютъ свирѣли сотнями паръ и быстро торгуютъ ими на базарахъ. Открытка по фототипу П. П. Павлова «сви-

Рис. 140.

рѣльщикъ на ярмаркѣ, Смоленск. губ. и уѣзда» воспроизводитъ, какъ нѣчто характерное для данной мѣстности, крестьянина, торговца этими продуктами собственнаго издѣлія; свирѣли, подобранныя попарно связаны веревочками, на которыхъ и висятъ у него черезъ руку, а,

¹⁾ Я слышалъ также отъ стариковъ на Уралѣ, что имъ приходилось наблюдать игру казаковъ на гусляхъ треугольной формы, подвѣшанныхъ на груди исполнителя, въ то время, какъ другой музыкантъ подыгрывалъ на двойныхъ лудкахъ.

на одиночной свирѣли онъ играетъ передъ слушателями, показывая товаръ лицомъ (рис. 140).

Такую одиночную свирѣль я видѣлъ въ Московской коллекціи г. А. А. Бахрушина и убѣдился, что она отъ каждой изъ двойныхъ свирѣлей отличалась только длиною и количествомъ отверстій для пальцевъ рукъ, которыхъ имѣла семь.

Кромѣ старыхъ свирѣлей Лапина, я прибрѣлъ въ свою коллекцію еще двѣ пары простыхъ деревянныхъ свирѣлей, разныхъ величинъ, изъ продаваемыхъ въ г. Смоленскѣ; по конструкціи онѣ ничѣмъ не различались отъ изображенныхъ выше на рис. 139, кромѣ размѣровъ, которые были слѣдующими:

1) Длина малой свирѣли 0,22 м., ходъ: ; длина большой 0,29 м.; ходъ:

Толщина (діаметръ) ствола 17 мм.

2) Длина малой свирѣли 0,35 м., ходъ: ; длина большой 0,43 м., ходъ:

Толщина ствола 23 м. м.

Въ 1906 году игрокъ на рожкѣ крестьянинъ Никита Корзиновъ привелъ ко мнѣ своихъ товарищей рабочихъ Путиловскаго завода, также крестьянъ Смоленской губерніи: 1) Федора Андреева Лѣсникова (Смоленскаго уѣзда Крашенской вол., Погостовской деревни Михайловой) и 2) Осипа Мартынова Дудкина (Смоленск. у., Городковской волости, дер. Рѣницы). Оба они искусно и съ большою техникою играли на принесенныхъ ими деревенскихъ свирѣляхъ; при этомъ виртуозы использовали всѣ возможные для этихъ двойныхъ флейтъ музыкальные приемы, т.-е. игралось на каждой свирѣли отдѣльно, или же на обѣихъ вмѣстѣ, слышались piano и forte, блестящіе падсажи и т. д.; мягкій и преимущественно свойственный характеру инструмента звукъ низкихъ нотъ—на верхнихъ регистрахъ достигалъ неслыханной еще мною до того силы. Кромѣ того, закрывая иногда пальцемъ половину голосовую отверстія, эти искусники производили и полутонъ, т.-е. умѣли исполнять на своихъ первобытныхъ флейтахъ какъ мажорныя, такъ и минорныя мелодіи.

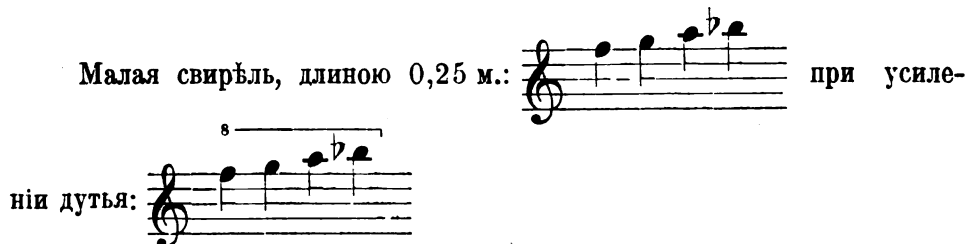
Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ свирѣльной игры Смоленской губерніи мы наблюдаемъ строй парныхъ флейтъ по отношенію другъ

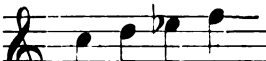
къ другу въ кварту. Слѣдовательно, принявъ за основаніе хотя-бы свирѣли Лапина и способъ игры двухъ послѣднихъ музыкантовъ-крестьянъ (т.-е. на каждой флейтѣ попеременно), мы можемъ получить слѣдующій общій ходъ:

Изображенный выше на рис. 140 торговецъ предлагаетъ своихъ покупателямъ на выборъ *двойныя* свирѣли или же *одиночную* свирѣль (дудку). Послѣдняя, имѣя 7 голосовыхъ отверстій (6 по верху и одно внизу), можетъ одна дать такой-же ходъ,—если еще не шире. Но на ней зато нельзя играть полифонически, т.-е. двойными нотами, хотя, конечно, для широкой мелодіи одиночный инструментъ удобнѣе и техника игры на немъ легче.

Княгиня Тенишева послѣ нашихъ справокъ въ Смоленской губ. не могла не обратить вниманія на такой ходкій товаръ кустарей, какъ свирѣли: въ своей школѣ она украсила ихъ виньеткою въ русскомъ стилѣ, отчасти разрисовавъ золотомъ, серебромъ и красками, частью-же выжигая по стволу листья съ вѣтвями;—въ такомъ видѣ она, пустила инструментъ въ ходъ, какъ образецъ для кустарей. Въ настоящее время, дѣйствительно, свирѣли въ окрестностяхъ Смоленска такъ и изготовляются: выбираютъ пару простой кустарной деревенской работы, но только такъ, чтобы обѣ дудки по строю хорошо другъ къ другу подходили; затѣмъ ихъ украшаютъ по модели кн. Тенишевой, покрываютъ сверху лакомъ и пускаютъ въ продажу. Бѣдившіе въ Смоленскъ мои знакомые приобрѣтали въ городѣ въ мелкихъ лавочкахъ и у разносчиковъ-торговцевъ такія свирѣли по 60 коп. за пару. Кромѣ двойныхъ, продаются и одиночныя свирѣли, такъ-же украшенныя, по 50 коп. штука. Привезенныя ко мнѣ пара такихъ современныхъ свирѣлей (см. рис. 141) имѣетъ слѣдующіе размѣры и издаетъ звукоряды:

Большая свирѣль, длиною 0,345 м.: при уси-

леніи дутья:

Толщ. ствола у каждой 18 мм.

Кромѣ 3 голосовыхъ отверстій (2 по верху и 1 на противоположной сторонѣ) парныя свирѣли—всѣ до одной—имѣютъ еще отверстіе у конца, противоположнаго дульцу; но оно лишено музыкальнаго значенія и служитъ исключительно для пропускающаго черезъ него веревочки, связывающей подобранныя въ кварту) парныя флейты ¹⁾.

Введенныя въ составъ великорусскаго оркестра В. В. Андреевымъ свирѣли (изготовл. г. Герлемъ) въ культурномъ своемъ видѣ почти не отличаются отъ народнаго прототипа, будучи, главнымъ образомъ, улучшены лишь въ качествѣ матеріала, изъ котораго онѣ построены.

Это фернамбуковое или черное дерево, причѣмъ для того, чтобы возможно было вывѣрять до точности строй, сдѣлано приспособленіе, уже извѣстное намъ по старымъ западно-европейскимъ прямымъ флейтамъ, а именно: каждая свирѣль сдѣлана составною изъ 3 частей и можетъ

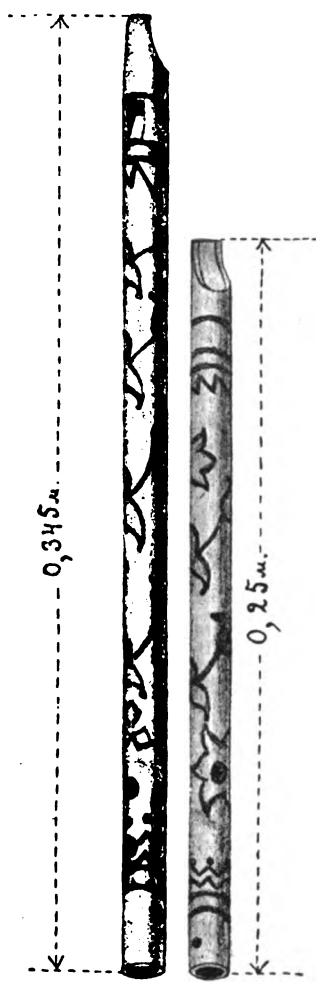

Рис. 141.

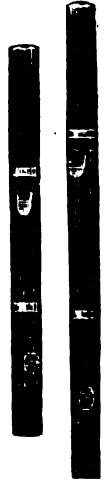

Рис. 142.

нѣсколько раздвигаться при помощи металлическихъ колецъ, которыми эти части между собою соединяются (см. рис. 142). Голосовыхъ отверстій просверлено по четыре на каждой флейтѣ, такъ что діапазонъ инструмента увеличился; одна дырочка у конца ствола нѣсколько расширена такъ, чтобы удобно было закрывать пальцемъ половину ея, когда надо получить полутонъ. Впрочемъ, мастеръ примѣняетъ для этого

¹⁾ Русскія свирѣли никогда не соединяются въ одну оправу, какъ это любили дѣлать древніе греки и римляне; напротивъ того, язычковыя двойныя жалѣйки Рязанскій губ. постоянно между собою связаны.

преимущественно устройство двухъ рядомъ стоящихъ отверстій (какъ на старыхъ европейскихъ флейтахъ, см. выше рис. 81 и 117), приче́мъ для удобства закрыванія оба они помѣщаются въ ямкѣ-желобкѣ, выдолбленномъ на поверхности ствола свирѣлей (см. рис. 142); словомъ, строй и объемъ этихъ культурныхъ свирѣлей получились слѣдующіе:

Двойное отверстие.   Двойн. отв.   Двойн. отв.   Двойн. отв.

Длинная свирѣль.   Корот. свир.   Дл. свир. при усил. дутья.   Корот. свир. при усил. дутья.

Кромѣ того, не пристраивая къ инструменту дополнительныхъ клапановъ, т.-е. сохраняя первобытную примитивность его,—комбинированіемъ открываемыхъ отверстій удалось достигъ еще одного полутона,

а именно:

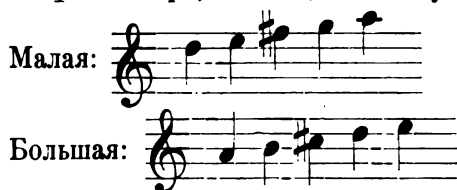

Свирѣли вошли въ составъ великорусскаго оркестра, какъ инструментъ дополнительный къ общему ансамблю, характеризующій вводные эпизоды. Пара чернаго дерева продается въ С.-ПБ. за 8 р., 8 р. 50 к. и 10 руб. въ муз. маг. (Ю. Г. Циммермана и друг.). Для удешевленія стали готовить свирѣли изъ пальмоваго дерева (4 р. 50 к. и 5 р. за пару) и даже изъ целлулоида (1 р. 50 к. за пару),—послѣднія безъ раздвижныхъ колець, съ строемъ, разъ навсегда установленнымъ. А. Ф. Ниманъ (Федоровъ) — образованный теоретикъ-музыкантъ — написалъ и школу для этихъ усовершенствованныхъ свирѣлей, изд. также фирмой Ю. Г. Циммерманъ.

Вотъ нотный примѣръ исполненія культурными *свирѣлями* своей партіи въ составѣ великорусскаго оркестра въ пѣснѣ «Научите-ли те, Ванюша» (Solo съ гуслими):

В. В. Андреевъ сдѣлалъ великолѣпную музыкальную картинку въ античномъ родѣ, введя красивый и самобытный тонъ свирѣлей въ вальсъ «Фавнъ». Для этого построена имъ укороченная пара свирѣлей въ тонѣ *ре* мажоръ, имѣющихъ слѣдующіе ходы:

Такъ зазвучалъ снова на Руси позабытый теперь во всемъ мірѣ, а когда-то имѣвшій громадное распространеніе, музыкальный античный инструментъ.

Всѣ приведенные выше примѣры названія *свирѣль*, — какъ музыкальнаго инструмента въ народномъ употребленіи на Руси, — относятся къ прямой флейтѣ—дудкѣ; въ множественной-же формѣ—*свирѣли*—надо подразумѣвать *флейты двойныя*. Въ сборникахъ русскихъ народныхъ пѣсень мнѣ удалось найти это слово въ слѣдующихъ видахъ:

Ужь вы, святки, святочки, вы святые вечера!
 О, о, хо, хо. о, охти мнѣ!
 Какъ за горницею, за повалушею
 То не гусли-ли рокочуть, не *свирѣль-ли* говорить?
 А то чибышекъ-воробушекъ по улицѣ скакаль,
 Онъ и дѣвушекъ, молодушекъ на игрище скликаль!

Эта пѣсня записана г. Пальчиковымъ въ с. Николаевкѣ Мензелин. у. Уфимской губ. (см. его сб., № 120). Въ ней слово *свирѣль*, какъ видимъ, упомянуто въ единственномъ числѣ, т.-е. въ значеніи одиночной флейты. Сравненіе ея звука съ чириканьемъ воробушка во всякомъ случаѣ говоритъ, что народъ подразумѣваетъ подъ этимъ названіемъ именно *флейту*, а не *язычковую жалѣйку*, какъ ссылаются нѣкоторые авторы (потому что жалѣйка голоситъ очень громко и никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ пѣніемъ птицъ).

Другой вариантъ этой-же пѣсни записанъ по сосѣдству, а именно въ Пермской губ. въ Красноуфимскомъ уѣздѣ (см. зап. Уральскаго О-ва Люб. Естествозн. т. I., в. II, стр. 138):

Какъ за горницею, да за повалушею,
 Тамъ не въ гусельцы играють,
 Не въ *свирѣль* говорятъ!
 . . . . .
 Я овинъ подожду—сама на игрище пойду!

Въ обоихъ примѣрахъ *свирѣли съ гусли* звучать на игращахъ. Токой ансамбль дѣйствительно, какъ мы выше видѣли, примѣнялся по свидѣтельству Лапина въ Смоленской губ. и по словамъ стариковъ на на Уралѣ казаками для сопровожденія пляски. Древность этого ансамбля подтверждается и русскими лѣтописями (см. выше, стр. 111 и 112: «ликованіе гусли и свирѣли» (XI в.), «плясцы и свирѣлницы и гусленицы» въ словѣ Палладія-мниха, «гусли-свирѣли» въ сл. о стр. судѣ и т. д.).

Вотъ еще примѣръ упоминанія *свирѣлей*—уже во множественномъ числѣ, въ качествѣ нѣжнаго инструмента, наряду съ пѣніемъ соловья,— въ пѣснѣ, какъ кажется, искусственной въ духѣ сентиментальной поэзіи XVIII вѣка. (Изъ сб. Н. А. Львова, зап. игарм. И. Прачъ. 1-е изд. 1790 г., № 40):

За долами, за горами,
За лѣсами, межъ кустами
    Лужочекъ тамъ былъ.
На лужку росли цвѣточки,
Вокругъ милы ручеечки
    Блистали въ струяхъ!
Птички нѣжны пѣсни пѣли,
Слышны были тамъ *свирѣли*,
    Соловей свисталъ!

«*Свирью свирить*—играть на свирѣли»,—объясняетъ извѣстный славяно-русскій палеографъ академикъ А. И. Соболевскій, приводя одну изъ разбойничьихъ пѣсень Пермской губ. (см. А. Соболевскій: великор. нар. пѣс. т. VI, № 439 и стр. 543).

Что не ясны соколики слетались,
Собирались добры молодцы бродяги...
.....
Есаулъ возговорилъ, ровно *свирью свириль*¹⁾

Въ одной изъ Новгородскихъ пѣсень изъ того-же богатаго собранія Соболевскаго (см. вел. нар. п. т. VII, № 18),—«пошла наша Дуня на Марково въ гости» и т. д., приведемъ слѣдующій припѣвъ:

«Вирививичены, бирвиши, шерхи-верхи, матыши, шимматы *свиры въюры*, тфирушки въ дудки, тфирушки въ рогъ, тфирушки въ тонкій голосокъ!» Здѣсь явное звукоподражаніе свирѣлямъ—нѣчто въ родѣ инструментальнаго *refrain* между куплетами. (См., на примѣръ, выше на стр. 105 описаніе игры кувичекъ и дудокъ, напоминающее только что приведенныя созвучія).

¹⁾ Сравнить съ выраженіемъ изъ азб. XVII в. „гудебныхъ сосудъ *свиранію*„ (см. выше, стр. 112). Въ одной изъ извѣстныхъ болгарскихъ пѣсень „полната луна“ находится: „*свирчица*“ та си да взема“ (см. „сельскіе хоры“. Спб. 1905, № 66).

Разнообразіе названій музыкальныхъ духовыхъ инструментовъ въ нарѣчіяхъ арійскихъ народовъ указываетъ, какъ мы уже замѣтили выше, на то обстоятельство, что у первоначальнаго пра-народа всѣ эти музыкальныя орудія имѣлись въ различныхъ видахъ, опредѣляемыхъ первичными ихъ названіями. Съ теченіемъ времени имена эти переносились съ одного инструмента на другой, такъ что теперь установить въ точности первоначальное ихъ значеніе трудно.

Тѣмъ не менѣе, въ гл. X мы уже приводили данныя, заставлявшія предполагать, что, на примѣръ, *цѣвница* у древнихъ Славянъ обозначала многоствольную флейту, которая называлась у еще болѣе древнихъ народовъ *самбукою*, *симфнеею* и т. д.; у Славянъ же Восточныхъ (т.-е. у русскихъ) названіе *цѣвница* перешло въ *кувица*.

Точно также, мы видѣли выше, что русское обозначеніе *свирѣли*, относимое именно къ двойнымъ флейтамъ, происходитъ отъ древняго санскритскаго корня *swar*, относящагося къ духовному инструменту,— къ дудкѣ. Изображенія двойныхъ флейтъ, найденныхъ теперь въ живомъ обращеніи среди коренныхъ народовъ арійскаго племени (какъ, на примѣръ Литовцевъ), встрѣчается и на древнѣйшихъ памятникахъ Семитическихъ народовъ. Надо полагать, что арійцы, когда они вышли въ Азію и осѣли на Иранѣ, передали свои флейты сосѣднимъ съ ними Семитамъ. Предки Грековъ, выселившіеся приблизительно за 1000 л. до Р. X. изъ М. Азіи въ предѣлы Европы, вынесли туда и эти флейты, заимствованныя ими черезъ посредство Ирана или прямо отъ Семитовъ. Римляне, въ свою очередь, могли унаслѣдовать двойныя флейты какъ отъ Грековъ, такъ и еще болѣе отъ Этрусковъ: эти послѣдніе, какъ сказано выше (см. стр. 37) въ свою очередь могли также получить двойныя флейты отъ греческихъ колонистовъ черезъ острова Средиземнаго моря; но, судя по огромнѣйшему и національному распространенію этого инструмента во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни Этрусковъ, онъ долженъ быть у нихъ гораздо болѣе древняго происхожденія—т.-е. заимствованнымъ отъ пра-народа; послѣднимъ-же всего вѣроятнѣе могли быть только Аріи. Но это имѣются нѣкоторые намеки ученыхъ, изучавшихъ Этрусковъ,--- народъ загадочнаго происхожденія, но, на примѣръ, въ образахъ мифологіи имѣющаго много общаго съ древними Славянами (см.: А. С. Фаминцынъ «Божества древнихъ славянъ»).

Тогда понятно и происхожденіе двойныхъ флейтъ у Этрусковъ, вынесшихъ, слѣдовательно, этотъ инструментъ изъ первоначально арійской колыбели и потомъ передавшихъ его Римлянамъ.

ХІІ.

Прямая флейта Славянъ и русскаго народа.

Выше на стр. 111 было приведено свидѣтельство арабскаго лѣтописца X вѣка Ибнъ-Даста, который сообщалъ, что у современныхъ ему Славянъ,—въ числѣ другихъ ихъ музыкальныхъ инструментовъ,—были *свирѣли*, длиною въ 2 локтя. Хотя въ переводѣ съ арабскаго въ названіяхъ инструментовъ и могли быть допущены неточности, однако мы знаемъ, что въ единственномъ числѣ слово *свирѣль* постоянно примѣнялось на Руси къ прямой флейтѣ (иногда къ язычковой жалѣйкѣ), а во множественной формѣ, то-есть *свирѣли*—къ флейтамъ двойнымъ и иногда можетъ быть къ многоствольнымъ. Въ древней Греціи и Римѣ соотвѣственно этому были *Syrinx* или *Syringes*, причемъ различали, какъ сказано выше на стр. 60, *Syringes monocalamus* и *Syringes polycalamus* (можно перевести такъ: *свирѣль одноствольная* (или однотростниковая) и *свирѣль многоствольная* (многотростниковая).

Въ гл. X, мы видѣли также, что нѣкоторые южные и восточные сосѣди Руси, какъ напримѣръ Калмыки, Киргизы и Кавказскія племена, имѣютъ длинныя флейты (см. выше стр. 97—100 ирис. 128, *чебыза*, *дудуки*). По Будиловичу, Сербы имѣютъ *дундукъ*. Быть можетъ эти восточные инструменты оказали вліяніе на появленіе длинныхъ прямыхъ флейтахъ у южныхъ (Балканскихъ) Славянъ, которыя находятся между прочимъ и въ московской коллекціи А. А. Бахрушина: достигая до 1¹/₂ и болѣе аршина въ длину; инструменты эти—какъ я ихъ видѣлъ—имѣютъ на концѣ дульце со свисткомъ и снаружи по стволу довольно красиво перевиты кольцами изъ металлической проволоки, сближающими эти флейты съ китайскими (см. рис. 1, № 5), таранчинскими (рис. 66) и *киргизскими* (см. опис. Липаева—*себызи* на стр. 97). Голосовыя отверстія этихъ юго-славянскихъ флейтъ закрываются пальцами рукъ: никакихъ приспособленій въ родѣ клапановъ—не имѣется. Очевидно, инструменты эти составляютъ достояніе бродячихъ музыкантовъ, такъ какъ вкладываются въ крѣпкіе деревянные футляры, превращаясь тогда въ толстыя дорожныя палки съ желѣзнымъ наконечникомъ на концѣ.

Вѣроятно, подобныя музыкальныя орудія, сохранившіяся въ народномъ употребленіи у Балканскихъ Славянъ до сихъ поръ, и встрѣтилъ арабскій историкъ X в., причемъ названіе ихъ потомъ переведено было на русскій языкъ словомъ *свирѣль*.

Чаще всего, однако, на Руси прямая флейта носитъ имя *дудки*.

Кромѣ того, извѣстны старинныя названія, относящіяся къ той-же категоріи музыкальныхъ инструментовъ—*сотылка*, *синовка*, *пищаль*.

Всѣ эти наименованія въ корняхъ своихъ, какъ сказано было ранѣе получаютъ начало отъ древняго арійскаго языка.

Беремъ, на примѣръ, глаголь *дуть* и прослѣдимъ его корень въ разныхъ арійскихъ нарѣчійхъ: въ русскомъ языкѣ производныя отъ него *духъ*—вѣтеръ и *дудà*, *дудка*, *дудить*; перс. *dudu* ¹⁾ или *tutu*—звукъ флейты, *tótak*, курд. *dudék*, ирл. *dudog*, гот. *thut-haurn*, ср. нѣм. *tüthorn*—рожокъ, англос. *theotan*, скан. *thiota*, др. нѣм. *diuzan*—*strindere*, скан. *taut*—*susurgus*, швед. *tuta*—*cornu canere*, ср. нѣм. *dudeln*, *dudelsack*, литов. *duda*, *dudéle*, *dudoti* (см. Афанасьевъ, поэтич. возвр. Слав. на прир., 1866, М. 1-й т., с. 322).

Будиловичъ (перв. слав. ч. II, в. I) проводитъ слѣдующія параллели:

Duda fistula, utriculus: слово древнеславянское? Въ ц. слав. *доуда* neum (L. P.); рус. *дуда* труба, стволъ, сопѣлка, волынка (Даль.), *дуда* духовой инструментъ (Носов.), *дудка* сопѣлка (Закрев.); серб. *дуда*, *дудалъка* fistula (Вук.); хорут. *dude* *Dedelsack* (Янеж.); чеш. *диду* id. (Юнгм.); в. луж. *дуда* id Пфуль пол. *дуду* id. (Линде). Ср. Мадыар. *дида* (Fremdw.)

Это названіе *дуда*, какъ я уже упоминалъ, относится въ настоящей своей формѣ къ инструменту, извѣстному теперь подъ именемъ *волынка*, а въ уменьшенной—*дудка*—къ прямой флейтѣ. Въ старославянскомъ языкѣ уменьшенной формы этого слова, вѣроятно, не существовало и названіе *дуда* обозначало и дудку, и волынку,—последнюю изобрѣтенную или заимствованную нашими предками во всякомъ случаѣ позже первой.

Въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ часто можно встрѣтить обозначеніе флейтъ наименованіемъ *писки*, *пискове*, которое происходитъ отъ—*пищаль*, слово уже намъ извѣстное и прослѣженное по языкамъ славянскаго корня на стр. 108—109 настоящаго изслѣдованія.

Уже духовные памятники XI в. даютъ намъ указанія на подобныя наименованія: такъ на примѣръ въ житіи преп. Феодосія Печерскаго говорится, что на пиру у в. князя Святослава Ярославича онъ увидѣлъ многихъ играющихъ: «овыхъ гуслныя гласы испущающихъ, иныхъ *органныя писки* гласящихъ, иныхъ же мусикійскія»... (Печерскій Патерикъ. 1806, стр. 55). Также и въ «Словѣ» неизвѣстнаго автора домонгольскаго періода поименовываются «пѣсни, плясанье, бубны, сопѣли,

¹⁾ Отсюда и кавказская *дудуки*.

гусли, *пискове*, игранія неподобныя, русалья»... (Филареть, Обз. дух. лит. I, 50).

Мы уже приводили выше изъ лексимона Памвы Берынды XVII в. обозначеніе слова «*свирѣль-пищалка*» и т. д. Тамъ-же: «*сопль-сопѣль, пищалка*»... «*с(п)опецъ*—играчь, *пищалникъ*»... «*трость*—тростина, *пищалка*»... «гуденіе—*писканье*, гуденье, *пищанье*» и т. д. Въ *азбуковникъ* XVII в.: «*пищаль*—свирѣль». Въ комедіи о Навуходоносорѣ Симеона Полоцкаго (1629—1680 гг.) встрѣчаются выраженія: «и начнутъ трубити и *пискати*»... «ко *писканію* все уготовахомъ» и т. д. *Piszczelè* упоминается Совинскимъ и среди старинныхъ польскихъ инструментовъ (см. *les. mus. pol.*, стр. 53) («родъ простого деревенскаго свистка, сдѣланнаго изъ сосноваго лерева въ формѣ прямой флейты»). Тамъ-же и «*dudka*—прямая деревенская флейта изъ дерева или бузины» и «*dudy*—мюзеттъ или *cornemuse*; называется еще *кобза* или *коза*—старый инструментъ, очень извѣстный въ Польшѣ, гдѣ находится по сіе время въ народномъ употребленіи» (далье слѣдуетъ описаніе волынки).

Въ лексиконѣ Берынды упоминается также и слово *дуда*: «*прегудница—дуда*, штортъ»¹⁾.

Въ сказаніяхъ Московской лѣтописи мы читаемъ, что по убіеніи Лжедмитрія (въ 1606 г.) въ ротъ ему сунули *дудку*, а на грудь бросили волынку (см. Сказанія о Дмитріи Самозванцѣ, I, 79; III, 159; IV, 175). Въ грамотѣ 1649 г. царя Алексѣя Михайловича Шуйскому воеводѣ Змѣеву о Колядѣ, Усени и народныхъ играхъ есть выраженіе: «скоморохи съ домрами и съ *дудами*, и съ медвѣди ходять». Въ правилахъ Феодосіанъ 1751 г. осуждаютъ поющихъ пѣсни, играющихъ въ варганы и *дудки* и участвующихъ въ пляскахъ: «творятъ бо сіи всѣ 500 поклоновъ до земли» (полн. изв. о старообр. Андрея Іоаннова, изд. 3, 163).

Народныя пѣсни и пословицы во множествѣ сохраняютъ слова *дудка* и *дуда*: «ни Богу свѣча, ни чорту *дуда*» (см. приб. къ Изв. Ак. Н. I, 60); «заѣзжій гость онъ во *дудочку* игралъ» (Сахаровъ, сказ. рус. нар. I, III). «На поповскомъ лугу, ихъ! вохъ! потерявъ я *дуду* ихъ! вохъ! То не *дудка* была, ихъ! вохъ! Веселуха была, ихъ! вохъ!» (Рубецъ, Сбор. укр. нар. пѣс. III, № 2). Тоже въ Бѣлорусскихъ нар. пѣс. (Шейнъ, 265): «Якъ повѣсивъ я *дуду* дай на зеленомъ лугу, моя *дудка* звалилася, на кусочки разбилася... Чи ня *дудка* была, вяселушка

¹⁾ *Sztort* также поименованъ у Совинскаго: „родъ большой флейты, какъ *pommort*, но дающей звукъ такой силы, что заглушаетъ другіе инструменты. Игроки на немъ называются штортисты или *sztorcisci*. Онъ имѣетъ значеніе баса въ военной музыкѣ.

была! и т. д. Надпись на одной из рус. пар. карт. собр. Ровинского (изд. 1900 г., стр. 367) гласитъ слѣдующее: «медведь сказою проклажаются на- музыке своей забавляются и медведь шляпу вздеть, сдѣлавъ *дудку* играть — а коза сива всаравае синемъ срошками исколоколчиками и слошками ска- четь и вприсятку пляшетъ»; какъ видно на рисункѣ 143, иinstrу- ментъ изображенъ здѣсь съ растробомъ, въ родѣ рожка или трубы.

Рис. 143.

Рис. 144.

Тамъ же (на стр. 394) другая картинка съ надписью: «держи книгу в рукахъ ниже: чтобъ видеть можно ближе... а я отъ тебя неотстану: *вдудочку* играть стану» ¹⁾ и т. д. (рис. 144).

¹⁾ Игрокъ на *дудь* называется въ Бѣлорусси *дударь* и имѣетъ тамъ значеніе знахаря-вѣдуна: онъ играетъ большую роль на свадьбахъ, замѣняя родителей у сироты невѣсты. Вотъ отрывокъ разговора между невѣстою и дударемъ: *невѣста*: „дударенку, господаренку, да ужъ жъ мене, заручали“. *Дударь*: „ня бой ся, нябога, ня будаиць ничога! Я за тобою... Дуль! Дуль! зъ дудою!“ (А. Фаминцынъ „Скоморохи на Руси“, с. 19 и 132). *Дударь* входитъ въ составъ волшебной касты: мельники, пастухи, пѣсельники, сказочники, *дударь*. (Шпилевскій: Мозырщина, въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи, изд. Калачевымъ. 1859. III, с. 2, 5). Въ чешской пѣснѣ дѣвушка молить Бога, чтобы *дударь* взялъ её къ себѣ въ услуженіе и „заду- даль ей“ на счастье (Бѣляевъ: о скоморохахъ, 74—75). Подлинный Чешскій текстъ пѣсни гласитъ слѣдующее:

Kdyby mně to Pán Buh dal
Aby si mně dudak wzal!
.....
Aby mně gen zadudal.

Дудка упоминается и въ сказаніяхъ малороссовъ: такъ, на Украинѣ ходитъ разсказъ о чортѣ, который верхомъ на козлѣ (въ видѣ куцаго нѣмчика) выѣзжаетъ на майданъ, наигрываетъ на *дудкѣ* казачка, а кругомъ него пляшутъ бѣсы и липовые пни» (Lud Ukrain, II, 33). Словенцы также разсказываютъ о лукавомъ и веселомъ бѣсѣ Курентѣ, который игрой своей на гусяхъ и *дудкѣ* изцѣляетъ болѣзни и заставляетъ всѣхъ плясать безъ отдыху (Рус. Бес. 1857, III, 107).. Валахская сказка, извѣстная на Руси и у другихъ народовъ, повѣствуетъ о чудесной волынкѣ: дурень Бакала сожигаетъ мѣшокъ ладану, получая за то въ награду отъ Бога волынку (въ русской редакціи: «падаетъ съ неба чудесная *дудка*»); при звукахъ инструмента пляшутъ овцы и всѣ, кто слышитъ музыку (Шоттъ, с. 226—232; Ганъ, 34; Сказ. Грим. 110; Худяковъ 95). Въ нѣмецкой сказкѣ «die sweierchpfeife» (Вольфъ, стр. 225—9) повѣствуется о солдатѣ, который получилъ отъ святыхъ странниковъ (за то, что раздѣлилъ съ ними свои послѣднія деньги) *чудесную дудку*, отъ которой потомъ пляшетъ весь адъ.

Въ Галиціи а также около Днѣстра и Прута существуетъ народное повѣрье о томъ, что если найти въ дремучемъ бору зеленую иву, которая не слыхала ни шума воды, ни пѣнія пѣтуха и сдѣлать изъ этого дерева *дудку*, то выйдетъ дудка не простая: отъ ея звуковъ встанутъ изъ могилъ покойники и запляшутъ самыя лѣнивыя и неповоротливыя ноги. (Пов. и пред. 34—38, 173, см. у Афанасьева: поэт. возвр. Сл. т. I. с. 322 и дальше).

Гриммъ указываетъ на подобное-же преданіе у Плинія (D. Myth. 1191). Въ Германіи и Россіи извѣстна сказка о *дудкѣ*, сдѣланной изъ тростника, выросшаго на могилѣ или изъ кости безвинно убитаго юноши; это сказаніе также имѣетъ общую арійскую колыбель, потому что оно аналогично приведенному въ гл. I дневне-греческому миѳу о тростинкѣ, которая выростала изъ земли и во всеуслышаніе пѣла про ослиныя уши Мидаса (см. выше стр. 10). Русскій вариантъ сказки заключаетъ въ себѣ кромѣ того и намеки на переселеніе душъ: три сестры пошли въ лѣсъ по ягоды; одна изъ нихъ набрала ягодъ больше двухъ другихъ, которыя еѣ изъ зависти и убили, подъ кустикомъ положили, елочкой накрыли. На елочкѣ послѣ того выросъ цвѣтокъ. Его хотѣлъ сорвать прохожій, но цвѣтокъ сначала не давался, потомъ вытянулся и запѣлъ. Прохожій сдѣлалъ изъ него *дудку*, которая при игрѣ на ней и стала распѣвать о злодѣяніи; такъ напримѣръ отцу убитой она пѣла слѣдующее:

„Потихоньку, батюшка, полегоньку родимый! Меня родныя сестрицы загубили, задушили, за красныя ягодики подъ кустикомъ положили, елочкой накрыли“!

*

Другая Русско-Германская сказка гласитъ о томъ, что охотникъ нашель въ лѣсу ребрышки, передѣлать одно изъ нихъ въ *дудку* и, когда сталъ на ней играть, вдругъ услышалъ слѣдующее;

Ты играй, играй, молодець,
Ты играй, играй полегохоньку,
Ты играй, играй потихохоньку!
Мои костки больнехоньки,
Мои жилки тонехоньки!
Погубили меня двѣ сестры,
Погубили двѣ родимыя,
За мою за игрушечку,
За мою погремушечку!

Всѣми этими народными повѣрїями, идущими изъ мрака вѣковъ арійской старины, подтверждается вѣщее значеніе *дудки*, какъ инструмента, принадлежащаго культу боговъ, на которомъ игралось при совершеніи религиозныхъ обрядовъ. Даже дерево *бузина*, изъ коей еще отъ времени античнаго міра дѣлались духовые музыкальные инструменты, имѣть въ народномъ понятіи священное значеніе: въ Литвѣ, напримѣръ,

передъ нею скачутъ на сви-
няхъ верхами сразными
музыками и гудками

Рис. 145.

бузиновый кустъ считается обиталищемъ боговъ или духовъ земли. Санскритскій корень *Swar* обозначаетъ *свѣтъ*, *блескъ* и примѣняется къ названію какъ свѣтлаго, блестящаго неба, такъ и музыкальнаго инструмента *swara losicâ-дудка*: ясно, что послѣдній характеризуется здѣсь, какъ принадлежность арійскаго божества солнечнаго небеснаго культа.

Кромѣ приведенныхъ выше рис. 143 и 144 изъ народныхъ карт. собр. Ровинскаго тамъ-же, на стр. 354 (изд. 1900 г.) на карт. «Семики и Масляница» можно найти грубыя изображенія игроковъ на прямыхъ флейтахъ (можетъ быть на рожкахъ или жалѣйкахъ?) На рис. 145 воспроизвожу соотвѣтствующую часть изображенія, гдѣ видны игроки на гудкѣ, *прямой флейтѣ*, на *дудкѣ* (вѣроятно, безъ свистка, что-нибудь въ родѣ «курая» сколько можно судить по первобытности рисунка), — и на волынкѣ. Подпись: «передъ нею (т.-е. передъ Масляницей) скачутъ на свиньяхъ верхами сразными музыки и

гудками». На этомъ грубомъ изображеніи народнаго русскаго оркестра въ оригиналѣ есть еще не воспроизведенныя мною три фигуры, кажется, безъ инструментовъ. На *рис. 146* изображена другая часть той-же картины, гдѣ въ группѣ веселящагося народа виденъ стоящій и играющій на прямой флейтѣ (или на рожкѣ?) музыкантъ.

Рис 146.

А. В. Висковатовъ (Истор. опис. одежды и вооруженія російскихъ войскъ ч. I, Спб. 1841) въ отдѣлѣ «музыка—пишетъ слѣдующее: «во всѣ времена существованія Россіи музыка была неотъемлемою принадлежностью ея воинства. Славяне еще въ VI в. употребляли *волынку*, *гудокъ* и *дудку* (см. также у Карамзина, Ист. Гос. Рос. I, 69: «волынка, гудокъ и *дудка* были также извѣстны предкамъ нашимъ»).

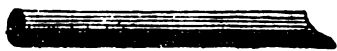
Генераль-маіоръ Тучковъ въ извѣстныхъ уже запискахъ 1780—1809 г. въ числѣ «музыкальныхъ орудій російскихъ» называетъ: «*духовыя орудія суть: дудка*, свирѣль, свирѣль военная, свистокъ, рожокъ, волынка, рогъ охотничій, труба и варганъ. Вотъ всѣ музыкальныя орудія, извѣстныя до введенія Петромъ I въ Россіи иностранныхъ обычаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкальныхъ орудій... *Дудка*, употребляемая въ Россіи, есть деревянный стволъ, нѣсколько тоньше, но длиннѣе обыкновенной музыкальной флейты. Она заткнута сверху кускомъ дерева, срѣзаннаго съ одной стороны, подъ которымъ находится четверугольное отверстіе, съ верхняго боку заостренное для разрѣзу воздуха, а далѣе слѣдуютъ пять, а иногда и семь круглыхъ скважинъ, въ соразмѣрности расположенныхъ, издающихъ разные тоны черезъ открываніе и закрываніе посредствомъ пальцевъ. Сей инструментъ, кажется, былъ общимъ для всѣхъ народовъ,—мы находимъ его у Грековъ и Римлянъ. Принесенъ ли онъ какимъ народомъ туда, или изобрѣтенъ онымъ—нельзя рѣшить. Сей инструментъ издаетъ тонъ нѣсколько подобный флейтѣ и по большей части употребляется пастухами».

Прот. Д. Разумовскій (см. труды 1-го арх. съѣзда въ Москвѣ, 1871 г. II) въ описаніи русскихъ народныхъ инструментовъ, перечисляетъ слѣдующіе духовые: трубы, сурны, жилейка, рожокъ, *дудка* и *волынка*. «*Дудка*—духовой инструментъ, извѣстный и доселѣ простому народу».

Въ упомянутомъ уже реестрѣ шуточнаго шествія 1714 г. (на свадьбѣ князя папы Н. М. Зотова) упомянуты; «5 *дудочекъ* простыхъ да 5 черныхъ.—5 перепелочныхъ *дудочекъ*» (Голиковъ, дѣянія Петра В., т. VI, 280).

Гютри въ своей неоднократно мною цитируемой «Dissertation sur les ant. de Russie» 1795 г. описывает *дудку*—въ числѣ инструментовъ музыки русскихъ крестьянъ—слѣдующимъ образомъ:

«*Дудка* простой инструментъ, подходящий къ тому, который Горацій называетъ Tibia, говоря, что «она не всегда была такою, какъ въ наше время, обдѣланная латуною и состоящая съ трубою, а простая съ однимъ отверстіемъ, служащая сопровожденіемъ пѣнію». Изъ этого описанія Горація мы видимъ, что древняя флейта грековъ похожа на употребляемую въ Россіи крестьянами дудку по ея примитивности и малому числу голосовыхъ отверстій, и точно также аккомпанируетъ пѣнію solo (рожокъ обыкновенно примѣняется для сопровожденія пѣнія хорового). Инструментъ этотъ (т. е. дудка) бываетъ двухъ видовъ, между которыми разница въ амбушурѣ (см. рис. 147 и 148). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ

Вис. 147.

Рис. 148.

отверстіе для вдуванія воздуха дѣлають сбоку (получается флейта поперечная), остальные же отверстія покрываются пальцами рукъ. Въ другихъ же мѣстахъ отверстіе для вдуванія приходится прямо въ ротъ. Этотъ пастушескій инструментъ упоминается и въ идилияхъ Теокрита. Звукъ дудки гораздо мягче, чѣмъ у рожка». Далѣе, Гютри говоритъ, что, будучи вполне увѣренъ въ греческомъ происхожденіи у русскихъ крестьянъ *сиринкса, двойныхъ флейтъ и крталовъ*, тоже самое онъ высказываетъ лишь въ формѣ предположенія относительно *дудки и рога*.

Я никогда, однако, не встрѣчалъ дудокъ съ боковымъ дутьемъ въ народномъ употребленіи въ Россіи, и сомнѣваюсь, чтобы онѣ когда-либо здѣсь существовали въ этомъ значеніи—кромѣ, конечно, примѣненія ихъ въ русскихъ войскахъ. Тутъ поперечныя флейты уже въ XVII столѣтіи были цѣликомъ заимствованы изъ З. Европы, несомнѣнно перейдя на Русь вмѣстѣ съ иноземными рейтарами. Висковатовъ въ своемъ «истор. опис. од. и воор. рос. войскъ» приводитъ изображеніе старинной французской поперечной флейты, какъ прототипъ русской военной—пикколо съ барабаномъ (см. выше, рис. 109 на стр. 84). Какъ ниже увидимъ, на Руси сохранилось для флейты даже и западно-европейское ихъ названіе (*нигола*).

Вѣроятно, Гютри въ концѣ XVIII ст. видѣлъ въ Россіи именно такую военную флейту и занесъ ее въ число орудій музыки русскихъ крестьянъ, не вдаваясь въ подробности ея здѣсь происхожденія или значенія.

У Ровинскаго, правда, на упомянутой уже картинкѣ «Семикъ и Масляница» есть фигура русскаго народнаго играца,—какъ будто на поперечной флейтѣ (рис. 149); изображеніе это, однако, такъ первобытно, что вывести изъ него точное сужденіе о природѣ инструмента очень трудно: скорѣе всего это музыкантъ *на рожкъ*, судя по раструбу на коншѣ ствола, а также и потому, что нѣкоторые исполнители при игрѣ прикладываютъ мундштукъ рожка къ углу рта, такимъ образомъ, что стволъ инструмента припимааетъ положеніе очень близкое къ направленію поперечной флейты.

Рис. 149.

Мы уже указывали, что на той-же картинкѣ (см. выше рис. 145) одинъ изъ музыкантовъ играетъ на флейтѣ, вдывая въ нее воздухъ, какъ въ курай. Такіе инструменты на Руси иногда примѣняются и понынѣ: въ Малороссіи, напримѣръ, изъ стволовъ старыхъ ружей дѣлаютъ такъ называемыя *зубовыя дудки*, просверливая въ стволѣ только отверстія для пальцевъ рукъ; воздухъ-же вдывается въ открытый конецъ инструмента, гдѣ нѣтъ никакой втулки, причемъ требуется особое искусство складывать губы и дѣйствовать передними зубами ¹⁾). По величинѣ своей подобная *зубовая дудка* напоминаетъ длинныя флейты южныхъ славянъ.

Къ этой-же категоріи прямыхъ флейтъ безъ свистка надо отнести и *обыкновенную дѣтскую дудку* которая срѣзается на Руси изъ ствола пустотѣлаго растенія (такъ и называющагося *дудкою*), верхній конецъ скашивается и черезъ него губами,—а также при помощи зубовъ,—вдывается воздухъ способомъ, только что описаннымъ. Голосовыя отверстія для пальцевъ рукъ нарѣзаются по длинѣ ствола на одинаковомъ приблизительно другъ отъ друга разстояніи. Инструменты этой категоріи, имѣющіе большую длину,—какъ напримѣръ вышеупомянутыя *зубовыя дудки* Малороссовъ,—издаютъ при такомъ образѣ игры низкіе густые тона, очень пріятные по тембру, хотя и съ примѣсью нѣкоторой доли шипѣнія. Таковыми были, вѣроятно, и длинныя флейты Египтянъ судя по изображеніямъ игроковъ на нихъ. (См. выше, рис. 67).

Потомки выходцевъ на Кавказъ—вольницы съ Низовьевъ Волги—*Терскіе казаки*, имѣютъ въ числѣ своихъ инструментовъ дудку подобнаго-же первобытнаго устройства; она сдѣлана изъ пустого толстаго тростника, или изъ прямой древесной вѣтки съ выбитой сердцевиной,—безъ свистка;

¹⁾ С. Г. Рыбаковъ пишетъ, что старый башкиръ (Магафуръ Каракаевъ) и на кураѣ могъ играть только вставивъ сдѣланный изъ сѣры искусственный зубъ на мѣсто выпавшаго у него одного изъ переднихъ зубовъ. (См. „муз. и пѣсни Уральскихъ Мусульманъ“).

верхній конецъ ея нѣсколько скошенъ и воздухъ вдвухъ описаннымъ способомъ, т. е., сложивъ губы «сердечкомъ» и пуская черезъ передніе зубы воздушную струю, которая разбивается о верхній край ствола. Голо-
 совья отверстія у противоположнаго конца ствола закрываются пальцами
 рукъ. Общая длина этого инструмента, называемаго *терскою дудкою*,

достигаетъ 60 сантиметровъ, діаметръ около 2
 сант.; тембръ звука напоминаетъ низкіе тоны
 оркестровой флейты — довольно красивый, нѣ-
 сколько шипящій. Сила тона настолько доста-
 точна, что дудка эта примѣняется при гром-
 комъ пѣніи цѣлаго хора мужскихъ голосовъ.
 Я самъ слышалъ въ С.-Петербургѣ прекрасное
 исполненіе хора терскихъ пѣсенниковъ—каза-
 ковъ Конвоя Е. И. В., сопровождаемое зву-
 ками этой *терской дудки*. Неизвѣстно только—
 заимствована-ли послѣдняя Терцами съ Кавка-
 за,—или-же вынесена ими изъ Россіи при вы-
 селеніи съ Поволжья?

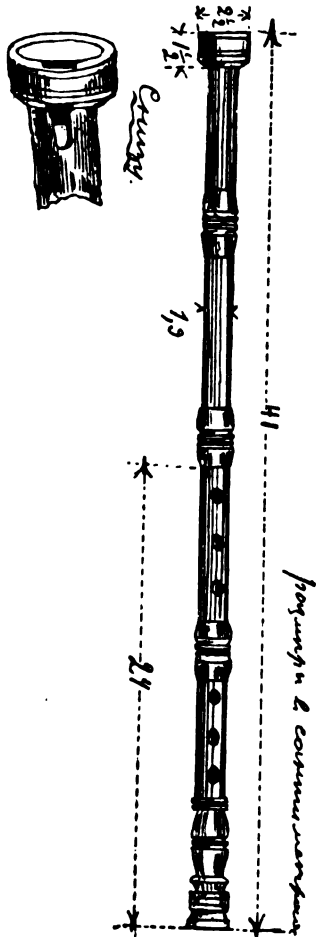

Рис. 150.

Рис. 149.

Литовцы — эти прямые потомки арійцевъ
 сохранили до настоящаго времени первобытную
 старинную *дудку*. Она изготовляется мѣстными
 кустарями по опредѣленному шаблону, будучи
 украшена кольцевыми рѣзными выступами (см.
 рис. 149). Этотъ инструментъ остается бѣлымъ
 т. е. при своей первобытной внѣшности, и сна-
 ружи не покрывается ни лакомъ, ни краскою;
 внутренность флейты сверленая, голосовья от-
 верстія (6—по верхней сторонѣ) — выжжены.
 Устройство втулки со свисткомъ показано от-
 дѣльно на рисункѣ 150. Звуки пріятные, сви-
 стящіе, но довольно слабые. Величины дудокъ

вають разныя. Я старался пріобрѣсти самую большую и самую малень-
 кую въ мою коллекцію—и досталъ одну длиною въ 41 сантиметръ, діа-
 метромъ около 2 сантиметровъ, причемъ она издавала слѣдующій звукорядъ:

Другая, длиною въ 33 сантиметра и діа-

метромъ въ 17 сантиметровъ, имѣла ходъ:

Интервалъ малой терціи на второмъ инструментѣ въ особенности характеренъ, заключаая въ себѣ звукорядъ древнѣйшей индо-китайской гаммы, какъ и у кельтской флейты, изображенной выше на рис. 26. Подарившій мнѣ эту дудку виртуозъ на ней, нѣкто г. Жуковъ, разыгрывалъ на этомъ первобытномъ музыкальномъ инструментѣ блестящія пьесы *solo* и подъ аккомпаниментъ рояля; онъ умѣлъ добывать и полутоны различной степенью дутья, или покрывая пальцами только половину голосового отверстія. Приведенные звукоряды при усиленномъ дутьѣ повторяются цѣликомъ октавою выше и на нѣкоторыхъ особенно удавшихся экземплярахъ народной дудки могутъ быть воспроизведены еще на квинту вверхъ.

Рис. 151.

Литовцы и Бѣлоруссы разносятъ эти дудки по всей Россіи, идя обыкновенно съ весны и до начала второй половины лѣта съ различными — преимущественно плетеными — издѣліями своей деревенской работы. Воспроизвожу на рис. 151 (съ открытки) фигуру такого арійца, демонстрирующаго на улицѣ свой старинный инструментъ *Малорусская сопилка*.

Такъ называется извѣстная и общеупотребительная на Украинѣ прямая флейта мѣстнаго крестьянскаго изготовленія крестьянъ. Она продается на базарахъ тысячами штукъ, причемъ иногда изготавливается очень красиво и разрисовывается яркими узорами въ краскахъ по фантазіи самоучекъ мастеровъ. Н. В. Лисенко (въ брошюрѣ «Остапъ Вересай», Кіевъ, 1874 г.) пишетъ, что «*сопилка* служитъ по большей части для наигрыванія обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсень, а также и для плясовыхъ; въ составъ же *музики* въ числѣ цымбалъ, скрипки и бубна она не входитъ, вѣроятно, вслѣдствіе слабости производимаго звука; — это спеціально пастушій инструментъ»¹⁾.

¹⁾ „Тройста музика“ существуетъ въ каждой малорусской деревнѣ: это ремесленники музыканты, играющіе „до танца“ на свадьбахъ и другихъ гулянкахъ крестьянъ. Отдѣльнаго особаго репертуара у нихъ нѣтъ — ближе къ городу они играютъ „вальцы, польки, комаринскіе“; въ деревняхъ — „горлицю, метелицю, дудочку, гопака и малор. танцы (К. Вичь-Лубенскій. Бандуристы и лирники на харьковскомъ XI археол. съѣздѣ. Рус. муз. газ. № 38 1902 г.).

Ригельманъ (Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. 1848. IV, стр. 81) писалъ о малоруссахъ, что «изъ нихъ весьма много музыкантовъ хорошихъ бываетъ. Игра ихъ болѣе на скрипкахъ, на скрипичномъ басѣ, на цымбалахъ, на гусяхъ, на бандурѣ и на лютнѣ, притомъ и на трубахъ. А сельскіе по деревнямъ такъ же на скрипкахъ, на кобзѣ (родъ бандуры) и на *дудкахъ*» (т. е. на *сопілкахъ*).

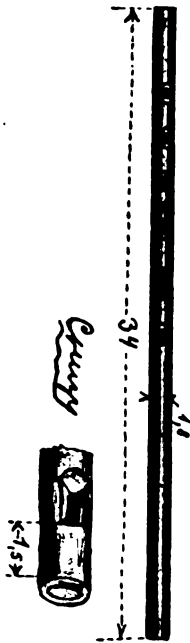

Рис. 153. Рис. 152.

Въ музеѣ С.-Пб. консерваторіи находится экземпляръ малороссійской *сопілки*, пожертвованной туда въ числѣ другихъ инструментовъ А. И. Рубцомъ и описанной М. О. Пѣтуховымъ въ его брошюрѣ «Нар. муз. INSTR. МУЗ. С.-Пб. Конс.» (с. 40): «(сопілка) ничто иное, какъ сдѣланная изъ березы трубочка съ 6 круглыми отверстіями. Играютъ на *сопілкѣ*, вдвывая въ конецъ трубки и закрывая пальцами вырѣзанныя въ ней отверстія». Къ этому описанію приложенъ и весьма примитивный рисунокъ *сопілки*, длиною около 10 вершковъ, толщ. между $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ вершка.

Въ моей коллекціи имѣются двѣ *сопілки* изъ Черниговской губерніи и одна изъ Полтавской губ. (г. Лубны). Это простыя деревянныя дудочки, также какъ и Литовскія ничѣмъ снаружи не украшенныя; (на Полтавской даже оставлена часть коры у втулки); внутри онѣ выстроганы, а по длинѣ ствола имѣютъ каждая по 6 отверстій, — сперва выжженныхъ, а потомъ сверленыхъ. Устройство понятно по рис. 152. Втулка съ свисткомъ изображена отдѣльно на рис. 153. Размѣры этихъ сопілокъ и звукоряды ими производимыя:

1) дл. 29 сантим., діам. 11 мм.	
2) дл. 34 » , діам. 13 мм.	
3) дл. 41 » , діам. 15 мм.	

(изъ г. Лубны).

Въ «Трудахъ муз.-этногр. ком.», т. I, стр. 226, Е. Линева (см. ея ст. «опытъ записи фонографомъ украинскихъ пѣсень») пишетъ, что весною въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи раздается

много оригинальныхъ, и глубокихъ по чувству пѣсенъ; при этомъ: «солнце грѣеть, ручьи бѣгутъ, съ крышъ льеть, а веселая, шумливая молодежь высыпаетъ на улицу, сзывая запоздавшихъ, болѣе домовитыхъ подругъ «дивчѣтъ» и молодыхъ «хлѣпчивъ». Вотъ раздались веселые звуки *сопилки*, служащія призывнымъ сигналомъ; вслѣдъ за нею звенить пѣсня, полная жизнерадостности» и т. д. Описание это какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ и статьѣ Мордвинова, приведенной выше на стр. 104—106: тамъ *кувички* играютъ ту-же самую роль, какая здѣсь отведена сопилкѣ. На рис. 133 мужчина, акомпанирующій *кувичкамъ*, свиститъ въ дудку, вполне соотвѣтствующую малорусской сопилкѣ. Объ этомъ можно судить по рис. 154, приложенному къ упомянутой статьѣ Линева (по фот. Завадскаго), который служить и наилучшимъ дополненіемъ рисунковъ 152 и 153 съ ихъ описаніями.

Рис. 154.

Что касается происхожденія самаго названія этого инструмента, (*сопилка*) то оно несомнѣнно идетъ отъ древне-славянскаго слова *сопати, сопать (шипѣть)*; производныя *сиплый — сопѣлка, сиповка* (см. Афанасьев.: Поэтич. возвр. Сл. 3-й т., с. 322). Въ словарѣ ц. слав. и русск. языковъ II отдѣленія Россійской Академіи Наукъ объяснено: «*сопель*—сопейка,—свирѣль, флейта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи еще и теперь сохранилась *сопелька*». Ровинскій (рус. нар. карт., стр. 264, см. примѣчаніе) пишетъ: «въ числѣ ихъ (т. е. мышей инструменталистовъ въ карт. *какъ мыши кота хоронили*) Чюрилка Сурначъ (т. е. зурначъ) въ *сопель* играетъ... *Сопель, сопелка, сиповка* ¹⁾ деревянная дудка, которая дѣйствительно издаетъ сиповатыя звуки (см. № 167, 168 170 изд. 1881 г. Р. Н. К.); въ одной изъ пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, (вып. 8, стр. 34) упоминается *сиповочка серебряна*... *Сурны* и *сопели* въ древности употреблялись при войскахъ и не разъ упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ».

Висковатовъ (Истор. опис. ч. I, стр. 103 и далѣе) приводитъ примѣры, подтверждающіе послѣдніе положеніе г. Ровинскаго: «рус-

¹⁾ У Гютри мы уже встрѣтили названіе *gelaika* или *сиповка* (см. выше, въ гл. о двойныхъ флейтахъ).

ское войско, отправлявшееся въ походъ противъ Волжскихъ Болгаръ (въ 1220 г.) имѣло при себѣ *трубы, бубны, сурны и сопели* (Въ примѣчаніи авторъ цитируетъ соответствующій текстъ изъ рус. лѣт. по Воскресенскому списку, II, 172: «и поиде полкъ по польце, біюще въ бубны и въ трубы и въ сопели»). «Гораздо позже, въ XVI в., встрѣчаемъ употребленіе набатовъ. За ними, по старшинству введенія, слѣдуютъ барабаны, а за сими литавры, а за литаврами *сиповки* или флейты... *Сопель* — обыкновенная свирѣль или дудка и понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи простымъ народомъ употребляемая». Тамъ-же, въ примѣчаніи 201, сказано: «Въ Словарѣ Росс. Ак: *сопель, сопейка* — свирѣль, флейта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи еще и теперь сохранилась *сопелька*»... «*Сиповки* то-же, что нынѣшнія флейты ¹⁾). Около половины XVII ст. введены въ пѣшихъ регулярныхъ или, какъ ихъ называли, солдатскихъ полкахъ, а позже появились у стрѣльцовъ».

Здѣсь авторъ ссылается на *Смотровыя книги и списки* 2-й половины XVII столѣтія и приводитъ, какъ сказано было выше, изображеніе старинной французской поперечной флейты изъ книги Cargè 1795 г., какъ прототипъ этой русской военной *сиповки* (см. раньше рис. 109). Далѣе, въ примѣч. 206, онъ пишетъ, что «въ Словарѣ Россіи Ак. *сиповка* названа «дудкою изъ тростника или другого чего подобнаго сдѣланною. Можно бы назвать ее просто флейтою»... Затѣмъ, въ послѣдующемъ текстѣ описанія читаемъ: «таковы были музыкальныя орудія, употреблявшіеся въ Россійскихъ войскахъ прежде 1700 г., ознаменованнаго учрежденіемъ регулярной арміи. Сообразно ихъ наименованіямъ назывались и люди, на нихъ игравшіе, какъ-то: трубники или трубачи, накрачи или накрачей, суренщики или сурначи, *сопцы*, набатчики, барабанщики, литаврщики и *сиповщики*». (Извлеченіе изъ соответствующаго примѣчанія 191). «Въ смотровыхъ книгахъ XVII и въ Актахъ XVI столѣтій встрѣчаются названія: сурначи суренщики, *сопцы* и набатчики; (Матѳея гл. IX, ст. 23: видя *сопца* и, пародъ молвящъ» и т. д.) ²⁾.

Любопытно, что названіе этого-же корня встрѣчается и въ польскомъ языкѣ, такъ какъ *Сипосъ* (*sipos*),—родъ флейты—упоминается Со-винскимъ въ числѣ старинныхъ польскихъ инструментовъ. (См. les mus. pol. стр. 57).

¹⁾ Т. е. надо подразумѣвать *флейты поперечныя*.
Все это заимствовано изъ книги Висковатова.

Выше, при выдержкахъ изъ словарей XVII столѣтія (П. Беринды и др.) мы также встрѣчали корень этотъ въ слѣдующихъ объясненіяхъ: «свѣриль... зри *сопль*». «*Сопль*—*сопль*, пищалка, флетня, фуяра, дуда, сурма, жоломѣйма, фѣстула у органовъ, або у регаловъ»... «*Сопль пастырскій*—фуяра пастушеская»... «*С(п)опецъ*—играчъ, пищальникъ, сурмачъ, корнетиста»... «*Сопца*—свирѣльники, скомрахи».

Обращаясь къ стариннымъ лѣтописнымъ русскимъ памятникамъ мы встрѣчаемъ наименованіе *сопльей* очень часто, и притомъ съ древнѣйшихъ временъ:

Въ XI столѣтіи Θεодосію Печерскому слышался, по словамъ его житія: «гласъ вопля великаго въ пещерѣ отъ множества бѣсовъ, аки нѣкіимъ на колесницахъ ѣдящимъ, другимъ-же въ тимпаны бьющимъ, и инымъ въ *сопльи* играющимъ и тако всѣмъ кличущимъ, яко трястися и пещерѣ» (Печерскій патерикъ, 51). Тамъ-же (110) въ описаніи видѣнія Исаакія: «и удариша (бѣсы) въ *сопльи*, тимпаны и гусли». Варіантъ въ сб. лицевомъ XVIII в. (см. мою ст. «Муз. дух. INSTR.» зап. Рус. Отд. Имп. рус. арх. о ва, т. VII в. II стр. 61) «и абіе удариша въ *сопльи*, тимпаны и гусли»... Въ Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1074 г. при описаніи того-же событія встрѣчается, между прочимъ, слѣдующая фраза: «взмѣте *сопльи*, бубны и гусли и ударяйте» (Полн. собр. рус. лѣт. I, 82, 84).

Въ XIII вѣкѣ Кирилль, митрополитъ Кіевскій (1243—1250 г.г.) въ числѣ разныхъ *мытарствъ* называетъ «плясанія въ пирахъ... и басни бающе *сопльи сатанинскія*» (Филаретъ, Обзоръ духовной литературы. 1884, с. 59).

Въ словѣ о *русалкѣ*, приписываемомъ Нифонту, по рукописи XIV вѣка, говорится: «нѣкій человекъ скача съ *сопльми* и съ нимъ идяше множество народа, послушающе іего, ини-же плясаху и пояху»... Тамъ находятся и слѣдующія выраженія: «идяше во слѣдъ *сопущихъ*»... «вземъ сребреницу власть *сопльнику*»... «*сопльи*, гусли, пѣсни неприязньскы, плясанья, плесканья собирають около себе студныя бѣсы; держай же *сопльника*, въ сласть любляй гусли и пѣнья, плесканья и плясанья, чтить темнаго бѣса» и т. д. (Пам. стар. рус. лит., изд. подъ ред. Костомарова, 1860—1862 г., I, с. 207).

Въ словѣ Христолюбца по рукописи Новгородской Софійской бібліотеки XV в. читаемъ: «не подобаетъ хрестьяномъ въ пирахъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти, аще-ли то не бракъ наричется, нѣ идолослуженіе, иже есть: плясба, гудьба, пѣсни бѣсовскыя, *сопльи*, бубны и вся жертва идольска»... «егда-же у кого ихъ будетъ бракъ и творять

съ бубны и съ *сопльми* и съ многими чудеса бѣсовскими» (Тихонравовъ Лѣтопись рус. литерат. и древностей, т. IV, отд. 3, 94. 110—1).

Въ посланіи игумена Елеазарова монастыря Памфила Псковскому намѣстнику и городскимъ властямъ въ 1505 г.—по поводу народнаго праздника въ ночь на рождество св. Іоанна Крестителя,—между прочимъ находится слѣдующее: «мало не весь градъ взматется и взбѣсится бубны и *сопльми* и гуденіемъ струннымъ... стучать бубны и гласъ *сопльмій*». (Дополн. къ Актамъ историч. I, 22).

Въ «Домостроѣ» Сильвестра (XVI вѣка) помѣщено: «а кто безстрашенъ и безчиненъ всяко скаредіе творить и всякіе богомерзкіе дѣла: блудъ, нечистоту, сквернословіе и срамословіе, пѣсни бѣсовскія, плясаніе, скаканіе, гуденіе, бубны, трубы, *сопльми*, медвѣди и птицы и собаки ловчія, творящая конская уристанія... или чародѣйствуетъ и волхвуетъ и отраву чинить; или ловы творить съ собаками и со птицами и съ медвѣдями и всякое дьявольское угодые творить, и скоморохи и ихъ дѣла, плясаніе и *сопльми* пѣсни бѣсовскія любя; и зерню, и шахматы, и тавлеи — прямо, все вкупѣ будутъ во адѣ, а здѣ прокляты»: (См. «Дом. быть рус. царицъ» Забѣлина с. 402).

Въ постановленіяхъ Стоглаваго собора 1551 г. находимъ подобныя же аналогіи: «и гусли и смыки и *сопльми* и всякое гуденіе и глумленіе и позорище и плясаніе».

Въ словѣ «о корчмахъ и пьянствѣ» описывается, какъ сходятся «къ питію пьянственному» мужи и жены: «туть-же придуть и нѣбцы кощуницы, имуще гусли и скрипѣли и *сопльми* и бубны и иныя бѣсовскія игры и предъ мужатицами играюще, бѣсяся и скача и скверныя пѣсни припѣвая» (Забѣлинъ, 1872 г. Оп. изуч. русс. древн. и истор. I, 187).

Въ XVII вѣкѣ «Наказъ монастырскимъ приказчикамъ» между прочимъ предписываетъ, чтобы крестьяне: «бѣсовскіе игры, въ *сопльми* и въ гусли и въ гудки и въ домры и во всякіе игры не играли и въ домѣхъ у себя не держали»... (Ак. юридич. изд. археогр. ком. 1838 г. № 334).

Въ рукописномъ сборникѣ Румянцевскаго музея 1754 г. при перечисленіи игръ и суевѣрій народа, также упоминается: «въ гоусли и домры и *сопльми* и вбубны» (см. Фаминцынъ, «Домра» 1891 г. стр. 5). Въ реестрѣ музыкальныхъ инструментовъ шуточнаго шествія 1714 г. (Дѣянія Петра В.) помѣщены и «*дѣвъ силовки старинныя*».

Корень *сопль* входитъ и въ другіе славянскіе языки, обозначая вездѣ духовой инструментъ. По Будиловичу (Перв. слав. II, в. 1) «*сопль*, сопѣлка *tibia, fistula*: слово древне-славянское (?) Въ ц.-слав. *сопль*,

сопѣль *tibia* (L. P.); рус. сопль, сопѣлка дудка на коей играютъ, сиповка (Даль), сопѣлка свирѣль, дудка (Носов.), сопѣлка свирѣль (Закрев.), сопѣль *fistula* (Бусл., Ист. хр. 203); серб. сопилка *Art grosser Flöte* (Вукъ); хорут. *sopila Pfeife* (Янеж.); чеш. *sopelina Hirtenpfeife* (Ранкъ); пол. *sopiałka Pfeife* (Б. Арк.).

Мы уже видѣли, что прот. Д. Разумовскій (см. Труды 1-го арх. съѣзда въ Москвѣ. II), ссылаясь на алфавитные сборники XVII в., упоминаетъ въ числѣ старинныхъ русскихъ музыкальныхъ инструментовъ мѣдные котлы и *ниголы* или *нипелы*. «Мѣдные котлы употреблялись предками, какъ военный музыкальный инструментъ ¹⁾, а *ниголы* или *нипелы* принадлежали къ роду духовыхъ инструментовъ, потому что названіе ихъ часто замѣняется словомъ *свирѣль*».

Обратившись къ первоисточнику, указанному прот. Разумовскимъ, мы дѣйствительно въ *азбуковникъ XVII в.* при опредѣленіи слова *мусикія* находимъ слѣдующее объясненіе: «родъ-же мусикиинъ: трубы, свирѣли, *еже и ниголами наричутся*» и т. д.

Очевидно, въ XVII столѣтіи на Русь вмѣстѣ съ западно-европейскими барабанными флейтами проникло и названіе ихъ *никколо*, которое у насъ было переименовано въ *ниголы* и *нипелы*. Во всякомъ случаѣ, даже и это испорченное слово стоитъ довольно близко къ подлиннику: послѣдній стало быть въ эту эпоху стоялъ еще недалеко и заимствованіе произошло недавно; все это сходится съ приведеннымъ выше указаніемъ Висковатова, что западно-европейскія флейты перешли въ русскія войска приблизительно во 2-й половинѣ XVI в.; сначала на Руси онѣ сохраняли, очевидно, и свое иноземное названіе *никколо* (оставившее слѣды въ обрусѣвшемъ словѣ *нигола*), но впоследствии получили наименованіе славянскаго или русскаго корня—*сиповка* ²⁾. На Ц. Слав. *нипола-tibia*, тупранш (L. P.) рус. *нипела id* (Буслаевъ, ист. хр. 1114) указываетъ и Будиловичъ въ объясненіи слова *цѣвница* (см. выше, стр. 108).

Тѣ-же словари XVII столѣтія, а также другіе современные имъ документы сохранили намъ и употребленіе въ старой Руси слова *флейта*—въ различныхъ степеняхъ его измѣненій *флейта*, *флетня*, *фуяра*. Такъ, у Берынды, находимъ: «Сопль --- сопѣль, пищалка, *флетня*, *фуяра*»... «Сопль пастырскій—*фуяра* пастушеская». Послѣднее наименованіе несомнѣнно происходитъ отъ того-же латинскаго корня *flare-*

¹⁾ Здѣсь, конечно, надо подразумѣвать мѣдныя накры или литавры. Н. П.

²⁾ Русское *ниголица*, обозначающее понятіе *малой величины* въ корнѣ своего происхожденія имѣетъ, вѣроятно, это-же самое названіе небольшой флейты *нигола*.

дуть, который повелъ и къ образованію соотвѣтствующихъ именъ флейты въ разныхъ европейскихъ языкахъ (flöte, flüte, flauto, и т. д.). У Будиловича (въ томъ-же объясненіи слова «цѣвница») находимъ румынское *fluer*, сербское *фрула* Flöte (Вукъ) отъ румун. *fIuer* и польское *fujara* (Б. Арк.) Querpfеife (т. е. попереч. свистокъ). Совинскій въ числѣ старинныхъ польскихъ инструментовъ дѣйствительно упоминаетъ *Fuiara*, давая и слѣдующее краткое описаніе: «*fuiara bukowa* (флейта или свистокъ) изъ дерева бука. Родъ пастушеской флейты, употребительный въ Малой Польшѣ на побережьи р. Вислы. Объ этомъ инструментѣ часто упоминаютъ деревенскіе поэты (см. въ Маломъ Словарѣ князя Чарторыйскаго)».

Тамъ-же описывается маленькая флейта польскихъ поселянъ подъ названіемъ *Flesik wieyski* (сельская флейта), причемъ авторъ прямо производитъ это имя отъ латинскаго *flare*,—дуть которое дало и соотвѣтствующія наименованія въ нѣсколькихъ языкахъ. «Она бываетъ двухъ родовъ: флейта *простая* и флейта *поперечная* или большая флейта, употребительная въ оркестрахъ. По Варгосскому — наши предки очень любили примѣненіе флейтъ во время застольной музыки и воспѣвали съ акомпаниментомъ этихъ инструментовъ историческія дѣянія героевъ. Наиболѣе извѣстны были и цѣнились высоко *флейты швейцарскія*: польскій вельможа *Тарло* купилъ ихъ семь штукъ въ Нюренбергѣ въ царствованіе Сигизмунда Августа (см. объ этомъ у Дзіалинскаго)». A. Swoinski: *les. mus. pol.* стр. 54).

Въ «розыскныхъ дѣлахъ о Оедорѣ Шакловитомъ» (изд. Археогр. Ком. въ СПб. 1884—1893 г., т. IV, стр. 18) то-есть концѣ XVII ст. между прочимъ читаемъ слѣдующее: «*дѣтъ флейты нѣмецкія*, цѣна по 10 алтынъ» (въ сѣняхъ, передъ смотровою палатою).

ХІІІ.

С в и с т к и .

Въ заключеніе статьи о свистящихъ русскихъ инструментахъ скажу нѣсколько словъ объ орудіяхъ, хотя и не имѣющихъ прямого музыкальнаго значенія, но все-таки въ русскомъ народѣ встрѣчающихся преимущественно въ видѣ дѣтской игрушки. Выше мы видѣли, что у многихъ народовъ, стоящихъ на низшихъ степеняхъ культуры *свистки* приняты въ качествѣ инструментальной музыки. Вѣроятно и наши предки, когда они еще находились въ состояніи близкомъ къ первобытному, примѣняли свистки въ такомъ же значеніи,—хотя по имѣющимся даннымъ уже и въ Арійскую эпоху слѣдуетъ признать музыкальное ихъ развитіе до-

вольно высокимъ: извѣстно, что тогда въ народномъ ихъ обиходѣ существовали инструменты различныхъ музыкальныхъ категорій. Наконецъ, *свистки* должны были служить древнимъ Аріицамъ въ качествѣ сигнальныхъ орудій на охотѣ и на войнѣ. И теперь еще у русскаго народа при пѣніи хоромъ заливчатскихъ пѣсень, существуетъ ипогда обыкновеніе примѣнять громкій свистъ: какой-нибудь молодецъ издаетъ этотъ оглушительный, такъ называемый «малиновый» свистъ, вложивъ подъ верхнюю губу два пальца, причѣмъ требуется особое искусство. Это придаетъ задорный характеръ исполненію; какъ ниже увидимъ, кое-гдѣ существуетъ даже и особое для того приспособленіе, т.-е. создано специальное музыкальное орудіе — свистокъ, описанное г. Тучковымъ.

Внѣшній типъ свистковъ у всякаго народа какъ бы отражаетъ стиль его бывшей культуры и обыкновенно принаравливается къ грубымъ изображеніямъ людей, животныхъ и птицъ—въ характерѣ данной національности.

Въ Россіи свистки изображаютъ различныя фигуры, изготовляемыя изъ глины во многихъ деревняхъ; онѣ слегка обжигаются и отчасти покрываются сверху глазурью. Продаются на всѣхъ ярмаркахъ за $\frac{1}{2}$, 1, 2 или 3 копѣйки и охотно раскупаются мальчиками.

Сахаровъ въ «сказ. рус. нар.» (т. II, стр. 98) даетъ указанія на обрядное значеніе свистковъ въ остаткахъ какого-то древнѣйшаго праздника мѣстнаго религіознаго культа: онъ описываетъ праздникъ Вятчанъ *свистопляску*, которая справляется ими на 4-й недѣлѣ послѣ Пасхи на берегу рѣки Вятки—и принаровлена ко дню памяти убиенныхъ въ 1480 г. на горѣ Раздерихѣ, гдѣ и построена часовня: «ставятъ палатки съ глиняными издѣліями: лошаdkами, *свистками*, шариками и съ лакомствами. Здѣсь, послѣ панихиды, начинается пиръ взрослыхъ и дѣтей. Взрослые поютъ пѣсни и играютъ на балалайкахъ, а дѣти свистятъ въ *глиняные свистки*, пляшутъ, а потомъ бросаютъ другъ въ друга глиняными шариками».

Слово *свистокъ*, *свистылка* происходитъ отъ глагола *свистать*, имѣющаго корень и въ другихъ аріискихъ нарѣчіяхъ, причѣмъ въ качествѣ термина музыкальнаго инструмента: Афанасьевъ (поэт. возз. Славянъ, т. I, стр. 322) приводитъ слѣдующія производныя: перс. shufsh, shafsh — дудка, флейта, shipur, shipûz—труба, schufliđan, shipliđan, лат. sibilò, франц. siffler, sifflet.

Внимательный наблюдатель русскаго быта генераль-маіоръ Тучковъ, записки котораго (1780—1809 гг.) мнѣ постоянно приходится цитировать, поименовываетъ *свистокъ* въ числѣ духовыхъ музыкальныхъ орудій русскаго народа и описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «*Свистокъ*.

Дѣлается изъ березовой верхней корки и складывается изъ 2 полукружievъ, не болѣе дюйма въ поперечникѣ, прикрѣпленныхъ къ круглому кусочку дерева такой-же величины, на которомъ сдѣлана скважина. Этотъ инструментъ кладутъ между губъ и зубовъ, дуютъ, прижимая нѣсколько зубами и языкомъ, и производятъ свистъ разныхъ тоновъ. Дѣлаютъ иногда ихъ и изъ жести, или топкаго желѣза. Для сего берутъ кусокъ, вырѣзанный изъ онаго такового-же поперечника, какъ и первый, сгибаютъ пополамъ, на сгибѣ дѣлаютъ продолговатую скважинку, а полукружіе пробиваютъ насквозь двумя или тремя дырками и употребляютъ, какъ первый. Свистокъ служитъ для насвистыванія при пѣсняхъ, которыя поются хоромъ, или вдругъ нѣсколькими голосами».

Въ реестрѣ шествія на свадьбѣ Зотова 1714 г. (Дѣянія Петра В.), на которое также указывалось неоднократно, упоминаются въ числѣ другихъ инструментовъ «4 собачьи свисты»,—вѣроятно, охотничьи свистки, что-нибудь въ родѣ изображенныхъ выше на рис. 11.

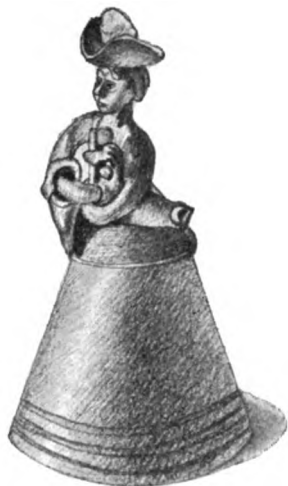

Рис. 154.

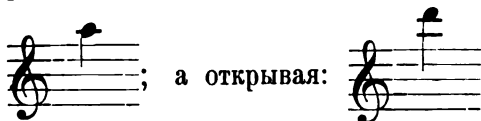
На Всероссийской Кустарной выставкѣ 1908 г. въ СІБ. я приобрѣлъ 4 глиняныя свистульки работы кустарей Полтавской губерніи (витрина Земской управы г. Полтавы). Во множествѣ издѣлій этого рода, чаще всего повторялся очевидно излюбленный, мѣстный мотивъ—фигурка разныхъ величинъ, изображающая барыню въ шляпѣ, съ ридикюлемъ на правой рукѣ; подъ лѣвою она держитъ не то собачку, не то утку, сдѣланную очень грубо. Тутъ-же (въ хвостѣ утки) сдѣлано и дульце для дутья, со втулкой, т.-е. какъ свистокъ прямыхъ флейтъ. Общая высота фигуры достигаетъ 17 сантиметровъ (рис. 154). При вдуваніи извле-

кается одинъ только звукъ:

Вся фигура глазирована, цвѣтъ—охряный желтый.

На рис. 155 баранъ,—другая глиняная свистулька, красиваго коричневаго цвѣта, глазированная. На груди барана дырочка, играющая роль лада: закрывъ ее пальцемъ руки и вдувая воздухъ, получаемъ тонъ:

а открывая: . Общая длина фигуры 9 сантиметровъ, вышина—до роговъ—8 сантиметровъ.

Рис. 156. Оригинальный глиняный слѣпокъ пѣтушка, свѣтлокоричневого цвѣта, глазированный сверху и съ боковъ. Для пальцевъ рукъ существуютъ два отверстія, на спинѣ фигурки, закрывая которыя полу-

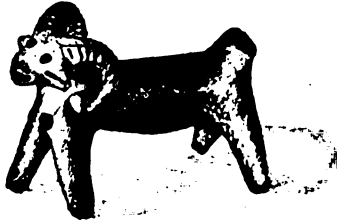

Рис. 155.

Рис. 156.

чаемъ при вдуваніи слѣдующій тонъ: ; открывъ одно кото-

рое-нибудь, получаемъ: ; и, наконецъ, открывъ оба:

 Длина отъ конца хвоста до конца носа $8\frac{1}{2}$ сантиметровъ, высота до конца гребня 10 сантиметровъ.

XIV.

Заключеніе.

Итакъ, мы видѣли, что на Руси встрѣчались всѣ формы свистящихъ музыкальныхъ инструментовъ, какъ-то: *свистокъ*, *многоствольная флейта*, *двойная флейта*, *прямая флейта* или *дудка* съ дутьемъ по длинѣ, при чемъ послѣдняя имѣетъ два типа: *дульце безъ свистка* (т. е. стволъ, открытый съ обоихъ концовъ); или *дульце со свисткомъ* и, наконецъ,—*флейта поперечная*, хотя её нельзя считать за инструментъ, распространенный въ народномъ русскомъ употребленіи. Сдѣлаемъ общіе выводы по каждому изъ этихъ типовъ въ отдѣльности:

1) *Свистки*. Извѣстны у всѣхъ народовъ. Въ употребленіи Славянъ остались, очевидно, со временъ Арійской эпохи. Распространены въ русскомъ народѣ и теперь—главнымъ образомъ, въ качествѣ игрушекъ дѣтей.

2) *Многоствольныя флейты*. Кажется были у народовъ всего міра. Литовцы, Славяне (*цѣпица*) и Русскіе получили ихъ, по всей вѣро-

ятности также въ качествѣ прямого наслѣдія отъ Арійскихъ предковъ. Въ настоящее время въ Великороссіи онѣ уже совершенно вышли изъ употребленія (если здѣсь вообще когда-либо примѣнялись) хотя еще недавно были извѣстны подъ именемъ *кувичекъ* въ Курской губерніи, а въ Литвѣ существуютъ и до сихъ поръ.

3) *Двойныя флейты*. Кажется, изобрѣтены Арійцами, отъ которыхъ въ Азіи перешли потомъ къ Семитамъ. Въ высшей степени распространены были у античныхъ народовъ. Безъ сомнѣнія остались въ употребленіи литовцевъ и русскихъ отъ временъ Арійскихъ. Въ чистой античной своей формѣ чрезвычайно популярны теперь въ Смоленской губерніи; видоизмѣненныя извѣстны еще у балканскихъ Славянъ и кой гдѣ (въ видѣ такъ называемыхъ двойныхъ флажолетовъ) въ З. Европѣ. Нѣсколько культивированы и введены въ составъ нынѣшняго великорусскаго оркестра.

4) *Прямая дудка* или *флейты* безъ дульца (свистка). Извѣстны всѣмъ народамъ міра. Несомнѣнно и у Славянъ сохранились отъ временъ самой глубокой древности; на Руси извѣстны изъ этой категоріи муз. орудій— *обыкновенная дѣтская дудка, зубовая дудка* въ Малороссіи и *дудка Терскихъ казаковъ*. Ближе всего къ нимъ стоитъ башкирскій *курай*, который и можно было-бы считать предкомъ русской дудки, если-бы не такая простая конструкція инструмента, въ силу первобытности которой, надо допустить одновременное его возникновеніе въ разныхъ мѣстахъ (какъ и простые свистки, вѣроятно).

5) *Прямая флейты съ дульцемъ*,—также общи для всѣхъ народовъ, оставшись у Славянъ и на Руси отъ временъ Арійскихъ подъ названіями *сотль*, *пищаль*; можетъ быть, впрочемъ, здѣсь повліяли и восточные сосѣди, отъ которыхъ Славяне могли заимствовать длинныя флейты со свистками на дульцѣ. (См. выше, начало XII главы). Въ З. Европѣ въ средніе вѣка развились въ флейтовый хоръ изъ инструментовъ разныхъ величинъ, но были потомъ вытѣснены флейтою поперечною.

6) *Поперечныя флейты* произошли на Востокѣ хотя и въ древнія времена, но во всякомъ случаѣ послѣ прямыхъ флейтъ; перешли въ древнюю Грецію и Римъ довольно поздно, не раньше Христіанской эры; въ З. Европѣ начали прививаться во всеобщее употребленіе съ конца XV столѣтія, а въ XVIII окончательно вытѣснили прямую флейту, оставшись единственнымъ принятымъ теперь въ культурную музыку инструментомъ изъ категоріи свистящихъ. На Руси появились въ войскахъ вмѣстѣ съ иноземными рейтарами съ XVIII столѣтія. Въ употребленіе русскаго общества поперечная флейта—вмѣстѣ съ другими музыкальными

инструментами Западной Европы—вошла только со временъ Петра Великаго. Здѣсь въ Россіи находится вообще одна изъ лучшихъ фирмъ въ мірѣ, изготовляющихъ флейты,—а именно Ю. Г. Циммерманъ, гдѣ работаетъ, какъ уже было сказано выше, и знаменитый мастеръ флейтъ чехъ А. Герль; у насъ имѣются и достойные представители флейтовой игры, какъ, напримѣръ, недавно скончавшійся Эрнесто Кёлеръ, превосходный виртуозъ, составившій школы и множество сочиненій для флейты, профессоръ С.-Петербургской Консерваторіи Ф. В. Степановъ, капельмейстеръ К. К. Мюллеръ, артистъ придворнаго оркестра А. Н. Семёновъ, В. Т. Насоповъ и другіе выдающіеся музыканты-виртуозы. Недавно русская, — г-жа Вѣра Гебенъ пыталась возстановить въ своихъ концертахъ и античный колоритъ флейты—этого любимаго инструмента музыки Эллады.

Вотъ результатъ конечныхъ выводовъ относительно происхожденія и развитія свистящихъ музыкальныхъ инструментовъ на Руси, къ которымъ удалось мнѣ придти путемъ многолѣтнихъ изысканій. Если въ этомъ изслѣдованіи и чувствуются погрѣшности, то онѣ неизбежны, какъ и при всякомъ первомъ опытѣ объединенія огромнаго матеріала во всей полнотѣ разсматриваемаго вопроса. Представляя на судъ общества и ученыхъ специалистовъ опытъ этого, во всякомъ случаѣ, перваго систематическаго обслѣдованія свистящихъ инструментовъ русскаго народа, я далеко отъ мысли считать его совершеннымъ; но счастливъ уже и тѣмъ, что открываю путь другимъ работникамъ въ этой области музыкальной исторіографіи нашего отечества.

Н. Приваловъ.

С.-Петербургъ. 6 декабря 1908 года.

На страницѣ 156 строчки 15 и 16-ю сверху прошу исправить слѣдующимъ образомъ: вмѣсто фразы „я буду доказывать происхожденіе названія *цъвица* отъ *кувица*, обозначающее русскую многоствольную флейту“—надо поставить: „я буду доказывать происхожденіе названія *кувица*, обозначающаго русскую многоствольную флейту, отъ древне-славянскаго *цъвица*“.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІИ

Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1907 годъ.

Засѣданіе 2-го марта 1907 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали члены Общества: Ѳ. А. Браунъ, Н. И. Веселовскій, Х. М. Лопаревъ, кн. П. А. Путятинъ, Н. К. Рерихъ, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣпниковъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Е. В. Фармаковскій; гости: гг. Макаренко, Миллеръ, Фохтъ.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Быль доложенъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Отдѣленія за 1906 г.

III.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе по исторіи и древностямъ крымскихъ готовъ. Референтъ выставилъ положенія, что готы всегда занимали лишь долины сѣвернаго склона крымскихъ горъ и что гурзуфскій могильникъ VI—VII вв. содержитъ лишь вещи, распространенныя въ это время всюду въ сферѣ вліянія Византіи, вовсе не заключаая предметовъ латенской культуры, вынесенной готами съ Вислы и явно удержанной ими и въ данное время, хотя уже въ сокращенномъ и смѣшанномъ видѣ (готскіе могильники Италіи). Съ VI—VI вв. усиливается ассимиляція крымскихъ готовъ съ греками и огреченными ала-

нами, проведшая въ теченіе вѣковъ къ полному сліянію ихъ съ греками. Долѣе всего готы удерживали свой языкъ.

Ө. А. Браунъ не согласился съ нѣкоторыми соображеніями референта, касающимися исторіи передвиженія готовъ къ берегамъ Чернаго моря.

Н. И. Рѣпниковъ высказался за готское происхожденіе могильника Суукъ-Су.

Б. В. Фармаковскій отмѣтилъ, что въ Ольвіи найдены вещи, аналогичныя съ латенскими.

IV.

Доложенъ отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1906 г. въ Смоленской губерніи, по порученію Общества, В. Н. Глазовымъ. Исслѣдователь нашелъ, что указанный ему могильникъ близъ деревни Скряпиной Порѣчскаго уѣзда оказался собственно площадкой съ распаханными курганами, которая къ тому же была занята посѣвомъ и не могла быть подвергнута обстоятельнымъ раскопкамъ. Въ сосѣднихъ деревняхъ было раскопано до 20 кургановъ съ трупосожженіями, почти не давшихъ находокъ. В. Н. Глазовъ началъ разысканія въ новомъ мѣстѣ своей службы, Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губ. Здѣсь онъ уже нашелъ и подвергъ предварительной раскопкѣ нѣсколько городищъ (судя по находкамъ, XIII—XIV вв.); разысканы были очень хорошія подѣлки каменнаго вѣка.

V.

Кн. П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе о новыхъ археологическихъ работахъ въ Бельгіи, относящихся къ эпохѣ расселенія Германцевъ.

Засѣданіе 17-го марта 1907 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ө. Платонова присутствовали члены Общества: В. С. Борзаковскій, Н. И. Веселовскій, Н. И. Макаренко, Н. М. Печенкинъ, Н. И. Рѣпниковъ, С. Л. Пташицкій, кн. П. А. Путятинъ, Н. К. Рерихъ, С. В. Рождественскій, А. А. Спицынъ, К. В. Хилинскій, Б. В. Фармаковскій; гости: гг. Волковъ, Гейкель, Мионовъ, Раевскій.

I.

Быль прочитанъ и утверждень протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Въ Коммиссію по разбору старыхъ таблицъ и клише избраны отъ Отдѣленія Д. В. Айналовъ и Н. И. Веселовскій.

III.

А. А. Спицынъ представилъ отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1906 г. по порученію Общества близъ Сестрорѣзка С. С. Гамченко. Раскопки эти побудили докладчика пересмотрѣть вопросъ объ удлинненныхъ и длинныхъ курганахъ, приписывавшихся кривичамъ и имѣвшихъ большое значеніе для изслѣдованій о расселеніи русскаго племени въ VIII—IX вѣкахъ. Привлекши къ старому матеріалу археологическія данныя изъ новѣйшихъ раскопокъ въ Смоленской губ. В. И. Сизова, въ Муромскомъ у. А. А. Смирнова и на р. Мстѣ Н. К. Рериха, докладчикъ усмотрѣлъ, что многіе изъ удлинненныхъ кургановъ могутъ быть относимы къ болѣе раннему времени и что районъ ихъ распространенія въ дѣйствительности значительно шире, чѣмъ предполагалось прежде, и включаетъ мѣстности, гдѣ трудно предполагать древнее славянское населеніе. Поэтому длинные курганы съ большимъ вѣроятіемъ можно относить къ числу финскихъ памятниковъ старины. Нельзя предвидѣть, можетъ ли хоть какая нибудь часть длинныхъ кургановъ быть удержана въ пользу славянъ. Если это курганы финскіе, то норманны первоначально поселились въ странѣ финновъ, вѣроятно же всего, въ качествѣ торговцевъ, ведшихъ сначала мѣстную торговлю, а потомъ, черезъ весь, принявшихъ живое участіе и въ торговыхъ сношеніяхъ сѣверной Россіи съ востокомъ. Норманны по торговому пути въ этомъ направленіи оставили рядъ характерныхъ кургановъ, изъ коихъ нѣкоторые могутъ быть относимы въ VIII—IX вв. Пока нельзя сказать навѣрное, въ области финновъ или славянъ поставленъ былъ Смоленскъ. Въ Кіевѣ Олегъ былъ приглашенъ скорѣе всего для помощи противъ кочевниковъ. Черезъ Смоленскъ и Кіевъ норманны вошли въ торговое общеніе съ хозарами, а потомъ и съ греками. Норманская теорія происхожденія Руси стоитъ непоколебимо на археологическомъ матеріалѣ. Изъ всѣхъ племенъ, населявшихъ Россію въ X в., скандинавскія древности въ массѣ распространены только въ странѣ вепсовъ (веси) и славянъ.

IV.

С. Л. Пташицкій сдѣлалъ сообщеніе о новомъ изданіи Радзиминскаго и Горчакъ: Монографіи рода Сангушковъ (Monografia X. X. Sanguszkow. Lwow. 1906, Н. I и III), какъ матеріалъ для исторіи Западной Руси.

Засѣданіе 14-го апрѣля 1907 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали члены Общества: Н. И. Веселовскій, К. А. Иностранцевъ, Д. А. Клеменць, Н. П. Лихачевъ, В. В. Майковъ, Н. Я. Марръ, Н. И. Приваловъ, кн. П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣпниковъ, А. А. Спицынъ; гости: А. А. Миرونъ, А. С. Раевскій.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Быль обсужденъ вопросъ о раскопкахъ, предполагаемыхъ на лѣто 1907 г. Отчасти этотъ вопросъ быль рѣшенъ въ предыдущемъ засѣданіи Отдѣленія, когда было признано желательнымъ продлить раскопки г. Гамченко близъ Сестрорѣцка. Остающіяся въ распоряженіи Отдѣленія средства Н. И. Веселовскій и А. А. Спицынъ предложили направить на важную задачу въ Средней Россіи, именно на изслѣдованіе Черниговскихъ древнихъ городищъ. Оно должно дать матеріалы для рѣшенія вопроса о культурѣ и распространеніи племени, занимавшаго данную мѣстность до прихода сюда славянскаго населенія, а также вопроса о времени начала русской колонизаціи края. Матеріалъ для предлагаемыхъ изслѣдованій имѣется обильный; онъ указанъ на специальной картѣ Д. Я. Самоквасова. Отдѣленіе, соглашаясь съ этимъ предложеніемъ, постановило поручить изслѣдованіе Черниговскихъ городищъ С. А. Гатцуку и ассигновать на этотъ предметъ 100 рублей.

III.

С. Ѳ. Платоновъ доложилъ о поступившей въ Общество отъ И. А. Шляпкина грамотѣ на кормленіе 1581 — 1582 г. Н. П. Лихачевъ подтвердилъ мнѣніе докладчика о подлинности этой грамоты.

IV.

Было доложено сообщеніе А. А. Миллера о курганахъ, раскопанныхъ имъ въ 1902 — 1906 гг. въ окрестностяхъ Таганрога. Курганы дали весьма разнообразныя и разновременныя предметы, начиная отъ культуры древнихъ скорченныхъ костяковъ и кончая позднѣйшими кочевниками. Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе кургановъ позднѣйшихъ сарматовъ и раннихъ кочевниковъ. Новость въ археологіи представляютъ курганы съ могильными ямами неправильной формы, относящіяся приблизительно къ VI вѣку, и курганы съ большими серебряными бляхами, которые можно отнести къ XII—XIII в.

V.

А. А. Спицынъ въ краткомъ сообщеніи высказалъ предположеніе, что хронологія древнѣйшихъ памятниковъ южной Россіи будетъ установлена по аналогіямъ въ древностяхъ Эгейской культуры и Малой Азіи. Въ частности имъ былъ представленъ перечень вещей изъ Майкопскихъ кургановъ со скорченными костяками, имѣющихъ аналогіи въ древностяхъ Трои.

Засѣданіе 6-го октября 1907 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. О. Платонова присутствовали члены Общества: В. С. Борзаковскій, Н. И. Веселовскій, К. А. Иностранцевъ, Хр. М. Лопаревъ, В. В. Майковъ, кн. П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣпниковъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Н. В. Султановъ и гости: гг. Абрамовъ, Баталинъ, Гамченко, Грековъ, Мироновъ, Макаренко, Раевскій, Симони.

I.

Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

А. А. Спицынъ представилъ возраженія на теорію массоваго переселенія приднѣпровской Руси на сѣверъ, доказывая, что мнѣніе о густомъ населеніи Приднѣпровья въ X—XI вв. ни на чемъ не основано, что положеніе Руси въ болѣе позднее время нѣтъ причинъ при-

знавать критическимъ и что движеніе населенія съ юга на сѣверъ невѣроятно.

Замѣчанія на докладъ были сдѣланы С. Ѳ. Платоновымъ, С. В. Рождественскимъ и А. С. Раевскимъ.

III.

И. С. Абрамовъ сдѣлалъ сообщеніе о произведенныхъ имъ лѣтомъ 1907 г. раскопкахъ въ Кролевецкомъ и Глуховскомъ уѣздахъ Черниговской губ. Всего раскопано 18 кургановъ, изъ нихъ 16 подъ мѣстечкомъ Воронежемъ, въ урочищахъ Кручено Болотце, Гуковъ Хуторъ и Черныя Лозы и 2 кургана подъ г. Глуховомъ. Подъ м. Воронежемъ большинство кургановъ оказалось съ остатками трупосожженія; найдено значительное количество черепковъ, относящихся, по предположенію А. А. Спицына, ко времени болѣе раннему, чѣмъ городища Дьякова типа. Обнаружены также типичныя радимичскія погребенія XI вѣка. Подъ Глуховскимъ одинъ курганъ оказался общей могилой, сравнительно поздней, содержащей до 50 костяковъ; вещей не обнаружено. Второй глуховскій курганъ содержалъ грунтовую могилу, глубиной 3¹/₂ фута, въ которой лежалъ костякъ плохой сохранности.

IV.

Былъ доложенъ отчетъ о раскопкахъ С. А. Гатцука, произведенныхъ имъ на свои средства въ 1906 г. въ Мглинскомъ у. Раскопки эти установили, что въ данной мѣстности имѣются городища Дьякова типа (Чешуйки, Масглино, Лопена, Барыки, Малышевка, Воробейна и Вормино), и довольно многочисленныя группы кургановъ радимичскаго типа. Далѣе верховьевъ р. Судости курганы эти, повидимому, не идутъ. Осмотрѣны городища двухъ древнихъ городовъ—Ормина и Воробійна, упоминаемыхъ съ XII в. Раскопанные курганы относятся къ XI—XII вв. По особенностямъ погребенія любопытны курганы близъ д. Чешуйки съ очень большими грунтовыми ямами, представляющими, быть можетъ, аналогію съ курганами Полтавской губ.

V.

А. А. Спицынъ предложилъ замѣчанія на тему о происхожденіи русскихъ змѣвиковъ, указавъ, что ихъ слѣдуетъ выводить изъ абраксовъ. На послѣднихъ имѣется, между прочимъ, изображеніе человѣческой фигуры съ головою пѣтуха и ногами въ видѣ змѣй. На змѣви-

какъ изображеніе головы съ змѣями кругомъ, вѣроятно, не болѣе, какъ сокращеніе этой фигуры. Надпись змѣвиковъ «Д» можетъ представлять простое искаженіе обычнаго надписи абраксовъ НАШ. Если искать посредника въ распространеніи абраксовъ на Русь, то удобнѣе было бы видѣть такого въ лицѣ аланъ, а не болгаръ. Къ апокалипсису змѣвики не имѣютъ отношенія.

VI.

Кн. П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе о найденномъ близъ Бологаго сосудѣ съ жжеными костями, принесенномъ имъ въ даръ Обществу.

Засѣданіе 27-го октября 1907 года.

I.

Д. В. Айналовъ сообщилъ два примѣчанія къ тексту хожденія Антонія Новгородскаго, касающіяся крестовъ, видѣнныхъ этимъ паломникомъ въ церкви св. Софіи въ Царьградѣ. 1) Крестъ мѣрный, видѣнный Антоніемъ въ алтарѣ маломъ, повидимому, былъ привезенъ изъ Іерусалима ранѣе времени Юстиніана, такъ какъ ему приписывается только украшеніе этого креста. «Мѣрнымъ» этотъ крестъ названъ потому, что представлялъ мѣру роста Христова. Онъ восходитъ къ ряду крестовъ, стоящихъ на Голгоѣской скалѣ и во всемъ повторявшихъ форму и величину «Честнаго Древа» 2) Крестъ, висѣвшій въ главномъ алтарѣ передъ большимъ золотымъ крестомъ, и описанный Антоніемъ по поводу чуда поднятія его на воздухъ съ лампадами, судя по вариантамъ рукописей «хожденія» долженъ былъ имѣть какія-то вѣти (вѣтви), устройство которыхъ приписывается также Юстиніану. Что такое вѣти (вѣтви), и не слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ словѣ «вѣтви креста» по даннымъ нѣкоторыхъ вариантовъ—остается неяснымъ. Въ Копенгагенской рукописи въ одномъ случаѣ слово «ветъ» замѣнено словомъ «тыква».

II.

Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о большомъ кладѣ серебряныхъ блюдовъ, найденномъ въ 1907 г. близъ д. Климовой и извѣстнаго с. Кудымкора на р. Инвѣ Соликамскаго у. Пермской губ., въ сѣмъ нѣсколько болѣе пуда. Особое вниманіе возбудили два блюда. Одно изъ нихъ признано поздне-римскимъ, III—IV вв., а штемпеля на

днѣ его—византійскими VI—VII вв. Противорѣчіе между обѣими датами Н. В. Султановъ объяснилъ тѣмъ, что доныпко припаяно къ блюду поздиѣ. Д. В. Айпаловъ высказалъ мнѣніе, что человѣческая фигура на этомъ блюдѣ не имѣетъ портретнаго характера, а представляетъ простой «ликъ», напр. Эндиміона; но при послѣдовавшихъ возраженіяхъ не защищалъ безъ разрядки этого мнѣнія. Болѣе недоумѣній вызвало другое блюдо—съ изображеніемъ колесницы и двухъ человѣческихъ фигуръ. Докладчикъ находилъ, что здѣсь лишь реальная сцена, вродѣ выѣзда царя на охоту; Я. И. Смирновъ придавалъ изображенію мѣологическое значеніе, желая связать его съ культомъ мѣсяца; Н. В. Султановъ высказалъ предположеніе, что здѣсь можно видѣть отраженіе какого-нибудь мѣологическаго сюжета изъ классическаго міра. Не разрѣшенъ былъ также вопросъ: два изображенія здѣсь видѣть, или же одно; на первомъ предположеніи особенно настаивалъ Н. В. Султановъ, на второмъ—Д. В. Айпаловъ, высказавшій, что верхняя фигура сидитъ на коврѣ, на колесницѣ. Изображеніе на третьемъ блюдѣ принято за сокращенную сцену охоты, но, по мнѣнію Д. В. Айпалова, это изображеніе парадиза.

III.

Кн. П. А. Путятинъ, изложивъ имѣющіяся свѣдѣнія о двухъ городищахъ близъ ст. Бологого, настаивалъ на необходимости отнестись осторожно къ хронологическому опредѣленію ихъ, въ виду того, что въ нихъ могутъ оказаться наслоенія разнаго времени и совершенно различныхъ культуръ. Одно изъ этихъ городищъ, такъ называемый Рай-городокъ, подвергается опасности уничтоженія, такъ какъ, по слухамъ, его предполагается снести для балласта подъ полотно желѣзной дороги.

Постановлено: ходатайствовать чрезъ Совѣтъ Общества предъ Императорскою Археологическою Коммиссіею о принятіи мѣръ къ охранѣ Рай-городка отъ разрушенія.

IV.

К. В. Хилинскій сдѣлалъ докладъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ Кіевѣ лѣтомъ 1907 г. В. В. Хвойкою, представивъ и фотографическіе снимки съ важнѣйшихъ вещей. Дополнительныя свѣдѣнія объ этой раскопкѣ далъ Д. В. Айпаловъ. Н. В. Султановъ замѣтилъ, что если открытое каменное сооруженіе сложено на извести, то это не печь, такъ какъ известь не выноситъ топки.

Засѣданіе 28-го ноября 1907 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали члены Общества: В. Н. Бенешевичъ, Н. В. Покровскій, кн. П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣпниковъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, К. В. Хилицскій, И. А. Шляпкинъ; гости: Баталинъ, Виноградовъ, Гамченко, Грековъ, Ивановъ, Макаренко, Миллеръ, Печенкинъ, Толмачевъ.

I.

Были прочитаны и утверждены протоколы двухъ предыдущихъ засѣданій.

II.

И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ докладъ о русскихъ и византійскихъ древностяхъ въ нѣкоторыхъ городахъ Сѣверной Германіи. Посѣтивъ минувшимъ лѣтомъ города Брауншвейгъ, Кведлинбургъ, Гальберштадтъ и Гальдесгеймъ, докладчикъ отмѣтилъ среди мѣстныхъ древностей рядъ предметовъ, имѣющихъ связь съ исторіей византійскаго и древне-русскаго искусства. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) двѣ хоругви Гильберштадскаго собора, вывезенныя изъ Константинополя епископомъ Конрадомъ въ 1224 г., ткань которыхъ очень похожа на ткань поручей Варлаама Хутынскаго, 2) рѣзной диптихъ въ Гильдесгеймскомъ соборѣ съ надписью «Св. Никола», 3) реликвиарій въ томъ же соборѣ съ русскими надписями. По мнѣнію докладчика, эта вещь могла понасть въ Сѣверную Германію въ XII—XIV вѣкахъ.

Выслушавъ сообщеніе, Отдѣленіе постановило воспроизвести снимки съ наиболѣе интересныхъ предметовъ, описанныхъ И. А. Шляпкинымъ, въ Запискахъ Отдѣленія.

III.

С. С. Гамченко представилъ отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ близъ Сестрорѣцка въ 1907 г. Давъ подробное описаніе многочисленныхъ раскопанныхъ имъ кургановъ, раздѣленныхъ на 2 типа, зольныхъ и угольныхъ, докладчикъ демонстрировалъ очень скудный запасъ найденныхъ вещей, не дающихъ твердаго основанія для сужденія о древности кургановъ.

Докладъ вызвалъ возраженія со стороны И. А. Шляпкина, до-

казывавшего на основаніи геологическихъ и историческихъ данныхъ, касающихся мѣстности между Бѣлоостровомъ и Дыбуномъ, что въ этой мѣстности не могло быть кургановъ древнѣе XIV вѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ, оппонентъ высказалъ сомнѣніе, чтобы всѣ раскопанные курганы были дѣйствительно погребальными сооружениями; по мнѣнію И. А. Шляпкина это, скорѣе, промышленныя сооружения для добыванія угля и смолы. А. А. Спицынъ защищалъ положенія докладчика о подлинности и древности раскопанныхъ кургановъ.

Засѣданіе 21-го декабря 1907 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова, присутствовали: гг. Бартольдъ, Веселовскій, Н. Виноградовъ, Волковъ, Клеменецъ, Макаренко, Мироновъ, Миллеръ, кн. Путятинъ, Раевскій, Спицынъ, Фармаковскій.

I.

По поводу прочтеннаго протокола предшествующаго засѣданія А. А. Спицынъ заявилъ, что, къ сожалѣнію, его убѣжденія были недостаточны, чтобы разсѣять сомнѣнія И. А. Шляпкина. Слухъ, что Русское Отдѣленіе раскапываетъ вмѣсто кургановъ смоляныя или угольныя ямы, быстро распространился среди членовъ Общества и грозилъ Отдѣленію отказомъ въ суммахъ на дальнѣйшія раскопки. Г. Спицынъ просилъ членовъ Отдѣленія не отказать, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, оглашать при всякомъ удобномъ случаѣ, что въ каждомъ изъ раскопанныхъ г. Гамченкомъ погребеній имѣются остатки погребенія въ видѣ пережженныхъ костей человѣка.

II.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе о Минусинскомъ мѣдномъ вѣкѣ, доказывая, что Минусинская культура сложилась изъ двухъ элементовъ—вещей средняго мѣднаго вѣка, распространеннаго въ Средней Азіи, Западной Сибири, на Камѣ и въ Южной Россіи, и вещей китайскаго происхожденія. Культуры Западно-Сибирская и Камская отличаются отъ Минусинской несравненно болѣе значительною примѣсью вещей сарматскихъ.

Сообщеніе вызвало продолжительныя и оживленныя пренія.

Д. А. Клеменцъ заявилъ себя сторонникомъ теоріи мѣстнаго происхожденія и развитія Минусинскаго мѣднаго вѣка. Онъ высказалъ, что для высокаго развитія искусства вовсе нѣтъ нужды, чтобы извѣстная народность составляла крупную политическую единицу (Гавайскіе острова, Новая Зеландія, Эскимосы); что среди Минусинскихъ вещей нѣтъ дубликатовъ: это работа кустарная, при которой для каждой новой вещи готовилась новая форма; что минусинскія вещи поражаютъ реализмомъ изображеній (Радловъ), не имѣющихъ и признаковъ той гипертропіи, которая столь свойственна китайскому искусству; что если въ минусинскихъ степяхъ и есть китайскія вещи, то онѣ могутъ имѣть болѣе позднее происхожденіе; что степи эти не имѣютъ съ Китаемъ обширныхъ сношеній; что наличность въ Китаѣ мѣднаго вѣка въ I—II вв. до Р. Х. не доказана; что переходъ отъ мѣди къ желѣзу совершился на мѣстѣ; что вопросъ о патинѣ большой и не можетъ быть разрѣшенъ простою ссылкой на искусство китайскихъ мастеровъ. Въ общемъ Д. А. Клеменцъ склоненъ приписать минусинскому мѣдному вѣку «довольно глубокую древность и первобытность работы». Обиліе находокъ въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ г. Клеменцъ считаетъ возможнымъ объяснить продолжительнымъ существованіемъ на нихъ земледѣльческихъ поселеній; удобныхъ для земледѣлія мѣстъ въ краѣ немного, и всѣ эти мѣста заняты по настоящее время.

А. А. Миллеръ указалъ, что реализмъ есть первая форма искусства, какъ это особенно ясно выступаетъ при изученіи палеолитическаго французскаго искусства, стоявшаго, кстати сказать, весьма высоко, несмотря на то, что данная народность была небольшою. Формы минусинскаго искусства архаичны.

Г. Островскихъ замѣтилъ, что въ Минусинскомъ краѣ найдены и формы мѣдныхъ издѣлій, между прочимъ и для довольно тонкихъ работъ (удила).

По мнѣнію Н. И. Веселовскаго, качество патины зависитъ главнымъ образомъ отъ свойства почвы, въ которой мѣдная вещь залегала.

Г. В. Фармаковскій высказалъ, что, по его мнѣнію, въ минусинскомъ мѣдномъ вѣкѣ преобладаетъ вліяніе передне-азиатскаго искусства, чего можно было бы ожидать и по основаніямъ историческимъ (см. у Е. Meyer «Gesch. d. Altertums», главу о дорогахъ, проходившихъ съ берега Чернаго моря въглубь Азіи); во всякомъ случаѣ замѣчается громадное сходство въ вещахъ минусинскихъ съ месопотамскими (напр., одинаково стилизованныя и имѣющія идентичное, чисто декора-

тивное значеніе изображенія козла, полумѣсяца съ головками и пр.); что орнаментъ въ видѣ фигурнаго козырька есть и въ передне-азиатскомъ искусствѣ; что манера профилей, о которой говорил докладчикъ, не составляетъ отличительнаго признака китайскаго искусства—это есть приѣмъ всякаго архаическаго искусства (работа Леви ¹⁾); что въ извѣстномъ намъ китайскомъ искусствѣ наблюдаются другія формы; тамъ нѣтъ тѣхъ схемъ, которыя типичны для передне-азиатскаго и минусинскаго искусства; что массагетское искусство, если таковое вообще было, должно было-бы естественнѣе всего быть преисполненнымъ вліяніемъ месопотамскихъ формъ, какъ ими были преисполнены искусство Элама, Персіи и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ Б. В. Фармаковскій взывалъ къ осторожности въ хронологическомъ опредѣленіи вещей минусинской культуры и настаивалъ на необходимости строгой критической работы и, прежде всего, на собраніи болѣе значительнаго матеріала, его критики и художественно-исторической оцѣнки. Ссылаясь на аналогію съ находками въ Патели (Македонія), г. Фармаковскій считалъ возможнымъ объяснить обильное нахожденіе вещей на опредѣленныхъ небольшихъ площадкахъ слѣдами приношеній умершимъ, если бы находками установлено было существованіе въ этихъ мѣстахъ некрополя. Иначе пришлось бы думать, что небольшія площадки, гдѣ находились древности, представляютъ остатки поселеній.

Г. Волковъ настаивалъ на необходимости быть осторожнымъ въ употребленіи термина «мѣдный вѣкъ». Въ строгомъ смыслѣ мѣдный вѣкъ можно признать лишь тамъ, гдѣ естьковка металла.

Возражая своимъ оппонентамъ, докладчикъ изложилъ слѣдующія соображенія. Теорія самобытнаго происхожденія искусства у отдѣльныхъ народностей не признается наукою; всюду замѣчается вліяніе болѣе сильныхъ культуръ на слабыя и взаимныя вліянія сильныхъ. Китайское искусство необыкновенно реально; искаженіе оно допускаетъ лишь тамъ, гдѣ это нужно для опредѣленной мысли, или же для цѣлей профиля и симметріи. Месопотамское искусство отразилось весьма существенно, но не на минусинскомъ мѣдномъ вѣкѣ, а на массагетской культурѣ и на Западно-Сибирскомъ мѣдномъ вѣкѣ. Древняго китайскаго мѣднаго вѣка нигдѣ, кромѣ Минусинска, пока неизвѣстно, и потому преждевременно утверждать, что онъ не могъ дать тѣхъ или иныхъ орнаментовъ минусинской культурѣ; орнаменты эти могли имѣть общее происхожденіе въ

¹⁾ L ä w y, „Die Naturwiedergabe in der älteren Griechischen Kunst“. Rom, 1900, стр. 3.

китайскомъ и месопотамскомъ искусствѣ и даже переходить изъ перваго во второе. Время существованія минусинской культуры, судя по замѣчательному однообразію формъ и техники, не могло быть продолжительнымъ, и уже одно это обстоятельство говорить очень ясно за ея несамостоятельность. Объ архаизмѣ минусинскаго искусства не можетъ быть и рѣчи. Оно настолько же архаично, какъ и современное китайское искусство, которое до сихъ поръ живетъ старыми художественными традиціями, какъ жило и въ эпоху Р. Х. Отсутствие въ Минусинскѣ формъ для литья хорошихъ вещей также служить признакомъ, что онѣ отливались въ иныхъ мѣстахъ. Расцвѣтъ искусства во французскомъ палеолитѣ именно доказываетъ, что формы общественнаго быта въ ту пору были весьма здѣсь развиты.

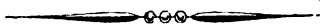
III.

А. А. Миллеръ сдѣлалъ докладъ о поѣздкѣ, совершенной имъ лѣтомъ 1907 г., по порученію Императорской Археологической Комиссіи, по восточному побережью Чернаго моря. Поѣздка была исполнена отъ Сухума до ст. Ново-Михайловской Черноморской губ. На этомъ пространствѣ были осмотрѣны многочисленныя укрѣпленія, остатки церквей, священная гора, могильники въ Гаграхъ и с. Веселомъ и въ Дузу-Кале долмены (между которыми оказались выдолбленные въ цѣломъ камнѣ), камни съ изображеніями. Близъ села Карповки у Туапсе открытъ и раскопанъ могильникъ Юстиніановскаго времени (вскрыто 24 погребенія). Докладчикъ обратилъ вниманіе на различныя черты архаизма въ бытѣ и предметахъ обыденной жизни среди абхазскаго населенія.

Археологическіе труды А. Н. Оленина . Т. I—4 р. 50 к.,	
т. II—2 р.	6 р. 50 к.
Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова . И. П. Хрущова .	1 » 50 »
Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Имп. Русск.	
Арх. Общ. Д. И. Прозоровскаго	1 » — »
Поѣздка въ Румелію. Архим. Антонина	3 » — »
Изъ Румелии. Архим. Антонина	6 » — »
Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ.	
I. Зодчество древняго Египта. А. В. Прахова	3 » — »
Рязанскія древности	1 » — »
Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ.	
Л. Э. Стефани	1 » — »
Сборникъ еврейскихъ надписей. Д. А. Хвольсона (съ 8 таб-	
лицами)	4 » — »
Библиографическое обозрѣніе трудовъ Имп. Русскаго Археол.	
Общества. Д. В. Полѣнова	1 » — »
Опись предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Имп. Русскаго	
Археол. Общества. Д. И. Прозоровскаго	1 » — »
Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini grae-	
cae et latinae. Edidit Vasilius Latyschev , vol. I—7 р., II—10 р.,	
IV—10 р. (т. III готовится къ печатанію)	27 » — »
В. В. Латышевъ . Сборникъ греческихъ надписей христиан-	
скихъ временъ изъ Южной Россіи	2 » — »
Ю. Б. Иверсенъ . Медали въ честь русскихъ государственныхъ	
дѣятелей и частныхъ лицъ. Т. III	3 » — »
Н. Е. Бранденбургъ . Старая Ладога. Рисунки и техническое	
описаніе акад. В. В. Сулова	25 » — »
Н. И. Веселовскій . Рѣчь, читанная въ торжественномъ со-	
браніи 15-го декабря 1895 г.	— » 30 »
Н. И. Веселовскій . Исторія Императорскаго Русскаго Археоло-	
гическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существо-	
ванія 1846—1896 г.	4 » — »
А. А. Спицынъ . Краткій каталогъ Музея Императорскаго	
Русскаго Археологическаго Общества	— » 25 »

Съ требованіями просятъ обращаться въ книжный магазинъ **Н. Риккера**. (С.-Петербургъ, Невскій пр., № 14).

Цѣна **2 руб. 50 коп.**

ЗАПИСКИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ІХ.

Съ таблицами и рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

1913.

ЗАПИСКИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ ІХ.

Съ таблицами и рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

1913.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *Б. Фармаковскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Адриановъ, А. Писаницы по рѣкѣ Манѣ	1
Иностранцевъ, К. А. О «теремѣ» въ древне-русскомъ и мусульманскомъ зодчествѣ	35
Вдемскій, М. О старыхъ торговыхъ путяхъ на Сѣверѣ	39
Гамченко, С. Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ кургановъ въ 1908 г.	63
Гамченко, С. Изслѣдованіе кургановъ у дер. Сытенки, на лѣвомъ берегу р. Луги, въ 1908 году	163
Любомировъ, П. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1910 г. въ Новгородской и Тверской губерніяхъ	222
Кудряшовъ, К. Отчетъ о раскопкахъ 1911 года въ Гдовскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губ.	241
Протоколы засѣданій Отдѣленія Русской и Славянской Археологій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1908 г.	265
— за 1909 годъ	286
— за 1910 годъ	325
— за 1911 годъ	352

Писаницы по рѣкѣ Манѣ.

Рѣка Мана—правый притокъ Енисея; устье ея находится въ 25 верстахъ выше Красноярска. Эта большая рѣка, длина которой не менѣе 300 верстъ, въ нижней ея половинѣ течетъ по глубокой, чрезвычайно узкой долиинѣ, ограниченной съ обѣихъ сторонъ высокими, крутыми, нерѣдко утесистыми, покрытыми хвойнымъ лѣсомъ, горами; теченіе ея необыкновенно извилистое; глубина—не велика: 1—1½ метра; ширина рѣки около 80 сажень. Русло повсюду каменистое; теченіе довольно быстрое: около 7—8 верстъ въ часъ. На всемъ этомъ пространствѣ Мана постоянно разбивается на протоки и курьи и усѣяна островами. Утесистые склоны горъ, состоящихъ преимущественно изъ кристаллическихъ известняковъ, чередуются съ узкими займищами, покрытыми то лѣсомъ, то луговой растительностью, то болотами.

Такой характеръ рѣчной долины дѣлаетъ Ману непригодной для осѣдлой жизни и потому она остается почти безлюдной на всемъ своемъ протяженіи, а въ верхнемъ теченіи и недоступной даже для проникающаго всюду промышленника. Теперь [1902 г.] Мана служитъ лишь мѣстомъ временнаго пребыванія промышленниковъ, добывающихъ здѣсь строевой лѣсъ, рыбу, кедровые орѣхи, пушного и другаго звѣря (бѣлку, соболя, выдру, медвѣдя, лося, изюбря, козу). Еще болѣе дикій характеръ носятъ многочисленныя притоки Маны, большею частію горныя ручьи; исключеніе среди нихъ составляетъ р. Колба, впадающая въ Ману слѣва почти на половинѣ ея пути (нѣсколько ниже): этотъ самый большой притокъ Маны имѣетъ около 150 верстъ протяженія.

Такія условія и въ отдаленнѣйшее отъ нашего время должны были представлять мало привлекательнаго для обитателя; но тѣмъ не менѣе, Мана и ея притокъ Колба были обитаемы. Къ сожалѣнію, всѣ наши свѣдѣнія объ этой рѣчной системѣ чрезвычайно скудны. Мана по настоящее время ~~время~~ остается во всѣхъ отношеніяхъ неизслѣдованной: единственнымъ сколько либо подробнымъ описаніемъ ея доселѣ остаются

замѣтки (1740 г.) Гмелина; путь по ней же Крыжина (1858 г.) далъ результаты, насколько они опубликованы, лишь картографическіе.

Извѣстно, что въ 1629 г. обитавшее здѣсь слабое племя камаши покорилося русскимъ и во времена проѣзжавшаго здѣсь въ 1775 г. пограничнаго комиссара Пестерева платило ясакъ соболями и серебромъ посылаемымъ сюда изъ Красноярска чиновникамъ. Камаши, или, какъ ихъ называютъ, камасинцы, по изслѣдованіямъ ориенталистовъ, представляютъ остатокъ сильнаго въ древности племени самоѣдовъ, близкихъ по языку къ сойтамъ, обитающимъ между Саянами и Таннуолой, въ той огромной поперечной долинѣ, которая орошается системой верхняго Енисея и его притока Кемчика. Это племя, какъ и племена, обитавшія на территоріи нынѣшняго Минусинскаго уѣзда, по правымъ притокамъ Енисея—Тубѣ, Оѣ, Усу, до прихода сюда русскихъ были подданными Китая, и въ отдаленное время жили, вѣроятно, много южнѣе. Въ позднѣйшее время, когда учредилась Енисейская губернія, по Манѣ и Колбѣ и притокамъ послѣдней Шиньяру и Шалбеѣ жили частью качинскіе татары, переселившіеся сюда съ р. Качи, т.-е. народъ тюркскаго происхожденія. Остатки ихъ еще въ очень недавнее время жили, въ числѣ нѣсколькихъ семей, въ улусѣ около впаденія въ Ману ея праваго притока р. Нарвы (отправной пунктъ моихъ изслѣдованій на Манѣ), но лѣтъ 10 назадъ уцѣлѣвшія отъ вымиранія двѣ или три семьи ихъ выселились и съ ихъ уходомъ на Манѣ не оставалось ни одного инородческаго поселенія.

Помимо приведенныхъ историческихъ справокъ объ обитателяхъ Маны за послѣднія 3—4 столѣтія, имѣется еще непреложное свидѣтельство объ обитаемости Маны въ гораздо болѣе отдаленную, быть можетъ, эпоху; свидѣтельство это запечатлѣно въ тѣхъ писаницахъ, которыя мы находимъ на береговыхъ утесахъ по Манѣ и Колбѣ.

Всѣ эти писаницы однородны, какъ по сюжету, такъ и по манерѣ исполненія. Всѣ онѣ находятся на мало доступныхъ, отвѣсно спускающихся къ рѣкѣ, утесахъ на высотѣ отъ одной до 5 саженой надъ уровнемъ рѣки. Всѣ онѣ начертаны темнокрасною краскою, отлично сохранившеюся тамъ, гдѣ порода устояла противъ атмосферныхъ вліяній и гдѣ рука современнаго человѣка ихъ не тронула. Всѣ эти писаницы фигурныя: онѣ изображаютъ людей, животныхъ, всадниковъ, какіе-то знаки и фигуры, сцены изъ незамысловатой охотничьей жизни, вообще предметы, которые привлекали къ себѣ вниманіе и занимали умъ древняго художника, хорошо владѣвшаго кистью и проявившаго тонкую наблюдательность при передачѣ видѣннаго.

Мною осмотрѣно по Манѣ и Колбѣ восемь писаницъ. Въ нижеслѣдующемъ описаніи онѣ обозначены номерами, считая внизъ по теченію Маны.

Со всѣхъ писаницъ мною исполнены были лѣтомъ 1902 г. по порученію Императорской Археологической Коммиссіи ¹⁾ точныя копіи, на которыя я наносилъ, конечно, лишь древніе рисунки на утесахъ, опуская тѣ позднѣйшія надписи и рисунки, которыми обезобразили, а иногда и вовсе испортили, уже въ наше, къ стыду нашему, время различные неизвѣстные, а иногда и извѣстные, «любители древности» многія изъ писаницъ по р. Манѣ. Рисунки писаницъ сдѣланы мною на клѣтчатой бумагѣ для болѣе точнаго воспроизведенія фигуръ и для сохраненія дѣйствительныхъ размѣровъ ихъ: размѣры отдѣльныхъ фигуръ и взаимное расположеніе ихъ соотвѣтствуютъ поэтому на моихъ таблицахъ вполнѣ точно дѣйствительности. Клѣточка бумаги принята для рисунка писаницы первой, на таблицѣ I-ой, равною четыремъ квадратнымъ (2×2) сантиметрамъ; для остальныхъ же семи писаницъ, на таблицахъ II—XXI, каждая клѣточка равна одному квадратному сантиметру.

Подлинныя таблицы, равно какъ и рукопись настоящей статьи, печатаемой здѣсь съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями, хранятся въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи (дѣло № 33 за 1902 годъ). На воспроизводимыхъ здѣсь цинкографически частяхъ подлинныхъ таблицъ синяя клѣтчатая разграфка бумаги не видна, почему къ каждому рисунку и прибавлено указаніе на примѣрное отношеніе его размѣра къ величинѣ оригинала, т. е. къ самимъ фигурамъ писаницъ.

Писаница первая, самая верхняя изъ извѣстныхъ промышленникамъ по Манѣ писаницъ, находится на правомъ берегу Маны, 1¹/₄ версты ниже ея праваго притока Свищевой и 1¹/₂ версты выше ея лѣваго притока Колбы. Изображенія исполнены яркочерною краской на ребрахъ пластовъ известняка, поднятыхъ относительно горизонта подъ угломъ 45°. Утесы эти тянутся на значительномъ протяженіи по правому берегу, мѣстами отвѣсно спускаясь въ воду; въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится писаница, между утесомъ и водою рѣки остается узкій завадокъ отъ 1 до 2 арш. шириной; утесъ продолжается внизъ по рѣкѣ еще сажень 15, а затѣмъ начинается довольно широкій и ровный лугъ, на которомъ крестьяне дер. Свищевой ставятъ сѣно. Въ мѣстѣ нахождения писаницы двѣ плоскости обрыва утеса образуютъ уголъ, лежащій наклонно; по нижней, наклонной, плоскости, можно взобраться, примѣрно, на сажень, а на другой плоскости, поднимающейся почти отвѣсно

¹⁾ См. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1902 годъ. Спб. 1904, стр. 118—119.

*

надъ первую, расположена самая писаница. Она занимаетъ площадь въ длину, въ горизонтальномъ направленіи, 1,65 м., а въ высоту 1 метръ. Самая нижняя фигура находится на высотѣ 1,06 м. отъ края нижней плоскости, а самая верхняя на высотѣ 2 метровъ.

Писаница состоитъ теперь изъ 28 фигуръ, большею частью небольшихъ и грубо написанныхъ; инныя фигуры уже не распознаются и о существованіи ихъ приходится заключать по тѣмъ красноватымъ пятнамъ, которыя при внимательномъ разглядываніи начинаютъ выступать на грязно-желтой поверхности камня; инныя фигуры испорчены современнымъ человѣкомъ, вѣроятно изъ тѣхъ невѣждъ, что ежегодно развлекаются на Манѣ охотой: онѣ или сбиты, или почерчены камнемъ, или тутъ же въ видѣ подражанія подрисованы черною краской, иногда по древнимъ, краснымъ, фигурамъ, безобразныя новѣйшія фигуры.

Я нѣсколько разъ фотографировалъ писаницу при различномъ освѣщеніи, но вполнѣ удачнаго негатива не получилъ. Чрезвычайно трудно было установить аппаратъ и удержаться самому на узкомъ, осыпающемся карнизѣ, и тѣ полчаса, что я провелъ за съемкой, я ежеминутно рисковалъ свалиться съ утеса вмѣстѣ съ аппаратомъ, хотя мы при помощи молотка и лопаты и сдѣлали нѣсколько гнѣздъ, куда бы можно было поставить хотя бы часть ступни. Но главная причина неудачи фотографированія была въ томъ, что поверхность утеса съ писаницей представляетъ много неровностей, трещинъ, выступовъ, на которыхъ краска ложилась неровно, неясно; по той же причинѣ невозможна была и установка объектива на фокусъ одинаково годный для всѣхъ частей. За работой у этой писаницы я провелъ болѣе сутокъ, но ни желаніе мое, ни усердіе не могли, при указанныхъ затрудненіяхъ, достигнуть болѣе удовлетворительныхъ снимковъ.

Писаница эта воспроизведена мною краскою на таблицѣ I, въ масштабѣ $\frac{1}{4}$ натур. велич., съ сохраненіемъ относительныхъ размѣровъ и взаимнаго положенія фигуръ и по возможности съ соблюденіемъ всѣхъ деталей рисунка; кромѣ того съ нея снято двѣ фотографіи: одна при прямомъ освѣщеніи писаницы солнцемъ, другая, когда солнце покрылось тучами; послѣдняя удалась лучше.

Отдѣльныя фигуры размѣщались, повидимому, въ опредѣленномъ порядкѣ и передавали какую то основную мысль художника; онѣ рисовались не по горизонтальной линіи, а вдоль спаевъ наклонно лежащихъ пластовъ породы и поэтому помѣщены большею частью въ томъ же наклонѣ, въ какомъ идутъ и эти слои.

Привожу описаніе всѣхъ 28 фигуръ (всѣхъ ихъ см. на рис. 1).

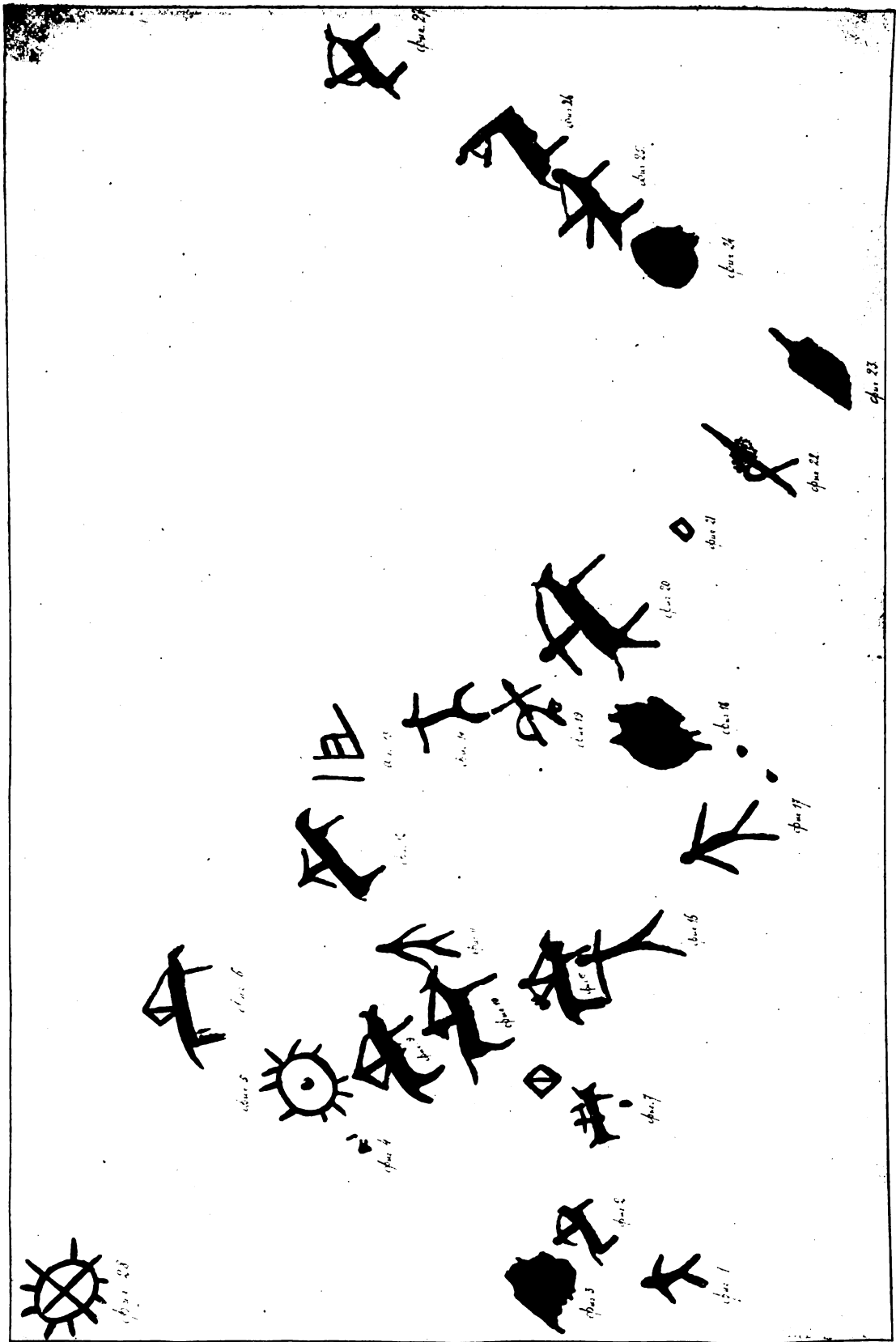

Рис. 1. Писаница I-я, на рѣкѣ Манѣ. (Около 1/8 натуральной величины).

Фигура 1, самая нижняя слѣва, изображаетъ челоѵка съ раскинутыми руками; размѣры ея: 0,09 м. высоты и 0,06 м. ширины. Ниже я не буду приводить размѣровъ, такъ какъ они соблюдены мною на таблицахъ въ точности, на основаніи матеріаловъ моего дневника.

Фиг. 2—челоѵкъ верхомъ на конѣ; кусокъ породы съ рисункомъ головы коня выбить.

Фиг. 3—красное пятно съ неопредѣленными контурами, размѣромъ 0,1 м. на 0,1 м.

Фиг. 4—два небольшихъ пятна, затянутыхъ лишайниками: слѣды какихъ то фигуръ.

Фиг. 5—неправильный кругъ съ 10 лучами, расположенными такъ, что вся фигура напоминаетъ животное; въ центрѣ нарисовано пятно.

Фиг. 28—подобный же, только менѣе ясный, эллипсъ съ 10 короткими лучами, раздѣленный поперечными осями.

Фиг. 6—неясное въ частяхъ изображеніе лошади, отъ шеи которой идетъ красная полоса, какъ бы поводъ или рука всадника, но головы послѣдняго нѣтъ.

Фиг. 7 изображаетъ всадника, сидящаго на конѣ, съ распростертыми руками и какъ бы держащаго одной рукой какой-то предметъ надъ головой лошади; между ногъ коня и ниже—пятно.

Фиг. 8, крайне неясная и къ тому же сильно поцарапанная, напоминаетъ ромбъ.

Фиг. 9 изображаетъ всадника, который лѣвою рукою править, а правую уперъ въ бокъ; на головѣ коническая шапка.

Фиг. 10 и 11 связаны между собою: первая изображаетъ всадника на конѣ въ той же позѣ, какъ и на фиг. 9, вторая пѣшаго челоѵка большого роста, который ведетъ за собою коня всадника.

Фиг. 12— неясное, очень грубое и испорченное современными «художниками», изображеніе всадника на конѣ.

Фиг. 13 непонятна: видны лишь слѣды краски на площади въ $0,11 \times 0,09$ м.; они къ тому же замаскированы фигурой челоѵка черною краской позднѣйшей фабрикаціи.

Фиг. 14 плохо сохранилась: около нея выбивали изъ скалы куски кварца, которымъ богата порода.

Фиг. 15 изображаетъ всадника на конѣ, снабженнаго какими то принадлежностями (сзади).

Фиг. 16—неясное изображеніе пѣшаго челоѵка съ растопыренными руками и разставленными ногами; художникъ, какъ будто, хотѣлъ передать въ перспективѣ ѣдущаго дальше всадника.

Фиг. 17 изображает чело́вка съ раскинутыми руками и ногами.

Фиг. 18—пятно подобное фиг. 3 съ едва замѣтными, кое-гдѣ отходящими, лучами; предъ нимъ два небольшихъ пятна; разглядывая эти фигуры мой сынъ сдѣлалъ догадку: большое пятно—звѣрь, пятна внизу—его слѣды, чело́вкъ позади—охотникъ.

Фиг. 19 изображает чело́вка съ какими то принадлежностями съ обѣихъ сторонъ.

Фиг. 20—всадникъ, ѣдущій въ гору на конѣ (?): животное не походить на коня своимъ острымъ и изогнутымъ хвостомъ.

Фиг. 21 неясна: это—мазокъ краской, лишь напоминающій изображаемую на таблицѣ фигуру.

Фиг. 22 также неясна и уцѣлѣла только отчасти; мною изображена только лучше сохранившаяся часть ея.

Фиг. 23—красное пятно изображенной на рисунокѣ формы.

Фиг. 24—безформенное пятно.

Фиг. 25 и 26 связаны между собою; обѣ представляютъ всадниковъ на коняхъ, съ колчанами (?) за спиною; всадники какъ бы поднимаются въ гору, и ѣдутъ очень близко другъ за другомъ: хвостъ передняго коня приходится за рукой задняго всадника. Всей передней части передняго коня нѣтъ: порода отколота.

Фиг. 27 изображаетъ всадника на конѣ ѣдущимъ въ гору. Этой фигурою писаница заканчивается. Всѣ фигуры ея нарисованы наклонно, какъ бы поднимающимися въ гору; тѣ изъ нихъ, которыя изображены въ профиль, идутъ вправо, т. е. какъ бы вверхъ по Манѣ. Впрочемъ наклонное положеніе фигуръ объясняется, какъ указано выше, скорѣе природнымъ строеніемъ скаль, на которыхъ находятся писаницы, нежели умысломъ художника.

Писаница вторая находится на лѣвомъ берегу р. Колбы, лѣваго притока р. Маны, около 3 верстъ отъ устья. Колба по характеру теченія и строенію рѣчной долины вполне подобна Манѣ, а потому характеристику ихъ я повторять не буду. Верстахъ въ двухъ отъ устья Колбы по лѣвому берегу тянутся утесы изъ плотнаго темносѣраго известняка, круто спускающіеся въ воду; порода растрескалась и сильно разрушена съ поверхности. Писаница находится на одномъ изъ верхнихъ утесовъ, надъ самою рѣкой, на высотѣ около 4 аршинъ. Взобравшись съ лодки на карнизъ, я едва могъ зарисовать и измѣрить находившіяся здѣсь фигуры; о фотографированіи нечего было и помышлять, хотя писаница отлично сохранилась. Весьма вѣроятно, что труднодоступность ея оберегаетъ ее отъ разрушенія современнымъ чело́вкомъ.

Писаница состоитъ всего изъ 4 фигуръ, нарисованныхъ кровяно-красною краской, сохранившей свою яркость, на ребрѣ слоя слегка наклоненной свиты; толщина этого слоя 0,35 м. Всѣ фигуры поставлены въ рядъ по ребру слоя и занимаютъ мѣсто въ длину 0,50 м. и въ ширину (или высоту) 0,28 м.

Рис. 2. Писаница П-я, на р. Колбѣ.
(Ок. 1/6 н. в.).

Писаница эта изображена мною на таблицѣ II (см. рис. 2).

Фигура 1 изображаетъ всадника, ѣдущаго на какомъ то животномъ; какъ всаднику, такъ и животному даны своеобразныя формы; рисунокъ задней части животного разрушенъ вслѣдствіе выкрашиванія породы.

Фиг. 2—человѣкъ съ укороченными и разставленными руками и ногами, въ характерномъ головномъ уборѣ. Эта фигура имѣетъ ту же своеобразную форму какъ и первая, да и вообще фигуры этой писаницы исполнены въ одинаковомъ, выдержанномъ для всѣхъ ихъ, стилѣ, чѣмъ и отличаются отъ фигуръ остальныхъ Манскихъ писаницъ.

Фиг. 3—дерево съ симметрично расположенными вѣтвями.

Фиг. 4—какое то животное, напоминающее хамелеона, въ вѣтвяхъ дерева.

Писаница третья находится на сосѣднемъ со второю писаницей утесѣ, саженей десять ниже по рѣкѣ и на той же высотѣ. Утесъ этотъ, круто спускается въ воду и состоитъ изъ растрескавшейся и раскалывающейся на мелкіе кусочки породы, а потому и недоступенъ: ни встать, ни опереться рукою здѣсь нельзя. Чтобъ осмотрѣть ближе писаницу и наскоро зарисовать ея фигуры, я долженъ былъ лечь на утесъ, удерживаясь лишь трениемъ своего тѣла о неровности утеса; столь неудобное положеніе въ теченіе четверти часа вызвало онѣмѣніе во всѣхъ членахъ и еще лишняя минута—двѣ и я пожалуй скатился бы внизъ; къ счастью я успѣлъ окончить работу ранѣе: сдѣлать же ее безъ перерыва было необходимо, потому что забраться сюда вторично я едва ли былъ бы въ состояніи.

Эта писаница сохранилась очень плохо: мѣстами отъ фигуры остались лишь слѣды красной краски. Восемь фигуръ, или слѣдовъ ихъ, занимаютъ пространство въ 0,79 м. въ длину и 0,40 м. въ высоту. Видимо, и во времена древняго художника утесъ не представлялъ

большихъ удобствъ для рисованія; вся писаница сдѣлана пѣскою, прямыми линиями, лишь намѣчающими предметы и ихъ положеніе.

Писаница эта срисована мною на таблицѣ III (см. рис. 3).

Фигура 1 представляетъ человѣка и напоминаетъ по манерѣ его изображенія фигуру 2-ую второй писаницы.

Фиг. 2 — ѣдущій въ гору всадникъ на конѣ; хвостъ коня поднять.

Фиг. 3 — конь, скачущій въ карьеръ.

Фиг. 4 — всадникъ на конѣ, ѣдущій спокойно по ровному мѣсту.

Фиг. 5 изображаетъ, повидимому, коня, спускающагося подъ гору и упирающагося ногами.

Фиг. 6 — слѣды всадника на конѣ.

Фиг. 7 и 8 — слѣды неопредѣлимыхъ фигуръ.

Писаница четвертая расположена на утесѣ лѣваго берега Маны, версты три ниже устья р. Колбы, около версты выше устья р. Лейбы и немного ниже Тютьковской протоки. Утесъ здѣсь состоитъ изъ сильно доломитизированнаго мелкокристаллическаго кварцеватаго известняка, сильно разрушеннаго, расколотаго трещинами на большія глыбы, въ свою очередь расщелившіеся на мелкія поля. Утесъ находится въ 2—3 саженьяхъ отъ берега рѣки. Несомнѣнно, здѣсь находилась самая большая и, можетъ быть, самая интересная изъ Манскихъ писаницъ, растянута по лицевой сторонѣ утеса на протяженіи 10—15 саж. Въ настоящее же время это — одна изъ наиболѣе плохо сохранившихся писаницъ: теперь фигуры или остатки ихъ уцѣлѣли лишь на выступахъ породы, по одной — по двѣ, чередуясь съ большими промежутками породы безъ всякихъ слѣдовъ рисунка. Частью время, разрушая древнюю поверхность утеса, стирало результаты работы древнихъ художниковъ, о чемъ можно заключать по валяющимся внизу обломкамъ со слѣдами краски; главнымъ же образомъ писаница уничтожается современнымъ человекомъ: рыбаки или охотники, спасаясь отъ непогоды въ нишѣ утеса и раскладывая здѣсь огонь, способствовали растрескиванію породы и закапчивали покрытыя рисунками части утеса; а иные, скучая отъ бездѣлья, и нарочно выцарапывали фигуры или же прямо выбивали камнемъ куски породы съ нарисованными красною краской фигурами.

Въ виду растянутости писаницы и разбросанности ея фигуръ, при-

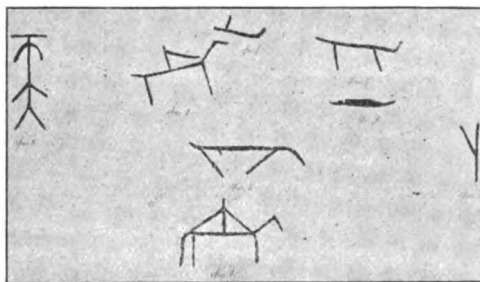

Рис. 3. Писаница III-я, на р. Колбѣ.
(Ок. $\frac{1}{12}$ н. в.).

шлось воспроизвести их или по одиночкѣ, или небольшими группами, на нѣсколькихъ таблицахъ: IV— XIII.

Всѣхъ фигуръ или неясныхъ слѣдовъ ихъ мною найдено 67.

Фиг. 1, самая нижняя по теченію рѣки, находится на выступѣ породы, на одной изъ граней, на высотѣ 1,20 м. надъ уровнемъ узкой береговой полосы, т. е. на уровнѣ груди человѣка.

Рис. 4. Фиг. 1 писаницы IV-й, на р. Манѣ. (Ок. $\frac{1}{5}$ н. в.).

Фигура изображаетъ двугорбаго верблюда и нарисована густой темнокрасною краской. Болѣе блѣдной краской исполнена фигура человѣка (?) съ раскинутыми руками, помѣщающагося за верблюдомъ или сидящаго на немъ. Но другой цвѣтъ этой части рисунка, а главное то, что ноги этой фигуры достигаютъ земли,

говорятъ скорѣе за то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ передачей въ перспективѣ какого то, находящагося за верблюдомъ, предмета (таблица IV; см. рис. 4).

Фиг. 2, на томъ же утесѣ въ 2 саженьяхъ отъ фигуры 1 вверхъ по рѣкѣ, на высотѣ 1,39 м. надъ берегомъ, представляетъ собой лишь неясный мазокъ темнокрасною краской, напоминающій часть какого-то животнаго (табл. IV).

Фиг. 3 — неясное изображеніе какъ бы верхней половины туловища человѣка, но безъ головы; оно находится въ $1\frac{1}{2}$ саж. отъ фиг. 2 выше по рѣкѣ, на высотѣ 2,16 м. отъ земли, на отвѣсной части утеса, куда невозможно подойти (табл. V; см. рис. 5).

Рис. 5. Часть писаницы IV-й, на р. Манѣ. (Ок. $\frac{1}{5}$ н. в.).

Фиг. 4, вправо отъ фиг. 3, изображаетъ неправильный кругъ съ 4 лучами внизу и двумя пятнами внутри (см. рис. 5).

Фиг. 5 — небольшой мазокъ краской въ 0,8 м. влѣво отъ фиг. 3.

Фиг. 6 — лишь неясный слѣдъ краски въ 0,41 м. вправо отъ фиг. 5, на выше лежащемъ слогѣ породы.

Фиг. 7 также неясна и становится замѣтной лишь при долгомъ разсматриваніи; необходимо замѣтить, что если я и возстановилъ ее (см. рис. 6), то лишь при участіи воображенія, отдѣлаться отъ котораго въ такихъ случаяхъ трудно; весьма возможно, что глазъ другого наблюдателя не увидѣлъ бы здѣсь нарисованной мною на таблицѣ V-ой фи-

гуры, въ особенности, если онъ не видѣлъ другихъ фигуръ и не ознакомился съ манерой письма Манскихъ писаницъ. Эта фигура находится въ 0,45 м. лѣвѣе фигуры 6-ой.

Фигуры 8—11 составляютъ одну группу (табл. VI; см. рис. 7), находящуюся на 1,12 м. выше фиг. 7 и на 0,34 м. лѣвѣе ея. Эти фигуры расположены рядомъ, касаясь одна другой, но сохранились плохо, частью вслѣдствіе выкрашиванія непрочной породы, частью же онѣ утратили первоначальную ясность; онѣ нарисованы на гладкомъ ребрѣ породы и занимаютъ площадь въ длину, 0,31 м., въ высоту 0,15 м. Подобраться къ нимъ ближе, стоя на узкомъ карнизѣ отвѣсной стѣнки утеса, невозможно: онѣ остаются на $\frac{1}{4}$ аршина выше головы; точно также и отойти, для лучшей ориентировки, отъ утеса некуда.

Фиг. 8 представляетъ собою вилку, въ формѣ которой рисуются на писаницахъ ноги человѣка (см. рис. 7).

Фиг. 9 — неполное изображеніе животного, поднимающагося въ гору; головы и части заднихъ ногъ нѣтъ (см. рис. 7).

Фиг. 10 — всадникъ на конѣ въ какомъ то оригинальномъ уборѣ, нѣсколько напоминающій фигуру 1 Колбинской писаницы; задней части коня нѣтъ, такъ какъ здѣсь выпалъ кусокъ породы; нѣтъ и головы животного: изображеніе ея стерлось (см. рис. 7).

Фиг. 11 — части или слѣды бывшей здѣсь фигуры, уничтоженной вслѣдствіе выпаденія большого куска породы; остатки фигуры представляются теперь двумя прямоугольными красными пятнами (см. рис. 7).

Надъ этой группой изъ 4 фигуръ, въ разстояніи 2,20 м. отъ нея, на отвѣсномъ, нависшемъ, утесѣ, сильно разрушенномъ и распадающемся на куски, глыбы и цѣлые участки камня, угрожающіе паденіемъ, начинается фигурная писаница съ большимъ числомъ фигуръ. Многія изъ нихъ видны на кускахъ отваливагося камня. Самыми ясными и наиболѣе сохранившимися являются фигуры 12 и 13 (см. рис. 8); къ

Рис. 6. Фиг. 7 писаницы IV, на р. Манѣ. (Ок. $\frac{2}{13}$ н. в.).

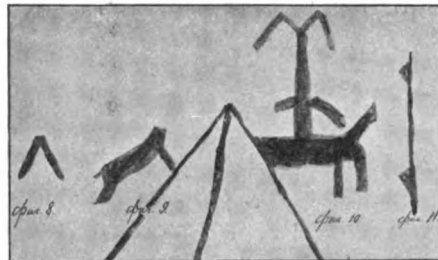

Рис. 7. Часть писаницы IV-й, на р. Манѣ. (Ок. $\frac{1}{6}$ н. в.).

той же группѣ относятся и фиг. 14, 15, 16, 17, и 18 (см. рис. 9), и всѣ онѣ изображены мною на одной таблицѣ VII.

Фиг. 12 находится, какъ уже упомянуто, надъ фиг. 8 — 11, на высотѣ надъ нами въ 2,20 м., и изображаетъ всадника на конѣ, съ колчаномъ стрѣлъ за спиною и съ протянутой къ шеѣ коня рукою; всадникъ оказывается ѣдущимъ внизъ по теченію рѣки; рисунокъ сдѣланъ грубо; на немъ ясно видно, какъ художникъ кистью сперва разомъ провелъ краскою палку, изображающую хвостъ, туловище, шею и голову коня, потомъ сдѣлалъ однимъ мазкомъ заднюю (лѣвую) ногу его, а затѣмъ и переднюю; краска рисунка становилась все блѣднѣе. и онъ снова обмокнулъ свою кисть въ краску и въ три зигзага нарисовалъ человѣка, протянутую къ шеѣ лошади руку и колчанъ съ 3 зубчиками на концѣ. Кисть давала полосу только определенной толщины, и на рисунокѣ получились одинаковой ширины (0,005 м.) и туловище, голова, ноги и хвостъ коня, и человѣкъ и колчанъ (см. рис. 8).

Рис. 8. Часть писаницы IV-й, на р. Мавѣ. (Ок. $\frac{1}{6}$ в. в.).

Фиг. 13, находящаяся непосредственно надъ фиг. 12-ой (отъ *a* фиг. 12 до *a* фиг. 13 всего 0,055 м.), представляетъ сложную фигуру непонятнаго для меня значенія: она состоитъ изъ двухъ связанныхъ между собою кружковъ (одинъ съ лучами) и изображеній креста, человѣка, скобы. Фигура исполнена темнокраскою, но не вся: лѣвая полоса, кружокъ надъ нею, крестъ справа и вертикальная линія надъ нимъ (*b*) сдѣланы блѣдною краскою (см. рис. 8).

Фиг. 14, въ 0,4 м. внизъ и на 0,06 м. вправо отъ фигуры 12, сильно пострадала: отъ нея остались лишь пять небольшихъ вертикальныхъ полосокъ, такъ какъ камень, на которомъ фигура была нарисована, отвалился.

Фиг. 15, неполное изображеніе человѣка (см. рис. 9) въ 0,24 м. вправо отъ фиг. 14-ой, сохранилась только частью, вслѣдствіе выкрашивания породы; между фиг. 14 и 15 было, несомнѣнно, еще нѣсколько фигуръ, но всѣ онѣ разрушены.

Фиг. 16, также неполная вслѣдствіе разрушенія утеса, нахо-

дится непосредственно надъ фиг. 15 и представляет полукольцо съ тремя неясными лучами; краска этой фигуры сильно потускнѣла (см. рис. 9).

Фиг. 17, на 0,12 м. выше фиг. 15, представляет собою какое-то непонятное изображеніе (см. рис. 9).

Фиг. 18, на 0,11 м. выше фиг. 17, совершенно ясна и краска хорошо сохранилась (см. рис. 9); возлѣ этой ромбообразной геометрической фигуры была нарисована какая-то другая фигура, отъ которой вслѣдствіе выквашиванія породы, остались лишь неясные слѣды. На уровнѣ съ фиг. 18, почти касаясь ея, была нарисована еще какая-то фигура, только на другой грани утеса, поверхность котораго образуетъ въ этомъ мѣстѣ входящій уголъ.

Всѣ вышеописанныя 18 фигуръ находятся на той сторонѣ утеса, которая обращена къ Манѣ и тянется вдоль рѣки. Несмотря на неудобства этого мѣста для писаницы: слоистость породы, ея непрочность и легкую разрушаемость, которыя, безъ сомнѣнія, были таковыми же и во время рисованія фигуръ, весь этотъ утесъ былъ покрытъ разными изображеніями на протяженіи нѣсколькихъ сажень. Далѣе вверхъ по рѣкѣ тотъ же утесъ отступаетъ отъ рѣки и къ нему нужно подниматься съ берега сажени на полторы. Эта отступающая часть, хотя и обращенная также къ рѣкѣ, представляетъ уже не одну гладкую поверхность, а нѣсколько плоскостей, дающихъ въ планѣ ломанную линію; эта стѣна удалена отъ рѣки сажени на 4 вглубь и надъ уровнемъ воды находится на высотѣ около $2\frac{1}{2}$ сажени; къ этому утесу отъ воды поднимается осыпь, мѣстами заросшая кустами черемухи и тальника. Поднявшись по ней, мы попали на уступъ, надъ которымъ и возвышается утесъ съ остальною писаницей, описаніе которой слѣдуетъ ниже и которая воспроизведена мною на таблицѣ VIII.

Отходя отъ берега рѣки, утесъ идетъ сначала перпендикулярно къ рѣкѣ стѣнкою, образующей въ этомъ мѣстѣ нишу.

Фиг. 19 находится на той же высотѣ, что и фиг. 12, только на

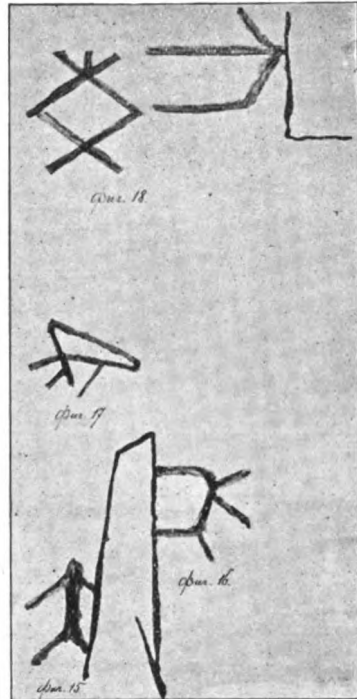

Рис. 9. Часть писаницы IV-я, на р. Манѣ. (Ок. $2\frac{1}{11}$ н. в.).

противоположной сторонѣ ниши, въ разстояніи 1,94 м. отъ фиг. 12. Это — большое, безформенное, облупившееся пятно, отъ котораго остались кое гдѣ края, такъ какъ порода въ этомъ мѣстѣ сильно выкрошилась.

Фиг. 20, на 0,35 м. выше и на 0,22 м. лѣвѣе фиг. 19, находится близъ внѣшняго края ниши; здѣсь, въ небольшой пещуркѣ отъ выпавшаго камня, остались только слѣды краски, по которымъ нельзя возстановить первоначальнаго вида фигуры.

Дальше отъ ниши утесъ отходить вглубь еще на 1¹/₂ метра.

Фиг. 21, въ 0,09 м. отъ внѣшняго угла ниши, на томъ же уровнѣ и въ одномъ слоѣ съ фигурой 20, на 1¹/₂ метра надъ уступомъ подъ этой частью утеса; это — очень блѣдное изображеніе коня и на немъ всадника съ колчаномъ, а передъ ними слѣды пѣшей фигуры (см. рис. 10).

Фиг. 22, въ 0,055 м. влѣво отъ фиг. 21, представляетъ безформенную полоску, къ тому же фигура эта замазана черною краской ¹⁾.

Фиг. 23, на 0,07 м. лѣвѣе фигуры 22, изображаетъ опять всадника на конѣ съ колчаномъ за спиною (см. рис. 10); изображеніе очень блѣдно, неясно, къ тому же на мѣстѣ головы коня порода выкрошилась. Всѣ лошади на этой писаницѣ изображены идущими въ направленіи внизъ по теченію Маны.

Фиг. 24, на 0,35 м. влѣво отъ фигуры 23, — неясный слѣдъ красной краски; позднѣе «студентами» по нему нарисована черной краской безобразная рожа.

Фигуры 25, 26 и 27 находятся въ слоѣ, лежащемъ ниже фигуръ 20—24, и начинаются отъ самаго угла (внѣшняго) ниши; фигуры эти также неполны и неясны (см. рис. 10).

Фиг. 28, на 0,23 м. ниже фигуры 23, находится на выступѣ камня и представляетъ собою теперь лишь полинявшія пятна (см. рис. 10).

Фиг. 29, въ 0,25 м. влѣво отъ фигуры 28, — очень неясное изображеніе не то круга, не то дуги съ отросткомъ внутри его и лучами снизу (см. рис. 10).

---

¹⁾ Нужно замѣтить, что въ нишѣ — много фигуръ, нарисованныхъ нестирающеюся черною краскою, современными „художниками“, подражавшими древнимъ. Мой проводникъ говорилъ, что это работа „студентовъ“: „посмотрите, вотъ, дорогая — всѣ утесы исписаны, сколько лѣтъ ужъ не стирается“. Дѣйствительно, „студенты“ возили съ собою какія то прочныя краски и въ мѣстахъ остановокъ во время своихъ увеселительныхъ прогулокъ запечатлѣвали на утесахъ свои, никому не интересныя, имена. Пусть бы они забавлялись, только не на мѣстѣ древнихъ писаницъ!

Фиг. 30, на 0,12 м. влѣво отъ предыдущей, — краснѣющіе слѣды фигуры, замазаные черною краскою (см. рис. 10).

Фиг. 31, ниже фигуры 29 на 0,055 м., — неясное и къ тому же разрушенное изображеніе коня и всадника (см. рис. 10).

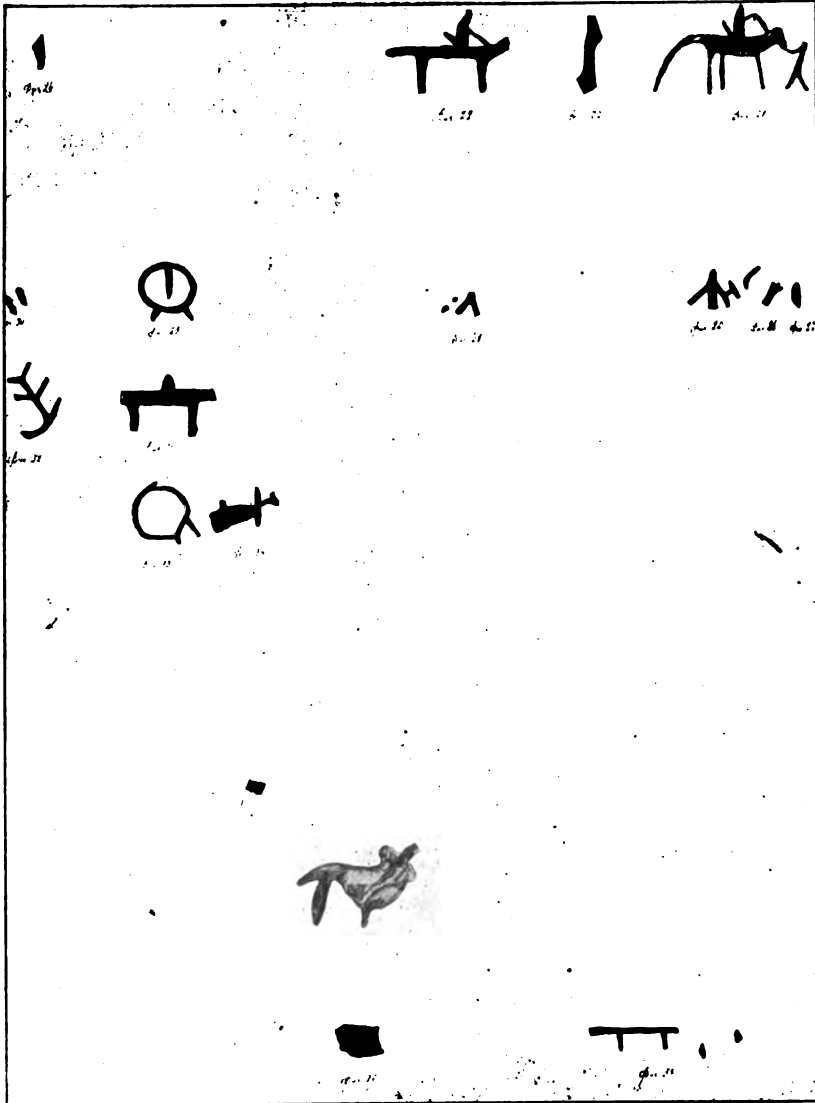

Рис. 10. Часть писаницы IV-ой, на р. Манѣ. (Ок. $\frac{1}{8}$ н. в.).

Фиг. 32, на 0,06 м. влѣво отъ фигуры 31, — также неясное изображеніе (см. рис. 10).

Фиг. 33, на 0,045 м. ниже фигуры 31, — остатки круга съ лучами (см. рис. 10).

Фиг. 34, почти вплотную справа отъ фигуры 33,—неясное изображение, вѣроятно коня и всадника (см. рис. 10).

Фиг. 35—неясный слѣдъ краски на 0,27 м. ниже фигуры 34 (см. рис. 10).

Фиг. 36 — крайне неясное изображение, находящееся на 0,05 м. ниже и нѣсколько правѣе фигуры 35 (см. рис. 10).

Фиг. 37 — неопредѣленное пятно (см. рис. 10) въ слоѣ, распадающемся на мелкіе куски, на 0,1 м. ниже фигуры 36; оно приходится на высотѣ 0,4 м. надъ уступомъ подъ основаніемъ утеса.

Фиг. 38, въ 0,21 м. вправо отъ фигуры 37,—совсѣмъ неясное и неполное изображение, напоминающее въ уцѣлѣвшей его части фигуру коня, а передъ нею два мазка (см. рис. 10); все это изображение перечерчено въ клѣтку черною краскою.

Всѣ описанныя мною фигуры (19 - 38), находящіяся на этой, перпендикулярной къ рѣкѣ, стѣнкѣ утеса изображены мною на таблицѣ VIII-ой.

Далѣе поверхность утеса идетъ снова параллельно рѣкѣ и на ней нарисованы слѣдующія фигуры (39—50), изображенныя мною на таблицѣ IX-ой.

Фиг. 39 находится въ разстояніи 1 метра (по прямому направленію) влѣво отъ фигуры 24 и на 0,25—0,30 м. ниже ея, отъ угла ниши въ 0,62 м., а отъ поверхности уступа на 1,28 м. вверхъ. Фигура эта плохо сохранилась и мнѣ совершенно непонятно ея значеніе.

Фиг. 40, на 0,26 м. ниже и на 0,03 м. лѣвѣе фигуры 39-ой, представляетъ неясный кружокъ съ тремя короткими лучами внизу и двумя болѣе длинными вверху.

Фиг. 41, въ 0,12 м. влѣво отъ фигуры 40, въ слѣдующемъ сверху слоѣ породы, сильно выкрошившейся; слѣды краски видны здѣсь на протяженіи 0,40 м., изъ чего слѣдуетъ заключить, что тутъ было нарисовано нѣсколько фигуръ, но онѣ теперь—въ такомъ видѣ, что ничего нельзя было зарисовать.

Фиг. 42 находится въ 0,85 м. влѣво отъ фигуры 40, въ 0,44 м. отъ фиг. 41, на высотѣ 0,48 м. отъ линіи уступа, въ томъ же слоѣ, что и фиг. 40, но нужно имѣть въ виду, что вся свита этихъ пластовъ лежитъ не горизонтально, а падаетъ подъ угломъ въ 45° . Здѣсь совершенно ясно нарисована красною краскою одна непонятнаго значенія фигура, однѣ части которой сдѣланы густою темнокрасною краскою, а другія кирпично- или ржавчинно-красною.

Фиг. 43 представляетъ собою теперь красную полосу, остатокъ

какой-то фигуры на выступѣ камня, на высотѣ 0,81 м. отъ уступа и на 0,25 м. выше фиг. 42-ой; полоска эта идетъ наклонно справа налѣво.

Фиг. 44 — остался лишь мазокъ краской, сдѣланный на углу выступающаго впередъ камня повыше фиг. 42 и на 0,21 м. отъ нея влѣво.

Фиг. 45 нарисована на выпележащемъ слоѣ породы, но приходится на одномъ горизонтальномъ уровнѣ съ фиг. 43 и на 0,76 м. лѣвѣе ея, на высотѣ 0,95 м. отъ уступа. Изображеніе непонятное, хотя и сохранившееся довольно отчетливо, кромѣ части правой половины, на мѣстѣ которой отломленъ кусокъ породы (см. рис. 11).

Фиг. 46 находилась подъ фиг. 45; уцѣлѣла лишь полоска, такъ какъ порода кругомъ выкрошилась (см. рис. 11).

Фиг. 47, въ 0,10 м. влѣво отъ предъидущей и немного ниже ея, представляетъ небольшой мазокъ, остатокъ какой-то фигуры.

Фиг. 48, — вѣрнѣе слѣды нѣсколькихъ фигуръ, — въ 0,21 м. влѣво отъ фиг. 45; это — двѣ наклонныя полоски и кружокъ между ними.

Фиг. 49 находилась въ 0,75 м. влѣво отъ фиг. 48, въ томъ же слоѣ, на боку выступающаго впередъ камня; отъ нея уцѣлѣла лишь часть, совершенно ясная; камень, на которомъ находилась фигура, носить слѣды свѣжей отбивки.

Фиг. 50 — непосредственно ниже фиг. 49, на высотѣ 0,90 м. отъ уступа; отъ фигуры, сдѣланной темнокрасною краской, уцѣлѣли лишь двѣ полоски, перпендикулярныя одна къ другой; эта фигура также сбита «любителями древности».

Фиг. 51, на высотѣ 1,75 м. отъ уступа и въ 0,23 м. вправо отъ фиг. 49, на выступѣ камня, видна отчетливо; но, къ сожалѣнію, хотя порода въ этомъ мѣстѣ идетъ плотная и крѣпкая, половина фигуры уничтожена тѣми-же «любителями», какъ свидѣтельствуетъ о томъ свѣжая отбивка; уцѣлѣвшая половина представляетъ полукругъ съ 6 лучами (см. рис. 12).

Записки Отд. Арх. Русск. и Слав. И. Р. А. О. т. IX.

2

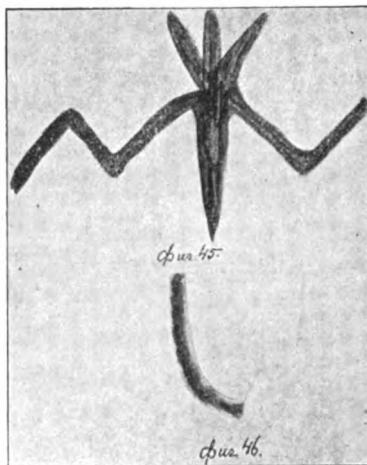

Рис. 11. Часть писаницы IV-й, на р. Манѣ. (Ок. 1/4 н. в.).

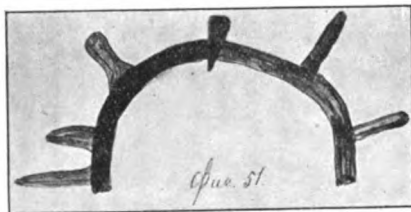

Рис. 12. Часть писаницы IV-й, на р. Манѣ. (Ок. 1/4 н. в.).

Фигуры 52 и 53 находятся въ томъ же слоѣ, что и фиг. 51, на 0,65 м. влѣво отъ нея, на другомъ выступѣ камня; фигуры довольно хорошо сохранились, но настолько своеобразны, что смыслъ ихъ остается мнѣ непонятнымъ (см. рис. 13).

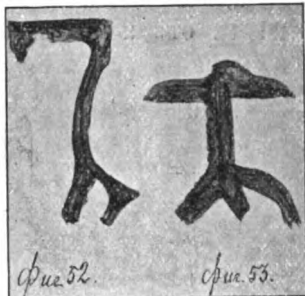

Рис. 13. Часть писаницы IV на р. Манѣ. (Ок. $\frac{1}{4}$ в. в.).

Эти три фигуры (51—53) изображены мною на таблицѣ X.

Отъ нихъ выступъ утеса идетъ на 0,45 м. влѣво. Именно въ этомъ мѣстѣ рыбаки, спасаясь отъ дождя, раскладываютъ огонь, забиваютъ въ щели утеса клинья для подвѣшанья снастей; а потому утесъ и находящіяся на немъ фигуры сильно закопчены.

Рис. 14. Часть писаницы IV-й, на р. Манѣ. (Ок. $\frac{1}{6}$ в. в.).

Фиг. 54 находится въ 0,75 м. влѣво отъ края указаннаго выступа утеса, въ томъ же слоѣ, что и фиг. 52 и 53, на высотѣ 1,39 м. отъ площадки уступа; она ясно изображаетъ коня и всадника, но со своеобразными подробностями (см. рис. 14).

Фиг. 55, на 0,06 м. ниже предыдущей, представляетъ неясное изображеніе коня и всадника (см. рис. 14).

Фиг. 56 — небольшое безформенное пятно въ 0,52 м. влѣво отъ фигуры 54-ой.

Фиг. 57, находящаяся на 0,13 м. выше фигуры 54 и нѣсколько правѣе ея, представляетъ неопредѣленный мазокъ краской, къ тому же исчерченный и затертый «любителями древностей».

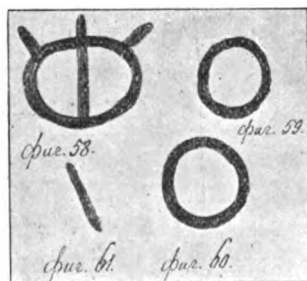

Рис. 15. Часть писаницы IV на р. Манѣ. (Ок. $\frac{1}{4}$ в. в.).

Послѣднія 4 фигуры (54—57) изображены мною на таблицѣ XI. Отъ фиг. 57 до угла утеса—0,45 м.; дальше утесъ выступаетъ впередъ почти подъ прямымъ угломъ въ видѣ отвѣсной стѣны. На этой-то стѣнѣ, въ 1,30 м. отъ внутренняго угла, на выступающемъ кускѣ камня (въ 0,48 м. длиной и 0,33 м. шириной), на высотѣ 1,10 м. надъ землей, находятся слѣдующія четыре (58—61) неясныхъ и закоптѣлыхъ фигуры, изображенныя мною на таблицѣ XII (см. рис. 15).

Фиг. 58, 59, 60 и 61: лѣвая верхняя (58) представляетъ собою эллипсъ съ 3 лучами вверху, изъ которыхъ средній является продол-

женіемъ пересѣкающей эллипсисъ пополамъ короткой оси его; фиг. 59 и 60, справа, два кольца и фиг. 61—полоска, идущая наклонно слѣва направо подъ фигуру 58 (см. рис. 15).

Дальше утѣсь продолжается снова параллельно рѣкѣ и отвѣсная стѣнка его, въ 0,60 м. шириной, идетъ подъ прямымъ угломъ къ предыдущей. На этой стѣнкѣ, на высотѣ 1,24 м. надъ землей нарисованы двѣ (62—63) фигуры.

Фиг. 62—неясное и неполное изображеніе коня и всадника (см. рис. 16).

Рис. 16. Часть писаницы IV, на р. Манѣ. (Ок. 1/8 н. в.).

Фиг. 63—подобное же, но болѣе ясное, изображеніе; позади всадника, какъ это часто повторяется на Манскихъ писаницахъ, торчитъ верхній конецъ колчана (см. рис. 16).

Фиг. 64, на 0,25 м. выше фигуры 63, изображаетъ замкнутое полукольцо съ 5 несимметрично расположенными лучами и неполной поперечиной внутри (см. рис. 17).

Дальше идетъ стѣнка, перпендикулярная къ берегу рѣки; на ней, на той же высотѣ, что и фиг. 64, въ 0,17 м. влѣво отъ нея находится нѣсколько очень неясныхъ и тѣсно между собою связанныхъ фигуръ, помѣченныхъ мною какъ одна (65) фигура.

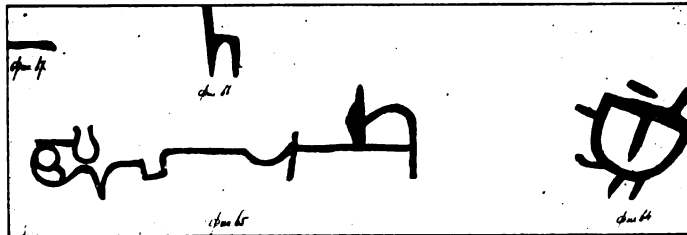

Рис. 17. Часть писаницы IV-й, на р. Манѣ. (Ок. 1/8 н. в.).

Фиг. 65 занимаетъ длину 0,42 м., а въ ширину 0,12 м.; составляющія эту полосу отдѣльныя фигуры облупились, частью отбиты и сильно замазаны, такъ что разобратъся въ ихъ значеніи я не въ состояніи (см. рис. 17).

Фиг. 66 находится непосредственно надъ фиг. 65 и также мнѣ непонятна (см. рис. 17).

Фиг. 67, въ 0,16 м. влѣво отъ фигуры 65 и на той же высотѣ, представляетъ собою мазокъ краскою или полоску въ 0,11 м. длины, идущую въ горизонтальномъ направленіи (см. рис. 17).

Послѣднія шесть фигуръ (62 — 67) изображены мною на таблицѣ XIII-ой.

*

Писаница пятая находится съ полверсты выше горы Удской и около 6 верстъ ниже рѣчки Бобровки, на лѣвомъ берегу лѣвой протоки р. Маны; протока эта, носящая имя Писанской, довольно коротка; по лѣвому берегу ея идутъ крутые и не особенно высокіе утесы изъ плотнаго доломита сѣраго цвѣта. На одномъ изъ нижнихъ по этой протоцѣ утесовъ и находится фигурная писаница, занимающая въ длину около трехъ сажени и состоящая изъ 79 фигуръ, исполненныхъ темно- или буро-красною, кроваваго цвѣта, краскою, которая сохранилась болѣе или менѣе удовлетворительно, равно какъ и та горная порода, на которой нарисованы фигуры. Къ этой писаницѣ надо, повидимому, относить краткую замѣтку Гмелина ¹⁾.

Подъ утесомъ идетъ отсыпь и небольшой завадокъ отъ одного до пяти аршинъ шириной отъ воды до утеса. Самыя нижнія фигуры находятся на высотѣ около 4 аршинъ, а самыя верхнія на высотѣ 7 — 8 аршинъ. Какъ работали на такой высотѣ древніе художники, трудно себѣ представить; инныя фигуры въ настоящее время совершенно недоступны, такъ какъ находятся на гладкой и отвѣсной стѣнѣ; ихъ снизу едва различаетъ глазъ. Ни въ водѣ, ни на берегу нѣтъ такихъ большихъ камней, которые отвалились отъ утеса и могли бы служить приступками. Чтобы подобраться къ писаницѣ, мнѣ пришлось послать своего рабочаго на островъ срубить толстую осину и подставлять эту импровизированную лѣстницу къ различнымъ частямъ утеса, пользуясь сучьями ея и зарубками на стволѣ, какъ ступенями. Но такой трудный доступъ къ писаницѣ былъ для нея спасеніемъ отъ «любителей древности»: она пострадала отъ нихъ менѣе всѣхъ остальныхъ писаницъ на Манѣ, хотя и тутъ молодечество заставляло иныхъ взбираться на утесъ и увѣковѣчивать на немъ ихъ имена.

Общее расположеніе частей этой писаницы таково. Утесъ образуетъ двумя отвѣсными плоскостями прямой двухгранный, входящій вглубь берега, уголъ; ширина каждой грани отъ 3¹/₂ до 4 метровъ, а высота до 5 метровъ. Сверху эта двухгранная впадина прикрыта, какъ сводомъ, нависшею и выступающею впередъ верхнею частью утеса, а снизу, на высоту сажени, въ нее какъ бы вставленъ трехгранный, приз-

---

¹⁾ J. G. Gmelin, Reise durch Sibirien. Göttingen. 1752. III, S. 489: An dem südlichen Ufer des Mana drey Werste unterhalb des Baches Sosnovka war wieder ein bemahlter Stein zu sehen; allein die Witterung hatte bey nahe alle Figuren daran unsichtbar gemacht, und es ist ausser einigen ungestalten Umrissen von Bäumen und einigen Ringen nichts daran zu sehen. Русскій переводъ см. въ Сибирскихъ Древностяхъ В. Радлова: т. I, приложенія, стр. 105 (=Матеріалы по Археологiи Россiи, издаваемая Императорской Археологической Коммиссiей. Вып. 15. Спб. 1894).

матическій столбъ; длина его сторонъ, прилегающихъ къ утесу, 1,17 и 1,70 м.; площадка этого столба и служить единственнымъ мѣстомъ, съ котораго можно осматривать писаницу. Наибольшее число фигуръ писаницы расположено на этихъ двухъ большихъ граняхъ угла: лѣвой (I) и правой (II); кромѣ того нѣсколько фигуръ находится на грани III-ей, отходящей перпендикулярно отъ I-ой, и на грани IV-ой, приходящейся за II-ю ниже по протокѣ. Согласно этому дѣленію на грани я и даю описаніе писаницы.

Грань I изображена мною на таблицѣ XIV.

Фигура 1, самая верхняя, на высотѣ 2,43 м. отъ площадки столба и въ 0,35 м. влѣво отъ угла, изображаетъ какое-то животное съ длинными ушами и безъ хвоста, какъ бы па-
сущимся (см. рис. 18).

На полметра ниже тянутся вправо нѣсколько фигуръ (2—10) по одной горизонтальной линіи, причемъ нѣкоторыя связаны между собою.

Фиг. 2 изображаетъ человѣка съ раскинутыми руками и разставленными ногами, съ ромбообразной головой, увѣнчанной чѣмъ-то вродѣ султана (см. рис. 19).

Фиг. 3, влѣво отъ фигуры 2, представляетъ собою кругъ, или вѣрнѣе, овалъ (діаметры 0,075 м. и 0,067 м.), раздѣленный пополамъ красною вертикальной чертой и другою поперечной черной — наискось. Рука фигуры 2-ой слилась съ крестовиной этого круга и я полагаю, что обѣ эти фигуры вмѣстѣ изображаютъ шамана, держащаго бубень: султанъ на головѣ точно передаетъ шаманскую шапку, которая и въ настоящее время у качинскихъ шамановъ украшается пучкомъ перьевъ, вшитыхъ стоймя въ верхушку шапки; если это такъ, то вся фигура окажется обращенной къ зрителю спиною, такъ какъ шаманъ держитъ бубень только лѣвой рукой, бубень же нарисованъ здѣсь съ внутренней его стороны, такъ какъ видны двѣ его поперечины (см. рис. 19).

Фиг. 4 и 5, влѣво отъ фигуръ 3 и 2, представляетъ два какихъ-то поставленныхъ одинъ надъ другимъ овала, въ видѣ буквы O (см. рис. 19).

Фиг. 6 изображаетъ всадника верхомъ на конѣ, держащаго лѣвой рукой тонкій поводъ (см. рис. 19); она гораздо мельче, менѣе ясна и по краскѣ блѣднѣе, чѣмъ фигура 2-ая, которая ее прикрываетъ; можетъ быть, этимъ способомъ хотѣли дать изображеніе въ перспективѣ, и тогда

Рис. 18. Фигура 1 писаницы V-й, на р. Манѣ. (Ок. 1/4 н. в.).

оно сделано превосходно; но, может быть, что гораздо вероятнее, просто новые фигуры рисовались по старым. Передняя часть фигуры 6-ой расплылась и различается довольно плохо.

Фиг. 7, немного правее фигуры 6, изображает пасущимся какое-то животное (коня?), с опущенной головой, торчащими ушами и поднятым вверх и загнутым над спиной хвостом (см. рис. 19).

Фиг. 8, вправо от фигуры 7,—неясное изображение какого-то животного (см. рис. 19).

Фиг. 9 почти касается справа фиг. 8 (головы) и с трудом распознается (см. рис. 19) лишь по кое-где выступающей краске; но я предполагаю, что это—широко разставленные рога лося и, если так, то фигуры 8 и 9 представляют одно целое.

Фиг. 10 последняя в ряду, в 0,03 м. вправо от фигуры 9 и в 0,12 м. от края грани, представляет собою крест с дугообразно-изогнутой вертикальной линией (см. рис. 19).

Между этой группой и фиг. 1 замечны в двух местах следы краски, но, к сожалению, они закрашены написанной здесь голубою краской фамилией г. Савенкова, а ниже целым рядом других фамилий, крупно и четко начертанных типографскою краскою. Я не мало досадовал на этих господ, не нашедших более подходящего места для увековечения своих имен; помогавшее в других случаях промывание писаниц намыленной жесткою щеткою на этот раз оказалось безуспешным.

Подъ описанным рядом фигур (2 — 10), на 0,11 — 0,125 м. ниже его, тянется другой ряд фигур (11—13).

Фиг. 11 представляет собою красное пятно (см. рис. 19).

Фиг. 12—непонятна; мне она напоминает сваленное дерево (см. рис. 19).

Фиг. 13, неясное изображение человека, находится всего в 0,02 м. от угла утеса (см. рис. 19).

Фиг. 14, ниже и левее описаннаго ряда фигур (11—13),—неясное изображение человека, держащаго что-то в одной руке (см. рис. 19).

Фиг. 15 представляет собою безформенное красное пятно, а ниже его следы красной полоски.

Фиг. 16—правильное круглое пятно; на таблицу XIV эта фигура не вошла, но место ее определяется следующими расстояниями: от внутреннего, входящаго, угла или от праваго края грани она находится влево в 1,50 м., от площадки столба на 0,72 м. вверх, а от фигуры 1 на 1,71 м. вниз.

Между описанными фигурами впоследствии удалось открыть еще 5 фигуръ, сначала оставшихся совсѣмъ незамѣченными вслѣдствіе того, что краска ихъ поблѣднѣла и фигуры теперь весьма неясны.

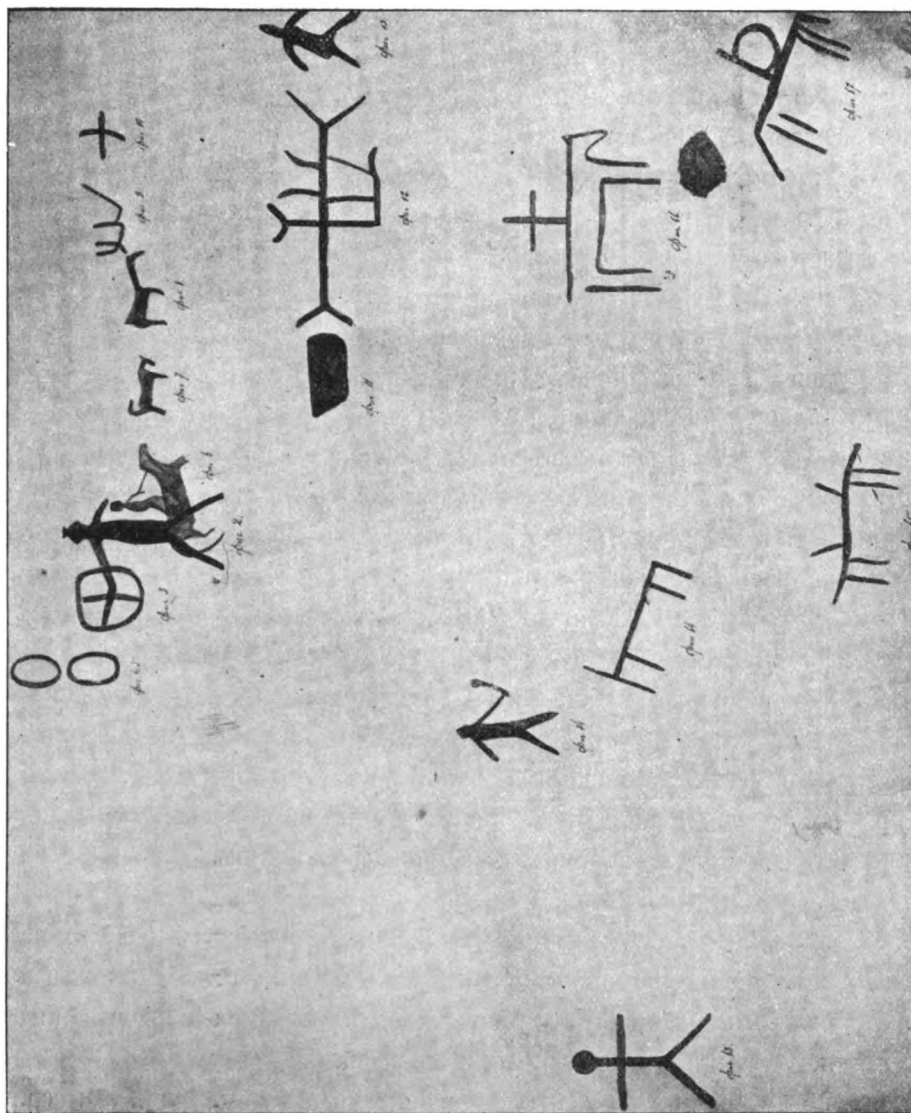

Рис. 19. Первая грань писаницы V-й, на р. Манѣ. (Ок. 1/2 в. в.).

- Фиг. 63—изображеніе челоуѣка (см. рис. 19).
- Фиг. 64—совсѣмъ неясное изображеніе животнаго (см. рис. 19).
- Фиг. 65—также неясное изображеніе животнаго (см. рис. 19).
- Фиг. 66—неясное изображеніе всадника на какомъ-то животномъ (см. рис. 19).
- Фиг. 67—также очень неясное изображеніе; однако можно сказать,

что это — человекъ верхомъ на конѣ, который пасется, человекъ же держитъ передъ собою какой-то кругъ (см. рис. 19).

Между фигурами 66 и 67 большое красное пятно.

Грань II изображена мною на таблицѣ XV.

Надъ этой гранью, на нависшей сверху на подобіе свода скалъ, на высотѣ 4 метровъ надъ площадкой не разъ упомянутого столба нарисована ярко-красною краскою, отчетливо сохранившеюся, какая-то непонятная фигура (62, см. рис. 20, въ лѣвомъ верхнемъ углу), которая приходится прямо надъ крайними слѣва фигурами писаницы, занимающей плоскость II грани.

Въ разстояніи 0,21—0,39 м. вправо отъ входящаго угла и на высотѣ 2,44 и 2,58 м. надъ площадкой столба, симметрично съ фигурою 1-ой I грани расположено 3 или 4 фигуры (17—20) животныхъ, изъ которыхъ удовлетворительно сохранилась лишь одна.

Фиг. 17 изображаетъ коня (см. рис. 20).

Фигуры 18, 19 и 20 оставили лишь неопредѣленные слѣды бывшихъ здѣсь изображеній, краска которыхъ расплылась (см. рис. 20).

Фигуры 21 и 22 представляютъ два креста, подобныхъ фигурѣ 10-ой первой грани (см. рис. 20; ср. рис. 19).

Ниже находится рядъ фигуръ, связанныхъ между собою, а именно:

Фиг. 23 представляетъ собою (см. рис. 20) слѣдланый однимъ мазкомъ кругъ съ тремя добавленными къ нему лучами и съ круглымъ пятномъ въ центрѣ, которое оставило лишь еле замѣтные слѣды; отъ верхней части круга идетъ длинная, изогнутая подъ тупымъ угломъ, полоса, подъ которою — три правильныхъ круглыхъ пятна; фигура исполнена весьма отчетливо, краска хорошо сохранилась, но тѣмъ не менѣе ея значеніе совершенно непонятно.

Фиг. 24 изображаетъ всадника съ раскинутыми руками не то на конѣ, не то на какомъ-то иномъ животномъ съ длиннымъ, стелющимся по землѣ хвостомъ (см. рис. 20); животное это касается мордой конца изогнутой подъ тупымъ угломъ полосы, идущей отъ фигуры 23.

Фиг. 25 — крестъ, подобный вышеописанному (см. рис. 20; ср. фиг. 21 и 22).

Фигуры 26 и 27 — неясны (см. рис. 20): это какъ-будто два коня, прикрытыхъ одинъ другимъ, причемъ задняя половина передняго животного закрывается еще фигурою креста.

Фиг. 28 изображаетъ, несомнѣнно, дерево (см. рис. 20), корни котораго пересѣкаются съ фигурою (29) креста.

Фиг. 29 представляетъ вполне симметричный въ частяхъ его крестъ,

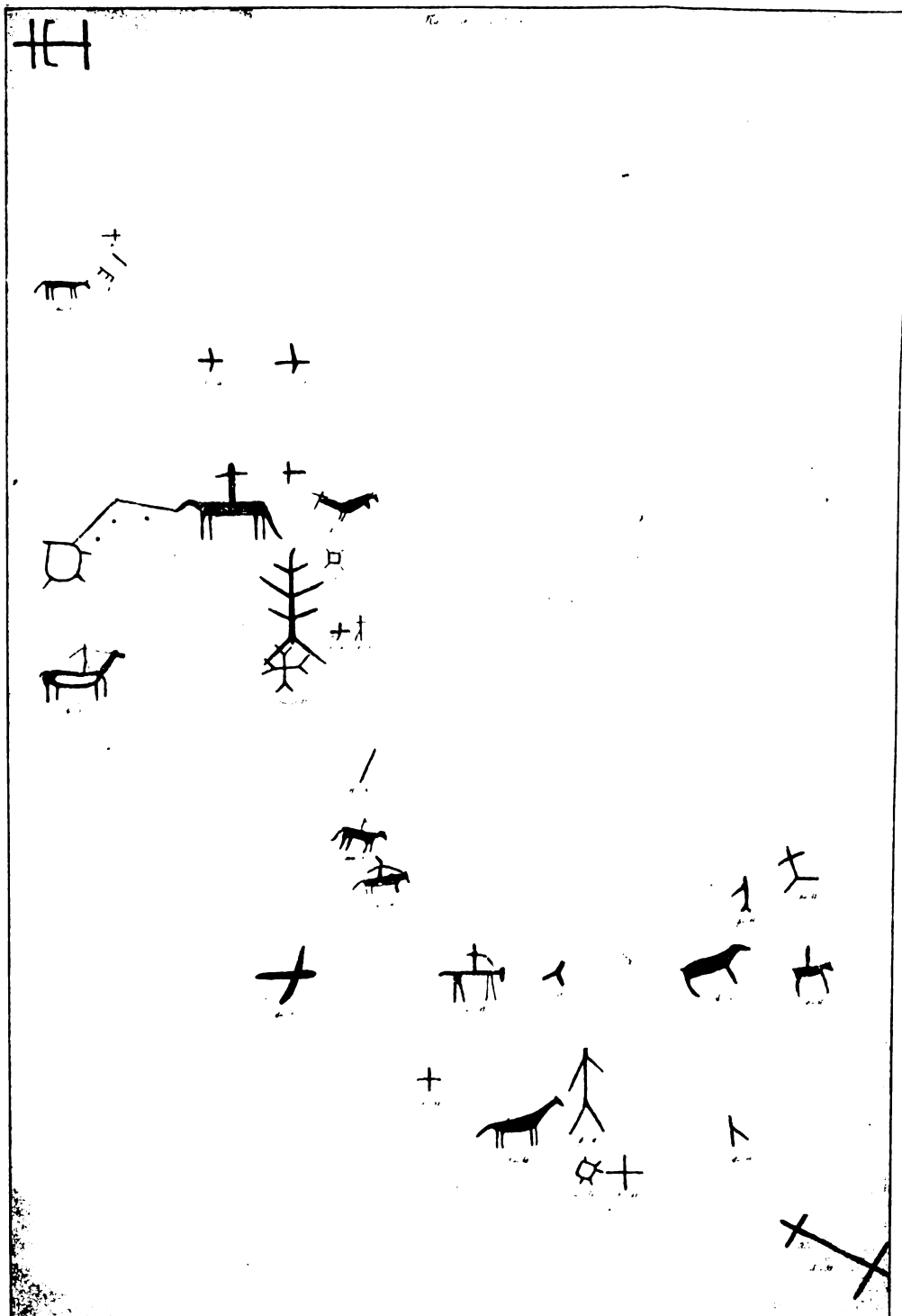

Рис 20. Вторая грань писаницы V-й, на р. Мань (Ок. 1/12 ч. в.).

всѣ четыре конца котораго раздвоены вилообразно (см. рис. 20); два такихъ отростка пересѣкаютъ лѣвый корень дерева, такъ что крестъ оказывается нарисованнымъ позднѣе, — неизвѣстно, конечно, на сколько, — дерева.

Фиг. 30 — крестъ (см. рис. 20), подобный фигурамъ 10, 21, 22 и 25.

Фиг. 31 — изображеніе человѣка (см. рис. 20).

Фиг. 32 изображаетъ квадратъ съ отходящими отъ его угловъ лучами (см. рис. 20).

Фиг. 33 находится у самого края (лѣваго) грани, къ углу, и изображаетъ не то коня, не то безрогаго оленя, со всадникомъ на немъ (см. рис. 20); человѣкъ кажется стоящимъ на спинѣ животнаго и управляющимъ имъ одною рукою, тогда какъ другая рука откинута далеко назадъ; туловище животнаго очерчено широкими контурами, такъ что середина его осталась не закрашеною; такой приѣмъ рисованія фигуръ представляетъ единственный случай на Манскихъ писаницахъ.

Фиг. 34 — неопредѣленная наклонная справа налѣво полоса краской (см. рис. 20 и, крупнѣе, рис. 21).

Фиг. 35 — неясное изображеніе (см. рис. 21) всадника на животномъ, съ такимъ же хвостомъ какъ у фигуры 24-ой.

Фиг. 36 — опять изображеніе креста (см. рис. 21), вродѣ фигуръ 10 и 30-ой.

Фиг. 37 — изображеніе всадника на конѣ (см. рис. 21).

Фиг. 38 — неясное изображеніе, какъ будто человѣка (см. рис. 21), уцѣлѣла лишь нижняя половина.

Фиг. 39 — изображеніе креста, совершенно правильное (см. рис. 21).

Фиг. 40 — неясное изображеніе коня, какъ бы идущаго въ гору (см. рис. 21). Нужно замѣтить, что въ этой писаницѣ всѣ животныя изображены идущими вправо, т. е. внизъ по Манѣ; исключеніе составляетъ одна фигура 24, которой дано обратное направленіе.

Фиг. 41 — изображеніе человѣка, стоящаго близко къ фигурѣ 40 (см. рис. 21).

Фиг. 42 — квадратъ съ округленными углами и пятью отходящими вправо, вверхъ и внизъ лучами (см. рис. 21).

Фиг. 43 — крестъ, столь же правильнаго рисунка, какъ и фигура 39 (см. рис. 21).

Фиг. 44 — неясное и неполное, напоминающее фигуру 38-ю, изображеніе, вѣроятно человѣка (см. рис. 22 и, въ меньшемъ размѣрѣ на общемъ рисункѣ писаницы, рис. 20).

Рис. 21. Часть второй грани писаницы V-й, на р. Манъ. (Ок. 1/6 н. в.).

- Фиг. 45—очень неясное изображение животного (см. рис. 22).
- Фиг. 46—очень неясное изображение всадника на конь (см. рис. 22).
- Фиг. 47—неясное изображение, подобное фигурѣ 44 (см. рис. 22).
- Фиг. 48—неясное изображение чловѣка (см. рис. 22).
- Фиг. 49—изображение всадника на конь съ длиннымъ хвостомъ (см. рис. 21: вторая сверху фигура).

Фиг. 50, самая нижняя на второй грани, находится на высотѣ 0,48 м. надъ площадкою столба; порода здѣсь растрескалась, а мѣстами и выкрошилась; фигура эта (см. рис. 22, внизу), поэтому вѣроятно, не полная, и ея значеніе непонятно.

Рис. 22. Часть второй грани писаницы V-й, на р. Манѣ. (Ок. 1/12 н. в.).

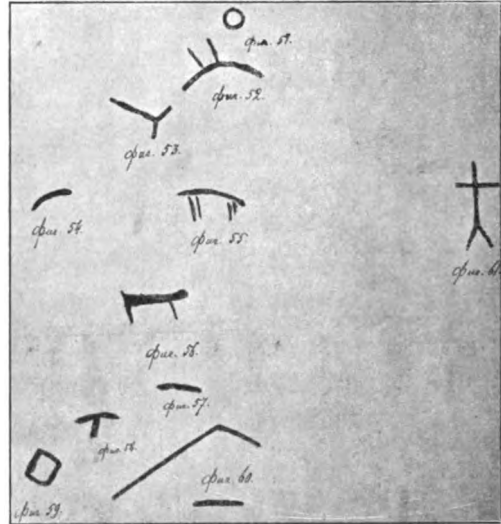

Рис. 23. Правая часть второй грани писан. V-й, на р. Манѣ. (Ок. 1/6 н. в.).

Вся средняя часть этой же, второй, грани, именно къ правому вѣшнему ея краю, обращенному къ рѣкѣ, носить слѣды краски въ видѣ общаго пятна; очевидно, эта часть утеса также была покрыта фигурами, но возстановить ихъ чрезвычайно трудно. Тѣмъ не менѣе я сдѣлалъ попытку разобратъся въ этомъ пятнѣ и выдѣлилъ части одиннадцати фигуръ (51—61), но за полную точность ихъ воспроизведенія я ручаться не могу (см. рис. 23), а потому ихъ и не описываю.

И на первой грани въ лѣвомъ верхнемъ ея углу, на высотѣ около 5 метровъ надъ берегомъ рѣки, оказалось еще 5 одинаковыхъ фигуръ, стоящихъ особнякомъ и мною не замѣченныхъ. Мой глазъ на этомъ разстояніи совсѣмъ не различалъ фигуръ, почему я поручилъ моему жожаку, обладающему острымъ зрѣніемъ звѣропромышленника, изобразить ихъ на бумагѣ. Подобраться же ближе къ этимъ фигурамъ, нарисованнымъ на отвѣсной стѣнѣ утеса, оказалось невозможнымъ даже и при помощи нашей лѣстницы, такъ что размѣры фигуръ даны мною лишь приблизительно. Эти фигуры (68—79), изображенныя на таблицѣ XVI, представляютъ довольно правильные шестиугольники съ 5 от-

ходящими отъ угловъ лучами; у каждой изъ этихъ фигуръ лучей не имѣетъ одинъ лишь шестой, обращенный внизъ, уголь (см. рис. 24).

Грань III изображена мною на таблицѣ XVII-ой (см. рис. 25). Рядомъ съ описанной двухгранной впадиной въ утесѣ, обѣ стѣны (границы)

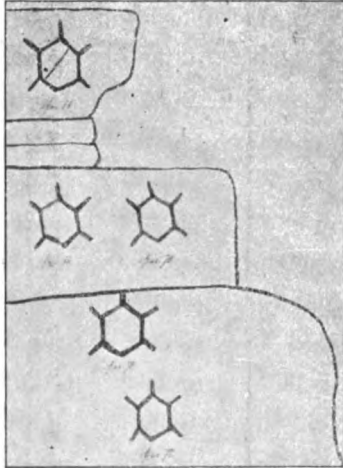

Рис. 24. Верхняя лѣвая часть первой грани писаницы V-й, на р. Манѣ. (Ок. 1¹/₁₀ н. в.).

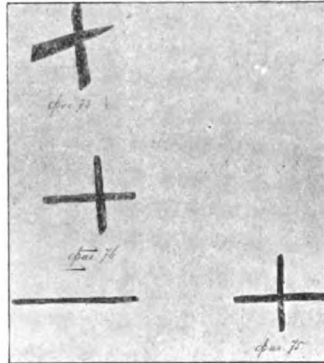

Рис. 25. Третья грань писаницы V-й, на р. Манѣ. (Ок. 1¹/₈ н. в.).

I и II) которой покрыты вышеописанными фигурами, находится вверхъ по протоку и ниже по вертикали подобный же двухгранный, входящій вглубь берега, уголь, только меньшихъ размѣровъ; здѣсь также двѣ грани около 1¹/₂ метровъ высотой и также сводомъ нависъ надъ нами утесъ, также снизу вдвинуть столбъ, возвышающійся на 2¹/₂ метра надъ берегомъ. На правой грани, смотрящей вверхъ по протоку, изображены яркой, кирпичнаго цвѣта, краской, три креста — фиг. 73, 74 и 75 — одинъ ниже другого, подобные вышеописаннымъ; подъ однимъ изъ нихъ (фигура 74) — горизонтальная полоска краской (см. рис. 25). Эти фигуры занимаютъ каждая площадь около 0,01 кв. м. Никакихъ другихъ фигуръ здѣсь больше не найдено.

Грань IV изображена мною на таблицѣ XVIII. Непосредственно за II-ю гранью, ниже по протоку, въ утесѣ образовалась еще двухгранная впадина, только на бѣльшей высотѣ. Здѣсь на правой грани ея чрезвычайно отчетливо и ярко выдѣляются три фигуры — (76, 77 и 78) — точно вчера нарисованныя: такъ свѣжа и ярка кирпичнокрасная краска.

Фиг. 76 представляетъ правильный кругъ съ симметрично отходящими отъ него тройными лучами вверхъ, внизъ, вправо и влево; внутри круга сверху отъ окружности выходитъ внизъ тройной пучекъ лу-

чей, а надъ противоположной ему точкой окружности сдѣлана дуга; эти внутреннія части фигуры начертаны болѣе блѣдною краскою (см. рис. 26).

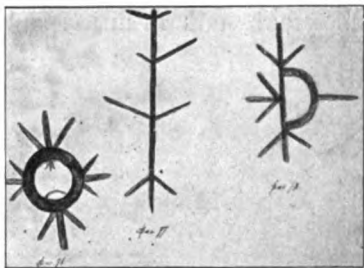

Рис. 26. Часть четвертой грани писаницы V-й, на р. Манѣ. (Ок. 1¹/₂ в. в.).

Фиг. 77 изображаетъ по всей видимости дерево (см. рис. 26).

Фиг. 78 представляетъ собою какъ бы одну правую половину фигуры 76-ой, съ тою однако разницею, что лѣвая сторона отрѣзана прямой линіей (діаметръ), отъ середины которой также отходитъ тройной пучекъ лучей (см. рис. 26).

Особнякомъ отъ этихъ фигуръ, правѣе и ниже въ разстояніи около полуметра, стоитъ еще одно (79) изображеніе.

Фиг. 79—всадникъ на конѣ; лошадь изображена бодро идущею; на это указываетъ положеніе ея головы, шеи, хвоста и переднихъ ногъ.

Писаница шестая находится ниже по теченію р. Маны, чѣмъ описанная выше. Внизъ отъ «порога» и р. Нижней Порожной по правой сторонѣ Маны идетъ узкое займище, ограниченное утесистыми склонами; около версты ниже р. Н. Порожной Мана дѣлаетъ небольшою загибъ и прижимается къ утесамъ, раздѣляясь затѣмъ островомъ на двое. Тамъ, гдѣ утесы эти подходятъ вплотную къ рѣкѣ и опускаются въ воду почти отвѣсно, на гладкой, совершенно вертикальной поверхности одной изъ большихъ глыбъ камня, на котора расчленяется порода (діоритъ), сохранилась писаница, состоящая всего изъ одной очень большой фигуры, исполненной темно-грязно-красною краскою и занимающей всю безъ остатка поверхность камня. Фигура эта приходится на высотѣ около 3¹/₂ метровъ надъ уровнемъ воды: около 4 метровъ надъ самымъ низкимъ и около 3 метровъ надъ самымъ высокимъ уровнемъ воды въ рѣкѣ. Ниже утесъ впадаетъ въ рѣку въ видѣ «быка» и тамъ кончается. Мы подвели къ утесу свой плотъ и сфотографировали съ него эту довольно хорошо сохранившуюся фигуру (см. рис. 27). Почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что фигура эта, нарисованная мною на таблицѣ XIX-ой (см. рис. 28), а прежде того еще Гмелинымъ (см. рис. 29), называвшимъ ее татарскимъ волшебнымъ бубномъ ¹⁾, дѣйствительно представляетъ собою изображеніе шаманскаго бубна съ внутренней его стороны, но съ такими особенностями, которыхъ мнѣ

¹⁾ J. G. Gmelins Reise. III, S. 475: Eine Werste und hundert und achtzig Klaftern oberhalb dem Bache Sjuk-jul war in einem steilen Felsen, der hart an dem Flusse hervorragte, auf einem runden Vorstande desselben, welcher ohngefähr eine Archin ins

никогда не приходилась видѣть среди множества бубновъ, осмотрѣнных мною у различныхъ инородцевъ. Оваль, около $\frac{3}{4}$ метра высо-

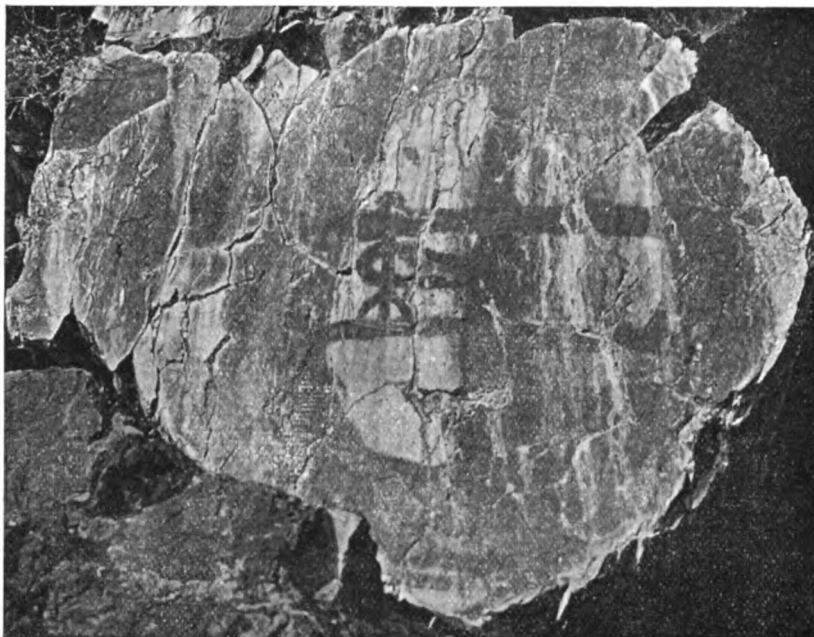

Рис. 27. Фотографія писаницы VI-й, на р. Манѣ.

той, раздѣленъ продольной поперечиной на двое, — это какъ бываетъ обыкновенно, — и затѣмъ двумя, — вмѣсто обычной одной, — горизонтальными поперечинами на три части. За горизонтальными поперечинами въ лѣвой средней части бубна видно изображеніе челоуѣка; нарисованное, надо думать, на кожѣ бубна съ внутренней его стороны. И въ этомъ изображеніи также есть особенности, которыхъ я не встрѣчалъ на писаницахъ: внизу, между развилками, долженствующими изображать ноги, идетъ вертикальный стержень, продолжающій туловище;

Gevierte hielte, und nicht weit oberhalb dem Fusse des Felsen war, die Figur einer Tatarischen Zaubertrommel roth gemahlt zu sehen, von Grösse wie der Stein nach dem hiebey gezeichneten Risse. Der Stein, worauf die Figur gemahlt war, ist ein schwärzlicher sehr harter Stein, mit untermengten sehr feinen Spathblättlein, und es scheint [S. 476] dass da, wo der Stein bemahlt ist, er wie mit einer weissen Kütte ganz dünn bestrichen gewesen sey, worauf die Farbe getragen worden, die jetzo sehr blass als wie Ziegelsteine, und so rauh, wie eine Bienenwappe aussiehet. Рисунокъ у Гмелина помѣщенъ на таблицѣ ad pag. 475, онъ повторяется здѣсь по клише Импер. Археол. Коммиссіи; см. Матеріалы по Археологіи Россіи. Вып. 15. (=В. Радловъ. Сибирскія Древности. Томъ I), приложение, стр. 105, гдѣ ему дано тоже положеніе, какъ у Гмелина; мы же поворачиваемъ (см. рис. 29) его согласно дѣйствительности.

вмѣсто рукъ изображена какая-то петля. Въ лѣвой верхней части бубна подь обичайкой нарисованы 4 подвѣски. На бубнахъ эти подвѣски серповидной формы мнѣ приходилось встрѣчать довольно часто: онѣ символизируютъ уши того, изображаемаго бубномъ, коня, на которомъ шаманъ совершаетъ свое путешествие въ царство духовъ.

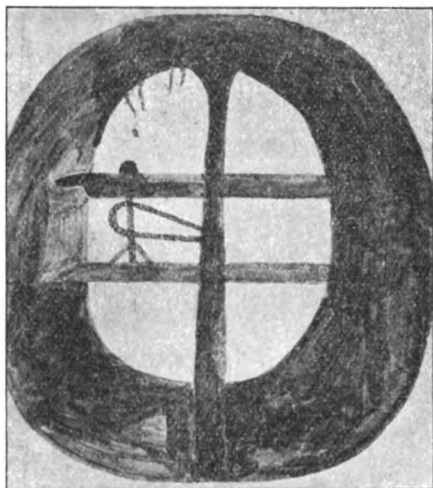

Рис. 28. Писаница VI-я, на р. Манѣ.
(Ок. 1/12 в. в.).

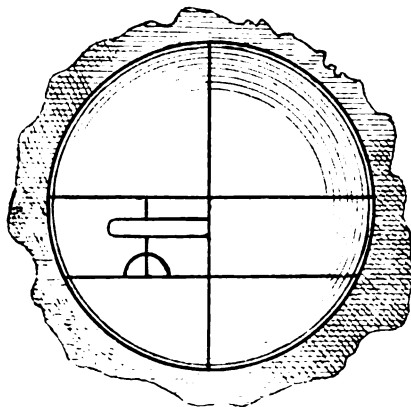

Рис. 29. Рисунокъ Гмелина съ
писаницы VI, на р. Манѣ,
повернутый на 90° влѣво.

Писаница седьмая лежитъ, относительно описанныхъ выше, ниже по теченію рѣки Маны. Ниже своего лѣваго притока р. Бѣжати рѣка Мана дѣлаетъ крутой поворотъ къ Глядунскимъ утесамъ. Лѣвый берегъ рѣки образованъ здѣсь утесами, почти вплотную подступающими къ рѣкѣ и состоящими изъ сѣраго мелкозернистаго известковистаго кварцита. На одномъ изъ этихъ береговыхъ утесовъ, около 100 саженей ниже устья р. Бѣжати, и находится на высотѣ 4 метровъ надъ водой писаница. Стѣна утесовъ образуетъ здѣсь впадину: это двухгранный уголь вдоль рѣки, нѣсколько наклоненный вверхъ по рѣкѣ и обращенный отверстиемъ своимъ къ водѣ. На верхней грани и находится писаница, состоящая изъ 12 фигуръ, которыми занята площадь около 0,90 м. въ длину и 0,80 м. въ высоту. На расщелявшейся породѣ, поросшей черными и рыжими лишайниками и покрытой бѣлымъ налетомъ, фигуры крайне неясны, да и сохранились плохо. Я нарисовалъ ихъ на таблицѣ XX-ой.

Фиг. 1, лѣвая нижняя, изображаетъ человѣка съ утолщеннымъ концомъ правой руки (см. рис. 30).

Фиг. 2—вѣроятные слѣды коня и всадника (см. рис. 30).

Фиг. 3—неопредѣленный слѣдъ (см. рис. 30).

Фиг. 4—неполная фигура животного безъ головы и переднихъ ногъ, съ довольно длиннымъ хвостомъ: не то это—лось, не то—человѣкъ на какомъ-то животномъ (см. рис. 30).

Фиг. 5—цепопятные слѣды какой-то фигуры (см. рис. 30).

Рис. 30. Писаница VII-я, на р. Манѣ. (Ок. 1½ н. в.).

Фиг. 6—изображеніе человѣка (см. рис. 30).

Фиг. 7—четыре красныхъ пятна (см. рис. 30).

Фиг. 8—изображеніе человѣка (см. рис. 30).

Фиг. 9—крестъ, подобный крестамъ, такъ часто встрѣчавшимся на V-ой писаницѣ (см. рис. 30; ср. рис. 19, 20, 21, 25).

Фиг. 10—неполное изображеніе человѣка: вся правая рука какъ будто стерта (см. рис. 30).

Фиг. 11—всадникъ на какомъ-то животномъ съ острой мордой, длиннымъ хвостомъ, какъ у коня, и короткими задними ногами (см. рис. 30).

Фиг. 12 представляетъ собою теперь лишь слѣды краски.

Писаница восьмая находится близъ вышеописанной, саженяхъ въ 60 ниже ея по тому же лѣвому берегу Маны, на утесѣ, на высотѣ около 5 метровъ надъ водой; здѣсь на двухъ смежныхъ небольшихъ впадинахъ, въ видѣ входящихъ двухгранныхъ угловъ, сильно наклоненныхъ на рѣкѣ, находится пять лучше сохранившихся фигуръ. Къ сожалѣнію, эта писаница наименѣе доступна; я изобразилъ ее на таблицѣ XXI (см. рис. 31).

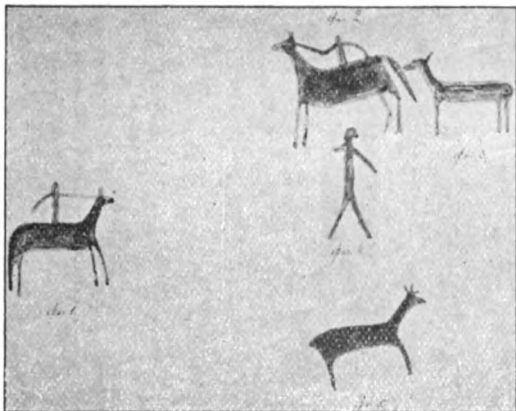

Рис. 31. Писаница VIII-я, на р. Манѣ.
(Ок. 1/2 н. в.).

Къ сожалѣнію, эта писаница наименѣе доступна; я изобразилъ ее на таблицѣ XXI (см. рис. 31).

Фиг. 1 стоитъ особнякомъ; она находится на лѣвой грани угла, расположеннаго выше по теченію рѣки, и изображаетъ всадника на животномъ съ длиною шей, острой мордой и большими стоячими ушами; задъ животного и фигура всадника не совсѣмъ ясны (см. рис. 31).

Остальныя четыре фигуры нарисованы также на лѣвой грани смежнаго угла и занимаютъ площадь въ 0,28 м. въ длину и въ 0,44 м. въ высоту.

Фиг. 2 изображаетъ всадника на животномъ, похожемъ заднею его частью на коня, а переднею на оленя (см. 31 рис.); всадникъ одной рукой управляетъ конемъ, а другую руку откинулъ назадъ. Эта фигура имѣетъ направленіе движенія вверхъ по рѣкѣ.

Фиг. 3, маленькое животное, — жеребенокъ или теленокъ, — слѣдующее вплотную за хвостомъ матери, т.-е. фигуры 2, (см. рис. 31).

Фиг. 4—неполное и неясное изображеніе человѣка, помѣщенное ниже фигуры 2 (см. рис. 31).

Фиг. 5 изображаетъ оленя или изюбря (молодого), бѣгущаго въ противоположную сторону; стоячіе рога на головѣ и ухо, длинная шея и острая морда, едва замѣтный хвостъ и общій видъ (см. рис. 31) ясно указываютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ видомъ оленя.

Эти четыре фигуры находятся, повидимому, въ общей связи.

А. Адриановъ.

О «теремѣ» въ древне-русскомъ и мусульманскомъ зодчествѣ.

Въ цѣли настоящей замѣтки не входитъ ни изслѣдованіе о словѣ «теремъ» въ различныхъ языкахъ индо-европейскаго происхожденія ¹⁾, ни разсмотрѣніе этого слова какъ хорошо извѣстнаго обозначенія определенной формы общественной жизни ²⁾, а лишь сопоставленіе нѣкоторыхъ матеріаловъ для уясненія его значенія какъ термина архитектурнаго. И въ этомъ отношеніи мы не претендуемъ на исчерпывающую полноту матеріаловъ. Нашей задачей является лишь указаніе на сходство той архитектурной формы, которая именовалось въ древней Руси «теремомъ», со сходнымъ терминомъ въ зодчествѣ мусульманскаго Востока.

Для этого намъ необходимо прежде всего опредѣлить то, что именовалось «теремомъ» въ древне-русской хоромной архитектурѣ. «Надъ сѣнями, даже и въ бѣдныхъ хоромахъ, всегда строилась вышка—родъ бельведера, а у богатыхъ непременно чердакъ, называемый иначе теремомъ, то-есть такія-же сѣни, составлявшія особый свѣтлый покой съ частыми свѣтлыми окнами на всѣ четыре стороны. Такіе чердаки устраивались даже въ нѣсколько ярусовъ и, конечно, придавали немало красоты всему зданію. Въ первоначальномъ смыслѣ чердакъ (чертогъ) и теремъ означали, собственно, сѣнь, родъ балдахина, вообще разновидное

---

¹⁾ Ср. O. Schrad er, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901, 874 (Turm).

²⁾ Ср. И. Е. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст., Москва, 1872³, 91—92: „Съ какого именно времени вообще жены знатныхъ и богатыхъ людей, стали скрываться въ удаленныхъ отъ людскаго глаза хоромахъ, съ какого именно времени является въ русской жизни этотъ теремъ, и какъ особая постройка, и какъ особая жизненная идея, сказать опредѣлительно мы не можемъ. По всему вѣроятію это началось съ перваго же вѣка по водвореніи въ нашей землѣ византійскихъ понятій и византійскихъ обычаевъ. Если-бы теремъ и не былъ принесенъ къ намъ прямо византійскими руками, какъ особая форма жизни, вмѣстѣ съ какою либо формою постройки, одежды, головного убора и т. п., то во всякомъ случаѣ онъ самъ собою народился бы въ нашемъ обществѣ по той простой причинѣ, что была принесена изъ Византіи и водворена въ нашей землѣ его идея“.

покрытіе на четырехъ подпорахъ. Въ зодчествѣ онъ получилъ значеніе бельведера или фоларя, откуда можно было наблюдать окрестность со всѣхъ сторонъ. Это значеніе теремъ сохранялъ и въ своемъ устройствѣ: какъ бы обширенъ онъ ни былъ, но стѣны его всегда состояли, такъ сказать, изъ однихъ оконъ съ необходимыми промежутками изъ ряда столбовъ, которые служили подпорою для всей постройки. Въ иныхъ случаяхъ чердакъ ставился по размѣру меньше стѣней съ цѣлью устроить вокругъ него проходъ, который обставлялся перилами и именовался гულбищемъ»¹⁾). Приведенная цитата достаточно ясно опредѣляетъ значеніе терема въ древне-русской архитектурѣ—надстройка на четырехъ подпорахъ, крытая сверху, съ боковъ-же огражденная лишь окнами, при чемъ вокругъ этой надстройки иногда сооружался балконъ съ перилами. Добавимъ, что другое, тождественное терему названіе этого сооружения, носило восточное названіе «чердакъ»²⁾), которымъ въ персидской архитектурѣ означается сооруженіе вполне тождественное сейчасъ приведенному описанію³⁾). Интересна связь названія этой древне-русской постройки съ куполомъ: въ описаніи путешествія Антонія въ Царьградъ «теремомъ великимъ» именуется куполь храма⁴⁾), что какъ-бы указываетъ на купольное покрытіе древнихъ теремовъ.

Въ персидскомъ языкѣ мы имѣемъ слово, созвучное русскому «терему» и подобно этому послѣднему означающее родъ строенія—«таремъ» или «таримъ», которое, по лексикографическимъ даннымъ⁵⁾ означаетъ: 1) деревянную постройку, подобную круглой кочевой кибиткѣ (хергах'у), 2) строеніе съ куполомъ (гумбедъ), 3) крышу дома. Этотъ архитектурный терминъ довольно рано проникаетъ и въ арабскій языкъ. У арабскаго писателя XI—XII в. Джава-лики, составившаго словарь заимствованныхъ словъ въ арабскомъ языкѣ, мы находимъ и слово тарима въ значеніи «строенія», при

¹⁾ И. Е. Забѣлинъ, Русское искусство. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ, Москва, 1900, 49 (о теремномъ дворѣ Игоря ср. тамъ-же, 35). О теремѣ см. также Древности, Археологическій Сборникъ, издаваемый Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, II, 1870, Матеріалы для археологическаго словаря, 17.

²⁾ F. Miklosich, Die Fremdwörter in den Slavischen Sprachen, Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, phil.—hist. Classe, XV, 1867, 73—140, при словъ čardak, čartakъ, по персидски букв. „четыре свода“ т. е. открытая съ четырехъ сторонъ постройка съ крышей, поддерживаемая четырьмя столбами.

³⁾ Изображенія древне-русскихъ теремовъ см. напр. въ Древностяхъ, IV, 1874, табл. II, V, VI, VII.

⁴⁾ Древности, III, 1870, Матеріалы для археологическаго словаря, 45.

⁵⁾ Vullers, Lexicon persico-latinum, II, 525.

чемъ авторъ считаетъ это слово заимствованнымъ изъ персидскаго ¹⁾. Слово это употребляется у различныхъ, разновременныхъ арабскихъ писателей то въ значеніи «матерчатого балдахина» (еще въ Китаб-ал-агани, X в.), то въ значеніи «открытаго портика», то, наконецъ, для обозначенія какюты на корабль ²⁾. Интересно описаніе таримы мы находимъ въ двухъ арабскихъ источникахъ: въ Мурудж-аз-захабъ Мас'уди (X в.) ³⁾ и въ Аджайб-ал-махлукатъ Казвини (XIII в.) ⁴⁾, причемъ рассказъ возводится ко времени аббасидскаго халифа Амина (809—813 г. по Р. Х.). Здѣсь упоминается тарима, сдѣланная изъ алоеваго и сапдаловаго дерева, въ 10 локтей длинной и шириной, украшенная золотыми, зелеными и красными шелковыми и атласными матеріями, которая въ дальнѣйшемъ изложеніи отождествляется, повидимому, съ куббой, т.-е. сооруженіемъ, покрытымъ куполомъ ⁵⁾. Слово кубба, подобно таримѣ, имѣетъ также значеніе балдахина ⁶⁾, паланкина въ формѣ купола и, наконецъ, зонтика. Другое интересное упоминаніе таримы мы встречаемъ у арабскаго-же писателя XIV-го в. Макриси при описаніи построекъ Фатимидскихъ халифовъ (X—XII в.) въ Каирѣ. По его словамъ, одна изъ халифскихъ копышенъ носила названіе «Истабл-ат-тарима», «Теремной копышни», потому что въ ней находился особый павильонъ или трибуна, откуда халифъ смотрѣлъ лошадей; въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія тотъ-же авторъ опредѣляетъ тариму какъ «деревянную постройку» ⁷⁾. Въ новѣйшемъ указателѣ словъ, заимствованныхъ изъ персидскаго языка въ арабскій ⁸⁾, слово тарима толкуется какъ «подобное куббѣ строеніе, изъ дерева, арабизація персидскаго таримъ».

Насколько можно судить изъ вышеприведенныхъ сообщеній арабскихъ писателей таримъ на мусульманскомъ Востока означалъ по-

¹⁾ Ġawālikī's Almu'arrab, herausgegeben von E. Sachau, Leipzig, 1867, 102.

²⁾ Dozy, Supplément aux dictionnaires arabes, II, 42.

³⁾ Maçoudī, Les prairies d'or, éd. Barbier de Meynard, VI, 1871, 426—427 (ср. Journal Asiatique, 1869, I, 222).

⁴⁾ Caswini, Kosmographie, ed. Wüstenfeld, I, 1849, 320 (ср. H. L. Fleischer, Kleinere Schriften, II, Leipzig, 1888, 614).

⁵⁾ Dozy, o. c., II, 297.

⁶⁾ Отсюда alcôve, альковъ (см. напр. Dozy-Engelmann, Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe², Leyde, 1869, 90—91). Балдахинъ, какъ известно, происходятъ отъ средневѣковаго европейскаго названія Багдада—Балдахъ.

⁷⁾ Хитатъ, Булакское изд. 1270 г. Хиджры, I, 444 и II, 35 (ср. P. Ravaisse, Essai sur l'histoire et la topographie du Caire d'après Makrizi, Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire, III, 4, Paris, 1890, 84 et note).

⁸⁾ Шеръ, Китабъ ал-альфазъ ал-фарисія ал-му'арраба, Бейрутъ, 1908, 112.

стройку, вполне сходную съ древне-русскимъ теремомъ—она строилась изъ дерева, вслѣдствіе различій климата была, вѣроятно, открытой и не закрывалась какъ въ древней Руси окнами, назначеніе же имѣла, главнымъ образомъ, бельведера, открытаго съ боковъ павильона или крытой трибуны. Весьма вѣроятно, что посредствующимъ звеномъ въ этихъ сходныхъ по названію и формѣ постройкахъ древней Руси и мусульманскаго Востока было аналогичное строеніе въ Византіи (*τέρεμον*)¹⁾. Для насъ, въ данномъ случаѣ, важно лишь отмѣтить сходство въ названіи и формѣ двухъ построекъ—древне-русскаго терема и персидскаго тарима²⁾.

Въ заключеніе, обращаю вниманіе еще на слѣдующее, не лишнее интереса совпаденіе. Мы уже отмѣтили, что таримъ и кубба, кромѣ опредѣленнаго типа постройки, означали также балдахинъ, а второе слово даже зонтикъ. Куббой именовался у мамлюкскихъ султановъ Египта зонтикъ, инсигній власти, несшійся надъ султаномъ во время торжественныхъ процессій. Интересно, что это-же значеніе придавалось слову «теремъ», «теремецъ» и въ древне-русскомъ языкѣ. Въ хоженіи за три моря Аонасія Никитина, при описаніи выѣзда Бедерскаго султана въ Индію, рассказывается, что передъ султаномъ скакалъ пѣшій индѣецъ, играя «теремцемъ», т. е. зонтикомъ, а далѣе упоминается «теремъ оксамитень», т. е. бархатный балдахинъ и «теремъ шидянь», т. е. шелковый балдахинъ³⁾. Это совпаденіе несомнѣнно также имѣетъ значеніе въ данномъ вопросѣ.

К. А. Иностранцевъ.

---

¹⁾ Schradet, о. с. 874. П. Арпстовъ, Промышленность древней Руси, Спб., 1866, 85, считаетъ теремную постройку на Руси заимствованной изъ Византіи.

²⁾ Какъ извѣстно рядъ персидскихъ архитектурныхъ терминовъ перешелъ въ древне-русскій, хотя иногда и съ измѣненнымъ значеніемъ—напр. с а р а й, а м б а р ь и другіе.

³⁾ И. И. Срезневскій, Хоженіе за три моря Аонасія Никитина, Ученыя Записки Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, книга II, выпускъ II, Спб., 1856, 268. Тамъ-же указано летописное обозначеніе навѣса надъ гробницей— «теремъ серебрянъ надъ гробомъ».

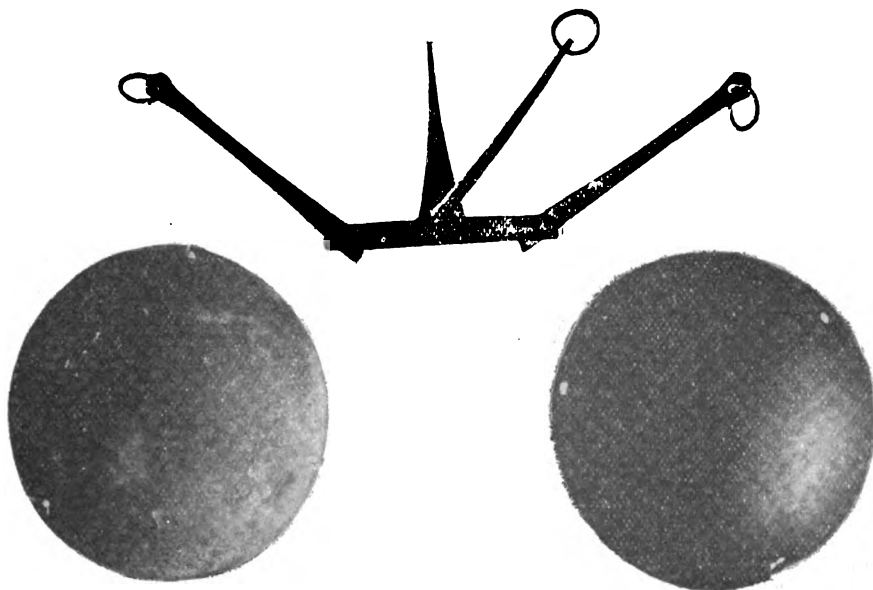

Рис. 1. Складные вѣсы, найденные на р. Устьѣ. (Ок. $\frac{1}{2}$ нат. велич.).

О старыхъ торговыхъ путяхъ на Сѣверѣ.

(По поводу одной находки на верховьяхъ р. Устьи).

Лѣтомъ 1908 г. крестьянинъ дер. Алферовской, Дмитріевской волости, Вельскаго уѣзда, Вологодской губерніи, Вас. Степ. Буторинъ, нашелъ на пашнѣ, при впаденіи ручья Глубокаго въ р. Устью, въ 5 верстахъ отъ деревни, «кладъ», состоявшій изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) маленькіе карманные вѣсы (мѣдное складное коромысло, съ колечкомъ на каждомъ концѣ, и двѣ тонкія мѣдныя чашки, подвѣшивавшіяся когда-то, видимо, съ помощью шнурковъ), 2) четыре различныя не только по вѣсу, но и по виду, и по матеріалу, разновѣски, 3) два куска воска, 4) желѣзный наконечникъ копыя, 5) точильный или пробирный брусокъ и 6) одиннадцать перержавѣвшихъ пожевыхъ клинковъ. Послѣдніе не были взяты находчикомъ, вслѣдствіе плохой ихъ сохранности.

Коромысло вѣсовъ (рис. 1) въ 0,2 м. длины, со стрѣлкою-указателемъ посрединѣ, качается на оси въ обойницѣ, за верхнее колечко которой вѣсы привѣшивали или держали при взвѣшиваніи; концы

коромысла складываются къ срединѣ, образуя тогда треугольникъ; на концахъ ихъ—по колечку для подвѣшиванья чашекъ. Обѣ тонкія чашечки, въ 0,09 м. въ поперечникѣ, изготовлены также изъ желтой мѣди, какъ и коромысло; онѣ имѣютъ по три дырочки на краяхъ; поверхность чашекъ первоначально имѣла блестящій золотистый видъ.

Вѣсы такого размѣра, т.-е. для взвѣшиванія незначительныхъ тяжестей, и такого же устройства, т.-е. со складными коромыслами, не являются для археологовъ рѣдкостью: это—монетные вѣски, приспособленные для нуждъ странствующаго торговаго человѣка, и подобные имъ экземпляры, перѣдко съ наборомъ гирекъ и иногда съ особыми футлярами въ видѣ т. н. «луковицъ» старинныхъ часовъ, находимы были и въ Восточной, Сѣверной и Западной Россіи, и въ Прибалтійскомъ краѣ, и въ Финляндіи, и въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Англии и т. д. ¹⁾

Самая тяжелая разновѣска (рис. 2) вѣситъ 191,85 gr. ($44 \frac{47}{48}$ зол.) и состоитъ изъ свинцовой массы, палитой въ круглый латунный футляръ въ формѣ невысокой цилиндрической коробки, раскрывающейся на двѣ равныя половинки, склепанныя посрединѣ мѣднымъ же стержнемъ; на одной изъ сторонъ находится изображеніе льва, а на другой—двухъ птицъ.

Совершенно такія же гири находимы были въ предѣлахъ Волжской Болгаріи: онѣ украшены тѣми же изображеніями, какъ и Алферовская, только левъ обращенъ въ другую сторону ²⁾.

Въ числѣ Сарайскихъ находокъ въ Эрмитажѣ находится бронзовая половинка подобнаго рода гирьки, по значительно меньшаго размѣра, съ изображеніемъ льва, и другая цѣльная бронзовая гирька, вѣсомъ въ 9 зол.

¹⁾ Экземпляръ изъ Сарая (близъ Царева)—въ Императорскомъ Эрмитажѣ; изъ дер. Коча въ Верхокамьѣ—см. Матеріалы по Археологіи Россіи, № 26. Древности Камской Чуди, табл. XIX, 3—5; изъ Владимірской губ.—Труды I Археолог. Съѣзда, стр. 637, 755, Атласъ, табл. XXXIII, 45—47; изъ Гнѣдова у Смоленска—см. Матер. по Археол. Россіи, № 28, стр. 24, 88, 89, рис. 45--49; изъ Люцина—Мат. по Арх. Росс. № 14, стр. 47, табл. VII. 7; Fr. Kruse. Necrolivonica. SS. 14—16, Beilage E. SS. 1—32, Zusätze S. 2, Taf. 53 (Ascheraden), 54 (Palfer); J. K. Baer. Die Gräber der Liven. Taf. XX. 14 (Данія), 15 (Ascheraden); Hausmann. Katalog der Ausstellung zum X Archäol. Congress in Riga. 1896. SS. 114—115, 138, 139, 146; Taf. 26. 2 (Palfer); Aspelin. Antiquités du Nord finno-ougrien. L'âge du fer, Fig. 1389, 1663 (Финляндія), 1924 (Эстляндія); Montelius, Antiquités suédoises, 1873—75, L'âge du fer, III, fig. 624, 646; O. Rygh. Antiquités norvégiennes. 1885, fig. 181^a, 476; и т. д., и т. д.; въ одномъ Прибалтійскомъ краѣ найдено 25 вѣсковъ и 63 гирьки (см. Труды X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, т. III. 1900. Протоколы, стр. 121).

²⁾ См. Труды II Археолог. Съѣзда, т. I. 1876. А. О. Лихачевъ, Бытовые памятники Великой Булгаріи, стр. 18, 46, пр. 68, рисунки, табл. III. 30: два экземпляра—въ собраніи А. О. Лихачева (нынѣ въ Казанскомъ Городскомъ Музеѣ), третій—принадлежалъ архитектору Далю; къ сожалѣнію издатель считалъ ихъ печатами и потому вѣса ихъ не указалъ.

14 дол., съ изображеніями птицы съ человѣческой головой на одной сторонѣ и льва на другой; хотя размѣры этихъ двухъ гирекъ и меньше Алферовской, по характеръ изображеній на нихъ явно указываетъ на общность происхожденія всѣхъ ихъ.

Рис. 2. Двѣ стороны бронзовой, залитой свинцомъ гири (191,85 гр.=44 зол. 94 д.), найденной на р. Устьѣ близъ дер. Алферовской.

Вѣсъ гири, найденной у дер. Алферовской, не позволяетъ, къ сожалѣнію, дать ей какое-либо опредѣленіе: ей не достаетъ трехъ золотниковъ до нашего полуфунта, назвать каковымъ ее было бы всего вѣроятнѣе, такъ какъ въ древней Россіи вѣсовой единицей всегда былъ, какъ это теперь доказано, тотъ же (по подѣ иными, конечно, названіями) фунтъ, пришедшій къ намъ съ Востока, гдѣ онъ употреблялся издревле. Недостача трехъ золотниковъ не можетъ, по всей видимости, быть объясняема потертостью мѣдной оболочки съ одной стороны (съ птицами) и тѣми передѣлками, которыя замѣтны внутри въ ея свинцовой заливкѣ; кромѣ того и вѣсъ, почти половинный, второй Алферовской гири указываетъ какъ бы на согласованность его съ дѣйствительнымъ вѣсомъ нашей гири. Остается, такимъ образомъ, предположить существованіе гдѣ-либо, всего вѣроятнѣе въ Волжской Болгаріи, какого-то особаго фунта, уменьшеннаго на одну шестнадцатую долю обычнаго и вѣсившаго лишь 90 золотниковъ или 383,9 гр., но найти указанія на дѣйствительное существованіе такого вѣса намъ не удалось ¹⁾.

Слѣдующая по тяжести разновѣска (рис. 3) въ 94,895 гр. (22 з. 23 д.) представляетъ низкую правильную восьмиугольную призму изъ

¹⁾ См. изслѣдованіе И. И. Кауфмана: Русскій вѣсъ (и т. д.) въ Запискахъ Нумизматическаго Отдѣленія Импер. Русскаго Археологич. Общества, т. I, вып. I, 1906, стр. 92—182; на стр. 160—163 является фунтъ въ 90 золотн., но лишь какъ несуществующая въ дѣйствительности аналогія уменьшенію византійскаго фунта къ XVII вѣку съ 327,456 гр. до 307,134 гр., т. е. приблизительно именно на $\frac{1}{16}$.

свинца, мѣстами образовавшаго уже толстый слой окиси. Если допустить, что потертость ея и нѣкоторая, незначительная правда, поломка окислившейся коры гирьки уменьшили нѣсколько ея прежній вѣсъ, то она оказывается половиною гири описанной выше, т. - е. четвертью предполагаемаго фунта въ 90 золотниковъ.

Третья разновидка (рис. 4)—галька овальной формы изъ молочнаго кварца—имѣеть 20,38 гр. (4 з. 75 д.); на ней выдолблены 7 ямочекъ, указывавшихъ, можетъ быть, 7 какихъ-то единицъ вѣса. Однако, произведя соответственное дѣленіе, мы получаемъ число (2,9114 гр., $65\frac{4}{7}$ доли), которое, подходя къ нормальному вѣсу арабской серебряной монеты (диргема=64 долямъ, или двумъ татарскимъ деньгамъ XIV в. ¹⁾), оказывается нѣсколько его превосходящимъ.

Рис. 3. Свинцовая гиря
(94,895 гр.=22 зол. 23 д.).

Рис. 4. Каменная гирька
(20,38 гр. = 4 зол. 75 д.).

Рис. 5. Стекл. бусина
5,31 гр.=1 з. 24 д.).

Самая малая разновидка (рис. 5), крупная голубая съ коричневыми разводами бусина, имѣеть 5,31 гр. (1 з. 24 д.); на ней имѣется также искусственная ямочка. Вѣсъ ея равенъ, слѣдовательно, $1\frac{1}{4}$ золотнику или $\frac{1}{72}$ предполагаемаго фунта въ 90 золотниковъ, т.-е. ровно двумъ серебрянымъ монетамъ, какія получились бы, если ихъ стали бы чеканить по двѣнадцати дюжинъ, по примѣру диргемовъ, изъ этого облегченнаго фунта; считать же бусину эту за вѣсъ двухъ нормальныхъ диргемовъ (=1 зол. 32 дол.) не позволяетъ превосходство ихъ въ вѣсѣ на 8 долей.

Впрочемъ, дѣлая всѣ эти вѣсовыя сопоставленія, мы не придаемъ, конечно, имъ какого-либо рѣшающаго значенія: вопросы о взаимоотношеніяхъ вѣсовыхъ и монетныхъ единицъ и о вѣрности и невѣрности гирекъ слишкомъ сложенъ самъ по себѣ. Съ другой стороны, находки въ Заволочьи западно-европейскихъ монетъ не исключаютъ возможности примѣненія здѣсь и западно-европейскихъ монетныхъ разновидсокъ; вопро-

¹⁾ См. Кауфмана, у. с., стр. 129, 174—175.

чемъ, сами скандинавскіе археологи объясняли вѣсь находимыхъ у нихъ гирекъ изъ вѣса арабскихъ монетъ ¹⁾).

Куски воска представляютъ собою обломки одного и того же круга, нѣсколько болѣе 6 вершковъ въ поперечникѣ и $1\frac{1}{2}$ —2 сант. толщиной. Воскъ не подвергся очень значительной трансформациі; поверхность шероховатая, со складками и поздревинами т.-е., по всей видимости, оттискомъ той шершавой поверхности, на которую вылить былъ воскъ при его вытапливаніи; часть круга изведена была находчикомъ «клада» на свои нужды, почему здѣсь воспроизводится (на рис. 6 вверху) для образца лишь одинъ большій кусокъ этого, въ древности уже разломаннаго, восковаго круга; этотъ небольшой кругъ не слѣдуетъ, конечно, отождествлять съ тѣми многопудовыми «кругами» въ которыхъ воскъ («Stogwas» въ рижскихъ документахъ) поступалъ въ старину на внутренній и внѣшній рынокъ ²⁾).

Копье (на рис. 6 въ срединѣ) около 6 вершковъ длины, хорошей работы и сохранности, безъ рѣзбы и украшеній; остріе четырехгранное и въ поперечномъ сѣченіи даетъ фигуру ромба; втулка для насаживанія на древко круглая коническая; въ стѣнкахъ ея два круглыхъ, одно противъ другого, отверстія для прикрѣпленія наконечника къ древку копья; внутри втулки слѣдовъ дерева теперь не замѣтно; если ихъ не было и при самой находкѣ, то, очевидно, и этотъ наконечникъ копья, какъ и ножевые клинки, былъ тѣмъ желѣзнымъ товаромъ, который пѣкогда привезенъ былъ сюда купцомъ, прежнимъ владѣльцемъ «клада».

Брусочъ точильный или пробирный (на рис. 6 внизу) состоитъ какъ бы изъ окаменѣлаго дерева, бѣловато-сѣраго цвѣта, около 4 вершк. длиною, на четыре грани.

По мнѣнію А. А. Спицына, найденныя вещи могутъ быть отнесены къ XIII—XIV вѣку. Очевидна связь всѣхъ этихъ вещей съ торговыми сношеніями, которыя производились въ этомъ краѣ заѣзжими купцами.

¹⁾ См. М. Березковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой. Спб. 1879, стр. 53.

²⁾ Многочисленныя данныя о торговлѣ древней Руси воскомъ см. у Аристова (Промышленность древней Руси. Спб. 1866, стр. 31—40, 206 пр. 642, 207 пр. 645, 646) и Березкова (О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 32, 73, 77 пр., 104, 106, 158, 169—171, 240); нѣмцы для завѣшиванія воска добились вмѣсто прежнихъ безмѣровъ устройства особыхъ коромысловыхъ вѣсовъ („скалки“ или „скальвы воцанья“); обычнымъ вѣсомъ круга была „капъ“ или „четверть воцаная“=12 пудамъ (Книга торговая 1575 и 1610 гг., см. Записки Отд. Русск. и Слов. Археологіи Имп. Русск. Археолог. Общества, т. I, 1851. стр. 131); съ круговъ взымались и таможенныя пошлины, въ удостовѣреніе чего давались шнурки съ соответственнымъ числомъ узелковъ и припечатанными концами, какъ то можно заключать изъ словъ одной таможенной грамоты 1621 года (Акты Археограф. Экспедиціи. III, № 117, стр. 162).

Воскъ былъ, надо думать, мѣстнымъ сырымъ продуктомъ, хотя теперь здѣсь этимъ промысломъ занимаются весьма мало. Наоборотъ, одиннадцать ножевыхъ клинковъ, — а, можетъ быть, и наконечникъ копья, — гдѣ бы онѣ ни были сдѣланы: въ самомъ ли Заволочьи, въ Волжской ли Болгаріи, приладожскими ли Финнами или заморскими Нѣмцами ²⁾—все равно здѣсь, на р. Устьѣ, были несомнѣнно товаромъ привознымъ, который купцы, русскіе или болгарскіе, поставляли мѣстному, охотничьему, въ то время вѣроятно еще чудскому, населенію.

Рис. 6. Одинъ изъ кусковъ воска, желѣзный наконечникъ копья и каменный брусокъ, найденные на р. Устьѣ близъ дер. Алферовской. ($\frac{1}{2}$ натур. величины).

Присутствіе въ пожиткахъ одного изъ этихъ купцовъ монетныхъ вѣсовъ и гирекъ показываетъ, что торговля, хотя бы и не вся, велась здѣсь въ указанное время уже на деньги, —хоть и на вѣсъ ихъ, а не на счетъ,—и что тогдашніе обитатели этихъ мѣстъ вышли уже изъ того первобытнаго періода нѣмого мѣноваго торгова, какой, правда въ области

---

¹⁾ Желѣзныя издѣлія въ XIII—XIV в. могли имѣть любое изъ указанныхъ происхожденіе: см. Аристова, у. с., стр. 111—112, Бережкова, у. с., стр. 28, 165.

Позднѣе, въ московское время, ножи въ большомъ числѣ шли также изъ за границы: Торговая книга 1575 и 1610 года среди привозныхъ товаровъ исчисляеть цѣлый рядъ (§ 124—131) различныхъ ножей; между ними: Стырскіе, Чатскіе, Свитцкіе, Угорскіе (Зап. Отд. Русск. и Слав. Археол. И. Р. А. О., т. I, 1851, стр. 126).

болѣ восточной, приуральской, Чуди, описывали арабскіе и новгородскіе путешественники ¹⁾).

Алферовская находка свидѣтельствуетъ такимъ образомъ о существованіи связей этого заходустнаго края съ торговыми центрами. Для опредѣленія направленія старыхъ торговыхъ путей въ этомъ краѣ нѣкоторыя указанія находятся здѣсь же, на мѣстахъ, и на ихъ основаніи получается схема путей, которая можетъ послужить далеко не лишнимъ матеріаломъ для болѣ серьезнаго и обстоятельнаго изученія исторіи торговыхъ путей Сѣверной Россіи. Часть приводимыхъ ниже свѣдѣній въ нѣкоторыхъ подробностяхъ требуетъ тщательной провѣрки и дальнѣйшихъ изысканій, но общая картина устанавливается уже на основаніи имѣющагося матеріала.

При рѣшеніи вопроса, какія были въ старину сношенія между поселеніями этого края, прежде всего надо остановиться на томъ свѣдѣтельствѣ, что область рѣки Ваги съ притоками, когда то заселенная чудскимъ племенемъ, уже при началѣ возвышенія Великаго Новгорода привлекала вниманіе новгородскихъ промышленниковъ и предпринимателей, а въ XI вѣкѣ, по нѣкоторымъ даннымъ, здѣсь уже прочно утверждается новгородское владычество. «Христіанская вѣра на Вагѣ возсіяла въ XI столѣтіи, и первое правленіе было Новгородскихъ первосвященниковъ, и Вага, состоящая тогда въ Обонежской пятицѣ, въ Заонежской половинѣ, называлась Важская десятина. Потомъ отъ Новгородскаго правительства присылаемы были на Вагу для управленія по гражданской части посадники; во время посадническаго правленія изъ Новгорода на Вагу были многіе выходцы и селились по разнымъ мѣстамъ по рѣкѣ Вагѣ, Пезжмѣ и Кокшеньгѣ». Такъ писалъ М. Н. Мясниковъ ²⁾

¹⁾ См. М. Бережкова, у. с., стр. 28—34, 42 пр. 111... „и помагають рукою просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножъ ли, ли сѣкиру, и они скорою даютъ противу...“ рассказывалъ Юрята Роговичъ.

²⁾ Объ этомъ замѣчательномъ собирателѣ историческихъ данныхъ о нашемъ краѣ см. литературу, указанную у В. С. Иконникова (Опытъ русской исторіографіи, т. I, ч. 2, стр. СССІІ—СССІІІ и 1275); собраніе его состояло изъ 55 томовъ, 500 столбцовъ и 100 старыхъ календарей съ приписками; остатки его куплены были И. Н. Царскимъ и нынѣ должны, слѣдовательно, находиться въ Порѣчьи у гр. Уваровыхъ; ему же принадлежалъ Сборникъ Герас. Мих. Едомскаго 1676 года, изданный въ „Памятникахъ Древней Письменности“ (LXXIX, Спб. 1889).

При жизни М. Н. Мясникова напечатано было въ „Сѣверномъ Архивѣ“ за 1827 годъ (№ IX, стр. 1—34; X, стр. 89—120; XI, стр. 189—209, и XII, стр. 275—289) „Нѣчто о пятинахъ Новгородскихъ и въ особенности о странѣ, извѣстной издревле подъ именемъ Ваги“, что представляло собою сокращеніе его труда: „Историческое описаніе Ваги и города Шенкурска, составленное изъ древнихъ русскихъ лѣтописей, царскихъ и святительскихъ грамматъ, писцевыхъ и дозорныхъ книгъ, монастырскихъ, церковныхъ, канцелярскихъ архивныхъ бумагъ и разныхъ современныхъ записокъ Матвѣемъ

въ статьѣ «Историческія свѣдѣнія о Кокшеньгѣ» (Вологод. Епарх. Вѣд. 1905 г., №№ 10, 13, 15), обстоятельно составленной на основаніи старинныхъ мѣстныхъ сказаній, лѣтописей, купчихъ крѣпостей, духовныхъ завѣщаній и официальныхъ грамотъ, со ссылками на нихъ. Но теперь историческія заключенія Н. М. Мясникова, конечно, не могутъ быть всецѣло принимаемы на вѣру: такъ, сколько-либо широкое распространеніе христіанства въ Заволочьи въ до-монгольское время подвергается сомнѣніямъ¹⁾; распространеніе же Новгородской власти и, вѣроятно, поселеній для начала XII вѣка засвидѣтельствовано перечнемъ погостовъ въ уставной грамотѣ кн. Святослава Ольговича 1137 г.; изъ нихъ въ предѣлахъ интересующей насъ области (см. карту, рис. 7) несомнѣнно находились Усть-Вага, Тойма, Вель, Тотьма, Волокъ-на-Мошѣ²⁾.

«Въ лѣто 6823 (1315)», писалъ тотъ же Мясниковъ, «Новгородскаго правительства посадникъ Василій Матвѣевичъ Своеземцовъ у важскаго старосты Азика Харагинца, Ровда и Игнатца купилъ земли Шенчкурскаго погоста до ростовскихъ межъ, заплатилъ Азикѣ съ братією за оныя 20,000 бѣлокъ и сверхъ того далъ имъ пополонка десять рублей и, означивъ границы покупной земли, постановили между собою купчую крѣпость, по коей значатся земли, воды, лѣса, мхи, озера и соколыи гнѣзда и купчую свидѣтелями утвердили; а заключили тѣмъ, что кто сей договоръ нарушить, тотъ долженъ заплатить князю и посаднику двадцать гривень золота»³⁾. «Потомки Своеземцова на по-

---

Мясниковымъ», первая тринадцать (изъ сорока шести) главъ котораго напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ, издаваемыхъ Павломъ Свиньинымъ“ (ч. XXXVII, стр. 385—420; XXXVIII, стр. 22—58, 229—279, 377—400; XXXIX, стр. 78—103, 243—282, 402—430; XL, стр. 93—116, 260—291, 448—464); „Историческими свѣдѣніями о городѣ Вельскѣ“ М. Н. Мясникова пользовались П. Вороновъ (Вельскъ, уѣздный городъ Вологодской губерніи, въ Вѣстникѣ Имп. Русск. Географ. Общ. ч. XXV, 1859, отд. II, стр. 95—118) и И. К. Степановскій (Вологодская Старина. Вологда. 1890, стр. 41—43: гор. Вельскъ).

¹⁾ П. С. Ефименко. Заволоцкая Чудь. Архангельскъ. 1869. [ч. II], стр. 61—62; Е. Е. Голубинскій. Исторія Русской церкви. 2 изд., т. I, ч. 1, стр. 20, 205 пр. 4, 210—211.

²⁾ Карамзинъ. И. Г. Р., т. II, пр. 267; Барсовъ. Очерки русской исторической географіи. Изд. 2. Варшава. 1885, стр. 203—204, 316—318, пр. 325. Въ той же области могли лежать и многія изъ иныхъ поречисляемыхъ въ той грамотѣ мѣстностей, но опредѣленіе ихъ или, при нерѣдкой повторяемости географическихъ именъ, не надежно или же вовсе невозможно.

³⁾ Отечественныя Записки, ч. XXXVII, стр. 415—416: „изъ купчей крѣпости В. М. Своеземцова 1315 года“; этотъ драгоценный для исторіи и географіи нашего края документъ изданъ по подлиннику, видѣнному Археографической Экспедиціей, въ Актахъ Юридическихъ, Спб. 1838, № 257. I, стр. 269—270; цѣликомъ приводитъ его и П. Вороновъ въ статьѣ: Историческій взглядъ на Важско-Двинскихъ удѣльныхъ крестьянъ (Этнографическій Сборникъ, издаваемый Импер. Русск. Географич. Обще-

купныхъ земляхъ поселились, учредивъ свои вотчины, и въ въ томъ же столѣтїи завели первое по Вагѣ хлѣбопашество. Въ 6901 (1393) г., правнукъ посадника, Евстаоїй Ананьичъ Своеземцовъ, земли свои раздѣлилъ дѣтямъ; вотчины его тогда были въ Шенкурскомъ и Кокшеньгскомъ погостѣ»¹⁾).

Такимъ образомъ къ концу XIV в. важскія и кокшеньгскія поселенія составили одну обширную «Важскую землю», занимавшую все теченіе р. Ваги, части Двины и рѣкъ Шенги, Двиницы, Вели, Пезмы, Кокшеньги, Паденги, Пуи, Леди, Ваенги, Пяпды и другихъ, и объединенную повгородскимъ вліяніемъ и управленіемъ. Она простиралась (по Мясникову) съ юга на сѣверъ на 420 верстъ, отъ запада къ востоку 210 вер. (88,200 кв. в.), и граничила съ Двинскою, Устюжскою, Вологодскою и Каргопольскою областями. Управленіе шло изъ Шенкурья, нынѣшняго города Шенкурска, какъ одного изъ самыхъ старинныхъ

ствомъ. Вып. V, Спб. 1862) стр. 9 прим. Документъ собственно—не купчая, а мировая между Своеземцовымъ и чудскими старшинами, заключенная въ Новгородѣ передъ княземъ Аванасіемъ [Даниловичемъ, въ 1314—16 правившимъ за брата Юрія, а съ 1319 до 1322 за себя], имя котораго и подтверждаетъ датировку документа въ его старинныхъ спискахъ (см. Акты Юридическіе, примѣчанія стр. 7). Судя по ссылкѣ П. С. Ефименки (Заволоцкая Чудь, 1869, ч. II, стр. 34—35) грамота 1315 г. издана или упоминается и въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, 1860 г., № 45.

¹⁾ Духовная Ев. Апаньича 1393 г. издана въ Актахъ Юридическихъ, № 409. I, стр. 429—430; сомнѣнія въ принадлежности ея этому году, указываемому старинными ея списками (см. А. Шахматовъ. Изслѣдованія о Двинскихъ грамотахъ 1903. I—II, стр. 5), устраняются упоминаніемъ въ ней новгородскаго владыки Алексѣя (1360—1389: см. Акты Юридическіе, примѣчанія стр. 8).

Духовная Ѳедора Евстаѣевича (Акты Юридическіе, № 409. II, стр. 431—432) и раздѣльная грамота 1436 г. между Василіемъ Ѳедоровичемъ Своеземцовымъ и племянникомъ его Василіемъ Степановичемъ (Акты Юридическіе, № 260. I, стр. 273—274; Архангельскія Губерн. Вѣдомости 1846, № 44) содержатъ рядъ цѣнныхъ для исторїи и географїи нашего края данныхъ. П. С. Ефименко (Заволоцкая Чудь [ч. II], стр. 35) въ опредѣленїи одной мѣстности въ грамотѣ 1426 г. словами: „гдѣ блазнь живетъ“, видѣлъ свидѣтельство объ языческой („блазнь“) Чуди; однако это скорѣе просто собственное имя или прозвище крестьянина: отсюда фамилія Блазновы (ср. Зап. Отд. Русск. и Слав. Археол. И. Р. А. О., т. VI, стр. 535). Вѣроятнѣе толкованіе имъ же (у. с., стр. 35), какъ обозначеніе національности, имени нѣкогого „Чюдина Шурухина“, которому въ 1596 г. поручено было разобрать вѣстѣ съ Герасимомъ Едомскимъ, сыномъ Ивана Васильевича Своеземцова, тяжбу между Богословскимъ на Пенешкѣ монастыремъ и Химаневскими крестьянами (см. Архангельск Губ. Вѣдом. 1846, № 43); кромѣ приводимыхъ П. С. Ефименкомъ (у. с. [ч. I], стр. 9—12, 33; [ч. II], стр. 34—38) данныхъ о чудскомъ населенїи Важскаго края, указывается (Барсовъ. Очерки русск. историч. географїи 1885, прим. 95), еще свидѣтельство одного шведа, что на Вагѣ въ половинѣ XVIII вѣка говорили еще испорченнымъ финскимъ языкомъ: въ изданныхъ сочиненїяхъ М. Н. Мясникова о существованїи въ его время иноязычной Чуди уже не упоминается: онъ зналъ Чудь лишь по народнымъ сказанїямъ и исторїи; впрочемъ въ документахъ XVI—XVIII вѣковъ чудское населенїе съ его христіанскими и русскими именами видимыхъ слѣдовъ своего существованїя могло и не оставить, существуя однако въ дѣйствительности.

поселковъ этого края. Здѣсь невдалекѣ отъ Шенкурья при впаденіи въ Вагу рѣчки Пенешки ¹⁾ повгородскій на Вагѣ посадникъ Василій Степановичъ Своеземцовъ построилъ въ 1440-хъ годахъ себѣ «городокъ», а около 1450 г. устроилъ на немъ монастырь Іоанна Богослова, щедро надѣлилъ его землями и самъ окончилъ жизнь, какъ настоятель его подъ именемъ Варлаама; позднѣе въ 1552 г. по открытіи его мощей Варлаамъ Пенешскій былъ канонизованъ; а его потомки не оставляли своими щедротами монастыря, нынѣ ставшаго простымъ погостомъ ²⁾.

¹⁾ Богословскій (Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ. Москва, 1909 [=Чтенія въ Имп. Общ. Ист. Древн. Россійск. при Имп. Моск. Универс. 1910 г. кн. I, отд. II], стр. 7) смѣшиваетъ рѣчку эту съ р. Пинегой, впадающей въ Сѣв. Двину.

²⁾ В. С. Своеземцевъ тождественъ, вѣроятно, съ двинскимъ воеводою Васи-ліемъ Шенкурскимъ, который ходилъ въ 1445 г. вмѣстѣ съ Михаиломъ Яковлевымъ въ несомнѣнн. удачный походъ на Югру (Карамзинъ, Ист. Гос. Россійск. ч. V, стр. 178, пр. 319), а, можетъ быть, также и съ новгородскимъ посадникомъ, упоминаемымъ въ 1446 и 1456 гг. (Карамзинъ, ч. V, пр. 348, 359, 361; Акты Археогр. Эксп. I, №№ 57, 58, 59, а также № 94. II). Вопросъ этотъ могли бы рѣшить Родословіе Своеземцевыхъ и Синодикъ Едемскихъ, бывшіе нѣкогда въ рукахъ Мясникова (Сѣв. Архивъ, 1827, № IX, стр. 17).

Насколько правильно упоминаемый въ разсказѣ объ этомъ походѣ „Васильевъ острогъ“ отождествляютъ, слѣдуя Житію Св. Варлаама Пенешскаго, Мясниковъ (Сѣверный Архивъ, 1827, ч. XXVII, стр. 195—196; Отечественныя Записки, ч. XXXIX, 1829, стр. 232—247) и И. С. Ефименко (Заволоцкая Чудь [ч. II], стр. 37—38, 46—47), со ссылкой на Архангел. Губерн. Вѣдомости, 1869, № 49) съ „городкомъ“ на р. Пенешкѣ, рѣшать мы не беремъ: „острогъ“ былъ, видимо, построенъ временно въ Югорской землѣ; житіе же говоритъ о нападеніи Югорца Юрада въ 1446 г. на важскій городокъ посадника.

О Св. Варлаамѣ Пенешскомъ, кромѣ Мясникова, см.: Е. Е. Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Москва, 1903, стр. 127; Православная Богословская Энциклопедія, III, стр. 145—147.

Грамоту Василя Степановича 1452 г. см. Акты Юридическіе, 1838 г., № 110, VI, стр. 144—145, Мясниковъ видѣлъ ее въ подлинникѣ (Сѣверный Архивъ, 1827 г., № IX, стр. 91; № XI, стр. 195—196; Отечественныя Записки, XXXIX, стр. 236); о другихъ церквахъ, построенныхъ Василіемъ Степановичемъ, см. К. Молчанова, Описаніе Архангельской губерніи, Спб. 1813, ч. III, стр. 186—188. Дарственная грамота Ивана Васильевича, сына основателя монастыря, издана въ Актахъ Юридическихъ № 110, VII, стр. 145—146 (ср. Мясникова, Отечественн. Записки, XXXIX, стр. 237, по К. Молчанову, у. с., стр. 188,—1470 г.). Мясниковъ (ibid.) зналъ еще одну дарственную грамоту Ивана III 6 января 1484 г. на 15 деревень (Сѣв. Архивъ, 1827 г., № IX, стр. 91; Вопросы въ Этнограф. Сборникъ, т. V, 1862 г., стр. 5), царскую несудимую грамоту монастырю 1527 г. (Сѣверный Архивъ, 1827, № IX, стр. 92), царскую грамоту 1553 г. объ уплатѣ съ деревень Ивана Васильевича Своеземцева-Едемскаго 7 р. 15 алт. 4½ ден. „дани противъ Богословскаго Монастыря“ (Сѣверный Архивъ, 1827, № IX, стр. 17 и 24; Отечеств. Записки, ч. XXXVII, стр. 418).

Въ 1596 г. тогдашній владѣлецъ Ваги, Борисъ Годуновъ, поручилъ Герасиму Ивановичу Едомскому, вмѣстѣ съ Чюдинымъ Шурухвиннымъ, разборъ спора между монастыремъ и химаевскими крестьянами (И. С. Ефименко, Заволоцкая Чудь. [ч. II], стр. 35, со ссылкой на Архангел. Губ. Вѣдом. 1846, № 43).

Въ XIV же вѣкѣ начинаетъ чувствоваться здѣсь и московское вліяніе, которое вступаетъ въ борьбу съ новгородскимъ. Въ лѣтописи Ростовскаго погоста (нынѣ приходская церковь именуется Вознесенской), находящагося отъ г. Вельска вверхъ по теченію р. Вели въ 7 верстахъ, говорится какъ разъ объ этомъ вліяніи: первая церковь въ Ростовскомъ приходѣ (нынѣ изъ него образовалось пять приходоѡ) была построена яко бы въ 1397 г. кн. Ѳед. Ив. Ростовскимъ, присланнымъ на Двину и Вагу «для управленія и защиты отъ новгородцевъ». Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ этой неудавшейся попыткѣ в. кн. Василя Димитріевича захватить часть новгородскаго Заволочья этотъ фактъ построенія церкви, конечно, не упоминается и мы не знаемъ, основывался ли составитель церковной лѣтописи XIX в. на какихъ либо положительныхъ данныхъ или же лишь сдѣлалъ такое заключеніе самъ, сопоставляя имя Ростовскаго погоста съ фактомъ назначенія великокняжескимъ воеводою на Двину одного изъ ростовскихъ князей. Мѣстомъ древнѣйшаго поселенія XII в. эта же лѣтопись называетъ Чудину гору, возвышенное, поросшее лѣсомъ, мѣсто, принадлежащее теперь церкви и находящееся въ полуверстѣ отъ нея, причемъ ссылается на Карамзина ч. II, прим. 267, т.-е. на грамоту 1137 г. (см. выше, стр. 46, прим. 2), гдѣ въ числѣ поселеній дѣйствительно упоминается Вель и какой-то Чюдинъ. Изъ разсказа объ изгнаніи новгородцами въ 1398 г. бояръ великаго князя видно, что на Вели ранѣе сидѣлъ владыченъ волостель и Вель принадлежала св. Софіи ¹⁾. Обширныя земельныя владѣнія повгородскаго владыки Іоны (1459—1470) по рѣкамъ Вели и Пежмѣ съ притоками, а также по верховьямъ Ваги и по р. Двиницѣ, лѣвому притоку Сухоны, вплоть до Ярославскаго рубежа упомянуты въ выписи 1471 «изъ списковъ изъ судейскихъ о Двинскихъ земляхъ» (Акты Археограф. Экспедиціи I, № 94, II, стр. 73). Этотъ драгоценный для исторіи и географіи нашего края документъ перечисляетъ земли различныхъ, жившихъ въ первой половинѣ XV в., ростовскихъ князей, которыя находились на Сѣв. Двинѣ и Вагѣ, и отмѣчаетъ судебныя тяжбы о нихъ, возникавшія между повгородцами. Что ростовскія владѣнія уже въ началѣ XIV в. заходили въ область р. Ваги, видно изъ упоминанія «Ростовскихъ межъ» въ грамотѣ 1315 года (см. выше, стр. 46). Позднѣе, когда въ 1471 г. все Заволочье и прежнія тамъ владѣнія Ростовскихъ князей перешли отъ Великаго Новгорода къ великимъ князьямъ Московскимъ, то въ завѣщаніяхъ Ивана III (Собр.

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Росс. т. V, стр. 92—93, прим. 171, Воскресенская лѣтопись (=П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 71); Никоновская (=П. С. Р. Л. т. XI, стр. 169—171); Новгородская IV (=П. С. Р. Л. т. IV, стр. 102—103).

Госуд. Грам. и Догов. I, № 144, стр. 392) и Ивана Грозного (Дополн. къ Актамъ Историч. I, № 222, стр. 382) въ перечнѣ земель по Двинѣ является и «Ростовщина». Всѣ три погоста, доселѣ носящіе въ нашемъ краѣ имя «Ростовскихъ», оказываются лежащими въ предѣлахъ бывшихъ владѣній Ростовскихъ князей, какъ опредѣлены они въ спискѣ 1471 года ¹⁾. Намъ не удалось однако найти опредѣленныхъ свидѣтельствъ

---

¹⁾ Ростовскій Троицкій (Отечеств. Записки, 1829, ч. XL, стр. 99) погостъ на правомъ берегу Сѣверной Двины, нѣсколько сѣвернѣе границъ нашей карты (см. рис. 7) верстахъ въ сорока выше впаденія въ Двину Ваги, приходится противъ вотчины кн. Ѳедора Андреевича Ростовскаго по лѣвому берегу Двины: „Заостровіе, Соколово, да село по Козлову врагу, да на Безатскую сосну, да Кодима, да Пучюга, да Иксоозеро, да Плесо, да Юмышъ отъ устія и до верховія по обѣ стороны“. Ростовская волость на Двинѣ въ XVII в. входила въ составъ Подвинскаго стана Важскаго уѣзда (Русская Историч. Библіотека, ч. XIV, ст. 225, № СХІІ. 1612 г.; къ этой же волости относятся и прочія упоминанія Ростовской волости или сотни въ этомъ томѣ). Въ концѣ XVIII в. здѣсь было двѣ деревянныхъ церкви: Троицы и Введенія (Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г. П. И. Челищева, стр. 142, см. Изданія Общ. Любит. Древн. Письменности. № LXXXV).

Ростовскій Рождества Богородицы (Отечеств. Записки, ч. XL, стр. 104: Заячегоростовскій) погостъ въ трехъ верстахъ отъ погоста Заячерѣцкаго приходится во владѣніяхъ кн. Ивана Александровича Ростовскаго, которому принадлежали „Каменная гора по Кокшенгѣ, по обѣ стороны Кокшенги до устія, Пукома, Савкино, Ракулка, Пустынка“. Здѣсь лежала одна изъ Устьянскаго волостей, носившая въ XVII в. имя Ростовской, но ранѣе, въ XVI вѣкѣ, именованная Заячерецкой (М. Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII в., Москва, 1909, стр. 25, прим. 1, прилож., стр. 58; къ этой волости относятся акты, изданные М. Богословскимъ въ приложеніи къ его книгѣ подъ №№ 6, 7, 20 и 22). Опись часовень этой Ростовской волости 1698 г. см. Русская Историч. Библіотека, т. XXV, С. Пб. 1908, ст. 759—762; приходская церковь тогда была во имя св. Николая, какъ и ранѣе въ 1640 годахъ (М. Богословскій, Земское самоуправленіе, приложеніе стр. 88, 89).

Теперь Ростовскій Рождества Богородицы погостъ, или „Ростово“, лежащій въ захолустьи, никакою особою славою въ глазахъ народа не пользуется; о немъ говорить презрительно, подчеркивая „сѣрость“, и неприязнительность жителей: „Ростовъ, Миня [т. е. Минскій погостъ] да Заечья—и во Христовъ день—паренца“ [т. е. пареную рѣпу ѣдятъ]. Единственную примѣчательность его представляетъ такъ называемое „Бѣлое Озеро“: источникъ, верстахъ въ четырехъ отъ погоста, образующій бассейнъ, который выложенъ по дну и по бокамъ бревнами; къ нему, какъ къ пользующемуся славою цѣлебнаго, въ день св. Прокопія Устьянскаго [о немъ см. Io. Вѣрюжскій, Историч. сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи. Вологда, 1880, стр. 546—568; Голубинскій, у. с., стр. 159, 200—201.], т. е. 8 іюля, собираются молящіеся (здѣсь есть часовня св. Прокопія) и купаются въ бассейнѣ сперва сами, а потомъ купаютъ и лошадей, на которыхъ прѣѣхали; источникъ столь не великъ, что уровень воды въ бассейнѣ послѣ этого значительно падаетъ.

Наконецъ третій, упоминавшійся уже выше, Ростовскій Вознесенскій (Отечеств. Записки, ч. XL, стр. 104) погостъ на р. Вели лежалъ въ предѣлахъ земель того же кн. Ивана Александровича Ростовскаго, въ части ихъ, опредѣляемой спискомъ 1471 г. такъ: „А Вели да Пешма рѣки по обѣ стороны отъ устей и до верховей и до Ярославскаго рубежа, и съ малыми рѣчками, которыя въ нихъ втекли: Тявренга, Подвига, Шоноша, Синегга, слободка Морозова, слободка Косткова: то земли были князи Ивановы Александровича Ростовскаго; а искалъ тѣхъ земель Ѳедко Васили-

въ пользу утверждѣнія лѣтописи Ростовской на р. Вели церкви, якобы въ концѣ XV в. находился здѣсь «судъ всѣхъ Устьянскихъ волостей, къ которымъ принадлежали 17 нынѣшнихъ приходоѡ и государственные крестьяне всего нынѣшняго Вельскаго уѣзда, частью Тотемскаго и Шенкурскаго. Въ сей судъ Великіе Князья и Цари присылали свои грамоты; извѣстны, напр., грамота Вел. Кн. Ивана Васильевича, за 200 лѣтъ до 1692 года, а изъ болѣе позднихъ — царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича». При церкви долго хранился писанный Судебникъ Царя Ѳеодора Іоанновича и былъ затерянъ лишь въ недавнее время; но онъ отыскался въ Москвѣ въ бывшемъ собраніи Ѳ. Ѳ. Мазурина и

совѣ, староста Вельской и Пѣженской, на Степанѣ на Космынинѣ да на Ивашкѣ на Микифоровѣ, а тѣ отвѣчивали во владычне мѣсто Ноугородского въ Ювяно“ (Акты Археогр. Эксп. I, № 94, II, стр. 73).

Во второй половинѣ XVI в., по свидѣтельству церковной лѣтописи, документы упоминаютъ попа Григорія Дмитріева: за нимъ находилось „земли 14 четвертей, а сена 15 коп.“. Въ XVII в. и ранѣе Ростовскій на Вели погостъ входилъ въ составъ одной изъ Устьянскихъ волостей, именно Пежемской, лежавшей по рр. Пижмѣ и Вели и ихъ притокамъ: см. М. Богословскаго, Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ, стр. 25, прилож. стр. 58, однако на картѣ, приложенной къ этому изслѣдованію, на мѣстѣ Ростовскаго погоста на Вели ошибочно помѣщенъ погостъ Ракульскій (съ Кокшенги); Ростовскій на Вели погостъ М. М. Богословскимъ не упоминается вовсе, а между тѣмъ именно онъ, а не Ростовскій Заячерѣцкій, является въ изданномъ имъ же въ приложеніи подъ № 18 приводѣ къ крестному цѣлованію въ 1643 году „выборнаго и земскаго судьи Пежемскаго стану“ „на Ростовскомъ погостѣ въ трапезѣ въ міру“ (ср. №№ 1, 2 и 19); тотъ же Ростовскій погостъ Пежемской волости, т. е. на р. Вели, упоминается въ дѣлѣ 1631 г. (см. М. Богословскій, у. с., стр. 203 пр. 2). Церковная лѣтопись сообщаетъ еще, что въ 1633 г. упоминается церковь Успенія Б. М. и пощъ Иванъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ кромѣ Успенской—еще церкви св. пр. Иліи и Николая Чудотворца, въ 1688 г. является церковь Вознесенія Господня; до конца XVII в. Ростовскій приходъ былъ такъ великъ, что изъ него образовалось позднѣе пять приходоѡ. Просьба 1694 г. о выдѣленіи изъ него двухъ приходоѡ напечатана въ XII томѣ Русской Исторической Библіотеки, Спб. 1890, ст. 111—113, а опись часовенъ Ростовскаго прихода 1698 г. издана въ томъ же сборникѣ—томѣ XXV, 1908, ст. 476—482. Старинный антиминсъ изъ церкви отосланъ, по словамъ лѣтописи, въ 1852 г. въ Вельскій статистическій комитетъ, какъ и старинныя грамоты, хранившіяся при церкви. На колокольнѣ виситъ колоколь около 12 пудовъ съ голландскою 1594 г. надписью: IHESVS ICK GEGOETEN CORNEEZ 15 IAN ENS 1594. Въ церкви въ алтарѣ находится большой деревянный крестъ времени царствованія Іоанна и Петра, т. е., быть можетъ, тотъ самый, который упоминается въ описи часовенъ 1698 г. (см. выше указанное изданіе, ст. 476), какъ стоявшій тогда въ часовнѣ, построенной въ 1688 г. „на древнемъ церковномъ мѣстѣ“ близъ тогдашнихъ церковей погоста. Есть еще старая почитаемая чудотворною икона Николая Чудотворца, называемаго почему-то „Столопнымъ“.

На погостѣ была нѣкогда Никольская ярмарка при церкви этого святаго; теперь ея не бываетъ послѣ того, какъ прежнее значеніе Ростовскаго погоста пало съ поднятіемъ сосѣдняго г. Вельска, прежде Вельской слободы, сдѣланной городомъ лишь въ 1780 г. и донынѣ называемаго народомъ „Вельско“, т. е. село Вельское.

*

нынѣ изданъ, какъ единственный уцѣлѣвшій списокъ этого судебника 1589 года ¹⁾).

Однако, не смотря на попытки Москвы утвердить здѣсь свое вліяніе, все, повидимому, оставалось въ Важской области по прежнему: слишкомъ сильно укоренился здѣсь другой укладъ жизни и другія связи и зависимость. Даже потомъ, когда событія завели въ эти мѣста московскихъ князей нѣсколько съ другой стороны, когда съ оружіемъ пришлось войти сюда, какъ въ покоренную страну,—и тогда новгородскій укладъ жизни не сразу исчезъ здѣсь, и съ нимъ пришлось считаться.

Въ новгородское время землями Важскаго края владѣли, какъ мы видѣли выше, и «св. Софія», т.-е. новгородскій архіепископъ, и различные роды богатыхъ новгородцевъ, какъ Своеземцевы, Борецкіе, Тучины и др.; отличны отъ новгородскихъ были повидимому мѣстные «Двинскіе бояре», нерѣдко державшіе сторону Москвы ²⁾. Съ отказомъ Новгорода по договору 1471 г. (Акты Археогр. Экспед., т. I, № 93) отъ его Двинскихъ владѣній въ пользу великаго князя Ивана III, который и исчисляетъ ихъ въ своемъ завѣщаніи 1506 года (см. выше, стр. 49), значительная часть земель стала постоянною наслѣдственною собственностью Московскихъ царей,—исключая времени Федора Ивановича и смуты,—но о конфискаціяхъ здѣсь земель новгородской знати мы прямыхъ извѣстій не имѣемъ; напротивъ того потомки Своеземцевыхъ, Едомскіе, и другіе продолжаютъ владѣть крупными земельными пространствами еще въ началѣ XVII в., а память объ этихъ, постепенно мельчавшихъ и сливавшихся съ крестьянскими, вотчинахъ сохранялись и въ XVIII вѣкѣ въ именахъ такъ называемыхъ «боярщинахъ» Афанасьевской, Ивановской, Есиповской и другихъ, а также «Едемскихъ деревень» ³⁾).

---

¹⁾ На листѣ 30 об. его находится припись XIX в.: „Ростовской Вознесенской церкви“; хранится нынѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; изданъ М. М. Богословскимъ въ 7-омъ выпускѣ „Сборника Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“, Москва. 1900, гдѣ указана и литература о немъ.

²⁾ М. Богословскій, Исторія земскаго самоуправленія (и т. д.), стр. 6—8, ср. стр. 98 слл.; на стр. 100 авторъ пишетъ: „можно думать, что эти частновладѣльческія вотчины на сѣверѣ были въ XVII в. тѣмъ, чѣмъ въ новгородское время были земли т. н. „своеземцевъ“, которые владѣли ими на правѣ полной собственности“. Къ сожалѣнію онъ не дѣлаетъ никакихъ указавій, по которымъ можно было бы выяснитъ возможное происхожденіе отъ этого термина фамиліи Своеземцевыхъ, игравшихъ столь видную роль въ прошломъ нашего края. О Двинскихъ боярахъ см. Акты Археограф. Экспедиціи. I, № 13.

³⁾ Кромѣ М. Богословскаго о „боярщинахъ“ см. еще К. Молчанова (Описаніе

Окончательно овладѣвъ Вагою Москва для управленія избираетъ тотъ же самый центръ, какой былъ при новгородскомъ управленіи, Шенкурскъ, оставляя тотъ же и районъ управленія. Но волости, разбросанныя въ этомъ же районѣ по р. Устьѣ, Вели, Пезмѣ и отчасти по верхней Вагѣ, не сливаются съ нимъ¹⁾, а составляютъ особое административное цѣлое. Причина такого обособленія этихъ почти сплошь «черносошныхъ» (см. М. Богословскій, стр. 49, 100) Устьянскихъ волостей отъ прочаго края остается, къ сожалѣнію, невыясненной и новѣйшій изслѣдователь земскаго самоуправления нашего края этого вопроса, держась хронологическихъ предѣловъ его темы, не касается вовсе, занимаясь судьбою Устьянскихъ волостей лишь въ XVI и XVII вв.²⁾

Приведенное выше утверженіе мѣстной церковной лѣтописи, якобы административнымъ центромъ всѣхъ Устьянскихъ волостей въ концѣ XV-го вѣка былъ Ростовскій на Вели погостъ, болѣе поздними фактами и аналогіями не подтверждается: уставная грамота Устьянскимъ волостямъ 1539 года (Чтен. въ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1907, кн. 1, смѣсь, стр. 47—51) обязывала ихъ поставить для волостеля хоромы «на трехъ станѣхъ: на Заечѣ рѣкѣ, да въ Пезмѣ, да въ Чюшевичахъ»; не упоминается какого-либо общаго административнаго центра всѣхъ волостей и позднѣе въ грамотахъ, устанавливающихъ или подтверждающихъ земское самоуправленіе этихъ волостей³⁾; съѣзды представителей волостей назначались въ XVII в. въ разныхъ волостяхъ (см. М. Богословскій, у. с., стр. 225—227); не было въ нихъ и «всеуѣднаго старосты» (ibid. 227). Все это привело изслѣдователя къ за-

---

Архангельской Губерніи. Спб. 1813, ч. III, стр. 185, 188) и Н. Мясникова (Сѣв. Архивъ 1827, № IX, стр. 16).

Въ 1610 году, напр., „взято въ государеву денежную казну Важскіе вотчины Шенгурской и Кокшенскіе чети у Герасима, да у Василія Едомскихъ съ ихъ вотчинныхъ деревень оброку и дани 42 рубля 31 алтынь 4 денги“ (Акты Юридическія, I, № 209, X), что предполагаетъ весьма обширныя владѣнія.

¹⁾ Въ противоположность государственнымъ крестьянамъ этихъ волостей, всѣ остальные удѣльные. См. статью П. Воронова. Историческій взглядъ на Важско-Двинскихъ удѣльныхъ крестьянъ (Этнографическій Сборникъ, изд. Имп. Русск. Географ. Общ. т. V. 1862).

²⁾ М. Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в. т. I. Москва. 1909. (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ при Москов. Университетѣ. 1910. Кн. I, отд. II), см. особенно стр. 10, 25—28, 30, 117, 225—227, 287—290, 302, 303, 318, 319; прилож. стр. 58—59, и документы: IV, №№ 1, 3, 4; V №№ 1—13, 18—22.

³⁾ Грамота 23 мая 1555 года издана М. Богословскимъ въ его трудѣ на стр. 287—289 въ примѣчаніи; грамота 15 октября 1555 г.—Акты Археограф. Экспедиціи, т. I, № 243, стр. 264—267; грамота 1622 г., восстанавливающая самоуправленіе, и ея подтвержденія—Акты Археогр. Эксп. т. III, № 126, стр. 176—178.

ключенію, что въ XVII в. «въ Устьянскихъ волостяхъ не было посадскаго центра, который бы служилъ постояннымъ мѣстомъ для собраній волостныхъ представителей» (ibid., стр. 225), и причину этого онъ видитъ въ разбросанности волостей и дальности разстоянія между крайними изъ нихъ: «жители Устьянскихъ волостей называли свои волости «залѣшимъ мѣстомъ» и, опредѣляя ихъ расположеніе, говорили: «стоятъ волостишка по займищамъ (разработаннымъ мѣстомъ среди лѣса) врознь на трехстахъ верстахъ» (ibid. стр. 35: Пр. Д., 1643. № 33).

Мѣсто, гдѣ сдѣлана была описанная выше находка, лежитъ въ предѣлахъ крайней къ востоку изъ Устьянскихъ волостей, Дмитріевской, которая упоминается уже съ 1630-хъ годовъ, какъ часть Введенскаго стана, тогда же тамъ упоминается уже и церковь (см. М. Богословскій, стр. 25, прилож., стр. 59, 91—97).

О предъидущей исторіи этихъ мѣстъ намъ ничего не извѣстно; можно лишь предполагать, что въ тѣ времена, къ которымъ можно относить вещи сдѣланной близъ дер. Алферовской находки, эти мѣста были населены весьма рѣдко, населеніе, вѣроятно охотничье и побольшей части еще чудское, ютилось по берегу рѣки, служившей единственною дорогою, связывавшей этотъ глухой край съ остальнымъ міромъ.

Вѣроятная принадлежность найденныхъ близъ дер. Алферовской вещей торговцу ставить, однако, вопросъ, не играла ли рѣка Устья и въ то отдаленное время какой либо роли въ сѣти тогдашнихъ, рѣчныхъ по большей части, торговыхъ путей нашего края.

Приступая къ разсмотрѣнію ихъ мы не будемъ касаться главнѣйшаго и извѣстнѣйшаго пути къ Бѣлому морю по Сухонѣ и Сѣв. Двинѣ, какъ достаточно извѣстнаго, и ограничимся тѣми внутренними путями Важскаго края, свѣдѣнія о которыхъ можно получить лишь на мѣстѣ.

Въ Вельскомъ и сѣверной части Тотемскаго уѣзда можно различать два главныя направленія путей съ Юга на Сѣверъ и съ Запада на Востокъ. О важности того и другого можно судить главнымъ образомъ по предметамъ торговли, среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимали хлѣбъ и рыба, а затѣмъ желѣзо, соль, мѣха и др. Кромѣ торговаго значенія, тотъ и другой путь служили распредѣлителями новыхъ поселенцевъ и имѣли въ моменты борьбы между Москвою и Новгородомъ также и стратегическое значеніе.

Изъ этихъ двухъ направленій первое, съ Ю. на С., опредѣляется теченіемъ главныхъ рѣкъ края: Ваги и Кокшеньги съ низовьями Устья. Иначе обстоитъ дѣло съ другимъ, съ В. на З., направленіемъ. На пер-

вый взглядъ являются сомнѣнія въ самой возможности существованія здѣсь какихъ бы то ни было путей въ старину, тѣмъ болѣе, что вполнѣ хорошихъ дорогъ нѣтъ въ этомъ краю и въ настоящее время. Однако мѣстные преданія и нѣкоторыя историческія данныя свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ существованіи здѣсь путей и въ отдаленное время.

Хотя главныя рѣки данной мѣстности имѣютъ, какъ указано, преимущественное направленіе съ Юга на Сѣверъ, но притоки ихъ во многихъ мѣстахъ подходятъ своими верховьями такъ близко другъ къ другу или къ главнымъ рѣкамъ, что области главныхъ рѣкъ являются раздѣленными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишь самыми незначительными волоками. Если къ этому прибавить еще, что главные притоки р. Ваги, Вель и Устья, первая цѣликомъ, а вторая верховьями и частью среднимъ теченіемъ, текутъ какъ разъ въ разсматриваемомъ направленіи, точно такъ же, какъ и главный притокъ Кокшеньги, Уфтюга, съ верховьями ея (Кокшеньги), то и здѣсь намѣчаются естественные пути.

Важнѣйшимъ путемъ Важской области, пересѣкавшимъ ее съ Ю. на С., какъ теперешняя желѣзная дорога, была въ старину сама рѣка Вага и (черезъ низовья р. Устья) Кокшеньга, верховья которой близко подходятъ къ Сухонѣ. Этотъ путь упоминается въ исторіи тѣхъ событій, которыя привели въ Важскую область Московскихъ князей. Послѣ битвы подъ Галичемъ Шемяка утвердился на нѣкоторое время въ Устюгѣ и отсюда успѣлъ склонить на свою сторону отчасти и Важскую область, между прочимъ Кокшеньгу. Но великокняжескія войска появляются въ Устюгѣ и одна часть ихъ преслѣдуютъ Шемяку по Двинѣ, а другая направляется въ Кокшеньгу. Къ этому времени (1452 г.) относится слѣдующая выписка Карамзина (прим. 356 къ V кн. И. Г. Р.): «Кн. Вел. вземъ на Москвѣ Рождество Христово, съ Васильева же дни поиде противу Шемякѣ... Отпустилъ сына на Кокшенгу... Кн. Вел. Иванъ и Царевичъ, шедъ на Кокшенгу градки ихъ поимаша, а землю всю плѣниша и въ полонъ поведоша; а ходиша до усть Ваги и до Осинава поля, а оттолѣ возвратишася назадъ вси здрави съ многимъ плѣномъ и великою корыстью» (=Воскресенская лѣтопись, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 125, и Никоновская, П. С. Р. Л., т. XII, стр. 77). Рядомъ Карамзинъ приводитъ выдержку изъ Архангелогородской лѣтописи: «Кн. Вел. Иванъ послалъ за нимъ воеводъ Югомъ мимо Устюгъ, и подъ городомъ не стояли, за Шемякою пошли; а Кн. Вел. Иванъ съ Ондреевыхъ селищъ и съ Галицаны пошелъ на Городишную да на Сухону, да въ Саленгу на Кокшенгу воюючи; а городъ Кокшенской взялъ, а кокшаровъ сѣклъ множество, а съ Кокшенги на Вологду... а Кн. Дмит-

рей побѣжа къ Новгороду; а воеводы, то слышавъ на усть Ваги, и воротились по Вагѣ вверхъ на Кокшенгу жь»... И по Великоустюжской лѣтописи ¹⁾ видно, что и тѣ воеводы, которые преслѣдовали Шемяку на Двину, гнались за нимъ и дальше, черезъ Важскую область; но такъ какъ онъ бѣжалъ въ Новгородъ, то туда воеводы не погнались, а по Вагѣ и Кокшеньгѣ вернулись къ Москвѣ. Этимъ же путемъ въ 1466 г. Вятчане крадучись прошли мимо Устюга на Кокшеньгу и воевали Кокшеньгу, а назадъ шли Вагою внизъ и по Двинѣ вверхъ до Устюга ²⁾.

Этотъ болѣе прямой, нежели по Сухонѣ и Сѣв. Двинѣ, путь съ юга на сѣверъ, путь по Вагѣ отмѣчается и Герберштейномъ ³⁾. Особенно выгоденъ онъ былъ, конечно, зимою, когда и ходилъ туда великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1452 г. ⁴⁾; весьма досаденъ поэтому пропускъ въ соответственномъ мѣстѣ Судебника царя Ѳедора Иоанновича, гдѣ рѣчь была, видимо, именно о пути по Вагѣ, оказывавшемся тогда уже старымъ ⁵⁾. Но онъ существовалъ, конечно, и позднѣе, такъ въ счетномъ спискѣ ямскихъ старость 1621 года (Русская Историч. Библиотека, т. XIV, Спб., 1894, № СXXXVII, ст. 348 — 352) различается два пути: одинъ «съ яму съ Пянды»... «вверхъ по Двинѣ до Ягрыша за верхнюю половину» и другой: «тѣ боковые подводы, что ѣхали съ Колмогоръ по Вагѣ къ Вологдѣ и къ Москвѣ, а съ Вологды и къ Колмогорамъ черезъ Вагу».

Изъ приведенныхъ лѣтописныхъ справокъ слѣдуетъ, что въ XV в. путь отъ Устюга на Кокшеньгу и Вагу былъ достаточно извѣстенъ, а Вага черезъ Вель находилась въ постоянномъ общеніи съ Новгородомъ, черезъ Каргопольскій край, еще гораздо раньше; съ другой стороны Кокшеньга съ Вагою до Шенкурска была также въ непрерывномъ об-

¹⁾ А. А. Титовъ, Лѣт. Великоуст. М. 1889 г., стр. 34.

²⁾ Архангелогородскій Лѣтописецъ М. 1781, стр. 142. Карамзинъ, т. VI, прим. 311: „Вятчане ратью прошли мимо Устюга на Кокшенгу, а сторожи не слышали на городѣ, а шли по Сухонѣ вверхъ... а назадъ шли Вагою внизъ, а по Двинѣ вверхъ до Устюга... и Князь Великій велѣлъ Вятчанъ переимати... и Сабуровъ dospѣлъ (ихъ) подъ городкомъ подъ Гледеномъ, а Вятчане дали ему посулъ, и стоявъ три дни, къ Вяткѣ пошли“.

³⁾ Е. Замысловскій. Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія о Россіи. Спб. 1884, стр. 148.

⁴⁾ См. Поли. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, стр. 147: „6960. ...тое же зимы князь великій Ивацъ Васильевичъ ходилъ на Ккъшень“; то же—П. С. Р. Л. V, стр. 271.

⁵⁾ Сборникъ Москов. Главн. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ. Вып. 7-й. М. 1900. Статья 223,—„Дорога отъ Москвы и до Колмогоръ куды преже была“,—сохранилась въ небольшомъ лишь отрывкѣ; статья 224,—„А где въ осень дороги живутъ, дорога живеть по рекамъ и по той дороге ставятъ вежи“ (и т. д.),—направленія дорогъ не указываетъ.

щеніи, начиная съ XIV (не позже) — XIII вв., а по всей вѣроятности, еще раньше. Дѣятельныя и частыя сношенія Новгорода были, видимо, и по линіи Вель — Вага — Устья, несмотря на то, что упомянутое ростовское управленіе изъ Москвы, въ концѣ XIV в., пыталось ослабить эту связь и сношенія, что, впрочемъ, служить лишь косвеннымъ подтвержденіемъ ихъ существованія еще раньше конца XIV в.

Быль ли въ то отдаленное время извѣстенъ выходъ съ Устья на Двину, или же онъ установился нѣсколько позже, объ этомъ приходится говорить съ нѣсколько большей осторожностью; но, судя по мѣстнымъ преданіямъ, имъ пользовались съ глубокой старины, особенно въ зимнее время. Теперь отъ верховьевъ Устья до Двины разстояніе немногимъ больше одной стапціи. А съ Краснымъ-Боромъ (нынѣ заштатный г. Красноробскъ) и Черевковымъ (большое село), отстоящими по Двишѣ другъ отъ друга верстахъ въ сорока, Кокшеньга черезъ Устья ведетъ давнія торговыя сношенія. Въ статьѣ «Кокшеньгская Старина» (см. «З. О. Р. и С. А. Имп. Русск. Арх. Общ.» т. VII, вып. 2, 1906 г., стр. 87) мною было приведено преданіе, что часть торговцевъ послѣ разоренія (въ эпоху смуть?) Никольскаго (въ старину — Ыважскаго или Иваскаго) городка переселилась въ Устюгъ и часть — въ Красный Боръ.

Что касается торговыхъ сношеній, то главными предметами ихъ здѣсь были хлѣбъ, ленъ, шкуры. Скупая и захватывая здѣсь земли, новгородцы прежде всего заводили, гдѣ можно, хлѣбопашество; на ряду съ нимъ шелъ звѣриный (частью рыбный) промыселъ. Въ завѣщаніяхъ Своеземцевыхъ (Своеземцевыхъ - Ыдемскихъ) не разъ упоминаются на ряду съ пахотными (страдными) землями и пожнями «ловища и едмища», и «полѣшной лѣсъ». Наиболѣе хлѣбородными, а потому и гуще заселенными, были мѣстности по рр. Вели, Кокшеньгѣ, Пежмѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Ваги, преимущественно ближе къ верховьямъ. Сохранились преданія, что въ старину много хлѣба шло въ Каргопольскій край именно съ Вели, а черезъ нее, вѣроятно, и изъ другихъ упомянутыхъ мѣсть; Кокшеньга, изстари славившаяся плодородіемъ, отправляла свой хлѣбъ и на Двину, черезъ Шенкурскъ и Черевково, а позже — въ Архангельскъ ¹⁾.

Предметами ввоза были: рыба, соль, желѣзо и металлическія издѣлія, обработанныя кожи, рогдуга (замша) и пр. Желѣзо, между прочимъ, привозилось и отъ Шенкурска (кричное). Рыба шла на Вель

¹⁾ См. впрочемъ замѣчаніе о значеніи ввоза въ случаяхъ надобности въ Двинскій край хлѣба изъ Московскихъ предѣловъ у М. Богословскаго, *Исторія земскаго самоуправленія* (и т. д.), стр. 4.

въ значительной части изъ «Каргополовъ» (Новгородскаго Заонежья), на Кокшеньгу—съ Двины черезъ верховья Устья отъ Черевкова. Впрочемъ и сама Вага изобиловала, по свидѣтельству Герберштейна, рыбою (Замысловскій, у. с., стр. 299).

Еще и въ настоящее время существуетъ по р. Устьѣ особый способъ распродажи рыбы, привозимой на верховья ея изъ Черевкова. Бочки съ рыбой (сельди, треска, сайда) устанавливаются на маленькихъ бревенчатыхъ плотикахъ и сплавляются по теченію рѣки отъ поселка къ поселку; плотикъ причаливаетъ въ нужномъ мѣстѣ и открывается торговля. Никто не скажетъ, когда начался такой торгъ; но примитивность способа можетъ говорить въ пользу весьма отдаленнаго происхожденія его.

Соль, повидимому, въ значительной части шла съ Двины, куда она направлялась изъ разныхъ мѣстъ къ Устюгу и другимъ казеннымъ складочнымъ пунктамъ; позже стали ее привозить сюда изъ Усоля Леденскаго и Тотмы. Нѣкогда право ѣздить за солью къ Бѣлому Морю принадлежало исключительно Двинянамъ и Важанамъ (см. грамоту 1550 г.: Русскія Достопамятности, ч. I. Москва. 1815 г., стр. 135).

Этимъ не ограничивалась торговля въ краѣ. Судя по многочисленнымъ торговымъ погостамъ и ярмаркамъ, по преданіямъ о сношеніяхъ съ Сибирью черезъ Устюгъ и Вятскій край, можно думать, что дѣло обстояло шире и оживленнѣе. Здѣсь не только были мѣста обмѣна, но и передачи товаровъ между Новгородомъ и Сибирью. Въ доказательство того, что Кокшеньга сносилась съ отдаленными мѣстами Востока, можно привести, кромѣ упомянутаго нашествія Вятчанъ 1466 г., извѣстные здѣсь случаи переселенія на востокъ, напр., на р. Течу (Пермск. губ.?), въ Сибирь ¹⁾, правда, относящіеся къ болѣе позднимъ временамъ.

Изъ старинныхъ извѣстныхъ въ краѣ ярмарокъ можно назвать Никольскую (6 дек.) въ Ростовскомъ погостѣ на р. Вели, нынѣ отъ близости Вельска утратившую свое значеніе, Рождественскую (25 дек.) и Олексіевскую (17 марта) въ Верховажѣ, Евдокіевскую (1 марта) въ с. Воскресенскомъ на р. Вагѣ, Крещенскую (6 янв.) и Петровскую (29 іюня) въ Кокшеньгѣ (первая — въ Городкѣ и вторая — въ Ромашевѣ). Къ нимъ можно прибавить еще цѣлый рядъ другихъ, съ меньшимъ значеніемъ, каковы, напр., въ Кокшеньгѣ: Маркушевская (Маркуша. Агапитовъ монастырь), Савватіевская (Долговицкій Савватіевскій мо-

---

¹⁾ Мясниковъ (Сѣверный Архивъ, 1827, № XI, стр. 207—208, со ссылкой на Миллера, Описаніе Сибирскаго Царства. Кн. I, гл. 5, стр. 360).

настырь), Верховская - Прокопьевская, Спасская - Афанасьевская и пр или—Устьянская Введенская (21 ноября; весьма значительная, особенно по торговлѣ рыбой) и Прокопьевская (8 іюля) на Устьѣ и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ сравнительно болѣе позднія по названію, другія и по происхожденію, но несомнѣнно большая часть существуютъ съ древнихъ временъ. Особо отмѣтимъ Благовѣщенскую ярмарку,—она же Евдокіевская,—съ 1-го по 15-ое марта, въ селѣ Воскресенскомъ на р. Вагѣ, при впаденіи въ нея р. Устьи, т. е. какъ разъ на перекрещеніи двухъ главныхъ направленій торговыхъ путей нашего края: съ Ю. на С. и съ З на В.: эта ярмарка въ XVIII в. была наиболѣе важною въ Важскомъ краѣ¹⁾, гостинный дворъ для нея построенъ былъ приказомъ Большаго дворца еще въ 1670 г. (Сѣверный Архивъ, 1827, № IX, стр. 28; № X, стр. 102; № XI, стр. 208), сама же ярмарка существовала, надо думать, и ранѣе. Въ Красномъ Борѣ, на С. Двинѣ, куда выходилъ, вѣроятно, торговый путь, шедшій вверхъ по р. Устьѣ, въ концѣ XVIII в. бывало по шести ярмарокъ въ годъ (П. И. Челищевъ, у. с., стр. 150—154); а въ 1676 г. на томъ же Красноборскомъ погостѣ стояло 66 лавокъ и амбаровъ, принадлежавшихъ Соловецкому монастырю, церкви Спаса Красноборскаго, Строгановымъ и Устюжанамъ (М. Богословскій, у. с., стр. 74). На другомъ торговомъ пути, съ Сухоны на Вагу, на р. Кокшеньгѣ «въ 1595 г. при Маркушевскомъ Николаевскомъ монастырѣ построенъ для торговли гостинный дворъ на 16 саженьяхъ, въ немъ расположено 22 лавки, 5 избъ и 6 амбаровъ и торгъ пріѣзжающихъ торговыхъ людей ежегодно бываетъ о Прокопьевѣ днѣ (Іюля 8)» (Мясниковъ, Отечественныя Записки, ч. XXXIX, стр. 100).

При цѣломъ рядѣ погостовъ существовали или существуютъ и въ наше время такіе торговые ряды и гостинные дворы; и если теперь торжки возникаютъ при церквахъ, то раньше, по всей вѣроятности, церкви строились при погостахъ, т.-е. торговыхъ пунктахъ, о существованіи которыхъ на Вагѣ и Кокшеньгѣ, какъ мы видѣли, упоминается въ письменныхъ памятникахъ XIV вѣка. Изъ названій «погостъ» и «гостъ» первое удерживается еще повсюду, а второе замѣнилось уже, повиди-

---

¹⁾ См. Россійскій Географическій Словарь кн. Щекатова. Москва. 1804, ч. I, стр. 432; К. Молчановъ. Описаніе Арханг. Губерніи Спб. 1813, ч. III стр. 189—190; П. И. Челищевъ. Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г. (Изданія Имп. Общ. Любит. Древней Письменности. № LXXXV) Спб. 1886, стр. 141: «...онный великій торгъ производится въ стариннаго строенія деревянномъ дворѣ, имѣющемъ видъ замка, съ довольнымъ числомъ лавокъ и постоянныхъ дворовъ, отдаваемыхъ въ ярмочное время отъ казны въ наемъ“...

тому, давно терминами купецъ, торговецъ и торгованъ, хотя держалось съ несомнѣнностью до XVII в. ¹⁾).

Обиліе торговыхъ погостовъ, отдѣленныхъ не большими переѣздами, давало возможность «гостямъ» разъѣзжать по всей этой мѣстности съ одного торгога на другой и оживляло сношенія между жителями отдѣльныхъ волостей. Въ этой торговлѣ принимали участіе Верховажскіе, Шенкурскіе («Каргополы» и Новгородскіе?) Устюжскіе, Вологодскіе (позже), отчасти Галицкіе и др. купцы, которые, объѣхавъ рядъ погостовъ, свозили продукты обмѣна къ болѣе крупнымъ торговымъ пунктамъ. Торговымъ сношеніямъ не мало способствовали и родственныя связи населенія отдѣльныхъ уголковъ этого края, не терявшіяся съ распространеніемъ (новгородской) колонизаціи. Стоитъ обратить вниманіе на старинныя обычаи и пѣсни, уцѣлѣвшіе до настоящаго времени ²⁾, способы и орудія обработки земли (соха по р. Вели и въ Кокшеньгѣ), формы и способы построекъ домовъ и проч., идущіе неизмѣнно съ незапамятныхъ временъ, наконецъ, на особенности языка, — чтобы убѣдиться въ несомнѣнности такого родства. Тамъ, гдѣ обособленность отдѣльныхъ захолустій, раздѣленныхъ лѣсными волоками, уже налагала свою особую печать на ихъ жителей, сближеніе подновлялось новыми связями, брачными. Для примѣра можно указать хотя бы на существующія съ давнихъ поръ и до настоящаго времени такого рода связи для Коленьги и Кулоя (группы деревень по рѣчкамъ того же названія, впадающимъ одна въ другую, Коленьга—въ Кулой, и затѣмъ въ Вагу) съ Кокшеньгою и Вагою. Непосредственное и болѣе частое общеніе съ Коленьгой и Кулоемъ ведется жителями трехъ кокшеньгскихъ волостей (приходовъ) — Спасской, Верховской и Минской; въ каждой изъ нихъ существуютъ свои дороги, которыя связываютъ большое протяженіе Кокшеньги черезъ Коленьгу и Кулой—съ Вагою.

На основаніи вышесказаннаго можно, кажется, придти къ выводу, что для сношеній Новгорода съ востокомъ Заволочья (и Вятскою землею и Сибирью) существовалъ, между прочими, прямой путь черезъ среднюю Вагу къ верховьямъ Двины (къ Устюгу и ниже). Этотъ путь, введившій

---

¹⁾ Сохранилась надпись на рукописномъ апостолѣ при церкви Св. Николая, въ Спасскомъ приходѣ въ Кокшеньгѣ: „лѣта 7109 (1601)... положилъ сию книгу апостола тетръ к Николе чудотворцу на Кокшенгу в Ыважской городокъ гость Гавриловъ сынъ Едемской, имя Яковъ, по себе и по своихъ родителехъ. Подписалъ въ Шенкуръе Ѳедко Безсоновъ“ (Е. Бурцевъ. Спасъ на Кокшеньгѣ—Вологодскія Епарх. Вѣдом. 1908, № 6).

²⁾ Едемскій, Свадьба въ Кокшеньгѣ, Тотемскаго уѣзда, см. „Живая Страница“, изданіе Имп. Русскаго Географическаго Общества. 1910 г. Вып. I—II, III—IV.

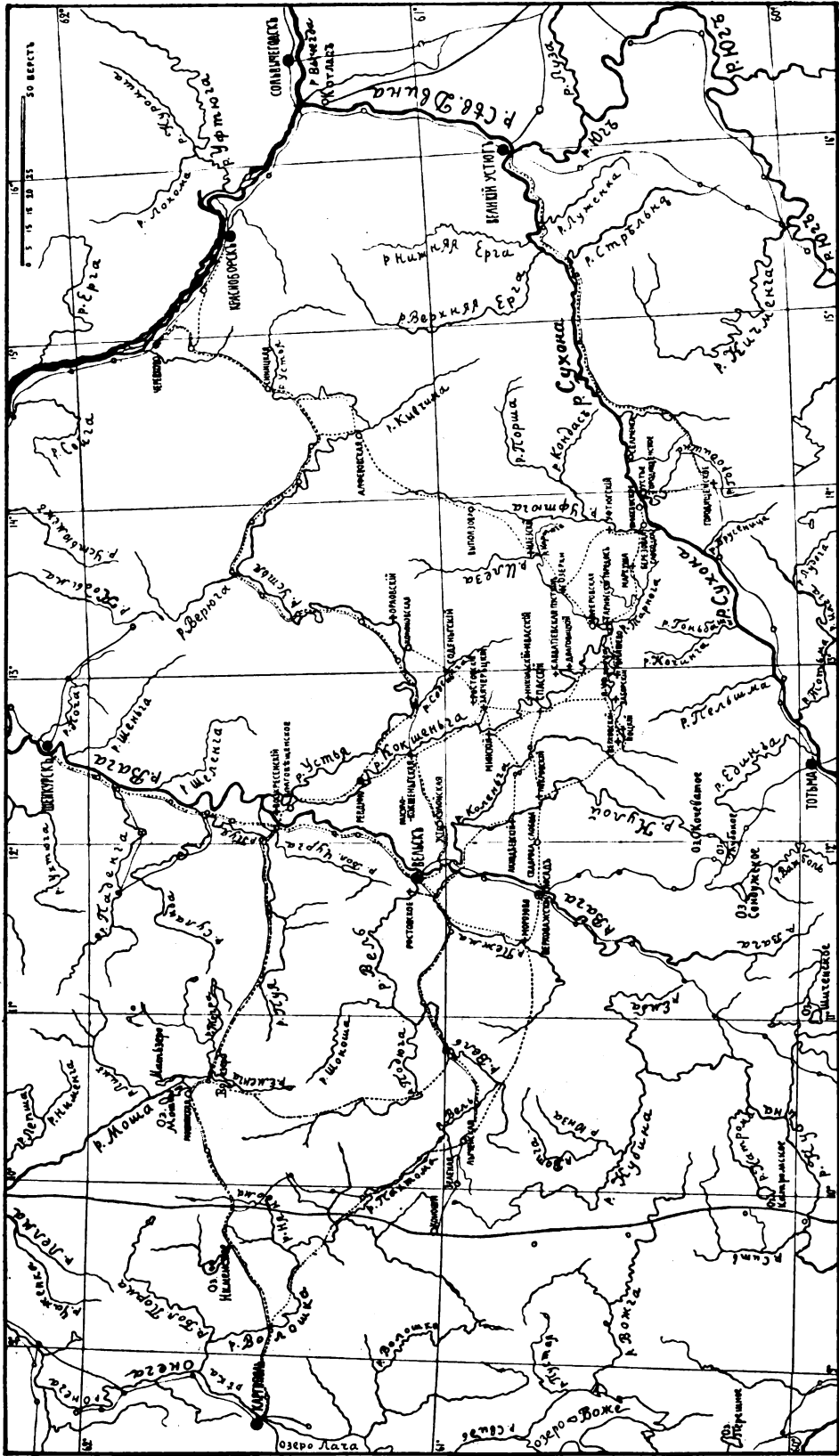

Рис. 7. Карта части Важской и Двинской земель.

черезъ волока изъ Каргопольскаго Заонежья въ долину р. Вели (и Пезжмы), доходилъ до р. Ваги, имѣлъ нѣсколько соединительныхъ звеньевъ на Кокшеньгу и Устью, а съ верховьевъ этихъ послѣднихъ рѣкъ выходилъ въ двухъ мѣстахъ къ Двинѣ. Съ однимъ изъ этихъ направлений совпадаетъ въ значительной части нынѣшній земскій транспортный путь, идущій отъ станціи Коноша М.-Я.-Арх. Ж. Д. черезъ г. Вельскъ и Устью къ Двинѣ, между г. Красноборскомъ и с. Черевковымъ; другое черезъ верховья Кокшеньги и Маркушу выходило при устьѣ р. Уфтыги у Березовой слободки, къ р. Сухонѣ и затѣмъ къ Великому Устюгу. Оба эти направленія имѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ рядъ параллельныхъ участковъ, особенно въ зимнее время, а также были связаны между собою теченіемъ рѣкъ Ваги и Кокшеньги и сверхъ того имѣли два волока: 1) со средней Кокшеньги, черезъ Заячью и Соденьгу къ Орловской волости на Устьѣ, и 2) отъ Тарновскаго городка, черезъ Озерки, Илезу и верховья Уфтыги къ дер. Алферовской на верховьяхъ Устьи.

Такимъ образомъ, дер. Алферовская, вблизи которой найдены описанныя вещи, находилась, видимо, на перекресткѣ двухъ торговыхъ путей: съ верховьевъ Кокшеньги (и съ Сухоны?) къ Черевкову и Красноборску и съ Ваги черезъ Устью на Двину къ тѣмъ же, главнымъ образомъ, двумъ пунктамъ.

Кромѣ указаннаго выхода изъ Каргополя на р. Вагу шель еще и другой путь, черезъ Мошу, Матъзеро (и Мошинское) и р. Пую къ с. Воскресенскому, извѣстному своей Евдокіевской ярмаркой, и къ устьямъ сливающихся Кокшеньги и Устьи. По всей вѣроятности, были еще и другіе пути изъ Новгородскаго заозерья къ Вагѣ, южнѣе и сѣвернѣе указанныхъ, но сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній на этотъ счетъ я не имѣю. Не входитъ также въ задачу моей замѣтки вопросъ о томъ, въ какихъ мѣстахъ и по какимъ направленіямъ указанные пути могли имѣть выходы къ югу и сѣверу.

На прилагаемой при семь картѣ путей (рис. 7) не выдѣлены мною наиболѣе оживленные изъ нихъ, а также магистрали, главнымъ образомъ потому, что «трактовъ» въ старое время здѣсь не существовало. Если въ какомъ-нибудь направленіи часть пути имѣла параллели, то магистраль по разнымъ причинамъ мѣнялась: смотря по наличному состоянію того или другого пути, по времени года, по личнымъ расчетамъ лица, пролагавшаго дорогу по первопутку, и пр.

М. Едемскій.

Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ кургановъ въ 1908 году.

Раскопки предшествовавшихъ лѣтъ (1906 и 1907 гг. ¹⁾) въ окрестностяхъ с. Сестрорѣцка, С.-Петербургской губерніи и уѣзда, и въ 1908 году производились по порученію и на средства Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Отпущенная сумма не позволила распространить изысканія на массивъ д. Новосѣлки ²⁾ и на старыя дюны къ SO отъ него и къ S отъ ст. Горской, Приморской желѣзной дороги. Такимъ образомъ, желаніе обслѣдовать дюны побережья Финскаго залива до ст. Лахты осталось неосуществленнымъ.

На N и NO изысканія охватили районъ отъ лѣвобережья Сестрорѣчки до правобережья р. Черной, за линіей Ст. Александровская—д. Дыбунь, вплоть до С.-Петербурго-Выборгскаго шоссе и за послѣднимъ—по дорогѣ изъ д. Мертути къ поселенію у разлива Мѣднозаводска.

За Сестрорѣцкимъ заводскимъ разливомъ обслѣдована мѣстность отъ Озерочной пристани Сосновой горы до переправы черезъ р. Черную, по старой, такъ называемой «военной», дорогѣ на д. Дыбунь, а также горы—Челищева и Приозерная (см. карту на рис. 1).

Изслѣдованія начались въ началѣ іюня и закончились къ августу. Зарегистрировано нѣсколько новыхъ курганныхъ группъ и впервые изучены искусственныя ямы и насыпи и особыя плоскія или выпуклыя геометрическія фігуры, выложенныя валунами на поверхности земли лѣсовъ и луговъ окрестностей с. Сестрорѣцка. Эти памятники классифицированы и сведены въ типичныя группы, но на карту не занесены, такъ какъ это оказалось до крайности труднымъ и даже непосильнымъ.

Работа 1908 года, являясь продолженіемъ работъ 1906 и 1907 гг., имѣла, между прочимъ, конечною цѣлью: связать изслѣдованія въ одно

---

¹⁾ См. Раскопки на побережьѣ Финскаго залива (Записки Отд. Русск. и Слав. Археол. Имп. Русск. Археол. Общ., т. VIII, вып. 2, 1909, стр. 1—43) и Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ кургановъ въ 1907 году (*ibidem*, стр. 44—134).

²⁾ См. карту во второй изъ указанныхъ выше статей на стр. 51, рис. 3.

цѣлое и достичь конечныхъ выводовъ, — насколько это представится возможнымъ, — относительно погребальнаго типа Сестрорѣцкихъ угольныхъ кургановъ.

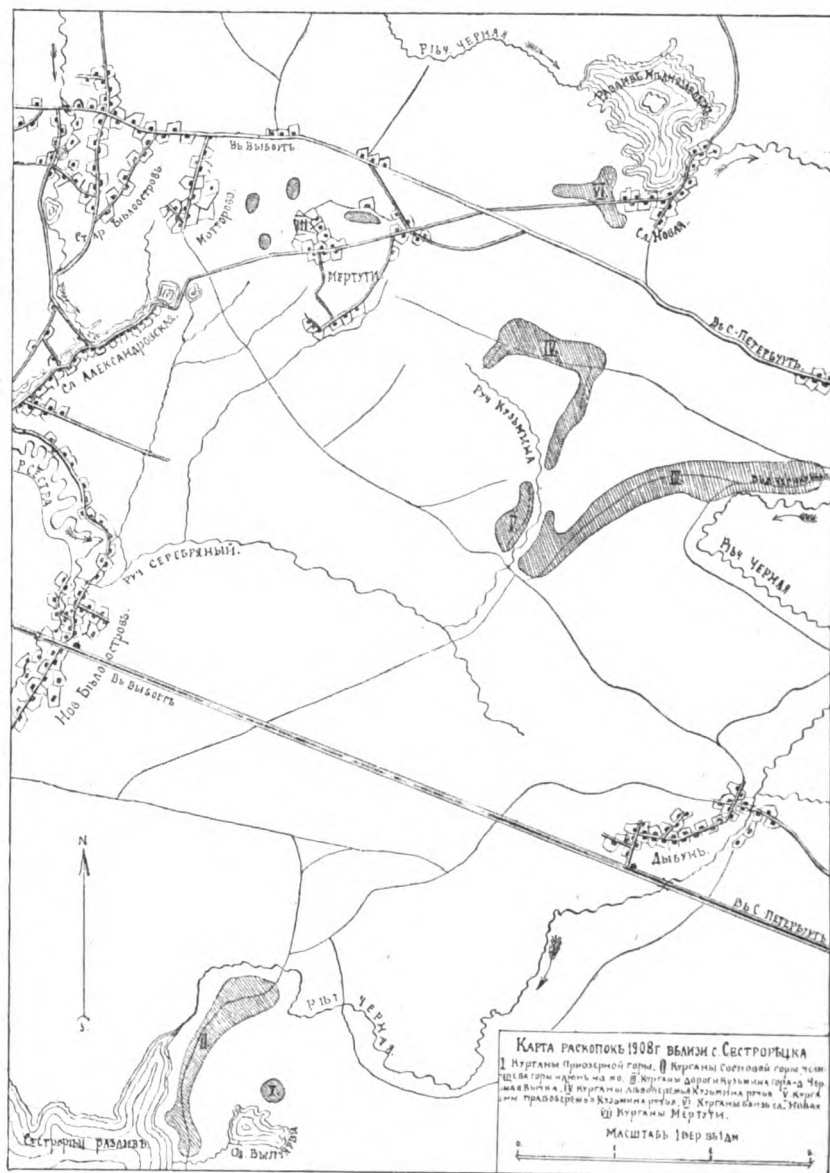

Рис. 1. Карта съ показаніемъ курганныхъ группъ, изслѣдованныхъ въ 1908 году (масштабъ 2 версты въ дюймѣ).

Дальнѣйшія изысканія, еслибы ихъ вести съ одной стороны по дюнамъ побережья Финскаго залива до ст. Лахты, съ другой — по лѣвобережью Сестры-рѣки къ N отъ с. Старый Бѣлоостровъ и съ третьей — по р. Черной къ N отъ д. Дыбуны, съ распространеніемъ

впослѣдствіе на О къ W побережью Ладожскаго озера, на N отъ рѣки Невы и придерживаясь бассейновъ р. Охты, р. Лагери, р. Черной (правый притокъ р. Невы), р. Лепеари-Морья, р. Влоха, р. Никуласа, р. Кименизо и бассейновъ озеръ Лембаховскаго и другихъ, свяжутъ недостаточныя еще археологическія изслѣдованія заневской части С.-Петербургской губерніи съ древностями Прибалтійскаго края, Новгородской губерніи и Южной Финляндіи.

1. Географическій обзоръ.

Лаврентьевская система, или система первобытныхъ гнейсовъ, столь ярко выраженная по окраинамъ Европейской Россіи, рельефно сказывается и на террасовидныхъ возвышенностяхъ водораздѣла между Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ. Въ Южной Финляндіи (Выборгская губернія) она ближе къ поверхности земли: здѣсь гнейсы слабо прикрыты наносами. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ болѣе мощны наносы надъ нею. По гнейсамъ ея, въ южной части Выборгской губерніи и въ сѣверной окраинѣ С.-Петербургскаго уѣзда, лежатъ первобытные сланцы, или Гуронская система. Еще южнѣе идутъ силлурійскія отложенія. Послѣднія на водораздѣлѣ между Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ образуютъ террасовидные уступы, направленные къ W и къ О. Надъ ними залегаютъ пост-плиоценовыя, или ледниковыя, образованія; въ районѣ окрестностей с. Сестрорѣцка они выражены тройнымъ рядомъ пластовъ бурой валунной глины въ связи съ крупнымъ пескомъ и гравіемъ и указываютъ, какъ полагаютъ нѣкоторые геологи, какъ-бы на трехкратное, разновременное поступательное распространеніе здѣсь ледниковъ. Еще выше лежатъ аллювіальные слои новѣйшихъ геологическихъ образованій; нѣкоторые изъ этихъ слоевъ продолжаютъ рости и понынѣ. Террасы правобережья р. Невы аллювіальнаго времени, постепенно повышаясь, переходятъ на N къ упомянутымъ выше террасамъ силлурійской эпохи.

Самая низкая мѣстность описываемаго района лежитъ около Сестрорѣцкаго разлива. Надъ Финскимъ заливомъ уровень разлива, появившагося сравнительно недавно, колеблется въ настоящее время между 29' 6" (половодье) и 26' 8" (періодъ зимней стужи, когда замерзаютъ источники); эти данныя взяты изъ водомѣрнаго журнала гидротехнической части С. Оружейнаго Завода. Между тѣмъ дюны, даже Сестрорѣцкія, относительно низкія, высятся надъ уровнемъ разлива на нѣсколько саженъ. Слѣдовательно, окрестности Сестрорѣцка, превышающія уровень Финскаго залива на 50 и болѣе футовъ, не могли нѣкогда быть подъ водою протока Ладож-

скаго озера—Невы: если считать паденіе р. Невы по 1' на 1 версту, то окажется, что уровень Ладожскаго озера выше Финскаго залива, приблизительно, на 50 — 60', такъ что первоначальные валы спада воды Ладожскаго озера врядъ-ли наводняли мѣстность теперешняго Сестрорѣцка.

Гнейсы, сланцы и дилювіальные отложенія описываемой мѣстности — рудоносны: въ болотахъ, ручьяхъ и рѣчкахъ, а также по луговымъ низинкамъ ея наблюдается желѣзистое окрашиваніе почвенныхъ слоевъ, при чемъ мѣстами встрѣчаются и, такъ называемыя, болотныя руды. Руды Кареліи, издавна способствовавшія выработкѣ среди мѣстнаго населенія опытныхъ кузнецовъ и литейщиковъ, побудили Петра I основать заводы: желѣзо-плавильный при д. Дыбунь и мѣдно-плавильный при сл. Мѣдный Заводъ, расположенные по теченіи р. Черной, гдѣ яснѣ видны соотвѣтственныя руды. Съ теченіемъ времени оба эти завода прекратили свое существованіе. Заводская запруда у д. Дыбунь совершенно уничтожилась. Разливъ же Мѣднозаводска, и при нынѣшней пониженной плотинѣ, представляетъ значительный бассейнъ, правда неглубокій и засоренный корягами, которыя мѣстами торчатъ надъ поверхностью воды: по мѣстнымъ преданіямъ, это — пни деревьевъ, срубленныхъ еще при Петрѣ I; въ серединѣ разлива поднимается островокъ съ группою старыхъ елей и сосенъ.

По берегамъ вокругъ разлива густой красный лѣсъ, а въ болотистыхъ мѣстахъ и бѣлолѣсье. Лѣса придвинулись съ N и къ самому шоссе. Отъ нихъ свободно лишь лѣвобережье Сестры-рѣки до с. Старый Бѣлоостровъ. И южная сторона шоссе къ O отъ д. Мертути занята огромнымъ лѣсомъ сестрорѣчанъ. На SW отъ Мертути лишь кое-гдѣ сохранились небольшія роци, а по низинкамъ виднѣются поросли ольхи и березы. Вся эта мѣстность, постепенно поднимающаяся террасами къ N и NO, занята напнями въ перемежку съ болотистыми площадками, къ осушенію которыхъ канавками мѣстами уже приступили.

За Новымъ Бѣлоостровомъ, черезъ сл. Александровскую и д. Мертути, идетъ къ Выборскому шоссе дорога, частью мощеная камнемъ, частью шоссированная. Подобная-же дорога ведетъ отъ Стараго Бѣлоострова въ сл. Александровскую. Эти дороги пересѣкаются дорогою изъ д. Дыбунь въ д. Мотторово; у пересѣченія ея съ первою дорогою и къ S отъ д. Мертути въ обрывѣ обнаженія террасъ можно усматривать, кажется, и девонскіе песчаники. За Выборгскимъ шоссе, по лѣсной просѣлкѣ, тянется къ сл. Мѣднозаводскъ проселокъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣкающій болотистыя ручьи, которые впадаютъ справа въ р. Черную.

Лѣсъ сестрорѣчанъ, занимающій огромную площадь, ограниченную съ N Выборгскомъ шоссе, съ S Финляндскою желѣзною дорогою, съ O р. Черной и съ W оврагами, примыкающими къ восточной окраинѣ д. Мертути, раскинулся на многочисленныхъ старыхъ дюнахъ, повышающихся къ N; между ними топкія болота и множество ручейковъ, несущихъ свои воды къ ручьямъ Кузьмина и Серебряному и въ р. Черную. Если не считать д. Дыбунь, въ SO оконечности лѣса, и зарождающійся въ послѣдніе годы новый дачный раіонъ, у ж. д. станціи того-же имени, то весь лѣсъ сестрорѣчанъ представляетъ собою глухое мѣсто первобытной неприкосновенности, и царствующая тамъ типина лишь изрѣдка нарушается топоромъ дровосѣка, выстрѣломъ браконьера, да стукомъ двуколки по дорогѣ Дыбунь-Мотторово. Болота этого лѣса, особенно частыя въ овражистыхъ долинахъ высокой, NW, его части, въ общемъ занимаютъ довольно большую площадь; они топкія и съ трудомъ проходимы. Южную часть лѣса составляетъ по преимуществу краснолѣсье, а сѣверную бѣлолѣсье. Пашни селеній Мертути, Старого Бѣлоострова, сл. Александровской и д. Мотторово ограждены канавами и заборами изъ жердей, по фински поставленныхъ наискось въ одну сторону. Дачи Новаго Бѣлоострова тянутся вдоль дороги въ Мертути почти вплотную до сл. Александровской. Немало ихъ и подлѣ разлива Мѣднозаводска; но здѣсь онѣ бѣднѣе. Роца возвышенности Мертути—этой высочайшей точки окрестностей—является лучшимъ мѣстомъ. Съ вершины Мертути, въ ясные дни видны отдѣльныя зданія Петербурга, лента полотна Приморской желѣзной дороги, восточный конецъ Финскаго залива, а съ SO и SW на далекое пространство синѣетъ дымка окружныхъ лѣсовъ.

Окрестныя поселенія, за исключеніемъ Старого и Новаго Бѣлоострова, немногочисленны и носятъ характеръ чисто финскій. Углубленная на нѣсколько десятковъ сажень, извилистая и узкая долина р. Черной залегла въ NO углу лѣса сестрорѣчанъ, вблизи Выборгскаго шоссе; ея крутые, зеленые скаты поросли строевымъ краснолѣсьемъ; рѣчка вьется узкой лентой и стремительно мчитъ свои воды въ глубинѣ живописныхъ, но угрюмыхъ и дикихъ, береговъ.

Сосновая гора, расположенная на низовьи Черной рѣчки у O берега Сестрорѣцкаго разлива, постепенно повышается къ NO и въ полутора верстахъ отъ Озерочной пристани заканчивается овальнымъ возвышеніемъ, круто вздымающимся кверху сажень на десять. Это возвышеніе носитъ названіе Челищева гора. На вершинѣ ея, обращенной къ топкому болоту, устроена сестрорѣчанами бревенчатая землянка съ плитой, нарами и прочими удобствами. Здѣсь ночуютъ чаще всего охот-

*

ники, а также и тѣ, кого застанеть на этой сторонѣ Сестрорѣцкаго разлива ночь или внезапно разыгравшаяся непогода, поднимающая иногда на разливѣ такое волненіе, такую толчею, бороться съ которою не подѣ силу и паруснымъ соймамъ. За горою Челищева мѣстность рѣзко понижается; дальше она—ровная, съ легкимъ уклономъ на NO, и въ восточной части замыкается узкой цѣпью невысокихъ дюнь, заканчивающейся у лѣваго берега р. Черной. По гребню Сосновой горы, мимо подошвы Челищева горы, и далѣе за нею къ переправѣ черезъ р. Черную вѣтся проселочная дорога, вѣрнѣе широкая тропинка, такъ какъ тонкія болота съ O, болото р. Копѣйкина съ S и отсутствіе моста на р. Черной дѣлають эту дорогу непроѣздною. Восточнѣе Озерочной пристани темнѣетъ густолѣсье Приозерной горы, окруженной со всѣхъ сторонъ узкимъ и тонкимъ болотомъ, которое имѣетъ уклонъ къ озеру Выпуярви. Троякоовальная въ планѣ, она наиболѣе высока къ NW; поляны ея и тѣнистые сырые скаты покрыты прекраснымъ ковромъ луговыхъ травъ. Болото, окаймляющее [ее, зыбкое и въ немъ не мало зеленыхъ засасывающихъ оконъ.

Часть Сестрорѣцкаго разлива у впаденія р. Черной, да и устье ея, считаются у сестрорѣчанъ лучшими мѣстами для рыбной ловли, а горы: Сосновая, Челищева и Приозерная и также мѣстность за Челищева горой, поросшія рѣдкимъ краснолѣсьемъ, лучшими грибными мѣстами. Здѣсь же сборъ брусники и, на болотахъ, клюквы.

Сестрорѣчане, имѣють повидимому, всѣ свои многоразличные хозяйственные интересы по ту сторону разлива. Цвѣты (ландыши, черемуха и другіе), ягоды (земляника, черника, брусника, клюква), грибы, трава, дрова, охота и рыбная ловля побуждають сестрорѣчанъ къ постояннымъ поѣздкамъ на это, именно восточное, побережье разлива. Въ зимнее время туда пробираются по льду, часто рискуя попасть въ полынью. Съ апрѣля плывутъ на лодкахъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ сколько нибудь обжившійся сестрорѣчанинъ. Въ лѣтнее время постоянно видишь, какъ раннимъ утромъ или подѣ вечеръ направляются изъ разныхъ мѣстъ побережья Сестрорѣцка всевозможныхъ типовъ лодки, которыя либо слѣшать на ту сторону разлива, либо нагруженными уже возвращаются домой. Трудность добыванія жизненныхъ средствъ развиваетъ въ сестрорѣчанинѣ съ малолѣтства предприимчивость, презрѣніе къ опасности и мореходныя качества, которыя не въ достаточной степени еще оцѣнены. Смѣлость, отвага, умѣнье найтись въ трудныхъ даже обстоятельствахъ поражаютъ и въ дѣтяхъ, каждый изъ которыхъ нѣсколько разъ тонулъ и т. п. Нерѣдко приходилось видѣть, какъ водную

гладь Сестрорѣцкаго разлива бороздят лодки, въ которыхъ и на руль, и на веслахъ дѣти, отправляющіяся за разливъ или возвращающіяся оттуда. Разнообразныя нужды гонять туда, за разливъ, и стараго и малаго. Не мало народа на этомъ пути и гибнетъ ежегодно, въ любое время года. Разливъ для сестрорѣчанъ источникъ постоянныхъ радостей и горя. Они съ удовольствіемъ о немъ говорятъ и пользуются всякой возможностью побывать тамъ, у Черной рѣчки, на Озерочной пристани, на горѣ Челищева, на Сосновой горѣ, на Приозерной горѣ.

Періодъ бѣлыхъ ночей іюня и первой половины іюля, по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, самый удобный для всевозможныхъ изысканій. Но и въ это наиболѣе теплое время года, если нужда заставить почевать въ лѣсныхъ дебряхъ, приходится жечь костры: такъ холодно, особенно въ болотистыхъ мѣстахъ, бываютъ ночи. Отправляясь на нѣсколько сутокъ въ лѣса, надо впередъ считаться и съ возможной погодой, т. е. справляться съ барометромъ, т. к. въ противномъ случаѣ можно угодить подъ дождь, который будетъ мочить и днемъ и ночью, и отъ котораго некуда укрыться. Особенностью лѣсныхъ пространствъ окрестностей Сестрорѣцка является безмолвіе и могильная тишина, которые царятъ постоянно, кромѣ весны, когда поетъ свою звонкую пѣсню скворецъ, слышенъ изрѣдка тихій хоръ лягушекъ, и лишь кое-гдѣ въ зеленой чащѣ кустовъ раннимъ лѣтомъ щелкаетъ соловей.

2. Археологическій очеркъ.

Собирая предварительныя свѣдѣнія для предстоящихъ археологическихъ изслѣдованій, отъ интеллигентовъ обыкновенно не приходится слышать много новаго; если и удастся встрѣтить иного изъ нихъ, словоохотливаго, то его сообщеніе, быть можетъ и цѣнное, носить всегда почему то такой расплывчатый характеръ, что въ концѣ концовъ рѣдко приведетъ къ практически цѣннымъ результатамъ. Такъ, въ 1907 году мнѣ говорили и весьма опредѣленно о возможности находокъ въ окрестностяхъ возвышенности д. Мертути каменныхъ издѣлій и скелетовъ человѣка; но развѣдка и разспросы мѣстныхъ жителей не дали однако пока плодотворныхъ результатовъ. Брошюра А. А. Спицына «Археологическія развѣдки», изд. 1908 г., была очень полезна въ кругу рабочихъ. Мои рабочіе изъ сестрорѣчанъ, которымъ въ часы отдыха читалась эта брошюра, проникались сознательнымъ отношеніемъ къ старинѣ и изъ бесѣдъ съ ними, послѣ чтенія брошюры, извлекались цѣнныя данныя. Еще въ отчетѣ 1906 г. было отмѣчено, что жители Сестрорѣцка и его окрест-

ностей не знают ничего касательно допетровской старины. Тѣмъ не менѣе третій годъ раскопокъ здѣсь позволилъ и при этомъ незнаніи прошлаго находить матеріаль, хотя и скудный, но годный для ориентировки. Населеніе стало внимательнѣй относительно внѣшнихъ памятниковъ старины; явилась возможность находить новое тамъ, гдѣ и не предполагалось встрѣтить что либо неизвѣстное. Разбуженное вниманіе къ древностямъ создало среди сестрорѣчанъ любителей, которые помогаютъ дѣлу изысканій своими, нерѣдко цѣнными, сообщеніями. Зная въ совершенствѣ свои лѣсные дебри и болота, сестрорѣчане-работники усердно содѣйствовали отысканію даже такихъ памятниковъ старины, мимо которыхъ случалось неоднократно проходить, вовсе не замѣчая ихъ. Искусственныя ямы, помосты и насыпи въ формахъ геометрическихъ фигуръ на поверхности земли, особенно въ лѣсныхъ дебряхъ, зарегистрированы и описаны всецѣло при помощи пытливыхъ сестрорѣчанъ.

Въ 1907 г. приходилось слышать, что на Приозерной горѣ жили разбойники, оставившіе послѣ себя каменные курганы. Дѣйствительно, благодаря сестрорѣчанамъ, на полянкахъ и лысинкахъ этой горы удалось найти не мало разныхъ земляныхъ и валунныхъ фигуръ, свойственныхъ лѣсамъ и полямъ окрестностей Сестрорѣцка. Сестрорѣчане же описывали на словахъ, что среди непроходимыхъ болотъ по обѣимъ сторонамъ устья р. Черной, на сухихъ площадкахъ старыхъ дюнь, покрытыхъ лѣсомъ и густыми зарослями полукустарниковыхъ растеній, есть какія-то ямы, въ которыхъ, по мѣстнымъ сказаніямъ, жили въ старину разбойники. Въ этихъ мѣстахъ бывали немпогіе и они рассказывали, что ямы, вырытыя въ землѣ, то квадратныя, то круглыя, что бока этихъ ямъ сдѣланы въ срубъ изъ бревенъ, что срубы сверху провалились и въ нихъ можно попасть только съ поверхности земли. Ямы заросли кустарниками и травой. Не слышно, чтобы тамъ находимы были какіе либо предметы. Вслѣдствіе дождливаго лѣта, сдѣлавшаго болота, окружающія мѣста дюнь съ этими ямами, исключительно непроходимыми, не пришлось пробраться туда для ближайшаго обслѣдованія этихъ ямъ, описанія ихъ и производства въ нихъ раскопокъ.

Живая старина, насколько она поддавалась наблюденію, не представляетъ никакихъ явныхъ признаковъ, которые могли бы имѣть связь съ интересующими насъ памятниками старины. Этнографическій конгломератъ, какой представляетъ собою мѣстное населеніе, столь пестро слагавшееся еще со временъ Петра I для нуждъ и потребностей мѣстныхъ заводовъ, не имѣетъ яркой фізіономіи, свойственной каждой изъ составныхъ частей этого конгломерата: великоруссы, бѣлоруссы, литовцы,

финны, поляки, малоруссы, нѣмцы, шведы, евреи. Ни въ костюмѣ (городскомъ), ни въ домашнемъ обиходѣ (городскомъ-же), ни въ пѣсняхъ (фабрично-городскихъ), ни въ смѣшанномъ говорѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ религіозныхъ обрядностяхъ нѣтъ ничего такого, что могло-бы пролить свѣтъ на сестрорѣцкіе курганы. Лишь въ празднованіи кануна Иванова дня (24 іюня) усматривается нѣчто, повидимому, имѣющее отношеніе къ этимъ памятникамъ старины. Всего болѣе этотъ обычай празднованія сохранился у финновъ. Въ окрестностяхъ-же Сестрорѣцка онъ съ каждымъ годомъ соблюдается все менѣе и лишь мѣстами поддерживается тѣмъ интересомъ, который проявляютъ къ нему дачники.

Обыкновенно, задолго (недѣли за двѣ и болѣе) до Иванова дня въ каждомъ селеніи общими стараніями молодежи (преимущественно брачнаго возраста) собирается матеріаль для Иванова костра. Мѣстомъ избираютъ исключительно берегъ моря, озера, рѣки. Костру даютъ пирамидальную или копическую, даже, по возможности, столбообразную форму. Матеріаломъ служитъ все подручное и подходящее: ставятъ елку (одну или нѣсколько) комлевымъ концомъ внизъ; которую обкладываютъ, пирамидально или конически, пнями, корягами, корнями, бревнами, соломой, древесными вѣтками, можжевельникомъ, канаберникомъ, верескомъ и т. п. Размѣры костра и его внѣшній видъ служатъ предметомъ особенной заботливости и даже гордости и чести селенія, мызы или фермы. Для лучшаго разгоранія костра пользуются смолой и другими горючими веществами. Снаружи костеръ украшаютъ цвѣтами, вѣнками, зеленью, а на вершинѣ его утверждаютъ стоячую человѣческую фигуру изъ соломы, тряпокъ, зелени, цвѣтовъ, лентъ. Основаніе костра небольшое (не превосходитъ 2 саж. въ діаметрѣ или квадратѣ). Высота зависитъ отъ матеріала и стараній молодежи. Чѣмъ выше костеръ и чѣмъ онъ уже, тѣмъ онъ считается лучше. Иногда онъ достигаетъ въ высоту нѣсколькихъ сажень. Передъ вечеромъ костеръ зажигается. Вокругъ него водятъ хороводы, поютъ пѣсни, танцуютъ, играютъ въ горѣлки, въ прятки и т. п. Когда костеръ, сгорая, осядетъ, черезъ него прыгаютъ. Человѣческую фигуру съ верхушки костра съ прибаутками, шутками, пѣснями волокутъ къ водѣ и спускаютъ на нее; пускаютъ также и вѣнки, горящія вѣтки, горящія елочки и т. п. Со всѣмъ этимъ связаны разныя повѣрья и гаданія: папримѣръ, кто при прыжкѣ черезъ костеръ задѣнетъ огонь или головни, тому грозитъ какое либо несчастіе; чья горящая вѣтка или елка больше проплыветъ, тому долше жить; чей вѣнокъ дальше отплыветъ отъ берега, тому лучше посчастливится въ жизни. По комбинаціи вѣнковъ, горящихъ вѣтокъ и горящихъ елокъ на поверхности

воды судятъ о брачныхъ замыслахъ и о самой возможности брака. Съ человѣческой фигурой обращаются съ нарочитымъ небреженіемъ и стараются, чтобы она догорѣла на водѣ и во всякомъ случаѣ уплыла подальше отъ берега. Отъ Иванова костра въ концѣ концовъ остается небольшая кучка углей и пепла, которую не засыпаютъ землей и надъ которой не воздвигаютъ земляной насыпи.

Ясно, что построение сестрорѣцкихъ угольныхъ кургановъ не можетъ быть сопоставляемо съ угольно-пепельными остатками костровъ кануна Иванова дня. Однако фигура, горящая на кострѣ и бросаемая на воду, да и самъ костеръ, могутъ быть рассматриваемы какъ пережитокъ далекой старины, какъ намекъ на трупосожженіе. Ночь передъ Ивановымъ днемъ полна разныхъ чудесъ и страховъ, въ которыхъ принимаютъ видное участіе разныя тайныя силы, могущія и осчастливить человѣка и причинить ему вредъ. Въ эту ночь цвѣтетъ папоротникъ и цвѣтокъ его приноситъ счастье человѣку. Въ эту ночь клады ближе подходятъ къ поверхности земли и надъ ними горятъ огоньки; люди, знакомые съ заговорами и заклинаніями, могутъ добыть въ эту ночь не одинъ кладъ, если сумѣютъ устоять противъ чаръ и страховъ нечистой силы, которая, принимая разные образы, охраняетъ клады. Въ народномъ воображеніи понятіе о нечистой силѣ какъ-бы связано съ человѣческой фигурой Иванова костра: наканунѣ Иванова дня нечистая сила мѣшаетъ и вредитъ людямъ въ добываніи счастья и, вотъ, какъ-бы въ отместку ей, въ самый канунъ Иванова дня дѣлаютъ чучело, представляющее все злое, все дурное, стараются сжечь его, а недогорѣвшее бросаютъ въ воду, съ цѣлью удалить зло подальше отъ себя: «если огонь не беретъ, пусть вода возьметъ». Но возможно, конечно, что первоначальный смыслъ человѣческой фигуры на кострѣ кануна Иванова дня былъ и не тотъ, какъ теперь послѣ многовѣкового воздѣйствія на народныя вѣрованія христіанства.

3. Памятники старины.

А. Курганы.

Изысканіями 1906 и 1907 годовъ зарегистрированы и описаны 13 курганныхъ группъ, численностью въ 434 кургана. Въ 1908 г. зарегистрировано 6 новыхъ курганныхъ группъ и дослѣдованы двѣ курганныя группы, описанныя въ 1907 году. А именно (см. рис. 1): I) на Приозерной горѣ группа изъ 12 кургановъ; II) курганная группа

Сосновой горы (съ Челищева горой и мѣстностью на NO отъ послѣдней до болота Приозерной горы и Черной рѣчки) дала 73 новыхъ кургана; III) на гривахъ дороги къ NO отъ Кузьминой горы къ д. Черная Вычка оказалось 111 кургановъ; IV) по лѣвому берегу р. Кузьмина обнаружена группа изъ 49 кургановъ; V) на правобережьи того же ручья, по дорогѣ отъ Старой Сѣнницы къ Новой Сѣнницѣ, найдено 24 кургана; VI) курганная группа въ лѣсу къ SW отъ слободы Новой на Разливѣ Мѣднозаводска имѣеть 16 кургановъ; наконецъ, VII) 15 кургановъ насчитано на возвышенности Мертути между этою деревней, Старымъ Бѣлоостровомъ и д. Мотгорово.

Всего въ 1908 г. зарегистрировано 300 новыхъ кургановъ.

Такимъ образомъ, за три года изслѣдованій въ с. Сестрорѣцкѣ и его окрестностяхъ отмѣчено 19 курганныхъ группъ съ 734 курганами, кромѣ тѣхъ курганныхъ группъ, которыя усмотрѣны еще въ 1907 г., но не описаны, за Сестрой-рѣкой, въ предѣлахъ Финляндіи. Нельзя ручаться, что и въ обслѣдованномъ районѣ не пропущены курганы, скрытые въ лѣсныхъ дебряхъ и среди болотъ, часто окружающихъ и маленькія старыя дюны; такъ, осенью 1908 г., когда вырубилъ лознякъ съ краю бочагъ (остатки древняго русла Сестры-рѣчки, измѣненнаго въ началѣ XVIII в.), въ какихъ нибудь 75—100 саж. отъ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, то тамъ оказалась маленькая курганная группа, которую прежде невозможно было замѣтить среди заросли кустовъ и берегового камыша. Слѣдовательно, въ районѣ, уже обслѣдованномъ, на самомъ дѣлѣ находится, вѣроятно, много болѣе и курганныхъ группъ, и кургановъ, чѣмъ пошло ихъ въ нашу регистрацію. Курганы, зарегистрированные въ 1908 г., по внѣшности, т. е. по формѣ насыпи (планъ и профиль) и ровиковъ, совершенно аналогичны съ курганами угольными—круглыми, квадратными и удлиненными, которые описаны въ отчетахъ объ изслѣдованіяхъ 1906 ¹⁾ и 1907 ²⁾ годовъ.

Помѣщаемые здѣсь рисунки 2 и 3 представляютъ фотографическіе снимки съ одного низкаго круглаго угольнаго кургана, но ни тотъ ни другой не даетъ вѣрнаго представленія, т. к. неудобное освѣщеніе помѣшало схватить весь контуръ кургана. Такіе курганы, вслѣдствіе нахождения ихъ въ лѣсахъ, вообще не удалось до сихъ поръ сфотографировать какъ слѣдуетъ.

Совершенно новую разновидность квадратныхъ (съ округленными

¹⁾ См. Зап. Отд. Русск. и Слав. Арх. И. Р. А. О. т. VIII вып. 2, стр. 26, рис. 14, 16.

²⁾ См. *ibidem*, стр. 74, 78 и 79 рис. 10, 25 и 31.

углами) угольныхъ кургановъ представилъ одинъ курганъ къ **НО** отъ пересѣченія дорогъ изъ Мотторово въ Дыбунь и съ Кузьмина горы въ Черную Вычку. Къ сожалѣнію, по недостатку средствъ не представи-

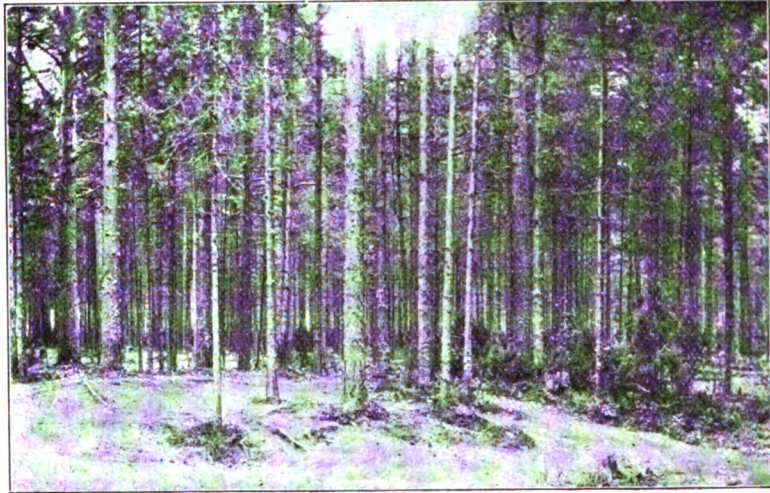

Рис. 2. Виѣшній видъ круглаго угольнаго кургана.

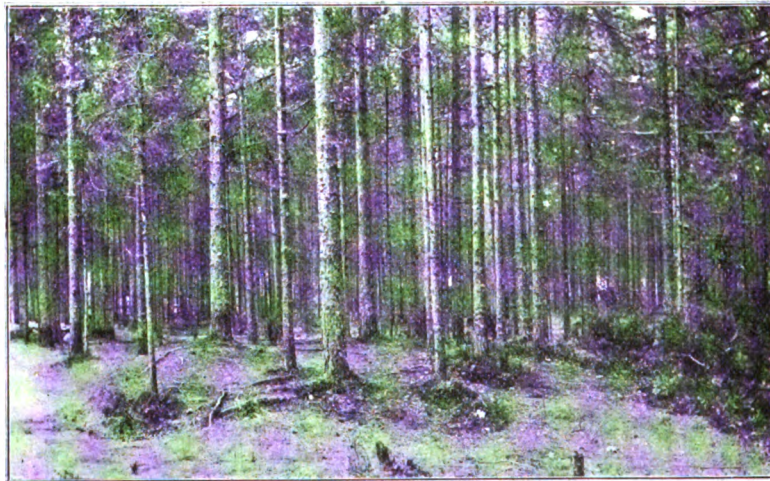

Рис. 3. Виѣшній видъ круглаго угольнаго кургана.

лось возможности раскопать этотъ единственный доселѣ курганъ (см. рис. 4). Промѣры его слѣдующіе: сторона основанія 14 арш. 4—6 в., сторона вершинки 8 арш. 2—4 в., высота насыпи 1 арш. 12 в., пока-

тость боковъ ея около 45° , діаметръ коническихъ ямъ около 12 арш., глубина ихъ около 3 ар. 7 в., дно (слегка закругленное) въ поперечникѣ не болѣе 1 ар., разстояніе между ямами 5—6 арш. Въ общемъ бока насыпи, ея закругленные углы и коническія ямы, соотвѣтствующія ровикамъ угольныхъ кургановъ, весьма тщательно отработаны и, т. к. они поросли густо сѣрымъ мохомъ, то прекрасно сохранились, и весь курганъ производитъ весьма внушительное впечатлѣніе.

Курганы группъ, описанныхъ въ 1908 г., расположены преимущественно по вершинамъ, а отчасти и по отлогимъ скатамъ, старыхъ дюнь. Они поросли рѣдкимъ краснолѣсьемъ, полукустарниковыми растеніями и жидкимъ травянымъ ковромъ, въ которомъ преобладаютъ верескъ, канаберникъ и сѣрый мохъ. Степень сохранности кургановъ въ большинствѣ хорошая. Лишь изрѣдка, гдѣ нибудь на лѣсной полянѣ, замѣтна работа вѣтра—сдуваніе вершинки насыпи. Меньшую сохранность представляютъ ровики, которые, собственно говоря, ближе всего подходятъ къ типу болѣе или менѣе удлиненныхъ ямъ, изуродованныхъ корнями деревьевъ и полукустарниковыхъ растений.

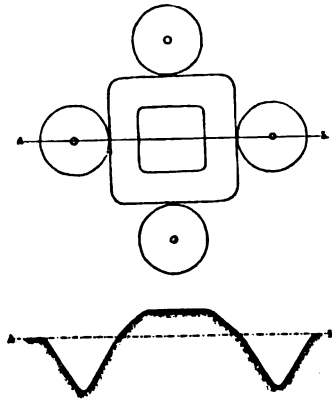

Рис. 4. Угольный курганъ съ четырьмя ямами вмѣсто ровиковъ.

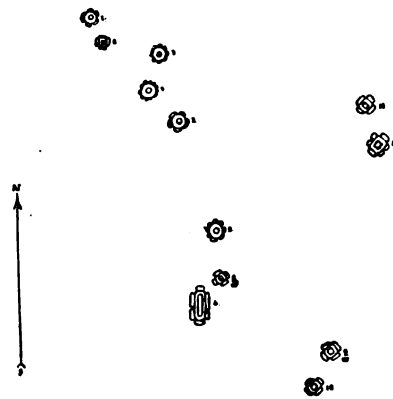

Рис. 5. Планъ курганной группы (I) на Приозерной горѣ.

I. Курганы Приозерной горы. Сама гора представляетъ какъ-бы четыре участка: два (къ N) болѣе возвышенныхъ и два (къ S) болѣе низкихъ. Курганы расположены на полянѣ средней горизонтальной террасы юго-западной части горы (рис. 5); они образуютъ какъ-бы пять подгруппъ: 1) №№ 1 и 2, 2) №№ 3, 4 и 7, 3) №№ 5, 6 и 8, 4) №№ 9 и 10 и 5) №№ 11 и 12.

На помѣщаемой здѣсь таблицѣ даны промѣры характерныхъ линій насыпи и ровиковъ у кургановъ этой группы.

№№ кургановъ.	Видъ кургана по формѣ его основанія.	Діаметръ или длина и ширина.	Высота.	Число ровиковъ.	Ориентировка.
1	Круглый	15 ар.	12 в.	5	N—S.
2	Квадратный	7 а. × 7 а.	1 а. 2 в.	4	
3	Круглый	16 ар.	1 а. 6 в.	8	
4	”	12 ар.	1 а. 3 в.	11	N—S.
5	”	9 ар.	10 в.	8	
6	Удлиненный	10 а. × 5 а.	1 а. 1 в.	6	
7	Круглый	10 ар.	14 в.	5	NO—SW.
8	Квадратный	6 а. × 6 а.	8 в.	4	
9	”	8 а. × 8 а.	14 в.	4	
10	”	8 а. × 8 а.	12 в.	4	
11	”	10 а. × 10 а.	1 а. 4 в.	6	
12	”	8 а. × 8 а.	10 в.	4	NO—SW.

Въ этой группѣ раскопаны два кургана: №№ 8 и 9.

Рис. 6. Планъ курганной группѣ (II) на Сосновой горѣ.

II. Курганная группа Сосновой горы (съ Челишева горою и мѣстностью на NO отъ послѣдней). Южная

часть группы (курганы №№ 1—35) обследована еще в 1907 г. ¹⁾. Эта группа может быть расчленена на три части: Сосновая гора, Челищева гора и NO уголь (низкия дюны). Въ большинствѣ расположена на высотахъ и террасахъ старыхъ дюнь. Покрѣта рѣдкимъ краснотѣсьемъ, полукустарниковыми растеніями и травами, среди которыхъ преобладаютъ верескъ, канаберникъ, голубика, брусника, воронякъ. Собственно на Сосновой горѣ 58 кургановъ, считая тутъ и 35 описанныхъ въ 1907 г. На Челищева горѣ всего 3 кургана. По низкимъ дюнамъ къ NO открыто 47 кургановъ. Всего въ группѣ 108 кургановъ; планъ ея см. на рис. 6. Курганы записи 1908 г. образуютъ рядъ подгруппъ, отъ 2 до 6 кургановъ каждая. Не мало маленькихъ квадратныхъ кургановъ, составляющихъ иногда пару съ большими курганами.

На прилагаемой таблицѣ продолжается нумерація регистраціи 1907 г.

№№ кургановъ.	Видъ кургана по формѣ его основанія.	Диаметръ или длина и ширина.	Высота.	Число ровиковъ.	Ориентировка.
36	Круглый	21 ар.	1 ар. 6 в.	7	N—S
37	Квадратный	6 ар. × 6 ар.	10 в.	3	
38	Круглый	12 ар.	10—12 в.	5	
39	"	16 "	15 в.	4	
40	"	20 "	1 ар. 8 в.	15	
41	"	23 "	2 "	11	
42	"	21 "	2 "	16	
43	"	15 "	1 ар. 14 в.	7	
44	"	8 "	12	4	
45	"	18 "	1 ар. 1 в.	6	
46	"	22 "	1 " 15 "	7	
47	"	25 "	2 " 3 "	15	
48	"	21 "	1 " 6 "	10	
49	"	22 "	2 " 4 "	6	
50	"	23 "	1 " 13 "	10	
51	"	17 "	1 " 7 "	10	
52	"	22 "	2 " 2 "	10	
53	"	18 "	1 " 8 "	11	
54	"	17 "	2 " 3 "	13	
55	"	15 "	1 " 14 "	9	
56	"	22 "	1 " 15 "	12	
57	Квадратный	10 ар. × 10 ар.	10 в.	4	N—S
58	Круглый	15 ар.	1 ар.	11	N—S
59	"	15 "	10 в.	9	
60	"	16 "	1 ар. 8 в.	13	N—S
61	Квадратный	11 ар. × 11 ар.	14 в.	6	
62	Удлиненный	31 " × 6 "	12—14 в.	6	NW—SO

¹⁾ См. Зап. Отд. Слав. и Русск. Арх. Имп. Русск. Археол. Общ., т. VIII, вып. 2, 1909, стр. 62—63.

№№ кургановъ.	Видъ кургана по формѣ его основанія.	Диаметръ или длина и ширина.	Высота.	Число ровиковъ.	Оріентировка.
63	Квадратный	15 ар. × 15 ар.	12—15 "	8	N—S
64	"	6 " × 6 "	8 в.	4	N—S
65	Круглый	20 ар.	1 ар. 1½ в.	9	
66	"	16 "	10—15 в.	9	
67	"	22 "	1 ар. 4 в.	11	
68	"	19 "	8—12 в.	12	
69	"	22 "	12 в.	5	
70	"	9 "	8 "	7	
71	"	11 "	10 "	5	
72	"	10 "	8 "	5	
73	"	17 "	15 "	9	
74	"	12 "	1 ар.	10	
75	"	19 "	1 ар. 2 в.	10	
76	"	18 "	15 в.	9	
77	"	18 "	1 ар. 3 в.	3	
78	Круглый двухъ-ярусный	18 ар. и 10 ар.	1а. 4в. и 8—9 в.	7 и 5	
79	Круглый	14 ар.	8 в.	8	
80	"	21 "	1 ар. 6 в.	Прерывч.	
81	"	14 "	9 в.	7	
82	"	25 "	1 ар. 9 в.	13	
83	"	10 "	9 в.	3	
84	"	24 "	1 ар. 6 в.	8—11	
85	"	10 "	9 в.	2	
86	"	18 "	1 ар. 4 в.	10	
87	"	12 "	8 в.	3	
88	"	20 "	1 ар. 8 в.	9	
89	"	19 "	1 ар. 2 в.	8	
90	"	21 "	1 " 3 "	10	
91	"	10 "	9 в.	5	
92	"	19 "	15 "	9	
93	Квадратный	8 ар. × 8 ар.	10 в.	3	N—S
94	Круглый	12 ар.	10 "	3	
95	Квадратный	8 ар. × 8 ар.	7 "	3	N—S
96	"	6 " × 6 "	8 "	3	N—S
97	"	6 " × 6 "	8 "	3	N—S
98	"	8 " × 8 "	9 "	3	N—S
99	"	8 " × 8 "	9 "	3	N—S
100	"	8 " × 8 "	9 "	3	N—S
101	"	7 " × 7 "	10 "	3	N—S
102	"	6 " × 6 "	8 "	2	N—S
103	"	10 " × 10 "	9 "	2	N—S
104	"	9 " × 9 "	10 "	3	N—S
105	"	8 " × 8 "	8 "	4	N—S
106	"	7 " × 7 "	8 "	2	N—S
107	"	8 " × 8 "	10 "	3	N—S
108	"	6 " × 6 "	9 "	3	N—S

Въ этой группѣ въ 1908 г. раскопано 27 кургановъ: № 37, 44, 57, 64, 71, 72, 78, 83, 85, 87, 91, 93—108.

III. Курганы дюнь по дорогѣ отъ Кузьмина горы къ д. Черная Вычка. Группа расположена на вершинахъ и террасахъ ряда старыхъ дюнь. Между дюнами—глубокія, болотистыя долины, мѣ-

стами труднопроходимыя, изъ которыхъ текутъ ручейки въ Кузьмина ручей и въ р. Черную. Въ долинахъ растетъ преимущественно густой красный лѣсъ. Къ SW мѣстность покрыта довольно густымъ краснолѣсьемъ, которое далѣе на NO рѣдѣетъ, а затѣмъ превращается въ рядъ роощъ, чередующихся съ полянами. Группа состоитъ изъ ряда подгруппъ, численностью въ 2—7 кургановъ; планъ ея см. на рис. 7.

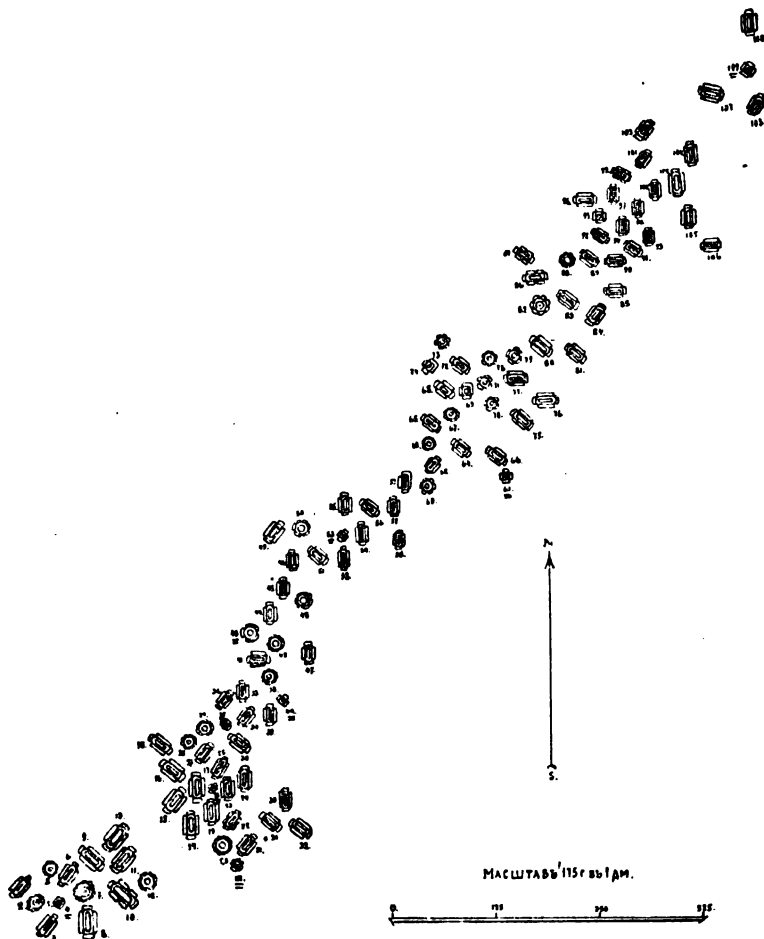

Рис. 7. Планъ курганной группы (III) по дорогѣ отъ Кузьмина горы въ д. Черная Вычка.

И здѣсь замѣчено, что маленькіе квадратные курганы какъ-бы ютятся вблизи удлиненныхъ, съ которыми составляютъ пары. Нѣкоторые изъ кургановъ имѣютъ общіе ровики. Курганы средней части группы, размѣщенные на вершинахъ дюпъ, мѣстами, гдѣ дюны выше и гдѣ поляны, тронуты вѣтромъ, который портитъ насыпи, выдувая песокъ. Растительный покровъ гуще въ SW и NO частяхъ группы, гдѣ почва сырѣе и гдѣ верхній слой ея—съ примѣсью глины.

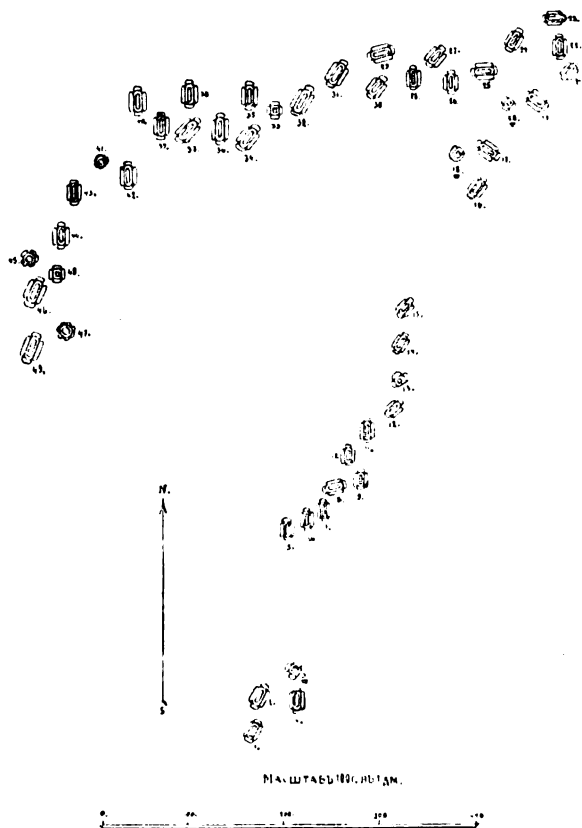
Промѣры кургановъ показаны въ слѣдующей таблицѣ.

№№ кургановъ.	Видъ кургана по формѣ его основанія.	Диаметръ или длина и ширина.	Высота.	Число ровиковъ.	Ориентировка.
1	Круглый двухъ-ярусный	20 ар. и 10 ар.	1 а. 2 в. и 6—8 в.	11 п 5	
2	Удлиненный	19 " X 8 "	1 ар. 3 в.	4	NO—SW
3	"	20 " X 8 "	1 ар. 8 в.	4	NO—SW
4	Квадратный	8 " X 8 "	8 в.	1	NO—SW
5	Круглый	15 ар.	1 ар. 4 в.	7	
6	Удлиненный	12 ар X 7 ар.	1 " 8 "	4	SO—NW
7	Круглый двухъ-ярусный	25 " и 10 "	1 а. 3 в. и 6—8 в.	11 п 5	
8	Удлиненный	20 " X 7 "	1 ар. 4 в.	7	N—S
9	"	15 " X 8 "	1 " 5 "	4	SO—NW
10	"	25 " X 8 "	1 " 7 "	6	NO—SW
11	"	23 " X 8 "	1 " 8 "	4	NO—SW
12	Круглый	20 ар.	1 " 10 "	6	
13	Удлиненный	14 ар. X 7 ар.	1 ар.	4	NO—SW
14	"	18 " X 7 "	1 ар. 7 в.	4	N—S
15	"	12 " X 7 "	1 " 1 "	4	NO—SW
16	"	16 " X 8 "	1 " 9 "	4	NW—SO
17	"	13 " X 7 "	1 ар.	4	N—S
18	"	14 " X 8 "	1 ар. 2 в.	4	NW—SO
19	"	12 " X 8 "	1 " 1 "	4	N—S
20	Круглый	15 ар.	1 " 4 "	12	
21	Удлиненный	20 ар. X 8 ар.	1 " 9 "	4	NO—SW
22	"	30 " X 7 "	1 " 10 "	6	NO—SW
23	"	23 " X 7 "	1 " 7 "	4	N—S
24	"	21 " X 8 "	1 " 6 "	4	N—S
25	"	23 " X 8 "	1 " 10 "	4	NNO—SSW
26	Квадратный	7 " X 7 "	11 в.	4	NO—SW
27	Удлиненный	15 " X 7 "	1 ар 7 в.	4	NO—SW
28	Круглый	15 ар.	1 " 2 "	6	
29	"	14 ар.	1 " 3 "	9	
30	Удлиненный	23 ар. X 8 ар.	1 " 10 "	4	NW—SO
31	"	20 " X 8 "	1 " 7 "	4	NW—SO
32	"	15 " X 7 "	1 " 1 "	4	NW—SO
33	"	26 " X 7 "	1 " 9 "	4	N—S
34	"	16 " X 8 "	1 " 1 "	4	NOO—SWW
35	Квадратный	7 " X 7 "	8 в.	2	NO—SW
36	Удлиненный	14 " X 8 "	15 в.	4	NO—SW
37	"	24 " X 8 "	1 ар. 11 в.	4	N—S
38	Круглый	28 ар.	1 " 10 "	12	
39	Удлиненный	20 ар. X 7 ар.	1 " 12 "	4	N—S
40	Квадратный	8 " X 8 "	10 в.	3	NO—SW
41	Удлиненный	13 " X 7 "	1 ар. 1 в.	4	NOO—SWW
42	Круглый	23 ар.	1 " 12 "	10	
43	"	35 ар.	12 в.	3	
44	Удлиненный	18 ар. X 7 ар.	1 ар. 7 в.	4	N—S
45	"	18 " X 8 "	1 " 9 "	4	N—S
46	"	15 " X 8 "	1 " 6 "	4	N—S
47	"	23 " X 7 "	1 " 10 "	4	N—S
48	Круглый	18 ар.	1 " 9 "	7	
49	Удлиненный	18 ар. X 8 ар.	1 " 8 "	4	NO—SW
50	Круглый	25 ар.	1 ар. 14 в.	7	
51	Удлиненный	20 ар. X 7 ар.	1 " 11 "	4	NW—SO
52	"	11 " X 8 "	1 " 3 "	4	N—S
53	Квадратный	9 " X 9 "	15 в.	4	NO—SW
54	Удлиненный	16 " X 7 "	1 ар. 4 в.	4	N—S
55	"	18 " X 9 "	1 " 6 "	4	N—S
56	"	15 " X 7 "	1 " 7 "	4	NW—SO
57	"	20 " X 7 "	1 " 9 "	4	N—S
58	"	24 " X 8 "	1 " 14 "	5	N—S
59	"	13 " X 8 "	1 " 12 "	3	N—S

№№ кургановъ.	Видъ кургана по формѣ его основанія.	Диаметръ или длина и ширина.	Высота.	Число ровиковъ.	Ориентировка.
60	Круглый	15 ар.	1 ар. 4 в.	6	
61	Квадратный	6 ар. X 6 ар.	10 в.	4	N-S
62	Удлиненный	18 " X 8 "	1 ар. 5 в.	4	NO-SW
63	Круглый	12 ар.	1 " 9 "	Прер.	
64	Удлиненный	15 ар. X 7 ар.	1 " 8 "	4	NW-SO
65	"	12 " X 7 "	1 " 3 "	4	NW-SO
66	"	21 " X 7 "	1 " 10 "	4	NW-SO
67	Круглый	20 ар.	1 " 9 "	8	
68	Удлиненный	17 ар. X 7 ар.	1 " 4 "	4	NW-SO
69	Квадратный	6 " X 6 "	8-10 в.	3	N-S
70	Круглый	18 ар.	1 ар. 11 в.	5	
71	"	12 ар.	1 " 2 "	4	
72	Удлиненный	16 ар. X 8 ар.	1 " 9 "	4	NW-SO
73	Круглый	25 ар.	1 " 15 "	8	
74	Квадратный	6 ар. X 6 ар.	6-9 в.	3	NO-SW
75	Удлиненный	14 " X 7 "	1 ар. 14 в.	4	NW-SO
76	"	11 " X 7 "	1 " 1 "	4	NWW-SOO
77	"	12 " X 7 "	1 " 3 "	4	NWW-SOO
78	Круглый	9 ар.	1 " 1 "	5	
79	"	14 ар.	1 " 4 "	5	
80	Удлиненный	16 ар. X 7 ар.	1 " 7 "	4	NW-SO
81	"	14 " X 8 "	1 " 9 "	4	NW-SO
82	Круглый двухъ-ярусный	23 ар. и 16 ар.	1 а. 2 в. и 8-10 в.	8 и 6	
83	Удлиненный	11 ар. X 8 ар.	1 ар. 4 в.	4	NW-SO
84	"	16 " X 8 "	1 " 9 "	4	SW-NO
85	"	17 " X 7 "	1 " 11 "	4	NWW-SOO
86	"	18 " X 9 "	1 " 12 "	6	NW-SO
87	"	15 " X 8 "	1 " 10 "	6	SW-NO
88	Круглый	17 ар.	1 " 14 "	Прер.	
89	Удлиненный	12 ар. X 7 ар.	1 " 2 "	4	NW-SO
90	"	10 " X 7 "	1 " 4 "	4	SWW-NOO
91	"	15 " X 7 "	1 " 6 "	4	NW-SO
92	"	17 " X 7 "	1 " 11 "	4	SW-NO
93	Квадратный	6 " X 6 "	8 в.	4	N-S
94	Удлиненный	28 " X 7 "	1 ар. 12 в.	4	N-S
95	"	12 " X 7 "	1 ар.	4	N-S
96	"	15 " X 8 "	1 ар. 5 в.	4	NOO-SWW
97	"	20 " X 7 "	1 " 4 "	4	N-S
98	"	16 " X 7 "	1 " 3 "	4	N-S
99	"	25 " X 8 "	1 " 7 "	6	SO-NW
100	"	12 " X 7 "	15 в.	4	N-S
101	"	23 " X 7 "	1 ар. 8 в.	4	NO-SW
102	"	20 " X 7 "	1 " 6 "	4	N-S
103	"	30 " X 7 "	1 " 4 "	6	NO-SW
104	"	12 " X 7 "	1 ар.	4	N-S
105	"	14 " X 7 "	15 в.	4	N-S
106	"	10 " X 6 "	14 в.	4	N-S
107	"	12 " X 7 "	1 ар. 1 в.	4	NOO-SWW
108	"	23 " X 8 "	1 " 3 "	4	NO-SW
109	Квадратный	7 " X 7 "	9 в.	4	NO-SW
110	Удлиненный	15 " X 7 "	1 ар. 2 в.	4	N-S
111	Квадратный	7 " X 7 "	8 в.	5	NO-SW

Въ этой группѣ, по трудности изысканій, раскопано лишь 7 кургановъ: №№ 4, 26, 35, 40, 43, 53, 61, 109 и 111.

IV. Курганы лѣвобережья ручья Кузьмина. Мѣстность, гдѣ находится эта группа, представляет рядъ обширныхъ, плоскихъ, повышающихся къ N террасами, дюнь, на ровныхъ большихъ котловинахъ между которыми сплошныя болота, часто весьма обширныя и трудно-проходимыя. Кругомъ смѣшанное съ бѣлолѣсьемъ краснолѣсье, масса кустарниковыхъ и полукустарниковыхъ растений и зеленый коверъ:

трава, верескъ, канаберникъ, брусника, голубика, воронякъ. Курганы образуютъ (см. рис. 8) четыре явственныхъ подгруппы, которыя могли-бы смѣло быть обособлены въ отдѣльныя группы, т. к. разстояніе, отдѣляющее подгруппы, вполнѣ отвѣчало-бы слѣдующей группировкѣ: южная (кучевая) изъ 4 кургановъ — №№ 1—4, срединная (рядовая, цѣпью) изъ 12 кургановъ — №№ 5—15, сѣверная (кучевая) изъ 26 кургановъ — №№ 16—40 и западная (кучевая) изъ 9 кургановъ — №№ 41—49. Опредѣленіе подгруппамъ даемъ сообразно расположенію въ нихъ кургановъ, т. е. кучно или цѣпью.

Рис. 8. Планъ курганной группы (IV) лѣвобережья ручья Кузьмина.

У кургановъ срединной подгруппы, гдѣ особенно много болотистыхъ мѣстъ, ровики наполнены водою.

Курганы южной подгруппы лежатъ на высокой, островерхой дюнь у ручья Кузьмина, на высокомъ и живописномъ мѣстѣ. Западная подгруппа расположена на пологомъ скатѣ старой и невысокой дюны. Сѣверная подгруппа находится на широкой, плоской вершинѣ высокой дюны, которая является наиболѣе высокой въ этомъ участкѣ.

Немало кургановъ въ подгруппахъ имѣютъ и общіе ровики.

Промѣры кургановъ этой группы приводятся на слѣдующей ниже таблицѣ.

№№ кургановъ.	Видъ кургана по формѣ его основанія.	Диаметръ или длина и ширина.	Высота.	Число ровиковъ.	Ориентировка.
1	Удлиненный.	15 ар. × 7 ар.	1 ар. 4 в.	4	NO—SW
2	"	14 " × 7 "	1 " 3 "	4	NO—SW
3	Квадратный.	8 " × 8 "	12 в.	3	NW—SO
4	Удлиненный.	27 " × 8 "	1 ар. 3 в.	4	N—S
5	"	13 " × 7 "	1 " 2 "	4	N—S
6	"	23 " × 8 "	1 " 3 "	4	N—S
7	"	25 " × 8 "	1 " 2 "	4	N—S
8	"	31 " × 10 "	1 " 1 "	4	NOO—SWW
9	"	12 " × 7 "	12 в.	4	N—S
10	"	16 " × 8 "	12—14 в.	4	N—S
11	"	16 " × 7 "	14 в.	4	N—S
12	"	30 " × 8 "	1 ар. 4 в.	4	NO—SW
13	Квадратный.	8 " × 8 "	6—8 в.	3	NO—SW
14	Удлиненный.	16 " × 8 "	1 ар. 4 в.	4	NO—SW
15	"	16 " × 7 "	12—14 в.	4	NO—SW
16	"	16 " × 8 "	10—12 в.	4	NO—SW
17	"	20 " × 7 "	1 ар. 4 в.	4	NW—SO
18	Квадратный.	6 " × 6 "	7 в.	1	NO—SW
19	Удлиненный.	18 " × 7 "	15 в.	4	NW—SO
20	Квадратный.	6 " × 6 "	7 в.	3	NO—SW
21	Удлиненный.	17 " × 7 "	1 ар. 2 в.	4	NO—SW
22	"	18 " × 7 "	1 " 5 "	4	N—S
23	"	14 " × 7 "	14 в.—1 ар.	4	SOO—NWW
24	"	20 " × 7 "	15 в.	4	NO—SW
25	"	19 " × 7 "	1 ар. 5 в.	4	NOO—SWW
26	"	20 " × 7 "	1 " 3 "	4	N—S
27	"	21 " × 7 "	1 " 1 "	4	NO—SW
28	"	19 " × 7 "	1 " 4 "	4	N—S
29	"	18 " × 8 "	1 " 2 "	4—6	SOO—NWW
30	"	17 " × 7 "	1 " 7 "	5	NO—SW
31	"	23 " × 7 "	12 в.	4	NO—SW
32	"	12 " × 7 "	1 ар. 2 в.	4	NO—SW
33	Квадратный.	8 " × 8 "	6—8 в.	4	N—S
34	Удлиненный.	12 " × 7 "	1 ар. 3 в.	4	NO—SW
35	"	31 " × 9 "	1 " 8 "	4	N—S
36	"	19 " × 7 "	1 " 2 "	4	N—S
37	"	12 " × 7 "	1 " 8 "	4	NO—SW
38	"	19 " × 7 "	1 " 6 "	4	N—S
39	"	16 " × 7 "	1 " 4 "	4	N—S
40	"	15 " × 7 "	1 " 7 "	4	N—S
41	Круглый.	17 ар.	1 " 2 "	Прер.	
42	Удлиненный.	10 ар. × 8 ар.	1 " 4 "	4	N—S
43	"	22 " × 9 "	1 " 3 "	4	N—S
44	"	17 " × 8 "	1 " 2 "	4	N—S
45	Круглый.	10 ар.	9 в.	5	
46	Удлиненный.	13 ар. × 7 ар.	1 ар. 2 в.	4	NO—SW
47	Круглый.	14 ар.	1 " 2 "	Прер.	
48	Квадратный.	7 ар. × 7 ар.	10 в.	4	N—S
49	Удлиненный.	25 " × 7 "	14 в.	4	NO—SW

Въ этой группѣ раскопкою изучено 3 кургана: №№ 3, 18 и 20 V. Курганы правобережья ручья Кузьмина, по дорогѣ отъ Новой Сѣвницы къ Старой Сѣвницѣ. Мѣстность

*

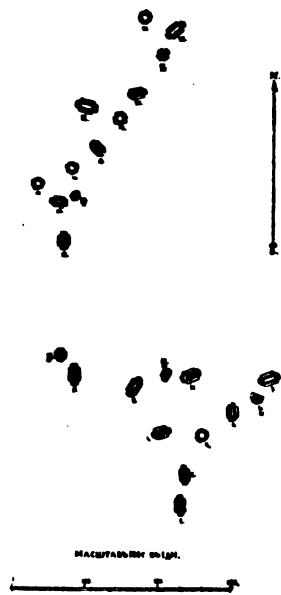

Рис. 9. Планъ курганной группы (V) правобережья ручья Кузьмина.

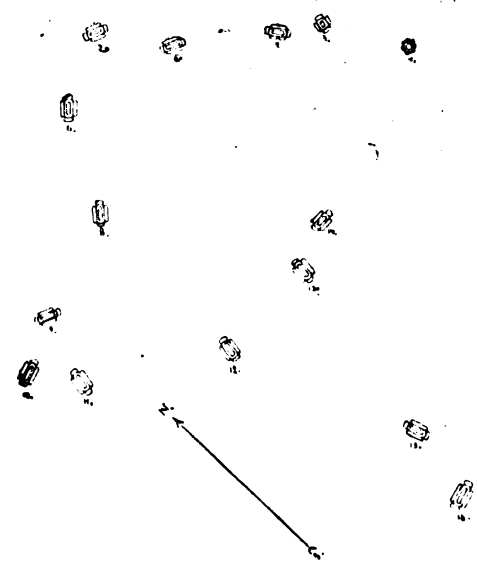
здѣсь представляетъ рядъ перекатовъ старыхъ дюнь, спадающихъ къ долинѣ Кузьмина ручья и перемежающихся съ сухими и возвышенными сѣдловинками. Рѣдкое краснолѣсье и его молодья поросли покрываютъ весь участокъ. Поросли и травяной коверъ весною 1908 г. уничтожены пожаромъ. Группа (см. рис. 9) распадается на двѣ подгруппы: сѣверную и южную. Въ первой 12 кургановъ: №№ 13—24, и во второй 12: №№ 1—12. Каждая изъ подгруппъ, въ зависимости отъ кучности размѣщенія въ ней кургановъ, подраздѣляется на участки, въ которыхъ численный составъ кургановъ колеблется въ предѣлахъ 2—7. Нѣкоторые курганы имѣютъ общіе ровики. Большинство кургановъ этой группы усмотрѣны въ отчетномъ году лишь благодаря тому, что оказались на пожарищѣ. Промѣры кургановъ приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ.

№№ кургановъ.	Видъ кургана по формѣ его основанія.	Діаметръ или длина и ширина.	Высота.	Число ровиковъ.	Оріентировка.
1	Удлиненный	22 ар. × 8 ар.	1 ар. 4 в.	6	N—S
2	"	18 " × 8 "	1 " 5 "	4	N—S
3	"	20 " × 8 "	1 " 3 "	4	NOO—SWW
4	Круглый	12 ар.	1 " 2 "	8	
5	Удлиненный	24 ар. × 7 ар.	1 " 7 "	4	N—S
6	Квадратный	7 " × 7 "	12 в.	3	NW—SO
7	Удлиненный	15 " × 8 "	1 " 2 "	4	SWW—NOO
8	"	31 " × 9 "	1 " 9 "	4	NO—SW
9	"	22 " × 7 "	?	5	N—S
10	Квадратный	8 " × 8 "	8 в.	4	N—S
11	Удлиненный	11 " × 8 "	1 ар. 3 в.	4	SWW—NOO
12	Квадратный	8 " × 8 "	10 в.	3	NO—SW
13	Удлиненный	25 " × 7 "	1 ар. 9 в.	4	N—S
14	Круглый	10 ар.	15 в.	4	
15	Удлиненный	32 " × 8 "	1 ар. 10 в.	6	NWW—SOO
16	Круглый	16 ар.	1 " 5 "	7	
17	Удлиненный	27 ар. × 8 ар.	1 " 7 "	4	NW—SO
18	"	14 " × 9 "	1 " 1 "	4	NWW—SOO
19	Круглый	21 а.	1 " 4 "	9	
20	Удлиненный	18 ар. × 7 ар.	1 " 6 "	4	SWW—NOO
21	Квадратный	6 " × 6 "	8 в.	4	NO—SW
22	Удлиненный	18 " × 7 "	1 ар. 8 в.	4	SW—NO
23	Круглый	25 ар.	1 " 5 "	7	
24	Квадратный	8 ар. × 8 ар.	10 в.	4	NO—SW

Въ этой группѣ раскопано пять кургановъ: №№ 6, 10, 12, 21 и 24.

VI. Курганы къ W отъ сл. Новой у Разлива Мѣдно-заводска. Разливъ окруженъ старыми дюнами. Эти дюны по дорогѣ къ д. Мертути идутъ террасами, между которыми залегли болотистыя сѣдловинки, гдѣ протекають ручейки, впадающіе въ р. Черную. Дорога къ сл. Новой, начинающаяся у Выборгскаго шоссе, пролегаетъ по старой просѣлкѣ. Кругомъ ея густое краснотѣсье, а въ мѣстахъ болотистыхъ и заросли бѣлолѣсья. Растительный покровъ густой и зеленый. Группа кургановъ (см. рис. 10) размѣщена преимущественно на террасахъ дюнъ (тяготѣя къ сл. Новой), а одинъ курганъ сохранился и на лѣсистомъ островкѣ разлива.

Она состоитъ изъ пяти под- Рис. 10. Планъ курганной группы (VI) у сл. Новой. группъ, а именно: №№ 2—4, №№ 5—7, №№ 9—12, №№ 13—14 и №№ 15—16. Курганы №№ 1 и 8 принадлежатъ къ разряду одиночныхъ. Кургановъ съ общими ровиками нѣтъ.

Промѣры кургановъ обозначены въ слѣдующей таблицѣ.

№№ кургановъ.	Видъ кургана по формѣ его описанія.	Диаметръ или длина и ширина.	Высота.	Число ровиковъ.	Ориентировка.
1	Круглый	18 ар.	1 ар. 14 в.	Прер.	
2	Удлиненный.	15 ар. × 7 ар.	13 в.—1 ар.	5	NW—SOO
3	Квадратный	9 " × 9 "	12—15 в.	4	NW—SQ
4	Круглый	15 ар.	10—13 "	10	
5	Удлиненный.	12 ар. × 8 ар.	1 ар. 4 в.	4	SWW—NOO
6	"	18 " × 7 "	1 " 6 "	4	N—S
7	"	10 " × 7 "	1 " 1 "	4	SWW—NOO
8	"	15 " × 8 "	15 в.—1 ар.	4	N—S
9	"	11 " × 7 "	12—15 в.	4	NW—SOO
10	"	17 " × 8 "	1 ар. 7 в.	4	NW—SO
11	"	12 " × 7 "	15 в.	4	NW—SO
12	"	10 " × 7 "	14—15 в.	4	NW—SO
13	"	11 " × 7 "	1 ар. 3 в.	4	NW—SO
14	"	20 " × 8 "	1 " 9 "	4	SW—NO
15	"	16 " × 7 "	1 " 1 "	4	NW—SO
16	"	15 " × 7 "	1 " 2 "	4	NO—SW

Въ этой группѣ, за израсходованіемъ аванса, ни одинъ курганъ раскопкою не вскрытъ.

VII. Курганы возвышенности Мертути. Д. Мотторово, отстоящая въ $1\frac{1}{2}$ —2 верстахъ на W отъ д. Мертути, расположена на вершинѣ пологой старой дюны, относительная высота которой много меньше возвышенности Мертути. Между высотами названныхъ деревень, съ N на S, пролегаетъ сѣдловинка, начинающаяся въ лѣсу за Выборгскимъ шоссе и понижающаяся къ S, въ сторону верхней запруды сл. Александровской, гдѣ она заканчивается обрывами; эта сѣдловинка, а также юго-западная и южная террасы возвышенности Мертути, заняты довольно топкими болотами и поросли рѣдкими кустами ольхи, березы и лозняка.

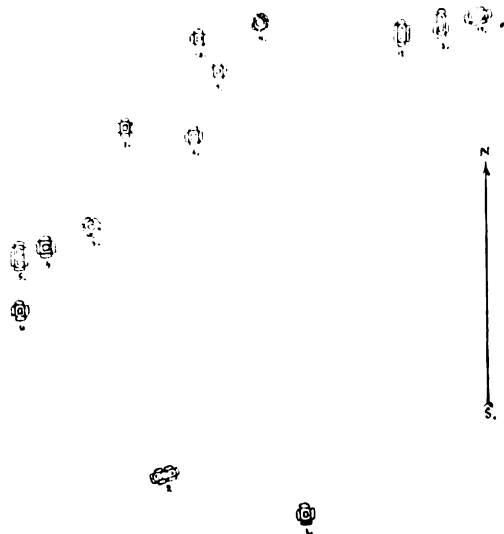

Рис. 11. Планъ курганной группы (VII) возвышенности Мертути.

Къ W и O отъ сѣдловинки идутъ пашни и сѣнокосы Мотторова и Мертути. На небольшихъ вершинкахъ скатовъ описываемыхъ высотъ, въ сосѣдствѣ съ сѣдловинкою, а равно на NO скатѣ возвышенности Мертути, и расположена курганная группа (см. рис. 11). Она явственно подраздѣляется на четыре подгруппы: сѣверную изъ кургановъ № 7—11, западную—№ 3—6, южную—№ 1 и 2 и восточную, Мертутскую,—№ 12—15. Въ W и Мертутской подгруппахъ курганы расположены довольно часто, цѣпью, а въ прочихъ разбросанно. Западная подгруппа нынѣ распаивается подъ посѣвы. На мѣстѣ Мертутской подгруппы сохранилась рѣдкая сосновая роща. Въ этой группѣ нѣтъ кургановъ, соприкасающихся своими ровиками.

Приходилось видѣть курганы и на террасовидныхъ дюнахъ SO ската возвышенности Мертути, обращенныхъ къ лѣсу сестрорѣчанъ и раздѣленныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ глубокими балками и поперечными оврагами, гдѣ струятся ручьи, текущіе къ верхней запрудѣ сл. Александровской. Однако эти курганы, какъ замѣченные мимоходомъ, не обследованы еще и потому не описаны. Ихъ немного и они всѣ угольного типа.

Промеры кургановъ возвышенности Мертути, т.-е. VII-ой группы, сопоставлены въ нижеслѣдующей таблицѣ.

№№ кургановъ.	Видъ кургана по формѣ его основанія.	Диаметръ или длина и ширина.	Высота.	Число ровиковъ.	Оріентировка.
1	Квадратный	8 ар. × 8 ар.	9 в.	4	N—S
2	Удлиненный	15 " × 7 "	14 в.	6	SWW—NOO
3	Квадратный	8 " × 8 "	} 10—14 в. (распа- хиваются).	4	NW—SO
4	"	8 " × 8 "		4	N—S
5	Удлиненный	14 " × 8 "		4	N—S
6	Квадратный	7 " × 7 "		4	N—S
7	"	8 " × 8 "		4	N—S
8	"	8 " × 8 "	15 "	4	N—S
9	"	8 " × 8 "	12 "	4	N—S
10	"	8 " × 8 "	13 "	4	N—S
11	Круглый	15 ар.	15 "	8	
12	Удлиненный	9 " × 7 "	14 "	4	N—S
13	"	15 " × 8 "	1 ар. 4 в.	5	N—S
14	"	10 " × 7 "	1 " 2 "	4	SWW—NOO
15	Круглый	16 ар.	1 " 4 "	Пре- рывч.	

Въ этой группѣ, по той же причинѣ, что въ предыдущей, не пришлось раскопать ни одного кургана.

Б. Ямы, помосты и насыпи.

Еще въ 1905 г. замѣчено, что помимо курганныхъ насыпей въ окрестностяхъ Сестрорѣцка, въ лѣсахъ и на поляхъ (еще невоздѣлывавшихся), всегда на сухихъ и болѣе или менѣе возвышенныхъ мѣстахъ, встрѣчаются въ одномъ районѣ больше, въ другомъ—меньше, ямы, помосты и насыпи, въ видѣ правильныхъ геометрическихъ фигуръ, то углубленныхъ, то плоскихъ, то выпуклыхъ, земляные, дресвяные и валунные. Сосредоточившись на курганахъ, некогда было заниматься этими фигурами, и лишь въ 1908 г. представилась возможность нѣсколько ближе заняться ими, тѣмъ болѣе, что по мѣрѣ нахождения большаго и большаго числа ихъ, увеличивался и интересъ къ загадочности и таинственности этихъ памятниковъ. Однако ограниченность досуга и необыкновенная трудность изысканій среди болотъ и въ лѣсныхъ дебряхъ не позволили достигнуть нанесенія и этихъ памятниковъ на карту, но можно сказать съ достаточной увѣренностью, что всѣ они описаны и классифицированы. Ихъ распространеніе въ общемъ вполне отвѣчаетъ районамъ курганныхъ группъ. Особенно они многочисленны и сохранны на Сосновой и Приозерной горахъ, а также въ мѣстности къ NO отъ Челищева горы. Лѣсныя дебри окрестностей Сестрорѣцка, благодаря особенностямъ почвы (песокъ) и болотамъ, никогда подъ распашкою не были и за рѣдкими исключеніями

никакой культурной обработкѣ (искусственное лѣсонасажденіе въ мѣстахъ дюнь) или природному разрушенію (вѣтромъ по береговой линіи Финскаго залива) не подвергались; лишь время отъ времени онѣ расчищались порубками для надобностей мѣстныхъ жителей и для Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, когда принадлежали послѣднему, да въ послѣдніе годы, страдали отъ лѣсныхъ пожаровъ, особенно за линіей Финляндской ж. д. Такая первобытная сохранность, можно сказать дѣвственность, поверхности земли этихъ дебрей обуславливала неприкосновенность не только кургановъ, но и этихъ памятниковъ, которые при другихъ условіяхъ исчезли бы безслѣдно.

Ямы, представляющія собою геометрически правильныя углубленныя фигуры, подмѣчены трехъ типовъ: коническія, квадратно-пирамидальныя и квадратно-эполементныя (съ аппарелью).

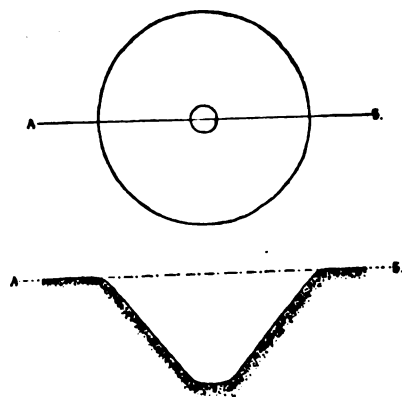

Рис. 12. Планъ и разрѣзъ конической ямы.

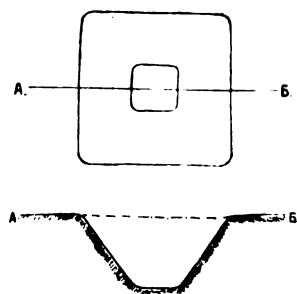

Рис. 13. Планъ и разрѣзъ пирамидальной ямы.

Коническія ямы представляются рисункомъ 12. Ихъ размѣры: діаметръ горизонтальнаго растворенія (основаніе перевернутаго конуса) 2—4 саж., діаметръ дна (нижнее сѣченіе) около 1—1½ арш. и глубина (длина оси конуса) 1—2 саж.

Квадратно-пирамидальныя ямы представлены на рис. 13. Ихъ размѣры: длина стороны горизонтальнаго растворенія (основаніе пирамиды) 2—3 саж., длина стороны дна (нижнее сѣченіе) 2—3 арш. и глубина (высота пирамиды) до 1 саж.

Квадратно-эполементныя (съ аппарелью) ямы показаны на рис. 14. Это тѣ же квадратныя ямы, но окруженныя по краю валикомъ (эполементомъ), со спускомъ въ видѣ ската (аппарель) съ одной стороны. Ихъ размѣры: длина стороны горизонтальнаго растворенія пирамиды (основаніе) около 3—4 с., длина стороны дна (нижнее сѣченіе)

1¹/₂—2 с., глубина (высота) пирамиды 2—3 арш., поперечникъ основанія валика 2—3 арш., высота послѣдняго 1—1¹/₂ арш., ширина ската входа (аппарели) около 3—4 арш. и крутизна его около 45 градусо́въ.

Помосты, т. е. плоскія, не возвышающіяся надъ горизонтомъ земли, правильныя геометрическія фигуры, бываютъ: квадратныя (съ скругленными углами), прямоугольныя (съ такими же углами) и овальныя. Разновидность вторыхъ составляютъ прямоугольныя ячеистыя фигуры, т. е. раздѣленныя на нѣсколько квадратовъ или прямоугольниковъ (ячеекъ). Дальнѣйшую же разновидность этихъ послѣднихъ представляютъ линейныя прямоугольныя фигуры, раздѣленныя на нѣсколько ячеекъ. Всѣ эти плоскія фигуры являются или сплошными горизонтальными помостами или лишь очертаніями ихъ; онѣ всегда образованы валунами мѣстнаго происхожденія, сложенными и подобранными одинъ къ другому весьма тщательно и на половину углубленными въ землю; между камнями пробивается травка.

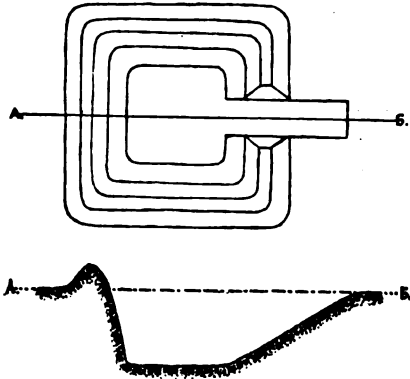

Рис. 14. Планъ и разрѣзъ квадратно-эполементной (съ аппарелью) ямы.

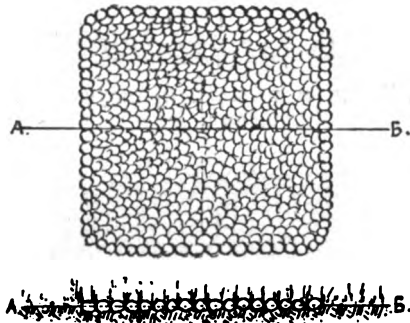

Рис. 15. Планъ и разрѣзъ квадратнаго помоста.

Квадратныя (съ закругленными углами) помосты изображены на рис. 15. Ихъ размѣры: длина стороны 2—5 арш.; валуны малой величины (3—5 верш). Закругленіе угловъ небольшое.

Прямоугольныя (съ закругленными углами) помосты показаны на рис. 16. Ихъ размѣры: длинная сторона 2—6 арш., короткая 1—3 арш.; валуны малой величины (3—6 верш.). Закругленіе угловъ небольшое.

Овальныя помосты представлены на рис. 17. Ихъ размѣры: длинная ось овала 4—6 арш., короткая ось овала 2—3 аршина; валуны небольшіе (3—5 вершковъ).

Прямоугольныя помосты съ подраздѣленіями на ячейки изображены на рис. 18 и 19. Особенность этихъ помостовъ

представляет то, что линии, их ограничивающія, а также и линии подраздѣляющія прямоугольники на ячейки выложены изъ болѣе крупныхъ валуновъ. Размѣры ихъ по рис. 18: длинная сторона прямоугольника 3—4 арш., короткая 2—3 арш., длинная сторона ячейки $1\frac{1}{2}$ —2 арш., короткая 1 — $1\frac{1}{2}$ арш., валуны линий ограниченія и раздѣленія 6—8 верш., валуны помоста 3—5 вершковъ. Размѣры по рис. 19: длинная сторона прямоугольника 4—6 арш., короткая 2—3 арш., длинная сторона ячейки $1\frac{1}{2}$ —2 арш., короткая 1 — $1\frac{1}{2}$ арш., валуны линий 6—8 верш., валуны помоста 3—5 верш.

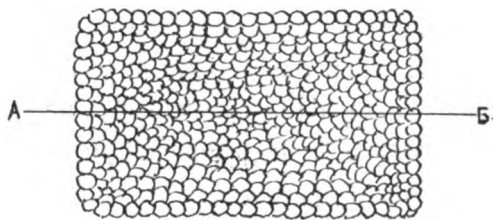

Рис. 16. Планъ и разръзъ прямоугольнаго помоста.

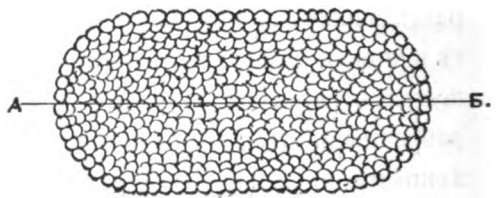

Рис. 17. Планъ и разръзъ овальнаго помоста.

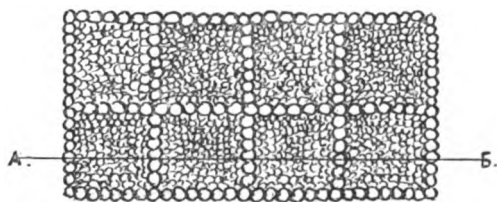

Рис. 18. Планъ и разръзъ ячеистаго помоста.

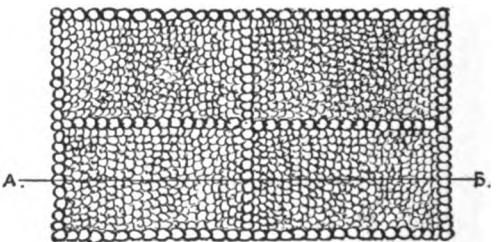

Рис. 19. Планъ и разръзъ ячеистаго помоста.

Линейно-ячеистые прямоугольники показаны на рис. 20. Эта разновидность состоит изъ рядовъ валуновъ, малыхъ и большихъ, образующихъ прерывистыя линии и расположенныхъ группами или одиночно; линии подраздѣленія на ячейки тоже прерывистыя. Ихъ размѣры: длинная линия прямоугольника 9—10 арш., короткая 6—7 арш., длинная линия ячейки $4\frac{1}{2}$ —5 арш., короткая 3— $3\frac{1}{2}$ арш.; валуны разнокалиберные (2—12 верш.).

Насыпи правильныхъ формъ, т. е. выпуклыя геометрическія фигуры, поднимающіяся надъ уровнемъ земли, раздѣляются по ихъ внѣш-

ности на земляныя, дресвяныя и валунныя. Земляныя усмотрѣны только прямоугольныя (съ закругленными углами) и представляют собою какъ бы плотину или дамбу, вдающуюся въ болото. Дресвяныя находимы были только квадратныя (съ закругленными углами) въ планѣ (низкая усѣченная пирамида). Валунныя дѣлятся по плану на квадратныя (низкая усѣченная пирамида) съ закругленными углами, круглыя (низкій усѣченный конусъ), прямоугольныя (низкая усѣченная пирамида) съ закругленными углами и овальныя (низкій усѣченный конусъ). Всѣ эти насыпи поросли травой, полукустарниковыми растеніями, кустарниками, а нѣкоторыя и деревьями.

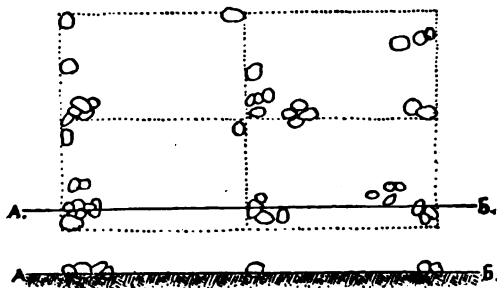

Рис. 20. Планъ и разръзъ линейно-ячейстаго прямоугольника.

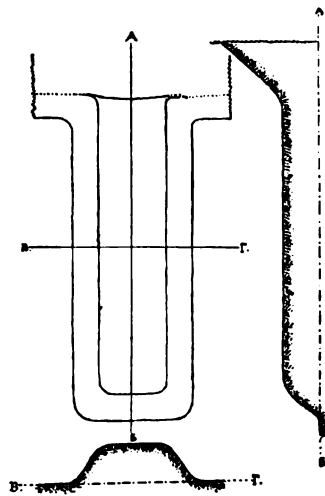

Рис. 21. Планъ и разръзы земляной плотины.

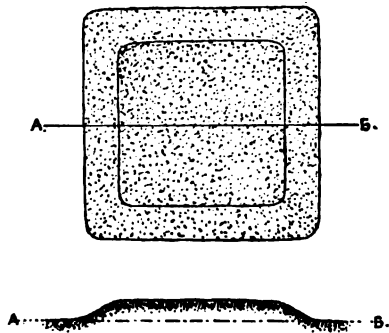

Рис. 22. Планъ и разръзъ дресвяной усѣченной пирамиды.

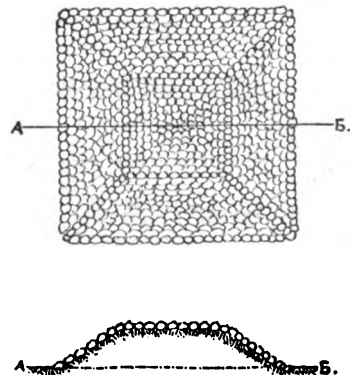

Рис. 23. Планъ и разръзъ валунной усѣченной пирамиды.

Земляныя плотины показаны на рис. 21. Начинаются онѣ обыкновенно у нижней части ската дюны и выдвигаются въ болото. Ихъ размѣры: длина 10—15 сажень, поперечникъ основанія 4—6 саж., поперечникъ вершинки (верхняя площадка всегда горизонтальная) 2—3 сажени, высота 1—1¹/₂ сажени.

Дресвяныя квадратныя (съ округленными углами) низко усьченныя пирамиды показаны на рис. 22. Ихъ размѣры: длина стороны основанія $2-2\frac{1}{2}$ аршина, длина стороны вершинки (всегда плоская) $1-1\frac{1}{2}$ аршина, высота 6—10 вершковъ.

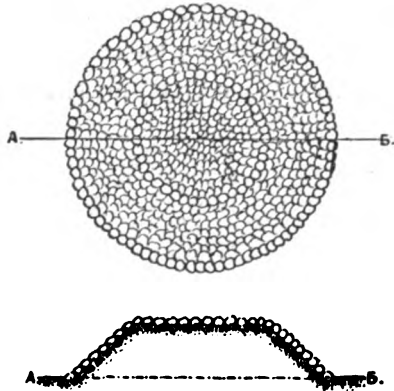

Рис. 24. Планъ и разръзъ валуннаго усьченнаго конуса.

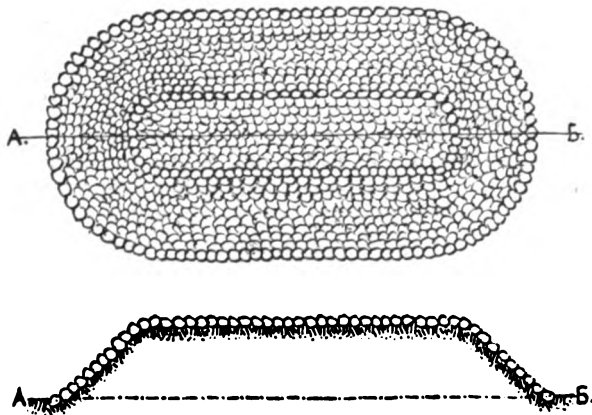

Рис. 26. Планъ и разръзъ валуннаго усьченнаго овальнаго конуса.

Валунныя квадратныя (съ закругленными углами) низко усьченныя пирамиды показаны на рис. 23. Размѣры: длина стороны основанія 2—5 аршинъ, длина стороны вершинки (плоской) $1-2\frac{1}{2}$ аршина, высота 6—10 вершковъ; валуны мѣстнаго происхожденія (по 2—6 вершковъ въ поперечникѣ).

Валунныя прямоугольныя (закругленные углы) низко усьченныя пирамиды показаны на рис. 25. Размѣры ихъ: длинная сторона основанія 2—6 арш., короткая 1—3 аршина, длинная сторона вершинки (плоской) 1—3 арш., короткая—10 в.— $1\frac{1}{2}$ арш., высота около 1 арш.; валуны мѣстнаго происхожденія по 2—6 вершковъ.

Валунныя овальные низко усьченныя конусы изображены на рисун. 26. Размѣры ихъ: длинная ось овала основанія 2—6

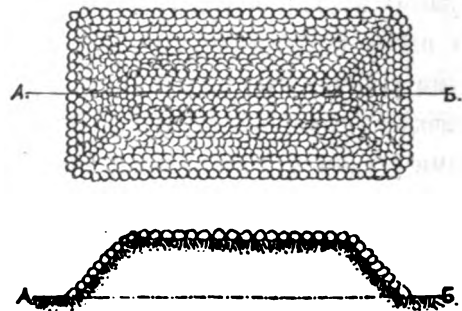

Рис. 25. Планъ и разръзъ валунной прямоугольной усьченной пирамиды.

Валунныя квадратныя (съ закругленными углами)

низко усьченныя пирамиды показаны на рис. 23. Размѣры: длина стороны основанія 2—5 аршинъ, длина стороны вершинки (плоской) $1-2\frac{1}{2}$ аршина, высота 6—10 вершковъ; валуны мѣстнаго происхожденія (по 2—6 вершковъ въ поперечникѣ).

Валунные круглыя низко усьченныя конусы изображены на рисункѣ 24.

аршинъ, короткая—1—3 аршина, длинная ось овала вершинки (плоская) 1—3 аршина, короткая—10 в.—1¹/₂ аршина, высота ¹/₂ арш.—1 арш.; валуны мѣстнаго происхожденія по 2—6 вершковъ.

Изъ числа описанныхъ памятниковъ наиболѣе распространены коническія ямы, дресвяныя насыпи и валунные помосты. Рѣже другихъ наблюдаются земляныя плотины и валунные конусы и пирамиды.

Результаты изслѣдованія этихъ памятниковъ раскопкою излагаются ниже (см. вторую часть отчета, т. е. 5, Б).

4. Приемы раскопки.

Курганы для вскрытія намѣчались по возможности въ каждой курганной группѣ, если она по мѣстнымъ условіямъ представляла удобства для раскопки. Такъ какъ въ числѣ результатовъ изысканій 1907 г. явился особый интересъ къ маленькимъ квадратнымъ курганамъ, которые, какъ предположено было, заключаютъ въ себѣ остатки трупосожженія, то въ 1908 г. раскопкѣ подвергались преимущественно эти маленькіе курганы. Каждый тщательно описывался и измѣрялся по внѣшности, составлялись чертежи, профили и т. д. Вблизи выкапывалась квадратная (1×1 арш.) пробная яма глубиною въ 1¹/₂--2 арш. для изученія природнаго положенія слоевъ земли. Вскрытіе кургана производилось полойною съемкой всей насыпи, а ниже уровня земли колодцемъ подъ всѣмъ основаніемъ кургана. Составлялись планъ и профиль раскопки, съ показаніемъ строенія насыпи и отмѣткою мѣстъ находженія предметовъ. Равнымъ образомъ и ямы, помосты и насыпи на поверхности земли обследованы раскопкою были довольно тщательно. Особенности приѣмовъ раскопки ихъ можно видѣть изъ второй части (Б) слѣдующей (5) главы. Нумерація кургановъ въ отчетѣ о раскопкахъ 1908 г. является продолженіемъ нумераціи раскопокъ 1906 и 1907 г., а потому и начинается теперь съ № 62.

Раскопки 1908 годѣ затруднялись продолжительными развѣдками, такъ какъ приходилось тратить много времени на отысканіе при большомъ курганѣ маленькаго кургана. Эти послѣдніе удавалось находить преимущественно только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растительный коверъ уничтоженъ пожаромъ. Тамъ же, гдѣ этотъ коверъ сохранился, нѣтъ почти никакой возможности усмотрѣть очертанія маленькихъ кургановъ. Между тѣмъ, только при помощи этихъ кургановъ явилась возможность связать трехлѣтнія раскопки въ окрестностяхъ Сестрорѣцка въ одно цѣлое, какъ то изложено будетъ въ заключительной (6) главѣ настоящей работы.

5. Отчетъ о раскопкахъ 1908 года.

А. Курганная насыпи.

Курганы окрестностей горы Кузьмина.

Курганъ № 62, въ нѣсколькихъ шагахъ къ NO отъ удлиненаго кургана № 38 (см. рис. 8 въ отчетъ 1907 г.¹⁾), на погорѣломъ мѣстѣ, близъ дороги изъ д. Дыбунь въ Мертути. Покрываетъ рѣдкимъ дерномъ. На отлогостяхъ двѣ сосенки. Основаніе квадратное (съ округленными углами); вершинка, съ небольшою выемкой въ срединѣ, квадратная. Сползаніе насыпи къ О, гдѣ какъ бы входъ. Вокругъ подошвы основанія три ровика (съ N, W и S). По внѣшности курганъ—, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Размѣры: сторона основанія 4 арш., сторона вершинки 2 арш., кривая образующая 7 арш., высота 8 верш., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ — 2 арш., глубина ихъ 6 — 8 верш. и длина перешейковъ—NW 1 арш. 7 в., SW 2 ар. и О $5\frac{1}{2}$ арш. Пробная яма, вырытая на NW, дала растительный слой 1 — $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 3 — 5 в. и ниже желтый песокъ. Раскопанъ послыною съемкой всей насыпи. Подъ дерномъ вершинки залегали въ одинъ рядъ валуны, мѣстнаго происхожденія, числомъ 15. Валикъ насыпи оказался землей перекиданной изъ ровиковъ и по объему отвѣчалъ послѣднимъ. Подъ валунами, слою въ 1 — 2 верш., желтоватый песокъ. Ниже, по всей площади основанія, находилась присыпка, толщиною 1 — $1\frac{1}{2}$ верш., изъ бѣловатаго крупнаго песку. На присыпкѣ, въ центральной ея части, открыты угли и пепель костра изъ еловыхъ, сосновыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ, занимавшіе округленную площадку, діаметромъ около 1 арш. Среди нихъ усмотрѣны въ небольшомъ количествѣ кальцинированныя человѣческія кости и кусочки изогнутыхъ полосокъ бересты, окутанные угле-пепломъ. Подъ костромъ присыпка сильно обожжена. По внутреннему устройству курганъ оказался того же типа, какъ изображенный на рис. 32 отчета 1907 г. Дальнѣйшая раскопка подъ горизонтомъ дала нетронутые слои земли.

Такія же раскопки вглубь ниже горизонта земли производимы были и во всѣхъ прочихъ курганахъ и обыкновенно (исключенія см. въ №№ 96, 99 и 100) обнаруживали лишь нетронутые слои земли; чтобы не повторяться, въ дальнѣйшемъ описаніи мы эту стадію раскопки будемъ опускать.

---

¹⁾ Для краткости „отчетомъ 1907 г.“ мы называемъ вторую изъ статей, указанныхъ выше въ прим. 1 на стр. 63, а „отчетомъ 1906 г.“—первую.

Курганъ № 63 на покатоности старой дюны близъ Кузьмина горы, между двумя удлиненными курганами (№ 1 и 3 на рис. 8 отчета 1907 г.), на лѣсномъ пожарищѣ 1908 г. Дерновый слой выгорѣлъ. По формѣ курганъ квадратный съ закругленными углами. Вершинка выемчатая, со скатомъ (входомъ) на SO. Вокругъ подошвы четыре ровика, раздѣленные перешейками. Внѣшность кургана того же типа, что на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонтъ. Размѣры: сторона основанія 8 арш., сторона вершинки 4 арш., кривая образующая насыпи 2 с. 8 в., высота 8 в., ширина ровиковъ 2—3 арш., глубина ихъ 6—12 в., длина перешейковъ—N и W по 2 арш., S 5 арш. и OOS 6 арш. Пробная яма, вырытая къ S, дала растительный слой 1—1¹/₂ в., сѣрый песокъ 3—5 верш. и ниже желтый песокъ. Раскопанъ послышной съемкой всей насыпи. Валикъ насыпи образовался изъ перевернутыхъ слоевъ земли изъ ровиковъ. Подъ дерномъ вершинки желтый песокъ. На уровнѣ земли оказалась присыпка, толщиною 2—3 вер., изъ крупнаго бѣлаго песку. По срединѣ ея находился квадратный костеръ изъ еловыхъ, сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, имѣвшій въ сторонѣ 1 арш. 2 в. Среди углей и пепла попадались въ небольшомъ количествѣ кальцинированныя кости и кусочки изогнутыхъ полосокъ бересты. Слой угле-пепла прикрытъ топкимъ слоемъ сѣроватаго песку, выше котораго залегалъ желтый песокъ. Присыпка подъ костромъ сильно обожжена. По внутреннему устройству курганъ того же типа, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 64 по сосѣдству съ предыдущимъ и въ 15 ш. на SW отъ удлиненнаго кургана № 2, что на рис. 8 отчета 1907 г. Дерновый коверъ весь уничтоженъ пожаромъ 1908 г. На вершинкѣ и скатахъ пять молодыхъ сосенокъ. Основаніе квадратное съ закругленными углами, вершинка такая же, со впадиною въ центрѣ и съ легкимъ скатомъ (входъ) на NW. Вокругъ основанія три отдѣльныхъ ровика (N, NO—O—SO, SW) Внѣшность кургана та же, что на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 арш., сторона вершинки 4 арш., кривая образующая 12 арш., высота 8—9 верш., ширина ровиковъ 1¹/₂—2 арш., глубина ихъ 4—8 верш., длина перешейковъ—S 5 арш., NNO 5 арш. и W—WN 10 арш. Пробная яма, на NO, дала растительный слой 1—1¹/₂ верш., сѣрый песокъ 3—5 верш. и ниже желтый песокъ. Раскопанъ послышною съемкой всей насыпи. Валикъ насыпи (ширина ея основанія 1¹/₂—2 арш.) облегалъ курганъ со всѣхъ сторонъ. Его земля представляла перевернутые слои земли ровиковъ. Подъ растительнымъ слоемъ

вершинки шель желтый песокъ, ниже тонкій слой (1—1½ в.) сѣраго песку, засимъ угле-пепель костра и присыпка (2—3 в.) изъ бѣлаго крупнаго песку на поверхности земли. Костеръ (еловыя, сосновыя и можжевельныя вѣтки) находился въ центральной части присыпки и имѣлъ квадратную форму (1 арш. 2—4 в. въ сторонѣ). Угольно-пепельный слой имѣлъ въ высоту обычные 2—4 верш. Присыпка подъ костромъ была сильно обожжена. Вокругъ костра, по преимуществу съ NW стороны его (входъ), открыты раздробленныя и пережженыя кости крупныхъ животныхъ и птицъ. Въ центрѣ костра оказались черепки горшка, перевернутаго вверхъ дномъ и прикрывавшаго квадратный (съ закругленными углами) плетеный берестовый кузовокъ, въ которомъ находились ничтожные остатки пережженныхъ человѣческихъ костей. Горшокъ (см. рис. 27) найденъ раздробленнымъ и не все черепки его удалось собрать;

Рис. 27. Глиняный горшокъ изъ кургана № 64.

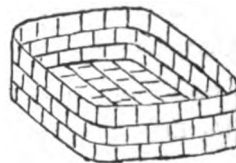

Рис. 28. Берестовый кузовокъ изъ кургана № 64.

полагаю, что послѣдніе растащены корнями деревьевъ. Берестовый кузовокъ, хотя и извлеченъ былъ цѣлымъ, но рассыпался черезъ какихъ-нибудь полчаса (см. его на рис. 28). Горшокъ низкій, съ небольшимъ плоскимъ дномъ и широкимъ горлышкомъ. Размѣры горшка: высота 8 см., діаметръ дна 8 см., діаметръ отверстія 16 см., толщина—стѣнокъ боковыхъ 8 мм. и дна 9—10 мм. Матеріалъ: неотмученная сѣро-синяя мѣстная глина (силлурійская) съ примѣсью зеренъ кварца; снаружи и изнутри горшокъ обмазанъ желтовато-красной глиной. Изготовленъ на гончарномъ станкѣ. Обжигъ удовлетворительный. Черепки хрупкіе. Кузовокъ сплетенъ изъ полосокъ бересты, шириною около 1,5 см., идущихъ накрестъ, т. е. одні горизонтально, а другія вертикально. Размѣры его: длина сторонъ около 10 см., высота 8 см., толщина бересты 1—2 мм. Въ кузовокъ этотъ, очевидно, были положены остатки послѣ сожженія трупа, онъ поставленъ былъ на землю въ серединѣ костра, отъ чего мѣстами обугленъ, прикрытъ сверху перевернутымъ горшкомъ, и все это засыпано угле-пепломъ костра. Кости животныхъ и птицъ, вѣроятно, — остатки жертвоприношенія или какого-либо иного погребаль-

наго обряда. По внутреннему устройству этот курганъ того же типа, что и изображенный на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 65 по сосѣдству съ предыдущимъ и въ 12 шагахъ на NO отъ удлиненнаго кургана № 46 на рис. 8 въ отчетѣ 1907 г. Дерновый слой весь выгорѣлъ во время пожара 1908 г. Въ центрѣ насыпи сгнившій пенъ вѣковой сосны. Курганъ квадратный съ закругленными углами. Вершинка съ легкимъ наклономъ на NW (входъ). У основанія четыре отдѣльныхъ ровика (NO, S — SO, SW, WNW). По внѣшности курганъ того же типа, что и на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 7 арш., сторона вершинки $3\frac{1}{2}$ арш., кривая образующая 9 арш., высота 7—8 верш., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ —2 арш., глубина ихъ 6—12 верш. и длина перешейковъ: WWS 5 арш., SSW 4 арш., O 5 арш. и N—NW 7 арш. Пробная яма, съ NO, дала растительный слой 1— $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 3—5 верш. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послонной съемкой всей насыпи. Валикъ (шириною въ основаніи $1\frac{1}{2}$ —2 арш.) насыпи, облежавшій ее со всѣхъ сторонъ, насыпанъ изъ земли, перекиданной изъ ровиковъ. Подъ растительнымъ слоемъ вершинки желтый песокъ. Въ основаніи насыпи присыпка (толщиною $1\frac{1}{2}$ —2 верш.) изъ бѣловатаго крупнаго песку. Въ центрѣ ея квадратный костеръ (еловья, сосновья и можжевельновья вѣтки) около 1 арш. 3 верш. по сторонѣ и около 3—4 верш. въ толщину (слой угле-пепла). Подъ костромъ присыпка сильно обожжена. Въ центральной части костра найдены обрывки обугленныхъ лентъ, видимо, отъ двухъ берестовыхъ плетеноекъ, изъ которыхъ въ нижней номѣщались слабые остатки трупосоженія (кальцинированныя человѣческія кости), которые были прикрыты верхней плетенкой. Скорчившіяся и обуглившіяся полоски плетеноекъ показываютъ, что плетенки поставлены были еще въ горячее пепелище костра. Ширина берестовыхъ полосокъ почти такова же, какъ у кузовка изъ кургана № 63. Костеръ и часть присыпки покрывалъ легкій слой (1— $1\frac{1}{2}$ в.) сѣроватаго песку. Выше шель желтый песокъ. По внутреннему устройству курганъ того же типа, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганы лѣвобережья Кузьмина ручья.

Курганъ № 66 (№ 3 на рис. 8) на холмообразной вершинкѣ старой дюны по берегу ручья Кузьмина, окруженной съ N, O и S болотистыми сѣдловинками. Покрываетъ плотнымъ зеленымъ ковромъ. На склонахъ три старыхъ ели. Въ основаніи квадратный съ закругленными углами. Вершинка такая-же, съ выемкой въ срединѣ (глубина 3—4 в.). Скатъ (входъ) на SSO. Около подошвы три ровика (NNW, SW, SO) и три перешейка.

По вѣшности курганъ того же типа, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта съ уклономъ въ 15° отъ N къ W. Размѣры: сторона основанія 8 арш., сторона вершинки 4 арш., кривая образующая 13 арш., высота 12 верш., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ саж, глубина ихъ $1-1\frac{1}{2}$ арш. и длина перешейковъ: WNW 4 арш., SSW 3 арш. и NO 10 арш. Пробная яма (на NNO) дала растительный слой $1\frac{1}{2}-3$ верш., сѣрый песокъ 5—6 верш. и ниже желтый песокъ. Раскопанъ послыной съемкой всей насыпи, оказавшейся перевернутыми слоями земли изъ ровиковъ. На уровнѣ земли (по всей площади основанія) присыпка изъ бѣловатаго песку толщиной въ 3—4 в. Въ центрѣ ея квадратный (по сторонѣ $1\frac{1}{2}$ арш.) угле-пепель костра изъ еловыхъ, сосновыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ слоємъ въ 2—3 в. толщиной. Въ немъ открыты черепки двухъ горшковъ и точильный брусокъ, а также и слабые остатки кальцинированныхъ человѣческихъ костей. Надъ слоємъ кострища шель тонкій ($1-1\frac{1}{2}$ в.) слой сѣроватаго песку, а выше, подъ дерномъ

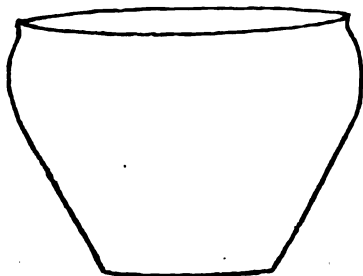

Рис. 29. Глиняный горшокъ изъ кургана № 66.

уже, залегалъ желтый песокъ. Горшки, судя по собраннымъ черепкамъ, были, по-видимому, одного типа и различались лишь размѣрами, т. е. одинъ былъ больше, а другой меньше; оба съ широко расходящимися боками, слабо выраженными плечами и почти вертикальнымъ отгибомъ верхняго края. Горшокъ большихъ размѣровъ см. на рис. 29. Промѣры черепковъ дали: диаметръ дна — меньшаго горшка 6,5 см. и большаго—11 см., широкой части боковъ—меньшаго 18 см. и большаго—28 см., горлышка—меньшаго 12 см. и большаго около 23 см.; толщина обоихъ почти одинакова: дно 8—9 мм. и бока 5—7 мм. Высота осталась недостаточно выясненной, такъ какъ собрать всѣ черепки, растащенные корнями деревьевъ, не удалось. Горшки сдѣланы на гончарномъ станкѣ изъ мѣстной сѣросиней глины, плохо отмученной, но хорошо обожженной. Точильный брусокъ — изъ мѣстнаго силлурийскаго песчаника—прямоугольной формы, одинъ конецъ обломанъ, слѣды обточки примѣтны на всѣхъ четырехъ боковыхъ граняхъ. Его размѣры: длина 8 см., ширина 3,5 см. и толщина 2,5 см. По внутреннему устройству этотъ курганъ такой же, какъ представленный на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 67 (№ 18 на рис. 8) стоитъ на S скатѣ старой вы-

сокой дюны, покрытой рѣдкимъ краснолѣсьемъ. На SO отъ него, въ 10 шагахъ удлиненный курганъ № 17. Покрываетъ густой травой; на O скатѣ двѣ молодыя елки. Основаніе квадратное съ закругленными углами; вершинка такая-же, съ выемкою и со сползаніемъ на NW. Вокругъ подошвы ровикъ, съ перешейкомъ только съ одной стороны (входъ). По внѣшности курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 арш., сторона вершинки 3 арш., кривая образующая 9 арш., высота 7 верш., ширина ровика 2 арш., глубина его 5—8 верш., и длина перешейка 5 арш. Пробная яма, къ W, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 4—6 верш. и ниже желтый песокъ. Раскопанъ послойно по всей насыпи. Валикъ насыпанъ изъ перекиданной земли ровика. Подъ дерномъ желтый песокъ, ниже легкій прослойкъ ($1—1\frac{1}{2}$ вершка) сѣроватаго песку, а на уровнѣ земли, по всему основанію, присыпка ($1—2$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. На ней въ среднѣй слой ($2—3$ в. толщиною) угле-пепла отъ костра изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. По сторонамъ костеръ былъ обложенъ сосновыми бревнами длиною въ 4 арш., толщиною въ $2—3$ верш.; уголь, оставшійся отъ нихъ, лежитъ квадратомъ, стороны котораго параллельны сторонамъ основанія насыпи. Присыпка подъ костромъ сильно обожжена. Въ кострѣ найдены въ небольшомъ количествѣ кальцинированныя человѣческія кости и обугленныя, изогнутыя полоски бересты отъ небольшой плетенки, въ которой, видимо, находились остатки трупосоженія. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 68 (№ 20 на рис. 8) на той же покатости и дюнѣ, какъ и предыдущій, нѣсколько далѣе къ O, въ 12 ш. къ NW отъ удлиненнаго кургана № 19. На SO склонѣ его молодая елка. Покрываетъ густой травой. По формѣ квадратный съ закругленными углами, со впадиной на верху и сползаніемъ на NO. У подошвы съ трехъ сторонъ насыпи по ровику, а съ четвертой былъ, видимо, какъ-бы входъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ съ уклоненіемъ на 10^0 отъ N къ O углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: длина стороны основанія 6 ар., длина стороны вершинки 3 ар., кривая образующая 8 арш., высота 7 вер., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ 6 в.—1 ар. (съ SW) и длина перешейковъ: W и S $2—3$ ар., а NO 8 ар. Пробная яма, къ O, дала то же, что и у кургана № 67. Раскопанъ послойно по всей насыпи. Земля валика шириною въ $1—1\frac{1}{2}$ ар. оказалась перевернутой землею изъ ровиковъ. Подъ дерномъ вершинки желтый песокъ, ниже его лег-

*

кій прослоекъ (1 в.) сѣроватаго песку. На уровнѣ земли присыпка (1—1¹/₂ верш.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части ея округленный (1¹/₂ арш. въ діаметрѣ) костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ; слой кострища толщиною въ 2—3 вер. Присыпка подъ нимъ обожжена. Среди него найдены остатки кальцинированныхъ человѣческихъ костей и обгорѣвшія, изогнутыя, полоски бересты отъ небольшой плетенки, которая, видимо, заключала въ себѣ остатки трупосожженія. По внутреннему устройству курганъ того же типа, какъ изображенный на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганы правобережья Кузьмина ручья по дорогѣ изъ Старой Сѣнницы въ Новую Сѣнницу.

Курганъ № 69 (№ 10 на рис. 9) къ NW отъ Новой Сѣнницы, на W скатѣ одной изъ вершинокъ старой дюны, въ 9 шагахъ къ SW отъ удлиненнаго кургана № 11. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. Растительный покровъ выгорѣлъ весною 1908 г. Въ основаніи квадратный съ закругленными углами; вершинка такая-же, безъ выемки въ срединѣ. У подошвы съ каждой стороны по отдѣльному ровику. По внѣшнему виду курганъ, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ сторонами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: длина стороны основанія 8 ар., длина стороны вершинки 4 ар., кривая образующая 11 арш., высота 8 вершк., ширина ровиковъ 2—3 арш., глубина ихъ 6—9 верш. и длина перешейковъ 2—3 арш. Пробная яма, къ NW, дала растительный слой 1 в., сѣроватый песокъ 3—4 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послышной съемкой всей насыпи. Земля насыпи оказалась перевернутой землею изъ ровиковъ. На уровнѣ земли присыпка (1¹/₂—2 в.) изъ крупнаго бѣлаго песку, въ центрѣ ея округленный (діаметръ 1 ар. 3 в.) костеръ изъ еловыхъ, сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, угле-пепелъ котораго лежалъ слоемъ до 2 вершковъ толщиною. Присыпка подъ нимъ обожжена. Вокругъ костра квадратное обложеніе, параллельно сторонамъ кургана, углевыми бревнами (сосновыми) длиною въ 4 ар. и толщиною въ 2—3¹/₂ вершка. Внутри костра обнаружены кальцинированныя человѣческія кости и обугленные, скрученныя, полоски бересты отъ небольшой плетенки. Выше кострища лежалъ слой (1 в.) сѣроватаго песку, а надъ нимъ до дерна шель желтый песокъ. По внутреннему устройству курганъ того же типа, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 70 (№ 6 на рис. 9) на N скатѣ вершинки старой дюны, на которой находится Новая Сѣнница, въ 11 шагахъ къ SW отъ удлиненнаго кургана № 7. Растительный покровъ выгорѣлъ при пожарѣ 1907 г. Основаніе кургана квадратное съ округленными углами;

вершинка такая-же, съ выемкой въ срединѣ и со скатомъ къ W (входъ). У подошвы три отдѣльныхъ ровика. По внѣшнему виду курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта съ уклоненіемъ въ 10° отъ N къ O. Размѣры: длина стороны основанія 7 арш., длина стороны вершинки 3 ар., кривая образующая 12 ар., высота 12 вер., ширина ровиковъ 2—3 ар., глубина ихъ 8—12 вер., длина перешейковъ: NNW 4 ар., OOS 5 ар. и SW 3 ар., ширина входа (съ W угла) 2 арш. Пробная яма дала то-же, что и у кургана № 69. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Валикъ, шириной въ $1\frac{1}{2}$ арш., состоитъ изъ перевернутыхъ слоевъ земли изъ ровиковъ. На уровнѣ земли присыпка (2—3 верш.) изъ крупнаго бѣлаго песку по всей площади кургана. Въ центральной части ея округлый (діаметръ $1\frac{1}{2}$ ар.) слой въ 2—3 в. толщиной отъ костра изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевелевыхъ вѣтокъ. Кругомъ квадратное, параллельное сторонамъ кургана, обложеніе изъ углевыхъ сосновыхъ бревень длиною въ 4 ар. 5 в. и толщиной въ 3—4 вер. Выше тонкая ($1\frac{1}{2}$ вер.) прослойка сѣроватаго песку. Еще выше, подъ дерномъ вершинки, желтый песокъ. Въ кострѣ обнаружены обугленные и покоробленные полоски берестовой плетенки, а среди нихъ кальцинированные человѣческія кости и костяной съ фіолетово-зеленой окраскою порошокъ. Внѣ костра, но непосредственно подлѣ него, встрѣчались обугленные кости животныхъ. По внутреннему устройству курганъ того же типа, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 71 (№ 12 на рис. 9) къ O отъ кургана № 68 на W отлогости вершинки старой дюны, въ 22 шагахъ къ SO отъ удлиненнаго кургана № 11. Поросъ молодыми сосенками. Растительный покровъ уничтоженъ пожаромъ 1908 г. Основаніе квадратное съ округленными углами; вершинка такая-же, плоская и съ легкимъ уклономъ на NW. У подошвы три ровика (NWW, S, OON). По внѣшности курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 12 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ 6—10 в. и длина перешейковъ: N 6 ар., OOS 3 ар. и SW 3 ар. Пробная яма, къ W, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 2—2 в., желтый песокъ 8—10 в. и, ниже, красновато-желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Насыпь по объему отвѣчаетъ выемкѣ ровиковъ и слою насыпи расположены въ порядкѣ обратномъ тому, какъ лежали они прежде въ ровикахъ. На уровнѣ земли, по всей площади основанія,

присыпка (1—1^{1/2} в.) изъ бѣлаго крупнаго песку. Въ центрѣ ея квадратный костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевелевыхъ вѣтокъ, по 2 аршина въ каждой сторонѣ. Присыпка подъ нимъ сильно обожжена. Въ серединѣ костра, окутанные его угле-пепломъ, находились узкія берестовыя полоски отъ небольшой плетенки, отчасти обугленные и изогнутыя, кальцинированныя человѣческія кости (немного) и костяной порошокъ, окрасившійся въ фіолетово-зеленый цвѣтъ. Въ общемъ, по внутреннему устройству, курганъ этотъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 72 (№ 24 на рис. 9) въ сѣдловинкѣ между двухъ высокихъ бугровъ старой дюны, въ 13 шагахъ къ О отъ удлиненнаго кургана № 15. Рѣдкій лѣсъ. Растительный покровъ весь выгорѣлъ при пожарѣ 1908 г. Курганъ квадратный съ округленными углами. Вершинка плоская, въ центрѣ слегка углубленная. У подошвы по ровику на каждой сторонѣ, а на углахъ по перешейку. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 12 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ 2—3 ар., глубина ихъ 8—12 вер. и длина перешейковъ 3—4 ар. Пробная яма, къ SW, дала растительный слой 1—1^{1/2} в., сѣрый песокъ 1^{1/2}—2 в., желтый песокъ 6—7 в. и, ниже, красноватый крупный песокъ. Раскопанъ послыной съемкой всей насыпи. Насыпь изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли присыпка (1^{1/2}—2 в.) изъ бѣловатаго крупнаго песку. На ней въ срединѣ круглый (діаметръ 1 ар. 4 в.) костеръ. Угли его преимущественно сосновые и еловые. Вокругъ квадратное обложеніе изъ углевыхъ сосновыхъ бревенъ, длиною 4^{1/2} ар. и толщиною 3—4 в., расположенныхъ параллельно сторонамъ кургана. Вершка за два до костра въ срединѣ, между бревнами NW и SO сторонъ, лежали съ промежутками въ 1 арш. 4 в. два углевыхъ бревна, поперекъ которыхъ положены обугленные вѣтки сосновыя, еловыя и можжевелевыя. Среди кострища найдены узкія берестовыя полоски отъ небольшой плетенки, кальцинированныя человѣческія кости и костяной порошокъ съ фіолетовою окраской. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ изображенный на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 73 (21 на рис. 9) на О скатѣ вершинки старой дюны, вблизи Старой Сѣнницы, въ 14 шагахъ на SW отъ удлиненнаго кургана № 22. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. По отлогостямъ и въ ровикахъ старыя сосны. Курганъ квадратный съ округленными углами,

вершинка такая-же, съ выемкою въ срединѣ. У основанія каждой стороны по ровику, на углахъ по перешейку. По внѣшности курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ курганъ почти точно углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Промѣры: сторона основанія 6 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 9 ар., высота 8 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ —2 ар., глубина ихъ 5—9 в. и длина перешейковъ 3—4 ар. Пробная яма, къ NO, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 2 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Насыпь изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли присыпка ($1\frac{1}{2}$ —2 в.) изъ бѣловатаго крупнаго песку. Посерединѣ ея квадратный (по 2 арш.), ориентированный такъ же, какъ и весь курганъ, костеръ изъ сосновыхъ вѣтокъ. Присыпка подъ нимъ сильно обожжена. Въ срединѣ его найдены кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ съ фіолетово-зеленой окраскою и обугленные и изогнутыя узкія полоски берестовой плетенки. По внутреннему устройству курганъ того же типа, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганы по дорогѣ отъ ручья Кузьмина къ деревнѣ Черная Вычка.

Курганъ № 74 (№ 4 на рис. 7) находится на плоской и обширной вершинѣ старой дюны, поросшей вѣковымъ краснолѣсьемъ. Въ 25 шагахъ на NO отъ него удлинненный курганъ № 3. Курганъ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на SW. У подошвы съ трехъ сторонъ сплошной ровикъ, а съ четвертой (SW) перешеекъ. Курганъ поросъ плотнымъ зеленымъ ковромъ. На O углу вершинки старая сосна, рядомъ съ нею пень вѣковой сосны. По внѣшности курганъ того же типа, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами почти точно по главнымъ сторонамъ горизонта. Промѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 11 ар., ширина ровика 2—3 ар., глубина его 4—9 в., длина перешейка 7 ар. Пробная яма, вырытая на SO, дала растительный слой 1— $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ $1\frac{1}{2}$ —2 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Насыпь состояла изъ перевернутой земли отъ ровика. На уровнѣ земли присыпка ($1\frac{1}{2}$ —2 в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку. По срединѣ ея круглый (діаметръ $1\frac{1}{2}$ —2 ар.) костеръ изъ сосновыхъ вѣтокъ. Присыпка подъ нимъ обожжена. Въ срединѣ костра, въ его угле-пеплѣ, открыты кальцинированныя человѣческія кости, узкія полоски, частью обугленные и частью изогнутыя, бересты отъ плетенки и костяной по-

рошокъ, пропитавшійся фіолетово-зеленой окраскою. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 75 (№ 26 на рис. 7) на плоскомъ скатѣ старой дюны, въ рѣдкомъ краснотлѣсьи. Въ 14 шагахъ на SO находится удлиненный курганъ. На O и W отлогостяхъ по двѣ вѣсковыя сосны. Курганъ покрытъ жидкимъ растительнымъ ковромъ, въ которомъ преобладаетъ сѣрый мохъ и верескъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такяя же, въ центрѣ ея выемка глубиною до 4 в. У подошвы сторонъ по ровику, на углахъ насыпи по перешейку. По вѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 7 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 9 ар., высота 11 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ —2 ар., глубина ихъ 6—10 в. и длина перешейковъ: W 6 ар., N $1\frac{1}{2}$ ар., O 3 ар. и SSO 6 ар. Пробная яма, къ W, дала растительный слой 1 в., сѣрый песокъ $1\frac{1}{2}$ —2 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послонной съемкой всей насыпи. Насыпь изъ перевернутой земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли, по всей площади, присыпка ($1\frac{1}{2}$ —2 в.) изъ бѣлаго крупнаго песку. На ней, въ срединѣ, квадратный (стороны по 1 ар. 2 в.) костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. На немъ сверху, въ видѣ наката, четыре углевыхъ сосновыхъ бревна, около 3 ар. длиною и 2—3 вершковъ толщиною, лежавшія съ NO на SW на разстояніи 6—8 верш.

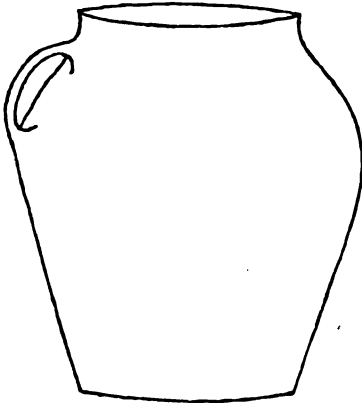

Рис. 30. Глиняный горшокъ изъ кургана № 75.

одно отъ другаго, а на нихъ углевая вѣтки: сосновыя, еловыя и можжевеловыя. Въ угле-пеплѣ костра открыты сначала черныя черепки, потомъ розоватыя черепки и среди послѣднихъ кальцинированныя человѣческія кости и костяной порошокъ, пропитанный фіолетово-зеленой окраской. По окраинамъ костра находились пережженныя кости животныхъ. Черепки принадлежали двумъ сосудамъ: розовые—узкому и высокому горшку съ ушкомъ, а черныя—подобному же горшку пошире и выше. Отгибы верхняго края у обоихъ вертикальныя съ легкимъ утолщеніемъ наружу; плечи выражены слабо. Второй (черный) сосудъ изображенъ на рис. 30. Ихъ размѣры: діаметръ отверстія горлышка у розоваго 8 см. и у чернаго 14 см., діаметръ боковыхъ стѣнокъ 18 см.

и 25 см., діаметръ дна 10 см. и 15 см., длина ручки 8—9 см. и 11—12 см., ширина ея 3,5 см. и 4 см., толщина ея 1,5 см. и 1,75 см., толщина стѣнокъ 8 м.м. и 9 м.м., толщина дна 8,5 м.м. и 12 м.м. Высота ни одного изъ сосудовъ точно не выяснена, такъ какъ черепки, растащенные корнями деревьевъ, найдены не всѣ. Матеріаль розоваго горшка—сѣрая глина, чернаго—синяя; объ мѣстнаго происхожденія и плохо отмученныя. Сосуды изготовлены на гончарномъ станкѣ. Обжигъ ихъ удовлетворительный. Назначеніе ихъ было, видимо, такое: въ розовомъ, поставленномъ на дно костра, находились остатки трупосожженія, а черныи, будучи опрокинутъ вверхъ дномъ, прикрывалъ первый. По внутреннему устройству курганъ этотъ такой же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 76 (№ 35 на рис. 7) на плоскомъ скатѣ вершины обширной старой дюны, въ рѣдкомъ краснолѣсьи, въ 18 шагахъ на NO отъ удлиненнаго кургана № 30. Покрываетъ жидкимъ дерномъ и поросъ сѣрымъ мхомъ, верескомъ и канаберникомъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ выемкой въ центрѣ и со скатомъ на NO. У основанія два ровика (W—N и SW—SO), прерывающіеся двумя перешейками (WWS и N—OOS). По внѣшнему устройству курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ почти точно углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 7 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 11 ар., высота 8 в., ширина ровиковъ 1¹/₂—2¹/₂ ар., глубина ихъ 4—8 в. и длина перешейковъ—WWS 2 ар. и N—OOS 12 ар. Пробная яма, къ SW, дала растительный слой 1¹/₂ в., сѣрый песокъ 4—5 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойно по всей насыпи. Послѣдняя—изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли присыпка (1—1¹/₂ в.) изъ крупнаго желтаго песку, по всей площади основанія. Въ центральной части присыпки квадратный (около 1 арш. по сторонѣ), ориентированный такъ же, какъ и весь курганъ, костеръ. Присыпка подъ нимъ обожжена. Въ угле-пеплѣ его открыты кальцинированныя человѣческія кости, узкія полоски березовой небольшой плетенки и костяной порошокъ, пропитавшійся фіолетово-зеленой окраскою. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 77 (№ 40 на рис. 7) на плоскомъ скатѣ вершины обширной старой дюны, въ рѣдкомъ краснолѣсьи, въ 28 шагахъ на NO отъ удлиненнаго кургана № 39. Покрываетъ жидкимъ дерномъ и поросъ сѣрымъ мхомъ, канаберникомъ и верескомъ. На SO отлогости

его вѣковая сосна. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на SO. Съ трехъ сторонъ основанія по ровику. На двухъ углахъ (N и W) и съ SO стороны по перешейку. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 12 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ 2—3 ар., глубина ихъ 6—9 в. и длина перешейковъ: N 4 ар., N 6 ар. и SO 8 ар. Явственный входъ съ SO, шириною въ 2 ар. Пробная яма, къ SO, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 3—5 в. и, ниже, желтый песокъ съ галькою. Раскопка производилась послыно по всей насыпи. Послѣдняя состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На площади основанія присыпка ($1—1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. На ней, въ серединѣ, квадратный (въ 1 ар. 6 в. по сторонамъ), ориентированный такъ же, какъ и весь курганъ, костеръ изъ сосновыхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка обожжена. Въ угле-печахъ костра обнаружены кальцинированныя кости человѣка, узкія полоски отъ берестовой плетенки и костяной порошокъ, пропитанный фіолетово-зеленою окраскою, а также осколокъ (видимо половина) бруска изъ силлурійскаго песчаника. Длина осколка 14 см., ширина 5,5—7 см. и толщина 4—5 см.; къ концу онъ суженъ и сточенъ по сторонамъ длинныхъ граней. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 78 (№ 43 на рис. 7) къ NO отъ предыдущаго кургана; на той же дюнѣ и около него, въ 15 шагахъ, на SO находится большой круглый курганъ. По формѣ—круглый; вершинка, 4—5 арш. въ діаметрѣ, такая же, съ выемкой въ центрѣ и со скатомъ на S. На опушкѣ лѣса (болотистой низины между дюнь). Покрываетъ жидкимъ растительнымъ ковромъ, въ которомъ преобладаютъ сѣрый мохъ и верескъ. У основанія три ровика (N, OOS и WWS), раздѣленные тремя перешейками. По внѣшности курганъ такой же, какъ на рис. 18 отчета 1906 г. Размѣры: окружность основанія 35 ар., окружность вершинки 20 ар., кривая образующая 12 ар., высота 12 в., ширина ровиковъ 3—4 ар., глубина ихъ $1—1\frac{1}{2}$ арш. и длина перешейковъ 6—7 арш. Пробная яма, вырытая на S, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 3—4 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ круглымъ колодецемъ, шириной во всю площадь вершинки. Насыпь составляли перевернутые слои земли, выкиданной изъ ровиковъ. На уровнѣ земли присыпка ($1\frac{1}{2}$ —2 в.) изъ бѣлаго крупнаго песку. Въ серединѣ ея лежали (N—S и

W—O, поочередно) въ 2—3 ряда углевья сосновыя и еловыя (длиною въ 4 ар. и толщиною въ 3—4 в.) бревна костра. Подъ нимъ присыпка сильно обожжена. На этихъ бревнахъ находились угли и пепель сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, среди которыхъ усмотрѣны слабыя признаки пережженного костяного порошка. Выше лежали конекъ и два боковыхъ лежня, всѣ сосновые, длиною около 4 ар. и толщиною въ 3—4 в., имѣвшіе NS направленіе. Отъ конька въ стороны (на W и O) шли, поверхъ конька и лежней, углевья (сосновыя, длиною въ 2—2¹/₂ ар., толщиною въ 2—4 дм.) накладки двускатной крыши. По внутреннему устройству курганъ въ общемъ сходенъ съ курганомъ, изображеннымъ на рис. 11 отчета 1907 г.

Курганъ № 79 (№ 53 на рис. 7) на плоскомъ скатѣ обширной вершины старой дюны. Въ 5 шагахъ отъ него на SW удлинненный курганъ № 52. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. Покрываетъ мелкимъ соснякомъ. Жидкій растительный коверъ: преобладаютъ сѣрый мохъ и верескъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ легкою выемкой и со скатомъ на SW. У подошвы четыре ровика (NW, NO, SO и WWS) съ четырьмя перешейками. По вѣдности курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 9 ар., сторона вершинки 5 ар., кривая образующая 13 ар., высота 15 в., ширина ровиковъ 1¹/₂—2 ар., глубина ихъ 10 в.—1 ар. и длина перешейковъ: N, W и O по 3 ар. и SSW 5 ар. Явственный входъ со стороны SW, шириною въ 2 ар. Пробная яма, къ SO, дала растительный слой 2—3 в., сѣроватый песокъ 1¹/₂—2 в. и, ниже, желтый песокъ съ желтоватою глиною. Раскопанъ послойно по всей насыпи. Составъ послѣдней—перевернутые слои земли изъ ровиковъ. На уровнѣ земли присыпка (1—1¹/₂ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. На ней, въ центральной части, округленный (поперечникъ 1—1¹/₂ ар.) костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Съ NW и SO сторонъ два сосновыхъ углевыхъ бревна длиною около 4 ар., толщиною въ 3—4 в., въ разстояніи 3¹/₂ ар. одно отъ другого. Въ угле-пеплѣ костра открыты кальцинированныя человѣческія кости, узкія обугленные и изогнутыя берестовыя полоски небольшой плетенки и костяной порошокъ, пропитанный, фіолетово-зеленой окраскою. Поверхъ костра какъ-бы накатъ изъ нѣсколькихъ углевыхъ сосновыхъ бревенъ, длиною около 4 ар. и толщиною 2—3 в., заваленныхъ сверху сосновыми, еловыми и можжевеловыми вѣтками, которыя обуглились. Въ общемъ курганъ, по внутреннему устройству, подобенъ рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 80 (№ 109 на рис. 7) на обширной вершинкѣ старой дюны правобережья р. Черной. Кругомъ—поляны и рощи краснолѣсья и бѣлоглѣсья. На SW, въ 20 шагахъ, удлиненный курганъ № 108. Поросъ молодымъ елками, березками и соснами. Плотный растительный коверъ составляютъ луговые травы, верескъ, голубика и сѣрый мохъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ выемкой въ центрѣ и со скатомъ на SW. Со всѣхъ четырехъ сторонъ кургана по ровику, а по угламъ насыпи перешейки. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 7 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 10 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ 2—3 ар., глубина ихъ 6—9 в. и длина перешейковъ 2—3 ар. Пробная яма, къ NO, дала растительный слой 2 в., свѣтло-коричневый песокъ 4—5 в. и, ниже, желтый песокъ съ желтой глиной. Раскопка производилась послойно по всей насыпи. Насыпь составлена изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли по всей площади основанія присыпка ($1\frac{1}{2}$ —2 в.) изъ бѣлаго крупнаго песку. Въ центральной части ея квадратный, 1 ар. 3 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. На NW и SO по углевому сосновому бревну, длиною 3 ар. 9—12 в., толщиною въ 2—3 вер., отъ обложенія костра, съ промежутками между ними около 4 ар. Поверхъ костра два подобныхъ же углевыхъ бревна, лежавшія также, какъ и тѣ, а на нихъ обугленные сосновыя и еловыя вѣтки. Въ кострѣ оказались кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ, пропитанный фіолетово-зеленой окраскою, и изогнутыя полоски бересты отъ небольшой плетенки. По внутреннему устройству курганъ, въ общемъ, таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 81 (№ 61 на рис. 7) за болотистой долиной, на O отъ кургана № 79, на плоской покатости обширной старой дюны, въ 4 шагахъ на S отъ удлиненаго кургана № 66. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. Съ краю вершинки вѣковая сосна. Покрываетъ жидкимъ растительнымъ ковромъ, преимущественно сѣрымъ мохомъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ легкою выемкой. У основанія четыре ровика (W, S, OON, NO) и столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ сторонами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 10 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ —3 ар., глубина ихъ 6—10 в. и длина перешейковъ: SO 4 ар., NO 2 ар., N

6 ар. и SW 4 ар. Пробная яма, къ S, дала растительный слой 1—1^{1/2} в., сѣрый песокъ 3—4 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопка производилась послойно по всей насыпи. Насыпь состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли, по всей площади основанія, присыпка (1—1^{1/2} в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части ея обнаруженъ квадратный (въ сторонѣ 1 ар. 2 в.) костеръ изъ еловыхъ, сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Присыпка подъ нимъ сильно обожжена. Въ серединѣ костра открыты кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ съ фіолетово-зеленою окраскою, среди порошка овальный мѣдный предметъ и узкія полоски берестовой плетенки. Въ костра у самаго южнаго края его найдены кальцинированныя косточки птицъ. Овальный предметъ изображенъ на рис. 31. Его размѣры: большая ось овала 28 м.м., меньшая 24 м.м., высота 12 м.м., высота зазубренной части 6 м.м., ширина основанія зубчиковъ 4 м.м., высота ихъ 3 м.м., длина овальнаго отверстія 10—11 м.м., ширина его 8—9 м.м., ширина закраины (со стороны выпуклости) 3 м.м., длина вогнутыхъ треугольниковъ (съ округленными углами) 8 м.м. и ширина ихъ 2—3 м.м. Снаружи, по низу зазубренной части, какъ-бы охватывающая узкая ленточка, шириною въ 2 м.м. Съ выпуклой стороны, гдѣ овальное отверстіе, предметъ погнуть и часть его выкрошилась. Со стороны зазубренной части тоже овальное, но большое отверстіе (25 м.м.×21 м.м.). Зубцы эти загнуты внутрь такимъ образомъ, что при помощи ихъ что-то, видимо, задерживалось внутри большаго овальнаго отверстія. Матеріаль—мѣдь. Способъ обработки—литье или штамповка; зазубрины вырѣзаны отъ руки; скрѣпляющая лента наложена въ сплюсненномъ видѣ. Назначеніе предмета остается невыясненнымъ. Загибъ зубцовъ внутрь даетъ основаніе къ предположенію, что онѣ держали какую либо вставку, погибшую въ огнѣ безслѣдно (напр. янтарную или стеклянную); тогда предметъ являлся бы украшеніемъ. Можно допускать однако, и это вѣроятнѣе, что предметъ являлся верхней частью ножа или кинжала и утерянъ, быть можетъ, случайно. Назначеніе малаго овальнаго отверстія остается тоже не въ достаточной мѣрѣ выясненнымъ и возможно, что въ этомъ мѣстѣ находилось кольцо, или что либо иное, для прикрѣпленія украшенія или же проходилъ, расклепанный сверху, верхній конецъ хвоста ножа или меча. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

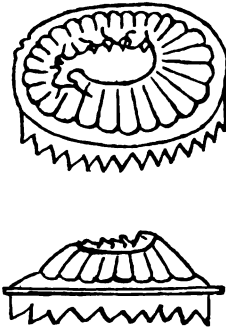

Рис. 31. Мѣдный предметъ изъ кургана № 81.

Курганъ № 82 (№ 111 на рис. 7) на одной дюнѣ съ курганомъ № 75, но южнѣ послѣдняго; въ 4 шагахъ къ SW отъ удлиненаго кургана № 21. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. Поросъ сѣрымъ мхомъ и верескомъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на NO. У основанія пять ровиковъ (NNW, NNO, OON, OOS, SW) и между ними столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ курганъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размеры: сторона основанія 7 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 10 ар., высота 8 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ —2 ар., глубина ихъ 8—10 вер. и длина перешейковъ: N $1\frac{1}{2}$ ар., NO 3 ар., O 2 ар., SSO 3 ар. и W 4 ар. Явственный входъ съ NO, шириною 2 ар. Пробная яма, къ NW, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ —2 в., сѣрый песокъ 5—6 в., ниже шель желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Насыпь состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли, взятой изъ ровиковъ. На поверхности земли находилась присыпка (1 — $1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части ея квадратный, 1 ар. 4 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка обожжена. Въ кострѣ найдены кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ фіолетово-зеленаго цвѣта и исковерканныя жаромъ огня узкія полоски небольшой берестовой плетенки. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганы дороги изъ д. Дыбунъ къ Кузьмина ручью.

Курганъ № 83 (№ 46 на рис. 7 отчета 1907 г.) на плоской и обширной старой дюнѣ, составляющей часть лѣвобережья ручья Кузьмина. Въ 7 шагахъ на SO отъ него удлинены курганъ № 45. Опушка краснолѣсья долины Кузьмина ручья. На отлогостяхъ кургана двѣ молодыя сосны. Поросъ сѣрымъ мхомъ и верескомъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на SW. У основанія по ровику съ каждой изъ четырехъ сторонъ; на углахъ по перешейку. По внѣшности курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размеры: сторона основанія 7 ар., сторона вершинки $3\frac{1}{2}$ ар., кривая образующая 11 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ 7—9 в. и длина перешейковъ: N 7 ар., O 6 ар., S 4 ар. и W 2 ар. Явственный входъ въ насыпь съ SW, шириною въ $2\frac{1}{2}$ ар. Пробная яма, къ NO, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣроватый песокъ 4—6 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Земля насыпи представляла перевернутые слои земли, взятой изъ

ровиковъ. На уровнѣ земли, во всю площадь основанія, находилась присыпка (1—2 в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. На ней, въ центральной части, квадратный, 1 ар. 4 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка обожжена. Въ угле-пеплѣ костра открыли плетеную изъ берестовыхъ полосокъ, квадратной формы, покрывку, подъ которой находился небольшой кузовокъ изъ бересты же, наполненный кальцинированными человѣческими костями и костянымъ порошкомъ фіолетово-зеленаго цвѣта, а подлѣ кузовка, съ SW стороны, кальцинированныя косточки птицъ и скрюченный отъ огня и поломанный ножъ-коса. Берестовая покрывка, изображенная на рис. 32, представляла рядъ берестовыхъ полосокъ, переплетенныхъ крестообразно.

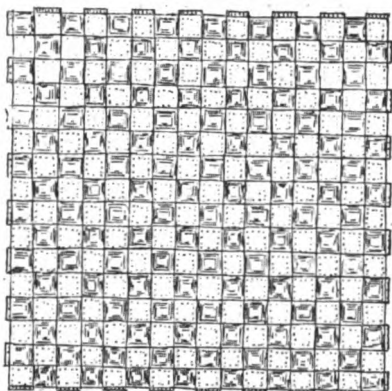

Рис. 32. Берестовая покрывка изъ кургана № 83.

Рис. 33. Ножъ-коса изъ кургана № 83.

Края ихъ подогнуты и впущены подъ сосѣдную ленту. Какъ ни тщательно вынималась покрывка и какія ни принимались мѣры къ ея сохраненію, она, будучи положена для просушки, вся распалась; отдѣльные клочки ея покоробились и раскрошились, а черезъ какіе нибудь полчаса отъ покрывки остался одинъ порошокъ. Размѣры ея: сторона квадрата 35—36 см., ширина лентъ 2 см. и толщина ихъ 1—2 м.м. Берестовый кузовокъ вполне аналогиченъ съ таковымъ же на рис. 28 изъ кургана 64. Онъ отличается нѣсколько отъ того лишь размѣрами; а именно: длина 14 см., ширина 10 см. и высота 9 см., полоски же по ширинѣ таковы же, какъ и у кузовка изъ кургана № 64. Къ сожалѣнію, и кузовокъ, будучи вынутъ, распался и превратился въ порошокъ. Ножъ-коса представленъ на рис. 33. Отъ огня его скрючило, изогнуло, повело, а мѣстами перегорѣло и желѣзо (характерная окалина). Клинокъ тонкій, лезвіе прямолинейное, остріе на концѣ загнуто, обухъ дугообразный, утолщеніе обуха одностороннее; отступа на 9 см. отъ острія,

обухъ принимаетъ квадратное сѣченіе, наклоненное въ одну сторону клинка; дальше квадратный обухъ оторванъ отъ пластины клинка и изогнутъ вверхъ. Этотъ ножъ-коса, видимо, имѣлъ ручку, въ которую входила пластина клинка и скрѣплялась съ рукою гвоздями, такъ какъ на краю отлома клинка имѣется квадратное отверстіе. Квадратный обухъ, вѣроятно, утапливался сверху въ ручку. Размѣры: длина сохранившейся части 17,5 см., длина квадратной части обуха 21,5 см., ширина клинка близъ острія 2 м.м., на высшемъ подъемѣ дуги обуха 33 м.м., со стороны ручки 28 м.м., толщина обуха близъ острія 1 м.м. и передъ переходомъ въ квадратное сѣченіе 4 м.м., и сторона квадратнаго сѣченія обуха 5—6 м.м. Вообще обработка грубая, а самъ клинокъ выдѣланъ тонкимъ весьма искусно. По внутреннему устройству курганъ этотъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 84 (№ 21 на рис. 7 отчета 1907 г.) на покатоности обширной старой дюны, почти посрединѣ группы. Въ 11 шагахъ отъ него къ SO удлиненный курганъ № 19. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. По отлогостямъ кургана старыя сосны. Покрываетъ зеленымъ ковромъ луговой травы, верескомъ и сѣрымъ мхомъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на SW. У основанія насыпи четыре ровика (WWN, OON, SO, SW) и столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 12 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ ар.,—2 ар. 5 в., глубина ихъ 6 в.—1 ар. 4 в. и длина перешейковъ: N 7 ар., OOS 2 ар., S 4 ар. и W 3 ар. Пробная яма, вырытая на NO, дала растительный слой 1 в., сѣрый песокъ $2\frac{1}{2}$ в., желтый песокъ 3—4 в. и ниже красноватый крупный песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Насыпь составили перевернутые слои земли изъ ровиковъ. На уровнѣ земли находилась присыпка (1— $1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центрѣ ея располагался квадратный костеръ, 1 ар. 2—4 в. по сторонамъ, изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка обожжена. Среди угле-пепла костра найдены кальцинированныя человѣческія кости и узкія полоски берестовой плетенки. По внутреннему устройству курганъ такой же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 85 расположенъ въ 4 шагахъ къ SO отъ удлиненаго кургана, обозначеннаго № 24 на рис. 7 отчета 1907 г., по SW скату крупной и обширной старой дюны. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. Въ

25—30 шагахъ къ W болотистая сѣдловка. На скатахъ насыпи двѣ старыя сосны. Покрѣтъ рѣдкимъ зеленымъ ковромъ травы, сѣраго мха и вереска. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, съ овальною и глубокою, въ 6 вершковъ, выемкой, направленной съ N на S, по діагонали площадки. У подошвы насыпи два ровика (WWN—W—WWS, O) и столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ, съ уклоненіемъ на 10° отъ N къ O, углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 7 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 10 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ 1—2¹/₂ ар., глубина ихъ 7—10 в. и длина перешейковъ: N—NNO 7 ар. и S—SSO 6 ар. Пробная яма, съ SW, дала растительный слой 1—1¹/₂ в., сѣрый песокъ 2—3 в., желтый песокъ 4 в. и, ниже, крупный красноватый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи. Валикъ и остальные части насыпи оказались составленными изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Выемка, видимо, позднѣйшаго происхожденія: либо кладонскательская, либо сдѣланная съ иными какими либо цѣлями; выброшенная изъ нея земля найдена по сторонамъ овала выемки. На уровнѣ земли замѣчена присыпка (1—2 в.) изъ бѣловатаго песку. Въ центрѣ присыпки округленный, діаметромъ 1 ар. 5 вер., костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ, верхняя часть котораго обнажена и выброшена при копаніи выемки. Присыпка подъ костромъ обожжена. Въ серединѣ костра открыты были кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ съ зеленою окраской и подъ ними разрушившаяся берестовая плетенка (длина 9 см., ширина 6 см. и высота 5 см.), которая, когда ее извлекли изъ земли, превратилась въ порошокъ. По внутреннему устройству курганъ въ общемъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 86 расположенъ на NO, въ 16 шагахъ отъ удлиненнаго кургана, означеннаго № 24 на рис. 7 отчета 1907 г. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. Растительный коверъ уничтоженъ недавнимъ лѣснымъ пожаромъ. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со входомъ съ S. У подошвы, съ трехъ сторонъ насыпи, два ровика (W—N и O), прерванные на NO перешейкомъ, и съ S перешейкомъ входа. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 10 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ 1¹/₂—3 ар., глубина ихъ 4—9 в. и длина перешейковъ: NO 3 ар. и S 8 ар. Ши-

рина входа около $2\frac{1}{2}$ ар. Пробная яма, съ О, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 1 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи. Насыпь изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли, занимая все основаніе кургана, находилась присыпка (1—2 в.) изъ бѣловатаго песку. Почти въ центрѣ, съ отступленіемъ на $\frac{1}{2}$ ар. къ S, площади присыпки открытъ квадратный, въ 1 ар. 4—6 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ, толщиной въ 2—3 в. Среди угле-пепла костра найдены кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ съ фіолетовой окраской и слабыя признаки обугленной берестовой плетенки, надъ остатками трупосоженія. Въ общемъ, по внутреннему устройству, курганъ подобенъ рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 87 расположенъ къ NW отъ предыдущаго, въ 8 шагахъ на NO отъ удлиненнаго кургана № 26 на рис. 7 отчета 1907 г. То же рѣдкое краснолѣсье и тотъ же, уничтоженный пожаромъ, растительный коверъ. На отлогостяхъ и около подошвы основанія насыпи—восемь старыхъ сосенъ. По формѣ курганъ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на S. У подошвы съ трехъ сторонъ насыпи по ровику (N, W, O), а съ четвертой (S), гдѣ повидимому былъ входъ, перешеекъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 9 ар., сторона вершинки 5 ар., кривая образующая 12 ар., высота 9 вер., ширина ровиковъ 2—3 ар., глубина ихъ 5—7 вер. и длина перешейковъ—NW и NO по, 3 ар. и S 10 ар. Ширина входа (съ S) была около 2 ар. Пробная яма, съ О, дала растительный слой 1 в., сѣрый песокъ 2 в. и, ниже, темно-желтый песокъ, переходящій затѣмъ въ коричневый (примѣсь желѣзной руды). Раскопанъ послойно по всей насыпи. Насыпь составили перевернутые слои земли изъ ровиковъ. Основаніе на уровнѣ земли занимала присыпка ($1\frac{1}{2}$ в.) изъ бѣловатаго песку. Въ серединѣ ея, съ отступленіемъ на 1 ар. къ S, оказался округленный, въ поперечникѣ 1 ар. $\frac{1}{2}$ в., толщиной 1—2 в., костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка обожжена. Среди угле-пепла костра открыты кальцинированныя человѣческія кости и разрушенная берестовая плетенка, которая, видимо, прикрывала остатки трупосоженія. По внутреннему устройству, курганъ почти таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 88 расположенъ къ NW отъ предыдущаго, въ 15 шагахъ на NO отъ удлиненнаго кургана, обозначеннаго № 34 на рис. 7

отчета 1907 г. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. Покрываетъ жидкимъ растительнымъ ковромъ, въ которомъ преобладаютъ сѣрый мохъ и верескъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на SW. У основанія три ровика (NO, NW и SO), расположенные по тремъ сторонамъ насыпи; съ четвертой стороны (SW) перешеекъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ, съ уклоненіемъ въ 25° отъ N къ O, сторонами на NO, NW, SO и SW. Размѣры: сторона основанія 8 арш., сторона вершинки 4 арш., кривая образующая 11 арш., высота 9 в., ширина ровиковъ 1—2 арш., глубина ихъ 5 в.— $1\frac{1}{2}$ арш. и длина перешейковъ: N 5 арш., O 4 арш. и S 9 арш. Пробная яма, съ NW, дала тѣ-же наблюденія, что у предыдущаго кургана. Раскопка производилась послышной съемкой всей насыпи. Насыпь состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли по всей площади насыпи присыпка (1—2 в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части ея усмотрѣнъ квадратный, въ 1 арш. 5 в. по сторонѣ, костеръ изъ еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ. Среди слоя углей и пепла, толщиной до $2\frac{1}{2}$ в., находились кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ съ фіолетово-зеленою окраской и остатки берестовой плетенки, заключавшей въ себѣ остатки трупосожженія. Внутреннее устройство кургана подобно изображенному на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 89 расположенъ на вершинѣ старой дюны лѣвобережья р. Кузьмина, въ 8 шагахъ на O отъ удлиненнаго кургана, обозначеннаго № 52 на рис. 7 отчета 1907 г. Кругомъ вѣковое краснолѣсье и коверъ луговыхъ травъ, вереска и канаберника. Курганъ квадратный съ округленными углами; вершинка такая-же, съ легкой выемкой. У подошвы четыре ровика (NNW, SW, OOS, NO), перемежающіеся съ перешейками. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 арш., сторона вершинки 3 арш., кривая образующая 9 арш., ширина ровиковъ 2—3 арш., глубина ихъ 4—8 в. и длина перешейковъ: N 4 арш., O 3 арш., S—SSO 6 арш. и W 6 арш. Пробная яма, съ O, дала растительный слой 1 в., сѣрый песокъ 2 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопка производилась послышно по всей насыпи. Насыпь состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли, вынудой изъ ровиковъ, и по объему имъ равнялась. На уровнѣ земли присыпка (1 — $1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части ея квадратный, въ 1 арш. 6 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ вѣтокъ. Въ угле-пеплѣ костра находились кальцинированныя человѣческія кости

*

и остатки берестовой плетенки, видимо, прикрывавшей остатки трупосожжения. По внутреннему устройству курганъ такой же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганы Приозерной горы.

Курганъ № 90 (№ 8 на рис. 5) на лѣсной полянѣ, въ краснолѣсскѣ съ бѣлолѣсьемъ, на плоской вершинкѣ террасы старой дюны, въ 5 шагахъ на NO отъ удлиненнаго кургана № 6 и въ 10 шагахъ на S отъ круглаго кургана № 5. Покрываетъ низкимъ зеленымъ ковромъ, въ которомъ проглядываютъ, мѣстами, валуны. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая-же, съ легкою выемкой и со скатомъ на NW. У трехъ сторонъ основанія по ровику (NNO, SW, SO), а съ четвертой стороны (NW) перешеекъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 арш., сторона вершинки 3 арш., кривая образующая 9 арш., высота 8 в., ширина ровиковъ 2 — 3 арш., глубина ихъ 4 — 8 в. и длина перешейковъ: N 4 арш., OON 6 арш., S 6 арш. и W 4 арш. Явственный входъ съ NW имѣетъ въ ширину 5 арш. Пробная яма, съ NO, дала растительный слой 1—1^{1/2} верш., сѣрый песокъ 2 в. и, ниже, крупный желтый песокъ съ валунами. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Насыпь состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Основаніе обложено въ одну прерывчатую линію мѣстными валунами (счетомъ 17, размѣрами 2—8 в.). На уровнѣ земли по всей площади кургана присыпка (1—1^{1/2} верш.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части ея квадратный, до 2 арш. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Костеръ также рѣдко обложенъ въ квадратъ валунами мѣстнаго происхожденія (счетомъ 9, размѣрами 2 — 7 в.). Среди углей и пепла костра найдены кальцинированныя человѣческія кости и остатки полосокъ берестовой плетенки, которая, видимо, прикрывала остатки трупосожжения. По внутреннему устройству курганъ представляетъ какъ бы смѣсь типовъ, представленныхъ на рис. 32 отчета 1907 г. и на рис. 12 отчета 1906 г.

Курганъ № 91 (№ 9 рис. 5) къ SO отъ предыдущаго. Удлиненнаго кургана при немъ нѣтъ. Поросъ густымъ и короткимъ зеленымъ ковромъ. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая-же, плоская. У основанія три ровика (NO, SO, SW — W — NW), прерывающіеся тремя перешейками. По внѣшности курганъ подобенъ рис. 16 отчета 1906 г. Ориентированъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 арш., сторона вершинки 4 арш., кривая образующая 11 арш., высота 14 в., ширина ровиковъ 2—3 арш.,

глубина ихъ 4 — 9 в. и длина перешейковъ: N 3 арш., O 4 арш. и S 4 арш. Пробная яма, съ SW, дала то-же, что и у предыдущаго кургана. Раскопка производилась послойно по всей насыпи. Насыпь оказалась перевернутой землей отъ ровиковъ. На уровнѣ земли находилась, по всей площади кургана, присыпка изъ крупнаго желтаго песку. На ней, въ центрѣ, расположены въ 3—4 ряда углевья (сосновыя и еловыя, длиною въ $3\frac{1}{2}$ арш., толщиною въ 2—3 в.) бревна костра. На нихъ пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ. Среди кострища слабыя признаки кальцинированныхъ человѣческихъ костей и маленькіе обрывки полосокъ берестовой плетенки. Выше лежало, съ NO на SW, углевое (сосновое, до 4 арш. длиною и въ 3—4 в. толщиною) бревно конька крыши, покоившееся концами на двухъ стоячихъ углевыхъ, сосновыхъ, бревнахъ толщиною въ 3—4 в., опущенныхъ на 4—5 в. вглубь, подъ уровень земли, наискось срѣзанными концами. По бокамъ конька (на SO и NW) шли, опираясь однимъ концомъ на конекъ, а другимъ въ присыпку, углевья, сосновыя, въ 2— $2\frac{1}{2}$ арш. длиною и 2—4 в. толщиною, накладки крыши съ промежутками въ 2—3 в. На нихъ лежали пепель и угли сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ. Вокругъ костра и подъ его двускатною крышей находились, разбросанные кое-гдѣ, угольки и пепель костра и крыши. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 28 отчета 1907 г.

Курганная группа Сосновой горы.

Курганъ № 92 (№ 37 на рис. 6) на гребнѣ горы, по срединѣ, бокъ-о-бокъ съ, т. н., военной дорогой. Вблизи нѣтъ удлиненаго кургана, но имѣется большой круглый угольный курганъ. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. Покрываетъ жидкимъ дерномъ. Почти въ центральной части вершинки старая сосна. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая-же, со скатомъ (входъ) на N. У трехъ сторонъ (W, S, O) по ровику, между которыми три перешейка, а внѣ четвертой стороны (N, входъ) перешеекъ. По внѣшности курганъ такой-же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 арш., сторона вершинки 3 арш., кривая образующая 8 арш., высота 10 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ —2 арш., глубина ихъ 3—8 в. и длина перешейковъ: N (входъ) 8 арш., SW 3 арш. и SO 2 арш. Пробная яма, съ S, дала растительный слой 1— $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 2—4 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойно по всей насыпи. Насыпь состоитъ изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ почвы во всю площадь основанія присыпка (1 — $1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Среди

нея квадратный, по 1 арш. 4 в. въ сторонѣ, костеръ изъ еловыхъ и сосновыхъ вѣтокъ. Подъ костромъ присыпка обожжена. Среди углей и цеpla костра оказались кальцинированныя человѣческія кости и часть черепковъ горшка, растащенныхъ корнями деревьевъ. Горшокъ былъ того же типа, какъ на рис. 29. Размѣры: діаметръ дна 12 см., діаметръ отверстія 18 см., толщина дна 1 см., толщина боковыхъ стѣнокъ 7 мм., толщина отгиба 8 мм. Матеріаль—слоистая сѣрая глина мѣстнаго происхожденія, отъ огня принявшая розовую окраску. Изготовленъ на гончарномъ станкѣ. Обжигъ хорошій. Донышко было опрокинута низомъ вверхъ и лежало на остаткахъ трупосожженія, прикрывая ихъ. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 93 (№ 44 на рис. 6) на гребнѣ той-же Сосновой горы, около той-же дороги, на N отъ предыдущаго кургана. На O отъ него большой круглый курганъ. Рѣдкое краснolѣсье. На NO части вершинки береза. Покрываетъ густымъ ковромъ травы и вереска. По формѣ круглый; вершинка такая же, плоская. Вокругъ подошвы четыре ровика (N, O, SW, W) и столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 18 отчета 1906 г. Размѣры: окружность основанія 27 арш., окружность вершинки 20 арш., кривая образующая 9 арш., высота 12 в., ширина ровиковъ 2—3 арш., глубина ихъ 8—12 в. и длина перешейковъ: NW 4 арш., NO 5 арш., S 3 арш. и WWS 2¹/₂ арш. Пробная яма, съ N, дала то же, что и у предыдущаго кургана. Раскопанъ послойно. Насыпь состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли, во всю площадь основанія—присыпка (1—1¹/₂ в.) изъ бѣловатаго крупнаго песку. Въ центрѣ ея находился квадратный, около 2 арш. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, составившій слой толщиной до 3 в. Подъ нимъ присыпка обожжена. Въ центральной части костра оказались кальцинированныя человѣческія кости, видимо, прикрытыя берестовой плетенкой, отъ которой сохранились лишь обрывки полосокъ. Поверхъ костра находились, расположенныя шатромъ или конусомъ, углевая (сосновыя и еловыя, длиною въ 2¹/₂ арш., толщиной въ 2—3 в.) бревна прикрытія. По внутреннему устройству курганъ—смѣсь типовъ, представленныхъ на рисункахъ 19 и 20 отчета 1907 г.

Курганъ № 94 (№ 95 на рис. 6), въ 6 шагахъ на NO отъ большого круглаго кургана № 15, въ центральной части гребня Сосновой горы, вблизи тропинки отъ Озерочной пристани къ озеру Выпуярви. На южномъ скатѣ насыпи нѣсколько молодыхъ сосенъ и березъ. Покрываетъ жидкимъ растительнымъ ковромъ. По формѣ квадратный съ округленными

углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на W и SW. По внѣшнему виду курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 арш., сторона вершинки 4 арш., кривая образующая 11 арш., высота 7 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ арш., глубина ихъ 6 в. и длина перешейковъ: NW 2 арш., SW 3 арш. и O (здѣсь, видимо, ровикъ заплылъ) $9\frac{1}{2}$ арш. Пробная яма, съ O, дала растительный слой 1 в., сѣрый песокъ 3—4 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Насыпь составлена изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли по всей площади кургана присыпка (1 — $1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. По серединѣ ея располагался квадратный (1 арш. 3 в. по сторонамъ) костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ

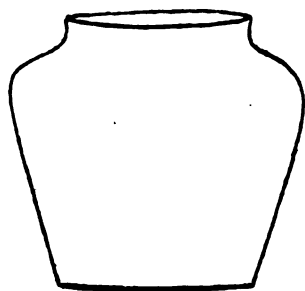

Рис. 34. Глиняный горшокъ изъ кургана № 94.

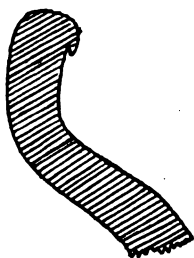

Рис. 35. Разрѣзъ края горшка изъ кургана № 94.

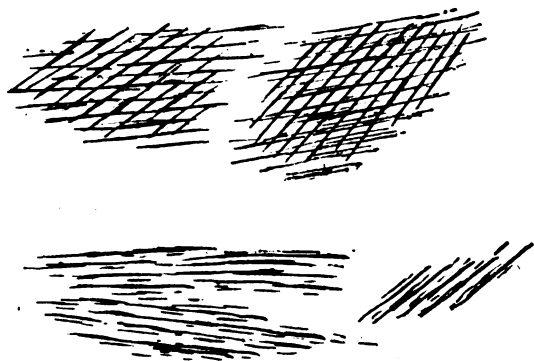

Рис. 36. Отдѣлка на плечикахъ горшковъ изъ кургана № 94.

и можжевеловыхъ вѣтокъ. Въ центрѣ угле-пепла его оказались кальцинированныя человѣческія кости, черепки двухъ горшковъ, желѣзный скребокъ или бритва и двѣ металлическихъ пластинки: одна мѣдная, а другая желѣзная. Оба горшка одного типа (см. рис. 34) и различаются только размѣрами и видомъ отгиба верхняго края (сѣченіе отгиба одного изъ нихъ см. на рис. 35). Горшки были найдены въ раздавленномъ видѣ и черепки ихъ растащены во всѣ стороны корнями деревьевъ. Размѣры: діаметръ горлышка 13 и 17 см., діаметръ уширенной части боковъ 25 и 28 см., діаметръ дна 14 и 18 см., толщина отгиба 6 и 8 мм., толщина верхней части боковъ 7 и 9 мм., толщина нижней части ихъ 10 и 11 мм. и толщина дна 7 и 9 мм. Матеріаль — сѣрая слоистая глина мѣстнаго происхожденія, отъ обжига сверху розоватая. Обработка довольно аккуратная, хотя въ нижней части боковъ и усматриваются шероховатости, бугры и впадины; изготовлены на гончарномъ станкѣ; обжигъ удовлетворительный. Снаружи на плечахъ струйчатая полоски, иногда пере-

крепявающіяся (см. рис. 36). Такъ какъ черепки одного горшка, меньшаго, были находимы ниже кальцинированныхъ костей, а черепки другого, большаго, выше, то можно предполагать, что въ первомъ заключались остатки трупосожженія, а второй ихъ прикрывалъ. Желѣзный скребокъ (бритва) имѣеть видъ прямоугольной пластинки, клинообразно-острой съ одной стороны. Его размѣры: длина 5 см., ширина 3 см., толщина обуха 6 мм. и толщина лезвія 1 мм. (въ теперешнемъ видѣ). Металлическія пластинки изогнуты (ихъ покоробило); имѣють по длинѣ своей цилиндрической изгибъ; на нихъ есть дырочки, вѣроятно, для прикрѣпленія. Нужно полагать, что большая изъ нихъ (желѣзная) служила оковкою, а меньшая (мѣдная) могла имѣть и другое назначеніе. Ихъ размѣры: длина желѣзной 7,5 см. и мѣдной 4 см., ширина—4,5 см. и около 3 см., толщина обѣихъ 1—1,5 мм., діаметръ отверстій (сдѣланы гвоздемъ) у желѣзной 4—5 мм. и у мѣдной 3 мм. Въ общемъ, по внутреннему устройству, курганъ этотъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 95 (№ 96 на рис. 6) на южной окраинѣ гребня Сосновой горы, у военной дороги, въ 14 шагахъ на SW отъ большаго круглаго кургана № 3. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. Покрываетъ густымъ ковромъ травы. На N отлогости старая сосна. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, со скатомъ на S. Съ трехъ сторонъ насыпи (N, W и O) по ровику, съ четвертой (S) и на NW и NO углахъ по перешейку. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 года. Ориентированъ курганъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 арш., сторона вершинки 3 арш., кривая образующая 9 арш., высота 8 в., ширина ровиковъ 1—2 арш., глубина ихъ 4—10 в. и длина перешейковъ: NW и NO по 3 арш. и S 12 арш. Пробная яма, съ O, дала растительный слой 1½ в., сѣрый песокъ 3—4 в., ниже желтый песокъ. Раскопка производилась послойно по всей насыпи. Насыпь состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли присыпка (1—1½ в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку. Въ серединѣ ея находился квадратный, 1 арш. 1 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ, оставившій слой толщиной до 2 в. Подъ костромъ присыпка обожжена. Въ центральной части его въ угле-пеплѣ открыты кальцинированныя человѣческія кости и съ ними остатки полосокъ берестовой плетенки. Последняя, судя по мѣсту находенія ея обрывковъ, видимо, прикрывала остатки трупосожженія. Поверхъ костра лежало (NS направленіе) угловое бревно конька (сосновое, длиною 4 арш., толщиной 2—3 в.). Въ обѣ стороны (на W и O) отъ конька, перпендикулярно къ нему, лежали накладки

(сосновья, длиною 2 арш., толщиною $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ в.) двускатной крыши покоившіяся однимъ концомъ на конькѣ, а другимъ упиравшіяся въ присыпку. Сверху на накладкахъ лежали угли и пепель отъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 26 отчета 1907 г.

Курганъ № 96 (№ 97 на рис. 6) къ NO отъ предыдущаго кургана, въ 10 шагахъ на SW отъ большого круглаго кургана № 6. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. Покрываетъ густымъ зеленымъ ковромъ травы. На вершинкѣ въ NW части старая ель; на верхнемъ краю S ската большой кустъ можжевельника и молодая осина. По формѣ курганъ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ выемкой (въ 4 в. глубиной) и со скатомъ на S. У подошвы съ трехъ сторонъ (N, W и O) по ровику, а съ четвертой (S) входъ; на NW и NO углахъ перешейки. По внѣшности курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ курганъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 арш., сторона вершинки 3 арш., кривая образующая 9 арш., высота 8 в., ширина ровиковъ 1—2 арш., глубина ихъ 4—8 в. и длина перешейковъ: NW 2 арш., NO 3 арш. и S 8 арш. Пробная яма, съ NW, дала то же, что и у предыдущаго кургана. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Послѣдняя состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земля отъ ровиковъ. По всей площади основанія присыпка (1 — $1\frac{1}{2}$ в.) отъ крупнаго бѣловатаго песку. Въ серединѣ присыпки открытъ квадратный, въ $1\frac{1}{2}$ арш. по сторонамъ, костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка обожжена. Въ центрѣ костра въ угле-пеплѣ найдены кальцинированныя человѣческія кости и обрывки полосокъ берестовой плетенки, которая, судя по положенію ея остатковъ, прикрывала остатки трупосожженія. Поверхъ костра лежало углевое (сосновое, въ 3 арш. длины и 2—3 в. толщины) бревно конька. Въ обѣ стороны (на W и O) отъ него шли накладки (сосновья, длиною около 2 арш., толщиною въ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ в.) двускатной крыши, одни концы которыхъ лежали на конькѣ, а другіе упирались въ присыпку. Поверхъ ихъ находилась угли и пепель сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ, видимо покрывавшихъ крышу. По внутреннему устройству курганъ того же типа, что на рис. 26 отчета 1907 г.

Дальнѣйшая раскопка вглубь подъ уровнемъ земли (см. стр. 93 и 94) дала, случайно, наблюденія и находки, которые, не имѣя связи съ даннымъ курганомъ, составятъ предметъ особой работы ¹⁾.

---

¹⁾ „Разрозненные черепки и угле-пепель дѣнной неолитической стоянки“.

Курганъ № 97 (№ 98 рис. 6) на отрогѣ W, низкой, террасы центральной части Сосновой горы, примѣрно въ 200 шагахъ на N отъ тропинки, ведущей отъ Озерочной пристани къ оз. Выпуярви. Прилегалъ N своимъ скатомъ къ S боку большого круглаго кургана № 31, въ который какъ-бы врѣзался краемъ своей N части. Кругомъ смѣсь краснолѣсья съ бѣлолѣсьемъ и поросли ивы, ольхи и рябины. Покрываетъ густымъ ковромъ луговыхъ травъ. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на S. У подошвы двухъ сторонъ основанія (W и O) по ровику и съ S стороны перешеекъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 арш., сторона вершинки 4 арш., кривая образующая 12 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ —3 арш., глубина ихъ 4—8 в. и длина перешейковъ 10 арш. Пробная яма, съ SO, дала растительный слой 1— $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 2—4 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послышной съемкой всей насыпи. Последняя оказалась составленной изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли, занимая почти всю площадь основанія кургана, находилась присыпка (1— $1\frac{1}{2}$ в.) изъ бѣлаго песку. Въ центральной части ея открытъ квадратный, 1 арш. 2 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Въ серединѣ его въ угле-пеплѣ нашлись кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ, пропитавшійся фіолетово-зеленой окраскою, остатки полосокъ берестовой плетенки, желѣзный ножикъ, желѣзный осколокъ въ родѣ скребка, обломокъ желѣзнаго гвоздя и черепки горшка. Внѣ костра у южнаго края, т. е. со стороны входа, оказались позвонки рыбъ и пережженные косточки животныхъ и птицъ, составлявшіе слой, толщиной до $\frac{1}{2}$ вершка, а въ длину и въ ширину около $\frac{1}{2}$ аршина. Желѣзный ножикъ изображенъ на рис. 37. Онъ имѣлъ

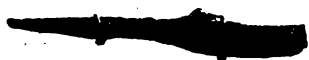

Рис. 37. Желѣзный ножикъ изъ кургана № 97.

деревянную ручку; остатки ея сохранились на стержнѣ рукоятки. Стержень былъ утопленъ концомъ въ деревянную рукоятку и на концѣ загнутъ для лучшаго укрѣпленія въ ручкѣ.

Лезвіе сильно сточено, такъ что оказывается дугообразно вогнутымъ. Остріе клинка работою закруглено и дугообразно погнуто. Размѣры: общая длина 12 см., длина клинка 4,5 см., длина рукоятки 7,5 см., ширина клинка у рукоятки 2 см. и въ серединѣ 1,5 см., толщина обуха 2—4 мм., толщина рукоятки 5 мм., толщина лезвія 1 мм. Желѣзный осколокъ похожъ на скребокъ. Въ уширенной своей части отломанъ и загнутъ. Лезвіе почти прямолинейное. Обухъ ступен-

чатый. Размѣры: длина 5,5 см., ширина съ одного конца 2,5 см., а съ другого 1 см., толщина обуха 1,5—2 мм. и толщина лезвія 1 мм. Желѣзный гвоздь того же типа, какъ на рис. 40 отчета 1907 г. Черепки горшка прикрывали костяные остатки, а слѣды берестовой плетенки усматривались подъ ними. Отсюда можно предполагать, что остатки трупосожженія были заключены въ берестовую плетенку, которая была прикрыта опрокинутымъ горшкомъ. Горшокъ подобенъ изображенному на рис. 34. Черепки горшка собраны не всѣ, такъ какъ, видимо, и въ этомъ курганѣ они растащены корнями деревьевъ. Ножикъ, скребокъ и гвоздь находились внѣ горшка, съ S стороны его. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 98 (№ 18 на рис. 6) на W, низкой, террасѣ Сосновой горы. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье съ бѣлолѣсьемъ. На N склонѣ двѣ сосны, береза и два куста можжевельника. Покрываетъ зеленымъ ковромъ луговыхъ травъ, вереска и голубики. По формѣ круглый; вершинка такая же, съ легкою выемкой и со скатомъ на SW по общему уклону мѣстности. У основанія кольцевой ровикъ, прерывающійся двумя перешейками (на S и O). По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 18 отчета 1906 г. Размѣры: окружность основанія 80 арш., окружность вершинки 48 арш., кривая образующая 25 арш., высота 1 арш. 14 в., ширина ровиковъ 2—4 арш., глубина ихъ 1—1¹/₂ арш. и длина перешейковъ: S 7 арш. и O 4 арш. Пробная яма, съ S, дала растительный слой 1—1¹/₂ в., сѣрый песокъ 4—6 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопка производилась послойно по всей насыпи. Насыпь состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Подъ дерномъ, въ центральной части вершинки, обнаруженъ круглый, 1¹/₂ арш. въ діаметрѣ, костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевельниковыхъ вѣтокъ; углетепель котораго составлялъ слой толщиною въ 1—1¹/₂ в. Въ серединѣ костра оказались кальцинированныя человѣческія кости, заключенныя въ берестовую плетенку, обрывки полосокъ которой показали, что она имѣла ту же форму и размѣры, какъ изображенная выше на рис. 28. Двумя верхками ниже усмотрѣны углевые (сосновыя и еловыя, въ 3—4 в. толщиною), бревна полного шатра съ просвѣтомъ съ S, упиравшіяся нижними концами, уходившими вглубь подъ уровень земли на 5—6 в., въ окружность кургана и расположенныя въ одинъ рядъ. Еще 5 верхками ниже открытъ квадратный, около 4 аршинъ по сторонѣ, костеръ изъ углевыхъ (сосновыхъ и еловыхъ, въ 3—5 в. толщиною) бревенъ, расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ горизонтально и лежавшихъ накрестъ: то съ N на S, то съ W на O. На нихъ обугленныя, сосновыя

и еловыя, вѣтки и среди нихъ слабыя остатки костяного порошка. Костеръ расположенъ на присыпкѣ, занимавшей слоемъ толщиною въ $1\frac{1}{2}$ —2 в. всю площадь основанія насыпи. Присыпка подъ костромъ сильно обожжена. Бревна шатра стояли одно съ другимъ рядомъ. Провѣтъ (входъ) съ S имѣлъ въ ширину около 2 арш. Пространство между костромъ и кольцомъ бревенъ шатра заполнено, обрушившимися мѣстами, углями стѣнокъ шатра и просыпавшейся землею насыпи. Въ общемъ по внутреннему устройству курганъ того же типа, какъ на рис. 22 отчета 1907 г.

Курганъ № 99 (№ 99 на рис. 6) въ S части гребня вершины Сосновой горы, на O и рядомъ, въ 3 шагахъ, съ большимъ круглымъ курганомъ № 4. Кругомъ краснотѣсье. Покрываетъ жидкимъ дерномъ, въ которомъ преобладаютъ верескъ, канаберникъ, голубика и брусника. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая-же, съ выемкой и со скатомъ на W. У основанія три ровика (N, S, SO). W сторона насыпи, гдѣ перешеекъ, примыкаетъ къ кургану № 4. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ курганъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 11 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ —3 ар., глубина ихъ 6—10 в., и длина перешейковъ: O 6 ар., SO $2\frac{1}{2}$ ар. и W (входъ) $10\frac{1}{2}$ ар. Пробная яма, съ O, дала растительный слой 1— $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 2—3 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи. Насыпь состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ и по объему почти отвѣчала объему ровиковъ. На уровнѣ земли, въ основаніи кургана присыпка (1— $1\frac{1}{2}$ в.) изъ бѣловатаго крупнаго песку. Въ серединѣ ея квадратный, въ $1\frac{1}{2}$ арш. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевельновыхъ вѣтокъ, оставившій слой угле-пепла толщиною около 2 в. Въ центральной части его находились кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ, окрашенный въ зеленый цвѣтъ, кусочки проволочнаго кольца, повидимому, изъ мѣдной проволоки, сильно изъѣденныя ржавчиной, и обрывки полосокъ берестовой плетенки, которая, судя по ея мѣстоположенію, прикрывала остатки трупосожженія. Кусочки кольца собраны были въ числѣ 3—4. Они имѣли размѣры: діаметръ круглой проволоки около 2 м.м., длина кусочковъ, въ отдѣльности, 2,5—3 м.м. Эти кусочки, несмотря на осторожность обращенія съ ними, превратились при перевозкѣ въ мелкій порошокъ, по цвѣту подобный окраскѣ костяного порошка. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Дальнѣйшая раскопка подь уровнемъ земли дала такія же находки черепковъ, къ данному кургану не относящихся, что и подь курганомъ № 96.

Курганъ № 100 (№ 100 на рис. 6) на небольшомъ бугрѣ W нижней террасы Сосновой горы, въ 7 шагахъ на NO отъ большого круглаго кургана № 33; по N скату его пролегаетъ тропинка отъ Озерочной пристани къ озеру Выпуярви. Нѣсколько къ W отъ него, по краю берега Сестрорѣцкаго разлива, растутъ кусты ольхи, ивняка, черемухи и друг., образующіе густую заросль. Покрываетъ плотнымъ зеленымъ ковромъ низкой травы. На SW углу вершинки пень старой березы. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая-же, съ легкою выемкою въ центрѣ. У основанія пять ровиковъ: W, N, O (два) и S. Между ними столько-же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ-же, какъ на рис. 16 отчета 1906 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 11 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ 5—10 в. и длина перешейковъ: NW 2 ар., NO 2 ар., O 2 ар., SO 3 ар. и SW 6 ар. Пробная яма, къ O, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 2 в. и, ниже, желтый песокъ, переходившій на глубинѣ около $\frac{3}{4}$ ар. въ красновато-желтый крупный песокъ. Раскопанъ послойно по всей насыпи. Насыпь составлена изъ перевернутыхъ слоевъ земли. На уровнѣ земли всю площадь основанія занимала присыпка (1 — $1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ серединѣ ея квадратный, въ 1 арш. 2—4 в. по сторонамъ, костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Слой его угле-непла имѣлъ въ толщину около $1\frac{1}{2}$ в. Подь нимъ присыпка обожжена. Въ центральной части его открыты кальцинированныя человѣческія кости и обрывки полосокъ берестовой плетенки, прикрывавшей сверху остатки трупоожженія. Насколько можно было судить по частямъ плетенки, она имѣла ту-же форму и размѣры, какъ изображенная на рис. 28. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Дальнѣйшая раскопка подь уровнемъ земли дала такіе-же черепки, что и въ курганахъ №№ 96 и 99.

Курганъ № 101 (№ 101 на рис. 6) на W скатѣ гребня Сосновой горы, въ 10 шагахъ къ NO отъ большого круглаго кургана № 32. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. На насыпи девять молодыхъ елокъ. Покрываетъ густой луговой травой. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая-же, съ выемкою въ серединѣ и со скатомъ на S. Съ трехъ сторонъ основанія (N, W, O) по ровику. Съ четвертой стороны (S) входъ — перешеекъ. Перешейки же и съ NW и NO. По

внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 7 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 10 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ $1-2\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ 4—9 в. и длина перешейковъ: NW и NO по 4—5 ар. и S (входъ) 5—6 ар. Пробная яма, съ N, дала растительный слой $1-1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 3—4 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи, состоявшей изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Площадь основанія кургана занимала присыпка, слоевъ въ $1\frac{1}{2}-2$ в. толщины, изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части ея оказался квадратный, въ 1 ар. 6 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ, оставившій слой угле-пепла около 2—3 в. толщиною. Въ серединѣ его открыты кальцинированныя человѣческія кости и остатки полосокъ берестовой плетенки, прикрывавшей остатки трупосожженія. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 102 (№ 102 на рис. 6) на бугрѣ срединной террасы W ската Сосновой горы, шагахъ въ 30 на S отъ большого круглаго кургана № 32. На S скатѣ кургана двѣ молодыя березы. Покрываетъ жидкимъ ковромъ травы, въ которомъ преобладаютъ верескъ и брусника. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая-же, въ центрѣ ея выемка, скатъ на W. Съ трехъ сторонъ основанія (N, O, S) два ровика (N—O, S), а съ четвертой входъ — перешеекъ. Перешеекъ же и въ SO углу насыпи. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ и на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 9 ар., высота 8 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}-2$ ар., глубина ихъ 4—9 в., длина перешейковъ: SO 3 ар. и W 7 ар. Явственный входъ (съ W) имѣлъ въ ширину около $2\frac{1}{2}$ ар. Пробная яма, къ W, дала то-же, что и у предыдущаго кургана. Раскопка производилась послойно по всей насыпи, состоявшей изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Площадь основанія на уровнѣ земли занята была присыпкой (1—2 в.) изъ бѣлаго крупнаго песку. Въ центрѣ ея квадратный костеръ, въ 1 ар. 9 в. по сторонѣ, изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка оказалась обожженною. Въ серединѣ угле-пепла костра лежали небольшой кучкой кальцинированныя человѣческія кости. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 103 (№ 21 на рис. 6) на W, низкой, террасѣ Сос-

новой горы, въ NW части послѣдней. Кругомъ краснолѣсье, смѣшанное съ бѣлолѣсьемъ. На скатахъ насыпи—старыя березы и сосны. Вершинка поросла молодыми елками и кустами можжевельника. Покрываетъ густой травой. По формѣ круглый и, какъ оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи, двухъярусный: на нижнемъ кругломъ курганѣ насыпанъ верхній круглый-же курганъ меньшихъ размѣровъ. У основанія нижняго кургана четыре ровика (N—O—S, NW, W, SSW), прерывающіеся столькими-же перешейками; и у основанія верхняго кургана въ свою очередь четыре ровика (NNO, O, SW, NW) и четыре перешейка. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 10 отчета 1907 г. Размѣры: окружность основанія нижняго кургана 75 ар. и верхняго—33 ар., окружности вершинокъ—56 ар. и 23 ар., кривыя образующія 30 ар. и 20 ар., высоты—1 ар. 5 в. и 10 в., ширина ровиковъ—2—4¹/₂ ар. и 1¹/₂—2 ар., глубина ихъ 14 в.—1 ар. 2 в. и 5—10 в., и длина перешейковъ: нижняго кургана—N 3 ар., S 3 ар., SW 4 ар., NW 2 ар. и верхняго—N 3 ар., NO 3 ар., SSO 10 ар., W 5 ар. Пробная яма, съ S, дала растительный слой 1—1¹/₂ в., сѣрый песокъ 2—3 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопка производилась сначала послойно съемкой всей насыпи верхняго кургана, а затѣмъ, послойно же, и нижняго. Насыпь нижняго кургана состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ нижнихъ ровиковъ. Насыпь верхняго кургана составлялъ желтый песокъ, взятый изъ ровиковъ съ вершинки нижняго кургана. Горизонтальную площадь основанія верхняго кургана занимала присыпка (1—1¹/₂ в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку. Въ серединѣ ея квадратный, 1 ар. 4 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Въ центрѣ его найдены, въ его угле-пеплѣ толщиной въ 1¹/₂—2 в., кальцинированныя человѣческія кости и обрывки полосокъ берестовой плетенки, прикрывавшей остатки трупосожженія. У нижняго кургана въ основаніи присыпка изъ крупнаго бѣловатаго песку (2 в.). Въ центральной части ея костеръ изъ углевыхъ, сосновыхъ, бревень, длиною около 4¹/₂ ар., толщиною въ 3—4 в., лежавшихъ въ нѣсколько рядовъ, то съ N на S, то съ O на W. Кругомъ костра, спорадически, угольки и пепель его. На кострѣ угле-пепель сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ и среди нихъ слабыя признаки костяного порошка. По внутреннему устройству нижній курганъ таковъ же, какъ на рис. 19 отчета 1906 г., а верхній, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 104 (№ 103 на рис. 6) на W террасѣ S половины Сосновой горы, въ 4 шагахъ къ S отъ большаго круглаго кургана № 8. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье, смѣшанное съ бѣлолѣсьемъ. На SO углу

вершинки насыпи старая сосна. По отлогостямъ кое-гдѣ (съ N и W) небольшія осинки. Покрываетъ травой съ верескомъ, канаберникомъ и голубиною. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая-же, съ выемкою и со скатомъ на W. Съ N стороны курганъ прилегалъ ко рву круглаго кургана № 8. У основанія, съ O и S, по ровику; перешейки на W—SW, SO и NO. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 10 ар., сторона вершинки 5 ар., кривая образующая 14 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ 6—9 в. и длина перешейковъ: NO 1 ар., SO 2 ар. и W—SW 12 ар. Пробная яма, съ W, дала растительный слой 1— $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 2—3 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопка производилась послойною съемкой всей насыпи. Последняя состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ, причемъ, видимо, пользовались землею и изъ рва круглаго большого кургана. Площадь основанія на уровнѣ земли занята присыпкою ($1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центрѣ ея находился квадратный, въ 1 ар. 4 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Снаружи костра, на немъ и на присыпкѣ, преимущественно съ W, со стороны входа, находились осколки костей крупныхъ и мелкихъ животных. Въ угле-щеплѣ костра найдены кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ съ зеленоватою окраскою и черепки двухъ горшковъ, растащенные корнями деревьевъ. Одинъ былъ бѣлый, а другой розовый. Ихъ размѣры: діаметръ горлышка — бѣлаго 18 ст.м. и розоваго 10 ст.м., діаметръ уширенной части боковъ—28 ст.м. и 13 ст.м., діаметръ дна—19 ст.м. и 9,5 ст.м., толщина отгиба—5—6 м.м. и 6—7 м.м., толщина стѣнокъ уширенной части боковъ—5 м.м. и 6 м.м. и толщина дна—6—8 м.м. и 8—9 м.м. Розовый горшокъ, видимо, содержалъ въ себѣ остатки трупосожженія и былъ прикрытъ бѣлымъ горшкомъ, опрокинутымъ дномъ вверхъ. Отгибы горшковъ: у розоваго стоячій, закругленный внутри, у бѣлаго—изогнутый, съ треугольнымъ утолщеніемъ наружу. Матеріаломъ служили: для бѣлаго—свѣтло-сѣрая глина и для розоваго—сѣро-синяя. Изготовлены оба на гончарномъ станкѣ и обработаны аккуратно. Обжигъ розоваго — удовлетворительный, а бѣлаго—слабѣе. Въ общемъ, по внутреннему устройству, курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 105 (№ 104 на рис. 6) на W, пологомъ, скатѣ Сосновой горы, въ N ея половинѣ. На NW отъ него, въ 7 шагахъ, круглый большой курганъ № 39. Кругомъ краснолѣсье. На N и SO

отлогостяхъ насыпи и въ ровикахъ молодыя сосны и кусты можжевельника. Покрываетъ плотнымъ ковромъ травы, вереска и сѣраго мха. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая-же, съ выемкой и со скатомъ на NW. У подошвы три ровика (W, S, NO) и столько-же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 9 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 12 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ 8—10 в. и длина перешейковъ: NW (входъ) 5 ар., SSW 4 ар. и SO 8 ар. Пробная яма, съ NW, дала растительный слой 1— $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 2—3 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопка производилась послойно по всей насыпи, представлявшей собою перевернутые слои земли отъ ровиковъ. На всей плоскости основанія кургана находилась присыпка (1 — $1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ W и O половинахъ присыпки, посрединѣ каждой изъ нихъ, было по квадратному костру (стороны по 1 ар. 2 в. и 1 а. 4 в.) изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ, съ промежуткомъ между кострами въ 2 ар. 6 в. Присыпка подъ ними обожжена. Въ каждомъ изъ нихъ найдены были кальцинированныя человѣческія кости и остатки полосокъ берестовыхъ плетенекъ (по одной). Среди кальцинированныхъ костей O костра находился костяной порошокъ, окрашенный въ зеленоватый цвѣтъ. Внѣ костровъ съ N стороны, противъ промежутка, ихъ раздѣляющаго, валялись осколки костей животныхъ. На кострахъ съ O на W лежало по угловому сосновому бревну, длиною около 3 ар., толщиною въ $2\frac{1}{2}$ —4 в. Это были, видимо, коньки двускатной крыши. Отъ конька шли на N и S (сосновыя, длиною около 2 ар. и толщиною $1\frac{1}{2}$ —3 в.) накладки крыши, одинъ конецъ которыхъ лежалъ на конькѣ, а другой упирался въ присыпку. Подъ концами коньковъ остатки стоячихъ углевыхъ, сосновыхъ и еловыхъ, бревень, толщиною въ 2—4 в., углубленныхъ подъ уровень земли на 4—8 в. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 28 отчета 1907 г.

Курганъ № 106 (№ 105 на рис. 6) на гребнѣ средней террасы W части Сосновой горы, къ N отъ предыдущаго кургана, въ 7 шагахъ на SO отъ круглаго большаго кургана № 40. Кругомъ краснолѣсье. Съ O половина насыпи поросла молодыми соснами. Обросъ верескомъ и сѣрымъ мхомъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ легкою выемкой. У основанія четыре ровика (N, S, W, O), изъ коихъ два (W и O) заплыли. Перешейковъ четыре. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 16 отчета

1906 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 10 ар., высота 8 в., ширина ровиковъ 1—2 ар., глубина ихъ 4—8 в., длина перешейковъ: SW и NO по 4 ар., NW 3 ар. и SO 5 ар. Пробная яма, съ O, дала то же, что и у предыдущаго кургана. Раскопанъ послойно по всей насыпи. Насыпь составлена изъ перевернутыхъ слоевъ земли. На плоскости основанія присыпка (1—2 в.) изъ бѣловатаго крупнаго песку. Въ серединѣ ея квадратный, около $1\frac{1}{2}$ арш. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Среди угле-пепла его, толщиною до $1\frac{1}{2}$ в., открыты кальцинированныя человѣческія кости и мелкія части полосокъ берестовой плетенки, прикрывавшей остатки трупосожженія. На кострѣ, въ WO направленіи, лежало углевое (сосновое, длиною въ 1 с. и толщиною въ 2—3 в.) бревно конька. Подъ концами его обнаружено по углевому еловому бревну толщиною въ 2—4 в., врытому или вбитому въ землю, заостреннымъ стескою съ одной стороны, концомъ на глубину до 8 в. Въ обѣ стороны (N и S) отъ конька шли углевья (сосновья, ок. $1\frac{1}{2}$ —2 ар. длиною и $1\frac{1}{2}$ —2 в. толщиною) накладки двускатной крыши, лежавшія однимъ концомъ на конькѣ, а другимъ упирившіяся въ присыпку. На нихъ усматривались уголь и пепель сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 28 отчета 1907 г.

Курганъ № 107 (№ 106 на рис. 6) по верхнему гребню N части Сосновой горы, къ W отъ военной дороги, въ 9 шагахъ къ SW отъ круглago большого кургана № 47. Кругомъ краснолѣсье. Съ S на склонѣ насыпи двѣ старья сосны. Порось травкою, верескомъ и канаберникомъ. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, съ выемкой и со скатомъ на N. У основанія два ровика (W и S) и два перешейка. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ бокамн по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 7 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 11 ар., высота 8 в., ширина ровиковъ 1— $2\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ до 9 в. и длина перешейковъ: SW 3 ар. и N—NO—O 15 ар. Пробная яма, съ S, дала растительный слой 2 в., сѣрый песокъ 3 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи, состоявшей изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На площади основанія присыпка ($1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. На присыпкѣ, ближе къ NW углу ея, находился квадратный, около $1\frac{1}{2}$ ар. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка обожжена. Среди угле-пепла его замѣчался

костяной порошок и обрывки полосок берестовой плетенки. Снаружи костра, къ N, со стороны входа, находились полусгнившія косточки животныхъ. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 108 (№ 107 на рис. 6) къ NO отъ предыдущаго, на гребнѣ Сосновой горы, рядомъ съ военной дорогой, въ 6 шагахъ на S отъ большого круглаго кургана № 52. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. На N скатѣ старый кустъ можжевельника и молодая осина, а на S молодая береза. Поросъ травой, верескомъ и сѣрымъ мхомъ. По формѣ квадратный съ закругленными углами; вершинка такая же, съ легкой выемкой и со скатомъ къ N. У основанія три ровика (W, S, O) и три перешейка. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 11 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ 1—2 ар., глубина ихъ 2—7 в. и длина перешейковъ: SW 4 ар., SO 3 ар. и N 10 ар. Пробная яма, съ SW, дала то же, что и у предыдущаго кургана. Раскопанъ послойно по всей насыпи, которая представляла собою перевернутые слои земли отъ ровиковъ. Площадь основанія занята присыпкой (1½ в.) изъ крупнаго бѣловатаго песку. Въ серединѣ ея квадратный, около 1 ар. 6 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Въ его угле-цеплѣ оказался только пережженный костяной порошокъ. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 109 (№ 108 на рис. 6) къ NO отъ предыдущаго; на гребнѣ N части Сосновой горы, вблизи Челищева горы, въ 30 шагахъ на S отъ большого круглаго кургана № 55. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. На NW и SW углахъ насыпи по старой соснѣ. Поросъ жидкой травой, верескомъ, голубикою и сѣрымъ мхомъ. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, съ легкой выемкой и со скатомъ на S. У основанія три ровика (N, W, O) и столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая 9 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ 1½—2 ар., глубина ихъ 3—6 в. и длина перешейковъ: NW и NO по 3 ар. и S 8 ар. Явственный входъ имѣлъ въ ширину около 2½ ар. Пробная яма, съ SO, дала растительный слой 1½ в., сѣрый песокъ 3—4 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей на-

*

сыпи, состоявшей из перевернутых слоев земли от ровиковъ. Площадь основанія кургана занята присыпкою изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центрѣ ея квадратный, около $1\frac{1}{2}$ ар. по сторонѣ, костеръ изъ основныхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ, оставившій слой около 6 в. толщиною; въ серединѣ его видѣлись небольшіе валуны. Когда угле-пепель костра сняли, оказалось, что здѣсь былъ небольшой квадратный, около 12 в. по сторонѣ, каменный, сложенный изъ небольшихъ мѣстныхъ валуновъ, ящикъ (см. рис. 38), ориентированный боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Всѣхъ валуновъ (2—4 вер.) насчитано около 25. По снятіи верхняго ряда валуновъ, открылась небольшая квадратная камера, около 5 в. по сторонѣ, дномъ которой былъ угле-пепель костра. Камни слегка закопчены и сложены, вѣроятно, послѣ сгоранія костра. Въ камерѣ открыты кальцинированныя челючскія кости и костяной порошокъ съ фіолетово-зеленою окраскою. Въ остальномъ курганѣ, по внутреннему устройству, таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

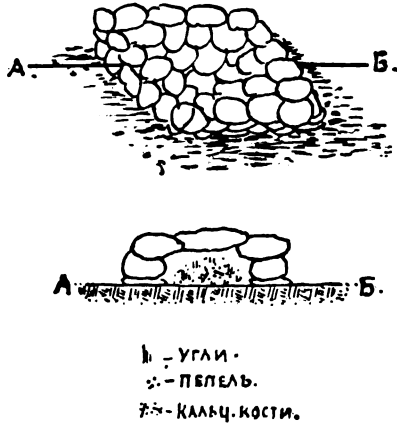

Рис. 38. Каменный ящикъ въ курганѣ № 109.

Курганъ № 110 (№ 57 на рис. 6) въ W части вершины Челлищева горы. Вблизи него большого кургана нѣтъ. Кругомъ краснотлѣсье. Вершинка и отлогости насыпи покрыты зарослью можжевельника, сосны и березы. На W и O скатахъ нѣсколько старыхъ сосенъ. Поросль травой, верескомъ, канаберникомъ и сѣрымъ мхомъ. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, съ легкою выемкой. У основанія четыре ровика (W, N, O, S) и столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 16 отчета 1906 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 10 ар., сторона вершинки 6 ар., кривая образующая 14 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ 3—4 ар., глубина ихъ 8 в.—1 ар. и длина перешейковъ: NW 3 ар., NO 5 ар., SW 2 ар. и SO 4 ар. Пробная яма, съ SO, дала растительный слой 2 в., сѣрый песокъ 2 в., желтый песокъ 4 в. и, ниже, красновато-желтый песокъ съ галькою. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи, состоявшей изъ перевернутыхъ слоев земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли, по всей площади основанія кургана, присыпка ($1\frac{1}{2}$ —2 в.) изъ

крупнаго сѣраго песку. Въ серединѣ ея квадратный, въ $1\frac{1}{2}$ ар. по сторонамъ, костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ. Среди угле-пепла костра наблюдались кальцинированныя человѣческія кости. На кострѣ лежало съ N на S угловое сосновое бревно, длиною около 4 ар. и толщиною въ 2—4 в. Отъ него въ стороны (на W и O) шли углевая сосновыя и еловыя накладки, длиною въ 2— $2\frac{1}{2}$ ар. и толщиною въ 2—3 в. Онѣ лежали однимъ концомъ на конькѣ, а другимъ упирались въ присыпку. Поверхъ накладокъ двускатной крыши шли углевая (сосновыя, еловыя и можжевельныя) вѣтки, которыми, видимо, была прикрыта крыша. Въ общемъ, по внутреннему устройству, курганъ таковъ же, какъ на рис. 26 отчета 1907 г.

Курганъ № 111 (№ 64 на рис. 6) на низкой дюнѣ мѣстности къ NO отъ Челищева горы и къ SO отъ большаго квадратнаго кургана № 63. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. По отлогостямъ насыпи, преимущественно къ N и O, группы молодыхъ березъ. Поросъ травой, верескомъ, голубикою и воронякомъ. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая же, съ легкою выемкой и съ легкимъ скатомъ на SSO. У основанія четыре ровика (N, S, W, O) и столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ какъ-бы смѣсь типовъ, представленныхъ на рис. 16 отчета 1906 г. и на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентированъ онъ боками по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 6 ар., сторона вершинки 3 ар., кривая образующая $8\frac{1}{2}$ ар., высота 8 в., ширина ровиковъ $1\frac{1}{2}$ —2 ар., глубина 6—10 в. и длина перешейковъ: NW 4 ар., NO $2\frac{1}{2}$ ар., SO 3 ар. и SW 4 ар. Пробная яма, съ S, дала растительный слой 1— $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 3—4 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи, состоявшей изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Площадь основанія занята присыпкой (1— $1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части насыпи квадратный, въ 1 ар. 5 в. по сторонамъ, костеръ изъ сосновыхъ вѣтокъ. Присыпка подъ нимъ обожжена. Среди угле-пепла находились: кальцинированныя человѣческія кости, косяной порошокъ съ зеленоватою окраскою и обрывки полосокъ берестовой плетенки. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 32 отчета 1907 г.

Курганъ № 112 (№ 71 на рис. 6) къ NO отъ предыдущаго, на той же низкой дюнѣ, вблизи дороги, идущей къ переправѣ черезъ р. Черную. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. Съ N стороны на насыпи двѣ старыя сосны. Поросъ верескомъ, воронякомъ и сѣрымъ мхомъ. По формѣ круглый; вершинка такая же, съ легкою выемкой. Вокругъ осно-

ванія пять ровиковъ (N, O, S, W, NW) и столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 18 отчета 1906 г. Размѣры: окружность основанія 35 ар., окружность вершинки 21 ар., кривая образующая 14 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ 2—3 ар., глубина ихъ 4—9 в. и длина перешейковъ: NO 5 ар., SO 4¹/₂ ар., SW 3¹/₂ ар., WWN 3 ар. и NNW 2¹/₂ ар. Пробная яма, къ NW, дала то-же что и у предыдущаго кургана. Раскопанъ послойной съемкой всей насыпи, состоявшей изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Площадь основанія занята присыпкой (1 — 1¹/₂ в.) изъ бѣлаго крупнаго песку. Въ центральной части ея квадратный, около 1¹/₂ ар. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Въ серединѣ его, въ углепеплѣ, оказались кальцинированныя человѣческія кости и желѣзный, прямоугольнаго сѣченія, согнутый гвоздь съ квадратной, съ обрубленными углами, шляпкой. Размѣры его: длина около 23 с.м., ширина шляпки 2,5 с.м., ширина стержня у шляпки 8—13 м.м., ширина его въ срединной части 5—11 м.м., ширина его на концѣ 2—5 м.м. и толщина шляпки 3—6 м.м.; стержень гвоздя клинообразный; конецъ его притупленъ. Судя по окалинѣ, гвоздь побывалъ въ огнѣ. Обработка довольно аккуратная. Назначеніе гвоздя не удалось выяснитъ; судя по изгибу стержня, можно предположить, что это костыль для скрѣпленія частей лодки. По внутреннему устройству курганъ приближается къ типу, изображенному на рис. 19 отчета 1906 г.

Курганъ № 113 (№ 72 на рис. 6) къ S отъ предыдущаго и по другую сторону дороги, ведущей къ переправѣ черезъ р. Черную. Невдалекѣ на SO большой круглый курганъ № 77. На скатѣ одной изъ вершинъ низкихъ дюнь. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. По насыпи группа изъ молодыхъ березъ и сосенъ. Поросъ рѣдкой травой, верескомъ, брусничкой и сѣрымъ мхомъ. По формѣ круглый; вершинка такая-же, съ легкой выемкой и съ замѣтнымъ сползаніемъ на SO. Вокругъ основанія пять ровиковъ (N, OOS, SSW, SW, WWN) и столько-же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 9 отчета 1907 г. Размѣры: окружность основанія 25 ар., окружность вершинки 17 ар., кривая образующая 13 ар., высота 8 в., ширина ровиковъ 1¹/₂—2¹/₂ ар., глубина ихъ 6—9 вер. и длина перешейковъ: NO 7 ар., SSO 8 ар., SW 3 ар., WWS 5 ар. и NW 4 ар. Пробная яма, съ S, дала тѣ-же наблюденія, что и въ предыдущемъ курганѣ. Раскопанъ послойно по всей насыпи. Послѣдняя составлена изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ и по объему отвѣчаетъ послѣднимъ. На уровнѣ земли присыпка (1—2 в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ серединѣ ея нахо-

дился округленный, въ 1 ар. 5 в. въ поперечникѣ, костерь изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Тщательное разсмотрѣніе его углепепла не дало никакихъ признаковъ остатковъ трупосоженія. Въ общемъ, по внутреннему устройству, курганъ приближается къ типу, изображенному на рис. 19 отчета 1906 г.

Курганъ № 114 (№ 78 на рис. 6) на бугрѣ вершинки низкой дюны, нѣсколько къ О отъ предыдущаго. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. На насыпи группа молодыхъ и старыхъ сосенъ, березъ и осинъ. Порось жидкой травой съ верескомъ и сѣрымъ мхомъ. По формѣ круглый, двухъ-ярусный. Вершинка верхняго кургана съ легкою выемкой. Вокругъ нижняго кургана семь ровиковъ (N, O, SO, SSO, SW, W, NW) и столько-же перешейковъ. Вокругъ верхняго кургана въ свою очередь пять ровиковъ (NNO, SO, SSW, W, NW) и столько-же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 10 отчета 1907 г. Размѣры: окружность основанія нижняго кургана 43 ар. и верхняго 30 ар., окружности вершинокъ 35 ар. и 20 ар., кривыя образующія 21 ар. и 13 ар., высоты 1 ар. 4 в. и 9 в., ширины ровиковъ 2—3 ар. и 4—8 в. и длины перешейковъ 3—10 ар. и 4—8 ар. Пробная яма, съ SN, дала растительный слой 1 в., сѣрый песокъ 2—3 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопка произведена послойной съемкой сначала верхняго кургана, а затѣмъ нижняго. Насыпь нижняго кургана состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ его, насыпь же верхняго изъ желтаго песку, т. е. изъ вершинки нижняго кургана, гдѣ песокъ лежалъ непосредственно подъ растительнымъ слоемъ. Основаніе верхняго кургана занимала присыпка изъ бѣлаго крупнаго песку. На ней въ центральной части квадратный, въ 1 ар. 2 в. по сторонѣ, костерь изъ сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Въ серединѣ его, въ углепеплѣ, находились кальцинированныя человѣческія кости и обрывки полосокъ берестовой плетенки, прикрывавшей остатки трупосоженія. Площадь основанія нижняго кургана на уровнѣ земли занята тоже присыпкою изъ бѣловатаго крупнаго песку. Въ центральной части ея углевья, сосновья и еловья, бревна, длиною около 4 ар., толщиной въ 2—4 в., отъ костра; они лежали въ нѣсколько рядовъ, то съ N на S, то съ W на O, и оставили слой толщиной около 12 в. На кострѣ находились остатки углей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ и слабые признаки костяного порошка. На глубинѣ 2—3 в. усмотрѣны расходящіяся отъ центра къ окружности углевья бревна шатра. Эти (сосновья и еловья, въ 2—5 в. толщиной) бревна были опущены концами, стесанными наклонно съ одной стороны, подъ уровень земли на

6—8 в. и имѣли наклонъ до 45° . Составлены были они, то густо, то рѣдко, въ два ряда. Пространство между костромъ и нижними концами бревенъ шатра заполнено обвалившимися углями шатра и землю насыпи. Въ общемъ, по внутреннему устройству, этотъ двойной курганъ. подобенъ: нижній рис. 20 отчета 1907 г., верхній рис. 19 отчета 1906 г.

Курганъ № 115 (№ 87 на рис. 6) на обширной покатости широкихъ дюнь лѣвобережья р. Черной. Вблизи (5 шаговъ) на NO большой круглый курганъ № 88. На полянѣ рѣдкаго краснолѣсья. На насыпи нѣсколько старыхъ сосенъ. Поросъ жидкимъ сѣрымъ мхомъ по верхнему, растительному, слою земли. По формѣ круглый; вершинка такая-же, съ выемкой въ срединѣ. У подошвы три ровика (NO, SO, W) и столько-же перешейковъ. По внѣшности курганъ такой же, какъ на рис. 18 отчета 1906 г. Размѣры: окружность основанія 40 ар., окружность вершинки 26 ар., кривая образующая 15 ар., высота 8 вер., ширина ровиковъ 2—3 ар., глубина ихъ 4—8 в. и длина перешейковъ: N 3 ар., O $2\frac{1}{2}$ ар. и S 2 ар. Пробная яма, съ NW, дала то-же, что и у предыдущаго кургана. Раскопанъ послойно по всей насыпи, состоявшей изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Площадь въ основаніи кургана занята присыпкой ($1-1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ срединѣ ея открытъ квадратный, около $1\frac{1}{2}$ ар. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка обожжена. Среди его угле-пепла открыты обрывки полосокъ берестовой плетенки, прикрывавшей слабые остатки костяного порошка. Костеръ сверху былъ прикрытъ лежавшими по радіусамъ углевыми, сосновыми и еловыми, вѣтками. По внутреннему устройству курганъ приближается къ изображенному на рис. 19 отчета 1906 г.

Курганъ № 116 (№ 83 на рис. 6) на N покатости низкихъ дюнь, вблизи дороги къ переправѣ черезъ р. Черную. На NO, въ 10 шагахъ, большой круглый курганъ № 82. На полянѣ рѣдкаго краснолѣсья. На O части насыпи нѣсколько старыхъ сосенъ и елей. Поросъ сѣрымъ мхомъ, сквозь который видно растительный слой. По формѣ круглый; вершинка такая-же, съ выемкой въ срединѣ и нѣсколькими буграми. У основанія три ровика (N, O, S) и столько же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 18 отчета 1906 г. Размѣры: окружность основанія 28 ар., окружность вершинки 20 ар., кривая образующая 12 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ $1-2\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ 6 в.—1 ар. и длина перешейковъ: NNO 7 ар., SSO 4 ар. и W 8 ар. Пробная яма, съ SO, дала растительный слой 1 в., сѣрый песокъ 2 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послойно по всей насыпи,

состоявшей изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Площадь основанія занята присыпкой ($1-1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части ея квадратный, въ 1 ар. 4 в. по сторонѣ, костеръ. Присыпка подъ нимъ обожжена. Тщательное изслѣдованіе угле-пепла костра не дало никакихъ признаковъ остатковъ трупосожженія. Костеръ сверху прикрытъ былъ расхлѣвными отъ центра углевыми, сосновыми и еловыми, жердями, длиною около $2\frac{1}{2}$ ар., толщиною въ $1\frac{1}{2}-2$ в., поверхъ которыхъ лежали углевая вѣтки, сосновыя и можжевеловыя. По внутреннему устройству курганъ приближается къ изображенному на рис. 19 отчета 1906 г.

Курганъ № 117 (№ 85 на рис. 6) къ NO отъ предыдущаго кургана, на покатости тѣхъ-же низкихъ дювъ. Рядомъ на NW большой круглый курганъ № 86. Кругомъ рѣдкое краснолѣсье. На NW половинѣ насыпи нѣсколько старыхъ сосенъ и елей. Поросъ голубикой, верескомъ и сѣрымъ мхомъ. По формѣ круглый; вершинка такая-же, съ легкой выемкой. Центръ вершинки испортили кладовскатели неглубокою, но широкою ямой. У основанія два ровика (къ O—S—SW и къ NW) и столько-же перешейковъ. N конецъ перваго ровика сливается съ SO ровикомъ кургана № 86. W конецъ его же особенно глубока; столь-же глубока и второй ровикъ, къ NW, оказывающійся общимъ у этого кургана съ круглымъ—№ 86. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 18 отчета 1906 г. Размѣры: окружность основанія 30 ар., окружность вершинки 21 ар., кривая образующая 13 ар., высота 9 вер., ширина ровиковъ $2-2\frac{1}{2}$ ар., глубина ихъ отъ 6 в. до $1\frac{3}{4}$ ар. и длина перешейковъ: NNW 3 ар. и NW $3\frac{1}{2}$ ар. Пробная яма, съ S, дала то-же, что и у предыдущаго кургана. Раскопанъ послыной съемкой всей насыпи, которая состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. Площадь основанія кургана занята присыпкой ($1-1\frac{1}{2}$ в.) изъ бѣлаго крупнаго песку. На ней округленный, въ 1 ар. 7 в. въ поперечникѣ, костеръ изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ вѣтокъ. Подъ нимъ присыпка обожжена. Внутри его, въ угле-пеплѣ, найдены обрывки полосокъ берестовой плетенки и еле замѣтный костяной порошокъ, видимо, прикрытый плетенкой. На кострѣ лежало съ N на S углевое (сосновое, длиною около 3 ар., толщиною $2-3$ в.) бревно конька; концы его покоились на двухъ столбахъ изъ углевыхъ, сосновыхъ, бревно въ $3-4$ в. толщиною, которые уходили концами, стесанными наось, вглубь земли на $6-8$ в. Въ обѣ стороны, на W и O, отъ конька шли углевая накладки (сосновыя и еловыя, длиною около $2-2\frac{1}{2}$ ар., толщиною въ $1\frac{1}{2}-2$ в.). Ихъ концы съ одной стороны лежали на конькѣ, а съ

другой упирались въ присыпку. На накладкахъ, отстоявшихъ одна отъ другой на 2—3 в., лежали углевья вѣтки, еловыя и можжевеловыя. По внутреннему устройству, курганъ представляетъ сліяніе типовъ, изображенныхъ на рисункахъ 28 и 11 отчета 1907 года.

Курганъ № 118 (№ 91 на рис. 6) на NO окраинѣ низкихъ дюнь, въ рѣдкомъ краснолѣсьѣ. На NW, въ 15 шагахъ, большой круглый курганъ № 90. На N части насыпи двѣ березы, а на S старая сосна. Порось сѣрымъ мхомъ, верескомъ, голубикою. По формѣ круглый; вершинка такая-же. съ легкой выемкой. Она испорчена кладонскателями неглубокой ямой, придавшей вершинкѣ бугристый характеръ. У основанія пять ровиковъ (N, NO, O, S, W) и столько-же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 18 отчета 1906 г. Размѣры: окружность основанія 33 ар., окружность вершинки 22 ар., кривая образующая 14 ар., высота 9 в., ширина ровиковъ 1 — 2½ ар., глубина ихъ 5—10 в. и длина перешейковъ 2 — 3 ар. Пробная яма, съ O, дала растительный слой 1½ в., сѣрый песокъ 2—3 в. и, ниже, желтый песокъ. Раскопанъ послѣдней съемкою всей насыпи, которую составляли перевернутые слои земли отъ ровиковъ. Площадь основанія на уровнѣ земли занята присыпкой (1—1½ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ центральной части ея открытъ квадратный, въ сторонѣ по 1 ар. 3 в., костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ, образовавшій слой около 3 в. Подъ нимъ присыпка обожжена. Въ серединѣ его слабыя признаки пережженныхъ человѣческихъ костей, среди угле-пепла костра. Поверхъ костра, въ NS направленіи, лежало углевое, сосновое, бревно, длиною около 3 ар., толщиной въ 2 в. Отъ него въ обѣ стороны, на W и O, шли углевья, сосновыя и еловыя, накладки, длиною около 2 ар., толщиной въ 1—2 в., отъ двускатной крыши. Онѣ отстояли одна отъ другой на 2—3 в. Концы ихъ съ одной стороны лежали на конькѣ, а съ другой упирались въ присыпку. На нихъ лежали углевья, еловыя и можжевеловыя, вѣтки. По внутреннему устройству курганъ представляетъ смѣсь типовъ, изображенныхъ на рисункахъ 28 и 11 отчета 1907 г.

Курганъ № 119 (№ 93 рис. 6) къ NO отъ предыдущаго, вблизи болота, окаймляющаго лѣвобережье р. Черной. На NW, въ 7 шагахъ, круглый большой курганъ № 92. Кругомъ краснолѣсье. На N и O частяхъ насыпи по старой соснѣ. Порось верескомъ, брусникой и сѣрымъ мхомъ. По формѣ квадратный съ округленными углами; вершинка такая-же, съ выемкой и со скатомъ на NO. Съ трехъ сторонъ основанія по ровику (NW, SW, SO) и столько-же перешейковъ. По внѣшности курганъ такой же, какъ на рис. 31 отчета 1907 г. Ориентиро-

ванъ курганъ углами по главнымъ сторонамъ горизонта. Размѣры: сторона основанія 8 ар., сторона вершинки 4 ар., кривая образующая 11 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ 1—2 ар., глубина ихъ 6 в. — 1 ар. и длина перешейковъ: NO (входъ) 10 ар., S 4 ар. и W 5 ар. Явственный входъ съ NO имѣлъ въ ширину 2 ар. 4 в. Пробная яма, съ SW, дала то-же, что и у предыдущаго кургана. Раскопка производилась послойной съемкою всей насыпи, которая состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли, по всей площади кургана, присыпка ($1-1\frac{1}{2}$ в.) изъ бѣловатаго песку. Въ серединѣ ея квадратный, въ 1 ар. 4 в. по сторонѣ, костеръ изъ сосновыхъ и можжевельныхъ вѣтокъ, оставившій слой около 3 в. толщиною. Подъ нимъ присыпка обожжена. Въ угле-неплѣ костра оказались обрывки полосокъ берестовой плетенки, остатковъ же трупосожженія не обнаружено. На кострѣ лежало съ W на S угловое, сосновое, бревно длиною около 3 ар., толщиною въ 2—3 в. По обѣ стороны отъ него шли на W и на O углевая накладки, сосновыя и еловыя, длиною около 2 ар., толщиною 1—2 в. Онѣ покоились однимъ концомъ на конькѣ, а другимъ упирались въ присыпку. На накладкахъ усматривались углевая вѣтки можжевельника и сосны. По внутреннему устройству курганъ таковъ же, какъ на рис. 28 отчета 1907 г.

Курганъ № 120 (№ 94 на рис. 6) съ другой (чѣмъ предыдущій курганъ) стороны дороги, идущей отъ горы Челищева къ переправѣ черезъ р. Черную, на окраинѣ болотистаго лѣвобережья послѣдней. Вблизи его большого угольнаго кургана вѣтъ. Кругомъ рѣдкое краснотѣсье. Насыпь поросла сосновымъ и березовымъ молоднякомъ. Покрываетъ рѣдкимъ ковромъ вереска, брусники и сѣраго мха. По формѣ круглый; вершинка такая-же, плоская. У основанія три ровика (NO, SO, W) и столько-же перешейковъ. По внѣшности курганъ таковъ же, какъ на рис. 18 отчета 1906 г. Размѣры: окружность основанія 33 ар., окружность вершинки 23 ар., кривая образующая 15 ар., высота 10 в., ширина ровиковъ 2—3 ар., глубина ихъ 6—9 в. и длина перешейковъ: N 4 ар., O 7 ар. и S 9 ар. Пробная яма, съ O, дала то-же, что и у предыдущаго кургана. Раскопка производилась послойной съемкою всей насыпи, которая состояла изъ перевернутыхъ слоевъ земли отъ ровиковъ. На уровнѣ земли вся площадь кургана состоитъ изъ присыпки ($1\frac{1}{2}$ в.) изъ крупнаго бѣлаго песку. Въ серединѣ ея находился округленный (въ поперечникѣ 1 ар. 6 в.) костеръ изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. Присыпка подъ нимъ сильно обожжена. По сторонамъ костра находилось квадратное (стороны параллельны главнымъ сторонамъ

горизонта) обложено его углевыми, сосновыми, бревнами, длиною около $3\frac{1}{2}$ ар., толщиною въ 2 — 3 в. Тщательное обследованіе угле-пепла костра не дало никакихъ признаковъ остатковъ трупосоженія. По внутреннему устройству курганъ приближается къ типу, изображенному на рис. 19 отчета 1906 г.

Б. Ямы, помосты и насыпи.

Обслѣдованіе раскопкою ямъ (см. выше стр. 87—89) въ общемъ позволило установить нижеслѣдующее.

Ямы въ видѣ усѣченно-коническихъ углубленій (см. рис. 12) встрѣчаются относительно часто на мѣстахъ новыхъ и старыхъ порубокъ въ лѣсахъ и на поляхъ. Сравненіе порядка слоевъ въ пробной ямѣ съ чередованіемъ ихъ въ стѣнкахъ конуса даетъ полное тожество. Бока конуса и плоское дно его покрыты легкимъ растительнымъ слоемъ (около 1— $1\frac{1}{2}$ в.), на которомъ растетъ густая или жидкая трава, верескъ, канаберникъ, брусника, и т. п. За растительнымъ слоемъ лежитъ слой осыпей съ боковъ ямы состоящій изъ смѣси слоевъ первоначального порядка ихъ. Этотъ слой, обыкновенно становящійся толще ко дну (вверху $\frac{1}{4}$ в. и внизу до 6 в.), содержитъ въ себѣ пепель и (въ небольшомъ количествѣ) угли различныхъ древесныхъ породъ (сосна, ель, дубъ, береза, ольха, осина). За нимъ видно сильное обожженіе боковъ и особенно дна конуса, при чемъ на днѣ лежитъ толстый слой пепла и мелкаго древеснаго угля. Дальнѣйшая же раскопка дна и боковъ даетъ нетронутые и неповрежденные слои земли. Изслѣдованіе на поверхности земли вокругъ ямы растительнаго слоя и лежащаго подъ нимъ вглубь слоя сѣраго песку указываетъ на присутствіе въ нихъ, въ большей или меньшей степени, угля тѣхъ-же древесныхъ породъ. Все это производитъ впечатлѣніе угольной ямы, т. е. мѣста выжиганія углей. Мѣстные жители, впослѣдствіи, давали разъясненія именно въ такомъ смыслѣ. Нѣкоторыя изъ ямъ носятъ даже названіе, соотвѣтственное фамиліи бывшаго владѣльца.

Квадратно-пирамидальные ямы (см. рис. 13) усматриваются въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ и коническія, но имѣютъ относительно рѣдкое распространеніе. Сравненіе слоевъ земли въ пробной ямѣ съ таковыми же въ бокахъ и на днѣ ямы даетъ полное ихъ тожество. Четыре стороны пирамиды и плоское дно ея покрыты густымъ или жидкимъ ковромъ травъ, вереска, канаберника и т. п. Растительный слой не превышаетъ 1 в. Подъ нимъ непосредственно слѣдуетъ слой осыпи (смѣсь

слоевъ первоначальнаго порядка), толщина котораго увеличивается внизъ, ко дну, гдѣ достигаетъ иногда 4—5 в. Чѣмъ крупнѣе размѣры основанія пирамиды, тѣмъ слой осыпи меньше: въ связи съ шириною ямы находилось видимо, большее или меньше осыпаніе стѣнокъ. Въ этомъ слоѣ встрѣчается пепель и угольки различныхъ древесныхъ породъ (сосна, ель, береза, дубъ, ольха, осина). Подъ нимъ наблюдается сильное обожженіе слоевъ земли, усиливающееся ко дну ямы. На самомъ днѣ находится пепель и мелкіе угли тѣхъ-же древесныхъ породъ, составляющіе слой толщиной до 6 в. Дальнѣйшая раскопка стѣнокъ и дна ямы даетъ неповрежденные слои земли. Раскопка растительнаго слоя и слѣдующаго подъ нимъ слоя сѣраго песку на поверхности земли около краевъ ямы, позволяетъ наблюдать пепель и угольки, тождественные съ описанными выше. И эти ямы могутъ быть относимы къ числу угольныхъ ямъ, т. е. мѣстъ выжиганія углей. Нѣкоторыя изъ нихъ, по увѣреніямъ мѣстныхъ жителей, носятъ названіе, отвѣчающее фамиліи владѣльца ямы.

Квадратно-эполементныя ямы съ аппарелью (см. рис. 14) всегда сопровождаютъ ямы обѣихъ описанныхъ выше формъ (см. рис. 12 и 13). Окружающій отверстіе такой ямы валикъ или эполементъ состоитъ изъ перевернутыхъ слоевъ земли, выкиданной изъ ямы, и объемъ насыпи валика отвѣчаетъ объему ямы. Пологое углубленіе (аппарель) является сходомъ на дно ямы. Внутренность ямы, равно какъ и валикъ и аппарель, поросли травою и полукустарниковыми растеніями, особенно густыми всегда на днѣ ямы. По снятіи растительнаго слоя (1—2 в.) стѣнокъ и дна ямы усматриваются обрушившіеся внизъ и наполовину сгнившіе жерди, сучья и вѣтки крыши, видимо, покрывавшей яму сверху надъ валикомъ (эполементомъ), при чемъ находеніе, непосредственно подъ растительнымъ слоемъ, бѣловатаго слоя съ перегноемъ указываетъ на то, что крыша была покрыта сверху дерномъ. Расчистка того же слоя на днѣ ямы обнаруживаетъ вправо отъ входа, если стать спиною къ аппарели, мѣсто очага (кострище: пепель, угли, головни) съ кухонными остатками (кости свиньи, коровы, лося, зайца, дикой утки). Иногда мѣсто очага (его полъ и бока) бываетъ обложено валунами или кирпичами. Остальная площадь дна ямы покрыта перегноемъ, разсмотрѣніе котораго утверждаетъ въ томъ, что онъ является результатомъ гніенія подстилки (мохъ, сухая трава, вѣточки ели и т. п.), которой устилали дно и бока ямы. Скаты аппарели не представляетъ культурныхъ признаковъ. Подъ очагомъ земля сильно обожжена, иногда на глубину до полу-аршина. Дальнѣйшее обслѣдованіе боковъ и дна ямы

дасть неповрежденные слои земли. Въ одной изъ такихъ ямъ, на днѣ, найдена мѣдная монета («две копейки») 1766 г. Эти ямы являются, по всѣмъ вѣроятіямъ, временнымъ жилищемъ угольщиковъ или охотниковъ.

Плоскіе помосты на уровнѣ земли (см. выше стр. 89—90), будучи обследованы раскопкой, дали нижеслѣдующія наблюденія.

Плоскій квадратный съ закругленными углами помостъ (рис. 15) встрѣчается на Приозерной горѣ и на сѣнокосахъ къ W отъ ст. Мертути. Составленъ изъ валуновъ мѣстнаго происхожденія, тщательно уложенныхъ по горизонтальной плоскости одинъ подлѣ другого, и въ общемъ представляетъ, помимо своей геометричности, гладкую поверхность, свойственную помостамъ. Валунъ образуетъ одинъ пластъ и на половину ушли въ землю. Изъ промежутковъ между валунами пробивается трава и полукустарниковыя растенія. Иногда валуны, ограничивающіе фигуру, крупнѣе остальныхъ. Подъ слоемъ валуновъ усматривается отсутствіе растительнаго слоя, который былъ какъ-бы снятъ передъ настилкою валуновъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе раскопкою (колодцемъ формы и размѣровъ помоста) даетъ подъ валунами легкій слой (около 1—2 в.) бѣловатаго песку, засыпъ перегной, пепель и угли, сосновые и еловые, занимавшіе небольшую квадратную площадку (8 в. $\times$ 8 в.), слоемъ въ 1—1½ в. и дальше вглубь—совершенно правильное залеганіе слоевъ земли, тождественное съ порядкомъ ихъ въ пробной ямѣ. Хотя перегной изслѣдовать въ достаточной мѣрѣ и не удалось, тѣмъ не менѣе получается впечатлѣніе, что эти помосты могутъ быть относимы къ числу поверхностныхъ погребеній, быть можетъ, остатковъ трупосожженія.

Плоскій продолговатый, прямоугольный, съ закругленными углами помостъ (рис. 16) встрѣчается въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ и предыдущій. Валунъ, его составляющіе, уложены такъ-же, какъ и въ квадратной, подобной, фигурѣ. Поверхость ея столь-же горизонтальна и столь-же геометрична. Между валуновъ пробиваются травы и полукустарниковыя растенія. Сами валуны наполовину вросли въ землю. Раскопка подъ валунами (колодцемъ формы и размѣровъ помоста) обнаружила, что растительный слой передъ застилкою площадки валунами, снятъ и замѣненъ тонкимъ (1—2 в.) слоемъ бѣловатаго крупнаго песку; ниже лежалъ перегной, пепель и угольки (сосновые и еловые), занимавшіе прямоугольную площадку (1½ ар. $\times$ 8 в.) слоемъ толщиною до 1½ в.; а еще ниже шли слои, залегавшіе въ томъ-же порядкѣ, какъ и въ пробной ямѣ. И эти помосты производятъ впечатлѣніе поверхностныхъ погребеній, повидимому, остатковъ трупосожженія.

Плоскій овальный помостъ (рис. 17) встрѣчается тамъ-же, гдѣ и помосты, изображенные на рис. 15 и 16. Валунъ, составляющіе площадку, уложены тщательно, горизонтально и геометрично. Линія, ограничивающая фигуру овала, иногда бываетъ составлена изъ ряда болѣе, крупныхъ валуновъ. Между валуновъ растутъ травы и полукустарниковыя растенія. Валунъ наполовину вросли въ землю. Раскопка подъ валунами (колотцемъ формы и размѣровъ помоста) обнаружила, что растительный слой передъ застилкою площадки валунами былъ снятъ; вмѣсто него лежитъ легкій слой (1—1½ в.) бѣлаго крупнаго песку, потомъ идетъ слой (толщиною около 1 в.) перегноя, пепла и угольковъ (сосновыхъ и еловыхъ), имѣвшій овальную форму (1½ ар. × 8 в.), ниже нетронутыя слои земли, располагавшіяся такъ же, какъ и въ пробной ямѣ. Этотъ помостъ тоже производитъ впечатлѣніе поверхностнаго погребенія результатовъ трупосожденія.

Плоская прямоугольная площадка съ подраздѣленіемъ на ячейки (рис. 18 и 19) встрѣчалась на Приозерной горѣ. Составляющіе помостъ валунъ мѣстнаго происхожденія хорошо подобраны по размѣрамъ. Линіи, опредѣляющія площадку и ея подраздѣленія на ячейки (квадраты и прямоугольники), сложены изъ валуновъ болѣе крупныхъ. Фигура горизонтальна и геометрична. Между валунами пробивается трава и мѣстами, полукустарниковыя растенія. Валунъ ушли въ землю наполовину. Раскопка (колотцемъ размѣровъ и формы площадки) установила, что растительный слой передъ настилкою валуновъ былъ снятъ; на его мѣстѣ лежитъ легкій слой (1—1½ в.) бѣлаго песку, наблюдавшійся только въ ячейкахъ, затѣмъ, по ячейкамъ, идетъ слой (до 1 в.) перегноя, пепла и угольковъ, сосновыхъ и еловыхъ, имѣвшій форму ячеекъ и размѣровъ нѣсколько меньшихъ, чѣмъ ихъ размѣры; ниже залегали слои земли такъ же, какъ и въ пробной ямѣ. Эта фигура тоже можетъ быть рассматриваема, какъ поверхностное погребеніе остатковъ нѣсколькихъ трупосоженій.

Прямоугольникъ изъ прерывчатыхъ линій валуновъ съ подраздѣленіемъ на ячейки (рис. 20) встрѣчается на зеленыхъ лужайкахъ, вблизи ручейковъ. Линія фигуры и ея ячеекъ обозначены прерывчатыми рядами валуновъ различныхъ размѣровъ. На углахъ скрещенія линій сосредоточено по нѣсколько (иногда до 9) бокъ-о-бокъ и одинъ на другомъ расположенныхъ валуновъ, большихъ и малыхъ. Получается впечатлѣніе, что въ мѣстахъ скрещенія линій фигуры представлялась необходимость особенно усиливать численный составъ валуновъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кучки валуновъ на скреще-

ніяхъ линій сдвинуты, какъ-бы развалились, въ одну сторону. Площадь фигуры бываетъ болѣе или менѣе горизонтальна, покрыта зеленымъ ковромъ короткой и густой травы; между валунами—трава, верескъ и т. п. Пробная яма дала растительный слой 2 в., сѣрый песокъ 3 в., желтый песокъ 9—10 в. и, ниже, красноватый песокъ съ конкретными комьями желѣзистаго содержанія. Раскопка фигуры производилась такимъ образомъ: мѣста нахождения валуновъ очерчивались обрѣзомъ дерна, вся остальная площадь фигуры обслѣдовывалась послойной съемкой земли, послѣ чего снимались съ ихъ мѣстъ и валуны и обслѣдовывалось мѣсто подъ ними также послойной съемкой земли. Раскопка показала, что, хотя слои земли залегаютъ въ томъ-же порядкѣ, какъ и въ пробной ямѣ, но растительный слой на площади фигуры содержитъ въ себѣ, спорадически, перегной (растительныя вещества), пепель и угольки разныхъ древесныхъ породъ. Подъ валунами, въ растительномъ слоѣ, наблюдалось то-же, что находимо было въ этомъ слоѣ по всей площади фигуры. Прочіе слои земли подъ валунами тоже не заключали въ себѣ культурныхъ признаковъ и залежали въ томъ-же порядкѣ, какъ въ пробной ямѣ. Въ общемъ, принимая во вниманіе мѣстоположеніе фигуры, ея устройство, правильность залеганія слоевъ земли и содержимое растительнаго слоя, нельзя не прійти къ заключенію, что эти ряды и кучи валуновъ, вѣроятно всего, служили основапіемъ какому нибудь жилищу или иной деревянной постройкѣ.

Выпуклыя геометрическія фигуры или насыпи (см. выше стр. 90—93), будучи обслѣдованы раскопкою, дали слѣдующія результаты.

Земляная насыпь (рис. 21) на О сторонѣ Сосновой горы, гдѣ, приткнувшись къ низу ската горы, она перпендикулярно къ направленію горы, выдвигается въ болото, облегающее гору и составляющее одно цѣлое съ болотами, окружающими озеро Выпуярви. Поросла рѣдкимъ краснотѣсьемъ и покрыта жидкимъ растительнымъ ковромъ. Пробная яма, на ровномъ мѣстѣ по сосѣдству, дала растительный слой 1—1½ в., сѣрый песокъ 3—4 в., желтый песокъ 6—9 в. и, ниже, красный желтый песокъ съ конкретными комьями желѣзистаго содержанія. Обслѣдованіе насыпи раскопкою, рядомъ квадратныхъ ямъ, дало подъ растительнымъ слоємъ перемѣшанные слои земли, при чемъ получилось впечатлѣніе, что сѣрый песокъ съ желтымъ составляютъ какъ-бы всю массу насыпи. Съ поверхности насыпи и до глубины около ½ аршина встрѣчались пепель и угли (сосновые, еловые, березовые). Конецъ насыпи обрывается въ болотѣ. Эта насыпь не есть что-либо естественное, что-либо, возникшее подъ вліяніемъ различныхъ природныхъ условій. Она

кажется плотиной или дамбой, служившей для какихъ-то цѣлей человѣку, ее устроившему; быть можетъ, она являлась подходомъ къ постройкѣ, сооруженной въ былое время на водѣ.

Насыпная изъ дресвы квадратная (съ закругленными углами) низко усѣченная пирамида (рис. 22) встрѣчается повсемѣстно въ сосѣдствѣ съ курганами угольного типа. Поросла травой, верескомъ, канаберникомъ, а иногда кустарниками. Обслѣдование раскопкою показало, что насыпь, подъ растительнымъ слоемъ въ 1—1½ в., состояла изъ чистаго крупнаго бѣловатаго или бѣлаго песку, мѣстами, перемѣшаннаго съ дресвою. Раскопка ниже уровня земли, колодцемъ по всему основанію фигуры, убѣдила, что тамъ залегаютъ нетронутые слои земли совершенно такъ-же, какъ и въ пробной ямѣ. Подобный песокъ-дресва наблюдается на побережьи Финскаго залива и обыкновенно залегаютъ на глинѣ. Этотъ песокъ похожъ на песокъ, которой встрѣчался при раскопкахъ въ присыпкахъ кургановъ. Отсюда можно предполагать, что дресвяныя насыпи есть ничто иное, какъ заготовка матеріала для присыпокъ кургановъ, которую дѣлали въ районѣ послѣднихъ

Валунная квадратная (съ закругленными углами) низко усѣченная пирамида (рис. 23) встрѣчается относительно рѣдко, преимущественно въ окрестностяхъ Приозерной горы. Поросла травой, верескомъ, канаберникомъ и т. п., прибывающимися между валуновъ, которые составляютъ ея одежду. По снятіи валуновъ, остается небольшая, выдающаяся надъ уровнемъ земли, квадратной формы, насыпь, состоящая изъ растительнаго слоя, взятаго, видимо, кругомъ площади ея основанія, такъ какъ здѣсь усматривается легкая (1—1½ в.) выемка, имѣющая въ ширину около 2—3 ар. На уровнѣ земли наблюдаются перегной, пепель и угольки (сосновые и еловые), занимающіе площадку (1½ ар. × 1½ ар.) слоемъ въ 1—1½ в. толщиной. Дальнѣйшая раскопка подлѣ горизонтомъ, колодцемъ формы и размѣровъ площади основанія фигуры, дала нетронутые слои земли. Въ общемъ, эта насыпь производитъ впечатлѣніе поверхностнаго погребенія, видимо, остатковъ трупоожженія.

Валунный круглый низко усѣченный конусъ (рис. 24) встрѣчается тамъ-же, гдѣ и предыдущая фигура. Поросъ травой, канаберникомъ и верескомъ, прибывающимися между валуновъ, составляющихъ верхнюю обкладку насыпи. По снятіи валунной одежды, насыпь представляетъ собою выпуклый плоскій кругъ, состоящій изъ растительнаго слоя, видимо, снятаго кругомъ, гдѣ и наблюдалась выемка, тож-

дественная съ выемкою предыдущей фигуры. На уровнѣ земли усмотрѣны перегной, пепель и угольки (сосновые и еловые), занимавшіе округленную площадку, около 1 ар. въ поперечникѣ, слоемъ толщиною около 1 в. Дальнѣйшая раскопка подь уровнемъ земли, колодцемъ формы и размѣровъ основанія насыпи, дала нетронутые слои земли. И эта фигура можетъ быть относима къ поверхностнымъ погребеніямъ остатковъ трупосожженія.

Валунная прямоугольная (съ закругленными углами) низко усѣченная пирамида (рис. 25) встрѣчается тамъ-же, гдѣ и фигуры, рассмотрѣнныя выше (см. рис. 23 и 24). Поросла травою, верескомъ, канаберникомъ и т. п., пробивающимися между валуновъ. Валуны составляютъ сплошную верхнюю одежду насыпи. По снятіи валунной обкладки, получился выпуклый плоскій прямоугольникъ (съ закругленными углами). Онъ состоитъ изъ растительнаго слоя, вынутаго кругомъ, внѣ площади основанія фигуры. На уровнѣ земли, въ центральной части площади, открывались перегной, пепель и угольки (сосновые и еловые), представлявшіе прямоугольную площадку ($1\frac{1}{2}$ ар. $\times$ 1 ар.) и лежавшіе слоемъ толщиною около 1 в. Дальнѣйшая раскопка ниже уровня земли, колодцемъ формы и размѣровъ основанія фигуры, дала нетронутые слои земли, залежавшіе такъ-же, какъ и въ пробной ямѣ. Относительно этой насыпи можно-бы сказать то-же, что сказано и о предыдущей, т. е. что она, вѣроятно, является поверхностнымъ погребеніемъ остатковъ трупосожженія.

Валунный овалный низко-усѣченный конусъ (рис. 26) встрѣчается тамъ-же, гдѣ и фигуры, рассмотрѣнныя выше (см. рис. 23—25). Верхнюю обкладку фигуры составляютъ валуны. Между валуновъ пробивается трава, верескъ, канаберникъ и т. п. По снятіи валунной одежды, обнаруживается выпуклый плоскій овалъ, состоящій изъ растительнаго слоя, который вынутъ вокругъ основанія фигуры. На уровнѣ земли, въ центральной части площадки, находился овалной формы (1 ар. 4 в. $\times$ 8 в.) слой (толщиною около $\frac{3}{4}$ в) изъ перегноя, пепла и угольковъ (сосновыхъ и еловыхъ). Дальнѣйшая раскопка вглубь подь площадкою, колодцемъ формы и размѣровъ ея основанія, дала нетронутые слои земли. Можно предполагать, что и эта фигура должна быть понимаема, какъ поверхностное погребеніе результатовъ трупосожженія.

6. Заключение.

Эта глава имѣетъ цѣлью, пользуясь матеріаломъ раскопокъ втеченіе 1906—1908 гг. и основываясь на печатныхъ работахъ о нихъ, дать возможное заключеніе, подводящее итогъ археологическимъ изслѣдованіямъ кургановъ въ окрестностяхъ Сестрорѣцка.

Наблюденія 1905 г. носили исключительно развѣдочный характеръ и были только подготовкою къ раскопкамъ послѣдующихъ трехъ лѣтъ. Работы 1906 г. ¹⁾, выполнявшіяся съ крайнею осмотрительностью, точно установили лишь внѣшнія формы Сестрорѣцкихъ кургановъ. Правда, и по внутреннему содержанию, Сестрорѣцкіе курганы тогда-же были подраздѣлены на зольные и угольные и тогда-же высказано опредѣленное сужденіе о внутреннемъ строеніи зольныхъ кургановъ. Работы 1907 г. ²⁾ специально коснулись внутренняго устройства угольныхъ кургановъ и установили детали внутреннихъ ихъ построеній. Въ томъ-же году удалось открыть мелкіе квадратные курганы, связь которыхъ съ большими курганами, особенно удлинненными, тогда-же начала выясняться. Замѣчены были двухъ-ярусные угольные курганы, внутреннее устройство которыхъ еще не было изучено раскопкою. Такимъ образомъ, къ 1908 г. накопился уже большой матеріалъ, нуждавшійся отчасти въ дослѣдованіи, отчасти въ повѣркѣ наблюденій и отчасти вызывавшій новыя изысканія для заполнения тѣхъ пробѣловъ, которые невольно получились въ предшествовавшихъ изслѣдованіяхъ. Работа 1907 г. не могла еще вселять увѣренности въ выводахъ и тогда получалось впечатлѣніе неуѣренности, которое на самомъ дѣлѣ было совершенно естественнымъ слѣдствіемъ незаконченности изысканій. Пробѣлы въ послѣднихъ порождали отсутствіе стройной системы самаго погребальнаго типа, который нѣкоторымъ не казался даже вовсе погребальнымъ. Осмотрительность и осторожность изысканій не были для нихъ достаточнымъ залогомъ къ возможности успѣшныхъ выводовъ изъ фактовъ, которые представлялись имъ по меньшей мѣрѣ загадочными. Это обстоятельство побудило изслѣдователя въ послѣдующей работѣ еще къ большей осмотрительности, еще къ большей осторожности, которыя однѣ могутъ раскрыть истинную природу

---

¹⁾ См. статью „Раскопки на побережьи Финскаго залива“, напечатанную въ 1908 г. (Записки Отд. Русск. и Слав. Археол. Имп. Русск. Археол. Общ., т. VIII, вып. 2, Спб. 1909, стр. 1—43).

²⁾ См. статью „Изслѣдованіе сестрорѣцкихъ кургановъ въ 1907 г.“, напечатанную въ 1908 г. (Записки Отд. Русск. и Слав. Археол. Имп. Русск. Археол. Общ., т. VIII, вып. 2, Спб. 1909, стр. 44—134).

дѣла. Изысканія 1908 г., въ концѣ концовъ, настолько дополнили работы предшествующихъ лѣтъ и настолько связали ихъ между собою, что возможные выводы получились сами собою и не нуждаются уже въ новыхъ обследованіяхъ.

Итакъ, въ Сестрорѣцкомъ районѣ изслѣдованы курганы, помосты и невысокія насыпи.

Курганы оказались: круглые (одноярусные и двухъ-ярусные), овальные (одиночные, двойные, тройные), квадратные съ закругленными углами (большіе и малые), удлинённые съ закругленными углами и длинные съ закругленными углами.

Круглые курганы, какъ оказалось, бываютъ зольные (одноярусные) и угольные (одноярусные и двухъ-ярусные). Овальные оказываются только зольными. Квадратные и удлинённые бываютъ исключительно угольными. Длинные встрѣчались только зольные.

Внѣшность зольныхъ кургановъ описана въ отчетѣ 1906 г (см. стр. 39). Схема внѣшности угольныхъ кургановъ приведена въ отчетѣ 1907 г. (Записки, стр. 128; отд. отд., стр. 85).

Внутреннее устройство зольныхъ кургановъ изложено въ отчетѣ 1906 г. (стр. 39). Схема внутренняго устройства угольныхъ кургановъ изложена въ отчетѣ 1907 г. (Записки, стр. 130—132; отд. отд., стр. 87—89). Она дополнена въ отношеніи квадратныхъ малыхъ кургановъ и двухъ-ярусныхъ круглыхъ кургановъ въ настоящемъ отчетѣ.

Изъ помостовъ и плоскихъ насыпей несомнѣнный интересъ для изученія Сестрорѣцкихъ кургановъ могутъ представлять площадки, выложенныя валунами: квадратныя (закругленные углы), прямоугольныя (закругленные углы), прямоугольныя съ ячейками и овальныя, и плоскія насыпи, обложенныя валунами: квадратныя (закругленные углы) съ низко усѣченной пирамидой, прямоугольныя (закругленные углы) съ низко-усѣченной пирамидой, круглыя съ низко усѣченнымъ конусомъ и овальныя съ низко-усѣченнымъ конусомъ.

Внѣшность и внутреннее устройство этихъ площадокъ и насыпей описаны въ настоящей работѣ (см. выше, стр. 89—93 и 142—146). Сопоставляя ихъ внѣшность съ внѣшностью кургановъ мы видимъ однѣ и тѣ-же формы основанія: кругъ, овалъ, квадратъ (съ закругленными углами) и прямоугольникъ (съ закругленными углами), и однѣ и тѣ-же профили: сегменто-образный и въ большей или меньшей степени усѣченный треугольникъ, т. е. трапецію.

Оріентировка ихъ по сторонамъ горизонта (кромѣ круглыхъ, которые

не поддаются опредѣленію) тоже аналогична курганамъ: преобладаетъ NS на направленіе съ нѣкоторыми уклоненіями къ W и O.

Изъ разсмотрѣнія взаимнаго положенія кургановъ выясняется, что квадратные малые курганы всегда почти являются непремѣнными спутниками удлиненныхъ кургановъ. Малые круглые курганы обязательно находятся вблизи большихъ круглыхъ кургановъ (одноярусныхъ) или составляютъ на послѣднихъ верхній курганъ (двухъ-ярусные). Группа зольныхъ кургановъ располагается въ сосѣдствѣ съ нѣсколькими группами, составленными исключительно почти изъ круглыхъ (одноярусныхъ) угольныхъ кургановъ. Помосты и плоскія насыпи оказываются всегда по сосѣдству съ курганными группами, состоящими преимущественно изъ круглыхъ (одноярусныхъ) угольныхъ кургановъ.

Внутреннее археологическое содержаніе зольныхъ кургановъ, помостовъ и плоскихъ насыпей, можно сказать, одинаковое: валунное обложеніе, перегной, пепель, угольки; отличіе—лишь въ томъ, что зольные курганы имѣютъ присыпку, а у помостовъ и плоскихъ насыпей, она замѣняется небольшимъ углубленіемъ въ уровнѣ земли. Насыпи тѣхъ и другихъ состоятъ изъ растительнаго слоя, снятаго съ окружающаго ихъ мѣста.

Такимъ образомъ, оказывается, что квадратный малый курганъ является дополненіемъ къ сосѣднему удлиненному кургану; малый круглый курганъ—дополненіемъ къ большому круглому угольному кургану; зольные курганы, а также помосты и плоскія насыпи,—дополненіемъ къ группамъ угольныхъ, круглыхъ (одноярусныхъ) и квадратныхъ кургановъ (большихъ).

Впрочемъ, иногда (сравнительно рѣдко) большіе круглые, большіе квадратные и удлиненные курганы являются, судя по ихъ внутреннему содержанію, вполне самостоятельными, т. е. не имѣютъ около себя кургановъ дополнительныхъ.

Отсюда, принявъ во вниманіе и внутреннее содержаніе кургановъ, заключаемъ, что угольные курганы (большіе круглые, большіе квадратные и удлиненные), какъ содержащіе въ ихъ кострахъ лишь слабые признаки кальцинированныхъ человѣческихъ костей, должны быть признаны, по преимуществу, мѣстами, гдѣ совершалось трупосожженіе. Зольные-же курганы, квадратные малые курганы, круглые малые курганы, также помосты и плоскія насыпи, могутъ быть разсматриваемы только какъ мѣста погребенія результатовъ трупосожженія. Курганы же (большіе круглые, большіе квадратные и удлиненные), заключающіе въ себѣ и остатки трупосожженія, являются одновременно и мѣстомъ трупосожженія, и мѣстомъ погребенія остатковъ послѣдняго.

Разсмотрѣніе внутреннихъ построений угольныхъ кургановъ, т. е. мѣстъ трупосожженія, приводитъ къ заключенію, что, стремясь создать огонь большой интенсивности, — на каковой указываютъ сравнительно небольшіе остатки трупосожженія, — созидали на присыпкѣ огромные костры изъ бревенъ и прикрывали ихъ въ большинствѣ случаевъ особымъ закрытіемъ или шатровымъ (четвертьшатровое, полушатровое, двухполушатровое, крестообразношатровое, шатровое съ просвѣтомъ и полношатровое), или въ видѣ двускатной крыши (на столбахъ или безъ нихъ), или комбинаціей послѣдней съ шатромъ. Шатровое прикрытіе наблюдалось только въ круглыхъ курганахъ. Двускатная крыша составляла преимущественную принадлежность квадратныхъ (особенно большихъ) и удлиненныхъ кургановъ, хотя иногда наблюдалась и въ круглыхъ курганахъ. Комбинація двускатной крыши съ шатровою усматривалась (впрочемъ изрѣдка) только въ круглыхъ курганахъ. Отсутствіе какого бы то ни было прикрытія замѣчалось чаще всего въ курганахъ удлиненныхъ и квадратныхъ.

Изученіе внутреннихъ построений тѣхъ кургановъ, которые имѣли значеніе мѣстъ погребенія остатковъ трупосожженія, показываетъ, что въ этихъ курганахъ (круглыхъ малыхъ и квадратныхъ малыхъ, въ большинствѣ случаевъ имѣющихъ входъ въ насыпь) на присыпкѣ устраивался небольшой костеръ, имѣвшій иногда квадратное или прямоугольное обложеніе угловыми бревнами, принесенными, видимо, съ мѣста трупосожженія; въ серединѣ угле-пепла костра помѣщались остатки трупосожженія, чаще всего въ берестовой плетенкѣ, или въ глиняномъ сосудѣ, прикрывавшихся берестовой плетеною или берестовой плетеною покрывкой или другимъ глинянымъ сосудомъ, или же остатки эти просто прикрывались берестовой плетеною безъ всякой подстилки снизу; съ краю костра, гдѣ въ послѣдствіи обыкновенно обозначался какъ-бы входъ къ насыпи, выполнялся, нужно полагать, какой-то погребальный ритуалъ, отъ котораго оставались тутъ кусочки костей животныхъ, птицъ и рыбъ; затѣмъ устраивалось послѣднее закрытіе или въ видѣ легкой земляной насыпи, или при посредствѣ забрасыванія мѣстными валунами, или же сооруженіемъ двускатной крыши (на столбикахъ и безъ нихъ) или помоста изъ угольныхъ бревенъ и жердей, прикрытыхъ угловыми вѣтками (помосты имѣютъ иногда круглую форму, и составныя части ихъ кладутся по радіусамъ, или же квадратную); какъ валунныя, такъ и углевые закрытія засыпались сверху слегка землею и вокругъ (по квадрату или по кругу) насыпался земляной валикъ, часто съ явственнымъ перерывомъ, какъ-бы для входа; земля для валика бралась тутъ же рядомъ

внѣ очертаній основанія насыпи и такимъ путемъ образовывались ровики вокругъ кургана, кромѣ мѣста входа, гдѣ почти всегда оставался широкій, плоскій перешеекъ. Таково построение квадратныхъ малыхъ и круглыхъ малыхъ кургановъ. Ничѣмъ существенно отъ этого не отличаются и большіе квадратные и большіе круглые курганы; въ нихъ однако нижнюю часть обыкновенно составляютъ костры трупосожженія и почти не встрѣчается входовъ къ насыпямъ.

Внутреннее построение зольныхъ кургановъ, въ общемъ, таково: на присыпкѣ, на площади основанія или на верхней части насыпи, а иногда и на обоихъ уровняхъ, помѣщались остатки трупосожженія, пепель и угольки; вокругъ нихъ на присыпкѣ ставили рѣдкою цѣпью валуны, которые образовывали округленное или овальное обложение; такое же рѣдкое обложение валунами дѣлали и по краю вершинки и по окружности основанія насыпи; ее насыпали изъ растительнаго слоя и отчасти изъ слѣдующаго за нимъ, беря ихъ вокругъ основанія кургана, благодаря чему и получался кольцевидный, широкій, но неглубокій, треугольнаго сѣченія, ровикъ.

Помосты и плоскія насыпи устроены нѣсколько иначе: растительный слой всегда, кажется, снимался квадратомъ, или прямоугольникомъ, или кругомъ, или оваломъ; въ центральной части избранной фигуры помѣщались остатки трупосожженія (перегной), пепель и угли отъ костра трупосожженія, располагавшіеся квадратно или прямоугольно, или кругообразно, или овално; выше лежалъ легкій слой засыпки растительнымъ слоемъ; окончательнымъ прикрытіемъ служилъ или горизонтальный помостъ изъ валуновъ (квадратный, прямоугольный, круглый, овальный) или же легкая насыпь изъ растительнаго слоя, взятаго кругомъ внѣ площади фигуры, отчего вокругъ и наблюдается широкое, едва примѣтное, углубленіе на поверхности земли; эта плоская насыпь облагалась валунами и получалась въ общемъ форма квадратной или прямоугольной пирамиды и круглаго или овальнаго конуса, усѣченыхъ всегда очень низко у основанія.

Наличіе иногда двухъ костровъ въ курганахъ, которые были насыпаны надъ мѣстами трупосожженія, а равно двухъ костровъ съ квадратнымъ или прямоугольнымъ обложениемъ углевыми бревнами въ самостоятельныхъ углевыхъ курганахъ, (безъ добавочнаго кургана или помоста, или плоской насыпи для погребенія остатковъ трупосожженія), а также двойные иногда уровни погребенія, и цѣлые ряды погребеній въ длинныхъ курганахъ, и комбинаціи двойныхъ и тройныхъ насыпей въ зольныхъ курганахъ, и множественныя ячейки въ нѣкоторыхъ валунныхъ помо-

стахъ, все это указываетъ на существованіе семейныхъ погребеній, которымъ, нужно полагать, отвѣчаетъ и группировка въ каждой курганной группѣ отдѣльныхъ кургановъ въ особыя кучки, болѣе или менѣе значительныя по числу кургановъ, ихъ составляющихъ.

Если задаться вопросомъ, какъ устраивались обыкновенно Сестрорѣцкіе курганы, помосты и плоскія насыпи, то окажется приблизительно нижеслѣдующее. Курганы угольнаго типа возникали такъ, какъ то было изложено на стр. 42 и 43 отчета 1906 г. При этомъ, если самъ курганъ не долженъ былъ служить и мѣстомъ погребенія остатковъ трупосоженія, то ихъ тщательно собирали и переносили на другое облюбованное для этого мѣсто, гдѣ и устраивали либо квадратный малый курганъ, либо круглый малый курганъ, либо зольный курганъ (какъ устраивались подобные курганы описано на стр. 40—42 отчета 1906 г.), либо особый помостъ, либо часть помоста (ячейка), либо плоскую насыпь.

Такимъ-же точно путемъ изученія археологическаго матеріала, относительно мѣстъ погребенія остатковъ трупосоженія, можно прийти къ заключенію, что и зольные курганы, и помосты и плоскія насыпи, какъ погребальныя типы, представляютъ, собственно говоря, одно и то же, а именно погребеніе на уровнѣ земли остатковъ трупосоженія подъ слоемъ земли или валуновъ, представлявшимъ обыкновенно правильную геометрическую фигуру: квадратъ, прямоугольникъ (большей или меньшей длины) кругъ или овалъ. Это положеніе, столь, повидимому, ясное для помостовъ и плоскихъ насыпей и тѣхъ, круглыхъ, квадратныхъ и удлиненныхъ, угольныхъ кургановъ, въ которыхъ остатки трупосоженія остались на кострѣ и лишь прикрыты легкимъ землянымъ слоемъ верхней части насыпи, далеко не оказывается столь же яснымъ для зольныхъ кургановъ. Но и послѣдніе, если вникнуть въ ихъ внутреннее устройство, не составятъ исключенія. Такъ, относительно длинныхъ зольныхъ кургановъ, удлинявшихся по мѣрѣ новыхъ погребеній, особыхъ разъясненій, пожалуй, и не нужно. Что же касается круглыхъ и овальныхъ зольныхъ кургановъ, то и тѣ, и другіе, если принять во вниманіе два уровня погребеній въ нихъ, тоже не представляютъ особыхъ трудностей въ пониманіи процесса ихъ возникновенія, т. е. и въ этихъ курганахъ погребенія происходили разновременно, т. е. сначала нижнее, прикрывавшееся небольшой земляной присыпкой (круглой или овальной), а затѣмъ верхнее, прикрытіе котораго и увеличивало насыпь въ высоту. Другими словами, въ длинныхъ курганахъ послѣдующія погребенія увеличивали курганъ въ длину, а въ круглыхъ и оваль-

ныхъ въ высоту; поверхностная-же присыпка небольшимъ слоемъ земли во всѣхъ случаяхъ практиковалась одна и та-же.

Изъ перечисленныхъ разныхъ способовъ погребать остатки трупосожженія, если разсматривать ихъ съ эволюціонной точки зрѣнія, самымъ простымъ представляется оставленіе остатковъ этихъ на самомъ мѣстѣ сожиганія трупа; затѣмъ, кажется, могутъ быть поставлены зольные курганы, въ которыхъ длинный курганъ наиболѣе примитивенъ; далѣе пойдутъ валунные помосты въ видѣ геометрическихъ фигуръ на уровнѣ земли; за ними послѣдуютъ плоскія насыпи геометрическихъ формъ, обложенныя валунами, курганы малые квадратныя, изъ коихъ тѣ, гдѣ практиковалось забрасываніе костра валунами, какъ-бы подходятъ къ предыдущему типу и, наконецъ, курганы малые круглыя.

Отсюда естественно возникаетъ и вопросъ о сравнительной древности угольныхъ кургановъ круглыхъ, квадратныхъ и удлиненныхъ. Въ этомъ вопросѣ, если основываться только на фактѣ дополненія къ угольнымъ курганамъ, приходится предположить, что круглыя курганы древнѣе, а квадратныя и особенно удлиненныя какъ-бы новѣе.

Небезынтересную подробность погребальнаго типа Сестрорѣцкихъ кургановъ, помостовъ и плоскихъ насыпей представляетъ то, что почти на всякомъ мѣстѣ погребенія остатковъ трупосожженія (кромѣ тѣхъ кургановъ, въ которыхъ находилось и самое мѣсто трупосожженія) сжигался небольшой костеръ (преимущественно изъ сосновыхъ, еловыхъ и и можжевеловыхъ вѣтокъ), подлѣ котораго иногда (квадратныя малые курганы со входомъ) совершались еще какія то жертвоприношенія изъ частей животныхъ, птицъ и рыбъ, судя по находженію ихъ перегорѣлыхъ костей.

Трупосожженіе крайне интенсивнымъ огнемъ повело почти къ полному уничтоженію костяковъ, отъ которыхъ сохранились сравнительно небольшіе остатки кальцинированныхъ костей, въ большинствѣ въ стадіи распада кости, подъ вліяніемъ сильнаго жара, на кусочки и костяной порошокъ. Тщательное собираніе костнаго матеріала установило и вѣсовыя данныя: кальцинированныя человѣческія кости находимы были въ количествѣ, по вѣсу, отъ 5 до 60 зол. Столь, повидимому; ничтожный вѣсъ костныхъ остатковъ наблюдаемъ былъ въ курганахъ съ трупосожженіемъ и въ другихъ мѣстностяхъ, причемъ иногда въ курганахъ съ несомнѣннымъ погребеніемъ остатковъ трупосожженія приходилось и совсѣмъ не находить этихъ остатковъ, вмѣсто которыхъ являлись перегной и соотвѣтственное окрашиваніе земли, и лишь химическій анализъ открывалъ въ послѣдней фосфорно-кислую известь.

Изъ прочихъ остатковъ, встрѣчавшихся въ курганахъ и культурномъ слое дреняго поселка, заслуживаютъ интереса собственно остатки культуры, которые по матеріалу дѣлятся на желѣзные, мѣдные, серебряные, глиняные, берестовые и каменные. Въ дальнѣйшемъ мы и будемъ придерживаться этого порядка, соединяя предметы изъ кургановъ съ предметами изъ культурнаго слоя поселка, т. к. между тѣми и другими рѣзкой разницы нѣтъ.

Желѣзные издѣлія: разныхъ типовъ ножи (фиг. 15 и 16, 20 и 21 на рис. 40 отчета 1907 г. и, выше, рис. 33 и 37), скребки (см. выше стр. 120, курганъ № 94, и стр. 122 сл., кург. № 97), бритва (фиг. 18 на рис. 40 отчета 1907 г.), грузило (фиг. 22 на рис. 40 отчета 1907 г.), кресало (фиг. 19 на рис. 40 отчета 1907 г.), гвозди (фиг. 17 на рис. 40 отчета 1907 г.; см. выше стр. 123, кург. № 97, и стр. 13, кург. № 112) и пластинка, вѣроятно, оковка (см. выше стр. 120, кург. № 94). Изъ нихъ при раскопкахъ 1907 г. предметы (кроме фиг. 15 и 16 на рис. 40) добыты изъ культурнаго слоя дреняго поселка, а прочіе изъ кургановъ.

Мѣдные издѣлія: пластинчатая скобка и рукоятка ножа (фиг. 16 на рис. 40 отчета 1907 г.), овальное украшеніе или рукояточная (верхъ) оковка ножа или кинжала (см. выше рис. 31) и пластинка неизвѣстнаго назначенія, повидимому, тоже служившая оковкою (см. выше стр. 120, кург. № 94). Сюда-же относились бы и тѣ неизвѣстные предметы, которые, какъ видно изъ предыдущей главы, оставили послѣ себя лишь зеленоватую окраску костяного порошка въ остаткахъ трупосожженія. По остаткамъ въ курганѣ № 99 (см. выше, стр. 124) кольца изъ круглой мѣдной проволоки, которые окрасили по сосѣдству, въ зеленый цвѣтъ, костяной порошокъ, мы имѣемъ основаніе предполагать, что подобныя кольца были нѣкогда и во всѣхъ тѣхъ курганахъ, гдѣ наблюдалось зеленое окрашиваніе костяного порошка. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что подобныя издѣлія, какъ сравнительно нѣжныя, на сильномъ огнѣ при сожиганіи група должны были сильнѣе окисляться, плавиться и даже перегорать, а окружающая ихъ среда, особенно мелко-пористые кусочки кости и костяной порошокъ, не могла не пропитываться возникавшимъ при окисленіи мѣди растворомъ (влажное соединеніе окисла), который и окрашивалъ ее въ зеленый цвѣтъ. Только счастливая случайность сохранила эти кусочки проволоки и дала возможность къ выше изложенной гипотезѣ. Изъ перечисленныхъ мѣдныхъ издѣлій, найденныхъ въ курганахъ, только скобка съ рукоятки ножа происходитъ изъ раскопокъ 1907 г., а все остальное—результаты работъ 1908 г.

Серебряныя издѣлія ни въ цѣломъ видѣ, ни въ обломкахъ найдены не были. Возможно однако говорить и о предметахъ изъ этого металла. Костяной порошокъ, оставшійся отъ трупосожженія, имѣлъ въ нѣкоторыхъ курганахъ фіолетовую или фіолетово-зеленую окраску. Извѣстно, что серебряная вещь, окисляясь, пріобрѣтаетъ фіолетовый оттѣнокъ, а низкопробное серебро фіолетово-зеленый. По аналогіи съ разсмотрѣнной выше ролью мѣдныхъ проволочныхъ колецъ въ окрашиваніи частицъ костей въ зеленый цвѣтъ, фіолетовая и фіолетово-зеленая окраска другихъ частицъ костей позволяетъ предполагать нѣкогда присутствіе колецъ изъ серебряной, разнаго качества, проволоки. Это, разумѣется, высказывается, лишь какъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, единственно удовлетворительно объясняющее названныя окрашиванія.

Издѣлія изъ камня представлены только брусками, или точильными камнями (прямоугольными, небольшихъ размѣровъ), изготовленными изъ силлурійскаго песчаника и встрѣчавшимися не только въ культурномъ слоѣ древняго поселка, но и въ курганахъ. Одинъ изъ такихъ брусковъ, наиболѣе типичный, описанъ выше (стр. 98, кург. № 66). Обломокъ каменнаго орудія (фиг. 12 на рис. 39 отчета 1907 г.), найденный въ 1907 г. въ курганѣ № 40, никакого отношенія къ курганнымъ древностямъ Сестрорѣцкаго раіона не имѣетъ, какъ то доказали работы 1908 г. и какъ то будетъ показано въ особой статьѣ о доисторической керамикѣ Сестрорѣцкаго раіона (см. выше, стр. 121, кург. № 97).

Глиняныя издѣлія: горшки (узкіе и широкіе), кувшины (съ ручкою и безъ нея) и прясло или грузило. Первые представлены фигурами 3, 4, 6—11 на рис. 39 отчета 1907 г. и, выше, рисунками 27, 29 и 34 (см. еще, выше, стр. 98 и 128, кург. № 66 и 104). Вторые изображены выше на рис. 30 и описаны на стр. 104. Прясло или грузило см. фиг. 5 на рис. 39 отчета 1907 г. Всѣ глиняныя издѣлія, изображенныя въ отчетѣ 1907 г., добыты въ культурномъ слоѣ древняго поселка; всѣ же прочія найдены въ курганахъ при раскопкахъ въ 1908 г. Черепокъ (см. фиг. 11 на рис. 39 отчета 1907 г.), найденный въ курганѣ № 37, совершенно аналогиченъ съ особыми, не имѣющими ничего общаго съ курганными древностями, черепками, о которыхъ предполагается особая статья (см. выше стр. 121, кург. № 97). Въ общемъ, керамику Сестрорѣцкихъ кургановъ можно характеризовать такъ. Глина съ примѣсью песка, отдѣльныя песчинки котораго выдаются изъ поверхности стѣнокъ. Черепки изъ чистой глины (слоистый изломъ и сложеніе) сравнительно рѣдки. Сработаны сосуды на гончарномъ станкѣ, какъ на то указываютъ

правильность общих формъ, особая штриховатость поверхности стѣнокъ, всегда кругообразная и взаимно-параллельная другъ къ другу. Преобладаютъ горшки. Между ними одинъ (см. выше рис. 29) напоминаетъ корчагу. Кувшины (съ ручками) рѣдкость: ихъ всего два (см. выше стр. 104 сл. и рис. 30). Край сосудовъ слегка отогнуть. Обрѣзъ почти прямой. Шея низкая и слабо выраженная. Плечи слабо выраженные: горшокъ иногда почти имѣетъ видъ банки. Стѣнки преимущественно слабо выпуклыя. Дно плоское. Обжигъ, сравнительно, сильный и выполненъ, кажется, въ печахъ (разноцвѣтная окраска на стѣнкахъ и въ изломѣ). Орнаментъ встрѣчается очень рѣдко, однорядный и непосредственно ниже шейки. Типъ узора двоякій: либо неровная, углубленная мелкозигзагообразная линія (см. фиг. 8 на рис. 39 отчета 1907 г.), либо запятовидныя углубленія (см. фиг. 3 и 7 на рис. 39 отчета 1907 г.) кругомъ горшка.

Берестовыя издѣлія, кузовокъ (см. выше рис. 28) и покрывка (см. выше рис. 32), изготовлены изъ узкихъ полосокъ березовой коры (бѣлой пленки). Покрывка представила собою единичное явленіе, а кузовокъ имѣлъ широкое примѣненіе и встрѣчался во всѣхъ курганныхъ группахъ, преимущественно въ малыхъ квадратныхъ курганахъ. Плетеніе розное: края полосокъ загнуты на-нѣтъ подъ сосѣднія, перпендикулярно расположенныя, полоски. Характерно, что горшки и кувшины въ погребальномъ типѣ какъ-бы дополняютъ берестовые кузовки (и берестовую покрывку). Тѣ, другіе и третьи въ курганахъ всегда являются вмѣстѣ съ остатками трупосожженія: послѣдніе либо заключены въ горшокъ и покрыты другимъ горшкомъ большихъ размѣровъ (дномъ вверхъ), либо помѣщены въ кувшинѣ и накрыты другимъ кувшиномъ большихъ размѣровъ (дномъ вверху), либо находились въ берестовомъ кузовкѣ, закрывавшемся другимъ берестовымъ кузовкомъ большихъ размѣровъ (дномъ вверхъ), либо покоились на угленеплѣ костра, прикрытые берестовымъ кузовкомъ (дномъ вверхъ), или плоской берестовой покрывкой. Кузовки и покрывка, какъ изготовленные изъ березовой коры (пленки), бѣлаго цвѣта.

Глиняныя издѣлія самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, сѣраго, сѣро-синяго, чернаго, розоваго. Волнистый, или вѣрнѣе зубчатый, узоръ, имѣющій довольно широкое распространеніе, усматривался на горшкахъ и въ Гнѣздовскомъ могильникѣ (Матеріалы по археологій Россіи издаваем. Имп. Археол. Коммиссіей. № 28, см. рис. 5 на таблицѣ X), хотя послѣдующіе ряды украшеній на горшкахъ изъ Гнѣздова и другихъ узоровъ. Пряслица (фиг. 5 на рис. 39 отчета 1907 г.) аналогична съ пряслицей изъ «Древностей бассейновъ рѣкъ Оки и Камы» (Матер. по

археол. Россіи. № 25. см. фиг. 16 таблицы VII). Впрочемъ, подобныя пряслицы находимы были въ разныхъ мѣстахъ и въ предѣлахъ времени, охватывающихъ огромный періодъ. Поэтому возможно, что пряслица изъ культурнаго слоя древняго поселка въ мѣстности Бочага—Канонерки и не относится къ числу курганныхъ древностей. Ножикъ (фиг. 21 на рис. 40 отчета 1907 г.) имѣетъ сходство съ ножикомъ «Гнѣздовскаго могильника» (см. фиг. 18 таблицы VII). Ручка его носитъ слѣды обмотки проволокой, что, какъ извѣстно, приписывается вѣяніямъ изъ Прибалтійскаго края или занесено отъ Латышей (см. Матер. по археол. Россіи № 20. Курганы С.-Петербургской губерніи въ раскопкахъ Ивановскаго). Загибъ у этого ножика острія внизъ составляетъ явленіе не новое (см. фиг. 10 таблицы VIII у Бранденбурга: «Курганы Южнаго Приладожья». Матер. по археол. Россіи. № 18). Другой ножикъ (фиг. 15 на рис. 40 отчета 1907 г.) имѣетъ сходство (короткое лезвіе, длинный стержень для ручки) съ ножикомъ Гнѣздовскаго могильника (фиг. 25 таблицы IX) и съ ножикомъ изъ раскопокъ Бранденбурга въ Приладожьи (фиг. 11 таблицы VIII). Характерный загибъ ножика этого вверхъ (остріе) похожъ на подобный загибъ ножа изъ раскопокъ Бранденбурга въ Приладожьи (фиг. 20 таблицы VIII).

Коса (рис. 33),—косы находимы были и въ курганахъ XI в.,—можетъ служить для датировки квадратныхъ малыхъ кургановъ, которые, въ качествѣ дополненія къ удлинненнымъ курганамъ, будутъ способствовать, въ свою очередь, и датировкѣ послѣднихъ. Гвоздь (фиг. 17 на рис. 40 отчета 1907 г.) схожъ съ гвоздемъ изъ раскопокъ Ивановскаго (фиг. 13 таблицы XIX). Клады монетъ Ивана Грознаго (преимущественно серебряныя «копейки»), а также фляжка (рис. 1 отчета 1907 г.), въ которой заключенъ былъ одинъ изъ нихъ, прямого отношенія къ Сестрорѣцкимъ курганнымъ древностямъ не имѣютъ. Если принять во вниманіе, что примѣсь песка къ глинѣ свойственна желѣзному вѣку, что выработка глиняныхъ сосудовъ на гончарномъ кругѣ возникла, вѣроятно, не ранѣе VIII—X в. («Русская доисторическая керамика» Городцева, въ I т. Трудовъ XI Археологическаго сѣзда), что кувшины, какъ типъ сосудовъ, кажется, не древнѣе конца желѣзнаго вѣка, что съ желѣзнымъ вѣкомъ начинается преобладаніе некрупныхъ сосудовъ, что низкая шея горшковъ свойственна послѣднимъ и въ новое время, что слабо выраженные плечи сосудовъ знаменуютъ желѣзный вѣкъ, что ручки у сосудовъ (кувшины) появляются не ранѣе X—XIII в. и что сильный обжигъ сосудовъ отвѣчаетъ желѣзному вѣку, то керамика Сестрорѣцкихъ кургановъ окажется однимъ изъ критеріевъ для ихъ датировки.

А. А. Спицынъ («Удлиненные и длинные русскіе курганы», см. Записки Отд. Русск. и Слав. Археол. Имп. Русск. Археол. Общ., т. V, вып. 1, 1903 г., стр. 196—202), основываясь на раскопках В. Н. Глазова, устанавливаетъ, между прочимъ, фактъ, что длинные курганы всегда встрѣчаются въ однѣхъ группахъ съ круглыми курганами, что нѣкоторые длинные курганы представляютъ характерное сочетаніе съ круглыми (совмѣщеніе), что устройство (ровики, трупосожженіе, помѣщеніе остатковъ послѣдняго въ верхней части насыпи, или въ основаніи) длинныхъ кургановъ и круглыхъ—одно и тоже и что длинные курганы, какъ и круглые, одинаково бѣдны вещами (черепки съ примѣсью кварцевыхъ зеренъ, горшки съ короткой шейей), причемъ относилъ, какъ длинные курганы, такъ и круглые Псковскіе и Смоленскіе, къ X в., приписывая ихъ кривичамъ.

В. Н. Глазовъ (Отчеты о раскопкахъ, произведенныхъ въ Псковской губерніи въ 1899, 1901 и 1902 гг., см. Зап. Отд. Р. и Сл. Арх. И. Р. А. О., т. V, вып. 1, стр. 44—76) при д. Сатанкиной, Великолукскаго уѣзда, встрѣтилъ «продолговатые курганы, представляющіе собою насыпи почти прямоугольной формы со слегка закругленными углами» (ibid., стр. 44), каковыя курганы, по внѣшнему и внутреннему устройству, оказались аналогичными съ длинными курганами. При этомъ замѣчено, что курганъ № 19 у названной деревни имѣетъ почти квадратную (съ округленными углами) форму и, по внутреннему содержанію, повидимому, аналогиченъ съ длинными и круглыми курганами того-же типа. Итакъ, можно полагать, что еще В. Н. Глазовымъ намѣчена была связь однотипныхъ кургановъ: круглыхъ, квадратныхъ (съ закругленными углами), продолговатыхъ (съ закругленными углами) и длинныхъ (съ закругленнымъ углами), Рис. 3 той-же работы В. Н. Глазова представляетъ курганъ формы скорѣе овальной, чѣмъ квадратной (по тексту длина 5 с., а ширина до 4 с.) съ закругленными углами. Это послѣднее обстоятельство, повидимому, случайное, интересно лишь въ томъ отношеніи, что сближаетъ, напримѣръ, курганъ № 18 Глазова съ Сестрорѣцкими зольными овальными курганами. Еще большее сходство подобныхъ кургановъ съ Сестрорѣцкими овальными зольными курганами по формѣ основанія тѣхъ и другихъ замѣчается, если сопоставить приведенные въ книжкѣ А. А. Спицына «Археологическія развѣдки», СПб. 1908 г., рис. 22 (Псковская губернія, рис. 31 у г. Глазова) и рис. 28 (Новгородская губернія) съ рис. 23 (Сестрорѣцкій зольный овальный курганъ). Въ этомъ сопоставленіи какъ бы усматривается тождество, позволяющее номенклатуру кургановъ этого именно

типа установить таковою: круглые, овальные, квадратные (съ закругленными углами), удлиненные [или продолговатые, или прямоугольные] (съ закругленными углами) и длинные (съ закругленными углами).

Итакъ, у Сестрорѣцкихъ кургановъ круглыхъ, овальныхъ, квадратныхъ (закругленные углы), удлиненныхъ (закругленные углы) и длинныхъ (закругленные углы),—безъ различія зольные ли они или угольные, —оказывается сходство по формѣ основанія съ подобными-же курганами Новгородскими, Псковскими и Смоленскими, при чемъ сестрорѣцкіе зольные курганы (круглые, овальные и длинные) имѣютъ нѣкоторое сходство съ ними и по внутреннему устройству. Гдовскіе курганы, огражденные рѣдкими валунами по линіи основанія, относимы къ XI—XIII в. Эта подробность (огражденіе рѣдкими валунами линіи основанія, края вершинки и мѣста положенія остатковъ трупосожженія) наблюдается и въ Сестрорѣцкихъ зольныхъ курганахъ, причемъ въ одномъ случаѣ (у кургана № 48 на рис. 30 отчета 1907 г.) нѣчто подобное (рѣдкое обложеніе валунами краевъ и основанія, ровиковъ и линіи, обходящей снаружи вокругъ ихъ) соблюдено, видимо, какъ пережитокъ, и для удлиненнаго угольнаго кургана. Все это, путемъ сравненія, можетъ способствовать датировкѣ Сестрорѣцкихъ кургановъ и съ этой стороны. Считается обоснованнымъ до нѣкоторой степени мнѣніе, что у Новгородскихъ славянъ трупосожженіе исчезаетъ съ принятіемъ христіанства, что датируется приблизительно X вѣкомъ (см. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., т. VIII, вып. 1—2, стр. 120—121). Трупосожженіе въ раскопкахъ г. Ивановскаго (С.-Петербургская губернія) помѣчается XI—XIII вѣками. Г-жа Раевская, въ своихъ раскопкахъ по р. Невѣ (въ урочищѣ Черномъ, см. Изв. Москов. Общ. Любит. Естествознанія, т. XIX, кн. 2, вып. 1), находитъ уже костяки, относя эти погребенія къ XIV—XV в. При нихъ она встрѣчаетъ ножи, черепки и серебряныя монеты, кажется «копейки» Ивана III. По свидѣтельству Новгородской писцевой книги XVI в., Чудь, въ дѣйствительности Водь, клала мертвыхъ (не трупосожженіе) «по курганамъ и коломищамъ» еще и въ XVI в. (Матер. по археол. Рос. № 20, стр. 51). Каменные помосты, или клѣтки, нѣтъ, кажется, основанія считать новѣе XIV в. (раскопки у Эстовъ и Ливовъ, см. А. А. Спицына. Археологическія развѣдки. СПб. 1908, стр. 24—26).

Теперь, возвращаясь къ Сестрорѣцкимъ курганамъ и помостамъ и плоскимъ насыпямъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ еще одну деталь погребальнаго типа, а именно ориентировку кургановъ, съ N на S. Хотя она и имѣетъ иногда уклоненія въ стороны за-

пада и востока, но эти уклоненія не мѣняютъ общаго положенія, почему и игнорируются. Не разсматриваются и круглые курганы, т. к. опредѣлять ихъ ориентировку затруднительно.

И въ Сестрорѣцкомъ районѣ замѣчено, что круглые, овальные, квадратные (закругленные углы), удлиненные (закруленные углы) и длинные (закругленные углы) курганы, а также помосты и насыпи, всегда сопутствуютъ одни другимъ. Болѣе точныя данныя по этому вопросу приведены въ прилагаемой таблицѣ, показывающей численное соотношеніе по группамъ кургановъ разныхъ формъ ихъ основаній.

№ по порядку	Наименованіе курганныхъ группъ.	Число кургановъ.				
		Круг- лыхъ.	Оваль- ныхъ.	Квад- рат- ныхъ.	Удли- нен- ныхъ.	Длин- ныхъ.
1	Тарховская группа	24	—	—	3	—
2	Группа затона Тарховской косы . .	10	25	—	—	2
3	Группа Тарховка—Разливъ	47	—	—	3	—
4	Сестрорѣцкая группа	20	—	—	—	—
5	Группа Ермоловка—Курортъ	18	—	—	1	—
6	Группа Сестрорѣцкаго курорта . . .	24	—	—	3	—
7	Дюнская группа	14	—	—	6	—
8	Группа западнаго побережья Се- строрѣцкаго разлива	32	—	—	—	—
9	Группа Тарховская перемычка—Зе- леная Горка	20	—	—	1	—
10	Группа Зеленой Горки	24	—	—	—	—
11	Группа Сосновой горы	88	—	20	—	—
12	Группа Приозерной горы	5	—	6	1	—
13	Группа д. Дыбунь—Кузьмина ручей.	8	—	5	45	—
14	Группа окрестностей Кузьмина горы	9	—	12	41	—
15	Группа лѣвобережья Кузьмина ручья.	3	—	6	40	—
16	Группа правобережья Кузьмина ручья	5	—	5	14	—
17	Группа Кузьмина гора—д. Черная Вычка	22	—	11	78	—
18	Курганы югозападной дороги изъ сл. Новой на Разливѣ Мѣдноза- водска	2	—	1	13	—
19	Курганы возвышенности Мертути .	2	—	8	5	—

Изъ таблицы нельзя не усмотрѣть, что по группамъ круглые курганы сильно преобладаютъ въ ближайшихъ окрестностяхъ г. Сестрорѣцка, что по мѣрѣ удаленія отъ послѣдняго (на N и NO) преобладаніе по груп-памъ переходитъ къ удлиненнымъ курганамъ, что квадратные курганы особенно многочисленны въ группахъ, гдѣ преобладаютъ удлиненные курганы (исключеніе составляетъ группа Сосновой горы), и что овальные курганы, а также удлиненные, сосредоточены, въ перемежку съ круглыми, только въ одной группѣ, находящейся въ мѣстности, гдѣ во всѣхъ кур-

танныхъ группахъ преобладаютъ круглыя курганы. Мнѣ не приходилось встрѣчать въ археологической литературѣ подобнаго подсчета численныхъ соотношеній по курганнымъ группамъ кургановъ интересующихъ насъ формъ. Однако, бѣглый просмотръ отчетовъ о раскопкахъ въ губерніяхъ С.-Петербургской, Новгородской, Псковской и Смоленской позволяетъ замѣтить, что продолговатыя, или удлиненыя, или овальныя курганы, а также длинныя курганы, составляютъ относительно такой-же процентъ въ группахъ, съ тѣмъ же непремѣннымъ преобладаніемъ круглыхъ кургановъ, какъ это замѣчено и въ ближайшихъ окрестностяхъ Сестрорѣцка. Отсюда не слѣдуетъ-ли предполагать, что овальныя, удлиненыя и длинныя курганы должны быть приписываемы финскому Сѣверо-востоку, тогда какъ круглыя курганы составляютъ славянскій элементъ.

Квадратныя курганы, иногда смѣшиваемыя съ круглыми, или удлинеными (продолговатыми), или овальными, тоже нѣтъ основаній приписывать южному вліянію, т. е. эти формы (квадратъ, прямоугольникъ и овалъ) вообще свойственны Сѣверо-востоку, или Сѣверу. Высказанное положеніе, равно относящееся и къ Сестрорѣцкимъ помостамъ и плоскимъ насыпямъ, кажется правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что находится въ тѣсной связи и съ формами финскихъ построекъ, о чемъ упоминалось уже въ заключительной части отчета 1907 г. (см. Записки Отд. Русской и Слав. Археол. Имп. Русск. Арх. Общ., т. VIII, вып. 2, стр. 133 и 134; отд. оттискъ стр. 90 и 91).

Трупосожженіе на мѣстѣ погребенія, по общепринятому мнѣнію, считается древнѣйшимъ погребальнымъ типомъ. Помѣщеніе остатковъ трूपосожженія въ основаніи насыпи, или въ верхней ея части, относятъ обыкновенно къ одному времени, т. е. не различаютъ, который изъ этихъ двухъ погребальныхъ типовъ древнѣе. Между тѣмъ, считаясь съ особенностями погребенія на уровнѣ земли (подъ легкимъ слоемъ земли или камней), не будетъ-ли вѣрнѣе погребеніе остатковъ трूपосожженія въ основаніи насыпи (отдѣльно отъ мѣста трूपосожженія) считать древнѣйшимъ, относя погребенія подобныхъ остатковъ въ верхней части насыпи сначала къ послѣдующему погребенію, а впослѣдствіи, когда уже не имѣется погребенія въ основаніи насыпи, полагать подобное верхнее погребеніе новымъ типомъ собственно курганнаго погребенія. Равнымъ образомъ, обложенія валунами основанія насыпи, ея боковъ и вершинки, а также валунныя, сплошныя или ячейками, помосты на поверхности земли, могли возникнуть, какъ и валунныя лабиринты, только тамъ, гдѣ опредѣленнѣе выражена эрратическая система, ибо только въ районѣ широкаго распространенія валуновъ, могла явиться мысль пользоваться и для погребеній

столь обильнымъ мѣстнымъ подручнымъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что имъ нетрудно было, заготовивъ его лѣтомъ, пользоваться для погребенія на поверхности земли и въ суровое зимнее время, столь продолжительное на Сѣверѣ и Сѣверо-Востокѣ.

Въ заключеніе, попробуемъ подвести итоги относительно датировки и народности Сестрорѣцкихъ кургановъ, помостовъ и плоскихъ насыпей. Около с. Сестрорѣцка, видимо съ давнихъ временъ, обитало населеніе, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежавшее къ финскому племени, къ западной его вѣтви. Эти насельники, обитавшіе по дюнамъ и ихъ террасамъ, вблизи побережья Финскаго залива и вдоль мѣстныхъ рѣкъ, придерживались еще трупосоженія на большихъ кострахъ, которые, вмѣстѣ съ закрытіемъ, имѣли подобіе тогдашнихъ жилищъ, при чемъ остатки сожженнаго трупа первоначально оставались на мѣстѣ трупосоженія, а затѣмъ, съ помощью поверхностной засыпки землею (иногда валунами), хоронились отдѣльно и такимъ путемъ создавались зольные курганы, квадратные малые (со входомъ) и круглые малые курганы, а также помосты и плоскія насыпи. Насельники эти, оставившіе послѣ себя рядъ послѣдовательныхъ переходовъ въ погребальномъ типѣ, жили въ описываемомъ районѣ относительно продолжительное время, которое охватывало вѣроятно нѣсколько столѣтій. Тѣ сравненія, которыя подходили къ археологическому матеріалу Сестрорѣцкаго района, изложены нами выше, и они даютъ намъ право предполагать, что Сестрорѣцкіе курганы, помосты и плоскія насыпи относятся, нужно полагать, къ X—XIII вѣкамъ. Если-бы Сестрорѣцкъ, какъ оживленная дачная мѣстность, не создавалъ стѣсненій для археологическихъ изысканій и если-бы дюны его окрестностей, мѣстами оголенные отъ лѣса, не подвергались работѣ вѣтра (моряна), которая затемняетъ и даже нерѣдко уничтожаетъ мѣстную старину, тогда можно было-бы надѣяться связать, путемъ раскопокъ, его древнѣйшее кладбище (XVIII в.) съ курганами, черезъ обслѣдованіе и памятниковъ старины (если они были), отвѣчающихъ времени между XIII в. и XVIII в. Теперь-же остается возлагать надежды только на изученіе древностей, предшествовавшихъ X в., которыя удалось зарегистрировать въ 1908 г. и которыя составятъ предметъ особой работы.

Наконецъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что честь открытія Сестрорѣцкихъ кургановъ принадлежитъ не намъ, а В. Б. Антоновичу. Объ этомъ мы узнали въ 1910 г. отъ Г. И. Сокерина, въ домѣ котораго въ Сестрорѣцкѣ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ началѣ 80-хъ годовъ Антоновичъ; онъ видѣлъ Сестрорѣцкіе курганы и копалъ ихъ, но, кажется, безрезультатно.

Сергѣй Гамченко.

Измѣдованіе кургановъ у деревни Сытенки, на лѣвомъ берегу р. Луги, въ 1908 году.

Въ началѣ 1908 г. А. А. Спицынъ предложилъ мнѣ произвести археологическія изысканія близъ д. Сытенки, Лужскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, для сравненія тамошнихъ кургановъ, первое сообщеніе о которыхъ получено было, кажется, отъ Б. К. Рериха, съ Сестрорѣцкими.

Императорское Русское Археологическое Общество предоставило нужныя для изысканій средства, а Б. К. Рерихъ, по порученію А. А. Спицына, съѣздивъ, весною 1908 г., въ мѣста предположенныхъ раскопокъ и въ началѣ іюня передалъ мнѣ описаніе мѣстоположенія кургановъ, перечень послѣднихъ, описаніе ихъ формъ, ихъ промѣры, схематическій планъ одной изъ курганныхъ группъ и два снимка типичнѣйшихъ кургановъ (см. рис. 6 и 7).

Закончивъ къ августу 1908 г. раскопки Сестрорѣцкихъ кургановъ, я, при участіи А. А. Бунина, въ началѣ августа, произвелъ рекогносцировку лѣвобережья р. Луги, на участкѣ Петрополь - Сытенка - Островенка, главнымъ образомъ для выясненія нѣкоторыхъ практическихъ, связанныхъ съ предполагавшимися раскопками, вопросовъ.

Развѣдка и раскопки Сытенскихъ кургановъ были выполнены во второй половинѣ августа. И на этотъ разъ меня сопровождалъ А. А. Бунинъ, любезно помогавшій мнѣ и въ дѣлѣ раскопокъ, что было особенно для меня цѣнно въ новыхъ мѣстахъ, среди незнакомаго населенія.

Считаю долгомъ принести мою глубокую благодарность: Б. К. Рериху и А. А. Бунину за ихъ фактическую помощь въ дѣлѣ археологическихъ изысканій, а Е. Н. Дмитревскому за фотографированіе результатовъ послѣднихъ.

Географическій очеркъ.

Рѣка Луга, принявъ въ себя справа, верстахъ въ 7 къ SO отъ ст. Преображенской, Варшавской ж. д., р. Оредежь, течетъ въ глубо-

*

кой и широкой долинь, среди цѣпи холмовъ, направляясь на NW (см. карту, рис. 1). Отъ Преображенской до высоты д. Сытенки, или, пожалуй, до впаденія слѣва ручья Чернецкаго, долина р. Луги имѣеть, въ общемъ, направленіе на W, а затѣмъ уклоняется слегка къ N, вскорѣ послѣ впаденія въ рѣку Лугу рѣчекъ: Каменки слѣва и Ящера справа. Долина Луги то залегаетъ въ складкѣ общихъ террасъ геологическаго рельефа, то, пересѣкая ихъ, переходитъ, послѣдовательно, съ одной террасы на другую, стремясь на NW къ Финскому заливу, въ т. н. Лужскій заливъ. Мѣстами шире, мѣстами уже, долина эта въ общемъ имѣеть ширину около одной версты. Берега, то крутые, то плоскіе, то террасами, необыкновенно волнисты и мягкихъ, округленныхъ контуровъ. Дно долины, въ поперечномъ сѣченіи, почти горизонтально; оно— по преимуществу луговое и болотистое съ песчаными отмелями подъ крутыми осыпями береговыхъ высотъ, не превосходящихъ высоты 15—20 сажень надъ плоскостью долины. Холмистая береговая линія обѣихъ сторонъ изрѣзана частыми оврагами, въ которыхъ бѣгутъ ручейки, ручьи и рѣчки, впадающіе въ Лугу. Обрывы обнажаютъ аллювій, слой эрратической формации и мощные, красные, розовые, оранжевые и блѣдно-зеленые, песчаники девонской системы, ниже которыхъ залегаютъ напластованія силлурійскія. Эти обрывы издали поражаютъ глазъ своей окраской, среди цвѣтовъ которой выдѣляются красотою тона девонскихъ песчаниковъ. Сама рѣка Луга, какъ змѣя, причудливо извивается въ низкихъ, зеленыхъ берегахъ по дну долины. Имѣя мѣстами большее паденіе, мѣстами меньшее, Луга иногда отъ дождей быстро вздувается и заполняетъ всю плоскость долины; тогда въ этомъ разливѣ только частые столбы мѣстнаго общества пароходства, разставленные по фарватеру, указываютъ направленіе нормальнаго теченія и ширину, обыкновенно узкой (15—25 с.), Луги. Глубина ея въ общемъ значительная и, если-бы не перекаты на ея излучинахъ, то по ней могли бы ходить и не плоскодонные пароходики, при помощи какихъ въ настоящее время поддерживается сообщеніе по рѣкѣ. Въ ней водится не мало всякой рыбы: лещъ, окунь, язь, линь, карпъ, щука, карась, лососки. Раки теперь вывелись, хотя и появляются временами, послѣ большого половодья.

Въ предѣлахъ интересовавшей насъ мѣстности Луга принимаетъ въ себя: слѣва—ручьи Рыбенку, безымянный, Чернецкой, еще два-три безъ названія и рѣчки Островенку и Каменку, а справа—нѣсколько безымянныхъ ручьевъ, ручей Сабской и рѣчку Ящеру.

За краями рѣчной долины мѣстность болѣе всхолмлена съ NO, т. е. на правомъ берегу, къ SW же, лѣвобережье Луги, представляетъ рядъ

плоскогорій, пологихъ скатовъ, горизонтальныхъ террасъ, чуть всхолмленныхъ то длинными, то короткими косами старыхъ дюнь и гривъ, столь характерными для площади террасъ къ S отъ Финскаго залива. За желѣзнодорожнымъ мостомъ лѣвобережье рѣки сильно поднимается и верстахъ въ 6—8 къ S заканчивается высокимъ горбомъ, высочайшей точкой окрестностей ст. Преображенской.

Притоки рѣки питаются изъ болотъ, во множествѣ залегающихъ повсемѣстно между косъ и гривъ и по сѣдловинкамъ и плоскогоріямъ обѣихъ береговыхъ полосъ.

Мѣстность по преимуществу лѣсная со множествомъ полянъ, гдѣ раскинулись нивы и сѣнокосы. Лѣсъ смѣшанный: краснолѣсье и бѣлолѣсье. Лѣсная чаща обыкновенно бываетъ гуще вдоль ручьевъ и рѣчекъ и вокругъ болотъ.

Дороги идутъ по верхамъ грядъ и часто, минуя болота, дѣлаютъ большіе изгибы и обходы; ихъ пересѣкаютъ безчисленныя мокрыя низинки и быстро текущія ручейки и ручьи. Эти низкія мѣста покрыты обыкновенно густыми зарослями кустовъ и полукустарниковыхъ растений. По верхамъ гривъ дороги сухія и вдоль ихъ разстилается зеленовато-сѣрый растительный коверъ (всевозможныя травы, сѣрый мохъ, верескъ, канаберникъ, «гонуболь» или голубика, черника, брусника и т. п.).

Сухое, всегда слегка возвышенное, мѣсто, поросшее краснолѣсьемъ, здѣсь называется «боровиной» или «боровинкой»; березовую рощу, раскинувшуюся на подобномъ же сухомъ мѣстѣ, называютъ «лядиной» или «лядинкой»; мокрая, мшистая мѣста извѣстны подъ названіемъ «омшары». И, когда бродишь по окрестнымъ лѣснымъ дебрямъ, то невольно получаешь впечатлѣніе, что сухія мѣста только тамъ и есть, гдѣ «боровины» и «лядины».

Населенные пункты: Петрополь, Сытенка, Островенка, Сажково. По правую сторону Луги, вблизи ст. Преображенской, широко раскинулись дачныя мѣста: имѣніе Сажкова и другихъ. За желѣзнодорожнымъ мостомъ, бокъ-о-бокъ съ Петрополемъ, по другую сторону полотно, лѣсопильный заводъ Томасова.

Главный путь—проселочная дорога, которая, направляясь съ SO, проходитъ черезъ Петрополь, Сытенку, Островенку, Сажково и т. д., на NW, все время по высотамъ лѣвобережья Луги.

Петрополь, дачное мѣсто въ 10 — 15 дворовъ, принадлежитъ мѣстному помѣщику, П. Н. Скобельцыну, владѣнія котораго, 7.000 десятинъ, составляютъ одну полосу, длиною и шириною около 10 верстъ, и тянутся по лѣвому берегу р. Луги отъ Петрополя до Островенки. Де-

ревянныя дачи Петрополя производятъ впечатлѣніе старыхъ, запущенныхъ усадебъ.

Д. Сытенка, расположенная на возвышенномъ мѣстѣ (56^м надъ уровнемъ моря, подѣ 58°51' N широты и 28'30" W долготы отъ Пулкова), въ углу между руч. Сытенкой и руч. Чернецкой, имѣетъ около 70 дворовъ съ населеніемъ, не превосходящимъ 250 человѣкъ. При «объявленіи воли» здѣсь обосновались всѣ бывшіе дворовые г. Скобельцина и были надѣлены землею въ размѣрѣ около 5¹/₂ десятинъ на душу. Безъ земли, если не считать усадебной, и безъ «пашни» теперь всего нѣсколько семействъ, а нѣкоторые располагаютъ 3 десятинами на душу. Еще четверть вѣка тому назадъ въ Сытенкѣ всѣ избы были курныя. Въ деревнѣ три «конца» (улицы): Шумиловка (со стороны угла руч. Сытенки и руч. Чернецкаго), Кобенково (къ сторонѣ Петрополя) и Сытенка (отъ «Кривыхъ сосенъ», что на бугрѣ, до моста черезъ руч. Сытенку). Мостъ черезъ руч. Чернецкой, на проселочной дорогѣ, называется «бѣлымъ мостомъ». Поперечная улица, соединяющая Сытенскій конецъ съ Шумиловскимъ, вымощена булыжникомъ, окопана по сторонамъ канавами, и имѣетъ за ними тротуаръ. Мостовая устроена лѣтъ 10 тому назадъ сытенцами въ складчину и составляетъ, хотя и плохо содержится, благополучіе расположившихся при ней усадебъ, особенно въ распутицу. Хлѣбные сараи и овины стоятъ на окраинѣ, обращенной къ долинѣ руч. Чернецкаго. Избы всѣ въ срубъ, иныя обшиты тесомъ и въ большинствѣ подѣ одною двускатною крышею со скотнымъ дворомъ. Въ послѣдніе годы сюда пріѣзжаютъ на лѣто дачники и сытенцы выстроили уже для нихъ нѣсколько новыхъ домовъ съ мезонинами, террасами и парадными крыльцами.

Населеніе сплошь великорусское, хотя, мѣстами, есть и «чухонскіе выселки». И здѣсь, какъ повсемѣстно въ Приозерномъ краѣ (С.-Петербургская, Новгородская, Тверская, Псковская губерніи), фамиліи происходятъ отъ имени отца. Напримѣръ, отецъ того крестьянина, у котораго насъ гостепріимно пріютили на время раскопокъ, былъ Сергѣй Богдановъ, самъ онъ называется Михаиломъ Сергѣевымъ, а его сынъ будетъ именоваться уже Михайловымъ. Роль фамиліи иногда играетъ и прозвище, присваемое почему-либо лицу. Такъ, нашъ хозяинъ, имѣлъ прозвище «Лосевъ», потому будто-бы, что отецъ или дѣдъ его славился умѣньемъ «бить лося». Такимъ образомъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ возникновеніе фамиліи не теряется въ старинѣ и фамилія обновляется съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, исходя, всякій разъ, отъ имени отца.

Эта этнографическая особенность свойственна въ настоящее время

району бывших новгородских славянъ, кажется, полочанъ и отчасти сѣверныхъ кривичей.

Достатокъ крестьянъ изъ среднихъ. Главное подспорье: лѣтомъ—дачники, а, когда «уберутся съ полями» и «поготовятъ посѣвы», стараются что-либо «приработать» за зиму на сторонѣ (возка камня, рубка лѣса, поставка дровъ и т. п.).

Своей церкви сытенцы не имѣютъ и до послѣдняго времени ходили въ старую церковь погоста Островенскаго. Но въ настоящее время, послѣ устройства Сергіевскаго полигона къ W отъ г. Луги, прежняя приходская церковь оказалась подъ обстрѣломъ, и жители Сытенки приписаны къ какому-то приходу въ нѣсколькихъ верстахъ за г. Лугою. Раньше, лѣтъ 15—20 тому назадъ, сытенцы считались искони въ приходѣ с. Красныя Горы, верстахъ въ 20 къ NW. Удовлетвореніе духовныхъ нуждъ обитателей Сытенки, такимъ образомъ, сильно затруднено и обходится сравнительно дорого.

Дорога изъ Сытенки въ Островенку пролегаетъ по холмистой мѣстности, покрытой рѣдкимъ краснолѣсьемъ, и содержится весьма порядочно. Мѣстность вдоль дороги, особенно по другую сторону р. Луги, весьма живописная.

Особенно красотою мѣстоположенія отличается Островенка и дорога за нею къ Сажкову въ окрестности р. Каменки. Пересѣченный рельефъ Островенки и глубокая долина ручья того-же имени производятъ чарующее впечатлѣніе. Съ высотъ Островенки открывается дивный видъ на волнисто-холмистое правобережье р. Луги, поросшее краснолѣсьемъ съ островками, кое-гдѣ, бѣлолѣсья. За мостомъ черезъ р. Островенку, при подъемѣ въ гору, слѣва, на высокомъ холмѣ волнистаго ската, виднѣется часовня семьи Скобельцыныхъ; на горѣ, налѣво и направо, старая усадьба Скобельцыныхъ, съ ея многочисленными службами; еще правѣе, на выступѣ террасовиднаго ската горы, двухъ-этажное зданіе дачи С.-Петербургскаго Ремесленнаго училища Цесаревича Николая.

Дальше дорога идетъ сперва по горизонтальной, а потомъ по наклонной, плоскости сѣвернаго ската рѣчной долины; затѣмъ вскорѣ спускается въ поросшую лѣсомъ глубокую и узкую долину р. Каменки; перейдя ее, круто подымается вверхъ на гору, съ которой снова идетъ по наклонной покатости, спускающейся къ N. Вправо отъ этой горы дугообразная, на сѣдловинкѣ, луговина, за которой громоздится массивъ, какъ-бы оторвавшійся когда-то отъ горы и отбросившій Лугу, которая здѣсь теперь образуетъ излучину.

По дорогѣ тишина и безмолвіе... Изрѣдка прогрохочетъ колесами

«чухонская» двуколка... Пройдетъ какой-нибудь пѣшеходъ... или группа учениковъ-ремесленниковъ. Въ окрестныхъ лѣсахъ такая-же тишина. Такое-же молчаніе и въ растительномъ коврѣ. Ни звонкой пѣсни птицъ, ни стрекотанія кузнечиковъ. Только легкій вѣтерокъ шелеститъ въ кустарникахъ, да изрѣдка, гдѣ-нибудь, закаркаетъ ворона.

Археологическій обзоръ.

Г. Скобельцынъ любезно сообщилъ мнѣ, что, по имѣющимся у него фамильнымъ документамъ, д. Сытенка основана, кажется, въ началѣ XVII вѣка, что она называлась въ то время не Сытенкой, а «Ситово» и что въ 1608 г. она состояла всего изъ 2-хъ дворовъ. Въ предоставленной мнѣ, на время, семейной «выписи» изъ «Новгородской писцевой книги 1605 г.», о Сытенкѣ говорится: «Пустошь эта была деревня Ситенка а въ ней два мѣста дворовыхъ, дворы сожгли литовскіе люди, крестьянъ побили, пашни перелогомъ двѣ коробья безтрети, сѣна пять копенъ треть обжа»... «Полдеревня Ситенка (пусте вообще съ Никиеоромъ Бебяковымъ) а въ ней два двора пусты крестьянскія пашни перелогомъ полтретья коробей въ полѣ а вду погостахъ сѣна десять копенъ положжи впустѣ»... Въ той-же «выписи» содержится запись и про Островенку: «деревня Островенка отъ литовскихъ людей воевана а въ ней осталось крестьянъ во дворѣ Абрамка Андреева да двѣ пустыя крестьянскія пашни паханы полтретья коробья да перелогомъ пашни полттретьи коробья въ полѣ а вду потомужъ сѣна двадцать копенъ лѣсъ боръ и болото вдлину наверсту а поперекъ наполоверсты вжевущемъ положжи, а впустѣ положжа»... Эта «выпись» заключаетъ въ себѣ упоминаніе и объ Язвеницѣ, которую можно отождествлять съ «Язвинкой», о которой рѣчь будетъ ниже. «Пустошь эта была деревня Язвеница а въ ней два мѣста дворовыя крестьянскія пашня перелогомъ пятнадцать коробей въ полѣ а въ двухъ потомужъ да лѣсомъ поросло въ полѣ и въ переды пять коробей сѣна двадцать копенъ четыре обжа».

По рассказамъ сытенцевъ, названіе «Петрополь» произошло отъ имени дѣда теперешняго владѣльца, Петра. Первоначально же помѣщичій дворъ находился въ Островенкѣ. По сосѣдству съ теперешнимъ Петрополемъ была издавна избушка, въ которой помѣщались егеря охоты Скобельцына. Въ 60-хъ годахъ XIX вѣка построена теперешняя усадьба Скобельцыныхъ въ Петрополѣ. Затѣмъ початокъ расширенъ постройкою 14-ти, кажется, дачъ и мѣсто названо «Петрополемъ». Отъ насыпи у желѣзнодорожнаго моста, лѣтъ 40 тому назадъ, устроена насыпь-дорожка,

называемая «бабьей дорожкой», т. к. ее насыпали «бабы» изъ тогдашнихъ крѣпостныхъ. Часовня при Островенкѣ основана, кажется, въ 1869 году, на память о какомъ-то семейномъ событіи 18 мая 1867 года.

Курганы въ этой мѣстности народъ называетъ сопками, и сытенцы очень хорошо знаютъ, гдѣ находятся сопки около ихъ селенія; они считаютъ своими сопки расположенныя по, такъ называемой, «Боровой дорогѣ» (дорога въ с. Сабцы) и на томъ (лѣвомъ) берегу р. Сытенки, вдоль дороги на Островенку.

Про сопки Боровой дороги старики передавали: «старые люди говорили, что когда-то, въ старыя времена, сюда приходила литва... и въ сопкахъ этихъ похоронены ея воины (солдаты)...; еще тогда сытенцы должны были прятаться среди болотъ, верстахъ въ четырехъ отсюда, въ дремучихъ лѣсахъ Язвинника, гдѣ и посейчасъ на островкѣ-«лядинѣ», окруженномъ болотами, можно видѣть ямы отъ землянокъ, въ которыхъ скрывались тогда сытенцы». По преданію, въ Язвинникѣ потомъ жили разбойники, которые очень беспокоили мѣстное населеніе. Впослѣдствіи этихъ разбойниковъ переловили, для чего Язвинникъ предварительно былъ окруженъ солдатами. Землянки уничтожены и само мѣсто вспахано. Отъ «дѣдовъ» сытенцы слыхивали, что Язвинникъ пахалъ дѣдъ Стѣпа, который въ ямахъ отъ землянокъ ставилъ для волковъ капканы. Однако все рассказанное не приурочивается къ сопкамъ той стороны р. Сытенки. Про эти сопки преданіе какъ бы умалчиваетъ.

Обслѣдованіе окрестностей д. Сытенки выяснило, что д. Сытенка не имѣетъ кладбища. А кладбище всегда должно интересовать археолога, т. к. нерѣдко при бесѣдѣ о кладбищѣ удастся обратить народную память къ воспоминаніямъ, очень цѣннымъ для археолога. Путемъ разспросовъ, удалось узнать, что кладбище сытенцевъ искони было на погостѣ церкви с. Красныя Горы. «Изъ этого кладбища», какъ передавали сытенцы, «и вышелъ намъ переводъ, лѣтъ 15—20 тому назадъ, къ погосту Островенскому, потому что далеко (версть 20) было возить покойниковъ». «Прежде, крестить-ли, хоронить-ли, вѣнчать-ли, завсегда ѣздили въ Красныя Горы. Теперь совсѣмъ плохо стало, какъ отвели погостъ Островенскій (версть 12 отсюда) подъ артиллерійскій полигонъ и назначили ѣздить къ церкви за Лугу: стало и дальше, и дороже».

По рассказамъ сытенцевъ, с. Красныя Горы расположено на возвышенномъ берегу озера Красногорскаго, которое почти со всѣхъ сторонъ окружаетъ селеніе и только одна сторона послѣдняго связана съ берегомъ, да и на этой сторонѣ болотистая низина, шириною около версты.

Крестьянинъ Сытенки, М. С. Лосевъ, сообщилъ, что за с. Красныя Горы, за церковью, на берегу Красногорскаго озера, есть обрывы берега, гдѣ «видно много костей и тамъ, говорятъ, была церковь, да провалилась въ озеро». По дорогѣ въ д. Заозерье, расположенную тоже на берегу Красногорскаго озера, находятся, если пройти деревню, «намогильные камни, съ крестами и непонятными надписями».

Тотъ же М. С. Лосевъ пояснилъ, что за д. Заозерье, саженьхъ въ 50-ти, среди ольховаго кустарника, много небольшихъ камней и на нѣкоторыхъ изъ нихъ есть кресты (равноконечные) и замѣтны «могилы», обложенные въ основаніи, овально, камнями.

По слухамъ, сопки имѣются не только при д. Заозерье Красногорское, но и подлѣ д. Сабо, находящейся на западномъ берегу Красногорскаго озера.

М. С. Лосевъ, со словъ другихъ, передавалъ, что, если итти по дорогѣ изъ д. Красныя Горы къ д. Сытенка, то верстахъ въ 6-ти будетъ р. Губенка, впадающая слѣва въ р. Лугу. Здѣсь, гдѣ дорога на Сытенку проходитъ черезъ Губенку, есть мельница, принадлежащая д. Красныя Горы. Если отсюда подыматься по лѣвому берегу Губенки, то саженьхъ въ ста будетъ березовая роща и въ ней есть «могилы», обложенныя камнями (овально, по основанію). Около этихъ «могилъ» есть мѣсто, называемое «здворки», гдѣ раньше жили люди и имѣется колодезь, съ богатствами, которыхъ никому не добыть.

Вблизи д. Заозерье Островенское, расположенной около Островенскаго озера, есть гора, называемая «могилы». На этой горѣ есть могильные камни съ крестами (длинными). Камни эти разной формы. Вблизи этого мѣста находятъ серебряныя и золотыя монеты. Не доходя этой деревни, по дорогѣ изъ Сытенки влѣво, есть много сопокъ около болота, къ которому подходятъ поля, называемыя «сопочными надѣлами»; по словамъ сытенцевъ, «тамъ сопки высокія и низкія,—всякія».

Говорять, что не мало сопокъ на «боровинкѣ» за д. Толкова, по дорогѣ на Заозерье Островенское.

На SW отъ ст. Серебрянка (С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги), на участкѣ д. Клабутицы—д. Полицы, есть тоже «могилы» съ плитами, на которыхъ какія-то надписи. Еще недавно въ тѣхъ мѣстахъ были старыя сосны, а на сучьяхъ этихъ сосенъ стояли каменные кресты (равноконечные, концы уширенные) высотой около полуаршина.

Около д. Старыя или Большія Крупели, съ NW и SO, въ 8 верстахъ на SO отъ ст. Преображенской, на лѣвомъ берегу Луги, нахо-

дится много сопокъ съ камнями (обложене основанія). Изъ этихъ сопокъ вырывали скелеты.

Подлѣ д. Борь, что на SO отъ г. Луги, верстахъ въ 12-ти, есть большая сопка.

По сообщенію г. Оболенскаго (черезъ А. А. Бунина), въ 12 верстахъ на SO отъ ст. Преображенской, въ имѣннѣ Затуленье (на лѣво-бережьи р. Оредежа) г-жи Тимофеевой, имѣются довольно большія сопки, числомъ до 15-ти, изъ которыхъ нѣсколько раскопаны и тамъ найдены черепа и какіе-то предметы.

По сообщенію того же лица, въ д. Мерево (расположена на берегу озера Мерево), верстахъ въ 15 на OON отъ г. Луги, въ имѣннѣ И. Я. Забѣльскаго, имѣются сопки, по слухамъ, похожія на затуленьскія.

Возлѣ д. Перечицы (имѣніе Оболенскаго), на правомъ берегу р. Оредежа, есть сопки. Ихъ копали лѣтъ 25 тому назадъ и находили въ нихъ все скелеты.

На S отъ г. Луги, на островѣ Череменецкаго озера, находится Череменецкій монастырь. Въ этомъ монастырѣ, по рассказамъ сытенцевъ, есть церковь Ивана Богослова, построенная Иваномъ Грознымъ, и въ этой церкви имѣются документы («свертки») со старыми записями.

Если приѣхать на ст. Дивенскую и идти черезъ д. Заозерье (тамошнее), д. Симанково, повернуть на д. Чаща и подойти къ д. Кремни (по р. Кремѣнкѣ, правому притоку Оредежа), то вблизи р. Оредежа есть большое болото, называемое «Большой мохъ». На этомъ болотѣ сохранились сваи. Говорятъ, что по этому болоту проходила «Иванова дорога». Сытенцы утверждаютъ, что этою дорогою, изъ Пскова, шель на Новгородъ Иванъ Грозный и по его приказанію черезъ болото «Большой мохъ» строили для прохода войскъ плотину или мостъ.

Въ послѣдній день раскопокъ, посѣтившій насъ въ д. Сытенкѣ, П. Н. Скобельцынъ передалъ намъ отъ А. А. фонъ-Транзе, владѣльца имѣннѣ Сабо (при Красногорскомъ озерѣ), любезное приглашеніе покопать курганы, находящіеся вблизи этого имѣннѣ.

Кромѣ сопокъ района Сытенки и ямъ островка Язвинникъ среди болотистыхъ лѣсныхъ дебрей, гдѣ по преданію прятались сытенцы во время нашествія литовцевъ, намъ не удалось провѣрить и обследовать ничего изъ приведеннаго выше перечня памятниковъ старины. Однако, судя по рассказамъ словоохотливыхъ сытенскихъ старожиль, сопки, раскиданныя группами въ этомъ районѣ, обещають быть интересными. Надо думать,

что дальнѣйшіе раскопки ихъ дадутъ и новый археологическій матеріалъ и, быть можетъ, новыя поправки къ установившимся на курганы С.-Петербургской губерніи взглядамъ.

Курганы.

Въ районѣ Петрополь-Сытенка-Островенка находятся три курганные (сопочныя) группы, отдѣльная большая сопка д. Сытенки и древній поселокъ Язвинника.

Курганы, или сопки, расположены на возвышенныхъ, сухихъ мѣстахъ, всегда на «боровинѣ» или «лядинѣ». Лишь большая сопка (I на рис. 1), насыпанная на высокомъ и сухомъ мѣстѣ, оказывается теперь

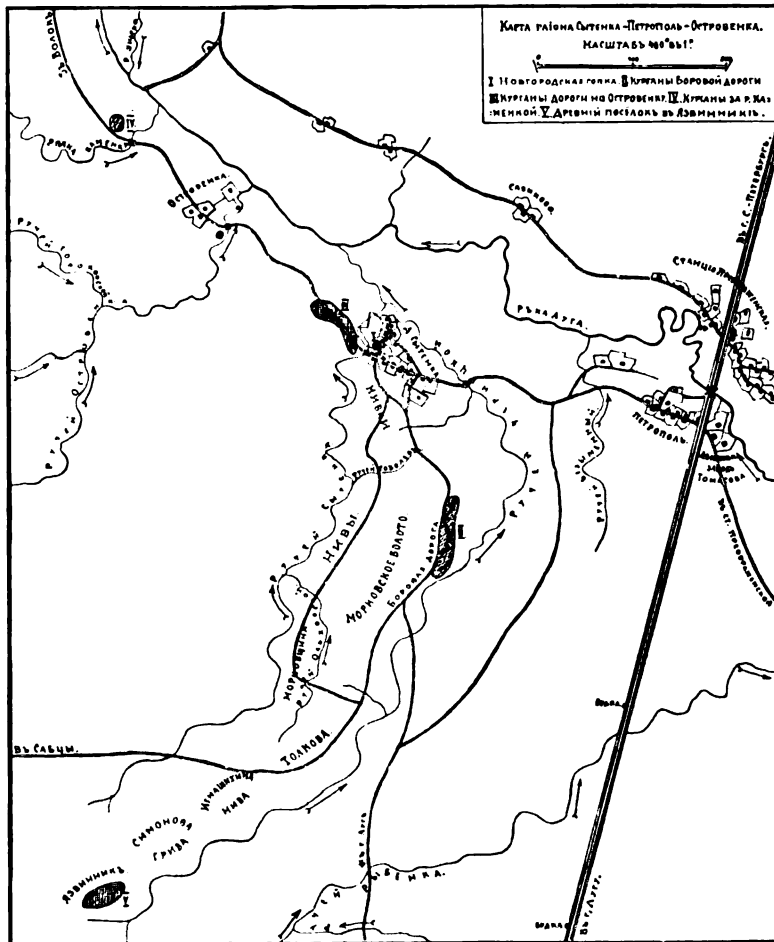

Рис. 1. Карта района археологическихъ изслѣдованій у дер. Сытенки, на лѣвомъ берегу р. Луги, въ 1908 г. (масштабъ 800 сажень въ дюймѣ).

стоящую въ чертѣ селенія. Древній поселокъ (V на рис. 1) ютится въ дремучемъ лѣсу, на островкѣ среди непроходимыхъ болотъ.

Сверхъ того, усмотрѣна еще коническая яма въ районѣ одной изъ курганныхъ группъ.

Развѣдкой Б. К. Рериха была установлена группа сопокъ (II на рис. 1) по Боровой дорогѣ въ Сабцы, въ одной верстѣ на SO отъ д. Сытенки, по «боровинѣ» на скатѣ гребня возвышенности между руч. Чернецкимъ и, такъ называемымъ, Морковскимъ болотомъ.

Имъ-же открыты курганы (III на рис. 1) на возвышенности, по дорогѣ въ Островенку, за мостомъ черезъ р. Сытенку, а также курганы (IV на рис. 1) на возвышенности за р. Каменкой по дорогѣ къ д. Волокъ.

Онъ-же обратилъ вниманіе на то, что въ районѣ курганныхъ группъ встрѣчаются ямы, и подраздѣлилъ эти курганы на круглые (плоскіе и выпуклые) и длинные (овальные). Имъ-же начерченъ былъ схематическій планъ группы Боровой дороги, числомъ въ 15 кургановъ (въ томъ числѣ одинъ длинный) и составлено описаніе ихъ внѣшности (съ приближительными промѣрами) и степени сохранности, а также отмѣчена одна яма. Наши рекогносцировки, развѣдки и раскопки нѣсколько видоизмѣнили какъ численность кургановъ этой группы, такъ и типы ихъ по внѣшности, а равно и промѣры.

Сопки, или курганы, названныхъ группъ расположены на земляхъ П. Н. Скобельцына, лишь нѣкоторые изъ нихъ (за изгородью по дорогѣ къ Островенкѣ) находятся на землѣ крестьянъ д. Сытенки. Большая сопка (I) расположена на возвышенномъ правомъ берегу р. Сытенки, въ усадьбѣ при мощенной улицѣ.

Группа Боровой дороги (II) покрыта рѣдкимъ краснолѣсьемъ. Сопки на дорогѣ на Островенку (III), отчасти въ SO участкѣ и по N сторону дороги, находятся въ рѣдкомъ краснолѣсьѣ, конецъ котораго, обращенный къ Сытенкѣ, покрытъ густыми зарослями молодняка сосны, ольхи и березы. Эта группа подраздѣляется болотомъ (мостикъ по дорогѣ) на двѣ части: NW и SO. Группа на возвышенности за р. Каменкой (IV) тоже расположена въ рѣдкомъ краснолѣсьѣ.

Растительный коверъ кургановъ на Боровой дорогѣ нѣсколько гуще на W скатѣ и болѣе рѣдкій на O. Группа Островенской дороги и группа за р. Каменкой, а равно и вообще окружающая всѣ группы мѣстность, имѣетъ сѣровато-зеленый фонъ отъ массы сѣраго мха, вереска, канаберника и голубики.

Въ NO участкѣ SO части группы на Островенской дорогѣ сытенцы,

какъ говорятъ, зарывали когда-то палый скоть. Изрѣдка тоже практиковалось и подлѣ большой сопки.

Къ находящемуся въ нѣсколькихъ верстахъ къ SO отъ д. Сытенки мѣсту древняго поселка, гдѣ якобы прятались и жили сытенцы во время набѣговъ литовцевъ, можно пройти и отъ курганной группы Боровой дороги, но мы шли, въ цѣляхъ лучшаго обслѣдованія мѣстности, кружнымъ путемъ и только на обратномъ пути выбрались на Боровую дорогу и вернулись черезъ ея курганы. Этотъ районъ называется Язвинникъ (V на рис. 1), а самое мѣсто Дѣдовой нивой или Нивой дѣда Стѣпы, около полустолѣтія тому назадъ распахавшаго этотъ участокъ. Возвышенная овальная «лядина», окруженная болотами лѣвобережья р. Чернецкой, кажется, носить то же названіе, приурочиваемое къ мѣсту древняго поселка.

Нашъ путь туда, который нашими проводниками-сытенцами долго обсуждался, ввиду затруднительности прохода туда, шелъ все время по гребнямъ «боровинъ и лядинъ», вправо и влѣво отъ которыхъ залегали сильно болотистыя низины, иногда съ ручейками безъ названія, и выходилъ, мѣстами, на смежную дорогу, или тропинку, а чаще всего шелъ цѣлиной. Отъ Сытенскаго конца д. Сытенки мы направились сразу по полямъ правобережья р. Сытенки, гдѣ расположены нивы сытенцевъ, тянущіяся къ SW. Вотъ перечень попутныхъ мѣстныхъ названій для ориентировки: Нивки, Соболевъ ручей (болотистая переправа), Ольховскій ручей (тоже), Морковщина (нивы), Мочевина (у Боровой дороги), Толкова (нивы), Мочевина, Игнашихина нива (на небольшой полянѣ), Мочезинка, Симонова грива, болота и, наконецъ, Язвинникъ, гдѣ было мѣсто поселка. Названіе это указываетъ, повидимому, на бывшее погребеніе здѣсь скота или, можетъ быть, людей послѣ какой-либо моровой язвы, хотя воспоминанія о такомъ фактѣ теперешніе сытенцы и не сохранили. Уже въ 1605 г. (см. выше стр. 168) стояла здѣсь деревня того же имени.

По внѣшности, курганы могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько типовъ. Номенклатура этимъ типамъ предлагается по формамъ основанія и профилю.

По формѣ основанія, сопки или курганы распадаются на круглые и удлиненные (съ округленными углами); послѣдніе бывають малые и большіе. Малыя удлиненныя сопки (рис. 2) кажутся, на первый взглядъ, квадратными, особенно если ровики длинныхъ сторонъ короче послѣднихъ. Большія удлиненныя сопки показаны на рис. 3.

По профилю, различіе усматривается только въ круглыхъ курганахъ. Они бывають: сегментобразныя (рис. 4) съ плоскою

вершинкою, которые можно назвать блинчатыми, и низко-коническiе (рис. 5) съ округленно-выпуклой вершинкою, которые можно назвать сопочными, по сходству ихъ съ новгородскими сопками. Круглые курганы первого типа естественно ниже, чѣмъ второго.

Удлиненные курганы (см. рис. 2 и 3) въ вертикальномъ сѣченіи подобны сегментообразнымъ съ плоской вершинкою; малые курганы бываютъ ниже большихъ.

Малые удлиненные курганы имѣютъ два ровика, расположенные вдоль длинныхъ сторонъ насыпи. Удлиненный большой курганъ имѣетъ ровики со всѣхъ четырехъ сторонъ насыпи. Ровики удлиненныхъ кургановъ канавообразные (крутое заложение боковъ и волнистость очертаній).

Круглые курганы также окружены широкимъ, едва замѣтнымъ по глубинѣ, ровикомъ, который у самой окружности основанія насыпи углубленъ болѣе явственно и имѣетъ кольцевидно - лоткообразную форму довольно правильныхъ очертаній.

Въ общемъ, въ планѣ, круглые курганы похожи на круглые зольные Сестрорѣцкiе курганы, а удлиненные большiе курганы совершенно тождественны съ удлиненными

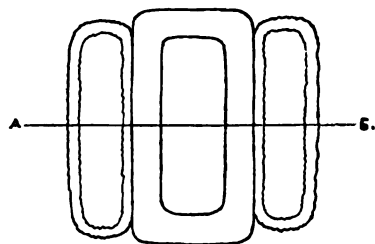

Рис. 2. Малый удлиненный курганъ.

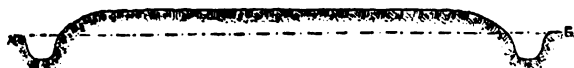
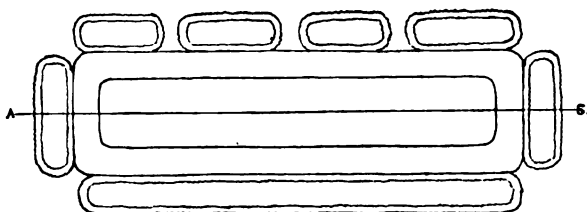

Рис. 3. Большой удлиненный курганъ.

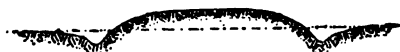

Рис. 4. Профиль блинчатого кургана.

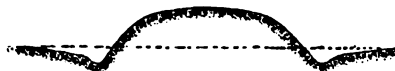

Рис. 5. Профиль сопочнаго кургана.

угольными Сестрорѣцкими курганами. Рис. 6 и 7 даютъ фотографическiе снимки (Б. К. Рериха) съ сопочнаго и удлиненнаго большаго кургановъ.

Профиль одиночнаго большаго кургана въ д. Сытенки (I на рис. 1) типа, такъ называемыхъ, новгородскихъ сопокъ, представленъ на рис. 8.

Рис. 6. Ви́шній видъ сопочнаго кургана.

Рис. 7. Ви́шній видъ удлиненаго кургана.

По формѣ основанія онъ круглый, по профилю высокій, коническій, съ плоской, закругленной по краямъ, вершинкой. Круговой ровикъ у подошвы примѣтенъ лишь мѣстами и при небольшой глубинѣ имѣетъ значительную ширину (см. рис. 8).

Яма находилась почти въ центральной части цѣпи курганной группы Боровой дороги (II на рис. 1) и имѣла углубленіе конической формы; о раскопкѣ ея рѣчь будетъ ниже.

Послѣ этой общей характеристики внѣшняго вида кургановъ переходимъ къ описанію каждой группы въ отдѣльности.

Курганная группа (II) Боровой дороги (см. рис. 9) расположена приблизительно въ одной верстѣ на SSO отъ д. Сытенки, за болотцемъ руч. Соболева, на «боровинѣ» SW ската возвышеннаго лѣваго берега ручья Чернецкаго. Она тянется съ S на N въ общемъ по дугообразной линіи, соотвѣтственно изгибу ската. Сопки, за исключеніемъ двухъ кургановъ (№ 6 и 16), расположены цѣпью.

Группа явственно распадается на три подгруппы: N, S и среднюю. Въ вершинѣ дуги приходится коническая яма. Три кургана (№№ 6, 16

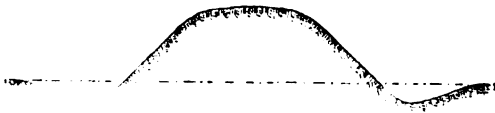

Рис. 8. Профиль большаго кургана въ дер. Сытенкѣ.

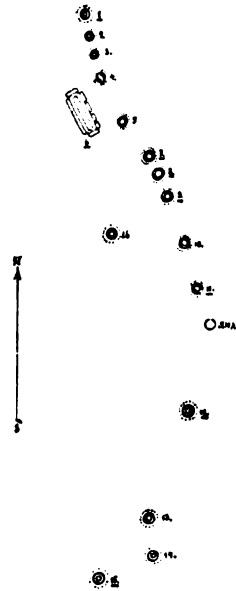

Рис. 9. Планъ курганной группы Боровой дороги.

и 18) можно считать одиночными, хотя и принадлежащими къ составу группы. Промежуточныя разстоянія между подгруппами таковы: средняя подгруппа въ 30 шагахъ отъ N, а S отстоитъ отъ средней на 100 шаговъ. Всѣхъ кургановъ въ группѣ 16. Изъ нихъ: круглыхъ 15 (въ томъ числѣ блинчатыхъ 8 и сопочныхъ 7) и удлиненный 1. Къ N подгруппѣ принадлежатъ 5 кургановъ: №№ 1—5 (четыре блинчатыхъ и одинъ сопочный). Въ центральной, или средней, подгруппѣ 5 кургановъ: №№ 7—11 (изъ нихъ три, сосѣдніе съ N подгруппой, и самый S блинчатые, а срединный сопочный). S подгруппа состоитъ изъ 3 кургановъ: №№ 13—15 (всѣ сопочные). Въ срединѣ разстоянія между S оконечностью центральной подгруппы и N оконечностью S подгруппы находится одиночный

(блинчатый) курганъ № 12. По серединѣ разстоянія между этимъ послѣднимъ курганомъ и S курганомъ центральной подгруппы расположена коническая яма. Къ W, въ 30 шагахъ отъ середины центральной подгруппы, размѣстился отдѣльный (блинчатый) курганъ № 16. Между N и центральной подгруппами, къ W отъ раздѣляющаго эти подгруппы промежутка, находится отдѣльный (удлиненный) курганъ № 6.

Курганы N подгруппы идутъ одинъ за другимъ съ промежутками около 4 шаговъ. Курганы центральной подгруппы въ N своей части (три кургана) расположены близко другъ къ другу (черезъ 2—3 шага), а къ S идутъ съ промежутками въ 15 шаговъ. Курганы S подгруппы находятся одинъ отъ другого въ 15—16 шагахъ.

Нижеслѣдующая таблица представляетъ собою общее обозрѣніе всѣхъ кургановъ этой группы, содержа какъ отдѣльныя измѣренія каждого изъ нихъ, такъ и замѣчанія объ ихъ сохранности.

№№ по порядку.	Видъ кургановъ по формѣ ихъ основанія.	Диаметръ или длина и ширина.	Высота.	Ровики.	Степень сохранности.
1	Круглый	9 ар.	13 в.	Кругомъ.	Съ краю трети SO конца насыпи овальная, обращенная на SW, кладоискательская яма.
2	"	10 "	12 "		
3	"	12 "	14 "		
4	"	10 "	15 "		
5	"	12 "	1 ар. 2 "		
6	Удлиненный (большой)	62 ар. × $\frac{10 \text{ ар.}}{12 \text{ ар.}}$	1 " 3 "	7	Испорченъ дорогой. Въ центрѣ глубокая овальная яма Въ центрѣ глубокая яма. Въ центрѣ яма. Въ центрѣ яма.
7	Круглый	8½ ар.	8 "	Ъ.	
8	"	8½ "	9 "		
9	"	10 "	10 "		
10	"	13 "	1 " 2 "		
11	"	9 "	8 "	О	
12	"	9½ "	9 "		
13	"	12 "	1 " 3 "		
14	"	11 "	1 ар. 2½ в.		
15	"	10 "	1 ар. 1½—4½ в.		
16	"	9 "	10 в.		
				К	

Въ этой группѣ вскрыты въ 1908 г. раскопкою восемь кургановъ: №№ 1, 6, 7, 8, 9, 11, 12 и 15.

Курганная группа (III) дороги на Островенку (см. рис. 10). Если, идя по дорогѣ изъ д. Сытенки къ Островенкѣ, перейти черезъ мостикъ ручья Сытенки и подняться на береговую возвышенность, сейчасъ же слѣва отъ дороги, въ мелкомъ краснолѣсѣ, начнутся курганы этой группы, тянушіеся отсюда рѣдкой цѣпью дальше по полянѣ (лѣсъ срубленъ лѣтъ 12 тому назадъ) влѣво отъ дороги. Послѣ первыхъ четырехъ кургановъ слѣва отъ дороги начинаются курганы и справа отъ нея, расположенные среди мелкихъ порослей краснолѣся и бѣлолѣся; затѣмъ они тянутся цѣпью вдоль дороги, среди рѣдкаго краснолѣся. Изъ нихъ два расположены за изгородью пашень д. Сытенки, прочіе же находятся на землѣ П. Н. Скобельцына.

Мѣстность здѣсь ровная и имѣетъ характеръ плоскогорья. Въ N части группы, гдѣ дорога идетъ черезъ мостикъ, справа и слѣва отъ него растилается небольшое болото.

Въ общемъ, курганы идутъ цѣпью въ одинъ курганъ, но мѣстами и въ два—три ряда, а кромѣ того группа имѣетъ еще нѣкоторое уширеніе въ восточной ея части.

Вся группа распадается на пять подгруппъ: W, среднюю, малую, O и SO, кромѣ того, одинъ (блинчатый) курганъ № 11 является одиночнымъ, хотя его и можно бы причислить къ средней подгруппѣ. Промежутки между подгруппами колеблются отъ 30 до 100 шаговъ; самый большой промежутокъ—между W и средней подгруппами. Въ подгруппахъ курганы расположены на разстояніи отъ 3 до 20 шаговъ. Кучнѣ другихъ средняя, малая и O подгруппы. Всѣхъ кургановъ въ группѣ 23. Изъ нихъ: круглыхъ 18 (въ томъ числѣ 13 блинчатыхъ и 5 сопочныхъ) и удлиненныхъ (малыхъ) 5. По подгруппамъ курганы распредѣляются такъ: въ W №№ 15—18 (изъ нихъ одинъ сопочный, прочіе блинчатые), въ средней №№ 9, 10, 12—14 и 19 (два сопочныхъ, прочіе блинчатые), въ малой №№ 6—8 (два сопочныхъ, одинъ блинчатый), въ O №№ 5, 20—23 (всѣ удлиненные малые) и въ SO №№ 1—4 (всѣ блинчатые).

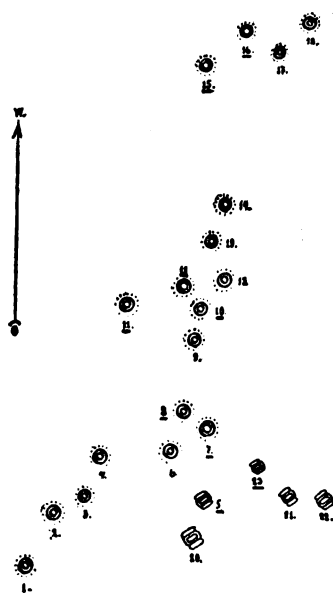

Рис. 10. Планъ курганной группы дороги на Островенку.

№№ по порядку.	Видъ кургановъ по формѣ ихъ основанія.	Діаметръ или длина и ширина.	Высота.	Ровики.	Ориенти-ровка.	Степень сохранности.
1	Круглый	8 ар.	12 в.	Кругомъ. о м ъ г о р у к а	NO—SW	
2	"	8½ "	15 "			
3	"	10 "	1 ар.			
4	"	8½ "	12 "			
5	Удлиненный (малый)	12 ар.×7 ар.	7 "			
6	Круглый	10 ар.	1 "			
7	"	12 "	1 "			
8	"	19 "	1 "			
9	"	10 "	14 "			
10	"	10 "	10 "			
11	"	12 "	8 "			
12	"	15 "	12 "			
13	"	13 "	1 "			
14	"	12 "	1 "			
15	"	12½ "	10 "			
16	"	15 "	8 "			
17	"	13½ "	1 "			
18	"	20 "	14 "			
19	"	13 "	15 "			
20	Удлиненный (малый)	6 ар.×5 ар.	7 "			NO—SW
21	"	5 "×4 "	7 "			NO—SW
22	"	6 "×4 "	8 "			NO—SW
23	"	8 "×6 "	6 "			NO—SW

Въ этой группѣ раскопкою изучено 9 кургановъ: №№ 5, 7, 8, 10—12, 15, 16 и 23.

Курганная группа (IV) на возвышенности за р. Каменкой по дорогѣ къ д. Волокъ расположена на открытомъ мѣстѣ W ската возвышенности, окруженной рѣдкимъ краснотѣсьемъ. Въ этой группѣ всего два кургана: одинъ сопочный, а другой блинчатый. Расстояніе между ними около 20 шаговъ.

№№ по порядку.	Видъ кургановъ по формѣ ихъ основанія.	Діаметръ.	Высота	Ровики.	Степень сохранности.
1	Круглый	17 ар.	1 ар. 12 в.	Кругомъ.	Вершинки обонхъ испорчены ямкой въ центрѣ.
2	"	10 "	12 "		

Въ этой группѣ, курганы которой испорчены, раскопка не производилась.

Большой сопочный курганъ (I) въ д. Сытенкѣ находится на краю возвышенной площади правобережья р. Сытенки, въ одной изъ усадебъ мощеннаго конца (улицы) вблизи Сытенскаго конца, спускающагося невдалекѣ къ мосту черезъ р. Сытенку, за которою къ W продолженіемъ конца является дорога къ Островенкѣ. W часть кургана приходится въ началѣ пологога ската къ р. Сытенкѣ. Покрытъ плотнымъ зеленымъ ковромъ, сквозь который проглядываетъ мѣстами валунная одежда. Въ основаніи курганъ круглый, вершина плоская, слегка закругленная къ краямъ, кругомъ широкій ровикъ, но нѣглубокій, сохранившійся лучше съ O стороны; съ W онъ, видимо, расплылся на скатѣ возвышенности. Съ O стороны замѣтны, у основанія кургана, безформенныя выемки и бугорки, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, погребали, какъ думаютъ ситенцы, палый скотъ. Къ W части кургана прилегаютъ пашни усадьбы, расположенныя по скату долины р. Сытенки. Промѣры кургана дали: окружность основанія 62 арш., окружность вершинки 22 арш., высота 4 арш. 7 — 10 вер. (см. рис. 8). Въ общемъ, по внѣшности, курганъ типа новгородскихъ сопокъ.

Курганъ раскопкѣ въ 1908 г. не подвергался, т. к. таковая потребовала бы значительныхъ расходовъ.

Мѣсто древняго поселка (V) въ Язвинникѣ (см. рис. 11) занимаетъ островокъ, расположенный среди болотъ, окружившихъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ имѣетъ форму овала, длинная ось котораго идетъ съ W на O, и представляетъ собою естественную, не-

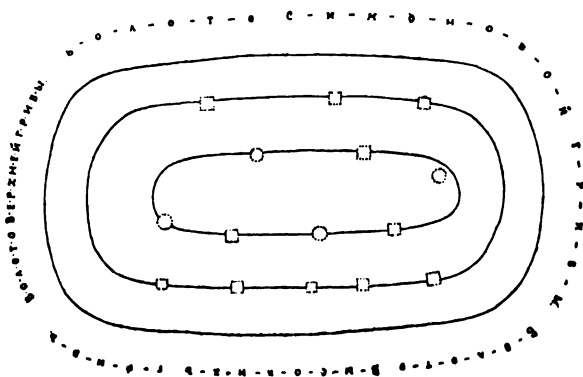

Рис. 11. Планъ мѣста древняго поселка.

большихъ размѣровъ, возвышенность, покрытую густой травой, кое-гдѣ кустарникомъ и рѣдкимъ разнолѣсьемъ съ примѣсью молодыхъ зарослей ели, сосны, березы и можжевельника. Островокъ съ O и N окруженъ болотами Симоновой гривы, съ S болотомъ Высокихъ гривъ и съ W болотомъ Верхней гривы, каковыя гривы и возвышаются по сосѣдству. Размѣры островка: съ W на O 260 шаговъ и съ N на S 200 шаговъ. На скатахъ островка (N и S) замѣтны квадратно-эполементныя, пирамидальныя и коническія ямы, густо заросшія травой, полу-

кустарниковыми растениями и зарослями молодняка. Эти ямы, по рассказам сытенцев, — остатки землянок, в которых прятались сытенцы - «дѣды» во время нашествия литовцевъ. По внѣшности, эти ямы напоминаютъ соотвѣтственныя ямы въ окрестностяхъ Сестрорѣцка. Числа ямъ, по причинѣ густоты растительнаго ковра, полукустарниковыхъ растений и поросли молодняка, не удалось установить точно, въ общемъ ихъ насчитано десятка полтора. Входы квадратно-эполементныхъ ямъ обращены наружу по скату боковъ «лядинки». Пирамидальныя же и коническія ямы, имѣли входы вѣроятно сверху, т. к. аппарелей (подходящихъ спусковъ) невидно. Размѣры ямъ: поперечникъ около 4—6 арш. и глубина отъ 8 вер. до 4 арш.; самыя глубокія — пирамидальныя и коническія.

Легкой, поверхностной раскопкѣ подвергнуты: одна коническая яма, одна пирамидальная и одна квадратно-эполементная (см. ниже).

Приемы раскопки (ср. выше, стр. 161, 168, 172).

Предварительная развѣдка (см. выше, стр. 162 и 173) и собранныя втеченіе ея матеріалы дали намъ возможность заблаговременно вырабатывать планъ раскопокъ, который, почти безъ отступленій и существенныхъ измѣненій, и былъ затѣмъ осуществленъ. Общая программа работъ была такая: обследовать раскопкою курганы Боровой дороги и курганы дороги на Островенку, послѣ чего подвергнуть обследованію, насколько позволятъ время и средства, мѣсто древняго поселка.

Въ каждой изъ намѣченныхъ къ раскопкѣ курганныхъ группъ, въ тѣсной зависимости отъ времени, успѣха работъ и встрѣчаемыхъ на мѣстѣ препятствій, прежде всего отмѣчались нетронутыя сопки (курганы), подлежащія раскопкѣ. Первая сопка каждой группы вскрывалась обязательно послышной съемкой всей насыпи, а дальнѣйшая раскопка производилась колодцемъ формы и размѣровъ вершинки кургана.

Когда внутреннее строеніе сопки казалось въ достаточной степени яснымъ и не требовало повторенія опыта въ томъ же широкомъ размѣрѣ, то послѣдующія сопки вскрывались послышной съемкой насыпи колодцемъ, формы и размѣровъ вершинки, причемъ производились соотвѣтственныя отступленія для обследованія и боковъ насыпи.

Ниже уровня окружающей курганъ земли раскопка производилась лишь для убѣжденія въ правильности залеганія слоевъ, порядокъ которыхъ опредѣлялся пробной ямой (1 арш. × 1 арш.), которая копалась у каждаго кургана (въ зависимости отъ рельефа земли), обыкновенно еще до раскопки курганной насыпи.

Добытыя такимъ путемъ данныя служили для сравненія и повѣрки сужденія о порядкѣ залеганія слоевъ земли въ насыпи кургана, а также для рѣшенія вопроса: откуда именно взята земля насыпи и не простираются ли какіе либо остатки погребальнаго типа ниже уровня основанія насыпи.

Если первый курганъ группы не давалъ яснаго сужденія о внутреннемъ строеніи сопки, то приходилось продолжать раскопки и слѣдующихъ кургановъ способомъ, примѣненнымъ для перваго кургана.

Ровики изучались одновременно съ насыпью, причемъ и имъ отводилось обыкновенно бѣльшее вниманіе въ первомъ курганѣ группы.

При такомъ методѣ, дальнѣйшая раскопка кургановъ группы является средствомъ убѣжденія въ правильности намѣченнаго первымъ курганомъ предположенія о погребальномъ типѣ, повѣркою этого предположенія, развитіемъ деталей и возможностью собранія бѣльшаго числа наблюденій и предметовъ.

Случается, что впоследствии, при вскрытіи послѣдующихъ кургановъ, встрѣчаются какія-либо непредвидѣнныя затрудненія, для выясненія которыхъ требуется новое примѣненіе подробнаго метода раскопокъ, взамѣнъ сокращеннаго.

Сестрорѣцкіе курганы потребовали исключительнаго вниманія, особенныхъ предосторожностей и въ отношеніи ихъ три года пришлось держаться метода подробныхъ раскопокъ. Курганы же Лужскаго района, благодаря наблюденіямъ, еще во время развѣдки, надъ выброшенными кладонскателями изъ насыпей археологическими матеріалами, не представили особыхъ трудностей и обследованіе ихъ не сопровождалось какими-либо сомнѣніями и недоумѣніями, свойственными труднымъ, темнымъ раскопкамъ. Но и здѣсь отдѣльные случаи частичныхъ недоумѣній, причиною которыхъ было или казавшееся противорѣчіе съ предшествовавшими наблюденіями, или какая либо новая деталь, которую трудно было подвергнуть отдѣльному разсмотрѣнію, вызывали, всякій разъ, расширение раскопки и повторное примѣненіе послѣдней въ слѣдующемъ курганѣ, или курганахъ, до полнаго выясненія.

Во время раскопокъ каждаго кургана самымъ тщательнымъ образомъ составлялись планъ, профили, чертежи и снимки и велись записи наблюденій надъ развертывавшимся раскопкою насыпи и ровиковъ матеріаломъ.

Удлиненный большой курганъ, оказавшійся единственнымъ, вскрываемъ былъ рядомъ прямоугольныхъ и квадратныхъ колодцевъ, придерживаясь площади вершинки его.

Раіонъ дреняго поселка Язвинника обслѣдованъ въ достаточной степени обстоятельно лишь по внѣшности. Раскопки же его выполнены не въ должной мѣрѣ цѣлесообразно, виною чему были, какъ и упомянуто раньше, мѣстныя условія, а также и недостатокъ времени и средствъ.

Курганныя группы столь обособлены одна отъ другой и раздѣлены такими пространствами, что не представляется возможности предполагать принадлежность ихъ къ одному поселку. Число древнихъ поселковъ отвѣчало, вѣроятно, числу курганныхъ группъ; но найти эти поселки изысканіями 1908 г. не удалось, что явно свидѣтельствуетъ о недостаточной законченности начатыхъ въ 1908 г. изысканій у деревни Сытенки.

Отчетъ о раскопкахъ.

Курганы Боровой дороги (ср. выше, стр. 173, 177 — 178).

Курганъ № 1 (№ 1 на рис. 9), самый крайній къ N, SO частью подошвы почти касается Боровой дороги. Замѣтно легкое сползаніе насыпи къ SW по скату мѣстности. Растительный покровъ жидкій, слегка обгорѣвшій. На насыпи полуобгорѣлыя сосенки. По формѣ основанія, курганъ круглый. Вершинка такая же, плоская, съ легкою, едва замѣтною, выпукlostью. По формѣ профиля, блячатый. У подошвы, кругомъ, широкій ровикъ; онъ—глубже къ подошвѣ кургана, гдѣ образуетъ круговое, лоткообразное, углубленіе, а другой, внѣшній, скатъ его болѣе пологій и постепенно переходитъ въ горизонтальную поверхность окружающей мѣстности. Въ общемъ, по внѣшности, курганъ того же типа, какъ представленный на рисункѣ 4.

Размѣры его: окружность основанія 46 арш., окружность вершинки 21 арш., кривая-образующая 14—15 арш., высота 13 в., ширина ровика (лоткообразной части) $1\frac{1}{2}$ —2 арш., глубина его до 6 в.

Пробная яма, вырытая на NW, дала растительный слой 2 в., сѣрый песокъ 4—6 в. и, ниже, желто-розовый песокъ.

Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи.

Подъ дерномъ, не глубже 4 в., въ центральной части вершинки, замѣчались въ одномъ мѣстѣ, не болѣе 8—10 в. въ поперчикѣ, угольки (сосновые) и пепель. До глубины 6-ти вер., чѣмъ ближе къ окружности основанія, тѣмъ меньше, и у самой подошвы лишь до 2 в., залегалъ подъ дерномъ по всей насыпи желтовато-розовый песокъ. Ниже, до уровня земли, шель сѣровато-бѣлый песокъ съ темноватыми пят-

нами, въ которомъ, спорадически, встрѣчались мелкіе угольки (сосновые) и пепель.

Дальнѣйшая раскопка продолжалась круглымъ колодезь во всю площадь основанія. Слои шли, повидимому, совершенно такъ-же, какъ въ пробной ямѣ. Тѣмъ не менѣе, т. к. на уровнѣ земли усмотрѣны были два бѣлыхъ круглыхъ пятна изъ бѣлаго песка, одно въ NO части, а другое въ SW, имѣвшіе въ поперечникѣ около 1½ арш., то раскопка продолжалась и ниже уровня поверхности земли до глубины 2 арш., гдѣ и была прекращена, потому что съ одной стороны бѣлые пятна, все уменьшавшіяся въ поперечникѣ, исчезли, а съ другой колодезь достигъ водоноснаго пласта девонской системы и вода быстро заполнила колодезь.

Бѣлыя пятна содержали въ себѣ, какъ оказалось, остатки древесины (сосны), волокна которой имѣли, приблизительно, вертикальное положеніе, и при тщательномъ наблюденіи приплось убѣдиться, что это были мѣста веретенообразныхъ главныхъ (осевыхъ) корней сосенъ, которыя когда-то росли здѣсь.

Обслѣдованіе раскопкою ровика обнаружило подъ дерномъ желтовато-розовый песокъ, который, за предѣлами лоткообразной части, по мѣрѣ удаленія отъ послѣдней, прикрывался все болѣе и болѣе толстымъ слоемъ сѣраго песку, принявшимъ на вѣшнемъ краю ровика, около 2 с. отъ подошвы насыпи, нормальную толщину, отмѣченную пробной ямой. вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено со стороны кургана сползаніе насыпи его въ ровикъ, прекратившееся, видимо, лишь тогда, когда крутизна внутренняго ската ровика приняла естественное положеніе.

Если сдѣлать подсчетъ объемовъ вынутаго изъ ровика желтовато-розоваго песку, растительнаго слоя и сѣраго песку, то окажется, что эти объемы, приблизительно, отвѣчаютъ объемамъ тѣхъ-же слоевъ въ насыпи кургана.

Отсюда, принимая во вниманіе и порядокъ залеганія слоевъ сѣроватаго и желто-розоваго песку въ насыпи, и порядокъ таковыхъ-же слоевъ въ пробной ямѣ, можно заключить, что насыпь кургана создавалась, видимо, слѣдующимъ образомъ. Отмѣтивъ на мѣстѣ окружность основанія насыпи, снимали, прежде всего, въ мѣрѣ потребности, по всей площади ровика, растительный слой и сѣрый песокъ, при чемъ послѣдняго брали, естественно, тѣмъ больше, чѣмъ ближе было къ окружности кургана. На образовавшійся такимъ образомъ холмъ изъ смѣси растительнаго слоя и сѣраго песку, набрасывали желто-розовый песокъ, который брали также изъ ближайшей къ кургану части круговаго ро-

вика. Нужно полагать, что растительный слой и сѣрый песокъ, какъ болѣе сухіе, и поэтому болѣе легкіе, можно было бросать и издали, а желто-розовый песокъ, какъ лежавшій глубже и потому болѣе влажный и болѣе тяжелый, легче было бросать на насыпь, находясь ближе къ послѣдней. Холмъ изъ растительнаго слоя и сѣраго песку не выравнивали, и поверхность его, обнаруживаемая въ насыпи раскопкою, носитъ повсемѣстно бугристый характеръ. Напротивъ, слой желто-роваго песку въ концѣ концовъ, видимо, сглаживали, и только этимъ, а затѣмъ и дѣйствіемъ стекавшихъ внизъ атмосферныхъ осадковъ, и можно объяснить правильный сегментообразный профиль насыпи въ настоящее время. Присутствіе угольковъ и пепла въ слоѣ сѣраго песку насыпи можно приписать находженію ихъ при насыпкѣ кургана на поверхности земли. Угли же и пепель подъ дерномъ, въ центральной части вершинки, относятся, нужно полагать, къ обряду погребенія, который, за отсутствіемъ другихъ признаковъ его, остается невыясненнымъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, совершался на вершинѣ кургана въ тогдашнемъ ея видѣ, т. е. на томъ слоѣ насыпи, который лежитъ теперь подъ дерномъ вершинки.

Такимъ образомъ, тщательная раскопка этого кургана выяснила способъ устройства насыпи и ровика кургана; относительно же погребенія, очевидно остатковъ трупосожженія, совершавшагося гдѣ-то на сторонѣ, пришлось ограничиться сейчасъ приведеннымъ предположеніемъ.

Курганъ № 2 (№ 9 на рис. 9) стоялъ рядомъ съ № 8, на 2 шага къ S отъ него, и приходился на вершинѣ дугообразной террасы лѣваго берега руч. Чернецкаго. Покровъ жидкимъ растительнымъ ковромъ. На S скатѣ вершинки дряблый и полусгнившій пенъ сосны. По вѣшной линіи очертанія ровика, съ NO стороны, кустъ березы, а съ SW старая сосна. Въ ровикѣ, съ NW и NO сторонъ, по ямкѣ неизвѣстнаго происхожденія. Съ O стороны, задѣвая скатъ насыпи и ровикъ, срывая первый и затемняя второй, пролегаетъ полевая дорога, подходящая къ Боровой дорогѣ. По формѣ основанія, курганъ круглый. Вершинка такая-же, чуть-чуть выпуклая. Профиль сегментообразный. Вокругъ основанія насыпи ровикъ того же типа, какъ у предыдущаго кургана. Въ общемъ, курганъ, по вѣшности, того же типа, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 30 ар., окружность вершинки 18 ар., кривая-образующая 9 ар. 8 в., высота 10 в., ширина ровика (лоткообразная часть) $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ ар. и глубина до 7 в. Пробная яма, съ W, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 3 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопанъ послышной съемкой всей насыпи. Сперва былъ снятъ растительный слой, толщиной около вершка, со

всей насыпи. Подъ нимъ оказался желтовато-розовый песокъ. На поверхности этого слоя замѣчены два небольшихъ, угле-пепельнаго цвѣта, пятнышка, поперечникомъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ в., размѣщенные, одно въ W части вершинки и другое въ O, съ промежуткомъ между ними около 1 арш. Дальнѣйшая, тонкими слоями, съемка насыпи обнаружила, что пятна эти темнѣютъ и увеличиваются въ поперечникѣ по мѣрѣ углубленія. Последующая съемка насыпи производилась, оставляя нетронутыми мѣста пятенъ. Такимъ образомъ, выяснилось, что пятна представляютъ сфероиды изъ угле-пепла, на глубинѣ 3—4 вершковъ отъ поверхности вершинки насыпи. Дойдя до уровня основанія пятенъ, которое оказалось на верхней поверхности сѣраго песку, составлявшаго нижнюю часть насыпи, мы приступили къ обслѣдованію сфероидовъ. Они имѣли размѣры: высота 2—3 вер. и поперечникъ 3—5 вер. Разстояніе между ними равнялось, приблизительно, 10 вер. Осторожное, совкомъ, изслѣдованіе ихъ показало, что они состоятъ изъ двухъ частей, или слоевъ, наружнаго и внутренняго. Наружную часть (обертку) каждаго сфероида составляли угольки (сосновые) и пепель, а внутреннюю (содержимое) кальцинированныя человѣческія кости, перемѣшанныя съ костянымъ порошкомъ и плотно слежавшіяся. Слой угле-пепла, очевидно, имѣлъ цѣлью окутываніе остатковъ трупосожженія. Всѣ собранныя кальцинированныя кости и костяного порошка получился такой: въ W сфероидѣ 1 фн. 18 зл., а въ O 2 фн. 24 зл. ¹⁾ Дальнѣйшая раскопка, имѣвшая цѣлью подробное обслѣдованіе сѣраго песку, дала лишь разбросанные, спорадически, въ толщѣ его угольки (сосновые) и пепель (мелкими комочками). Продолженіе раскопки ниже уровня почвы убѣдило въ естественномъ порядкѣ залеганія тамъ слоевъ земли, такомъ же точно, какъ и въ пробной ямѣ.

Раскопка этого кургана, проведенная подробнымъ методомъ, повѣрила выводы, получившіеся отъ изслѣдованія предыдущаго кургана, и дополнила ихъ совершенно точнымъ разъясненіемъ предположенія о погребеніи остатковъ трупосожженія. Отсюда какъ-бы вытекаетъ, что въ курганѣ № 1, гдѣ въ центрѣ вершинки найденъ угле-пепель, вѣроятно, погребены были остатки сожженнаго гдѣ то въ иномъ мѣстѣ тѣла одного человѣка. Въ этомъ-же курганѣ имѣемъ дѣло съ погребеніемъ остатковъ трупосожженія двухъ людей, почему остатки и заключены въ двухъ сфероидахъ.

¹⁾ По справкѣ, данной докторомъ медицины И. О. Кречевымъ, всѣхъ костей сухого скелета взрослого субъекта можно считать въ среднемъ: для женщины около 30 фунтовъ и для мужчины около 1 пуда.

Курганъ № 3 (№ 11 на рис. 9) расположенъ въ сосѣдствѣ съ конической ямой, шагахъ въ 20-ти къ N отъ нея, почти въ серединѣ всей группы. Покрываетъ жидкимъ растительнымъ ковромъ изъ сѣраго мху, вереска и полевой травы. На окраинахъ ровика, съ SW и SO, по одной старой соснѣ. Курганъ въ основаніи круглый, вершинка такая же, слегка выпуклая. Профиль сегментообразный. Сползание насыпи замѣчается къ W, сообразно легкому уклону мѣстности. Вокругъ основанія ровикъ того-же типа, что и у кургана № 1, но съ особыми болѣе углубленными мѣстами на W, SW и SO. Въ общемъ, по внѣшности, курганъ того же типа, какъ на рис. 4. Промѣры дали: окружность основанія 22 ар., окружность вершинки 17 ар., кривья-образующія: NS 10 ар. 10 в. и WO 11 ар. 9 в., высота 8 в., ширина ровика (лоткообразная часть) $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ ар. и общая глубина около 5 вер., а въ особо углубленныхъ мѣсть не превосходила 8—9 в. Пробная яма, къ S отъ кургана, дала тотъ же порядокъ слоевъ, что и у предыдущаго кургана. Раскопка производилась центральнымъ круглымъ колодцемъ, въ 8 арш. въ діаметрѣ, съ послоннымъ сниманіемъ земли.

Подъ растительнымъ слоемъ залегалъ желто-розовый песокъ. Въ немъ, на глубинѣ 2 в., въ W части вершинки, въ разстояніи 1 ар. 12 в. отъ центра, обнаружено угольно-пепельное пятнышко сфероида. Снятіемъ всего слоя желто-розоваго песку обнажено погребеніе остатковъ трупосожженія, устроенное на сѣромъ пескѣ нижней части насыпи. Размѣры сфероида: высота около 3 в. и поперечникъ 4—5 в. Тщательное соскабливаніе совкомъ наружнаго слоя (сосновый уголь и пепель) обнажило ядро сфероида изъ кальцинированныхъ человѣческихъ костей и костяного порошка, плотно слежавшихся. Среди нихъ найденъ ручной браслетъ изъ мѣдной, овальнаго сѣченія, тянутой проволоки, покрытый сѣро-зеленой патиной. Одинъ конецъ утолщенъ и перпендикулярно обрубленъ; къ другому концу браслетъ, постепенно, утончается, и здѣсь браслетъ какъ бы обломанъ. Изгибъ браслета овальный, видимо, по формѣ руки, и размѣры овала, конечно, отвѣчаютъ размѣрамъ того мѣста руки, гдѣ браслетъ носился. Длина овала 56 см., ширина его 45 см., длинная ось сѣченія: у головки (толстый конецъ) 6 см. и съ конца (хвостъ) 4 см., и короткая ось: у головки 5 см. и около тонкаго конца 3 см. Кальцинированныя кости и порошокъ составляли, по вѣсу, 1 ф. 68 з.

Раскопка нижней части насыпи обнаружила ея составъ изъ растительнаго слоя и сѣраго песку, выкиданныхъ изъ ровика. Верхнюю часть насыпи составлялъ желто-розовый песокъ изъ ровика же, осо-

бенно изъ его углубленныхъ мѣсть и лотка. Дальнѣйшая раскопка вглубь ниже уровня почвы дала нетронутые слои земли.

Раскопка этого кургана, подтвердивъ выводы, полученные при вскрытіи двухъ предшествовавшихъ кургановъ, косвенно утвердила и W—O положеніе сфероидовъ съ остатками трупосожженія, какъ то замѣчено въ курганѣ № 2. Судя по добытому браслету, составлявшему украшеніе, повидимому, женщины, можно предполагать, что обнаруженный въ W части кургана сфероидъ содержитъ остатки трупосожженія женщины. Отсутствіе другого сфероида, для котораго, кажется, полагалось мѣсто въ O части, какъ бы убѣждаетъ насъ въ томъ, что другое погребеніе остатковъ, вѣроятно, трупосожженія мужчины, почему то произведено не было.

Курганъ № 4 (№ 12 на рис. 9) расположенъ въ легкой сѣдловинкѣ на дугѣ террасовидной возвышенности, шагахъ въ 40 на S отъ конической ямы. Порошь травой, верескомъ и мелкими сосенками. W край ската смятъ и W часть ровика попорчена пролегающей здѣсь старой лѣсной дорогой. Курганъ круглый; вершинка такая-же, слегка выпуклая. Профиль сегментообразный. Кругомъ ровикъ, какъ у кургана № 1. Въ общемъ, по внѣшности, курганъ того же типа, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 33 ар., окружность вершинки 22 ар., кривая-образующая 11 ар., высота 9 в., ширина ровика (лотковая часть) около 3 ар. и глубина его не болѣе 6 в. Пробная яма, къ NW, дала растительный слой 1¹/₂ в., сѣрый песокъ 3 - 4 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка производилась круглымъ, въ 8 ар. въ діаметрѣ, колодцемъ въ центрѣ кургана и послышной съемкой внутри раскопа.

Подъ растительнымъ слоемъ, въ W и O частяхъ вершинки замѣчены комочки угле-пепла, разстояніе между которыми равнялось, приблизительно, 1 ар. Кромѣ нихъ, никакихъ другихъ признаковъ погребенія не обнаружено. Насыпь опять состоитъ изъ двухъ частей, нижней изъ сѣраго песка и верхней изъ желто-розоваго. Если въ комочкахъ угле-пепла видѣть части сфероидовъ съ погребеніями остатковъ трупосожженій, то исчезновеніе прочихъ частей ихъ можно объяснять тѣмъ, что слой, прикрывавшій эти сфедоиды, пока насыпь не обросла дерновымъ покровомъ, былъ, вѣроятно, смѣщенъ вѣтромъ или сползъ по скату насыпи, гдѣ, расплывшись, сталъ непримѣтенъ. Во всякомъ случаѣ, и въ этомъ курганѣ получается какъ бы подтвержденіе расположенія мѣсть погребенія остатковъ трупосожженія по линіи съ W на O. Раскопка ниже уровня почвы дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 5 (№ 15 на рис. 9) стоитъ самымъ крайнимъ къ S W-й край ската насыпи и ровикъ съ той же стороны задѣты Боровой дорогой. Обѣздная дорога, выходящая на Боровую же, касается SO ската насыпи и испортила ровикъ съ этой стороны. Бока насыпи и отчасти края вершинки, а также ровикъ, поросли соснами, всего около 17; самая вершинка ими не закрыта. Растительный покровъ (трава) довольно густъ. Въ центрѣ вершинки небольшая свѣжая ямка овальной формы, $1\frac{1}{2}$ ар. съ W на O и 10 в. съ N на S, глубиною около 4 в. По формѣ основанія курганъ круглый, вершинка такая же, слегка выпуклая. По профилю курганъ сопочный. Вокругъ основанія ровикъ, какъ у кургана № 1; болѣе глубокия части его расположены на N, NO и SW. Въ общемъ, по внѣшности, курганъ того же типа, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 37 ар., окружность вершинки 18 ар., кривая-образующая 14 ар., высота съ S стороны 1 ар. $4\frac{1}{2}$ в. (низъ ската мѣстности) и съ N 1 ар. $1\frac{1}{2}$ в. (верхъ того-же ската), ширина ровика 3 ар. 5—8 в. и глубина его 5—7 в. Пробная яма, съ SW, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ —2 в., сѣрый песокъ 2—3 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка производилась круглымъ, 8 ар. въ діаметрѣ, колодецемъ въ центрѣ, съ послонной съемкой насыпи. Насыпь состояла изъ двухъ слоевъ: нижняго (сѣрый песокъ въ 7—10 вер. толщиной) и верхняго (изъ песку желто-розоваго въ 10—13 в. толщиной), надъ которымъ лежалъ растительный слой. Въ верхнемъ слоѣ, на глубина 10 в., въ разстояніи 1 ар. къ W отъ центра, обнаружено немного кальцинированныхъ человѣческихъ костей, окутанныхъ, сфероидально, углями (сосновыми) и пепломъ, лежавшими на поверхности сѣраго песку, т. е. на нижнемъ слоѣ насыпи. Густое сплетеніе корней растущихъ по скату съ этой стороны сосенъ не позволило опредѣлить размѣры сфероида, который казался разрушеннымъ корнями деревьевъ. Кальцинированныхъ костей собрано всего 17 зол. Отсутствіе другого сфероида погребенія къ O можетъ быть объяснено и совершенной порчей его многочисленными корнями деревьевъ, особенно густо росшими съ этой стороны. Въ сѣромъ пескѣ нижней части насыпи замѣчались, спорадически, угольки (сосновые) и пепель (комочки). Раскопка вглубь, ниже уровня земли, дала нетронутые слои.

Курганъ № 6 (№ 8 на рис. 9) расположенъ рядомъ съ курганомъ № 2, на два шага къ N, и къ O отъ Боровой дороги. По краю W отлогости насыпи пролегаетъ обѣздная полевая дорога, попортившая какъ этотъ край, такъ и ровикъ съ этой стороны. На S отлогости насыпи группа изъ 4 старыхъ сосенъ. Жидкій растительный коверъ со-

стоитъ изъ сѣраго мха, луговой травы, вереска и лишайника. По формѣ основанія, курганъ круглый. Вершинка такая-же, чуть-чуть выпуклая. Профиль кургана сегментобразный. Кругомъ ровикъ, какъ у кургана № 1. Въ общемъ, курганъ, по внѣшности, того-же типа, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 31 ар., окружность вершинки 20 ар., кривая-образующая $9\frac{1}{2}$ ар., высота 9 в., ширина ровика около $2\frac{1}{2}$ ар. и глубина его около 5 в. Пробная яма, къ NO, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 4 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка производилась центральнымъ круглымъ колодцемъ, въ 8 ар въ діаметрѣ, съ послонной съемкой земли. Подъ растительнымъ слоемъ вершинки, въ 10 в. отъ центра къ SW, усмотрѣно характерное пятнышко сфероида погребенія, состоявшее изъ мелкихъ угольковъ (сосновыхъ) и пепла. Признаковъ другого сфероида не оказалось. Тщательное снятіе верхней части насыпи изъ желто-розоваго песка выяснило, что открытый сфероидъ, по обыкновенію, приплюснутой формы и помѣщался на поверхности нижней части насыпи, состоящей изъ смѣси растительнаго слоя со слоемъ сѣраго песку. Ядро сфероида (кальцинированныя кости и костяной порошокъ) помѣщалось на глубинѣ 4 в. отъ поверхности вершинки насыпи. Размѣры сфероида: поперечникъ съ W на O—10 в. и съ N на S—7 в., высота около $3\frac{1}{2}$ в. Слой костей и порошка представлялъ довольно компактную массу, почти напоминавшую костяную брекчію. Общій вѣсъ кальцинированныхъ костей и костяного порошка 3 фн. 70 зол. Въ нижней части насыпи (смѣсь растительнаго слоя и слоя сѣраго песку) усматривались, спорадически, угольки (сосновые) и пепель (комочками). Раскопка глубже уровня земли обнаружила нетронутые слои, залежавшіе такъ же, какъ и въ пробной ямѣ. Раскопка этого кургана опредѣлила, что иногда положеніе сфероидовъ погребенія съ O на W можетъ имѣть уклоненія въ сторону N—O.

Курганъ № 7 (№ 7 на рис. 9) рядомъ съ предыдущимъ курганомъ, на 2 шага къ N отъ него. W край насыпи срѣзанъ проходящей вблизи лѣсной дорогой и затемненъ, съ этой-же стороны, участокъ ровика. На S скатѣ насыпи нѣсколько старыхъ сосенъ. N часть насыпи поросла маленькими полуобгорѣлыми сосенками. Растительный коверъ жидокъ: травка, сѣрый мохъ, верескъ, лишайникъ. По формѣ основанія, курганъ круглый. Вершинка такая-же, слегка выпуклая. Профиль кургана сегментобразный. Кругомъ ровикъ, какъ у кургана № 1. Въ общемъ, по внѣшности, курганъ таковъ же, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 30 ар., окружность вершинки 18 ар., кри-

вая-образующая 9 ар. 4 в., высота 8 вер., ширина ровика около 2 ар. и глубина его 4—5 вер. Пробная яма, къ NO, дала тѣ же результаты, что и въ предыдущемъ курганѣ. Раскопка производилась центральнымъ круглымъ колодцемъ, въ 8 арш. въ діаметрѣ, съ послѣдней съемкой земли. Подъ растительнымъ слоемъ, въ центрѣ вершинки насыпи, замѣчено темное пятнышко сфероида погребенія. Но самая тщательная раскопка всего слоя желто-розоваго песку не дала никакихъ признаковъ второго сфероида погребенія. Открытый сфероидъ приплюснутый, въ 4—5 в. въ поперечникѣ и около 3 в. высоту, помѣщался на составляющей нижнюю часть насыпи смѣси растительнаго слоя со слоемъ сѣраго песку. Центр сфероида приходился на глубинѣ около 4—5 вершковъ. Какъ и въ прочихъ курганахъ, сфероидъ состоялъ изъ наружнаго слоя (обертки) и внутренняго (содержанія). Наружный слой представляли угли (сосновые) и пепель. Внутренній слой состоялъ изъ кальцинированныхъ человѣческихъ костей и костяного порошка. Къ сожалѣнію, всѣхъ костей съ порошкомъ не удалось опредѣлить (пакетъ съ ними утерянъ). Нижнюю часть насыпи составляла смѣсь растительнаго слоя со слоемъ сѣраго песку. Въ этой части насыпи, спорадически, находимы были угольки (сосновые) и пепель. Дальнѣйшая раскопка ниже уровня почвы дала нетронутые слои земли, залежавшіе такъ-же, какъ и въ пробной ямѣ.

Курганъ № 8 (№ 6 на рис. 9) расположенъ къ W, у подошвы ската дугообразной возвышенности, и находится къ SW отъ кургана № 5 и кургана № 7. Своимъ положеніемъ курганъ какъ-бы входитъ во 2-й рядъ линіи обще-рядового расположенія кургановъ группы. Насыпь поросла старыми соснами счетомъ до 26. Рѣдкія старыя сосны расположены и въ ровикахъ, особенно съ NO и O. Съ N къ кургану подходит небольшая, но густая, заросль сосняка. Растительный покровъ жидкій: луговая трава, верескъ, сѣрый мохъ, лишайникъ. По плану основанія, курганъ удлиненный—большой, въ данномъ районѣ, какъуже было сказано раньше, единственный. Вершинка такая-же (прямоугольная съ закругленными углами). Ориентированъ курганъ длинною осью по направленію NW—SO. Такимъ образомъ, удлиненныя стороны кургана обращены—одна на SW и другая на NO, а короткія—одна на NW и другая на SO. У основанія насыпи ровики расположены такъ: съ SW—одинъ ровикъ, по одному ровику и съ каждой изъ короткихъ сторонъ (NW и SO); съ NO же четыре ровика, раздѣленные незначительными по длинѣ, $1\frac{1}{2}$ —2 ар., перешейками. Итакъ, курганъ имѣетъ всего 7 ровиковъ. Общее сползаніе насыпи усмотрѣно къ SW, куда идетъ легкій

уклонъ мѣстности. По внѣшности курганъ того же типа, какъ на рис. 3, и совершенно тождественъ съ сестрорѣцкими, угольными, удлиненными курганами. Рис. 7 даетъ фотографическій снимокъ этого кургана съ SSO. Въ 3 с. 2 ар. отъ SO конца вершинки, поперекъ ея, съ SW-й стороны, находится овальная, обращенная уширенною частью на SW (по скату), глубокая яма, начинающаяся отъ середины вершинки и доходящая почти до подошвы SW ската насыпи, гдѣ замѣтна обсыпь въ ровикъ съ этой стороны. По заявленію сытенцевъ, яма эта сдѣлана кладонскателями. Ея размѣры: длина (SW—NO) 7 ар., ширина (NW—SO) 2 ар. 3 в. и глубина около 12 вер. Эта яма довольно примѣтно бѣлѣетъ и на рис. 7. На поверхности выброшенной изъ ямы земли усмотрѣны кальцинированныя человѣческія кости и костяной порошокъ. Съ краю ямы, на вершинкѣ насыпи, замѣтна масса сфероида погребенія. Промѣры характерныхъ линій кургана дали: удлиненная сторона основанія 20 с. 2 ар., удлиненная сторона вершинки 17 с. 2 ар., короткая сторона основанія—NW 3 с. 1 ар. и SO 4 с., короткая сторона вершинки 1 с. 8—12 в., кривыя—образующія: NW—SO 21 с. 2 ар. и SW—NO съ NW конца 3 с. 2 ар., въ серединѣ насыпи 4 с. 1 ар. 5 в. и съ SO конца 4 с. 2 ар., длина ската—SW 1 с. 2 ар. и NO 1 с., высота насыпи 1 ар. 3 в. (съ SO стороны выше), длина перешейковъ: W-го $3\frac{1}{2}$ ар., N-го 1 с. 1 ар., трехъ NO по $1\frac{1}{2}$ —2 ар., O-го $2\frac{1}{2}$ ар. и S-го 2—3 ар., ширина ровиковъ отъ 1 с. до 1 с. 8 в. и глубина ихъ отъ 9 до 15 в. Такимъ образомъ, промѣрами устанавливается фактъ, что насыпь постепенно уширяется къ SO-му концу своему, при чемъ разница въ ширинѣ колеблется въ предѣлахъ около 1 с. Кромѣ того, насыпь повышается въ направленіи отъ NW къ SO. Пробная яма, съ O, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ в., сѣрый песокъ 3—4 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка кургана, считаясь съ его размѣрами, временемъ и матеріальными средствами, а также благодаря даннымъ, добытымъ предшествовавшею раскопкою 7-ми кургановъ, велась рядомъ прямоугольныхъ и квадратныхъ колодцевъ, располагавшихся по линіи длинной оси фигуры вершинки. Всѣхъ колодцевъ вырыто было 4. Они находились: I (4 а. $\times$ 4 а.) въ 1 с. отъ SO конца вершинки, II (11 а. $\times$ 4 а.) отстоялъ отъ предыдущаго къ NW на 5 ар. и включалъ въ свои предѣлы часть кладонскательской ямы, III (10 а. $\times$ 4 а.) былъ удаленъ отъ предшествовавшаго къ NW на 7 ар. и IV (4 а. $\times$ 4 а.) отстоялъ отъ предыдущаго на 4 а. и отъ NW конца вершинки на 6 ар. Ширина колодцевъ (4 ар.) приходилась поперекъ вершинки и спускалась на отлогости насыпи (удлиненныя). По вер-

шинкѣ, въ промежуткахъ между колодцами, находились старыя сосны, которыя донельзя затрудняли раскопку. Прежде всего, тщательно снятъ растительный слой. Обнаружилось пятно сфероида погребенія только въ NW краю кладоискательской ямы. Попытка обследовать почву въ этомъ уровнѣ, подъ растительнымъ слоемъ тѣхъ промежутковъ, которые раздѣляли вырытые при раскопкѣ колодцы, не взирая на трудности, которыя представляли корни сосенъ, не обнаружила признаковъ другихъ сфероидовъ погребенія. Подъ растительнымъ слоемъ въ колодцахъ находился желто-розовый песокъ, лежавшій на глубинѣ до 7—9 вер. Нижняя часть насыпи оказалась, какъ и въ круглыхъ курганахъ, смѣсью растительнаго слоя со слоемъ сѣраго песку. Въ этой части насыпи, преимущественно за нѣсколько вершковъ до уровня ея основанія, встречались, какъ и въ круглыхъ курганахъ, спорадически, угольки (сосновые) и пепель. Весь интересъ раскопки, въ концѣ концовъ, сосредоточился на колодцѣ II и совмѣщенной съ нимъ части кладоискательской ямы. Кропотливое обследованіе сохранившейся части сфероида и земли, выброшенной кладоискателями изъ ямы, установило его первоначальные размѣры: длина (NW—SO) въ предѣлахъ около 12 в., ширина (SW—NO) 10 в. и высота около 7—8 в. Его центральная часть находилась на глубинѣ $3\frac{1}{2}$ —4 в. Сфероидъ погребенія и здѣсь помѣщался на поверхности нижней части насыпи. Составленъ сфероидъ, какъ обыкновенно, изъ двухъ слоевъ: наружнаго (обертка) и внутренняго (содержаніе). Наружная часть сфероида, состоявшая изъ углей (сосновые) и пепла, имѣла въ толщину около 1 в. Внутренняя часть состояла изъ кальцинированныхъ человѣческихъ костей и костяного порошка, 9 фн. 27 зл., по вѣсу. Такое обиліе костей и порошка наводитъ на мысль о множественномъ погребеніи остатковъ трупосо-

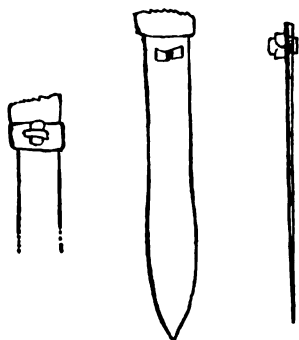

Рис. 12. Желѣзный предметъ изъ кургана № 8.

женія, т. е. совмѣщеніи въ одинъ сфероидъ двухъ или болѣе остатковъ трупосоженія. Среди кальцинированныхъ костей найденъ плоскій желѣзный предметъ, кажется, привѣска къ поясу.

Онъ изображенъ на рис. 12. Одинъ конецъ стрѣловидный и заостренный; другой какъ-бы обломанъ и расщепленъ. Послѣдній составленъ изъ двухъ пластинокъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается уширеніе, имѣется отверстіе, въ которое проходитъ мѣдная ленточная проволока. Послѣдняя согнута пополамъ; въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ узелъ, а концы

пропущены через отверстие и на другой сторонѣ (за тонкой пластинкой) чекообразно разогнуты въ стороны. Общая длина предмета 43 см., длина заостренной части 7 см., длина стороны заостренія 7 см., ширина у основанія острія 7 см., ширина пластинокъ: у отверстия 7 см., въ серединѣ 5 см. и въ обломанной части 8 см. Раздѣленіе пластинокъ начинается, видимо, тотчасъ за стрѣловиднымъ остриемъ. Изъ этихъ пластинокъ одна тоньше (0,5 см.), а другая толще (1 см.). Проволока ленточная, шириною 2 см., толщиной 1 см., длина загнутыхъ концовъ 3 см. Въ общемъ, судя по чекѣ (измѣненіе разстоянія между пластинками), можно предполагать, что предметъ на что-то насаживался своей уширенной частью (гдѣ отломъ). Это-то обстоятельство, между прочимъ, и наводитъ на мысль: не привѣска-ли это? Какъ остріе, такъ и пластинки приготовлены весьма искусно. Дальнѣйшая раскопка въ колодцахъ, ниже уровня почвы, обнаружила нетронутые слои земли. Раскопка этого кургана устанавливаетъ, не смотря на NW—SO положеніе сфероида погребенія, несомнѣнное заключеніе о томъ, что внутренній погребальный типъ, какъ удлиненнаго кургана, такъ и круглыхъ кургановъ, одинаковъ.

Курганы дороги на Островенку.

Курганъ № 9 (№ 16 на рис. 10) расположенъ на ровномъ мѣстѣ въ W крайнѣ группы. NO край его отлогости сръзанъ (на $1\frac{1}{2}$ ар.) канавою дороги на Островенку. По краямъ вершинки, преимущественно съ W и SW сторонъ, сохранилось шесть полусгнившихъ пней отъ старыхъ сосенъ. Растительный покровъ изъ осоки, вереска и мѣстами сѣраго мха. По формѣ основанія, курганъ круглый. Вершинка такая-же, чуть-чуть выпуклая. Профиль кургана сегментообразный. Вокругъ основанія ровикъ того же типа, какъ у кургана № 1. Въ общемъ, по внѣшности, курганъ таковъ-же, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 45 ар., окружность вершинки $31\frac{1}{2}$ ар., кривая-образующая $13\frac{1}{2}$ ар., высота 8 в., ширина ровика (лоткообразная часть) $2-2\frac{1}{2}$ ар. и глубина его 6—7 в. Пробная яма съ SO дала: растительный слой—2 в., бѣловатый песокъ—3 в., а ниже желто-розовый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи. Прежде всего, со всей насыпи тщательно снятъ растительный слой; подъ нимъ обнажился желто-розовый песокъ. На поверхности его ничего не усмотрѣно. Ничего не оказалось и въ толщѣ его. Съ глубины 4—5 в. пошла нижняя часть насыпи, состоявшая изъ смѣси растительнаго слоя со слоемъ бѣловатаго песку; въ ней, спорадически, замѣчались угольки (сосновые) и пе-

*

пель. Раскопка ниже уровня почвы дала нетронутые слои земли. Обследование раскопкою ровика подтвердило наблюдения, сделанные у кургана № 1. Итакъ, этотъ курганъ, первый въ данной группѣ, далъ только сужденіе о строеніи насыпи.

Курганъ № 10 (№ 15 на рис. 10) расположенъ невдалекѣ на SO отъ предыдущаго кургана. Вблизи него окраина болота, черезъ которое мостикъ по дорогѣ на Островенку. На насыпи, преимущественно на NW и SW,—до десятка полустгнившихъ сосновыхъ пней. По краю вершинки съ O и съ WNW по нѣсколько сосѣнокъ. Насыпь поросла жидкой травой, верескомъ и сѣрымъ мхомъ. Ровикъ густо заросъ травой и верескомъ. По формѣ основанія курганъ круглый; вершинка такая-же, чуть-чуть выпуклая. Профиль сегментообразный. Около основанія круговой ровикъ того же типа, какъ у кургана № 1. Въ общемъ, по внѣшности, курганъ таковъ же, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 36 ар., окружность вершинки 22 ар., кривая-образующая 12 ар., высота насыпи 10 в., ширина ровика (лотковая часть) 2—3 ар. и глубина его до 6 в. Пробная яма, съ N, дала тѣже почвенныя наблюдения, что и въ предыдущемъ курганѣ. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи. По снятіи растительнаго слоя, въ W части вершинки, на $1\frac{1}{2}$ ар. отъ центра, усмотрѣно темное пятнышко сфероида погребенія. Другого сфероида не обнаружено. Открытый сфероидъ залегалъ на глубинѣ 4 в., покоясь нижнею частью на поверхности нижняго слоя насыпи, состоящаго изъ смѣси растительнаго слоя съ бѣловатымъ пескомъ. Размѣры сфероида: поперечникъ около 1 ар. и высота около 3 вер. Онъ состоитъ изъ двухъ слоевъ. Наружный слой, особенно толстый въ своемъ основаніи, состоялъ изъ сосноваго угля и пепла; внутренній—составляли кальцинированныя человѣческія кости и костяной порошокъ, вѣсившіе около 5 фн. 10 зл. При обследованіи, раскопкою, нижней части насыпи усматривались, спорадически, угольки (сосновые) и пепель (комочки). На уровнѣ окружающей почвы, съ краю кургана, на NW, почти у линіи окружности его основанія, открыто округленное кострище, имѣвшее въ поперечникѣ около 2 ар. Вокругъ него горизонтальная поверхность земли подъ растительнымъ слоемъ оказалась закопченной. Мѣстами, на закопченномъ кругѣ, около $1\frac{1}{2}$ с. въ діаметрѣ, виднѣлись угольки (сосновые), пепель (чернаго цвѣта) и въ небольшомъ количествѣ чернѣйшій костяной порошокъ отъ пережженныхъ человѣческихъ костей. *) Слой угле-пепла

*) Въ центральной части угли и пепель какъ-бы были сосредоточены, путемъ сгребанія отъ периферіи. Отсюда и получились размѣры кострища.

кострища имѣлъ въ высоту около 4 вер. Подъ нимъ земля была сильно обожжена и прокалена на глубину до 8 вер., при чемъ въ центральной части она оказалась и окрашенной въ черный цвѣтъ (до глубины 3—5 в.). Дальнѣйшая раскопка вглубь, ниже горизонта почвы, дала нетронутые слои земли.

Этотъ курганъ, аналогичный по внутреннему составу и типу погребенія съ курганами Боровой дороги, выдвинулъ вопросъ, который оставался до тѣхъ поръ темнымъ: гдѣ происходило трупосожженіе? Наблюденія надъ кострищемъ и кругомъ закопченной земли позволяютъ предположить, что этотъ кругъ и былъ мѣстомъ трупосожженія для этого именно кургана. Картина похоронъ была, видимо, такая: сперва сожигали трупъ на широкомъ ($1\frac{1}{2}$ с.) кругломъ сосновомъ кострѣ, который, по мѣрѣ сгорания, сгребали къ центру; когда сожиганіе заканчивалось, тогда остатки сожженного трупа (кальцинированныя кости и т. п.) вынимали для отдѣльнаго погребенія ихъ въ насыпи кургана (сфероидъ), а перегорѣвшія кости и черный костяной порошокъ оставляли на мѣстѣ. При насыпкѣ кургана кострище и часть круга обожженной подъ нимъ земли оказались подъ насыпью, а остальное уничтожено ровикомъ (не отсюда ли угольки и пепель въ нижней части насыпи?).

Курганъ № 11 (№ 12 на рис. 10) расположенъ къ N отъ предыдущаго кургана, по другую сторону дороги на Островенку, въ 5 шагахъ отъ дороги. Насыпь поросла молодыми березками. Растительный покровъ изъ травы и вереска довольно густъ. По формѣ площади основанія, курганъ круглый, вершинка такая-же, слегка округленная. Профиль сегментообразный. Внѣ окружности площади основанія ровикъ такой-же, какъ у кургана № 1. Въ общемъ, по внѣшности, курганъ того-же типа, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 45 ар., окружность вершинки 30 ар., кривая-образующая $14\frac{1}{2}$ ар., высота 12 вер., ширина ровика (лотковая часть) около 1 с. и глубина его 8 в. Пробная яма, съ N, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ —2 в., сѣрый песокъ 3—4 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка производилась круглымъ, 9 ар. въ діаметрѣ, колодеземъ въ центрѣ кургана, послыною съемкою земли. Подъ растительнымъ слоємъ обнажился желто-розовый песокъ, въ которомъ, въ 2 ар. къ W. отъ центра вершинки, усмотрѣно темное пятнышко сфероида погребенія. Другого сфероида не оказалось. Открытый сфероидъ былъ болѣе приплюснутымъ, чѣмъ обыкновенно; при поперечникѣ въ 14—15 в. высота его была лишь около 3 в. Наружный слой его (обертка) состоялъ изъ углей (сосновыхъ) и пепла; внутренній (содержимое)—изъ кальцинированныхъ человѣческихъ костей и костянаго порошка, плотно слежавшихся. Въ общемъ, центральная часть

сфероида отстояла отъ поверхности вершинки на 4 в. Собранныя кости и порошокъ вѣсили почти 3 фн. 54 зол. Обслѣдованіе раскопкою нижняго слоя насыпи (смѣсь растительнаго слоя и бѣловатаго песку) обнаружило разбросанныя въ ней, спорадически, угольки (сосновые) и пепель. Въ W части насыпи, вблизи окружности основанія, вершка на 2 — 3 выше горизонта поверхности земли, открылось круглое, въ 1 ар. 12 в. въ діаметрѣ, кострище изъ углей (сосновыхъ), пережженныхъ (черныхъ) костей и пепла (чернаго). Вокругъ костра поверхность земли кругомъ, около 1½ с. въ діаметрѣ, была закопчена (черна) и сама земля подъ кострищемъ и этимъ кругомъ сильно обожжена, чѣмъ ближе къ кострищу, тѣмъ сильнѣе, при чемъ характерная краснота обжига и черная окраска доходила до глубины 7—8 верш. Продолженіе раскопки глубже уровня поверхности земли дало нетронутые слои земли. Раскопка этого кургана подтверждаетъ тѣ выводы и тѣ предположенія, которые можно было намѣтить при раскопкѣ предыдущаго.

Курганъ № 12 (№ 10 на рис. 10) расположенъ рядомъ съ предыдущимъ курганомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ къ ООП. Скаты его и ровикъ покрыты зарослью осинника и березняка. Растительный коверъ жидкій (луговая травка, верескъ и сѣрый мохъ). Сползаніе замѣчено къ W, сообразно уклону всей мѣстности. По формѣ основанія, курганъ круглый; вершинка такая-же, чуть-чуть выпуклая. Профиль сегментобразный. У основанія круговой ровикъ, какъ у кургана № 1. По внѣшности, курганъ таковъ-же, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 30 арш., окружность вершинки 21 ар., кривыя-образующія: NS 9 ар. 14 в. и OW 10 ар. 6 в., высота 10 в., ширина ровика (лотковая часть) около 2½ ар. и глубина его до 6 вер. Пробная яма, съ NO, дала растительный слой 1½—2 в., бѣловатый песокъ 3—4 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка производилась круглымъ центральнымъ колодеземъ, 8 ар. въ діаметрѣ, съ послыною съемкою земли. Подъ растительнымъ слоемъ обнажился желто-розовый песокъ, съ поверхности котораго, въ разстояніи 1 ар. 1 в. къ W отъ центра, усмотрѣно темное пятнышко сфероида погребенія. Другого сфероида не обнаружено. Сфероидъ имѣлъ размѣры: поперечникъ около 8—10 в. и высота не болѣе 3 в. Наружный слой его состоялъ изъ угля (сосноваго) и пепла, а внутренній (поперечникъ около 6—7 в. и толщина не болѣе 1½ в.) изъ кальцинированныхъ человѣческихъ костей и костянаго порошка. Залегалъ сфероидъ на глубинѣ 3—4 в. съ поверхности нижней части насыпи. Вѣсь кальцинированныхъ костей и порошка простирался до 1 фн. 8 зол. Въ этомъ же внутреннемъ слойѣ, въ

С части его, найдены немногочисленные черепки глиняного горшка. Форма его не высокая, урнообразная, край почти прямой и слегка утолщенный. Обрѣзъ края округленный. Шейка низкая и слабо выраженная. Плечи выступают очень мало. Боковыя стѣнки слегка выпуклыя. Дно плоское. Орнамента нѣтъ. Размѣры горшка: высота—невыяснена (впрочемъ, высота шейки, приблизительно, $1\frac{1}{2}$ —2 см.), діаметръ: края 8 см., шейки 7 см., горла (внутренняя часть) 6 см. 4 мм., плечей 9—10 см., боковыхъ стѣнокъ 7—9 см. и дна 6 см., и толщина: края 7 мм., шейки 6 мм., плечей около $6\frac{1}{2}$ мм., боковыхъ стѣнокъ 6 мм. и дна 8—10 мм. Матеріаломъ служила мѣстная глина съ искусственной примѣсью крупнаго кварца, зерна котораго проглядываютъ съ поверхности черепковъ. Цвѣтъ горшка—желто-красноватый. Изготовленъ онъ отъ руки, но на устойчивой основѣ, какъ видно по ровной поверхности дна снаружи. Обжигъ средній и обжиганіе происходило, видимо, на кострѣ. Въ смѣси растительнаго слоя съ бѣловатымъ пескомъ, составлявшей нижнюю часть насыпи, спорадически, встрѣчались угольки (сосновые) и пепель (комочки). На уровнѣ земли, въ W части основанія кургана, обнаружено округленное кострище, $1\frac{1}{2}$ —2 ар. въ поперечникѣ, 2—3 в. толщиной, изъ углей (сосновыхъ), чернаго порошка (пережженныхъ костей) и пепла (чернаго цвѣта). Кругомъ кострища поверхность земли, около 1 с. 2 ар. въ діаметрѣ, обожжена и закопчена. Земля здѣсь обожжена и пропитана чернымъ содержимымъ въ особенности подъ кострищемъ (до глубины $4\frac{1}{2}$ —6 в.). Дальнѣйшая раскопка, ниже уровня земли, дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 13 (№ 11 на рис. 10) расположенъ въ 15 ш. къ S отъ дороги на Островенку и на S отъ предыдущаго кургана. Отлогости насыпи, особенно N половина и SO часть, поросли кустами березы и соснякомъ. Растительный коверъ (трава и верескъ) довольно густо покрываетъ насыпь и ровикъ, который въ особенности заросъ травой. Сползаніе насыпи замѣчено въ N направленіи, сообразно легкому уклону мѣстности. По формѣ основанія курганъ круглый; вершинка такая-же, чуть-чуть выпуклая. Профиль сегментообразный. У основанія круговой ровикъ, какъ у кургана № 1. По внѣшности, курганъ того же типа, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 34 ар., окружность вершинки $25\frac{1}{2}$ ар., кривыя-образующія: NS 11 ар. и OW 10 ар. 5 в., высота 8 в., ширина ровика (лотковая часть) около 1 с. и глубина его до $8\frac{1}{2}$ в. Пробная яма, съ W, дала тѣ же почвенныя наблюденія, что и въ предыдущемъ курганѣ. Раскопка производилась круглымъ центральнымъ колодеземъ, въ поперечникѣ около 9 ар. 12 в.

Подъ растительнымъ слоемъ лежалъ желто-розовый песокъ, слоемъ отъ 2 до 3 вершковъ толщиною, въ которомъ не обнаружено никакихъ признаковъ погребенія. Нижняя часть насыпи представляла смѣсь растительнаго слоя и слоя бѣловатаго песку. Въ ней, спорадически, встрѣчались угольки (сосновые) и пепель (комочки). Продолженіе раскопки ниже уровня земли дало нетронутые слои.

Раскопка этого кургана, въ которомъ сфероидъ погребенія не оказалось, допускаетъ предполагать, что-такой сфероидъ, будучи помѣщенъ высоко, еще до образованія дернового слоя былъ уничтоженъ: развѣялъ, смытъ, снесенъ. Открыть остатки его по краямъ насыпи и въ ровикѣ не удалось. Признаки его еще, пожалуй, могли-бы быть открыты только развѣ химическимъ анализомъ почвы.

Курганъ № 14 (№ 8 на рис. 10) расположенъ къ О черезъ курганъ отъ № 12. Скаты его и ровикъ покрыты густыми зарослями березы и сосняка. Растительный коверъ (трава, верескъ, сѣрый мохъ, канберникъ) довольно плотный. Сползаніе насыпи замѣтно къ S, по наклону всей мѣстности. По формѣ основанія, курганъ круглый; вершинка такая-же, выпуклая. Профиль сегментообразный. У основанія насыпи круговой ровикъ, какъ у кургана № 11. По внѣшности, курганъ таковъ-же, какъ на рис. 4. Размѣры его: окружность основанія 58 ар., окружность вершинки 32 ар., кривыя-образующія: NS — 19 ар. и WO 17 ар. 6 в., высота 1 ар., ширина ровика (лотковая часть) около 1 с. и глубина его до 7 в. Пробная яма, съ NW, дала растительный слой 1—2 в., бѣловатый песокъ 3—4 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка производилась круглымъ колодезь, 13 арш. въ діаметрѣ, въ центрѣ кургана, съ послыной съемкой земли. Подъ растительнымъ слоемъ обнаруженъ желто-розовый песокъ, съ поверхности котораго замѣтны были, на разстояніи $2\frac{1}{2}$ арш. одно отъ другого, два темныя пятнышка сфероидовъ погребенія, располагавшіяся—одно въ NO части вершинки и другое—въ SW, при чемъ послѣднее было ближе къ центру. Слой желто-розоваго песка, около 6 в. толщиною, былъ тщательно снятъ, и сфероиды остались ненарушенными. Разстояніе между ними оказалось 2 ар. 4 в. Они расположены были на поверхности нижней части насыпи, на смѣси растительнаго слоя и слоя бѣловатаго песку. Размѣры сфероидовъ: NO—поперечникъ 9—10 в. и высота около 3 в., SW—поперечникъ 9—10 в. и высота около 3 в. Центры сфероидовъ приходились на глубинѣ 4—5 в. Составлены сфероиды обычно, т. е. изъ двухъ слоевъ: наружнаго и внутренняго. Наружный слой изъ угля (сосноваго) и пепла; внутренній—изъ кальцинированныхъ человѣческихъ костей и ко-

стяного порошка. Всѣхъ костяныхъ остатковъ: въ NO—3 ф. 27 з., въ SW — 1 ф. 95 з. Въ SW сфероидъ найденъ, въ маломъ количествѣ, черепки горшка. Горшокъ былъ не высокій, урнообразный. Край вертикальный и ровный. Обрѣзъ края прямой, слегка закругленный. Шейка слабо-выраженная и низкая. Горло широкое. Плечи выдавались мало. Боковые стѣнки слегка выпуклыя и книзу прямыя. Дно плоское. Орнамента нѣтъ. Наружная поверхность имѣеть, въ разныхъ направлєніяхъ, трещины неровныхъ очертаній. Размѣры горшка: высота не выяснена (впрочемъ, высота шейки около 3 см.), діаметръ: края до 10 см., шейки 8—9 см., горла 7—8 см., плечъ 11—12 см., боковыхъ стѣнокъ 9—10 см. и дна 8—9 см., и толщина: края 7 мм., шейки 6 мм., плечъ 7—8 мм., боковыхъ стѣнокъ 7—8 мм. и дна 8—10 мм. Матеріаломъ служила мѣстная глина съ искусственной примѣсью крупнаго кварца, зерна коего проглядываютъ, повсемѣстно, съ поверхности стѣнокъ. Изготовленъ горшокъ былъ отъ руки на устойчивомъ основаніи. Обжигъ слабый, видимо, на кострѣ. Раскопка нижней части насыпи обнаружила лишь спорадическое находеніе въ ней угольковъ (сосновыхъ) и пепла (комочки). Признаковъ кострища не оказалось. Раскопка глубже уровня земли обнаружила правильное залеганіе слоевъ. Вторичное находеніе въ данной группѣ, въ сфероидѣ погребенія, черепковъ горшка, указываетъ на значеніе послѣдняго въ погребальномъ обрядѣ.

Курганъ № 15 (№ 5 на рис. 10) расположенъ въ густой заросли березняка, сосняка и ельника. Дерновой покровъ густой и плотный. По формѣ основанія курганъ удлиненный-малый. Вершинка прямоугольная, съ закругленными углами, слегка выпуклая. Ориентированъ курганъ длинною осью съ NO на SW. У основанія длинныхъ сторонъ по ровику. По внѣшности, курганъ въ общемъ того же типа, какъ на рис. 2. Размѣры его: длинная сторона основанія 12 ар., короткая—7 ар., длинная сторона вершинки 9 ар., короткая—5 ар., кривыя-образующія: съ NO на SW 14 ар. 14 в. и съ SO на NW 9 ар., высота 7 в., длина ровиковъ: NW $5\frac{1}{2}$ ар. и SO 5 ар. 12 в., ширина ихъ: NW 4 ар. 10 в. и SO 3 ар. 5 в., и глубина ихъ 14—15 в. Пробная яма, съ SW, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ —2 в., бѣловатый песокъ 3—4 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи. По снятіи растительнаго слоя, обнажился желто-розовый песокъ, съ поверхности котораго, въ центральной части вершинки, стало видно темное пятнышко сфероида погребенія. Когда слой желто-розоваго песку былъ снятъ, то совершенно ясно опредѣлился сфероидъ погребенія. Онъ находился на поверхности нижняго слоя кургана, на смѣси раститель-

наго слоя и слоя сѣровато-бѣловатаго песку. Размѣры сфероида: поперечникъ 6—7 в. и высота около 2 в. Онъ состоялъ изъ двухъ слоевъ: наружнаго (обертка) изъ угля (сосноваго) и пепла и внутренняго (содержаніе) изъ кальцинированныхъ человѣческихъ костей и костяного порошка. Всѣхъ костяного матеріала = 25 зл. На одной изъ косточекъ найденъ сплавъ синеватаго стекла, получившійся, видимо, изъ расплавленной синей бусины. Въ нижней части кургана находимы были, спорадически, угольки (сосновые) и пепель. Дальнѣйшая раскопка, ниже горизонта почвы, дала нетронутые слои земли. Обслѣдованіе раскопкою склоновъ и дна ровиковъ убѣдило, что насыпь кургана составлена изъ перевернутыхъ слоевъ земли, вынутой изъ ровиковъ. Это происходило, нужно полагать, такъ: на площадь основанія насыпи выброшены растительный слой и слой бѣловатаго песку; получившійся удлиненный бугоръ не разравнивали; въ центральной части вершины бугра положили остатки трупосожженія; затѣмъ набросали надъ ними желто-розовый песокъ, выбирая его изъ ровиковъ.

Этотъ курганъ убѣдилъ въ полномъ соответствіи внутренняго устройства удлиненнаго-малаго кургана съ удлиненнымъ-большимъ (Боровая дорога) и установилъ полное соответствіе типа погребенія въ удлиненныхъ курганахъ съ таковымъ же въ круглыхъ курганахъ.

Курганъ № 16 (№ 7 на рис. 10) расположенъ къ NO отъ кургана № 14, но рядомъ съ нимъ, такъ что ровики соприкасаются. Н часть насыпи и ровикъ поросли соснякомъ и кустами березы. Поросль травкою съ примѣсю вереска. Небольшое сползаніе насыпи замѣтно къ O, по уклону мѣстности. По формѣ основанія, курганъ круглый, вершинка такая-же, выпуклая. Профиль сопочный, у основанія ровикъ, какъ у кургана № 1. По внѣшности, курганъ таковъ-же, какъ на рис. 5. Размѣры его: окружность основанія 34 ар., окружность вершинки 24 ар., кривыя-образующія: NS 15 ар. 6 в. и OW 16 ар., высота 1 ар. 2 в., ширина ровика (лотковая часть) около 1 с. и глубина его 6—8 в. Пробная яма, съ NO, дала тѣ-же наблюденія, что и у предыдущаго кургана. Раскопка производилась круглымъ, въ 12 ар. въ діаметрѣ, центральнымъ колодцемъ, съ послойною съемкою земли. Подъ растительнымъ слоемъ лежалъ желто-розовый песокъ, съ поверхности котораго усмотрѣно, въ 2 ар. 7 в. къ W отъ центра вершинки, темное пятнышко сфероида погребенія. Онъ покоился на глубинѣ около 8 в. съ поверхности нижней части насыпи изъ смѣси растительнаго слоя со слоемъ бѣловатаго песку. Его размѣры: поперечникъ 8 в. и высота 2—3 в. Сфероидъ состоялъ, какъ обычно, изъ двухъ слоевъ: обертки и содер-

жанія. Въ наружномъ слоѣ: угли (сосновые) и пепель; внутренній слой— весь изъ кальцинированныхъ человѣческихъ костей и костьяного порошка. Всѣхъ костьяныхъ остатковъ: 2 фн. 10 зол. На одной изъ косточекъ оказался сплавъ изъ темно-синяго стекла, происшедшій, видимо, отъ расплавившейся бусины. Обслѣдованіе, раскопкою, нижней части насыпи обнаружило разсыянные, спорадически, угольки (сосновые) и пепель (комочки).

Дальнѣйшая раскопка, глубже уровня почвы, дала нетронутые слои земли.

Курганъ № 17 (№ 23 на рис. 10) расположенъ къ NW, шагахъ въ 30, отъ предыдущаго кургана, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ изгороди около нивъ на лѣвобережьи р. Ситенки. Покрываетъ плотнымъ ковромъ травъ и вереска, особенно густымъ въ ровикахъ.

По формѣ основанія, курганъ удлиненный-малый, вершинка прямоугольная съ округленными углами. У подошвы длинныхъ сторонъ по ровику. Въ общемъ, по внѣшности, курганъ того же типа, какъ на рис. 2. Ориентированъ онъ длинною осью съ NO на SW. Размѣры: длинная сторона основанія 8 ар., короткая—6 ар., длинная сторона вершинки 5 ар. и короткая— $3\frac{1}{2}$ ар., высота 6 в., длина ровиковъ около 4—5 ар., ширина ихъ $2\frac{1}{2}$ ар. и глубина 9—13 в. Пробная яма, съ O, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ —2 в., бѣловатый песокъ 3—4 в. и, ниже, желтовато-розовый песокъ. Раскопка производилась послонною съемкой всей насыпи. Подъ растительнымъ слоемъ обнажился желтовато-розовый песокъ, лежавшій слоемъ мощностью около 4 в., но никакихъ остатковъ погребенія не обнаружено. Ниже, до уровня почвы, залегала смѣсь растительнаго слоя со слоемъ бѣловатаго песку. Въ смѣси встрѣчались, спорадически, угольки (сосновые) и пепель (комочки). Дальнѣйшая раскопка, глубже уровня почвы, дала нетронутые слои земли. Отсутствіе сфероида погребенія, полагаемъ, можно объяснить его смѣщеніемъ, раздробленіемъ и впитываніемъ въ почву. Въ общемъ, этотъ курганъ, по внутреннему устройству, аналогиченъ съ курганомъ № 15.

Яма на Боровой дорогѣ (ср. выше, стр. 173 и 177).

Коническая яма расположена на возвышенности, тянущейся по лѣвому берегу ручья Чернецкаго, въ точкѣ изгиба дугообразной линіи кургановъ Боровой дороги, почти въ срединѣ ея, между курганами №№ 11 и 12 (см. рис. 9). Заросла жидкимъ растительнымъ ковромъ,

через который, мѣстами, проглядываетъ сѣрый песокъ. Форма ямы коническая, съ легкимъ закругленіемъ внизу. Верхніе края ея скруглены. Слѣдовъ выброшенной изъ ямы земли нигдѣ не видно. Промѣры ея: окружность вверху, по уровню почвы, 24 ар., діаметръ ея вверху $7\frac{1}{2}$ ар., поперечникъ внизу около 8 в. и глубина около 1 ар. (разрѣзъ ямы см. на рис. 13). Пробная яма, вырытая на гребнѣ возвышенности, въ нѣсколькихъ

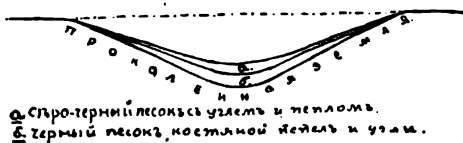

Рис. 13. Разрѣзъ конической ямы на Боровой дорогѣ.

шагахъ на NW отъ ямы, дала растительный слой $1\frac{1}{2}$ —2 в., сѣрый песокъ 2—3 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка производилась легкимъ и тонкимъ сниманіемъ земли съ боковъ ямы до обнаженія правильнаго залеганія

слоевъ и затѣмъ тщательнымъ, легкимъ и тонкимъ, сниманіемъ земли на днѣ. Когда снятъ былъ растительный слой съ боковой поверхности и дна, то на боковой поверхности обнажился сѣрый, закопченный и почернѣвшій, слой песку сверху, который становился ко дну ямы чернѣе и чернѣе. Въ этомъ слоѣ замѣчались мѣстами отдѣльные угольки (сосновые) и пепель: одинъ—сѣрый (древесный) и другой—черный (костяной). Слой этотъ имѣлъ вверху около $\frac{1}{2}$ в. въ толщину, а внизу (у дна) около $1\frac{1}{2}$ в. За нимъ шли правильно лежащіе слои земли, которые были прокалены вглубь по сторонамъ отъ 1 в. вверху до 4 в. внизу. Дно ямы засыпано было, на глубинѣ 6 в., сѣро-чернымъ пескомъ, видимо, осыпавшимся съ боковъ ея. Въ этомъ слоѣ наблюдались, спорадически, угольки (сосновые) и пепель (сѣрый и черный). Ниже, на глубину еще 8 в., шли черный (окрашенный) песокъ и черный пепель (костяной), совершенно такой-же по составу, какъ въ кострищахъ кургановъ при дорогѣ въ Островенку. Въ этомъ слоѣ, чѣмъ глубже, тѣмъ больше было углей (сосновыхъ) и, мѣстами, замѣчался порошокъ пережженныхъ костей. Еще ниже оказался желто-розовый песокъ, прокаленный на глубину до 6 в.

Въ общемъ, принимая во вниманіе черную окраску почвы и черное содержаніе конической ямы и сходство ихъ съ кострищами въ курганахъ по дорогѣ на Островенку, а также и тотъ фактъ, что въ курганахъ Боровой дороги кострища отсутствуютъ, можно придти къ предположенію, что коническая яма могла служить мѣстомъ трупосожженія для сосѣднихъ кургановъ Боровой дороги. Яма несомнѣнно искусственнаго происхожденія. Вынутая изъ нея земля разбросана, улеглась и притопталась такъ, что теперь нѣтъ ея и слѣдовъ. Трупосожженіе въ

ней происходило на сосновыхъ дровахъ, какъ и въ кострищахъ кургановъ дороги на Островенку. Яму прикрывали, видимо, сверху тѣмъ-же матеріаломъ и, такимъ путемъ, достигали столь сильнаго перегоранія труповъ, что кости иногда почти распались на кусочки фосфорно-кислой извести (костяной порошокъ и т. п.).

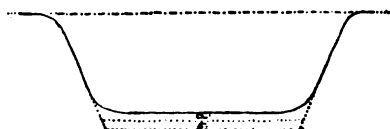
Язвинникъ (ср. выше, стр. 168, 169, 174, 181, 182 и 184).

Древній поселокъ Язвинника изслѣдованъ былъ, по недостатку средствъ и времени, довольно спѣшно и поверхностно. Тѣмъ не менѣе въ поселкѣ (см. рис. 11) были обслѣдованы наиболѣе типичныя ямы, а именно: коническая (съ усѣченіемъ), пирамидальная (съ усѣченіемъ) и квадратная (съ усѣченіемъ) съ эполементомъ.

Коническая яма по сторонѣ подобна обращенному основаніемъ вверхъ усѣченному конусу, но съ нѣкоторымъ округленіемъ угловъ у обоихъ основаній. Ея размѣры: діаметръ вверху около 6 ар., діаметръ внизу 4 ар. и глубина до 4 ар. Густо заросла травой и кустарникомъ. По сосѣдству вырыта была пробная яма, которая дала растительный слой 1—2 в., сѣрый песокъ 2—3 в. и, ниже, желто-розовый песокъ. Раскопка ямы производилась такъ: сначала снятъ былъ растительный слой, а потомъ изучались бока и дно. Подъ растительнымъ слоемъ въ бокахъ ямы обнаружилось правильное залеганіе слоевъ. Когда снятъ былъ растительный слой на днѣ, то открылся слой перегной, состоявшій изъ сгнившихъ вѣтокъ и листопада сосны, ели и березы. По удаленіи этого слоя, имѣвшаго толщину въ 2—3 в., въ центрѣ ямы оказались валуны, нѣкоторые изъ коихъ были закопчены. Подъ валунами обнажился слой земли съ кострищемъ изъ сосновыхъ и еловыхъ углей въ центрѣ. Ниже шель желто-розовый песокъ, проваленный подъ кострищемъ на 2—3 в. Эта яма служила, вѣроятно, жилищемъ. Она была покрыта, можно предполагать, крышей, со входомъ въ ней, устроенной на жердяхъ изъ сосновыхъ, еловыхъ и березовыхъ вѣтвей. Валуны, служившіе подомъ и стѣнками очага, накаливаясь, способствовали поддержанію въ холодное время года, необходимой для жилья температуры въ ямѣ.

Пирамидальная яма (см. разрѣзъ ея на рис. 14) вся заросла молоднякомъ и травой. Форма ея, прямоугольная (встрѣчаются подобныя ямы и квадратныя) съ закругленными углами, напоминаетъ усѣченную пирамиду, обращенную основаніемъ вверхъ. Ея размѣры: вверху—длинная сторона $1\frac{1}{2}$ —2 с. и короткая 1 — $1\frac{1}{2}$ с. и внизу—длинная сторона $2\frac{1}{2}$ а.— $1\frac{1}{2}$ с. и короткая 2 а.—1 с.; глубина ямы около

1 с. Пробная яма, вырытая по сосѣдству, дала тѣ-же порядокъ и мощность слоевъ земли, что и въ предыдущей ямѣ. Раскопка производилась такъ же, какъ и въ предшествовавшей ямѣ. По снятіи растительнаго слоя съ боковъ, обнаружено правильное залеганіе слоевъ земли;

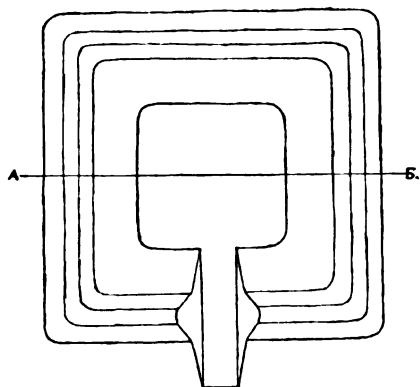

а. перегной, б. валуны и кострище.

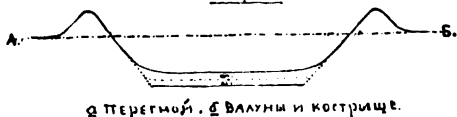
Рис. 14. Разрѣзъ пирамидальной ямы въ Язвинникѣ.

на днѣ подъ нимъ лежалъ слой перегноя образовавшійся изъ сосновыхъ, еловыхъ и березовыхъ вѣтокъ. Удаленіе этого слоя повело къ открытію валуновъ, расположенныхъ въ срединѣ ямы кучкою, на днѣ ея. Нѣкоторые изъ нихъ были закопчены и на нихъ находились угли разныхъ древесныхъ породъ и пепла. Кругомъ ихъ былъ легкій, около 1 в. толщиной, слой мелкаго перегноя, какъ-бы отъ травы. Ниже шелъ желто-розовый песокъ, прокаленный подъ очагомъ на глубину 2—3 в. Эта яма, вѣроятно, тоже служила жилищемъ и устроена была по типу предыдущей.

Квадратно-эполементная яма (см. рис. 15) заросла густой травой. Форма ея квадратная. Внутри квадратное-же углубленіе. Снаружи, на уровнѣ почвы, ее окружалъ валикъ (т. н. эполементъ) съ наклоннымъ входомъ (т. н. аппаратъ) отъ дна до поверхности земли. Размѣры: длина стороны, вверху около $1\frac{1}{2}$ с., внизу около 1 с., глубина (отъ уровня почвы) около 1 ар., ширина основанія валика около $1\frac{1}{2}$ ар., высота валика около 8 в. и ширина входа около $1\frac{1}{2}$ ар.

Разрѣзъ.

а. перегной, б. валуны и кострище.

Рис. 15. Планъ и разрѣзъ квадратно-эполементной ямы въ Язвинникѣ.

Пробная яма, вырытая по сосѣдству, дала тѣ-же наблюденія, что у конической ямы. Раскопка производилась въ такомъ-же порядкѣ, какъ и у двухъ предыдущихъ ямъ. Валикъ оказался перевернутой землей, взятой изъ углубленія ямы. По снятіи растительнаго слоя съ боковъ ямы, найдено правильное залеганіе слоевъ земли. Подъ дерномъ, на днѣ ямы, открыты гнилые сучья и жерди, сосновые и еловые. Подъ ними, въ центральной части, оказались валуны, нѣкоторые изъ коихъ были закопчены. На валунахъ былъ и уголь

ны, нѣкоторые изъ коихъ были закопчены. На валунахъ былъ и уголь

разныхъ древесныхъ породъ и пепель. По остальной площади дна ямы лежалъ перегной какъ-бы травы, или хвои сосновой и еловой. Ниже, залегалъ желто-розовый песокъ, прокаленный подъ валунами на глубину 2—3 в. Эта яма представляла, надо думать, углубленное основаніе землянки, въ видѣ квадратно-пирамидальнаго шатра, сложеннаго изъ жердей и вѣтокъ, со входомъ со стороны ската мѣстности. Валикъ увеличивалъ глубину ямы и защищалъ ее отъ прониканія дождевой воды. Въ остальномъ замѣтна полная аналогія съ описанными выше двумя типами жилыхъ ямъ.

З а к л ю ч е н і е .

Сопки, или курганы, по внѣшности, могутъ быть разбиты на типы, опредѣляемые нами сообразно формѣ насыпи въ планѣ и въ профиль. По плану курганы дѣлятся на круглые и удлиненные (съ закругленными углами), при чемъ послѣдніе имѣютъ двѣ разновидности: удлиненные-большіе и удлиненные-малые. По профилю курганы распадаются на двѣ категоріи: сегментообразные (или блинчатые) и сопочные. Дѣленіе по профилю примѣнимо преимущественно къ курганамъ круглымъ, гдѣ профиль одинаковъ во всякомъ поперечномъ черезъ центръ сѣченіи; удлиненные-же курганы пришлось-бы опредѣлять по двумъ взаимно-перпендикулярнымъ сѣченіямъ. Ровики кургановъ, въ поперечномъ вертикальномъ сѣченіи, образуютъ двѣ категоріи: треугольные съ лоткообразнымъ углубленіемъ и канавообразные. Первые свойственны круглымъ курганамъ, а вторые—удлиненнымъ. Треугольные ровики представляютъ въ разрѣзѣ длинный треугольникъ, одна изъ удлиненныхъ сторонъ котораго лежитъ по горизонту почвы, короткая сторона обращена къ подошвѣ кургана, тупой уголъ между нею и другою удлиненною стороною смотритъ внизъ, а острый уголъ между двумя удлиненными сторонами, лежа на уровнѣ земли, соответствуетъ почти незамѣтному началу углубленія пологого ската рва. Въ тупомъ углу приходится лоткообразная часть, особенно бросающаяся въ глаза при наблюденіи сбоку кургана. Округлая вогнутость лоткообразной части, обыкновенно, дѣлаетъ совершенно незамѣтнымъ постепенное возвышеніе до уровня почвы другого, внѣшняго, очень пологого, ската рва. Канавообразные ровики имѣютъ прямоугольный (съ закругленными углами) планъ и обрывистые бока, закругляющіеся слегка лишь на днѣ. Насколько ровики круглыхъ кургановъ кажутся, въ особенности благодаря

лотковой части, выкопанными весьма тщательно, настолько ровики удлиненных кургановъ, особенно малыхъ, производятъ впечатлѣніе спѣшности и небрежности работы, выражающейся въ зигзагообразныхъ линияхъ и обрывистыхъ скатахъ боковъ, мѣстами снабженныхъ карнизами. Особенно это наблюдается у удлиненныхъ-малыхъ кургановъ. Нѣкоторыя отдѣльныя углубленные мѣста, встрѣчающіяся въ лотковой части треугольнаго ровика, нисколько не измѣняютъ общей его характеристики. Выдающуюся особенность круглыхъ кургановъ составляетъ то обстоятельство, что каждый изъ нихъ опоясанъ круговымъ ровикомъ. Въ удлиненныхъ курганахъ число ровиковъ неодинаковое: удлиненные-малые курганы снабжены всего двумя ровиками, удлиненные-большіе курганы имѣютъ обыкновенно ровики по числу сторонъ площади основанія, но иногда вдоль подошвы длинной стороны (чаще одной) ровикъ не сплошной, а его замѣняютъ нѣсколько короткихъ ровиковъ, раздѣленныхъ горизонтальными перемычками, и, такимъ образомъ, получается большее число ровиковъ по счету.

Сумму признаковъ, характеризующихъ внѣшность кургановъ, можно свести къ слѣдующей таблицѣ.

Внѣшность кургановъ.

Площадь основанія.	Профиль.	Р о в и к и.
1. Круглая.	1. Сегментобразный (или блинчатый). 2. Сопочный.	Круговой треугольный ровикъ съ лоткообразнымъ, круговымъ-же, углубленіемъ внѣ подошвы окружности основанія насыпи.
2. Удлиненная (съ округленными углами):		Ровики канавообразные, прямоугольные (съ закругл. углами) въ планѣ, зигзагообразныхъ очертаній, обрывистые и карнизчатые съ округленнымъ дномъ.
а) удлиненные большіе курганы.	Въ общемъ сегментобразный.	Въ большинствѣ четыре ровика (внѣ подошвы четырехъ сторонъ насыпи), хотя иногда одна изъ удлиненныхъ сторонъ снабжена ровикомъ, распадающимся на участки.
б) удлиненные малые курганы.	Въ общемъ сегментобразный.	Два ровика—внѣ подошвы длинныхъ сторонъ насыпи.

По внутреннему устройству всѣ курганы, повидимому, одного типа, такъ какъ разнообразіе ихъ внѣшнихъ формъ не отражается на внутреннемъ ихъ устройствѣ, которое для всѣхъ кургановъ представляется одинаковымъ. Нижнюю часть насыпи всегда образуетъ

мощный слой присыпки изъ смѣшенія растительнаго слоя со слоемъ сѣраго или бѣловатаго песку, выкинутыхъ изъ ровиковъ. Верхнюю часть насыпи составляетъ желто-розовый песокъ, добываніе котораго и способствовало возникновенію лоткообразной части въ круговыхъ ровикахъ и вызвало большую глубину канавообразныхъ ровиковъ. Дерновой (растительный) слой, прикрывающій нынѣ формы насыпи и ровиковъ, возникъ въ послѣдствіи и потому составляетъ позднѣйшее наростаніе почвы.

По внутреннему строенію курганы представляются такими, какъ показано въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Внутреннее устройство кургановъ.

Н а с ы п ь.	Р о в и к и.
<p>Нижняя часть. Присыпка изъ смѣси растительнаго слоя и слоя сѣраго или бѣловатаго песку.</p> <p>Верхняя часть. Прикрытіе изъ желто-розоваго песку.</p>	<p>Слой взятъ изъ ровика (или ровиковъ) треугольнаго (или канавообразныхъ).</p> <p>Песокъ взятъ изъ лотковой части круговаго ровика (или углубленія канавообразныхъ ровиковъ).</p>

Мѣстоположеніе погребальныхъ остатковъ можетъ быть разсматриваемо въ двухъ плоскостяхъ: вертикальной (разрѣзъ насыпи) и горизонтальной (площадь вершинки, площадь основанія). Одни (костище) лежали на уровнѣ окружающей земли, а другіе на поверхности нижней части насыпи, или присыпки; такъ было въ отношеніи профиля насыпи. По плану же насыпи (горизонтальная плоскость) замѣчалась оріентировка сущности кургана (сфероиды погребенія) по линіи съ О на W съ легкими уклоненіями къ N и S, что ясно наблюдалось въ круглыхъ курганахъ внутри насыпи, а въ удлинённыхъ курганахъ сказывалось, главнымъ образомъ, въ оріентировкѣ самихъ курганныхъ насыпей; такимъ образомъ, въ круглыхъ курганахъ практиковалась скрытая оріентировка, а въ удлинённыхъ — открытая. Спорадическое нахожденіе угольковъ и пепла въ насыпи наблюдалось повсюду: и въ горизонтальныхъ и въ вертикальныхъ разрѣзахъ ея.

Въ общемъ мѣстонахожденіе погребальныхъ остатковъ можно резюмировать прилагаемой таблицей.

Мѣстонахождение погребальныхъ остатковъ.

В ъ п р о ф и л ѣ.	В ъ п л а н ѣ.
1. На уровнѣ земли.	Кострище и его кругъ закопченности и про- калки земли съ W стороны (легкія уклоненія къ N и S).
2. Въ толщѣ присыпки.	Спорадически, повсемѣстно и на различной глубинѣ, угольки (сосновые) и пепель (комочки).
3. На поверхности присыпки.	Въ центрѣ или съ W (съ легкими уклоне- ніями къ N и S) одинъ сфероидъ или по линіи съ W на O (съ легкими уклоненіями къ N и S) два сфероида.
4. Въ толщѣ закрытія.	Въѣдрены—сфероидъ, или сфероида, прик- рытые на 3—8 вершковъ закрытіемъ сверху.

Сущность этихъ погребальныхъ остатковъ составляетъ сфероидъ, т.-е. пунктъ погребенія остатковъ отъ трупосожженія. Сфероидъ погребенія всегда, въ бѣльшей или меньшей степени, приплюснутъ (сверху внизъ) и состоитъ изъ двухъ слоевъ: наружнаго и внутренняго. Наружный слой (обертка), т.-е. слой окутывающій со всѣхъ сторонъ ядро сфероида, образованъ изъ смѣси углей (сосновыхъ) и пепла. Внутренній слой (ядро), представляющій собою центральную, тщательно обертываемую снаружи, часть, сплошь состоитъ изъ кальцинированныхъ человѣческихъ костей и костяного порошка съ предметами культуры, нѣкоторые изъ коихъ находимы были и въ наружномъ слоѣ (черепки) и даже отчасти внѣ предѣловъ послѣдняго (видимо, случайно, тоже черепки), но всегда въ близкомъ соприкосновеніи съ нимъ.

Признаки, характеризующіе сфероида погребенія остатковъ трупосожженія, могутъ быть представлены слѣдующей таблицей.

Сфероидъ погребенія остатковъ трупосожженія.

С л о и.	С о с т а в ѣ.
Наружный слой—обертка.	Смѣсь углей (сосновыхъ) и пепла, а иногда и предметы культуры.
Внутренній слой—содержаніе, или ядро.	Кальцинированныя человѣческія кости, костяной порошокъ и предметы культуры.

Наблюдения, собранные при раскопках, относительно, собственно, мѣста трупосожженія, намѣчаютъ какъ-бы два типа этого послѣдняго. Съ одной стороны, какъ усмотрѣно въ курганной группѣ Боровой дороги, кострища при курганахъ группы отсутствуютъ, но за то въ центральной части всей группы имѣется коническая яма съ признаками трупосожженія, которую и можно считать однимъ изъ мѣстъ, гдѣ совершались, одновременно, трупосожженія, быть можетъ, для всѣхъ кургановъ этой группы. Съ другой стороны курганная группа у дороги на Островенку, не имѣющая подобной конической ямы, даетъ въ отдѣльныхъ раскопанныхъ курганахъ, на площади основанія кургановъ и по сосѣдству (вѣрнѣе съ краю) ея, особыя кострища трупосожженія; слѣдовательно, въ этой курганной группѣ мѣста трупосожженія находились при каждомъ курганѣ.

Въ первомъ случаѣ мы встрѣчаемся, слѣдовательно, съ коллективнымъ мѣстомъ трупосожженія, а во второмъ—съ одиночными мѣстами трупосожженія, что можетъ быть выражено нижеслѣдующей таблицей.

Мѣсто сожженія трупа.

Мѣстонахождение.	Назначеніе.
<p>Плоское кострище на урвнѣ земли, въ площади основанія каждого кургана, или съ краю ея.</p> <p>Коническая яма въ центральной части расположенія всей курганной группы.</p>	<p>Одиночное, т. е., видимо, для каждаго покойника отдѣльно.</p> <p>Коллективное, т. е. одно и тоже для цѣлаго ряда трупосожженій курганной группы.</p>

Относительно внѣшней ориентировки было уже говорено, что она является открытой только въ удлиненныхъ курганахъ; тогда какъ круглые курганы уже по самой своей формѣ лишены внѣшней, наглядной, видимости ихъ ориентировки. Итакъ, одни курганы приспособлены къ внѣшней ориентировкѣ, а другіе скрываютъ ее внутри себя. Показателемъ такой внутренней ориентировки служитъ линія мѣстоположенія двухъ (или болѣе) сфероидовъ; оказывается, что именно круглые курганы и имѣютъ такую ясную, хотя и скрытую, ориентировку, удлиненные-же ея вовсе не имѣютъ. Сравненіе тѣхъ и другихъ кургановъ приводитъ къ заключенію, что удлиненные курганы имѣютъ, въ самой насыпи своей, ориентировку съ N на S (съ легкими уклоненіями въ сто-

*

роны O и W), а круглые курганы въ расположеніи содержанія ихъ ориентированы съ W на O (съ легкими уклоненіями въ стороны N и S).

Эта разница показана въ слѣдующей таблицѣ.

Ориентировка въ курганахъ.

Т и п ы е я.	К у р г а н ы.
<p>1. Внѣшняя ориентировка, открытая, съ N на S (съ уклоненіями до 45° въ стороны O и W).</p> <p>2. Внутренняя ориентировка, скрытая, съ O на W (съ уклоненіями до 45° въ стороны N и S).</p>	<p>Свойственна только удлинненнымъ курганамъ и отмѣчается направлениемъ самой насыпи ихъ.</p> <p>Относится только къ круглымъ курганамъ и опредѣляется осью расположенія сфероидовъ или, иногда, мѣстомъ единичнаго сфероида.</p>

Къ изложенному уже необходимо прибавить, что и удлиненный курганъ Боровой дороги и удлиненные курганы дороги на Островенку расположены нѣсколько особнякомъ, что особенно бросается въ глаза при разсмотрѣннн плана второй группы (см. рис. 10), гдѣ удлиненные курганы сосредоточены въ одномъ мѣстѣ.

Переходя къ вопросу о числѣ сфероидовъ погребенія въ курганахъ, нужно прежде всего замѣтить, что ни въ одномъ изъ удлиненныхъ кургановъ не оказалось двухъ сфероидовъ погребенія, каковыя явственнно наблюдались только въ круглыхъ курганахъ (три случая изъ 14-ти). Однако, положеніе сфероида погребенія къ W отъ центра кургана, съ удаленіемъ отъ него на разстояніе до 2¹/₂ ар., въ 7-ми (изъ 14-ти) круглыхъ курганахъ, гдѣ сфероидъ усмотрѣнъ лишь въ единственномъ числѣ, даетъ несомнѣнное указаніе или намекъ и на второй сфероидъ, располагавшійся, или долженствовавшій располагаться, въ O сторонѣ кургана. Если суммировать курганы съ парными сфероидами, включивъ въ число ихъ и тѣ 7 кургановъ, вторые сфероиды въ которыхъ могли уничтожиться съ теченіемъ времени, тогда число такихъ именно кургановъ возрастетъ до 10-ти (изъ 14-ти). Съ явственнымъ же одиночнымъ (центральное расположеніе) сфероидомъ погребенія усмотрѣно всего 2 кургана (изъ 14-ти круглыхъ). И, наконецъ, въ двухъ круглыхъ курганахъ совершенно не обнаружено признаковъ сфероидовъ погребенія.

Парность сфероидовъ погребенія, полагаю, слѣдуетъ приписывать семейному началу, которое могло побуждать хоронить въ одномъ кур-

ганѣ сферойды погребенія, напримѣръ, мужа и жены. То обстоятельство, что сферойды, лежащія къ W отъ центра кургана, заключаютъ въ себѣ такіе культурные признаки, какъ браслетъ, бусы, окрашивание костей, т. е. характеристику женскаго погребенія, въ связи съ наблюденіемъ, что въ курганахъ съ единичными W сферойдами отсутствуютъ сферойды O погребенія, отвѣчавшіе, повидимому, мужскимъ похоронамъ, которыя могли и не произойти въ данной мѣстности (смерть на сторонѣ), является какъ-бы еще бѣльшимъ утвержденіемъ идеи парности сферойдовъ, т. е. проявленіемъ семейнаго начала и въ тѣхъ семи круглыхъ курганахъ, гдѣ обнаружено W положеніе единичнаго сферойда. Отсюда какъ-бы явствуетъ, что идея парности сферойдовъ, т. е. семейнаго начала, въ круглыхъ курганахъ является преобладающей, а именно, можно считать, въ 10-ти курганахъ изъ 14-ти. Курганы же съ единичнымъ, центральнымъ, сферойдомъ, такъ какъ въ нихъ отсутствуютъ явственные культурные признаки, свойственные женскому погребенію, могутъ быть относимы къ мужскимъ погребеніямъ или дѣтскимъ. Курганы безъ сферойдовъ погребенія (два круглыхъ и одинъ удлиненный) можно-бы объяснить двояко: или тѣмъ, что сферойды впоследствии сползли и уничтожились, или тѣмъ, что, считаясь съ продолжительностью холоднаго времени года (замерзшая земля), практиковалось, быть можетъ, въ иныхъ случаяхъ, заготовленіе кургановъ въ теплое время года, а затѣмъ ими почему либо не пришлось воспользоваться на дѣлѣ.

Нижеслѣдующая таблица представляетъ попытку классификаціи круглыхъ кургановъ, по одиночнымъ и парнымъ сферойдамъ, въ связи съ предполагаемымъ поломъ покойниковъ.

Предполагаемый полъ покойниковъ.

П о л ъ.	С ф е р о и д ы.
Мужское погребеніе. <i>Примѣчаніе:</i> къ числу дѣтскихъ погребеній, вѣроятно, относится центральное погребеніе.	{ <ol style="list-style-type: none"> 1. Центральное погребеніе одиночныхъ сферойдовъ. 2. Восточное погребеніе парныхъ сферойдовъ.
Женское погребеніе.	{ <ol style="list-style-type: none"> 1. Западное положеніе одиночныхъ сферойдовъ. 2. Такое-же положеніе въ парныхъ сферойдахъ.

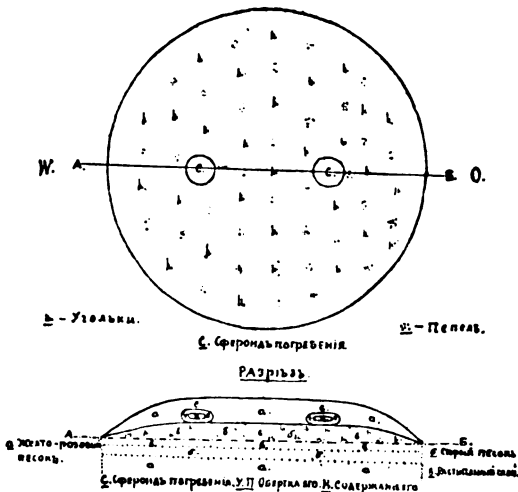

Рис. 16. Планъ и разръзъ круглаго кургана.

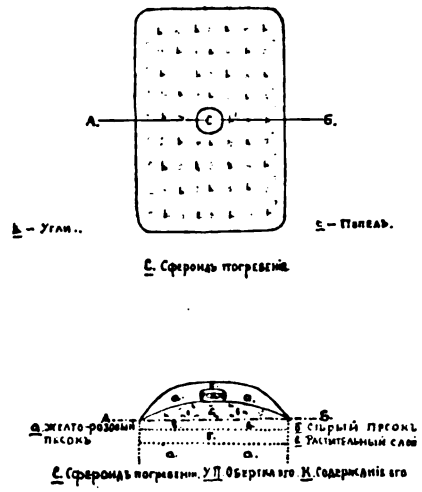

Рис. 17. Планъ и разръзъ удлиненнаго-малаго кургана.

Несомнѣнно замѣтную деталь погребальнаго типа составляютъ разбросанные, спорадически, въ нижней части насыпи угольки (сосновые)

и пепель (комочки). Но составляютъ ли они неперемѣнную деталь погребальнаго типа или являются постоянной случайностью, ничего общаго съ погребальнымъ типомъ неимѣющею? Они могли попасть въ нижнюю часть насыпи вмѣстѣ съ растительнымъ слоемъ, который, повсемѣстно, въ этой мѣстности содержитъ ихъ, какъ результатъ частичныхъ лѣсныхъ пожаровъ. Они могли попадать сюда и въ тѣхъ случаяхъ, когда, насыпая курганъ, задѣвали закопченный кругъ кострища, гдѣ сожигался трупъ. Наконецъ, ихъ могли подносить сюда съ мѣста трупосожженія и разбрасывать въ насыпи, исполняя этимъ какой либо обрядъ погребальнаго ритуала. Это послѣднее предположеніе кажется намъ наиболѣе правдоподобнымъ, тѣмъ бо-

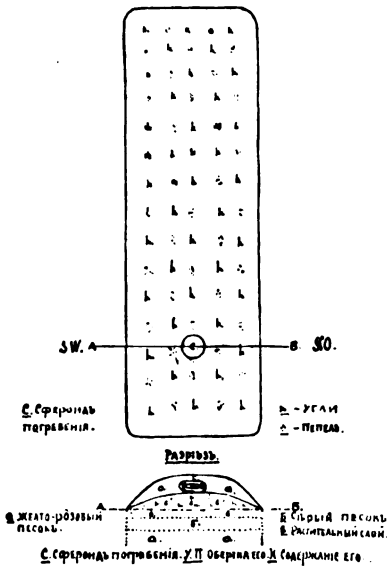

Рис. 18. Планъ и разръзъ удлиненнаго-большаго кургана.

лѣе, что угольки всѣ сосновые, тогда какъ въ растительномъ слоѣ данной мѣстности угли встрѣчаются, конечно, разныхъ древесныхъ породъ, одни же сосновые угольки находимы были только въ кострищахъ.

Угольно-пепельный слой, окутывающій содержаніе (ядро)

сфероида погребенія, подносился, видимо, отъ мѣста трупосожженія, такъ какъ обжига поверхности нижней части насыпи, гдѣ полагались сфероиды, нѣтъ, а, стало быть, и не было въ этихъ мѣстахъ костра.

Итакъ, вся совокупность собственно погребальнаго типа разсмотрѣна и въ общемъ, и въ деталяхъ. Для бѣльшей ясности внутренняго устройства круглыхъ и удлиненныхъ кургановъ на рис. 16, 17 и 18 начерчены общія схемы этой существенной части погребальнаго типа какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ кургановъ.

Собранные во время раскопокъ костные остатки, впоследствии, на досугѣ, были разсмотрѣны, въ цѣляхъ подвергнуть ихъ хотя поверхностному обследованію. Такимъ путемъ получились нѣкоторыя антропологическія данныя, которыя, въ связи съ вѣсомъ добытыхъ костныхъ остатковъ, и повели къ нѣкоторымъ заключеніямъ, что показано въ прилагаемой ниже (см. стр. 216) таблицѣ.

Тщательное, подъ сильнымъ электрическимъ свѣтомъ, разсматриваніе костныхъ остатковъ, очищенныхъ отъ песка, привело къ открытію на нихъ цвѣтныхъ окрашиваній, металлическаго происхожденія, которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на тѣ украшенія, каковыя могли быть на трупахъ при ихъ сожженіи. Отсюда, естественно, возникаетъ возможность составить впоследствии и болѣе широкое сужденіе вообще о культурѣ, свойственной эпохѣ Сытенскихъ кургановъ.

Сдѣланныя нами надъ окрашиваніемъ костей наблюденія выражены въ нижеслѣдующей таблицѣ (см. стр. 217).

Предметами культуры, добытыми при раскопкахъ, явились горшки, браслетъ, сплавъ отъ бусъ, мѣдная проволока и желѣзная привѣска. Кромѣ того, цвѣтное окрашиваніе костныхъ остатковъ, несомнѣнно, указываетъ на мѣдныя украшенія, среди которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, преобладали проволочныя мѣдныя кольца. Такимъ образомъ, по назначенію ихъ, предметы культуры были двухъ категорій: одни (горшки) составляли предметы домашняго обихода, а другіе (остальное) служили украшеніями. Горшки, судя по техникѣ ихъ производства, мѣстнаго происхожденія. Прочіе предметы, нужно полагать, привозные. Среди послѣднихъ выдѣляется тонкостью работы желѣзная привѣска (см. рис. 12 на стр. 194). Послѣдняя, вѣроятно, литовскаго происхожденія, хотя подобная встрѣчается, при раскопкахъ, кажется, впервые (мнѣніе А. А. Спицына).

Картина трупосожженія и слѣдовавшаго за нимъ погребенія остатковъ костяка представляется въ такомъ видѣ. Покойника (въ одеждѣ и съ украшеніями, служившими при жизни) подносили къ мѣсту сожиганія, которымъ являлась либо общая яма (кур-

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

№№ кургановъ.	Сферолды.	Вѣсь костныхъ остатковъ.	П е р е ч е н ь к о с т о в ъ.	Вѣроятное число покойниковъ.	Вѣроятный полъ.	Вѣроятный возрастъ.
2	Восточный.	2 ф. 14 з.	Много кусочковъ черепныхъ костей (явственные швы сращенія). Кусочки реберъ и длинныхъ костей руки и ноги. Много кусочковъ позвоноковъ. Осколки ключицы. . . . . Почти то же, что въ предыдущемъ, но въ меньшемъ количествѣ и, кромѣ того, кусочки фалангъ ручныхъ пальцевъ. . . . . То же, что въ W № 2. Больше осколковъ фалангъ пальцевъ. Верхній край главицы тонкій. Остатки зубовъ. Въ числѣ последнихъ сформировавшіеся для прорыванія зуба мудрости. . . . . Довольно большой кусокъ одной изъ длинныхъ костей и мало-ясныя мелкія косточки. По недостатку матеріала. сужденіе неопредѣленное. . . . . <i>Примѣчаніе.</i> Костные остатки этого кургана добыты въ назначенномъ количествѣ, вѣроятно, оладодари обилію древесныхъ корней. То же, что въ W № 2 . . . . . То же, что въ W и O № 2 . . . . . <i>Примѣчаніе.</i> Впечатленіе: какъ-бы отъ двухъ покойниковъ результаты трудносожжены и заключены въ одномъ сферолдѣ.	1	Мужчина.	Взрослый.
	Западный.	1 „ 18 „		1	Женщина.	Молодая.
	Западный.	1 „ 68 „		1	Женщина.	Около 20 л.
5	Западный.	17 „	1	?	?	
6	Юго-западный.	3 „ 70 „	1	Женщина. Мужчина	Взрослая. Взрослая.	
	Юго-восточный.	9 „ 27 „				
10	Западный.	5 „ 10 „	1	Женщина.	Молодая.	
11	Западный.	3 „ 54 „	1	Женщина.	Молодая.	
12	Западный.	1 „ 8 „	То же, что въ W № 2. На лобной кости характерныя бугры и довольно сильно развитыя надорванная дуги. Верхній край главицы тонкій. Мало остатковъ отъ позвоноковъ. . . . . То же, что въ W № 2. Мало осколковъ позвоноковъ, реберъ и длинныхъ костей. То же, что въ O № 2. Есть кости таза, а позвоноковъ мало. . . . . То же, что въ W № 2. Хотя вообще части скелета, сравнительно, мало представлены. . . . . Костей мало. Примѣчались части черепныхъ костей, осколокъ ключицы, позвоноки, немного осколковъ длинныхъ костей, зубы. . . . . То же, что въ W № 2. Среди костей нѣсколько зубовъ и въ числѣ последнихъ одинъ имѣетъ изпорченную (гниеніе) еще при жизни коронку (характерное съ червотой углубленіе).	1	Женщина.	Молодая.
		3 „ 27 „		1	Женщина.	Взрослая.
		1 „ 95 „		1	Мужчина.	Взрослый.
14	Юго-западный.	1 „ 95 „	1	Женщина.	Молодая.	
15	Центральный.	25 „	1	?	?	
16	Западный.	2 „ 10 „	1	Женщина.	Пожилая.	

Цвѣтныя окрашиванія костей.

№№ кургановъ.	Сферонды.	Окрашивающіе цвѣта.	На какихъ костяхъ.	Вѣроятное заключеніе.
2	Восточный.	Ярко-зеленый.	Мѣстами на ребрахъ и позвонкахъ (кажется, поясничныхъ).	Вѣроятно, отъ мѣдныхъ украшеній пояса.
	Западный.	Ярко-зеленый и сѣро-зеленый.	Фаланга ручного пальца. На корковомъ веществѣ локтевой кости.	Отъ проволочныхъ мѣдныхъ колець.
3	Западный.	Ярко-зелен. и сѣро-зеленый.	Фаланги ручныхъ пальцевъ. На локтевой кости.	Тоже.
6	Юго-западный.	Ярко-зеленый и сѣро-зеленый.	На височной кости (ярко-зеленый) и на локтевой и лучевой костяхъ.	Тоже.
8	Юго-восточный.	Ярко-зелен. и сѣро-зеленый.	Тоже (кажется, среди костей женскаго скелета).	Тоже.
10	Западный.	Зеленовато-фіолетовый. На всѣхъ костяхъ черный налетъ.	На черепныхъ костяхъ—зеленовато-фіолетовый. Черный—на всѣхъ костяхъ.	Отъ проволочныхъ мѣдныхъ колець. (Примѣсь марганца). Черный цвѣтъ (смолистаго состава), вѣроятно, отъ обкладыванія или поливанія трупа смолистымъ веществомъ.
11	Западный.	Ярко-зеленый (слабо выраженъ).	На остаткахъ ручныхъ фалангъ и локтевой кости.	Отъ проволочныхъ мѣдныхъ колець.
12	Западный.	Ярко-зеленый.	На височныхъ костяхъ и на ручныхъ фалангахъ.	Тоже.
14	Сѣверо-восточный.	Ярко-зеленый.	На осколкахъ височной кости.	Тоже.
	Юго-западный.	Ярко-зелен. и сѣро-зеленый.	На ручныхъ фалангахъ, локтевой и лучевой костяхъ.	Тоже.
15	Центральный.	Ярко-зеленый (слабо выраженъ).	На височныхъ костяхъ и на ручныхъ фалангахъ.	Тоже.
16	Западный.	Темно-синій сплавъ стекла.	На осколкѣ, видимо, длинной кости руки (корковое вещество).	Отъ расплавившейся бусины.
		Ярко-зелен. и сѣро-зеленый. Темно-синій сплавъ стекла.	На ручныхъ фалангахъ. На осколкѣ, видимо, грудной кости (корковое вещество).	Отъ проволочныхъ мѣдныхъ колець. Отъ расплавившейся бусины.

ганы Боровой дороги), либо особое мѣсто, предназначенное для отдѣльнаго кургана (группа дороги на Островенку). Здѣсь покойника помѣщали (кажется, въ сидячемъ положеніи, т. к. позвонки одного изъ скелетовъ кургана № 8 занимали положеніе, соответствующее вертикальности позвоночника) въ костеръ изъ сосноваго дерева, тѣмъ-же матеріаломъ и обкладывали трупъ, кругообразно по сторонамъ и вверхъ (коническая яма и круги закопченія), вѣроятно, для достиженія огня бѣльшей силы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, въ особенно холодное или сырое время года и т. п.) практиковалось посыпать или облить костеръ смолистыми веществами, чѣмъ достигалось лучшее горѣніе и, быть можетъ, скорѣйшее завершеніе процесса трупосожженія. Вообще говоря, развивали огонь большой силы, т. к. кости не только распадались на куски и дробились, но и отдѣльныя части ихъ принимали аморфный видъ, свойственный природѣ фосфорно-кислаго кальція. Тѣмъ не менѣе сила огня и жаръ въ Сытенскихъ курганахъ были значительно менѣе интенсивны, чѣмъ, напр., въ Сестрорѣцкихъ курганахъ, гдѣ всѣ почти кости подвергались процессу распада и переходили въ аморфное состояніе, принимая порошкообразность, которая, до нѣкоторой степени (сравнительно мало), усматривалась и въ Сытенскихъ сфероидахъ. По мѣрѣ сгоранія костроваго матерьяла, послѣдній подгребали къ центру. Когда трупосожженіе считалось достигнутымъ въ должной степени, тогда разгребали угле-пепель и собирали костные остатки въ особую кучку. Одновременно, нужно полагать, составляли кучку изъ углей и пепла, необходимыхъ для обертки, при образованіи сфероида погребенія. Обѣ кучки, видимо, сосредоточивались внѣ площади костра, остатки котораго сгребали въ центръ. На мѣстѣ, гдѣ предполагалось хоронить остатки трупосожженія, обозначали фигуру основанія насыпи (кругъ или прямоугольникъ съ закругленными углами), что, вѣроятно, производилось путемъ сниманія растительнаго слоя внѣ площади основанія будущаго кургана (въ противномъ случаѣ не могли-бы придавать геометричность фигурамъ площади основанія и ровиковъ). Растительный слой и слѣдующій за нимъ сѣрый песокъ, по мѣрѣ надобности, брали для круглыхъ кургановъ кольцомъ, а для удлиненныхъ прямоугольниками внѣ сторонъ площади основанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣсто трупосожженія съ его кострищемъ приходилось въ чертѣ площади основанія насыпи и ея ровика. При этомъ естественно, а быть можетъ и съ нарочитою цѣлью, пепель и угольки съ мѣста трупосожженія попадали (вмѣстѣ съ растительнымъ слоемъ и слоемъ песка, которые вынимались), спорадически, въ нижнюю часть насыпи. Круглый или удлиненный холмъ низа насыпи, какъ доказали раскопки,

не разравнивался и не сглаживался. Заканчивая насыпку этой именно части насыпи, предпочитали (вѣроятно, изъ личныхъ удобствъ: легкости бросанія, и т. п.), углубляясь все больше, по мѣрѣ приближенія къ очертаніямъ основанія насыпи (круглые курганы), обнажать у послѣднихъ желто-розовый песокъ (при удлиненныхъ курганахъ обнаженіе дѣлалось по всей площади ровика). Такимъ путемъ, при круглыхъ курганахъ, возникалъ треугольнаго сѣченія ровикъ. Закончивъ присыпку, приступали къ переносу остатковъ трупосожженія. Для чего, прежде всего, переносили на насыпь (присыпка) кучку углей и пепла, которую помѣщали въ центрѣ, или по линіи съ О на W (иногда съ легкими уклоненіями къ N—S), для образованія обертки. Изъ кучки угле-пепла образовывали плоскій кругъ, въ центрѣ котораго и переносили кучку костныхъ остатковъ и съ ними предметовъ культуры. Затѣмъ окутывали эти остатки излишней частью плоскаго круга угле-пепла и, придавъ получившемуся такимъ образомъ сфероиду округленную форму, приступали къ послѣднему акту погребенія, т. е. къ насыпкѣ прикрытія сфероидамъ. Для этого брали желто-розовый песокъ изъ ровика (или ровиковъ) до тѣхъ поръ, пока этимъ пескомъ не закрывали насыпь со всѣхъ сторонъ, на нѣсколько вершковъ выше сфероидовъ. Круговой ровикъ круглыхъ кургановъ обрабатывался при этомъ лоткообразно. Ровики-же удлиненныхъ кургановъ оставались канавообразными. Помимо формы основанія, эта деталь рѣзко отличается удлиненные курганы отъ круглыхъ. При образованіи удлиненныхъ кургановъ стремились придать ихъ большей оси ориентировку съ N на S (съ легкими уклоненіями къ O или W), которая видна снаружи. Въ круглыхъ же курганахъ практиковалась внутренняя ориентировка мѣстоположеній сфероидовъ. И та, и другая ориентировка, какъ показали раскопки, являлись результатомъ сложившагося обычая на извѣстной сторонѣ горизонта помѣщать остатокъ мужчины и на противоположной остатокъ женщины. Для круглыхъ кургановъ было обычнымъ женщинѣ отводить W сторону, а мужчинѣ O. Каковъ былъ обычай въ этомъ смыслѣ для удлиненныхъ кургановъ (N—S ориентировка), къ сожалѣнію, не удалось опредѣлить. Въ одномъ случаѣ (курганъ № 8, удлиненный) замѣтно совмѣщеніе какъ-бы двухъ сфероидовъ погребенія (мужского и женскаго), что, вѣроятно, является слѣдствіемъ одновременнаго трупосожженія. Парные сфероиды, судя по наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ одиночными сфероидами, по всѣмъ вѣроятіямъ, погребались неодновременно. Холмъ кургана, видимо, тщательно подравнивали, придавая его формамъ симметричность. Въ отношеніи парныхъ сфероидовъ, нужно полагать, большую роль играло семейное начало, по обычаямъ котораго нужно было супруговъ

Датировка.

№ элементъ.	Археологическіе матеріалы.	Время.	Основанія.
Внѣшніе.			
1	Цѣпь расположенія.	IX—X в.	Раскопки В. Н. Глазова въ Псковской губ. въ 1899, 1901 и 1902 гг. (см. Записки Отд. Русск. и Слав. Археол. Имп. Русск. Арх. Общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 44—76). Гдовскіе курганы въ раскопкахъ В. Н. Глазова (см. Матер. по Археол. Россіи, № 29, Спб. 1903). Удлиненные и длинныя русскіе курганы (см. статью А. С. [пицына] въ Зап. Отд. Русск. и Слав. Арх. Имп. Русск. Арх. Общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 196—202).
2	Численный составъ группъ		
3	Форма основанія насыпи.		
4	Профиль насыпи		
5	Ровики		
6	Оріентировка насыпей		
Внутренніе.			
1	Присыпка	IX—XI в.	Гнѣздовскій могильникъ близъ Смоленска (см. работу Вл. Ил. Сизова въ Мат. по Арх. Россіи, № 28, Спб. 1902). Люцинскій могильникъ (см. работу А. А. Спицына, въ Мат. по Арх. Россіи № 14, Спб. 1893).
2	Мѣстоположеніе сферондовъ		
3	Прикрытіе		
4	Мѣсто трупосожженія.		
Культурные.			
1	Горшки	IX—X в.	Гнѣздовскій могильникъ близъ Смоленска (см. Мат. по Арх. Россіи, № 28).
2	Синія бусы.	X в.	Гдовскіе курганы (см. Мат. по Арх. Россіи, № 29). Гнѣздовскій могильникъ близъ Смоленска (см. Мат. по Арх. Россіи, № 28).
3	Змѣевидный, одиночной секціи, мѣдный браслетъ	VIII—IX в.	Типа сходственнаго (головка) съ рис. 7 таблицы XXIII (Кошибевскій могильникъ) и рис. 12 стр. 39 (Борковскій и Кузинскій могильники) „Древностей бассейновъ рѣкъ Оки и Камы“ (Мат. по Арх. Россіи, № 25, 1901).
4	Проволочныя мѣдныя кольца (разныхъ назначеній)	IX—X в.	Люцинскій могильникъ (см. Мат. по Арх. Россіи, № 14). Гдовскіе курганы (см. Мат. по Арх. Россіи, № 29).
5	Ленточная мѣдная проволока (чека)		
6	Желѣзная привѣска къ поясу	VIII—IX в.	Типы, видимо, литовскихъ древностей. (См. статьи А. А. Спицына: 1). Удлиненные и длинныя русскіе курганы—Зап. Отд. Русск. и Слав. Археол. Имп. Русск. Арх. Общ., т. V, вып. 1, стр. 196—202. 2). Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX в.—Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., т. VIII, вып. 1—2, 1896, стр. 103—114).

погребать, хотя и въ разныхъ (преимущественно) сфероидахъ, но подъ общимъ прикрытіемъ (подъ одной крышей). Перечисленные выше детали отличій между удлиненными и круглыми курганами дополняются еще и отдѣльностью (въ группахъ) размѣщенія удлиненныхъ кургановъ отъ круглыхъ. Послѣднихъ много больше, чѣмъ первыхъ. Въ общемъ, сравненіе деталей погребального типа тѣхъ и другихъ наводитъ на мысль: не слѣдуетъ-ли удлиненные курганы относить къ одной народности, а круглые къ другой? Такое пониманіе различія въ формахъ ихъ основанія мнѣ кажется наиболѣе правдоподобнымъ.

Въ заключеніе, перейдемъ къ вопросу о датировкѣ Сытенскихъ кургановъ. Датировка есть результатъ не единичныхъ выводовъ, а совокупности ихъ по фактамъ наблюденія и рассмотрѣнія добытыхъ археологическихъ матеріаловъ. Помѣщенная на стр. 220 таблица представляетъ попытку, расчленивъ добытый при раскопкахъ матеріалъ на элементы, его составляющіе, рассмотреть каждый изъ послѣднихъ съ точки зрѣнія вѣроятнаго времени и достаточныхъ къ тому основаній, чтобы, въ концѣ концовъ, суммируя данныя времени и обрабатывая ихъ по методу среднихъ чиселъ, получить дату, охватывающую періодъ возникновенія Сытенскихъ кургановъ.

Если подвести итогъ, можно заключать, что вообще время возникновенія Сытенскихъ кургановъ слѣдовало-бы относить къ IX — X в. Однако, присутствіе мѣднаго браслета и желѣзной тонкой привѣски какъ-бы отодвигаетъ его назадъ, т. е. къ VIII—IX вѣкамъ. Относительно народности выводы двояты: съ одной стороны Сытенскіе курганы можно приписать кривичамъ (см. В. И. Сизовъ «Гнѣздовскій могильникъ близъ Смоленска» и А. С. «Удлиненные и длинные русскіе курганы»¹⁾), а съ другой — финнамъ (см. «Люцинскій могильникъ»). Лично я отношу круглые Сытенскіе²⁾ курганы къ типу кривичскихъ, а удлиненные — къ типу финскихъ.

С. Гамченко.

---

¹⁾ Впрочемъ теперь А. А. Спицынъ полагаетъ, что въ настоящее время нельзя уже ни удлиненные курганы относить къ русскимъ, ни Люцинскій могильникъ приписывать финнамъ.

Рѣшеніе вопроса о времени описанныхъ кургановъ затемняется скудостью предметнаго инвентаря. *С. Г.*

²⁾ Написаніе „Сытенка“ (со всѣми производными отсюда), проведенное редакціей въ настоящей статьѣ вмѣсто „Ситенка“ (съ производными), не оправдывается ни Новгородскою писцовою книгой 1605 г. (см. выше, стр. 168), ни „Спискомъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи“, ни географическими картами, ни произношеніемъ мѣстнаго населенія, ни моею рукописью. *С. Г.*

Причиною столь досадной ошибки явилось написаніе „Сытенка“ на общей картѣ мѣстности (см. рис. 1 на стр. 172). *Ред.*

Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1910 г. въ Новгородской и Тверской губерніяхъ.

І. Крестецкій уѣздъ.

На меня и на С. Н. Чернова возложено было порученіе произвести опредѣленные раскопки въ Крестецкомъ, Демянскомъ и Вышневолоцкомъ уѣздахъ. Главной задачей поѣздки, рассчитанной на одинъ мѣсяць, ставилось разысканіе и раскопки кургановъ удлиненныхъ и длинныхъ, а также широкихъ плоскихъ съ канавками кругомъ. На основаніи бывшихъ у насъ свѣдѣній, (оказавшихся въ дѣйствительности недостаточно точными), составленъ былъ планъ поѣздки. Отправнымъ пунктомъ ея намѣчалась ст. Бурга, близъ которой, по свѣдѣніямъ В. Н. Глазова, «много кургановъ и нѣсколько большихъ жальниковъ» (Изв. Имп. Археол. Комм., вып. 6, стр. 60); далѣе главными пунктами раскопокъ предполагались Коломна и другія селенія внизъ отъ нея по Мстѣ до Усть-Волмы; оттуда чрезъ г. Крестцы предстояло отправиться въ Демянскій уѣздъ и тамъ сосредоточить раскопки на верховьяхъ р. Полю; затѣмъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ предполагалось начать раскопки съ окрестностей оз. Мстино и верховьевъ Мсты и, наконецъ, если останутся время и средства, раскопать сопку въ Молдинѣ.

Въ Бургѣ намъ сообщили, что здѣсь никакихъ кургановъ нѣтъ, но что они есть въ рядомъ лежащей дер. Лукѣ. Въ этой послѣдней намъ показали сейчасъ же за деревнею возвышеніе изъ песка, болѣе чѣмъ на половину уже разобранное крестьянами. Сколько можно было судить, возвышеніе это естественное. Опредѣлить его прежнюю форму, вслѣдствіе разрушенія, было невозможно. Другая сопка, по словамъ крестьянъ, находилась у нихъ въ полѣ. Кромѣ того, самый «древній» старикъ деревни сводилъ насъ на «могиляшникъ»,—жальничныи могильникъ,—верстахъ въ 1½—2 отъ деревни. Онъ лежитъ выше деревни въ полѣ и частью уже распаханъ; на немъ сохранилось еще нѣсколько деревьевъ. Могилы, числомъ 9—10, по формѣ—неправильные продол-

говатые четырехугольники; часть ихъ еще сохранила каменную обкладку съ боковъ и иногда отчасти сверху, съ другихъ же могилъ камни взяты: по словамъ старика, ихъ продавали на станціи. Мѣста исчезнувшей каменной кладки опредѣляются ровиками. Недалеко отъ «могиляшника», по рассказамъ старика, давно, до «литейскаго разоренія», жилъ «паносекъ» («баринъ, по нашему», объясняетъ рассказчикъ), здѣсь у него и деревня была, и прудъ, но въ разоренье часть его людей погибла, часть разбѣжалась: «одинъ ушелъ въ Каменку, а двое къ намъ въ Луку; оттого и теперь въ лѣсу на сѣнокосѣ каменскіе берутъ одну долю, а мы двѣ». Въ Каменкѣ, по словамъ старика, есть такой-же могиляшникъ, только гораздо лучше сохранившійся: огороженный и не потерявшій ни деревьевъ, ни обкладки своихъ могилъ; тамъ крестьяне (въ присутствіи старшины) пробовали раскапывать нѣкоторыя могилы и на глубинѣ приблизительно $\frac{3}{4}$ арш. нашли кости; о находкахъ какихъ либо вещей нашъ вожатый, бывшій при этомъ, ничего сообщить не могъ. Какъ здѣсь, такъ и по всему нашему пути, рассказывали много легендъ о «литейцахъ» и ихъ «разореньи». Въ окрестностяхъ Луки есть связанная съ преданіями о нихъ пещера.

У д. Мокряя Гоголицы на полѣ по дорогѣ изъ нихъ въ Луку есть, какъ намъ сообщили въ послѣдней, 2 сопки.

Въ Коломнѣ (на правомъ берегу р. Мсты) нашли мы сопки (числомъ 3, круглой формы, вышиною сажени въ $1\frac{1}{2}$ —2), расположенныя въ усадьбѣ частнаго владѣльца, но управляющій не могъ дать разрѣшеніе на производство раскопокъ.

Въ Никулицахъ, какъ и до нихъ, кургановъ искомыхъ нами типовъ не оказалось, а, по собраннымъ нами отъ разныхъ лицъ свѣдѣніямъ, выяснилось, что и въ другихъ близлежащихъ мѣстахъ по Мстѣ такихъ кургановъ не имѣется. Всюду здѣсь разбросаны сопки приблизительно одного типа: высокія (саж. $1\frac{1}{2}$ —2), большія (сажень до 10 и больше въ діаметрѣ), круглыя въ основаніи.

Во всѣхъ пунктахъ той небольшой части лѣваго берега р. Мсты, которую намъ удалось объѣхать въ Крестецкомъ уѣздѣ, мѣстность, кажется, приблизительно одинакова: узкая береговая полоса, несовсѣмъ ровная, прерываемая овражками и ручейками, а иногда переходящая въ болото, поднимается въ общемъ довольно невысоко надъ уровнемъ рѣки, частію заливающей ея весной, и съ юга почти сплошь замыкается холмами. На этой прибрежной, слегка возвышающейся въ сторону холмовъ, полосѣ расположены селенія, пашни, луга, заводы, всякіе промыслы и угодыя. На ней же кое-гдѣ, то въ одиночку, а чаще груп-

пами, поднимаются сопки. Сопки, если онѣ сильно не повреждены, почти всегда покрыты кустами и деревьями. Окрестные холмы покрыты также лѣсомъ.

Въ Никулицахъ на надѣльной крестьянской землѣ три сопки; онѣ расположены въ разныхъ мѣстахъ и при томъ такъ, что не даютъ впечатлѣнія общей группы. Всѣ онѣ повреждены распашкою, выемкой песка изъ насыпей, ямами разнаго характера и происхожденія и т. д., двѣ изъ нихъ особенно сильно пострадали и даже подвергались опасности полного уничтоженія; поэтому мы рѣшили ихъ раскопать.

Сопка № 1, на востокъ отъ деревни, стоитъ саженьхъ въ 50 по прямой линіи отъ ближайшей избы. Круглая, діаметромъ около $10\frac{1}{2}$ саж., она имѣетъ около 2 саж. вышины, но, выходя одною стороною въ низину, кажется отсюда значительно выше. На ней нѣсколько крупныхъ сосенъ, елей, березъ. Кругомъ луга и хлѣба. Сторона ея, обращенная къ пашнѣ, немного срыта и у подножья распахана. Мы не тронули этой сопки изъ-за сильной заросли и опасеній крестьянъ, что раскопка испортитъ ихъ луга и хлѣба.

Сопка № 2, на задворкахъ деревни, саж. въ 10 къ С.-В. отъ нея, давно распахивается послѣ того, какъ вершина ея—примѣрно на ростъ человѣка—была срыта и свезена; теперешняя вершина сопки еще и сейчасъ, несмотря на удобреніе, представляетъ желтое песчаное пятно, сажени 2 въ діаметрѣ, выдѣляющееся на черномъ фонѣ пашни. Прежніе размѣры сопки опредѣлить невозможно; теперь площадь ея основанія почти круглая и имѣетъ діаметры: $8\frac{1}{2}$ саж. съ В. на З. и 9 саж. съ С. на Ю.; высота сопки теперь около 1 саж. Раскопка произведена въ два приѣма. Сначала взята была яма въ центрѣ сопки длиною съ В. на З. въ 1 саж., шириною нѣсколько больше $\frac{3}{4}$ саж. Насыпь, очень мягкая, состоитъ изъ песка (съ мелкими, изрѣдка встрѣчающимися, комочками глины), какой лежитъ здѣсь всюду сейчасъ же подъ тонкимъ слоемъ перегноя, какъ то ясно видно въ сосѣднемъ овражкѣ. На глубинѣ $\frac{1}{2}$ саж. найдена небольшая пережженная косточка. На глубинѣ отъ 1 арш. 11 вер. до 2 арш. попадались небольшія разрозненныя пятна зольнаго характера (толщиною отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ вер.) съ угольками. Это, можетъ быть, результатъ раскопокъ сопки, произведенныхъ лѣтъ 40 тому назадъ однимъ мѣстнымъ крестьяниномъ, искавшимъ кладъ (здѣсь очень вѣрятъ, что въ сопкахъ есть и неоднократно были находимы клады; нашъ кладоискатель, добравшись до угля, испугался и не сталъ копать дальше, такъ ничего и не найдя). На глубинѣ отъ 2 арш. $3\frac{1}{2}$ в. до 2 ар., $7\frac{1}{4}$ в. (измѣряя по

боковымъ стѣнкамъ) шель, нѣсколько поднимаясь въ С.-В. направленіи, болѣе темный, чѣмъ въ остальной насыпи, слой песка толщиною 3 верш. въ восточномъ и до 7 верш. въ западномъ концѣ ямы. Это, надо думать, верхній слой материка, сильно смѣшанный съ пескомъ и золою и оттого потерявшій прежшій болѣе черный цвѣтъ. Въ верхней части его болѣе замѣтно присутствіе золы и попадаются довольно часто (меньше къ восточной и больше къ западной стѣнкѣ) угольки. Сдѣланныя въ стѣпахъ ямы съ цѣлю обнаружить распространеніе этого зольнаго слоя ниши показали, что въ восточномъ, сѣверномъ и южномъ направленіяхъ слой кончался на разстояніи 4—6 вершковъ, а въ западномъ шель далѣе. Тогда къ западу на разстояніи $\frac{1}{4}$ саж. отъ первой ямы была заложена вторая длиною (съ Ю. на С.) почти въ 2 арш. и шириною въ 1 арш.; и въ ней на материкѣ (до него было 1 арш. 14 верш.) шель по всей ея площади зольный слой съ угольками. Такимъ образомъ, выяснилось, что зольный слой, вѣроятно, небольшой площади, судя по окончанію его въ трехъ направленіяхъ (если только это не разрывы), и продолговатой (съ тою же оговоркою) въ направленіи отъ В. къ З. формы не вполне совпадалъ съ центромъ сопки. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе просьбъ владѣльца земли, которая была уже удобрена и распахана, пришлось не раскапывать всей сопки и тѣмъ самымъ оставить невыясненной форму зольнаго слоя. Кромѣ угольковъ и кусочка кости, въ сопкѣ этой нами ничего найдено не было.

Сопка № 3 расположена саженьяхъ въ 75 отъ крайней избы деревни, на самомъ берегу р. Мсты. Сопка эта сильно попорчена распашкой; изъ нея, кромѣ того, неоднократно брали песокъ и всю ее изрыли ямами: картофельными (одна или двѣ), погребальными (четыре) и, наконецъ, такими, въ которыхъ дѣти, играя, устраивали себѣ печи (не менѣе двухъ). Замѣчается еще общій и особенно сильный въ СВ. части оползень сопки. По всему этому почти невозможно опредѣлить діаметръ сопки и, особенно, ея вышины: первый, повидимому, не менѣе $5\frac{1}{2}$ саженей, что-же касается второй, то въ мѣстѣ, условно принятомъ за центръ сопки, она равнялась приблизительно 2 арш. Въ двухъ траншеяхъ, проведенныхъ въ наиболѣе сохранившихся частяхъ сопки, обнаружены были въ песокѣ насыпи (бережномъ, какъ его тамъ называютъ), прорѣзывающія его въ разныхъ направленіяхъ, различной глубины, ширины и длины зольныя прослойки, которыя на нижнемъ гумусѣ, имѣющемъ у центра $3\frac{1}{2}$ в. толщины, переходятъ въ пласты, достигающіе тоже у центра 5 верш. и часто густо насыщенные мелкими жжеными косточками. Одна траншея обна-

ружила слабыя зольныя полоски на гумусѣ на протяженіи отъ условнаго центра почти $3\frac{1}{2}$ саж. Другая траншея не обнаружила такихъ слѣдовъ далѣе 2 саж. 5 верш. Судить по полученнымъ даннымъ (а дальше раскопки не производились, главнымъ образомъ по причинѣ почти совершенной порчи остальной части сопки) о томъ, былъ ли зольный пластъ на поверхности материка сплошнымъ, какой онъ былъ формы и состава, не представляется возможнымъ. На пашнѣ вблизи сопки поднято было нѣсколько черепковъ.

Такъ какъ раскопки этихъ двухъ попорченныхъ сопокъ не дали опредѣленнаго матеріала, представилось необходимымъ изслѣдовать одинъ-два кургана этого типа цѣлые. Подходящія сопки оказались вблизи Никулицъ на землѣ крестьянина дер. Илѣмки И. В. Богачева. Здѣсь сохранились 3 сопки. Стоять онѣ на природномъ подъемѣ береговой полосы отъ рѣки къ холмамъ.

Раньше тамъ была еще одна сопка, но ее давно уже срыли и свезли. Мѣсто ея распахано; однако и теперь еще, слегка поднимаясь надъ уровнемъ пашни и выдѣляясь свѣтлымъ пятномъ на темномъ фонѣ суглинка, оно ясно бросается въ глаза. Диаметръ видимаго основанія этой сопки около 9 саж.; высота ея, по словамъ г. Богачева, была такая-же, какъ у сохранившихся сопокъ, т. е. сажени $1\frac{1}{2}$ —2.

Всѣ эти сопки круглыя. Сохранившіяся поросли деревьями (иногда довольно большими) и кустами (береза, сосна, ельникъ и т. д.) и окружены посѣвами. Отъ рѣки до сопокъ сажень 12—15. За ними почти тотчасъ длинная и довольно широкая впадина, мѣстами переходящая въ болото. Не изъ нея-ли была взята земля для насыпанія сопокъ? Всѣ 3 уцѣлѣвшія сопки имѣютъ на вершинѣ въ центрѣ круглыя ямы шириною около 1 саж. и глубиною $1\frac{1}{2}$ —2 арш. Ямы эти происхожденія, повидимому, кладонскательскаго. Сопка скрытая—самая дальняя отъ Никулицъ. Г. Богачевъ единственнымъ условіемъ раскопокъ поставилъ вполнѣ естественную просьбу жалѣть овесъ и деревья. Это условіе, конечно, въ значительной степени опредѣляло выборъ сопки и способы раскопки. Наиболѣе удобнымъ оказалось копать крайнія изъ сохранившихся сопокъ, минуя среднюю, и къ сопкѣ, ближайшей къ Никулицамъ, (№ 1) примѣнить способъ раскопки траншей, а сопку самую дальнюю отъ Никулицъ, (№ 3) раскопать центральною выемкою.

Сопка № 1 (рис. 1). Ея диаметръ около $9\frac{1}{3}$ саж. Вышина склоновъ сопки: къ Мстѣ около $2\frac{1}{2}$ саж., къ холмамъ около 2 саж. Тщательное проступываніе (зондомъ) не обнаружило каменной кладки вокругъ сопки,

но по окружности ея (015° S и 060° S) лежали отдѣльно 2 большіе камня. Для главной боковой траншеи выбрано было сравнительно чистое отъ кустовъ и деревьевъ мѣсто. Траншея проведена была шириною почти 2 арш. и длиною отъ края сопки нѣсколько болѣе 2¹/₂ саж. На этомъ протяженіи отмѣченъ былъ постепенно поднимающійся къ центру нижній гумусъ толщиною 4—4¹/₃ верш. Высота стѣнки траншеи 1¹/₂ саж. Подъ верхнимъ гумусомъ (толщиною 1¹/₂—3¹/₃ верш.) песокъ, въ средней и особенно въ нижней части съ вкрапинками кирпичнаго цвѣта, происшедшими отъ нахожденія въ слоѣ смѣшанной съ пескомъ глины; въ верхней же части слоя вкрапинки эти совершенно отсутствуютъ; быть можетъ, въ связи съ этимъ находится то обстоятельство, что слой насыпи чѣмъ ниже, тѣмъ тверже, такъ что нижняя ея часть довольно трудно поддается лопатѣ. Въ насыпи часто попадались мелкіе угли. Нижній гумусъ содержитъ въ себѣ значительное количество золы и мелкихъ угольковъ. При помощи специальныхъ траншеекъ установлено было, что кругомъ сопки проходилъ ровъ наибольшихъ со стороны рѣки размѣровъ: до 2 саж. ширины и до 1 арш. 3 верш. глубины; постепенно суживаясь, ровъ этотъ на противоположной сторонѣ почти исчезаетъ; весь онъ затянутъ гумусомъ. Въ одной траншейкѣ найденъ черепокъ, на глубинѣ приблизительно 1 арш. Дальнѣйшихъ раскопокъ произведено не было, такъ какъ остальная часть насыпи покрыта деревьями, которыхъ владѣлецъ просилъ не рубить.

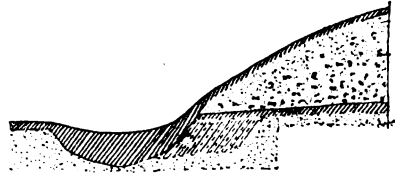

Рис. 1. Разрѣзъ части сопки № 1 у дер. Илѣмки.

Сопка № 2 расположена къ Ю.-В. отъ предыдущей на разстояніи 1¹/₂—2 саж. отъ нея. Діаметръ около 10¹/₂ саж., вышина около 2¹/₂ саж. Въ основаніи обнаружено лишь 3 отдѣльные камня. Со всѣхъ сторонъ посѣвы. Не раскопана по этой причинѣ и изъ-за растущихъ на ней деревьевъ.

Сопка № 3 (рис. 2) размѣрами своими меньше другихъ: ея діаметръ 6¹/₂ саж., а вышина ея 1¹/₂ саж. по склону къ рѣкѣ и 1¹/₃ саж. по склону къ холмамъ. Въ сѣверномъ краю основанія 4 камня, почти всѣ рядомъ; въ другихъ мѣстахъ ихъ не найдено. Раскопки начаты были центральной прямоугольною выемкой, захватившей всю бывшую на вершинѣ яму (1¹/₂ арш. глубиною) и дошедшей до материка (на глубинѣ 1¹/₃ саж.), въ размѣрѣ 1 кв. саж. Верхній гумусъ отъ 1¹/₂ до 3¹/₃ верш. толщиною. Насыпь такого-же характера, какъ въ сопкѣ № 1. На глубинѣ 4 верш. отъ верху въ Ю.-З. углу ямы на небольшомъ

*

(приблизительно $\frac{1}{2}$ арш.) разстояніи шель тонкій (въ $\frac{1}{2}$ дюйма толщиною) слой мелкаго угля. Маленькіе уголечки попадались и глубже въ разныхъ мѣстахъ насыпи. Иногда въ насыпи встрѣчались небольшія (но чѣмъ глубже, тѣмъ большихъ размѣровъ) сѣрыя пятна, содержащія, какъ показала промывка, золу и мельчайшіе угольки. Надъ самымъ материкомъ шло уже почти сплошное большое кругловатой (поскольку

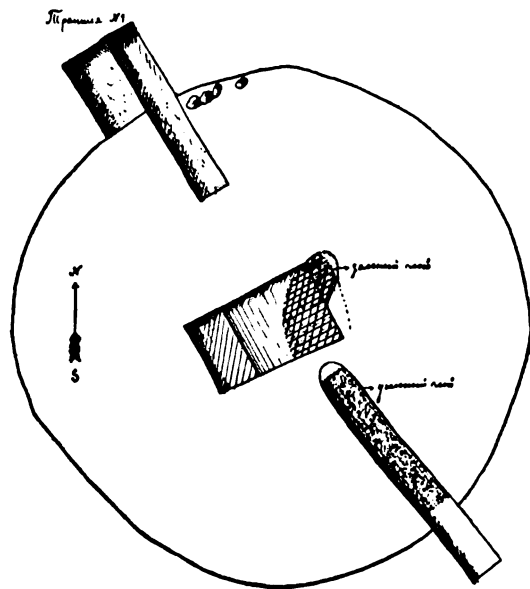

Рис. 2. Планъ сопки № 3 у дер. Илѣмки

можно было судить въ предѣлахъ ямы) формы пятно съ наибольшимъ количествомъ мелкихъ угольковъ. Оно занимало около половины площади ямы отъ С.-В. стѣнки, захватывая отчасти и центръ сопки; въ продольныхъ стѣнкахъ ямы этотъ зольный слой прерывался сейчасъ-же за ними, но въ сѣверномъ углу шель дальше. Тогда здѣсь была пробита ниша, обнаружившая перерывъ его на разстояніи 1 арш. далѣе къ С.-В. Выяснить болѣе точно форму и размѣры пятна по

условіямъ раскопокъ не представлялось возможнымъ. Кромѣ угольковъ, въ насыпи были найдены на глубинѣ 2 арш. отъ верху косточка, на глубинѣ почти $1\frac{1}{3}$ саж. приблизительно въ центрѣ площади небольшой, видимо, случайнаго происхожденія камень, и въ выкидѣ изъ нижнихъ слоевъ насыпи черепокъ. Кромѣ центральной выемки были еще проведены 2 траншеи. Первая на С.-З., длиною 4 арш. и шириною 1 арш. 6 верш. Составъ насыпи тотъ-же, что въ центральной выемкѣ. Материкъ шель, поднимаясь къ центру сопки. Надъ материкомъ песокъ имѣеть сѣрый цвѣтъ отъ примѣси золы. Рва обнаружено не было. Вторая траншея, проведенная на Ю.-В., имѣла длины $5\frac{1}{2}$ арш. и ширины $1\frac{1}{4}$ арш. Непосредственно на материкѣ, немного отступая отъ края сопки, шель вглубь ея во всю ширину траншеи тонкій въ $\frac{1}{4}$ верш. слой угля, не встрѣчавшійся ни въ центральной выемкѣ, ни въ первой траншеѣ. Такъ какъ конецъ слоя въ траншеѣ обнаруженъ не былъ, была сдѣлана по направленію къ центру сопки ниша глубиною 1 арш. 10 верш., въ которой и удалось уловить окончаніе или перерывъ уголь-

наго слоя. Такимъ образомъ въ этомъ направленіи онъ простирался до 2 саж. Прослѣдить его распространеніе въ стороны мѣшали корни деревьевъ, рубить которые намъ не было разрѣшено. Просѣваніе угольного слоя черезъ частую сѣтку не дало никакихъ находокъ, даже мелкихъ косточекъ. Составъ насыпи этой траншеи тотъ же; рва и съ этой стороны сопки найдено не было. Углубленіе траншеи въ материкъ (на $\frac{1}{2}$ саж. ниже гумуса) обнаружило слои песка: желтый, съ прослойками въ видѣ большихъ пятенъ бѣлаго, и, ниже его, красный. Слой желтаго оканчивался у линіи основанія насыпи, а красный шелъ далѣе за предѣлы сопки.

Остальныя сопки близъ Никулицъ неудобны для раскопокъ: или попорчены, или заросли, или окружены лугами и пашнею. Зная, что недалеко отсюда въ д. Золотое Колѣно много сопокъ, мы отправились туда. Оказалось, однако, что сопокъ нужнаго намъ типа и здѣсь нѣтъ.

Что-же касается тѣхъ сопокъ, которыя мы видѣли или о которыхъ мы слышали въ Никулицахъ, то приходится ограничиться ихъ перечнемъ и отчасти краткимъ описаніемъ съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ нами полученныхъ свѣдѣній.

Жальникъ у д. Нижній Перелѣсокъ (Стара десятиверстной карты), расположенный на самомъ берегу Мсты, занятъ теперь кладбищемъ, вслѣдствіе чего часть жальничныхъ могилъ перерѣзана современными. Другая часть сохранилась вполне: цѣльныя каменныя, въ видѣ вытянутыхъ прямоугольниковъ (иногда почти квадратовъ) обкладки. Кладбище тщательно огорожено, и за нимъ внимательно слѣдятъ; на немъ прекрасныя большихъ размѣровъ сосны. Какъ разъ по концамъ жальника (выше и ниже по Мстѣ), но уже вѣ ограды, 2 сопки, довольно хорошо сохранившіяся и поросшія кустарникомъ. Форма и размѣры сопокъ приблизительно такіе же, какъ въ Никулицахъ и у Богачева, а насыпь изъ такого же песку. Гораздо больше испорчены двѣ другія сопки—картофельными ямами и выемками. Онѣ отстоятъ дальше отъ рѣки, одна выше по ней, а другая ниже тѣхъ, что у кладбища. Всѣ сопки рыты кладочискателями еще въ недавнее время. Здѣсь думаютъ, что въ сопкахъ скрыты колокола и цѣпная утварь бывшей здѣсь до «литейскаго разоренія» церкви. Говорятъ, что когда-то одинъ крестьянинъ нашель, —но не въ сопкѣ, а гдѣ-то подъ камнемъ,—золотой крестъ и еще какія то вещи и что этого счастливица за недонесеніе имъ, куда слѣдуетъ, о находкахъ въ Петербургѣ чуть ли не посадили въ тюрьму.

Въ лѣсу между Верхнимъ Перелѣскомъ и Веребьемъ въ довольно узкой и глубокой долинѣ намъ показали какія-то загадочныя возвышенія. Невысокія ($1\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш.), неправильной формы (одно въ планѣ грушевидное, другое—какъ бы два круглыхъ съ сильно слившимися основаніями или тоже одно, но съ сѣдловиною посрединѣ), лежащія близко другъ къ другу на одной прямой приблизительно по длинѣ долины, они произвели на насъ впечатлѣніе небольшой разорванной естественной возвышенности.

Кирово; есть сопки, не меньше 3 (по словамъ крестьянъ). Дубовицы; сопки на частной землѣ. Село Гарь; здѣсь, по словамъ крестьянъ, найдены въ огородахъ какія то старинныя монеты (между ними монета Петра I и крестовики). Низовка (на Мстѣ); противъ нея на лѣвомъ берегу Мсты сопки. Терпуховка; есть 2 сопки по дорогѣ изъ Нижняго Перелѣска на стеклянный заводъ Костылева (недалеко отъ дороги, на бер. Мсты); форма и величина приблизительно тѣ же, что и въ Нижнемъ Перелѣскѣ.

Золотое Колѣно или Нижнее Городище—небольшая деревня на лѣвомъ берегу р. Мсты близъ ст. Мста. По преданію, здѣсь раньше былъ городъ, вѣроятно городище, по которому прозвалась и деревня. «Нижнее» же оно въ противоположность другому, расположенному за ж. д. линіей на холмахъ, «Верхнему Городищу». Такъ какъ Мста въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ крутой поворотъ, селеніе это называется иначе, «Колѣно». «Золотое» же оно якобы потому, что здѣсь на линіи ж. д. раньше когда-то (при постройкѣ насыпи) былъ хорошій заработокъ, или же потому, что въ здѣшнихъ сопкахъ находили много золота.

Отъ «города» или, вѣрнѣе, городища сохранилась часть вала, лежащаго, быть можетъ, на природномъ возвышеніи. Теперешняя длина вала около 15 саж., ширина $2\frac{1}{2}$ —3 саж. Раньше онъ былъ длиннѣе и, можетъ быть, выше, но часть его уже уничтожена. Говорятъ, что на немъ росли сосны и находились какія то кольца изъ камня около сажени въ діаметрѣ; кольца эти давно разобраны. Внѣшній склонъ круче входящаго въ деревню; Ю.-В. конецъ вала круто обрывается, С.-З. срытъ и застроенъ. Валъ пересѣкается дорогою въ Веребье. Направо отъ нея, если стать лицомъ къ холмамъ, расположены всѣ 4 уцѣлѣвшія сопки. Находятся онѣ на крестьянской надѣльной землѣ. Всѣ онѣ довольно большихъ размѣровъ, высоки ($1\frac{1}{2}$ —2 саж.) и круглы; склоны сопокъ №№ 1 и 3 (считая №№ къ дорогѣ) болѣе круты, чѣмъ

двухъ другихъ; всѣ поросли кустарникомъ и окружены пашнею и посѣвами. Насыпь всѣхъ сопокъ песчаная, лишь одна (№ 4), по словамъ копавшихъ ее и удивленныхъ необычнымъ составомъ насыпи крестьянъ, сложена изъ чернозема. Сопка № 1 сохранилась лучше другихъ и была нами раскопана. Сопка № 2—ниже другихъ; она имѣла когда-то, по словамъ крестьянъ, у подошвы вѣнецъ изъ камней, давно уже разобранный ими. Они же пробовали копать ее и въ серединѣ докопались до грунта, при чемъ нашли 6 небольшихъ горшковъ изъ сѣрой глины съ золой; горшки эти долго простояли у одного изъ крестьянъ и погибли во время пожара. Были найдены и кости (2 черепа и др.); ихъ взялъ какой то пріѣзжій изъ Петербурга. Сопка № 3 похожа на широкую острую шапку. Ее тоже рыли кладочискатели съ боку, гдѣ будто бы долго потомъ можно было даже ощупывать деревянный срубъ. Сопку № 4 копали въ центрѣ до самого грунта и тоже ничего не нашли. Яма на вершинѣ замѣтна и теперь. Влѣво отъ дороги въ Веребье ясно выдѣляется очень плохую растительностью среди зеленого луга мѣсто, гдѣ раньше, почти примыкая другъ къ другу, возвышались еще 4 сопки: 3 большихъ (съ діаметромъ сажены въ 10), расположенныхъ приблизительно на одной прямой (съ Ю.-В.

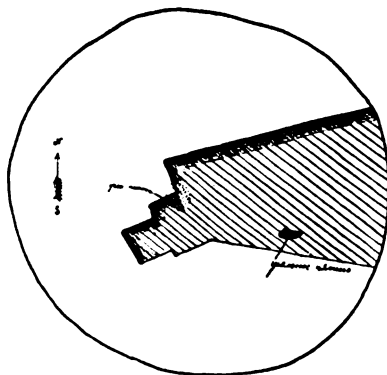

Рис. 3. Сопка № 1 у Золотого Колѣна.

на С.-З.) и одна меньшихъ размѣровъ, примыкающая съ С.-В. къ крайней на С.З. Всѣ эти сопки были срыты даже ниже основанія и свезены на устройство насыпи желѣзной дороги. Въ серединѣ площади основанія одной изъ нихъ на самомъ низу, по словамъ крестьянъ, была найдена куча камней приблизительно съ возъ; ни о какихъ другихъ находкахъ они не помнятъ. По ихъ же рассказамъ, еще 2 или 3 сопки цѣликомъ засыпаны на своихъ мѣстахъ при устройствѣ той же насыпи, здѣсь очень высокой.

Сопка № 1 (рис. 3). Юговосточный склонъ ея обращенъ къ оврагу, отъ котораго ее отдѣляетъ узкая полоса пашни; сопка довольно густо поросла мелкимъ лѣсомъ. У нижняго склона сбоку довольно большая выемка: брали песокъ. Части сопки у самаго основанія нѣсколько повреждены распашкою. Діаметръ приблизительно 10 саж. Раскопъ поведенъ широкой траншеею со стороны оврага; сдѣланная выемка дала площадь несимметричной формы длиною $7\frac{1}{2}$ саж., шириною у окружности 4 саж., въ центрѣ до $2\frac{1}{2}$ саж., а за центромъ 1 саж. Толщина дерно-

вого слоя $2\frac{3}{4}$ —4 верш. Подъ нимъ насыпь изъ песка, рыхлая, легко дающаяся лопатъ, цвѣта свѣтло-коричневаго; книзу она нѣсколько тверже. Только въ одномъ мѣстѣ, но на сравнительно большомъ протяже-

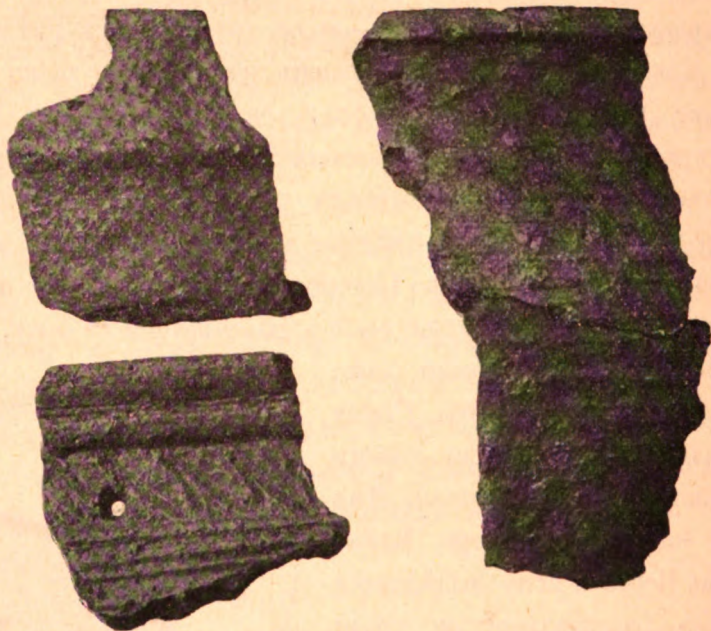

Рис. 4. Черепки изъ сопки № 1 у Золотого Колѣна.

попался чрезвычайно твердый слой насыпи; онъ былъ темнѣе и обильнѣе насыщенъ вкрапинками глины. Высота насыпи у центра 1 саж. 2

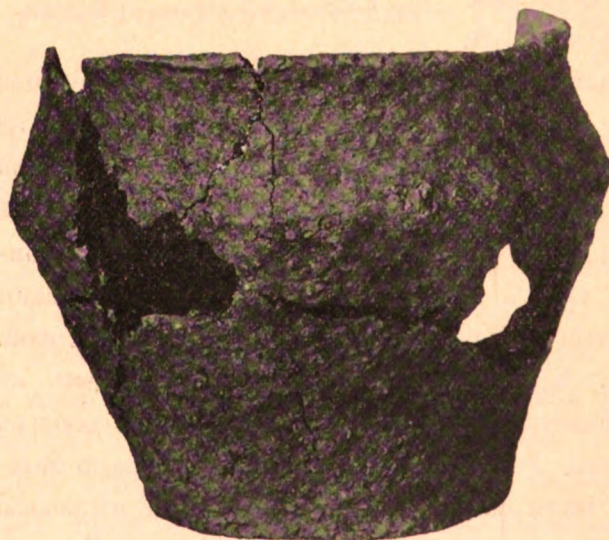

Рис. 5. Горшокъ изъ сопки № 1 у Золотого Колѣна.

$2\frac{1}{2}$ верш. Въ ней чрезвычайно рѣдко попадаются черепки, еще рѣже кости; было найдено же нѣсколько битыхъ вещей. На самой вершине сопки, сейчасъ же за дерномъ, часть насыпи занимаетъ 3—4 кв. арш. площ. и около четверти глубины содержала много чрезвычайно мелкихъ и режженныхъ какостей, а также улитковъ и черепковъ (рис. 5).

Часть этихъ черепковъ складывается въ маленькій горшокъ (рис. 5). Лучшая половина его, лучше сохранившаяся, вынута вмѣстѣ съ наполня-

пятна $2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{4}$ арш. Третье пятно отъ края сопки 4 саж. $2\frac{1}{4}$ арш., длиною $3\frac{1}{8}$ верш. и шириною $1\frac{1}{5}$ верш. пѣдалеко отъ сѣверной стѣнки и четвертое близъ третьяго у той же стѣнки длиною $5\frac{1}{2}$ верш., шир. $3\frac{1}{8}$ верш. и толщиною $\frac{1}{4}$ —1 верш. Оба они содержатъ часть гумуса, ниже истлѣвшія кости, подъ ними угли, затѣмъ слой сѣраго гумуса. Но, и помимо этихъ пятенъ, на гумусѣ и въ немъ было найдено много костей, иногда жженныхъ или истлѣвшихъ, углей, по большей части мелкихъ, черепковъ, одна подѣлка (желѣзный ножъ) и нѣсколько битыхъ камней, такихъ же, что и въ насыпи. Подъ нижнимъ гумусомъ слои материковаго песка, красноватые. Контрольная траншейка дала нѣсколько черепковъ и показала, что теперешніе и прежніе края сопки почти совпадаютъ, а относительно слоевъ материковыхъ не дала какихъ либо новыхъ наблюденій. Дальше раскопки произведены не были, ибо въ случаѣ ихъ продолженія произошло бы большое засореніе пашни ¹⁾).

Добавимъ еще нѣсколько замѣчаній о сопкахъ близъ Золотого Колѣна и по дорогѣ отъ него къ Боровенкѣ. Рядомъ съ дер. Золотое Колѣно у самой линіи ж. д. также по лѣвому берегу Мсты на участкѣ г-жи Богоявленской, застроенномъ дачами, имѣется 6 сопокъ, сильно испорченныхъ; въ одной изъ нихъ былъ устроенъ погребъ, въ другой выгребная яма больницы; часть песчаной насыпи нѣкоторыхъ свезена и теперешняя высота ихъ около сажени; площадь основанія круглая, разныхъ (но все же значительныхъ, по нѣскольку сажень въ діаметрѣ) размѣровъ; заросли соснами. Въ одной изъ сопокъ дачникъ-студентъ, попробовавшій раскопать ее, нашелъ желѣзный гвоздь (?). Здѣсь-же на участкѣ г-жи Богоявленской, по словамъ сопровождавшаго насъ десятскаго, въ небольшомъ оврагѣ (близъ Мсты) крестьянскія дѣти неоднократно находили черепки; но наши поиски здѣсь не увѣнчались успѣхомъ.

Между Усть-Волмою и Березкою близъ дороги, пѣдалеко отъ первой, нѣсколько (группа штукъ въ 8) низкихъ, арш. до $1\frac{1}{2}$ выш., поросшихъ мелкимъ соснякомъ, кургановъ.

Верстахъ въ 4 отъ той-же Усть-Волмы близъ порога «Скаряха» (у Шлитова завода) пять сопокъ, по которымъ мѣсто такъ и называется «Пять сопокъ».

---

¹⁾ Черепки изъ Золото-Колѣнской сопки сводятся къ нѣсколькимъ разрядамъ. Къ первому могутъ быть отнесены черепки отъ „русскихъ“ сосудовъ Гнѣздовскаго типа. Изъ нихъ нѣкоторые принадлежатъ тремъ сосудамъ обычной вазообразной формы; два снабжены линеиннымъ (идуцимъ, повидямому, до самаго низа) и волни-

Въ погостѣ Ручьи, близъ Борокъ, 3—4 сопки (со словъ ямщика) У д. Лъзи (недалеко отъ Золотого Колѣна) одна поросшая крупными соснами сопка.

У д. Сурики (противъ Золотого Колѣна) двѣ сопки рядомъ, недалеко отъ деревни, и третья дальше; всѣ три расположены на берегу Мсты. Говорятъ о срытыхъ сопкахъ и еще о двухъ, полуразрушенныхъ: одна въ деревнѣ, другая—близъ нея выше по Мстѣ.

II. Вышне-Волоцкій уѣздъ.

Отправнымъ пунктомъ была выбрана д. Ст. Почвино, гдѣ, по свѣдѣніямъ г. Плетнева, имѣются два удлинненные кургана. На крестьянской землѣ здѣсь нѣтъ кургановъ. На землѣ г. Зяблова на самомъ берегу оз. Мстино расположенъ овальной (близкой къ кругу) формы и довольно высокій курганъ (видѣть его вблизи намъ не удалось). На землѣ

стымъ орнаментами, а одинъ орнаментированъ линейными чертами и лентою изъ тонкихъ зубчатыхъ насѣчекъ, насаженныхъ вкось, какъ у Сизова [см. Матеріалы по Археологій Россіи. № 28, С. П. Б. 1902], стр. 107 рис. 79. Глина среднихъ качествъ, съ умѣренною примѣсью крупнаго песку. Четвертый русскій сосудъ (рис. 4) имѣетъ ту же форму узкой вазы, темнаго или чернаго цвѣта, орнаментъ сплошной изъ широкихъ, но неглубокихъ линейекъ или дорожекъ; умѣренная примѣсь крупной дресвы, сравнительно хорошей обжигъ. Пятый русскій горшокъ среднихъ размеровъ, орнаментъ косой волнистый, примѣсь мала, на поверхности видны мелкія блестящія. По краю вѣнчика идетъ борозка, какъ у Сизова, табл. X, 1. Мѣстной техники того же времени были 2 сосуда. Лучшій изъ нихъ представляетъ широкую и глубокую чашку, въ діаметрѣ 37 сант. Чашка имѣетъ довольно крутой сгибъ къ вѣнчику, гдѣ образуется родъ борозки; вѣнчикъ прямой. Подъ чашкою поддонъ въ видѣ кольца шириною болѣе 2 сант., толщиной до $\frac{3}{4}$ сант., въ діаметрѣ около 15 сант.; вся вышина чашки 14—15 сант. Орнаментъ въ видѣ полоски изъ короткихъ мелкозубчатыхъ насѣчекъ, какъ у Сизова, стр. 104 рис. 76; тѣмъ же узоромъ покрытъ и самый край. Глина съ значительною примѣсью некрупной дресвы, почти городищенскаго типа; отличія не существенны: на поверхности выступаетъ или крупный песокъ, или мелкая дресва, слѣдовъ штриховки нѣтъ. Подобной же техники горшокъ, содержавшій кости, слагающійся почти въ цѣломъ видѣ, 10 сант. вышины (рис. 5). Горшокъ изъ очень грубаго матеріала съ большою примѣсью дресвы, обильно выступающей на поверхности; изломъ прямо комковатый, крайне неровный. Край почти не имѣетъ изгиба. Также ручной работы.

Остальные черепки, найденные въ насыпи кургана, происходятъ, безъ сомнѣнія, изъ мѣстнаго городища. Ихъ много, отъ разныхъ сосудовъ разной величины. Въ общемъ значительная примѣсь дресвы, глина плохо промѣшанная; дресва крупная, выступающая на поверхность рѣдкими точками; цвѣтъ то свѣтлѣе, то темнѣе; по внутренней поверхности вообще замѣтна тонкая штриховка отъ работы рукою при вращеніи посуды. Всѣ собранные вѣнчики прямые, по сгибу плечика борозки; самый край круглый (рис. 4 влѣво верхній). Есть черепки какъ бы отъ блюде, имѣются обломки небольшихъ сосудовъ. Наконецъ, найдены 3 гладкіе черепка, желтые, неопредѣленные, скорѣе всего тоже городищенскіе.

А. С.

же г. Зяблова въ сосновомъ лѣсу въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ дороги въ Городище остатки кургана (?) въ видѣ высокаго ($1\frac{3}{4}$ —2 арш.) земляного кольца, имѣющаго 42 шага въ окружности. По словамъ десятскаго, яма (теперь имѣющая около 1 арш. глубины) вырыта дѣтьми, добывавшими здѣсь корни молодого сосняка для плетения корзинъ. Получены были свѣдѣнія еще объ одномъ курганѣ въ лѣсу того же г. Зяблова, но провѣрить ихъ не удалось.

Въ имѣньѣ «Дымокъ» г. Корель на рабочемъ дворѣ круглый курганъ, весь изрытый ямами для хранения картофеля. Теперешняя высота кургана около сажени; раньше, по словамъ крестьянъ, онъ былъ значительно выше.

Самое интересное въ Ст. Почвицѣ—это расположенное на землѣ того же владѣльца «Игрище»; описаніе и планъ его (не вполне точные) далъ г. Тихоміровъ въ Зап. Русск. Отд. II. Р. А., т. V, вып. 1, 1903 г., стр. 1, рис. 1. Въ объясненіе названія крестьяне передаютъ, что старики сказывали, будто здѣсь въ старину играли-бились богатыри. Не такъ еще давно крестьянская молодежь водила на «Игрищѣ» свои хороводы, но теперь гуляній здѣсь не бываетъ. «Игрище»—довольно значительный полуостровъ, почти островъ, ибо неширокая полоска земли, образующая перешеекъ, даже въ іюнѣ не всюду проходима изъ-за сырости. Ю.-В. сторона «Игрища» обращена къ оз. Метино и представляетъ почти прямую линію съ С.-В. на Ю.-В. длиною около 100 саж. съ очень крутымъ откосомъ къ озеру; длина откоса доходитъ до $4\frac{1}{2}$ саж. По словамъ крестьянъ, озеро размыло здѣсь лѣтъ за 50 около 10 саж. берега; только когда внизу выросъ кустарникъ, этотъ процессъ прекратился. Размывая берегъ вода обнажала въ верхней части откоса въ Ю.-З. концѣ, главнымъ образомъ между упоминаемыми ниже вторымъ и третьимъ возвышеніями на «Игрищѣ», на глубинѣ $\frac{1}{2}$ —1 арш. массу человѣческихъ костей. Говорятъ, что среди костей находили какія-то металлическія вещицы («какъ-будто ложечки», по словамъ крестьянъ); лѣтъ 10 тому назадъ одинъ парень нашелъ будто-бы здѣсь крестъ, который повѣсилъ на сосну близъ деревни. Теперь въ откосѣ костей не видно, но на прибрежномъ пескѣ въ кустарникѣ ихъ еще довольно много разной степени сохранности. Здѣсь же на пескѣ довольно много черепковъ; часть ихъ разнаго состава, работы и, вѣроятно, времени нами взята. Нахожденіе костей крестьяне связываютъ съ бывшимъ здѣсь въ давнія времена кладбищемъ; на немъ была будто-бы и церковь, провалившаяся во время «литейскаго разоренья»; на томъ же мѣстѣ, гдѣ она стояла, теперь заливчикъ, омывающій противополож-

ную сторону «Игрища». Другіе склоны «Игрища» болѣе отлоги, чѣмъ обращенный къ озеру. Концы его Ю.-В. и С.-В. (переходящій въ перешеекъ) сѣужены, и общая форма напоминаетъ вытянутый овалъ, длиною съ С.-В. на Ю.-З. На площади «Игрища» 3 возвышенья: 1) самое большое и ближайшее къ деревнѣ (ближе къ С.-В. концу)—длинный и высокій холмъ, сильно заросшій въ нѣкоторыхъ частяхъ молодымъ лѣсомъ; онъ тянется съ С.-З. на Ю.-В.; 2) приблизительно въ срединѣ «Игрища» второй холмъ, также поросшій кустарникомъ, около 10 саж., идущій въ томъ же направленіи. Площадь между этими возвышеніями распаханая; на пашнѣ попадаются черепки, образцы которыхъ были взяты нами. Пашня здѣсь вновь и ни разу еще не удобрялась, такъ что черепки попали сюда не съ навозомъ. 3) Въ 40—50 шагахъ отъ второго холма на Ю.-З. концѣ площадки «Игрища» лежитъ третье возвышенье; это или одинъ сѣдловидный курганъ или два сильно слившихся своими основаніями круглыхъ съ разными діаметрами. Длина его съ Ю.-З. на С.-В. 7 саж. $2\frac{1}{2}$ арш., ширина Ю.-З. вершины $4\frac{1}{2}$ саж., С.-В. $3\frac{3}{4}$ саж., а между вершинами 3 саж. $2\frac{1}{2}$ арш. Разстояніе между вершинами около 4 саж., высота въ Ю.-З. части около 2 арш., вторая вершина ниже. На первой вершинѣ была неглубокая и узкая ямка.

Получивъ разрѣшеніе произвести на «Игрищѣ» пробную раскопку (съ условіемъ не портить пашни), мы выбрали для нея третье (сѣдловидное) возвышеніе, какъ болѣе интересное по самой формѣ, болѣе близкое къ мѣсту находженія костей (отъ него до откоса всего 2 съ небольшимъ сажени) и болѣе далекое отъ пашни. Взяли ЮЗ. уголь, со стѣнками длиною $7\frac{1}{4}$ арш. и 6 арш. 10 верш. Насыпь кургана состоитъ изъ бѣлаго песку внизу (слой около 4 верш. толщины) и краснаго надъ нимъ (около $1\frac{1}{2}$ арш.). Въ верхнемъ слой насыпи на разстояніи отъ края возвышенія почти 4 арш. оказалось 4 костяка, лежавшихъ близко другъ къ другу головой на СЗ. Успѣли разобрать два изъ нихъ, начиная съ края. Первый длиною 2 арш. 4 в., руки скрещены на мѣстѣ живота, правая на лѣвой. Никакихъ вещей при костякѣ не оказалось. Но найдены 2 заостренныхъ кола (толщиною $1\frac{1}{2}$ дюйма), хорошо сохранившихъ свою форму: одинъ торчалъ (вертикально) въ верхней правой части груди, другой—межъ ногъ повыше колѣнъ. Надъ костякомъ черная масса, подъ нимъ у ногъ съ лѣвой стороны незначительные остатки дерева, лежавшаго горизонтально; почти подъ всѣмъ костякомъ тонкій (около $\frac{1}{2}$ верш.) слой песка съ примѣсью золы и мелкихъ угольковъ. Сохранность костей очень хорошая. Рядомъ дѣтскій

костячекъ, плохо сохранившійся, длиною 1 арш.; надъ нимъ почти на всемъ протяженіи слой дерева (лежавшаго также горизонтально), подъ нимъ тотъ же слой песку съ золой и угольками. Два неразобранныхъ (за позднимъ временемъ) костяка принадлежали взрослымъ. Кромѣ этихъ четырехъ костяковъ въ стѣнкѣ обнаружены 2 плохо сохранившихся черепа отъ костяковъ, лежавшихъ въ нераскопанной части насыпи, ногами на СВ. Положеніе череповъ: первый на глубинѣ $5\frac{3}{4}$ верш. въ $5\frac{1}{4}$ арш. отъ края возвышенія, второй на глубинѣ $9\frac{1}{2}$ верш. въ 6 арш. 6 в. отъ края. Кромѣ того, на разстояніи 12 верш. отъ края надъ находившимися здѣсь сейчасъ же ниже дерна 4 камнями и грудкой угля подъ ними были обнаружены уже въ бѣломъ пескѣ ножныя кости (плохой сохранности) еще одного костяка, лежавшаго, судя по расположенію этихъ костей, головой на С.-З. Нѣсколько отдѣльныхъ косточекъ, а также черепки (всего 24 штуки) и угольки попадались въ разныхъ мѣстахъ и на различной глубинѣ въ насыпи; найдены были еще 2 камня у второй стѣнки въ $9\frac{1}{2}$ в. отъ края возвышенія и одинъ въ насыпи. Когда для опредѣленія высоты насыпи и пластовъ ея въ самомъ углу стали копать глубже, то былъ найденъ небольшой горшечекъ съ зигзагообразнымъ орнаментомъ въ два пояска. Горшечекъ стоялъ на бѣломъ пескѣ; рядомъ съ нимъ обнаружены были ножныя кости еще одного скелета. Такимъ образомъ, создавалось впечатлѣніе, что въ этомъ возвышеніи похоронена въ два ряда одинъ надъ другимъ цѣлая группа людей. Выяснить это окончательно было уже некогда за позднимъ временемъ, да и раскопки имѣли въ виду лишь развѣдку ¹⁾.

Наконецъ, была раскопана заинтересовавшая насъ насыпь на землѣ крестьянъ д. Деревково (рис. 7). Курганъ (?) находился среди пашни, у самой дороги изъ Деревкова въ Зарѣчье. Размѣры его: длина (направленіе 67° отъ N къ O) 11 арш., ширина 8 арш., вышина 1 арш. 9 верш. Форма овальная, но возможно, что суженіе является отчасти результатомъ того, что съ обѣихъ сторонъ по ширинѣ его опахали, межъ тѣмъ какъ по длинѣ соха не коснулась концовъ его. Средина кургана уничтожена пастухомъ, устроившимъ здѣсь себѣ въ 1907 г. шалашъ,

---

¹⁾ Черепки изъ возвышенія на Игрищѣ темные средняго достоинства, съ примѣсью крупной дресвы, въ общемъ умѣренной; работа, можетъ быть, и на станкѣ. Замѣченъ русскій линейный орнаментъ. Вънчикъ гладкій, на плечикахъ боровки. Вообще это черепки городищенской техники и даже формы, представляющіе образцы мѣстной посуды позднѣйшаго времени. Цѣлый горшокъ производитъ впечатлѣніе той же техники; по формѣ и орнаменту онъ близокъ къ горшочку, найденному В. П. Глазовымъ въ курганахъ у дер. Боръ на р. Волнѣ (см. Изв. Имп. Арх. Ком. Вып. 6, стр. 57, рис. 9).
А. С.

уходившій внутрь кургана на 4 арш. при ширинѣ въ 3 арш. 7 вершк. Копая эту яму онъ нашель, по словамъ крестьянъ, черепъ («чел-пашку», по мѣстному), который, по увѣреніямъ однихъ, долго валялся на сосѣдней полосѣ, а, по утвержденіямъ другихъ, былъ закопанъ пастухомъ обратно въ насыпь. При очисткѣ ямы, оставшейся отъ шалаша пастуха, среди мусора были найдены 2 сильно истлѣвшія трубчатая кости; когда и какъ онѣ попали сюда, неизвѣстно. Зачистка стѣнокъ ямы обнаружила, что насыпь состоитъ изъ темно-желтаго (рыжаго) песку съ большимъ количествомъ камней, выступавшихъ особенно въ юго-зап. стѣнкѣ (рис. 8). На курганѣ сверху было нѣсколько мелкихъ камней, набросанныхъ, очевидно, съ пашни.

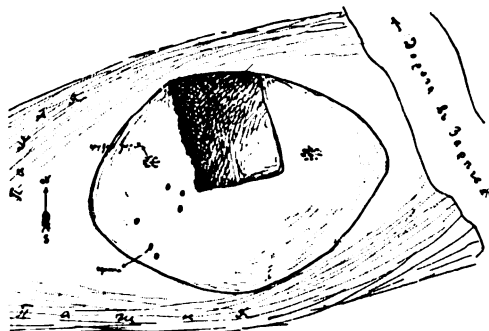

Рис. 7. Планъ насыпи у дер. Деревково.

Раскопка начата была съ С.-В. половины. Подъ дерномъ шель слой указанного цвѣта песку съ довольно большимъ количествомъ мелкихъ и средней величины камней. Ниже (на глубинѣ, въ центрѣ, около $7\frac{1}{2}$ верш.) шла прослойка сѣраго песку съ мелкими угольками, иногда оставлявшими при зачисткѣ только ясно замѣтныя черныя полоски; толщина ея приблизительно отъ 2 вершковъ (у краевъ) до 4 вершковъ (въ центральныхъ частяхъ). Сколько удалось прослѣдить, сѣрая прослойка шла по всей площади этой половины не прерываясь, но отступя отъ краевъ насыпи вершка на четыре. Книзу она постепенно переходитъ въ такой же песокъ, какъ и надъ ней. Этотъ нижній слой рыжаго песку имѣеть въ среднихъ частяхъ до 13—13 $\frac{1}{2}$ верш. толщины; въ немъ попадаетса меньше угольковъ, хотя найдена зато небольшая кучка ихъ; здѣсь меньше и камня. Находки этой половины, черепки, попадались, главнымъ образомъ, въ сѣрой прослойкѣ. Въ юго-западной половинѣ сооруженія не удалось наблюсти тѣхъ же слоевъ. Здѣсь сейчасъ же подъ дерномъ обнаружилось большое количество камня разной величины, набросаннаго, видимо, безъ всякаго порядка (только на С.-В. концѣ возвышенья можно было, пожалуй, видѣть попытку дать правильную кладку по краю возвышенья). Лишь кое-гдѣ на болѣе

Рис. 8. Разрѣзъ насыпи у дер. Деревково.

или менѣ свободныхъ отъ камня мѣстахъ (очень небольшой площади) удавалось при зачисткѣ обнаруживать сѣроватый слой и черныя полоски на немъ (отъ угольковъ?). Груды камня, которыя приходилось иногда съ трудомъ разворачивать, помѣшали и точной локализации находимыхъ здѣсь черепковъ. Въ этомъ мѣстѣ найдено было на разной глубинѣ (иногда чуть не въ дернѣ) нѣсколько черепковъ: всего при раскопкѣ ихъ найдено 39, разнаго состава и работы; иные изъ нихъ не производятъ впечатлѣнія старыхъ. Кромѣ того въ насыпи открыто 6 череповъ, изъ которыхъ 4 очень тонкіе; всѣ они развалились; при одномъ оказалась довольно свѣжая палка. Обычно кости лежали кучей: вверху части черепа, ниже одинъ—два шейныхъ позвонка, еще ниже иногда части реберъ; трубчатыхъ костей найдено (кромѣ вышеуказанныхъ) всего 2, но опредѣлить ихъ отношеніе къ тому или иному черепу изъ-за массы камня, мѣшавшаго зачисткѣ, не удалось. Всѣ кости, сколько позволяютъ судить часто не вполне точныя (мѣшали камни) измѣренія, были найдены приблизительно на одной горизонтали въ нижней части насыпи, но лежавшія внизу иногда оказывались и на материкѣ. Въ одномъ мѣстѣ найдена куча угля съ кусочками неполнѣ обуглившагося дерева. Ниже насыпи шелъ болѣе свѣтлый песокъ со ржавыми прослойками; такой же идетъ здѣсь на полосахъ сейчасъ же подъ тонкимъ слоемъ удобренной почвы. Камень, входящій въ составъ насыпи, могъ быть собранъ прямо на пашиѣ; это обыкновенный дикарь ¹⁾).

Болезнь одного изъ участниковъ поѣздки, оказавшаяся тифомъ, заставила прекратить раскопки и закончить поѣздку.

Были получены еще слѣдующія свѣдѣнія о курганахъ: въ с. Леонтьевѣ есть сопки круглыя (или продолговатыя, по словамъ другихъ) вышиною саж. въ 2; около г. Вышній-Волочекъ близъ большой дороги—2 небольшихъ курганчика (везшія насъ ящики не могъ найти ихъ); недалеко отъ В.-Волочка по проселочной дорогѣ въ д. Лютивлю высокій курганъ (между линіей ж. д. и озеромъ): склонъ къ Лютивлѣ почти часть шара, склонъ къ В.-Волочку очень отлогій, распаханый.

II. Любомировъ.

---

¹⁾ Большинство черепковъ изъ Деревкова относится къ позднимъ черепкамъ городищенскаго типа, собраннымъ на Игрищѣ; есть волнистый орнаментъ. Отмѣчены остатки не менѣ 4 сосудовъ. Другіе черепки русскіе еще болѣе поздніе, плотные, хорошаго обжига, бѣлые; наблюдается линейный орнаментъ. Есть черепки позднѣйшіе, отъ кувшиновъ черной глины. Заслуживаетъ вниманія, что это все черепки отъ большихъ сосудовъ, не погребальныхъ. Вообще описанную насыпь трудно признать курганомъ. А. С.

Отчетъ о раскопкахъ 1911 года въ Гдовскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губ.

По порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества мною въ теченіе іюня мѣсяца были произведены раскопки въ предѣлахъ Гдовскаго уѣзда, направленные, согласно поставленной мнѣ задачѣ, главнымъ образомъ на изслѣдованіе длинныхъ кургановъ, а также на иные памятники древности, съ ними связанные. Нельзя не отмѣтить полной своевременности раскопокъ именно этихъ кургановъ: значительная часть ихъ уже распаивается мѣстнымъ населеніемъ, и черезъ короткое время эти интересные памятники старины, вѣроятно, были бы утрачены для науки.

Въ общей сложности раскопки производились въ теченіе всего мѣсяца, причемъ работа не прерывалась и по праздничнымъ днямъ ¹⁾. Всего раскопано 22 кургана; изъ нихъ 8 длинныхъ (№№ 1, 4—7, 11, 13, 14), 2 удлинненныхъ (№№ 10, 15), 6 круглыхъ съ костяками (№№ 16—18, 20—22) и 6 такихъ же съ трупосоженіями и иныхъ (№№ 2, 3, 8, 9, 12, 19).

Длиннымъ курганомъ принято называть курганную насыпь, длиною въ среднемъ около 20 саж., не особенно высокую, въ видѣ вала съ закругленными концами и весьма отлогими скатами. Курганъ длиною не болѣе, какъ вдвое противъ ширины, съ прямоугольнымъ основаніемъ, съ нѣскольکو закругленными углами скатовъ именуется удлинненнымъ. Въ такомъ именно смыслѣ эти термины приняты въ дальнѣйшемъ изложеніи. Такъ какъ длинные курганы обыкновенно въ каждой отдѣльной группѣ встрѣчаются въ ограниченномъ количествѣ отъ одного до трехъ, то, въ интересахъ изслѣдованія наибольшаго количества такихъ кургановъ, районъ раскопокъ долженъ былъ нѣскольکو расшириться, охвативъ такимъ образомъ деревни Жеребятино, Безъву, Ново-Жуков-

---

¹⁾ Не могу не выразить благодарности С. Ф. Лямпицкой и Ѳ. Н. Никавдрову, любезно разрѣшившимъ раскопки кургановъ на ихъ частно-владѣльческихъ земляхъ.

скую, Новую Желчу (Ломы) и Светлая Вѣшки. Эти курганные насыпи мѣстное население считаетъ могилами древнихъ богатырей, почему длинные курганы и называются богатырями, причемъ почти вездѣ, гдѣ имѣется такой курганъ, происхождение его отмѣчено какой-нибудь поэтической легендой. Въ одномъ селеніи расскажутъ, что, по преданію, два сосѣдніе богатыря перебрасывали другъ другу топоры (разстояніе между «богатырями» версть 5); въ другомъ, что богатырь въ лунную ночь иногда подымается изъ своей вѣковой могилы и съ копьемъ въ рукѣ могучимъ крикомъ зоветъ своего товарища, и т. д. Иногда это повѣрье отражается и на названіи сосѣднихъ урочищъ. Такъ, въ д. Ново-Жуковской протекающій невдалекѣ отъ длинныхъ кургановъ ручей именуется «Богатырскимъ», въ Светлыхъ Вѣшкахъ есть одно озерко «Богатырь», и пр.

Интересно отмѣтить, что длинные курганы рѣдко попадаются самостоятельно и отдѣльно, а почти всегда въ общихъ группахъ съ круглыми. Только одинъ разъ встрѣченъ въ глухомъ сосновомъ бору одинокій «богатырь» (д. Светлая Вѣшки, № 14). Никакихъ иныхъ курганныхъ насыпей по близости не было, и отъ ближайшей курганной группы онъ находился въ полуверстѣ или болѣе. Встрѣчаются также сочетанія длиннаго кургана съ круглымъ въ одной насыпи; въ Светлыхъ Вѣшкахъ раскопана даже насыпь, состоящая изъ трехъ кургановъ: двухъ длинныхъ и одного круглаго ¹⁾). Наряду съ курганами длинными, въ общей группѣ съ ними попадались иногда и удлиненные ²⁾), но послѣдніе значительно меньше въ длину, не такой овальной формы, и скаты ихъ носятъ слѣды нѣкоторой обработки. Къ удлиненнымъ курганамъ, насколько удалось наблюдать, названіе «богатырей» никогда населеніемъ не примѣняется.

Считаю не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о приемахъ раскопки длинныхъ кургановъ. Богатыри были изслѣдуемы продольными и поперечными траншеями. Наболѣе цѣлесообразнымъ оказалось на каждый такой курганъ ставить по 6 рабочихъ, располагая ихъ по двое на тотъ и другой концы кургана, для рытья продольной траншеи, и двоихъ—для проведенія поперечной. Каждая пара становится такимъ образомъ, чтобы при работѣ не мѣшала другъ другу и направленіе раскопа вести навстрѣчу. Ширина траншеи въ среднемъ принималась въ 1¹/₂ арш., съ исключеніями въ томъ случаѣ, если самыя паходки вещей заставили увеличивать размѣръ траншей или измѣнять ихъ направленіе.

Длинные курганы ¹⁾ размѣры имѣли слѣдующіе: ширина въ среднемъ 3 саж., длина 10—23 саж., высота 11 верш.—1 арш. 9 верш.

¹⁾ №№ 11, 12, 13: см. рис. 14.

²⁾ №№ 10, 15.

Всѣ овалной формы, въ видѣ вала съ закругленными концами, съ очень отлогими скатами и мало замѣтными заплывшими ровиками. Любопытной особенностью длинных кургановъ является то обстоятельство, что вдоль основанія всей насыпи на материкѣ тянется, иногда съ перерывами, иногда сплошь, прослойка (1—4 верш. толщиною) бѣлаго песку, поверхность котораго обыкновенно замѣчается мѣстами тонкая угольная лента. По установившейся терминологіи, слой этотъ можно называть угольно-пепельнымъ. Далеко не всѣ длинные курганы были съ вещами ²⁾, но угольно-пепельный слой имѣлся во всѣхъ безъ исключенія. До ровика кургана пепельный слой не доходить, обрываясь раньше, но угольная прослойка въ ровикѣ вновь выступаетъ, и даже ярче, чѣмъ въ остальной насыпи. Большинство раскопанныхъ мною «богатырей», помимо угольно-пепельнаго слоя, содержало въ себѣ еще и ямки, наполненные пережженными костями, и именно въ курганахъ такого рода были сдѣланы находки кое-какихъ вещей. Размѣры такихъ ямокъ были слѣдующіе: діаметръ 5—16 верш., глубина 3—7 верш. Расположены онѣ различно: однѣ надъ угольно-пепельнымъ слоемъ, въ насыпи, другія подъ нимъ; въ послѣднихъ обыкновенно находилось много пережженныхъ, повидимому, конскихъ костей. За исключеніемъ глиняныхъ горшковъ, всѣ остальные находки были сдѣланы именно въ ямахъ второго вида. Найдены бѣдны: желѣзные удила, желѣзная пряжка, мѣдные выпуклыя бляшки, мѣдные украшенія съ орнаментомъ, и нѣкоторыя мѣдные обломки (рис. 4, 16 и 31 № 4). Кроме того, въ нѣкоторыхъ длинныхъ курганахъ ³⁾ были найдены наполненные мелкими пережженными костями глиняные горшки. Точнѣе говоря, кости были заключаемы въ два горшка: въ одинъ онѣ ссыпались, а другимъ накрывались сверху. Положеніе того и другого сосудовъ не было одинаковымъ: въ одномъ случаѣ внутренней глиняный горшокъ ставился на дно, въ другомъ — находился въ опрокинутомъ положеніи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и внѣшній горшокъ ставился различно. Иногда такіе сосуды находились рядомъ, на разстояніи около $\frac{1}{4}$ арш., на одной и той же высотѣ, очевидно въ связи другъ съ другомъ; такъ было, напримѣръ, въ курганѣ № 1. Описанные горшки были расположены надъ угольно-пепельнымъ слоемъ; они грубой работы, изъ очень плохой глины, съ примѣсью кварцевыхъ зеренъ, безъ орнамента.

---

¹⁾ №№ 1, 4, 5, 6, 7, 11, 13, 14.

Изъ длинныхъ кургановъ съ вещами были №№ 1, 5, 11, 13.

²⁾ №№ 1, 5, 11.

Помимо длинных кургановъ, въ общей съ ними группѣ раскапывались и круглые. Всего послѣднихъ было изслѣдовано 5 ¹⁾, не считая одного, принадлежащаго къ Залахтовской группѣ (№ 19). Форма упомянутыхъ кургановъ нѣсколько растянутая; скаты, по большей части, довольно крутые. Размѣры слѣдующіе: діаметръ 12¹/₂—18 арш., высота 11—2 арш. 9 верш. Угольно-пепельный слой (толщ. 1—12 верш.) имѣется во всѣхъ насыпяхъ. Въ нѣкоторыхъ курганахъ поверхъ угольно-пепельнаго слоя видна мѣстами угольная прослойка, въ ровикахъ выступающая еще рѣзче, чѣмъ въ самой насыпи ²⁾. Въ однихъ изъ этихъ кургановъ были обнаружены ямки съ пережженными костями, въ другихъ груды камней (надъ угольно-пепельнымъ слоемъ), а въ нѣкоторыхъ только угольно-пепельный слой. Находокъ въ видѣ вещей не было, за исключеніемъ одного случая, когда въ курганѣ № 2 (Жеребятино) въ насыпи были найдены такія же, какъ и въ длинныхъ курганахъ, двѣ пары глиняныхъ горшковъ, наполненныхъ пережженными костями; кромѣ того, въ той же насыпи былъ найденъ обломокъ мѣднаго браслета (рис. 16 № 3).

Что касается удлиненныхъ кургановъ, то ихъ было раскопано всего два (№ 10 и № 15). Размѣры ихъ слѣдующіе: длина 15 арш. и 22 арш., ширина одна и та же—11 арш., высота также одинакова, 1¹/₂ арш. Основаніе прямоугольной формы, съ нѣсколько закругленными углами; скаты довольно прямые и носятъ слѣды нѣкоторой обработки. Вокругъ насыпи рвы. Имѣется угольно-пепельный слой. Въ обоихъ найдены ямки съ пережженными костями, причемъ расположеніе ямъ различно: и подъ угольно-пепельнымъ слоемъ, и надъ нимъ. Вещей найдено не было.

І. Д. Жеребятино.

Группа кургановъ находится въ 2-хъ вер. отъ деревни и саженьяхъ въ 300 отъ мызы того же имени. Насыпи расположены на слегка холмистой мѣстности, въ пустоши, носящей названіе «Воронкино». Мѣсто это когда то служило для пашни, но потомъ было запущено, и теперь здѣсь растетъ молодой смѣшанный лѣсъ. Въ этой группѣ имѣются между прочимъ три большіе круглые кургана, раскопанные мѣстнымъ археоло-

¹⁾ №№ 2, 3, 8, 9, 12.

²⁾ Угольно-пепельный слой на рисункахъ изображенъ штрихами съ наклономъ въ правую сторону, а угольная прослойка на этой штриховкѣ изображена въ видѣ тонкой черной полосы.

гомъ К. Д. Трофимовымъ; въ нихъ никакихъ находокъ, кромѣ глиняныхъ горшковъ, кажется, сдѣлано не было. Любопытно, что ровики вокругъ этихъ кургановъ замѣтны весьма отчетливо даже при наружномъ осмотрѣ, чего совсѣмъ нельзя сказать относительно здѣсь же раскопанныхъ кургановъ № 1 и № 2.

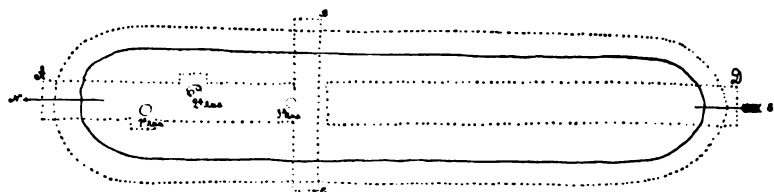

Рис. 2. Тотъ же курганъ.

Курганъ № 1. Длинный, валообразной формы. Размѣровъ $69 \times 14 \times 1$ арш. Поверхность кургана покрыта деревьями, которые по большей части очень мелки и рѣдки. Имѣеть уклонъ съ сѣвера на югъ, сообразно паденію мѣстности, окруженъ заплывшими землею ровиками. Размѣръ стараго рва можно опредѣлить въ глубину 4 верш. (толщина считается отъ угольной прослойки), при ширинѣ $1\frac{1}{2}$ арш.

Рис. 3. Тотъ же курганъ.

Въ поперечномъ профилѣ (рис. 3) строеніе рва представляется довольно сложнымъ. Ровъ какъ бы раздвоенъ на двѣ части; верхняя имѣеть угольную прослойку, причемъ у рва съ восточной стороны (рис. 3, С) и нижняя его часть какъ будто имѣеть нѣкоторую примѣсь угля вверху. Естественно думать, что нижняя часть разрѣза представляетъ собою первый ровъ, засыпанный опавшею насыпью, а верхняя—остатки какого-то второго рва, болѣе поздняго, также заплывшаго землею. Въ насыпи находится угольно-пепельный слой, который съ перерывами тянется по материкъ на протяженіи 56 арш. 13 верш. Наибольшая толщина его, приблизительно по серединѣ, но ближе къ сѣверному концу кургана, равняется $4\frac{1}{2}$ верш.; приближаясь къ рвамъ, слой становится тоньше и наконецъ совсѣмъ обрывается, не доходя до начала рва съ сѣверной

Рис. 1. Жеребятино. Курганъ № 1.

стороны 3 арш. 10 в., а съ южной—5 арш. Поверхъ угольно-пепельнаго слоя мѣстами проступаетъ угольная прослойка. Обнаружены слѣды 3-хъ ямъ. Первая расположена въ насыпи, надъ угольно-пепельнымъ слоемъ, круглая; размѣры ея: ширина 9 дм., глубина 7 дм. Въ ямѣ мелкія пережженные кости и черепки изъ грубой глины, не орнаментированные. Кромѣ того, здѣсь собраны слѣдующія вещи: 1) желѣзныя

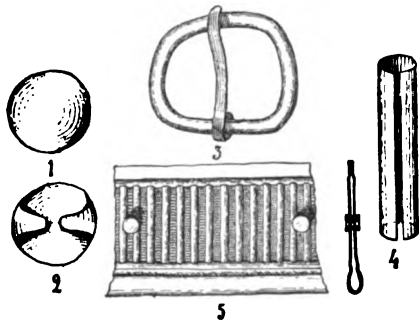

Рис. 4. Вещи изъ кург. № 1 (Жеребятино). № 4 изъ кургана № 13 (Вѣшки).^{1/1}.

удила (рис. 31 № 4); 2) 4 обломка мѣдныхъ украшеній-пластинокъ отъ какого-то набора (рис. 4 № 5); 3) желѣзная пряжка (рис. 4 № 3); 4) мѣдныя выпуклыя бляшки (рис. 4 № 1 и 2). Черепковъ не было. Вторая яма расположена подъ угольно-пепельнымъ слоемъ. Въ ней оказались двѣ пары горшковъ въ разстояніи $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ арш. другъ отъ друга, съ пережженными мелкими костями.

Каждая пара представляетъ изъ себя одинъ внутренній горшокъ (съ костями), другой внѣшній, покрывающій первый. Внутренній сосудъ поставленъ на дно; размѣры его: высота 8 дм., діаметръ въ верхней части 7 дм.; размѣры внѣшняго горшка: высота 10 дм., діаметръ вверху 10 дм. Горшки грубой выдѣлки, изъ плохой глины съ примѣсью кварцевыхъ зеренъ, безъ орнамента. Третья яма, глубины и ширины по 9 верш., расположена въ насыпи надъ угольно-пепельнымъ слоемъ. Въ ней найдены мелкія, а также и крупныя, пережженные лошадиныя кости.

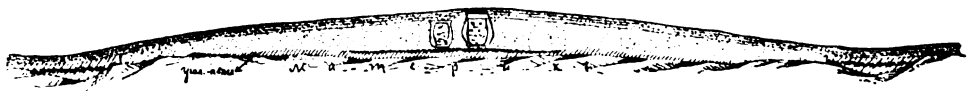

Рис. 5. Разрѣзъ кургана № 2 (Жеребятино).

Курганъ № 2. Круглый, размѣровъ 16 арш. × 11 верш. Насыпь песчаная, сильно распаханная; можетъ быть, этимъ и объясняется, что горшки въ курганѣ были найдены всего на глубинѣ 1 верш. отъ верха насыпи. Вершина плоская, скаты очень отлогіе. Вокругъ заплывшій ровикъ; размѣры его 4 верш. × 1 арш. 10 верш.; поверхъ наплывшей въ него земли угольная прослойка. Въ насыпи на материкѣ угольно-пепельный слой; толщина его 1—4 верш., уменьшающаяся по направленію отъ центра къ краямъ насыпи; не доходя $1\frac{1}{2}$ —2 арш. до начала рововъ этотъ слой совсѣмъ обрывается. На протяженіи примѣрно

6 арш. поверхъ угольно-пепельнаго слоя тянется угольная лента. Въ насыпи надъ угольно-пепельнымъ слоемъ найдены: 1) двѣ пары глиняныхъ горшковъ съ мелкими пережженными костями, причемъ внутренніе горшки вставлены во внѣшніе вверхъ дномъ. Горшки грубой работы, изъ плохой глины, смѣшанной съ кварцевыми зернами. Одна пара по размѣрамъ нѣсколько больше другой. Размѣры первой слѣдующіе: а) внѣшняго горшка высота 10 дм., діаметръверху 10 дм., в) внутренняго горшка: высота 8 дм., діаметръ въ верхней его части 7 дм. Размѣры второй пары горшковъ нельзя опредѣлить, въ виду ихъ плохой сохранности. Въ просѣянной землѣ, взятой съ площадки, на которой стояли горшки, найденъ обломокъ мѣднаго пластинчатаго бласлета (рис. 16 № 3).

II. Д. Безъва.

Группа изъ 5 кургановъ расположена въ разстояніи 1 версты въ восточномъ направленіи отъ деревни. Съ западной стороны протекаетъ р. Еглинка, которую пересѣкаетъ дорога изъ д. Безъвы въ д. Дуброшкино. Группа съ юга примыкаетъ къ пашнѣ, такъ что одинъ курганъ (№ 4) сталъ уже распахиваться, а съ сѣвера покрыта кустарникомъ. Раскопаны здѣсь два кургана: длинный (№ 4) и круглый (№ 3).

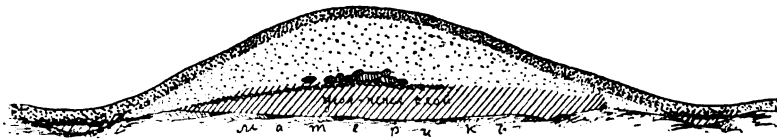

Рис. 6. Разрѣзъ кургана № 3 (Безъва).

Курганъ № 3. Круглый, размѣровъ 18 арш. $\times$ 2 арш. 9 верш. Насыпь песчаная, хорошей сохранности; поверхность покрыта кустарникомъ. Вершина овальная, склоны крутые, кругомъ насыпи заплывшій ровъ, размѣры котораго 4 верш. $\times$ $1\frac{1}{2}$ арш.; поверхъ него угольный слой. Въ насыпи на материкѣ угольно-пепельный слой толщиной 1—12 верш.; по направленію отъ центра къ краямъ насыпи онъ становится тоньше и совсѣмъ не доходитъ до начала рва на $1\frac{1}{2}$ —2 арш.; поверхъ этого слоя, пересѣкая его съ одной стороны, видна угольная прослойка на протяженіи около 9 арш. Въ насыпи надъ угольно-пепельнымъ слоемъ найдена груда (10—12) камней, размѣровъ 6 $\times$ 4 $\times$ 6 верш. Самый большой, лежавшій по срединѣ камень имѣлъ размѣры 12 $\times$ 10 $\times$ 10 верш. Отдѣльныя пятна пепельнаго слоя попадаются также и по всей насыпи. Никакихъ находокъ не было.

Курганъ № 4. Длинный, валообразной формы, размѣровъ $48 \times 13 \times 1$ арш. 2 верш. Насыпь песчаная, распаханная. Поверхность кургана кое-гдѣ покрыта кустиками. Окруженъ заплывшимъ равикомъ, размѣръ котораго 4 верш. $\times 1\frac{1}{2}$ арш.; поверхъ него—угольная прослойка. Въ насыпи, приблизительно по материкъ, тянется угольно-пепельный слой, но съ перерывами, очень неправильно; въ одномъ мѣстѣ онъ даетъ отъ себя, съ расширеніемъ въ видѣ воронки, отрогъ до самаго верха насыпи. Наибольшая толщина угольно-пепельнаго слоя 4 верш., причемъ въ разныхъ мѣстахъ она неодинакова, хотя въ общемъ и меньше у краевъ насыпи, чѣмъ у ея середины. Какъ обычно, до ровъ угольно-пепельный слой не доходить, и поверхъ него угольной прослойки не замѣтно. Никакихъ ямъ, костей или другихъ находокъ не обнаружено.

Д. Ново-Жуковская.

Группа насыпей расположена въ 1 верстѣ отъ деревни, на пустоши «Паленая Грива», по обѣимъ сторонамъ дороги изъ Дуброшкина въ

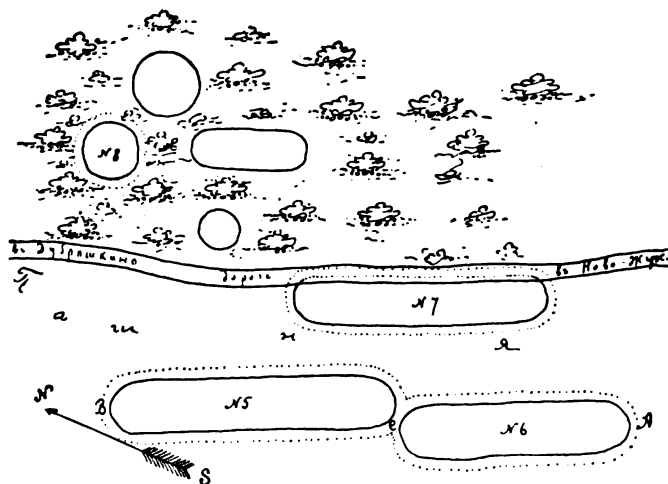

Рис. 7. Группа кургановъ у дер. Ново-Жуковской.

Ново - Жуковскую (рис. 7). Мѣстность имѣетъ замѣтный уклонъ съ В. на З. Курганы на юго-западъ отъ дороги расположены на пашнѣ (№№ 5, 6, 7), а на сѣверо-востокъ—въ лѣсу (№ 8). Изъ длинныхъ кургановъ два (№№ 5 и 6) замѣтно попорчены распаханіемъ, а одинъ (№ 7) совсѣмъ развѣзженъ со стороны, прилегающей къ дорогѣ. Длинные курганы мѣстнымъ населеніемъ называются «богатырями», откуда и ручей, протекающій шагахъ въ 200-хъ на сѣверъ отъ группы, носитъ названіе «Богатырскаго». По преданію, въ этихъ курганахъ похоронены великаны-богатыри. Курганъ № 5 называется Большимъ Богатыремъ, № 6—Малымъ.

Курганъ № 5. «Большой Богатырь» (рис. 8—10). Длинный валообразной формы, размѣровъ $40 \times 9 \times 1$ арш. Насыпь песчаная,

сильно распаханная, засѣяна льномъ, окружена заплывшимъ рвомъ. Размѣры рва $4\frac{1}{2}$ верш. $\times$ 1 арш. 10 верш.; поверхъ залившей его

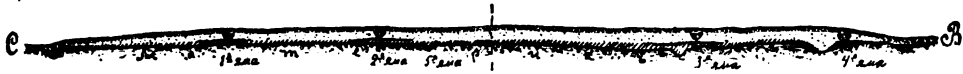

Рис. 8. Курганъ № 5 у дер. Ново-Жуковской.

земли видна угольная прослойка. Въ насыпи, по матеруку, тянется угольно-пепельный слой; толщина его 1—4 верш., причемъ она уменьшается по направлею къ краямъ насыпи отъ ея центра. Этотъ слой имѣетъ небольшой перерывъ недалеко отъ сѣв.-зап. конца кургана и совсѣмъ обрывается здѣсь, не доходя до края рва, у Ю.-В. же конца подходит къ самому рву. Въ районѣ расположенія третьей ямы поверхъ угольно-

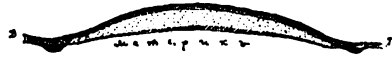

Рис. 9. Тотъ же курганъ.

пепельнаго слоя замѣтна угольная прослойка. Въ курганѣ обнаружены слѣды пяти круглыхъ ямъ; всѣ, кромѣ пятой, надъ угольно-пепельнымъ слоемъ. Первая шир. 9 верш., глуб. 5 верш.; въ ней только пережженные кости. Вторая ширин. 6 верш., глубин. 4 верш.; въ ней мелкія пережженные кости и черепки отъ горшковъ, вставленныхъ, видимо, одинъ въ другой такимъ образомъ,

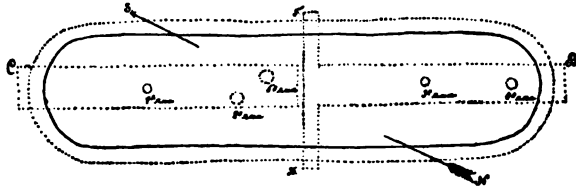

Рис. 10. Тотъ же курганъ.

что внутренній обращенъ вверхъ дномъ. Третья такого же размѣра; найдено немного пережженныхъ костей. Четвертая такого же размѣра; найдено немного пережженныхъ костей, въ ямѣ попадались угли. Пятая (расположенная подъ угольно-пепельнымъ слоемъ) шириною 10 верш., глубиною 7 верш.; найдены сильно пережженные кости, перемѣшанные съ зольнымъ слоемъ.

Въ этомъ курганѣ интересно отмѣтить различіе въ размѣрахъ ямъ съ пережженными костями, а также то обстоятельство, что въ ямахъ меньшаго размѣра костей значительно меньше и кости эти болѣе мелки и хрупки; не возможно ли предположеніе, что эти погребенія дѣтскія?

Курганъ № 6, «Малый Богатырь». Длинный, валообразной формы, размѣровъ $40 \times 9 \times 1$ арш. Насыпь песчаная, сильно распаханная, засѣяна льномъ, окружена заплывшимъ рвомъ. Размѣръ поперечнаго сѣченія стараго рва $3 \times 1\frac{1}{2}$ арш.; въ верхней его части, какъ обычно, угольная перослойка. Угольно-пепельный слой имѣлъ толщину 1—3 верш.,

и лишь въ одномъ мѣстѣ переходить въ яму до 12 верш. глубиною (рис. 11). Почти по самой серединѣ продольнаго профиля кургана угольно-пепельный слой обрывается на протяженіи темнаго болѣе 1 арш.; до ровъ слой этотъ не доходить около 1 арш.; угольной прослойки поверхъ него не замѣтно. Слѣдовъ ямъ и вообще находокъ не обнаружено.

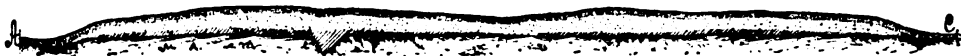

Рис. 11. Курганъ № 6 у дер. Ново-Жуковской.

Курганъ № 7. Длинный, валообразной формы, размѣровъ $49 \times 6\frac{1}{2} \times 1$ арш. Одна длинная сторона его, примыкающая къ проселочной дорогѣ, развѣзжена. Поверхность насыпи покрыта пнями срубленныхъ деревьевъ. Насыпь песчаная, окружена ровикомъ. Угольно-пепельный слой на материкѣ имѣется. За трудностью выкорчевки пней, возможно было только прокопать курганъ поперечной траншеей. Находокъ не было.

Курганъ № 8. Круглый, размѣровъ $12\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{4}$ арш. Имѣеть покатость на Ю.-З.; поверхность покрыта кустами и деревьями. Насыпь

Рис. 12. Курганъ № 8 у дер. Ново-Жуковской.

песчаная, нѣсколько попорчена съ одной стороны грабительской раскопкой, окружена ровомъ (размѣровъ 2 верш $\times$ 1

арш. 2 верш.). Во рву обычная угольная прослойка. Угольно-пепельный слой имѣется; его толщина 1 — 4 верш., причемъ ближе ко рвамъ она уменьшается; до края ровъ угольно-пепельный слой не доходить на $1\frac{3}{4}$ арш. Никакихъ находокъ не обнаружено.

IV. Д. Новая Желча (Ломы).

Группа кургановъ находится въ $\frac{3}{4}$ вер., въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ деревни и состоитъ изъ удлинненныхъ и круглыхъ насыпей. Изъ удлинненныхъ кургановъ одинъ совершенно попорченъ картофельными ямами, другой (№ 10) отчасти. Тѣ изъ круглыхъ кургановъ, которые находятся рядомъ съ удлинненными, раскопаны К. Д. Трофимовымъ. Они довольно большого діаметра и съ высокой насыпью. Шагахъ въ 250 расположена на запущенномъ полѣ еще группа круглыхъ кургановъ, но меньшихъ размѣровъ и съ низкой насыпью. Изъ нихъ раскопанъ мною одинъ (№ 9).

Курганъ № 9. Круглый, размѣровъ $15 \times 1\frac{1}{2}$ арш. Насыпь изъ хвещевого песку, окружена ровикомъ, размѣры котораго 5 верш. $\times$ 1 арш. 12 верш. Замѣтна неясная угольная прослойка поверхъ земли, заполнившей ровъ. Въ насыпи по матерiku тянется слабый угольно-пепельный слой, толщиной 1—2 верш.; становится тоньше по направленію отъ центра къ краямъ и не доходить до края

Рис. 13. Курганъ № 9 у дер. Новая Желча.

ровъ $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ арш.; поверхъ его угольная прослойка. Въ верхней части насыпи, вершкахъ въ 2-хъ отъ поверхности, обнаружена угольная яма, чечевицевидной формы, безъ костей, шириною 8, вышиною 6 верш. Въ глубинѣ насыпи, посерединѣ ея, на угольно-пепельномъ слоѣ найдены два камня, размѣровъ приблизительно $6 \times 6 \times 6$ верш.

Курганъ № 10. Удлиненный, съ прямоугольнымъ основаніемъ, размѣровъ $22 \times 11 \times 1\frac{1}{2}$ арш. Съ западной стороны, гдѣ курганъ примыкаетъ къ пашнѣ, откосы круче. Насыпь песчаная, отчасти попорчена картофельными ямами, окружена рвомъ, который со стороны пашни не сохранился. Размѣры рва 3 верш. $\times$ 1 арш. 4 верш. Слѣдуетъ отмѣтить, что угольная прослойка во рву была замѣчена не поверхъ него, а внизу, по дну рва. Угольно-пепельный слой въ насыпи, расположенный на материкѣ, имѣлъ толщину 1—3 верш. и становится тоньше въ направленіи отъ середины насыпи ко рвамъ, до которыхъ не доходить на 1 арш. 4 верш. и 2 арш. 1 верш. Подъ угольно-пепельнымъ слоємъ обнаружена яма размѣровъ 9×5 верш., наполненная пережженными костями, смѣшанными съ густымъ угольнымъ слоємъ. Находокъ не было.

В. Д. Свѣтлыя Вѣшки.

Здѣсь имѣется группа длинныхъ, удлиненныхъ и круглыхъ кургановъ; она находится въ разстояніи 1 версты отъ Свѣтлыхъ Вѣшекъ въ сѣверномъ направленіи и расположена по обѣимъ сторонамъ проселочной дороги, идущей черезъ эту лѣсистую мѣстность изъ д. Порозово въ Свѣтлыя Вѣшки. Вблизи самой дороги построена небольшая каменная часовенка, въ которой хранится каменный крестъ, весьма почитаемый крестьянами ближайшихъ деревень. По мѣстному преданію, это крестъ Іоанна Крестителя, найденный когда-то на мѣстѣ теперешней часовни. По сторонамъ послѣдней имѣются еще два каменныхъ креста,

но меньшихъ размѣровъ, чѣмъ первый; на всѣхъ трехъ неразборчивыя надписи.

Въ этой группѣ встрѣтилось интересное сочетаніе двухъ длинныхъ кургановъ (№ 11 и № 13) съ однимъ круглымъ (№ 12) въ одной

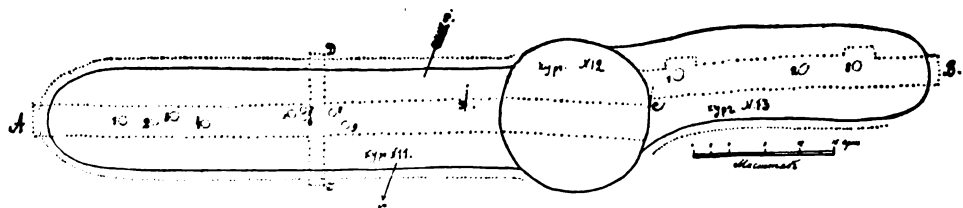

Рис. 14. Курганы №№ 11, 12, 13 у дер. Свѣтлая Вѣшки.

насыпи. Кромѣ длиннаго кургана № 14, нѣтъ по сосѣдству никакой кургано-образной насыпи; ближайшая къ нему группа кургановъ (у часовни), находится на разстояніи $\frac{1}{2}$ версты. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что мѣстность вокругъ кургана № 14 лѣсиста, нѣсколько болотиста и кочкообразна. Длинные курганы здѣсь называются также «Богатырями», почему и находящееся невдалекѣ озерко носить также названіе «Богатырь».

Курганъ № 11. Длинный валообразной формы, размѣровъ 54 арш. $\times$ 11 арш. $\times$ 1 арш. 6 верш. (рис. 14 и 15), имѣетъ уклонъ съ Ю.-З. на С.-В. При-
 матыкаетъ къ насыпямъ № 12 и 13. С.-В. конецъ кургана подходит къ про-
 селочной дорогѣ. Поверх-

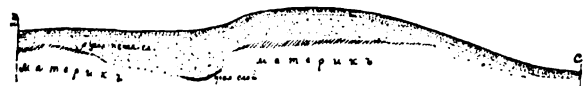

Рис. 15. Разрѣзъ кургана № 11 и № 12 по Д. С.

ность покрыта молодымъ соснякомъ и ельникомъ. Насыпь песчаная, окружена рвомъ, размѣръ котораго приблизительно 5 верш. $\times$ 1 арш. 4 верш. Поверхъ земли, ровикъ не вездѣ можно было замѣтить. По материкъ въ насыпи виденъ угольно-пепельный слой, толщины 1—4 верш.; приближаясь къ рвамъ, онъ становится постепенно тоньше; съ С. В. стороны этотъ слой обрывается, не доходя до начала рва около 6 арш. Поверхъ угольно-пепельнаго слоя, въ районѣ обнаруженныхъ здѣсь ямъ, замѣтна угольная прослойка.

Въ курганѣ обнаружено 9 ямъ, всѣ надъ угольно-пепельнымъ слоемъ. Въ первой и второй найдены по глиняному горшку, изъ плохой глины, простой отдѣлки, безъ орнамента; оба горшка были наполнены мелкими пережженными костями. Третья размѣровъ 5 $\times$ 3 верш.; въ ней найдены пережженные кости. Четвертая размѣровъ 8 $\times$ 5 верш.; въ ней тоже пережженные кости. Пятая, шестая и седьмая размѣровъ

5 × 3 верш.; съ пережженными костями. Восьмая раз-
мѣровъ 8 × 4 верш., съ пережженными костями. Девятая раз-
мѣровъ 5 × 8 верш., съ пережженными костями.

Курганъ № 12,
круглый, размѣровъ 12
арш. × 1 арш. 5 верш.,
песчаный; входитъ въ
одну насыпь съ курга-
нами № 11 и № 13.
Слѣдовъ отъ рва неза-
мѣтно. Вершина немного
попорчена хищнической
раскопкой, послѣ кото-
рой остались слѣды въ
видѣ разбросанныхъ по-
верху мелкихъ переж-
женныхъ костей. Уголь-

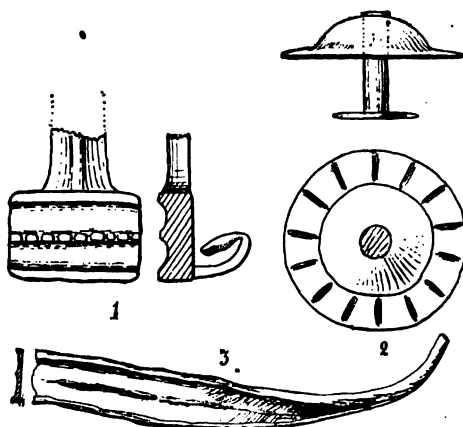

Рис. 16. Вещи изъ кургана № 2 (дер.
Жеребятино) и изъ кург. № 13 (Свѣтл.
Вѣшка). ¹/₄.

но-пепельный слой не имѣетъ обычной угольной прослойки
въ верхней части; толщина его 1—4 верш. Никакихъ нахо-
докъ не обнаружено.

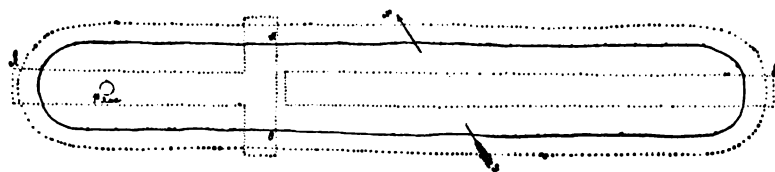

Рис. 18. Тотъ же курганъ.

Курганъ № 13. Длинный, валообразной формы, пе-
счаный, размѣровъ 30 арш. × 10 арш. × 13 верш. При-
мыкаетъ къ кургану № 12; имѣетъ уклонъ на Ю.-З., при-

9 арш. по М.О

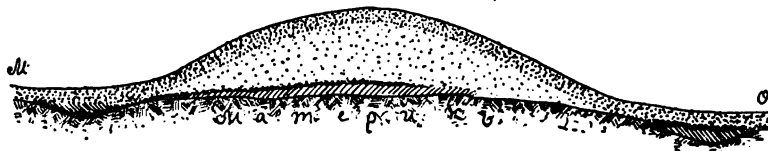

Рис. 19. Тотъ же курганъ.

чемъ, постепенно понижаясь, сливается съ окружающей по-
верхностью. Вдоль насыпи идутъ заплывшіе ровики, посте-
пенно сходя на нѣтъ. По матеріку тянется обычный угольно-

Рис. 17. Курганъ № 14 у дер. Свѣтлыя Вѣшки.

пепельный слой, толщиной довольно равномерною въ 3 верш., становясь тоньше (до 1 верш.) только у концов кургана; до рвовъ онъ не доходилъ. Угольная прослойка поверхъ угольно-пепельнаго слоя мѣстами замѣтна, особенно въ районѣ обнаруженныхъ въ насыпи кургана ямъ, которыхъ всего оказалось три, всѣ подь угольно-пепельнымъ слоемъ. Первая шириною 12 × 8 верш., глубиною 6 верш.; въ ней мелкія пережженные кости и мелкія выпуклыя бляшки (типа рис. 4 № 1—2). Вторая яма имѣеть нѣсколько вытянутую форму, шириною 16 × 9 верш., глубиною 7 верш. Одна часть ея расположена въ угольно-пепельномъ слое и даже нѣсколько выше него, а другая — уходитъ довольно глубоко въ насыпь подь угольно-пепельный слой. Въ верхней части ямы найдены пережженные кости, въ нижней—19 такихъ же мѣдныхъ бляшекъ. Третья яма размѣровъ 10 × 8 верш.; въ ней найдены пережженные кости, 40 мѣдныхъ выпуклыхъ бляшекъ, часть язычка мѣдной пряжки (рис. 16 № 1), мѣдная бляшка въ видѣ заправки (рис. 16 № 2), свернутая мѣдная трубочка (рис. 4 № 30) и 2 мѣдные обломка.

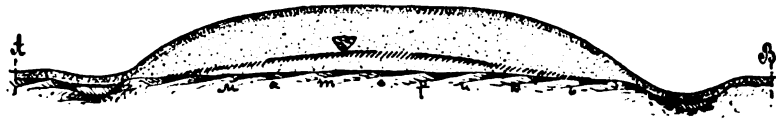

Рис. 20. Курганъ № 15 у дер. Свѣтлыя Вѣшки.

Курганъ № 14. Длинный, валообразной формы, размѣровъ 60 арш. × 12 арш. 10 верш. × 1 арш. 10 верш. Расположенъ въ сосновомъ лѣсу. По близости нѣтъ никакихъ курганообразныхъ насыпей; почва нѣсколько болотиста и кочкообразна. Поверхность кургана покрыта рѣдкими соснами, причеь въ С.-В. концѣ кургана имѣется широкая яма отъ выкорчеваннаго пня (она замѣтна и на продольномъ профилѣ, рис. 17). Насыпь состоитъ изъ твердаго грунта, въ которомъ

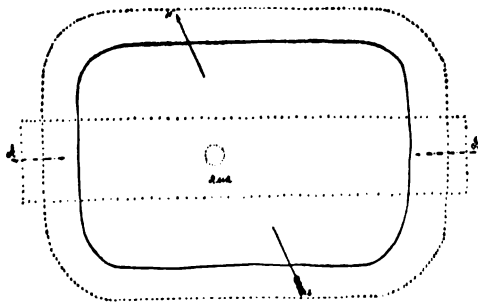

Рис. 21. Тотъ же курганъ.

песокъ смѣшанъ съ мелкимъ гравіемъ, и съ трудомъ поддается заступу. Окруженъ рвомъ, размѣровъ 4 верш. × 1 арш. 15 верш. (см. на поперечномъ профилѣ). Угольная прослойка во рвахъ выступаетъ различно: въ одномъ она идетъ по дну, въ другомъ — поверхъ занявшей его земли. Угольно-пепельный слой толщиной 1—4 верш.; съ одной стороны онъ подходит къ самому началу рва, съ другой—обрывается

на разстояніи 3 арш 10 верш. отъ края рва. Поверхъ угольно - пепельнаго слоя замѣтна мѣстами слабая угольная прослойка. Обнаруженъ слѣдъ одной ямы, размѣровъ 8×5 верш., расположенной подъ угольно-пепельнымъ слоемъ; въ ней найдены пережженные кости съ примѣсью угля.

Курганъ № 15. Удлиненный съ прямоугольнымъ основаніемъ, размѣровъ $15 \times 11 \times 1\frac{1}{2}$ арш.; откосы носятъ слѣды обработки.

Насыпь песчаная, окружена рвомъ (размѣровъ 4 верш. $\times$ $1\frac{1}{2}$ арш.); поверхъ рва угольная прослойка. Угольно-пепельный слой расположенъ, кажется, повыше материка (какъ показано и на чертежѣ, см. рис. 20), хотя точность здѣсь, въ виду песчанаго грунта, невозможна. Толщина угольно-пепельнаго слоя 1—2 верш.; до рвовъ онъ не доходитъ; угольная прослойка въ верхней его части имѣется. Обнаруженъ слѣдъ одной ямы, расположенной надъ угольно - пепельнымъ слоемъ, размѣровъ 9×2 верш.; въ ней пережженные кости съ замѣтной примѣсью угля.

VI. Д. Залахтовье.

Группа здѣшнихъ кургановъ, число которыхъ доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ, находится въ 1 в. отъ д. Залахтовья, на берегу Чудскаго озера, въ сосновомъ лѣсу казенной Залахтовской дачи. Курганы расположены по обѣимъ сторонамъ дороги, идущей изъ с. Ремды въ г. Гдовъ. Въ этой группѣ есть и длинные курганы валообразной формы, и круглые. Послѣдніе различныхъ размѣровъ, съ высокой и низкой насыпью. Благодаря тому, что земля принадлежитъ казнѣ, грабительскихъ раскопокъ замѣтно очень мало. Курганы были уже изслѣдуемы К. Д. Трофимовымъ ¹⁾ и А. А. Спицынымъ. Мною раскопано здѣсь 7 кургановъ ²⁾, изъ которыхъ одинъ оказался съ трупосожженіемъ (№ 19), остальные дали погребенія съ костяками.

Что касается самихъ приемовъ работы, то чаще всего примѣнялся способъ раскопки траншеями или секторами, съ сохраненіемъ вертикальныхъ стѣнокъ для болѣе удобнаго изученія профиля. Работа велась при помощи 4 человекъ, причемъ одновременно производилась раскопка 2-хъ кургановъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы раскопка одного начиналась въ то время, когда въ другомъ работа подходила къ концу. Это дѣлалось въ интересахъ лучшаго контроля, а также для того, чтобы возможно

¹⁾ Трофимовъ К. Раскопки кургановъ при д. Залахтовье. М. 1909.

²⁾ №№ 16—18, 20—22.

было окончить разбор костяка въ одномъ курганѣ раньше, чѣмъ обнаружится такое же погребеніе въ другомъ.

Курганы, заключавшіе погребенія съ костякомъ, дали богатые находки. Раскопанные курганы были разбровъ въ діаметрѣ 7 арш. 2 верш.— $12\frac{3}{4}$ арш., въ высоту $\frac{3}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ арш. Всѣ окружены рвами. Найденные въ могилахъ костяки обращены головой на востокъ, за исключеніемъ одного случая (кург. № 21), гдѣ было принято противоположное направленіе. Всѣ погребенія впускныя, на глубинѣ 10—12 верш.

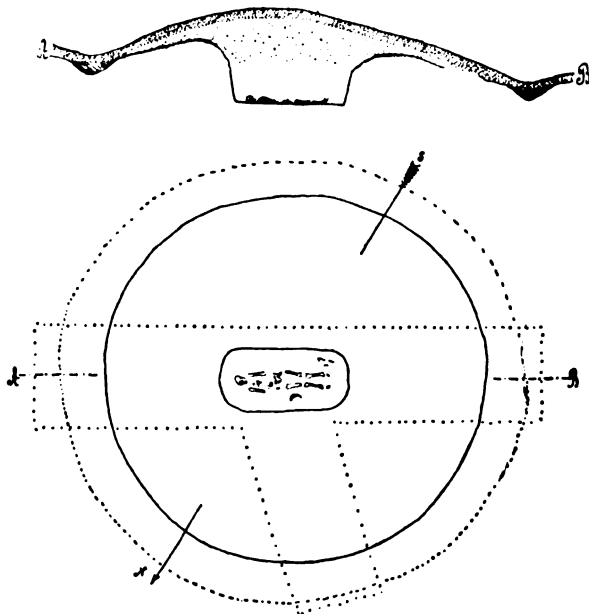

Рис. 22 и 23. Залахтовье. Курганъ № 16.

При большинствѣ погребеній въ ногахъ найденъ глиняный горшокъ, или черепки отъ него, съ орнаментомъ параллельнымъ и волнистымъ. Браслеты имѣлись и при мужскихъ, и женскихъ костякахъ. У нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ были находимы серпы, у иныхъ копыя. Изъ находокъ слѣдуетъ отмѣтить особую ткань (кольчужная) съ вплетенными въ нее мѣдными спиральками.

Курганъ № 16. Круглый, разбровъ $12 \times 1\frac{1}{4}$ арш. (рис. 22 и 23). На-

сыпь песчаная, окружена ровикомъ; разбры старого рва 3 верш. $\times$ 1 арш. Въ насыпи замѣтенъ тонкій угольный слой, который, начинаясь почти отъ самыхъ рововъ, повышается къ серединѣ насыпи. Разбры могилы 3 арш. $\times$ 15 верш. $\times$ 12 верш. Длина костяка до плечъ 2 арш. 2 верш. Онъ лежитъ головою на С.-В.: 65° , сохранился удовлетворительно. На шеѣ ожерелье изъ бусъ: одна большая съ глазками (рис. 26, № 3), четыре бусы типа Глаз. XXV, 57, мелкія бусы типа Глаз. XXV, 44. На шеѣ, а также у лѣвой стороны глаза 9 бусъ: одна большая съ глазками рис. 26 № 3, серебряная, съ пояскомъ изъ зернчатыхъ зубцовъ (рис. 26 № 5), четыре бусы (зеленая, желтая, коричневая, бѣлая) типа Глаз. XXII, 49, серебряная темная съ глазками (рис. 26 № 2), двѣ янтарнаго цвѣта съ выпуклостями (типа Глаз. XXII, 55). На плечахъ остатки кольчужной ткани со спиральками; такая же ткань на ру-

кахъ и у пояса (типа рис. 28, № 3). На рукахъ браслеты, одинъ массивный мѣдный, типа Бранд. IV, 14, другой тонкій типа Иван. III, 2. У праваго бедра желѣзный серпъ типа Иван. XIX, 24. Въ ногахъ желѣзные ножи, одинъ, повидимому, серповидный типа Люц. XIV, 2; желѣзное орудіе въ видѣ лопаточки (рис. 27, № 3); желѣзныя пожницы.

Курганъ № 17. Круглый, размѣровъ $12\frac{1}{2}$ арш. $\times$ 1 арш. 6 в. Насыпь песчаная, окружена рвомъ; размѣры стараго рва $1\frac{1}{4}$ арш. $\times$ 4 верш.

Въ насыпи замѣтно чередованіе нѣсколькихъ слоевъ; сначала идетъ тонкій угольный слой, который, начинаясь отъ самаго

Рис. 24. Залахтовье. Курганъ № 17.

рва, повышается къ серединѣ насыпи; выше расположенъ слой розоватаго песку (на рисункѣ показанъ штрихами), наибольшей толщины 5 верш., причемъ этотъ слой дѣлается тоньше по мѣрѣ приближенія къ рвамъ; выше розоватаго слоя темный (на рисункѣ обозначенъ точками), который, также толще (до 4 верш.) посерединѣ насыпи и тоньше у ея краевъ, гдѣ сливается съ наносною землею на поверхности кургана; выше темнаго слоя обыкновенный желтый песокъ.

Размѣры могилы (рис. 25) 3 арш. $\times$ 1 арш. $\times$ 11 верш. Костякъ, длиною 2 арш., лежитъ головою на С.-В. 50° , руки сложены на груди, сохранности средней. У черепа мѣдная шпилька съ двумя спиральными завитками, типа Троф. табл. IX, курганъ № 57. На шеѣ бусы: пять желтыхъ съ пестрыми глазами, разной величины, типа Глаз. XXII, 17; двѣ стеклянныхъ свѣтло голубыхъ типа Глаз. XXII, 65; двѣ такихъ же темно-синихъ меньшаго размѣра; одна сапфирнаго цвѣта типа Глаз. XXII, 57; двойная желтая типа Бранд. XIV, 18; одна коричневая цилиндрическая типа Глаз. XXII, 43; одна коричневая круглая типа Глаз. XXII, 44; синяя буса типа Бранд. XIV, 30, но уже, мѣдная (рис. 26, № 6); гранчатая сапфирнаго цвѣта рис. 26 № 4. У шеи четыре мѣдныхъ бубенчика типа Глаз. XXIII, 8. На груди

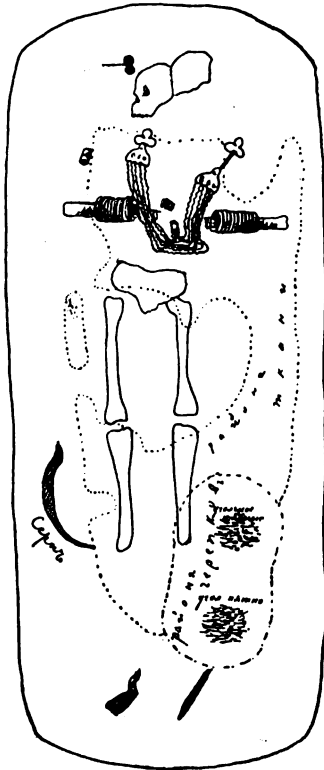

Рис. 25. Тотъ же курганъ.

мѣдный гребешокъ, висящій на четырехъ желѣзныхъ костылькахъ, обвитыхъ мѣдною проволокою и прикрѣпленныхъ къ колечку (рис. 27 № 4);

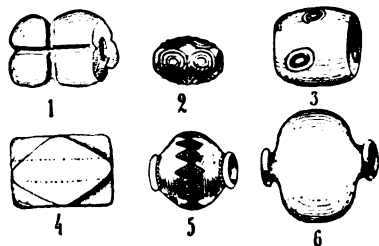

Рис. 26. Залаховье. № 1 изъ кург. 18, № 2, 3, 5 изъ кург. 16, № 4 и 6 изъ кург. 17.

мѣдная нагрудная цѣпь изъ 6 рядовъ тонкихъ цѣпочекъ, прикрѣпленныхъ къ 2 бляхамъ, подъ которыми по крестообразной булавкѣ типа Троф. табл. X; круглая мѣдная пряжка типа Глаз. XXII, 4; двѣ подвѣски-диргемы Мансура бенъ Нуха 971 г. и Нассра сына Ахмета 997 г. У праваго плеча мѣдный перстень типа Иван. XIII, 8, почти одинаковаго орнамента, на правой рукѣ 8 мѣдныхъ бра-

слетовъ, на лѣвой семь.

На кистяхъ рукъ перстни:

одинъ спиральный въ 14 оборотовъ типа Люц. X, 6;

другой съ 2-мя завитками типа Ивап. XIII, 27, но кольцо уже, третій спиральный въ 9 оборотовъ типа Люц. X, 6.

У таза ножъ въ мѣдныхъ ножнахъ съ орнаментомъ, съ 2-мя кольцами для привязыванія и ремнемъ типа Троф. табл. X.

У праваго бедра желѣзный серпъ типа Иван. XIX, 24.

Въ ногахъ черепки (причемъ замѣтны были два угольные пятна), желѣзный серповидный ножъ типа Люц. XIV, 2;

желѣзное острие въ деревянной рукояткѣ (рис. 27, № 2), желѣзный гвоздь. По всему костяку

найлены остатки кольчужной ткани и спиральки (рис. 28 № 1—3).

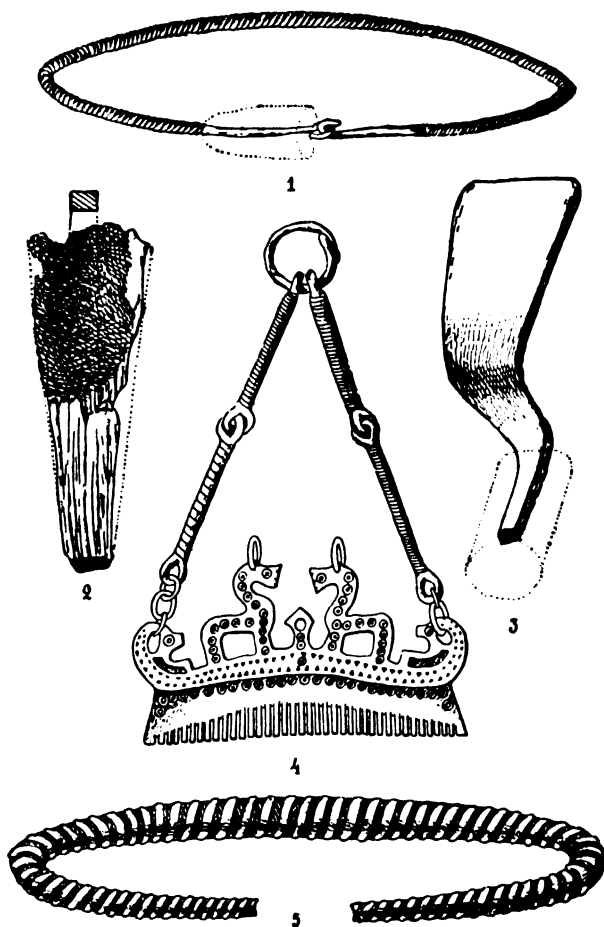

Рис. 27. Залаховье. № 1 изъ кург. 22, № 2 и 4 изъ кург. 17, № 3 изъ кург. 16, № 5 изъ кург. 20.

найлены остатки кольчужной ткани и спиральки (рис. 28 № 1—3).

Курганъ № 18. Круглый, размѣровъ $12\frac{3}{4} \times \frac{3}{4}$ арш. Насыпь песчаная, окружена рвомъ; размѣры стараго рва $1\frac{1}{4}$ арш. 4 верш. Въ насыпи замѣтенъ тонкій угольный слой, который, начинаясь почти отъ самыхъ рововъ, повышается къ срединѣ насыпи. Погребеній два, оба съ костякомъ. Размѣры могилы перваго погребенія 2 арш. 14 верш. $\times$ 1 арш. 3 верш. $\times$ 12 верш. Костякъ лежитъ головою на С.-В: 70° , плохой сохранности, черепъ обращенъ лицомъ кверху; длина костяка, приблизительно, 1 арш. 1 верш. На шеѣ бусы: одна неопредѣленнаго цвѣта, продолговатая гранчатая типа Глаз. XXII, 44; 17 бусъ коричневыхъ съ выступами типа Глаз. XXII, 55; три синихъ боченкообразныхъ типа Глаз. XXII, 74; три коричневыхъ типа Глаз. XXII, 57; одна черная типа Глаз. XXII, 60; синяя цилиндрическая типа Глаз. XXII, 63; двѣ рубчатая синія типа Иван. XV, 16; три синихъ типа Глаз. XXII, 65; три черныя типа Глаз. XXII, 67; двойная синяя (см. рис. 26 № 1); затѣмъ здѣсь же диргемъ Нуха сына Нассра (половины X в.), шейная гривна типа Глаз. XXIII, 9, орнаментъ почти тотъ же; около гривны мѣдная пряжка типа Глаз. XXII, 4, но меньшаго размѣра, и остатокъ кольчужной ткани. У праваго плеча 7 бубенчиковъ типа Глаз. XXIII, 8. У кисти правой руки мѣдный перстень типа Глаз. XXII, 36 и другой перстень типа Иван. XIII, 8, но меньшаго размѣра, мѣдное колечко типа Иван. IV, 8. На кисти лѣвой руки мѣдный перстень типа Иван. XIII, 8. На правой рукѣ три мѣдные браслета (рис. 31, № 5). На лѣвой два мѣдные браслета, изъ нихъ одинъ пластинчатый (рис. 31, № 5), другой спиральный въ 9 оборотовъ типа Люц. IX, 9, какъ верхняя половина, но съ орнаментомъ; у браслета снятъ остатокъ ткани; пониже таза, у правой ноги мѣдное колечко типа Люц. X, 2, но пластинчатое и меньшаго размѣра; такое же колечко найдено въ ногахъ, рядомъ съ черепками отъ горшка.

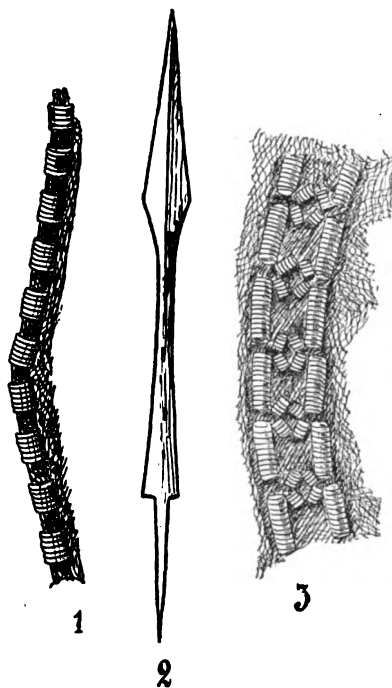

Рис. 28. Залахтовье. № 1 и 3 изъ кург. 17, № 2 изъ кург. 22.

Погребеніе 2-е. Размѣры могилы 3 арш. $\times$ 1 арш. 2 верш. $\times$ 12 верш. Костякъ, длиною приблизительно $1\frac{1}{4}$ арш., лежитъ головою на

*

СВ. 80°; онъ почти не сохранился. Направленіе лица невозможно опредѣлить. Найдены: мѣдная гривна типа Глаз. XXIII, 7, но концы не обмотаны проволокой. У праваго плеча желѣзная полоска длиною 4 дюйм., шириною $\frac{3}{8}$ дюйм., толщиною $\frac{1}{8}$ дюйм., согнутая въ скобу діам. $1\frac{1}{4}$ дюйм., отчасти зажимавшая дерево. На груди клыкъ животнаго съ отверстіемъ для подвѣшиванія, мѣдная подвѣска съ тремя бубенчиками (рис. 29 № 1),

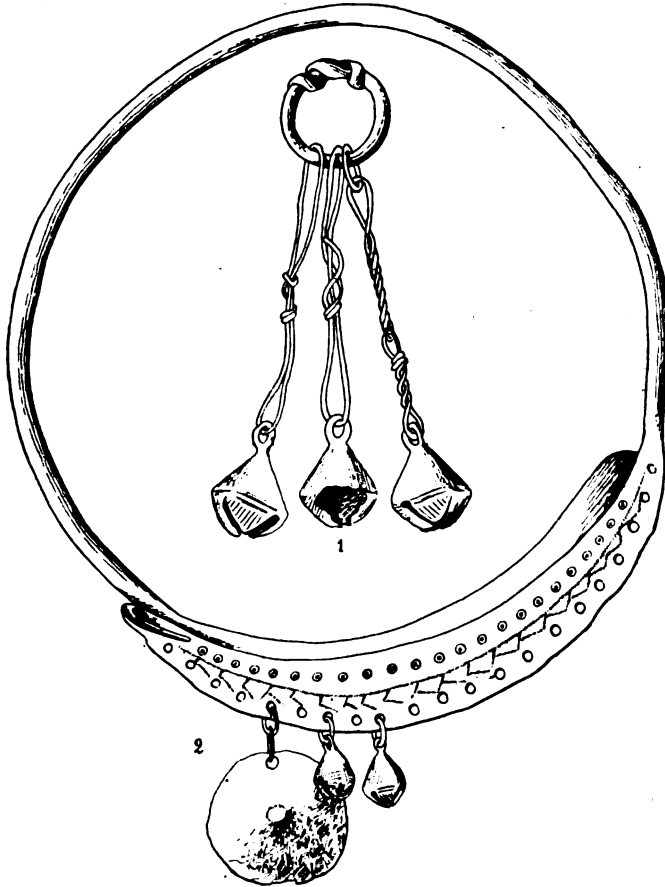

Рис. 29. № 1 изъ кург. 18, № 2 изъ кург. 20.

остатокъ кольчужной ткани, обломокъ ножа въ деревянной рукояти. На кисти лѣвой руки мѣдный сломанный спиральный перстень типа Люц. X, 6. На той же рукѣ два мѣдные браслета типа Иван. IV, 22, но съ орнаментомъ типа Иван. III, 2. На правой рукѣ мѣдный пластинчатый браслетъ типа Люц. III, 7 съ неопредѣленнымъ орнаментомъ, и массивный браслетъ типа Иван. IV, 22 съ орнаментомъ типа Иван. III, 2; у таза остатокъ ткани, у правой ноги желѣзный топоръ типа Иван. XIX, 12, но язычка

у втулки нѣтъ. Въ ногахъ глиняный горшокъ съ волнистымъ орнаментомъ на стѣнкахъ; рядомъ дѣтскій мѣдный спиральный перстень въ 6 оборотовъ типа Люц. X, 6, но тоньше, перстень съ двумя завитками типа Иван. XIII, 27, спиральный перстень типа Люц. X, 6.

Курганъ 19. Круглый, размѣровъ $11\frac{1}{2}$ арш. $\times$ 1 арш. 7 верш. Насыпь несчаная, рва нельзя прослѣдить, благодаря деформациа кургана съ одной стороны насыпи, и дереву, мѣшавшему вести траншею съ другой. Линію материка тоже не удалось прослѣдить всю; въ одномъ мѣстѣ

она какъ будто прерывается (рис. 30). Угольно пепельный слой (толщиною 0—1 верш.) угольной прослойки не имѣть. Въ самой насыпи выше угольно-пепельнаго слоя двѣ ямы (на одной высотѣ съ пережженными костями); размѣры ихъ 6×3 верш. и 5×2 верш. Находокъ нѣтъ.

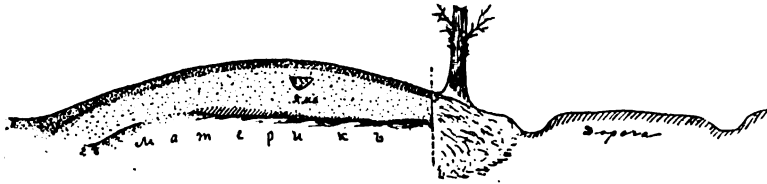

Рис. 30. Залахтовые. Курганъ 19.

Курганъ № 20. Круглый, размѣровъ $9\frac{1}{2}$ арш. $\times$ 13 верш. Насыпь песчаная; въ ней такое же чередованіе слоевъ съ угольной прослойкой, какъ въ кург. № 17 (рис. 24); угольный слой идетъ не сплошь, а отдѣльными пятнами. Насыпь окружена заплывшимъ рвомъ; размѣры стараго рва 3 верш. $\times$ $1\frac{1}{2}$ арш. Повидимому, въ курганѣ двойное погребеніе въ одной могилѣ, размѣръ которой $3 \times \frac{1}{2}$ арш. Костей почти нѣтъ; у восточнаго края могилы сохранился черепъ, да посерединѣ могилы нѣсколько зубовъ, разсыпавшихся около шейной гривны.

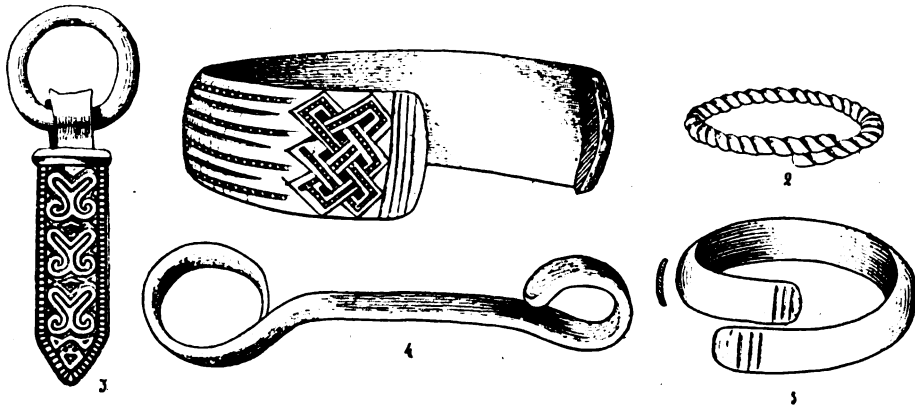

Рис. 31. Залахтовые. № 1 изъ кург. 20, № 2 и 3 изъ кург. 22, № 5 изъ кург. 18, № 4 изъ кург. 1 близъ дер. Жеребятино.

У черепа шейная витая гривна (рис. 27, № 5); у лѣваго плеча желѣзное копьё типа Троф. таб. V кург. № 15, но пошире. На рукахъ по мѣдному орнаментированному браслету (рис. 31 № 1). На груди остатки ткани и мѣдная пряжка типа Глаз. XXII, 3. Съ лѣвой стороны таза желѣзный ножъ съ деревянной рукояткой, обломокъ желѣзной пряжки, діам. $1\frac{1}{2}$ дм., желѣвное огниво типа Иван. XVII, 27. Посерединѣ могилы мѣдная гривна съ умѣренными пластинчатыми концами, съ круглой подвѣсной бляхой и бубенчиками (рис. 29 № 2); около

этой гривки бусы, пять синихъ (типа Глав. XXII, 57), пять желтыхъ съ глазками (типа Глаз. XXII, 41 и 45), двѣ желтыхъ (типа, приблизительно, Глав. XXII, 77) семь темносинихъ зубчатыхъ (типа Иван. XVII, 6), коричневая съ глазками (типа Глаз. XXII, 86) черная съ глазками и бѣлыми разводами (типа Иван. XIV, 21), двѣ синія пронизки въ двѣ и четыре бусы (типа Иван. XIII, 17), одна буса пестропепельныхъ оттѣнковъ, обломокъ раковинки каури; остатки ткани, прядка волосъ. Пониже этой гривны съ двухъ сторонъ по спиральному браслету, одинъ въ 6, другой въ 7 оборотовъ (типа Иван. IV, 11); между браслетами мѣдная пряжка (съ тканью) типа Глаз. XXII, 3, и перстень съ завитками типа Иван. XIII, 27. Въ ногахъ два горшка, отъ которыхъ уцѣлѣли черепки, украшенные волнистымъ и параллельнымъ орнаментомъ.

Курганъ № 21. Круглый, размѣровъ 7 арш. 2 верш. $\times$ 15 верш. Насыпь песчаная съ такой же угольной прослойкой, какъ въ кург. № 16 (рис. 22); окружена рвами. Размѣры могилы 2 арш. 14 верш. $\times$ 1 арш. 1 верш. $\times$ 11 верш. Костякъ длиною $1\frac{1}{2}$ арш., головою лежитъ на западъ; костей отъ него почти не сохранилось. На груди мѣдная пряжка съ тканью (типа Глаз. XXII, 3), точильный камень четырехгранный, бубенчикъ съ витымъ перстнемъ (типа Глаз. XXIII, 8); сломанное спиральное колечко (типа Глаз. XXII, 36). Въ ногахъ глиняный горшокъ, съ волнистымъ орнаментомъ.

Курганъ № 22. Круглый, размѣровъ $11\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ арш. Насыпь изъ песку съ примѣсью глины; окружена рвомъ, имѣетъ такую же угольную прослойку, какъ въ предыдущемъ курганѣ; эта угольная прослойка однако не повышается къ центру насыпи, а скорѣе нѣсколько понижается и, повидимому, идетъ по матеріку. Грунтъ насыпи твердый. Размѣры могилы 2 арш. 10 верш. $\times$ 1 арш. 1 верш. $\times$ 15 верш. Никакихъ слѣдовъ костяка не найдено. Вещи оказались лежащими въ безпорядкѣ. У восточнаго края могилы крученая мѣдная гривна (рис. 27, № 1); рядомъ черепки, мѣдный перстень (типа Иван. XIII, 8) желѣзные стрѣлки съ древкомъ (реконструкція на рис. 28 № 2), желѣзная набойка цилиндрической формы, желѣзная заклепка, желѣзная круглая гирька въ мѣдной оболочкѣ, остатки ткани и мѣдныя спиральки. На рукахъ браслеты: одинъ широкій (типа Иван. III, 2), другой крученый мѣдный (рис. 31 № 2), мѣдный тонкій браслетъ (типа Глаз. XXII, 20), мѣдный перстень съ завитками (типа Иван. XIII, 27). По серединѣ могилы найдены черепки отъ глинянаго горшка (съ типичнымъ орнаментомъ). Ниже таза ремешки съ мѣдными наконечниками и кольцомъ

(рис. 31 № 3), желѣзное огниво (типа Иван. XVII, 27), желѣзный ножъ, мѣдныя спиралики.

Предлагаемъ отдѣльный перечень аналогій къ вещамъ Залахтовскихъ кургановъ:

Ивановскій. Табл. III, 2 (кург. 16 и 22); 22 (к. 18); IV, 8 (к. 18), 11 (к. 20), 22 (к. 18); XIII, 8 (к. 17, 18, 22), 17 (к. 20), 27 (к. 17, 18, 20, 22); XIV, 21 (к. 20); XV, 18 (к. 18); XVII, 12 (к. 18), 24 (к. 16, 17), 27 (к. 22); XIX, 12 (к. 18), 24 (к. 16, 17).

Глазовъ. Табл. XXII, 3 (к. 20, 21), 4 (к. 17, 18), 17 (к. 17), 20 (к. 22), 36 (к. 18, 21), 41 (к. 20), 43 (к. 17), 44 (к. 17, 18), 49 (к. 16), 55 (к. 16, 18), 57 (17, 18, 20), 60 (к. 18), 63 (к. 18), 65 (к. 17, 18), 67 (к. 18), 74 (к. 18), 77 (к. 20), 86 (к. 20; XXIII, 7 (к. 18), 8 (к. 17, 18, 21), 9 (к. 18); XXV, 44 (к. 16).

Трофимовъ. Табл. V (копье); IX (булавка, кург. 17); X (к. 17, цѣпь и копье).

Бранденбургъ. Табл. IV, 4; XIV, 18 (к. 17), 30.

Люцинскій мог. Табл. III, 7 (к. 18); IX, 9 (к. 18); X, 2, (к. 18); 6 (к. 17, 18); XIV, 2 (16 и 17).

VII. Развѣдки по каменному вѣку въ окрестностяхъ г. Вышняго Волочка.

Не ожидая особенно богатыхъ результатовъ отъ своихъ развѣдокъ, мѣстомъ которыхъ я намѣтилъ берега Вышневолоцкаго и Городолобскаго озеръ, я тѣмъ не менѣе готовился къ этой работѣ съ большимъ интересомъ. Выждавъ время, когда, благодаря открытымъ шлюзамъ водохранилища, уровень воды въ озерѣ замѣтно понизился и песчаный берегъ обнажился саженъ на 50 — 60 въ ширину, я нашелъ, что для моихъ развѣдокъ наступилъ благопріятный моментъ. Руководимый нѣкоторыми свѣдѣніями, я первоначальнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій намѣтилъ побережье между д. Перервой и с. Городолоблей; но въ дальнѣйшемъ районѣ наблюденій нѣсколько измѣнялся.

Чтобы достигъ указанныхъ мѣстъ, необходимо было переправляться на лодкѣ черезъ озеро, имѣющее здѣсь въ ширину верстъ 6—7.

Опытъ показалъ, что для отыскиванія вещей каменнаго вѣка поверхность земли вполне цѣлесообразнымъ оказывается такой способъ. Слѣдуетъ пройти нѣсколько разъ вдоль берега, въ разныхъ направленіяхъ, внимательно взглядываясь во всѣ остатки, намытые на песчаномъ берегу

волной ¹⁾). Въ случаѣ находки какого либо кремневаго орудія или черепка слѣдуетъ въ районѣ находки слегка вскопать кругомъ землю лопаткой; я по крайней мѣрѣ это дѣлалъ не безрезультатно. Совершенно напрасный трудъ дѣлать такія раскопки наудачу. Больше всего находокъ, обыкновенно, удается сдѣлать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода течетъ быстро. Въ общемъ, при незначительности раскопокъ и развѣдокъ, находки не были обильны. Были собраны главнымъ образомъ заготовки для кремневыхъ ножей, скребковъ, ударныхъ орудій, копій и т. п., а также и черепки (впрочемъ, не каменнаго вѣка). Не достигнувъ хорошихъ результатовъ, тѣмъ не менѣе не могу не отмѣтить увлекательность такого рода развѣдокъ, обещающихъ неожиданныя открытія.

К. Кудряшовъ.

---

¹⁾ Небезполезно замѣтить, что предварительно необходимо снять обувь и принять мѣры къ тому, чтобы не попортить одежды во время своего путешествія, такъ какъ на берегу попадаются очень вязкія и топкия мѣста.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи
Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества
за 1908 годъ.

9-го февраля.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали члены Общества: К. А. Иностранцевъ, Н. М. Макаренко, Н. М. Печенкинъ, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣпниковъ, А. А. Спицынъ, Н. В. Султановъ, и гости: гг. Баталинъ, Вертоградскій, Раевскій, Толмачевъ.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложенъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Отдѣленія за 1907 г.

III.

А. С. Раевскій доложилъ «о *нѣкоторыхъ результатахъ раскопокъ въ Херсонесъ въ 1906—1907 г.*». Открыты въ юго-западномъ углу городища остатки церковныхъ сооружений, мозаичные полы, капители. Последнія раскопки даютъ возможность исправить существующее мнѣніе о направленіи оборонительной стѣны Херсонеса.

IV.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе «о *Тмутаракани*» ¹⁾. По высказанному имъ мнѣнію, этотъ городъ лежалъ гдѣ-то на устьяхъ

---

¹⁾ См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія нов. сер. часть XIX, 1909, № 1 отд. 2, стр. 79—90: А. Спицынъ. Историко-археологическія разысканія. II. Тмутаракань.

Дона. Онъ имѣлъ значеніе торговаго порта для сношеній Кіевской Руси съ Малою Азіей и востокомъ и лежалъ на концѣ такъ называемаго Залознаго пути. Тмутаракань находилась въ области аланъ и въ сосѣдствѣ съ половцами. Она держалась въ продолженіе двухъ столѣтій и пала вслѣдствіе непосильной конкуренціи съ венеціанцами, открывшими болѣе прямой и удобный торговый путь на Кіевъ изъ Сурожа.

С. О. Платоновъ указалъ, что при опредѣленіи мѣстонахожденія Тмутаракани слѣдуетъ принимать во вниманіе спорный вопросъ о Тмутараканскомъ камнѣ.

V.

Н. И. Вертоградскій прочиталъ сообщеніе «*Изъ Нарвской художественной старины*»¹⁾—о чугунной доскѣ или щитѣ, которая имѣетъ въ горизонтали 66 см., въ вертикали — 85, вѣсомъ около пяти пудовъ. Найдена она въ Нарвѣ и съ рыночнаго развала приобрѣтена мѣстной любительницей старины г-жей Глафирой Александровной Лаврецовою для будущаго городского музея за 25 рублей изъ вторыхъ рукъ; первый покупатель приобрѣлъ ее за 1 р. 50 коп. Повидимому, она была выкопана изъ земли, когда года 3 тому назадъ прокладывались въ одной части города (въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается старый городъ и начинается Нарвскій форштадтъ) улицы: Кузнечная, Ровяная и Сѣбная площадь, т. е. въ той области, гдѣ проходила стѣна и былъ спускъ къ Темнымъ воротамъ. Исслѣдованія доски и изученіе изображенныхъ на ней аллегорическихъ фигуръ заставляеть предположить, что это щитъ, вылитый по заказу Нарвской городской ратуши въ ознаменованіе побѣды шведскаго короля Карла XII подъ Нарвой въ 1700 г. ноября 19-го. Въ верхней, бѣльшей части доски въ легендѣ о Георгіи Побѣдоносцѣ (чудо локализируется въ Силене въ Ливіи) развивается тема «Карлъ побѣдитель»; здѣсь мы видимъ ратушу, бастіонъ glorigae, на немъ коронованную дѣвушку-Нарву, передъ ними Карлъ въ образѣ Георгія попираетъ дракона; драконъ — русская армія, съ проткнутымъ копьемъ горломъ (натолкнулась на собственное оружіе), оцетинился и своимъ

---

¹⁾ Читано также въ Военно-Историческомъ Обществѣ 26 Апрѣля 1908 г. и напечатано особою книжкой: Н. И. Вертоградскій, Нарвскій Триумфальный Щитъ. Изъ Нарвской Художественной Старины С.-ПБ. 1908—40 стр.; см. рецензію К. Тиандера, въ Извѣстіяхъ Отдѣл. Русск. Языка и Словесности Импер. Акад. Наукъ. XV. 1910, кн. 1, стр. 325—328, опровергающую толкованія Вертоградскимъ изображеній на этой доскѣ отъ чугунной печи.

молніеноснымъ стрѣльчатымъ хвостомъ грозить убить дѣвушку. Въ полумѣсяцѣ можно предположить символическое изображеніе Турціи, свідѣтеля «славнаго подвига Карла»; ягненокъ — или символъ покорности Нарвы передъ войной, или символъ ликованія, или же художникъ хотѣлъ имъ намекнуть на «невинность» нарвскихъ стѣнъ: ихъ не коснулась рука побѣдителя-врага ¹⁾).

Нижняя — меньшая часть доски — аллегорическое изображеніе и развитіе другой темы, другого эническаго момента: состоянія русской арміи подъ Нарвой, удаленія Петра и его предыдущаго посольства Корчмина съ цѣлью осмотрѣть тайно Нарву и Иванъ-городъ (см. С. И. Соловьева, т. XV, ч. II) и, наконецъ, сдачи русской арміи. Эта тема развивается въ миѣ обь Актеонѣ. Актеонъ - Петръ подсмотрѣлъ нескромно купающихся въ Нарвскихъ волнахъ Діану-Нарву и ея подругу нимфу — Иванъ городъ, за это чарами богини превращенъ въ оленя, терзаемый собственными псами-военачальниками: на шеѣ у него крестъ — намекъ на герц. De Croу, въ лѣвой рукѣ рогъ — Ногн (Горнъ, комендантъ Нарвы въ моментъ осады); въ правой рукѣ копье (рііи — маіоръ Пиль, посланный для переговоровъ о сдачѣ). Каменный козель — Steinbock — графъ командиръ отряда, которому сдались русскіе генералы; воробей на одномъ изъ кустовъ — Sperling — полковникъ Шведской арміи, открывшій атаку. На хвостѣ козла сидитъ заяцъ съ трубкой и дубинкой въ рукахъ — символическое изображеніе нарвскаго старожила эстонца-проводника, эстонскаго Сусанина, указавшаго дорогу войскамъ Карла. Помѣщая его на хвостѣ козла (т. е. въ хвостѣ шведской арміи), иллюстраторъ выдаетъ свою тенденцію къ шведамъ; повидимому, не въ его интересахъ было выставлять заслуги эстонца. Это характерно для опредѣленія социальныхъ отношеній между эстонской (національной) и шведской партіями въ Нарвѣ въ изображаемую эпоху.

Повидимому, доска была вылита и украшала собою ворота (какъ показываютъ мѣста для зажимныхъ скобокъ) или триумфальную арку, непосредственно послѣ событія, въ промежутокъ между декабремъ 1700 и декабремъ 1701 г. Предложить болѣе позднее ея появленіе врядъ ли возможно въ виду того, что уже съ декабря 1701 г. начинается поворотъ въ сторону русскихъ (побѣда при Эрестферѣ), а потому позднѣе врядъ ли явилась бы охота, возможность и время смѣяться надъ врагомъ. Только упоеніемъ славой можно объяснить чисто Вольтеровскую

---

¹⁾ Въ параллель къ этому см. современная событію оды и памфлеты: въ одной одѣ — *Narva triumphans* и т. д. находимъ развитіе той же темы.

насмѣшку художника, только присутствіемъ его при самомъ событіи можно объяснить и его освѣдомленность, и знаніе обоюдныхъ отношеній.

Портретное сходство Карла и общій художественный стиль (характеренъ волнистый бордюръ), что между прочимъ отмѣтилъ акад. Султановъ, служатъ полнымъ подтвержденіемъ гипотезы и датировки. По нѣкоторымъ соображеніямъ, можно предположить, что это художественное произведеніе было извѣстно и русскимъ уже около 1702—1703 г. и далѣе, хотя бы потому, что при прохожденіи метаморфозъ Овидія въ юго-западныхъ нашихъ школахъ дѣлался нѣсколько странный выводъ изъ мѣа, а именно объ Актеонѣ: «Смирій себя вознесетъ, вознесяи себѣ смирится!»¹⁾. Выводъ вполнѣ понятенъ, если имѣть въ виду такое приспособленіе мѣа, которое сдѣлано даннымъ иллюстраторомъ-художникомъ. Если, можетъ быть, по миѣнію знатоковъ, памятникъ этотъ не особенно важенъ въ художественномъ отношеніи, то историческое его значеніе въ связи въ оригинальностью темы, умѣнемъ автора его сказать *non multum, sed multa*, должно быть отмѣчено.

По поводу доклада Н. И. Вертоградскаго гг. Султановъ и Спицынъ сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія, въ которыхъ, соглашаясь съ вѣроятностью объясненій докладчика, предлагали частныя поправки и дополненія къ нимъ.

7-го марта.

Подъ предсѣдательствомъ С. О. Платонова присутствовали члены Общества: Д. В. Айналовъ, В. С. Борзаковскій, Н. И. Веселовскій, В. Т. Георгіевскій, Хр. М. Лопаревъ, В. В. Майковъ, Н. К. Никольскій, Н. В. Покровскій, С. В. Рождественскій, С. В. Смоленскій, А. А. Спицынъ, Н. В. Султановъ, гр. И. И. Толстой, Б. В. Фармаковскій, К. В. Хиллинскій, А. А. Щусевъ, гости: гг. Красовскій, Красногорскій, Милѣевъ, Миллеръ, Мироновъ.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

---

¹⁾ См. И. А. Шляпкина. „Св. Димитрій Ростовскій и его время“.

II.

Д. В. Айналовъ сдѣлалъ сообщеніе «*Два примѣчанія къ Слову о Полку Игоревѣ*». 1) «Чръвленныя щиты», упоминаемые въ Словѣ, — черта древняго военнаго быта, извѣстны въ византійскихъ миниатюрахъ и въ Житіи свв. Бориса и Глѣба Сильвестрова Сборн. XIV в. 2) Выраженіе Слова: «повелѣя (т. е. полелѣя) отца своего между угорскими иноходцы» — должно объяснять въ смыслѣ особаго способа перевозки убитыхъ и рапеленыхъ съ поля битвы. Другое выраженіе «упрѣся ключами о кони» ближе поясняетъ этотъ способъ; такъ въ этомъ выраженіи упоминаются ключи или шесты для перевозки. Миниатюра Житія Бориса и Глѣба, издавнаго Н. П. Лихачевымъ, изображаетъ несеніе Святополка именно этимъ способомъ.

Замѣчанія по поводу этого сообщенія сдѣланы были Н. И. Веселовскимъ и А. А. Спицынымъ.

III.

А. А. Спицынъ ¹⁾ предложилъ новое толкованіе слова «басма» въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о сверженіи Иваномъ III монгольскаго ига. По мнѣнію докладчика, вмѣсто «басма» слѣдуетъ читать «байса», какъ монголы должны были произносить китайское «пай-цзы». Этимъ словомъ обозначалась металлическая (мѣдная, серебряная или золотая) доска, на которой излагались ханскія распоряженія.

Съ этой гипотезой докладчика не согласился Н. И. Веселовскій, во-первыхъ, потому, что нѣтъ основаній измѣнять точно установленнаго текста лѣтописи, а, во-вторыхъ, потому, что «басма» не монгольское, а татарское слово, которому къ монгольскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ «даруху»; слова же «байса» въ монгольскомъ языкѣ нѣтъ.

IV.

К. К. Романовъ ²⁾ сдѣлалъ сообщеніе «*о соборѣ Терапонтова Бѣлозерскаго монастыря и Бѣлозерскомъ типѣ соборной архитектуры*». Соборъ Терапонтова м-ря и близкій къ нему Успенскій соборъ Кирилло-

---

1) См. Извѣстія Императ. Археологич. Коммисіи. Вып. 29. 1909, стр. 130—141: А. Спицынъ. Татарскія байсы, съ 12 рисунками.

2) См. Извѣстія Императ. Археол. Коммисіи. Вып. 28. 1908, стр. 107—155: П. П. Покрышкинъ и К. К. Романовъ, Древнія зданія въ Терапонтовомъ монастырѣ, съ 21 таблицей и 46 рисунками.

Бѣлозерскаго монастыря можно отнести къ особому типу соборной архитектуры, который существовалъ въ прибѣлозерскомъ районѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в. Бѣлозерскій типъ церквей XV—XVI ст. характеризуется: одноглавымъ кубическимъ типомъ конструкціи церкви, планомъ о 4-хъ столбахъ и съ 3-мя полукруглыми абсидами, ступенчатымъ перекрытіемъ свода, наружной обдѣлкой ступенчатого перекрытія рядами закомаръ, открытыми папертями и примѣненіемъ по фасаду, при тройчатомъ дѣленіи стѣнъ лопатками, типичныхъ узорныхъ поясовъ по стѣнамъ и барабанамъ куполовъ. На образованіе этого типа повліяли: съ одной стороны—Москва, съ другой—и главнымъ образомъ—Новгородъ-Псковская область.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе Д. В. Айналовъ, Н. В. Султановъ, В. Т. Георгіевскій, Н. В. Покровскій, С. В. Смоленскій.

13-го мая.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали члены Общества: В. С. Борзаковскій, Н. И. Веселовскій, К. А. Иностранцевъ, Н. Е. Макаренко, А. К. Марковъ, кн. П. А. Путятинъ, А. С. Раевскій, А. А. Спицынъ, гости: И. С. Абрамовъ, П. П. Грековъ и Молчановъ.

I.

С. Ѳ. Платоновъ далъ общую характеристику ученой дѣятельности В. Б. Антоновича, какъ ученаго и профессора.

А. А. Спицынъ, сообщивъ внѣшнія данныя объ археологической дѣятельности В. Б. Антоновича, высказалъ мнѣніе, что высокій авторитетъ, которымъ онъ пользовался, объясняется не столько обширностью его свѣдѣній и точностью выводовъ, сколько смѣлостью обобщеній и необычайною пластичностью мысли. Далѣе взглядовъ проф. Антоновича русская ходячая археологическая наука пока еще не двинулась. Въ нашей археологіи ему принадлежитъ громкое имя, на ряду съ именами гр. А. С. Уварова и гр. П. С. Уваровой.

А. С. Раевскій сдѣлалъ замѣчаніе, что, по своимъ политическимъ взглядамъ, В. Б. Антоновичъ не принадлежалъ къ крайнимъ партіямъ.

II.

Представителемъ отъ Отдѣленія въ Совѣтъ Общества, взаимно Н. И. Веселовскаго, закрытою баллотировкою единогласно избранъ Н. В. Султановъ.

III.

Согласно предложенію Н. И. Веселовскаго и А. А. Спицына, лѣтомъ 1908 г. раскопки отъ Отдѣленія назначены: 1) въ Ярославской и Владимірской губ., для изслѣдованія мѣстныхъ длинныхъ и удлиненныхъ кургановъ; 2) близъ Сестрорѣцка и Луги, для изслѣдованія такихъ же курганныхъ насыпей. Первые раскопки возложены на И. С. Абрамова съ назначеніемъ ему 200 р., а вторая—на члена Общества С. С. Гамченко, съ назначеніемъ 100 руб.

IV.

А. А. Спицынъ предъявилъ рисунокъ надписи на камнѣ, найденной въ старые годы въ валу Маяцкаго городища (близъ Дивногорскаго монастыря на Дону) г. Струковымъ. Докладчикъ признаетъ ее относящеюся къ VIII—IX вв., аланскою или хозарскою, а буквы въ первоначальной основѣ—арамейскими. Всего вѣроятно, что именно эта письменность и стала извѣстна въ Херсонесѣ св. Константину Философу подъ именемъ русской. Далѣе докладчикъ высказалъ предположеніе, что глаголитъ, въ его двухъ видахъ, происходитъ именно отъ этого алфавита и перенесенъ къ славянамъ изъ южной Россіи болгарами. Въ основѣ зырянскаго алфавита также чувствуются арамейскія письмена, и онъ имѣетъ происхожденіе, какъ и орхонскія письмена, скорѣе отъ среднеазіатскаго арамейскаго алфавита. Предъявлены были также рисунки съ надписей смоленской (г. Пневичи) и подольскихъ. Попутно было высказано, что глаголическій угловой алфавитъ, вѣроятно, старше круглаго и что въ извѣстной надписи царя Самуила, дѣйствительно, замѣтно вліяніе глаголита, и притомъ углового.

А. К. Марковъ отмѣтилъ, что нѣсколько буквъ арамейскаго алфавита докладчикомъ представлены не вполне точно и что въ арамейскомъ языкѣ нѣтъ для нихъ ни буквы, ни звука.

V.

Кн. П. А. Путятинъ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе: «Представляю вниманію Отдѣленія присланный мнѣ недавно новый трудъ г. Магни: Лигуро-Гальскіе некрополи Піанеццо кантона Тичино (Magni, *La necropoli Ligure-Gallica gi Pianezzo nel canton Ticino. 1907*). Это изданіе по содержанію, значенію и изяществу заслуживаетъ должнаго вниманія, а потому рѣшаюсь дать его небольшой анализъ.

Раскопки въ Піанеццо, производимыя историческимъ обществомъ Лугано, указали, что начало мѣстныхъ некрополей пужно датировать за 2500 лѣтъ до нашего времени. Глубина траншей варьируетъ отъ одного до 2-хъ метровъ при обыкновенной ширинѣ около одного метра. Хронологія основана на техникѣ металлическихъ предметовъ и въ частности на фибулахъ, весьма измѣнчивыхъ, сообразно моделей различныхъ періодовъ. Самая древняя изъ фибулъ, «змѣеобразная», оканчивается небольшимъ шаромъ въ нижней части ручки (staffa); ее можно отнести къ 600—500 г.г. до Р. Хр.; второй типъ «півкообразный», съ длинной ручкой и шариками по срединѣ, колеблется между 550—500 г.г. до Р. Хр. При покореніи Италіи галлами появляется фибула изъ двойной спирали, свернутая вчетверо, разнящаяся отъ специальной арковидной формы. Встрѣчены и соединенія нѣсколькихъ типовъ.

Народы тосканской усыпальницы Піанеццо жили въ нашу историческую эпоху — эпоху, если такъ можно выразиться, вторженій и фильтрацій пародовъ. Древніе историки греческіе и римскіе старались разоблачить происхожденіе племенъ, заселившихъ Итальянскія Альпы, называя ихъ обще лигурами и галлами. Къ первымъ слѣдуетъ причислять древнѣйшія, къ вторымъ—болѣе новыя народности. Нельзя сказать, чтобы некрополь при замѣнѣ прежняго населенія принадлежалъ одному народу или двумъ, жившимъ сообща, но разнымъ по происхожденію. Раскопанные некрополи предъявили хронологическую серію вещей почти на протяженіи 350-ти лѣтъ. Кладбище близъ Піацца (Piazza) на много древнѣе; оно имѣетъ могилы съ элементами лигуровъ VI вѣка до Р. Хр.: двѣ могилы съ трупосожженіями, изъ которыхъ одна демонстрируется техникой сосудовъ, болѣе новыхъ, чѣмъ другіе, безъ присутствія гальской индустріи, т. е. отъ 550 по 400 г.г. до Р. Хр. Единственно только одна могила содержитъ фибулу гальскую, да и то она удалена по прямой линіи отъ некрополя съ другими погребеніями. Второй некрополь расположенъ по прямой линіи къ сѣверу, въ

разстояніи около 170 метровъ отъ лигурскаго. Могилы галловъ отличаются бронзовыми фибулами съ двойной спиралью, украшенной кораллами и красною смальтою, а также желѣзными того же типа. Послѣдовательно ихъ нужно отнести къ IV, III и II вѣкамъ до Р. Хр., т. е. къ I, II, III періодамъ Латена. Въ главѣ о происхожденіи лигуровъ Магни заявляетъ, что не желаетъ погружаться въ лабиринтъ многочисленныхъ заключеній современныхъ писателей о первоначальномъ происхожденіи этого народа, занимавшаго значительную часть сѣверной Италіи. Филологія, этнографія и археологическія изысканія являются могущественными союзниками къ дошедшимъ до насъ традиціямъ исторіи. Происхожденіе лигуровъ въ Европѣ и Италіи, по современнымъ изслѣдованіямъ, не касается времени палеолитическаго періода оббивныхъ камней. Источники указываютъ на то, что это были эмигранты, принесшіе орудія изъ полированныхъ камней. По большинству авторовъ, лигуры происходятъ изъ Азіи, по другимъ—изъ сѣверной Африки. Г. Магни принимаетъ въ соображеніе только мнѣнія археологовъ объ удаленномъ востокѣ, островѣ Критѣ и тому подобное, а не этнографовъ. Онъ находитъ, что мудрено опредѣлять, къ какому періоду восходитъ то, что не имѣетъ указаній въ письменныхъ памятникахъ. Профессоръ древней исторіи Миланской Академіи Оберцинеръ даетъ именованіе «охотничьяго» (*sacciatore*) итальянскому населенію палеолитическаго періода, «пастушьяго» (*pastore*) неолитическому, «земледѣльческаго» (*agricoltore*) для послѣдующихъ переселенцевъ. Дѣленіе это зиждется на раскопкахъ.

Только въ третьей эпохѣ неолитическаго періода появились лигуры, какъ это установлено топономастикой, историческими традиціями и раскопками. Стало понятнымъ, что въ эпоху итальянскихъ могилъ совершилось нашествіе новыхъ народностей. Чіамати (*Chiamati*) называетъ лигуровъ *Leку* (*Leку*), согласно надписи XIV в. до Р. Хр.; у болѣе древнихъ греческихъ писателей это «*Λίγυες*» и позднѣе «*Λιγυστῖνοι*», у римлянъ время республики и императоровъ преобладаетъ форма *Liguri* и *Ligures*. Видимо, это паступеское племя совершило изъ Азіи массовое передвиженіе, населивъ европейскій континентъ, обитаемый до того лишь автохтонами-охотниками, которыхъ здѣсь застало обледенѣніе и разсѣяло по небольшимъ участкамъ. Пришельцы явились уже въ послѣдующую геологическую эру, современную. Изслѣдованія французскихъ пещеръ опредѣляютъ вышепоименованныя дѣленія и эпоху вторженія. Лигуры хоронили своихъ покойниковъ обыкновенно на пастбищахъ, обитали преимущественно на горахъ и холмахъ (*colli*), дѣлились на независимыя колѣна, возникшія изъ одного древняго, обрабатывали

злаки, сѣмена и пользовались мясомъ домашнихъ и дикихъ животныхъ; ихъ питьею было вода, молоко и житная настойка (*infusio d'orso*). Нельзя сказать, чтобы вся индустрія была у нихъ собственная, но она была господствующей. Нужно отмѣтить абсолютное отсутствіе въ могилахъ оружія, которое въ большомъ количествѣ появляется въ Джу-біаско (*Giubiasco*); значить, населеніе полностью было предано стадо-водству и земледѣлію.

Въ главѣ о происхожденіи кельтовъ и галловъ г. Магни держится такого мнѣнія. Отбросивъ терминъ «Арійцы», искусственно и недавно появившійся въ обращеніи, для обозначенія земледѣльческаго народа новой и позднѣйшей индоевропейской расы, онъ полагаетъ, что эти народности происходятъ изъ южной Россіи, или, точнѣе, изъ равнины между Аральскимъ озеромъ, Каспійскимъ и Чернымъ морями. Первое вторженіе этого племени (подъ именемъ кельтовъ), по словамъ историковъ, шло по дорогамъ нижняго Дуная, затѣмъ по Венгріи и заканчивалось Альпами. Они отбросили народности съ обстриженными волосами и съ труносожженіемъ, которыя обитали въ Альпахъ. По сказаніямъ древнихъ и по послѣдующимъ изслѣдованіямъ уяснено, что именно кельты были строителями озерныхъ жилищъ на западныхъ озерахъ Италіи.

Галлы, кельтская народность, пришли занять земли въ послѣдующее переселеніе, какъ это утверждаютъ древніе историки. Дешелеть (*Déchelette, L'archéologie celtique en Europe. 1901 г.*) дѣлаетъ предположеніе, что вторженіе въ западную Европу кельтовъ и галловъ простое проблематическое умозаключеніе. Область кельтской археологіи начинается во Франціи съ VIII в.

По могиламъ Піанеццо и позднѣйшимъ нельзя уловить разницы между лигурами и галлами; обрядъ погребенія и вещи различаются лишь хронологически. Въ приложенномъ къ книгѣ Магни библиографическомъ обзорѣннѣ упомянуть и извѣстный трудъ проф. Модестова: *Introduction à l'histoire romaine. Paris. 1892 г.*

4-го октября.

Подъ предсѣдательствомъ С. О. Платонова присутствовали члены Общества: В. С. Борзаковскій, Н. И. Веселовскій, Х. М. Лопаревъ, Н. В. Покровскій, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣпниковъ, Я. И. Смирновъ, и гости: Абрамовъ, Мироновъ Раевскій.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Почтена вставаніемъ память скончавшихся членовъ Общества Н. В. Султанова и Н. П. Павлова-Сильванскаго. Затѣмъ А. С. Раевскій и Н. В. Покровскій сдѣлали сообщенія о научной дѣятельности Н. В. Султанова, С. В. Рождественскій и С. Θ. Платоновъ о научной дѣятельности Н. П. Павлова-Сильванскаго. По предложенію Н. В. Покровскаго постановлено возбудить вопросъ объ изданіи курса русской архитектуры покойнаго Н. В. Султанова и его трудовъ по изученію Кіево-Софійскаго Собора.

III.

Н. И. Рѣпниковъ сдѣлалъ сообщеніе «о крымскихъ долменахъ»¹⁾. Замѣчанія по поводу этого доклада сдѣланы были Н. В. Покровскимъ и Я. И. Смирновымъ.

IV.

С. Θ. Платоновъ заявилъ о своемъ рѣшеніи отказаться отъ должности Управляющаго Отдѣленіемъ. Выслушавъ съ искреннимъ сожалѣніемъ это заявленіе, Отдѣленіе просило С. Θ-ча взять свое рѣшеніе обратно.

28-го ноября.

Подъ предсѣдательствомъ С. Θ. Платонова присутствовали члены Общества: Д. В. Айналовъ, Н. И. Веселовскій, В. С. Голенищевъ, А. А. Ильинъ, Д. Θ. Кобеко, Н. П. Кондаковъ, Хр. М. Лопаревъ, Н. Е. Макаренко, бар. П. Ф. Мейендорфъ,

---

¹⁾ См. Извѣстія Императ. Археолог. Коммиссіи. Вып. 30. 1909, стр. 127—155 съ 29 рис.: Н. Рѣпниковъ. „Каменные ящики Байдарской долины“; ср. тамъ же стр. 119—122 и Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. № 44. 1910. Н. Рѣпниковъ. О такъ называемыхъ „долменахъ Крыма“.

*

Н. М. Печенкинъ, Н. В. Покровскій, Е. М. Придикъ, А. Е. Прѣсняковъ, С. В. Рождественскій, М. И. Ростовцевъ, Н. И. Рѣпниковъ, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ, А. И. Соболевскій, графъ И. И. Толстой, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, Н. Д. Чечулинъ, гости: гг. Ивановъ, Мироновъ, Раевскій, Романовъ.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

С. Θ. Платоновъ подтвердилъ свой отказъ отъ должности Управляющаго Отдѣленіемъ, послѣ чего было приступлено къ избранію новаго Управляющаго. Абсолютнымъ большинствомъ голосовъ (13-ю изъ 22-хъ поданныхъ записокъ) избранъ Я. И. Смирновъ.

Графъ И. И. Толстой отъ имени Совѣта Общества выразилъ С. Θ. Платонову благодарность за его дѣятельность въ качествѣ члена Совѣта.

III.

Произведены выборы представителя отъ отдѣленія въ Совѣтъ. Большинствомъ голосовъ избранъ С. Θ. Платоновъ.

IV.

Д. В. Айналовъ прочиталъ рефератъ: «*Два примѣчанія къ Антонію Новгородскому*» ¹⁾. Возраженій на рефератъ не послѣдовало.

V.

А. И. Ивановъ демонстрировалъ найденный имъ около Твери кладъ. Кладъ этотъ содержитъ большое количество серебряныхъ вещей: два поруча съ изображеніями человѣческихъ фигуръ, пластинчато-кольчатую цѣпь, двѣ шейныхъ плетеныхъ гривны, нѣсколько паръ серегъ, бусы и болѣе ста денежныхъ гривенъ кievскихъ и новгородскихъ.

---

¹⁾ См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Нов. сер., часть XVIII. 1908. Ноябрь, отд. 2, стр. 90—106: Д. Айналовъ. Примѣчанія къ тексту книги „Паломникъ“ Антонія Новгородскаго.

Н. П. Кондаковъ указалъ на крупную научную цѣнность нѣкоторыхъ вещей, особенно браслета съ человѣческими изображеніями. Эти послѣднія имѣютъ не символическое, а декоративное значеніе и происходятъ отъ нѣкоторыхъ реальныхъ сюжетовъ, какъ можно въ данномъ случаѣ догадываться, отъ изображеній сценъ скомороховъ-кудесниковъ или фокусниковъ. Такія издѣлія, какъ найденный теперь браслетъ, вводятъ въ пониманіе цѣлаго орнаментальнаго цикла въ исторіи искусства Суздальской Руси XII—XIII вѣковъ. На этихъ издѣліяхъ отразилось вліяніе греко-восточныхъ источниковъ, независимыхъ отъ Византіи и питавшихъ цѣлый рядъ варварскихъ искусствъ.

Графъ И. И. Толстой высказалъ мнѣніе, что присутствіе въ кладѣ литовскихъ гривенъ наводитъ на мысль, что вещи клада привозныя изъ южной Руси.

А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя гривны, признаваемые имъ не новгородскими, а литовскими, которыя доселѣ въ русскихъ кладахъ не попадались.

6-го декабря.

Подъ предсѣдательствомъ Я. И. Смирнова присутствовали члены Общества: Д. В. Айналовъ, В. В. Бартольдъ, О. К. Волковъ, С. А. Жебелевъ, Н. П. Кондаковъ, Н. П. Лихачевъ, Н. Е. Макаренко, Н. М. Печенкинъ, А. С. Раевскій, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣпниковъ, Д. Я. Самоквасовъ, А. А. Спицынъ, Б. А. Тураевъ, К. Д. Чичаговъ, А. В. Щусевъ; гости: гг. И. С. Абрамовъ, А. А. Миллеръ, К. К. Романовъ.

I.

По открытіи засѣданія Я. И. Смирновъ благодарилъ Отдѣленіе за избраніе его на должность Управляющаго Отдѣленіемъ и предложилъ Отдѣленію выразить благодарность С. О. Платонову за многолѣтнее руководство занятіями и изданіями Отдѣленія. Предложеніе принято единогласно.

II.

Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

III.

Д. Я. Самоквасовъ сдѣлалъ сообщеніе «*о новомъ Черниговскомъ кладѣ и о раскопкахъ близъ Чернигова и Москвы*». Произведенныя докладчикомъ около Чернигова раскопки передъ послѣднимъ Археологическимъ съѣздомъ показали, что неудачи нѣкоторыхъ предшествующихъ раскопокъ произошли отъ неправильныхъ приѣмовъ изслѣдованія кургановъ. При правильныхъ приѣмахъ Черниговскіе курганы должны дать еще значительныя находки. Собственныя раскопки докладчика дали рядъ вещей отчасти извѣстныхъ по раскопкамъ 1870-хъ годовъ, отчасти новыхъ. Обращаетъ на себя вниманіе косточка съ чертами и царапинами, папоминающими письма. Затѣмъ докладчикъ демонстрировалъ вещи изъ пріобрѣтеннаго имъ минувшимъ лѣтомъ въ Черниговѣ клада: серебряныя колты, бляшки, браслеты, серьги. Всѣ эти вещи должны быть отнесены къ сѣверянскимъ древностямъ. Изображенія на одномъ изъ колтовъ подали поводъ докладчику пересмотрѣть вопросъ о животномъ орнаментѣ на знаменитомъ турьемъ рогѣ, найденномъ въ 1870-хъ годахъ. По мнѣнію Д. Я. Самоквасова, въ этомъ изображеніи надо видѣть древо жизни древне-арійскихъ священныхъ преданій о мірозданіи.

Вторая часть доклада Д. Я. Самоквасова была посвящена раскопкамъ около Москвы. По найденнымъ здѣсь предметамъ, по ихъ составу и технику, докладчикъ отнесъ раскопанные имъ курганы не къ славянскимъ, а къ финскимъ.

Въ заключеніе Д. Я. Самоквасовъ высказалъ мнѣніе, что для научнаго изученія сѣверянскихъ древностей необходимо сосредоточить всѣ эти древности въ одномъ хранилищѣ, каковымъ долженъ явиться музей Сѣверской земли въ Черниговѣ.

Н. П. Кондаковъ не согласился съ новымъ толкованіемъ изображенія на турьемъ рогѣ. По его мнѣнію, это не цѣльное символическое изображеніе, а наборъ чисто декоративныхъ сюжетовъ.

А. А. Спицынъ возразилъ противъ отнесенія раскопанныхъ докладчикомъ подмосковныхъ кургановъ къ финскимъ древностямъ. А. А. Спицынъ остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, что это курганы вятичей.

IV.

И. С. Абрамовъ, сообщеніе котораго, назначенное на это же засѣданіе, пришлось за позднимъ временемъ отложить, указалъ Дм. Як.

Самоквасову на нѣкоторые курганы Черниговской области, которые должны быть признаны не славянскими, а могутъ быть финскими.

20-го декабря.

Присутствовали дѣйствительные члены Общества: Д. В. Айналовъ, Н. И. Веселовскій, Д. А. Клеменцъ, Хр. М. Лопаревъ, Вл. Вл. Майковъ, Н. Я. Марръ, С. Θ. Платоновъ, А. Е. Прѣсняковъ, С. В. Рождественскій, Я. И. Смирновъ, С. Л. Степановъ, А. А. Спицынъ, Б. Вл. Фармаковскій, члены-сотрудники: Θ. К. Волковъ, Н. Е. Макаренко, А. А. Миллеръ, А. С. Раевскій, Н. И. Рѣпниковъ; гости: И. С. Абрамовъ, Барсковъ, А. Ивановъ, М. Клочковъ, Сиверсъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что имъ было своевременно сообщено С. Θ. Платонову единогласное постановленіе предыдущаго собранія Отдѣленія благодарить его, какъ бывшаго Управляющаго дѣлами Отдѣленія, за многолѣтнее руководство занятіями и изданіями Отдѣленія.

Убѣдившись, что означеннымъ постановленіемъ далеко не выражается вся глубина признательности Отдѣленія С. Θ. Платонову, Управляющій отдѣленіемъ предложилъ возбудить отъ имени Отдѣленія передъ Совѣтомъ Общества ходатайство объ избраніи С. Θ. Платонова почетнымъ членомъ Общества.

Предложеніе это принято единогласно всѣми присутствующими дѣйствительными членами Общества, кромѣ одного (С. Θ. Платонова), не голосовавшаго.

III.

С. Θ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе «о Столяровомъ Хронографѣ»¹⁾. Этотъ памятникъ опредѣляли, какъ хронографъ (П. И. Мель-

¹⁾ См. Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва. 1909, стр. 18—29. С. Θ. Платоновъ. Столяровъ хронографъ и его авторъ.

никовъ, А. Н. Поповъ), какъ частную разрядную книгу (А. М. Маркевичъ и самъ докладчикъ), какъ лѣтопись по официальному порученію (В. О. Ключевскій). Изученіе нѣкоторыхъ списковъ памятника, предпринятое докладчикомъ, привело его въ послѣднее время къ заключенію, что Столяровъ хронографъ всего скорѣе должно признать личными «записками», принадлежавшими перу московскаго дворянина Боима (Исидора) Ѳедоровича Болтина. Какъ служилый человекъ и дьякъ, Б. Болтинъ естественно вводилъ въ свои записки разрядный матеріалъ и въ своемъ разсказѣ держался формъ приказнаго изложенія; но составъ и характеръ его произведенія былъ въ тѣсной связи съ его личною жизнью и службою, съ его личными впечатлѣніями, воспоминаніями и интересами. Изученіе памятника параллельно съ данными о самомъ Боимѣ Болтинѣ и его родѣ должно дать интересныя данныя для характеристики какъ самого автора, дотолѣ неизвѣстнаго, такъ и его сочиненія, одного изъ древнѣйшихъ въ своемъ родѣ древнерусскихъ мемуаровъ.

IV.

Ив. С. Абрамовъ прочелъ *отчетъ о раскопкахъ*, произведенныхъ имъ при пособіи Общества лѣтомъ 1908 года въ губерніяхъ Ярославской и Владимірской.

Въ первой ему пришлось установить естественное, а не искусственное, происхожденіе возвышенія близъ дер. Заячій Холмъ, Ярославскаго уѣзда, которое считали (Городцевъ) однимъ изъ длинныхъ кургановъ; не курганомъ оказалась и насыпь близъ дер. Огаревъ Холмъ, того же уѣзда, зато самый холмъ былъ нѣкогда городищемъ, близкимъ, судя по черепкамъ съ сѣтчатымъ орнаментомъ, къ городищамъ, такъ называемаго, Дьякова типа; тутъ же обнаружены были и остатки могильника Фатьяновскаго типа. Раскопка нѣсколькихъ кургановъ у сел. Большого Темирева и Петровскаго, того же уѣзда, обнаружила въ пеплѣ трупосожженной вещи, тождественныя съ находимыми въ курганахъ у Гнѣздова подъ Смоленскомъ.

Во Владимірской губерніи, въ селѣ Волосовѣ, близъ Муромъ, приобрѣтены были отъ крестьянъ кремневая подѣлка весьма хорошей работы, издѣлія изъ кости и мѣди, а также горшокъ, который найденъ былъ на мѣстѣ извѣстной стоянки каменнаго вѣка покрытымъ другимъ горшкомъ. У села Борисоглѣбскаго въ курганахъ обнаружены черепки орнаментированныхъ глиняныхъ сосудовъ, а на берегахъ сосѣдней р.

Ушны, въ урочищѣ Вознесенская пустошь оказались ямы съ признаками жилья: глиняными очагами, черепками, подобными курганнымъ, остатками рыбьей чешуи и перегорѣлыхъ зеренъ; эти ямы имѣли, вѣроятно, шатрообразныя кровли. У села Битюкова, Муромскаго уѣзда, въ распаханнхъ курганахъ обнаружены слѣды трупосожженія; въ городѣ же Ивановѣ-Вознесенскѣ и его окрестностяхъ отъ кургановъ, отмѣченныхъ нѣкогда Нефедовымъ, теперь не осталось и слѣда.

А. А. Спицынъ по поводу этого отчета, напомнивъ Отдѣленію о задачахъ, поставленныхъ изслѣдователю, отмѣтилъ важнѣйшіе результаты изслѣдованій г. Абрамова. Ими, въ связи съ предыдущими данными, устанавливается важное положеніе, что вопроса о такъ называемыхъ удлиненныхъ курганахъ, извѣстныхъ сперва лишь въ области Кривичей, и затѣмъ обнаруженныхъ и въ финскихъ земляхъ (у Сестрорѣцка), не должно осложнять привлеченіемъ сюда же и длинныхъ могильныхъ насыпей Владимірской губерніи, такъ какъ послѣднія представляютъ собою нѣчто иное. Незначительныя раскопки г. Абрамова у села Темирева не могли дать цѣннаго и новаго матеріала. Напротивъ того, дальнѣйшихъ разысканій требуютъ жилищныя ямы на берегахъ р. Ушны: это рѣдкій случай находженія рядомъ и остатковъ жилищъ, и курганныхъ погребеній одной и той же культурной эпохи, которая къ тому же и сама является новостью для русской археологіи. Волосовскія приобрѣтенія устанавливають принадлежность нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ каменныхъ орудій къ мѣдному вѣку; орнаментация стѣпокъ горшка оттуда же оказывается весьма аналогичной отдѣлкѣ горшковъ въ курганахъ со скорченными костяками въ губерніяхъ Пензенской, Тамбовской и Воронежской: такая связь кургановъ этихъ съ Волосовскимъ могильникомъ весьма любопытна.

V.

А. А. Спицынъ представилъ собранію *два клада серебряныхъ вещей*, поступившіе недавно въ Императорскую Археологическую Комиссію.

Одинъ изъ нихъ найденъ въ дер. Чатырки, Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи, и состоитъ изъ нѣсколькихъ серебряныхъ слитковъ, въ формѣ прямыхъ, очень высокхъ, съ глубокою впадиною снизу, гривенъ и серебряныхъ же украшеній: серегъ, въ видѣ колецъ со большими на нихъ бусинами, цѣпочки съ желудеобразными подвѣсками, большихъ, гладкихъ круглыхъ подвѣсныхъ бляхъ и т. п. Референтъ опредѣлилъ въ

кладъ вещи мѣстныя (особый «волжскій» типъ монетныхъ слитковъ, относящихся къ XIV вѣку) и обще-татарскія. Въ вещахъ Золотой Орды наблюдается чрезвычайное разнообразіе типовъ, объясняемое происхожденіемъ самихъ вещей, или, по крайней мѣрѣ, ихъ типовъ, изъ различныхъ областей Востока. Круглыя бляхи находятъ себѣ аналогію въ Вятской (Рябиновскій кладъ X вѣка) и Пермской (Селянино озеро, XIII в.) губерніяхъ, гдѣ подобныя бляхи—тоньше и лучше орнаментированы. Своей культуры, которая объединила бы стекавшіеся отовсюду чужіе элементы въ ничто свое и тѣмъ закрыла бы доступъ чужимъ (обыкновенно весьма хорошимъ по работѣ) вещамъ, татары создать не могли.

Другой кладъ серебряныхъ же вещей изъ села Старыя Буды, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, принадлежитъ,—судя, главнымъ образомъ, по такимъ же монетнымъ слиткамъ, какъ и въ Самарскомъ кладѣ, но впервые, кажется, являющимся въ Кіевской области, также къ XIV вѣку, и служить единственнымъ пока представителемъ кіевской культуры этого, глухого для Кіева, времени. Такъ пара плоскихъ браслетовъ съ чернью, которые нерѣдко достигаютъ такого совершенства въ Кіевскихъ и иныхъ кладахъ XI—XII вѣковъ, поражаютъ здѣсь небрежностью работы и нескладностью орнаментаціи; таковы же и ушные подвѣски (колты) и бусы, и серьги: замѣнъ филиграни является тонкая проволока, спиралью обвиваемая вокругъ проволоки потолще; круглыя подвѣсныя къ ожерелью щитки (дробницы), съ черневыми изображеніями Христа, Божьей Матери и процвѣтшихъ крестовъ, обычные въ домонгольскихъ кладахъ Чернигова, Рязани, Владиміра, въ Кіевѣ доселѣ, быть можетъ лишь случайно, находимы не были; одни изъ нихъ по грубости работы подходятъ къ наиболѣе позднимъ дробницамъ съ крестами, найденными въ Булгарѣ, другіе же явно иной, гораздо лучшей работы (особенно дробница съ изображеніемъ Б. М.) признаны референтомъ за привозное издѣліе. Если большинство вещей клада, хотя бы огрубѣвшихъ по сравненію съ кіевскими вещами болѣе ранняго времени, принадлежать къ извѣстнымъ уже типамъ русскихъ уборовъ домонгольскаго времени, то наряду съ ними нѣкоторыя вещи клада представляютъ для Кіева новость: таковы монетные «волжскіе» слитки, серьги пермскаго типа съ большими, въ видѣ двухъ соединенныхъ основаніями конусовъ, бусинами, усаженными шариками, каждый изъ которыхъ напаянъ на особое колечко изъ гладкой проволоки; витые браслеты съ плоскими треугольными концами, заполненными зернью, хотя и были находимы въ Кіевѣ ранѣе (Музей Духовной Академіи, собраніе Ханенка), но не могли быть датированы: ихъ рѣзкая разница съ браслетами «кіевского» періода

заставляла отодвигать ихъ ко временамъ еще болѣе позднимъ, чѣмъ XIV вѣкъ, опредѣляемый нынѣ общимъ составомъ новаго клада.

По заключенію референта, кладъ этотъ показываетъ, что кіевляне и во времена татарщины оставались вѣрны прежнимъ традиціямъ и торговымъ путямъ, связывавшимъ Кіевъ съ православнымъ Востокомъ, къ татарской же культурѣ, несомнѣнно болѣе разнообразной и богатой, питали естественную антипатію; наоборотъ, Золотоордынское вліяніе чрезвычайно ярко отразилось на уборахъ инородческихъ: Мордовскихъ, Черемисскихъ, Черкесскихъ. Но съ паденіемъ мѣстнаго мастерства, художественныя потребности Кіевлянъ не могли уже удовлетворяться собственными мастерскими, на что и указываетъ присутствіе въ кладѣ вещей явно привозныхъ изъ христіанскихъ странъ, надо думать, изъ Малой Азіи. Да и вообще можно питать нѣкоторое недовѣріе къ теоріямъ о широко поставленныхъ русскихъ мастерскихъ, какъ болѣе ранняго, такъ и этого времени: придворные княжескіе мастера могли работать очень хорошо, но быть въ то же время мастерами пришлыми и обслуживать лишь болѣе или менѣе узкія потребности князя въ уборахъ его семьи и подаркахъ дружинѣ. Новый Кіевскій кладъ бросаетъ свѣтъ на культуру южной Руси въ темныя времена татарщины, а сверхъ того, такъ какъ въ немъ оказались вещи, близкія къ предметамъ извѣстныхъ Курскихъ, Орловскихъ, Суздальскихъ и иныхъ кладовъ, то нынѣ является потребность въ пересмотрѣ вопроса о времени этихъ кладовъ.

С. Л. Степановъ высказалъ сомнѣнія въ умаленіи докладчикомъ значенія кіевскихъ мастерскихъ и указалъ на аналогіи Запада, гдѣ ювелиры упоминаются въ числѣ лицъ, живущихъ на земляхъ даже не особенно знатныхъ и богатыхъ феодаловъ; потребность въ нихъ была, слѣдовательно, не только у владѣтельныхъ князей, но и вообще у состоятельныхъ круговъ тогдашняго общества; то же должно предполагать и о домонгольской Руси.

Н. Я. Марръ выразилъ желаніе, чтобы предполагаемый малоазійскій источникъ культурнаго вліянія на Русь былъ опредѣляемъ и географически, и исторически болѣе точно.

VI.

Я. И. Смирновъ предложилъ вниманію присутствующихъ новую работу Марка Розенберга о черневыхъ работахъ (M. Rosenberg. Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Abth. Niello. Frankfurt am M. 1908), въ которой между прочимъ устанавливаются,

наконецъ, права домонгольской Руси на европейскую нѣкогда славу ея серебряныхъ съ черпью издѣлій. Въ давно извѣстномъ латинскомъ техническомъ трактатѣ *Schedula Diversarum Artium* нѣкоего Теофила пресвитера, составленномъ въ Германіи въ началѣ XII вѣка, въ перечисленіи наиболѣе знаменитыхъ издѣлій разныхъ странъ, Русь славится издѣліями черневыми и «электровыми», т. е., по словоупотребленію Теофила, эмалевыми,—какъ разъ тѣми двумя способами украшенія серебра и золота, которые играютъ первую роль въ ювелирныхъ издѣліяхъ Кіевской Руси, хорошо извѣстныхъ у насъ по многочисленнымъкладамъ. Однако на Западѣ только теперь Розенбергомъ дается надлежащее толкованіе этому мѣсту Теофила: хотя всѣ болѣе древнія рукописи трактата содержатъ въ этомъ мѣстѣ имя Руси, въ томъ или другомъ написаніи (см. издание *Alb. Pig'a*. 1888 г.: *cod. G.* и *V.*, XII в., и *cod. V₁*, копія XVII в. *cod. V*, — *Ruscia*; *cod. C. C.*, XIII в., — *Russcia*; *cod. C. L.*, XIV в., *Rutigia*), однако издатели вмѣсто него вносятъ въ текстъ чтеніе, вѣрнѣе конъектуру, одной поздней рукописи XV вѣка, принадлежавшей актуарию парижскаго монетнаго двора *Jean le Beugne* и писанной тогда (въ 1431 г.), когда культура Кіевской Руси давно уже сокрушена была татарами, и вмѣсто *Ruscia* пишутъ *Tuscia*, т. е. Тоскана.

Розенбергъ отстаиваетъ имя Руси, помимо авторитета рукописнаго преданія, еще слѣдующими, вполне основательными, аргументами: 1) весь пассажъ исчисляетъ страны, явно противопологая Востокъ Западу, причемъ имя Руси стоитъ между Греціей и Аравіей, т. е. сарацинскимъ Востокомъ, которые противопологаются Франціи, Италіи и Германіи: имя Тосканы явно нарушало бы строеніе фразы. 2) Въ XII-мъ вѣкѣ черневья издѣлія Тосканы еще не славились, и единственный памятникъ этого времени, приписываемый Тосканѣ, приписывается ей только изъ-за наличности въ немъ сильнаго византійскаго элемента и, именно, ссылкой на обычное чтеніе *Tuscia* въ изданіяхъ Теофила; въ дѣйствительности же этотъ серебряный съ чернью окладъ переноснаго католическаго антиминса могъ быть первоначально окладомъ русскаго или югославянскаго образа. Наконецъ, 3) Розенбергъ указываетъ на выдающуюся роль черни въ серебряныхъ издѣліяхъ домонгольской Руси и на теперешнія кустарныя издѣлія этого рода въ Кіевѣ, Великомъ Устюгѣ и Тулѣ; свидѣтельства о нихъ восходятъ, по его словамъ, до XVII вѣка, и это народное мастерство представляется ему непосредственнымъ наслѣдіемъ Руси домонгольской. Къ такому предположенію Розенберга побуждалъ, очевидно, современный сбытъ на Западѣ русскихъ издѣлій изъ черни, называемой даже въ нѣмецкомъ просторѣчьи именемъ Тулы (*Tula-Arbeit* или просто *Tula*);

оно нуждается въ болѣе обстоятельныхъ доказательствахъ: И. Е. Забѣлинъ устанавливаетъ, что въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ русскія черневья издѣлія значительно уступали черпи турецкой; въ концѣ XVII вѣка черневья работы исполнялись, конечно, и русскими мастерами; но въ 1664—84 годахъ Михайло Михайловъ, серебряникъ и черневого дѣла мастеръ, называется ученикомъ царегородцевъ — Леонтія Константинова и Ивана Юрѣва, очевидно грековъ, а упоминаемый въ 1659 году, черневого дѣла мастеръ Антонъ Ѳедоровъ оказывается прямо Турчаниномъ. Очевидно, послѣ татарскаго разоренія, и черневья издѣлія въ Россіи пришли въ такой же упадокъ, какъ и многое другое, и новый Кіевскій кладъ XIV вѣка свидѣтельствуетъ именно объ этомъ паденіи въ эпоху татарщины того мастерства, которымъ славилась на всю Европу Русь домонгольская.

А. А. Спицынъ предостерегалъ противъ излишняго довѣрія къ литературнымъ свидѣтельствамъ объ издѣліяхъ той или иной страны, такъ какъ въ этихъ случаяхъ продуктъ часто смѣшивается съ транзитомъ.

VII.

Доложено предложеніе за подписями Дм. Вл. Айналова, С. Ѳ. Платонова и Я. И. Смирнова—объ избраніи въ иностранные члены-сотрудники Общества Марка Розенберга, профессора высшей технической школы въ Карлсруэ, и Ормонда М. Дальтона, хранителя средневѣковаго отдѣленія Британскаго Музея.

Постановлено, согласно параграфа 17 Устава, передать предложеніе г-ну Секретарю Общества для доклада въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1909 годъ.

13-го февраля.

Подъ предсѣдательствомъ Я. И. Смирнова присутствовали члены Общества: В. С. Борзаковскій, Э. А. Вольтеръ, М. Г. Демени, А. С. Раевскій, С. В. Рождественскій, А. А. Спицынъ; гости: г.г. Зеленинъ, Каменскій, Милѣевъ, Мионовъ, Милютинъ, Романовъ, Фохтъ.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

II.

Заслушанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Отдѣленія за 1908 г.

III.

Избраніе секретаря Отдѣленія, вслѣдствіе малочисленности собравшихся дѣйствительныхъ членовъ отложено до слѣдующаго засѣданія.

IV.

В. И. Каменскій прочиталь докладъ о *раскопкахъ въ Ветлужскомъ уездѣ на такъ называемомъ Чортовомъ Городищѣ*¹⁾.

---

¹⁾ См. Сборникъ Музея по Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. VII. В. Каменскій. „Чортово Городище“ въ Ветлужскомъ уездѣ по раскопкамъ 1908 г. Сиб. 1909. 3°. 12 стр. съ 7 рисунками. Ср. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ. 1909, стр. 392.

А. А. Спицынъ призналъ эти раскопки весьма цѣнными. Особенно интересно неожиданное открытіе на Ветлугѣ культуры Пьяно-Борскаго могильника (VI—VII в.). Найденныя въ городищахъ вещи IX—X в. принадлежатъ, по всей вѣроятности, тому же населенію.

V.

Д. К. Зеленинъ прочиталъ первую часть доклада «*о земледѣльческихъ орудіяхъ у русскихъ*»: ¹⁾ ралѣ, плугѣ, сохѣ, косулѣ. Опредѣливъ положеніе вопроса о пахотныхъ орудіяхъ въ литературѣ по экономической исторіи древней Россіи и отмѣтивъ скудость источниковъ, говорящихъ о земледѣльческихъ орудіяхъ, докладчикъ подробно остановился на вопросѣ о ралѣ, признаваемомъ имъ древнѣйшимъ общерусскимъ пахотнымъ орудіемъ, и объ отношеніи рала къ плугу. Мнѣніе Рожкова объ употребленіи тяжелаго плуга въ сѣверной, лѣсной Россіи докладчикъ призналъ неприемлемымъ. Вторая часть доклада, — о сохѣ и косулѣ, за позднимъ временемъ, отложена до слѣдующаго засѣданія.

С. В. Рождественскій, отмѣтивъ важность изученія древнихъ земледѣльческихъ орудій для исторіи землевладѣнія и землепользованія, обратилъ вниманіе докладчика на необходимость изученія исторіи этихъ орудій въ связи съ общей обстановкой хозяйствъ, въ которыхъ онѣ употреблялись, особенно въ связи съ ролью скотоводства, и указалъ на не вполне вѣрную оцѣнку докладчикомъ мнѣнія Рожкова объ употребленіи плуга въ сѣверной Россіи, какъ признакъ земледѣльческаго регресса въ XVI в.

М. Г. Деммени добавилъ нѣсколько свѣдѣній о старинныхъ пахотныхъ орудіяхъ Новгородской губерніи.

А. А. Спицынъ обрисовалъ широкія археологическія перспективы, открывающіяся при изученіи первоначальной исторіи европейской земледѣльческой техники.

VI.

А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе на *загадочныя сооруженія изъ полыхъ кирпичей въ Литвѣ*. Они найдены въ курганахъ, а можетъ

---

¹⁾ Ср. Дм. Зеленинъ. Русская Соха. Ея исторія и виды. Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры, изданіе Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Вятка. 1907. 8°. 189+VI стр. съ 1 таблицей чертежей.

быть и впущенными въ землю. Возможно, что эти сооруженія заключаютъ трупосоженія языческой Литвы передъ принятіемъ христіанства въ XIV—XV в.в.

21-го февраля.

Подъ предсѣдательствомъ Я. И. Смирнова присутствовали дѣйствительные члены и сотрудники: О. К. Волковъ, М. В. Красовскій, Хр. М. Лопаревъ, С. О. Ольденбургъ, Н. М. Печенкинъ, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣпниковъ, А. А. Спицынъ; гости: гг. Зеленинъ, Ивановъ, Мионовъ, Романовъ, Строевъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Избраніе секретаря Отдѣленія отложено до слѣдующаго засѣданія.

III.

А. А. Спицынъ доложилъ *Отчетъ С. С. Гамченка о раскопкахъ, произведенныхъ летомъ 1908 г.*¹⁾ Постановлено напечатать отчетъ г. Гамченка въ Запискахъ Отдѣленія.

IV.

Д. К. Зеленинъ прочиталъ вторую часть доклада *о пахотныхъ орудіяхъ въ древней Россіи* — сохѣ и косулѣ. Прогрессъ въ технику этихъ орудій, по мнѣнію докладчика, былъ вполне самостоятельный; приписывать его иноземному культурному вліянію нѣтъ основаній. Соха по своему происхожденію есть двузубое рало и первоначально она не имѣла палицы. Дальнѣйшее совершенствованіе сохи выразилось въ появленіи палицы и въ видоизмѣненіяхъ ральниковъ. Главныхъ видовъ

---

¹⁾ Напечатанъ въ настоящемъ томѣ Записокъ, стр. 63—162: Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ кургановъ, и стр. 163—221. Изслѣдованіе кургановъ у дер. Сятенки по р. Лугѣ.

сохи можно насчитать 10, а мелкихъ до 100. Въ XVII вѣкѣ появилась новая разновидность сохи—косуля, т. е. косая соха. Прогрессъ пахотныхъ орудій быстрѣ развивался въ сѣверо-восточной Россіи, чѣмъ въ южной.

Я. И. Смирновъ обратилъ вниманіе докладчика на желательность обратиться къ миниатюрамъ для изученія древнихъ пахотныхъ орудій.

Ө. К. Волковъ высказалъ нѣсколько соображеній по вопросу о заимствованіи древнихъ орудій.

С. В. Рождественскій отмѣтилъ связь эволюціи пахотныхъ орудій съ порядками землепользованія въ XVI—XVII вѣкахъ.

28-го февраля.

Присутствовали: почетный членъ Общества графъ А. А. Бобринской, дѣйствительные члены—Д. В. Айналовъ, В. С. Борзакоскій, Н. И. Веселовскій, А. Дмитріевскій, С. А. Жебелевъ, С. В. Рождественскій, Я. И. Смирновъ, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, Д. К. Чичаговъ; члены-сотрудники—Н. Е. Макаренко, А. А. Мироновъ, Вл. Мясоѣдовъ, Н. М. Печенкинъ, А. С. Раевскій; гости: П. Грековъ, г. Кайзеръ, В. Н. Максимовъ, Д. В. Милѣевъ, Лаз. Моисеевъ, К. К. Романовъ, г. Субботинъ, М. В. Фармаковскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

II.

Произведены выборы секретаря Отдѣленія закрытымъ голосованіемъ; избраннымъ оказался В. Т. Георгіевскій девятью голосами противъ одного, поданнаго за А. Е. Прѣснякова.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ благодарилъ отъ имени Отдѣленія С. В. Рождественскаго, исполнявшаго должность секретаря въ теченіе двухъ сроковъ, т. е. болѣе шести лѣтъ.

IV.

Архитекторъ Д. В. Милѣевъ сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ въ усадьбѣ Десятинной церкви въ Кіевѣ лѣтомъ 1908 года.

Изложивъ вкратцѣ девятисотлѣтнюю исторію церкви и остановившись подробнѣе на раскопкахъ и изслѣдованіяхъ остатковъ древней Десятинной церкви въ 1820-хъ годахъ XIX вѣка, произведенныхъ А. С. Анненковымъ, митроп. Евгеніемъ Болховитиновымъ и архитекторомъ Ефимовымъ, а также на уничтоженіи этихъ остатковъ при построеніи въ юго-западномъ углу древней церкви новой Десятинной церкви архитекторомъ В. Стасовымъ, докладчикъ перешелъ къ изложенію результатовъ начатыхъ въ 1908 году Императорскою Археологическою Коммиссіей систематическихъ раскопокъ, которыя велись имъ подъ ближайшимъ руководствомъ Б. Вл. Фармаковского.

Докладъ иллюстрировался многочисленными чертежами и фотографіями, показанными, отчасти, волшебнымъ фонаремъ на экранѣ.

Раскопки произведены были въ возможной близости къ новой церкви съ восточной и сѣверной стороны ея. Тщательное наблюденіе и изслѣдованіе различныхъ слоевъ земли въ этихъ выемкахъ позволило изслѣдователямъ сдѣлать рядъ интересныхъ заключеній относительно древней постройки св. Владиміра и позднѣйшихъ, повидимому, пристроекъ къ ней, вѣроятно Ярослава, хотя на мѣстахъ, гдѣ находились нѣкогда стѣны зданія, не сохранилось почти ничего, и даже отъ фундаментовъ уцѣлѣли лишь незначительные куски: весь камень былъ нѣкогда выбранъ, и направленіе стѣнъ опредѣлялось по большей части лишь канавами, которыя оказывались засыпанными землею иного состава, нежели окружающій грунтъ.

По этимъ канавамъ выяснились неточности и ошибки всѣхъ старыхъ плановъ церкви. Раскопки велись столь осторожно и послѣдовательно, что на фотографіяхъ, снимаемыхъ въ разное время съ одного и того же мѣста, можно ясно видѣть всю послѣдовательность наслоеній и остатковъ отъ построекъ различныхъ эпохъ, а равно и приемы подготовки почвы для фундаментовъ этихъ построекъ, стѣнъ которыхъ не сохранилось вовсе.

Особенно интересныя данныя обнаружены на мѣстѣ трехъ абсидъ древней церкви, изъ которыхъ южная оказалась, впрочемъ, почти совершенно уничтоженной предыдущими раскопками. Во всю ширину

абсидъ и болѣе, подходя подъ фундаменты стѣнъ ихъ и продолжаясь еще далѣе къ востоку въ неизслѣдованное пока мѣсто, лежитъ на материковой глинѣ тщательно устроенный ростверкъ: верхній слой его образуютъ большіе куски желтаго песчаника, подъ ними—слой известковаго цемента, ниже—слой горизонтально положенныхъ бревенъ, промежутки между которыми заняты также цементомъ; еще ниже — другой такой же слой, гдѣ бревна лежатъ въ перпендикулярномъ къ верхнимъ направленію; наконецъ, въ самой материковой глинѣ ясно видны нижніе концы кольевъ, вертикально забитыхъ въ промежуткахъ между накрестъ лежавшими бревнами ростверка.

Въ этомъ, простиравшемся нѣкогда, очевидно, подъ всею древнею церковью, ростверкъ въ серединѣ большой абсиды обнаружена яма, доведенная до материка предыдущими изслѣдователями или кладоискателями, очевидно, въ поискахъ за полагавшимися въ древности въ основаніе престола мощами въ дорогахъ ковчегахъ.

Подъ ростверкомъ въ материкѣ обнаружилось нѣсколько могилъ и остатки подвального этажа какого-то деревяннаго зданія; и то, и другое принадлежатъ, очевидно, времени до построенія церкви Владиміромъ Святѣмъ. Одна могила, пришедшаяся подъ алтаремъ церкви, особенно интересна по найденнымъ при костяхъ вещамъ: въ ногахъ стояло деревянное, совершенно истлѣвшее, конечно, ведро съ желѣзными обручами и деревяннымъ же ковшикомъ, ручка и край котораго обложены гладкимъ серебрянымъ листикомъ; на груди найдены круглая подвѣска изъ блѣднаго золота съ плетеными узорами изъ проволоки и зерни, а также подобіе серебряной византійской монеты съ придѣланнымъ къ ней ушкомъ для ношенія въ видѣ амулета.

Остатки деревяннаго зданія, подобные тѣмъ, которые обнаружены В. В. Хвойко на сосѣдней съ Десятинною церковью усадьбѣ д-ра Петровскаго, состояли изъ четырехъ срубленныхъ въ лапу балокъ какого-то квадратнаго помѣщенія, ориентированнаго совершенно иначе, чѣмъ церковь; этотъ вѣнецъ представлялъ, очевидно, нижнюю часть подвала, такъ какъ онъ лежалъ значительно ниже тогдашняго уровня поверхности, опредѣляемой тонкимъ культурнымъ слоемъ.

Справа и слѣва къ трехъ-абсидной церкви примыкали широкія, до 6—8 аршинъ, помѣщенія, пристроенныя, какъ видно по сохранившимся признакамъ конструкціи ихъ, позднѣе, чѣмъ возведенная на ростверкѣ церковь. Отъ этихъ стѣнъ мѣстами сохранился фундаментъ.

Раскопками прослѣжены пока восточная стѣна, юго-восточный уголъ, сѣверо-восточный и на значительномъ протяженіи сѣверная стѣна.

*

Въ сѣверо-восточной части раскопа пришлось углубиться на весьма значительную глубину, такъ какъ тутъ въ древности былъ какой-то, шедшій, повидимому, съ запада на востокъ, оврагъ или ровъ, позднѣе засыпанный.

Исслѣдованіе фундаментовъ сѣверной стороны пристройки привело къ открытію древняго, украшеннаго рельефными крестами и узорами саркофага изъ краснаго шифера, несомнѣнно, одного изъ двухъ, найденныхъ архитекторомъ Ефимовымъ. Саркофагъ найденъ былъ тщательно заложенымъ сверху и съ бковъ кирпичами, отчасти новыми, и цементомъ. Костякъ оказался уже потревоженнымъ; въ опредѣленіи пола погребеннаго анатома разошлись; четыре ребра были переломлены и затѣмъ срослись; по мнѣнію нѣкоторыхъ врачей поврежденіе это было причинено ударомъ сабли, что говоритъ скорѣе за то, что здѣсь погребень мужчина. Несмотря на вскрытіе и позднѣйшую закладку, саркофагъ сохранилъ свое древнее положеніе у внѣшней стѣны, между двумя пилястрами, и дно его, снабженное особыми отверстиями, доселѣ стоитъ на первоначальномъ бетонномъ основаніи. Саркофагъ этотъ явился наиболѣе виднымъ результатомъ перваго года систематическихъ раскопокъ Десятинной церкви, исслѣдованіе остатковъ которой предполагается продолжать и въ текущемъ году.

Докладъ заключенъ былъ предъявленіемъ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ находокъ, во множествѣ сдѣланныхъ во время раскопокъ, какъ напримѣръ, прекраснаго, рѣзнаго изъ стеатита, образка столпника, вѣроятно, Симеона, съ крестомъ, растительными разводами и птичкою на оборотной сторонѣ, вещицъ, найденныхъ въ могилѣ подъ среднею абсидой, обломка плиты проконнесскаго мрамора съ рельефными орнаментами съ обѣихъ сторонъ и остатками красной раскраски на лицевой сторонѣ, обломка кирпича съ рельефнымъ знакомъ, подобнымъ извѣстному «знаменію» на монетахъ Св. Владиміра, разнаго рода образцовъ строительнаго матеріала, кусковъ штукатурки съ остатками фресковой росписи и т. п.

Чертежи Д. В. Милѣва и описаніе хода раскопокъ 1908 года Императорская Археологическая Коммиссія предполагаетъ опубликовать въ своихъ «Извѣстіяхъ» въ ближайшемъ времени.

Въ дополненіе доклада Дм. Вл. Милѣва, Б. Вл. Фармаковскій констатировалъ ту необычайную, можно сказать небывалую еще у насъ, тщательность и точность, съ которой докладчикъ велъ порученныя ему раскопки, зарисовывая и фотографирова малѣйшія детали наслоеній почвы и остатковъ постройки; столь тщательное отношеніе его къ мелочамъ, которыя были бы многими оставлены безъ вниманія, увѣнчались

должнымъ успѣхомъ: чертежи Д. В. Милѣва, не нашедшаго уже никакихъ остатковъ стѣнъ и лишь въ немногихъ мѣстахъ обнаружившаго части фундаментовъ, исправляютъ тѣмъ не менѣе и значительно дополняютъ чертежи, описанія и заключенія прежнихъ изслѣдователей, предъ которыми стояли еще мѣстами стѣны Десятинной церкви.

Для исторіи зданія и Кіева вообще особенно важно находеніе погребеній и построекъ подъ церковью св. Владиміра; погребенія, по мнѣнію Б. В. Фармаковского, можно считать уже христіанскими: языческія оставили бы скорѣе слѣды сожженія; да и по времени могила подъ среднею абсидой не слишкомъ удалена отъ времени построения церкви: монетообразная подвѣска оказалась, по заключенію А. К. Маркова, русскимъ (вѣроятно) подражаніемъ монетамъ императоровъ Константина и Василія, по различнымъ, такъ какъ на подлинныхъ монетахъ такого именно соединенія лицевой стороны съ обратной не встрѣчается.

Графъ А. А. Бобринской, неоднократно посѣщавшій раскопки, подтверждалъ крайнюю осторожность и осмотрительность въ веденіи работъ и находилъ поэтому совершенно неосновательными тотъ шумъ и нареканія, которые подняты были нѣкоторыми кіевскими газетами по поводу неосторожнаго и неуважительнаго якобы обращенія производителей раскопокъ съ саркофагомъ и покоившимися въ немъ костякомъ, признававшимися этими журналистами за останки св. Ольги, между тѣмъ какъ ни самое устройство, ни мѣсто находенія саркофага, ни потревоженный еще раѣе кости не давали никакихъ серьезныхъ основаній для такого предположенія, противорѣча тѣмъ немногимъ, правда, даннымъ, которыми обладаемъ мы относительно гробницы Ольги. Не будучи увѣренъ, что найденный саркофагъ стоитъ на его первоначальномъ мѣстѣ, графъ А. А. Бобринской признавалъ наиболѣе удобнымъ перенести его для храненія въ церковь.

Д. Вл. Айналовъ полагалъ, что саркофагъ занимаетъ свое первоначальное мѣсто и перестановкѣ не подвергался; пристройки, не вполне симметричныя съ обѣихъ сторонъ, рѣзко отличающіяся по техникѣ постройки, приложенныя къ средней части церкви въ притыкъ (что не соответствовало бы необходимому единству въ конструкціи купольнаго храма), должно признать несомнѣнно позднѣйшими добавленіями къ церкви св. Владиміра, и къ нимъ можно прилагать свидѣтельство Иларіона о томъ, что Ярославъ довершилъ недоконченное Владиміромъ. Рѣзной изъ камня образокъ Столпника, сохранившій слѣды позолоты на лицевой сторонѣ, по стилю самаго изображенія должно считать древнѣе

XI вѣка, рисунокъ же креста, начерченный на оборотѣ, на ряду съ буквами **HNH**, указываетъ на русское его происхожденіе, а самыя буквы эти могутъ быть искаженіемъ обычнаго при крестахъ греческаго слова **NIKA**.

V.

Докладъ Д. В. Милѣва и предъявленныя вещи вызвали столь живой обменъ мнѣній между собравшимися и участниками и очевидцами раскопокъ, что, въ виду поздняго времени, другое назначенное въ повѣсткѣ сообщеніе Н. Е. Макаренка: «О Юрьевой божницѣ близъ города Остра, Черниговской губерніи» пришлось отложить.

10-го марта.

Присутствовали: дѣйствительные члены Общества К. А. Иностранцевъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, князь П. А. Путятинъ, Я. И. Смирновъ и А. А. Спицынъ; члены-сотрудники Н. Е. Макаренко, А. А. Миллеръ, А. А. Мионовъ, Н. М. Печенкинъ и Н. И. Рѣпниковъ; гости: И. С. Абрамовъ и Вл. И. Каменскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго Собранія, съ нѣкоторыми исправленіями А. А. Спицына.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ Собранію, что наканунѣ имъ получено отъ Ѳ. К. Волкова извѣщеніе о нездоровьѣ, мѣшающемъ ему сдѣлать назначенное въ повѣсткахъ сообщеніе: «Палеолитъ въ Европейской Россіи и стоянка въ с. Мезинѣ, Черниговской губерніи». Выражая надежду, что скорое выздоровленіе Ѳ. К. дастъ возможность собравшимся услышать сообщеніе это въ ближайшемъ же засѣданіи, предсѣдательствующій предложилъ въ измѣненіе программы засѣданія выслушать докладъ Н. Е. Макаренко, любезно согласившагося сдѣлать теперь сообщеніе, подготавливающееся имъ къ одному изъ слѣдующихъ засѣданій.

III.

Вл. Ив. Каменскій сдѣлалъ сообщеніе о *раскопкахъ такъ называемаго «Черемискаго кладбища» на рѣкѣ Ветлугѣ*, произведенныхъ лѣтомъ 1908 года.

Въ песчаныхъ дюнахъ на лѣвомъ берегу р. Ветлуги, близъ дер. Валовой, верстахъ въ 18 выше гор. Ветлуги, докладчикомъ на мѣстѣ выкорчеваннаго нѣкогда бора, нынѣ вновь заростающаго лѣсомъ, обнаруженъ былъ могильникъ, весь изрытый ямами, которыя, какъ потомъ оказалось, въ большинствѣ случаевъ были грабительскими и затянуты черною землею. Изъ раскопокъ выяснилось, что обрядъ погребенія, господствовавшій въ данномъ мѣстѣ, былъ трупосожженіе (изъ 14 случаевъ—10 относятся къ трупосожженію, и только 4 къ простому погребенію), причемъ уцѣлѣвшія вещи покойника раскладывались въ нѣкоторомъ порядкѣ, соответственномъ прежнему положенію его трупа; только протяженіе его обыкновенно сокращалось до 2 аршинъ, такъ какъ головныя и нагрудныя украшенія, собранныя вмѣстѣ и прикрытыя лоткомъ, перекладывались ближе къ ногамъ; вещи же, лежавшія у пояса, оставались на прежнемъ мѣстѣ. Здѣсь обыкновенно оказывались: ножикъ, точило, кремни для высѣканія огня, пара тиглей или льячковъ и формочка для отливанія украшеній. Въ ногахъ помѣщался сосудъ, чаще желѣзный котель, иногда же мѣдный котелокъ и, въ рѣдкомъ случаѣ, глиняный горшокъ. Иногда отдѣльныя вещицы оказывались тщательно разложенными на кусочкахъ бересты; другія были завернуты въ бересту, а иногда ткань или кожаный кошелекъ. Вещи, найденныя при раскопкахъ въ весьма большомъ количествѣ, сообразно географическому положенію могильника, представляютъ собою соединеніе типовъ, извѣстныхъ съ одной стороны въ Перми и Вяткѣ, а съ другой въ могильникѣ с. Томникова, а равно и западно-финскихъ. Особенно велико число украшеній разнаго рода съ лапчатыми и колокольчиковидными подвѣсками и разнаго вида бляшекъ на ремняхъ то мѣдныхъ, то бѣлаго сплава, то золоченныхъ; остатки ножа въ обложенныхъ мѣдью ножнахъ напоминаютъ находки въ западно-финскихъ и литовскихъ областяхъ, а серебряная, свитая браслетомъ шейная гривна, тождественна вятскимъ; въ одной могилѣ нашлись большія гладкія серебряныя височныя кольца; загадочными остались два образца короткихъ желѣзныхъ цѣпей съ плоскими заостренными пластинками на концахъ, тогда какъ другіе концы ихъ соединялись вмѣстѣ въ кольцо, къ которому подвѣшенъ странный желѣзный инструментъ, въ обоихъ случаяхъ разный;

поражаетъ количество глиняныхъ тиглей и льячковъ, находившихся всегда по двѣ штуки въ могилѣ вмѣстѣ съ формочками для литья одного и того же типа, хотя большая часть вещей должна считаться завозными.

Время этого, столь богатаго и интереснаго некрополя, определяется приблизительно арабскими серебряными монетами X вѣка, найденными въ нѣкоторыхъ могилахъ.

Могильникъ можно считать восточно-финскимъ, хотя теперешнему названію кладбища «Черемисскимъ» не можетъ быть придаваемо большаго значенія при попыткахъ болѣе точнаго опредѣленія народности.

А. А. Спицынъ отмѣтилъ выдающійся интересъ открытія, слѣланнаго В. И. Каменскимъ на Ветлугѣ, которое среди находокъ послѣдняго десятилѣтія можно равнять лишь съ Поломскимъ могильникомъ. Правда, присутствіе на Ветлугѣ вещей подобныхъ типовъ можно было предполагать и ранѣе по нѣкоторымъ предметамъ Костромскаго музея, но попытки опредѣлить мѣста происхожденія ихъ А. А. Спицыну не удалось. Подобные могильники съ богатыми погребеніями извѣстны въ сосѣднихъ уѣздахъ Вятской губерніи. Лучшій изъ нихъ Юмскій, гдѣ найдено нѣсколько погребеній вещей покойниковъ, безъ какихъ-либо признаковъ костяковъ. Теперешнія находки В. И. Каменскаго даютъ ключъ къ Вятскимъ могильникамъ. Здѣсь оказываются рядомъ и погребеніе и сожженіе; неожиданностью является господство сожженія надъ погребеніемъ (10 на 4), такъ какъ у восточныхъ финновъ, начиная съ эпохи Ананьинскаго могильника, господствовало погребеніе. Ветлуга, хорошее заселеніе которой въ древности засвидѣтельствовано послѣдними раскопками г. Каменскаго, можетъ быть признана неизвѣстнымъ доселѣ, но важнымъ нѣкогда, путемъ между Волгою и Сѣв. Двиною, что и соотвѣтствуетъ географическому ея положенію; въ такомъ случаѣ по ней шла торговля Волги и Булгара съ Біармами, а послѣднихъ есть основаніе причислять къ финнамъ западнымъ, которые всегда сожигали своихъ покойниковъ: не есть ли трупосожженія, обнаруженныя на Ветлугѣ, указаніе на біармійское вліяніе?

Раскопками В. И. Каменскаго археологамъ поставлена интересная задача: разобраться во взаимоотношеніяхъ найденныхъ имъ вещей къ аналогичнымъ находкамъ Вятскимъ, Волжскимъ и Окскимъ. Прежній взглядъ о господствѣ до береговъ Волги культуры Лядинскаго могильника теперь долженъ быть измѣненъ. На Ветлугѣ есть нѣсколько вещицъ, которыя являются только среди Лядинскихъ, но которыхъ нѣтъ среди Вятскихъ и Камскихъ; въ послѣднихъ болѣе замѣтно восточное вліяніе,

тогда какъ въ Лядинскихъ—южное, алапскія вещи. Центромъ, всей этой культуры окажутся, можетъ быть, Болгары. Ветлужскія раскопки даютъ еще новыя цѣнныя хронологическія указанія: Валовскій могильникъ можетъ быть отнесенъ ко второй половинѣ X-го вѣка.

IV.

Н. Е. Макаренко сообщилъ «*О раскопкахъ Маяцкаго городища на р. Донъ лѣтомъ 1908 года*»¹⁾.

Городище, находящееся на горѣ, при впаденіи въ Донъ р. Тихой Сосны, близъ Дивногорскаго монастыря, давно уже извѣстно. Раскопки послѣднихъ годовъ открыли около городища некрополь, близкій по типу погребеній и вещамъ, найденнымъ въ могилахъ, къ могильнику Салтовскому и инымъ, приписываемымъ нынѣ аланамъ или ясамъ VIII—X вѣка по Р. Х.

Причудливыя скалы, въ видѣ столбовъ, т. н. «дива», стоящія на склонахъ той же горы, на вершинѣ которой находится городище, также давно уже привлекали къ себѣ вниманіе. Однако отождествляемые нерѣдко съ ними «столпы и суда каменные», о которыхъ упоминается въ книгѣ Большаго Чертежа, должно искать, какъ доказалъ Марковъ, не здѣсь, а гораздо выше по Дону, при впаденіи р. Быстрой Сосны. Пещеры и одна пещерная церковь, вырубленныя въ этихъ мѣловыхъ скалахъ и не носящія, къ сожалѣнію, никакихъ ясныхъ признаковъ времени происхожденія ихъ, также были въ свое время зарисованы архитекторомъ Струковымъ. Особенный же интересъ представляла найденная имъ въ городищѣ и фотографированная имъ же надпись письменами подобными орхонскимъ, о которой въ прошломъ году говорилъ въ Отдѣленіи А. А. Спицынъ.

Ислѣдованія Н. Е. Макаренко сосредоточены были на самомъ городищѣ, представляющемъ четырехугольную неправильную ограду на вершинѣ горы. Внутренность его изрыта ямами, слѣдами раскопокъ и добычи тесанаго камня; оно обнесено валомъ, образованнымъ отъ развалившейся и также разобранной отчасти каменной ограды.

Искать остатковъ воротъ представлялось нецѣлесообразнымъ, такъ какъ мѣста ихъ обозначаются широкими выемками, указывающими на то, что они давно уже разобраны, а потому докладчикъ сосредоточилъ

---

¹⁾ См. Извѣстія Императ. Археологич. Коммиссіи. Вып. 43. 1911. Н. Е. Макаренко. Археологическія изслѣдованія 1907—1909 гг.; стр. 1—47, рис. 1—53. Маяцкое городище.

раскопки на особой прямоугольной оградѣ внутри городища, примыкающей въ одномъ мѣстѣ къ оградѣ городища. Внутри ея видно было нѣсколько большихъ неглубокихъ ямъ; при изслѣдованіи одной изъ нихъ обнаружилась кладка изъ тесанныхъ мѣловыхъ камней размеромъ нѣсколько большая, чѣмъ эта яма; съ одной стороны стѣнки сходились подъ прямымъ угломъ, съ другой же, судя по немногимъ сохранившимся на мѣстѣ камнямъ, одна стѣнка имѣла, если не полу-круглую, то во всякомъ случаѣ выгнутую наружу зданія форму.

Сложенными изъ тесанныхъ же камней оказались и три стѣны, отдѣлявшія изслѣдуемую часть отъ прочей площади городища. Такими же тесанными, но неправильной формы, мѣловыми камнями оказались обложенными и обѣ стороны ограды городища, которая оказалась имѣвшей до 9 аршинъ въ толщину и построенной не на материкѣ, который лежитъ мѣстами всего на 1—1½ аршина, а на черной, наносной землѣ, что не могло, конечно, способствовать большой прочности и устойчивости ограды. Промежутки между отдѣльными камнями этихъ облицовокъ заполнены были особымъ бѣловатымъ глинянымъ цементомъ и имъ же залиты необтесанные камни, которыми заполнена вся середина стѣны, внѣшняя и внутренняя поверхности которой очищены были Н. Е. Макаренко на значительное протяженіе. При этомъ на многихъ камняхъ оказались интересные знаки и фигуры, вырѣзанные острымъ орудіемъ: это были или грубые рисунки (осла, двухъ лошадей, лошади, на которой предполагалось, видимо, нарисовать и всадника, человѣческаго лица en face и т. п.) или непонятныя комбинаціи линій или же, наконецъ, знаки, напоминающіе тамги; а въ одной группѣ можно усмотрѣть подобныя греческимъ буквы. Такъ какъ подобнаго рода знаки оказывались вырѣзанными и на стѣнкахъ могилъ, окружающихъ городище, то и время сооруженія послѣдняго можетъ быть датировано приблизительно временемъ этихъ гробницъ, каковое опредѣляется находимыми въ нихъ вещами «аланскаго» типа; при раскопкахъ же городища докладчикомъ никакихъ вещей найдено не было, равно какъ и какихъ-либо орнаментированныхъ архитектурныхъ частей, кромѣ одного камня, имѣющаго форму параллелепипеда съ двухскатнымъ верхомъ.

А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе на построеніе ограды на наносномъ, но не культурномъ слоѣ, устанавливающее, что городище оказывается построеннымъ на пустомъ, не занятомъ прежде селеніемъ мѣстѣ; Струковымъ одна могила найдена внутри городища.

К. А. Иностранцевъ точно опредѣлять тамги не находилъ возможнымъ, но ближайшимъ къ рисунками и знакамъ Маяцкаго горо-

дища признавалъ находимые на камняхъ въ южной части киргизскаго края.

А. А. Миллеръ особенно близкихъ аналогій среди знаковъ собственности башкировъ, киргизовъ, черкесовъ и абхазцевъ отыскать не могъ; онъ указывалъ на необходимость различать тамги отъ иныхъ начертаній, которыя могутъ быть лишь сокращенными и упрощенными изображеніями различныхъ фигуръ. Ближайшей аналогіей этимъ граффити, ему извѣстной, являются подобные, но не тождественные знаки, вырѣзанные на разобранныхъ нынѣ кирпичныхъ стѣнахъ Цимлянскаго городища, несомнѣнно уже послѣ ихъ построенія.

Я. И. Смирновъ указалъ на свидѣтельство о «вовсе старинныхъ башняхъ» въ некоторыхъ донскихъ городовахъ, о которыхъ упоминаетъ «Прилежное описаніе рѣки Дона или Танаиса» переведенное въ 1766 году съ голландскаго сочиненія вице-адмирала Крюйса и находящееся въ одной рк. Публичной Библиотекѣ (Разноязычныя, F. IV. 24); о Маяцкомъ городищѣ тутъ не упоминается, но, быть можетъ, какія-либо данныя о немъ найдутся на тѣхъ картахъ, которыми сопровождался голландскій подлинникъ.

Н. И. Рѣпниковъ указалъ что эти рѣдчайшія карты Дона имѣются въ собраніи А. Л. Бертье-Делагарда.

17-го марта.

Присутствовали дѣйствительные члены Общества: В. Т. Георгіевскій, кн. П. А. Путятинъ, Я. И. Смирновъ и А. А. Спицынъ; члены-сотрудники: Ѳ. К. Волковъ, А. А. Миллеръ, А. А. Мироновъ и Н. И. Рѣпниковъ; гости: И. С. Абрамовъ, Д. К. Зеленинъ, А. И. Ивановъ и Н. М. Могилянскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Ѳ. К. Волковъ сдѣлалъ сообщеніе: «Палеолитъ въ Европейской Россіи и стоянка въ селѣ Мезинѣ Черниговской губерніи» ¹⁾.

---

¹⁾ См. Труды XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ, томъ III, стр. 262—270, рис. 170—174. Ѳ. Волковъ. Палеолитическая стоянка въ с. Мезинѣ, Черниг. губ. Предварительное сообщеніе.

Въ первой части доклада изложены были общія данныя о палеолитѣ въ Европѣ и въ частности объ изслѣдованныхъ до сихъ поръ стоянкахъ этой эпохи въ Россіи.

Докладчикъ началъ съ изложенія системы дѣленія палеолитическаго періода на отдѣльныя эпохи, предложенной нѣкогда Г. де-Мортилье и доселѣ, несмотря на всѣ возраженія и попытки поправокъ, остающейся наиболѣе удобной и цѣлесообразной. Научное значеніе этой системы заключается въ томъ, что она основана на тщательнѣйшемъ и полнѣйшемъ изученіи матеріала во всей его обширности, а не на какихъ-либо болѣе или менѣе блестящихъ умозаключеніяхъ и эффектныхъ построеніяхъ, и потому она вовсе не имѣетъ тѣхъ претензій на догматическую непоколебимость и универсальность, за которыя на нее нерѣдко нападали и нападаютъ авторы отдѣльныхъ поправокъ къ ней или же цѣлыхъ собственныхъ системъ, авторы, подходящіе къ своимъ труднымъ задачамъ далеко не съ такимъ обильнымъ матеріаломъ и не въ томъ научномъ вооруженіи, какими владѣлъ покойный Мортилье.

Многіе упреки, дѣлаемые Мортилье и его системѣ, проистекають просто изъ недостаточнаго знакомства не только съ самимъ предметомъ во всей широтѣ его, но даже изъ недостаточно внимательнаго изученія работъ самого Мортилье. Если на Западѣ возраженія и поправки къ системѣ Мортилье (по крайней мѣрѣ тѣ, которыя имѣютъ болѣе серьезное значеніе) сводятся въ сущности лишь къ варіаціямъ ея, то въ Россіи источникомъ всѣхъ критическихъ якобы замѣчаній въ извѣстныхъ печатныхъ курсахъ до-исторической археологіи, предлагаемыхъ въ нашихъ археологическихъ институтахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, является доселѣ «Каменный періодъ» графа А. С. Уварова (1881 г.). А, между тѣмъ, будь гр. Уваровъ теперь въ живыхъ, онъ съ его знаніемъ западно-европейской литературы и вниманіемъ къ ея движенію впередъ, несомнѣнно, самъ отказался бы отъ многихъ своихъ возраженій противъ системы Мортилье.

Изученіе палеолита въ Россіи, отчасти именно вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ нимъ нашихъ археологовъ, ведется далеко не съ тѣмъ усердіемъ, какъ то слѣдовало бы и какъ занимаются памятниками иныхъ эпохъ. Нѣкоторыхъ удовлетворяють даже сомнѣнія европейскихъ археологовъ (сперва того же Мортилье, потомъ Ворсо) въ самой возможности существованія въ Россіи чисто палеолитическихъ находокъ. Между тѣмъ можно уже указать на пять, по крайней мѣрѣ, пунктовъ, въ которыхъ сдѣланы находки палеолитическаго періода, хотя и не древнѣйшихъ эпохъ его. Къ сожалѣнію, всѣ эти находки были изслѣдованы далеко не съ должнымъ вниманіемъ и тщательностью.

1) Въ деревнѣ Гонцахъ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, стоянка обнаружена была еще въ 1873 году Г. С. Кирьяковымъ и изслѣдована учителемъ Каминскимъ и профессоромъ К. М. Теофилактовымъ; кости мамонта и осколки кремневыхъ орудій найдены были подъ береговымъ обрывомъ, въ слоѣ «послѣдилувіальнаго ила», лежащемъ на нижнемъ валунномъ слоѣ. Не говоря уже о неопредѣленности такого геологическаго обозначенія мѣста находки, самое изслѣдованіе найденныхъ тамъ каменныхъ подѣлокъ нельзя признать удачнымъ: изслѣдователи не были достаточно знакомы съ типологіей каменныхъ орудій; такъ они находили возможнымъ называть нѣкоторые осколки подходящими къ типу Мустье, другіе же признавали за наконечники стрѣлъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ человекъ палеолитической эпохи еще совсѣмъ не зналъ.

2) Графъ А. С. Уваровъ изслѣдовалъ стоянку въ Карачаровѣ, на р. Окѣ; и здѣсь каменные орудія и осколки найдены были вмѣстѣ съ костями мамонта, носорога, первобытнаго быка и оленя, въ обрывѣ большого, спускающагося къ рѣкѣ, плато. Опредѣленіе каменныхъ подѣлокъ, данное гр. Уваровымъ, называвшимъ среди ихъ ножи, скребки, каменные топоры первобытной формы и молоты, слишкомъ своеобразно, а иногда и совершенно произвольно: топоры и молоты оказываются, напримѣръ, камнями, не только не напоминающими сколько-нибудь установленныя въ наукѣ формы каменныхъ орудій, но и не носящими на себѣ никакихъ слѣдовъ преднамѣренной отдѣлки. Это вызвало извѣстныя сомнѣнія въ Карачаровской находкѣ со стороны, между прочимъ, самого Мортилье, что, можетъ быть, и не осталось безъ нѣкотораго вліянія и на отношенія гр. Уварова къ системѣ Мортилье.

3) Близъ села Костенокъ, въ Воронежской губерніи, Н. С. Поляковъ и А. И. Кельсіевъ изслѣдовали стоянку, открытую въ террасѣ плато, спускающагося къ правому берегу р. Дона. Раскопки Полякова были очень непродолжительны. На не особенно большомъ пространствѣ оказались и здѣсь кости отъ нѣсколькихъ (отъ шести до десятка) мамонтовъ; очень многочисленны были здѣсь также и осколки кремня и орудія: обломки отъ такъ называемыхъ ножей (lames), скребковъ и топорообразные осколки кремня. Орудія этой находки Мортилье относитъ къ мадленской эпохѣ.

4) Въ Кіевѣ на подгорной сторонѣ Кириловской улицы, т. е. опять таки подъ плато, обрывающимся къ долинѣ рѣки, весьма значительныя раскопки В. В. Хвойки дали множество костей первобытныхъ животныхъ; наибольшую достопримѣчательность среди нихъ представляетъ часть мамонтова клыка съ вырѣзанными на немъ изображеніями. Къ сожа-

лѣнію, и эта великолѣпная находка изслѣдована была далеко не безукоризненно: такъ, напримѣръ, среди множества выставленныхъ въ Кіевскомъ Музеѣ въ качествѣ каменныхъ орудій предметовъ, почти вовсе не оказывается собственно орудій, а лишь осколки, получившіеся при обработкѣ кремня; это отсутствіе самихъ орудій долгое время изумляло докладчика, пока онъ не увидалъ нѣсколько экземпляровъ несомнѣнныхъ орудій изъ кіевской стоянки у французскихъ археологовъ, Годри и бар. де Бая, посѣщавшихъ Кіевъ во время раскопокъ Хвойко и, разумѣется, умѣвшихъ разобратъ въ массѣ найденныхъ осколковъ кремня; не вполне удовлетворительно опредѣлено было и геологическое мѣстонахожденіе стоянки.

5) Къ этимъ четыремъ опредѣленнымъ находкамъ стоянокъ палеолитическаго человѣка въ Россіи присоединяются также и открытія г. Крыштофовича въ Новой Александріи, тоже мадленскаго характера, но особенно интересны находки К. С. Мережковскаго въ пещерахъ и мастерскихъ каменныхъ орудій южнаго берега Крыма, гдѣ онъ обнаружилъ мелкія орудія турасской эпохи.

Въ общемъ, русскіе музеи слишкомъ бѣдны памятниками этой эпохи, что и затрудняетъ археологовъ правильно опредѣлять ихъ въ случаѣ, когда имъ приходится съ ними встрѣчаться. Тѣмъ желательнѣе поэтому болѣе энергичное и тщательное изученіе стоянокъ палеолитической эпохи въ Россіи, при которомъ были бы приняты во вниманіе всѣ тѣ данныя и приемы, какими нынѣ владѣютъ археологи Западной Европы.

Однако и при несовершенствѣ прежнихъ изслѣдованій стоянокъ палеолитической эпохи въ Европейской Россіи все же возможны нѣкоторыя общія для всѣхъ нихъ заключенія; а именно:

1) Стоянки лежатъ у подножія террасъ, обращенныхъ обрывистымъ краемъ къ рѣчнымъ долинамъ.

2) Кости представляются скопленіемъ необычайно многихъ, по сравненію со стоянками Западной Европы, экземпляровъ мамонтовъ, что и является весьма интереснымъ вопросомъ, объясненій котораго слѣдуетъ искать, по всей вѣроятности, въ какихъ-нибудь особенныхъ геологическихъ явленіяхъ.

3) Фауна, опредѣляемая находимыми костями, болѣе или менѣе одинакова: во всѣхъ стоянкахъ почти та же, что въ четвертичной эпохѣ Франціи, это — мамонтъ, носорогъ, медвѣдь и т. п.; но доселѣ у насъ не встрѣчено, столь обычнаго тамъ, пещернаго льва и особенно сѣвернаго оленя.

4) Орудія состоятъ, главнымъ образомъ, изъ осколковъ и мелкихъ, такъ называемыхъ геометрическихъ формъ, которыя оказываются принадлежащими къ мадленской эпохѣ и къ слѣдовавшей за ней турасской.

Обработанная кость встрѣчена доселѣ лишь въ Кіевской стоянкѣ.

Таковъ вкратцѣ результатъ прежнихъ изслѣдованій палеолита въ Россіи.

Во время перерыва кн. П. Арс. Путятинъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній въ защиту памяти гр. А. С. Уварова и Н. С. Полякова: воздавая должное ихъ энергіи и усердію, онъ указывалъ на время, въ которое они занимались каменнымъ вѣкомъ, когда у насъ не интересовался имъ почти никто и когда западные археологи постоянно мѣняли ошибочныя мнѣнія на новыя, казавшіяся болѣе вѣрными; условія же научной работы у насъ были, несомнѣнно, болѣе трудными; гр. А. С. Уваровъ былъ правъ, сомнѣваясь въ необходимости признавать тождество палеолитической фауны во Франціи и у насъ, чего требовалъ Мортилье: въ теперешней Россіи тогда могло и не водиться пещернаго льва и гіены, обычныхъ во Франціи; гр. А. С. Уварову должно быть признательнымъ и за то, что онъ смогъ и сумѣлъ сдѣлать.

Ө. К. Волковъ отвѣчалъ, что въ его намѣренія совершенно не входили какія-либо обличенія или полемика съ русскими археологами, и онъ вовсе не имѣлъ въ виду какъ-либо преуменьшать заслуги гр. А. С. Уварова, который теперь, конечно, не преминулъ бы отказаться и самъ отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ взглядовъ, но что онъ не могъ умолчать въ своемъ докладѣ о томъ продолженіи и усугубленіи недосмотровъ и увлеченій гр. А. С. Уварова, которое мы доселѣ замѣчаемъ въ археологическихъ трудахъ,—да притомъ еще въ учебникахъ,—его менѣе прилежныхъ и менѣе освѣдомленныхъ преемниковъ по изложенію археологіи Россіи.

Вторая часть доклада Ө. К. Волкова посвящена была его изслѣдованіямъ на мѣстѣ стоянки палеолитической эпохи въ селѣ Мезинѣ Черниговской губерніи.

Священникъ этого села, а затѣмъ Предварительный Комитетъ Черниговскаго Археологическаго Съѣзда обратили вниманіе на кости, обнаруженныя при копаніи погребя въ усадьбѣ одного изъ жителей селенія и доставили ихъ вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ земли, въ которой онѣ лежали, на XIV Археологическій Съѣздъ. Кости оказались мамонтовыми, а въ землѣ докладчикъ тотчасъ же замѣтилъ осколки кремня и кремневая орудія мадленской эпохи, что и побудило его съѣздить въ село Мезинъ и произвести на мѣстѣ находки небольшія раскопки.

Мѣсто стоянки обнаружено на скатѣ плато къ долинѣ рѣки Десны; на слоѣ мѣла вторичной эпохи лежатъ здѣсь третичные пески и слой глины, вѣроятно, валуннаго происхожденія, а выше его слой леса и суглинокъ, покрытый дерномъ. Тонкій слой малиново-бурого, вѣроятно, валуннаго суглинка, находившійся подъ лесомъ, заключаетъ въ себѣ кости, обломки кремня и угли, т. е. остатки стоянки палеолитическаго человѣка. Образчикъ этого слоя былъ представленъ собранію.

Изслѣдованія, произведенныя уже докладчикомъ, за которыми лѣтомъ текущаго года должны послѣдовать раскопки болѣе значительныя, привели его къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ:

1) Фауна представлена слѣдующими, сдѣланными доселѣ находками: кости мамонта въ очень большомъ количествѣ, одинъ пока зубъ носорога, кости лошади, зубъ росомахи, кусокъ рога, который докладчикъ принялъ сначала за обломокъ рога лося, и который — по опредѣленію его въ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ — оказался однако частью рога сѣвернаго оленя; послѣднее весьма интересно, такъ какъ доселѣ въ Россіи сѣверный олень въ стоянкахъ палеолитической эпохи встрѣчаемъ не былъ.

2) Флора представлена лишь въ значительномъ количествѣ угля и кусочкахъ обгорѣлаго дерева, которое, по изслѣдованію, оказалось дубомъ.

3) Каменные подѣлки оставили въ изслѣдованномъ слоѣ множество осколковъ темноватаго мѣстнаго кремня и отчасти несомнѣнныхъ орудій; осколковъ пабратъ можно было цѣлые мѣшки, но подбиралось только то, на чемъ были замѣтны слѣды человѣческой работы, главнымъ образомъ, разумѣется, орудія. Нуклеусы представляются вполне палеолитическими и только въ нѣсколькихъ случаяхъ лишь слабо напоминаютъ собой формы неолитической эпохи. Чрезвычайно много небольшихъ пластинокъ, такъ называемыхъ lames; онѣ, какъ и болѣе безформенные осколки, служили ножичками при снятіи шкуры съ животныхъ и разрѣзываніи ихъ мяса и были въ сущности, вѣроятно, основными орудіями тогдашняго человѣка, который и дѣлалъ ихъ, надо полагать, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилъ добычу, какъ и теперь то видимъ у дикарей Южной Америки, и который тутъ же и бросалъ ихъ по минованіи въ нихъ надобности. Найдены были однако отдѣльныя орудія и болѣе тщательной отдѣлки, въ которыхъ можно признать орудія вполне маденскаго типа; но орудій изъ кости, свойственныхъ той же эпохѣ, здѣсь пока вовсе найдено не было. Оказалось съ другой стороны много маленькихъ очень тонкихъ орудій, принадлежащихъ уже болѣе поздней турасской эпохѣ; назначеніе ихъ еще не вполне выяснено.

Изъ предстоящихъ лѣтомъ 1909 года находокъ докладчикъ обѣщаль доставить образчики различныхъ типовъ каменныхъ орудій и въ Музей Русскаго Археологическаго Общества.

А. А. Спицынъ, признавъ, что стоянка у села Мезыни представляетъ собою драгоценность въ научномъ отношеніи, какъ сама по себѣ, такъ и по той тщательности и умѣлости, съ которою она была изслѣдована, желалъ бы однако слышать болѣе снисходительные отзывы о предыдущихъ изслѣдованіяхъ палеолита въ Россіи.

Ө. К. Волковъ повторилъ, что онъ вовсе не задавался цѣлью порицанія кого бы то ни было и что онъ признаетъ всѣ заслуги своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ особенно велики усердіе и любовь къ дѣлу В. В. Хвойко, спасшимъ отъ уничтоженія столь драгоценныя остатки палеолитической эпохи въ Кіевѣ.

А. А. Спицынъ объяснялъ особенность мѣстонахожденія нѣкоторыхъ палеолитическихъ стоянокъ Россіи на скатѣ рѣчныхъ береговъ подъ береговыми обрывами предположеніемъ, что эти мѣста избиралъ первобытный человѣкъ для своихъ пиршествъ потому, что доставленную сюда въ расчлененномъ видѣ добычу здѣсь удобно было ему защищать отъ соперниковъ, дикихъ звѣрей, при помощи костровъ, разложенныхъ по ту и другую сторону стоянки между рѣкою и береговымъ яромъ. Выраженіе же докладчика о геологическихъ причинахъ скопленія въ этихъ мѣстахъ большого числа костей животныхъ нуждалось бы въ поясненіи.

Ө. К. Волковъ, не соглашаясь съ предположеніями А. А. Спицына, пояснилъ свое выраженіе возможностью допустить гипотезу такого рода: скопленіе большого числа труповъ мамонтовъ, носороговъ и т. п., цѣлыхъ или уже въ кускахъ, могли быть образуемы въ углубленіяхъ береговыхъ обрывовъ теченіями, водоворотами или намывами рѣкъ; здѣсь трупы эти могли лежать долгое время замерзшими, какъ лежатъ и до сихъ поръ трупы сибирскихъ мамонтовъ, и лишь впоследствии, когда отступленіе ледника открыло туда доступъ человѣку, могли быть найдены первобытнымъ человѣкомъ, который начиналъ ими питаться, какъ современные песцы сѣверо-восточной Сибири. Расчленять же такія тяжелыя туши на части, а тѣмъ болѣе перетаскивать ихъ цѣликомъ, хотя бы и пользуясь водянымъ путемъ, было бы первобытному человѣку не по силамъ и не по средствамъ его примитивныхъ орудій; а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ стоянкахъ обнаружены такія части мамонтовыхъ скелетовъ, какъ напримѣръ лопатки, части хребта, тазовыя кости, которыя указываютъ именно на присутствіе тутъ нѣкогда цѣлаго трупа, а не

отдѣльныхъ удобо-отдѣляемыхъ частей его. Подобнаго рода гипотеза допускалась уже выдающимися европейскими учеными относительно очень аналогическаго скопленія мамонтовъ на горѣ возлѣ Пшедмоста въ Моравіи и, по мнѣнію докладчика, могла бы быть допущена и здѣсь. Но, по его мнѣнію, подобныя гипотезы не подвигаютъ разрѣшенія вопроса особенно далеко, а ждать его слѣдуетъ отъ дальнѣйшихъ болѣе обширныхъ и лучше геологически изслѣдованныхъ раскопокъ.

III.

А. А. Миллеръ сдѣлалъ краткое сообщеніе о двухъ недавнихъ находкахъ костей палеолитическаго человѣка во Франціи и реферировалъ соответственную работу, помѣщенную въ послѣднемъ полученномъ въ Петербургѣ выпускѣ французскаго журнала «L'homme préhistorique» и статью въ Illustration.

Хотя открывшіе эти кости археологи (Гаузеръ и аббатъ Блуссонъ) и настаиваютъ на томъ, что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собою погребеніе (Гаузеръ уподоблялъ даже нѣсколько камней подъ головою изслѣдованнаго имъ скелета подушкѣ), но докладчикъ рѣшительно отрицалъ эти предположенія, не допуская существованія въ палеолитическую эпоху какихъ-либо погребальныхъ обрядовъ.

Найденные скелеты оба представляютъ по черепамъ близкую аналогію съ извѣстнымъ неандертальскимъ черепомъ и тѣмъ ясно доказываютъ, еще лишній разъ, что особенности ихъ суть особенности расовыя, а не результатъ случайнаго уродства, какъ предполагалъ относительно неандертальскаго черепа Вирховъ. Они отличаются довольно сильно выраженной долихоцефаліей (головн. указат. 74), незначительной высотой, чрезвычайно развитыми надбровными дугами и нижней челюстью уходящею назадъ и не образующею выдающагося подбородка, однимъ словомъ, всѣми особенностями, характеризующими такъ называемую неандертальскую расу.

8-го апрѣля.

Присутствовали дѣйствительные члены: А. А. Адонцъ, В. И. Бенешевичъ, В. Т. Георгіевскій, кн. И. А. Джаваховъ, Н. Я. Марръ, кн. П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій,

Я. И. Смирновъ, гр. И. И. Толстой; члены сотрудники: А. А. Мироновъ; гости: И. С. Абрамовъ, Н. К. Никольскій, І. А. Орбели.

I.

С. В. Рождественскій сдѣлалъ сообщеніе: «Изъ исторіи отмыны урочныхъ лѣтъ для сыска бѣлыхъ крестьянъ въ XVII в.». Докладчикъ остановился на вопросѣ, изъ какихъ слоевъ землевладѣльцевъ вышли челобитья, повлекшія отмыну урочныхъ лѣтъ по Уложенію 1649 г.

Исторія этихъ челобитій интересна для характеристики отношеній служилаго землевладѣльческаго класса и московскаго правительства при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. Послѣ смуты служилый классъ, не обезпечивъ себѣ положенія, какъ организованной политической силѣ, рассыпанный на мелкія общества, нашелъ однако средства для настойчивой борьбы въ защиту одного изъ своихъ важнѣйшихъ интересовъ. Челобитье 1637 г. можно отнести къ земскому собору, засѣдавшему тогда въ Москвѣ, а челобитья 1641 и 1645 г.г. вышли изъ среды замосковныхъ и украинныхъ городовъ, несшихъ очередную службу въ украинномъ разрядѣ подъ Тулою. Начатое нѣкоторыми провинціальными обществами движеніе противъ урочныхъ лѣтъ постепенно захватило широкіе слои служилаго общества до московскихъ чиновъ включительно. Послѣднее челобитье застало московское правительство въ очень критическую для послѣдняго минуту, когда оно уже не могло руководиться интересами сильныхъ людей и «боязни ради междоусобія отъ черныхъ людей» могло опереться только на служилый классъ.

II.

В. Н. Бенешевичъ сообщилъ «объ армянской редакціи житія Бориса и Глѣба». (Рефератъ напечатанъ въ Извѣст. Отд. Рус. языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ XIV т., кн. 1-я, стр. 205—236).

Гр. И. И. Толстой обратилъ вниманіе на искаженіе имени кн. Владиміра, которое въ греческомъ языкѣ не такъ писалось.

В. Н. Бенешевичъ сдѣлалъ предположеніе, не въ Крыму ли произошло это сближеніе греческаго и русскаго источниковъ. Но во всякомъ случаѣ армянскій текстъ недостаточно изслѣдованъ, чтобы дать заключеніе, что житіе заимствовано непосредственно съ русскаго языка.

*

Н. Я. Марръ дѣлаетъ предположеніе, нельзя ли попытаться доказать, что списокъ прямо переписанъ изъ русскаго источника, а не греческаго.

3-го октября.

Присутствовали: почетный членъ Общества, гр. А. А. Бобринской, дѣйствительные члены—Хр. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, члены-сотрудники—О. К. Волковъ, Н. Е. Макаренко, А. А. Миллеръ, А. А. Мионовъ, Н. И. Рѣпниковъ, гости—Н. И. Воробьевъ, Н. М. Могилянскій и кн. Д. Э. Ухтомскій.

I.

Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о послѣдовавшей въ теченіе лѣта кончинѣ двухъ дѣятелей въ области занятій Отдѣленія: дѣйствительнаго члена Общества проф. Степана Васильевича Смоленскаго, извѣстнаго изслѣдователя византійской и русской церковной музыки, и Юліи Густавовны Гендуне, произведшей многочисленныя раскопки въ различныхъ пунктахъ центральной Россіи.

Память усопшихъ почтена вставаніемъ.

II.

Предсѣдатель сообщилъ объ исполвившейся 21 сентября с. г. тридцати-пятилѣтней годовщинѣ научной дѣятельности дѣйствительнаго члена Общества, проф. Николая Васильевича Покровскаго, и о желаніи многихъ членовъ Общества предложить его къ избранію въ почетные члены Общества.

Присутствующіе дѣйствительные члены Общества единогласно постановили внести соотвѣтственное представленіе въ Совѣтъ Общества отъ имени Отдѣленія.

III.

Предсѣдатель (Я. И. Смирновъ) прочиталъ перечень произведенныхъ втеченіе лѣта текущаго года археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи, съ краткимъ изложеніемъ

результатовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ и высказалъ, что Отдѣленіе будетъ, вѣроятно, слушать доклады самихъ изслѣдователей.

А. А. Спицынъ дополнилъ перечень этотъ указаніемъ на работы по археологій Сѣверо-Восточной Россіи финляндскаго археолога г. Тальгрена, которому удалось найти въ Казанской губерніи новые могильники Аваньинскаго типа, а въ Костромской—близь мѣста находки извѣстнаго Галичскаго клада черепки типовъ каменнаго вѣка и Фатьяновскаго могильника, что устанавливаетъ близкое отношеніе клада къ Фатьяновской культурѣ; въ Архангельской губ. г. Тальгрень нашелъ остатки чудскаго могильника Пермскаго типа, существованіе каковыхъ тамъ доселѣ лишь предполагалось.

IV. .

А. А. Спицынъ сообщилъ свое объясненіе факта находокъ кремневыхъ подѣлокъ каменнаго вѣка на самомъ берегу Волги безъ всякихъ признаковъ культурнаго слоя.

Одно мѣсто такого рода находокъ близъ г. Зубцова, изслѣдованное П. О. Симсономъ, наблюденія котораго провѣрены были Н. Е. Макаренкомъ, находится подъ высокимъ береговымъ обрывомъ; другое же близъ г. Костромы, осмотрѣнное этимъ лѣтомъ А. А. Спицынымъ, лежитъ на низменномъ плоскомъ берегу. Однако и то и другое геологически оказываются одинаковыми обнаженіями глины юрской формации съ кремневыми ядрами и валунами ледниковаго періода. Къ этимъ обнаженнымъ рѣкою залежамъ кремня приходилъ нѣкогда человекъ каменнаго вѣка и изготовлялъ себѣ орудія (отчасти здѣсь же на мѣстѣ среди самого карьера), чѣмъ и объясняется отсутствіе здѣсь иныхъ признаковъ пребыванія человека.

V.

А. А. Миллеръ показалъ изъ числа вещей, пріобрѣтенныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея имп. Александра III, двѣ бронзовыхъ ажурныхъ бляхи, происходящихъ, по словамъ продавцевъ, изъ древнихъ могильниковъ, и двѣ таблицы съ украшеніями и амулетами Горскихъ евреевъ.

Большія бляхи треугольной въ общемъ формы украшены между широкими полосами, образующими ихъ остовъ, отдѣльными повторяющимися фигурами животныхъ и частями ихъ (головами туровъ). Хотя

фигуры эти и представляют сходство съ изображеніями на предметахъ такъ называемыхъ «скиѣскихъ» кургановъ съ одной стороны и горскихъ могильниковъ Сѣвернаго Кавказа съ другой,—но время и назначеніе бляхъ доселѣ не опредѣлено ни научными изслѣдованіями, ни раскопками могильниковъ.

Гр. А. А. Бобринской, владѣющей нѣсколькими бляхами подобнаго типа, отмѣтилъ тотъ фактъ, что, насколько и ему извѣстно, происхожденіе такихъ бляхъ изъ могилъ утверждается лишь разказами продавцовъ, почему оно и не можетъ быть принимаемо на вѣру. Украшенія и амулеты Горскихъ евреевъ хотя по большей части и новѣйшаго, а иногда и случайнаго происхожденія,—напр. среди подвѣсокъ оказывается маленькій компасъ, футляромъ для писаннаго амулета является патронная гильза,—но отдѣльныя бусины, подвѣски и т. п. бывають и древнія, и старинныя, или же, если и новыя, то нерѣдко или подражающія старымъ, или пришедшія старыми путями; такъ напр. пестрыя стеклянныя бусы венеціанскихъ мастерскихъ расходятся теперь по всему Кавказу, будучи массами привозимы изъ Италіи въ Батумъ, подобно тому, какъ въ старину генуэзцы и венеціанцы доставляли ихъ непосредственно въ Черкассію.

VI.

А. А. Миллеръ прочиталъ докладъ: «О черкесскихъ погребеніяхъ черноморскаго побережья».

За выселеніемъ большинства черкесскихъ племенъ въ Турцію или на новыя, отведенныя имъ на При-Кубанской плоскости, земли, причемъ въ новыхъ аулахъ мѣшались и роды, и племена, этнографическое изученіе черкесскаго народа оказывается теперь почти невозможнымъ или безнадежнымъ; для исторіи его также приходится довольствоваться или старыми данными, поскольку они были собраны до выселенія, или сказаніями ближайшихъ сосѣдей; умножать же этотъ скудный историческій матеріалъ можетъ лишь археологія изученіемъ черкесскихъ некрополей.

Скудныя историческія свѣдѣнія о народѣ Адиге въ значительной мѣрѣ могутъ быть пополняемы черкесскими историческими преданіями, сохранившимися у Кабардинцевъ: въ нихъ сохранилась память о войнахъ съ Готами, объ Атиллѣ, объ аварскомъ ханѣ Баянѣ, о войнахъ съ Хазарами; есть любопытныя сказанія о походахъ Адиге на Тмутаракань и о разореніи ея княземъ Идаромъ. Въ этихъ остаткахъ исто-

рических преданий Адиге упоминается и прежнее имя ихъ, «Анты», и сообщается, что народъ этотъ занималъ нѣкогда обширную область къ сѣверу отъ Чернаго моря, и дѣйствительно венеціанскіе писатели XVI в. знали Черкесовъ у самого Дона.

Археологическій же матеріалъ пока не даетъ еще достаточныхъ данныхъ для установленія границъ расселенія Адиге въ разныя эпохи. Въ одной лишь Приморской области (бывшей Черкесіи) археологическія изслѣдованія, столь умѣло начатыя покойнымъ Вл. Ил. Сизовымъ, даютъ уже и теперь возможность систематизировать и располагать въ хронологическій порядокъ разнообразныя погребенія, столь часто открываемыя новѣйшими поселенцами Черноморскаго побережья Кавказа.

Къ древнѣйшимъ временамъ относятся погребенія неолитическаго періода каменнаго вѣка, вскрытыя В. И. Сизовымъ у Геленджика и ст. Натухайской; тутъ могилами служили дольмены, засыпанные землею. Мѣдному вѣку, повидимому, принадлежитъ разрытое имъ же курганное погребеніе у ст. Раевской.

Византійская эпоха оставила многочисленныя могильники безъ насыпей, которыя отмѣчали бы могилы; помимо случайныхъ находокъ въ Небугѣ, въ урочищѣ Кобахъ, въ урочищѣ Мысхакъ близъ Новороссійска, и пр., могильникъ этой эпохи изслѣдованъ докладчикомъ въ аулѣ Агой.

Оригинальный способъ погребенія: сожженіе и затѣмъ погребеніе праха въ урнѣ, рядомъ съ которою нерѣдко находятъ согнутые мечи, можетъ быть относимъ, судя по обожженнымъ находимымъ въ этихъ же урнахъ вещамъ, къ X—XII вѣкамъ. Такія урны съ пепломъ иногда просто зарывались въ землю, а иногда надъ ними насыпался еще небольшой курганъ. Цѣлое поле урнъ обнаружено на дачѣ А. А. Киселева близъ Туапсе.

Самымъ распространеннымъ способомъ погребенія на всемъ побережьѣ вплоть до южной границы былаго расселенія Черкесовъ является погребеніе въ каменныхъ ящикахъ подъ курганами. Подобныя курганы докладчикъ изслѣдовалъ въ окрестностяхъ Туапсе, близъ Джубги, въ Геленджикѣ и подъ Новороссійскомъ (уроч. Мысхакъ), и добытый имъ изъ нихъ матеріалъ позволяетъ датировать ихъ XIV—XV вѣками. Однако курганныя погребенія въ южной части побережья оказываются, по наблюденіямъ докладчика, болѣе поздняго времени, и обычай хоронить подъ курганами распространился на Черкесскомъ побережьѣ, видимо, съ сѣвера, удерживаясь въ южной части его до принятія Черкесами мусульманства. Такое заключеніе поддерживается и существованіемъ въ южной

части побережья могильниковъ безъ курганныхъ насыпей, которые по времени соотвѣтствуютъ курганамъ въ сѣверной части; подобные поздніе могильники найдены были докладчикомъ въ окрестностяхъ Туапсе и въ им. Дузу, близъ Джубги.

Н. И. Воробьевъ, раскапывавшій нынѣшнимъ же лѣтомъ могилы на Черноморскомъ побережьи Кавказа, дополнилъ сообщеніе А. А. Миллера нѣкоторыми своими наблюденіями, обѣщая сообщить о своихъ раскопкахъ подробнѣе особо.

А. А. Спицынъ, признавая предложенную докладчикомъ археологическую картину черкесскихъ могильниковъ весьма тщательной и ясной, полагалъ однако, что археологи должны въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ какъ относительно болѣе древнихъ, такъ и относительно болѣе новыхъ эпохъ, основываться и оставаться преимущественно на реальныхъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ земли раскопками; прочія же данныя, какъ письменной исторіи, такъ и столь смутныя и непрочныя показанія устныхъ народныхъ сказаній и пѣсенъ, должны быть принимаемы археологами лишь къ свѣдѣнію, но никакъ не къ руководству ими при разработкѣ вещественныхъ, получаемыхъ раскопками, данныхъ. Въ затронутыхъ докладчикомъ вопросахъ, напримѣръ, тождества Адиге съ Антами остается далеко не несомнѣннымъ даже для тѣхъ, кто, какъ самъ А. А. Спицынъ, не раздѣляетъ мнѣнія о славянствѣ Аптовъ: считать ихъ Черкесами все же нѣтъ достаточныхъ основаній. Совпаденія отдѣльныхъ историческихъ фактовъ и созвучіе именъ даютъ для исторіи Адиге гораздо менѣе, чѣмъ систематическое археологическое обследованіе занятой нѣкогда ими территоріи, начатое нѣкогда В. И. Сизовымъ и продолжаемое нынѣ столь успѣшно А. А. Миллеромъ.

28-го октября.

Присутствовали: дѣйствительные члены Общества: Н. К. Рерихъ, Я. И. Смирновъ, А. В. Щусевъ; члены-сотрудники: О. К. Волковъ, Н. Е. Макаренко, А. А. Миллеръ, А. А. Мионовъ, В. К. Мясоѣдовъ, А. А. Расвскій; гости—Н. О. Бѣляшевскій, г. л. Д. Н. Воронецъ, П. П. Ефименко, Н. М. Могилянскій, Б. К. Рерихъ, К. К. Романовъ, А. Рухлядевъ, кн. Д. Э. Ухтомскій, В. А. Шугаевскій, В. Я. Яковлевъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколь предъидущаго засѣданія.

II.

Предсѣдатель доложилъ три дѣла, переданныхъ въ Отдѣленіе Совѣтомъ Общества: отношеніе предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, гр. П. С. Уваровой отъ 24 апрѣля с. г. за № 455, отношеніе Псковскаго Археологическаго Общества отъ 20 августа за № 136, и письмо Г. Трусмана отъ 18 апрѣля с. г.

Постановлено:

1) О возможныхъ со стороны Отдѣленія работахъ въ Новгородско-Псковской области въ виду предстоящаго въ 1911 г. въ Новгородѣ XV Археологическаго съѣзда имѣть сужденіе въ слѣдующемъ засѣданіи Отдѣленія, когда предстоятъ доклады по изслѣдованію древностей этой именно области.

Отношеніе гр. П. С. Уваровой передать въ Общее Собраніе Общества, какъ для оповѣщенія о немъ большаго по возможности числа членовъ Общества, такъ и для желательнаго привлеченія къ подготовленію матеріаловъ для занятій Съѣзда и изъ областей вѣдѣнія прочихъ отдѣленій Общества.

Предложить въ Общемъ Собраніи вопросъ, не представляется ли цѣлесообразнымъ избрать для разработки вопроса объ участіи Общества въ подготовленіи Новгородскаго Съѣзда особую комиссію.

2) Предложеніе Псковскаго общества принять участіе въ раскопкахъ въ имѣніи Паниковичи въ 15 верстахъ отъ ж. д. станціи Печоры, въ виду истеченія назначеннаго Обществомъ срока этихъ раскопокъ (7-ое сентября) въ обсужденіи не нуждается.

3) Предложеніе г. Трусмана о напечатаніи въ трудахъ Общества статьи его: О семи городахъ въ верхнемъ Поднѣпровьѣ въ I в. по Р. Х., требуетъ ознакомленія съ нею какого либо компетентнаго лица; о прочтеніи статьи просить А. А. Спицына.

III.

Ө. К. Волковъ прочелъ сообщеніе: «*О старинныхъ деревянныхъ церквахъ на Волынѣ*», которое здѣсь не излагается, такъ какъ оно печатается въ 1-омъ томѣ изданія Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея

Императора Александра III въ сборникѣ «Матеріаловъ по этнографіи Россіи» ¹⁾.

По вопросу о взаимоотношеніяхъ архитектуры каменной и деревянной А. В. Щусевъ, признавая взаимное вліяніе формъ каменной архитектуры на деревянную и наоборотъ, отмѣтилъ, что въ послѣднія десятилѣтія, когда постройка всякихъ церквей перешла въ руки исключительно архитекторовъ, деревянная церковная архитектура ухудшилась особенно замѣтно, и именно подъ вліяніемъ привычки архитекторовъ къ формамъ преимущественно каменной архитектуры; между тѣмъ какъ въ старину, когда деревянныя церкви создались самимъ народомъ, онѣ, хотя и подвергались вліянію формъ византійскихъ каменныхъ церквей, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой это не противорѣчило духу національнаго искусства. Тѣмъ нужнѣе теперь обмѣрять сохранившіяся еще старинныя деревянныя церкви, о чемъ, къ сожалѣнію, мало думаютъ мѣстные архитектора и любители.

IV.

Въ дополненіе къ многочисленнымъ фотографіямъ деревяннымъ церквямъ Волини, которые показаны были О. К. Волковымъ, представлены были присутствующимъ еще фотографіи деревянныхъ церквей въ г. Овручѣ и окрестныхъ селахъ: Васьковичи, Гладковичи, Збранки, Мошки, Бол. Черниговки и Шелонки, снятыя въ текущемъ году помощниками А. В. Щусева по реставраціи Васильевского храма въ Овручѣ, В. Н. Максимовымъ и Б. К. Рерихомъ.

Б. К. Рерихъ показалъ также и свои этюды и фотографіи со старинныхъ каменныхъ польскихъ построекъ въ Овручѣ, а предсѣдатель показалъ фотографіи изъ архива Императорской Археологической Комиссіи, представляющія каменная же часовню соцініанъ въ с. Тихомлѣ, бывшемъ городѣ, устроенную Авраамомъ Сенютой, и церковь въ селѣ Низкеницахъ съ надгробіемъ Адама Киселя.

Показаны были также и древности, собранныя близъ Овруча: Б. К. Рерихъ предъявилъ многочисленные предметы каменнаго вѣка съ такъ называемой Цыганской горы изъ Збранки и т. д., а также кладъ серебряныхъ съ чернью украшеній Кіевского періода, состоящій изъ нѣсколькихъ поломанныхъ ушныхъ привѣсокъ обычнаго типа; предсѣдатель же —

---

¹⁾ См. указанное изданіе, томъ I. Спб. 1910. 4, стр. 21—41, съ 38 рис. и 1 табл. О. К. Волковъ, Старинныя деревянныя церкви на Волини.

присланныя В. М. Максимовымъ мелкія вещи, найденныя при земляныхъ работахъ близъ Васильевского храма, бронзовыя и деревянныя, изъ Овруча и его окрестностей.

Ө. К. Волковъ дополнилъ свое сообщеніе указаніемъ на каменную звонницу, подобную Псковскимъ, при костелѣ въ Новоградѣ Волинскомъ и отмѣтилъ, что на кладбищахъ Волыни лишь изрѣдка встрѣчаются надгробія въ видѣ лежащей на могилѣ колоды или же ящики съ двухскатною крышей, тогда какъ въ Бѣлорусскомъ Полѣссіи они обычны, въ чемъ можно видѣть еще одно доказательство того, что сѣверная часть Волыни, можетъ быть Новоградка Волинскаго, была заселена прежде не малороссами, а бѣлоруссами.

Н. К. Рерихъ среди каменныхъ орудій изъ подъ Овруча различалъ по двумъ мѣстамъ находки издѣлія разновременныя: неолитическія и болѣе древнія, повидимому, еще эпохи мамонта. Въ послѣднемъ однако сомнѣвался Ө. К. Волковъ.

Каменный столбъ въ Овручѣ, о которомъ не оказывается упоминанія и въ польской статьѣ объ Овручѣ Руликовскаго въ словарѣ Сумилярскаго, напоминаетъ Н. К. Рериху такъ называемый столбъ Магдебурскаго права въ г. Меречѣ на Нѣманѣ.

Н. Ө. Бѣляшевскій по поводу замѣчанія А. В. Щусева исчислилъ тѣ работы по изученію украинской деревянной архитектуры, которыя произведены были по обѣ стороны Днѣпра за послѣдніе годы мѣстными силами, насколько онѣ были къ тому подготовлены. Каменные орудія онъ признавалъ неолитическими и указалъ на существованіе громадной коллекціи шлифованныхъ каменныхъ орудій, собранныхъ въ Збранкѣ. Каменные столбы ставились въ польское время и какъ обѣтныя памятники, напр. столбъ со статуей св. Роха въ Берестычнѣ поставленъ при холерѣ.

Н. А. Раевскій отмѣтилъ особенно невыгодное въ смыслѣ неприкосновенности положеніе памятниковъ въ западномъ краѣ въ виду существованія тамъ религіозныхъ и національныхъ распрей. Католическія и униатскія зданія, переданныя въ вѣдѣніе православнаго духовенства, передѣлываются на Московскій ладъ, а иногда, если предвидится возможность возвращенія ихъ католикамъ, и вовсе уничтожаются; такъ бывшій доминиканскій костелъ въ Друѣ былъ недавно разрушенъ епархіальнымъ архитекторомъ при помощи динамита, вопреки попыткамъ Императорской Археологической Коммиссіи сохранить этотъ памятникъ.

19-го ноября.

Присутствовали: почетные члены Общества—С. О. Платоновъ и гр. И. И. Толстой; дѣйствительные члены—Д. В. Айналовъ, В. Н. Бенешевичъ, О. А. Браунъ, В. Т. Георгіевскій, Н. В. Покровскій, кн. П. А. Путятинъ, Н. Ф. Романченко, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, гр. И. И. Толстой (младшій), Б. В. Фармаковскій; члены-сотрудники—Н. Е. Макаренко, А. А. Миллеръ, В. К. Мясоѣдовъ, А. С. Раевскій, К. К. Романовъ, Н. И. Рѣпниковъ; гости—А. А. Баталинъ, С. А. Чураевъ-Гамаловъ, Д. Н. Воронецъ, Д. А. Лучинскій, Л. А. Мацулевичъ, Н. А. Окуневъ, Н. П. Сычевъ и Н. В. Тарасовъ.

I.

Читаны и утверждены протоколы засѣданій Отдѣленія 8 апрѣля и 28 октября.

II.

В. К. Мясоѣдовъ сдѣлалъ докладъ *объ археологической экскурсіи, совершенной въ Новгородъ и Псковъ* слушателями проф. Д. В. Айналова,—Н. А. Мацулевичемъ, Н. А. Окуневымъ, П. Н. Сычевымъ, во главѣ съ докладчикомъ. Экскурсія посѣтила Новгородъ, Грузино, Гостинополь, Старую Ладугу, Старую Русу, Псковъ, Печоры и Изборскъ. По намѣченному плану изучались отдѣльныя группы памятниковъ и попутно изготовлялись акварельныя копии и фотографическіе снимки.

Наблюденія надъ архитектурой показали, что храмы Новгорода и Пскова XIV—XV ст. два различные типа русско-византійскаго храма, отмѣченные рядомъ романскихъ заимствованій.

Главнымъ образомъ обслѣдовались уцѣлѣвшія стѣнныя росписи. Фрески купола св. Софіи оказались сильно искаженными послѣдней реставраціей. Не избѣгла разновременныхъ частичныхъ поновленій и Нередицкая церковь. При отмыкѣ былъ обнаруженъ рядъ превосходныхъ древнихъ фигуръ. Отъ фресокъ Николаи Липнаго сохранились лишь жалкіе фрагменты. На чердакѣ Знаменскаго собора найдена наружная роспись барабановъ. Въ Псковѣ въ Снѣтогорскомъ монастырѣ были отчищены отъ позднѣйшей забѣлки нѣсколько фигуръ начала XIV вѣка.

Изъ предметовъ ризницъ изучались и сфотографированы никому не

извѣстный древнѣйшій планъ Дѣтинца, вышитый на омофорѣ Никона въ св. Софіи, и не изданная превосходная Мадонна школы Джіотто въ Юрьевѣ монастырѣ.

Очень многіе памятники были обследованы и сфотографированы впервые.

Докладъ былъ иллюстрированъ множествомъ фотографическихъ снимковъ Л. А. Мацулевича, и копій, сдѣланныхъ акварелью Н. П. Сычевымъ, съ памятниковъ Новгородскихъ и Псковскихъ древностей, съ храмовъ, фресокъ, иконъ и др.

В. Т. Георгіевскій, отмѣтивъ большую цѣнность снимковъ памятниковъ Новгородскихъ и Псковскихъ древностей, представленныхъ экспедиціей, и внимательное изученіе древностей Новгорода и Пскова слушателями проф. Д. В. Айналова во главѣ съ докладчикомъ В. К. Мясоѣдовымъ, выразилъ пожеланіе и дальнѣйшаго изученія памятниковъ Новгородской старины, которые подвергаются съ каждымъ годомъ опасности уничтоженія и порчи. Въ особенности же просилъ обратить вниманіе на вновь открытые Преосвященнымъ Арсеніемъ архіепископомъ Псковскимъ фрески въ алтарѣ храма Свѣтогорскаго монастыря нач. XIV в., видѣнныя имъ лѣтомъ 1908 г., какъ на совершенно новый памятникъ древне-русскаго искусства, и притомъ изъ той эпохи, отъ которой всего менѣе сохранилось памятниковъ.

Д. В. Айналовъ выразилъ пожеланіе Мадонну художника школы Джіотто, хранящуюся въ церкви Юрьева монастыря, фотографія съ которой была демонстрирована докладчикомъ, перенести изъ Юрьева въ одинъ изъ столичныхъ музеевъ.

Я. И. Смирновъ полагалъ, что, разъ Мадонна пожертвована въ церковь, то едва-ли можно нарушать волю вкладчиковъ.

III.

Н. И. Рѣпниковъ сдѣлалъ докладъ: «О раскопкахъ землянаго городка близъ Старой Ладogi» ¹⁾).

Предварительныя изслѣдованія этого городища произведены были докладчикомъ лѣтомъ текущаго года и ограничились прорытіемъ одной траншеи въ валу и нѣсколькихъ выемокъ на площади городка. Раскопки

---

¹⁾ Ср. Сборникъ Новгородскаго Общества Любителей Древности. Вып. IV. Новгородъ 1911. Н. И. Рѣпниковъ, о желательности археологическихъ изслѣдованій въ Старой Ладогѣ въ связи съ развѣдками, произведенными лѣтомъ 1909 года, стр. 1—13.

обнаружили плотный насыпной слой съ черепками различныхъ эпохъ, начиная съ X-го вѣка, но преимущественно болѣе позднихъ. Изъ мелкихъ находокъ особенно интересна небольшая золотая подвѣска въ формѣ лунницы, украшенная сканью XIII—XIV в., обрубки оленьяго рога для подѣлокъ.

Теперь на городищѣ находится полуразвалившаяся часовня на бугрѣ, представляющемъ остатки древней церкви св. Климента. Остатки каменныхъ стѣнъ этой древнѣйшей церкви были уже изслѣдованы нѣкогда Д. А. Сабанѣвымъ, констатировавшимъ въ нихъ остатки фресковой росписи (см. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. нов. сер. I, 1886, стр. 1—6 съ 4 табл.). Позднѣе на мѣстѣ каменнаго храма стояла деревянная церковь, свезенная въ 1721 г. въ Новую Ладогу, при перенесеніи туда города Петромъ Великимъ.

На основаніи этихъ пробныхъ раскопокъ, референтъ полагалъ весьма желательнымъ продолженіе начатыхъ изслѣдованій въ болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ какъ, несмотря на скудость сдѣланныхъ имъ находокъ, получено достаточно основаній, хотя бы въ обильныхъ случайныхъ постоянно дѣлаемыхъ здѣсь крестьянами находкахъ, для предположенія, что будущія раскопки, проектированныя Обществомъ еще въ 1880-хъ годахъ, дадутъ цѣнные результаты.

Докладъ Н. И. Рѣпникова иллюстрировался планомъ городища и вещами, какъ добытыми при раскопкахъ, такъ и случайными находками.

Н. Ф. Романченко предъявилъ собранію изъ числа находокъ на этомъ же городищѣ, имѣющихся у него, великолѣпный образчикъ рѣзьбы изъ оленьяго рога такъ называемаго скандинавскаго стиля въ видѣ роговаго изогнутаго острія, покрытаго плетеніями и звѣринымъ орнаментомъ, а также черепокъ поливнаго сосуда съ изображеніемъ птицы, тождественнаго находимымъ въ Херсонѣ и Θεодосіи.

А. А. Спицынъ выразилъ пожеланіе о необходимости произвести новыя раскопки въ Старой Ладогѣ.

IV.

Прочитано было письмо Новгородскаго Общества любителей древностей, отъ 15 ноября за № 286, въ которомъ Общество, извѣщая о намѣреніи его производить раскопки въ Новгородскомъ дѣтинцѣ, особенно желательныя въ виду предстоящаго археологическаго съѣзда въ 1911 г. въ Новгородѣ, проситъ Императорское Русское Археологическое Общество оказать ему матеріальную помощь,

Н. В. Покровскій, поддерживая это ходатайство, настаиваетъ на необходимости произвести раскопки въ Дѣтинцѣ, провести правильныя въ немъ трашеи и поставить это дѣло научно.

Д. В. Айналовъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Н. В. Покровскаго о важности Дѣтинца, какъ мѣста для раскопокъ, предлагаетъ повести это дѣло систематически, научно, какъ это ведется въ Кіевѣ на Софійскомъ дворѣ, для чего необходимо привлечь солидныя средства.

Гр. И. И. Толстой (старшій) присоединяется къ мнѣнію о важности этого мѣста въ историческомъ отношеніи и необходимости привлечь крупныя казенныя средства, нужныя для производства раскопокъ Дѣтинца въ Новгородѣ.

А. А. Спицынъ, указавъ на непреодолимыя трудности производства раскопокъ Дѣтинца въ виду громадныя позднѣйшихъ наслоеній, выясненныхъ прежними пробными расконками, и на сомнительность и малую вѣроятность цѣнныхъ въ археологическомъ и топографическомъ отношеніи находокъ, на имѣющіяся у Общества суммы рекомендуетъ продолжить начатыя Обществомъ раскопки кургановъ и городищъ Новгородской и Псковской областей. Въ Новгородѣ же пунктами, обещающими болѣе надежныя результаты, чѣмъ Дѣтинецъ, А. А. Спицынъ укажетъ Ярославово Дворище и село Городище.

Постановлено предложить желающимъ членамъ Общества представить болѣе конкретныя соображенія о томъ, чѣмъ Русское Отдѣленіе могло бы выразить свое участіе въ предстоящемъ съѣздѣ, ходатайство же Новгородскаго Общества о матеріальной помощи отклонить.

9-го декабря.

Присутствовали: дѣйствительные члены Общества: Д. В. Айналовъ, В. Т. Георгіевскій, М. Г. Деммени, Д. Э. Кобеко, Н. П. Лихачевъ, Н. В. Покровскій, кн. П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, Я. И. Смирновъ; члены-сотрудники: В. И. Каменскій, Н. Е. Макаренко, А. А. Мионовъ, В. К. Мясоѣдовъ, Н. М. Печенкинъ, Н. И. Рѣпниковъ, П. К. Симоны; гости—Л. А. Мацулевичъ, Н. А. Окуневъ и Н. П. Сычевъ.

I.

Предсѣдательствующій доложилъ о кончинѣ почетнаго члена Общества Е. И. В. великаго князя Михаила Николаевича.

Память его почтена вставаніемъ.

II.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ собранія Отдѣленія 19 Ноября.

III.

Предсѣдательствующій доложилъ о внесеніи въ проектъ смѣты Общества на 1911 г., выработанный въ засѣданіи Совѣта 8 Декабря по предложенію А. А. Спицына остатка отъ расходовъ по изданіямъ Отдѣленія въ размѣрѣ 850 р. на непредвидѣнные расходы, причѣмъ имѣлось въ виду постановленіе собранія Русскаго Отдѣленія 19 Ноября с. г. о представленіи желающими членами Общества проектовъ объ особыхъ работахъ Общества къ предстоящему въ 1911 г. Археологическому съѣзду въ Новгородѣ; поэтому таковыя проекты могутъ быть теперь составляемы, въ предположеніи о возможности ассигнованія Общимвъ Собраніемъ Общества на осуществленіе одного изъ такихъ проектовъ денежныхъ средствъ въ размѣрѣ около 800 р.

IV.

В. Т. Георгіевскій доложилъ рефератъ «*объ иконахъ семьи Ивана Грознаго, сохранившихся въ Суздаль*»¹⁾.

Покровскій женскій монастырь въ Суздаль игралъ въ нашей исторіи не послѣднее мѣсто. Здѣсь жили русскія царицы, сюда стремились и находили убѣжище жены и вдовы именитыхъ бояръ, павшихъ въ немилость Юаина Грознаго. Слѣды пребыванія ихъ въ монастырѣ остались въ щедрыхъ вкладыахъ, иконахъ и др. предметахъ церковной утвари. Въ настоящее время ризница монастыря описывается референтомъ. Имъ найденъ цѣлый рядъ древнихъ описей предметамъ; древнѣйшая относится къ 1595 г. Среди предметовъ, сохранившихся въ монастырѣ, наиболѣе

---

¹⁾ См. журналъ „Старые Годы“ за 1910 г., № 11. В. Георгіевскій, „Иконы Ивана Грознаго и его семьи“.

интересными являются иконы, пожертвованныя монастырю членами семьи царя Иоанпа Грознаго: царевичемъ Иваномъ Ивановичемъ, женою его изъ рода Сабуровыхъ Александрю Богдановною и женою Иоанпа Грознаго Марію Темрюковною. Демонстрированъ былъ рядъ фотографическихъ снимковъ съ иконъ. Выдающееся мѣсто среди нихъ занимаетъ икона Грузинской Божіей Матери; на другой сторонѣ иконы—изображеніе Иисуса Христа. Съ весьма любопытной въ художественномъ отношеніи иконою св. Николая Чудотворца связана легенда; икона сослана въ монастырь Грознымъ. Относится она къ XV—XVI вѣкамъ, покрыта окладомъ чистаго ковannaго золота. Очень полезны для археологовъ точно датированныя и прекрасно сохранившіяся иконы: пророка Иліи, Входа Господня въ Іерусалимъ, составляющія рѣдкіе образчики московскаго письма половины XVI столѣтія.

Въ послѣдовавшихъ по окончаніи доклада оживленныхъ препіяхъ, въ которыхъ принимали участіе проф. Н. В. Покровскій и Н. П. Лихачевъ, признано важное значеніе найденныхъ референтомъ описей ризницы, представляющихъ цѣлую связную исторію накопленія церковно-археологическихъ матеріаловъ.

Н. В. Покровскій обратилъ особое вниманіе археологовъ на Суздаль и его древности, которыя прекрасно сохранились, такъ что Суздаль производитъ впечатлѣніе и нынѣ города XVII в. Признавая весьма цѣнными найденныя референтомъ древнія рукописныя описи ризницы Суздальскаго Покровскаго монастыря, г. Покровскій отмѣчаетъ важное значеніе для церковной археологіи и русскаго искусства вообще изученіе монастырскихъ ризницъ. Имъ приобрѣтена на дняхъ случайно рукопись конца XVIII в., въ которой описывается ризница Кирилловскаго монастыря съ перечнемъ вещей, переданныхъ въ Патріаршую ризницу, что можетъ пролить яовый свѣтъ на вещи этого богатаго собранія церковныхъ древностей въ Москвѣ.

Н. П. Лихачевъ отмѣтилъ интересный фактъ, что изслѣдованіе референта указало, между прочимъ, впервые на время появленія въ русской иконографіи типа коронованной Богоматери. Докладъ любопытенъ, по мнѣнію Н. П., и тѣмъ, что даетъ матеріаль для разрѣшенія вопроса о смѣнѣ новгородскаго церковнаго письма московскимъ. Признавая выдающуюся роль цѣлага ряда датированныхъ памятниковъ XVI вѣка, памятниками московскаго періода считаетъ иконы Входъ Господень въ Іерусалимъ и пр. Иліи, царицы Александры Богдановны, жены Ивана Ивановича; иконы же (Предста Царица, Спаситель) болѣе древнія, хотя и подверглись уже нѣкоторымъ поправкамъ и искаженіямъ, но тѣмъ не

менѣ могутъ дать понятіе объ особенностяхъ новгородскаго стиля. Болѣе драгоцѣнны оклады, вѣнчики, короны и т. п., точно описями датируемые и описываемые. Большая икона «Грузинской Божіей Матери» XV в. съ одной стороны, Спасителя съ другой была первоначально иконою запрестольною и передѣлана затѣмъ въ мѣстную, когда прославилась чудесами. Болѣе древній, но также переписанъ, образъ и Николая Чудотворца.

Спаситель въ высшей степени любопытенъ по рисунку, можетъ быть и московскаго новатора эпохи Грознаго, но и въ немъ поправокъ оказывается больше, чѣмъ кажется докладчику: у него есть рѣсницы.

V.

Д. В. Айналовъ сообщилъ объ *«Иконѣ Пр. Троицы» Андрея Рублева*. Рублевъ—выдающійся иконописецъ эпохи русскаго ренессанса. Икона, изслѣдованная докладчикомъ и приписываемая Рублеву, находится въ настоящее время въ Троице-Сергіевой лаврѣ и реставрирована Гурьяновымъ. Рисунокъ ея проникнутъ особой правильностью. Докладчикъ путемъ сравнительнаго анализа рисунка иконы, доличнаго и палатнаго письма съ памятниками позднѣе византійскими и ранними итальянскими приходитъ къ заключенію, что Рублевъ стоитъ ближе къ раннимъ итальянцамъ (Джіотто и Дуччіо), чѣмъ къ поздне-византійскимъ мастерамъ.

Н. П. Лихачевъ, считая выводы автора преждевременными, не находитъ данныхъ, приводимыхъ референтомъ, неопровержимыми. Вопросъ о принадлежности иконы Св. Троицы кисти Рублева также окончательно еще не рѣшенъ въ наукѣ.

18-го декабря.

Присутствовали: печетный членъ Н. П. Кондаковъ; дѣйствительные: Я. И. Смирновъ, А. И. Соболевскій, Н. В. Покровскій, М. В. Красовскій, Б. В. Фармаковскій, Д. О. Кобеко, В. Г. Деммени, В. Т. Георгіевскій; члены - сотрудники: В. К. Мясоѣдовъ, Н. Е. Макаренко, О. К. Волковъ, А. А. Раевскій; гости: Л. Мацулевичъ, Д. В. Милѣевъ, К. К. Романовъ, Михаловскій.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія 19 ноября 1909 года.

II.

В. К. Мясоѣдовъ сдѣлалъ докладъ: «*Церковь Николы на Липнѣ*»¹⁾.

Никола Липный является древнѣйшимъ представителемъ того типа храмовъ, который господствуетъ въ Новгородѣ въ XIV—XV в. По своему строенію это общепринятый въ домонгольской Руси малый византійскій храмъ, но отмѣченный романскими элементами—полукоробовымъ сводомъ, аркой въ 90°, фронтоннымъ покрытіемъ и особой орнаментикой. Не имѣя еще сложной фасадной раздѣлки болѣе позднихъ храмовъ, вродѣ Θεодора Стратилата, онъ пользуется, подобно Волотовской церкви, простѣйшимъ сочетаніемъ арокъ и опускаетъ среднія лопатки. Никола пострадалъ отъ неоднократныхъ передѣлокъ. Придѣлъ св. Климента, извѣстный въ концѣ XVI в., находился не въ подвалѣ, какъ это указывалось Филимоновымъ (тотъ который позднѣйшаго происхожденія), а на хорахъ въ сѣверномъ отдѣленіи. Отъ него сохранились, но въ искаженномъ видѣ, ниши престола и жертвенника.

Отъ первоначальной росписи уцѣлѣло весьма немногое. Не затронуты поновленіями лишь скудные фрагменты нижняго пояса, видные въ подвалѣ. Четыре фигуры епископовъ и воиновъ въ верхнемъ этажѣ болѣе или менѣе попорчены перепиской. Изображенія Богородицы и Предтечи съ предстоящими въ жертвенникѣ и діаконикѣ написаны на мѣстѣ заложенныхъ иконъ.

Всѣ прочія части храма покрываетъ малярная роспись 1877 года, повторяющая до извѣстной степени прежнюю схему, изложенную Филимоновымъ, которая однако по своему строенію и содержанію не можетъ считаться цѣликомъ первоначальной. Древнія фигуры князей, изданныя Прохоровымъ, переписаны почти до неузнаваемости. Извѣстный образъ Николая Чудотворца, нѣкогда принадлежавшій, какъ храмовая икона, Липенскому монастырю и впоследствии перенесенный въ Сковородскій, обезображенъ позднѣйшими наслоеніями.

---

¹⁾ См. Сборникъ Новгородскаго Общества Любителей Древности. Вып. III. Новгородъ. 1910 г. В. К. Мясоѣдовъ, Никола Липный, стр. 1—14, табл. I—IV.

III.

С. Т. Голубевъ сдѣлалъ докладъ: «*О положеніи церкви св. Теодора въ старомъ Кіевѣ и раскопкахъ у Десятинной церкви*» ⁴⁾).

А. И. Соболевскій замѣтилъ, что въ изложеніи судьбы Теодоровской церкви было бы интересно выяснитъ вопросъ о судьбѣ мощей св. кн. Мстислава Владиміровича, находившихся въ этой церкви до татарскаго раззоренія и не упоминаемыхъ позднѣе.

Б. В. Фармаковскій отмѣтилъ, что слѣдуетъ различать раскопки, производимыя имъ и архитекторомъ Д. В. Милѣевымъ въ самой усадьбѣ Десятинной церкви, отъ раскопокъ В. В. Хвойко на сосѣдней съ церковною усадьбѣ д-ра Петровскаго, и что всѣ почти парадоксальныя утвержденія объ «основаніи идола Перуна», «княжнихъ теремахъ» и т. п., появлявшіяся въ Кіевскихъ газетахъ, были по большей части плодомъ смѣлой и невѣжественной фантазіи газетныхъ сотрудниковъ, а вовсе не утвержденіями самихъ производителей раскопокъ, при научной обработкѣ которыхъ будутъ, конечно, приняты во вниманіе и тѣ интересныя сообщенія о судьбѣ усадьбы Десятинной церкви въ Московское время, которыми подѣлился съ собратіемъ С. Т. Голубевъ.

---

⁴⁾ Рефератъ не излагается, такъ какъ имѣеть появиться въ Трудахъ Отдѣленія.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНИЙ

Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи
Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества
за 1910 годъ.

22-го Января.

Присутствовали: почетный членъ Н. П. Кондаковъ; дѣйствительные члены: Д. В. Айналовъ, В. Т. Георгіевскій, В. Г. Глазовъ, Н. Я. Марръ, Я. И. Смирновъ; члены-сотрудники: И. С. Абрамовъ, Н. Е. Макаренко, А. А. Мироновъ, А. И. Пападопуло-Керамевсъ, А. С. Раевскій, Н. И. Рѣпниковъ; гости: Д. В. Милѣевъ и К. К. Романовъ,

I.

Читанъ и утверждень протоколъ предыдущаго собранія.

II.

Дм. Вл. Айналовъ прочель записку о командированіи Обществомъ въ Новгородъ В. К. Мясоѣдова и его сотрудниковъ по экспедиціи 1909 года для изученія въ различныхъ отношеніяхъ церковныхъ древностей и о тѣхъ ближайшихъ задачахъ, которыя они тамъ могли бы исполнить.

По обсужденіи предложенія постановлено представить записку Д. В. Айналова отъ Отдѣленія въ Совѣтъ Общества, предоставляя послѣднему опредѣлить ту сумму, которая по состояніи бюджета Общества могла бы быть удѣлена на исполненіе этого, принятаго Отдѣленіемъ, проекта.

III.

В. Т. Георгіевскій сдѣлалъ докладъ: «Къ вопросу объ украшеніи иконъ въ русскихъ храмахъ». Находя этотъ во-

прось мало разработаннымъ въ наукѣ, референтъ дѣлаетъ попытку намѣтить путь для его рѣшенія.

Ставя иконы на деревѣ въ связь съ фамильными портретами, референтъ выводитъ обычай украшать иконы изъ желанія чествовать лицъ, изображенныхъ на иконахъ и портретахъ. Древнѣйшія иконы на деревѣ, дошедшія до насъ, имѣютъ такія же украшенія, какъ и почетные портреты. Наиболѣе чтимыя иконы Спасителя и Божіей Матери украшаются съ особой тщательностію, и это богатство украшеній находится въ тѣсной связи съ развитіемъ иконопечатанія. Всѣ основные элементы украшеній иконъ сложились въ Византіи ко времени принятія русскими христіанства и затѣмъ въ дальнѣйшемъ развитіи въ Россіи получили нѣкоторый національный оттѣнокъ, въ особенности тѣ орнаты, которые заимствованы изъ элементовъ мужского и женскаго уборовъ и относятся къ украшеніямъ ризъ (одеждъ) Спасителя и Богоматери. Референтъ указалъ на древнія описи церковныхъ ризницъ, мало извѣстныя наукѣ, какъ на главный матеріалъ при изученіи вопроса объ украшеніи иконъ, и сдѣлалъ краткую характеристику всѣхъ многоразличныхъ орнатовъ, коими наши предки украшали чтимыя ими иконы, какъ-то: кіотовъ, окладовъ, вѣнцовъ, корупъ, цагъ, гривенъ, поднизей, ряснъ, серегъ, монистъ, ожерелій, пронизокъ, перстней, пеленъ, застѣнковъ, убрусовъ и проч.

Н. П. Кондаковъ обратилъ вниманіе на разницу между «застѣнками» и «убрусами», и отмѣтилъ особую важность древнихъ драгоценныхъ убрусовъ, сохранившихся въ Суздальскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, фотографіи которыхъ были демонстрированы референтомъ.

Н. Я. Марръ указалъ на древнія описи грузинскихъ и армянскихъ ризницъ, какъ на цѣнный матеріалъ при изученіи вопроса объ украшеніи иконъ.

13-го февраля.

Присутствовали: почетные членъ Общества, Н. П. Кондаковъ и Н. В. Покровскій; дѣйствительные члены: Д. В. Айналовъ, В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, Н. И. Веселовскій, бар. С. П. Корфъ, Хр. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, В. К. Мясоѣдовъ, кн. П. А. Путятинъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, О. И. Успенскій, Б. В. Фармаковскій, члены-сотрудники: К. К. Романовъ, А. И. Попадопуло-Керамевсъ и

М. В. Фармаковскій; гости: Д. Н. Воронецъ, С. А. Гамановъ-Чураевъ, Л. А. Мацулевичъ, Д. В. Милѣевъ, Н. А. Окуневъ, Н. П. Сычевъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

II.

Предсѣдательствующимъ прочтена выдержка изъ Протокола (§ XV) засѣданія Совѣта Общества 27 Января 1910 г.; при обсужденіи вопроса о суммахъ, могущихъ быть ассигнованными на исполненіе проекта изслѣдованія церковныхъ памятниковъ Новгорода, принятаго, согласно проекту Д. В. Айналова, Русскимъ Отдѣленіемъ 22 Января 1909 г., Совѣтъ постановилъ просить Отдѣленіе Русской и Славянской Археологіи указать для доклада Обществу Собранію, какая часть программы, предложенной Д. В. Айналовымъ, будетъ поставлена въ первую очередь».

Постановлено отвѣтить, что Отдѣленіе наиболѣе важнымъ признаетъ изслѣдованіе, фотографированіе и подготовку къ изданію росписей церковей Нередицкой и Волотовской, а также и фотографированіе тѣхъ остатковъ росписи, которые ожидаются быть вновь очищенными Новгородскимъ Обществомъ Любителей Археологіи въ церкви Θεодора Стратилата; причемъ однако первыя двѣ задачи желательно осуществить вѣ зависяности отъ третьей и не отвлекаясь этою послѣдней.

III.

Прочтенъ и, съ поправкою Н. И. Веселовскаго, утвержденъ проектъ отчета о дѣятельности Отдѣленія за 1909-й годъ.

IV.

Оглашено предложеніе Д. В. Айналова, А. К. Маркова и Н. В. Покровскаго объ избраніи членомъ-сотрудникомъ Общества Петра Львовича Гусева, занимающагося изслѣдованіями исторіи и древностей Новгорода.

Постановлено, согласно § 18 Устава Общества, передать предложеніе это въ Совѣтъ Общества.

V.

Ө. И. Успенскій сдѣлать докладъ «*О Дечанской Лаврѣ въ Старой Сербіи*».

Очертивъ вкратцѣ теперешнее довольно критическое положеніе этой древней сербской обители, занятой русской афонской братіей и турецкимъ гарнизономъ изъ сорока солдатъ, среди страны, по прежнему лишенной самыхъ первыхъ условій для сколько-либо надежной мирной и спокойной жизни населенія, состоящаго изъ двухъ по прежнему враждебныхъ и взаимно озлобленныхъ элементовъ, сербскаго страдающаго и албанскаго насильничающаго, докладчикъ перешелъ къ подробному описанію древнихъ памятниковъ монастыря, иллюстрируя его рядомъ прекрасныхъ фотографій и планами, исполненными недавнею экспедиціей въ Дечаны Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь.

Главнымъ памятникомъ является великолѣпный соборъ во имя Вседержителя, построенный изъ прекрасно тесаннаго камня въ 1333 году мастеромъ далматинцемъ «изъ Которо града кролева»; имя его «Фрадь Вита мали братъ», т. е. католическій монахъ ордена мипоритовъ, сохранила надпись, которая говоритъ о вызовѣ для постройки Дечанъ архитекторовъ изъ Поморья; но уже и самая архитектура, и пышная рѣзвая орнаментация виѣшнихъ стѣнъ церкви, аналогичныя и другимъ сербскимъ церквамъ конца XII—нач. XIV вѣка (Студеница, Равоница, Любостинья), ясно указываютъ на то сильное культурное вліяніе сербскаго поморья, въ значительной степени европеизированнаго, которое стало со времени объединенія въ XIII вѣкѣ подъ одною властью сербскихъ земель Поморья (Зеты) и внутренней страны (Загорья). Строитель Дечанскаго монастыря кроль Стефанъ Урошь III-й самъ началъ свое правленіе въ Зетѣ. Тамъ въ Далмаціи могутъ быть указаны и близкія архитектурныя параллели собору Дечанской лавры, особенно въ деталяхъ архитектурной орнаментации.

Но если виѣшность церкви носитъ явную печать вкуса и стиля западнаго, латинскаго, не менѣе богатое внутреннее украшеніе церкви сплошною, прекрасно сохранившеюся (въ большей части ея) доселѣ росписью является драгоцѣннымъ образчикомъ православной, византійской въ основѣ своей, живописи.

Докладчикъ подробно перечислилъ сюжеты росписей какъ притвора, такъ и собственнаго храма и далъ поясненіе для многихъ сложныхъ и весьма оригинальныхъ композицій, какъ напр. родословнаго древа Нема-

ничей, изображений вселенскихъ соборовъ, Премудрости «создавшей домъ свой», перенесенія мощей еванг. Луки въ Константинополь и т. п., отмѣчая характерныя архитектурныя и бытовыя детали нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., вселенскихъ соборовъ, обращенія царицы Кондакии, брака въ Канѣ Галилейской.

Росписи были всѣ, поскольку то было возможно безъ постройки лѣсовъ, фотографированы художникомъ Института г. Клуге. Росписямъ притвора угрожаетъ порча вслѣдствіе широкихъ щелей, открывшихся въ сводахъ его; внутренность же церкви попорчена лишь птицами; всѣ росписи носятъ одинаковый характеръ и, видимо, поновленіямъ не подвергались, исключая небольшой части ихъ въ юго-восточной части церкви, гдѣ изъ бокового алтарнаго придѣла позднѣе, но видимо въ значительной еще древности, устроена была изолированная отъ прочей церкви ризница.

Результаты, добытыя экспедиціей Института, будутъ въ скоромъ времени опубликованы въ его Извѣстіяхъ.

По поводу сообщенія этого Н. П. Кондаковъ, привѣтствуя экспедицію со столь удачными снимками стѣнописи Дечанской Лавры, отмѣтилъ важнѣйшее значеніе ихъ для исторіи восточно-христіанской иконографіи, въ которой Сербія играла, видимо, на ряду съ итальянскимъ вліяніемъ, первостепенную и руководящую роль въ созданіи болѣе поздней русско-славянской иконописи, которая оказывается нынѣ зависящей не столько отъ греческой, собственно византійской живописи, а именно отъ этого сербо-балканскаго своего рода ренессанса, который однако просмотрѣлъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о Сербской псалтыри Мюнхенской бібліотеки самъ І. Стржиговскій, находившій тамъ какіе то мнимо сирійскіе элементы. Эти памятники Сербской церковной живописи явно показываютъ однако, что и поздне-византійская (афонская) стѣнопись находилась въ столь же тѣсной зависимости отъ нихъ, какъ и сѣверныя страны, Молдавія и Россія.

Н. В. Покровскій, отмѣчая поразительную сохранность и цѣльность Дечанской росписи, указывалъ на близкое сходство между Божіей Матерью въ концѣ алтаря съ частью росписей, начала XV в., въ дворцовомъ (нынѣ тюремномъ) костелѣ Люблина, исполненной тѣми же русскими живописцами, которые работали и въ другихъ костелахъ Польши, напр. въ Краковскомъ соборѣ. Это сходство устанавливаетъ общность въ общемъ характерѣ православной живописи на всемъ протяженіи Восточной Европы: на Афонѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Молдавіи, Польшѣ и Россіи.

Д. В. Айналовъ указалъ на тѣсную связь архитектуры Дечанской Лавры съ Сѣверной Италіей: Пизой, Пьяченцей, Луккой, гдѣ мы видимъ тѣ же приемы кладки стѣнъ изъ разноцвѣтныхъ камней и такую же богатую рѣзную орнаментацию. Этотъ стиль мѣстнаго сѣверо-италійскаго происхожденія черезъ Далмацію проникалъ и вглубь Сербіи. Мѣстныя же сербскія росписи имѣютъ первостепенное значеніе для изученія церковныхъ росписей и Сѣверной Россіи, въ частности Новгорода.

А. А. Спицынъ интересовался, не подправлена ли была фресковая роспись Дечанской церкви сверху клеевыми красками, какъ то было въ ц. Спаса Нередицы, а К. К. Романовъ—передѣлками въ юго-восточной части храма.

Докладчикъ на первый вопросъ отвѣтилъ отрицательно, а на второй замѣтилъ, что планы при изданіи будутъ въ деталяхъ исправлены и дополнены.

IV.

Д. В. Айналовъ сдѣлалъ докладъ «*О новыхъ архитектурныхъ находкахъ въ Черниговѣ*».

Напомнивъ о прежнихъ своихъ указаніяхъ въ сообщеніяхъ о Черниговскихъ церквахъ на романскіе элементы, являющіяся въ нихъ въ XI—XII вѣкахъ, и особенно на капитель явно романскаго характера—найденную въ церкви свв. Бориса и Глѣба, построенной въ 1120—23 г.г., докладчикъ сообщилъ о новой интересной находкѣ такого же рода, сдѣланной лѣтомъ 1909 года при новыхъ раскопкахъ на мѣстѣ церкви св. Михаила на княжемъ дворѣ, основанной въ 1174 году и освященной въ 1186 г. Остатки этого храма обнаружены были еще въ 1878 г. Т. В. Кибальчичемъ, позднѣе раскапывались Самоквасовымъ, и результаты раскопокъ послѣдняго хранятся частью въ Черниговскомъ Музеѣ. При новыхъ раскопкахъ найдены составляющіяся вмѣстѣ фрагменты какого-то скульптурнаго орнаментальнаго наличника; среди переплетающихся полосъ сохранились концы какого-то крыла, быть можетъ, фазана или павлина; работа—довольно грубая, но циркуль при выдѣлкѣ плетеній и завитковъ не примѣнялся въ начальномъ романскомъ зодчествѣ и въ прирейнскомъ и въ ломбардскомъ зодчествѣ XII—XIII вѣковъ. Къ извѣстной рапѣе, но доселѣ не изданной, капители изъ Борисоглѣбской церкви докладчикъ нашелъ близкія аналогіи на башнѣ Notre Dame de Poitiers, башнѣ, построенной въ концѣ XI вѣка, тогда какъ фасадъ собора относится къ 1130—40 годамъ.

Эти Черниговскія находки орнаментированныхъ плетеніями частей церквей XII вѣка, равно какъ и лѣтописныя извѣстія объ орнаментациі храмовъ Галича св. Іоанна, кажутся докладчику болѣе ранними свидѣтелями романскаго вліянія на Руси, нежели храмы Владиміро-Суздальскіе.

Н. В. Покровскій въ дополненіе отмѣченныя черты сходства нѣкоторыхъ древне-русскихъ церквей съ западно-европейскими указалъ на примѣненіе въ Черниговскихъ храмахъ поливныхъ плитокъ и на декорацию ими же стѣнъ Коложской церкви въ Гроднѣ и напомнилъ, что Галицкія церкви, какъ образецъ для Владиміро-Суздальскихъ, называемы были и Д. Н. Бережковымъ.

19 февраля.

Присутствовали: почетный членъ Общества Н. В. Покровскій; дѣйствительные члены: М. Г. Деммени, В. М. Иверсенъ, Н. Я. Марръ, В. К. Мясоѣдовъ, А. В. Праховъ, Я. И. Смирновъ, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій; члены-сотрудники: Н. Е. Макаренко, А. А. Миллеръ, Д. В. Милѣевъ, А. А. Миرونъ, К. К. Романовъ, Н. И. Рѣпниковъ; гости: А. С. Гамановъ-Чураевъ, Е. Н. Давиденко, Л. Моисеевъ, Н. А. Окуневъ, Н. П. Сычевъ, Е. Ф. Тураева, В. А. Шугаевскій.

I.

Читаеъ и утвержденъ проколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Д. В. Милѣевъ сдѣлалъ сообщеніе «*Объ остаткахъ древнихъ половъ Кіево-Софійскаго Собора, открытыя осенью 1909 года*»¹⁾).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1909 года, съ разрѣшенія Императорской Археологической Коммиссіи, производилась подъ наблюденіемъ докладчика замѣна чугуннаго пола паркетнымъ въ главномъ алтарѣ Софійскаго соборѣ. По снятіи чугунныхъ плитъ и песчаной подъ нимъ подстилки, на

---

¹⁾ См. Сборникъ археологическихъ статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб. 1911. 8°. Стр. 212—221, съ 6 рис. Д. Милѣевъ, Древніе полы въ Кіевскомъ Соборѣ св. Софіи.

глубинѣ $5\frac{1}{2}$ вершковъ обнаруженъ полъ, состоящій изъ большихъ шести-гранныхъ кирпичныхъ плитокъ, сохранившійся почти на всей площади абсиды. Дальнѣйшія изслѣдованія ограничились четырьмя небольшими ямами, обнаружившими еще два пола болѣе древняго времени и болѣе сложнаго устройства.

Подъ кирпичнымъ поломъ, на глубинѣ 1 аршина отъ уровня чугунаго пола, лежитъ на подстилкѣ изъ бѣлаго известковаго цемента полъ изъ тонкихъ кафельныхъ плитокъ, покрытыхъ тонкимъ слоемъ поливы четырехъ цвѣтовъ; плитки двухъ формъ: круглыя и продолговатыя вырѣзаны въ четверть круга на двухъ углахъ, такъ что двѣ такихъ плитки составляютъ квадратъ; въ углахъ же такихъ квадратовъ вложены упомянутые круги.

Подъ этимъ кафельнымъ поломъ на глубинѣ 1 метра отъ чугунаго пола оказался древнѣйшій полъ изъ очень крѣпкаго цемента съ толченнымъ кирпичемъ, по которому выложены были сложные узоры изъ крупной и мелкой смальтовой мозаики. Хотя стеклянные куски эти во многихъ мѣстахъ выбиты, но гнѣзда ихъ ясно опредѣляютъ ихъ прежнее расположеніе.

Изслѣдованіе этого мозаичнаго пола обнаружило, что края его, примыкающія къ стѣнамъ собора, нѣсколько наклонны, какъ бы заваленныя, и сверху залиты такимъ же древнимъ цементомъ до общаго уровня пола, а по цементу опять выложены мозаичные узоры. Эта осадка пола у краевъ произошла въ силу осадки стѣнъ и убѣждаетъ, что мозаичный полъ настланъ былъ вскорѣ по возведеніи стѣнъ собора, еще до окончательной ихъ осадки.

Въ жертвенникѣ и діаконникѣ древніе полы оказались уже разрушенными широкими и глубокими канавами, которыя были прокопаны здѣсь при устройствѣ въ соборѣ калорифернаго отопленія; уцѣлѣли лишь узкія полосы половъ по сторонамъ этихъ выемокъ, у самыхъ стѣнъ.

Въ діаконникѣ на глубинѣ, соответствующей уровню древняго пола въ главной абсидѣ, была открыта очень хорошо сохранившаяся полоса древней фрески (часть орнамента), съ графьей. На нижнемъ краю ея ясенъ выгибъ впередъ на стыкѣ съ древнимъ поломъ, и уровень этого загиба оказался на глубинѣ, соответствующей освѣщеннымъ краямъ мозаичнаго пола въ главной абсидѣ. Такимъ образомъ явилось заключеніе, что фреска діаконника расписана одновременно съ устройствомъ мозаичнаго пола, т. е. также вскорѣ по возведеніи стѣнъ собора и до осадки ихъ.

Нижній мозаичный полъ оказывается, слѣдовательно, современнымъ самой постройкѣ собора. Верхній полъ изъ кирпичныхъ шестиуголь-

никовъ докладчикъ относилъ на основаніи различныхъ данныхъ изъ исторіи собора къ XVIII вѣку. Средній же поливной полъ по техникѣ плитокъ съ тонкимъ слоемъ поливы и по извести безъ толченнаго кирпича въ его подстилкѣ, а также по свидѣтельству Павла Алеппскаго о «мозаичныхъ» полахъ собора докладчикъ полагалъ возможнымъ отнести къ XVII вѣку, ко второй его половинѣ, послѣ описанія Павла.

Кромѣ половъ при изслѣдоваціяхъ докладчика въ Софійскомъ соборѣ обнаружены были и нѣкоторыя новыя данныя относительно устройства горняго мѣста и облицовки стѣнъ его кафельными плитами, которыми додѣланы мѣста, гдѣ между мраморными плитами облицовки недоставало древней мозаики.

III.

А. В. Праховъ, имѣвшій случай въ Кіевѣ видѣть изслѣдованія Д. В. Милѣва во время ихъ производства, выразилъ то чувство радости, которое испытывалъ онъ, видя, что наконецъ то производство передѣлокъ въ св. Софіи ведется столь осторожными и опытными руками и сопровождается не порчею или гибелью остатковъ древности, а тщательнымъ ихъ изслѣдованіемъ. Эти новыя археологическія изысканія въ св. Софіи, хотя и не большія, дали однако столь цѣнныя новыя данныя для исторіи собора, что продолженіе ихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ является настоятельною потребностью для дѣла изученія кіевского періода русскаго искусства.

Такія, стоящія на высотѣ современнаго археологическаго знанія, работы тѣмъ болѣе необходимы, что реставрація собора въ 1843—53 г.г. должна быть признана начатою слишкомъ рано; многіе результаты ея теперь желательно даже, насколько то еще возможно, уничтожить, какъ напримѣръ передѣлку фресковаго изображенія Ярослава съ семействомъ въ св. мч. Софію съ дочерями. Не смотря на полную передѣлку реставраторами собора, многіе остатки древняго убранства его остались незамѣченными: мозаики, части росписей, орнаментальныя части изъ мрамора, обнаружены были въ соборѣ при различныхъ случайныхъ работахъ послѣ этой полной реставраціи св. Софіи. Часть этихъ открытій сдѣлана была самимъ А. В. Праховымъ, который и далъ ихъ краткое перечисленіе, указавъ между прочимъ на то, что одинъ изъ изданныхъ недавно рисунковъ Вестерфельда (Труды XIII Археол. Съѣзда, т. II, табл. IX, 1) представляетъ, и довольно точно, внутренность «крестильницы» рядомъ съ юго-западною башней собора. Результаты бывшихъ

доселѣ, случайныхъ лишь, работъ въ соборѣ А. В. Прахова и Д. В. Милѣва, даютъ достаточно основаній ожидать цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи результатовъ отъ работъ систематическихъ, заняться же такими изслѣдованіями всего ближе Русскому Археологическому Обществу, которое, воспользовавшись въ свое время реставраціей собора, осуществило роскошное изданіе его, посылало нѣкогда въ Кіевъ специалистовъ для подготовленія научнаго текста къ изданію этому и которому надлежитъ поэтому и завершить свои труды по Кіево-Софійскому собору надлежащимъ археологическимъ его изслѣдованіемъ.

Работы Д. В. Милѣва осенью 1909 г. и сдѣланныя ранѣе при устройствѣ отопленія находки подъ поломъ собора многочисленныхъ мраморовъ и разнаго рода мелкихъ древностей указываютъ на систематическую раскопку всей внутренности храма, какъ на одну изъ задачъ будущаго археологическаго изслѣдованія собора. Эту работу слѣдовало бы, по мнѣнію А. В. Прахова, осуществить первою, такъ какъ она не представитъ большихъ затрудненій къ ея исполненію: если гарантировать возстановленіе теперешнихъ половъ храма, то причтъ собора не будетъ, конечно, имѣть ничего противъ такой работы; вести ее нужно, конечно, по частямъ, отгораживая отдѣльныя между столбамп части собора; изслѣдованіе же средней части его надо будетъ подождать къ наиболѣе глухому (въ смыслѣ притока богомольцевъ) времени, именно къ іюлю мѣсяцу; стоимость работъ не значительна: нигдѣ не придется, конечно, рыть глубже 2—3 аршинъ, т. е. разчитывая по всей площади собора, не вычитая стѣнъ и столбовъ, перекидать пришлось бы менѣе 200 кубовъ земли, а выемка куба стоитъ около 2 рублей. Такимъ образомъ, затративъ сумму не свыше 500 рублей, Археологическое Общество могло бы перекопать всю внутренность св. Софійи и результаты этой работы, конечно, вполне окупилъ бы затраты на осуществленіе этого предложенія.

Н. В. Покровскій находилъ осуществленіе предложенія А. В. Прахова прекраснымъ и логическимъ заключеніемъ прежнихъ работъ Общества въ св. Софійи; результаты, обѣщаемыя этимъ изслѣдованіемъ, заслуживаютъ, конечно, полнаго вниманія Общества; окончаніе изслѣдованія Софійскаго собора признавалось Н. В. Покровскимъ настойчиво необходимымъ, хотя бы послѣ окончанія раскопокъ въ усадьбѣ Десятинной церкви, которыми занятъ теперь Д. В. Милѣвъ.

А. В. Праховъ пополнилъ свой проектъ указаніемъ на необходимое присутствіе въ составѣ изслѣдователей и представителей духовенства.

Б. В. Фармаковскій находилъ, что предлагаемое изслѣдованіе Обществомъ св. Софіи явилось бы желательнымъ дополненіемъ изслѣдованій, производимыхъ Археологической Коммиссіей на усадьбѣ Десятинной церкви. За желательность осуществленія предложенія А. В. Прахова высказался также и Б. А. Тураевъ.

На основаніи вышеизложеннаго Отдѣленіе постановило слѣдующее рѣшеніе:

«Выслушавъ доклады Д. В. Милѣва и А. В. Прахова о новыхъ находкахъ въ Св. Софіи-Кіевской, Отдѣленіе Археологіи Русской и Славянской признаетъ весьма желательными дальпѣйшія изслѣдованія собора Св. Софіи въ Кіевѣ, какъ естественное продолженіе прежнихъ работъ Общества по изслѣдованію и изданію собора».

IV.

В. К. Мясоѣдовъ сдѣлалъ краткое сообщеніе о крестѣ въ церкви села Микулино Городище Тверской губерніи. Въ январѣ текущаго года этотъ крестъ, украшенный эмальми и надписью о вкладѣ его въ церковь помѣщикомъ Головинымъ, срисованъ былъ, довольно несовершенно, на кальку А. Н. Вершинскимъ. Рисунокъ этотъ оказался имѣющимъ ближайшее сходство съ рисункомъ О. Солнцева въ «Древностяхъ Россійскаго Государства», представляющимъ крестъ Антонія, архіепископа Новгородскаго, извѣстнаго паломника въ Царьградъ. Оригинала этого древняго креста теперь въ св. Софіи Новгородской нѣтъ: крестъ былъ въ 1848 г. отданъ въ Петербургъ въ починку мастеру Верховцеву и въ Новгородъ, повидимому, не вернулся. Является по этому предположеніе о тождествѣ его съ крестомъ Микулина-Городища, тѣмъ болѣе, что послѣдній имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ Антоніева креста, которыя могли бы объясняться передѣлкою его новымъ вкладчикомъ: а именно онъ не о шести, а восьми концахъ, какъ то теперь бываетъ обыкновенно; прибавлены двѣ лишніе эмали съ изображеніемъ свв. Бориса и Глѣба; надпись отчасти—въ именахъ лишь—измѣнена, сообразно новому назначенію креста.

Столь интересная находка, о которой проф. Д. В. Айналовъ и докладчикъ сообщили Императорской Археологической Коммиссіи, побудила Коммиссію обратиться въ Святѣйшій Синодъ съ изложеніемъ открытія, съ просьбою о высылкѣ Микулинскаго креста для ближайшаго его изслѣдованія въ Археологическую Коммиссію и ходатайствомъ о возвращеніи вновь найденнаго креста св. Антонія въ Софію Новгородскую.

Н. В. Покровскій окончательное рѣшеніе вопроса о тожествѣ крестовъ ожидалъ отъ точнаго изученія Микулинскаго креста, когда онъ будетъ доставленъ въ Коммиссію, и высказывалъ предположеніе, не сокрытъ ли подлинный Антоніевъ крестъ внутри большаго креста, новѣйшей работы, стоящаго за престоломъ св. Софіи и носящаго также имя св. Антонія?

В. К. Мясоѣдовъ на послѣднее предположеніе отвѣчалъ, на основаніи показанія настоятеля собора о. А. Конкордина, отрицательно.

V.

А. В. Праховъ сдѣлалъ сообщеніе «*О находкахъ въ Бѣлгородкѣ лѣтомъ 1909 года*». Бѣлгородка надъ р. Ирпенью, къ западу отъ Кіева, принадлежитъ къ числу городовъ-крѣпостей, воздвигнутыхъ св. Владиміромъ вокругъ Кіева; площадь городища (10 десятинъ) равна пространству кіевскаго Кремля св. Владиміра, какъ установлены были предѣлы его покойнымъ В. Б. Антоновичемъ и докладчикомъ; нижняя часть Бѣлгородки (посады, занимающій 46 десятинъ) окружена также валами, какъ и верхняя. Изъ прежнихъ раскопокъ въ Бѣлгородкѣ Антоновича и Хрущева извѣстенъ прекрасный золотой змѣевикъ. Постоянную добычу давали и раскопки кладоискателей. Лѣтомъ 1909 г. въ Кремлѣ Бѣлгородки на частновладѣльческой землѣ (6 десятинъ, остальныя 4—церковныя) производилъ раскопки В. В. Хвойко. При первомъ же раскопѣ обнаружился храмъ XII вѣка, отъ котораго остались лишь нижнія части стѣнъ, часть древняго пола изъ кафелей желтыхъ и голубыхъ, мѣсто престола, куски рухнувшихъ арокъ со слѣдами фресокъ и различныя отдѣльныя находки; среди послѣднихъ—золотой эмалевый образокъ съ греческою надписью *ἄγιος Πέτρος* найденъ погнутымъ; многочисленные образки и крестики ничего особеннаго собою не представляли; кафельные кирпичи невиданной доселѣ формы вытянутаго пятиугольника украшали, по предположенію В. В. Хвойки, внѣшнія стѣны храма. Передъ храмомъ обнаружены были два колодца; въ одномъ вода показалась на глубинѣ 12 арш.

Раскопки В. В. Хвойко, при всей ихъ успѣшности въ смыслѣ находокъ, не представляются однако особенно надежными съ точки зрѣнія археологической точности. Прежніе и теперешніе результаты раскопокъ въ Бѣлгородкѣ дѣлаютъ желательнымъ научное продолженіе ихъ, для котораго наилучшимъ началомъ явилось бы пріобрѣтеніе всѣхъ шести продажныхъ десятинъ городища. Русскому Археологическому Обществу,

если бы оно захотѣло заняться этимъ дѣломъ, земля эта обошлась бы около 2000 р. (325 р. $\times$ 6 = 1950 р.). На городище Бѣлгородки обратило уже вниманіе Кіевское Отдѣленіе Военно-Историческаго Общества и предполагаетъ снять точные его планы.

27-го марта.

Присутствовали: почетный членъ Общества Н. В. Покровскій; дѣйствительные члены—Д. В. Айналовъ, Н. И. Веселовскій, В. К. Мясоѣдовъ, кн. П. А. Путятинъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ; члены-сотрудники—И. С. Абрамовъ, О. К. Волковъ, Н. Е. Макаренко, Д. В. Милѣевъ, А. А. Мионовъ, К. К. Романовъ и гость о. Знаменскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго собранія.

II.

Въ дополненіе и исправленіе по существу § IV протокола предъидущаго собранія предсѣдательствующій доложилъ, что крестъ изъ церкви Микулина Городища въ Археологической Коммиссіи полученъ, и вопреки надеждамъ найти въ немъ передѣлку древняго креста Антонія, архіепископа Новгородскаго, оказался произведеніемъ новаго времени, сдѣланнымъ на основаніи рисунка О. Солнцева, и притомъ въ ту же величину, т. е. вдвое меньше древняго креста архіеп. Антонія. Микулинскій крестъ доставленъ былъ изъ Коммиссіи въ засѣданіе Отдѣленія.

III.

Прочтена записка Н. И. Веселовскаго и А. А. Спицына нижеслѣдующаго содержанія:

«Если напечатать очередныя раскопки наши въ Новгородской области, то здѣсь въ настоящее время наиболѣе живое вниманіе возбуждаютъ тѣ памятники старины, которые обѣщаютъ дать матеріалъ для рѣшенія вопроса о томъ, кто именно заселялъ край въ эпоху образованія русскаго государства: русскіе или же финны. Таковы всѣ мѣстные курганы

съ сожженіемъ: круглыя (пизкіе и высокіе), пизкіе широкіе и удлиненыя. Въ прежніе годы Импер. Русское Археологическое Общество производило изслѣдованіе новгородскихъ кургановъ XI—XII в., чтобы ввести ихъ въ связь съ матеріаломъ обще-русскимъ того-же времени; теперь можно приступить и къ выполненію болѣе трудной, поставленной выше, задачи. Распространеніе кургановъ описанныхъ типовъ въ достаточной степени извѣстно, и нетрудно выбрать мѣста для работъ. Раскопки главнымъ образомъ могутъ сосредоточиться въ районѣ Демянскаго и Крестецкаго уѣздовъ, гдѣ имѣются на -лицо всѣ три типа курганныхъ насыпей. По топографическимъ соображеніямъ, желательно произвести раскопки также и по краямъ указанного района, именно: между Шелонью и Ловатью, въ мѣстности, изстари занятой русскимъ населеніемъ, и въ верховьяхъ Мсты и восточнѣе, гдѣ курганы намѣчаемыхъ типовъ также имѣются.

Раскопки могли бы быть произведены, подъ руководствомъ и отвѣтственностью втораго изъ насъ, студентами здѣшняго Университета, спеціально занявшимися археологіей».

При обсужденіи предложенной программы раскопокъ отдѣленія предсѣдательствующій, сообщивъ о состоявшемся 17-го марта, с. г., постановленіи Совѣта Общества, утвержденномъ затѣмъ Общимъ Собраніемъ Общества 24-го сего марта, о представленіи лицами, производящими на средства Общества раскопки или инья изслѣдованія, также и денежныхъ отчетовъ, предложилъ Отдѣленію высказаться по вопросу о томъ, какого рода расходы Отдѣленіе полагаетъ возможнымъ возмѣщать изъ средствъ общества и можетъ ли этотъ вопросъ быть рѣшаемъ однимъ Отдѣленіемъ или же онъ, какъ касающійся всѣхъ отдѣленій Общества, надлежатъ предварительному обсужденію Совѣта Общества?

Въ виду того, что достаточнаго единогласія по вопросу этому не оказалось, Отдѣленіе постановило рѣшать очередной вопросъ о раскопкахъ лѣтомъ 1910 года по примѣру прежнихъ лѣтъ, безъ какихъ либо оговорокъ о приемлемости тѣхъ или иныхъ видовъ расходовъ, и предложеніе Н. И. Веселовскаго и А. А. Спицына принято было единогласно. О. К. Волковъ внесъ пожеланіе, чтобы какъ при предстоящихъ лѣтомъ 1910 г. раскопкахъ Общества, такъ и при другихъ, всѣ человѣческія кости, находимыя въ могилахъ, а не одни лишь черепа, были сохраняемы и направляемы для антропологическаго ихъ изслѣдованія въ Кабинетъ географіи и антропологіи при С.-Петербургскомъ университетѣ, въ виду того, что доселѣ матеріалы этого рода въ Россіи изслѣдованы крайне не достаточно. При обсужденіи этого предложенія,

при чемъ было указано, что довольно значительныя собранія этого рода доселѣ или остаются не разработанными или,—какъ то было въ Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ, погребаются даже вторично, пожеланіе О. К. Волкова принято было Отдѣленіемъ къ исполненію при предстоящихъ его раскопкахъ.

IV.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе: «*Торговые пути Кіевской Руси*»¹⁾.

Докладчикъ перечислялъ слѣдующіе пути: западный (лядскій), греческій, залозный, муромскій и новгородско-суздальскій.

Западный путь шелъ по Волини на Краковъ, Прагу и Регенсбургъ, давалъ Кіеву серебро, коней, издѣлія изъ желѣза и украшенія и служилъ для сбыта мѣховъ, воска и греческихъ товаровъ. Почти параллельно этому пути направлялся и «соляной» изъ Галича.

Греческій путь шелъ въ Царьградъ, а можетъ быть, и Корсунь, по Днѣпру и морю, съ остановкой въ Олешьѣ. Изъ Руси шли рабы, мѣха, воскъ, серебро (?); изъ Царьграда главнымъ образомъ ткани и вообще предметы роскоши. Купцы возвращались до Хортицы на лодьяхъ, а далѣе двигались па возахъ. Черезъ Олешье шло нѣкоторое торговое движеніе и въ Галичъ.

Залозный путь направлялся на Тмутаракань, черезъ Переяславль, Полтаву и Донецъ; отсюда получались восточные трапезунтскіе товары, за которые Русь расплачивалась мѣхами, серебромъ, отчасти рыбой. Мѣха получались главнымъ образомъ въ Муромѣ, куда стекались этого рода товары и мѣстные, и болгарскіе. Допустимо добываніе мѣховъ и изъ Литвы. Взамѣнъ болгары получали восточныя ткани, предметы роскоши изъ Кіева и серебро.

Сѣверный путь первоначально шелъ на Смоленскъ, а отсюда черезъ Великія Луки въ Новгородъ и по верховьямъ Волги въ Суздаль. Кіевляне едва ли что-либо получали изъ Новгорода кромѣ серебра, а сбывали сюда греческіе и малоазійскіе товары.

Торговля Руси съ Греціей, Трапезунтомъ и Западомъ перехвачена была венеціанцами и генуэзцами, а нападеніе татаръ уничтожило и торговлю Кіева мѣхами.

---

¹⁾ См. „Сергѣю Феодоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели“. СПб. 1911 г. стр. 235—253; А. Спицынъ, „Торговые пути Кіевской Руси“.

V.

И. С. Абрамовъ сообщилъ *объ археологическихъ развѣдкахъ и раскопкахъ въ Ковенской губерніи*, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1909 г. по порученію Императорской Археологической Коммисіи.

Раскопки произведены были въ Поневѣжскомъ уѣздѣ, близъ деревень Молотышекъ, Пакальнишекъ, Гельянъ и Рагинянъ, а также въ Вилкомврскомъ уѣздѣ, близъ деревень Помарноки, Скворби и Шугени. Изслѣдованные курганы докладчикъ дѣлитъ на два типа, плосковерхіе и полушаровые. Какъ тѣ, такъ и другіе обыкновенно имѣютъ въ основаніи каменные огражденія, вблизи же ихъ замѣчаются выемки, откуда брали землю для насыпи. Въ полушаровыхъ курганахъ находятся костяки довольно хорошей сохранности, а также различные предметы личнаго инвентаря, какъ то: мѣдныя фибулы, желѣзные кельты, желѣзные топоры и ножи, обломки серповъ, серебряныя шейныя гривны, мѣдныя браслеты, орнаментированныя черточками, мѣдныя цѣпочки и т. п. Всѣ находки, сдѣланныя докладчикомъ, предъявлены были имъ собранію.

Въ курганахъ другого типа, плосковерхихъ, встрѣчаются тоже костяки и при нихъ зола и уголь, вещей же въ нихъ обнаружено не было.

Литовскіе курганы нерѣдко достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ: высотой до пяти футовъ, діаметромъ около одиннадцати саженьей. Особенно выдающійся интересъ представляетъ курганный могильникъ, занимающій около трехъ десятковъ въ деревнѣ Рагинянахъ. Встрѣчаются еще курганы каменные, т. е. сложенные почти сплошь изъ камней валуновъ.

Въ заключеніе докладчикъ обратилъ вниманіе собранія на то обстоятельство, что курганы въ Ковенской губерніи быстро исчезаютъ, такъ какъ ихъ раскапываютъ и кладоискатели-крестьяне и помѣщики, собирающіе археологическія коллекціи для домашнихъ музеевъ. Однимъ военнымъ топографомъ было раскопано до тысячи кургановъ; найденные имъ предметы находятся временно въ Императорской Археологической Коммисіи.

VI.

Сообщеніе К. К. Романова: *О такъ называемомъ Святослововомъ крестѣ въ Юрьевъ-Польскомъ*», въ виду поздняго часа, отложено было до слѣдующаго собранія.

8-го апрѣля.

Присутствовали: дѣйствительные члены: В. Т. Георгіевскій, М. Г. Деммени, Н. Я. Марръ, К. К. Романовъ, Я. И. Смирновъ; члены-сотрудники: И. С. Абрамовъ, Н. Е. Макаренко, И. Н. Рѣпниковъ; гость А. А. Артузи.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

К. К. Романовъ сдѣлалъ сообщеніе «*О такъ называемомъ Святославовомъ крестѣ въ Юрьевѣ-Польскомъ*»¹⁾.

Памятникъ этотъ извѣстенъ г.г. членамъ Общества по изданію его проф. И. А. Шляпкинымъ во 2-мъ выпускѣ V-го тома Записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи (С.-ПБ., 1904, стр. 43—52, рис. 14 и 15). Это рѣзное изъ бѣлаго камня рельефное изображеніе Распятія съ предстоящими признавалось доселѣ, согласно съ традиціей и находящимися подъ нимъ надписями за крестъ, поставленный кн. Святославомъ Всеволодовичемъ 30 іюля 1224 г.

Изученіе докладчикомъ скульптурной орнаментациі Юрьевской церкви, о важнѣйшихъ результатахъ котораго онъ сообщилъ въ послѣднемъ Общемъ Собраніи Общества, заставляетъ однако иначе смотрѣть на происхожденіе такъ называемаго Святославова креста.

Это—собственно и не крестъ, а цѣльная обычная композиція Распятія, распредѣленная на трехъ сосѣднихъ камняхъ; два же крайнихъ камня съ фигурами свв. Николая и Тихона Амаунтскаго, судя по иной величинѣ и работѣ этихъ рельефовъ, къ первоначальной композиціи не принадлежали. Распятіе, судя по остаткамъ на фонѣ его такихъ точно растительныхъ разводовъ, какими покрыты стѣны Юрьевской церкви, принадлежало нѣкогда къ ея внѣшней декораціи.

Эта большая и цѣльная композиція, аналогичная составленному докладчикомъ изъ разрозненныхъ частей Преображенію, должна была первоначально занимать видное, центральное, мѣсто вверху одного изъ фасадовъ

---

¹⁾ См. „Сборникъ археологическихъ статей, поднесенныхъ графу А. А. Бобринскому“. С.-ПБ. 1911. 8°, стр. 199—211, съ 1 рис. и 1 табл. К. К. Романовъ: „Святославовъ крестъ“ въ г. Юрьевѣ-Подольскомъ.

церкви. До 1781 г. рельефъ этотъ находился на западной стѣнѣ прежней колокольни, пристроенной передъ западнымъ фасадомъ церкви; на чердакѣ за теперешнею колокольною въ верхней части западной стѣны церкви оказывается заложенное кирпичами нустое пространство, соответствующее по величинѣ его тремъ камнямъ съ изображеніемъ Распятія съ предстоящими; здѣсь до пристройки колокольни рельефъ этотъ, очевидно, и находился, занимая свое первоначальное, вѣроятно, мѣсто въ западной стѣнѣ древней церкви, хотя здѣсь стѣна эта и переложена; изображеніе Распятія, какъ и Преображеніе и другія композиціи, входило, слѣдовательно, въ общую систему декораціи внѣшности церкви и потому наименованіе его крестомъ 1224 года не соответствуетъ ни его первоначальному положенію, ни времени исполненія, несомнѣнно общему со всею церковью, т. е. 1230—1234 году.

Вынутые въ 1781 г., при разборѣ старой колокольни, три камня съ Распятіемъ, были въ 1816 г. составлены въ теперешнемъ ихъ видѣ, т. е. вмѣстѣ съ фигурами святыхъ Николая и Тихона Амафунтскаго и съ надписью, говорящей о постановкѣ креста княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ. Эта, вырѣзанная на камнѣ, надпись не содержитъ обозначенія года; 1224 годъ является лишь въ повѣйшей, написанной на доскѣ, надписи, а потому и не заслуживаетъ въ сущности вниманія историка; надпись же на камнѣ, если подлинность ея будетъ окончательно признана специалистами, относилась первоначально не къ тому рельефному изображенію Распятія съ предстоящими, подъ которымъ она нынѣ находится, а къ какому либо иному кресту, настоящему.

Я. И. Смирновъ, привѣтствуя докладчика со столь важнымъ открытіемъ, сообщилъ замѣчаніе одного покойнаго, упоминаемаго въ статьѣ И. А. Шляпкина, юнаго археолога, а именно, что въ надписи, помѣщенной подъ такъ называемымъ Святославовымъ крестомъ, оказывается странная для древней надписи ошибка: днемъ памяти св. Іоанна Воина является тамъ 30-ое іюня, вмѣсто іюля, но это, не лишнее нѣкотораго значенія въ вопросѣ о подлинности надписи обстоятельство ея издателемъ оставлено было, къ сожалѣнію, безъ вниманія.

В. Т. Георгіевскій выразилъ пожеланіе, чтобы докладчикъ поставилъ въ связь барельефы Святослава собора со стороны техники и стилия съ одновременными имъ барельефами другихъ храмовъ домонгольской эпохи. Тогда характерныя особенности памятника древне-русскаго искусства будутъ яснѣе и тогда легче будетъ опредѣлять его цѣнность.

III.

Н. Е. Макаренко сдѣлалъ сообщеніе: «*Раскопки Новотемниковаго могильника Тамбовской губ.*» и предъявилъ нѣкоторыя изъ добытыхъ тамъ древностей.

Раскопка была произведена по предложенію гр. И. А. Воронцова-Дашкова и Д. С. Шереметева въ заповѣдной рошѣ Дашкова близъ Ново-Темникова, Тамбовской губ. Могильникъ расположенъ въ 1 верстѣ отъ р. Цны на легкомъ подъемѣ. Въ песчаномъ грунтѣ подл легкимъ дерновымъ слоемъ вскрыто 57 могилъ обычной формы продолговатаго четырехугольника различныхъ размѣровъ, глубиною не превышающихъ $2\frac{1}{2}$ арш. Обрядъ: погребеніе и сожженіе; преобладаетъ первое. Изъ предметовъ, характерны для могильника различныя шейныя гривны, головные вѣпчики, браслеты, пряжки, кольца, все изъ мѣди, серебряныя серги со спиральнымъ концомъ и ромбикомъ; глиняныя сосуды различныхъ формъ, въ изобиліи, желѣзныя пѣшши, ножи, копья. Найденныя въ погребеніи серебряныя саманидскія монеты Нассръ-Бенъ Ахмета, позволяютъ относить могильникъ къ IX—X вѣкамъ. Могильникъ богатый какъ по количеству погребеній, такъ и по обилію предметовъ, находящихся въ погребеніяхъ. Площадь, изслѣдованная настоящими раскопками, несравненно больше предыдущихъ, но могильникъ далеко не законченъ изслѣдованіемъ.

29-го октября.

Присутствовали: дѣйствительные члены: В. Т. Георгіевскій, М. Г. Деммени, Н. П. Лихачевъ, С. Л. Пташицкій, кн. П. А. Путятинъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, члены-сотрудники: В. К. Мясоѣдовъ, А. С. Раевскій, К. К. Романовъ, Н. Н. Рѣпниковъ, гости: Н. Л. Окуневъ, Н. П. Сычевъ, А. А. Артузи.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

II.

Я. И. Смирновъ въ дополненіе къ протоколу сообщилъ, что не хватавшее К. К. Романову при его изслѣдованіяхъ въ Юрьевѣ

Польскомъ историческое свидѣтельство о времени и обстоятельствахъ перекладки церкви св. Георгія нынѣ отыскано В. Т. Георгіевскимъ въ только что изданной Ермолинской Лѣтописи, подъ 1471 годомъ.

III.

А. А. Спицынъ, сообщивъ, что отъ исполненія предположенныхъ Отдѣленіемъ минувшимъ лѣтомъ раскопокъ осталась неизрасходованной по болѣзни одного изъ производившихъ раскопки лицъ довольно значительная сумма, предложилъ Отдѣленію ходатайствовать предъ Общимъ Собраніемъ Общества о сохраненіи этой неизрасходованной суммы за Отдѣленіемъ на раскопки же въ будущемъ году.

Предложеніе А. А. Спицына принято.

IV.

В. Т. Георгіевскій прочелъ сообщеніе «Опись Іосифова Волоколамскаго монастыря 1545 года и ея археологическое значеніе» ¹⁾.

Раздѣливъ описи церковной утвари и имущества, производившіяся церковными властями какъ въ греческой церкви, такъ и въ русской на два разряда — а) древнѣйшія и б) позднѣйшія, относящіяся къ половинѣ XVII и XVIII вѣка, референтъ, признавая вообще цѣнность для археологіи этихъ описей, склоняется къ той мысли, что древнѣйшія описи болѣе цѣнны, чѣмъ позднѣйшія, когда для составленія ихъ выработался особый шаблонъ, утратившій многія подробности, наиболѣе цѣнныя въ древнѣйшихъ описяхъ.

Напечатанная референтомъ опись Іосифова Волоколамскаго монастыря 1545 г., найденная имъ среди рукописей бібліотеки Волоколамскаго монастыря, представляетъ особую цѣнность именно въ виду того, что не впадая въ шаблонъ, выработанный нѣсколько позднѣе, заключаетъ необыкновенныя подробности, рѣшительно не встрѣчающіяся въ другихъ подобнаго рода описяхъ, сообщая имена художниковъ, писавшихъ иконы въ монастырѣ, мастеровъ, дѣлавшихъ на нихъ оклады и вѣнцы, наконецъ, имена жертвователей, поставившихъ эти иконы, а

---

¹⁾ См. Изданіе Высочайше учрежденнаго Комитета Попечительства о русской иконописи, «Фрески Терапонтова Монастыря» В. Т. Георгіевскаго. С.-Пб. 1911. 4°. Приложеніе, стр. 1—23. Опись Іосифова Волоколамскаго Монастыря 1545—1057 года.

также имена писцовъ, писавшихъ книги, переплетчиковъ и завѣщателей, дарившихъ книги въ монастырскую бібліотеку.

Благодаря этимъ подробностямъ, мы узнаемъ цѣлый рядъ новыхъ именъ иконописцевъ художниковъ, имѣвшихъ большое значеніе въ исторіи русскаго искусства. Такъ оказывается по этой описи въ церквахъ I. Волоколамскаго монастыря было 9 иконъ Рублева письма. Всего болѣе иконъ принадлежитъ кисти художника Діонисія и его двухъ сыновей Θεодосія и Владиміра, игравшихъ такую важную роль въ исторіи русскаго искусства во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI в.

Между другими художниками иконописцами, писавшими иконы въ I. Волоколамскомъ монастырѣ, обращаетъ на себя вниманіе имя Мисаила Кони́на. Это, очевидно, сынъ Кони (Конона), иконописца, расписывавшаго Успенскій Соборъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Діонисіемъ въ 1489 г., о чемъ есть указаніе въ лѣтописи. Такимъ образомъ благодаря этому является новое подтвержденіе мнѣнія Н. П. Лихачева, по коему выдающіеся иконописцы изъ рода въ родъ передавали свое искусство и лучшіе изъ нихъ, какъ сынъ и внуки Ярца, расписывавшаго вмѣстѣ съ Коней и Діонисіемъ при дворѣ Великаго Кн. Іоанна III Успенскій Соборъ, являются затѣмъ выдающимися иконописцами въ теченіе всего XVI ст., и нѣкоторые, какъ Дерма Ярцевъ и Постникъ Дерминъ, служатъ при дворѣ Великихъ Князей и Царей, также какъ дѣти Діонисія, Владиміръ и Θεодосій, продолжаютъ дѣло своего отца. Изъ тѣхъ же лѣтописей извѣстно, что Θεодосій Діонисіевъ расписываетъ придворный Благовѣщенскій Соборъ въ 1508 г. и изготовляетъ высокохудожественныя миниатюры евангелистовъ къ евангелію 1507 г., подаренному имъ боярину Третьякову, государственному казначею Великаго Князя Васи́лія III.

Цѣнна эта опись Волоколамскаго монастыря и для рѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ о внутреннемъ убранствѣ русскихъ церквей въ XVI в. Такъ изъ этой описи мы видимъ, что хотя составъ иконостаса уже сформировался къ этому времени окончательно, но всетаки на ряду съ Деисусомъ въ три яруса съ праздниками и пророками мы видимъ въ придѣлахъ и въ теплой церкви цѣлый рядъ пятничныхъ иконъ, которыя наполняютъ придѣлы, мѣстау стѣнъ и столбовъ въ цѣломъ рядѣ кіотовъ. Узнаемъ, что уже въ то время различали манеры иконныхъ писемъ: московскую, новгородскую и монастырскую. Въ этой же описи встрѣчается названіе нѣсколькихъ весьма рѣдкихъ сюжетовъ иконъ, каковы: «Евлогіево видѣніе», «всенощная», «икона бѣлоризца» и пр. Еще большую цѣнность представляетъ списокъ именъ древнихъ переписчиковъ

книгъ, между которыми упоминается самъ Іосифъ Волоколамскій, Германъ арх. Казанскій, Акакій еп. Тверской, Савва Черный еп. Крутицкій, Ниль Полевъ и др. Краткій перечень этихъ писцовъ сдѣланъ былъ въ сороковыхъ годахъ въ Чт. въ Общ. Ист. и Др. проф. П. С. Казанскимъ, видѣвшимъ эту рукопись въ Волоколамскомъ монастырѣ и обратившимъ вниманіе на эти имена древнихъ переписчиковъ книгъ.

Н. П. Лихачевъ, находя эту рукопись Волоколамскаго монастыря весьма важной для исторіи русской иконописи и выразивъ благодарность референту за ея обнаруженіе, обратилъ особое вниманіе на нѣкоторыя техническія свѣдѣнія по иконописи, встрѣчающіяся въ этой описи, какъ напр. на иконы, писанныя на лазури (т.-е. на голубомъ фонѣ), на гладкомъ золотѣ и проч.

V.

Затѣмъ предсѣдательство въ Собраніи принялъ кн. П. А. Путятинъ, а Я. И. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе: О сборникѣ польскихъ портретовъ ¹⁾. Отдѣльные листы, числомъ 30, хранящіеся въ библиотекѣ Императорской Академіи Художествъ во II-омъ томѣ сборника «*Polonogum Icones*» принадлежавшаго нѣкогда королю Станиславу-Августу, предъявлены были въ подлинникѣ. На этихъ страницахъ, вырванныхъ изъ какого то сборника пестраго содержанія, нарисованы перомъ портреты различныхъ лицъ, по большей части поляковъ, съ краткими-подписями подъ ними, которыя содержатъ или краткія біографическія свѣдѣнія, или копіи надгробныхъ надписей, или же какія-либо относящіяся къ изображаемымъ лицамъ стихотворенія. Исполненіе рисунковъ докладчикъ относилъ къ XVII вѣку, и притомъ ко второй его четверти, основываясь какъ на самомъ подборѣ изображенныхъ лицъ, такъ и на автобіографическихъ замѣчаніяхъ составителя сборника, оказывающихся въ нѣкоторыхъ подписяхъ. Хотя исполнены портреты въ художественномъ отношеніи и весьма неудовлетворительно, но сравненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ иными портретами тѣхъ же лицъ обнаруживаетъ достаточное сходство. Возможно, слѣдовательно, что заслуживаютъ довѣрія и портреты такихъ лицъ, иныхъ портретовъ которыхъ докладчику неизвѣстно, такъ напримѣръ козаковъ Голубка и Подковы и др. Свѣдѣнія въ подписяхъ иногда носятъ характеръ явно фантасти-

¹⁾ См. Труды XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ. Томъ III. Москва. 1911, стр 387—469, табл. V—X. Я. И. Смирновъ, Описаніе одного польскаго сборника портретовъ XVII вѣка.

ческій и недостовѣрный, но иногда сообщаютъ и новые, быть можетъ, факты. А потому этотъ рядъ портретовъ и представляется докладчику заслуживающимъ нѣкотораго интереса и подробнаго описанія, а для нѣкоторыхъ портретовъ—и изданія, каковое и предполагается въ Трудахъ XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ, куда послано было краткое сообщеніе объ этомъ сборникѣ.

С. Л. Пташицкій, сдѣлавъ нѣкоторыя замѣчанія по поводу отдѣльныхъ портретовъ и текста подъ ними, также признавалъ портреты заслуживающими описанія и публикаціи.

20-го денабря.

Присутствовали дѣйствительные члены: Д. В. Айналовъ, Н. И. Веселовскій, В. Т. Георгіевскій, Н. Я. Марръ, Н. В. Покровскій, С. В. Рождественскій, М. И. Ростовцевъ, А. И. Соболевскій, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. В. Тураевъ, К. В. Хилинскій, Б. В. Фармаковскій, К. Д. Чичаговъ, члены-сотрудники: П. Л. Гусевъ, В. К. Мясоѣдовъ, К. К. Романовъ, А. С. Раевскій, Н. И. Рѣпниковъ, А. В. Щусевъ; гости: К. Я. Здравомысловъ, Л. А. Мацулевичъ, Д. Л. Лучинскій, Н. П. Окуневъ, Н. П. Сычевъ, А. С. Раевскій и П. И. Филатовъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

В. К. Мясоѣдовъ прочелъ сообщеніе о «Нередицкихъ фрескахъ», которыя были предметомъ спеціальнаго изученія референта миновшимъ лѣтомъ.

Нередицкія фрески были обследованы цѣликомъ съ помощью лѣсовъ. Разрѣшены многіе прошлогодніе вопросы. Качественнымъ анализомъ установлено, что темно-коричневыя пятна не поновленія, а сурикъ, видоизмѣнившійся подъ вліяніемъ дѣйствія воздуха въ теченіе продолжительнаго времени. Фигуры купола, казавшіяся при обзорѣни снизу реставрированными, не тронуты. Переписана лишь голова Христа

и одежды одного изъ ангеловъ въ Вознесеніи, а также орнаментъ въ двухъ окнахъ барабана. Разновременныя наслоенія нижняго пояса отмыты влажной гигроскопической ватой. Подъ частичной штукатурной обмазкой, теперь удаленной, открыта Тайная вечеря, фрагменты Преображенія и Входа въ Иерусалимъ и фигура неизвѣстнаго воина. Опредѣленъ впервые цѣлый рядъ дотолѣ не указывавшихся въ литературѣ сюжетовъ, какъ-то: житіе Іоакима и Анны, страсти Іоанна Предтечи, Поруганіе Христа, Несеніе креста, Явленіе женамъ мироносицамъ и Явленіе на пути въ Эммаусъ. Особенно важна находка фигуръ Бориса и Глѣба въ абсидѣ по сторонамъ Богородицы, свидѣтельствующихъ о древности почитанія этихъ святыхъ въ Новгородѣ. Фрески отличаются большимъ разнообразіемъ въ стилѣ и пошибахъ. Ихъ состояніе не вполне удовлетворительно. Необходимо укрѣпить наиболѣе опасныя мѣста росписи съ той же тщательностью, съ какою выполнена образцовая архитектурная реставрація этого памятника.

III.

Л. А. Мацулевичъ прочелъ сообщеніе о «росписи Волотовскаго въ Новгородѣ». Референтъ сообщилъ, что между существующимъ покрытіемъ Волотовскаго храма и первоначальнымъ было еще иное — среднее между ними. Стѣны Волотовской церкви сохранили разновременную живопись. Одну обыкновенно считали за роспись XIV ст., другую—XVII в. Систематическій анализъ послѣдней указываетъ на ближайшую связь ея съ мозаиками Кахріз-Джами. Наблюдается въ ней какъ въ краскахъ, такъ и формахъ много чертъ и ранняго итальянскаго Возрожденія. Эта живопись должна относиться не къ XVII в., а 1363 году, подъ которымъ въ лѣтописяхъ говорится о росписи всей церкви. Положеніе это подтверждаетъ характеръ подписей. Первая же роспись относится, вѣроятно, ко времени построенія церкви, т.-е. 1352 г. Кромѣ этой послѣдней, болѣе живописи въ то время въ храмѣ не существовало. Изданное Прохоровымъ изображеніе Великомученицы Варвары относится ко второй росписи и изображаетъ царя Соломона. Въ росписи 1363 года сохранились портретныя изображенія двухъ Новгородскихъ архіепископовъ: св. Моисея и Алексѣя.

IV.

Н. Л. Окуневъ сдѣлахъ докладъ «о вновь открытой росписи Феодора Стратилата въ Новгородѣ» ¹⁾. Докладъ этотъ представляетъ резюме нѣкоторыхъ изъ лѣтнихъ его наблюденій надъ вновь открытой изъ-подъ забѣлки росписью церкви Феодора Стратилата въ Новгородѣ, на Торговой сторонѣ. Роспись эта, любопытная по своей схемѣ (циклъ страстей Господнихъ въ алтарѣ и житіе св. Феодора Стратилата и Тирона въ центральной части храма) и по иконографической близости къ росписи Успенской церкви въ Волотовѣ, представляетъ наибольшій интересъ сказавшимся въ ней вліяніемъ типичныхъ чертъ Ренессанса, какъ въ исполненіи фигуръ, костюмовъ, позъ, такъ и въ исполненіи горъ и ландшафта. Эти-то стилистическія черты, ставящія роспись въ преемственную связь съ художниками ранняго итальянскаго Возрожденія (Чимабуэ, Дуччіо), и нѣкоторыя другія данныя ²⁾ заставляютъ отнести этотъ памятникъ къ концу XIV вѣка.

V.

Послѣ Н. Л. Окунева сдѣлалъ сообщеніе «о рельефахъ извѣстныхъ Корсунскихъ вратъ» Н. П. Сычевъ.

Послѣ тщательнаго изученія этихъ рельефовъ, референтъ пришелъ къ заключенію, что эти рельефы даютъ возможность прослѣдить технику литейнаго дѣла. Такъ напр., въ рельефной композиціи посланія апостоловъ на проповѣдь имѣются фигуры совершенно не тронутыя чеканомъ, по нимъ можно составить себѣ понятіе о томъ видѣ, какой имѣли рельефы вратъ сразу послѣ литья. 2) Кромѣ того, большинство рельефовъ показываютъ, что послѣ литья они требовали уже значительныхъ реставрацій, которыя и производились до окончательной обработки ихъ чеканомъ. Это видно потому, что мѣстами древній орнаментъ, а иногда и латинскія надписи идутъ уже по реставрированнымъ мѣстамъ. 3) Кромѣ этихъ первоначальныхъ починокъ, врата имѣютъ слѣды другихъ разновѣковыхъ реставрацій. Въ XIV вѣкѣ, при нанесеніи на врата русскихъ надписей, онѣ снова перебирались. Мѣстами русскія надписи сдѣланы на вставныхъ пластинахъ. Что эти вставныя пластины одновременны

---

¹⁾ См. Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Вып. 39, стр. 88—101, съ 18 табл. Н. Л. Окуневъ, Вновь открытая роспись церкви Св. Феодора Стратилата въ Новгородѣ.

²⁾ Палеографія надписей и архитектурныя передѣлки въ храмѣ.

русскимъ надписямъ, особенно доказываетъ одна изъ нихъ (въ композиціи пѣлованія Маріи и Елизаветы), сдѣланная спеціально для того, чтобы помѣстить двѣ послѣднія буквы слова «Елизавеобъ», не умѣстившіяся на пластинѣ оригинала вслѣдствіе ея узости. 4) Надставленныя пластины съ русскими надписями по толщинѣ, цвѣту и характеру металла напоминаютъ пластину съ изображеніемъ мастера Аврама. Фигура послѣдняго сдѣлана по образцу, рядомъ стоящаго, мастера Риквина; она другой техники и стиля. На шеѣ Аврама православный крестъ съ надписью: ІС. ХС.; на пластинѣ только одна русская надпись, тогда какъ у двухъ другихъ мастеровъ, Риквина и Вайзмута, имѣются и латинскія надписи. Все это позволяетъ думать, что фигура мастера Аврама вставлена позднѣе, можетъ быть въ XIV вѣкѣ. 5) Для помѣщенія пластины съ изображеніемъ мастера Аврама вынута поперечное, вертикальное тябло рамы въ самомъ низу лѣвой створки и такимъ образомъ нарушена общая распланировка композицій, всюду (за исключеніемъ двухъ верхнихъ рамъ правой и лѣвой створки, спеціально приготовленныхъ для помѣщенія одной большой пластины), раздѣленныхъ поперечнымъ тябломъ. 6) Сборность Корсунскихъ вратъ доказывается кромѣ вставленной позднѣе пластины съ изображеніемъ мастера Аврама, еще тѣмъ, что въ композиціи посланія апостоловъ на проповѣдь, составленной изъ трехъ пластинъ, одновременно являются два апостола Петра (оба съ ключемъ). 7) Къ интереснымъ остаткамъ старины на Корсунскихъ вратахъ относятся слѣды позолоты на нѣкоторыхъ рельефахъ. Еще въ XVII вѣкѣ, т.-е. когда Васильевскихъ вратъ въ Новгородѣ уже не было, наружныя врата Софійскаго собора называются золотыми (въ рукописномъ уставѣ архіерейскаго служенія XVII в., находившемся раньше въ библиотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора, нынѣ въ библ. С.-Петербургской Духовной Академіи). 8) Во время предпослѣдней реставраціи Софійскаго собора (въ 1829—1837 гг.) на Корсунскихъ вратахъ появилась, неизвѣстно кѣмъ сдѣланная на книгѣ одного ангела, надпись на лат. языкѣ: I Koven 1835. 9) При послѣдней реставраціи Софійскаго собора, когда, какъ извѣстно, реставрировались и врата, неудачной перестановкой едиполичныхъ изображеній на правой створкѣ разбита, вставленной между двумя ея частями фигурой, композиція Входа въ Іерусалимъ, являющаяся во всѣхъ предшествовавшихъ послѣдней реставраціи изданіяхъ и фотографіяхъ единой. Кромѣ того, послѣ этой реставраціи нѣкоторыя надписи на вратахъ оказались закрытыми обоями рамъ (напр. закрыто слово Fortitudo; закрыта вторая строка русской надписи у мастера Риквина). На старыхъ изданіяхъ эти

надписи видны. 10) Къ числу интереснѣйшихъ иконографическихъ особенностей Корсунскихъ вратъ слѣдуетъ отнести присутствіе въ композиціи Входа въ Іерусалимъ рядомъ съ осломъ — осленка, совершенно неизвѣстнаго византійской иконографіи. Затѣмъ, интересна въ иконографическомъ отношеніи композиція Сошествія во адъ, гдѣ Христосъ поражаетъ копьемъ адъ въ видѣ головы Левиаоана, а въ лѣвой рукѣ держитъ развернутое рукописаніе Адама (*Χειρόγραφον*), отнятое у ада.

По поводу всѣхъ предложенныхъ докладовъ гг. Мясоѣдова, Окунева, Сычева, Мацулевича Н. В. Покровскій Д. В. Айпаловъ, Я. И. Смирновъ, В. Т. Георгіевскій и А. С. Раевскій сдѣлали замѣчанія о важности для исторіи русскаго искусства сдѣланныхъ референтами сообщеній.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНИЙ

Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1911 годъ.

28-го февраля.

Присутствовали: дѣйствительные члены: О. А. Браунъ, В. Т. Георгіевскій, баронъ С. П. Корфъ, Н. Е. Макаренко, В. К. Мясоѣдовъ, А. А. Мироновъ, К. К. Романовъ, Я. И. Смирновъ и А. А. Спицынъ; члены-сотрудники: И. С. Абрамовъ, П. А. Гусевъ, А. А. Миллеръ, А. С. Раевскій, Н. П. Рѣпниковъ; гости: Д. Н. Воронежъ, П. А. Жукъ, А. А. Маковскій, Л. А. Мацулевичъ, Н. П. Окуневъ и А. А. Ростиславовъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

II.

За исходомъ 28-го ноябрю 1910 г. срока полномочій С. О. Платонова, какъ члена отъ Отдѣленія въ Совѣтъ Общества, произведены записками выборы и избранъ единогласно Д. В. Айналовъ.

III.

Читанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности за 1910 годъ.

IV.

Доложено *письмо 1-жи Антоновичъ* на имя Отдѣленія съ предложеніемъ принять въ изданія Отдѣленія обширные матеріалы для исто-

рико-географическаго словаря Украины, собранные покойнымъ В. Б. Антоновичемъ. Прочтено было означенное письмо и образецъ свѣдѣній, составляющихъ эти матеріалы; доложено о письмѣ Управляющаго Отдѣленіемъ къ г-жѣ Антоновичъ съ вопросами объ объемѣ матеріаловъ, о возможности дополненія ихъ или ограниченія, о средствахъ, потребныхъ для изданія, и т. п., и сообщено содержаніе отвѣта ея, въ которомъ нѣтъ даже примѣрнаго опредѣленія объема матеріаловъ и рѣшительно выражается желаніе издать ихъ въ теперешнемъ ихъ видѣ; наконецъ сообщено о томъ, что послѣ того подобное же предложеніе поступило и въ Императорское Русское Географическое Общество, которое однако сужденія по вопросу этому не имѣло. Такимъ образомъ въ случаѣ, если бы «Матеріалы» оказались слишкомъ обширны для того, чтобы быть изданными въ сколько либо короткій срокъ Археологическимъ Обществомъ, представляется возможность вступить въ соглашеніе съ Географическимъ Обществомъ о совмѣстномъ ихъ изданіи, чему вполне соотвѣтствуетъ и самое содержаніе «Матеріаловъ».

По вопросу высказались О. А. Браунъ, В. Т. Георгіевскій, А. С. Раевскій и А. А. Спицынъ.

Первый находилъ, что, судя по представленнымъ образцамъ, матеріалы, касаясь лишь населенныхъ мѣстъ, оставляютъ въ сторонѣ имена рѣкъ, горъ и урочищъ, т. е. тотъ важнѣйшій и надежнѣйшій историко-лингвистическій матеріалъ, на которомъ базируется современная историческая географія; съ другой стороны приводимыя выдержки изъ актовъ разныхъ временъ даютъ имена населенныхъ мѣстъ не въ тѣхъ именно формахъ, лингвистически точно повторенныхъ въ выпискахъ, какъ стоятъ онѣ въ подлинникахъ, чѣмъ значительно уменьшается научная цѣнность матеріаловъ; не можетъ быть также увѣренности въ абсолютной полнотѣ матеріаловъ, хотя въ какихъ либо точно опредѣленныхъ границахъ; вообще составленіе историко-географическихъ словарей со всею требуемою современною наукою точностью и полнотою стало теперь задачею сколь неотложною, столь же и превосходящею силы одного человѣка или небольшого кружка лицъ; теперь эта задача лежитъ на обязанности Академій, большихъ ученыхъ обществъ и т. п.; а потому, если бы даже Археологическое Общество и напечатало предлагаемые ему «Матеріалы», потративъ на это не мало, конечно, труда и средствъ, то изданіе это будетъ имѣть значеніе лишь временной, подготовительной работы для полнаго историко-географическаго словаря, за который рано или поздно, и, вѣроятно, въ скоромъ сравнительно времени, неизбежно придется приниматься нашей Академіи Наукъ, и тогда научное значеніе

«Матеріаловъ», которые обойдутся нашему Обществу не дешево, сведется къ тому же, что представляютъ они собою и теперь, оставаясь въ рукописи, если, конечно, рукопись эта, какъ того надо всемірно желать, поступить въ распоряженіе того научнаго учрежденія, которое будетъ вести дѣло изданія научнаго историко-географическаго словаря.

Прочіе, участвовавшіе въ обсужденіи вопроса, говорили преимущественно о способѣ составленія В. Б. Антоновичемъ этихъ «Матеріаловъ», причемъ А. А. Спицынъ отстаивалъ огромную историческую и археологическую цѣнность ихъ въ теперешнемъ видѣ и полагалъ желательнымъ напечатать ихъ, если то окажется по средствамъ Отдѣленія или Общества.

Послѣ обмѣна мнѣній постановлено было передать вопросъ этотъ на обсужденіе Совѣта и Общаго Собранія Общества, такъ какъ, при всей желательности, напечатаніе, въ томъ или иномъ видѣ, матеріаловъ, собранныхъ В. Б. Антоновичемъ, обширность ихъ,—возможно точное установленіе каковой является необходимѣйшимъ условіемъ для точнаго сужденія о вопросѣ,—дѣлаетъ осуществленіе предложенія г-жи Антоновичъ непосильнымъ для одного Русскаго Отдѣленія.

V.

Н. Е. Макарепко прочелъ докладъ «*О раскопкахъ въ Новгородѣ лѣтомъ 1910 года*», сопровождая его демонстраціей фотографій и чертежей, исполненныхъ имъ при раскопкахъ, а также и образцами самихъ находимыхъ вещей.

Раскопки производились на средства Музея Дюпетровскаго искусства и быта докладчикомъ въ сотрудиствѣ съ Н. К. Рерихомъ.

На Рюриковомъ Городищѣ было положено въ разныхъ мѣстахъ пять траншей и сдѣланъ обрѣзъ у обрыва для выясненія мощности такъ называемаго культурнаго слоя. Ни въ траншеяхъ за абсидой существующей церкви, ни въ другихъ мѣстахъ массивнаго слоя не встрѣчено, за исключеніемъ слоя у обрыва, подходящаго подъ избы и дорогу. Въ этихъ траншеяхъ найдено небольшое количество черепковъ съ волнистымъ орнаментомъ, костяной свистокъ, обломки стеклянныхъ браслетовъ, костяной гребень, украшенный кружками, и другіе предметы.

Въ разстояніи 300 метровъ отъ Благовѣщенской церкви, на холмикѣ, называемомъ «Никола», открыто основаніе деревянной сгорѣвшей церковки разм. 7,8 × 8,6 м., съ выступающей на 4,3 м. абсидой; часть церкви на уровнѣ основанія сохранила известковый полъ; заливка ле-

жить прямо на пескѣ, какъ и основанія стѣнъ. Въ С.-З. части церковки подъ поломъ найденъ грубый глиняный сосудикъ вѣка XI—XII и мѣдная цѣпочка. Въ алтарной части сосредоточено особенное количество угля и золы, найдены шлаки перегорѣвшихъ металлическихъ предметовъ, въ томъ числѣ мѣдного литого образка (выше пола на 5—6 вершковъ). Церковка построена уже на культурномъ слоѣ со значительнымъ количествомъ зольныхъ прослоекъ и ямъ, намъ показали двѣ траншеи, проложенныя поперекъ ея.

Раскопки въ Кремлѣ, противъ Кукуевской башни, дали цѣлый рядъ культурныхъ наслоеній, насыщенныхъ остатками деревянныхъ сооружений хозяйственного характера. Слои оказались непрерывными и залегали ровными, иногда массивными, пластами. Кромѣ многочисленныхъ черенковъ съ орнаментами и безъ нихъ найдены двѣ долбленныя бочки и въ нихъ сапоги, деревянный ковшъ, валежъ, деревянный кружокъ для покрытія сосуда, мѣдная чашечка, деревянные ложки, гребни съ кружковымъ орнаментомъ, грузило, мѣдный браслетъ, пряжки, костяныя подѣлки, точилки (бруски), деревянная чашечка, трехгранный поливной миниатюрный изразецъ, кремни, кресала, части каменнаго креста и проч. Въ верхнихъ слояхъ обломки поливныхъ и красныхъ изразцовъ, монеты, подковы (широкія плоскія) и много др. предметовъ. Наидревнѣйшій слой въ этомъ мѣстѣ Кремля X вѣка.

По поводу доклада А. А. Спицынъ предложилъ нѣкоторыя хронологическія заключенія по находкамъ, сдѣланнымъ въ обоихъ мѣстахъ раскопокъ: у Городища оказываются черепки очень древніе, подобные тѣмъ, какіе Н. И. Рѣпниковъ нашелъ близъ Ст. Ладоги; ихъ можно приписать финнамъ и относить къ эпохѣ до прихода въ Новгородъ русскихъ. Въ Дѣтинцѣ же не найдено ничего, что могло бы быть ранѣе X-го вѣка: костяныя вещи и деревянные гребешки—вѣка X-го; разнообразныя черепки—разныхъ временъ, но временъ болѣе позднихъ. Такимъ образомъ подтверждаются прежнія предположенія, что древнѣйшія мѣста поселеній у Новгорода были на Городищѣ и, вѣроятно, на Ярославскомъ дворницѣ, т. е. на низменныхъ, удобно доступныхъ съ рѣки мѣстахъ, высокій же холмъ Софійской стороны въ X в. не былъ еще заселенъ. Продолженіе раскопокъ желательно поэтому вести на Торговой сторонѣ, такъ какъ тамъ могутъ быть остатки болѣе древней поры, нежели въ Дѣтинцѣ.

Н. И. Рѣпниковъ относительно найденныхъ въ Дѣтинцѣ помостовъ замѣтилъ, что, судя по Ладожскимъ находкамъ, то, что найдено Н. Е. Макаренко, это—не мостовыя улицы, а остатки половъ какихъ

либо помѣщеній. Планъ деревянной церкви на Городищѣ В. К. Мясо-
ѣдовымъ и Я. И. Смирновымъ признаваемъ былъ весьма близкимъ
къ каменнымъ церквамъ домонгольского времени, но К. К. Романовъ
въ остаткахъ абсиды усматривалъ многогранность, свойственную и XVI
и XVII в., среди которыхъ встрѣчаются и столь же близкія по плану
къ квадрату какъ церковь, стоявшая на Городищѣ.

VI.

А. А. Спицынъ, въ докладѣ «*О новѣйшихъ раскопкахъ и архео-
логическихъ открытіяхъ въ Новгородской области*», указавъ на боль-
шую важность археологическаго матеріала для рѣшенія вопроса о началѣ
Руси, перечислилъ тѣ памятники старины Новгородскаго края, принад-
лежность которыхъ къ VIII — IX в. представляется наиболее вѣроят-
ной,—а именно, курганы удлиненные и, находящіеся съ ними въ связи,
круглые: низкіе и высокіе, низкіе широкіе каменные круги и древнія
городища,—и изложилъ результаты раскопокъ и изслѣдованій этихъ
памятниковъ въ послѣдніе годы В. А. Городцовымъ, крестьяниномъ
Павловымъ и работами, произведенными на средства Русскаго Отдѣленія
Общества лѣтомъ 1910 г. въ Гдовскомъ, Лужскомъ, Крестецкомъ и
Вышневолоцкомъ уѣздахъ. Всѣ эти произведенныя доселѣ изслѣдованія
далеко еще не разрѣшаютъ вопроса о населеніи Новгородской области
въ указанное время. Среди всѣхъ памятниковъ древности для этой цѣли
особо важными представляются древніе городища края, такъ называемаго
Дьякова типа, считаемаы докладчикомъ обрядовыми городками финскихъ
племенъ. Что касается исторіи заселенія Новгорода, то оно, повидимому,
могло бы идти въ такой послѣдовательности: первоначальное финское
поселеніе въ Городищѣ и выше торговая факторія Нормановъ на Тор-
говой сторонѣ и, лишь подъ защитой ихъ, появленіе славянъ кри-
вичей сперва на Торговой сторонѣ, а послѣ и въ Дѣтинцѣ около
св. Софіи и епископіи. Нѣкоторое противорѣчіе такого построенія лѣ-
тописнымъ преданіямъ не должно особенно смущать археологовъ, такъ
какъ историческая критика источниковъ лѣтописей, несмотря на по-
слѣднія работы акад. Шахматова, не можетъ быть еще признана раз-
работанной вполне и окончательно.

О. А. Браунъ находилъ чисто археологическія основанія заклю-
ченій докладчика не достаточно надежными для того, чтобы, опираясь
на нихъ, можно было перестраивать начальную исторію Новгорода въ
рѣзкомъ противорѣчіи съ показаніями начальной лѣтописи, достовѣрность

которыхъ именно для Новгорода утверждается изслѣдованіями академика Шахматова; да и помимо лѣтописи на существованіе въ Новгородѣ славянскаго поселенія указываетъ и самое имя его (Holmgard) у Скандинавовъ, вторая часть котораго есть лишь передача славянскаго слова «градъ»; если бы здѣсь не было еще славянскаго города, то поселеніе обозначалось бы или чисто норманскимъ, или финскимъ именемъ, какъ то и было съ Ладогой. Поэтому предположеніе о позднѣйшемъ приходѣ въ Новгородъ Славянъ, нежели Варяговъ едва ли найдетъ довѣріе у историковъ, какіе бы археологическія доказательства тому ни приводились.

Я. И. Смирновъ замѣтилъ, что съ методологической точки зрѣнія А. А. Спицынъ поступаетъ правильно: археологъ долженъ построить свои заключенія исключительно на вещественныхъ памятникахъ, не справляясь въ первой стадіи своей работы съ показаніями исторіи письменной, такъ какъ преждевременное желаніе согласовать данныя вещественныя съ данными лѣтописными приводитъ обыкновенно лишь къ сугубо ложнымъ заключеніямъ. Какъ въ собственныхъ своихъ хронологическихъ построеніяхъ археологу должно быть крайне осторожнымъ и осмотрительнымъ, такъ надо ему избѣгать и слѣпой вѣры въ новѣйшія построенія историковъ литературы, критически разбирать которые—дѣло не его специальности.

А. С. Раевскій указалъ на то, что и понынѣ на берегахъ Чудскаго озера рыболовствомъ, какъ и кожевничествомъ, занимаются только русскіе, но не эсты; находилъ нѣкоторые новые выводы академика Шахматова о новгородскихъ лѣтописяхъ менѣе пріемлемыми, чѣмъ прежнія заключенія того же изслѣдователя; замѣтилъ, что имя Holmgard'a, т. е. островнаго города, приложимо только къ Торговой сторонѣ или Городищу, но не къ Дѣтинцу.

Ө. А. Браунъ на послѣднее замѣчаніе сообщило, что слово Holmgard нужно толковать скорѣе, какъ «Ильменскій городъ», и отказаться отъ прежнихъ объясненій первой половины имени шведскимъ словомъ Holm—островъ.

12-го марта.

Присутствовали: дѣйствительные члены: Д. В. Айналовъ, В. Т. Георгіевскій, А. А. Дмитриевскій, баронъ С. П. Корфъ, В. К. Мясоѣдовъ, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, К. М. Хи-

линскій; члены-сотрудники: И. С. Абрамовъ, И. Н. Бороздинъ, П. Л. Гусевъ, А. И. Мионовъ, А. С. Раевскій; гости: Ст. Гамаловъ-Чураевъ, Л. А. Мацулевичъ, Н. А. Сычевъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

И. Н. Бороздинъ сообщилъ свѣдѣнія объ особомъ периодическомъ изданіи, задуманномъ археологами и историками при Археографической Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества подъ названіемъ «Ежегодникъ библіографіи по археологій и исторіи», который будетъ помѣщать списки статей, выходящихъ въ теченіи года въ разныхъ периодическихъ изданіяхъ по археологій и исторіи, будетъ давать обзоры книгъ и сочиненій историческаго и археологическаго содержанія на русскомъ и иностранномъ языкахъ, а также рецензіи на всѣ важнѣйшія сочиненія по археологій и исторіи. Средства на это изданіе даются Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Оповѣщая объ этомъ членовъ Императорскаго Археологическаго Общества, г. Бороздинъ выразилъ пожеланіе выслушать ихъ мнѣніе объ этомъ новомъ начинаніи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Въ обмѣнѣ мнѣній по этому предмету, выразивъ полное сочувствіе новому изданію и пожелавъ ему успѣха, приняли участіе дѣйствительные члены: А. С. Раевскій, М. И. Ростовцевъ. и Я. И. Смирновъ.

III.

М. И. Ростовцевъ сдѣлалъ сообщеніе: «По музеямъ югославянскихъ столицъ» ¹⁾, и въ заключеніе выразилъ пожеланіе объ обмѣнѣ изданіями съ учеными обществами Балканскаго полуострова, принятое единогласно всѣми членами.

---

¹⁾ См. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1911, № 6: М. И. Ростовцевъ, По музеямъ южно-славянскихъ столицъ.

8-го октября.

Присутствовали: дѣйствительные члены: В. Т. Георгіевскій, А. А. Дмитріевскій, Н. Е. Макаренко, А. Е. Прѣсняковъ, Кн. П. А. Путятинъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Б. В. Фармаковскій; члены-сотрудники: И. А. Абрамовъ, О. К. Волковъ, П. Л. Гусевъ, В. И. Каменскій, А. С. Раевскій; гости: А. Артузи, А. С. Лебедевъ, Н. Л. Окуневъ и А. В. Тищенко.

I.

Предсѣдатель Отдѣленія Я. И. Смирновъ доложилъ о потерѣ, которую понесло Археологическое Общество и отечественная наука въ лицѣ скончавшихся дѣйствительнаго члена Общества Д. Я. Самоквасова и извѣстнаго историка В. О. Ключевскаго. Собраніе почтило память усопшихъ вставаніемъ.

II.

Прочитанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

III.

Предсѣдатель Отдѣленія Я. И. Смирновъ доложилъ о выходѣ въ свѣтъ изслѣдованія дѣйствительнаго члена Н. П. Лихачева: «Историческое значеніе итало-критской иконописи. Изображеніе Богоматери въ произведеніяхъ итало-греческихъ иконописцевъ и ихъ вліяніе на композицію нѣкоторыхъ прославленныхъ русскихъ иконъ». Изслѣдованіе, роскошное и цѣнное, напечатано Русскимъ Отдѣленіемъ, которое истоцило на это всѣ свои средства. Въ виду того, что изслѣдованіе, глубоко и разносторонне разрабатывая вопросъ, выходитъ изъ предѣловъ русской археологіи, не найдено ли будетъ справедливымъ обратиться въ Совѣтъ Общества съ просьбой пособить Русскому Отдѣленію изъ средствъ другихъ Отдѣленій, возмѣстивъ понесенные крупные расходы.

Предложеніе это единогласно принято.

Предсѣдателемъ Отдѣленія Я. И. Смирновымъ доложено о предстоящемъ юбилеѣ Общества Россійской Словесности. — Постановлено привѣтствовать это Общество въ день юбилея.

IV.

Дѣйств. членъ А. А. Спицынъ сдѣлалъ докладъ, посвященный памяти Д. Я. Самоквасова и оцѣнкѣ его дѣятельности, какъ выдающагося русскаго археолога.

Дѣйствительные члены Кн. П. А. Путятинъ и А. С. Раевскій присоединяясь къ мнѣніямъ, выраженнымъ референтомъ, отмѣтили въ лицѣ скончавшагося Д. Я. Самоквасова отличнаго руководителя археологическими работами, который своимъ примѣромъ всегда увлекалъ другихъ.

V.

Дѣйствительный членъ А. А. Дмитріевскій сдѣлалъ докладъ о скончавшемся въ сентябрѣ сего года бібліотекарѣ св. Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ схимонахѣ о Матвѣѣ¹⁾, этомъ русскомъ крестьянинѣ самородкѣ-ученомъ, который самоучкой изучилъ древне-греческій, ново-греческій, французскій и нѣмецкій языки, всю жизнь собиралъ цѣнныя древне-греческія и славянскія рукописи на Аѳонѣ и составилъ весьма цѣнное ихъ собраніе, оказывая помощь и всѣмъ занимавшимся ученымъ на Аѳонѣ.

VI.

Въ виду поздняго времени, назначенный на это засѣданіе докладъ дѣйствительнаго члена Д. В. Айналова отложенъ до слѣдующаго собранія.

17-го октября.

Присутствовали: дѣйствительные члены: Д. В. Айналовъ, В. Н. Бенешевичъ, В. Т. Георгіевскій, А. А. Дмитріевскій, В. М. Иверсенъ, Х. М. Лопаревъ, Н. Е. Макаренко, Н. Я. Марръ, В. К. Мясоѣдовъ, Кн. П. А. Путятинъ, М. А. Полиевктовъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, А. И. Соболевскій, К. В.

---

¹⁾ См. Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Томъ XXIII. 1912. Вып. 1, стр. 122—141: А. Дмитріевскій. Русскій самородокъ на св. Аѳонской горѣ. Незабвенной памяти схимонаха Матвея, бібліотекаря русскаго Пантелеймоновскаго монастыря (съ портретомъ).

Хилинскій; члены-сотрудники: О. К. Волковъ, Э. А. Вольтеръ, П. Л. Гусевъ, А. С. Раевскій; гости: А. Артузи, И. А. Карабиновъ, Д. Лучинскій и С. Широкогоровъ.

I.

Читавъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Дѣйствительный членъ Д. В. Айналовъ сдѣлалъ докладъ о миниатюрахъ XIV в. житія Бориса и Глѣба ¹⁾.

III.

Дѣйствительный членъ А. А. Дмитриевскій сдѣлалъ докладъ о XV Археологическомъ Сѣздѣ въ Новгородѣ и наиболѣе выдающихся работахъ на сѣздѣ, объ археологической выставкѣ и о результатахъ Сѣзда.

IV.

Дѣйствительный членъ А. А. Спицынъ доложилъ о вопросахъ по первобытной археологiи, разработывавшихся на Новгородскомъ Археологическомъ Сѣздѣ.

12-го ноября.

Присутствовали: дѣйствительные члены Общества: М. Г. Деммени, А. А. Дмитриевскій, М. В. Красовскій, Н. Я. Марръ, В. К. Мясоѣдовъ, кн. П. А. Путятинъ, Я. И. Смирновъ и А. В. Щусевъ; члены-сотрудники: П. Л. Гусевъ и А. А. Мироновъ; гости: J. Ebersolt, Д. Л. Лучинскій, Л. А. Мацулевичъ, Г. I. Михаловскій, Н. Л. Окуневъ, Н. П. Сычевъ и А. С. Гамановъ-Чураевъ.

---

¹⁾ См. Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императ. Академіи Наукъ. XV. 1910, кн. 3, стр. 1—128, рис. 1—41: Д. Айналовъ, Очерки и замѣтки по исторiи древне-русскаго искусства. IV. Миниатюры сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ Сильвестровскаго сборника.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго собранія.

II.

Предсѣдателемъ доложено отношеніе Опочеккой уѣздной земской управы отъ 1 ноября 1911 г., присланное на имя Совѣта Общества и переданное г. Секретаремъ на заключеніе Русскаго Отдѣленія, съ запросомъ, не имѣется-ли въ распоряженіи Совѣта Общества матеріаловъ по вопросу, который изъ двухъ годовъ (1412 и 1414), указываемыхъ какъ время основанія города Опочки, долженъ быть признаваемъ болѣе достовѣрнымъ.

Въ виду того, что срокомъ отвѣта указывалось 10 ноября, предсѣдатель по справкѣ съ Псковскими лѣтописями отвѣтилъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ лишь спеціалистомъ по русскому лѣтописанію и указалъ Управѣ, какъ на такового, на академика А. А. Шахматова.

Разночтеніе «въ лѣто 6920, и. н. д. 5» вмѣсто 6922 г. является въ одномъ лишь спискѣ (Архивскомъ XIX), но, такъ какъ съ одной стороны въ спискѣ въ этомъ разниця въ показаніи годовъ на два года назадъ идетъ и въ сосѣднихъ годахъ (вмѣсто 6921—6933 гг. 6919—6929 г., см. П. С. Р. Л. т. IV, стр. 202 сл.), а съ другой стороны, по мнѣнію Ив. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. ч. ССХХІХ, стр. 222), извѣстія съ 6919 по 6929 «записаны другимъ лицомъ, чѣмъ въ предъидущіе годы», то и показаніе объ основаніи Опочки въ 6920 г., а не 6922 г., не можетъ считаться просто опискою или ошибкою, а должно быть провѣрено путемъ особаго изслѣдованія всего указаннаго разногласія въ его цѣломъ.

III.

Доложено отношеніе Новгородской городской управы отъ 8 ноября 1911 г. на имя Общества съ вопросомъ, не въ Обществѣ-ли находится подлинный Высочайше утвержденный въ 1834 г. планъ Новгорода съ подробной описью и журналомъ съемки.

По справкѣ въ «Исторіи Общества» искомымъ Новгородскою городской управою документовъ въ Общество не поступало, а потому постановлено отвѣтить указаніемъ на архивы бывшаго Главнаго Упра-

вленія Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій и Техническо-Строительнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

IV.

Доложено отношеніе Правленія С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ отъ 11 ноября 1911 г. съ просьбою дать заключеніе, представляютъ-ли въ археологическомъ отношеніи какой-либо интересъ находящіяся въ г. Иркутскѣ руины каменнаго порохового погреба, фотографія котораго приложена къ отношенію.

Постановлено отвѣтить, что, хотя объ археологическомъ значеніи развалинъ XVIII в. говорить и нельзя, но что Отдѣленіе всецѣло присоединяется къ состоявшемуся постановленію Императорской Археологической Коммиссіи о желательности сохраненія означенной постройки.

V.

Проф. А. А. Дмитріевскій прочелъ докладъ: «О кратирахъ Новгородской Софійской ризницы». Указавъ на обнаружившееся въ Новгородскомъ Археологическомъ съѣздѣ разногласіе по вопросу о времени и назначеніи двухъ большихъ парныхъ сосудовъ, которые доселѣ обычно относимы были къ XV в., но теперь передвигаются многими во времена значительно болѣе древнія, докладчикъ остановился на вопросѣ о литургическомъ ихъ назначеніи. Не считая возможнымъ, по формѣ и величинѣ ихъ, признать ихъ нотирами и принимая во вниманіе находящуюся на нихъ подпись «пійте отъ нея вси» и т. д., явно указывающую на то, что сосуды эти назначались, однако, для приобщенія, проф. А. А. Дмитріевскій указалъ на изданный проф. Голубцевымъ чинъ приобщенія Богоявленскою водою и на другіе литургическіе памятники, свидѣтельствующіе о высококомъ почтеніи, воздаваемомъ на Руси съ XV до второй половины XVII в. освященной въ день Богоявленія водѣ, которую по святости приравнивали Св. Дарамъ. Въ одномъ изъ приведенныхъ текстовъ прямо говорится о двухъ кратирахъ, изъ которыхъ въ Новгородѣ приобщали въ день Богоявленія святою водою и которые несомнѣнно были тождественны съ хранящимися нынѣ въ Софійской ризницѣ. Такъ какъ самый чинъ на Востокѣ вовсе не извѣстенъ, а на Руси возникъ первоначально въ XIV в., или самое раннее въ XIV в., въ Москвѣ, откуда пришелъ и въ Новгородъ, то и оба кратира, вполне соотвѣтствующіе описываемымъ въ «Чиновникахъ» обрядамъ, должны

были явиться также не ранѣ XV или даже XVI вѣка, хотя вопросъ о времени ихъ и осложняется утвержденіями палеографовъ о бѣльшей древности находящихся на нихъ надписей, но послѣдніа могли бы быть и подражаніемъ лишь древнимъ оригиналамъ, и реальное назначеніе кратировъ для Богоявленской воды должно быть, по мнѣнію докладчика, поставлено при сужденіи объ нихъ на первое мѣсто.

Въ возникшей по поводу сообщенія этого бесѣды указаніе докладчика на примѣненіе кратировъ къ Богоявленскому чину причащенія святою водою привѣтствуемо было, какъ цѣнное для исторіи сосудовъ открытіе, но время изготовленія самихъ кратировъ большинству изъ высказавшихся казалось болѣе древнимъ, чѣмъ предлагаемое докладчикомъ, причемъ В. К. Мясоѣдовъ указывалъ на возможность отождествленія упоминаемаго въ надписяхъ Петрилы съ посадникомъ второй четверти XII в. и на зависимость одного сосуда отъ другого, какъ копіи, однако очень близкой по времени ея изготовленія къ оригиналу.

VI.

Л. А. Мацулевичъ сдѣлалъ докладъ на тему: «Къ вопросу объ архитектурѣ Волоатовской церкви близъ Новгорода».

ПО П Р А В К И.

Къ статьѣ М. В. Едемскаго „О старыхъ торговыхъ путяхъ на Сѣверѣ“ авторомъ предлагаются слѣдующія поправки:

На стр. 48, къ примѣчанію 2-му, вначалѣ, передъ словами „В. С. Своеземцевъ“ ..., сдѣлать вставку:

Богословская церковь стоитъ на правомъ берегу р. Ваги, верстахъ въ 25 (по прямому направленію) ниже города Шенкурска, между устьями впадающихъ съ правой же стороны двухъ рѣчекъ, носящихъ названія Большой Пинежки (верхней, вытекающ. изъ Пинежскаго озера) и Малой (нижней) Пинежки. [См. большую, десятиверстн., карту Россіи. Изд. Генеральнаго Штаба 1895 г.]

На стр. 50, снизу 17 строка, вм. *погостъ*, надо читать: *приходъ*.

На стр. 58, въ 7 строкъ снизу, вм. словъ: *Воскресенскомъ на р. Вагъ*, должно быть: *Благовъщенскомъ*.

На стр. 59, строка 7 и 8 сверху, вм. *Воскресенскомъ на р. Вагъ*, при впадѣніи въ нее р. Устьи, должно быть: *Благовъщенскомъ на р. Устьѣ*, близъ ея впаденія въ р. Вагу.

Въ самомъ концѣ примѣчанія къ 59 стр. добавить: *(133 лавки, 55 избъ для прѣзжихъ, 46 амбаровъ для склада товаровъ)*.

На стр. 62, въ 14 строкъ снизу, вм. *Воскресенскому, д. 6.: Благовъщенскому*.

3/10/11

A. 5924
7 тт.

Цѣна 2 руб.

Princeton University Library

32101 074201045

